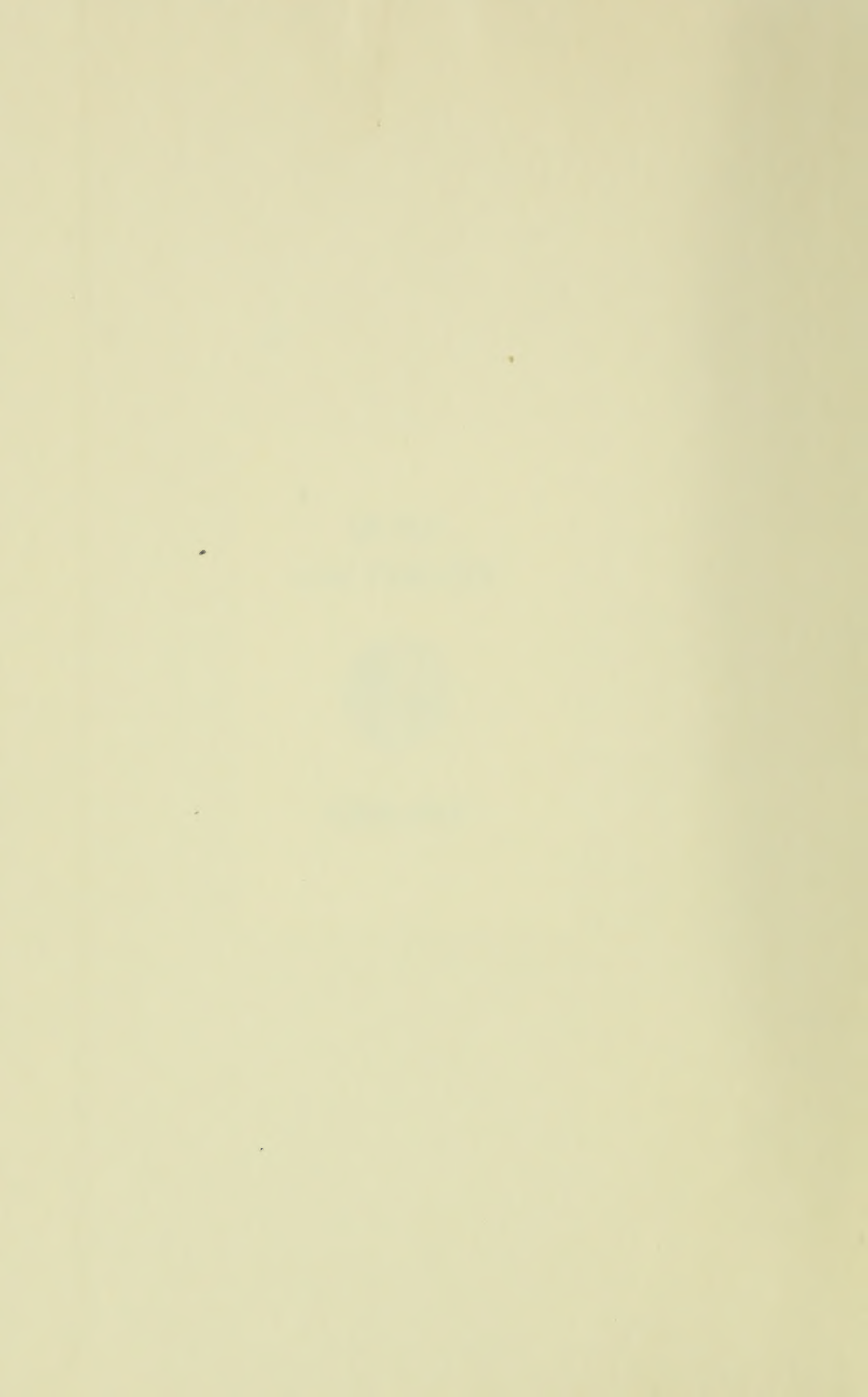
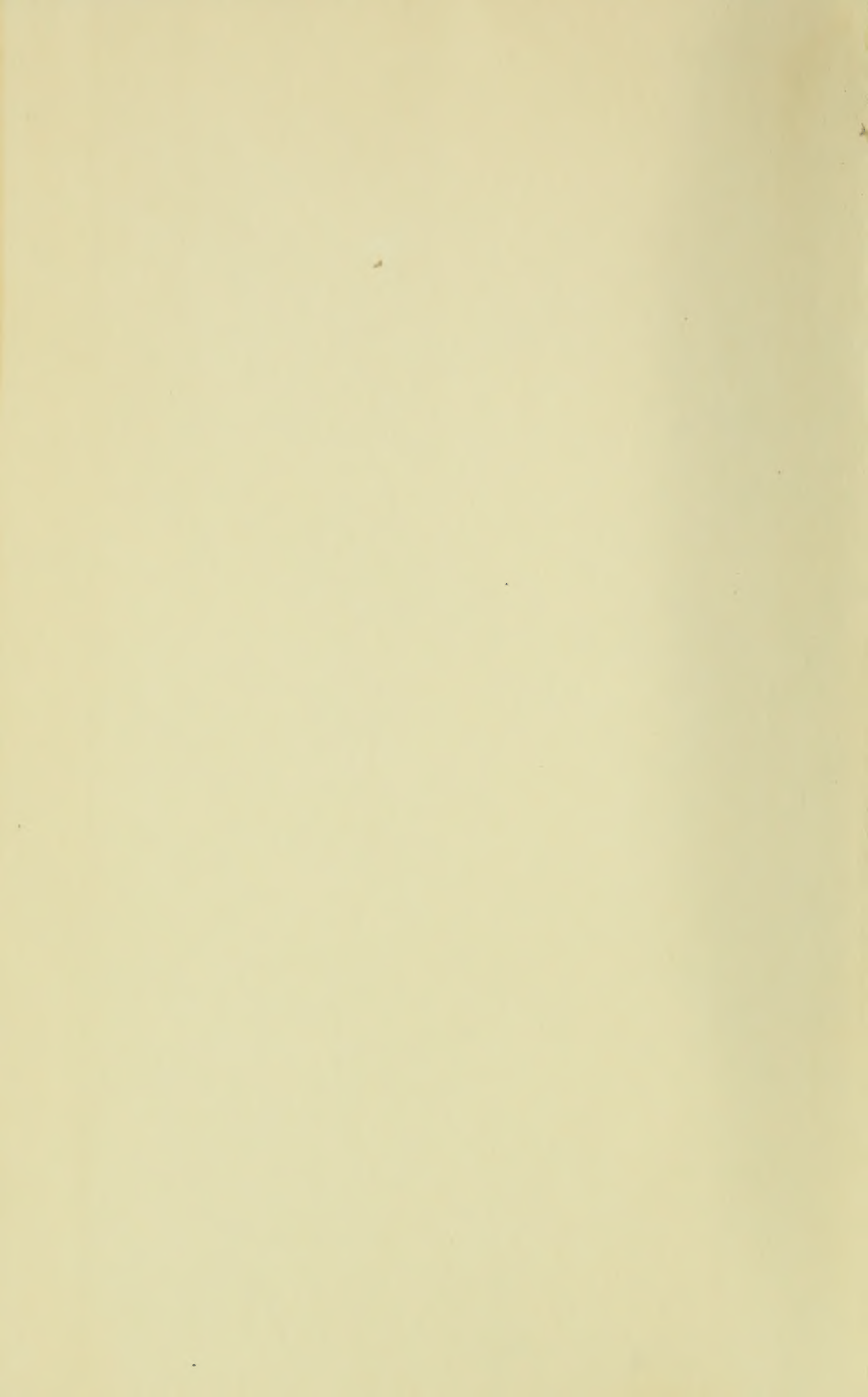

Petukhov, Evgenii Viacheslavovich

Е. В. Пѣтуховъ,

профессоръ императорскаго юрьевскаго университета

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ ДРЕВНЯГО И НОВАГО ПЕРІОДА

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ

I. ВВЕДЕНІЕ. — II. ДРЕВНѢЙШАЯ ЭПОХА. — III. СРЕДНІЕ ВѢКА. — IV. ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ, ПРОСМОТРѢННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Это сочиненіе въ I изданіи удостоено Императорской Академіей Наукъ большой преміи имени графа Д. А. Толстого

ПЕТРОГРАДЪ
1916

Петроградъ, дозволено военной цензурой 19 апрѣля 1916 г.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

Отъ автора.

Въ предисловіи къ первому изданію предлагаемой книги (12. I. 1911) я писалъ: «Настоящее сочиненіе имѣетъ своей цѣлью охватить, въ сжатомъ историческомъ обзорѣ, главнѣйшія явленія русской литературы съ начала нашей письменности до установленія художественнаго реализма въ лицѣ Гоголя. Оно расчитано на два тома, изъ которыхъ первый, обнимающій собою древній періодъ, предлагается теперь вниманію читателей. Въ основу этого труда положены университетскія лекціи автора, чѣмъ объясняется самый планъ книги и характеръ изложенія: главная забота автора заключалась не въ томъ, чтобы внести въ сочиненіе возможную полноту, а, наоборотъ, въ томъ, чтобы изъ массы имѣющагося на лицо литературнаго матеріала выдѣлить наиболѣе самостоятельное по происхожденію и самое существенное въ интересахъ историческаго изученія нашей литературной мысли. Сознаніе трудности этой послѣдней задачи постоянно сопровождало автора въ его работѣ, происходившей въ такой области, гдѣ еще многое не установлено и представляется условнымъ какъ въ общихъ положеніяхъ, такъ и въ частностяхъ: пусть это обстоятельство послужитъ нѣкоторымъ извиненіемъ ея недостатковъ». Выпуская теперь третье изданіе, я ввелъ въ разныя мѣста книги нѣкоторыя дополненія и пополнилъ библіографическій аппаратъ указаніями на старую и въ особенности на новую научную литературу, появившуюся послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія въ 1912 году. Прибавлю, что книгу свою предназначаю я главнымъ образомъ университетскому юношеству, какъ пособіе къ лекціямъ, и кругу тѣхъ

читателей, которые могли бы посмотрѣть на нее какъ на пособіе къ самообразованію. Я не ставилъ передъ собою задачъ монографическаго изслѣдованія и не стремился къ особой оригинальности сужденій, воздерживаясь отъ гипотезъ или слишкомъ широкихъ обобщеній, если къ этому меня не уполномочивали факты и достаточная научная ихъ разработка.

Какъ можетъ видѣть читатель, я поставилъ себѣ цѣлію изложеніе только книжной словесности, совершенно оставивъ въ сторонѣ такъ называемую народную, вѣрнѣе—устную, словесность. Примѣняемые въ настоящее время методы изученія этой послѣдней, характеръ заключающагося въ ней матеріала и основныя задачи ея научной разработки дѣлають невозможнымъ ставить устную словесность въ рамки особаго отдѣла, хронологически предшествующаго литературѣ. Устная словесность должна быть предметомъ особаго, самостоятельнаго изложенія; я же касался ея элементовъ попутно, случайно и лишь постольку, поскольку къ этому подавали поводъ памятники словесности книжной: «вся жизнь древней Руси была проникнута поэзіей», по выраженію Ѳ. И. Буслаева, но лишь весьма немногое изъ этой поэзіи нашло себѣ выраженіе въ памятникахъ литературы.

Придавая большое значеніе въ книгѣ, подобной настоящему сочиненію, библіографическимъ указаніямъ, я, однако, не далъ имъ особаго мѣста въ своемъ изложеніи. Я полагалъ, съ одной стороны, что лучшимъ источникомъ библіографическихъ справокъ для всякаго ихъ ищущаго является живая личность спеціалиста-профессора или библіографическія сочиненія, а съ другой, мнѣ думалось, что для средняго уровня научной пытливости будутъ вполнѣ достаточны и тѣ подстрочныя библіографическія указанія, которыми я старался, именно съ этой цѣлію и въ интересахъ документальности, сопровождать свое изложеніе.

1. V. 1916.

Вводныя замѣтки [1].

Историческій методъ изложенія.—Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды.—Особенности изученія древняго періода.—Выборъ матеріала; его изученіе и оцѣнка.—Основы русской литературы: духовная организація народа, его языкъ; древнѣйшія извѣстія о русскомъ языкѣ; природныя условія жизни русскаго народа; историческая обстановка.—Византія и ея отношенія къ древней Руси; принятіе христіанства и его вліяніе на складъ русской жизни.—Византійское вліяніе на русскую литературу.—Вліяніе Запада.—Оцѣнка того и другого вліянія въ русской ученой литературѣ.—Литературное посредничество славянъ южныхъ и западныхъ.—Древне-русское просвѣщеніе; черты древне-русскаго книжника; списываніе книгъ и авторство.

1.

Прежде всего нѣсколько словъ о методѣ [2]. Если пользоваться существующими терминами, то я хотѣлъ бы приложить къ своему выбору памятниковъ литературы, ихъ изученію и объясненію методъ историческій, который я понималъ не только въ элементарномъ смыслѣ историческаго порядка, но и въ установленіи связи однихъ литературныхъ явленій съ другими, въ объясненіи литературы фактами и запросами русской жизни

[1]) Здѣсь я не имѣю въ виду дать читателю въ собственномъ смыслѣ «введенія въ исторію русской литературы», которое, по важности и разнообразію входящихъ въ него вопросовъ, могло бы служить предметомъ самостоятельнаго сочиненія. Я хотѣлъ бы остановиться вкратцѣ лишь на нѣкоторыхъ вопросахъ съ тою цѣлію, чтобы, съ одной стороны, выяснить мою точку зрѣнія на дѣло, а съ другой—представить кое-какія свѣдѣнія и соображенія о такихъ предметахъ, которые примыкаютъ къ главному содержанію дальнѣйшаго изложенія и не могутъ найти себѣ въ послѣднемъ самостоятельнаго мѣста.

[2]) Общія разсужденія объ историко-литературномъ методѣ изученія можно найти въ сочиненіяхъ: H. Paul. Grundriss der germanischen Philologie. 2 Aufl. 1 Band. Strassburg. 1901. III Abschnitt. Methodenlehre. 6. Literaturgeschichte. S. 223—247; G. Lanson. La méthode de l'histoire littéraire, въ Revue du Mois 1910 (русскій переводъ: Г. Лансонъ. Методъ въ исторіи литературы. Съ послѣсловіемъ М. Гер-

и общимъ ходомъ того литературно-историческаго процесса, который сближалъ русскую литературу съ литературной жизнью другихъ народностей съ ихъ болѣе старымъ и богатымъ литературнымъ развитіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я старался быть по возможности фактичнымъ, выдвигая вездѣ на первый планъ литературныя явленія, знакомя читателя съ ихъ содержаніемъ настолько, чтобы представляемыя мною объясненія и обобщенія, по мѣрѣ возможности, опирались на самые факты и вытекали изъ нихъ съ достаточной ясностью.

Къ сожалѣнію, на этомъ пути предстояли большія затрудненія. Научное изученіе исторіи русской литературы не имѣетъ за собою еще и полнаго столѣтія, при малочисленности работниковъ на этомъ поприщѣ и при слабомъ развитіи научнаго настроенія въ русской жизни вообще. Поэтому, многое изъ литературныхъ явленій остается не изданнымъ, еще большее детально не изученнымъ, и во многихъ случаяхъ поневолѣ приходится лишь ставить вопросы, отказываясь отъ ихъ разрѣшенія.

Одной изъ такихъ трудностей общаго характера является дѣленіе исторіи русской литературы на періоды; безъ опредѣленнаго отношенія къ этому вопросу невозможно было бы и самое изложеніе. Дѣленіе на періоды предполагаетъ извѣстный принципъ, наблюденія общаго характера, выводъ изъ ряда отдѣльныхъ фактовъ и соображеній: такимъ принципомъ съ нашей точки зрѣнія является тотъ переломъ, который переживаетъ русская литература въ первой половинѣ XVIII вѣка. Этотъ переломъ, закрѣпившій собою почти окончательную ликвидацію стараго византійскаго вліянія, въ нѣдрахъ котораго родилась русская литература въ X—XI вѣкѣ, и поворотъ къ новому вліянію, западно-европейскому, свидѣтельствующій о наличности яркаго литературнаго самосознанія и о стремленіи создать самостоятельную литературу, пользуясь усвоенными западно-европейскими формами, отмѣчены великимъ именемъ М. В. Ломоносова и его могучимъ вліяніемъ на послѣдующій ходъ русской литературы. До извѣст-

---

шензона. М. 1911); F. Brunetière. L'évolution des genres dans l'histoire de la littérature. I. Introduction. P. 1890; M. Guyau. L'art au point de vue sociologique. 2 éd. P. 1889 (русскій переводъ: Спб. 1891); P. Lacombe. Introduction à l'histoire littéraire. P. 1898; G. Renard. La méthode scientifique de l'histoire littéraire. P. 1900; B. Ten-Brink. Ueber die Aufgabe der Litteraturgeschichte. Rede. Strassburg. 1891; W. Wetz. Ueber Litteraturgeschichte. Eine Kritik von Ten-Brink's Rede. Worms. 1891; E. Elster. Principien der Litteraturwissenschaft. I. Wien. 1897, II. Halle. 1911; (ср. О. Бургардтъ. Новые горизонты въ области изслѣдованія поэтическаго стиля. Принципы Э. Эльстера. Со вступительнымъ словомъ акад. В. Н. Перетца. Кіевъ. 1915); Н. Карѣевъ. Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. 1886; А. Веселовскій. О методѣ и задачахъ исторіи литературы какъ науки. Ж. М. Н. Пр. 1870, № 11; Н. Дашкевичъ. Постепенное развитіе науки исторіи литературы и современныя ея задачи. Кіевъ. 1877; А. Колмачевскій. Развитіе исторіи литературы какъ науки, ея методы и задачи. Ж. М. Н. Пр. 1884, № 5; В. Плотниковъ. Основные принципы научной теоріи литературы. Воронежъ. 1888; Объ изуче-

ной степени совпадають съ этимъ переломомъ и начала художественности, еще весьма слабыя у Ломоносова и даже его ближайшихъ послѣдователей, но, несомнѣнно, существующія въ сознаніи писателей этой эпохи и постепенно возрастающія потомъ въ дальнѣйшемъ процессѣ русскаго литературнаго развитія. Въ виду этого, мы считаемъ правильнымъ дѣленіе русской литературы на два главныхъ періода—древній и новый, гранью между которыми является дѣятельность Ломоносова, этого истиннаго родоначальника новой русской литературы. Дѣленіе это, конечно, не новое: оно вполнѣ примыкаетъ къ издавна установившемуся взгляду, въ силу котораго начало новой русской литературы совпадало съ самымъ началомъ XVIII вѣка и ставилось въ тѣснѣйшую связь съ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго. Но, стремясь создать и отчасти создавъ «новую Россію», Петръ Великій не успѣлъ создать при себѣ новой литературы, оставивъ это дѣло ближайшему за нимъ поколѣнію и лишь сдѣлавъ къ этому нѣкоторые подготовительные шаги. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны—въ литературныхъ явленіяхъ XVII и даже отчасти XVI вѣка можно усмотрѣть слѣды той работы, которая шла въ исторіи русской жизни какъ бы навстрѣчу Петровской реформѣ и, при ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣлаетъ ее процессомъ далеко не внезапнымъ и органически связаннымъ съ предшествующимъ временемъ; въ виду этого, многія явленія литературы названныхъ столѣтій по своему историческому смыслу должны быть пріобщены къ эпохѣ преобразованій, являясь связующимъ звеномъ между древнимъ періодомъ литературы и началомъ новаго. Съ другой стороны—и первыя десятилѣтія XVIII вѣка, не только при жизни Петра, но и послѣ него, обнаруживаютъ такія литературныя явленія, которыя не могутъ быть, въ полномъ смыслѣ слова, включены въ составъ «новой» литературы. Въ сочиненіяхъ Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича, Гавріила Бужинскаго, отчасти Тредьяковскаго и самого Кантемира мы наблюдаемъ пеструю смѣсь и борьбу стараго съ но-

---

нии исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности. Воронежъ. 1889; А. Бергъ. О методѣ историко-литературныхъ изслѣдованій. Казань. 1889; В. Шишмаревъ. О научныхъ задачахъ исторіи литературы. «Фил. Зап.». 1889, вып. 1—2; А. Пономаревъ. Литература и методъ ея изученія. Спб. 1890; А. Архангельскій. Исторія литературы какъ наука. Р. Ф. В. 1897, № 3—4, и его же, еще неоконченное печатаніемъ, сочиненіе: Введеніе въ исторію русской литературы. «Уч. Зап. Каз. Унив.» 1908 № 12, 1909 № 1, 2, 1910 № 12, 1911 № 10, 12; М. Розановъ. Современное состояніе вопроса о методахъ изученія литературныхъ произведеній. «Русская Мысль». 1900, № 4; В. Сиповскій. Исторія литературы какъ наука. Спб. 1906; А. Евлаховъ. Введеніе въ философію художественнаго творчества. Опытъ историко-литературной методологіи. I. Варшава. 1910. Спеціально по отношенію къ русской литературѣ имѣютъ большой интересъ сочиненія В. Н. Перетца: Изъ лекцій по методологіи русской литературы. Кіевъ. 1907, 3 изд. 1914, и В. М. Истрина: Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX вѣка. Вып. I. Спб. 1907, а также указанные ниже труды Н. К. Никольскаго и А. И. Соболевскаго.

вымъ вмѣстѣ съ новизной многихъ мыслей и впервые поднятыхъ вопросовъ, съ попытками введенія новыхъ литературныхъ формъ, у нихъ все еще господствуютъ литературные пріемы прежней эпохи, дающіе историку право отнести ихъ къ старому и новому періоду; въ ихъ дѣйствительности замѣчаются тѣ же особенности переходнаго періода, какъ и въ XVII вѣкѣ, хотя реальное содержаніе произведеній этихъ писателей совершенно иное. Такимъ образомъ, XVII вѣкъ и первыя десятилѣтія XVIII должны быть отнесены къ той широкой исторической полосѣ, которая является переходнымъ временемъ въ нашей литературѣ отъ древняго періода къ новому; древній періодъ укладывается въ предѣлы XI—XVI столѣтій.

Независимо отъ этого главнаго дѣленія, можно искать въ предѣлахъ древняго и новаго періодовъ —изъ которыхъ послѣдній завершается Гоголемъ, имѣя своимъ продолженіемъ доходящій до нашихъ дней «новѣйшій» періодъ— болѣе частныя грани для новыхъ дѣленій. Что касается новаго періода, то вопросъ этотъ не представляетъ большихъ затрудненій: послѣдовательная смѣна шедшихъ съ запада литературныхъ вліяній на русскую литературу въ XVIII и первыя десятилѣтія XIX вѣка (ложноклассицизмъ, сантиментализмъ, романтизмъ) въ достаточной степени наглядно опредѣляетъ и періоды нашей литературы, завершившіеся выходомъ ея на дорогу реальнаго отношенія къ дѣйствительности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобожденіемъ отъ непосредственнаго вліянія руководящихъ западно-европейскихъ теченій; послѣдовавшее за Пушкинымъ и Гоголемъ самостоятельное развитіе русскаго литературно-художественнаго творчества ведетъ за собою уже новыя дѣленія, опредѣляемыя въ значительной степени условіями самой русской жизни. Въ древнемъ же періодѣ, хотя литературные факты его менѣе многочисленны и условія ихъ возникновенія и развитія менѣе сложны, вопросъ о болѣе частныхъ дѣленіяхъ вызываетъ существенныя разногласія, и на него до сихъ поръ не имѣется совершенно опредѣленнаго отвѣта.

Еще со времени «Исторіи древней русской словесности» М. Максимовича (Кн. I. К. 1839) и «Опыта исторіи русской литературы» А. Никитенка (Кн. I. Спб. 1845) держится терминъ «до-монгольской» или «до-татарской» литературы въ нашемъ древнемъ періодѣ. Изъ новѣйшихъ историковъ литературы его принимаютъ А. Н. Пыпинъ [1]) и П. В. Владиміровъ [2]). Періодъ этотъ, замыкающійся временемъ съ XI и до половины XIII вѣка, иначе называется «кіевскимъ» періодомъ—въ виду той выдающейся роли, которую игралъ въ это время Кіевъ какъ въ политической, такъ и культурной исторіи древней Руси. Главнымъ основаніемъ къ принятію даннаго подраздѣленія является не столько характеръ самого татарскаго нашествія и совершившихся при немъ органическихъ измѣненій или обозначившихся новыхъ мотивовъ въ русской литературѣ, какъ это склоненъ былъ подчеркивать, напримѣръ, въ свое время О. Ѳ.

---

[1]) Исторія русской литературы. Т. I, изд. 2, стр. 64.

[2]) Древняя русская литература кіевскаго періода (XI—XIII вѣковъ). Кіевъ. 1901 предисловіе, стр. II—III.

Миллеръ [1]), сколько общее направленіе кіевскаго періода литературы и его основныя черты: сравнительное обиліе талантовъ, непосредственность, яркость, разнообразіе и всеобщность, которая въ послѣдующіе вѣка, съ паденіемъ Кіева и дробленіемъ русской политической и культурной жизни по отдѣльнымъ мѣстностямъ, въ значительной степени исчезаетъ, чтобы опять возникнуть уже въ Москвѣ въ XV—XVI вв.

Другихъ болѣе или менѣе прочныхъ граней въ предѣлахъ древняго періода до сихъ поръ не установлено. Послѣ паденія Кіева въ первой половинѣ XIII вѣка единство русскаго культурнаго и литературнаго развитія прерывается; образуются новые культурные центры—Владиміръ, Смоленскъ, Тверь, Новгородъ и друг., въ которыхъ литературная жизнь хотя и не достигаетъ такого напряженія, какъ въ былое время въ Кіевѣ, однако явственно обнаруживается и во многомъ идетъ самостоятельно, вызываемая мѣстными условіями и сообразуясь съ ними. Къ XV вѣку опредѣляется преобладающее значеніе Москвы, какъ центра не только государственнаго, но и культурнаго, съ явной тенденціей къ объединенію въ себѣ русскихъ литературныхъ стремленій. Между тѣмъ Кіевъ, оказавшійся во второй половинѣ XVI вѣка въ новыхъ историческихъ условіяхъ жизни, вмѣстѣ съ другими южно- и западно- русскими городами подпавъ западному вліянію, вырабатываетъ новыя литературныя теченія и запросы, которые потомъ передаются въ Москву и хотя сначала встрѣчаютъ тамъ—главнымъ образомъ на вѣроисповѣдной почвѣ—отпоръ, однако въ концѣ концовъ, въ своихъ литературныхъ элементахъ, принимаются и въ значительной степени усваиваются. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ XVI вѣкѣ обнаруживается рядъ опредѣленныхъ пріобрѣтеній московской литературной жизни: развитіе публицистики, появленіе крупныхъ писателей, вродѣ князя А. М. Курбскаго или Максима Грека, обширные памятники общаго характера, какъ Домострой, Стоглавъ и Макарьевскія Четьи-Минеи. Эти обстоятельства даютъ возможность установить—конечно, въ общихъ чертахъ—вслѣдъ за древнѣйшей или «кіевской» эпохой (XI—XII вв.) такъ назыв. «средніе вѣка» (XIII—XVI) нашей литературы, непосредственно примыкающіе къ переходной эпохѣ XVII и первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка. Т. о., подъ «древнимъ періодомъ» или «древней литературой» мы разумѣемъ въ нашемъ изложеніи «древнѣйшую» эпоху и «средніе вѣка» въ рамкахъ XI—XVI столѣтій. Затѣмъ, внутри установленныхъ этими гранями рамокъ литературный матеріалъ приходится разсматривать отчасти въ произвольномъ порядкѣ, такъ какъ для хронологическаго опредѣленія многихъ явленій литературы древняго періода нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ. Конечно, едва ли возможно примкнуть цѣликомъ къ мысли А. Н. Пыпина [2]) о томъ, что древне-русская литература первыхъ вѣковъ не имѣетъ хронологіи, но трудность, вытекающая изъ теперешняго уровня нашихъ знаній по этому вопросу, очевидна,

---

[1]) Въ университетскихъ лекціяхъ и въ статьѣ: О древней русской литературѣ по отношенію къ татарскому игу. «Древняя и Новая Россія», 1876, № 5.

[2]) И. Р. Л. Т. I, предисловіе, стр. IV—V.

съ ней приходится считаться и ждать дальнѣйшаго проясненія въ этой области отъ будущихъ изслѣдованій отдѣльныхъ памятниковъ по возможно большему количеству ихъ списковъ: тогда могутъ получиться данныя объ ихъ основныхъ редакціяхъ, если памятникъ былъ популяренъ и читался на протяженіи долгаго времени, а эти данныя помогутъ опредѣлить и отдѣльныя стадіи его развитія въ извѣстной, хотя бы приблизительной, хронологической обстановкѣ. Въ настоящее же время, при классификаціи литературныхъ фактовъ, остается съ одной стороны пользоваться тѣми пріобрѣтеніями нашей науки, которыя имѣются уже на лицо по части изслѣдованія времени появленія и дальнѣйшаго развитія отдѣльныхъ памятниковъ древняго періода, а съ другой—гдѣ этихъ данныхъ не достаточно—приходится располагать памятники, въ извѣстныхъ хронологическихъ граняхъ, уже по «родамъ», напр. житія, поученія, путешествія, историческія сказанія и т. д., а въ позднѣйшіе вѣка—по отдѣльнымъ писателямъ или крупнымъ коллективнымъ произведеніямъ вродѣ Стоглава, Домостроя и т. п.

Итакъ, планъ нашего изложенія будетъ таковъ:

1. Древнѣйшая эпоха XI—XII вв., сосредоточивающая въ себѣ развитіе обще-русской литературы въ Кіевѣ до его политическаго паденія.

2. Средніе вѣка въ предѣлахъ XIII—XVI столѣтій. Тутъ нужно остановиться сначала на литературныхъ явленіяхъ XIII и XIV вв., возникшихъ въ разныхъ мѣстныхъ центрахъ на основѣ старыхъ традицій кіевской эпохи, а затѣмъ и на такихъ явленіяхъ этой же поры, которыя возникли въ извѣстной степени подъ вліяніемъ мѣстныхъ, спеціальныхъ особенностей и настроеній. Естественнымъ продолженіемъ послѣдней категоріи является обще-русская литература XV и XVI вв., сосредоточившаяся преимущественно въ Москвѣ.

3. Наконецъ, придется обратиться къ переходной эпохѣ (XVII—XVIII вѣка), при чемъ сначала должны будутъ занять наше вниманіе литературныя явленія Юго-Западной Руси XVI—XVII вв., потомъ литература Московской Руси XVII в. и далѣе въ тѣсномъ смыслѣ «Петровская эпоха» съ ея продолженіемъ въ XVIII вѣкѣ вплоть до Ломоносова [1]).

---

[1]) Намѣченная тутъ схема дѣленія русской литературы на періоды, особенно въ болѣе мелкихъ частяхъ, не является, какъ можетъ замѣтить читатель, въ нашей наукѣ вполнѣ традиціонной. Для ознакомленія съ другими мнѣніями по этому вопросу могу указать на слѣдующіе труды: Н. С. Тихонравова «Вступительная лекція въ Московскомъ Университетѣ 15 сентября 1859 года» и «Задачи исторіи литературы и методы ея изученія» (Соч., I и II); М. Н. Сперанскаго «Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды и вліяніе русской литературы на юго-славянскую» («Р. Ф. В.» 1896, № 3—4); В. М. Истрина «Введеніе въ исторію русской литературы второй половины XVII вѣка». Одесса. 1903.—Въ частности по вопросу о «кіевскомъ» періодѣ весьма интересны замѣчанія акад. Истрина въ «Ж. М. Н. Пр.» 1902, № 3 (по поводу книги проф. Владимірова: Древняя русская литература. 1901) и въ «Ж. М. Н. Пр.» 1905, № 8, стр. 247—251, 265—266 (противъ сужденій д-ра И. Франка о малорусской литературѣ) и А. И. Соболевскаго въ «Ж. М. Н. Пр.» 1906, № 6.

Изученіе древняго періода русской литературы имѣетъ свои особенности и свои спеціальныя трудности. По вопросу о возможности вообще научнаго изложенія древней русской литературы мы имѣемъ до крайности противоположныя сужденія: если еще въ 40-хъ годахъ XIX в., когда только что началось систематическое изученіе русской литературы древняго періода по памятникамъ, С. П. Шевыревъ съ большой легкостью начертывалъ картины русской литературной жизни XI—XVI вв., то одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей въ этой области, Н. К. Никольскій, при несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ по части подготовительной научной работы, приходитъ къ такому сужденію: «Если отнестись внимательно къ фактамъ, изъ коихъ исходятъ выводы относительно литературы древняго періода, то шаткость ихъ обнаруживается при самомъ поверхностномъ просмотрѣ неизученныхъ списковъ... Для составленія научной исторіи древне-русской литературы не наступило еще время. Научное право на существованіе принадлежитъ пока церковно-историческому изученію духовно-учительной книжности въ ея происхожденіи, составѣ и генеалогіи отдѣльныхъ списковъ и произведеній» [1]). Крайности того и другого взгляда находятъ себѣ, по нашему мнѣнію, извѣстное примиреніе во взглядѣ А. И. Соболевскаго: «Научная исторія литературы Московской Руси XVI и XVII вѣковъ (съ Петровскою эпохою), по нашему мнѣнію, возможна. Правда, не все, имѣющее значеніе, издано; историку необходимо работать (и много работать) по рукописямъ. Научная исторія литературы Юго-Западной Руси XVII вѣка также возможна. Конечно, и здѣсь историку придется пользоваться и рукописями, и рѣдкими старопечатными изданіями. Иное дѣло—научная исторія литературы до-монгольской Руси, Сѣверо-Восточной Руси XIII—XV столѣтій, Юго-Западной Руси XIII—XVI столѣтій. Здѣсь историкъ не имѣетъ подъ ногами почвы: онъ не знаетъ, о чемъ говорить» [2]). Присоединяясь къ этому мнѣнію въ общемъ, мы однако же думаемъ, что тамъ, гдѣ невозможна исчерпывающая «исторія литературы», изъ которой потомъ ничего бы не приходилось брать обратно или которую не оказалось бы нужнымъ дополнять или измѣнять, возможно и полезно осторожное историческое обозрѣніе литературныхъ фактовъ, ихъ выборъ и объясненіе по мѣрѣ имѣющихся матеріаловъ и на основѣ реальной исторической критики.

Дѣйствительно, прежде всего затруднителенъ выборъ историко-литературнаго матеріала, производимый съ точки зрѣнія по возможности точнаго сужденія о томъ, что собственно должно входить въ область историко-литературнаго изученія. При рѣшеніи этого вопроса должны быть принимаемы въ соображеніе историческія условія культурной жизни народа и вообще реальная обстановка его литературнаго развитія: выведенная теоретически и отвлеченно, общая формула о сущности литературнаго произведенія можетъ оказаться совершенно не примѣнимой на практикѣ. Эта формула по отношенію къ русской литературѣ могла бы быть такова:

[1]) Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности. Спб. 1902, стр. 31, 32.

[2]) Нѣсколько мыслей о древней русской литературѣ. Спб. 1903, стр. 18—19.

въ кругъ историко-литературнаго изученія должны входить такія произведенія русскаго слова, которыя заключаютъ въ себѣ общій историко-культурный интересъ и облечены въ извѣстную литературную форму. Но, прежде всего, нужно рѣшить, что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ историко-культурнаго интереса. Одинаково ли содержаніе этого понятія для разныхъ эпохъ русской литературы? Степень историко-культурнаго интереса того или иного произведенія опредѣляется не только собственно литературными качествами послѣдняго, но и общей совокупностью нашихъ представленій о данной эпохѣ и отношеніемъ къ ней разбираемаго произведенія. Отсюда проистекаетъ то, что данное произведеніе или даже цѣлый кругъ однородныхъ литературныхъ произведеній, цѣнный въ историко-культурномъ смыслѣ для извѣстной эпохи, позднѣе, при обогащеніи духовной жизни народа и при большей сложности его литературнаго развитія, уже теряетъ значительную степень этой цѣнности, дѣлается болѣе спеціальнымъ и, такимъ образомъ, выходитъ изъ сферы литературнаго интереса новой эпохи: поэтому, то, что въ наше время составляетъ, напр., удѣлъ исторіи церкви, права и т. п., въ болѣе отдаленную эпоху имѣло общій культурный интересъ, болѣе широкое значеніе и вліяніе. Для настоящаго времени никто не внесетъ въ кругъ собственно литературныхъ явленій церковную проповѣдь или какое-нибудь описаніе путешествія въ Святую Землю, но для ранней поры нашей письменности такія произведенія имѣли совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ теперь, замѣняя нашимъ предкамъ романъ, повѣсть или публицистическій трактатъ. Далѣе—литературная форма. Подъ вліяніемъ иноземныхъ литературныхъ теченій и развитія вкусовъ, формы такъ же мѣняются, какъ и степень историко-культурнаго интереса даннаго произведенія. Въ первыя десятилѣтія XVIII в., т.-е. какъ разъ въ концѣ переходнаго періода отъ «древней» литературы къ «новой», на русскую почву были пересажены—пока теоретически—разнообразныя литературныя формы западно-европейскаго ложноклассицизма, или—правильнѣе было бы сказать—новоклассицизма, но если примѣнить ихъ къ древнему періоду, то отъ него останется очень мало литературнаго содержанія. Поэтому, для древняго періода онѣ будутъ другія: это—поученія, житія святыхъ, посланія къ разнымъ лицамъ, лѣтопись и т. д. По этимъ приблизительно рубрикамъ намъ и придется вести изложеніе литературныхъ явленій «древнѣйшей» эпохи. Что же касается «среднихъ вѣковъ», то хотя эти формы въ нихъ, благодаря силѣ литературной традиціи, удерживаются, однако изложеніе можетъ располагать и другими путями, явившимися результатомъ болѣе широкаго развитія литературы, появленія новыхъ вліяній извнѣ, большей связи литературы съ жизнью, извѣстныхъ политическихъ или общественныхъ тенденцій и другихъ причинъ; впрочемъ, общій характеръ назидательности съ большой послѣдовательностью, несмотря на измѣнчивость литературныхъ формъ, удерживается въ теченіе всего древняго періода.

За выборомъ матеріала должно слѣдовать его изученіе и историко-литературная оцѣнка, которыя также въ древнемъ періодѣ нашей литературы имѣютъ свои особенности. Исторія литературы имѣетъ дѣло глав-

нымъ образомъ съ продуктами оригинальнаго творчества, хотя и переводные памятники далеко не лишены своего значенія, указывая на характеръ литературныхъ запросовъ данной эпохи, степень просвѣщенія, состояніе литературнаго языка. Въ древнемъ періодѣ, особенно въ первые вѣка нашей письменности, когда имя автора даннаго произведенія далеко не всегда извѣстно, иногда бываетъ весьма трудно, а порою и невозможно, опредѣлить оригинальное или переводное происхожденіе даннаго памятника; особенно это касается мелкихъ произведеній, вродѣ церковныхъ поученій и разнаго рода назидательныхъ или повѣствовательныхъ статей. Если нѣтъ опредѣленныхъ фактическихъ указаній въ самомъ содержаніи произведенія, то—при его анонимности—почти нѣтъ возможности установить сколько-нибудь надежный критерій для отличія оригинальнаго памятника отъ переводнаго; особенно это касается древнѣйшей эпохи, когда близость и зависимость русскаго міровоззрѣнія отъ византійскихъ традицій стирали малѣйшіе слѣды оригинальности русскаго автора, если только онъ не обладалъ выдающимся дарованіемъ; точно также и по языку не всегда легко судить объ оригинальности памятника. Наконецъ, много мѣшаютъ этому и древне-русскіе литературные «псевдонимы», которые вытекали изъ слабости литературнаго сознанія и о которыхъ ниже сказано будетъ особо. Изученіе литературнаго произведенія самого по себѣ, когда уже вопросъ объ его оригинальномъ происхожденіи рѣшенъ такъ или иначе въ положительномъ смыслѣ, представляетъ для древняго періода также своеобразныя трудности. Именно, далеко не всегда возможно установленіе первоначальнаго текста—даже при наличности имени автора и точномъ опредѣленіи времени происхожденія памятника. Автографическіе тексты представляютъ для древняго періода большую рѣдкость и могутъ быть установлены относительно нѣкоторыхъ авторовъ лишь въ XVII вѣкѣ; поэтому, приходится довольствоваться копіями. Если произведеніе много читалось и вообще пользовалось распространеніемъ, то такихъ копій имѣется обыкновенно значительное количество, и вотъ тутъ-то для историка возникаетъ большая трудность. Съ одной стороны, копіи ухудшали оригиналъ вслѣдствіе неизбѣжныхъ при перепискѣ ошибокъ; съ другой стороны, переписчики нерѣдко относились съ большой свободой къ переписываемому тексту и, такъ сказать, усваивая его себѣ, измѣняли, сокращали и дополняли. Въ результатѣ, на протяженіи извѣстнаго времени—то нѣсколькихъ десятилѣтій, то даже столѣтій—получается рядъ списковъ, изъ которыхъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, можно выдѣлить группы съ однороднымъ составомъ содержанія или литературной обработки: это—«редакціи» даннаго памятника, представляющія иногда весьма цѣнный матеріалъ для изученія судьбы произведенія и исторіи отношенія къ нему читателей. Если памятникъ вызывалъ интересъ къ себѣ въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго времени, то опредѣленіе сравнительной древности редакцій, въ томъ числѣ и первоначальной, представляетъ большія, часто непреодолимыя затрудненія, при чемъ древность списка не всегда можетъ служить гарантіей и древности редакціи. Иногда бываетъ такъ, что древнѣйшая редакція случайно сохранилась

какъ разъ въ болѣе позднемъ спискѣ, тщательно сдѣланномъ съ древняго оригинала, тогда какъ позднѣйшія видоизмѣненія послѣдняго находятъ себѣ мѣсто въ спискахъ болѣе древнихъ, чѣмъ этотъ поздній хранитель старой редакціи. Именно такъ, напр., обстоитъ дѣло съ Житіемъ Бориса и Глѣба, приписываемымъ черноризцу Іакову, редакція котораго по заключенію И. И. Срезневскаго въ спискѣ XVII вѣка древнѣе редакціи этого памятника въ Сильвестровскомъ Сборникѣ XIV вѣка; то же, повидимому, обнаруживается при изученіи Домостроя. Возникновеніе «редакціи» памятника не можетъ быть приписано случайности: это, напротивъ, совершенно опредѣленное отношеніе къ памятнику въ томъ или иномъ смыслѣ, съ той или другой точки зрѣнія, иногда съ рѣзко обозначенной тенденціей, обличающей литературные вкусы редактора или его эпохи, тогда какъ списки, или изводы памятника, входящіе въ ту или иную редакцію, носятъ на себѣ механическій характеръ происхожденія, отличаясь лишь большей или меньшей точностью воспроизведенія и индивидуальными промахами переписчика. Наличность длиннаго ряда «редакцій», свидѣтельствующихъ о приспособленіяхъ даннаго памятника къ тѣмъ или инымъ условіямъ времени и мѣста, можно видѣть, напр., на лѣтописяхъ, такъ наз. Моленіи Даніила Заточника или литературной обработкѣ историческаго сюжета о Куликовской битвѣ. Значеніе редакцій, при внимательномъ ихъ изученіи, нерѣдко далеко переходитъ за предѣлы простого текстуальнаго измѣненія памятника: по нимъ можно представить иногда не только историческую судьбу даннаго произведенія, но и отмѣтить извѣстныя общія литературныя теченія или индивидуальныя авторскія настроенія, отразившіяся, въ разные моменты литературной жизни, на той или иной его обработкѣ.

2.

Основой всякой литературы является духовная организація народа, ее создавшаго, а органомъ ея выраженія—его языкъ.

Что же представляла собою та совокупность духовныхъ особенностей русскаго народа, которая дала начало его литературѣ? Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ легче поставить, нежели дать на него опредѣленный отвѣтъ. Къ предполагаемому моменту возникновенія первыхъ памятниковъ письменности, въ X вѣкѣ, русскій народъ не представляетъ единства въ своемъ этнографическомъ составѣ. Въ основѣ это были славяне, окруженные азіатскими кочевниками, готами, литовцами, финнами и загадочными варягами, принесшими съ собою и самое имя «Руси». Оставляя въ сторонѣ Геродота, который будто бы подъ «скиѳами» разумѣлъ славянъ восточно-европейской равнины, нужно сказать, что и болѣе поздніе изъ иностранныхъ источниковъ, византійцы (съ VI в.) и восточные писатели (съ X в.), даютъ лишь свѣдѣнія внѣшняго характера. Полнѣе представляются свидѣтельства древнѣйшей нашей лѣтописи и другихъ памятниковъ первыхъ вѣковъ нашей письменности, вродѣ поученій, житій и т. п., но это какъ разъ—такой источникъ, который самъ нуждается въ освѣ-

щеніи и объясненій искомыми данными. Другой источникъ, сравнительное языковѣдѣніе, даетъ также слишкомъ общія и неопредѣленныя указанія «о культурномъ типѣ» славяно-русскаго племени: выясняется его родовое единство съ племенемъ аріо-европейскимъ и въ частности съ группой литовско-славянской.

Не менѣе труднымъ представляется и вопросъ о русскомъ языкѣ къ началу русской письменности. Собственно-народные элементы этого языка, въ его предполагаемыхъ наукой діалектологическихъ развѣтвленіяхъ, навсегда исчезли изъ поля зрѣнія историка, никѣмъ не записанные, подобно тому, какъ исчезли безслѣдно и черты народнаго быта, понятій и нравовъ той эпохи. Памятники письменности, начиная съ половины XI вѣка, представляютъ намъ русскій литературный языкъ подъ той или иной степенью вліянія языка церковно-славянскаго; эта степень вліянія колеблется между какимъ-нибудь переводомъ святоотеческаго сочиненія, съ языкомъ почти цѣликомъ церковно-славянскимъ, и грамотой или лѣтописью, гдѣ оригинальный русскій элементъ находитъ себѣ наиболѣе свободное выраженіе. Первыя документальныя свидѣтельства о «русскомъ» языкѣ связаны съ именемъ славянскаго первоучителя Константина-Кирилла, въ такъ называемомъ Паннонскомъ житіи котораго прямо говорится: «обрѣте [Кириллъ] ту [въ Корсуни] евангелие и псалтырь русьскы письмены писано, и человѣка обрѣтъ глаголюще тою бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи приимъ, своей бесѣдѣ прикладая различьная письмена гласная и согласная, и вскорѣ начатъ чисти и сказати». Описанное тутъ событіе относится ко второй половинѣ IX вѣка, хотя историческая критика подвергаетъ достовѣрность этого свидѣтельства нѣкоторому сомнѣнію: быть можетъ, подъ «русскими» письменами разумѣются тутъ готскія, какъ думаетъ, напримѣръ Голубинскій[1]). Къ X вѣку относится уже рядъ отечественныхъ указаній на факты письменнаго употребленія русскаго языка—напр., въ договорахъ вел. кн. Олега и Игоря съ греками, а съ XI вѣка мы имѣемъ и самые памятники русскаго письма, древнѣйшимъ изъ которыхъ доселѣ остается запись писца діакона Григорія на экземплярѣ Евангелія, писаннаго имъ въ 1057 году для Новгородскаго посадника Остромира: какъ запись эта, такъ въ особенности самый текстъ евангельскихъ чтеній, помѣщенный въ этомъ великолѣпномъ памятникѣ церковно-славянской письменности русскаго происхожденія, носятъ на себѣ черты книжнаго церковно-славянскаго языка, лишь съ незначительными проявленіями собственно русской стихіи [2]).

Наиболѣе вліятельными факторами въ опредѣленіи духовной сущности народа, создающаго литературу, является природа и историческая обстановка жизни. Природныя данныя восточной половины Европы, въ силу самой громадности этого пространства, были далеко не одинаковы

---

[1]) И. Р. Ц. I. 2, 2 изд., стр. 336, пр. 3.

[2]) Перечень другихъ, датированныхъ и не датированныхъ, русскихъ рукописей XI вѣка см. въ трудѣ Н. К. Никольскаго: Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI вв.). Спб. 1906, стр. 479—499.

на сѣверѣ и на югѣ и, при всей наличности естественныхъ путей сообщенія по рѣкамъ, при отсутствіи непреодолимыхъ препятствій къ передвиженіямъ, вслѣдствіе равниннаго характера мѣстности, дали возможность возникновенія спеціальныхъ условій жизни и образованія народнаго характера: съ одной стороны —сѣверной выносливости, суровости и замкнутости, а съ другой—южной мягкости, общительности, наклонности къ поэзіи, искусству, общественнымъ увеселеніямъ, при многочисленныхъ разновидныхъ отклоненіяхъ и развѣтвленіяхъ въ ту или другую сторону. Однако черты единства были настолько дѣйствительны, что уже ко второй половинѣ IX вѣка явилась возможность, среди группы этихъ разрозненныхъ племенъ, извѣстнаго политическаго сознанія и возникновенія не только идеи, но и осуществленія опредѣленной государственной организаціи, заявившей себя актами какъ внутренней дѣятельности, такъ и внѣшнихъ, активныхъ и весьма успѣшныхъ, международныхъ выступленій [1]).

Что касается историческихъ воздѣйствій, то они шли, съ одной стороны, съ азіатскаго востока. Самымъ положеніемъ своимъ восточно-европейская равнина и населившія ее русскія племена, послѣ великаго славянскаго движенія въ первые вѣка христіанской эры, были ареной чужеземныхъ нашествій—скиѳовъ, готовъ, гунновъ, аваровъ, о которыхъ впрочемъ дошли до насъ самыя темныя историческія воспоминанія. Весьма вѣроятно, что уже въ IV—V вв. восточные славяне должны были вынести на себѣ бурную эпоху великаго передвиженія народовъ съ востока на западъ и получить первое знакомство со своей исторической судьбой — служить оплотомъ западной цивилизаціи противъ натисковъ восточнаго варварства. Однако уже въ V—VIII вв. на Дунаѣ, въ Карпатахъ, Панноніи, по берегамъ Вислы образуется рядъ славянскихъ государствъ, давшихъ начало такъ называемому теперь южному и западному славянству; въ IX в., какъ уже сказано, сложилось и русское государство. Все это въ достаточной степени свидѣтельствуетъ о крѣпкихъ этнологическихъ началахъ славянскаго племени и дѣлаетъ отчасти понятными взрывы необычайной политической энергіи русскихъ славянъ въ X вѣкѣ, когда русскіе князья, не взирая на свои сравнительно малыя культурныя и матеріальныя средства, малочисленность своихъ подданныхъ и трудность передвиженій по морю, дерзаютъ, и не безъ успѣха, поднимать свою завоевательную руку на такой величественный организмъ, какъ Византія: историческое зрѣлище, во всякомъ случаѣ не лишенное героическаго элемента. Эта-то Византія и была именно той стороной, съ которой шла на древнюю Русь первая волна историческихъ, культурныхъ и литературныхъ, воздѣйствій.

---

[1]) Впрочемъ, при опредѣленіи воздѣйствія природы страны на человѣка надо имѣть въ виду чрезвычайную трудность подобнаго рода наблюденій и обобщеній: «стараясь проникнуть — справедливо говоритъ В. О. Ключевскій — въ таинственный процессъ, какимъ древній человѣкъ воспринималъ впечатлѣнія окружавшей его природы, мы вообще расположены переносить на него наши собственныя ощущенія» (Курсъ русской исторіи. Ч. I. М. 1904, стр. 74).

Самымъ первымъ и могучимъ актомъ византійскаго вліянія на русскую жизнь въ ту отдаленную эпоху было христіанство, явившееся результатомъ высокаго миссіонерскаго подвига двухъ великихъ грековъ—Кирилла и Меѳодія, которымъ суждено было сдѣлаться первоучителями славянъ и положить начало ихъ духовному просвѣщенію; изъ нихъ особенно выдѣляется, по отношенію къ русскимъ славянамъ, личность Кирилла, по мірскому имени Константина, который совершилъ путешествіе, съ цѣлію проповѣди христіанства, въ сосѣднюю русскимъ Хозарію и изобрѣлъ славянскую азбуку. Собственно, христіанство, начало котораго на Руси официально датируется 988 годомъ, и грамотность, принесенная въ формѣ славянскаго алфавита и первыхъ переводовъ священныхъ книгъ, были на Руси и до этого времени. Оставляя въ сторонѣ недостовѣрныя легенды о проповѣди ап. Андрея въ Кіевѣ и Новгородѣ и о крещеніи новгородцевъ въ Сурожѣ, мы имѣемъ свидѣтельство о томъ, что уже въ составѣ дружинъ первыхъ русскихъ князей (быть можетъ, Рюрика и Олега, гораздо вѣроятнѣе—Игоря) были христіане, принявшіе христіанство въ Константинополѣ; въ Кіевѣ для нихъ даже существовала церковь св. Иліи; в. кн. Ольга сама крестилась между 952—957 гг. въ Константинополѣ, и, такимъ образомъ, крещеніе Владиміра, символизирующее собою крещеніе всей Руси, было актомъ не столько новымъ, сколько важнымъ и торжественнымъ, закрѣплявшимъ собою прежнія единичныя, хотя, быть можетъ, и нерѣдкія, соприкосновенія русскихъ людей съ христіанствомъ [1]). Грамотность тоже, вѣроятно, существовала до изобрѣтенія азбуки Кирилломъ-философомъ, какъ видно изъ приведеннаго уже свидѣтельства Паннонскаго житія Кирилла, а также изъ знаменитаго сочиненія Черноризца Храбра «О писменехъ», гдѣ онъ прямо говоритъ, что до изобрѣтенія славянской азбуки славяне въ языческое время «чертами и рѣзами чьтѣху и гатааху» [2]), а по принятіи христіанства употребляли греческій и латинскій алфавиты—хотя противъ того и другого свидѣтельства примѣнительно къ русскимъ славянамъ имѣются вѣскія возраженія со стороны ученой критики.

Не входя въ оцѣнку тѣхъ политическихъ и, весьма вѣроятно, небезкорыстныхъ мотивовъ, по которымъ Византія озаботилась спеціальной проповѣдью христіанства среди славянъ и рѣшилась дать имъ возможность, поддержанную потомъ и главой западной церкви, читать на родномъ языкѣ Священное Писаніе и слушать церковную службу, самый фактъ христіанскаго просвѣщенія славянъ, и въ частности славянъ русскихъ, имѣлъ огромнѣйшее вліяніе на весь ходъ ихъ послѣдующей исторической жизни. Если принять во вниманіе, что язычество русскихъ славянъ того времени давало лишь самыя скудныя представленія о внѣшнемъ и внутреннемъ

---

[1]) Новый пересмотръ вопроса о возникновеніи христіанства на Руси данъ въ книгѣ В. Пархоменко: Начало христіанства Руси. Очеркъ изъ исторіи Руси IX—X вв. Полтава. 1913.

[2]) С. Вилинскій. Сказаніе Черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ. Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ. IX. Одесса. 1901, стр. 133.

мірѣ человѣка, то внесеніе христіанства явилось для тогдашняго человѣка на Руси первой цѣльной космогоніей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первымъ кодексомъ нравственности; оно окружило его красотой величественныхъ храмовъ, примѣрами религіознаго аскетизма, давало ему перспективы будущаго спасенія, наконецъ оно предоставляло ему начатки книжнаго просвѣщенія. Для болѣе впечатлительныхъ и воспріимчивыхъ людей христіанство было источникомъ полнаго духовнаго перерожденія, а для людей обыкновенныхъ важной перемѣной, способной направить и дѣйствительно иногда направлявшей жизнь совершенно по новому. Конечно, такой переходъ отъ стараго къ новому въ массахъ народныхъ происходилъ чрезвычайно медленно. Первыми носителями христіанства, его вѣроученія, обрядности и нравственныхъ воззрѣній, явилась сравнительно небольшая группа греческихъ и южно-славянскихъ пришельцевъ-священнослужителей, принесшихъ съ собою священныя и богослужебныя книги, церковную утварь, приводившихъ мастеровъ для постройки храмовъ, списыванія книгъ и проч.; къ нимъ присоединилась извѣстная часть болѣе ревностныхъ и способныхъ адептовъ новой вѣры изъ русскихъ, но усилій этихъ людей по организаціи христіанства на Руси было недостаточно на всю массу невѣжественнаго, языческаго, разбросаннаго по лѣсамъ и степнымъ убѣжищамъ народа; поэтому, сколько-нибудь фактическіе успѣхи христіанства имѣли мѣсто лишь въ городахъ, среди высшаго класса княжескихъ дружинниковъ, купцовъ и т. д. При такомъ положеніи вещей, съ самаго же начала неизбѣжно было возникновеніе того «двоевѣрія», которымъ учители русской церкви именовали духовное состояніе русскаго народа въ первые вѣка христіанства; оно состояло въ томъ, что въ народномъ міровоззрѣніи и въ жизни одновременно существовали и дѣйствовали элементы стараго язычества, съ грубой жестокостью, звѣрскими инстинктами и темнымъ суевѣріемъ—съ одной стороны, и новаго христіанства съ его стройной догматикой, ученіемъ кротости и милосердія, мыслью о будущемъ спасеніи—съ другой. Русское духовенство съ церковной каѳедры и письменно всячески боролось съ этимъ явленіемъ [1]), но сила привычки народной, недостатокъ организованныхъ средствъ просвѣщенія и вообще слишкомъ слабое духовное воздѣйствіе на народныя массы были причиною того, что «двоевѣріе» проходитъ по всему періоду старой русской исторіи вплоть до реформы Петра Великаго и, въ качествѣ отдѣльныхъ явленій, существуетъ, какъ извѣстно, и въ настоящее время. Наблюденія надъ этимъ любопытнымъ явленіемъ народной жизни и обличенія его со стороны церковныхъ пастырей и даже свѣтской власти вошли въ составъ многихъ литературныхъ произведеній древняго періода

[1]) Внѣшнее обозрѣніе относящихся сюда фактовъ можно найти въ работѣ Н. Азбукина: Очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества въ русскомъ народѣ (XI—XIV вв.) «Р. Ф. В.» 1892 № 3, 1896 № 2, 1897 № 1—2, 3—4, 1898 № 1—2. О «двоевѣріи» ср. сочиненіе Е. В. Аничкова: «Язычество и древняя Русь. Спб. 1914», особенно XII главу: Двоевѣріе Руси и народное язычество, стр. 286—307.

нашей литературы: поученій, посланій, житій, легендарныхъ разсказовъ и апокрифическихъ сказаній. Что же касается возможности для славянъ, и въ томъ числѣ русскихъ, имѣть свое богослуженіе и книги на родномъ, понятномъ имъ языкѣ, данной имъ изобрѣтеніемъ славянскаго алфавита и переводомъ главныхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, то этотъ міровой подвигъ Кирилла и Меѳодія имѣлъ неисчислимыя выгоды для всего послѣдующаго политическаго и культурнаго развитія славянства, въ его цѣломъ и отдѣльныхъ народностяхъ; въ этомъ подвигѣ великихъ славянскихъ первоучителей и ихъ сотрудниковъ славяне получили преимущества, которыми и до настоящаго времени не располагаютъ многіе народы романскаго запада, остающіеся въ лонѣ католической церкви.

Для характера русской литературы и отразившагося въ ней характера русской религіозной жизни въ древнюю пору не безразличенъ былъ и тотъ историческій моментъ, въ который Византія передала Руси христіанство. Между восточной и западной церковью уже издавна шли несогласія и споры по разнымъ вопросамъ вѣроученія и церковной практики, но подготовлявшійся разрывъ не осуществился еще ни въ эпоху дѣятельности Кирилла и Меѳодія, ни въ пору крещенія Русской земли при Владимірѣ Святомъ, и только въ половинѣ XI вѣка, когда уже кіевская митрополія окрѣпла до возможности имѣть владыку изъ своихъ русскихъ, было официально объявлено о раздѣленіи церквей. Конечно, восточная церковь вышла изъ этого спора съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и не замедлила внушить это сознаніе подчиненной ей церкви русской. Еще раньше этого, а послѣ раздѣленія съ особенной силой, проводилась греческими церковными іерархами и писателями мысль о западной схизмѣ и еретическомъ характерѣ западныхъ церковныхъ уклоненій отъ единаго и незыблемаго авторитета церкви восточной; такимъ образомъ, въ глазахъ русскихъ возникла и укрѣпилась идея о «поганыхъ латынянахъ», легко переходившая въ ихъ сознаніи, руководимомъ греками, изъ спеціально религіозной сферы въ кругъ болѣе общихъ понятій: недовѣріе и отрицаніе, иногда въ самой рѣзкой формѣ, перешло на западныхъ людей вообще, ихъ жизнь, складъ понятій, науку, искусство, формы общежитія. Здѣсь именно кроется не только происхожденіе особаго отдѣла обличительной литературы противъ латинянъ, но и корень того непріязненнаго отдаленія отъ запада, который въ послѣдующіе вѣка русской жизни привелъ къ исключительной замкнутости на основѣ византійскихъ идеаловъ и глубокому отчужденію отъ западнаго, т.-е. общеевропейскаго, движенія. Впрочемъ, такое міровоззрѣніе достигло своего апогея лишь въ XVI вѣкѣ; при начаткахъ же русскаго христіанства и жизни на новыхъ основаніяхъ общеніе съ западомъ было настолько свободно, что оказывались возможными даже брачные союзы русскихъ князей съ иноземными королевскими и княжескими домами.

Такимъ образомъ, древняя Русь, отмежеванная отъ востока непрестанной борьбой съ дикими кочевниками, охраняемая отъ запада ревнивой опекой греческой церкви, съ самаго же начала своего новаго существованія втягивалась въ сферу культурнаго и отчасти политическаго вліянія Ви-

зантіи. Нельзя отрицать, что такія притязанія Византіи имѣли вполнѣ реальную подкладку. Дряхлѣющій государственный организмъ Византіи все еще былъ могучимъ факторомъ міровой и, въ частности, европейской исторической жизни. Хотя наука и просвѣщеніе клонились къ упадку, все же и въ этомъ отношеніи Византія обладала богатыми запасами прошлаго и извѣстной жизнеспособностью: въ XI—XIII вв. мы наблюдаемъ тамъ научно-философское движеніе—правда, главнымъ образомъ въ области церковной догматики (воззрѣнія І. Итала, Евстратія, Нила и др.)—общее съ научнымъ теченіемъ философской мысли на западѣ [1]); во второй половинѣ XI в., какъ свидѣтельство извѣстнаго подъема научныхъ интересовъ, процвѣтаетъ Академія въ Константинополѣ, школы при патріархіи, монастыряхъ, въ областяхъ и въ столицѣ, гдѣ учатъ знаменитые для своего времени дидаскалы [2]). Нечего и говорить о прошломъ, когда Византія оказывала могучее вліяніе на западно-европейскую науку и питала нѣкоторыя отрасли ея литературы запасомъ легендъ и правоучительныхъ сказаній, частію въ роли самостоятельнаго творческаго источника, частію какъ передаточное звено съ востока; наконецъ, роль Византіи по сбереженію древне-классическаго культурнаго наслѣдства и передачѣ его въ сокровищницу возрождавшейся старины въ Италіи и другихъ странахъ Европы слишкомъ извѣстна, чтобы имѣлась нужда въ особомъ указаніи на эту великую историческую ея заслугу.

Здѣсь не мѣсто говорить о вліяніи Византіи на политическую и общественную жизнь древней Руси, ея правовыя понятія и отношенія, искусство, промышленность или внѣшній укладъ жизни. Что касается книжнаго просвѣщенія и литературы, то въ этой области русскіе получили отъ Византіи изъ огромнаго ея запаса то, что могли воспринять въ качествѣ переводовъ съ греческаго частію собственными силами, но главнымъ образомъ при дѣятельной помощи южнаго славянства. Это были, прежде всего, книги Св. Писанія, толкованія ихъ отцами и учителями церкви (Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ Іерусалимскій, Ѳеодоръ Студитъ, Аѳанасій, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Дамаскинъ и друг.), масса различныхъ «сборниковъ», которыми особенно богата была византійская литература этой эпохи (Златоустъ, Маргаритъ, Златоструй, Андріатисъ, Измарагдъ, Златая Матица), Прологи, Патерики, Палея, Хроники и Хронографы, Христіанская Топографія Козьмы Индикоплова, повѣсти (Александрія, Стефанитъ и Ихнилатъ, Девгеніево Дѣяніе, Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ), масса такъ называемыхъ апокрифическихъ сочиненій и другихъ продуктовъ литературнаго творчества, учености или начитанности, которыхъ здѣсь нѣтъ возможности перечислить сколько-нибудь подробно и появленіе которыхъ на русской почвѣ распредѣляется на цѣлый рядъ вѣковъ въ послѣдовательномъ ходѣ русской ли-

---

[1]) Ѳ. Успенскій. Богословское и философское движеніе въ Византіи XI и XII вѣковъ. «Ж. М. Н. Пр.» 1891, № 9, стр. 139.

[2]) Н. Скабалановичъ. Византійская наука и школы въ XI вѣкѣ. «Христ. Чтеніе» 1884, I, стр. 344—369. 730—770.

тературы древняго періода. Этотъ огромный потокъ чужихъ литературныхъ произведеній подавлялъ русскаго читателя и книжника, едва справлявшагося съ ними при самыхъ скудныхъ условіяхъ просвѣщенія, и только необычайной жизнеспособностью, живой впечатлительностью и вообще запасомъ природныхъ умственныхъ и душевныхъ ресурсовъ объясняется то, что, на ряду съ этой безконечной вереницей тяжелаго литературнаго багажа, мы можемъ наблюдать, въ качествѣ продуктовъ русской литературной мысли древняго періода, также и самостоятельныя произведенія, отвѣчавшія реальнымъ потребностямъ русской жизни и отражавшія собственное ея настроеніе, идеи, идеалы и самую дѣйствительность [1]).

Другимъ могущественнымъ, культурнымъ и литературнымъ, вліяніемъ на древнюю Русь было вліяніе западное. Оно пришло на смѣну воздѣйствію со стороны Византіи, и это было, по самому ходу русской культурной жизни, исторической необходимостью. Византійское вліяніе, въ его цѣломъ, не могло подавить естественныхъ стремленій молодого народа къ самостоятельному развитію. Территоріальная близость съ западомъ, и прежде всего нѣмецкимъ, повлекла за собою, уже въ первые вѣка русской исторической жизни, единичныя соприкосновенія съ западной жизнью, культурой, поэзіей и книжностью; послѣдовавшее затѣмъ усвоеніе византійско-церковной точки зрѣнія на западъ, который былъ сплошь латинскимъ, какъ на еретическій, конечно, затрудняло эти случаи общенія, но не устраняло ихъ. Отъ конца XII в. мы имѣемъ грамоты Новгородскихъ князей съ нѣмцами, и вообще Новгородъ, Смоленскъ и другіе города, лежавшіе въ сѣверо-западномъ углу русской государственной территоріи, являлись дѣятельными посредниками иностранныхъ вліяній съ запада; въ XIII в. замѣчаются слѣды вліянія западнаго искусства, черезъ по-

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ труда, который бы заключалъ въ себѣ по возможности исчерпывающій общій обзоръ всѣхъ фактовъ вліянія Византіи на ходъ русской литературы древняго періода, несмотря на наличность многихъ важныхъ монографическихъ изысканій въ этой области. Превосходная книга К. Крумбахера (Geschichte der Byzantinischen Litteratur. 2 Aufl. München, 1897) очень мало затрогиваетъ вопросъ о вліяніи византійской литературы на иноземныя (относительно русской литературы см. краткія замѣчанія на стр. 34—36). Полезныя указанія можно найти въ сочиненіяхъ: Нилъ Поповъ. О значеніи германскаго и византійскаго вліяній на русскую историческую жизнь въ первые два вѣка ея развитія. М. 1871, стр. 46—55; В. С. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. К. 1869; Ф. Терновскій. Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. I—II. К. 1875—1876; В. И. Ламанскій. Видные дѣятели у западныхъ славянъ въ XV, XVI и XVII ст. Введеніе. «Славянскій Сборникъ», вып. I. Спб. 1875; А. Н. Пыпинъ. О сравнительно-историческомъ изученіи русской литературы. «Вѣстн. Европы» 1875, № 10. Древній періодъ русской литературы и образованности. «Вѣстн. Европы» 1875, №№ 11—12, 1876, № 9.

средство далматинскихъ славянъ, въ области Сѣверо-Восточной Руси и т. д. Что касается собственно литературныхъ воздѣйствій, то, будучи въ начальные вѣка русской письменности лишь спорадическими, они принимаютъ съ XV вѣка довольно систематическій характеръ и даютъ на протяженіи XV—XVII вв. весьма значительное количество самыхъ разнообразныхъ переводовъ—преимущественно съ латинскаго и нѣмецкаго: тутъ имѣются историческія и географическія сочиненія, математическія, медицинскія, свѣтскія и духовныя повѣсти, лирика, дидактика и полемика [1]). Начиная съ конца XVI вѣка и затѣмъ особенно въ XVII вѣкѣ переводы на русскій языкъ западно-европейскихъ научныхъ и литературныхъ сочиненій, главнымъ образомъ черезъ посредство Польши, принимаютъ видъ общаго литературнаго движенія, приводя въ началѣ XVIII в., при Петрѣ Великомъ, къ полному перевороту въ литературныхъ вкусахъ составѣ читателей и наличности книжнаго чтенія и подготовляя тѣмъ близкое наступленіе новаго литературнаго періода. Послѣднія три столѣтія старой литературной эпохи, съ половины XV до половины XVIII вв., являются временемъ все болѣе и болѣе усиливающагося западнаго литературнаго вліянія—сначала медленно, а затѣмъ необычайно быстро, между тѣмъ какъ византійское вліяніе постепенно замираетъ, и хотя въ XVI—XVII вѣкахъ русскіе книжники иногда и обращались къ греческимъ книгамъ для переводовъ, но эти обращенія имѣли уже спеціально-дѣловой характеръ и не могутъ идти въ сравненіе съ нѣкогда бывшимъ широкимъ вліяніемъ греческой литературы; знаніе греческаго языка въ эти годы также чрезвычайно упадаетъ [2]). Византійское вліяніе, неудержимо отходившее въ прошлое, не могло быть спасено даже подъемомъ той византійской идеологіи, которая была воскрешена политическими и культурными тенденціями московскаго самодержавія въ XVI вѣкѣ [3]).

Оба указанныя вліянія, византійское и западное, простиравшіяся не на одну только литературу, но и на всю русскую жизнь, были показателями двухъ главнѣйшихъ и могущественныхъ теченій русской исторической жизни. По условіямъ своего географическаго положенія, по моменту выхода на историческую арену и по своему положенію среди событій всемірной исторіи, Русь, съ самаго же начала своего существованія, была обречена на иноземное вліяніе, которое, видоизмѣняясь, въ

---

[1]) А. Соболевскій. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Спб. 1903, стр. 38—259; Е. Пѣтуховъ. Слѣды непосредственнаго вліянія нѣмецкой литературы на древне-русскую. «Ж. М. Н. Пр.». 1897, № 7.

[2]) А. Соболевскій, назв. соч., стр. 283—382.

[3]) Изъ общихъ сочиненій, разсматривающихъ западное вліяніе въ русской литературѣ, кромѣ выше цитированныхъ, можно еще указать: Н. И. Петровъ. Вліяніе западно-европейской литературы на древне-русскую. «Труды Кіевской Духовной Акад.». 1872, №№ 4—8; Алексѣй Н. Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. М. 1883, 4-е изд. 1910 (Здѣсь на стр. 11—35 идетъ рѣчь о западномъ вліяніи на русскую литературу древняго періода).

сильной степени направляло ея исторію. То или иное отношеніе къ византійскому и западному вліяніямъ какъ въ жизни, такъ и въ историческомъ пониманіи, издавна возбуждало споры о качествѣ этихъ вліяній, порождало разнообразныя мнѣнія касательно ихъ оцѣнки, создавало до враждебной противоположности разныя міросозерцанія. Въ виду этого и литературныя вліянія Византіи и Запада оцѣнивались у насъ различно. По отношенію къ византійскому вліянію издавна преобладало мнѣніе отрицательное. Въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія Ѳ. И. Буслаевъ говорилъ: «Въ настоящее время довольно распространено, между людьми, впрочемъ, образованными, мнѣніе, будто вліяніе византійское было вообще вредно для развитія и процвѣтанія нашей древней національной словесности; будто, кромѣ книжной схоластики, сковывающей всякое свободное движеніе мысли и чувства, литература византійская ничего не внесла въ нашу древнюю собственно литературную дѣятельность; будто недостатокъ поэзіи въ древнихъ русскихъ письменныхъ памятникахъ преимущественно объясняется этимъ византійскимъ началомъ, враждебнымъ всему поэтическому, всему восторженному и воодушевляющему къ истинно-художественному творчеству» [1]). Нѣсколько позднѣе К. Н. Бестужевъ-Рюминъ свидѣтельствовалъ почти о томъ же, указывая лишь иные мотивы: «У насъ въ обществѣ, а отчасти и въ наукѣ, преобладаетъ то мнѣніе, что византійское вліяніе было по преимуществу вредное, что къ намъ приходили произведенія по большей части риторовъ и позднѣйшихъ компиляторовъ, которые далеко были отъ научнаго развитія лучшей поры классической древности, и, слѣдственно, намъ открывался мутный, а не чистый источникъ знанія» [2]). Однако оба названные автора не раздѣляютъ этого взгляда, указывая на то, что византійское вліяніе внесло въ оборотъ русской литературной мысли множество цѣнныхъ элементовъ нравственно-религіознаго и поэтическаго характера, обогатило ее массой произведеній выдающихся умовъ, вродѣ Василія Великаго или Іоанна Златоуста. Но вотъ сужденіе и другой стороны. «Культурное движеніе,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—имъ (т. е. Царьградомъ) сообщаемое, столь ограниченное, что древняя Русь на много вѣковъ отстала въ этомъ отношеніи отъ Западной Европы, и въ томъ числѣ отъ своихъ западныхъ единоплеменниковъ... Византія не передала древней Руси своихъ научныхъ знаній, даже схоластическихъ; античныя преданія, которыя при посредствѣ греческихъ ученыхъ создали такое движеніе умовъ на Западѣ въ періодъ «возрожденія», у насъ были неизвѣстны или доходили отчасти въ скудномъ, отчасти просто въ карикатурномъ видѣ. Взамѣнъ того, сообщены были и развились, во-первыхъ, слишкомъ вещественное пониманіе религіозныхъ предметовъ въ массѣ, во-вторыхъ, крайняя нетерпимость, а вмѣстѣ съ ней и національная исклю-

---

[1]) О народной поэзіи въ древней русской литературѣ, въ сборникѣ: «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Спб. 1861, II, стр. 53.

[2]) Русская Исторія. I. Спб. 1872, стр. 141.

чительность»[1]). Изъ видныхъ антагонистовъ византійскаго вліянія, въ его историческомъ пониманіи, можно бы еще назвать О. Ѳ. Миллера, смотрѣвшаго, однако же, на многія явленія русскаго прошлаго совсѣмъ не съ той точки зрѣнія, какъ покойный А. Н. Пыпинъ. По отношенію къ западному вліянію, дѣло его исторической оцѣнки примѣнительно къ русской жизни и литературѣ становилось иногда еще рѣзче, причемъ, по противоположности этихъ двухъ вліяній, не всегда сторонники одного были и защитниками другого, ставя передъ собою идеалъ самобытнаго развитія русской литературы. Намъ, въ данномъ случаѣ, нѣтъ никакой необходимости вдаваться въ вопросъ о томъ и другомъ вліяніи по существу или производить ихъ общую оцѣнку. Довольно отмѣтить здѣсь, что то и другое вліяніе было исторической необходимостью; съ обоими изъ нихъ надо считаться, какъ съ неизбѣжными фактами нашей литературной исторіи, и, оставляя въ сторонѣ задачи публицистики или общественной морали, отмѣчать и оцѣнивать эти вліянія лишь въ кругу самихъ фактовъ нашей литературы, подлежащихъ научному изученію.

Положеніе древней Руси относительно обоихъ источниковъ литературнаго вліянія—византійскаго и западнаго—было таково, что въ началѣ непосредственныя соприкосновенія съ ними были очень затруднительны. На помощь, въ качествѣ посредниковъ, пришли славяне: по отношенію къ византійскому источнику—болгары и сербы, по отношенію къ источнику западному—поляки и чехи; въ меньшей степени и болѣе или менѣе случайно участвовали въ этомъ посредничествѣ сербы Далматинскаго побережья.

Болгары были первыми вносителями къ намъ сокровищъ византійской литературы и образованности. Для кого бы ни были впервые сдѣланы Кирилломъ и Меѳодіемъ переводы богослужебныхъ книгъ—для мораванъ или, можетъ быть, даже славянъ малоазійскихъ[2]),—не подлежитъ сомнѣнію, что мы получили ихъ изъ болгарскаго источника. Въ самой Болгаріи, вскорѣ послѣ дѣятельности славянскихъ первоучителей, мы наблюдаемъ, при знаменитомъ царѣ Симеонѣ (893—927), необычайный расцвѣтъ болгарской литературы въ духѣ глубочайшаго византійскаго воздѣйствія и въ соотвѣтствіи съ разнообразными потребностями славянскаго народа, призваннаго путемъ обращенія въ христіанство къ новой жизни. Въ качествѣ переводчиковъ и самостоятельныхъ писателей являются тутъ чрезвычайно выдающіеся люди, какъ Іоаннъ, экзархъ болгарскій, Климентъ, Константинъ и друг., создавшіе своими трудами обширную литературу, которая имѣла потомъ на Руси огромное распростране-

---

[1]) Древній періодъ русской литературы и образованности. «Вѣстн. Европы». 1875 № 12, стр. 696—697.

[2]) Объ этомъ вопросѣ, далеко не одинаково разрѣшаемомъ въ наукѣ, см. интересный трудъ В. И. Ламанскаго: Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. «Ж. М. Н. Пр.». 1903, № 4, 5, 6, 12 и сужденіе Голубинскаго: «И. Р. Ц.» I. 2, 2-е изд., стр. 910—914.

ніе [1]). Съ именемъ самого Симеона, не чуждаго литературнымъ занятіямъ и интересамъ, связано два замѣчательныхъ памятника древнѣйшей русской письменности—такъ называемые Изборники вел. кн. Святослава 1073 и 1076 годовъ, способные дать превосходное понятіе о тогдашнихъ потребностяхъ русской литературы и объ источникахъ, изъ которыхъ она черпала свое содержаніе [2]). Многія болгарскія книги, содержавшія въ себѣ переводныя съ греческаго или самостоятельныя, въ византійскомъ духѣ, произведенія, переносились на Русь и тамъ просто переписывались, иногда подновлялись, со внесеніемъ незначительныхъ измѣненій, сообразно требованіямъ русской фонетики и понемногу слагавшихся навыковъ русскаго правописанія. Это перенесеніе болгарскихъ литературныхъ памятниковъ на русскую литературную почву происходило въ теченіе XI—XIII в. и къ концу XIII вѣка затихло.

Со второй половины XIV вѣка въ роли посредницы между византійской и русской литературой выступаетъ Сербія: съ одной стороны, это были сербскія редакціи болгарскихъ переводныхъ и оригинальныхъ произведеній (Іоаннъ Златоустъ, Ефремъ Сиринъ, Григорій Двоесловъ, Пандекты инока Антіоха, Шестодневъ Іоанна Экзарха и друг.), а съ другой—самостоятельные сербскіе переводы, совершенные частію въ самой Сербіи, но особенно на Аѳонѣ (Діонисій Ареопагитъ, Исаакъ Сиринъ, Шестодневъ Іоанна Златоуста), и оригинальные труды сербскихъ писателей—особенно житія—въ томъ же византійско-церковномъ направленіи [3]). Въ XIV—XV вв. образуется даже особая полоса южно-славянскаго вліянія на русскую письменность, гдѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми чертами самостоятельной, преимущественно сербской, литературной жизни, входятъ въ русскую литературу знакомые уже элементы стараго византійскаго вліянія [4]).

Роль польскаго и отчасти чешскаго посредничества въ передачѣ на русскую литературную почву продуктовъ западнаго литературнаго вліянія въ XVI—XVII вв. настолько очевидна, что едва ли является необходимость говорить здѣсь о немъ особо.

---

[1]) Е. Пѣтуховъ. Болгарскіе литературные дѣятели древнѣйшей эпохи на русской почвѣ. «Ж. М. Н. Пр.». 1893, № 4, стр. 298—322. Ср. П. Шафарикъ. Расцвѣтъ славянской письменности. «Чтенія Общ. Исторіи и Древн.», 1848, № 7; С. Н. Палаузовъ. Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона. Спб. 1852; В. Ягичъ. Исторія сербо-хорватской литературы. Казань. 1871.

[2]) Первый изданъ фотолитографически Обществомъ люб. древн. письмен. въ Спб. 1880; второй В. Шимановскимъ въ 1887 году, въ приложеніи къ диссертаціи «Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ» и потомъ отдѣльно: «Сборникъ Святослава 1076 г.». Изд. 2-е, исправленное. Варшава. 1894.

[3]) Н. Петровъ. Историческій взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими въ образованіи и литературѣ. К. 1876.

[4]) А. Соболевскій. Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ: «Переводная литература Московской Руси», стр. 1—37.

Судьба литературы всякаго народа неразрывно связана съ общимъ характеромъ его просвѣщенія. Если была литература на Руси, то было и просвѣщеніе, которое питалось литературой и само ее поддерживало, выдвигая изъ народной среды любителей и охотниковъ до литературныхъ занятій. Принявъ христіанство и пришедшія вмѣстѣ съ нимъ книги, русскіе восприняли вмѣстѣ съ тѣмъ и первые начатки просвѣщенія.

Вопросъ о русскомъ просвѣщеніи древняго періода, въ первые вѣка христіанства и литературы, есть вопросъ спорный. Старые историки, напримѣръ, Татищевъ и Карамзинъ, полагали, что въ древнюю пору мы обладали настоящимъ просвѣщеніемъ, въ видѣ правильно организованныхъ школъ, при чемъ имѣлось въ виду свидѣтельство лѣтописца, подъ 988 годомъ, о вел. кн. Владимірѣ: «нача поимати у нарочитые чади дѣти и даяти нача на ученье книжное»; этотъ взглядъ поддерживался и позднѣе—въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія С. П. Шевыревымъ и въ пятидесятыхъ Н. А. Лавровскимъ [1]). Однако, новѣйшая точка зрѣнія, въ лицѣ Е. Е. Голубинскаго, представляетъ дѣло такъ, что попытки Владиміра (978—1015) водворить на Руси просвѣщеніе касались только дѣтей духовенства и высшаго, боярскаго, класса, не пошли вглубь народныхъ массъ и потому не имѣли ни широкаго распространенія, ни серьезнаго вліянія на общественную жизнь; способъ распространенія введеннаго Владиміромъ просвѣщенія заимствованъ былъ изъ Византіи, гдѣ обычными органами начальнаго обученія были не государственныя школы, а частное групповое обученіе дѣтей особыми учителями, имѣвшими къ тому охоту или дѣлавшими себѣ изъ этого средство существованія. Послѣ Владиміра дѣло просвѣщенія отчасти было поддержано въ томъ же направленіи его сыномъ вел. кн. Ярославомъ (1019—1054), который «поставляя попы и дая имъ отъ имѣнія своего урокъ, веля имъ учити люди» (подъ 1037 годомъ), но затѣмъ пришло въ упадокъ: вмѣсто просвѣщенія, не мыслимаго безъ правильно организованной школы, у насъ была въ теченіе ряда послѣдующихъ вѣковъ, вплоть до Петра Великаго, только простая грамотность, и высшимъ проявленіемъ послѣдней являлось начетчичество, т.-е. накопленіе книжныхъ познаній, вполнѣ предоставленное случайности, личнымъ дарованіямъ отдѣльныхъ лицъ и такъ или иначе слагавшимся обстоятельствамъ; такое положеніе вещей дѣлало вполнѣ возможнымъ появленіе людей замѣчательно образованныхъ и даровитыхъ, вродѣ митрополита Иларіона, выдвигавшихся нерѣдко на литературномъ или административномъ поприщѣ, но оставляло главную часть населенія безъ всякаго просвѣщенія и въ полномъ невѣжествѣ [2]).

При этихъ условіяхъ, книги были у насъ въ древнюю пору единственнымъ источникомъ просвѣщенія; въ глазахъ человѣка «книжнаго» онѣ составляли предметъ уваженія и даже религіознаго благоговѣнія. Въ разнообразныхъ памятникахъ древне-русской письменности во множе-

---

[1]) Н. Лавровскій. О древне-русскихъ училищахъ. Харьковъ. 1854.

[2]) «И. Р. Ц.». I. 1, 2-е изд., стр. 701—727.

ствѣ разсѣяны указанія на великую пользу отъ чтенія книгъ, которыми пріобрѣтается не только знакомство съ различными предметами, но—что еще важнѣе—высокое нравственное и религіозное назиданіе, истинная «польза души», пути къ покаянію и спасенію. «Книжное почитаніе» нерѣдко прямо ставится непремѣннымъ условіемъ спасенія въ будущей жизни [1]).

При такомъ высокомъ уваженіи къ книгѣ очень естественно, что занятіе книжнымъ дѣломъ не только въ смыслѣ авторства,—что на первыхъ порахъ было лишь въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ,—но и простого списыванія считалось весьма важнымъ, почетнымъ, и писцы были въ обществѣ людьми очень замѣтными; дѣло это почиталось даже своего рода религіознымъ подвигомъ, за который ожидалось возмездіе въ будущей жизни. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя приписки писцовъ на переписанныхъ ими экземплярахъ [2]). Съ другой стороны, сами переписчики, проникнутые важностью совершаемаго ими дѣла, смотрѣли на свое умѣнье списывать, т. е. нерѣдко простую грамотность, какъ на особый даръ, ниспосланный свыше, которымъ грѣшно было бы не пользоваться. Главнѣйшей цѣлью переписчика была вѣрность оригиналу, но нерѣдко, въ силу слабаго знакомства съ грамотой, въ копіи оказывались ошибки, иногда совершенно искажавшія смыслъ, и тутъ переписчикъ видѣлъ уже со своей стороны проступокъ, нуждающійся въ прощеніи и снисхожденіи читателя [3]). Записи въ книгахъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ радовался писецъ, заканчивая свой нелегкій трудъ, который иногда продолжался нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, при чемъ эти чувства облекались порой въ наивно-художественную форму. Писецъ знаменитаго Лаврентьевскаго списка Лѣтописи дѣлаетъ слѣдующую отмѣтку, по окончаніи своего труда, подъ 1377 годомъ: «Радуется купець прикупъ створивъ, и кормьчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ». День окончанія переписки рукописи, особенно если она была значительнаго объема, былъ днемъ замѣчательнымъ, заслуживавшимъ помѣты; такія хронологическія замѣтки, вытекавшія не столько изъ какихъ-либо историческихъ соображеній, сколько именно изъ указанныхъ психологическихъ основаній, дѣйствительно имѣются на многихъ рукописяхъ, при чемъ иногда отмѣчаются и нѣкоторыя современныя обстоятельства и событія. Такова извѣстная приписка на Апостолѣ Моск. Синод. Б-ки 1307 года, напоминающая собою стиль Слова о Полку Игоревѣ: «Сій же апостолъ книгы вда святому Пантелеймону Изосимъ игуменъ сего же монастыря. Сего же лѣта бысть

---

[1]) (Порфирьевъ, И.). Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи. «Православный Собесѣдникъ», 1862, I, стр. 140.

[2]) А. Востоковъ. Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея, стр. 172, 188—189.

[3]) Тамъ же, стр. 692.

бой на русской земли, Михаилъ съ Юрьемъ о княженье Новгородское. При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша въ князехъ которы, и вѣци скоротишася человѣкомъ» [1]).

Кто были древне-русскіе переписчики книгъ?

Весьма вѣроятно, что еще въ очень древнюю пору дѣло это находилось въ рукахъ лицъ, болѣе или менѣе спеціально отдававшихъ ему свои силы. Главнымъ образомъ это были иноки или вообще лица духовныя, которымъ скорѣе и легче представлялся случай усвоить грамотность и получить доступъ къ книгамъ, хранившимся прежде всего въ монастыряхъ и при церквахъ. Однако, перепиской книгъ занимались также и свѣтскія лица, работавшія по нравственно-религіознымъ побужденіямъ или для заработка, а иногда ради того и другого вмѣстѣ. Въ обществѣ прямо устанавливалось воззрѣніе, что обращеніе съ книгами есть дѣло по преимуществу иноческое; это, напр., видно изъ указанія Кирилла Туровскаго въ одномъ изъ его поученій: «Не глаголите: жену имамъ и дѣти кормлю и домъ строю, ли князю служу, ли власть держю, ли ремество; да не наше есть дѣло почитаніе книжное, но черечьское» [2]). Въ самомъ дѣлѣ, монастыри являлись какъ бы центрами письменной дѣятельности въ древней Руси, и между ними одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ Печерскій монастырь. Изъ житія Ѳеодосія Печерскаго мы узнаемъ, что надъ изготовленіемъ книжныхъ экземпляровъ трудились выдающіеся члены этого общежитія: Иларіонъ писалъ книги, Ѳеодосій прялъ нить, а Никонъ переплеталъ. Позднѣе такими книжными центрами были монастыри Троице-Сергіевъ, Кирилло-Бѣлозерскій и другіе, при чемъ основатели ихъ были особенными любителями и усердными ревнителями книжнаго дѣла. Книги писались русскими иноками и вообще духовными лицами не только въ Россіи, но и за ея предѣлами, напр., въ Константинополѣ и на Аѳонѣ. Переписываніемъ книгъ—уже изъ чистой любви къ дѣлу, а не ради заработка и не по долгу своего званія—занимались даже князья и епископы: въ XIII вѣкѣ Іосифъ, епископъ рязанскій, переписалъ Кормчую съ помощію пяти писцовъ, а о князѣ Владимірѣ Васильковичѣ Волынскомъ въ лѣтописи подъ 1288 годомъ отмѣчено, что онъ списалъ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ Апостолъ и Евангеліе, и былъ вообще необыкновеннымъ книголюбцемъ. Есть извѣстіе, что списываніемъ книгъ въ XII вѣкѣ занималась княжна Евфросинія Полоцкая, подобно тому, какъ гораздо позднѣе, въ XVII в., царевна Татьяна Михайловна переписала своей рукою Евангеліе и Синодикъ [3]).

Переписываемыя людьми сравнительно рѣдкими, съ большимъ трудомъ (въ первые вѣка «уставомъ», требовавшимъ чрезвычайной медленности

---

[1]) Горскій и Невоструевъ. Описаніе рукописей Синодальной библіотеки. I. 293.

[2]) Сухомлиновъ, М. Рукописи графа А. С. Уварова. II, 1, стр. 71.

[3]) Арх. Савва. Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей ризницы и библіотеки. Изд. 3-е, стр. 172; Арх. Амфилохій. Описаніе Воскресенской Ново-Іерусалимской библіотеки. М. 1875, стр. 116—124.

въ работѣ), на дорогомъ матеріалѣ (первоначально—кожѣ), книги имѣли въ древнюю пору и высокую матеріальную цѣнность. Князья и богатые люди разныхъ сословій дѣлали книгами, преимущественно богослужебными, вклады въ церкви и монастыри на память о себѣ и на поминъ души по смерти: такъ собирались значительныя библіотеки при церквахъ и особенно монастыряхъ. Но бывали богатыя книжныя собранія также и у отдѣльныхъ лицъ: напр., лѣтопись передаетъ о ростовскомъ епископѣ Кириллѣ (XIII в.), что онъ былъ «богатъ зѣло кунами и селы и всѣмъ товаромъ и книгами» [1]). Любителями книгъ, заботившимися о снабженіи ими церквей и монастырей, бывали и многіе князья, начиная съ Ярослава Мудраго, про котораго въ лѣтописи говорится: «книгамъ прилежа, и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра писцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы и сниска, имиже поучащеся вѣрнии людье наслаждаются ученья божественнаго» [2]).

Въ лицѣ древне-русскаго книжника, главнѣйшаго носителя тогдашняго просвѣщенія, не легко отдѣлить простого переписчика отъ редактора и даже автора. Въ сознаніи русскаго книжника той поры всѣ эти три понятія сливались вмѣстѣ. Переписчикъ, бравшійся сначала за снятіе копіи съ какого-либо произведенія учительнаго или историческаго характера, нерѣдко уклонялся отъ своего оригинала не только въ правописаніи, оставляя на немъ слѣды той или другой степени своей грамотности или своего говора, но и въ содержаніи: онъ или сокращалъ оригиналъ, или измѣнялъ, или пополнялъ его; только къ текстамъ Св. Писанія, богослужебнымъ и вообще церковнымъ книгамъ писецъ въ общемъ старался отнестись съ точки зрѣнія ихъ неприкосновенности, хотя это далеко не всегда ему удавалось по причинамъ, стоявшимъ внѣ его желанія. Писецъ смотрѣлъ на свой трудъ въ большинствѣ случаевъ не механически; онъ принималъ живое участіе въ его содержаніи. Понятіе литературной собственности въ его сознаніи не существовало ни въ юридическомъ, ни даже въ чисто литературномъ смыслѣ, и онъ очень легко переступалъ предѣлы этой собственности, видоизмѣняя, сокращая или дополняя, отъ себя или изъ другихъ авторовъ, переписываемое имъ произведеніе. Древне-русскій книжникъ, усвоивъ путемъ чтенія извѣстную сумму идей и знаній изъ области византійской письменности, считалъ уже это пріобрѣтеніе своей полной личной собственностью, не выдѣляя строго, какому именно автору что принадлежитъ; поэтому, многія—особенно мелкія—произведенія византійской письменности, носившія тамъ имена своихъ авторовъ, подъ перомъ древне-русскаго книжника нерѣдко

---

[1]) А. И. Соболевскій предполагаетъ остатки этой библіотеки епископа Кирилла въ рукописяхъ Житія Нифонта 1219 года Троице-Сергіевой Лавры, № 35 и Толковаго Апостола 1220 года Московской Синодальной библіотеки, № 7: «Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи». Спб. 1910, стр. 205—207.

[2]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, 3-е изданіе, стр. 148.

утрачивали эти имена или являлись съ именами невѣрными. Для древне-русскаго книжника эти чисто литературныя данныя были не важны; на первомъ мѣстѣ для него стояло содержаніе. Выдѣлялись лишь нѣсколько самыхъ замѣчательныхъ авторскихъ именъ: Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго и нѣкоторыхъ другихъ, получившихъ широкую извѣстность на родинѣ за правильность своихъ мнѣній и литературныя достоинства произведеній; и вотъ—этимъ и немногимъ другимъ знаменитымъ именамъ древне-русскій книжникъ охотно приписывалъ остальное, если по содержанію и по изложенію оно подходило къ общему высокому представленію о названныхъ великихъ писателяхъ. Конечно, въ виду недостаточной образованности нашихъ книжниковъ, такія пріуроченія и перенесенія именъ бывали часто наивны и ничѣмъ не обоснованы, но въ нихъ выражалось общее настроеніе этихъ дѣятелей нашего просвѣщенія. Въ этой обстановкѣ благочестивой мысли, литературной неосвѣдомленности и простодушія и возникли тѣ знаменитыя литературныя имена, тѣ «псевдонимы», общее литературное и культурное значеніе которыхъ въ нашей древней письменности впервые было обстоятельно указано М. И. Сухомлиновымъ [1]). Подъ этими «псевдонимами» скрывались нерѣдко не только произведенія византійской письменности, принадлежащія совсѣмъ другимъ авторамъ, но иногда и русскія оригинальныя произведенія: такъ, многія поученія Кирилла Туровскаго скрыты были въ рукописяхъ подъ собирательнымъ псевдонимомъ «Кирилла-Философа» (результатъ представленія литературной дѣятельности Кирилла-первоучителя, Кирилла Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго и, можетъ быть, другихъ), а поученія Серапіона Владимірскаго въ нѣкоторыхъ спискахъ носятъ на себѣ лестный для этого автора, въ глазахъ древне-русскаго читателя, псевдонимъ Іоанна Златоуста.

Существованіе такого пріема покрывать знаменитыми именами тѣ или другія произведенія византійской или русской письменности породило въ исторіи русской литературы древняго періода цѣлый рядъ недоумѣній по части пріуроченія тѣхъ или другихъ произведеній ихъ авторамъ; особенно это касается небольшихъ произведеній поучительнаго или агіографическаго характера, помѣщенныхъ въ «сборникахъ», составъ которыхъ не носитъ на себѣ слѣдовъ какого-либо опредѣленнаго происхожденія. Какъ на типическій примѣръ въ этомъ смыслѣ, можно указать на многочисленныя сочиненія упомянутаго Кирилла Туровскаго, носящія въ разныхъ рукописяхъ надписанія то «Св. Кирилла», то «Кирилла-Философа», то «Кирилла Александрійскаго» и т. п. [2]).

Какъ ни скромно было литературное и авторское сознаніе нашихъ книжниковъ, бывшее причиною указаннаго отношенія ихъ къ переписы-

[1]) О псевдонимахъ въ древней русской словесности. «Извѣстія II Отд. Академіи Наукъ», IV. 1855.

[2]) Е. Пѣтуховъ. Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ. Сб. II Отд. Академіи Наукъ, XLII. 1887.

ваемымъ рукописямъ и отдѣльнымъ сочиненіямъ, однако нельзя согласиться съ тѣмъ воззрѣніемъ, будто наши древніе переписчики только лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ обозначали свои имена на переписанныхъ ими экземплярахъ и что происходило это отъ чрезвычайнаго ихъ смиренія и скромности. Цѣнныя свѣдѣнія и наблюденія по этому вопросу имѣемъ мы въ статьѣ Н. В. Волкова: «Дѣйствительно ли безыменна была большая часть трудовъ древне-русскихъ переписчиковъ?» [1]). Пересмотрѣвъ дошедшія до насъ рукописи XI—XIV вв. въ количествѣ 690 экземпляровъ, г. Волковъ нашелъ, что около 115 изъ нихъ имѣютъ на себѣ современныя написанію записи, въ которыя нерѣдко заносилось и имя писца. Это составляетъ приблизительно одну шестую всего числа сохранившихся рукописей, но если принять во вниманіе, что изъ остальныхъ рукописей очень многія состоятъ изъ мелкихъ отрывковъ или не имѣютъ то начала, то конца—гдѣ обыкновенно и бывали записи переписчиковъ, то окажется, что число рукописей съ записями относительно числа рукописей безъ записей будетъ еще значительнѣе. Авторъ того мнѣнія, что среди древне-русскихъ переписчиковъ, напротивъ, преобладалъ обычай ставить свое имя, съ присоединеніемъ иногда хронологической даты или упоминанія о современныхъ обстоятельствахъ, на рукописяхъ,—и это совершенно естественно, если принять во вниманіе то религіозное и просвѣтительное значеніе, которое придавали переписчики своему труду и которое по всякомъ случаѣ должно было перевѣсить предполагаемое ихъ смиреніе и скромность. Впрочемъ, это наблюденіе касается только приблизительно первыхъ трехъ вѣковъ нашей письменности. Съ теченіемъ времени, когда отношеніе писцовъ къ переписываемымъ рукописямъ стало постепенно утрачивать свой субъективный религіозно-просвѣтительный характеръ и обратилось почти въ ремесло, когда переписка рукописей стала производиться по заказу, за извѣстную плату, а не была свободнымъ и личнымъ дѣломъ переписчика, тогда побужденіе оставлять свои имена на рукописяхъ у писцовъ должно было ослабѣть. Поэтому, дѣйствительно, въ рукописяхъ, начиная съ XIV вѣка, имена переписчиковъ, несмотря на сохранность многихъ рукописныхъ экземпляровъ, встрѣчаются гораздо рѣже. Около половины XIV вѣка образуются уже, особенно благодаря стараніямъ въ этомъ смыслѣ новгородскихъ архіепископовъ Моисея и Алексѣя и московскаго митрополита Кипріана, въ Новгородѣ и въ Москвѣ цѣлые штаты писцовъ-спеціалистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ среды духовенства, иночества и свѣтскихъ людей, съ распространеніемъ грамотности и книжности, выдѣляются въ большемъ противъ прежняго количествѣ переписчики рукописей, и въ результатѣ получается чрезвычайно быстрый ростъ въ послѣдующіе вѣка нашей письменности, вплоть до конца «древняго періода», книжнаго рукописнаго матеріала.

О количествѣ рукописей, оставшихся отъ древняго періода, мы не можемъ составить вполнѣ точнаго представленія, такъ какъ многія руко-

---

[1]) «Ж. М. Н. Пр.» 1897, № 11.

писныя собранія не только подробно не описаны, но даже и въ общихъ чертахъ не приведены въ извѣстность, не говоря уже объ отдѣльныхъ экземплярахъ, разсѣянныхъ по рукамъ частныхъ владѣльцевъ [1]). На помощь рукописному дѣлу со второй половины XVI вѣка приходитъ печатный станокъ; однако можно сказать, что вплоть до первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка его роль въ интересахъ собственно литературныхъ была ничтожной, и старый рукописный способъ распространенія писательской мысли почти попрежнему удерживалъ все свое значеніе.

---

[1]) Опытъ обозрѣнія русскихъ рукописей, оставшихся отъ первыхъ четырехъ вѣковъ нашей письменности, имѣется въ трудѣ Н. В. Волкова: «Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ XI—XIV вв. и ихъ указатель». Памятники древней письменности. CXXIII. 1897.—Любопытныя замѣчанія о ростѣ и характерѣ древнерусской книжности, примѣнительно къ вопросу объ ея историческомъ изученіи, до конца XVII в. см. въ сочиненіи Н. К. Никольскаго: «Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности», стр. 8—23.

I. Древнѣйшая эпоха (XI—XII вв.).

1. Поученія.

Терминъ «поученія».—Вопросъ о самостоятельности и историко-литературномъ значеніи древне-русскихъ поученій.—Господство схемы.—Лука Жидята.—Иларіонъ.—Ѳеодосій Печерскій.—Кириллъ Туровскій.—Другія поучительныя произведенія древнѣйшей эпохи.

Подъ поученіями, какъ извѣстнымъ родомъ литературныхъ произведеній, слѣдуетъ разумѣть не одни только церковныя поученія, произнесенныя или предназначенныя къ произнесенію лицами духовнаго званія въ церкви; сюда должны быть отнесены также разнаго рода назидательныя сочиненія, напоминающія по своей формѣ церковныя поученія и касающіяся вопросовъ жизни и христіанскаго благочестія. Первоначальное церковное происхожденіе такихъ произведеній не подлежитъ сомнѣнію; но потомъ они сочинялись и внѣ этого спеціальнаго назначенія, чтобы дать матеріалъ для назидательнаго чтенія дома. Самый терминъ «поученія» въ древней нашей письменности не имѣетъ характера устойчивости. Съ одной стороны, «поученіями» называются и такія произведенія, которыя, по своей опредѣленной формѣ обращенія отъ лица къ лицу, мы относимъ къ категоріи «посланій», напр. Поученіе Владиміра Мономаха къ своимъ дѣтямъ или Поученіе черноризца Зарубскія пещеры Георгія къ какому-то «чаду»; съ другой же стороны, поученія въ рукописяхъ часто носятъ названіе «слова», которое, въ свою очередь, также прилагается и къ другимъ произведеніямъ древней русской письменности, какъ Слово о Полку Игоревѣ или Слово Даніила Заточника.

Историкъ литературы, изучая «поученія», ищетъ въ нихъ черты внѣшняго быта или особенности міросозерцанія и настроенія того времени, къ которому относится произведеніе. Но самый характеръ содержанія этихъ поученій, сосредоточеннаго на истинахъ вѣры и благочестія, въ значительной степени уменьшаетъ ихъ собственно литературную цѣну.

Древне-русскія поученія слагаются изъ данныхъ двоякаго рода. Съ одной стороны это—произведенія, носящія на себѣ имя какого-либо русскаго автора, о которомъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія по другимъ источникамъ: въ такомъ случаѣ оцѣнка поученій въ историко-литературномъ отношеніи можетъ быть поставлена на твердую почву, если, конечно, предварительнымъ изслѣдованіемъ можетъ быть, съ большей или меньшей вѣроятностью, установлена принадлежность даннаго поученія тому или другому опредѣленному автору. Но огромная масса древне-русскихъ поученій не носитъ на себѣ никакого авторскаго имени, а лишь указаніе на содержаніе («о покаяніи», «о молитвѣ» и т. п.), или имя то слишкомъ общее (напр. «слово св. отецъ»), то невѣрное (одинъ изъ употребительныхъ «псевдонимовъ» или вообще какое-либо другое имя). Въ такихъ случаяхъ историку литературы приходится искать косвенныхъ данныхъ изъ содержанія поученія, чтобы опредѣлить, русское оно или переводное, и нельзя сказать, чтобы разысканія эти всегда могли расчитывать на успѣхъ: очень многія русскія поученія, будучи или компиляціями греческихъ источниковъ, или, можетъ быть, даже и оригинальными сочиненіями, очень походили на переводныя греческія или инославянскія поученія, и интересъ историка литературы въ такомъ случаѣ долженъ быть къ нимъ иной. Собственно-русскихъ поученій, оригинальное происхожденіе которыхъ могло бы быть доказано съ несомнѣнностью, въ кіевскую эпоху весьма немного.

Но даже и въ несомнѣнно-русскихъ поученіяхъ первыхъ вѣковъ нашей письменности живыхъ чертъ современности очень мало. Это касается столько же міровоззрѣнія, сколько и внѣшнихъ особенностей быта и нравовъ. Если первое въ достаточной степени объясняется тѣмъ, что христіанское міровоззрѣніе нашихъ предковъ, почерпнутое изъ Византіи, въ основѣ своей традиціонное и не могло быть оригинальнымъ, особенно на первыхъ порахъ знакомства съ новымъ кодексомъ религіозно-нравственныхъ понятій, то второе, т. е. отсутствіе яркаго проявленія бытовыхъ чертъ въ поученіяхъ русскихъ авторовъ, можетъ вызвать съ перваго взгляда недоумѣніе. Въ этихъ поученіяхъ постоянно или очень часто присутствовалъ элементъ обличенія, и что было болѣе естественнаго, какъ не введеніе въ эти обличительныя части поученія указаній на живую порочную дѣйствительность, всѣми видимую и многимъ понятную? Конечно, такія указанія есть, напр., въ рядѣ большею частію безыменныхъ поученій, направленныхъ противъ древне-русскаго язычества и разныхъ народныхъ суевѣрій [1]), но они положительно теряются въ общей массѣ такого поучительнаго матеріала, который не заключаетъ въ себѣ никакихъ чертъ живой дѣйствительности. Обстоятельство это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что древне-русскіе проповѣдники и другіе авторы поученій въ узкомъ смыслѣ этого слова, слѣдуя своимъ византійскимъ образцамъ, избѣгали внесенія живого элемента въ свои работы. Надо имѣть въ виду, что пріемы церковной проповѣди и учительства были усвоены нашими дѣятелями первыхъ вѣковъ письменности

[1]) Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Подъ ред. А. И. Пономарева. Вып. 3. Спб. 1897, стр. 193—250.

отъ своихъ византійскихъ учителей и изъ византійской литературы въ то время, когда въ самой Византіи господствовалъ духъ компиляторства, схоластики и риторической сухости. Преданія блестящаго періода въ развитіи византійской проповѣди, когда на этомъ поприщѣ дѣйствовали такіе великіе дѣятели, какъ Іоаннъ Златоустъ или Василій Великій, уже отошли тогда въ самой Византіи въ далекое прошлое, и хотя имена эти, какъ мы видѣли, были весьма популярны въ нашей древней письменности, однако ихъ непосредственное и живое отношеніе къ современности не было у насъ усвоено, какъ оно не было усвоено и нашими византійскими учителями, т. е. представителями того самаго греческаго или болгарскаго духовенства, отъ котораго первые русскіе дѣятели должны были позаимствовать пріемы и навыки церковнаго и книжнаго учительства. Нашими дѣятелями съ самаго же начала была принята та мысль, что не дѣло проповѣдника или книжнаго учителя вѣры слишкомъ близко подходить къ живой дѣйствительности и что цѣль можетъ быть скорѣе достигнута указаніемъ на традиціонныя правила христіанскаго благочестія и нравственности. Отъ этого проповѣдь получила однообразный, неоригинальный, маложизненный характеръ, какъ въ самой византійской литературѣ VIII—X в.в., такъ и у нашихъ проповѣдниковъ. Присутствіе живыхъ чертъ дѣйствительности являлось рѣдкимъ исключеніемъ, какъ результатъ особой талантливости писателя и его болѣе или менѣе независимаго взгляда на дѣло; большинство же слѣдовало обычаю, боясь или не умѣя отступить отъ него въ сторону.

При такомъ взглядѣ на задачу церковной проповѣди и учительства должна была еще издавна создаться и укрѣпиться въ Византіи и у насъ особая схема тѣхъ пороковъ и заблужденій, которыя могли находить себѣ мѣсто въ обличительной части этого рода произведеній. Происхожденіе этой схемы, вѣроятно, очень отдаленное. Въ разныхъ книгахъ апостольскихъ писаній (напр., въ Посланіи къ Галатамъ V, 19—21) мы встрѣчаемъ уже перечисленіе грѣховъ, вытекающихъ, по христіанскому міровоззрѣнію, изъ основныхъ свойствъ слабой человѣческой природы. Схемѣ считали нужнымъ подчиняться самые замѣчательные дѣятели въ области церковной проповѣди [1]), и даже сама паства, воспитанная такого рода пріемами въ проповѣди, иногда неодобрительно относилась къ попыткамъ введенія въ нее болѣе жизненныхъ элементовъ [2]). Одно изъ самыхъ полныхъ выраженій этой схемы находимъ мы въ извѣстномъ «Словѣ о мытарствахъ», основное содержаніе котораго ведетъ свое начало отъ «видѣнія» Θеодоры въ Житіи Василія Новаго, писанномъ Григоріемъ Мнихомъ въ X—XI в. «Слово о мытарствахъ» встрѣчается въ древней русской письменности въ самыхъ разнообразныхъ редакціяхъ и приписывается то Кириллу-Философу, то митрополиту кіевскому Кириллу, то Авраамію Смоленскому, но во всѣхъ случаяхъ лишь предположительно. Оно заключаетъ въ себѣ перечисленіе 20 мытарствъ, которыя должна проходить душа послѣ своего исхо-

[1]) Историческій обзоръ проповѣдничества. Т. I. Спб. 1878, стр. 11—12, 16, 32—33, 60, 62—63, 67.

[2]) Тамъ же, стр. 152—153.

жденія изъ тѣла, и каждое мытарство соотвѣтствуетъ грѣху или группѣ однородныхъ грѣховъ, которые она творила на землѣ. Вотъ эти грѣхи: 1) оболганіе, 2) оклеветаніе, 3) зависть, 4) гнѣвъ, 5) ярость съ гнѣвомъ, 6) гордость, 7) буесловіе и срамословіе и безстудныя словеса и плясанія въ пиру, 8) рѣзоимство и грабленіе, насильство и мздоиманіе, 9) тщеславіе, 10) златолюбіе и сребролюбіе, 11) пьянство и запойство, 12) злопомненіе, 13) волхвованіе и потворы, наузы, 14) объяденіе, 15) волхованіе и вѣра въ встрѣчу, въ чохъ и въ полазъ и птичій грай и въ баснотвореніе и содомское блуженіе, 16) прелюбодѣяніе незаконное, 17) убійство и всякія раны, 18) татьба и всякое крадение, 19) всякій блудъ, 20) немилосердіе и скупость. Эту схему, обыкновенно въ столь же безсистемной формулировкѣ, находимъ мы и въ анонимныхъ поученіяхъ разныхъ сборниковъ (Прологи, Златоусты, Измарагды), и въ отдѣльныхъ поучительныхъ сочиненіяхъ [1]. Западная католическая проповѣдь была гораздо независимѣе отъ этой схемы, и потому въ проповѣдническихъ произведеніяхъ того же времени мы встрѣчаемъ тамъ гораздо болѣе указаній на живую дѣйствительность, что придаетъ этимъ произведеніямъ нерѣдко большую яркость и дѣлаетъ ихъ немаловажнымъ источникомъ для знакомства съ бытомъ и нравами даннаго народа и времени. Прекраснымъ примѣромъ такого отношенія къ своимъ проповѣдническимъ задачамъ могутъ служить произведенія извѣстнаго францисканца XIII в. Бертольда Регенсбургскаго [2].

Самыми замѣчательными дѣятелями въ области поученія въ XI—XII в.в. являются: Лука Жидята, Иларіонъ, Өеодосій Печерскій и Кириллъ Туровскій. Несмотря на длинный рядъ изысканій о названныхъ писателяхъ, въ ученой литературѣ нѣтъ совершенно опредѣленныхъ и неоспоримыхъ указаній на точный объемъ и подлинность ихъ писательской дѣятельности. Причиной этого является крайне неустойчивый характеръ рукописнаго преданія объ авторствѣ названныхъ писателей, и, при обиліи списковъ ихъ произведеній (въ рукописяхъ сравнительно позднихъ, не ранѣе конца XIII вѣка, а большею частію XIV—XVI в.в.), очень часто безъ обозначенія имени автора или съ обозначеніемъ слишкомъ общимъ и неточнымъ, неизбѣжно получается множество затрудненій для болѣе или менѣе точныхъ выводовъ. Историческія извѣстія объ этихъ авторахъ также очень скудны, за исключеніемъ Өеодосія Печерскаго, и мало помогаютъ уясненію темныхъ вопросовъ касательно ихъ литературной дѣятельности. Въ результатѣ такого состоянія источниковъ получается то, что, несмотря на всѣ усилія библіографовъ и историковъ литературы, мы и теперь еще стоимъ въ области поучительной литературы кіевскаго періода передъ рядомъ вопросовъ, на вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе которыхъ едва ли вообще можно надѣяться.

Лука Жидята. Обыкновенно это имя стоитъ въ главѣ русскихъ писателей древнѣйшей поры нашей письменности; однако мы не можемъ сказать, чтобы имѣли передъ собою въ данномъ случаѣ совершенно неоспоримый

---

[1]) Е. Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій, стр. 49—50.

[2]) Тамъ же, стр. 50—51.

литературный фактъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ, начиная съ XIV—XV в., помѣщается то съ именемъ автора («архіепископа Луки»), то съ именами другихъ лицъ (архіеп. Василія, еписк. Григорія, святыхъ Апостолъ), то безъ всякаго имени «поученіе къ братіи»; краткое и весьма элементарное по содержанію (наставленія вѣровать въ Бога, ходить въ церковь, не ссориться, быть кроткимъ, почитать старшихъ и т. п.). Если имя «архіепископа Луки» имѣетъ подъ собой заслуживающее довѣрія преданіе, то весьма вѣроятно, что этотъ Лука былъ тотъ епископъ новгородскій Лука, о которомъ извѣстно изъ Лѣтописи, что онъ былъ поставленъ на епископскую каѳедру около 1036 года, а умеръ 15 октября 1059 года. Литература объ этомъ авторѣ и приписываемомъ ему поученіи довольно обширна [1]). Обстоятельное и осторожное изложеніе вопроса о личности предполагаемаго автора, о приписываемомъ ему поученіи, а равно и самое это поученіе, съ необходимыми поясненіями текста, имѣются въ трудѣ И. Е. Евсѣева въ «Памятникахъ древне-русской церковно-учительной литературы», подъ ред. проф. А. И. Пономарева, вып. I, стр. 8—24.

Митрополитъ Иларіонъ. Это—личность уже гораздо болѣе извѣстная, чѣмъ Лука Жидята, и безусловно очень замѣчательная. Согласно лѣтописнымъ извѣстіямъ, Иларіонъ былъ священникомъ при церкви Св. Апостоловъ въ селѣ Берестовѣ, загородной резиденціи великаго князя Ярослава; прославился здѣсь строгимъ подвижничествомъ, «книжностью» и высокими нравственными качествами, что, вѣроятно, и повело за собою избраніе и назначеніе его въ 1051 году кіевскимъ митрополитомъ, безъ участія Константинопольскаго патріарха. О дѣятельности Иларіона въ санѣ митрополита почти ничего не извѣстно, да и былъ онъ въ этомъ званіи очень недолго: въ 1055 году упоминается уже другой митрополитъ въ Кіевѣ, Ефремъ; когда умеръ Иларіонъ, мы также не знаемъ. Большой извѣстностью пользовалось приписываемое ему по нѣкоторымъ косвеннымъ указаніямъ такъ наз. «Слово о законѣ и благодати», знаменитый памятникъ древне-русской учительной литературы, хотя прямого указанія рукописей (списки его идутъ отъ XIV—XV в.) на принадлежность этого произведенія именно митрополиту Иларіону до сихъ поръ не найдено. «Слово» Иларіона, посвящено изображенію высоты христіанской вѣры, этого недавняго тогда пріобрѣтенія русскаго народа; авторъ выясняетъ свою мысль путемъ сравненія ветхаго «закона» и новой «благодати», при чемъ, не ограничиваясь общимъ разсужденіемъ по этому вопросу, примѣняетъ его въ частности къ принятію христіанства на Руси; «слово» переходитъ затѣмъ въ хвалебный гимнъ Богу за его милости къ русскому народу и заканчивается похвалой

[1]) Она указана у Н. К. Никольскаго: Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI в.в.). Спб. 1906, стр. 144—145. Позднѣе вышла работа С. А. Бугославскаго: «Поученіе еп. Луки Жидяты по рукописямъ XV—XVII в.в.». Здѣсь данъ критико-библіографическій анализъ списковъ этого произведенія и новое изданіе главнѣйшихъ типическихъ его текстовъ. Изв. II. Отд. Ак. Н. 1913, кн. 2, стр. 196—237.

вел. кн. Владиміру, какъ главному насадителю христіанскаго просвѣщенія на Руси. На протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ «Слово о законѣ и благодати» претерпѣло немало измѣненій въ своемъ составѣ и въ текстѣ, при чемъ обнаружилось четыре его редакціи [1]). «Слово» произнесено было, повидимому, между 1037 и 1050 годами, т. е. еще до назначенія Иларіона митрополитомъ въ Кіевѣ. Литература объ этомъ памятникѣ указана у Н. К. Никольскаго [2]). Лучшими изданіями «Слова» являются: (А. В. Горскаго) Памятники временъ вел. кн. Ярослава I. М. 1844; А. И. Соболевскаго въ «Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца» 1888, II, 2; В. И. Срезневскаго. Мусинъ-Пушкинскій Сборникъ 1414 года. Спб. 1893, стр. 32—69 и О. Г. Калугина въ его трудѣ: Иларіонъ митрополитъ Кіевскій и его церковно-учительныя произведенія, въ «Памятникахъ» проф. Пономарева, вып. 1, стр. 48—85.

Произведеніе это пользовалось въ нашей древней письменности большимъ авторитетомъ: ему подражалъ, напр., въ концѣ XIII в. волынскій лѣтописецъ, прославляя память князя Владиміра Васильковича; передѣлки его встрѣчаются въ рукописяхъ XVI и XVII в.в. Извѣстность «Слова» простиралась, повидимому, и за предѣлы Россіи, такъ какъ слѣды пользованія имъ имѣются въ житіи великаго жупана Неманя, писанномъ въ XIII в. сербскимъ писателемъ Доментіаномъ [3]). Высокую оцѣнку «Слова» съ исторической точки зрѣнія сдѣлалъ Голубинскій, вообще очень сдержанно относящійся къ памятникамъ нашей старой письменности, однако назвавшій его «прекраснымъ и истинно замѣчательнымъ ораторскимъ произведеніемъ» [4]). О другихъ произведеніяхъ Иларіона говорить хотя бы съ нѣкоторой увѣренностью не имѣется основаній [5]).

Ѳеодосій Печерскій—также одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей церковно-общественной жизни древней Руси второй половины XI вѣка. Личность Ѳеодосія обратила на себя вниманіе преп. Нестора, одного изъ замѣчательныхъ историческихъ писателей кіевскаго періода и бывшаго современникомъ и ревностнымъ почитателемъ памяти Ѳеодосія; послѣдній скончался въ 1074 году. Жизнеописаніе Ѳеодосія, написанное Несторомъ, относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ XI вѣка. Каковы бы ни

---

[1]) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 78—82; см. того же автора: Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности. Спб. 1907, стр. 25—27, 28—55.

[2]) Матеріалы. 1906, стр. 75. Къ этимъ указаніямъ слѣдуетъ прибавить статью И. Н. Жданова, представляющую одно изъ раннихъ его сочиненій и писанную въ 1872 году: Сочиненія И. Н. Жданова. Т. I, Спб. 1904, стр. 1—80.

[3]) Подробному анализу отношенія труда Доментіана къ труду Иларіона посвящена работа М. П. Петровскаго, гдѣ данъ также и обстоятельный обзоръ всего вопроса объ Иларіонѣ въ русской научной литературѣ: Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій, и Доментіанъ, іеромонахъ Хиландарскій. Изв. II Отд. Ак. Н. XIII. 1908, кн. 4, стр. 81—133.

[4]) Исторія русской церкви, I, перв. полов., 2 изд., стр. 844—845.

[5]) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 86—122.

были чисто-литературныя условности этого жизнеописанія, вытекавшія изъ знакомства автора съ византійской агіографической литературой и, какъ полагаютъ, изъ прямого подражанія кое въ чемъ извѣстному житію Саввы Освященнаго, написанному Кирилломъ Скиѳопольскимъ, однако въ общемъ это произведеніе, основанное на живыхъ наблюденіяхъ, разсказахъ очевидцевъ и на самомъ свѣжемъ преданіи, изображаетъ намъ жизнь Ѳеодосія Печерскаго весьма близко къ дѣйствительности. Жизнь эта была далеко не заурядной и полна глубокой поучительности для благочестивыхъ читателей изъ современниковъ и потомства. Но Ѳеодосій былъ не только подвижникомъ и выдающимся дѣятелемъ Кіево-Печерской обители; онъ былъ еще, въ качествѣ игумена монастыря, и проповѣдникомъ. Рукописное преданіе, хотя и съ большими разногласіями, приписываетъ ему рядъ литературныхъ произведеній, о степени подлинности и принадлежности которыхъ Ѳеодосію Печерскому имѣется уже обширная ученая литература въ трудахъ митрополита Макарія, преосв. Антонія, Шахматова, Н. И. Петрова, Лященка, Чаговца, Бѣльченка и др. [1]).

Митрополитъ Макарій, положившій первое начало широкой постановкѣ вопроса о литературной дѣятельности Ѳеодосія, находилъ возможнымъ приписывать ему слѣдующія произведенія: 1) Поученіе о казняхъ божіихъ, 2) Поученіе о тропарныхъ чашахъ (противъ пьянства), 3) Четыре отрывка изъ поученій къ инокамъ (передъ началомъ Великаго поста; о смиреніи; о нестяжательности; о подвигахъ монашескихъ вообще), 4) пять поученій къ братіи, сохранившихся въ полномъ видѣ (два поученія о терпѣніи и любви; о терпѣніи и милостынѣ; о терпѣніи и смиреніи; о хожденіи къ церкви и молитвѣ), 5) два посланія къ вел. кн. Изяславу (о постѣ въ среду и пятницу; о латинской вѣрѣ), 6) двѣ молитвы [2]).

Въ результатѣ послѣдующихъ работъ, основанныхъ, по необходимости, не столько на положительныхъ указаніяхъ рукописей, сколько на текстуальныхъ сравненіяхъ, сопоставленіяхъ и догадкахъ, получается все-таки весьма неопредѣленное представленіе о содержаніи и объемѣ литературной производительности Ѳеодосія Печерскаго. Чаговецъ, которому принадлежитъ самое обширное спеціальное сочиненіе о Ѳеодосіи и лучшее изданіе какъ принадлежащихъ Ѳеодосію, такъ и приписываемыхъ ему сочиненій [3]), дѣлитъ сочиненія на четыре группы: 1) поученіе о казняхъ божіихъ и поученіе о тропарныхъ чашахъ; 2) семь поученій къ инокамъ, изъ которыхъ два носятъ на себѣ имя Ѳеодора Студита, четыре отрывка и поученіе къ келарю; 3) два посланія къ вел. кн. Изяславу о вѣрѣ латинской и о постѣ въ среду и пятокъ; 4) молитвы. Эти выводы подвергнуты были обстоятельной

[1]) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 157—158.

[2]) Преподобный Ѳеодосій Печерскій, какъ писатель. Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ, Т. IV, 1855, стр. 273—293. Эти произведенія и изданы были митр. Макаріемъ въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Ак. Наукъ. Кн. II. 2 (1856), стр. 193—224.

[3]) Чаговецъ, В. А. Преподобный Ѳеодосій Печерскій. Его жизнь и сочиненія. Историко-литературный очеркъ. Кіевъ, 1901. Пять, наиболѣе вѣроятно принадлежащихъ Ѳ., поученій напечатаны также въ «Памятникахъ» А. И. Пономарева, I. 1894.

критикѣ со стороны Г. Бѣльченка [1]), который, въ свою очередь, находитъ, что изъ всего этого литературнаго багажа автора-игумена можно съ несомнѣнностью признать за нимъ лишь пять поученій къ инокамъ, одно къ келарю и двѣ молитвы; остальное же остается или подъ сомнѣніемъ, или внѣ всякой вѣроятности относительно авторства Θеодосія Печерскаго. Наконецъ, Н. К. Никольскій склоняется, повидимому—да и то не безъ оговорокъ признать за подлинныя сочиненія Θеодосія лишь пять его поученій къ инокамъ, противъ которыхъ вообще не высказывалось подозрѣній относительно ихъ принадлежности печерскому игумену [2]). Такимъ образомъ, Θеодосій является, по наиболѣе вѣроятнымъ даннымъ, авторомъ лишь небольшого числа поученій, обращенныхъ къ монастырской братіи и касающихся вопросовъ несложной, сосредоточенной на религіозныхъ подвигахъ, но и не чуждой мірскихъ интересовъ монастырской жизни; въ нихъ рѣчь идетъ о терпѣніи и любви, о смиреніи, милостынѣ и молитвѣ. Поученія отличаются элементарной простотой содержанія по вопросамъ жизни и поведенія инока, какъ тѣмъ же качествомъ характеризуется и поученіе, приписываемое Лукѣ Жидятѣ и обращенное къ мірянамъ; въ этомъ смыслѣ полную противоположность обоимъ авторамъ составляетъ митрополитъ Иларіонъ со своимъ «Словомъ о законѣ и благодати», написанномъ въ высокомъ стилѣ и на тему гораздо болѣе сложную и отвлеченную.

Признаваемыя подлинными поученія Θеодосія не представляютъ въ историко-литературномъ отношеніи чего-либо особенно замѣчательнаго, но ихъ важность получаетъ себѣ поддержку въ историческомъ значеніи самой личности ихъ автора. Нельзя не согласиться съ В. М. Истринымъ, что принадлежность Θеодосію Печерскому посланія къ князю Изяславу о латинской вѣрѣ и постѣ въ среду и пятокъ представляла бы для историка литературы гораздо большій интересъ, чѣмъ принадлежность ему монастырскихъ поученій [3]), однако на это не имѣется вполнѣ достаточныхъ основаній, и тутъ приходится примкнуть къ весьма вѣроятному мнѣнію А. А. Шахматова о томъ, что посланія эти принадлежатъ писателю XII вѣка Θеодосію Греку, монаху Кіево-Печерскаго монастыря [4]).

Кириллъ Туровскій. Свѣдѣнія о жизни этого знаменитаго писателя-проповѣдника XII вѣка, заключающіяся въ Прологѣ подъ 28 апрѣля [5]), поскольку имъ можно довѣрять, изображаютъ этого человѣка какъ весьма даровитую, незаурядную и дѣятельную личность своего времени, отличавшуюся высокимъ религіознымъ настроеніемъ, образованіемъ и любовью

---

[1]) Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ. Т. X. Одесса, 1902.

[2]) Матеріалы. 1906, стр. 160—166.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1902, № 8, стр. 430—431.

[4]) Изв. II Отд. Ак. Н. 1897, кн. 3, стр. 827—833.

[5]) По древнѣйшему списку XIV—XV в. опубликованы Н. К. Никольскимъ: Матеріалы. 1907, стр. 63—64.

къ литературному труду. Уроженецъ города Турова, находившагося въ эту пору подъ культурнымъ и политическимъ вліяніемъ Кіева, Кириллъ первую половину своей жизни посвятилъ аскетическимъ подвигамъ («вошелъ въ столпъ») и изученію «божественныхъ книгъ», а вторую, въ качествѣ Туровскаго епископа, церковно-административной дѣятельности и писательству. Вопросъ о его литературныхъ трудахъ—одинъ изъ самыхъ запутанныхъ въ древней русской письменности: неопредѣленныя указанія рукописей (имя К. Т. встрѣчается на рукописяхъ съ XIII вѣка) осложняются весьма часто встрѣчающимся древне-русскимъ соименнымъ нашему автору литературнымъ «псевдонимомъ». Со времени перваго, значительнаго по полнотѣ, изданія сочиненій, связанныхъ съ именемъ Кирилла Туровскаго, К. Ѳ. Калайдовича [1]), и до послѣдняго времени въ ученой литературѣ были высказаваемы далеко не согласныя между собою мнѣнія о томъ, что именно должно быть приписано Кириллу Туровскому, какъ автору. Митрополитъ Макарій, въ спеціальномъ изслѣдованіи, посвященномъ Кириллу Туровскому [2]), находитъ возможнымъ признать за несомнѣнно принадлежащія Кириллу девять поученій: 1) Въ недѣлю Вайй, 2) На Пасху, 3) Въ недѣлю Ѳомину, 4) Въ недѣлю о мироносицахъ, 5) Въ недѣлю о разслабленномъ, 6) Въ недѣлю о слѣпомъ, 7) На Вознесеніе Господне, 8) На Соборъ 318 св. отецъ, 9) Слово, не приспособленное ни къ какому опредѣленному церковному дню и изложенное въ видѣ «притчи о слѣпцѣ и хромцѣ»; затѣмъ, его посланія: «Сказаніе о черноризстѣмъ чину отъ ветхаго закона и новаго», «Притча о бѣлоризцѣ человѣцѣ (посланіе къ Печерскому игумену Василію), другое посланіе къ игумену Василію; наконецъ, нѣсколько молитвъ (22) и канонъ молебный. Кромѣ того, митр. Макарій отмѣчаетъ «потерянныя» сочиненія Кирилла Туровскаго: Обличеніе на ересь Ростовскаго епископа Ѳеодорца, «многія посланія» къ Андрею Боголюбскому, похвальныя слова «многимъ святымъ», разныя «душеполезныя слова на праздники Господскіе» и «покаянный канонъ». Къ «сомнительнымъ» произведеніямъ К. Т. авторъ относитъ: Поученіе въ недѣлю пятую по Пасхѣ, Поученіе на Пятидесятницу, Слово о премудрости и Слово о мытарствахъ.

Голубинскій принимаетъ точку зрѣнія Макарія относительно подлинно принадлежащихъ Кириллу Т. поученій и, умалчивая совершенно объ остальныхъ, только на основаніи девяти произведеній опредѣляетъ литературный образъ этого писателя такими чертами: это былъ человѣкъ, получившій «настоящее образованіе» и среди писателей своего времени составляющій въ этомъ смыслѣ исключеніе; его поученія «представляютъ собою совершенно такія же ораторскія произведенія, какъ и слова современныхъ намъ ученыхъ проповѣдниковъ»; по отношенію къ слушателямъ они являлись «безплоднымъ краснорѣчіемъ», такъ какъ нравственное назиданіе въ нихъ

[1]) Памятники россійской словесности XII вѣка. М. 1821.

[2]) Макарій. Св. Кириллъ, епископъ Туровскій, какъ писатель. Извѣстія II Отд. Ак. Н. Т. V. 1856, стр. 225—263.

вполнѣ отсутствуетъ [1]). Къ этой вѣрной характеристикѣ надо прибавить, что, составляя полную противоположность простотѣ Луки Жидяты и Ѳеодосія Печерскаго, Кириллъ Туровскій, какъ авторъ, имѣетъ лишь спеціально-литературный интересъ, являя собою примѣръ усвоенія на русской почвѣ утонченной манеры византійскихъ проповѣдниковъ позднѣйшей эпохи. Любимыми средствами его краснорѣчія являются сравненія, уподобленія и противоположенія; часто прибѣгаетъ онъ къ аллегорическому толкованію Св. Писанія, вводитъ «притчи» и охотно пользуется вопросо-отвѣтной формой изложенія. Такія качества не могли обезпечить поученіямъ Кирилла Туровскаго доступъ къ широкому кругу слушателей.

Послѣ упомянутаго изданія Калайдовича, изъ изданій сочиненій Кирилла Туровскаго или ему приписываемыхъ долженъ быть отмѣченъ трудъ М. И. Сухомлинова: Рукописи графа А. С. Уварова. Т. II, вып. I. Спб. 1858, съ обширнымъ историко-литературнымъ введеніемъ, представляющимъ собою основательное изслѣдованіе о Кириллѣ Туровскомъ, какъ писателѣ; отрицательной стороной изданія является отсутствіе критики въ вопросѣ о подлинности сочиненій Кирилла Т. Весьма полезной для ознакомленія съ состояніемъ вопроса о Кириллѣ Туровскомъ является также работа проф. Пономарева [2]), представляющая собою какъ изданіе несомнѣнно принадлежащихъ и отчасти приписываемыхъ Кириллу Т. произведеній, такъ и изслѣдованіе о его жизни и сочиненіяхъ, въ которомъ приняты во вниманіе научныя работы о Кириллѣ послѣдняго времени, съ критической постановкой вопроса о подлинности его литературныхъ трудовъ [3]).

Какъ можно видѣть изъ краткихъ указаній на происхожденіе и мѣсто дѣятельности названныхъ четырехъ авторовъ, они могутъ быть объединены названіемъ «кіевскаго» періода нашей письменности лишь болѣе или менѣе условно. Въ тѣсномъ смыслѣ кіевскими дѣятелями можно признать изъ нихъ только Иларіона и Ѳеодосія; изъ остальныхъ же двухъ Лука Жидята примыкаетъ къ Новгороду, а Кириллъ—къ Турову. Однако преобладающее вліяніе Кіева, какъ просвѣтительнаго центра той эпохи, было настолько велико, и, съ другой стороны, мѣстныя особенности двухъ названныхъ послѣднихъ городовъ въ томъ же отношеніи были въ это время еще столь незамѣтны, что говорить о какомъ-либо мѣстномъ колоритѣ въ произведеніяхъ этихъ авторовъ сравнительно съ двумя первыми нѣтъ основаній. Правда, Туровъ былъ территоріально очень близокъ къ Кіеву и находился отъ него въ извѣстной политической зависимости, такъ что, быть можетъ, и не имѣлъ возможности проявить какое-либо вліяніе на содержаніе проповѣдей своего епископа; правда, Новгородъ, духовный владыка котораго находился въ зависимости отъ Кіевскаго митрополита, также не могъ наложить какихъ-либо спеціальныхъ особенностей на въ высшей степени элементарное содер-

---

[1]) И. Р. Ц., I, перв. пол., 2 изд., стр. 797—798.

[2]) Памятники, вып. I, стр. 88—198.

[3]) Новѣйшимъ матеріаломъ по вопросу о литературной дѣятельности К. Т. являются данныя, опубликованныя у Н. К. Никольскаго: Матеріалы. 1907, стр. 65—94.

жаніе поученія своего архіепископа въ ту пору, когда религіозно-нравственныя понятія на Руси только что складывались и были, естественно, одинаковы и на сѣверѣ и на югѣ; но все же этихъ общихъ и предположительныхъ указаній недостаточно, чтобы ими одними объяснить почти полное отсутствіе отраженія мѣстной жизни въ учительныхъ произведеніяхъ названныхъ авторовъ. Тутъ приходится вспомнить именно о существованіи въ учительно-проповѣднической практикѣ древняго времени той схемы, которая, идя изъ весьма отдаленнаго источника, связывала авторскую самостоятельность даже у наиболѣе даровитыхъ нашихъ писателей-проповѣдниковъ. Въ виду этого, писатели-кіевляне, какъ и не-кіевляне, затрудненные указанной схемой, являются въ данной литературной области весьма похожими другъ на друга въ общемъ содержаніи своихъ произведеній.

Сочиненіями названныхъ писателей, конечно, не исчерпывалась вся сумма церковно-учительной литературы кіевскаго періода. Объ учительныхъ произведеніяхъ нѣкоторыхъ авторовъ до насъ дошли лишь отдаленныя или весьма сомнительныя и неопредѣленныя свѣдѣнія: таковъ знаменитый основатель Кіево-Печерскаго монастыря Антоній [1]), а съ другой стороны—какой-то «Петръ русскій», которому, быть можетъ, принадлежитъ очень древнее поученіе «о постѣ и молитвѣ» [2]). Но главная масса этого матеріала находится въ разнаго рода рукописныхъ сборникахъ, заключающихъ въ себѣ немало безъименныхъ поученій, которыхъ русское происхожденіе и принадлежность къ древнѣйшей порѣ нашей письменности можно предполагать съ большой вѣроятностью. Таковы поученія, находящіяся въ составѣ Пролога [3]), «Златоуста» [4]), «Златой Цѣпи», «Паисьевскаго Сборника» [5]); таковы поученія противъ язычества и народныхъ суевѣрій [6]), по поводу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ изъ церковной или обществен-

---

[1]) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 149—151.

[2]) Е. Пѣтуховъ. Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. Вып. II, стр. 9—13. Впрочемъ, А. И. Соболевскій склоненъ видѣть въ авторѣ этого поученія болгарскаго царя Петра: Изв. II Отд. А. Н. 1908, кн. 3, стр. 317—318.

[3]) Е. Пѣтуховъ. Матералы и замѣтки. Вып. I, стр. 3—31.

[4]) Е. Пѣтуховъ. Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Сб. II Отд. А. Н., XL, 1886, и въ «Памятникахъ» А. И. Пономарева, вып. III, стр. 153—192.

[5]) Въ большомъ количествѣ напечатаны проф. А. И. Пономаревымъ: Памятники, вып. III, стр. 1—149.

[6]) Напечатаны проф. П. В. Владиміровымъ въ «Памятникахъ» А. И. Пономарева, вып. III, стр. 195—250, и еще ранѣе нѣкоторыя изъ нихъ Н. С. Тихонравовымъ: Лѣтописи русск. литер. и древности. IV. 1862. Новымъ соображеніямъ по вопросамъ, возбуждаемымъ этими поученіями, въ широкихъ культурно-историческихъ рамкахъ, посвящена упомянутая работа Е. В. Аничкова: Язычество и древняя Русь. Спб. 1914.

ной жизни [1]) и т. п. Общій, но далеко не полный, обзоръ этихъ произведеній сдѣланъ проф. Владиміровымъ [2]); въ большей своей части этотъ матеріалъ однако же до сихъ поръ остается неизслѣдованнымъ съ той обстоятельностью, какая была бы въ данномъ случаѣ желательна.

2. Посланія.

Значеніе термина «посланіе». - Поученіе Владиміра Мономаха; вопросы объ его объемѣ и о времени написанія; идеальный образъ князя-автора; его литературные пріемы.— Популярность этой литературной формы въ древней письменности.

Эта литературная форма, подобно поученіямъ, также не можетъ быть очерчена съ внѣшней стороны вполнѣ опредѣленно. Главнѣйшей ея особенностью является письменное обращеніе отъ лица къ лицу или къ цѣлой извѣстной группѣ лицъ, напр. отца къ сыну или епископа къ своей паствѣ. Въ рукописяхъ такія «посланія» носятъ еще названія «слова», «поученія» и т. п. По содержанію они находятся въ тѣсной связи съ церковными или иными поученіями, включая въ себя близкій къ нимъ по духу поучительный элементъ и имѣя ту же общую цѣль назиданія. Подобно поученіямъ, большинство посланій или обращеній анонимно; таково, напр., одно изъ древнѣйшихъ въ этомъ родѣ «Слово нѣкоего отца къ сыну своему», помѣщенное въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 года; впрочемъ, несмотря на высказанныя мнѣнія ученыхъ, русское происхожденіе этого произведенія сомнительно: по крайней мѣрѣ, оно ничѣмъ положительнымъ не можетъ быть доказано [3]). Сюда должны быть отнесены также разныя посланія церковныхъ іерарховъ къ князьямъ по вопросамъ вѣры и благочестія, напр. посланія митрополита Никифора (1104—1121) къ вел. кн. Владиміру Мономаху и къ муромскому князю Ярославу Святославичу и т. п.

Поученіе Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ. Самымъ выдающимся произведеніемъ этого рода въ разсматриваемую эпоху является Поученіе Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ, извѣстное въ составѣ Суздальской Лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 1096 годомъ.

Относительно этого произведенія еще и теперь многое не выяснено окончательно. Не опредѣленъ точно самый объемъ поученія въ смыслѣ текста. Въ Лѣтописи вслѣдъ за «Поученіемъ» помѣщено посланіе Владиміра Мономаха къ князю Олегу Святославичу, написанное по поводу смерти сына Мономаха, Изяслава, и такъ какъ въ лѣтописномъ текстѣ оба эти произведенія не разграничены [4]), то ученые расходятся въ рѣшеніи вопроса о томъ,

[1]) См., напр., И. Шляпкинъ. Русское поученіе XI вѣка о перенесеніи мощей Николая Чудотворца. Спб. 1881; Хр. Лопаревъ. Слово похвальное на перенесеніе мощей Св. Бориса и Глѣба. Неизданный памятникъ литературы XII вѣка. Спб. 1894.

[2]) Древняя русская литература кіевскаго періода, стр. 129—134, 167—178.

[3]) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 203—205.

[4]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3. Спб. 1897. стр. 232—246.

гдѣ именно кончается одно произведенiе и гдѣ начинается другое: таковы различные взгляды на это М. П. Погодина, А. Ѳ. Бычкова и новѣйшихъ изслѣдователей И. Ивакина и Н. Шлякова. Вопросъ о времени написанія «поученія» также не имѣетъ вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія. Въ старое время Карамзинъ и Шевыревъ полагали, что это произведенiе написано Мономахомъ (ум. 1125) въ глубокой старости, ссылаясь на метафорическое толкованiе выраженія автора «сѣдя на санехъ» въ смыслѣ «на одрѣ смерти». Погодинъ, напротивъ, полагалъ, что «поученiе написано въ 1099 году, во время путешествія Мономаха по Волгѣ въ Ростовъ, и къ этому мнѣнію примкнулъ С. Протопоповъ [1]). Шляковъ [2]) считаетъ, что «поученiе» написано 8—10 февраля 1106 года на погостѣ Волгѣ, недалеко отъ Ростова, а Ивакинъ [3])—въ промежутокъ времени 1118—1125 годовъ.

Поученiе Владиміра Мономаха — памятникъ весьма замѣчательный и по имени знаменитаго автора-князя, и по содержанію, и по своему основному духу и цѣли. Въ основѣ своей назидательное, это произведенiе заключаетъ въ себѣ рядъ интересныхъ фактическихъ указаній автора о себѣ самомъ, составляющихъ какъ бы часть его автобіографіи. Эти указанія имѣютъ цѣлью подтвердить наставленія Мономаха своимъ дѣтямъ, а также и «иному кому», кто пожелаетъ прочесть при случаѣ его «грамотицу». Въ этихъ наставленіяхъ вырисовывается со стороны благочестиваго князя бодрый и дѣятельный взглядъ его на то, какъ надо жить, при чемъ общія назиданія переплетаются съ частными, имѣющими въ виду спеціальныя условія жизни князя-правителя. Въ послѣднемъ отношеніи особенно рельефно выдѣляется его возвышенный, умиротворяющій идеалъ жизни, направленный по адресу постоянныхъ княжескихъ междоусобій удѣльнаго строя той эпохи; авторъ старается поставить надъ эгоистическими стремленіями князей христіанскій завѣтъ прощенія, смиренія и мысли о дѣйствительномъ благѣ родины.

Мономахъ пользуется формой обращенія къ своимъ дѣтямъ, какъ очень популярной и въ византійской и въ древне-русской письменности [4]). Чтенiе «Поученія» Мономаха едва ли можетъ оставить сомнѣнiе въ томъ, что авторъ былъ знакомъ съ литературными пріемами своего времени, имѣлъ навыкъ въ литературномъ изложеніи своихъ мыслей и былъ человѣкъ, въ книжномъ смыслѣ, очень образованный и начитанный. «Поученiе» его носитъ на себѣ нѣкоторые слѣды опредѣленнаго плана [5]), но услѣдить этотъ планъ во всѣхъ его частяхъ весьма трудно, и причину этого обстоятельства можно относить отчасти къ неисправному состоянію дошедшаго до насъ текста «Поученія»

---

[1]) Поученiе Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси въ дотатарскую эпоху. Ж. М. Н. Пр. 1874, № 2.

[2]) О поученіи Владиміра Мономаха. Спб. 1900.

[3]) Князь Владиміръ Мономахъ и его Поученiе. Ч. I. Поученiе къ дѣтямъ. Письмо къ Олегу и отрывки. М. 1901.

[4]) Е. Пѣтуховъ. Матеріалы и замѣтки. В. II, стр. 16—17.

[5]) Шляковъ, назв. соч., стр. 110.

въ составѣ Лѣтописи; въ отдѣльныхъ спискахъ этотъ текстъ въ старину, повидимому, совсѣмъ не имѣлъ распространенія [1]), хотя въ научномъ изданіи онъ явился впервые, будучи извлеченъ гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ изъ Лѣтописи, именно какъ памятникъ совершенно отдѣльный [2]).

3. Житія святыхъ.

Условія возникновенія житій въ первые вѣка русской письменности.—Вопросъ о Житіи преп. Антонія и объ Іаковѣ-мнихѣ.—Агіографическіе труды Нестора: «Житіе Бориса и Глѣба» и «Житіе Ѳеодосія»; пріемы идеализаціи и реализма въ послѣднемъ произведеніи.

Житія святыхъ, называемыя иногда «сказаніями», были на Руси одной изъ самыхъ любимыхъ и распространенныхъ литературныхъ формъ какъ древнѣйшей эпохи, такъ въ особенности послѣдующихъ столѣтій. Эта форма наилучшимъ образомъ удовлетворяла и потребностямъ христіанскаго благочестія, въ смыслѣ назиданія, и простой нуждѣ въ чтеніи; повѣствовательный характеръ житій дѣлалъ ихъ содержаніе доступнымъ самому неподготовленному читателю и легко укладывался въ памяти. Но, съ другой стороны, для созданія русскихъ, не переводныхъ житій требовалась своя историческая подкладка, которую могло подготовить только время; надо было признаніе того или другого лица или подвижника святымъ—и только тогда могло имѣть смыслъ составленіе его «житія» [3]). Это обстоятельство является главной причиной того, почему, несмотря на чрезвычайную приспособленность тогдашняго читателя къ уровню житійной формы, въ первые два вѣка нашей письменности такихъ произведеній имѣется весьма немного, и въ сущности безспорнымъ можетъ быть признано тутъ только одно имя—преп. Нестора, автора двухъ замѣчательныхъ жизнеописаній съ сюжетами изъ русской жизни.

Начало русской агіографіи было связано съ Кіево-Печерскимъ монастыремъ, основателемъ котораго считается преп. Антоній Печерскій.

Повидимому, однимъ изъ первыхъ опытовъ житійной литературы на Руси было житіе Антонія Печерскаго. Но вопросъ объ этомъ произведеніи,

---

[1]) Отрывокъ, напечатанный во II приложеніи къ 3 изд. Лѣтописи по Лаврентьевскому списку (стр. 41) по рукописи Археографической Комиссій XV вѣка, не разрѣшаетъ этого вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону, хотя и заключаетъ весьма интересный матеріалъ для изученія этого замѣчательнаго литературнаго произведенія: ср. статью Е. Будде о 3-мъ изд. Лаврентьевской Лѣтописи, въ Р. Ф. В. 1898 № 1—2, стр. 235—245.

[2]) Духовная великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ, названная въ Лѣтописи Суздальской «Поученіе». Спб. 1793.

[3]) Соображенія объ условіяхъ возникновенія житій въ древнемъ періодѣ и общій, типическій, ихъ характеръ изложены у В. О. Ключевскаго: Курсъ русской исторіи Ч. II, 1906, стр. 319—323.

не дошедшемъ до насъ въ его первоначальномъ видѣ, до сихъ поръ представляется неяснымъ. Мы знаемъ объ этомъ житіи лишь, по позднѣйшимъ указаніямъ и отрывкамъ, изъ Начальной Лѣтописи и Кіево-Печерскаго Патерика. Возстановленіемъ первоначальнаго содержанія этого памятника нашей древнѣйшей агіографіи наука обязана А. А. Шахматову, который даетъ его общую историческую оцѣнку въ такихъ выраженіяхъ: «Житіе Антонія принадлежитъ къ числу утраченныхъ для историка русской литературы памятниковъ. Если бы оно дошло до нашихъ дней, то несомнѣнно занимало бы одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди древнѣйшихъ произведеній нашей письменности. Важное само по себѣ, какъ одна изъ первыхъ попытокъ соединить въ одно цѣлое рядъ историческихъ и легендарныхъ преданій о возникновеніи Печерскаго монастыря, это житіе особенно любопытно потому, что служило источникомъ для многихъ сказаній о житіяхъ печерскихъ угодниковъ XI вѣка и событіяхъ, связанныхъ съ исторіею славной обители; изъ нея заимствовано въ Повѣсть временныхъ лѣтъ нѣсколько историческихъ и даже хронологическихъ данныхъ» [1]).

Не вполнѣ ясными являются и попытки въ области ранней житійной литературы, связанныя съ древнимъ Прологомъ, какъ одной изъ самыхъ видныхъ переводныхъ книгъ въ древнѣйшую пору нашей письменности. Рядомъ съ переводными житіями иноземныхъ святыхъ здѣсь довольно рано стали находить себѣ мѣсто и краткія житія русскихъ князей—св. Ольги, св. Владиміра, св. Бориса и Глѣба: вѣроятно, надъ этимъ работали около половины XII вѣка въ Константинополѣ совмѣстно русскіе и южно-славянскіе, преимущественно болгарскіе, книжники [2]).

Затѣмъ, въ научной литературѣ давно уже была сдѣлана попытка поставить во главѣ русскихъ агіобіографовъ Іакова-мниха, относительно котораго, изъ сообщенія Лѣтописи подъ 1074 годомъ, извѣстно только то, что онъ былъ первоначально предназначенъ Ѳеодосіемъ Печерскимъ въ качествѣ преемника его по игуменству въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ; впрочемъ, Ѳеодосій, склонившись на просьбу братіи, назначилъ въ игумены послѣ себя другое лицо. Объ авторствѣ Іакова тутъ не говорится ни слова, но надъ однимъ произведеніемъ старой письменности, «Память и похвала князю русскому Володимеру», имѣется въ нѣкоторыхъ спискахъ надпись «списано

---

[1]) Житіе Антонія и Печерская Лѣтопись. Ж. М. Н. Пр. 1898 № 3, стр. 105. Ср. его же, Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908, стр. 257—289. Поднятый М. Д. Приселковымъ (Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII в. Спб. 1913) интересный вопросъ объ общественно-политической тенденціозности этого житія въ греческомъ духѣ противъ національныхъ и антивизантійскихъ стремленій кіево-печерскаго монашества освѣщенъ съ противоположной точки зрѣнія—въ статьѣ С. П. Розанова: Къ вопросу о Житіи преп. Антонія Печерскаго, въ Изв. II Отд. Ак. Н. 1914, кн. 1, стр. 34—46, и отчасти затронутъ у В. Пархоменка: Въ какой мѣрѣ было тенденціозно несохранившееся древнѣйшее житіе Антонія Печерскаго? Тамъ же, стр. 237—241.

[2]) Н. Серебрянскій. Древне-русскія княжескія житія (Обзоръ редакцій и тексты). М. 1915, стр. 1—107.

Іаковомъ-мнихомъ», при чемъ нѣкоторыми изслѣдователями, напр. митр. Макаріемъ, была установлена предположительная связь между этой надписью и личностью Іакова, современника Ѳеодосія [1]). Однако, при дальнѣйшемъ изученіи вопроса для такого отожествленія не оказалось положительныхъ данныхъ ни въ указаніяхъ рукописей, ни въ прямыхъ свидѣтельствахъ объ Іаковѣ-мнихѣ со стороны другихъ памятниковъ; нѣкоторые изслѣдователи склонны были не отрицать правильность надписанія «памяти и похвалы», т. е. собственно житія Владиміра Святого, именемъ «Іакова-мниха», но, не отожествляя этого послѣдняго съ современникомъ Ѳеодосія, переносили его жизнь и сочиненіе упомянутаго житія въ слѣдующее, XII столѣтіе. Еще менѣе достовѣрнымъ представляется приписаніе тому же Іакову-мниху другого житійнаго труда, «Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ», древнѣйшій списокъ котораго имѣется въ извѣстномъ Сборникѣ Московскаго Успенскаго Собора XII в. [2]); тутъ уже мы не располагаемъ даже и надписью о какомъ бы то ни было авторѣ этого произведенія. Такимъ образомъ, приходится признать, руководясь лишь несомнѣнными данными, что говорить объ Іаковѣ-мнихѣ, какъ первомъ нашемъ агіобіографѣ и, въ частности, какъ объ авторѣ произведеній конца XI вѣка, Житія Владиміра Святого и Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, невозможно; но, съ другой стороны, нельзя и отрицать ни того, что названныя произведенія могли быть написаны въ XI или XII вѣкѣ, ни того, что въ числѣ писателей древнѣйшаго періода былъ какой-то Іаковъ-мнихъ, о жизни и трудахъ котораго мы однако же ничего положительнаго сказать не можемъ; едва ли даже и самое тщательное сравнительное изученіе всѣхъ относящихся сюда текстовъ [3]), безъ новыхъ рукописныхъ находокъ съ болѣе точными указаніями, можетъ привести къ полному разрѣшенію этого вопроса [4]).

Агіографическіе труды преп. Нестора. Въ противоположность Іакову-мниху, авторство Нестора, черноризца Кіево-Печерскаго монастыря и современника Ѳеодосія Печерскаго, не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Время его жизни—вторая половина XI вѣка. Ему принадлежатъ: «Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба» и «Житіе Ѳеодосія». На обоихъ памятникахъ стоитъ имя автора, и достовѣрность этого показанія подтверждается содержаніемъ самыхъ произведеній, а равно и заключающихся въ нихъ ссылокъ частнаго характера. Кромѣ того, на

---

[1]) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 225—227, пр. 1; 229—233. Памятникъ этотъ напечатанъ много разъ; по самому древнему списку (1494 года) онъ изданъ В. И. Срезневскимъ въ Запискахъ Импер. Академіи Наукъ по Историко-филологическому Отдѣленію. Т. I № 6, Спб. 1897. Краткая редакція «Памяти и похвалы», которую издатель считаетъ древнѣйшей, напечатана А. И. Соболевскимъ въ Чтеніяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца 1888, II, 2, стр. 15.

[2]) Н. К. Никольскій, стр. 253—255.

[3]) Ср. тамъ же, стр. 257, 289—301; Н. Серебрянскій. Замѣтки и тексты изъ псковскихъ памятниковъ. I—V. М. 1910, стр. 51—67.

[4]) Новѣйшее мнѣніе по этому вопросу высказано акад. А. А. Шахматовымъ; Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908, стр. 34—40.

основаніи сравнительнаго изученія обоихъ памятниковъ можно видѣть, что Несторъ написалъ сначала «Чтеніе о житіи и о погубленіи Бориса и Глѣба», написанное, по предположенію Шахматова, въ 80-хъ годахъ XI ст., а потомъ уже житіе Ѳеодосія, относящееся, вѣроятно, къ послѣднимъ годамъ XI вѣка.

Житіе Бориса и Глѣба, написанное на ту же тему, что и упомянутое предполагаемое произведеніе Іакова-мниха, было въ нашей древней письменности, судя по количеству сохранившихся списковъ, менѣе популярно, нежели это послѣднее. Оно [1]) состоитъ изъ двухъ частей: повѣствованія собственно о жизни и убіеніи Бориса и Глѣба и разсказа объ ихъ чудесахъ. Въ литературномъ смыслѣ, большой интересъ представляетъ вопросъ объ отношеніи этого произведенія Нестора къ анонимному труду, приписываемому Іакову-мниху, на ту же тему: имѣя въ виду значительную общность ихъ содержанія и сходство отдѣльныхъ мѣстъ, приходится спросить: кто у кого заимствовалъ—неизвѣстный ли авторъ у Нестора или Несторъ у неизвѣстнаго автора? Новѣйшій изслѣдователь этого вопроса приходитъ къ тому выводу, что именно преп. Несторъ въ своемъ «Чтеніи» заимствовалъ изъ анонимнаго «Сказанія»; однако это заимствованіе не было у Нестора единственнымъ; въ его трудѣ можно усмотрѣть слѣды заимствованія и изъ другихъ источниковъ—древнѣйшей лѣтописи, «Слова о законѣ и благодати» митр. Иларіона, а отчасти изъ византійскихъ житій Евстафія Плакиды и Саввы Освященнаго [2]). Впрочемъ, не исключена возможность, что оба автора, при общности темы и господствовавшихъ тогда литературныхъ пріемахъ, могли независимо другъ отъ друга черпать изъ одного какого-либо источника, до насъ не дошедшаго. Интереснымъ представляется самый фактъ возникновенія въ довольно раннюю пору нашей письменности двухъ произведеній отдѣльныхъ авторовъ на одну и ту же тему; кромѣ того, были еще и другія произведенія на тему о Борисѣ и Глѣбѣ [3]). Это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что самый сюжетъ о двухъ братьяхъ-мученикахъ, дававшій возможность распространяться объ идеальной братской любви, въ виду возможности его живого примѣненія къ тогдашнимъ родствен-

---

[1]) Редакціи его установлены С. А. Бугославскимъ: Отчетъ объ экскурсіи семинаріи русской филологіи проф. В. Н. Перетца въ С.-Петербургъ. К. 1912, стр. 9—11. Ср. Н. Серебрянскій, Древне-русскія княжескія житія, стр. 90—100. Издано въ болѣе раннихъ редакціяхъ, близкихъ къ первоначальному оригиналу, О. М. Бодянскимъ (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1870, кн. I) и въ книгѣ: Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго Собора. Вып. I. Изд. подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М. 1899, стр. 12—40, а въ одной изъ позднихъ редакцій И. И. Срезневскимъ въ книгѣ: Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка. Спб. 1860. Ср. у Н. Серебрянскаго, назв. соч. Тексты, стр. 27—47. О другихъ изданіяхъ см. у Н. К. Никольскаго: Матеріалы. 1906, стр. 399.

[2]) С. Бугославскій. Къ вопросу о характерѣ и объемѣ литературной дѣятельности преп. Нестора. Изв. II Отд. Ак. Н. 1914, кн. 1, стр. 132—148.

[3]) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 271—289.

нымъ междукняжескимъ усобицамъ, былъ весьма популяренъ и привлекателенъ.

Гораздо выше «Житія Бориса и Глѣба» стоитъ въ литературномъ отношеніи «Житіе Ѳеодосія». Талантъ инока-повѣствователя тутъ значительно окрѣпъ послѣ его, повидимому, перваго литературнаго опыта; кромѣ того, самый сюжетъ былъ ему ближе и, безъ сомнѣнія, матеріалъ обильнѣе и свѣжѣе своей непосредственностью: Несторъ если, быть можетъ, самъ и не зналъ Ѳеодосія и не жилъ въ монастырѣ подъ его руководствомъ, однако во время писанія своего труда окруженъ былъ многими живыми свидѣтелями дѣятельности знаменитаго игумена. Когда именно написано «Житіе Ѳеодосія», опредѣляется, по предположенію, различно: Срезневскій—не позже 1113 года, Погодинъ—послѣ 1108 года, Голубинскій—до 1090 года, Чаговецъ—между 1088 и 1091, Шахматовъ и Бѣльченко—между 1079 и 1088; къ послѣднему мнѣнію примыкаетъ и Никольскій [1]). Текстъ этого памятника сохранился въ Сборникѣ Московскаго Успенскаго Собора XII в. и по этому списку изданъ былъ нѣсколько разъ: дважды О. М. Бодянскимъ (въ 1858 и 1879 годахъ), а потомъ А. А. Шахматовымъ и П. А. Лавровымъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. у-тѣ, 1899, кн. 2 [2]). Число позднѣйшихъ списковъ, какъ въ отдѣльномъ видѣ, такъ и въ составѣ Печерскаго Патерика, очень велико [3]), что указываетъ на чрезвычайную популярность этого произведенія въ древне-русской читающей средѣ. Выше уже было указано (с. 7) на предполагаемую [1]) литературную зависимость Житія Ѳеодосія отъ Житія Саввы Освященнаго, написаннаго Кирилломъ Скиѳопольскимъ. Спеціальное изученіе Житія Ѳеодосія съ этой стороны показываетъ многія черты совпаденія у Нестора еще съ цѣлымъ рядомъ другихъ греческихъ произведеній житійнаго характера—въ трудахъ Палладія, Аѳанасія Александрійскаго, Василія Амасійскаго, Іоанна Мосха и др. [5]); однако эти факты совпаденія нисколько не нарушаютъ общаго впечатлѣнія большой самостоятельности труда Нестора и оригинальности его выполненія; первое проистекало изъ характера источниковъ, которыми пользовался авторъ, второе—изъ его литературнаго дарованія. Слѣдуя своимъ византійскимъ образцамъ и стремясь возвеличить избраннаго имъ святого, Несторъ во многихъ случаяхъ обезличиваетъ свое изложеніе, внося въ него типическія черты неисторическаго характера въ интересахъ благочестивой назидательности: отсюда проистекаетъ идеализація Ѳеодосія, какъ подвижника и общественнаго дѣятеля; эта идеализація иногда приводитъ автора къ вну-

[1]) Матеріалы. 1906, стр. 403.

[2]) Тамъ же, стр. 403—404.

[3]) Тамъ же, стр. 404—410.

[4]) Шахматовъ. Нѣсколько словъ о Несторовомъ Житіи Ѳеодосія. Изв. II Отд. Ак. Н. Т. I. 1896, кн. 1, стр. 46—65; Д. И. Абрамовичъ. Къ вопросу объ источникахъ Несторова Житія Ѳеодосія Печерскаго: Тамъ же, Т. III. 1898, кн. 1, стр. 243—246.

[5]) Д. И. Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ. Спб. 1902, стр. 142—175; С. Бугославскій, назв. соч., въ Изв. II Отд. Ак. Н. 1914, кн. 1, стр. 148—155.

треннимъ противорѣчіямъ въ его изложеніи. Для примѣра можно указать на свѣдѣнія, сообщаемыя Несторомъ о происхожденіи Ѳеодосія: съ одной стороны, Ѳеодосій происходитъ отъ простыхъ родителей—это для того, чтобы подготовить читателя къ описанію будущихъ подвиговъ и заслугъ святого, которыми онъ сталъ въ число знаменитѣйшихъ людей своей родины, а съ другой—нѣсколько далѣе—сообщается противорѣчащее этому извѣстіе о родовитой гордости и спѣси матери Ѳеодосія, даже о томъ, что у нея были, повидимому, рабы,—и все это съ цѣлью выставить на видъ, что, несмотря на знатность рода и богатство, Ѳеодосій, увлекаемый высшими идеалами и будущими подвигами пустынножительства, предпочелъ всѣмъ благамъ этого міра скромную жизнь простого монаха [1]). Но, съ другой стороны, Несторъ вноситъ въ свое изложеніе много мелкихъ чертъ вполнѣ реальнаго характера, представляющихъ намъ Ѳеодосія какъ живое лицо: въ этомъ отношеніи «Житіе Ѳеодосія» является чрезвычайно цѣннымъ памятникомъ ранней нашей бытописательной литературы, обнаруживая яркое литературное дарованіе Нестора. Эти литературно-реалистическія стремленія автора особенно рѣзко бросаются въ глаза по сравненію съ русскими агіографическими трудами болѣе поздняго времени.

Произведеніе Нестора о Ѳеодосіи, насквозь проникнутое благоговѣйнымъ отношеніемъ къ святому, не заключаетъ въ себѣ однако же особой, такъ сказать, формальной «похвалы» съ лирическимъ характеромъ содержанія и изложенія; отсутствіе здѣсь такой «похвалы», составлявшей позднѣе неотъемлемую часть житійнаго повѣствованія, указываетъ на реальный и чрезвычайно цѣнный для насъ характеръ труда Нестора; здѣсь кстати упомянуть впрочемъ, что эта сторона дѣла была восполнена трудомъ другого, неизвѣстнаго, автора, написавшаго «Похвалу Св. Ѳеодосію», которую предположительно относятъ къ 1093—1096 годамъ [2]).

Высокія литературныя качества труда Нестора о Ѳеодосіи, въ связи съ знаменитой личностью самого Ѳеодосія, были причиной того, что это произведеніе, подобно «Слову о законѣ и благодати» Иларіона (см. выше, стр. 6), перешло современемъ въ сербскую литературу, черезъ посредство болгарской: именно, оно находится въ одной изъ разновидностей Славяно-русскаго Пролога сербской редакціи, куда, по мнѣнію новѣйшаго изслѣдователя, попало не позднѣе начала XV вѣка, а быть можетъ и гораздо раньше; здѣсь оно подверглось значительнымъ сокращеніямъ, какъ въ фактическомъ, такъ и текстуальномъ отношеніи [3]).

Въ общемъ, преп. Несторъ, какъ авторъ двухъ несомнѣнно принадлежащихъ ему житійныхъ трудовъ, является для русской литературы XII вѣка крупной литературной индивидуальностью. Литературныя достоинства его трудовъ создали ему въ свое время немалую извѣстность за предѣлами Пе-

---

[1]) Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго Собора. Выпускъ I. Изд. подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, стр. 42—44.

[2]) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 435—438.

[3]) М. Сперанскій. Сербское житіе Ѳеодосія Печерскаго. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. у-тѣ. 1913. кн. 1, смѣсь, стр. 55—65.

черскаго монастыря, и, вѣроятно, этимъ объясняется то обстоятельство, что еще съ очень давняго времени ему приписывались и другіе труды, связанные съ именемъ Печерской обители: «Сказаніе, что ради прозвася Печерскій монастырь», «Сказаніе о первыхъ черноризцахъ печерскихъ» и «Слово объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія». Однако для признанія за этими произведеніями авторства Нестора не имѣется достаточныхъ основаній [1]).

По вопросу объ авторствѣ преп. Нестора относительно Лѣтописи придется сказать въ другомъ мѣстѣ.

---

4. Лѣтопись.

Многосторонняя важность и интересъ этого памятника.—Происхожденіе лѣтописи; лѣтописные своды.—Составъ Начальной Лѣтописи: погодныя записи; иноземные и туземные письменные источники; народныя преданія.—Литературные элементы, принадлежащіе лѣтописцу: предметы его вниманія и хронологическій способъ изложенія; религіозное міровоззрѣніе; искренность и спокойный тонъ.

Древняя русская лѣтопись представляетъ собою одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій литературной жизни на Руси въ старую эпоху. Хотя важнѣйшая цѣнность лѣтописей должна быть отнесена на долю собственно гражданской и церковной исторіи, однако и историкъ литературы найдетъ для себя въ этомъ памятникѣ крайне интересный, богатый и до сихъ поръ еще не вполнѣ изученный матеріалъ. Наша древняя лѣтопись далеко не исчерпывается погодной записью событій или попытками установленія между ними извѣстной связи и причинности; она, кромѣ того, включаетъ въ себя еще и элементъ поучительный, что роднитъ ее по духу съ разсмотрѣнными ранѣе произведеніями древне-русской письменности, и элементъ поэтическій—цѣлый рядъ историческихъ сказаній и преданій, почерпнутыхъ какъ изъ письменныхъ источниковъ, такъ и изъ народныхъ устъ. Высокое не только историческое, но и литературное значеніе древней лѣтописи было впервые съ надлежащей выразительностью отмѣчено еще въ самомъ началѣ XIX вѣка Шлецеромъ, и съ тѣхъ поръ оно нашло себѣ подтвержденіе и богатую научную разработку въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій, въ трудахъ Строева, Срезневскаго, Сухомлинова, Костомарова, Бестужева-Рюмина и друг., а въ послѣднее время въ особенности въ выдающихся работахъ акад. А. А. Шахматова.

Происхожденіе Лѣтописи. Говоря о лѣтописи въ числѣ литературныхъ произведеній первыхъ двухъ столѣтій нашей письменности, мы имѣемъ въ виду памятникъ, который условимся называть Древнѣйшей или Начальной Лѣтописью (сводомъ) и который излагаетъ событія кончая 1110 годомъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что вообще древне-русское лѣтописаніе, по-

---

[1]) С. Бугославскій, назв. соч., въ Изв. II Отд. Ак. Н. 1914, кн. 3, стр. 153—181.

сколько оно намъ извѣстно, велось путемъ наслоенія на повѣствованіе болѣе ранняго времени позднѣйшихъ сообщеній и сведенія болѣе или менѣе элементарныхъ разсказовъ въ форму общаго повѣствованія, захватывающаго все болѣе и болѣе широкіе хронологическіе и территоріальные предѣлы. Такимъ образомъ, даже въ самомъ древнемъ своемъ видѣ, по рукописямъ XIII—XV вв., наши лѣтописи представляются сводами; эта мысль впервые въ нашей наукѣ высказана была въ 1820 году П. М. Строевымъ при изданіи имъ такъ называемаго «Софійскаго Временника». Съ того времени усилія изслѣдователей направлены были главнымъ образомъ къ тому, чтобы путемъ научнаго анализа вскрыть эти наслоенія, опредѣлить степень и характеръ зависимости однихъ лѣтописныхъ сводовъ отъ другихъ и выяснить исторію развитія нашей лѣтописи по возможности съ самыхъ первыхъ шаговъ ея существованія. Насколько теперь можно судить по состоянію этого вопроса въ наукѣ, отъ насъ навсегда утрачены первичные элементы лѣтописнаго дѣла въ Россіи, и самые древніе лѣтописные тексты представляютъ собою все-таки своды, предполагающіе болѣе элементарныя части, которыя нѣкогда существовали самостоятельно.

Стремясь опредѣлить основные моменты взоникновенія Лѣтописи въ древнѣйшую эпоху, Шахматовъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно главнѣйшихъ изъ наслоеній лѣтописнаго текста. Первые слѣды русскаго лѣтописанія слѣдуетъ искать въ Новгородѣ, гдѣ въ 1017 году новгородскія власти, во главѣ съ посадникомъ и епископомъ, вписали новгородскую Правду въ лѣтопись; послѣдняя заключала въ себѣ первоначально самыя краткія свѣдѣнія и въ видѣ свода можетъ быть отнесена лишь къ 1050 году, когда, въ ознаменованіе построенія новаго храма св. Софіи, новгородскій владыка Лука и князь Владиміръ положили основаніе лѣтописному своду. Между тѣмъ въ Кіевѣ сводъ появился еще въ 1039—1040 году, одновременно съ учрежденіемъ митрополіи и построеніемъ Софійскаго храма; кіевскій лѣтописный сводъ вскорѣ же оказалъ свое вліяніе и на характеръ дальнѣйшаго развитія лѣтописнаго свода въ Новгородѣ. Центральное политическое и культурное положеніе Кіева отдало въ его руки судьбу русскаго лѣтописнаго дѣла; въ серединѣ XI вѣка возникаетъ въ Кіевѣ «Древнѣйшій лѣтописный сводъ» (по терминологіи Шахматова), отличавшійся отъ послѣдующихъ сводовъ, между прочимъ, отсутствіемъ какихъ бы то ни было хронологическихъ опредѣленій, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшей своей части. Далѣе, около 1095 года былъ составленъ въ Печерскомъ монастырѣ, отчасти въ связи съ новыми лѣтописными работами въ Новгородѣ, другой лѣтописный сводъ, который Шахматовъ называетъ «Начальнымъ Кіевскимъ сводомъ» и въ основаніе котораго положенъ былъ предшествующій лѣтописный сводъ, дополненный вставками, между прочимъ, хронографическихъ статей и хронологическихъ опредѣленій. Этотъ Начальный Кіевскій сводъ и послужилъ основою для «Повѣсти временныхъ лѣтъ», текстъ которой мы уже знаемъ не предположительно, а въ цѣломъ рядѣ дошедшихъ до насъ списковъ [1]). Эти домыслы Шахматова

[1]) Разысканія, стр. 11—12, 97—99, 107—108, 181—182, 416, 418—419, 508—516.

являются результатомъ произведеннаго имъ анализа нѣкоторыхъ изъ существующихъ лѣтописныхъ текстовъ путемъ выдѣленія изъ нихъ позднѣйшихъ наслоеній, при чемъ изслѣдователь шелъ въ своей работѣ по направленію въ глубину вѣковъ [1]). Слѣдя за этими соображеніями изслѣдователя, мы находимся пока только въ области весьма остроумныхъ и правдоподобныхъ, но все-таки теоретическихъ построеній, и впервые становимся на прочную почву интересныхъ для историка литературы фактовъ лишь въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», являющейся непосредственнымъ результатомъ «Начальнаго Кіевскаго свода».

Когда же «Повѣсть» была составлена и что она собою представляетъ?

Такъ какъ непосредственный ея источникъ, Начальной Кіевскій сводъ, составленъ въ концѣ XI вѣка, а «Повѣсть временныхъ лѣтъ» мы знаемъ лишь въ спискахъ не ранѣе XIV вѣка, то естественно предположить, что мы не имѣемъ передъ собой этого памятника въ его первоначальномъ видѣ, а лишь съ позднѣйшими наслоеніями. Анализируя эти наслоенія по разнымъ спискамъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», Шахматовъ находитъ возможнымъ установить двѣ редакціи этого памятника, появившіяся на разстояніи короткаго промежутка времени; указаніе на первую изъ этихъ редакцій, доведенную до 1110 года, имѣется въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ и Московско-Академическомъ; указаніе на вторую редакцію можно видѣть въ Ипатскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ: она оканчивается въ изложеніи событій 1117 годомъ. Дошедшіе до насъ списки «Повѣсти временныхъ лѣтъ» не представляютъ въ чистомъ видѣ ни одну изъ этихъ редакцій, а даютъ только извѣстный матеріалъ для ихъ опредѣленія, представляя собою компилятивную сводку обѣихъ редакцій этого памятника. Первая редакція была составлена, по мнѣнію Шахматова, Выдубицкимъ игуменомъ Сильвестромъ, какъ это можно заключать изъ его извѣстной записи подъ 1116 годомъ. Въ дальнѣйшемъ, обѣ редакціи «Повѣсти временныхъ лѣтъ» вошли въ основаніе нѣсколькихъ болѣе позднихъ сводовъ, составленныхъ въ разныхъ городахъ: Кіевѣ, Новгородѣ, Черниговѣ, Владимірѣ, Ростовѣ и друг., и есть основаніе думать, что въ началѣ XIV вѣка при дворѣ Московскаго митрополита Петра возникла мысль составить мѣстные русскіе лѣтописные своды, чтобы создать изъ нихъ сводъ общерусскій, и отраженіемъ именно этого общерусскаго свода, хотя не полнымъ и не точнымъ, можно признать Лаврентьевскій списокъ, оканчивающійся 1305 годомъ, т. е. годомъ смерти предшественника Петра, митрополита Максима [2]).

Какъ можно видѣть изъ представленнаго Шахматовымъ обзора основныхъ моментовъ въ исторіи нашего древняго лѣтописанія съ первыхъ его начатковъ въ половинѣ XI вѣка и до появленія «Повѣсти временныхъ лѣтъ» въ рукописяхъ XIV – XV вв., автору этого построенія приходилось наряду съ фактами нерѣдко довольствоваться «указаніями» и «отраженіями» ихъ въ длинной вереницѣ изслѣдованныхъ имъ лѣтописныхъ текстовъ. Конечно,

[1]) Ср. его первоначальныя изслѣдованія, получившія потомъ значительное видоизмѣненіе, въ трудѣ: Сказаніе о призваніи варяговъ. Спб. 1904, стр. 11—27,

[2]) Тамъ же, стр. 28—31, 32,

для общаго историка Россіи такіе дефекты гораздо менѣе чувствительны, чѣмъ для историка литературы, котораго какъ разъ интересуютъ самые тексты, нѣкогда закрѣплявшіе эти моменты въ развитіи нашей лѣтописи и нынѣ, вѣроятно, навсегда утраченные. Поэтому, принимая въ соображеніе указанные выводы изъ изслѣдованій Шахматова, приходится однако же стоять на почвѣ лишь «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и только на этой фактической основѣ наблюдать составъ нашей старой лѣтописи, несомнѣнно претерпѣвшей измѣненія отъ цѣлаго ряда наслоеній и переработокъ позднѣйшаго времени на протяженіи не менѣе трехъ столѣтій.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ Лаврентьевскій списокъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», писанный въ предѣлахъ Суздальской земли въ 1377 году, какъ древнѣйшій представитель первой изъ намѣченныхъ Шахматовымъ редакцій этого памятника. Основываясь на записи этого списка подъ 1110 годомъ («Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта»), нѣкоторые изслѣдователи, и въ томъ числѣ Шахматовъ, считаютъ авторомъ-редакторомъ Начальнаго Кіевскаго свода этого самаго игумена (Выдубицкаго Михайловскаго монастыря, въ Кіевѣ) Сильвестра, между тѣмъ какъ въ другомъ, болѣе позднемъ, спискѣ (т. наз. Хлѣбниковскомъ, XVI вѣка) въ заголовкѣ «Повѣсти» поставлено имя «Нестора-черноризца», и это указаніе—въ связи съ нѣкоторыми другими данными [1])—давно уже было поводомъ къ признанію права на авторство, точнѣе—редактированіе. Начальной Лѣтописи за Несторомъ, авторомъ агіографическихъ трудовъ о Ѳеодосіи и о Борисѣ и Глѣбѣ: отсюда и традиціонное, теперь уже въ значительной степени отжившее, но находящее себѣ въ самое послѣднее время новыхъ сторонниковъ названіе «Несторовой Лѣтописи» и «Нестора-лѣтописца». Конечно, въ вопросѣ о составѣ Начальной Лѣтописи едва ли имѣетъ большое значеніе то, кто именно долженъ быть признанъ однимъ изъ ея редакторовъ-составителей [2]).

Что касается состава «Повѣсти временныхъ лѣтъ», то онъ представляетъ собою разсказъ о событіяхъ сначала библейскихъ—очень кратко, потомъ о разселеніи славянъ вообще и въ частности славянъ русскихъ, объ образованіи у нихъ государства и о событіяхъ въ его жизни до 1110 года включительно. Событія вложены въ опредѣленную хронологическую сѣть. Основной особенностью этой лѣтописи является ея общерусскій характеръ, но когда наложенъ былъ этотъ характеръ на «Повѣсть»—въ началѣ ли XIV вѣка, при

---

[1]) А. Архангельскій. Первые труды по изученію Начальной русской лѣтописи. Казань 1886, стр. 49—62; А. Маркевичъ. О лѣтописяхъ. Вып. I, стр. 179—185.

[2]) Послѣднія по времени появленія въ печати и не совпадающія между собою сужденія объ авторствѣ-редакторствѣ Нестора относительно «Повѣсти временныхъ лѣтъ» принадлежатъ А. А. Шахматову (Несторъ Лѣтописецъ, въ журналѣ: «Записки Наукового Товариства імени Шевченка». Т. CXVII—CXVII. Л. 1914) и С. А. Бугославскому (Къ вопросу о характерѣ и объемѣ литературной дѣятельности преп. Нестора. Изв. II. Отд. Ак. Н. 1914, кн. 3, стр. 181—191).

митрополитъ Петрѣ, или же онъ отличалъ нашу лѣтопись уже въ болѣе отдаленную фазу ея существованія на это трудно теперь дать сколько-нибудь опредѣленный отвѣтъ по вышеуказаннымъ причинамъ относительно состоянія нашихъ источниковъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ пользоваться названіями «древнѣйшей» или «начальной» лѣтописи (свода), имѣя въ виду этотъ памятникъ, какъ несомнѣнно существовавшій въ ту эпоху русской литературы XI—XII вв., о которой теперь идетъ рѣчь, но въ смыслѣ текста подъ этими именами вездѣ, конечно, должна быть подразумѣваема «Повѣсть временныхъ лѣтъ»: къ этой неточности вынуждаетъ самое положеніе вопроса объ историческомъ развитіи нашего лѣтописанія.

При такомъ положеніи дѣла, когда мы не имѣемъ возможности сколько-нибудь вѣрными шагами подойти къ самому источнику, къ дѣйствительному началу лѣтописанія въ древней Руси, мало имѣютъ значенія и гаданія о томъ, какими именно техническими особенностями обставлено было возникновеніе русской Лѣтописи: было ли тутъ подражаніе греческимъ (т. е. византійскимъ) образцамъ или средневѣковымъ западно-европейскимъ (напр., англо-саксонскимъ), служили ли въ этомъ дѣлѣ «пасхальныя таблицы», описанныя и разработанныя въ свое время М. И. Сухомлиновымъ (О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, 1856),—это въ сущности для изученія вопроса о русской Лѣтописи въ историко-литературномъ отношеніи почти безразлично. Интереснѣе было бы разрѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ собственно велась первоначальная работа надъ лѣтописями на Руси, въ городахъ или въ монастыряхъ, въ свѣтской средѣ или въ духовной, но и тутъ мы имѣемъ только одни предположенія и разногласія въ высказанныхъ мнѣніяхъ [1]). Гораздо болѣе положительныхъ результатовъ можетъ обѣщать разсмотрѣніе вопроса о составѣ нашего Начальнаго Свода въ томъ видѣ, въ какомъ мы его фактически имѣемъ, т. е. опредѣленіе тѣхъ источниковъ, которыми пользовался нашъ лѣтописецъ. По этому вопросу наибольшее значеніе изъ старыхъ трудовъ имѣетъ упомянутое изслѣдованіе Сухомлинова, а изъ новыхъ—изысканія академика А. А. Шахматова.

Составъ Начальной Лѣтописи. Вопросъ о составѣ Начальной Лѣтописи сводится къ опредѣленію слѣдующихъ ея элементовъ. Во-первыхъ, погодныя записки съ разнаго рода свѣдѣніями изъ русской исторіи. Во-вторыхъ, заимствованія изъ письменныхъ источниковъ, въ видѣ внесенія въ текстъ лѣтописи небольшихъ замѣтокъ или цѣлыхъ разсказовъ, поученій и разсужденій. Эти письменные источники были съ одной стороны иноземными, а съ другой—своими, туземными. Въ-третьихъ, народныя преданія, взятыя изъ устнаго источника. Въ-четвертыхъ, собственно исходящій отъ составителя Свода литературный элементъ въ видѣ связи между

---

[1]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. «Общ. Пользы». Кн. I. 771—773; И. Е. Забѣлинъ. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. I. М. 1876, стр. 480—498.

отдѣльными частями повѣствованія, иногда разсужденій и соображеній, хронологіи и пр.

1. Что касается погодныхъ записей со свѣдѣніями о событіяхъ русской жизни, то этотъ основной элементъ Лѣтописи есть результатъ постепеннаго наслоенія лѣтописныхъ сообщеній ранѣе составленія Начальнаго Свода, опредѣлить которыя съ желаемой точностью, какъ уже сказано, въ настоящее время не представляется пока возможнымъ; тутъ остается мѣсто лишь для однихъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній.

2. Въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ находится опредѣленіе второго отмѣченнаго элемента—заимствованій изъ письменныхъ источниковъ.

Сухомлиновъ, въ III гл. своего изслѣдованія (стр. 51—116), далъ слѣдующій перечень и объясненіе заимствованій изъ письменныхъ источниковъ: иноземные—книги св. Писанія; Палея; Исповѣданіе вѣры, сходное съ находящимся у Михаила-Синкелла; Паннонскія Житія св. Кирилла и Меѳодія; Договоры русскихъ князей съ греками; Хроника Георгія Амартола; Сочиненіе Меѳодія Патарскаго, и туземные—Житіе св. Владиміра; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ; Поученія Ѳеодосія; Разсказъ Василія.

Въ настоящее время въ этотъ перечень можно внести кое-какія исправленія на основаніи изысканій по этому вопросу въ трудахъ послѣдующихъ ученыхъ.

Что касается книгъ Св. Писанія, то цитаты изъ нихъ у составителя Начальной Лѣтописи едва ли могутъ быть отнесены къ числу собственно заимствованій изъ письменнаго иноземнаго источника; съ одной стороны, онѣ входятъ въ составъ болѣе обширныхъ заимствованій изъ другихъ источниковъ, и, такимъ образомъ, ихъ выборки принадлежатъ уже авторамъ этихъ послѣднихъ, а не нашему лѣтописцу; съ другой же стороны, нашъ лѣтописецъ пользуется краткими изреченіями изъ Св. Писанія по памяти, и потому такія мѣста, служа для характеристики литературныхъ пріемовъ и міровоззрѣнія лѣтописца, скорѣе должны быть отнесены къ четвертому изъ перечисленныхъ выше элементовъ. Шахматовъ указываетъ нѣсколько заимствованій текстовѣ Св. Писанія черезъ посредство Паремійника [1]).

Далѣе идетъ Палея. Въ то время, когда Сухомлиновъ писалъ свое изслѣдованіе о Лѣтописи, вопросъ о Палеѣ еще совсѣмъ не былъ разработанъ. Первая научная постановка вопроса объ этомъ важномъ памятникѣ принадлежитъ Н. С. Тихонравову, работавшему надъ нимъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, но результаты его изслѣдованій своевременно не были въ полномъ видѣ опубликованы; они находили себѣ мѣсто лишь въ лекціяхъ покойнаго профессора, въ его устныхъ рефератахъ и косвенно въ печатныхъ работахъ по другимъ вопросамъ; цѣликомъ выводы Тихонравова были опубликованы лишь послѣ его смерти [2]). Затѣмъ, эти работы нашли себѣ продолжателей въ лицѣ В. Успенскаго, И. Н. Жданова, Истрина,

---

1) Разысканія, стр. 164—167.

2) Сочиненія Н. С. Тихонравова. Т. I. 1896, стр. 156—170, примѣч. стр. 13—14; 110—122.

Шахматова и др. Въ конечномъ результатѣ этихъ изслѣдованій получается по вопросу объ отношеніи Палеи къ Начальной Лѣтописи два совершенно противоположныхъ мнѣнія, изъ которыхъ представителемъ одного является А. А. Шахматовъ, другого—В. М. Истринъ. Шахматовъ въ общемъ поддерживаетъ традицію, идущую отъ Сухомлинова, т. е. признаетъ возможнымъ заимствованіе Начальной Лѣтописи изъ Палеи (т. наз. Толковой Палеи, въ отличіе отъ Исторической), но степень этого заимствованія, а равно и исторію возникновенія этой Толковой Палеи, которую онъ считаетъ памятникомъ древне-болгарской литературы, Шахматовъ представляетъ совершенно иначе [1]), чѣмъ Сухомлиновъ. Истринъ, напротивъ, держится [2]) того мнѣнія, что Толковая Палея есть памятникъ русскаго происхожденія, возникшій въ XIII в. на сѣверо-востокѣ Россіи, изъ чего, конечно, сама собою вытекаетъ невозможность заимствованія изъ нея Древнѣйшей Лѣтописью какихъ-либо свѣдѣній и необходимость предполагать другой источникъ. И. А. Заболотскій, пользуясь отчасти новыми изслѣдованіями въ этой области и условно становясь на точку зрѣнія Сухомлиновской традиціи по данному вопросу, сводитъ возможность предположенія о заимствованіи изъ Толковой Палеи въ Лѣтопись къ слѣдующему перечню отдѣльныхъ мѣстъ послѣдней: 1) Сказаніе о столпотвореніи, 2) О вѣрѣ Бохмитской, 3) О твореніи міра и паденіи Сатанаила, 4) Объ убіеніи Авеля и погребеніи его, 5) Объ Авраамѣ и Аронѣ, 6) О Моисеѣ, 7) О вселенскихъ соборахъ и 8) О Петрѣ Гугнивомъ [3]). Сдѣлавъ сопоставленіе этихъ мѣстъ съ соотвѣтствующими мѣстами въ Толковой Палеѣ (изданной по Коломенскому списку 1406 года учениками Тихонравова: М. 1892), авторъ приходитъ къ такимъ выводамъ: «ни одно изъ разсмотрѣнныхъ лѣтописныхъ сказаній не заставляетъ съ логической необходимостью выводить его непремѣнно изъ Палеи; цѣлый рядъ лѣтописныхъ сказаній, признаваемыхъ обыкновенно за заимствованія изъ Палеи, отнюдь не допускаетъ такого заключенія при болѣе основательномъ сличеніи параллельныхъ свидѣтельствъ Лѣтописи и Палеи; значительная часть разсмотрѣнныхъ сказаній заставляетъ заключать объ общемъ или общихъ для Лѣтописи и Палеи, но неизвѣстныхъ еще источникахъ», при чемъ «въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно опредѣленіе характера этихъ неизвѣстныхъ источниковъ» въ видѣ легендарно-апокрифическихъ или полемическихъ произведеній [4]). Такимъ образомъ, при новыхъ изслѣдованіяхъ какъ надъ Толковой Палеей, такъ и надъ Начальной Лѣтописью оказывается, что и эта часть Сухомлиновской традиціи утрачиваетъ подъ собою твердую почву—даже въ той въ высшей степени осторожной формулировкѣ, въ какой она была первоначально выражена; окончательнаго разрѣшенія этого вопроса, поскольку оно ока-

---

[1]) Толковая Палея и русская Лѣтопись. Спб. 1904.

[2]) Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи. Вып. I—II. Спб. 1897—98; Изслѣдованія въ области древне-русской литературы. Спб. 1906.

[3]) Къ вопросу объ иноземныхъ письменныхъ источникахъ Начальной Лѣтописи. Варшава, 1901, стр. 8.

[4]) Стр. 18.

жется вообще возможнымъ, приходится ожидать отъ дальнѣйшихъ разысканій въ этой области.

По вопросу о Символѣ вѣры, преподанномъ вел. кн. Владиміру при крещеніи (въ Лѣтописи подъ 988 годомъ), Сухомлиновъ выразился совершенно опредѣленно въ смыслѣ сокращеннаго заимствованія его изъ «Исповѣданія вѣры» Михаила-Синкелла (этотъ Михаилъ былъ «синкелломъ», т. е. состоялъ въ одной изъ церковныхъ должностей при Іерусалимскомъ патріархѣ Ѳомѣ), при чемъ въ качествѣ посредника этого заимствованія указалъ на славянскій текстъ Исповѣданія въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года. Это положеніе въ общемъ остается пріемлемымъ и въ настоящее время—съ той поправкой, что, въ виду имѣющихся разногласій между лѣтописнымъ текстомъ Символа вѣры и Исповѣданіемъ Михаила-Синкелла въ Святославовомъ Сборникѣ, приходится предполагать пользованіе со стороны лѣтописца другимъ какимъ-либо текстомъ, намъ пока неизвѣстнымъ [1]).

Въ достаточной степени устойчивымъ оказывается и указаніе Сухомлинова на Хронику Георгія Амартола (IX в.), какъ на источникъ свѣдѣній лѣтописца относительно событій изъ всеобщей исторіи (на начальныхъ страницахъ Лѣтописи, затѣмъ подъ 912 годомъ), при чемъ самъ лѣтописецъ однажды ссылается: «глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи» [2]). Вопросъ о самой хроникѣ Георгія Амартола, этомъ чрезвычайно важномъ историческомъ памятникѣ славянской переводной литературы, представляется въ настоящее время мало выясненнымъ, и, несмотря на цѣнныя указанія В. М. Истрина [3]), мы очень мало знаемъ какъ разъ о той стадіи въ исторіи этого памятника на славянской почвѣ, когда имъ могъ пользоваться нашъ лѣтописецъ.

На Меѳодія Патарскаго, какъ на литературный источникъ, мы имѣемъ также ссылку со стороны самого лѣтописца подъ 1096 годомъ, гдѣ онъ разсказываетъ о «безбожныхъ сынахъ Измаиловыхъ» и о томъ, что ихъ потомки, будучи «заклѣплены въ горѣ» Александромъ Македонскимъ, выйдутъ оттуда «къ кончинѣ вѣка». Дѣйствительно, въ числѣ произведеній, приписываемыхъ византійскому писателю III—IV вв. Меѳодію Патарскому, есть одно, называемое въ славянскихъ переводахъ «Слово о царствіи языкъ послѣднихъ временъ», «Указаніе истое о царехъ и о послѣднихъ лѣтехъ» или просто извѣстное подъ именемъ «Откровенія». Этому памятнику, имѣвшему весьма широкое распространеніе какъ въ греческомъ подлинникѣ и его передѣлкахъ, такъ и въ латинскихъ и славянскихъ переводахъ

---

[1]) Заболотскій, стр. 25—30. П. Г. Потаповъ, держащійся въ деталяхъ нѣсколько иного взгляда на отношеніе и литературное происхожденіе текстовъ Символа вѣры въ Исповѣданіи, Святославовомъ Сборникѣ и Лѣтописи, высказываетъ предположеніе, что переводчикомъ Исповѣданія въ той его части, которая вошла въ Лѣтопись, могъ быть самъ авторъ лѣтописной компиляціи о крещеніи Владиміра: Къ вопросу о литературномъ составѣ Лѣтописи. Р. Ф. В. 1910, № 1. стр. 13.

[2]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 13.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1902, № 8, стр. 404—407; Изв. II Отд. Ак. Н., XV. 1910, кн. 2, стр. 239—240.

разныхъ редакцій, посвящено специальное изслѣдованіе В. М. Истрина[1]). По мнѣнію этого автора, переводъ «Откровенія» перенесенъ былъ на Русь «во всякомъ случаѣ до XII вѣка» [2]), т. е., надо полагать, въ XI вѣкѣ. Уже Сухомлиновъ отмѣтилъ «два разряда списковъ» славянскаго перевода «Откровенія»—одинъ болѣе близкій къ греческому подлиннику и другой болѣе отъ него отдаленный, при чемъ лѣтописный текстъ онъ поставилъ въ связь именно съ первымъ «разрядомъ списковъ», между тѣмъ какъ послѣдующія изслѣдованія указываютъ на заимствованіе Начальной Лѣтописью изъ «Откровенія» скорѣе по второй, нежели по первой редакціи [3]), или же предполагаютъ существованіе особаго перевода, находившагося въ пользованіи лѣтописца [4]).

Такъ называемыя «паннонскія житія» Кирилла и Меѳодія, указанныя Сухомлиновымъ въ качествѣ источника для начальнаго лѣтописца, послужили послѣднему для разсказа, подъ 898 годомъ, объ изобрѣтеніи Кирилломъ и Меѳодіемъ славянской азбуки и о совершенномъ ими переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ; при этомъ, самъ Сухомлиновъ прибавлялъ, что сходство лѣтописнаго повѣствованія съ житіями можетъ быть установлено лишь «въ общихъ чертахъ», что «даетъ поводъ думать объ участіи другого какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу» [5]). Дѣйствительно, въ лѣтописномъ разсказѣ есть такія отличія и прибавки (напр., въ разсказѣ о бесѣдѣ византійскаго императора съ однимъ изъ братьевъ-первоучителей; въ болѣе подробномъ, сравнительно съ житіями, перечнѣ переведенныхъ на славянскій языкъ книгъ), которыя заставили въ свое время Н. И. Костомарова признать, что разсказъ лѣтописца лишь «принадлежитъ къ паннонскому циклу», заключая въ себѣ «отличительныя подробности», не вполнѣ объясняемыя одними житіями; эту послѣднюю точку зрѣнія усваиваетъ и новѣйшая критика по данному вопросу [6]). Въ результатѣ—вопросъ остается не совсѣмъ выясненнымъ, однако же въ основной своей части прочно стоящимъ на точкѣ зрѣнія, установленной Сухомлиновымъ и другими изслѣдователями, напримѣръ А. В. Горскимъ. Данное г. Потаповымъ объясненіе этого различія между лѣтописнымъ текстомъ и текстомъ паннонскихъ житій въ томъ смыслѣ, что «источникомъ для лѣтописнаго изложенія о дѣятельности Кирилла и Меѳодія послужила извѣстная намъ редакція паннонскихъ житій, только не въ полномъ видѣ» [7]), страдаетъ неопредѣленностью.

Незыблемымъ остается и фактъ заимствованія лѣтописцемъ свѣдѣній, помѣщенныхъ подъ 907, 912, 945 и 971 годами о договорахъ русскихъ кня-

---

[1]) Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокрифическія видѣнія Даніила въ византійской и славяно-русской литературахъ. М. 1897.

[2]) Стр. 238—239.

[3]) Заболотскій, стр. 19—21.

[4]) П. Потаповъ, назв. соч., Р. Ф. В. 1911, № 1, стр. 81—110.

[5]) О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, стр. 72.

[6]) Заболотскій, стр. 23.

[7]) Назв. соч., Р. Ф. В. 1910, № 1, стр. 18.

зей Олега, Игоря и Святослава съ греками, на что еще ранѣе Сухомлинова было указано Н. А. Лавровскимъ (1853); но опредѣлить съ документальной точностью этотъ источникъ въ настоящее время не представляется пока возможнымъ, такъ какъ самые тексты этихъ договоровъ остаются неотысканными [1]).

Наконецъ, А. А. Шахматовымъ указано и еще на одинъ источникъ Древнѣйшей Лѣтописи, отводящій насъ въ область отдаленныхъ греко-славянскихъ литературныхъ отношеній. Это—Еллинскій Лѣтописецъ, возникшій въ Болгаріи, представлявшій собою своеобразную энциклопедію историческихъ знаній и извѣстный на Руси уже въ XI вѣкѣ; въ свою очередь, сокращенная редакція Еллинскаго Лѣтописца, возникшая позднѣе полной, приняла въ себя нѣсколько разсказовъ изъ Начальнаго Кіевскаго Свода. Такимъ образомъ, между этими памятниками обнаруживается интересное взаимодѣйствіе [2]).

Переходя къ вопросу о туземныхъ письменныхъ источникахъ, которыми пользовался начальный лѣтописецъ, внося ихъ въ составъ своего свода, мы вступаемъ на почву, представляющую также немало трудностей. Подъ этими туземными письменными источниками слѣдуетъ понимать отдѣльныя литературныя произведенія, возникшія ранѣе работы лѣтописца надъ даннымъ сводомъ и независимо отъ нея: таковы—сказанія или повѣсти [3]), житія, поученія. Можно заранѣе сказать, что для разсматриваемаго времени количество ихъ не могло быть особенно велико, когда и вообще произведеній письменности было немного. Одни изъ этихъ произведеній извѣстны въ отдѣльномъ отъ лѣтописи видѣ, относительно другихъ этого сказать пока нельзя, и въ первомъ случаѣ, смотря по состоянію рукописнаго матеріала, можетъ быть сомнѣніе въ томъ, кто отъ кого заимствовалъ—лѣтописецъ отъ автора житія, сказанія и т. п. или наоборотъ, а во второмъ случаѣ и вообще, въ самомъ своемъ основаніи, вопросъ лишается необходимыхъ документальныхъ данныхъ для своего разрѣшенія; иногда предста-

---

[1]) Къ тысячелѣтію договора Олега 911 года. Договоры русскихъ съ греками и предшествовавшіе заключенію ихъ походы русскихъ на Византію. Ч. I—II. М. 1912.

[2]) А. Шахматовъ. Начальный кіевскій лѣтописный сводъ и его источники. Юбилейный сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера. Подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900, стр. 10.

[3]) И. П. Хрущовъ въ своемъ сочиненіи «О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XI—XII ст.» (Кіевъ, 1878) пытается точно опредѣлить термины «сказанія» и «повѣсти»: «Сказаніе отличается отъ повѣсти прежде всего правдивостью, близостью автора къ событію и отсутствіемъ того вдохновенія, которое необходимо для повѣсти... Мы усвоимъ произведеніямъ близкимъ по времени къ описываемымъ въ нихъ событіямъ названіе сказаній; названіемъ же повѣстей обозначимъ произведенія, писанныя съ цѣлью воскресить или прославить давно минувшее событіе» (стр. 10, 11). Мы, со своей стороны, считаемъ совершенно невыполнимымъ провести такую разницу на дѣлѣ, потому что относительно многихъ произведеній этого рода весьма трудно было бы опредѣлить не только цѣль ихъ написанія и степень близости автора къ описываемому событію, но и мѣру его вдохновенія, не говоря уже объ условности этихъ признаковъ въ приложеніи къ данному вопросу.

является весьма труднымъ выдѣлить изъ состава Лѣтописи такое произведеніе, отдѣльное существованіе котораго можно предположить, и которое однако же не представлено въ отдѣльномъ видѣ ни однимъ спискомъ.

Въ Сухомлиновскомъ перечнѣ туземныхъ источниковъ значатся четыре, какъ было выше указано: Житіе Владиміра, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, Поученія Θеодосія и разсказъ Василія. Первые два —и есть тѣ произведенія, которыя связаны съ предположительнымъ авторствомъ Іакова-мниха; вопросъ о заимствованіи Лѣтописцемъ изъ этихъ произведеній рѣшается въ настоящее время отрицательно и даже въ томъ смыслѣ, что, наоборотъ, самыя произведенія эти основаны на данныхъ Лѣтописи и, быть можетъ, другихъ источниковъ [1]; о далеко не полномъ совпаденіи Лѣтописнаго текста съ текстомъ названныхъ произведеній уже отмѣчено было и Сухомлиновымъ [2]. Что касается поученій Θеодосія, то въ Лѣтописи помѣщены (подъ 1068 и 1074 годами) отрывки изъ тѣхъ именно поученій игумена Θеодосія («о казняхъ божіихъ» и др.), принадлежность которыхъ этому автору ставится новѣйшей критикой подъ сомнѣніемъ.

Разсказъ нѣкоего Василія, о которомъ имѣется догадка Шахматова, что онъ былъ монахъ Выдубицкаго монастыря, редактировавшій Начальный Кіевскій Сводъ [3]), объ ослѣпленіи Теребовльскаго князя Василька Ростиславича, помѣщенный въ Лѣтописи подъ 1097 годомъ (по Ипатскому списку, изд. 1871 года, с. 167—174), относится уже къ числу тѣхъ отдѣльныхъ и внесенныхъ въ Лѣтопись сказаній свѣтскаго характера, число которыхъ въ настоящее время, послѣ Сухомлиновскаго перечня, можно значительно пополнить. Таковы: рядъ сказаній (подъ 1068, 1093 и 1096 годами) о нападеніи половцевъ на русскую землю, при чемъ именно къ первому изъ нихъ и присоединено то приписываемое Θеодосію поученіе «о казняхъ божіихъ», о которомъ было упомянуто выше; рядъ разсказовъ, подъ 1071 годомъ, о появленіи волхвовъ въ Кіевѣ, въ Ростовской землѣ и въ Чудской области; разсказъ новгородца Гюряты Роговича о Югрѣ (подъ 1096 годомъ) и др. Отношеніе этихъ сказаній къ Лѣтописи не всегда можетъ быть съ точностію опредѣлено: съ одной стороны, можетъ возникать сомнѣніе о томъ, не заимствовалъ ли составитель отдѣльнаго сказанія свой сюжетъ у болѣе ранняго составителя Лѣтописи, и, такимъ образомъ, позднѣйшій лѣтописецъ могъ внести въ свой сводъ такую новую редакцію разсказа, которой первоначальный видъ трудно и даже невозможно услѣдить по недостатку документальныхъ данныхъ, какъ это, быть можетъ, и имѣетъ мѣсто относительно разсказа Василія [4]); съ другой стороны, нѣкоторые разсказы могли быть взяты лѣтописцемъ не изъ письменнаго источника, а изъ народныхъ устъ, какъ то, напримѣръ, можно думать относительно разсказовъ о волхвахъ.

На основаніи изслѣдованій Шахматова, въ число письменныхъ источниковъ Древнѣйшей Лѣтописи должны быть внесены и разсказы о крещеніи

---

[1]) А. А. Шахматовъ. Разысканія, стр. 13—41.

[2]) Стр. 75—78.

[3]) Корсунская легенда о крещеніи Владиміра. Спб. 1906, стр. 104.

[4]) Сухомлиновъ, назв. соч., стр. 84.

и кончинѣ Ольги [1]), о походахъ Святослава [2]), извѣстный разсказъ о крещеніи Владиміра (подъ 986—988 годами), который прежніе изслѣдователи, напримѣръ Костомаровъ, склонны были выводить изъ области устнаго народнаго преданія. Шахматовъ выдѣляетъ изъ этого обширнаго повѣствованія лѣтописца двѣ части или два отдѣльныхъ разсказа: одинъ—о проповѣди греческаго миссіонера и объ испытаніи Владиміромъ разныхъ вѣръ, а другой—объ окончательной его рѣшимости креститься и о крещеніи въ Корсуни. Источникомъ перваго разсказа Шахматовъ считаетъ предполагаемое болгарское сказаніе о крещеніи болгарскаго царя Бориса-Михаила [3]); другой же разсказъ выводитъ изъ такъ называемаго житія Владиміра особаго состава, при чемъ оба эти источника должны были, въ рядѣ наслоеній лѣтописнаго текста, подвергнуться значительной переработкѣ. Если даже предполагаемые Шахматовымъ источники лѣтописнаго разсказа и не имѣютъ всей силы достовѣрности [4]), однако, на основаніи представленнаго имъ анализа этого разсказа, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что источникъ его былъ именно письменный, а не устный.

О внесеніи въ Лѣтопись подъ 1096 годомъ «Поученія» Владиміра Мономаха къ своимъ дѣтямъ и его посланія къ кн. Олегу Святославичу (Лаврентьевскій списокъ, стр. 232—246) было уже говорено въ своемъ мѣстѣ (стр. 12—13).

Наконецъ, къ числу письменныхъ источниковъ Древнѣйшей Лѣтописи могутъ быть отнесены и мѣстныя лѣтописи, возникавшія въ разныхъ мѣстныхъ центрахъ, имѣвшія небольшой объемъ и касавшіяся какой-либо спеціальной группы интересовъ. Такова была, напримѣръ, Печерская Лѣтопись, появившаяся въ нѣдрахъ Печерскаго монастыря и передававшая о событіяхъ начальной исторіи этой обители. Весьма вѣроятными остатками или частями этой лѣтописи, внесенными въ Древнѣйшую Лѣтопись, слѣдуетъ признать свѣдѣнія о началѣ Печерскаго монастыря (подъ 1051 годомъ) и о перенесеніи мощей Ѳеодосія, съ приложеніемъ «похвалы» лѣтописца этому святому (подъ 1091 годомъ). Отдѣльно отъ Начальнаго Свода эта лѣтопись до насъ не дошла, какъ не дошло, напримѣръ, и несомнѣнно существовавшее древнее житіе Антонія, основателя Кіево-Печерскаго монастыря, и потому мы не имѣемъ возможности точно судить о ея составѣ. Весьма правдоподобныя догадки по этому вопросу дѣлаетъ А. А. Шахматовъ [5]), для котораго нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что упомянутые остатки Печерской лѣто-

---

[1]) Разысканія, стр. 116—117.

[2]) Тамъ же, стр. 120—124, при чемъ авторъ склоненъ видѣть тутъ литературные слѣды греческаго или болгарскаго происхожденія.

[3]) Одинъ изъ источниковъ лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра, въ «Сборникѣ въ честь М. С. Дринова» (Харьковъ, 1904), стр. 63—74.

[4]) Въ окончательномъ видѣ, съ нѣкоторыми частичными уклоненіями отъ ранѣе высказанныхъ предположеній, мнѣніе это изложено авторомъ въ «Разысканіяхъ», стр. 133—161.

[5]) Житіе Антонія и Печерская Лѣтопись. Ж. М. Н. Пр. 1898, № 3, стр. 115—117.

писи, помѣщенные въ Начальномъ Сводѣ подъ 1051 и 1091 годами, принадлежать перу Нестора, автора «Житія Ѳеодосія Печерскаго» и «Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ» [1]. Весьма вѣроятнымъ представляется старое мнѣніе Костомарова о томъ, что и вообще авторомъ Печерской лѣтописи былъ никто иной, какъ Несторъ; быть можетъ, именно этимъ отношеніемъ Нестора къ Печерской лѣтописи опредѣляется и традиціонное обозначеніе Повѣсти временныхъ лѣтъ «Несторовой лѣтописью», тогда какъ дѣйствительнымъ составителемъ этого свода скорѣе всего могъ быть игуменъ Сильвестръ [2]. Разсматривая этотъ вопросъ изъ исторіи нашей Начальной Лѣтописи, Шахматовъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ: «Въ послѣдней четверти XI столѣтія было составлено обширное Житіе Антонія, гдѣ разсказывалось о первыхъ подвижникахъ печерскихъ, объ устроеніи Антоніемъ Печерскаго монастыря и объ основаніи церкви Святой Богородицы. Въ концѣ XI столѣтія Несторъ, авторъ Житія Ѳеодосія, составилъ двѣ статьи, относящіяся до исторіи Печерскаго монастыря: «Сказаніе, что ради прозвася Печерскій монастырь» и разсказъ о перенесеніи мощей Ѳеодосія, къ которому онъ присоединилъ краткую похвалу святому подвижнику. Въ началѣ XII столѣтія неизвѣстный намъ по имени монахъ собралъ письменныя свидѣтельства и устныя преданія, относящіяся до Печерскаго монастыря и, помѣстивъ ихъ въ задуманную имъ монастырскую лѣтопись, продолжилъ ее цѣлымъ рядомъ погодныхъ записей; послѣдняя запись была сдѣлана въ 1110 году; между прочимъ, въ Печерскую Лѣтопись вошли названныя сочиненія Нестора и многія заимствованія изъ Житія Антонія; нерѣдкое упоминаніе имени Нестора, какъ автора, на страницахъ Печерской Лѣтописи легло въ основаніе преданія о томъ, что вся Лѣтопись написана Несторомъ... Игуменъ Михайловскаго монастыря Сильвестръ пользовался этою Лѣтописью въ числѣ другихъ письменныхъ источниковъ, которыми онъ продолжилъ и дополнилъ лѣтописный сводъ, составленный еще до него въ послѣдней четверти XI столѣтія» [3].

3. Переходя теперь къ вопросу о народныхъ преданіяхъ Древнѣйшей Лѣтописи, включенныхъ въ нее изъ устнаго источника, мы вступаемъ въ область, еще мало разработанную ученой критикой. Кромѣ того, самъ по себѣ вопросъ этотъ представляетъ большія трудности. Въ самомъ дѣлѣ, какой критерій имѣемъ мы для того, чтобы съ большей или меньшей увѣренностью выдѣлить изъ лѣтописнаго текста подлинный элементъ т. наз. «народнаго преданія»? Когда рѣчь идетъ о выдѣленіи изъ состава лѣтописи письменныхъ источниковъ—иноземнаго или русскаго происхожденія,—то вопросъ для изслѣдователя сводится къ тому, чтобы или отыскать документальное доказательство независимаго отъ лѣтописи существованія того или другого памятника, внесеннаго въ лѣтопись, или—если это ока-

---

[1]) Кіево-Печерскій Патерикъ и Печерская Лѣтопись. Изв. II Отд. Акад. Наукъ. II, 1897, кн. 3, стр. 824—826.

[2]) Ср. у Шахматова: Ж. М. Н. Пр. 1898, № 3, стр. 145.

[3]) Тамъ же, стр. 148.

зывается невозможнымъ по наличности имѣющихся данныхъ—привести теоретическіе доводы въ пользу того, что извѣстныя мѣста лѣтописнаго повѣствованія не могли быть продуктомъ самостоятельнаго авторскаго творчества лѣтописца; при этомъ еще нерѣдко могло возникать сомнѣніе въ томъ, не составляетъ ли предполагаемое заимствованное мѣсто результатъ знакомства лѣтописца съ какой-либо народной легендой, заимствованной имъ путемъ устной передачи. Это послѣднее затрудненіе цѣликомъ переходитъ и въ поставленный теперь общій вопросъ о заимствованіяхъ лѣтописи изъ народнаго преданія. Затѣмъ: что собственно нужно разумѣть подъ народнымъ преданіемъ, какъ особымъ литературнымъ элементомъ, въ отличіе отъ источника письменнаго? Фантастичность содержанія? Но этой особенностью, съ одной стороны, могло отличаться и всякое произведеніе, дошедшее до насъ въ письменномъ видѣ, а съ другой—и подлинное народное преданіе могло включать въ себя реальныя и историческія черты. Поэтичность формы и языкъ, близкій къ живому, народному употребленію? Однако и тутъ остается мѣсто для самыхъ произвольныхъ предположеній и заключеній. Отрицательный признакъ, т. е. отсутствіе письменной записи, также не можетъ имѣть большого значенія: если мы не имѣемъ записи, т. е. отдѣльнаго текста извѣстнаго произведенія, это еще не значитъ, что ея вообще не было. Наконецъ, развѣ подлинное народное преданіе, будучи облечено кѣмъ-либо въ литературную форму и затѣмъ внесенное въ лѣтопись (конечно, эти случаи могли быть въ старину очень рѣдки), перестаетъ отъ этого оставаться тѣмъ же народнымъ преданіемъ, т. е. непосредственнымъ продуктомъ народной фантазіи, и переходитъ уже въ область письменныхъ источниковъ, наряду съ житіями, поученіями, посланіями и т. п.? Могутъ сказать: народное преданіе лѣтописи—это то, что недостовѣрно, выдумано, не составляетъ историческаго факта. Но, какъ извѣстно, въ лѣтописи очень многое не можетъ быть подтверждено другими самостоятельными источниками или отвергнуто такими теоретическими соображеніями, которыя бы не оставляли послѣ себя никакихъ сомнѣній.

Итакъ, мы должны признать, что въ этомъ вопросѣ мы стоимъ на весьма шаткой почвѣ и нерѣдко вынуждены довольствоваться одними предположеніями и догадками.

Сухомлиновъ, въ своемъ упомянутомъ уже не разъ трудѣ о Лѣтописи (1856), совсѣмъ обошелъ вопросъ о народныхъ преданіяхъ. Когда ему сдѣланы были съ разныхъ сторонъ упреки по поводу этого упущенія (напр., Буслаевымъ въ ст. «О народности въ древне-русской литературѣ и въ искусствѣ», въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857, № 15), то онъ отвѣтилъ на это дополнительной къ своему изслѣдованію статьей «О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи», напечатанной въ «Основѣ» 1861. № 6. Но болѣе цѣльное обозрѣніе этого матеріала дано было Н. И. Костомаровымъ въ его работѣ «Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніи съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказкахъ и обычаяхъ», въ «Вѣстникѣ Европы», 1873, №№ 1—3, (перепечатано потомъ въ XIII томѣ его «Монографій»). Тутъ авторъ указываетъ, въ длинномъ перечнѣ, огромную массу народно-легендарнаго

матеріала, внесеннаго лѣтописцемъ въ свой трудъ, по мнѣнію историка, изъ устнаго источника. Въ настоящее время ученая критика внесла уже кое-какія исправленія въ этотъ перечень, указавши относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ преданій (напр., о призваніи варяговъ, объ Олегѣ, о крещеніи Владиміра и пр.) наличность или значительную вѣроятность существованія письменныхъ источниковъ, которыми могъ пользоваться лѣтописецъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ преданій.

На первыхъ страницахъ Лѣтописи, еще до введенія событій въ хронологическія рамки (по Лаврентьевскому списку, стр. 7—8), помѣщенъ разсказъ о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ. Ап. Андрей, проповѣдывавшій евангеліе по берегамъ Чернаго моря, пришелъ однажды изъ Синопа въ Корсунь и здѣсь узналъ, что недалеко находится устье Днѣпра. Эту дорогу по Днѣпру избралъ онъ для своего путешествія въ Римъ. Поднявшись по Днѣпру нѣсколько вверхъ, апостолъ однажды остановился для ночлега у берега подъ горами: это были тѣ самыя горы, на которыхъ потомъ былъ построенъ Кіевъ. Утромъ апостолъ показалъ ученикамъ на эти горы и высказалъ пророчество, что на нихъ нѣкогда будетъ построенъ великій городъ и многія церкви; затѣмъ онъ благословилъ эти горы и поставилъ на нихъ крестъ. Идя далѣе, ап. Андрей пришелъ въ Новгородъ, гдѣ увидалъ странный обычай жителей—мыться и париться въ баняхъ. Затѣмъ онъ пошелъ къ варягамъ и, наконецъ, прибылъ въ Римъ, гдѣ, между прочимъ, разсказывалъ о видѣнномъ имъ въ Новгородѣ, въ землѣ славянской, и римляне, слушая этотъ разсказъ, дивились, а апостолъ, побывавъ въ Римѣ, снова вернулся въ Синопъ.—Народнымъ преданіемъ въ этомъ разсказѣ отзываются не только крайне случайныя географическія представленія, въ силу которыхъ ап. Андрею приходится идти отъ Чернаго моря въ Римъ черезъ Новгородъ, но въ особенности тотъ шутливый и даже сатирическій характеръ повѣствованія, въ духѣ котораго ап. Андрей разсказываетъ въ Римѣ о новгородскихъ баняхъ. Эти легендарныя подробности отражаютъ собою соперническія отношенія между областями, которыя, подобно нашему времени, существовали и въ древности и заставляли жителей одной области подсмѣиваться надъ обычаями другой. Конечно, редакція этого разсказа, помѣщенная въ Лѣтописи, имѣетъ южно-русское, кіевское происхожденіе; сѣверно-русскій Новгородъ подвергнутъ въ ней осмѣянію; но въ позднѣйшее время, выходящее уже за предѣлы работъ надъ Начальной Лѣтописью, возникла и новгородская версія этого сказанія, въ которой умалчивается о баняхъ, вызвавшихъ насмѣшливое удивленіе римскихъ собесѣдниковъ ап. Андрея, и сообщается о томъ, что этотъ апостолъ проповѣдывалъ въ Новгородской области слово Божіе и оставилъ тамъ на благословеніе свой жезлъ. Въ той и другой редакціи, конечно, совершенно ясна тенденція возвеличить то Кіевъ, то Новгородъ внесеніемъ въ нихъ древнѣйшую исторію апостола Андрея. Голубинскій полагаетъ, что нѣкоторымъ поводомъ къ возникновенію легенды могли служить греческія сказанія объ апостолѣ Андреѣ, что ему досталось въ удѣлъ проповѣдывать христіанство въ Скиѳіи, территорія которой совпадала съ мѣстомъ значительной части славянскихъ поселеній

въ древности [1]). Интересно отмѣтить, что разсказъ этотъ удерживалъ свой авторитетъ достовѣрности въ глазахъ гораздо болѣе позднихъ поколѣній; именно, царь Иванъ Грозный, въ своей бесѣдѣ съ извѣстнымъ Антоніемъ Поссевиномъ въ XVI в., а затѣмъ Арсеній Сухановъ въ бесѣдахъ съ греками въ XVII в. указывали на преданіе объ Андреѣ, какъ на доказательство, что русскіе приняли христіанство не отъ грековъ, а изъ гораздо болѣе отдаленнаго и авторитетнаго источника. Что касается самаго разсказа, внесеннаго въ Начальную Лѣтопись, то Голубинскій, считая болѣе вѣроятнымъ этотъ разсказъ за «произведеніе общенароднаго творчества», не отвергаетъ также возможности и книжнаго его происхожденія [2]).

Послѣ разсказа объ апостолѣ Андреѣ, въ Лѣтописи помѣщенъ (по Лавр. сп., стр. 8—9) разсказъ о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди. Каждый братъ жилъ на особой горѣ; всѣ они вмѣстѣ основали городъ, которому, въ честь старшаго брата, дали имя Кіевъ. Далѣе, лѣтописецъ входитъ въ критику одной подробности слышаннаго имъ преданія: «ини же, не свѣдуще, рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ»; на это лѣтописецъ возражаетъ: «аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду, но се Кій княжаше въ родѣ своемъ», и затѣмъ, въ подтвержденіе царскаго сана Кія, лѣтописецъ передаетъ, что Кій былъ у византійскаго императора, принялъ отъ него «велику честь» и на возвратномъ пути хотѣлъ основать городокъ при Дунаѣ, чтобы тутъ «сѣсти съ родомъ своимъ», но это не дали ему исполнить «близь живущіи»; тогда онъ вернулся въ свой родной Кіевъ, гдѣ и скончался; тамъ же скончались его сестра и братья.—Это сказаніе о трехъ братьяхъ-родоначальникахъ носитъ на себѣ типическія черты народной легенды. Относительно такихъ родоначальниковъ имѣются свѣдѣнія и у другихъ славянскихъ народовъ: сербовъ, чеховъ, поляковъ; они возникаютъ и въ болѣе позднее время, напр., городъ Харьковъ будто бы получилъ свое названіе отъ нѣкоего казака Харько, перваго его основателя. Насколько въ преданіи о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ есть элементъ историческій, сказать трудно: Костомаровъ допускалъ, что Кій былъ лицо дѣйствительно существовавшее, а его братья и сестра являются лишь плодомъ народной фантазіи [3]). Въ народномъ эпосѣ отъ всѣхъ этихъ лицъ осталось лишь имя сестры Лыбеди, въ поэтическомъ образѣ «бѣлой лебеди» [4]).

Подъ 862 годомъ помѣщенъ разсказъ о призваніи варяговъ, составляющій отправную точку нашей гражданской исторіи. Подобно повѣсти объ апостолѣ Андреѣ, составляющей, такъ сказать, начало нашей церковной исторіи, разсказъ этотъ носитъ на себѣ несомнѣнныя черты легенды—если не въ цѣломъ, то въ частностяхъ. Это сказаніе подъ перомъ лѣтописцевъ-редакторовъ потерпѣло рядъ измѣненій, и Шахматовъ, которому

---

[1]) Исторія русской церкви. Т. I, перв. пол., 2 изд., стр. 21—22.

[2]) Тамъ же, стр. 19.

[3]) Историческія монографіи, XIII, стр. 40.

[4]) М. Халанскій. Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ. Ж. М. Н. Пр. 1902, № 8, стр. 295.

принадлежитъ специальное изслѣдованіе этого вопроса, устанавливаетъ три версіи сказанія. Первая имѣла мѣсто въ Начальномъ Сводѣ; она возникла въ Новгородѣ и разсказываетъ о томъ, какъ новгородскіе Словѣне, Кривичи и Меря, платившіе варягамъ дань, сбросили это иго общими силами, но когда стали жить самостоятельно, то перессорились между собою и рѣшили снова обратиться къ варягамъ, чтобы просить ихъ придти и править ими; тогда къ нимъ явились три варяжскихъ брата-князя, съ родственниками и дружиной, и разсѣлись — Рюрикъ въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣлоозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ; по смерти двухъ послѣднихъ, Рюрикъ сдѣлался единымъ правителемъ. Вторая версія сказанія, помѣщенная въ первой редакціи «Повѣсти временныхъ лѣтъ», отличается отъ первой главнымъ образомъ тѣмъ, что тутъ варяги отожествлены съ Русью; въ этомъ, по мнѣнію Шахматова, сказалось южное происхожденіе второй версіи: «составитель южной версіи руководствовался при этомъ, конечно, мѣстнымъ народнымъ преданіемъ, которое помнило не только объ иноземномъ варяжскомъ происхожденіи княжескаго дома и княжескихъ дружинниковъ, но также объ иноземномъ, варяжскомъ происхожденіи самаго имени Русь». Третья версія занесена во вторую редакцію «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и имѣетъ ту особенность, что по ней князья-братья прежде всего строятъ вмѣстѣ Ладогу, въ которой поселяется старшій братъ Рюрикъ; по смерти своихъ братьевъ онъ отправляется къ озеру Ильменю и здѣсь, надъ Волховомъ, основываетъ Новгородъ. Такъ какъ вторая редакція «Повѣсти временныхъ лѣтъ» составлена также на югѣ, то новую версію въ ней сказанія о призваніи князей Шахматовъ объясняетъ тѣмъ, что составитель этой редакціи «въ 1114 году посѣтилъ Новгородскій сѣверъ и былъ даже въ Ладогѣ, гдѣ слышалъ изъ устъ посадника Павла и другихъ ладожанъ рядъ интересныхъ разсказовъ; среди нихъ могли быть и историческія преданія объ основаніи Ладоги и народныя сказанія, противополагавшія древность забытой Ладоги славѣ Великаго Новгорода» [1]). Шахматовъ признаетъ во всѣхъ этихъ версіяхъ также участіе и домысла «позднѣйшихъ книжниковъ», имѣвшихъ на то свои опредѣленныя цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дальнѣйшихъ версіяхъ сказанія, послѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», продолжало жить и развиваться вокругъ того же сюжета и народное преданіе [2]), несомнѣнно составляющее главную основу всего сказанія.

На дальнѣйшихъ народныхъ преданіяхъ, внесенныхъ въ Лѣтопись, мы останавливаться не станемъ, ограничиваясь простымъ перечнемъ главнѣйшихъ изъ нихъ. Подъ 882—885, 907 и 912 годами помѣщена группа преданій объ «Олегѣ-вѣщемъ»: подчиненіе Олегу славяно-русскихъ племенъ (Кривичей, Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей), походъ на Византію и смерть Олега. Подъ 941 и 944 годами—о двухъ походахъ Игоря противъ грековъ. Подъ 945 и 946 годами—о смерти Игоря и о мести за эту смерть со стороны Ольги. Подъ 955 годомъ—о путешествіи Ольги въ Царьградъ. Подъ 968, 971 и 972 годами имѣется группа разсказовъ о Свято-

[1]) Сказаніе о призваніи варяговъ, стр. 50—52.

[2]) Тамъ же, стр. 53.

славѣ: несчастіе съ Кіевомъ въ его отсутствіе, походъ Святослава на грековъ и смерть Святослава. Подъ 985, 992 и 997 годами—о вел. кн. Владимірѣ: походъ на болгаръ, война съ печенѣгами и осада печенѣгами Бѣлгорода въ отсутствіе князя Владиміра. Конечно, нельзя утверждать съ полной увѣренностью, чтобы подъ нѣкоторыми изъ этихъ разсказовъ или отдѣльными частями ихъ не могли лежать какія-либо письменные источники, въ той или иной формѣ сдѣлавшіеся доступными лѣтописцу [1]), но общій характеръ этихъ разсказовъ и нѣкоторыя параллели къ нимъ изъ области народнаго творчества [2]) говорятъ также и за народно-легендарное ихъ происхожденіе [3]).

Характерныя черты лѣтописца и его изложенія. Наконецъ, мы должны теперь нѣсколько остановиться на тѣхъ литературныхъ элементахъ, которые въ большей или меньшей степени принадлежатъ самому составителю Начальной Лѣтописи и могутъ служить для характеристики его писательской индивидуальности или вообще его литературныхъ пріемовъ. Въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть въ виду опять-таки «Повѣсть временныхъ лѣтъ» по Лаврентьевскому списку и не должны упускать изъ виду, что характеристика лѣтописца на основаніи этого матеріала по необходимости должна быть въ извѣстномъ смыслѣ условной, такъ какъ является совершенно неосуществимымъ желательное для нашей цѣли выдѣленіе изъ «Повѣсти» самаго текста, т. е. литературной формы, Начальной Лѣтописи.

Главнѣйшій предметъ вниманія лѣтописца составляетъ русская земля. Правда, на первыхъ страницахъ «Повѣсти» имѣются общія свѣдѣнія о разселеніи племенъ, начиная съ потомковъ Ноя, и затѣмъ переданы нѣкоторыя событія изъ византійской исторіи, но это является лишь подражаніемъ пріемамъ византійской хронографіи, и въ дальнѣйшемъ изложеніи лѣтописца ссылка даже на отдѣльныя событія иноземной исторіи является рѣдкимъ исключеніемъ. Сосредоточившись на событіяхъ русской исторіи, лѣтописецъ всего болѣе упоминаетъ о событіяхъ, такъ сказать, внѣшняго характера—государственныхъ, общественныхъ, административныхъ; онъ разсказываетъ о походахъ князей въ чужія земли, объ ихъ междоусобныхъ войнахъ, о нашествіяхъ на русскую землю иноземцевъ—по преимуществу печенѣговъ и половцевъ; затѣмъ, онъ немало вниманія удѣляетъ построенію церквей и монастырей, разсказываетъ о поставленіи митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ; упоминаетъ о стараніяхъ духовной

---

[1]) Есть даже попытка объяснить нѣкоторыя изъ упомянутыхъ сказаній (объ ап. Андреѣ, объ основаніи Кіева, о подчиненіи Олегу славяно-русскихъ племенъ, о кн. Владимірѣ и Рогнѣдѣ) знакомствомъ лѣтописца съ нѣкоторыми еврейскими письменными источниками, но эту попытку надо признать слишкомъ искусственной и мало убѣдительной: ср. Г. Барацъ. О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ Начальной Русской Лѣтописи. Украіна. Т. I. 1907, №№ 3, 4 и 6.

[2]) Костомаровъ. Историческія монографіи. XIII, стр. 66—207.

[3]) Нѣкоторыя изъ народныхъ преданій Начальной Лѣтописи нашли себѣ мѣсто въ особомъ, спеціально этому вопросу посвященномъ изданіи: Ѳ. Гиляровъ. Преданія русской Начальной Лѣтописи. М. 1878.

и свѣтской власти насадить просвѣщеніе, умножить количество книгъ. О жизни внутренней, о правахъ и обычаяхъ лѣтописецъ говоритъ гораздо рѣже, хотя и тутъ у него встрѣчаются весьма цѣнныя указанія, напр., о появленіи волхвовъ въ разныхъ мѣстахъ, о совершеніи браковъ у древлянъ, полянъ, сѣверянъ. Далѣе, есть упоминанія о явленіяхъ природы, но природа интересуетъ лѣтописца не съ эстетической и даже не съ экономической стороны, а лишь съ нравственно-религіозной: онъ ставитъ ее въ связь съ духовнымъ міромъ человѣка и видитъ въ ней орудіе пророческихъ указаній высшей силы. Внутренній міръ человѣка интересуетъ лѣтописца не столько отвлеченно, сколько для характеристики или опредѣленія понятій и взглядовъ отдѣльныхъ личностей, цѣлыхъ группъ, сословій; основа этихъ воззрѣній лѣтописца зиждется на его христіанскихъ вѣрованіяхъ, съ точки зрѣнія которыхъ онъ нерѣдко говоритъ о слабости народной массы къ суевѣріямъ, хотя въ то же время и самъ онъ, очевидно, не свободенъ отъ подобныхъ суевѣрій.

Лѣтописецъ ведетъ свой разсказъ въ хронологической послѣдовательности происходившихъ событій: онъ излагаетъ событія по годамъ, а имѣвшія мѣсто въ одинъ годъ — по мѣсяцамъ; если событіе продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то разсказъ о немъ нерѣдко разрывается на части, которыя и помѣщаются подъ соотвѣтствующими годами. Однако у лѣтописца есть стремленіе къ установленію нѣкоторой связи событій, и потому, сознавая неудобства хронологическаго изложенія, онъ старается восполнить въ извѣстныхъ случаяхъ нарушеніе такой связи стилистическими вставками внѣшняго характера: онъ соединяетъ посторонній эпизодъ съ продолжающимся, на время прерваннымъ повѣствованіемъ такими словами: «но мы на предняя возвратимся, яко же бяхомъ прежде глаголали», «мы же на предлежащее возвратимся», «скажемъ же», «и се да скажемъ», «се же хощу сказати» и т. п.

Но, при всемъ преобладаніи хронологическаго порядка, лѣтопись наша вовсе не можетъ быть почтена произведеніемъ исключительно формальнымъ, сухимъ, лишеннымъ живости и извѣстнаго настроенія. Конечно, у лѣтописца нѣтъ сколько-нибудь широкихъ обобщеній или указаній на внутреннюю причинную связь событій, но онъ не упускаетъ случаевъ высказывать свое мнѣніе объ отдѣльныхъ событіяхъ, свою оцѣнку извѣстныхъ лицъ или свои чувства по тому или иному поводу. Онъ, напр., не разъ высказываетъ мысль о томъ, что походы, предпринимаемые князьями за предѣлы русской земли или въ ея предѣлахъ, достойны порицанія, такъ какъ въ основѣ ихъ часто лежитъ властолюбіе или чрезмѣрная жажда добычи. По взгляду лѣтописца, Богъ является высшей и первоначальной причиной всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Онъ влагаетъ въ умы князей «мысль добру» на совершеніе доблестныхъ дѣлъ—защиту родины, поставленіе достойнаго іерарха; онъ поражаетъ страхомъ сердца «невѣрныхъ», враждующихъ съ русскими, и содѣйствуетъ такимъ образомъ ихъ пораженію; онъ же, желая отвратить христіанъ отъ злыхъ дѣлъ и направить ихъ къ спасительному покаянію, посылаетъ на русскую землю различныя бѣдствія. Съ другой стороны, всѣ дурные помыслы являются по навѣту дьявола,

который завидуетъ благополучію добраго христіанина и является постояннымъ врагомъ его будущаго спасенія; но вліяніе дьявола простирается на человѣка лишь постольку, поскольку онъ обнаруживаетъ шаткость въ вѣрѣ, и на людей вѣрующихъ дьяволъ подѣйствовать не можетъ. Какъ внушенія Бога являются черезъ посредство добрыхъ людей съ ихъ хорошими совѣтами, такъ козни дьявола находятъ себѣ путь въ формѣ совѣтовъ людей злыхъ. Однако, при всемъ своемъ вліяніи на людей, дьяволъ не знаетъ человѣческихъ помышленій, которыя извѣстны одному Богу. Ближайшее участіе божественнаго Промысла лѣтописецъ не ограничиваетъ сферою человѣческихъ дѣйствій, но простираетъ его и на явленія природы: тамъ также нѣтъ случайностей, какъ нѣтъ ихъ въ дѣлахъ людскихъ. Поэтому, разныя необыкновенныя явленія природы — солнечное и лунное затменія, появленіе кометъ, чрезмѣрно обильные дожди или засухи и т. д.— получаютъ въ глазахъ лѣтописца особый пророческій смыслъ, являются знаменіями: «знаменья бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро» (по Лавр. сп., стр. 266). Иногда рядомъ съ предсказаніемъ помѣщается и фактъ самаго его исполненія; такъ, подъ 1063 годомъ читаемъ: «в се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5, се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ» (стр. 159). Такого рода взглядъ на явленія природы раздѣляли въ то время люди всѣхъ сословій и разныхъ степеней образованія. Однако не всѣмъ формамъ суевѣрій касательно природы давалъ лѣтописецъ цѣну истины или достовѣрности: напр., подъ 1064 годомъ онъ сообщаетъ, что народъ объяснялъ солнечныя затменія тѣмъ, будто солнце съѣдено, но лѣтописецъ отвергаетъ такую выдумку, называя повторяющихъ ее «невѣгласи» (стр. 160). Въ общемъ же знаменія природы являются, по представленію лѣтописца, скорѣе на зло, нежели на добро. Эта вѣра въ знаменія и пророчества, вытекавшая изъ желанія найти смыслъ и усмотрѣть цѣлесообразность въ отношеніяхъ физическаго и духовнаго міра, иногда заставляла лѣтописца придавать вѣру даже предсказаніямъ волхвовъ: по крайней мѣрѣ, онъ съ удивленіемъ признаетъ дѣйствительность чародѣйства по поводу предсказанія волхва о смерти Олега, и въ доказательство этой дѣйствительности чародѣяній приводитъ изъ Георгія Амартола свѣдѣнія о волхвѣ Аполлоніи Тіанскомъ (подъ 912 годомъ, стр. 38—40). Въ разсказѣ о волхвахъ подъ 1071 годомъ, приведя разговоръ новгородца съ кудесникомъ объ ихъ богахъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что—такова бѣсовская сила: ею прельщаются некрѣпкіе въ вѣрѣ, а въ особенности падки на волхвованіе женщины, такъ какъ издавна бѣсъ прельстилъ жену, а она мужа (стр. 175). Пытливая любознательность лѣтописца, сказавшаяся въ подобнаго рода объясненіяхъ, составляетъ вообще одну изъ характерныхъ его особенностей; онъ старается по возможности все уяснить и привести къ пониманію. Таковы, напр., его объясненія названій славянскихъ племенъ, разселившихся по восточно-европейской равнинѣ: бужане названы такъ «зане сѣдоша по Бугу», древляне—«зане сѣдоша въ лѣсѣхъ», поляне—«зане же въ полѣ сѣдяху»; другіе, какъ радимичи и вятичи, назвались такъ по имени своихъ родоначальниковъ Радима и Вятко; городъ Переяславль названъ такъ потому, что на мѣстѣ его нѣкогда русскій силачъ

переял славу у печенѣжскаго исполина въ единоборствѣ (стр. 121). Одной изъ замѣчательныхъ общихъ идей, вложенныхъ лѣтописцемъ въ свое повѣствованіе, является идея о славянскомъ единствѣ тѣмъ болѣе достойная вниманія для начала XII вѣка, что именно въ это время современное политическое положеніе славянства, находившагося въ разбродѣ и порабощеніи, далеко ея не поддерживало: это совершенно справедливо отмѣчаетъ В. О. Ключевскій [1]).

Вмѣстѣ съ сужденіями лѣтописца, являющимися плодомъ его мысли, мы встрѣчаемся въ Лѣтописи и съ выраженными имъ чувствами—радостными и печальными, сообразно поводамъ, по которымъ они высказаны. Такъ, онъ высказываетъ чувство участія и душевнаго умиленія по отношенію къ княгинѣ Ольгѣ, которая, сдѣлавшись христіанкой, первая изъ русскихъ вошла въ царствіе Божіе: «Си бысть предътекущия крестьянстѣй земли аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящеся аки бисеръ въ калѣ... Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси» (подъ 909 годомъ, стр. 66—67). Какъ Владиміръ вызываетъ сочувствіе лѣтописца за просвѣщеніе русскихъ Христовой вѣрой, такъ подобное же отношеніе обнаруживаетъ онъ и къ Ярославу за его заботы о школахъ, явившихся необходимымъ продолженіемъ дѣла его предшественника: по поводу попеченія Ярослава о книжномъ просвѣщеніи, лѣтописецъ высказываетъ свои мысли и чувства о пользѣ «книжныхъ словесъ». Лѣтописца радуетъ миръ и братская любовь между князьями; высшей похвалы съ его стороны заслуживаетъ тотъ, кто «положи главу свою за брата своего»; наоборотъ, онъ выражаетъ чувство печали по поводу междоусобій въ княжеской семьѣ, когда братья или родственники враждовали другъ съ другомъ, «хотя власти овъ сея, овъ же другое». Чувство горечи овладѣваетъ лѣтописцемъ и по поводу внѣшнихъ нападеній на русскую землю, которыя, по его убѣжденію, посылаются христіанамъ за грѣхи и должны вызвать ихъ къ покаянію.

Замѣчательной чертой, проникающей лѣтописца, является его глубокая искренность; его трудно поймать на какой-либо задней мысли или на стороннихъ побужденіяхъ. Отсюда истекаетъ его объективность, которая не исключаетъ глубокой любви къ русской землѣ, но обезпечиваетъ лишь правдивость повѣствованія и независимость сужденій. Лѣтописецъ не замалчиваетъ въ своемъ разсказѣ отрицательныхъ фактовъ въ русской жизни, упоминаетъ о дурныхъ поступкахъ князей, равно какъ отдаетъ справедливость и врагамъ, напр. польскому королю Болеславу, о побѣдѣ котораго надъ Ярославомъ разсказывается подъ 1018 годомъ (стр. 139—140).

Манера изложенія лѣтописца отличается спокойствіемъ и ровностью. Его описанія кратки, повѣствованія образны и выразительны; у него нѣтъ лишнихъ подробностей и искусственныхъ украшеній рѣчи, которой, напротивъ, свойственны простота, ясность и точность. На стилѣ лѣтописца замѣтны черты народно-поэтическаго склада въ неменьшей мѣрѣ, какъ и языка книгъ Св. Писанія. Лѣтописецъ внесъ въ свое повѣствованіе не

---

[1]) Курсъ русской исторіи. I. 1904, стр. 105—106.

только народныя преданія, но и нѣкоторыя пословицы, поговорки и другія формы народно-поэтическаго выраженія: напр. «аще ся ввадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его» (подъ 945 годомъ, стр. 53), «толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмѣль почнеть тонути» (подъ 985 годомъ, стр. 82), «есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ» (стр. 11) и пр. Русскій языкъ лѣтописца заключаетъ въ себѣ значительную примѣсь церковно-славянскаго элемента и образуетъ этой смѣсью одинъ изъ самыхъ характерныхъ образцовъ тогдашней книжной рѣчи [1]).

5. Историческая повѣсть: Слово о Полку Игоревѣ.

Открытіе Слова и его научная разработка. — Содержаніе памятника. — Происхожденіе Слова.—Историческое и литературное значеніе Слова; его основная идея.

При разсмотрѣніи вопроса о составѣ Начальной Лѣтописи было указано на наличность такого рода повѣстей и сказаній историческаго содержанія, которыя были вносимы въ лѣтописные своды и, не будучи извѣстны въ особомъ видѣ, продолжали тамъ свое дальнѣйшее существованіе. Нѣкоторые изъ такихъ историческихъ сюжетовъ своими отдѣльными элементами могли входить въ составъ народно-поэтическаго творчества той эпохи, но слѣды этого рода созданій народной фантазіи до насъ не дошли или растворились въ неуловимомъ для историка дальнѣйшемъ процессѣ ея дѣятельности. Единственнымъ средствомъ сохраненія этихъ поэтическихъ сказаній для будущаго могло быть закрѣпленіе ихъ на письмѣ, но, вслѣдствіе малаго количества литературныхъ силъ, слабаго развитія литературнаго сознанія и преобладанія церковно-религіознаго настроенія письменности, случаи такого закрѣпленія въ кіевскій періодъ нашей литературы могли быть лишь крайне рѣдки. Мы располагаемъ для даннаго времени однимъ такимъ произведеніемъ, представляющимъ поэтическую обработку историческаго сюжета: это—Слово о Полку Игоревѣ, замѣчательнѣйшій памятникъ личнаго поэтическаго творчества конца XII вѣка на русской почвѣ, интереснаго не только своей рѣдкостью, но и высокими поэтическими достоинствами.

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду подробнаго разбора С. о П. И. въ историко-литературномъ отношеніи, а остановимся лишь—съ одной стороны на изложеніи главнѣйшихъ фактовъ исторіи разработки этого памятника въ научной литературѣ, а съ другой—на формулировкѣ важнѣйшихъ выводовъ общаго характера относительно С. о П. И., явившихся результатомъ упомянутой разработки.

Открытіе Слова и его научная разработка. Научная разработка С. о П. И., имѣющая уже болѣе чѣмъ столѣтнюю исторію, представляетъ, не-

[1]) Болѣе подробную характеристику лѣтописца, его міровоззрѣнія, способа изложенія, языка и пр. см. у Сухомлинова: О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, стр. 147—222.

зависимо отъ своего спеціальнаго значенія, также и немалый общій интересъ, такъ какъ отражаетъ собой въ главныхъ чертахъ ходъ развитія самой науки исторіи русской литературы и рядъ смѣнявшихся одинъ за другимъ методовъ ея изученія [1]).

Первое извѣстіе о С. о П. И. было сообщено въ печати Н. М. Карамзинымъ въ 1797 году, въ гамбургскомъ журналѣ «Spectateur du Nord», но честь открытія памятника принадлежитъ графу А. И. Мусину-Пушкину, извѣстному любителю и собирателю русскихъ древностей въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Мусинъ-Пушкинъ владѣлъ богатымъ собраніемъ старинныхъ рукописей, монетъ и прочихъ рѣдкостей, цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи. Ему достались многія книги и бумаги Димитрія Ростовскаго, Татищева, Болтина, Елагина и др.; императрица Екатерина II передала ему много интересныхъ матеріаловъ касательно русской исторіи и для изданія важнѣйшихъ изъ нихъ предоставила въ его распоряженіе одну изъ казенныхъ типографій; со своей стороны, и Мусинъ-Пушкинъ имѣлъ отъ императрицы порученіе доставлять ей выписки и разнаго рода матеріалы для ея «Записокъ касательно россійской исторіи». Назначенный въ 1791 году на должность оберъ-прокурора Св. Синода и принявъ, такимъ образомъ, въ свое вѣдѣніе церковныя и монастырскія книгохранилища, Мусинъ-Пушкинъ получилъ еще болѣе широкую возможность къ отыскиванію памятниковъ русской старины. Въ 1795 году одинъ изъ комиссіонеровъ Мусина-Пушкина купилъ у архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря Іоиля, вмѣстѣ съ другими рукописями, сборникъ подъ названіемъ Хронографъ, заключавшій, между другими памятниками письменности, и Слово о Полку Игоревѣ. Какъ впослѣдствіи сообщалъ самъ Мусинъ-Пушкинъ, въ письмѣ отъ 31 дек. 1813 года къ К. О. Калайдовичу, рукопись Слова писана была «на лощеной бумагѣ довольно чистымъ письмомъ»; онъ полагалъ, что «по почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣка»; далѣе Мусинъ-Пушкинъ сообщаетъ, что въ рукописи «не было правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія». Эти сообщенія сдѣланы были уже послѣ гибели рукописи и послужили для позднѣйшихъ ученыхъ основаніемъ къ важнымъ заключеніямъ о времени ея написанія и отчасти о самой подлинности найденнаго памятника. Повидимому, немедленно послѣ открытія памят-

[1]) Труды, посвященные С. о П. И., не разъ уже служили предметомъ общаго обозрѣнія. Главнѣйшія изъ этихъ обозрѣній: Е. В. Барсовъ. Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Т. I. М. 1887, стр. 1—212 (первоначально въ Ж. М. Н. Пр. 1876 №№ 9—10); А. Смирновъ. О Словѣ о Полку Игоревѣ. I. Литература Слова со времени открытія его до 1876 года. Воронежъ 1877; И. Ждановъ. Литература Слова о Полку Игоревѣ. Кіевъ 1880; П. Владиміровъ. Литература Слова о Полку Игоревѣ со времени его открытія по 1894 годъ. Кіевск. Унив. Извѣстія 1894 № 4 и отд. Вып. I. Кіевъ 1894; Н. Гудзій. Литература Слова о Полку Игоревѣ за послѣднее двадцатилѣтіе (1894—1913). Ж. М. Н. Пр. 1914 № 2.

никъ сообщенъ былъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ копіи императрицѣ, но Екатерина II, доживая послѣдній годъ своей жизни, не успѣла воспользоваться этимъ матеріаломъ для своего историческаго труда, и доставленный ей списокъ нашелъ себѣ мѣсто лишь среди другихъ документовъ, которые посылались ей съ разныхъ сторонъ многими лицами [1]. Между тѣмъ, Мусинъ-Пушкинъ прилежно работалъ надъ изученіемъ драгоцѣнной находки, пользуясь содѣйствіемъ своихъ ученыхъ друзей, особенно А. Ѳ. Малиновскаго и Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. Результатомъ этой коллективной работы, изъ которой весьма трудно выдѣлить долю участія отдѣльныхъ лицъ, но иниціативу которой несомнѣнно удерживалъ за собой самъ Мусинъ-Пушкинъ, явилось выпущенное въ 1800 году въ Москвѣ первое изданіе этого памятника, подъ заглавіемъ: «Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новагорода Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная старинымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Съ поколѣнной росписью Россійскихъ великихъ и удѣльныхъ князей, въ сей пѣсни упоминаемыхъ. М. 1800» [2])

Еще до своего изданія, С. о П. И., сдѣлавшись извѣстнымъ въ ученыхъ кругахъ, послужило предметомъ разносторонняго интереса и оживленныхъ толковъ объ этомъ памятникѣ. Пораженные невиданными въ старой русской письменности поэтическими достоинствами Слова, многіе не вѣрили въ его подлинность, по крайней мѣрѣ не находили возможнымъ относить его къ XII вѣку. Это были первые «скептики» въ отношеніи Слова, но въ то время, какъ одни изъ нихъ, напр. акад. Шлецеръ, послѣ изданія памятника признали его подлинность, другіе, напротивъ, оставались, уже послѣ утраты подлинной рукописи, до конца при своихъ сомнѣніяхъ: такъ, графъ Н. П. Румянцевъ считалъ его сочиненнымъ въ XVIII вѣкѣ, а митр. Евгеній относилъ къ XV—XVI в. Запутанности и неясности вопроса о С. о П. И. въ сильной степени содѣйствовала гибель единственной его рукописи, послужившей оригиналомъ для изданія Мусина-Пушкина, въ московскіе пожары 1812 года, когда жертвою огня сдѣлалась и вся московская библіотека Мусина-Пушкина—въ томъ числѣ не только рукописный сборникъ, содержавшій Слово, но и значительная часть печатныхъ экземпляровъ перваго изданія. Однако еще до пожара извѣстное число этихъ экземпляровъ успѣло распространиться въ публикѣ, и накопилась даже нѣкоторая литература объ этомъ памятникѣ, въ томъ числѣ переводы Слова, сдѣланные И. Сѣряковымъ (Спб. 1803), А. Шишковымъ (Спб. 1805) и А. Палицынымъ (Харьковъ 1807). Послѣ исчезновенія рукописи, какъ

---

[1]) Сочиненія императрицы Екатерины II. Подъ ред. А. Н. Пыпина. Т. XI, стр. 404, 427—453.

[2]) Изданіе это, безъ перемѣнъ, перепечатано было А. С. Суворинымъ: Спб. 1904 и П. Владиміровымъ въ его книгѣ: Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII в. Кіевъ 1901. Новый переводъ по этому тексту данъ А. Лонгиновымъ: Слово о Полку Игоревѣ. Переводъ текста по изданію Мусина-Пушкина, съ объясненіемъ непонятныхъ выраженій. Одесса 1911.

только наступили, по уходѣ французовъ, сколько-нибудь нормальныя условія мирной жизни, интересъ къ С. о П. И. въ ученыхъ кругахъ возросъ еще болѣе. Стали собирать о немъ свѣдѣнія по живымъ слѣдамъ. На Мусина-Пушкина посыпались съ разныхъ сторонъ запросы, однимъ изъ отвѣтовъ на которые было упомянутое письмо къ Калайдовичу. Результаты своихъ наблюденій надъ памятникомъ и разспросовъ о немъ Калайдовичъ заносилъ въ свой дневникъ, опубликованный много позднѣе (1859). Другимъ лицомъ, чрезвычайно интересовавшимся С. о П. И., былъ проф. Р. О. Тимковскій, открывшій около этого времени «Пѣснь о побѣдѣ Дмитрія Донского надъ Мамаемъ», которая имѣла важное значеніе въ вопросѣ о Словѣ и косвенно подтверждала его подлинность. О занятіяхъ Тимковскаго Словомъ позднѣе (1836) сообщалъ М. А. Максимовичъ, что имъ приготовлено было новое изданіе этого памятника, въ текстѣ котораго будто бы только три мѣста оставались для издателя неясными; но эти труды Тимковскаго безвозвратно погибли во время Петербургскаго наводненія 1824 года.

Обширная литература о Словѣ о Полку Игоревѣ, равной которой не привлекалъ къ себѣ ни одинъ памятникъ древней русской письменности, явилась результатомъ столько же исторической важности и литературныхъ достоинствъ этого произведенія, сколько и его загадочности, обусловленной главнымъ образомъ внѣшней судьбой его единственнаго списка. Въ литературѣ этой можно отмѣтить три періода, отразившіе на себѣ послѣдовательные шаги въ развитіи самой исторической науки касательно памятниковъ литературы.

Первый періодъ, съ 1800 и приблизительно до конца 40-хъ годовъ, въ отношеніи къ изслѣдованіямъ Слова можетъ быть охарактеризованъ съ одной стороны филологическими гаданіями касательно темныхъ мѣстъ текста, отличавшимися ненаучностью и полнымъ произволомъ, а съ другой—взглядомъ на этотъ памятникъ, какъ на литературное произведеніе, подобное эпическимъ поэмамъ ложноклассической литературы, и стремленіемъ съ этой точки зрѣнія обсуждать его историко-литературное значеніе. Эта послѣдняя точка зрѣнія, вполнѣ мирившаяся съ признаніемъ и даже энергической защитой подлинности Слова, казалась тѣмъ болѣе пріемлемой, что знакомство съ памятниками древней русской литературы и языка было въ ту пору, особенно непосредственно послѣ открытія памятника, еще совершенно ничтожнымъ, и не было никакой возможности ни исторически обосновать объясненія т. наз. темныхъ мѣстъ Слова, ни поставить этотъ памятникъ въ его цѣломъ въ надежно обставленную документальными данными историческую перспективу. Главное вниманіе обращено было на объясненіе текста Слова, вызвавшее рядъ отдѣльныхъ изданій этого памятника, съ переложеніемъ на современный русскій языкъ и примѣчаніями: таковы были, кромѣ упомянутой работы Шишкова, еще труды Я. О. Пожарскаго (1819), Н. Ѳ. Грамматина (1821, 1823), М. А. Максимовича (1837) и Д. Дубенскаго (1844); особенное значеніе имѣли труды послѣднихъ двухъ авторовъ, занимавшихся Словомъ уже въ то время, когда значительно оживился интересъ къ изученію нашего литера-

турнаго прошлаго и когда они могли располагать уже кое-какимъ фактическимъ матеріаломъ для сравненій и сопоставленій. Главная заслуга Максимовича, читавшаго даже въ 1835 году о Словѣ спеціальный курсъ въ Кіевскомъ университетѣ, заключалась въ томъ, что онъ первый сопоставилъ языкъ и стиль Слова съ соотвѣтствующими элементами народной поэзіи (его статьи въ Ж. М. Н. Пр., 1836—1837), а изданіе Дубенскаго удерживало свой авторитетъ вплоть до Тихонравовскаго изданія 1866 года, благодаря обширнымъ примѣчаніямъ и сопоставленіямъ съ другими памятниками древней русской литературы, среди которыхъ были не только лѣтописи, но также Задонщина и Даніилъ Заточникъ. Вмѣстѣ съ этимъ высказались о Словѣ и представители скептическаго къ нему отношенія: Каченовскій (мнѣнія его переданы другими), Сенковскій (1837), Бѣликовъ (1834), Давыдовъ (1834), причемъ первые два видѣли въ С. о П. И. произведеніе XVIII вѣка, возникшее подъ вліяніемъ Оссіана, а вторые считали его памятникомъ русской литературы XVI вѣка, составленнымъ, быть можетъ, по какой-либо старинной записи грека или норманна.

Второй и третій періоды въ изученіи С. о П. И. не могутъ быть разграничены строго хронологически; одинъ изъ нихъ заходитъ въ другой, и нѣкоторое время оба они являются лишь разными направленіями въ изученіи этого памятника. 50-ые годы XIX в. являются, какъ извѣстно, временемъ подъема въ историческомъ изученіи книжной русской старины: было открыто и обслѣдовано много новыхъ памятниковъ древней русской литературы; послѣдняя стала изучаться въ связи съ народной поэзіей, этнографіей, языкомъ; кругъ наблюденій значительно увеличился, и Слово оказалось возможнымъ поставить въ болѣе широкія рамки историческихъ и литературныхъ данныхъ. И такъ какъ въ историческомъ изученіи русской литературы обнаружились два теченія—одно «миѳологическое», а другое въ пользу т. наз. «теоріи заимствованія», то и Слово о Полку Игоревѣ одни стали изучать съ точки зрѣнія заключающихся въ немъ чертъ народнаго міровоззрѣнія и миѳологическихъ элементовъ, а другіе искали въ немъ отраженія иноземныхъ мотивовъ или даже цѣлыхъ поэтическихъ образцовъ. Въ первомъ направленіи шли, напр., многочисленныя работы Ѳ. И. Буслаева и О. Ѳ. Миллера, а представителями второго являются кн. П. П. Вяземскій, Вс. Ѳ. Миллеръ, А-ръ Н. Веселовскій. Работы Буслаева («Русская поэзія XI и нач. XII вѣка», «Объ эпической поэзіи» и др., въ сборникѣ «Историческіе очерки». Т. I. 1861) имѣли цѣлію выяснить миѳологическую стихію Слова, которую онъ считалъ душой всего этого произведенія; имъ обращено было также много вниманія на эпическій складъ этого памятника и объяснено его отношеніе къ народному пѣснотворчеству; ему же принадлежатъ и два изданія Слова (въ «Исторической Хрестоматіи» 1861 и въ «Русской Хрестоматіи» 1870). Взглядъ на Слово О. Ѳ. Миллера примыкаетъ къ основной точкѣ зрѣнія Буслаева (Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности. Ч. I. 1865), при чемъ авторомъ сдѣлано сравненіе Слова о П. И. съ Краледворской рукописью и обнаружены черты сходства, которыя онъ объясняетъ единствомъ эпическаго міровоззрѣнія обоихъ авторовъ. На противоположной точкѣ зрѣнія стоялъ кн. П. П. Вя-

земскій (Замѣчанія на Слово о П. И., во «Временникѣ Общ. Ист. и Др.» 1851—1853 и затѣмъ въ распространенномъ видѣ, отдѣльно: Спб. 1875); онъ разсматривалъ Слово въ связи съ произведеніями не только русской, но и иностранной литературы и пришелъ къ выводу, что памятникъ этотъ является произведеніемъ, созданнымъ подъ вліяніемъ древне-классическихъ литературныхъ преданій, что подъ Бояномъ надо разумѣть Гомера, подъ тропой, землей и вѣками Трояна—отзвуки Троянской войны, подъ Дѣвой Обидой—Елену и т. п. По методу и по основной точкѣ зрѣнія, къ этому труду кн. Вяземскаго примыкаетъ оригинальное сочиненіе проф. Вс. Миллера: «Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ». М. 1877. Авторъ выводитъ наше Слово изъ глубины византійскихъ литературныхъ преданій и образецъ ему ищетъ въ поэмѣ о Дигенисѣ; онъ даже предполагаетъ наличность у автора Слова готовой болгарской обработки упомянутой поэмы, которой, впрочемъ, тотъ воспользовался весьма неискусно. Въ концѣ своего изслѣдованія авторъ присоединилъ новое изданіе Слова, съ примѣчаніями къ нему. Выводы В. О. Миллера были сочувственно встрѣчены акад. А. Н. Веселовскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1877 № 8).

Въ третьемъ періодѣ изученія С. о П. И. наблюдается съ одной стороны филологическо-палеографическое отношеніе къ памятнику, а съ другой—стремленіе къ обозрѣнію пройденнаго пути изученія и къ сводкѣ въ одно цѣлое добытыхъ этимъ изученіемъ результатовъ. Толчокъ къ палеографическому изученію Слова данъ былъ въ 1864 году акад. П. Пекарскимъ, который опубликовалъ [1]) списокъ Слова, найденный имъ между бумагами императрицы Екатерины II, въ Государственномъ архивѣ и доставленный ей, какъ уже было упомянуто, А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ. Несмотря на то, что опубликованный Пекарскимъ текстъ не имѣлъ самостоятельнаго происхожденія, тѣмъ не менѣе въ немъ оказались нѣкоторыя отличія отъ печатнаго текста, подавшія поводъ къ сравненію. Первымъ воспользовавшимся этимъ (т. наз. «архивнымъ» или «петербургскимъ») спискомъ для критики текста Слова былъ Н. С. Тихонравовъ, выпустившій въ 1866 г. изданіе Слова, съ введеніемъ, примѣчаніями, приложеніями и словаремъ. Тутъ былъ впервые поставленъ на научную почву вопросъ о вѣкѣ погибшей рукописи и рѣшенъ издателемъ въ пользу XVI вѣка. Второе изданіе этого труда Тихонравова вышло въ М. 1868. Спеціально палеографическимъ, но съ большой дозой ни на чемъ не основанныхъ гаданій, является и трудъ кн. П. П. Вяземскаго: Изслѣдованіе о варьянтахъ. Спб. 1877, при чемъ по вопросу о вѣкѣ погибшей рукописи авторъ примыкаетъ къ мнѣнію Тихонравова. Въ 1878 году вышелъ трудъ проф. А. А. Потебни: «Слово о Полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія» (первоначально былъ напечатанъ въ Воронежскихъ «Филологическихъ Запискахъ» 1877—1878; новѣйшее изданіе: Харьковъ 1914). Въ противо-

---

[1]) Записки Императорской Академіи Наукъ. Т. V, прил. 2. Въ болѣе точномъ видѣ текстъ этотъ воспроизведенъ П. К. Симони въ XIII томѣ «Древностей» Моск. Археол. Общества, вмѣстѣ со статьею И. Н. Козловскаго «Палеографическія особенности погибшей рукописи Слова о Полку Игоревѣ». М. 1890.

положность кн. Вяземскому, Вс. Миллеру и нѣк. др., Потебня считаетъ Слово проникнутымъ въ высшей степени народно-поэтическими мотивами, хотя и принадлежащимъ по своей композиціи одному лицу; поэтому при установленіи текста онъ сильно пользуется именно прозведеніями народной словесности. Потебня не высказывается точно о вѣкѣ погибшей рукописи, но допускаетъ, что она вела начало отъ черновой рукописи, писанной самимъ авторомъ или съ его словъ, снабженной приписками на поляхъ, замѣтками, поправками и т. п., что и было главной причиною неисправности дошедшаго до насъ текста, составленнаго вполнѣ произвольно на основаніи этого матеріала позднѣйшимъ переписчикомъ. Такая точка зрѣнія на процессъ образованія текста Слова даетъ Потебнѣ основаніе въ высшей степени свободно обращаться съ послѣднимъ, что онъ и дѣлаетъ въ своемъ изданіи. Это составляетъ, конечно, условную сторону цѣнности изданія, которое, впрочемъ, съ другой стороны, представляетъ множество остроумныхъ догадокъ и предположеній въ пониманіи разныхъ темныхъ мѣстъ Слова. Изъ памятниковъ народной словесности, для освѣщенія Слова, Потебня пользовался преимущественно южно-русскими, оставляя сѣверно-русскіе въ сторонѣ. Этотъ послѣдній пробѣлъ восполненъ былъ въ трудѣ А. И. Смирнова: «О Словѣ о Полку Игоревѣ. В. 2. Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. Воронежъ 1879». Въ этомъ сочиненіи данъ, кромѣ того, анализъ языка Слова по изданію 1800 года. По вопросу о времени написанія погибшей рукописи авторъ высказывается въ пользу конца XIV или начала XV вѣка. Наконецъ, какъ бы завершеніемъ всѣхъ предшествующихъ работъ о Словѣ является капитальный трудъ Е. В. Барсова: «Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Т. I—II. М. 1885—1887» (въ III т. 1889 помѣщено начало словаря къ Слову, а предположенный еще IV томъ не выходилъ изъ печати). Въ сочиненіи этомъ можно найти, прежде всего, пространную и почти исчерпывающую, хотя б. м. и не вездѣ объективную, оцѣнку научной и художественной литературы о Словѣ, затѣмъ—обширное историко-литературное изслѣдованіе о Словѣ, подробныя примѣчанія къ т. наз. «темнымъ мѣстамъ» памятника и новые опыты ихъ объясненія, переводъ Слова на современный русскій языкъ. Кромѣ огромнаго количества печатнаго матеріала, Барсовъ привлекъ къ своему изслѣдованію и немало рукописнаго—какъ древняго, такъ и новаго: къ первому нужно отнести, напр., древне-русскій переводъ Повѣсти Флавія о разореніи Іерусалима, приведеніе котораго въ литературную связь со С. о П. И. составляетъ несомнѣнную заслугу Барсова; изъ второй категоріи особенно цѣнными считаетъ самъ авторъ найденныя имъ черновыя бумаги А. Ѳ. Малиновскаго, сотрудника Мусина-Пушкина по разбору и изданію погибшей рукописи Слова; эту находку использовалъ авторъ въ своемъ трудѣ до мельчайшихъ подробностей, отчасти преувеличивая ея абсолютное значеніе. Несомнѣнно, трудъ Барсова—выдающійся по богатству матеріала, написанный съ большой любовью къ дѣлу и съ одушевленіемъ, безусловно необходимый для всякаго, интересующагося Сл. о П. И.; но онъ страдаетъ недостаткомъ строгой критики, особенно въ области лингвистическихъ и палеографическихъ сопоставле-

ній и изслѣдованій. Погибшую рукопись Слова Барсовъ относитъ къ XVI вѣку.

Послѣдующіе труды о Словѣ, которое не переставало и не перестаетъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей, не внесли ничего особенно существеннаго въ общее пониманіе этого памятника, хотя нѣкоторые изъ нихъ, напр. сочиненія А. Лонгинова (Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 году. Одесса 1892) и В. В. Калаша (Нѣсколько догадокъ и соображеній по поводу Слова о Полку Игоревѣ. Юбилейный Сборникъ въ честь В. О. Миллера. М. 1900), довольно значительны по объему и интересны по затронутымъ въ нихъ вопросамъ. Изъ частныхъ изслѣдованій послѣдняго времени слѣдуетъ отмѣтить работы П. М. Меліоранскаго: Турецкіе элементы въ языкѣ С. о П. И. (Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ, 1902 № 2 и 1905 № 2) и Г. М. Бараца: О библейскомъ элементѣ въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Кіевъ 1912. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и въ дальнѣйшемъ такой выдающійся памятникъ, какъ С. о П. И., не останется въ сторонѣ отъ новыхъ попытокъ его объясненія и изученія, но, кажется, нельзя ожидать безусловно новыхъ шаговъ въ этомъ изученіи безъ какихъ-либо важныхъ фактическихъ находокъ. Въ общемъ можно признать, что вопросъ о Словѣ о Полку Игоревѣ въ научной литературѣ достаточно выясненъ.

Въ дальнѣйшемъ мы ограничимся указаніемъ на содержаніе этого памятника и изложеніемъ, въ краткихъ чертахъ, тѣхъ выводовъ, на которые уполномочиваютъ добытые въ научной литературѣ результаты.

Содержаніе Слова. Содержаніемъ Сл. о П. И. является поэтическое изображеніе несчастнаго похода («полку») Новгородъ-Сѣверскаго князя Игоря Святославича противъ половцевъ въ 1185 году. Кромѣ Игоря Святославича, сына Черниговскаго князя Святослава Ольговича, въ походѣ принимали участіе: братъ его Всеволодъ Святославичъ, князь Курскій и Трубчевскій, ихъ племянникъ Святославъ Ольговичъ, князь Рыльскій, и сынъ Игоря Владиміръ Путивльскій. Походъ окончился не только неудачей, но и захватомъ половцами въ плѣнъ самого Игоря Святославича; однако вскорѣ Игорю удалось бѣжать. Эти историческія событія нашли себѣ описаніе въ Лѣтописи—подъ 1185 годомъ въ Ипатской и подъ 1186 (ошибочно) годомъ въ Лаврентьевской. Въ Словѣ можно отмѣтить слѣдующія части: I. Вступленіе, въ которомъ авторъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи разсказать о походѣ Игоря «по былинамъ сего времени», а «не по замышленію Бояню», т.е. по современнымъ событіямъ, соотвѣтственно дѣйствительности, а не по фантастическимъ домысламъ пѣвца вродѣ Бояна. Такимъ образомъ авторъ обѣщаетъ держаться въ своемъ трудѣ дѣйствительныхъ фактовъ. II. Основная часть, заключающая въ себѣ разсказъ о походѣ Игоря и его сподвижниковъ. Эта часть можетъ быть раздѣлена, въ свою очередь, на три отдѣла: 1. Описаніе похода Игоря. Выступленіе изъ Новгородъ-Сѣверска. Остановка въ Путивлѣ, ожиданіе брата Всеволода. Дальнѣйшее движеніе княжескихъ дружинъ по степи. Дурныя предзнаменованія: тьма, стонъ птицъ, свистъ звѣрей. Первая встрѣча съ половцами, пойманными врасплохъ:

половцы разбиты. Затѣмъ—вторая встрѣча съ половцами, въ которой русскіе были совершенно разбиты, несмотря на выдающуюся храбрость князей и ихъ войскъ. Высокопоэтическое описаніе этой битвы; сочувствіе несчастію русскихъ со стороны самой природы. Жалоба автора поэмы на княжескія междоусобія, какъ причину ихъ слабости. 2. Сонъ Кіевскаго великаго князя Святослава и объясненіе его боярами: этотъ сонъ былъ знакомъ несчастія, постигшаго русскія войска въ походѣ противъ половцевъ. Святославъ плачетъ, вспоминая бывшую силу русской земли, которая смѣнилась теперь слабостью, благодаря соперничеству князей между собою. Поэтическій плачъ Ярославны, супруги Игоря, на стѣнахъ города Путивля: обращеніе къ вѣтру, къ Днѣпру, къ солнцу. 3. Возвращеніе Игоря изъ плѣна. Половецкіе князья Гзакъ и Кончакъ преслѣдуютъ его, но Игорю покровительствуетъ сама природа, и онъ благополучно достигаетъ родной земли, принося собою радость и веселье. III. Краткое заключеніе: похвала князьямъ и дружинѣ за ихъ подвиги противъ «поганыхъ».

Происхожденіе Слова. Хотя нѣкоторыми нашими учеными, исходящими, повидимому, изъ разныхъ точекъ зрѣнія на дѣло (напр., Владиміровъ, Е. В. Барсовъ, Истринъ), и допускается теоретически существованіе въ старину другихъ, даже «многихъ» произведеній, подобныхъ Сл. о П. И., однако фактически совершенно своеобразное и почти одиночное положеніе Сл. о П. И. въ нашей древней литературѣ разсматриваемаго періода дѣлаетъ чрезвычайно затруднительнымъ сколько-нибудь опредѣленное разрѣшеніе вопроса объ его происхожденіи. Несомнѣннымъ является то, что это памятникъ книжный и въ первоначальномъ видѣ, котораго, вѣроятно, мы не знаемъ, есть результатъ единоличнаго поэтическаго творчества, насквозь пропитанный, впрочемъ, мотивами народнаго пѣснотворчества.

Мы не знаемъ въ точности—ни гдѣ возникло Сл. о П. И., ни кто былъ его авторомъ. Въ общемъ господствуетъ предположеніе, что памятникъ этотъ кіевскаго происхожденія и что авторомъ его былъ кіевлянинъ; съ особенной настойчивостью высказывается въ пользу этого мнѣнія проф. Владиміровъ. Но доказать это такъ же трудно, какъ и то, что онъ возникъ, напр., въ Черниговщинѣ, болѣе близкой къ главному герою поэмы Игорю Святославичу, чѣмъ Кіевъ: этого мнѣнія держится Е. В. Барсовъ [1]). Приводимое въ пользу кіевскаго происхожденія Сл. соображеніе, что автору «близки и дороги интересы всей Руси» [2]), не можетъ имѣть большой доказательной силы потому, что въ такой же мѣрѣ подобныя чувства могъ питать и кто-нибудь изъ не-кіевлянъ, а ссылка на упоминаніе въ концѣ Сл., что Игорь по возвращеніи изъ плѣна идетъ къ «Святой Богородицѣ Пирогощей», находившейся тогда въ Кіевѣ, вовсе не предполагаетъ, что авторъ Слова лично видѣлъ тамъ Игоря Святославича, не говоря уже о томъ, что видѣть его въ Кіевѣ могъ и не-кіевлянинъ. Проф. Владиміровъ предпола-

---

[1]) Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Т. I, стр. 275—276.

[2]) Владиміровъ, П. Древняя русская литература, стр. 305.

гаетъ вполнѣ увѣренно, что авторъ Слова былъ одинъ изъ тѣхъ княжескихъ дьяковъ, которые вносили въ лѣтописи живыя свѣдѣнія о походахъ, знали и красивыя выраженія, умѣли къ мѣсту употребить народную или книжную пословицу»[1], но въ такой же степени вѣроятно, что авторомъ его могъ быть и кто-нибудь изъ дружинниковъ князя Игоря или даже Святослава, выдававшійся своимъ талантомъ, образованіемъ и начитанностью; однако едва ли можно думать, чтобы это былъ кто-нибудь изъ участниковъ несчастнаго похода, такъ какъ такой фактъ навѣрное нашелъ бы себѣ какое-нибудь отраженіе въ поэмѣ, чего мы въ дѣйствительности не видимъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что произведеніе написано современникомъ изображенныхъ въ Словѣ событій; есть мнѣніе, не лишенное вѣроятія, что оно написано въ концѣ 1185 и началѣ 1186 года[2]).

Поэтика неизвѣстнаго автора является для насъ не совсѣмъ ясной. Передъ его воображеніемъ стояло пѣснотворчество «вѣщаго Бояна». Кого нужно разумѣть подъ этимъ Бояномъ -дѣйствительное ли лицо русскаго народнаго пѣвца стараго времени, какъ желаетъ доказать это Барсовъ[3]), отзвукъ ли славы какого-нибудь чужеземнаго, быть можетъ даже фантастическаго поэта, или просто отвлеченный поэтическій идеалъ, мы не знаемъ, но лицо это, нарисованное авторомъ Слова, при всей краткости его изображенія, носитъ на себѣ вполнѣ отчетливыя черты: онъ «растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками»; онъ помнилъ и зналъ старину, воспѣвая славные эпизоды прошлаго. Пѣвецъ Слова хочетъ быть, повидимому, ближе, нежели Боянъ, къ дѣйствительности: онъ хочетъ воспѣвать своего Игоря Святославича «по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню». Надо отдать справедливость автору Слова, что хотя онъ и не началъ такъ издалека, какъ обѣщалъ («отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря»), однако въ общемъ выполнилъ свое намѣреніе и далъ поэтическое произведеніе на вполнѣ исторической подкладкѣ, опоэтизировалъ событія, дѣйствительно происходившія. Его произведеніе есть, такимъ образомъ, историческая поэма и можетъ быть подвергнуто изученію какъ со стороны изображенныхъ въ ней фактовъ (исторической), такъ и ихъ поэтической обработки (литературной).

Историческое и литературное значеніе Слова. Для освѣщенія вопроса объ исторической сторонѣ Сл. о П. И. мы находимся въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ. Историческое событіе, послужившее предметомъ изображенія въ Словѣ, нашло себѣ подробное описаніе въ лѣтописи, причемъ описаніе Ипатской лѣтописи гораздо пространнѣе, нежели Лаврентьевской. Оба лѣтописные разсказа различаются между собою также и въ другихъ отношеніяхъ; разсказъ Лаврентьевской лѣтописи вовсе не есть простое сокращеніе изъ Ипатской и, при всей своей краткости, содержитъ въ себѣ такія подробности, которыхъ въ послѣдней нѣтъ. Изъ сравне-

---

[1]) Тамъ же, стр. 306.

[2]) В. Каллашъ, назв. соч., стр. 347

[2]) Назв. соч. I, стр. 333—340.

нія лѣтописнаго разсказа со Словомъ вытекаетъ, во-первыхъ, то, что въ общемъ авторъ Слова держался дѣйствительныхъ событій въ своемъ поэтическомъ изображеніи, и, во-вторыхъ, что разсказъ лѣтописи о походѣ Игоря носитъ на себѣ такія эпическія черты, которыя трудно было бы объяснить однимъ только общимъ характеромъ лѣтописнаго повѣствованія, не чуждымъ поэтическихъ пріемовъ и особенностей, а нужно предполагать, что на повѣствованіе лѣтописца имѣли сильное вліяніе народные разсказы о несчастномъ походѣ, быть можетъ особыя пѣсни или былины объ этомъ; однако слѣдовъ непосредственнаго вліянія нашего памятника на лѣтописный разсказъ установить нельзя, какъ нельзя установить и обратнаго вліянія лѣтописи на Сл. о П. И.

Слѣдуетъ думать, что С. о П. И. написано его авторомъ не на основаніи лѣтописнаго разсказа, даже въ смыслѣ фактическаго изложенія событій. Если сравнить Слово съ Ипатской лѣтописью, къ которой у него вообще гораздо больше близости, чѣмъ къ Лаврентьевской, то топографическія подробности похода Игоря по лѣтописному разсказу окажутся далеко не вполнѣ совпадающими съ таковыми же подробностями въ Словѣ [1]). Это заставляетъ предполагать, что составитель Слова въ обработкѣ фактической стороны своей поэмы руководился какой-нибудь иной версіей разсказа о походѣ Игоря, не нашедшей себѣ мѣста въ лѣтописи, или, быть можетъ, пренебрегалъ подробностями лѣтописной версіи, считая это неважнымъ или ненужнымъ для своихъ цѣлей.

Вѣрность пѣвца Сл. о П. И. исторической основѣ не исчерпывается одной только фабулой его поэмы. Она переходитъ и на подробности въ изображеніи дружиннаго, боярскаго и княжескаго быта. Обращеніе Игоря къ своей дружинѣ, братьевъ-участниковъ похода другъ къ другу, великаго князя Святослава къ своимъ боярамъ—все это бытовыя картинки, нашедшія въ Словѣ высоко-поэтическое выраженіе. Бытовыя черты оставили свой слѣдъ и на подробностяхъ поэтическаго стиля: напр., изъ многихъ мѣстъ Слова можно усмотрѣть пользованіе автора образами соколиной охоты на гусей, лебедей и другую птицу или на туровъ, что было отраженіемъ самой дѣйствительности. Особенно обильное отраженіе въ Словѣ нашли, конечно, подробности военной жизни того времени: вооруженіе, пріемы нападенія и защиты, переходы по степи, по лѣсамъ и болотамъ; рядомъ съ этимъ, мимоходомъ отразились подъ перомъ автора и картины мирной жизни въ селахъ и городахъ—свадебный пиръ, работа надъ пашней и т. п., вплоть до благочестиваго паломничества спасшагося изъ плѣна Игоря къ чтимой кіевской святынѣ, Богородицѣ-Пирогощей, въ благодарность за благополучное возвращеніе.

Переходимъ теперь къ литературной сторонѣ Слова. Будучи произведеніемъ оригинальнымъ и книжнымъ, Сл. о П. И. въ то же время имѣетъ связь, по своимъ литературнымъ особенностямъ, съ другими памятниками литературы и народной словесности. Единичное положеніе

---

[1]) **Владиміровъ**, назв. соч., стр. 315—316.

Сл. о П. И. было отчасти причиной возникновенія гипотезъ объ иноземныхъ источникахъ его происхожденія — византійскихъ, южно-славянскихъ и даже скандинавскихъ, какъ въ свое время, напр., думалъ М. П. Погодинъ. Въ дѣйствительности, все сходство между этими произведеніями и Словомъ заключается въ немногихъ частностяхъ содержанія, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и въ такихъ общихъ чертахъ, которыя, составляя достояніе широкаго круга литературныхъ явленій, не могутъ имѣть большой доказательной силы въ рѣшеніи вопроса о спеціальной зависимости одного литературнаго произведенія отъ другого: таково отношеніе Слова и къ византійской поэмѣ о Дигенисѣ, гипотеза о первоисточникѣ которой относительно Сл. о П. И. была выдвинута Вс. Ѳ. Миллеромъ и нашла себѣ рѣшительный отпоръ, между прочимъ, со стороны Барсова [1]). Съ другой стороны, можно найти весьма много точекъ соприкосновенія Слова съ другими произведеніями современной ему русской литературы—поученіями, житіями и въ особенности съ лѣтописями [2]), что, въ свою очередь, отводитъ насъ къ несомнѣнному для того времени факту общности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, міровоззрѣнія и литературныхъ пріемовъ у авторовъ произведеній съ самыми противоположными сюжетами и тенденціями. Тутъ мы должны имѣть по преимуществу въ виду то могучее, хотя далеко не всегда очевидное, вліяніе, которое исходило на первыхъ нашихъ писателей изъ нѣдръ ихъ непосредственной близости къ народному быту и міросозерцанію, отсутствія школьнаго воздѣйствія и общей слабости умственныхъ и культурныхъ теченій въ тогдашней русской общественной средѣ. Это обстоятельство, однако же, нисколько не становится въ противорѣчіе съ той мыслью, что Сл. о П. И., по своимъ высокимъ литературнымъ достоинствамъ, занимаетъ совершенно исключительное мѣсто среди другихъ памятниковъ современной ему литературы; если внѣшнія средства, употребленныя авторомъ при созданіи своего произведенія, не были чѣмъ-нибудь невиданнымъ и небывалымъ, то тѣмъ болѣе вызываетъ удивленіе яркая талантливость этого человѣка, сумѣвшаго, при помощи доступныхъ и другимъ его современникамъ литературныхъ пріемовъ, написать произведеніе, поражающее насъ изяществомъ построенія, необыкновенной поэтичностью, сжатостью при разнообразіи и проникающей его глубокой основной идеей.

Еще болѣе у Сл. о П. И. точекъ соприкосновенія съ народной поэзіей. Но и это соприкосновеніе слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что авторъ Слова пользовался произведеніями древне-русскаго пѣснотворчества въ видѣ литературнаго источника, а лишь такъ, что, будучи сыномъ своего времени, онъ носилъ въ себѣ элементы народной поэзіи и знакомство съ ея пріемами какъ свое собственное достояніе, и, слѣд., внесеніе этихъ элементовъ и пріемовъ въ Слово было дѣломъ непосредственнымъ и сопровождало совершенно самостоятельное отношеніе къ своему труду. Потебня,

---

[1]) Назв. соч., I, стр. 308—330.

[2]) Владиміровъ, назв. соч., стр. 311—312, 317—318,

Смирновъ, Барсовъ, Владиміровъ и др. представили въ своихъ трудахъ длинный рядъ сопоставленій отдѣльныхъ мѣстъ Сл. о П. И. съ соотвѣтствующими сходными мѣстами изъ народнаго эпоса и лирики какъ великорусской, такъ и малорусской; однако черты этого частичнаго сходства прибавляютъ только новыя доказательства того положенія, что въ своемъ цѣломъ Слово является произведеніемъ книжнымъ, хотя авторъ его и пропитанъ былъ духомъ народной поэзіи своего времени, бывшей тогда живымъ органомъ общественности, и въ полной мѣрѣ владѣлъ ея средствами. Ему, несомнѣнно христіанину, было свойственно также и міровоззрѣніе, которое въ ту пору мирилось въ головахъ русскихъ людей съ христіанскими догматами и церковностью; это было то своеобразное «двоевѣріе» (ср. выше, стр. XIV), которое у однихъ выражалось въ одновременномъ поклоненіи иконамъ и какимъ-нибудь явленіямъ природы, а у другихъ, людей болѣе образованныхъ и книжныхъ, входило лишь въ сферу ихъ поэтическихъ вкусовъ и умственныхъ настроеній. Присутствіе въ Словѣ такихъ именъ, какъ Дажь-богъ, Хорсъ и Велесъ, должно быть объясняемо именно указанной наличностью миѳологическаго міровоззрѣнія; это не было ни язычествомъ автора-книжника, ни простой риторической фигурой, подобно позднѣйшимъ ложноклассическимъ Зевсамъ и Аполлонамъ XVIII вѣка, что хотѣли видѣть у автора нашего Слова скептики, вродѣ Сенковскаго.

Изъ болѣе обширныхъ эпизодовъ Слова, въ которыхъ чувствуется художественное сочетаніе индивидуально-поэтическаго домысла съ элементами народной поэзіи, особенно обращаютъ на себя вниманіе сонъ великаго князя Святослава въ Кіевѣ и т. наз. плачъ Ярославны, супруги Игоря, въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ. Поскольку великокняжескій сонъ, его толкованіе боярами и послѣдовавшее затѣмъ «золотое слово» Святослава отводятъ читателя въ область легендарныхъ сказаній разныхъ временъ и народовъ, съ весьма оригинальнымъ присоединеніемъ къ этому высокопатріотическаго и гуманнаго обращенія къ русскимъ князьямъ по поводу ихъ междоусобицъ, постольку «плачъ» Ярославны, обращающейся къ вѣтру, Днѣпру и солнцу съ нѣжной жалобой и мольбой о мужѣ, является перломъ, взятымъ изъ глубины подлинно-народной лирики.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ близостью автора Слова къ народному пѣснотворчеству находится и внѣшній складъ его произведенія: при внимательномъ анализѣ его текста съ этой стороны, Слово оказывается написаннымъ стихами, съ явственной наличностью ритма, и только кое-гдѣ напоминаетъ прозу [1]).

Замѣчательной чертой Сл. о П. И. является также и вложенная въ него авторомъ идея. Старая наша письменность вообще далеко не лишена идейности, но эта идейность нерѣдко граничитъ съ явной тенденціей. Въ Словѣ же нѣтъ тенденціозности, потому что его основная мысль находится въ гармоническомъ сочетаніи съ художественностью произведенія

[1]) Новѣйшую попытку изученія Слова съ этой стороны представляетъ трудъ акад. Ѳ. Е. Корша: Слово о Полку Игоревѣ (Изслѣдованія по русскому языку. Т. II, в. 6). Спб. 1909.

и сама собою вытекаетъ изъ послѣдней, безъ всякой натяжки. Мысль эта, впрочемъ, не является принадлежащей исключительно Слову; мы находимъ ее и въ другихъ памятникахъ русской литературы того времени, особенно въ Лѣтописи: это—необходимость князьямъ блюсти интересы родной земли въ ея цѣломъ, не увлекаясь эгоистическими побужденіями, соперничествомъ и легкомысленной жаждой опасныхъ приключеній. Правда, эта въ основѣ своей гуманная и мирно-культурная идея облечена въ форму разсказа о военномъ походѣ противъ дикихъ кочевниковъ, но въ ту героическую пору зачатковъ русской гражданственности и не могло быть иного выхода для поэта даже съ самыми широкими литературными горизонтами. За эту идею не разъ поднимали свой голосъ болѣе идеально настроенные князья, вродѣ Владиміра Мономаха, но сила вещей брала свое: тѣмъ болѣе цѣнной представляется защита этой идеи авторомъ Слова, роднящая его въ этой роли также и съ авторомъ житійныхъ «сказаній» о Борисѣ и Глѣбѣ, братская любовь которыхъ выставлялась назидательнымъ примѣромъ для подражанія.

Въ настоящее время уже не можетъ быть мѣста скептическому отношенію къ подлинности Слова о П. И., какъ памятника русской литературы конца XII вѣка. Трудами цѣлаго ряда ученыхъ изслѣдователей раскрыты и выяснены хотя и не всѣ, но многія «темныя мѣста» этого произведенія, и если въ установкѣ самаго текста памятника изслѣдователи и не пришли къ единодушію, то это явилось неизбѣжнымъ результатомъ совершенно необыкновенной судьбы единственной рукописи Слова; Сл. о П. И. поставлено въ историческую перспективу другихъ явленій русской письменности и народной поэзіи, подробно изученъ его языкъ и стиль; однимъ словомъ, сдѣлано вполнѣ достаточно, чтобы судить и объ историческомъ значеніи этого памятника русской литературы древнѣйшей эпохи. Значеніе это очень велико. Это—единственный памятникъ «свѣтской» поэзіи того времени, совершенно свободный отъ вліянія церковности. Какъ своего рода «историческая поэма», онъ даетъ намъ яркое представленіе о тогдашней жизни княжеской, боярской и дружинной. Какого-нибудь болѣе широкаго поэтическаго замысла, имѣя въ виду аналогичныя явленія западно-европейскихъ литературъ, мы не можемъ требовать отъ автора столь отдаленной эпохи. Мы находимъ въ немъ великолѣпное описаніе одного изъ многочисленныхъ походовъ русскихъ князей на степныхъ кочевниковъ, картины природы, изображенія душевнаго состоянія дѣйствующихъ лицъ, ихъ радостей и печалей, ихъ мыслей и идеаловъ, и все это сочувственно объединено живымъ настроеніемъ автора, вложено въ рамки поэтической работы высокой цѣнности. Уже одна наличность такого памятника не можетъ быть дѣломъ маловажнымъ въ глазахъ историка-наблюдателя нашей литературной старины. Она даетъ яркій просвѣтъ на всю эту эпоху, устанавливая значительное богатство ея литературнаго содержанія, хотя, безъ сомнѣнія, и въ очень узкихъ рамкахъ небольшого круга лицъ, принимавшихъ активное участіе въ духовной жизни на Руси той эпохи. Свѣтъ, бросаемый Словомъ о П. И., простирается и на послѣдующія столѣтія русской литературы,

давая прочную базу для историческаго изученія другихъ, менѣе блестящихъ, обработокъ историческихъ сюжетовъ, напр., цикла сказаній о Куликовской битвѣ. Наконецъ, историкъ русской жизни и быта, государственности и культуры можетъ почерпнуть изъ Сл. о П. И. богатый матеріалъ, благодаря реализму этого произведенія, разнообразію наблюдательности его автора, глубинѣ и ясности его поэтическаго міросозерцанія.

6. Паломническая литература.

Путешествія русскихъ людей въ святыя земли и древнія извѣстія о нихъ.—«Хожденіе» игумена Даніила; свѣдѣнія о личности автора и обстоятельствахъ его путешествія; литературная сторона этого произведенія, легендарные и апокрифическіе его элементы; роль «Хожденія» въ послѣдующіе вѣка древне-русской письменности.—«Паломникъ» архіепископа Антонія; характеръ его изложенія, литературная и историческая цѣнность.

Среди другихъ проявленій литературныхъ интересовъ на Руси въ разсматриваемую эпоху видное мѣсто принадлежитъ описаніямъ путешествій въ святыя земли. Имѣя подъ собою реальную подкладку, хотя и не чуждыя вліянія со стороны однородныхъ явленій византійской литературы, описанія эти заключаютъ въ себѣ и занимательность повѣствованія о далекихъ краяхъ, и поучительность содержанія изъ области религіознаго благочестія, въ соединеніи съ элементами народнаго вымысла, апокрифа и легенды. Характерной особенностью этихъ описаній является также и то, что, касаясь предметовъ, интересовавшихъ и западныхъ нашихъ сосѣдей того времени, они выходятъ по своему историческому интересу за предѣлы собственно русской письменности и, въ извѣстныхъ частяхъ, являются цѣннымъ достояніемъ общеевропейской паломнической средневѣковой литературы.

Хожденіе русскихъ людей за предѣлы своего отечества съ благочестивой цѣлью поклоненія святынямъ ведутъ свое начало съ очень давняго времени. По преданію, преподобный Антоній, основатель Кіево-Печерскаго монастыря, совершилъ въ первой половинѣ XI вѣка путешествіе на Аѳонъ, принявъ здѣсь постриженіе и благословеніе аѳонскаго игумена на труды по распространенію пустынножительства въ русскихъ предѣлахъ. Ѳеодосій Печерскій мечталъ о путешествіи въ святыя земли, но это желаніе не получило осуществленія; есть извѣстіе, что современникъ Ѳеодосія, игуменъ Печерскій Варлаамъ совершилъ въ 1062 году паломничество въ Палестину. Въ XII вѣкѣ подобные случаи паломничества сдѣлались настолько часты, что вызвали даже осужденіе къ нимъ со стороны духовной власти: именно, въ извѣстномъ «Вопрошаніи» Кирика, Саввы и Ильи (1130 — 1156) къ Новгородскому архіепископу Нифонту имѣются вопросы перваго и послѣдняго изъ нихъ о томъ, какъ смотрѣть на слишкомъ частыя путешествія къ святымъ мѣстамъ, на что Нифонтъ

отвѣтилъ категорическимъ ихъ осужденіемъ: такія путешествія «губятъ» землю, пріучая людей къ праздности и тунеядству [1]). Конечно, Нифонтъ и его совопросники имѣли извѣстное основаніе смотрѣть такимъ образомъ на дѣло, но нельзя упускать изъ виду также и другой его стороны: путешествія въ чужія земли были въ ту пору важнымъ средствомъ общенія съ другими людьми, отвѣчали живой любознательности, будили мысль и расширяли опытъ. Едва ли можно сомнѣваться, что Нифонтъ имѣлъ въ виду, такъ сказать, профессіональныхъ паломниковъ, особый типъ тѣхъ «каликъ перехожихъ», которымъ народная поэзія придаетъ иногда столь внушительный, фантастическій образъ, но которые въ дѣйствительности нерѣдко бывали простыми нищими безъ роду и племени, безъ семьи и хозяйства, побиравшимися именемъ Христовымъ, но въ массахъ небезопасными по пустыннымъ дорогамъ и во всякомъ случаѣ безполезными для нормальной гражданской жизни. Въ силу внѣшнихъ общеній, самое имя «паломники» и «калики» иноземнаго происхожденія: первое находится въ связи съ западнымъ названіемъ «palmati», «palmarii», какъ назывались тамъ эти путешественники, потому что приносили съ собой изъ путешествія на память о святыхъ мѣстахъ пальмовыя вѣтви, а второе ведетъ свое начало, вѣроятно, отъ названія (caligae, καλίκοι) обуви «калига», извѣстнаго въ старомъ русскомъ языкѣ и помимо примѣненія его въ паломничествѣ [2]).

Путешествія русскихъ людей къ святымъ мѣстамъ, главнымъ образомъ въ Палестину и до половины XV вѣка въ Царьградъ, проходятъ длинной цѣпью черезъ рядъ вѣковъ, захватывая собою даже XVIII столѣтіе; описанія этихъ путешествій, сдѣланныя людьми самаго разнообразнаго общественнаго положенія, образуютъ собою ту паломническую литературу, которая является однимъ изъ самыхъ устойчивыхъ видовъ въ литературной жизни старой Руси. Въ этомъ стремленіи русскихъ людей заглянуть за предѣлы своей земли, къ религіознымъ побужденіямъ, съ теченіемъ времени, присоединяется торговая предпріимчивость, какъ у Аѳанасія Никитина въ XV вѣкѣ, или соображенія государственной необходимости, какъ это было въ самомъ концѣ XVII вѣка, при чемъ ареной путешествій дѣлаются уже совсѣмъ другія мѣста чужеземнаго міра.

Памятниками паломнической литературы XII вѣка являются труды игумена Даніила, побывавшаго въ Палестинѣ, и архіепископа Новгородскаго Антонія, совершившаго путешествіе въ Царьградъ.

Хожденіе игумена Даніила. Игуменъ Даніилъ оставилъ намъ свое «Хожденіе», въ которомъ описываетъ совершонное имъ путешествіе черезъ Царьградъ въ Святую Землю и обратно: путь по русской землѣ не входитъ въ это описаніе, которое касается отчасти Царьграда, главнымъ образомъ Палестины и морского пути въ ту и другую сторону, съ городомъ Ефесомъ, о. Кипромъ и т. п.

---

[1]) Памятники древне-русскаго каноническаго права. Ч. I. Спб. 1880, стр. 27, 61—62.

[2]) Срезневскій. И. Словарь. I. 1181—1182.

Мы почти ничего не знаемъ о жизни этого перваго нашего писателя-паломника, кромѣ того, что онъ былъ игуменомъ какого-то монастыря, или, какъ онъ называется въ рукописяхъ Хожденія, «русскія земли игуменъ». По упоминанію въ его описаніи рѣки Снови, первый изслѣдователь этого писателя, митр. Евгеній (въ журналѣ «Другъ Просвѣщенія». Ч. I. 1806, мартъ, стр. 266—267), сдѣлалъ догадку, что онъ происходитъ изъ Черниговской области, такъ какъ рѣка съ этимъ именемъ имѣется недалеко отъ Чернигова; однако рѣка съ такимъ именемъ есть, напр., и въ нынѣшней Воронежской губерніи. При поминовеніи о здравіи русскихъ князей, Даніилъ, на ряду съ главными князьями, упоминаетъ и незначительныхъ князей Полоцко-Минскихъ, что также могло бы дать намекъ на какое-нибудь отношеніе его къ Полоцко-Минскому княжеству, находившемуся въ сосѣдствѣ съ Черниговской областью. Еще менѣе опредѣленно другое указаніе: въ описаніи чуда, совершившагося въ ночь на Пасху при святомъ гробѣ, Даніилъ ссылается, между прочимъ, на случившихся тутъ «новгородцевъ» и «кіянъ», противополагая ихъ своей «дружинѣ». Это можетъ указывать развѣ только на то, что онъ не былъ ни изъ Кіева, ни изъ Новгорода. Впрочемъ, Даніилъ въ путешествіи по чужимъ землямъ, повидимому, и самъ на время забылъ о какомъ-либо мѣстномъ своемъ происхожденіи; вездѣ онъ чувствуетъ себя просто «русскимъ»: съ разрѣшенія «князя Балдвина», онъ ставитъ у гроба Господня «кандило» «отъ всея русскія земли». Время странствованія Даніила скорѣе поддается опредѣленію: по мнѣнію М. А. Веневитинова, Даніилъ былъ въ Палестинѣ между 1106 и 1108 годами [1]). По собственному свидѣтельству Даніила, онъ пробылъ въ Іерусалимѣ 16 мѣсяцевъ, живя въ лаврѣ св. Саввы, пользуясь тамъ гостепріимнымъ пріютомъ и совершая оттуда небольшія путешествія по святымъ мѣстамъ.

Изъ описанія путешествія можно заключить, что игуменъ Даніилъ былъ далеко не дюжиннымъ паломникомъ въ Св. Землю. Путешествовалъ онъ не одинъ, а со свитой («дружиной»), которую, повидимому, взялъ съ собою изъ Россіи; изъ этой дружины онъ упоминаетъ нѣсколько разъ о какомъ-то Сѣдеславѣ Иванковичѣ. Изъ текста Хожденія не видно, чтобы Даніилъ былъ кѣмъ-нибудь посланъ въ Палестину; вѣроятнѣе, что онъ отправился туда по собственному побужденію. Въ Палестинѣ онъ поставилъ себя, въ глазахъ властей, въ положеніе выдающееся и почетное; онъ не разъ упоминаетъ, что видѣлъ много такого, чего не надѣялся увидѣть; его пускали туда, куда другихъ не пускали. Самъ король Іерусалимскій Балдуинъ (1010—1118), во власти котораго находилась въ то время Палестина, оказывалъ ему особое вниманіе и, напр., на торжествѣ чудеснаго «исхожденія св. Духа» поставилъ его въ церкви возлѣ себя, на весьма почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ немногими другими. Даніилъ располагалъ вполнѣ достаточными денежными средствами въ путешествіи и не жалѣлъ денегъ на раздачу проводникамъ за ихъ труды и сообщенія. Кромѣ того, ему посчастливилось въ лаврѣ св. Саввы найти «мужа свя-

---

[1]) Православный Палестинскій Сборникъ. Т. I, вып. 3, стр. 149.

того и стараго деньми и весьма книжнаго», который полюбилъ русскаго паломника и принесъ ему великую пользу въ ознакомленіи съ Іерусалимомъ и всей Св. Землей.

Хожденіе Даніила представляетъ собою въ литературномъ отношеніи памятникъ весьма замѣчательный. Услѣдить полный процессъ его обработки представляется очень труднымъ, такъ какъ памятникъ дошелъ до насъ во множествѣ рукописей довольно позднихъ, не старѣе XV вѣка, и, вѣроятно, подвергся значительной переработкѣ сравнительно съ первоначальнымъ своимъ видомъ. Повидимому, игуменъ велъ, по мѣрѣ движенія въ дорогѣ, путевыя замѣтки и потомъ уже придалъ имъ окончательную форму. Судя по этой формѣ, насколько мы ее знаемъ, авторъ не ставилъ передъ собою какого-либо опредѣленнаго литературнаго плана въ своемъ произведеніи; его сочиненіе производитъ впечатлѣніе отрывочности и несоразмѣрности въ частяхъ, но это—порядокъ самый естественный для такого содержанія, съ какимъ является передъ нами трудъ игумена Даніила. Самой обширной статьей является разсказъ «О свѣтѣ святомъ, како сходитъ съ небесе къ гробу Господню»; другія имѣютъ меньшій объемъ и расположены въ общемъ согласно топографическому порядку отдѣльныхъ моментовъ путешествія. Придерживаясь этого порядка въ своемъ разсказѣ, Даніилъ мѣряетъ болѣе крупныя разстоянія «верстами», а мелкія—какъ «двацидострѣлити гораздо» или «яко можно доверечи (добросить) каменемъ малымъ» и т. п. Обозначенія эти сдѣланы были описателемъ съ величайшей добросовѣстностью и получили впослѣдствіи большую цѣну для топографическаго изученія Палестины, существенно дополняя собою свѣдѣнія о тѣхъ же предметахъ, переданныя западными путешественниками, вродѣ Арнульфа, Виллибальда, Епифанія, Зевульфа и друг. [1]).

Кругъ интересовъ нашего путешественника, поскольку онъ отразился въ Хожденіи, по преимуществу религіозный: онъ говоритъ о святыхъ мѣстахъ и предметахъ, приводитъ соотвѣтствующія о нихъ воспоминанія и разсказы. Но нельзя сказать, чтобы другіе предметы его совершенно не интересовали. Напримѣръ, объ островѣ Ахіи онъ замѣчаетъ, что «въ томъ островѣ рождается мастика и вино доброе и овощь всякій» (по изд. Веневитинова, стр. 6); на Ѳаворской горѣ онъ отмѣтилъ «смоковь, рожьци и масличіе много зѣло» (стр. 110); въ окрестностяхъ Іерихона «земля добра и многоплодна, и поле красно и равно, и около его финици мнози стоять высоци и всякая древеса многоплодовита суть» (стр. 50), а о горѣ Хевронѣ онъ выразился такимъ образомъ: «поистинѣ есть земля та Богомъ обѣтованна и благословена есть отъ Бога всѣмъ добромъ: пшеницею и виномъ и масломъ и всякимъ овощомъ обильна есть зѣло, и скотомъ умножена есть; и овцы бо и скоти дважды ражаются лѣтомъ, и пчелами увязло ту есть въ

[1]) См. о Даніилѣ, какъ писателѣ, отзывъ проф. І. Н. Зеппа: Neue architectonische Studien und historisch-topographische Forschungen in Palästina. 1867. (Пыпинъ. И.Р.Л. I, с. 372). Столь же высоко оцѣниваетъ трудъ Даніила и новѣйшій англійскій изслѣдователь: The oldest monument of russian travel, by C. Raymond Beazley. Transactions of the Royal Historical Society. New series. Vol. XIV (1900), стр. 175—185.

каменіи по горамъ тѣмъ краснымъ; суть же и виногради мнози по пригоріемъ тѣмъ и древеса многоовощная стоятъ безъ числа, масличіе, смокви, и рожци, и яблони, и черешни, инородія (гроздія) и всякій овощь ту есть; и есть овощь тъ лучи и болій всѣхъ овощей сущихъ на земли подъ небесемъ, нѣсть такого овоща нигдѣ же» (стр. 72—73). Тутъ уже прямо виденъ человѣкъ неравнодушный къ хозяйству.

Условія собиранія Даніиломъ свѣдѣній о священныхъ мѣстахъ и предметахъ, время, когда онъ жилъ, и самая личность паломника были причиною того, что въ эти разсказы въ значительной степени внесенъ легендарный и апокрифическій элементъ, что придаетъ «Хожденію» Даніила высокій интересъ, какъ памятнику литературы [1]). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что немалую долю легендарно-апокрифическаго элемента внесъ въ его разсказы «книжный» и опытный спутникъ Даніила изъ монастыря св. Саввы. Разсказы эти вращаются вокругъ главнѣйшихъ лицъ и событій какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ [2]).

Конечно, въ центрѣ этихъ разсказовъ стоитъ личность Іисуса Христа. Авторъ сообщаетъ о поклоненіи волхвовъ въ пещерѣ—тогда какъ евангелисты помѣщаютъ это событіе просто въ домѣ—и о томъ, что въ моментъ посѣщенія волхвовъ Христу уже было два года, о чемъ евангелисты совершенно умалчиваютъ; первое указаніе находится въ распространенномъ на славянской почвѣ апокрифическомъ «Первоевангеліи Іакова», второе въ такъ называемомъ «Псевдо-Матѳеѣ». Разсказывается далѣе о томъ, что Іисусъ собственными руками совершилъ погребеніе Іосифа-Обручника, о возвращеніи Іордана вспять въ моментъ крещенія Господня; опредѣляется точно мѣсто искушенія Христа дьяволомъ (пещера «въ горѣ Гаваонской», вмѣсто евангельской «пустыни»); указывается мѣсто предательства Христа

---

[1]) Здѣсь полезно припомнить соображенія А. Н. Веселовскаго о томъ, какъ слагалась психологія средневѣковаго европейскаго, а также отчасти и русскаго, паломника въ святыя земли: «Къ тому, что онъ слышалъ на мѣстѣ отъ словоохотливыхъ вожаковъ или набожныхъ монаховъ, его издавна приготовляло чтеніе въ области легендъ, апокрифическихъ разсказовъ и древнихъ хожденій. Читанное и усвоенное смѣшивалось въ немъ со слышаннымъ и видѣннымъ на мѣстѣ, такъ что трудно бываетъ выдѣлить одно изъ другого». Соотвѣтственно этой обстановкѣ возникали и складывались тѣ палестинскія легенды, которыми наполнены описанія паломническихъ хожденій: «Ихъ поэзія коллективная: въ основѣ ихъ могли находиться древнія мѣстныя памяти, указывавшія на тотъ или другой эпизодъ евангельской повѣсти, а каждый изъ этихъ эпизодовъ входилъ, въ свою очередь, въ связь съ другими, связь лично-біографическую или излюбленную—прообразовательную, усматривавшую въ фактахъ, повидимому, не стоящихъ другъ съ другомъ ни въ какихъ отношеніяхъ, выраженіе одной и той же послѣдовательно выяснявшейся идеи». Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ. Ж. М. Н. Пр. 1885 № 5, стр. 171, 173.

[2]) Подробный обзоръ ихъ сдѣланъ въ статьѣ П. Заболотскаго «Легендарный и апокрифическій элементъ въ Хожденіи иг. Даніила»: Русскій Филологическій Вѣстникъ 1899 № 1—2, стр. 220—237, № 3—4, стр. 237—273.

Іудой также въ особой «пещерѣ», вмѣсто сада. Эти указанія на «пещеры», не во всемъ подтверждаемыя извѣстными доселѣ памятниками апокрифической письменности, но распространенныя среди русскихъ и иноземныхъ паломниковъ позднѣйшаго времени, возникали, вѣроятно, на мѣстѣ, помѣщая на опредѣленныхъ мѣстахъ тѣ или другія событія при разсказѣ о нихъ благочестивымъ путешественникамъ. Точно также несогласно съ евангельскимъ текстомъ передаются и другіе моменты изъ жизни Спасителя — Его чудеса, страданія и смерть. Изъ распространеннаго круга прообразовательныхъ апокрифическихъ сказаній мы встрѣчаемъ у Даніила разсказъ о видѣнномъ имъ камнѣ, подъ которымъ лежитъ «глава первозданнаго Адама»; посреди этого камня высѣчена скважина, въ которой водруженъ былъ крестъ Господень, и когда Христосъ висѣлъ на крестѣ, то истекавшая изъ тѣла кровь и вода омыли главу Адама, а вмѣстѣ съ нею и грѣхи всего человѣчества. Лицезрѣніе храма, построеннаго на мѣстѣ воскресенія Христа, вызываетъ у Даніила сообщеніе о «пупѣ земли», который будто бы находится внѣ стѣны, за алтаремъ этого храма. Цѣлый рядъ сказаній, передаваемыхъ Даніиломъ, касается Богородицы: напримѣръ, недалеко отъ Назарета Даніилъ указываетъ на колодецъ, у котораго Дѣвѣ Маріи впервые явился архангелъ, что также имѣется въ «Первоевангеліи» Іакова; разсказываетъ о подробностяхъ ночлега Св. Семейства во время бѣгства въ Египетъ, о смерти Богородицы и проч. Въ меньшей степени, но все же останавливали на себѣ вниманіе Даніила и событія-воспоминанія изъ Ветхаго Завѣта: о Мельхиседекѣ, Даніилѣ, Моисеѣ, Давидѣ и т. д. Вообще съ этой стороны разсказъ игумена Даніила чрезвычайно богатъ содержаніемъ, глубоко интересовавшимъ его современниковъ и читателей «Хожденія».

Впрочемъ, въ трудѣ Даніила привлекало читателей не одно содержаніе, но и самая личность автора, его замѣчательная искренность, чистосердечіе и глубоко-прочувствованный тонъ всего разсказа (ср., напр., вступительныя слова передъ описаніемъ Іерусалима: стр. 14—15; описаніе Содомскаго или Мертваго моря: стр. 56; описаніе труднаго и опаснаго пути къ Хеврону: стр. 69).

Какую цѣль имѣлъ Даніилъ, рѣшившійся не ограничиться посѣщеніемъ святыхъ мѣстъ, а сдѣлать имъ подробное описаніе? На это онъ самъ даетъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: съ одной стороны, онъ пожелалъ закрѣпить письмомъ свои впечатлѣнія, «дабы не забыть было то, еже ми показа Богъ видѣти недостойному», а съ другой — онъ надѣялся, что его трудъ прочтутъ и другіе «вѣрніи люди» на спасеніе своей души» и «пріимутъ равную мзду отъ Бога» съ тѣми, кто, какъ онъ самъ, удостоились личнаго посѣщенія Св. Земли, причемъ онъ пользуется случаемъ высказать тутъ свое осужденіе по адресу тѣхъ изъ паломниковъ, которые, «вознесшеся умомъ своимъ», поставляютъ себѣ въ какую-то особую личную заслугу подобное путешествіе (стр. 2—3).

Заслуживаетъ вниманія судьба этого памятника въ нашей древней литературѣ. «Хожденіе» (или иначе «Странникъ», «Паломникъ», «Сказаніе», «Житіе и хожденіе») дошло до насъ въ огромномъ количествѣ списковъ, писанныхъ на протяженіи XV—XIX вѣковъ; число ихъ теперь насчитывается

до 90 [1]). Въ отдѣльномъ видѣ по рукописямъ памятникъ этотъ встрѣчается чрезвычайно рѣдко, являясь почти исключительно въ разнаго рода сборникахъ. Наблюдая составъ этихъ сборниковъ, мы получаемъ довольно отчетливое представленіе о той роли, которую играло «Хожденіе» въ разное время среди древне-русскихъ читателей: въ XV вѣкѣ и, вѣроятно, раньше оно служило какъ бы справочной книжкой, или гидомъ, для богомольцевъ, отправлявшихся въ Іерусалимъ; въ XVI в. взглядъ на него колебался между понятіемъ справочной книжки и исторической записки о Палестинѣ, такъ какъ практическимъ требованіямъ богомольцевъ гораздо лучше удовлетворяли уже болѣе современныя описанія Палестины, напримѣръ, сочиненіе Трифона Коробейникова, получившее чрезвычайное распространеніе; въ XVII и XVIII вв. этотъ взглядъ на Даніилово Хожденіе, какъ на историческую записку, уже окончательно устанавливается, и съ этой цѣлью назидательнаго чтенія продолжаютъ заносить его въ свои рукописные сборники любители такого рода занятій; въ XIX вѣкѣ къ этому памятнику возбуждается уже научный интересъ [2]), и въ 1837 году появляется первое его изданіе.

Лучшее изданіе «Хожденія» игумена Даніила принадлежитъ М. А. Веневитинову, составляя 3 вып. I-го тома «Православнаго Палестинскаго Сборника» (Спб. 1883); изъ болѣе раннихъ имѣетъ наибольшую цѣну изданіе Археографической Комиссіи, подъ редакціей А. С. Норова (Спб. 1864). Веневитинову же принадлежитъ и очень хорошее, впрочемъ неоконченное, изслѣдованіе объ этомъ памятникѣ, въ «Лѣтописи Занятій Археографической Комиссіи», вып. VII (1884), стр. 1—138.

Паломникъ архіепископа Антонія. «Паломникъ» Антонія, архіепископа Новгородскаго, также представляетъ собою памятникъ довольно замѣчательный, хотя по своимъ размѣрамъ, характеру изложенія и по своей литературной судьбѣ онъ не можетъ равняться съ произведеніемъ игумена Даніила.

Личность Антонія въ церковной исторіи Новгорода достаточно извѣстна. До поступленія въ монашество онъ носилъ имя Добрыни Ядрейковича (Андрейковича) и, какъ одинъ изъ благочестивыхъ обывателей Новгорода, находился, повидимому, въ дружескихъ отношеніяхъ съ преп. Варлаамомъ Хутынскимъ. Свое путешествіе въ Царьградъ онъ совершилъ, еще въ свѣтскомъ званіи, въ 1200 году. Сколько времени пробылъ путешественникъ въ Царьградѣ, съ точностью опредѣлить невозможно: одни предполагаютъ, что не менѣе года, другіе—до 1204 года, третьи—до 1211 года. Никакихъ свѣдѣній о самомъ пути Добрыни отъ Новгорода до Царьграда и обратно, а равно и о времени его возвращенія въ Новгородъ мы не имѣемъ; правда, I Новгородская лѣтопись говоритъ о возвращеніи Добрыни подъ 1211 годомъ, но текстъ этого сообщенія не достаточно ясенъ и вызываетъ сомнѣнія относительно его толкованія. Вернувшись изъ Царьграда, Добрыня черезъ

---

[1]) Владиміровъ. Древне-русская литература, стр. 213—214.

[2]) См. объ этомъ: Рузскій, Н. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ Хожденіе въ Святую Землю русскаго игумена Даніила въ началѣ XII вѣка. Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс. 1891, кн. 3.

нѣкоторое время удалился въ Спасскій Хутынскій монастырь и принялъ здѣсь постриженіе подъ именемъ Антонія. Когда въ 1211 году Новгородскій архіепископъ Митрофанъ былъ лишенъ своей каѳедры, на его мѣсто былъ избранъ, очевидно уже сдѣлавшійся довольно извѣстнымъ къ тому времени, Антоній. Служеніе его въ санѣ Новгородскаго архіепископа было не прочно: ему пришлось нѣсколько разъ покидать свою каѳедру вслѣдствіе перемѣны въ новгородскихъ симпатіяхъ къ нему, претензій на это мѣсто другихъ кандидатовъ и вмѣшательства Кіевскаго митрополита; послѣ троекратнаго вступленія во власть, Антоній въ 1227 году, уже больной, окончательно удалился въ свой любимый Хутынскій монастырь на покой и умеръ здѣсь 8 октября 1231 года.

Первое извѣстіе о сочиненіи Добрыни-Антонія сообщено было П. М. Строевымъ въ «Журн. М. Н. Пр.» въ 1831 году, но самый текстъ «Паломника» изданъ впервые лишь въ 1872 году П. И. Савваитовымъ на средства Археографической Комиссіи. Издателю извѣстенъ былъ только одинъ списокъ этого памятника, писанный—по опредѣленію Савваитова—не позже начала XV вѣка. Съ того времени сдѣлалось извѣстнымъ еще пять списковъ «Паломника», на основаніи которыхъ и появилось новое, превосходное въ научномъ отношеніи, изданіе этого памятника въ 51-мъ выпускѣ «Православнаго Палестинскаго Сборника», подъ редакціей и съ обширной вводной статьей Х. М. Лопарева (Спб. 1899). Новый издатель считаетъ время написанія списка, послужившаго оригиналомъ для изданія Савваитова, не ранѣе XVI вѣка; другіе списки онъ относитъ къ XVI—XVIII вѣкамъ, а въ основу своего изданія кладетъ списокъ А. И. Яцимирскаго XVI вѣка, пользуясь другими списками для варьянтовъ. «Паломникъ» Добрыни-Антонія, сравнительно съ трудомъ игумена Даніила, очень кратокъ по содержанію и сухъ по изложенію, что и дало поводъ Е. Е. Голубинскому произнести надъ нимъ весьма суровый приговоръ. Этотъ историкъ полагаетъ, что сочиненіе Антонія есть не описаніе христіанскихъ достопримѣчательностей Константинополя, а лишь указатель къ обозрѣнію святынь послѣдняго, да и то—указатель «немудреный», не представлявшій ни малѣйшаго интереса для чтенія [1]). Но едва ли можно присоединиться въ полной мѣрѣ къ такому отрицательному отзыву. «Паломникъ», правда, интересуется исключительно святынями Царьграда, описываетъ ихъ весьма сжато, почти въ видѣ простого перечня, но въ историческомъ отношеніи его извѣстія имѣютъ высокую цѣну: Антоній посѣтилъ Царьградъ незадолго до взятія его крестоносцами (въ 1204 году), видѣлъ знаменитый храмъ св. Софіи во всемъ его блескѣ, со всѣмъ неисчерпаемымъ богатствомъ драгоцѣнностей, и описаніе послѣднихъ занесъ въ свое сочиненіе по мѣрѣ разумѣнія; показанія его въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются даже единственными. Другія части его описанія не чужды замѣтокъ и указаній, подавшихъ поводъ—подобно труду игумена Даніила—къ любопытнымъ соображеніямъ и домысламъ изъ области литературной, въ частности апокрифической, старины: напримѣръ, чудеса 17 февраля и 21 мая 1200 года, имѣвшія мѣсто

[1]) Исторія русской церкви. Т. I, перв. пол., 2 изд., стр. 837—838.

въ церкви Богородицы и въ храмѣ св. Софіи въ Царьградѣ, преданіе касательно чернеца Константина, легенда о св. Зотикѣ. Наконецъ, онъ даетъ нѣсколько единственно у него имѣющихся свѣдѣній о разныхъ историческихъ лицахъ частью изъ византійской, а главнымъ образомъ изъ русской исторіи: объ Ольгѣ, Борисѣ и Глѣбѣ, о русской княгинѣ Ксеніи, о посольствѣ въ Царьградъ Волынскаго князя Романа и др. [1]).

Конечно, Добрыня-Антоній является въ своемъ трудѣ такимъ же благочестивымъ паломникомъ, проникнутымъ благоговѣйнымъ чувствомъ ко всему имъ видѣнному по части святынь, какъ и Даніилъ. Но, съ одной стороны, царьградскія святыни не могли заключать въ себѣ такого глубоко захватывающаго интереса, какъ палестинскія, а съ другой—и самая натура Добрыни-Антонія, менѣе экспансивная и восторженная, сдѣлала его разсказъ въ значительной степени лишеннымъ тѣхъ качествъ, которыя создаютъ популярность въ широкой средѣ читателей. Кромѣ того, цѣльности впечатлѣнія отъ памятника могло вредить и то, что онъ созданъ—какъ надо думать—въ два пріема, имѣлъ двѣ редакціи, изъ которыхъ одна написана до взятія Царьграда крестоносцами въ 1204 году, а другая—рукою самого же автора—составлена послѣ того, когда онъ узналъ объ этомъ событіи, и, повидимому, не была имъ окончена [2]). Можетъ быть, этими обстоятельствами и слѣдуетъ объяснить гораздо меньшую распространенность «Паломника» Добрыни-Антонія сравнительно съ трудомъ игумена Даніила. Оба эти труда, посвященные двумъ главнѣйшимъ пунктамъ благочестиваго паломничества русскихъ людей въ старую эпоху, Царьграду и Іерусалиму, являются вмѣстѣ съ тѣмъ типическими выразителями двухъ пріемовъ или маперъ въ нашей паломнической литературѣ древняго періода: пространнаго, воодушевленнаго, не чуждаго лиризма, цѣннаго въ литературномъ отношеніи разсказа—съ одной стороны и нѣсколько сухого отчета о видѣнномъ, краткаго и важнаго преимущественно въ историческомъ отношеніи—съ другой.

---

[1]) Предисловіе Х. М. Лопарева къ его изданію «Паломника», стр. XXXVII—CXXXI. Цѣнный историко-археологическій комментарій къ сообщеніямъ Антонія даетъ работа проф. Д. В. Айналова: Примѣчанія къ тексту книги «Паломникъ» Антонія Новгородскаго, Ж. М. Н. Пр. 1906, № 6 и 1908, № 11; Сборникъ статей въ честь Д. А. Корсакова. Казань 1913, стр. 181—186.

[2]) Предисловіе Х. М. Лопарева, стр. XIX—XXI.

7. Нѣсколько замѣчаній о переводной литературѣ. Апокрифы.

Переводная литература. Апокрифы и отреченныя книги. Индексъ въ южно-славянской и русской письменности. - Трудность хронологическаго пріуроченія апокрифовъ и отреченныхъ книгъ на русской почвѣ. - Общія заключенія о литературѣ древнѣйшей эпохи.

До сихъ поръ въ нашемъ обозрѣніи рѣчь шла о такихъ памятникахъ, происхожденіе которыхъ на русской почвѣ является болѣе или менѣе достовѣрнымъ. Но оригинальныя произведенія въ разсматриваемую эпоху составляли лишь небольшую часть всего объема русской письменности; гораздо больше было переводовъ. И это вполнѣ естественно; разнообразныя умственныя и нравственно-религіозныя потребности вызваннаго со введеніемъ христіанства къ новой жизни русскаго народа потребовали сразу и довольно обширной литературы, которая не могла быть создана на мѣстѣ, и на помощь этому пришла Византія—черезъ посредство южныхъ славянъ, гдѣ уже былъ богатый запасъ разнаго рода переводовъ съ греческаго, особенно въ Болгаріи въ знаменитую эпоху царя Симеона въ X вѣкѣ. Усвоеніе этого запаса, въ виду общности литературнаго языка, не представляло для русскихъ людей большой трудности; кое-что переведено было съ греческаго и въ Россіи. Количество этихъ переводовъ, оказавшихся въ распоряженіи русскаго читателя въ первые вѣка русской письменности, было такъ значительно, что, напримѣръ, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, въ это время русскіе уже могли читать «почти всѣ тѣ южнославянскіе переводы IX—X вѣковъ, которые мы знаемъ по дошедшимъ до насъ спискамъ» [1]). Однако подсчитать, хотя бы съ приблизительной точностью, какія литературныя переводныя произведенія имѣли мы, напримѣръ, къ концу XII вѣка, представляется въ настоящее время невозможнымъ. Въ общемъ обозрѣніи этого отдѣла нашей литературы хронологическія грани приходится оставить въ сторонѣ, и въ такомъ именно видѣ распредѣленія лишь по отдѣламъ относительно содержанія обзоръ переводныхъ произведеній первыхъ вѣковъ нашей письменности (до-монгольской) данъ у Н. В. Владимірова [2]). Тутъ мы находимъ: книги Св. Писанія, сочиненія отцовъ церкви (Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Ефремъ Сиринъ, Өеодоръ Студитъ, Өеодоръ Кирскій, Никонъ Черногорецъ и друг.), хронографы (Іоаннъ Малала, Георгій Амартолъ, Константинъ Манассія и проч.), минеи, прологи, патерики [3]), «Физіологъ»,

[1]) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. Спб. 1903, стр. V. Въ другомъ своемъ трудѣ тотъ же авторъ, основываясь на лексическихъ данныхъ, представилъ перечень переводовъ разнообразнаго содержанія, совершонныхъ въ Россіи съ греческаго языка въ до-монгольскую эпоху: А. Соболевскій. Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи. Спб. 1910, стр. 162—177.

[2]) Древняя русская литература, стр. 10—52.

[3]) Болѣе подробный перечень ихъ см. у Д. Абрамовича: Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, стр. 131—141.

«Пчелу» [1]) и т. п. Впрочемъ, хронологическія рамки этого перечня далеко не являются безспорными. Несомнѣнными свидѣтелями наличности переводовъ, кромѣ текстовъ Св. Писанія, прологовъ и проч., являются для XI—XII вв. такія произведенія нашей письменности, какъ оба Изборника Святослава 1073 и 1076 гг., извѣстный сборникъ Успенскаго Собора XII в. и т. п.

Большая часть переводныхъ произведеній русской письменности XI—XII вв. стоитъ въ сторонѣ отъ интересовъ историко-литературнаго изученія, отходя въ исторію языка или въ область различныхъ вопросовъ церковной исторіи, права; въ крайнемъ случаѣ, историкъ литературы можетъ включить ихъ въ кругъ своего наблюденія лишь съ точки зрѣнія литературныхъ пріемовъ нашихъ старыхъ книжниковъ-переводчиковъ или общаго характера тогдашнихъ потребностей въ области книжныхъ интересовъ. Но есть среди переводныхъ произведеній одинъ отдѣлъ, литературная цѣнность котораго весьма велика. Это такъ называемые «апокрифы» и «отреченныя книги». Въ предшествующемъ обзорѣ оригинальныхъ произведеній письменности намъ не разъ приходилось, въ отдѣльныхъ случаяхъ, указывать на этотъ родъ литературы, напримѣръ, при опредѣленіи письменныхъ источниковъ Начальной Лѣтописи или при характеристикѣ «Хожденія» игумена Даніила. Будучи весьма популярными, апокрифы входили частями или цѣликомъ въ произведенія оригинальнаго происхожденія; нерѣдко они оставляли въ нихъ свои слѣды отдѣльными фразами, едва замѣтными оттѣнками, которые могутъ быть вскрыты лишь при весьма внимательномъ наблюденіи. Такая роль апокрифовъ въ произведеніяхъ древнѣйшей нашей письменности являлась преимущественно результатомъ усвоенія апокрифическаго содержанія на память, подобно памятникамъ народной поэзіи, въ которую апокрифы также входили, какъ составная часть.

Но что надо разумѣть подъ самымъ названіемъ «апокрифа» и «отреченной книги»?

Названія эти отнюдь не тожественны по своему значенію: не всякій апокрифъ есть отреченная книга, и не всякая отреченная книга есть апокрифъ. «Апокрифъ» (ἀπόκρυφος) первоначально обозначалъ нѣчто скрытое, тайное, таинственное. Тайное или таинственное въ книжной области имѣлось еще и до христіанства, а въ первые вѣка христіанства это понятіе получило широкое приложеніе: апокрифами или апокрифическими книгами стали называться очень рано такія произведенія, которыя, касаясь церковныхъ сюжетовъ, по разнымъ причинамъ не почитались на ряду съ такъ называемыми богодухновенными книгами. Точнаго опредѣленія, въ отношеніи содержанія, апокрифическихъ книгъ церковь не установила: разными лицами или авторитетами и въ разное время однѣ и тѣ же книги считались апокрифическими и не считались. Апокрифическія книги издавна были и въ Ветхомъ, и въ Новомъ Завѣтѣ. Весьма рано также назрѣла потребность офиціально признать нѣкоторые апокрифы вредными для

---

[1]) Подробное изслѣдованіе этого памятника на русской почвѣ имѣется въ капитальномъ трудѣ М. Н. Сперанскаго: Переводные сборники изреченій въ славянорусской письменности. Изслѣдованіе и тексты. М. 1904, стр. 263—329.

христіанина-читателя, поставить ихъ въ число книгъ «запрещенныхъ» или отреченныхъ» (ἀπόρρητα), «ложно-написанныхъ» (ψευδεπίγραφα): такъ возникъ знаменитый впослѣдствіи «индексъ» подобныхъ книгъ, имѣвшій свою длинную и весьма любопытную исторію. Итакъ: апокрифъ—это всякая книга, разсказывающая о ветхозавѣтныхъ или новозавѣтныхъ событіяхъ и не признанная въ составѣ «канона», а отреченная—это книга, признанная церковнымъ авторитетомъ вредной и потому внесенная въ «индексъ»; но въ индексъ входили и въ собственномъ смыслѣ неапокрифическія книги, равно какъ и нѣкоторые апокрифы не нашли себѣ мѣста въ индексѣ.

«Канонъ» священныхъ книгъ, т. е. совершенно опредѣленный кругъ сочиненій богодухновенныхъ, не былъ наслѣдіемъ апостольскаго вѣка, какъ это было бы естественно думать. Онъ начинаетъ слагаться лишь со II вѣка христіанской эры. Главнѣйшимъ побужденіемъ къ этому были ереси, волновавшія христіанскую церковь особенно въ II—IV вѣкахъ, когда была постоянная нужда въ авторитетныхъ ссылкахъ, а между тѣмъ появлялись сочиненія явно «ложно-написанныя». Многіе отцы церкви (напр., Евсевій, Кириллъ Іерусалимскій, Григорій Богословъ) посвящали свои труды опредѣленію этого «канона», при чемъ всякая не упомянутая въ немъ книга должна была считаться «ложной» и «отреченной». Вмѣстѣ съ этимъ очень рано возникли попытки и перечня «апокрифическихъ» книгъ—въ смыслѣ ихъ ложности и отреченности сравнительно съ книгами подлинно каноническими: однимъ изъ самыхъ раннихъ является перечень, приписываемый Анастасію Синаиту (VI в.). Затѣмъ, оба эти перечня соединялись, для удобства пользованія ими и для наглядности, въ одно произведеніе, и такимъ образомъ получался «индексъ книгъ истинныхъ и ложныхъ». Это, такъ сказать, двустороннее произведеніе имѣло свое главное распространеніе на славянской почвѣ, куда, съ просвѣщеніемъ славянъ христіанской вѣрой, широкимъ потокомъ нахлынули вмѣстѣ съ «истинными» книгами и многія «ложныя», не только въ качествѣ источниковъ вѣры, но и какъ средства просвѣщенія и какъ памятники литературы.

Въ связи съ упомянутымъ перечнемъ Анастасія Синаита находится и древнѣйшій южно-славянскій индексъ апокрифическихъ и отреченныхъ книгъ, возникшій, вѣроятно, не позднѣе первой половины XI вѣка: въ немъ есть замѣчательная ссылка на обличительное посланіе Константинопольскаго патріарха Сисинія (994—997) противъ болгарскаго «попа Іереміи»-еретика. Этотъ древнѣйшій славянскій индексъ имѣется въ Номоканонѣ XIV в. изъ собранія Погодина № 31 и оттуда впервые напечатанъ А. Н. Пыпинымъ въ I вып. «Лѣтописи Занятій Археографической Комиссіи» (Спб. 1862), стр. 26—27. Списокъ или «канонъ» однѣхъ только истинныхъ книгъ встрѣчается на русской почвѣ гораздо раньше, напримѣръ, въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 года; но и для списка ложныхъ, или отреченныхъ, книгъ мы въ правѣ предполагать болѣе раннее его существованіе, чѣмъ XIV вѣкъ, такъ какъ уже въ первые три вѣка русской церковной жизни нужда въ такомъ перечнѣ несомнѣнно ощущалась.

Весьма замѣчательно, что этотъ древнѣйшій изъ южно-славянскихъ индексовъ ложныхъ книгъ обнаруживаетъ черты значительной независи-

мости отъ подобныхъ же произведеній византійской литературы: въ немъ есть указаніе на такія книги, упоминанія которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ доселѣ греческихъ индексовъ, напр. Вопросы Іоанна Богослова къ Аврааму на горѣ Елеонской, Епистолія о недѣлѣ, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Преніе дьявола со Христомъ, О Соломонѣ и Китоврасѣ басни и кощуны и проч. [1]).

Южно-славянскій индексъ послужилъ точкой отправленія для не менѣе самостоятельнаго развитія подобнаго индекса на русской почвѣ и примѣнительно къ условіямъ русскаго литературнаго развитія. Въ Молитвенникѣ митрополита Кипріана (XIV в.) къ южнославянскому перечню, извѣстному по Погодинскому Номоканону, прибавленъ еще отдѣлъ «богоотметныхъ и ненавидимыхъ» книгъ, подъ которыми разумѣются гадательныя книги. Это уже весьма существенное измѣненіе въ содержаніи индекса: къ неканоническимъ книгамъ церковнаго содержанія присоединены и свѣтскія; такимъ образомъ, къ книгамъ неканоническимъ приравнивались разнаго рода суевѣрія, вродѣ «громовника», гаданія по полету птицъ и проч. Въ дальнѣйшей исторіи развитія русской «статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ» эта особенность удерживается до конца. Что послужило Кипріану источникомъ для внесенія въ свой индексъ упомянутыхъ гадательныхъ книгъ—реальныя ли условія южно-славянской и русской литературной жизни или подобные же греческіе перечни—это еще вопросъ, который можно разрѣшать двояко. Къ концу XV вѣка относится «Сказаніе Изосимы митрополита русскаго (1490—1494) о отреченныхъ книгахъ», въ которомъ статья Кипріана о ложныхъ книгахъ читается безъ всякихъ измѣненій. Въ многочисленныхъ индексахъ XVI в. этотъ отдѣлъ «ложныхъ книгъ» значительно разростается, принимая въ себя «астрономію», «землемѣріе» и т. п., и, наконецъ, закрѣпляется въ знаменитой «Кирилловой Книгѣ» 1664 года, гдѣ также находится и самая подробная редакція перечня книгъ «истинныхъ»; въ числѣ послѣднихъ фигурируютъ уже не только неканоническія книги греческаго происхожденія, вродѣ «Житія Василія Новаго», но и русскія сочиненія, напр. «Странникъ» игумена Даніила [2]).

Такъ создалась постепенно «статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ», имѣвшая въ литературной и культурной жизни древней Руси громадное значеніе; невѣжественная масса вѣрила въ букву этого перечня. А между тѣмъ самый перечень былъ полонъ неясностей и внутреннихъ противорѣчій. Перечень предостерегалъ, напр., отъ вѣры въ апокрифическіе разсказы объ Енохѣ, Адамѣ, Ламехѣ, о видѣнной Іаковомъ лѣстницѣ, о Соломонѣ и Китоврасѣ—и въ то же время помѣщалъ въ число «истинныхъ» книгъ Палею, въ которой многія изъ «ложныхъ» книгъ и сказаній систематически

---

[1]) Тихонравовъ, Н. С. Сочиненія. Т. I, стр. 142.

[2]) Тамъ же, I, стр. 143—149. Сводный перечень книгъ, которыя въ древней Руси въ различныя времена считались «ложными и отреченными», напечатанъ Н. С. Тихонравовымъ въ предисловіи къ его «Памятникамъ отреченной русской литературы» (I, стр. I—X).

собраны были вмѣстѣ; перечень называлъ въ числѣ истинныхъ книгъ «12 минеи-четьихъ», но въ этихъ самыхъ минеяхъ помѣщались и «Слово отъ книгъ Еноха Праведнаго», и «Сказаніе Афродитіана», и «Хожденіе Зосимы къ Рахманамъ», и многія другія апокрифическія сочиненія.

Впрочемъ, несмотря на всяческія запрещенія и предостереженія отъ «ложныхъ» книгъ, послѣднія читались и переписывались чрезвычайно усердно; росла и умножалась также и болѣе или менѣе самостоятельная работа въ этомъ направленіи, какъ плодъ дѣятельности фантазіи, любознательности и невѣжества. Въ результатѣ получилась огромная масса этихъ то «апокрифическихъ», то «отреченныхъ» произведеній, которыя составляютъ, въ своей совокупности, одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ нашей старой письменности.

Историческое изученіе «апокрифовъ» и «отреченныхъ книгъ» представляетъ очень большія трудности, и въ наукѣ сдѣлано еще слишкомъ мало [1]) для того, чтобы можно было хотя съ нѣкоторой точностью прослѣдить время появленія на русской почвѣ каждаго подобнаго произведенія и начертить картину развитія этого отдѣла нашей литературы, отразившаго на себѣ разностороннія литературныя вліянія Востока и Запада. Поэтому, не покидая принятыхъ нами хронологическихъ рамокъ изложенія, мы затрудняемся дать свѣдѣнія о содержаніи отреченной и апокрифической литературы для XI—XII вѣковъ и внесли предыдущія разсужденія въ рамки этого періода на томъ лишь основаніи, что возникновеніе названнаго отдѣла памятниковъ относится все-таки къ первой эпохѣ русскаго литературнаго развитія; дальнѣйшая же жизнь его падаетъ на послѣдующее время—вплоть до конца XVII вѣка. Съ содержаніемъ апокрифовъ и отреченныхъ книгъ древняго періода русской литературы, внѣ строгаго ихъ хронологическаго пріуроченія, можно ознакомиться по изданіямъ и сочиненіямъ Н. С. Тихонравова [2]), А. Н. Пыпина [3]), И. Я. Порфирьева [4]), Н. Ө. Сумцова [5]) и друг.

---

[1]) См. объ этомъ, напр., П. Владимірова: Научное изученіе апокрифовъ въ русской литературѣ во второй половинѣ настоящаго столѣтія. «Кіевскія Университ. Извѣстія» 1900, № 2.

[2]) Памятники отреченной русской литературы. Т. I—II. Спб. и М. 1863.

[3]) Ложныя и отреченныя книги русской старины. Пам. стар. русской л-ры. Изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко. Вып. III. Спб. 1862. См. объ этомъ изд. критическую статью Тихонравова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1862, № 1 (и въ «Сочиненіяхъ» I. прим. стр. 14—23); А. Пыпинъ. Ист. русской литературы I, изд. 2-е, стр. 423—450.

[4]) Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Сб. II Отд. Ак. Н. Т. 17. Спб. 1877; Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Сб. II Отд. Ак. Н. Т. 52. Спб. 1890.

[5]) Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Кіевъ 1888.

Сводя теперь вмѣстѣ полученныя ранѣе наблюденія надъ отдѣльными памятниками русской литературы XI—XII вв., мы можемъ вкратцѣ охарактеризовать «древнѣйшую эпоху» слѣдующими чертами. Съ внѣшней стороны, литература этого времени сосредоточивается главнымъ образомъ въ Кіевѣ, и примыкающіе къ нему другіе литературные центры не обнаруживаютъ сколько-нибудь замѣтной оригинальности. По содержанію и по формѣ литература эта довольно разнообразна, явившись таковою изъ Византіи черезъ посредство южно-славянской письменности. Общій ея характеръ—удовлетвореніе практическимъ потребностямъ времени и нравственно-религіознымъ запросамъ народа, только что обращеннаго въ христіанскую вѣру; отсюда—назидательный тонъ литературы и значительное единство общаго настроенія. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что по крайней мѣрѣ въ XII вѣкѣ мы замѣчаемъ уже и слѣды самостоятельной жизни, отраженіе реальныхъ условій дѣйствительности—любовь у русскихъ авторовъ къ родной землѣ и стремленіе обсуждать ея общіе интересы: таковы въ особенности Начальная Лѣтопись и Слово о Полку Игоревѣ. Хотя литературу этого времени нельзя считать совершенно космополитичной и лишенной патріотическаго настроенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя наблюдать въ ней и той яркой идейности въ общественномъ, политическомъ и культурномъ отношеніяхъ, которая отличаетъ литературныя явленія позднѣйшей эпохи. Въ собственно литературномъ отношеніи, мы замѣчаемъ въ «древнѣйшую эпоху» еще значительную слабость литературнаго сознанія, неясность и наивность воззрѣній авторовъ на сущность, характеръ и значеніе литературнаго труда. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ среды писателей выдѣляются нѣсколько замѣчательныхъ по своимъ литературнымъ дарованіямъ лицъ, обнаруживающихъ сравнительно большое напряженіе писательской энергіи и обусловившихъ впечатлѣніе свѣжести и непосредственности того литературнаго возбужденія, которое, несомнѣнно, наблюдается въ эпоху первыхъ двухъ столѣтій нашей литературной жизни.

II. Средніе вѣка (XII—XVI ст.).

Переходимъ къ «среднимъ вѣкамъ» нашей литературы, обнимающимъ собою время съ XIII по XVI стол. Здѣсь мы встрѣчаемся не только съ большимъ количествомъ памятниковъ, весьма разнообразныхъ по своему содержанію и по формѣ, но и съ наличностью болѣе ярко выраженныхъ настроеній, съ большей идейностью литературныхъ явленій, съ фактами болѣе тѣснаго соотношенія литературы и живой дѣйствительности. Причины указанныхъ обстоятельствъ лежатъ, главнымъ образомъ, въ общихъ условіяхъ тогдашней русской политической и общественной жизни, въ въ ростѣ культурныхъ интересовъ страны, въ умноженіи книжности и количества лицъ, посвящавшихъ себя литературному труду.

А. Литература Сѣверо-восточной Руси въ XIII—XIV вв.

1.

Паденіе Кіева и возникновеніе новыхъ литературныхъ центровъ.—Зарожденіе литературы на сѣверо-востокѣ Россіи въ XIII в.

Самымъ крупнымъ и характернымъ явленіемъ, имѣвшимъ весьма значительное вліяніе на ходъ литературы въ первую половину «среднихъ вѣковъ» и не оставшимся безъ вліянія на нее также и въ послѣдующее время, было перемѣщеніе главнаго культурнаго центра изъ Кіева на сѣверо-востокъ, потомъ въ Москву, и вмѣстѣ съ тѣмъ возникновеніе другихъ, менѣе значительныхъ мѣстныхъ центровъ просвѣщенія и литературы. Какъ уже было указано, и въ «кіевскій» періодъ не одинъ Кіевъ принималъ участіе въ созданіи литературы: таковы, напр., были Туровъ,

Галичъ, Новгородъ, Смоленскъ. Отъ Галича остались намъ почти исключительно памятники церковной письменности, интересные для исторіи языка; съ Туровомъ, и то весьма не ясно, связана дѣятельность Кирилла Туровскаго. Новгородъ даетъ намъ не только спорнаго Луку Жидяту, но и замѣчательные зачатки лѣтописанія въ очень раннюю эпоху, напр., Іоакимовскую Лѣтопись въ XI в. [1]), Лѣтопись священника Германа Вояты въ XII стол., описаніе путешествія Антонія въ XII—XIII в. и т. п. Смоленскъ, по извѣстіямъ XII вѣка, является, быть можетъ, благодаря своей близости къ западу, со слѣдами значительнаго по тому времени просвѣщенія: князь Романъ Мстиславичъ, внукъ Владиміра Мономаха (1160—1181), основалъ здѣсь училище, въ которомъ, по преданію, учили не только по-славянски, но и по-гречески и по-латыни. Родомъ изъ Смоленской области былъ извѣстный кіевскій митрополитъ Климентъ Смолятичъ въ половинѣ XII вѣка; лѣтописи отзываются о немъ какъ о «книжникѣ» и «философѣ», какого не бывало въ русской землѣ. Съ большой достовѣрностью приписывается ему Посланіе къ пресвитеру Ѳомѣ, обнаруживающее въ авторѣ недюжинную образованность и намекающее, повидимому, на другія его произведенія, писанныя «отъ Омира, отъ Аристотеля и отъ Платона» [2]). Для доказательства наличности книжныхъ интересовъ въ Смоленскѣ въ старую эпоху обыкновенно указывается также на Житіе Авраамія Смоленскаго (занимавшагося изслѣдованіемъ таинственныхъ «глубинныхъ книгъ»), написанное его ученикомъ, инокомъ Ефремомъ, при чемъ время жизни Авраамія разными изслѣдователями опредѣлялось различно. Новѣйшій издатель Житія Авраамія, С. П. Розановъ, относитъ жизнь и дѣятельность этого подвижника къ послѣдней четверти XII и первой четверти XIII столѣтія [3]). Въ нѣкоторомъ отношеніи является спорной историческая связь со Смоленскомъ красиваго сюжета «Повѣсти о Меркуріи Смоленскомъ», но литературный интересъ ея отъ этого нисколько не умаляется [4]). Связь между «св. Меркуріемъ», изображеннымъ въ этой повѣ-

---

[1]) А. Шахматовъ. Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вв. Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, стр. 183—186.

[2]) Н. К. Никольскій. О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича, писателя XII вѣка. Спб. 1892, стр. 104. Е. Е. Голубинскій, согласно своему общему взгляду на состояніе древне-русскаго просвѣщенія, относится къ этимъ указаніямъ совершенно отрицательно: И. Р. Ц., I, 1, изд. 2-е, стр. 846—851.

[3]) Памятники древне-русской литературы. Вып. I. Житія преподобнаго Авраамія Смоленскаго и службы ему. Приготовилъ къ печати С. П. Розановъ. Спб. 1912, стр. I.

[4]) Ѳ. Буслаевъ. Смоленская легенда о св. Меркуріи и ростовская о Петрѣ-царевичѣ Ордынскомъ. Историческіе очерки, II, 1861, стр. 172—198; А. Кадлубовскій. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. Р. Ф. В. 1898, № 1—2, стр. 96—159; П. Миндалевъ. Повѣсть о Меркуріи Смоленскомъ и былевой эпосъ. Сборникъ статей въ честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913, стр. 258—280, и замѣтка объ этой послѣдней статьѣ Л. Бѣлецкаго: Къ литературной исторіи Повѣсти о Меркуріи Смоленскомъ. Ж. М. Н. Пр., 1915, № 4.

сти, и преп. Авраамiемъ Смоленскимъ закрѣплена многими иконографическими изображенiями XVI—XVIII в. [1]). Во всякомъ случаѣ, извѣстное развитiе литературныхъ интересовъ въ Смоленскѣ XII—XIII вв. можетъ быть признано съ большой вѣроятностью [2]).

Паденiе Кiева, какъ литературнаго и просвѣтительнаго центра, давшаго обширную разсмотрѣнную нами литературу, подготовляется уже со второй половины XII вѣка: въ 1169 году Кiевъ подвергается разгрому со стороны Андрея Боголюбскаго, незадолго передъ тѣмъ оставившаго его и поселившагося во Владимiрѣ на Клязьмѣ; братъ и преемникъ его, Всеволодъ III Большое Гнѣздо, продолжаетъ его политику въ томъ же направленiи, а въ 1240 году Кiевъ является жертвой окончательнаго разгрома со стороны татаръ, отъ которыхъ владимiрскiй князь Ярославъ Всеволодовичъ получаетъ уже титулъ великаго князя, связанный прежде всегда съ Кiевомъ. Съ конца XIII в. изъ Владимiро-Суздальскаго княжества выдѣляется и дѣлается замѣтнымъ Московское княжество, основанное сыномъ Александра Невскаго Даниiломъ, а въ XIV вѣкѣ уже вполнѣ опредѣляется его политическое преобладанiе на сѣверо-востокѣ. Съ перенесенiемъ политическаго центра изъ Кiева, оттуда уходитъ на сѣверо-востокъ, вмѣстѣ съ князьями и духовенствомъ, значительная часть грамотнаго и книжнаго люда, нуждавшагося для своей дѣятельности въ покровительствѣ, поощренiи и безопасности; вмѣстѣ съ ними перешла изъ Кiева во Владимiръ, Суздаль, Ростовъ, Муромъ и, наконецъ, въ Москву также и литература.

Однако покончить съ Кiевомъ, какъ литературнымъ и культурнымъ центромъ, было не такъ легко, какъ съ центромъ политическимъ. Кiевъ былъ колыбелью русскаго христiанства и перваго русскаго просвѣщенiя; въ немъ создались и успѣли упрочиться извѣстныя литературныя традицiи; въ немъ пребывалъ полуразоренный, но все же сильный своей духовной мощью, славой и подвижничествомъ Печерскiй монастырь; вокругъ него находились мѣста, освященныя воспоминанiями прошлаго, дорогими сердцу всякаго русскаго человѣка, независимо отъ политическихъ симпатiй. Со всѣмъ этимъ порвать было трудно, да и не нужно: поэтому первыя попытки литературной дѣятельности на сѣверо-востокѣ въ началѣ XIII вѣка обнаруживаютъ на себѣ тѣсную связь съ Кiевомъ по содержанiю и духу произведенiй, по внѣшнимъ прiемамъ, по личности самихъ дѣятелей. Такимъ образомъ, на рубежѣ этихъ двухъ эпохъ—«древнѣйшей» и «средне-вѣковой»—стоитъ нѣсколько литературныхъ произведенiй, которыя съ извѣстнымъ основанiемъ можно отнести какъ къ Кiеву, такъ и къ сѣверо-востоку. Мы остановимся на трехъ изъ нихъ: зачаткахъ Кiево-Печерскаго Патерика, проповѣднической дѣятельности Серапiона Владимiрскаго и такъ называемомъ Моленiи Даниiла Заточника.

---

[1]) Изданiе г. Розанова, стр. XXIII—XXVI.

[2]) В. Ключевскiй. Древне-русскiя житiя святыхъ, какъ историческiй источникъ. М. 1871, стр. 54—55.

2.

Кіево-Печерскій Патерикъ; его основные элементы; посланія Симона и Поликарпа.— Историческая обстановка возникновенія Патерика и его историко-литературная цѣнность.

Уже изъ начальныхъ явленій древнѣйшей нашей агіографіи и лѣтописанія (Житія Антонія Печерскаго, Θеодосія Печерскаго, литературные труды преп. Нестора: стр. 14—20) можно видѣть важное просвѣтительное значеніе Кіевской Печерской обители. Въ самомъ дѣлѣ, она была виднымъ центромъ церковно-политической и литературной работы въ Кіевской Руси, притягательной и авторитетной святыней, мѣстомъ духовныхъ подвиговъ и молитвы [1]. Поэтому неудивительно, что рано возникла мысль увѣковѣчить дѣятельность подвижниковъ этой обители особымъ литературнымъ трудомъ, который долженъ былъ сохранить память о ней въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Такимъ трудомъ и явился Кіево-Печерскій Патерикъ.

Кіево-Печерскій Патерикъ, или «Отечникъ», представляющій собою собраніе разсказовъ о жизни и чудесахъ печерскихъ подвижниковъ, былъ одной изъ самыхъ популярныхъ книгъ древней русской письменности; если отдѣльныя житія такъ сильно привлекали вниманіе читателей, являясь вмѣстѣ занимательнымъ чтеніемъ и источникомъ духовно-нравственнаго назиданія и подражанія, то тѣмъ большую цѣну могъ имѣть цѣлый сборникъ такого рода разсказовъ, объединенныхъ именемъ знаменитой Печерской обители. Сборникъ этотъ, составленный по образцу и по идеѣ многихъ переводныхъ «отечниковъ» иноземнаго происхожденія, имѣетъ довольно длинную исторію. Онъ получилъ свой окончательный видъ лишь въ XVII вѣкѣ, когда, пройдя цѣлый рядъ рукописныхъ переработокъ [2], былъ напечатанъ въ 1661 году въ Кіевѣ «повелѣніемъ и благословеніемъ» тогдашняго архимандрита Кіево-Печерской Лавры Иннокентія Гизеля, по почину и при ближайшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ Кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова. Но возникновеніе основной части Кіево-Печерскаго Патерика относится къ первой четверти XII вѣка. По заключенію новѣйшаго изслѣдователя этого памятника [3], «зерно» его

---

[1]) Новѣйшія работы о ней: L. K. Goetz. Das Kiewer Höhlenkloster als Kulturcentrum des vormongolischen Russlands. Passau, 1904; М. Приселковъ. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв. Спб. 1913, стр. 165—405.

[2]) Митр. Макарій насчитывалъ ихъ десять редакцій: Обзоръ редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, преимущественно древнихъ. Изв. II Отд. Ак. Н. T. V (1856), стр. 129—167. Самой типичной и распространенной является такъ называемая 2-я Кассіановская редакція, составленная въ 1462 году «повелѣніемъ смиреннаго Кассіана, уставника Печерскаго»; недавно она получила научное изданіе подъ редакціей Д. И. Абрамовича: Памятники славяно-русской письменности, изд. Импер. Археографическою Комиссіею. II. Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря. Спб. 1911.

[3]) Д. Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ, стр. 1.

составляютъ: произведенія епископа Симона «Слово о созданіи церкви Печерской» и «Посланіе къ Поликарпу», Посланіе Поликарпа къ игумену Акиндину и Несторово «Слово о первыхъ черноризцахъ печерскихъ». Въ цѣльномъ и самостоятельномъ видѣ такая первичная редакція до насъ не дошла, но ее надо предполагать и приблизительно можно возстановить путемъ анализа позднѣйшихъ списковъ этого памятника, гдѣ эти статьи стоятъ особнякомъ. Принадлежность «Слова о первыхъ черноризцахъ печерскихъ» Нестору, извѣстному автору Житія Феодосія, въ ученой литературѣ оспаривается; но въ данномъ случаѣ этотъ вопросъ для насъ не имѣетъ большого значенія. Главнѣйшій интересъ представляютъ сочиненія двухъ другихъ участниковъ въ составленіи первичнаго типа Кіево-Печерскаго Патерика, потому что именно Симону и Поликарпу принадлежитъ дѣйствительная иниціатива въ этомъ дѣлѣ, и, быть можетъ, трудомъ Нестора о первыхъ подвижникахъ печерскихъ (Даміанѣ, Іереміи, Матѳеѣ и Исакіи) воспользовался Симонъ или кто-нибудь другой, въ качествѣ перваго редактора Печерскаго Патерика, желая освятить его авторитетнымъ именемъ извѣстнаго писателя и цѣня самый трудъ послѣдняго по его исторической важности и литературнымъ достоинствамъ.

Кто же были эти Симонъ и Поликарпъ, и что представляютъ собою ихъ сочиненія?

О Симонѣ мы знаемъ, что онъ, будучи постриженикомъ Кіево-Печерской обители, былъ сначала игуменомъ Рождество-Богородицкаго монастыря во Владимірѣ, а потомъ въ 1214 году посвященъ былъ въ санъ епископа Владимірскаго и Суздальскаго; скончался онъ 22 мая 1226 года. Въ Лѣтописи онъ характеризуется «милостивымъ» и «учительнымъ» [1]). О Поликарпѣ мы знаемъ лишь то, что онъ былъ также черноризцемъ Печерскаго монастыря и современникомъ Симона [2]). Такимъ образомъ, оба дѣятеля, изъ сочиненій которыхъ сложилось главное содержаніе начальной редакціи Кіево-Печерскаго Патерика, были объединены принадлежностью нѣкогда ихъ обоихъ къ знаменитой обители, при чемъ Симонъ, которому принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ главная роль, дѣйствовалъ и провелъ значительную часть своей жизни на сѣверо-востокѣ, вдали отъ Кіева.

Порядокъ написанія всѣхъ трехъ произведеній, по мнѣнію г. Абрамовича, былъ таковъ: «Слово» Симона о созданіи церкви Печерской составлено не ранѣе 1222 года, а время написанія его Посланія къ Поликарпу падаетъ на промежутокъ между 8 сентября 1225 года и 22 мая 1226 г.; о Посланіи же Поликарпа къ Акиндину можно сказать только то, что оно составлено не ранѣе полученія Поликарпомъ отъ Симона его Слова о созданіи церкви Печерской и до кончины самого Симона, т. е. между 1222 и 1226 годами [3]). Слово или сказаніе о созданіи церкви Печерской [4])

---

[1]) Тамъ же, стр. XXIII—XXIV.

[2]) Тамъ же, стр. XXVIII.

[3]) Тамъ же, стр. XXVII—XXIX.

[4]) Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ. Изд. Влад. Яковлевымъ. Спб. 1872, стр. CX—CXXVI.

представляетъ собою разсказъ о цѣломъ рядѣ замѣчательнѣйшихъ событій въ начальной жизни Печерской обители, даетъ въ литературномъ отношеніи весьма интересныя черты [1]) и оканчивается назидательнымъ обращеніемъ къ «брату Поликарпу», жившему тогда въ монастырѣ, который служилъ нѣкогда спасительнымъ пріютомъ и для самого автора Слова; послѣднее, такимъ образомъ, имѣетъ въ сущности форму письма къ Поликарпу, какъ и самое «Посланіе». Намъ думается, что нѣтъ положительныхъ основаній къ тому, чтобы выдѣлять это «слово» или «сказаніе» въ особое произведеніе: оно могло быть прибавкомъ къ повѣствовательной части «Посланія» и, слѣдовательно, написано или послано одновременно съ послѣднимъ [2]). Самое «Посланіе» [3]) раздѣляется на двѣ части: первая представляетъ личное обращеніе къ Поликарпу, а вторая является какъ бы приложеніемъ къ нему и заключаетъ въ себѣ девять разсказовъ о святыхъ подвижникахъ печерскихъ. Посланіе Поликарпа [4]) состоитъ изъ краткаго вступленія, въ видѣ обращенія къ игумену Печерскаго монастыря Акиндину, и затѣмъ одиннадцати разсказовъ о святыхъ подвижникахъ этой обители.

Обратимся къ содержанію обоихъ посланій.

Чѣмъ вызвано посланіе Симона, объ этомъ можно лишь догадываться, за неимѣніемъ положительнаго свидѣтельства самого автора. Въ первой части посланія есть любопытныя указанія на личность Поликарпа. Повидимому, онъ былъ или любимымъ ученикомъ Симона по монашеству, или его близкимъ родственникомъ. Очевидно, это была натура способная, кипучая, честолюбивая и неуживчивая. Будучи черноризцемъ печерскимъ, Поликарпъ пріѣзжалъ изъ Кіева къ Симону во Владиміръ и затѣмъ вскорѣ возвратился назадъ. Онъ стремился къ власти и дважды получалъ мѣсто игумена, но затѣмъ снова возвращался въ монастырь; возвратившись въ послѣдній разъ, онъ однако же не успокоился, критиковалъ окружающее, былъ недоволенъ и представлялъ себя человѣкомъ преслѣдуемымъ и обиженнымъ. Свое настроеніе Поликарпъ высказалъ въ письмѣ къ Симону, которое до насъ однако же не дошло: мы узнаемъ о немъ изъ отвѣтнаго посланія Симона. Это посланіе имѣетъ характеръ строгаго обличенія и наставленія; въ немъ Симонъ пишетъ не только какъ къ низшему себя по положенію, но и какъ къ близкому человѣку. Онъ упрекаетъ Поликарпа за попытки оставить Печерскій монастырь, обличаетъ его гордость и честолюбивые замыслы, радуется его раскаянію. Симонъ проникнутъ чувствомъ величайшаго благоговѣнія къ Печерской обители, какъ мѣсту своихъ иноческихъ подвиговъ, и старается внушить это чувство Поликарпу: «Азъ

---

[1]) Яковлевъ, В. Древне-кіевскія религіозныя сказанія. Варшава, 1875, стр. 127—135.

[2]) Соображенія объ отдѣльныхъ частяхъ этого произведенія см. у Шахматова: Кіево-Печерскій Патерикъ и Печерская Лѣтопись. Изв. II Отд. Ак. Н., II (1897), кн. 3, стр. 797.

[3]) Памятники русской литературы XII и XII вѣковъ, стр. LXXXV—CXXIV.

[4]) Тамъ же, стр. CXXVI—CLXXXVI.

быхъ радъ — говоритъ онъ — оставилъ свою епископью и работалъ игумену, но вѣси, кая вещь обдержитъ мя... И кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа Симона и сея соборныя церкви красоты Владимерскія и другія Суздальскія церкви, юже самъ создахъ. Колико имѣета градовъ и селъ и десятину собираютъ по всей земли той, а тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость. Си вѣсть, глаголю тебѣ, яко всю сію славу и честь яко калъ вмѣнилъ быхъ, и аще бы ми сметіемъ валятися въ Печерскомъ монастыри и попираему быти человѣкы, то лучше бы ми времяныя сея чести единъ день въ дому Божія матери наче тысящи лѣтъ, и въ немъ же изволилъ быхъ пребывати, наче нежели жити ми въ селѣхъ грѣшничихъ» [1]). Этими словами оканчивается та часть посланія Симона, которая заключаетъ въ себѣ собственно обращеніе къ Поликариу, и далѣе идутъ разсказы о печерскихъ угодникахъ. Посланіе Поликарпа, обращенное къ своему игумену, архимандриту Акиндину, не заключаетъ въ себѣ прямого отвѣта на посланіе Симона, но является его органическимъ дополненіемъ; разсказы Поликарпа ни въ чемъ не повторяютъ Симона: онъ говоритъ именно о тѣхъ подвижникахъ, о которыхъ умолчалъ Симонъ. Тонъ Поликарпа въ обращеніи къ Акиндину чрезвычайно почтительный и смиренный; передъ нами какъ будто совсѣмъ другой человѣкъ, нежели тотъ, о которомъ приходится догадываться по недошедшему до насъ письму его къ Симону и по отвѣту послѣдняго. О Симонѣ онъ упоминаетъ, ссылаясь на его разсказы о святыхъ, послужившихъ матеріаломъ для повѣствованія самого Поликарпа. Наконецъ, въ этомъ краткомъ обращеніи Поликарпъ не забываетъ дать отвѣтъ и на тотъ естественный вопросъ—зачѣмъ пишетъ инокъ своему игумену, когда они оба живутъ или жили въ одномъ монастырѣ и могли, вѣроятно, видѣться и лично бесѣдовать? Оказывается, что Акиндинъ самъ нѣкогда спрашивалъ его о печерскихъ подвижникахъ,—очевидно, мало зная о нихъ,—и Поликарпъ въ бывшей личной бесѣдѣ съ игуменомъ стѣснялся и «множайши забыхъ отъ страха», а письменная форма давала ему возможность избѣжать этой неловкости, усугубляемой еще «грубостью и неизящнымъ нравомъ» Поликарпа.

Конечно, мы не можемъ довѣрять этимъ объясненіямъ Поликарпа. Онъ былъ совсѣмъ не изъ тѣхъ, чтобы особенно стѣсняться въ присутствіи игумена, желавшаго услышать отъ него разсказы о томъ, что самому игумену, по его словамъ, было мало извѣстно. Это послѣднее обстоятельство является также болѣе или менѣе сомнительнымъ, въ виду сравнительной молодости Поликарпа и офиціальнаго положенія въ монастырѣ Акиндина. Да и вообще вся эта переписка производитъ съ внѣшней стороны характеръ чего-то искусственнаго: напр., разсказы о святыхъ, приложенные Симономъ, въ очень малой степени подтверждаютъ назидательныя и обличительныя мысли его противъ Поликарпа и являются чѣмъ-то какъ бы постороннимъ. Наконецъ, самое несовпаденіе даже въ мелочахъ обоихъ разсказовъ о подвижникахъ—Симона и Поликарпа—наводитъ на сомнѣніе въ томъ, чтобы произведенія эти въ самомъ дѣлѣ были

---

[1]) Тамъ же, стр. XC—XCI.

дѣйствительными посланіями. Поэтому, намъ кажется совершенно правильной мысль Е. Е. Голубинскаго, что посланія эти составляютъ лишь литературную форму и что разсказы о печерскихъ подвижникахъ предназначены были не для Поликарпа и Акиндина, а для болѣе широкаго круга читателей [1]). Съ этой точки зрѣнія можетъ возникнуть вопросъ о степени и характерѣ дѣйствительнаго участія Симона и Поликарпа въ составленіи ихъ «посланій», но онъ остается пока открытымъ за недостаткомъ опредѣленныхъ данныхъ въ самой литературной исторіи этихъ произведеній. Итакъ, основная часть Кіево-Печерскаго Патерика составлена въ первой четверти XIII вѣка изъ произведеній, написанныхъ на половину на сѣверо-востокѣ и на половину въ Кіевѣ; участниками въ этой работѣ являются постриженики Печерской обители; починъ въ дѣлѣ принадлежитъ, повидимому, Симону; весь трудъ предпринятъ съ цѣлью не личной переписки, а желанія дать разсказамъ о Печерскомъ монастырѣ и его подвижникахъ распространеніе въ болѣе широкой средѣ читателей; идея произведенія—назиданіе въ благочестивой и подвижнической жизни путемъ живыхъ примѣровъ. Далѣе, можно спросить: почему такой спеціальный по своему мѣстному характеру и содержанію памятникъ не былъ составленъ всецѣло на югѣ и въ болѣе раннее время? На этотъ вопросъ академикъ Истринъ даетъ отвѣтъ, что раньше, «очевидно, не чувствовалось въ немъ нужды, а какъ только Симонъ попалъ на сѣверо-востокъ, такъ и почувствовалась въ немъ нужда», что, слѣдовательно, «какъ памятникъ литературный, Печерскій Патерикъ входитъ въ составъ сѣверо-восточной литературы первой четверти XIII вѣка»; наконецъ, дальнѣйшая судьба этого памятника показываетъ, что онъ «принадлежитъ всецѣло къ сѣверо-востоку, вплоть до второй половины XV вѣка» [2]). Эта точка зрѣнія объ участіи сѣверо-востока въ дѣлѣ возникновенія такого памятника, какъ Кіево-Печерскій Патерикъ, можетъ быть принята, но безъ того преувеличенія, къ которому привело В. М. Истрина, повидимому, его увлеченіе полемикой съ представителями украинофильской школы, желающими все относить къ югу. Не надо забывать все-таки, что Несторъ и Поликарпъ писали въ Кіевѣ и что перомъ Симона также водили воспоминанія о Кіевѣ и воодушевленіе его святынями. Правильнѣе считать основу Кіево-Печерскаго Патерика, на сколько намъ извѣстны условія ея возникновенія, такимъ памятникомъ, который принадлежитъ одновременно сѣверо-востоку и югу, созданъ во всякомъ случаѣ на почвѣ южныхъ литературныхъ преданій, явился продолженіемъ кіевской агіографической литературы предшествующаго времени и запечатлѣнъ именемъ одного изъ типичнѣйшихъ участниковъ послѣдней—преп. Нестора. Что касается, наконецъ, мысли о томъ, что Патерикъ возникъ по побужденіямъ внутренняго характера, имѣвшимъ мѣсто на сѣверо-востокѣ, то тутъ мы имѣемъ дѣло лишь съ привлекаю-

---

[1]) Исторія русской церкви. Т. I, перев. пол., 2-е изд., стр. 759—762.

[2]) Изъ области древне-русской литературы. Ж. М. Н. Пр., 1905. № 8, стр. 285.

щей своей новизной догадкой. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно доказать, что именно на сѣверо-востокѣ въ первой четверти XIII вѣка «почувствовалась нужда» въ назидательныхъ примѣрахъ изъ жизни кіевскихъ подвижниковъ? Пока ничѣмъ. Скорѣе, покинутый и разоренный Кіевъ могъ нуждаться въ такомъ отвлеченіи благочестивой мысли къ славному прошлому при безотрадности настоящаго, чѣмъ политически юный сѣверо-востокъ, жившій новой жизнью, поглощенный современностью и имѣвшій передъ собою въ будущемъ привлекательныя перспективы своей собственной культурной и литературной жизни.

Каковы же тѣ живые примѣры назиданія, тѣ разсказы о жизни святыхъ подвижниковъ, которые составляютъ самое существо Кіево-Печерскаго Патерика?

У Симона помѣщены слѣдующіе разсказы: 1. Объ Онисифорѣ пресвитерѣ и недостойномъ инохѣ. 2. Объ Евстратіи постникѣ. 3. О Никонѣ многотерпѣливомъ и сухомъ. 4. О священномученикѣ Кукшѣ и Пименѣ постникѣ. 5. Объ Аѳанасіи затворникѣ. 6. О преподобномъ Святошѣ, князѣ Черниговскомъ. 8. О черноризцѣ Еразмѣ. 8. О черноризцѣ Ареѳѣ. 9. О Титѣ священникѣ и Евагріи діаконѣ. Кромѣ того, въ «Словѣ о созданіи церкви Печерской» разсказано о князѣ варяжскомъ Шимонѣ, о бояряхъ-инокахъ Іоаннѣ и Сергіѣ. Въ посланіи Поликарпа разсказано о слѣдующихъ лицахъ: 1. О Никитѣ затворникѣ. 2. О Лаврентіи затворникѣ. 3. О святомъ Агапитѣ, безмездномъ врачѣ. 4. О св. Григоріи чудотворцѣ. 5. Объ Іоаннѣ затворникѣ. 6. О Моисеѣ Угринѣ. 7. О Прохорѣ лебедникѣ. 8. О Маркѣ печерникѣ. 9. О Ѳеодорѣ и Василіи. 10. О Спиридонѣ просфорникѣ и Олимпіи иконописцѣ. 11. О многострадальномъ Пименѣ.

Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ: (Сим. 1). У Онисифора былъ одинъ духовный сынъ и другъ изъ числа монаховъ, который по наружности являлся подражателемъ святого, казался цѣломудреннымъ и постникомъ, но втайнѣ ѣлъ и пилъ неумѣренно и жилъ скверно, что утаилось отъ его духовнаго отца. Въ одинъ день онъ внезапно умеръ, и отъ тѣла его пошелъ такой смрадъ, что никто не могъ терпѣть. Хотѣли было выбросить его вонъ изъ пещеры, гдѣ онъ былъ съ трудомъ погребенъ, но по молитвѣ святого, которому было открыто въ видѣніи о причинѣ смрада, послѣдній пропалъ, и явившійся преп. Антоній сказалъ Онисифору: «смиловался я надъ душой этого брата, потому что не могу нарушить обѣта моего; я обѣщался вамъ, что всякій, положенный здѣсь, будетъ помилованъ, хотя бы и грѣшенъ былъ; никто изъ монастыря этого не будетъ осужденъ на муку...»—(Сим. 3). Никонъ, взятый въ плѣнъ половцами вмѣстѣ съ Евстратіемъ, не хотѣлъ, чтобы его выкупили, какъ то готовы были сдѣлать родственники и сторонніе, а желалъ терпѣть для Господа. За это половцы мучили его безъ всякой милости. Наконецъ, послѣ трехлѣтнихъ страданій, онъ невидимо былъ освобожденъ изъ плѣна и перенесенъ въ Печерскій монастырь, въ которомъ послѣ того долго оставался въ живыхъ, весь изсохшій и сгнившій отъ ранъ, полученныхъ въ плѣну.—(Сим. 6). Святоша (Святославъ), князь Черниговскій, былъ сынъ Да-

вида и внукъ Святослава Черниговскихъ, правнукъ Ярослава Великаго. Онъ былъ между князьями первый, добровольно постригшійся въ монахи, и единственный, постригшійся не передъ смертью, а еще задолго до нея, съ цѣлью быть настоящимъ инокомъ. Принявъ монашество съ именемъ Николая въ Печерскомъ монастырѣ, онъ неисходно прожилъ въ немъ 36 лѣтъ, прошелъ должности повара и вратаря и все время монашества провелъ въ вольной убогой нищетѣ и подвигахъ поста, за что удостоился дара прозрѣнія и чудотвореній.—(Сим. 8). Черноризецъ Ареѳа, имѣя большое богатство, былъ чрезвычайно скупъ, такъ что и самого себя морилъ голодомъ. Въ одну ночь воры покрали все его богатство, отъ чего онъ впалъ въ великое отчаяніе, не желая слышать никакихъ увѣщаній и утѣшеній братіи. Но Господь, который хочетъ всѣхъ спасти, вразумилъ его посредствомъ видѣнія пришедшихъ къ нему ангеловъ и діаволовъ. Послѣ этого онъ покаялся, а пропавшее серебро было вписано ангелами въ милостыню.—(Пол. 1). Никита затворникъ, желая пріобрѣсти у людей славу, несмотря на запрещенія и увѣщанія игумена, удалился въ затворъ. Но скоро, какъ предрекалъ игуменъ, онъ прельщенъ былъ бѣсомъ, который являлся ему въ образѣ ангела и при помощи котораго Никита дѣйствительно прославился у людей. Наконецъ, изъ его отвращенія къ книгамъ Новаго Завѣта, которыхъ онъ не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать, ни читать, было познано, что онъ прельщенъ нечистой силой. Святые отцы, собравшись къ прельщенному и помолившись надъ нимъ, прогнали отъ него бѣса. Послѣ этого, вышедъ изъ затвора, Никита предалъ себя на воздержаніе, послушаніе и смиренное житіе. Потомъ онъ сдѣлался Новгородскимъ епископомъ.—(Пол. 3). Агапитъ, бывшій въ монастырѣ еще при Антоніи, имѣлъ даръ врачеванія и многимъ изъ братіи подавалъ помощь. Былъ въ это время нѣкій врачъ, родомъ армянинъ, умѣвшій точно предсказывать день смерти больныхъ; но однажды больной, обреченный армяниномъ на смерть черезъ 8 дней, былъ исцѣленъ Агапитомъ. Армянинъ сталъ ненавидѣть Агапита и искалъ случая ему отомстить; давалъ ему отравное зѣлье, но тотъ пилъ его безъ вреда. Между тѣмъ разболѣлся князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, и такъ какъ армянинъ не могъ его вылечить, то былъ приглашенъ Агапитъ; дѣло увѣнчалось успѣхомъ, но Агапитъ не хотѣлъ взять за это отъ князя никакого вознагражденія и лишь послѣ долгихъ уговоровъ согласился, чтобы принесенное ему золото было роздано нищимъ. Когда затѣмъ заболѣлъ самъ Агапитъ, то армянинъ предсказалъ ему смерть черезъ 3 дня, а Агапитъ—лишь черезъ три мѣсяца; между тѣмъ, когда армянинъ заболѣлъ самъ, то обратился за помощью къ Агапиту, послѣ смерти котораго въ предсказанный имъ трехмѣсячный срокъ, проникшись уваженіемъ къ святости Агапита, вступилъ въ монастырь. — (Пол. 6). Моисей Угринъ, братъ убитаго вмѣстѣ со св. Борисомъ на Альтѣ, бѣжалъ въ Польшу, понравился тамъ одной очень богатой и знатной вдовѣ, которая непремѣнно желала его имѣть своимъ мужемъ. Но Моисей рѣшительно отказался отъ этого, увидавъ въ этомъ полную для себя погибель, и устоялъ на своемъ даже и тогда, когда полька купила его себѣ въ качествѣ раба и подвергла его мученіямъ. Претерпѣвъ жестокія муки, Моисей вернулся въ

Печерскій монастырь и врачевалъ тамъ силой Божіей недугъ плотской страсти [1]).

Что касается историческаго значенія Кіево-Печерскаго Патерика, то оно внѣ всякаго сомнѣнія. Конечно—какъ это было уже указано, когда шла рѣчь о первыхъ явленіяхъ агіографической литературы XI—XII вѣковъ—не слѣдуетъ упускать изъ виду подражательности этихъ разсказовъ о подвижникахъ византійскимъ образцамъ не только въ литературной манерѣ, но и въ содержаніи, вслѣдствіе чего многія черты являются въ нихъ не отраженіемъ дѣйствительности, но слѣдами книжной начитанности авторовъ и слуховъ о подвижникахъ, также съ чертами извнѣ заимствованными и фантастическими; но, съ другой стороны, и самая жизнь русскихъ подвижниковъ складывалась въ значительной степени по чужеземнымъ образцамъ, съ которыми они знакомились изъ переводныхъ патериковъ и изъ разсказовъ бывалыхъ людей. Независимо отъ этого, въ нашемъ Патерикѣ проскальзывали и живыя черты дѣйствительности. Изъ разсказовъ о подвижникахъ мы знаемъ о томъ, какъ жили въ монастырѣ иноки, чѣмъ они занимались, какова была внѣшняя обстановка этой жизни, кто посѣщалъ монастырь изъ постороннихъ, какъ относились къ монастырю князья, высшее духовенство и бояре, изъ какихъ сословій поступали въ монашество и т. п. Конечно, въ цѣляхъ составителей Патерика прежде всего лежала мысль о возвеличеніи подвижниковъ и мѣста ихъ подвиговъ, о побужденіи къ подражанію послѣднимъ, но тѣмъ драгоцѣннѣе являются для историка отрицательныя черты этой жизни, попавшія въ разсказы такъ сказать сами собою, въ силу своей фактичности. Такимъ образомъ, мы видимъ тутъ примѣры любостяжательности, непримиримой вражды, тщеславія и т. д. Аѳанасія затворника братія не спѣшитъ погребать, потому что онъ былъ бѣденъ; Ареѳа былъ такъ скупъ, что готовъ былъ ради умноженія своихъ сбереженій умереть съ голоду. Инокъ изъ бояръ Сергій, получивъ передъ смертью своего духовнаго брата деньги, съ просьбой отдать ихъ потомъ сыну покойнаго, отказывается отъ исполненія даннаго имъ умиравшему обѣщанія и обличенъ въ этомъ иконою Богоматери. Титъ и Евагрій такъ ненавидѣли другъ друга, что даже передъ смертью перваго второй не хотѣлъ съ нимъ примириться. Никита, желая пріобрѣсти мірскую славу, удаляется въ затворъ. Съ другой стороны—великій князь Святополкъ, съ цѣлью воспользоваться народнымъ бѣдствіемъ, позволяетъ ограбить инока Прохора; князь Мстиславъ подвергаетъ пыткамъ ни въ чемъ неповиннаго инока Ѳеодора, а князь Ростиславъ, по дорогѣ на богомолье въ Печерскій монастырь, позволяетъ своей свитѣ «ругаться» надъ преп. Григоріемъ и, недовольный его предсказаніями, велитъ даже связать ему руки и ноги и съ камнемъ на шеѣ бросить его въ воду; бояринъ Василій не вѣритъ въ св. мощи, и многіе не хотятъ вѣрить въ истинность чудесъ, творимыхъ инокомъ Ѳеодоромъ по молитвамъ преп. Антонія и Ѳеодосія [2]). Все это—живыя черты современности, драгоцѣнныя для историка.

---

[1]) Голубинскій. И. Р. Ц., I, перв. пол., 2 изд., стр. 765—770.

[2]) Абрамовичъ. Д., назв. соч., стр. 190—204.

3.

Серапіонъ Владимірскій; содержаніе и характеръ его поученій.

Съ этимъ именемъ связывается представленіе о самомъ яркомъ выразителѣ такого теченія въ древне-русской учительной литературѣ, въ силу котораго проповѣдникъ вносилъ въ рамки обязательной схемы обличеній живыя черты современности, не увлекаясь высокимъ, но отвлеченнымъ и сухимъ краснорѣчіемъ византійскихъ образцовъ. О жизни его мы знаемъ то, что въ 1274 году, когда Серапіонъ былъ Печерскимъ архимандритомъ, Кіевскій митрополитъ Кириллъ II поставилъ его епископомъ Владимірскимъ, Суздальскимъ и Нижегородскимъ, а въ слѣдующемъ 1275 году Серапіонъ скончался и былъ похороненъ во Владимірѣ. Кромѣ того, въ Лѣтописи сохранилось извѣстіе, что онъ былъ «учителенъ зѣло въ божественномъ писаніи». По достовѣрнымъ даннымъ, Серапіону принадлежатъ пять поученій, сохранившихся въ двухъ знаменитыхъ сборникахъ конца XIV в. «Златая Цѣпь» (первыя четыре поученія) и такъ наз. «Паисіевскій Сборникъ» (пятое поученіе); всѣ эти пять поученій въ древнѣйшихъ спискахъ носятъ на себѣ имя ихъ автора. Въ ученой литературѣ были попытки приписать Серапіону и нѣкоторыя другія поученія, но безъ достаточныхъ основаній [1]).

Первое изъ пяти поученій Серапіона было произнесено или составлено около 1230 года, остальныя же, вѣроятно, въ самые послѣдніе годы жизни проповѣдника. Въ своихъ поученіяхъ Серапіонъ, кромѣ обычныхъ обличеній, вытекавшихъ изъ подчиненія указанной проповѣднической схемѣ, даетъ еще много мѣста яркому изображенію татарскаго нашествія и тяжелыхъ послѣдствій его для Россіи; онъ является искреннимъ и краснорѣчивымъ выразителемъ того покаяннаго настроенія, которое овладѣло въ ту пору многими русскими умами, видѣвшими въ татарскомъ погромѣ олицетвореніе Божьяго гнѣва за грѣхи, хотя мысль эта о причинной связи земныхъ несчастій съ грѣховной жизнью лежала въ основѣ общаго религіознаго міровоззрѣнія той эпохи, и Серапіонъ далъ ей лишь яркія формы изъ наблюденій живой дѣйствительности. Четвертое и пятое поученія, кромѣ этихъ особенностей, заключаютъ въ себѣ еще указанія на два замѣчательныхъ факта тогдашней народной жизни: практиковавшееся испытаніе «вѣдьмъ» холодной водой и истребленіе ихъ огнемъ (четвертое поученіе) и затѣмъ—выгребаніе изъ земли похороненныхъ утопленниковъ, которые, по народному повѣрію, могли вредить благопріятной погодѣ и урожаю (пятое поученіе). Внесеніе въ свою проповѣдь этихъ чертъ народнаго быта и высоко-гуманная точка зрѣнія, проявленная проповѣдникомъ при ихъ обличеніи, выдѣляютъ въ глазахъ историка литературы незаурядную личность Серапіона, какъ человѣка и какъ писателя. Не обладая большой ученостью, отсутствіе которой самымъ благопріятнымъ образомъ сказалось на простотѣ и доступности его поученій, Серапіонъ однако же владѣлъ извѣстной долей тогдашняго образованія, интересовался

---

[1]) Пѣтуховъ, Е. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888, стр. 7—16.

современной жизнью на Руси и за ея предѣлами, задумывался надъ странными событіями своей эпохи и высказывался по ихъ поводу. Въ своихъ поученіяхъ Серапіонъ обнаружилъ способность стать выше господствующихъ понятій и внесть въ ихъ содержаніе такіе глубоко-интересные вопросы народныхъ нравовъ и психологіи, которые обезпечили его произведеніямъ важное историческое значеніе. Формой своихъ проповѣдей онъ примыкаетъ къ тому теченію въ нашей учительной литературѣ, которое характеризуется простотой, непосредственностью и отсутствіемъ искусственныхъ пріемовъ книжнаго ораторства и къ которому на первыхъ шагахъ существованія нашей учительной литературы принадлежатъ также поученія Луки Жидяты и Ѳеодосія Печерскаго, много уступающія въ другихъ отношеніяхъ плодамъ выдающагося литературнаго дарованія Серапіона. Съ другой стороны, по своей литературной манерѣ, Серапіонъ является полной противоположностью Иларіону и въ особенности Кириллу Туровскому, въ трудахъ которыхъ сказалось вліяніе другого, искусственнаго, теченія русской учительной литературы древнѣйшей эпохи.

Что касается положенія Серапіона относительно южной или сѣверо-восточной литературной области, то оно приблизительно такъ же двойственно, какъ и положеніе Кіево-Печерскаго Патерика. Въ самомъ дѣлѣ, Серапіонъ былъ архимандритомъ Печерскаго монастыря и, быть можетъ, его постриженикомъ, о чемъ мы не имѣемъ свѣдѣній; епископствовалъ онъ во Владимірѣ и Суздалѣ; его проповѣдническіе труды могутъ быть пріурочены то къ югу, то—вѣроятно, въ большей своей части—къ сѣверо-востоку; откуда былъ родомъ Серапіонъ—мы не знаемъ, да это и не представляется особенно важнымъ въ данномъ случаѣ. Общій характеръ и содержаніе его произведеній таковы, что скорѣе располагаютъ отнести этого проповѣдника къ сѣверо-востоку, нежели къ Кіеву; въ частности, свѣдѣнія о волхвахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ четвертомъ поученіи, пріурочиваются, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, гораздо болѣе къ сѣверо-востоку (Ростовъ, Суздаль) и къ сѣверу (Новгородъ), чѣмъ къ югу [1]). Поэтому, намъ представляется болѣе естественнымъ отнести Серапіона въ категорію тѣхъ писателей Сѣверо-восточной Руси XIII вѣка, которые являются соединительнымъ звеномъ между сѣверо-востокомъ и Кіевомъ, придерживаются литературныхъ традицій кіевской школы, но живутъ новой жизнью и черпаютъ изъ нея матеріалы для своихъ наблюденій и писательства.

4.

Моленіе Даніила; спорные пункты въ пониманіи этого произведенія; его научная разработка; первоначальный составъ памятника и позднѣйшія передѣлки; его историческое значеніе.

Вопросъ объ этомъ интересномъ и своеобразномъ памятникѣ принадлежитъ къ числу весьма запутанныхъ и имѣетъ свою длинную исторію въ научной литературѣ.

---

[1]) Ср. у Пѣтухова, назв. соч., стр. 57—62.

Первое указаніе на «Моленіе» или «Слово» Даніила и обнародованіе его, хотя и съ нѣкоторыми пропусками, принадлежитъ Карамзину въ его «Исторіи». Болѣе полное изданіе сдѣлано было въ 1821 году К. О. Калайдовичемъ въ извѣстномъ сборникѣ «Памятники россійской словесности XII вѣка». Затѣмъ послѣдовалъ рядъ работъ относительно этого памятника какъ по опубликованію новыхъ списковъ, такъ и по историко-литературной оцѣнкѣ со стороны Д. Н. Толстого, В. М. Ундольскаго, П. А. Безсонова, И. Я. Порфирьева и др., нашедшій себѣ объединеніе въ изданіи И. А. Шляпкина: Слово Даніила Заточника по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями. Спб. 1889 (Пам. Др. Письм. № LXXXI). Названная работа г. Шляпкина какъ бы заканчиваетъ собою первый періодъ въ изученіи этого памятника. Результаты были таковы. Установлены были двѣ редакціи памятника, изъ которыхъ первая, т.-е. первоначальная («Слово»), отнесена была къ XII вѣку, а вторая («Моленіе»), составляющая ея передѣлку, къ XIII. Первая представлена была четырьмя списками: Толстовскимъ, Калайдовича, Академическимъ и Морозовскимъ—всѣ не моложе XVI вѣка, а вторая имѣлась въ двухъ спискахъ: Чудовскомъ и Ундольскаго, причемъ послѣдній писанъ былъ въ XV вѣкѣ и являлся самымъ древнимъ изъ всѣхъ сдѣлавшихся извѣстными списковъ этого памятника. Остальные два списка, Соловецкій и Д. Н. Толстого [1]), не представляли особеннаго интереса, такъ какъ «Моленіе» въ нихъ являлось явной передѣлкой значительно болѣе поздняго времени, и потому они не могли имѣть существеннаго значенія въ разрѣшеніи вопросовъ, возникавшихъ вокругъ памятника столь отдаленной эпохи. Кромѣ того, со времени статьи Безсонова (1856) признавалось, что ни одна изъ этихъ двухъ редакцій не представляетъ собою первоначальнаго вида памятника, но что ближе къ послѣднему стоитъ все-таки I редакція, а II редакція является съ менѣе древними чертами. Затѣмъ, считалось болѣе или менѣе принятымъ, что I редакція имѣетъ подъ собою дѣйствительный фактъ обращенія нѣкоего Даніила, заточеннаго на озерѣ Лачѣ, къ князю, каковымъ считали одни Юрія Долгорукаго (1108—1157), другіе—Ярослава Владиміровича, правнука Владиміра Мономаха (1182—1199), третьи—Андрея Владиміровича Добраго (1102—1141), владѣвшаго Переяславлемъ въ 1135—1141 годахъ; II редакція имѣла

---

[1]) Списокъ гр. Д. Н. Толстого, не достаточно точно напечатанный его владѣльцемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 т. XXII и столь же неточно воспроизведенный въ изданіи Шляпкина, находится въ настоящее время въ Воронежскомъ Губернскомъ Музеѣ, и изданіе его, въ болѣе исправномъ видѣ, повторено А. Назаревскимъ въ Кіевскихъ Унив. Извѣст. 1912 № 8 (Отчетъ о занятіяхъ въ Воронежскомъ Губернскомъ Музеѣ, стр. 40—45). Кромѣ того, въ послѣднее время проф. М. Н. Сперанскій напечаталъ новый списокъ произведенія Даніила по рукописи Историческаго Музея въ Москвѣ, изъ собранія И. Е. Забѣлина, конца XVII вѣка; этотъ списокъ по составу примыкаетъ къ Толстовскому списку, но представляетъ, сравнительно съ нимъ, еще больше сокращеній и отклоненій отъ первоначальнаго вида этого памятника: Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. унив. 1913, кн. 2, смѣсь, стр. 26—29.

чисто литературное происхожденіе: имя автора этой передѣлки неизвѣстно, адресатомъ же явился князь Ярославъ Всеволодовичъ, владѣвшій Переяславлемъ Южнымъ-Рязанскимъ (ум. въ 1246 году). Рядомъ съ этимъ высказывалась и такая точка зрѣнія (Е. Модестовымъ въ «Ж. М. Н. Пр.» 1880 № 11), что вообще «Моленіе» лишено исторической основы, а является лишь литературной формой съ произвольными именами автора и князей. Раздѣляя этотъ взглядъ, В. Щуратъ («Записки Наукового Товариства имени Шевченка», т. IX, 1896) высказалъ предположеніе, что на появленіе «Моленія» могли повліять византійскія произведенія, вродѣ просительныхъ поэмъ Михаила Глики XII в. и его современника Өеодора Птохопродрома.

Съ 1896 года обнаруживается рѣзкій поворотъ въ изученіи и истолкованіи «Моленія» Даніила. Начало этому положено было А. І. Лященкомъ въ его статьѣ «О времени написанія Слова Даніила Заточника» («Труды Рижскаго Археологическаго Съѣзда». Т. I. М. 1896. Ср. его же «О Моленіи Даніила Заточника. Спб. 1896»). Авторъ не отдаетъ предпочтенія, въ смыслѣ древности, ни одной изъ двухъ редакцій памятника, усматривая въ каждой изъ нихъ «древнѣйшія черты»; онъ обращаетъ главное свое вниманіе на лицо, къ которому обращенъ памятникъ. Такъ какъ т. наз. II редакція возникла въ XIII вѣкѣ, будучи обращена Даніиломъ къ князю Ярославу Всеволодовичу, бывшему нѣсколько разъ Новгородскимъ княземъ, и такъ какъ дѣятельность его въ Новгородѣ особенно замѣтной была въ 1223—1236 годахъ, то г. Лященко этими хронологическими предѣлами и опредѣляетъ время появленія памятника; упоминаніе въ «Моленіи» Переяславля онъ объясняетъ лишь тѣмъ, что переяславскія войска принимали участіе въ походахъ Ярослава Всеволодовича въ пользу Новгорода; авторъ «Моленія» Даніилъ, по предположенію г. Лященка, былъ дружинникъ князя Ярослава, сосланный имъ на озеро Лаче, вѣроятно—за трусость на войнѣ. Такъ наз. I редакцію г. Лященко признаетъ поздней передѣлкой «Моленія», возникшей, повидимому, въ XVI вѣкѣ; такъ какъ тогда имя Ярослава Всеволодовича уже никому не было извѣстно, то редакторъ этой передѣлки, имѣя въ виду исключительно литературную точку зрѣнія на дѣло, замѣнилъ его «сыномъ Владиміра», подразумѣвая, вѣроятно, подъ именемъ Владиміра популярную, особенно въ московскую пору, личность Владиміра Мономаха.

Въ 1900 году появился новый пересмотръ вопроса объ исторической обстановкѣ «Моленія» и объ его редакціяхъ со стороны В. М. Гуссова [1]). Этотъ изслѣдователь ставитъ вопросъ о редакціяхъ памятника болѣе опредѣленно и признаетъ II редакцію древнѣйшей сравнительно съ I. Эту первоначальную, т.-е. по прежнему II редакцію, имѣющую историческую основу, онъ относитъ къ XIII вѣку, но такъ какъ адресатъ Ярославъ Всеволодовичъ княжилъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ пору своего отроче-

---

[1]) Къ вопросу о редакціяхъ Моленія Даніила Заточника. Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. Т. VIII. Одесса. 1900, стр. 1—34.

ства и потерялъ это княженье лишь пятнадцати лѣтъ отъ роду, то г. Гуссовъ находитъ болѣе вѣроятнымъ, что «Моленіе» обращено было къ нему въ то время, когда онъ позднѣе получилъ отъ отца въ удѣлъ Переяславль Сѣверный-Суздальскій, а это было въ 1213 году; здѣсь Ярославъ княжилъ до 1236 года, и эти рамки 1213—1236 опредѣляютъ время написанія «Моленія», которое, такимъ образомъ, является памятникомъ «ростовско-суздальской литературы». Передѣлку этого памятника, въ цѣляхъ исключительно литературныхъ, г. Гуссовъ относитъ предположительно къ Новгороду и ко времени значительно позже XIII вѣка. По вопросу о литературномъ составѣ первоначальной редакціи памятника г. Гуссовъ отрицательно относится къ попыткамъ отыскать ему какую-либо готовую схему въ своихъ или иноземныхъ источникахъ: онъ находитъ, что эта схема была выработана авторомъ самостоятельно.

Точка зрѣнія Лященка и въ особенности Гуссова нашла себѣ поддержку въ лицѣ В. М. Истрина[1]). Принимая цѣликомъ выводы послѣдняго относительно времени и мѣста первоначальнаго возникновенія памятника, а также адресата его, Истринъ останавливается на трудности изученія того мѣста памятника, гдѣ говорится о Лачь-озерѣ, какъ мѣстѣ заточенія Даніила: объ этомъ Лачь-озерѣ нѣкоторые списки (Ундольскаго и Чудовскій, т.-е. какъ разъ именно представители первоначальной редакціи) не упоминаютъ, и авторъ задается вопросомъ: былъ ли вообще куда бы то ни было заточенъ Даніилъ? и не есть ли упоминаніе о Лачь-озерѣ («кому Лаче озеро, а мнѣ много плача исполнено») такая же литературная игра словъ, какъ и упоминаніе о Переяславлѣ и Бѣлоозерѣ: («кому Переславль, о мнѣ Гореславль... кому Бѣлоозеро, а мнѣ черныя смолы»)? Въ результатѣ своего изслѣдованія, Истринъ получаетъ выводъ, что въ первоначальномъ текстѣ памятника не было указано не только на Лачь-озеро, какъ мѣсто ссылки Даніила, но и вообще не упоминалось о ссылкѣ; а если Даніилъ не былъ никуда ссылаемъ, то и нѣтъ основанія поддерживать традиціонное названіе «Даніила-заточника» [2]). Передъ нами, такимъ образомъ, просто нѣкій Даніилъ, написавшій въ XIII вѣкѣ обращеніе къ князю Ярославу Всеволодовичу. Со своей точки зрѣнія авторъ рисуетъ его слѣдующими чертами: «Нашъ авторъ, повидимому, сынъ зажиточныхъ родителей, которые когда-то давали ему средства на существованіе. Но онъ чѣмъ-то провинился передъ ними, и они его прогнали, вслѣдствіе чего онъ попалъ въ положеніе блуднаго сына. Мы не знаемъ вины автора передъ своими родителями: можетъ быть, онъ дѣйствительно покучивалъ или, можетъ быть, не занимался тѣмъ, чего хотѣлось родителямъ—во всякомъ случаѣ онъ очутился въ бѣдности. Къ физическому труду, повидимому, онъ не привыкъ: онъ не хочетъ идти на боярскій дворъ подъ благороднымъ предлогомъ избѣжать холопьяго имени, а на самомъ дѣлѣ потому, что физическій трудъ ему не по силамъ... Несмотря на свою юность,

[1]) Былъ ли «Даніилъ Заточникъ» дѣйствительно заточенъ? Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. Т. X. 1902, стр. 55—74.

[2]) Исторію возникновенія этой традиціи о ссылкѣ см. у Истрина: стр. 71—73.

онъ признавалъ себя стоящимъ въ умственномъ отношеніи выше многихъ другихъ, что было вполнѣ справедливо, и потому обращается прямо къ князю съ просьбой взять его подъ свое покровительство... Онъ проситъ князя помочь ему выйти изъ бѣдности—по двумъ причинамъ: князь самъ по себѣ добръ и милостивъ, какимъ и должно быть князю, а онъ—мудръ и ученъ». Онъ проситъ князя взять его къ себѣ на службу и въ подтвержденіе своего права на это указываетъ на свою опытность и умъ, которые онъ пріобрѣлъ благодаря житейскимъ невзгодамъ и прилежному чтенію книгъ. «Авторъ особенно выставляетъ на видъ свою книжную мудрость, что и понятно. Онъ не хочетъ исполнять при дворѣ князя низшія должности, считая себя способнымъ къ высшимъ. Тогда остаются двѣ сферы дѣятельности, въ которыхъ онъ могъ бы проявить свои способности: княжескій совѣтъ и военная служба». Признавая себя неспособнымъ къ военной службѣ, онъ проситъ князя опредѣлить его къ себѣ въ качествѣ совѣтника: мудрые совѣтники нужны какъ на войнѣ, такъ и въ мирѣ [1]). Въ концѣ своего изслѣдованія, считаясь однако же съ традиціей о заточеніи Даніила, въ связи съ лѣтописнымъ упоминаніемъ подъ 1378 годомъ объ озерѣ Лачѣ, «идѣже бѣ Даніилъ заточеникъ», Истринъ допускаетъ возможность и такого предположенія, что въ данной традиціи сказалось смѣшеніе двухъ Даніиловъ: «одного, жившаго въ Переяславлѣ и не бывшаго въ заточеніи, но написавшаго къ князю Посланіе, и другого, Посланія не писавшаго, но находившагося въ заточеніи на озерѣ Лачѣ. Преданіе съ теченіемъ времени могло легко смѣшать обоихъ Даніиловъ, тѣмъ болѣе, что и само содержаніе могло подать поводъ къ такому смѣшенію» [2]).

Наконецъ, въ послѣднее время вышло сочиненіе Н. Н. Миндалева, «Моленіе Даніила Заточника и связанные съ нимъ памятники. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Казань 1914». Эта обширная монографія, спеціально посвященная «загадочному» памятнику, имѣетъ цѣлію, путемъ детальнаго анализа списковъ, пересмотрѣть вопросъ объ его редакціяхъ, времени и мѣстѣ происхожденія, адресатѣ, выяснить его источники и поставить самый памятникъ въ историческую связь съ другими, современными ему, произведеніями древнерусской литературы. По первому вопросу, г. Миндалевъ возвращается отчасти къ прежней гипотезѣ, нашедшей себѣ окончательное завершеніе въ изданіи И. А. Шляпкина, т. е. онъ признаетъ, въ извѣстныхъ рукописяхъ, изводы XII и XIII вѣка, но онъ полагаетъ, что ни одинъ списокъ ни того, ни другого извода не сохранилъ то насъ первоначальнаго текста нашего памятника; къ кому было обращено Слово-Моленіе, съ точностью сказать трудно, но можно полагать, что это былъ одинъ изъ потомковъ Владиміра Мономаха—его сынъ (изводъ XII вѣка) или правнукъ (изводъ XIII вѣка), при чемъ мѣстности, называемыя въ обоихъ изводахъ, безусловно входили въ кругъ владѣній потомства знаменитаго кіевскаго князя. Авторъ первоначальнаго вида памятника обнаруживаетъ знакомство съ книгами Священнаго Писанія, Избор-

---

[1]) Тамъ же, стр. 68—71.

[2]) Тамъ же, стр. 73.

никами Святослава, Лѣтописью, Пчелой, Повѣстью объ Акирѣ Премудромъ и нѣкоторыми другими произведеніями древнерусской письменности, переводной и оригинальной. Кромѣ того, въ книгѣ г. Миндалева даны подробный обзоръ всей предшествующей научной литературѣ о памятникѣ (стр. 11—86) и новое изданіе его по Академическому списку, представляющему изводъ XII вѣка, съ параллельными мѣстами изъ списковъ Чудовскаго и Ундольскаго, какъ представителей извода XIII вѣка (стр. 87—121)[1].

Мы, со своей стороны, находимъ возможнымъ вполнѣ примкнуть къ гипотезѣ, установленной въ трудахъ Лященка, Гуссова и Истрина, и съ этой точки зрѣнія должны теперь взглянуть, въ краткихъ чертахъ, на «Моленіе», какъ литературный памятникъ, возникшій на сѣверо-востокѣ въ XIII вѣкѣ, и на его дальнѣйшую судьбу.

«Моленіе» въ общемъ имѣетъ нѣкоторый планъ: оно состоитъ изъ небольшого вступленія, весьма обширной главной части и краткаго заключенія.

Вступленіе исполнено риторическаго паѳоса и заключаетъ въ себѣ выраженіе намѣренія автора обратиться къ своему князю, при чемъ уже тутъ высказывается высокое мнѣніе автора о своемъ умѣ, учености и краснорѣчіи.

Въ подробностяхъ, главная часть лишена какого-либо опредѣленнаго распорядка. Она состоитъ изъ отдѣльныхъ обращеній къ князю, неизмѣнно начинающихся словами: «княже, мой господине...» Всего болѣе говоритъ авторъ о себѣ самомъ: онъ оставленъ отцомъ, матерью и друзьями, заброшенъ, беззащитенъ, находится въ нищетѣ; онъ проситъ князя обратить на него вниманіе и взять къ себѣ на службу въ качествѣ совѣтника, при чемъ попутно расточаетъ князю похвалы и лесть; онъ особенно хвалитъ въ себѣ умъ и книжное образованіе и, повидимому, для доказательства этого послѣдняго, а также и для вящаго убѣжденія князя ссылается на разные историческіе примѣры, начиная съ «египетскихъ мудрецовъ», Давида и Соломона, и кончая русскими князьями Святославомъ, Святополкомъ и Ростиславомъ, нуждавшимися въ мудрыхъ совѣтникахъ для своихъ предпріятій. Восхваляя умъ, авторъ обрушивается на глупость и на «безумныхъ». Затѣмъ, повторяя указаніе на свою нищету, авторъ предполагаетъ, что, можетъ быть, князь посовѣтуетъ ему, для избавленія отъ нея, выгодно жениться на богатой невѣстѣ, и это предположеніе даетъ ему поводъ высказаться противъ безнравственности женитьбы по расчету: тутъ мы имѣемъ тираду—впрочемъ, весьма умѣренную—противъ женщинъ, со ссылкой на какія-то «мірскія притчи»; другой предполагаемый совѣтъ князя, поступить для избавленія отъ нищеты въ монастырь, вызываетъ со стороны автора осужденіе тѣхъ людей, которые изъ выгоды принимаютъ на себя «святительскій санъ». Въ концѣ главной части имѣется описаніе скоморошьихъ чужеземныхъ игръ, съ цѣлью указать, что даже клоуны и актеры «имѣютъ у поганыхъ салтановъ и у королей честь и милость».

Въ краткомъ заключеніи авторъ, снова указывая на качества своего ума и образованія, обращается съ благопожеланіями къ князю и родной

---

[1]) **Слабыя стороны труда г. Миндалева указаны въ рецензіи** Л. К. Ильинскаго: **Ж. М. Н. Пр. 1916 № 2,**

землѣ между прочимъ: «не дай же, Господи, въ полонъ земли нашея языкомъ, не знающимъ Бога» [1]).

Таково первоначальное содержаніе памятника, возникшаго въ первой половинѣ XIII вѣка и представленнаго такъ называемой II редакціей по старой терминологіи. Передѣлка его, съ неопредѣленнымъ обращеніемъ къ «сыну великаго царя Владиміра», представленная списками такъ называемой I редакціи подъ именемъ «Слова о Даніилѣ Заточникѣ» [2]), вноситъ въ прежнее «Моленіе» новыя черты—далеко не въ пользу литературнаго достоинства труда Даніила. Главная часть произведенія получаетъ подъ перомъ новаго редактора уже совершенно хаотическій видъ, превращаясь въ рядъ отрывковъ, не связанныхъ между собою никакой основной мыслью и давшихъ Голубинскому право охарактеризовать все это произведеніе какъ «нескладную болтовню» [3]). Но есть и характерныя измѣненія: умѣренная тирада Даніила противъ женщинъ обращается у новаго редактора въ обширный, фанатическій трактатъ «о злыхъ женахъ», весьма типичный для древне-русскаго аскетическаго міровоззрѣнія и напоминающій многочисленныя «слова о женахъ»; этотъ трактатъ въ свое время, когда такъ называемая I редакція считалась первоначальнымъ видомъ труда Даніила, подалъ поводъ [4]) къ сопоставленію даннаго мѣста не только съ переводнымъ сборникомъ «Пчела», но и съ упомянутыми «словами о женахъ», составленіе которыхъ относится уже къ болѣе позднимъ вѣкамъ нашей письменности, нежели первая половина XIII вѣка; съ точки зрѣнія новаго соотношенія редакцій нашего памятника указанная особенность такъ называемой I редакціи объясняется весьма просто. Съ другой стороны, въ этой позднѣйшей передѣлкѣ выпущены нападки на монашествующихъ, что, вѣроятно, объясняется духовнымъ званіемъ новаго редактора чужого произведенія, смотрѣвшаго на свою задачу какъ на литературное упражненіе, безъ всякой дѣйствительной подкладки. Именно этимъ отношеніемъ къ дѣлу должна быть объясняема и нелѣпая вставка въ разсматриваемой передѣлкѣ передъ заключительной частью «Слова»: «Сіи словеса азъ Даніилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлѣ озерѣ, и запечатавъ въ воску и пустихъ во езеро, и вземъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узре князь сіе написаніе и повелѣ Даніила свободити отъ горькаго заточенія». Кто былъ неумѣлый передѣлыватель этого ростовско-суздальскаго произведенія XIII вѣка, сказать трудно: быть можетъ, онъ имѣлъ нѣкоторое отношеніе къ Новгороду, судя по упоминанію имени Новгорода въ его редакціи («кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы опали»), но возможно, что и это есть лишь литературный оборотъ рѣчи; когда была сдѣлана передѣлка, для сужденія объ этомъ мы также не имѣемъ никакихъ данныхъ, такъ какъ упоминаніе имени князя (уже

[1]) По изданію Шляпкина, стр. 34—55.

[2]) По изданію Шляпкина, стр. 2—31.

[3]) И. Р. Ц. Т. I. пер. пол., 2 изд., стр. 868.

[4]) Въ статьѣ акад. М. И. Сухомлинова: О псевдонимахъ въ древней русской словесности. Изв. II Отд. А. Н. Т. IV (1855), стр. 132—140, 149—153.

не въ заглавіи, какъ въ первоначальной редакціи, а лишь въ текстѣ: «сыне великаго царя Владиміра» и съ опущеніемъ ссылокъ на другихъ князей) не можетъ дать для заключеній по этому вопросу никакихъ надежныхъ указаній.

Остальныя двѣ передѣлки нашего памятника относятся къ XVI—XVII вѣкамъ. Одна изъ нихъ опубликована И. Я. Порфирьевымъ по списку XVI—XVII в.в. Соловецкой библіотеки въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1882, № 6 [1]). Трудно сказать, который изъ двухъ видовъ произведенія Даніила имѣлъ подъ руками новый редакторъ—первоначальный или вторичный; есть слѣды пользованія и тѣмъ, и другимъ, но слѣды пользованія вторымъ ярче и очевиднѣе. Эта вторая передѣлка не закончена, обрываясь словами: «орелъ птицамъ царь, а левъ звѣремъ, а осетеръ рыбамъ». Имя Даніила, который «сѣдяше на Бѣлѣ озерѣ», тутъ оставлено, но князь, къ которому обращается авторъ, названъ то «Владиміромъ», то «сыномъ царя Всеволода»: однимъ словомъ—полная путаница и литературный произволъ. Какъ отличительная черта этой редакціи, могутъ быть отмѣчены усиленныя нападки на бояръ: «конь тученъ, яко врагъ сапаетъ на господина своего; тако бояринъ богатъ и силенъ смыслитъ на князя зло» и т. п.

Наконецъ, еще болѣе отдаленную отъ первоначальнаго оригинала передѣлку труда Даніила представляетъ текстъ, опубликованный Д. Н. Толстымъ по рукописи XVII вѣка въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 г., т. XXII [2]). Тутъ уже совсѣмъ нѣтъ имени князя, къ которому обращено «Слово», и вообще эта передѣлка не носитъ никакихъ личныхъ чертъ; по объему эта передѣлка самая краткая, и въ ней нѣтъ никакихъ сколько-нибудь характерныхъ прибавокъ.

Такъ постепенно вывѣтривалось на протяженіи вѣковъ это произведеніе XIII вѣка, теряя, подъ перомъ разныхъ книжниковъ, свои историческія черты, свою реальность и свои литературныя краски. Этими особенностями оно ярко выдѣляется на фонѣ своей литературной эпохи, какъ весьма замѣчательное произведеніе свѣтскаго характера, вызвавшее своими достоинствами цѣлый рядъ позднѣйшихъ передѣлокъ и подражаній.

Историческое значеніе этого памятника сѣверо-восточной литературы первой половины XIII вѣка очень хорошо формулировано В. М. Истринымъ: «Онъ имѣетъ для насъ значеніе не столько какъ выраженіе тѣхъ или другихъ идеаловъ какой-либо части тогдашняго общества, напр. дружины, а какъ показаніе извѣстнаго литературнаго развитія и просвѣщенія въ очень опредѣленное время, именно въ первой половинѣ XIII вѣка, и въ опредѣленной мѣстности, именно на сѣверо-востокѣ. Его значеніе—въ тѣсной связи со всѣми другими произведеніями той же эпохи. Памятникъ этотъ свидѣтельствуетъ о начитанности автора, объ его литературныхъ способностяхъ, объ его умѣньи располагать все свое твореніе въ очень ясномъ порядкѣ. Самый фактъ появленія письма не безынтересенъ и характеренъ. Нужно представить себѣ всю тогдашнюю обстановку. Даніилъ, част-

[1]) По изданію Шляпкина, стр. 59—63.

[2]) По изданію Шляпкина, стр. 67—70. Ср. выше, стр. 83, прим. 1.

ный человѣкъ, пишетъ просительное письмо своему князю, находясь въ томъ же городѣ. Съ одной стороны, Переяславль въ то время былъ городомъ очень небольшимъ, а съ другой—князь въ то время стоялъ настолько близко къ народу, что въ письменной просьбѣ не было никакой нужды. Кромѣ того, это не просто просьба, а литературное произведеніе. Очевидно, Даніилъ смотрѣлъ на свое письмо какъ на рекомендацію своей учености и надѣялся на ея дѣйствіе, а это свидѣтельствуетъ, что ученость могла въ то время цѣниться. Быть можетъ, Даніилъ видѣлъ и примѣры такой оцѣнки» [1]). Однако, наряду съ этими историческими соображеніями, не слѣдуетъ упускать изъ виду и возможности чисто литературныхъ византійскихъ вліяній, указаніе на которыя было уже сдѣлано В. Щуратомъ: византійская поэзія въ XI--XIV вѣкахъ изобиловала подобными поэтическими произведеніями, наполненными риторикой и показной ученостью [2]), и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что какой-нибудь русскій книжникъ XIII в. могъ увлечься подражаніемъ этой модной литературной манерѣ.

5.

Другія литературныя явленія Сѣверо-восточной Руси.—Житія ростовскихъ святыхъ.—Отраженіе татарскаго нашествія въ литературѣ.—Слово о погибели русской земли.—Лѣтописи и ихъ иллюстраціи; сношенія со славянскимъ западомъ; полемическія сочиненія.—Нѣкоторые выводы и наблюденія.

Обратимся теперь къ обозрѣнію другихъ проявленій литературнаго движенія на сѣверо-востокѣ въ «средніе вѣка» нашей письменности.

Житія. На первомъ планѣ стоятъ житія ростовскихъ церковныхъ дѣятелей: епископа и правителя Ростова Леонтія (ум. 1073 г.), его преемника Исаіи (ум. 1090) и затѣмъ ростовскаго чудотворца, архимандрита Богоявленскаго монастыря Авраамія (ум. 1077). Такимъ образомъ, дѣятельность этихъ лицъ относится ко второй половинѣ XI вѣка, а ихъ прославленіе въ народѣ ко второй половинѣ XII и началу XIII вѣка. Но ученая критика, главнымъ образомъ въ лицѣ проф. В. О. Ключевскаго, встрѣчаетъ большія затрудненія въ томъ, чтобы отнести составленіе ихъ житій, несомнѣнно имѣвшее мѣсто на сѣверо-востокѣ, къ совершенно опредѣленному времени: первая редакція житія Леонтія составилась, вѣроятно, въ промежуткѣ 1194—1204 годовъ, между тѣмъ какъ первая редакція житія Исаіи не можетъ быть отнесена ранѣе 1474 года; что же касается Авраамія, то легендарная основа его житія дошла до перваго его редактора не раньше XIV вѣка [3]). При такомъ положеніи вопроса, разсмотрѣніе названныхъ житій въ литературномъ отношеніи теряетъ подъ собою твердую почву, въ виду невозможности болѣе или менѣе точно пріурочить эту сложную (къ

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1905, № 8, стр. 258—259.

[2]) Хр. Лопаревъ. Византійскій поэтъ Мануилъ Филъ. Къ исторіи Болгаріи въ XIII--XIV вѣкѣ. Спб. 1891, стр. 7—10.

[3]) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 3—35.

тому же принадлежащую разнымъ лицамъ въ разныхъ ея стадіяхъ) работу къ опредѣленному историческому моменту.

Болѣе матеріала судить о себѣ даетъ Житіе знаменитаго Владимірскаго князя Александра Невскаго (ум. 1263), написанное лицомъ, близкимъ къ событіямъ, и представляющее любопытное явленіе для характеристики литературныхъ пріемовъ на сѣверо-востокѣ Руси въ XIII вѣкѣ [1]. Авторъ въ своемъ изложеніи не былъ чуждъ нѣкоторой искусственности, но его главной цѣлью было изложеніе дѣйствительныхъ событій, какъ онъ ихъ зналъ и понималъ, а еще болѣе того впечатлѣнія, какое въ свое время произвела на современниковъ личность популярнаго и безспорно выдающагося своими качествами князя; авторъ обладаетъ извѣстной долей книжной начитанности и пользуется ея запасами, когда ему нужно оттѣнить личность и поведеніе своего героя въ тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ его жизни. Хотя онъ сознаетъ, что пишетъ житіе святого, но онъ далекъ отъ желанія принести въ жертву агіографической условности реализмъ и фактичность своего повѣствованія. Эти качества неизвѣстнаго намъ по имени автора—вѣроятно, родомъ владимірца или вообще съ сѣверо-востока—даютъ основаніе видѣть въ немъ сторонника, конечно безсознательнаго, той реалистической школы въ области житійнаго повѣствованія, которая возникла на югѣ и получила свое главное выраженіе въ агіографическихъ трудахъ преп. Нестора и отчасти въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ. Вскорѣ, въ послѣдующее время, именно на сѣверо-востокѣ образуется новая агіографическая школа съ чертами искусственности, риторизма и неисторичности [2].

Можно полагать, что въ XIII вѣкѣ на сѣверо-востокѣ зарождаются основы чрезвычайно цѣнныхъ по литературнымъ и историческимъ даннымъ ростовской легенды о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ, муромской о Петрѣ и Февроніи и др., но такъ какъ самая обработка въ литературную форму этого матеріала имѣла мѣсто позднѣе [3], то здѣсь приходится ограничиться только простымъ указаніемъ на нихъ, подобно упомянутымъ ранѣе житіямъ ростовскихъ угодниковъ. Цѣннымъ остается лишь стоящее внѣ сомнѣнія пріуроченіе этого литературнаго матеріала къ сѣверо-восточной области и къ исторической обстановкѣ разсматриваемой нами теперь эпохи.

Отраженіе татарскаго нашествія въ литературѣ. Изъ внѣшнихъ историческихъ событій наибольшее вліяніе на литературу оказало, конечно, татар-

---

[1]) Въ Лаврентьевской Лѣтописи подъ 1263 годомъ: см. изд. 1897, стр. 453—457. Обстоятельное изслѣдованіе этого памятника и тексты его имѣются въ трудѣ В. Мансикка: Житіе Александра Невскаго. Разборъ редакцій и текстъ. Пам. Др. Письменности и Искусства, № CLXXX. Спб. 1913. Замѣчанія на эту книгу у С. Бугославскаго: Къ вопросу о первоначальномъ текстѣ Житія вел. кн. Александра Невскаго. Изв. II. Отд. А. Н. 1914, кн. I, стр. 261—277, и на стр. 277—290 текстъ Житія съ варьянтами изъ разныхъ списковъ. Ср. также Н. И. Серебрянскаго: Древне-русскія княжескія житія, стр. 151—153, 175—222.

[2]) Ключевскій, назв. соч., стр. 67—71.

[3]) Буслаевъ, Ѳ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. II, стр. 156.

ское нашествіе. Самый фактъ этого народнаго бѣдствія произвелъ подавляющее впечатлѣніе на всѣ общественные классы, ослабилъ духовныя силы, въ томъ числѣ и литературу. Подъ вліяніемъ страшныхъ событій, мысль русскаго человѣка обратилась, съ одной стороны, къ покаянію и молитвѣ, къ отысканію въ этихъ бѣдствіяхъ слѣдовъ наказанія за грѣховную жизнь: такова была точка зрѣнія духовенства, находившая себѣ основу и поддержку въ общихъ религіозныхъ представленіяхъ о цѣлесообразности и глубокой причинной связи жизненныхъ событій съ волею Бога, и этотъ взглядъ нашелъ себѣ выраженіе, напр., въ поученіяхъ Серапіона. Съ другой стороны, народный умъ и чувство искали въ несчастныхъ событіяхъ современности доказательствъ народной силы, уступающей теперь могуществу болѣе внушительному, но нечестивому, и таящей въ себѣ залогъ будущаго великаго возрожденія. Такова полудуховная-полусвѣтская повѣсть «О Калкскомъ побоищѣ и 70-ти храбрыхъ», явившаяся литературнымъ результатомъ пораженія при Калкѣ въ 1224 году, существовавшая сначала отдѣльно, а затѣмъ попавшая въ лѣтописи [1]); она также, подобно поученіямъ Серапіона, оканчивается размышленіемъ автора, что описанныя бѣдствія являются результатомъ грѣховной жизни и гордости князей. Когда въ 1237 году татары пришли снова, нанесли жесточайшее разореніе и наложили свою тяжелую руку на сѣверо-востокъ, то эти событія вызываютъ новую работу фантазіи въ литературномъ направленіи: такова, напр., повѣсть объ Евпатіи Коловратѣ и о разореніи Рязанской земли [2]). Произведеніе это свѣтскаго характера и, по своимъ литературнымъ пріемамъ, кое въ чемъ напоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ; въ немъ уже нѣтъ покаяннаго элемента и душевной подавленности; мысль автора находитъ себѣ выходъ изъ бѣдственнаго положенія и утѣшеніе въ описаніи храбрости и героизма своихъ князей, гордость которыхъ характеризуется уже не какъ недостатокъ, а какъ достоинство.

Но едва ли не самымъ замѣчательнымъ поэтическимъ откликомъ на событія татарскаго нашествія въ эту эпоху является «Слово о погибели рускыя земли», къ сожалѣнію дошедшее до насъ лишь въ незначительномъ отрывкѣ. Этотъ отрывокъ имѣетъ однако же такія литературныя достоинства утраченнаго или вообще предполагаемаго цѣлаго, которыя заставляютъ, безъ всякой натяжки, сближать этотъ памятникъ сѣверо-восточной поэтической литературы XIII вѣка со Словомъ о Полку Игоревѣ.

«Слово о погибели рускыя земли» найдено въ Сборникѣ Псковскаго Печерскаго монастыря XV вѣка и напечатано Х. М. Лопаревымъ (Памятники Древней Письменности, № LXXXIV: Слово о погибели рускыя земли. Вновь найденный памятникъ XIII вѣка. Спб. 1892). Отъ него сохранилось всего 45 строкъ, и другого списка памятника до сихъ поръ неизвѣстно [3]).

---

[1]) Лаврентьевская Лѣтопись подъ 1223 годомъ: см. изд. 1897, стр. 477—483.

[2]) Срезневскій, И. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. I—XL. Спб. 1867, № XXXIX.

[3]) Позднѣйшія дополнительныя соображенія о составѣ «Слова» и его извѣстности въ старой письменности изложены были въ рефератѣ г. Лопарева, прочитанномъ

Послѣ отрывка Слова въ рукописи идетъ Житіе Александра Невскаго, извѣстное по Лѣтописи, чѣмъ и оканчивается самая рукопись. Сохранившійся отрывокъ начинается вступленіемъ, въ которомъ восхваляется красота и величіе «русской земли». Дальнѣйшія строки посвящены изображенію этого величія и красоты въ старину: широкимъ размахомъ очерчиваются необъятныя границы Руси, слава ея князей «Всеволода», отца его Юрія, князя Кіевскаго, и дѣда его «Владиміра Мономаха», передъ которымъ Половцы и Литва трепетали, Угры ограждали свои каменные города желѣзными воротами, и только «Нѣмцы» (Шведы) спокойно жили далеко за синимъ моремъ; даже самъ византійскій царь Мануилъ посылалъ къ Владиміру дары, чтобы тотъ не взялъ Царяграда. Но такъ было въ прошломъ, а при «нынѣшнемъ Ярославѣ и братѣ его Юріи князѣ Владимірскомъ» наступила «болѣзнь крестьяномъ». На этомъ оканчивается сохранившійся отрывокъ, при чемъ подъ «болѣзнью», судя по именамъ князей, приходится разумѣть не иное что, какъ татарское нашествіе. Едва ли можно сомнѣваться, что «нынѣшній» Ярославъ отрывка есть уже знакомый намъ Ярославъ Всеволодовичъ, князь Переяславскій, къ которому Даніилъ обращалъ свое «Моленіе».

Такимъ образомъ, возникновеніе «Слова» надо относить къ первой половинѣ XIII вѣка, а по мѣсту—къ Сѣверо-восточной Руси. Можно предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ началомъ исторической поэмы, въ которой, судя по заглавію, должно было быть изображено нашествіе татаръ. Уже изъ сохранившагося отрывка видно, что авторъ поэмы, человѣкъ очевидно книжный, допускалъ рядомъ съ историческими чертами и явныя преувеличенія, когда описывалъ могущество Владиміра Мономаха и его предшественниковъ, въ отношеніи внѣшнихъ границъ Руси, или изображалъ страхъ передъ ними знаменитаго царя Мануила (1143—1180 г.). Не говоря о хронологическомъ несовпаденіи, вся эта тирада отзывается фантастическими чертами народной поэзіи, которая дѣйствительно знаетъ «грознаго царя Этмануйла Этмануйловича», принимавшаго пословъ «Владиміра князя Кіевскаго» и даже сдѣлавшагося впослѣдствіи его тестемъ [1]), но не унижавшагося до уплаты ему дани изъ страха нападенія на его столицу. Отрывокъ оканчивается на самомъ интересномъ мѣстѣ—началѣ, повидимому, главной части поэмы.

Авторъ поэмы намъ не извѣстенъ. Издатель отрывка находитъ, что «сближеніе» его съ Даніиломъ-Заточникомъ «имѣетъ за себя нѣкоторое основаніе» [2]); но его смущало то, что Даніилъ по признаваемой тогда древнѣйшей редакціи былъ относимъ къ XII вѣку. Съ принятіемъ новой точки зрѣнія на Даніила, написавшаго свое «Моленіе» въ XIII вѣкѣ и обращавшагося именно къ тому самому Ярославу Всеволодовичу Переяславскому, о которомъ упоминаетъ, какъ о «нынѣшнемъ», и неизвѣстный авторъ на-

---

имъ въ засѣданіи О. Л. Др. П. 9 января 1909 года: Отчеты о засѣданіяхъ Импер. Общества Люб. Древней Письменности въ 1907—1910 г.г. Спб. 1911, стр. 25—26.

[1]) Изд. Лопарева, стр. 13—14.

[2]) Тамъ же, прим. на стр. 11.

шего «Слова», такое затрудненіе устраняется, и, напр., В. М. Истринъ высказываетъ уже вполнѣ опредѣленное предположеніе, что «авторъ того и другого произведенія (т. е. и «Моленія» и «Слова о погибели рускія земли») одинъ и тотъ же» [1]). Я полагаю, что далѣе самаго осторожнаго предположенія въ этомъ вопросѣ идти нельзя, потому что о литературной манерѣ автора «Слова» мы знаемъ слишкомъ мало по сохранившемуся отрывку; содержаніе же послѣдняго не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ «Моленіемъ». При весьма замѣтномъ расцвѣтѣ сѣверо-восточной литературы въ первой половинѣ XIII вѣка нѣтъ никакой необходимости стремиться приписывать выдающіяся произведенія непремѣнно одному и тому же лицу.

О художественныхъ достоинствахъ этого произведенія по нѣсколькимъ сохранившимся строкамъ судить, конечно, очень трудно. Я не могу оспаривать предположенія издателя, Х. М. Лопарева, что «это только начало великолѣпной поэмы XIII вѣка» и что она (поэма) составляетъ часть цѣлой трилогіи, въ которую, кромѣ «Слова», входили еще другія два произведенія: «О смерти великаго князя Ярослава» и «О житіи великаго князя Александра», но я не могу ни слова прибавить и въ подкрѣпленіе этой догадки. Н. Н. Серебрянскій, напротивъ, совершенно отрицаетъ эту догадку перваго издателя, основанную не столько на внутреннемъ анализѣ памятника, сколько на сосѣдствѣ его въ псково-печерской рукописи съ двумя названными произведеніями; онъ полагаетъ, что «Слово о погибели рускыя земли» есть не болѣе, какъ предисловіе къ Житію вел. кн. Александра Невскаго, часть котораго составляетъ произведеніе «О смерти вел. кн. Ярослава»; такимъ образомъ, по мнѣнію этого изслѣдователя, предполагающаго, что «Слово» сохранилось не въ отрывкѣ, а въ своемъ первоначальномъ видѣ, нѣтъ необходимости предполагать и существованіе какой бы то ни было поэтической трилогіи [2]). Мнѣніе это во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія. Вопросъ о поэтическихъ достоинствахъ «Слова» также не находитъ себѣ единодушнаго рѣшенія. М. Грушевскій (Записки Наукового Товариства имени Шевченка, V. 1895) и И. Н. Ждановъ (Русскій былевой эпосъ, 1895) ставили эти достоинства невысоко, а проф. Владиміровъ прямо находилъ его «въ поэтическомъ отношеніи крайне неудачнымъ»; онъ, кромѣ того, полагалъ, что «начало Слова вызываетъ сильное сомнѣніе по несоотвѣтствію съ духомъ древне-русскихъ памятниковъ» [3]). Но развѣ характеръ и духъ древне-русскихъ памятниковъ такъ опредѣленно очерчены, что на основаніи ихъ можно судить о самой подлинности новыхъ открытій въ той же области древне-русской литературы? Затѣмъ, авторъ находитъ, что произведеніе это «мало чѣмъ напоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ»; мнѣ же думается, напротивъ, что этотъ отрывокъ именно «напоминаетъ» Слово о Полку Игоревѣ—только, конечно, въ весьма слабой степени, поскольку подобный отрывокъ вообще можетъ быть срав-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1905, № 8, стр. 267.

[2]) Замѣтки и тексты изъ псковскихъ памятниковъ. I—V, стр. 74—84.

[3]) Древняя русская литература, стр. 367—368.

ниваемъ съ единственнымъ до сихъ поръ въ своемъ родѣ цѣльнымъ поэтическимъ произведеніемъ нашей древней письменности [1]).

Лѣтописи и ихъ иллюстраціи; полемическія сочиненія. Изъ другихъ явленій сѣверо-восточной литературы первой половины XIII вѣка здѣсь можно отмѣтить прежде всего работы надъ лѣтописью. Мы имѣемъ тутъ, съ одной стороны, Переяславскую Лѣтопись, составленную въ Суздальской землѣ во второмъ десятилѣтіи XIII вѣка, между 1214—1219 годами, при Переяславскомъ князѣ Ярославѣ Всеволодовичѣ, племянникѣ Андрея Боголюбскаго, того самаго, къ которому обращено было «Моленіе» Даніила и о которомъ упоминается въ «Словѣ о погибели рускія земли». Памятникъ этотъ изданъ княземъ М. Оболенскимъ: Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, М. 1851. Съ другой стороны—работы надъ Владимірской Лѣтописью, результаты которыхъ дошли до насъ, въ великолѣпномъ экземплярѣ конца XV вѣка, подъ видомъ такъ называемой Радзивиловской или Кенигсбергской Лѣтописи, изданной О. Л. Д. П. въ 1902 году (№ CXVIII). По изслѣдованіямъ Шахматова [2]), первая попытка составить во Владимірѣ лѣтописный сводъ восходитъ къ 1185 или 1186 году; въ основаніе свода была положена Кіевская Лѣтопись въ редакціи, доходившей, повидимому, до 1175 года. Вторая редакція Владимірскаго свода была составлена около 1192 года съ цѣлью дополнить и исправить сводъ 1185 года. Третій Владимірскій сводъ доходилъ предположительно до 1216 г. и оказалъ извѣстное вліяніе на составленіе упомянутой Переяславской Лѣтописи. Наконецъ, около того же времени явились попытки составить лѣтопись и въ Ростовѣ. Впослѣдствіи, въ началѣ XIV вѣка, эти лѣтописи—особенно Владимірская и Переяславская—оказали свое вліяніе на составленіе общерусскаго лѣтописнаго свода, а въ 1377 году, при составленіи Лаврентьевскаго свода, на него оказала значительное вліяніе Ростовская Лѣтопись. Что же касается Радзивиловской Лѣтописи, то въ основу ея легли Лаврентьвскій и Переяславскій своды. Позднѣе Шахматовъ добавилъ соображеніе, что Радзивиловская Лѣтопись, судя по особенностямъ языка, составлена въ Смоленскѣ, гдѣ особенно интересовались суздальскимъ, московскимъ и новгородскимъ лѣтописаніемъ [3]). Радзивиловская Лѣтопись замѣчательна еще и въ другомъ отношеніи: она снабжена множествомъ иллюстрацій, взятыхъ, какъ надо полагать, изъ дошедшей до насъ иллюстрированной Переяславской Лѣтописи XIII вѣка. Акад. Н. П. Кондаковъ высказызываетъ, по поводу этихъ иллюстрацій, любопытныя соображенія о томъ,

---

[1]) Новѣйшій обзоръ сужденій объ этомъ памятникѣ данъ въ трудѣ Н. И. Серебрянскаго: Древне-русскія княжескія житія. Обзоръ редакцій и тексты. М. 1915, 155—163; тамъ же, стр. 167—174, 210—213, сдѣланы дополнительныя замѣчанія и объ отношеніи «Слова» къ указанному выше (стр. 91) Житію Александра Невскаго.

[2]) Изслѣдованіе о Радзивиловской или Кенигсбергской Лѣтописи. Спб. 1902, стр. 86—100.

[3]) Замѣтка о мѣстѣ составленія Радзивиловскаго (Кенигсбергскаго) списка Лѣтописи. Сборникъ въ честь Д. А. Анучина. М. 1913, стр. 69—74.

что внесенныя въ нихъ бытовыя особенности, при своей греческой основѣ, обнаруживаютъ славянское влiянiе и указываютъ на связь западно-славянскаго мiра съ Суздальской Русью XIII—XIV столѣтiй» [1]). Это соображенiе даетъ поводъ акад. В. М. Истрину вспомнить и о двухъ переводныхъ памятникахъ, «Сказанiи объ Индiйскомъ царствѣ» и «О двѣнадцати снахъ царя Шахаиши», время появленiя которыхъ, и именно на сѣверо-востокѣ Руси, онъ склоненъ относить также къ XIII вѣку, а посредникомъ между этими восточными сказанiями и русской письменностью считать Далматинское побережье. Онъ полагаетъ, что «такое совпаденiе (относительно иллюстрацiй и названныхъ памятниковъ) даетъ большую увѣренность въ томъ, что съ возникновенiемъ сѣверо-восточнаго центра начались сношенiя Суздальской Руси съ Западной Европой и прежде всего съ западными славянами; сношенiя же эти указываютъ на литературное и общественное развитiе Сѣверо-восточной Руси, начавшееся съ конца XII вѣка и проявившееся въ XIII вѣкѣ» [2]). Наконецъ, къ этой же эпохѣ литературнаго подъема на сѣверо-востокѣ въ XIII вѣкѣ тотъ же авторъ не прочь отнести и группу произведенiй, направленныхъ противъ евреевъ, противъ которыхъ именно около этого времени въ Литвѣ или на сѣверо-востокѣ Руси—вслѣдствiе ихъ движенiя изъ Литвы и Польши и начавшейся, вѣроятно, еврейской пропаганды—можно наблюдать извѣстное возбужденiе и стремленiе доказать, что политическая жизнь евреевъ кончилась и что ученiе ихъ ложно: первой цѣли могла служить Толковая Палея, а второй такъ называемый Архивскiй (Iудейскiй) Хронографъ; оба памятника представляютъ собою оригинальныя произведенiя русской литературы, замѣчательныя и по широтѣ плана, и по содержанiю, и по своей идейности [3]).

Какъ можно видѣть изъ предшествующаго изложенiя, свѣдѣнiя наши о литературныхъ явленiяхъ Сѣверо-восточной Руси въ первой половинѣ XIII вѣка слишкомъ отрывочны и скудны для того, чтобы можно было сдѣлать какiе-либо прочные выводы; однако нѣкоторыя наблюденiя напрашиваются сами собою.

---

[1]) Замѣтки о миніатюрахъ Кенигсбергскаго списка Начальной Лѣтописи. Спб. 1902, стр. 15. По этому интересному вопросу о столь раннихъ связяхъ Сѣверо-восточной Руси съ искусствомъ западнымъ см. еще соображенія В. И. Сизова: Миніатюры Кенигсбергской Лѣтописи. Изв. II Отд. А. Н. 1905, кн. 1, и Д. В. Айналова: О нѣкоторыхъ серіяхъ миніатюръ въ Радзивиловской Лѣтописи. Изв. II Отд. А. Н. 1908, кн. 2.

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1905 г. № 8, стр. 264. Ср. Истрина «Къ исторіи заимствованныхъ словъ и переводныхъ повѣстей»: Лѣтопись Ист.-фил. Общ. при Новор. универ. Т. XIII (1905), стр. 181—182.

[3]) Ж. М. Н. Пр., 1905. № 8, стр. 260—261, 262—263.

Прежде всего, не подлежитъ сомнѣнію самый фактъ замѣтнаго литературнаго возбужденія въ указанное время на сѣверо-востокѣ. Результаты предпринятой тутъ литературной работы позволяютъ установить извѣстную связь ея съ литературой «древнѣйшей» эпохи. Дѣятели сѣверо-восточной литературы дѣйствовали подъ вліяніемъ кіевскаго образованія и кіевскихъ литературныхъ навыковъ и традицій; главный литературный матеріалъ они заимствовали изъ Кіева, подобно тому, какъ Кіевъ въ свое время заимствовалъ этотъ матеріалъ изъ Византіи. Но, вмѣстѣ съ готовыми данными болѣе или менѣе общаго характера, сѣверо-восточная литература восприняла въ себя и живое вліяніе современности, которое обнаружилось въ связи этой литературы съ мѣстной общественной и политической жизнью, хотя факты этой связи—по условіямъ литературнаго развитія той эпохи—и не могутъ быть обозначены съ достаточной отчетливостью. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что именно эта сравнительная близость къ реальной дѣйствительности и была одной изъ главныхъ особенностей, обусловившихъ дальнѣйшее движеніе сѣверо-восточной литературы: здѣсь мы, какъ въ кіевскую эпоху, видимъ сначала нѣсколько литературныхъ центровъ (Владиміръ, Ростовъ, Муромъ, Переяславль и др.), но, по мѣрѣ развитія политической и культурной самостоятельности сѣверо-востока, эти мѣстные центры въ XV вѣкѣ нашли себѣ извѣстное объединеніе въ Москвѣ, давшей намъ уже въ XVI вѣкѣ не сѣверо-восточную, а московскую литературу, которая явилась выразительницей общерусскихъ литературныхъ стремленій въ средніе вѣка нашей письменности. Что касается спеціально-литературныхъ качествъ сѣверо-восточной письменности XIII вѣка, то тутъ мы не можемъ отмѣтить обилія выдающихся писательскихъ дарованій или произведеній, которое могло бы поставить эту литературу въ уровень съ кіевскимъ періодомъ; но, съ другой стороны, краткость времени, въ которое мы можемъ наблюдать эту письменность, и отрывочность доступныхъ для насъ ея результатовъ лишаютъ насъ возможности дѣлать объ этомъ достаточно увѣренныя заключенія [1]).

Однако извѣстное объединеніе сѣверо-восточныхъ литературныхъ стремленій въ XV вѣкѣ въ Москвѣ отдѣляется отъ краткаго періода ея возбужденія въ XIII вѣкѣ довольно длиннымъ періодомъ литературнаго затишья, которое падаетъ на вторую половину XIII и XIV вѣкъ. Мы обладаемъ за это время весьма малымъ количествомъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ объ однихъ (напр., послѣднія поученія Серапіона Владимірскаго) было уже сказано, а о другихъ (сочиненія митр. Кипріана, попытки въ области исторической повѣсти и т. п.) будетъ сказано позже, по ихъ связи съ литературными явленіями XV вѣка. Взамѣнъ этого, на фонѣ упомянутаго затишья мы наблюдаемъ въ XIV вѣкѣ умственныя броженія, являющіяся подкладкой дальнѣйшаго развитія литературы: таково, съ одной стороны, указанное уже политическое и культурное объединеніе, приведшее къ результатамъ московской литературы въ XV вѣкѣ, а съ другой—развитіе

[1]) Ср. объ этомъ у В. М. Истрина: Ж. М. Н. Пр., 1905. №8, стр. 253—257.

ересей. Самымъ яркимъ выраженіемъ этого послѣдняго броженія въ XIV вѣкѣ является ересь стриголыниковъ, первое упоминаніе о появленіи которой въ Новгородѣ имѣется въ Лѣтописи подъ 1376 годомъ. Вышедшее, повидимому, съ Запада [1]), это религіозное вольномысліе, съ большой дозой раціонализма, отразилось косвенно кое въ чемъ и на литературѣ: напр., любопытное посланіе Новгородскаго архіепископа Василія (1331—1352) къ Тверскому епископу Ѳеодору о «земномъ раѣ» [2]) служитъ, повидимому, отзвукомъ скептицизма въ области русской религіозной мысли въ XIV вѣкѣ.

Не останавливаясь на этой переходной и скудной въ литературномъ отношеніи эпохѣ, переходимъ къ главнѣйшимъ литературнымъ фактамъ XV вѣка и прежде всего къ тѣмъ, которые явились ближайшимъ результатомъ идейныхъ броженій предшествующаго времени.

Б. Литературныя явленія XV вѣка.

1.

Идея единства Руси.—Общерусскіе лѣтописные своды.

Какъ уже было сказано, въ XIV вѣкѣ замѣтны первые признаки сознанія политическаго и духовнаго объединенія на сѣверо-востокѣ Руси. Весьма замѣчательно, что идеологія предшествовала тутъ самымъ фактамъ. Это наглядным образомъ доказывается возникновеніемъ въ XIV и XV вв. общерусскихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Разъясненіемъ этого вопроса, какъ и многихъ другихъ въ области древне-русскаго лѣтописанія, наука въ особенности обязана А. А. Шахматову. Путемъ анализа Новгородской четвертой и обѣихъ редакцій такъ называемой Софійской 1-ой Лѣтописи изслѣдователь приходитъ къ убѣжденію, что въ первой четверти XV вѣка, или точнѣе въ 1423 году, въ княженіе Василія Дмитріевича, въ Москвѣ былъ составленъ общерусскій лѣтописный сводъ, заключавшій въ себѣ обширныя извлеченія изъ мѣстныхъ лѣтописей новгородскихъ, тверскихъ, ростовскихъ, ярославскихъ, нижегородскихъ и т. д.; это — такъ называемый «Владимірскій Поли-

[1]) Любопытныя соображенія и указанія объ этомъ имѣются въ статьѣ В. Ѳ. Боцяновскаго: Русскіе вольнодумцы XIV—XV вв. «Новое Слово», 1896, № 12, стр. 157—160.

[2]) П. С. Р. Л. VI. стр. 87—89; VII. стр. 212—214.

хронъ» 1423 г. [1]). Этотъ памятникъ, свидѣтельствующій о значительной зрѣлости идеи объединенія русской земли вокругъ Москвы, возникъ въ то время, когда Москва фактически далеко еще не закончила осуществленіе своей объединительной политической программы, соперничая въ своемъ могуществѣ съ Нижнимъ Новгородомъ, Тверью, Рязанью: такимъ образомъ, идея объединенія, сознаніе его необходимости и неизбѣжности опережаетъ самый фактъ такого объединенія; политическая дальновидность и литературная работа шла впереди успѣховъ оружія и политическихъ переговоровъ.

Это вполнѣ выясняется изъ самаго характера лѣтописнаго свода. Онъ отражаетъ въ себѣ, въ главнѣйшихъ чертахъ, всю наличность тогдашняго русскаго лѣтописанія, начиная съ древнѣйшаго, кіевскаго, и кончая позднѣйшимъ—московскимъ, нижегородскимъ и т. д. Наряду съ самыми древними памятниками, сюда внесены и такіе, напр., какъ Фотіево посланіе 1417 года, духовная митр. Кипріана 1406 года. Включая въ свой трудъ столь обширный матеріалъ, московскій сводчикъ оставлялъ однако же неприкосновенными разныя мелкія особенности, которыя находилъ въ мѣстныхъ источникахъ, не обезличивалъ ихъ: такимъ образомъ, мысли и чувства какого-нибудь рязанскаго, смоленскаго и псковскаго лѣтописца, сопровождавшія описаніе того или иного событія въ мѣстныхъ лѣтописяхъ, заносились и въ общій сводъ, редакторъ котораго не стремился къ освѣщенію событій съ какой-либо своей точки зрѣнія. Этотъ компилятивный механизмъ сказался и въ наиболѣе щекотливыхъ моментахъ его труда: напр., титулъ великаго князя носитъ въ московскомъ общерусскомъ сводѣ не одинъ только московскій князь, но также рязанскій, нижегородскій, смоленскій и др.; ясно, что въ данномъ случаѣ сводчикъ слѣдовалъ подлиннымъ выраженіямъ своихъ оригиналовъ. Въ самомъ разсказѣ мы видимъ слѣды продолжавшейся въ XIV—XV в.в. борьбы разныхъ князей за свое политическое преобладаніе; съ Москвой соперничаютъ Нижній и Рязань, а Новгородъ и Псковъ живутъ совершенно независимой, отдѣльной жизнью. Въ сводъ заносится, напр., рѣзкій отзывъ нижегородскаго лѣтописца о событіи 1393 года, и симпатіи послѣдняго лежатъ, конечно, не на сторонѣ московскаго князя, а, напротивъ, своего природнаго князя Бориса Константиновича. И, при всемъ этомъ, сводчикъ интересуется всей русской землей, самыми отдаленными ея городами и областями, не приведенными еще къ какой-либо единой политической связи; съ одинаковымъ интересомъ онъ заноситъ въ свой трудъ описанія моровой язвы въ Псковѣ въ 1352 году и въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ въ 1364 году, при чемъ

---

[1]) «Общерусскій лѣтописный сводъ — говоритъ Шахматовъ — могъ быть названъ Владимірскимъ полихрономъ именно потому, что составленъ митрополитомъ, каѳедральнымъ городомъ котораго считался Владиміръ (ср. опредѣленіе патріаршаго собора о перенесеніи каѳедры русской митрополіи изъ Кіева во Владиміръ 1354 г. и соображенія Голубинскаго въ И. Р. Ц., II. 1, стр. 140). Весьма возможно, что официальнымъ названіемъ общерусскаго свода и было «Владимірскій полихронъ» (Ж. М. Н. Пр., 1900, № 9, стр. 176).

сопровождаетъ ихъ благочестивыми разсужденіями псковича и переяславца; какія-нибудь небесныя знаменія, видѣнныя въ Новгородѣ, Москвѣ или Твери, одинаково находятъ себѣ мѣсто въ его лѣтописи, рядомъ съ указаніемъ на то впечатлѣніе, какое они производили на мѣстное населеніе. Характернымъ въ данномъ случаѣ является именно то, что, при всей компилятивности повѣствованія, у сводчика виденъ общій интересъ ко всей русской землѣ, а не къ какой-либо отдѣльной ея области. Опредѣляя въ общемъ литературные источники Владимірскаго полихрона 1423 года, Шахматовъ указываетъ на: 1) лѣтописные своды, 2) выборки изъ мѣстныхъ лѣтописей, 3) хронологическіе сборники, 4) произведенія духовной литературы, 5) грамоты и посланія, 6) юридическіе акты и памятники, 7) произведенія народной словесности.

Мѣстомъ возникновенія такого свода могла быть только Москва: никуда не могло быть стянуто такое количество лѣтописнаго матеріала, какъ именно въ Москву, и весьма вѣроятно, что работа эта совершена была по мысли московскаго митрополита, бывшаго тогда единственнымъ лицомъ, въ которомъ офиціально признавалось и даже подчеркивалось единство русской земли со стороны Константинопольскаго патріарха: въ XIV вѣкѣ объ этомъ не разъ бывали оттуда напоминанія митрополитамъ Алексію и Кипріану, слишкомъ увлекавшимся симпатіями къ Москвѣ и забывавшимъ «русскую землю», «Русь» вообще; нечего и говорить о томъ, что только одинъ московскій митрополитъ могъ своей властью приказать доставить въ Москву отъ мѣстныхъ епископовъ и монастырей списки лѣтописей, выписки и вообще разнаго рода необходимый для свода матеріалъ: житія, поученія, повѣсти, посланія и т. п. Изслѣдователь полагаетъ, что инициатива общерусскаго лѣтописнаго свода принадлежала митрополиту Фотію (1408—1431), а выполненіе этого дѣла поручено было извѣстному Пахомію-сербу [1]).

Шахматовъ, пришедшій къ этимъ выводамъ о возникновеніи въ Москвѣ въ первой четверти XV вѣка, въ митрополичьей канцеляріи, общерусскаго лѣтописнаго свода, углубляетъ свои изслѣдованія надъ этимъ памятникомъ какъ въ его прошломъ, такъ и въ послѣдующей судьбѣ; онъ находитъ возможнымъ предполагать, съ одной стороны, что общерусскія лѣтописныя компиляціи существовали уже въ XIV вѣкѣ, а съ другой указываетъ на то, что трудъ Пахомія продолжалъ перерабатываться въ смыслѣ сокращенія: первую редакцію такого сокращенія онъ относитъ къ 1448 году, вторую къ 1499, третью къ двадцатымъ годамъ XVI вѣка. Но эти наблюденія уже не имѣютъ для насъ въ данномъ случаѣ большого интереса, который почти цѣликомъ исчерпывается указаніемъ на многозначительный фактъ возникновенія въ XV вѣкѣ памятника, свидѣтельствующаго о наличности идеи объединенія на Руси въ эту пору. Впрочемъ, должно здѣсь отмѣтить, что все-таки не слѣдуетъ слишкомъ переоцѣнивать этого факта: отъ компилятивной работы въ митрополичьей канцеляріи до яснаго сознанія необхо-

---

[1]) Шахматовъ, А. Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ. Ж. М. Н. Пр., 1900, № 9, стр. 118, 162—168; № 11, стр. 152—153.

димости политическаго и духовнаго объединенія въ сколько-нибудь широкихъ общественныхъ кругахъ еще было далеко. Кромѣ того, не вполнѣ убѣдительной представляется и догадка Шахматова о томъ, что авторомъ компиляціи былъ именно Пахомій; этотъ вопросъ требовалъ бы еще новыхъ изслѣдованій, хотя въ данномъ случаѣ онъ также не имѣетъ для насъ большого значенія.

2.

Оживленіе интереса къ Византіи.—Повѣсть о взятіи Царяграда; ея нравственный и политическій смыслъ.—Теорія о Москвѣ-третьемъ Римѣ.—Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ.

Въ XV вѣкѣ получаетъ большое оживленіе на Руси интересъ къ Византіи. Какъ уже не разъ указано было мною раньше, отношенія къ Византіи были въ Россіи давнія и исконныя. Оттуда получено было ею христіанство, начатки литературы, первые церковные администраторы; съ Византіей были постоянныя живыя связи путемъ паломническихъ хожденій въ Царьградъ и въ Палестину; реальною связью съ нею была власть Константинопольскаго патріарха, выражавшаяся въ поставленіи русскихъ митрополитовъ сначала кіевскихъ, потомъ «всея Руси». Къ XV вѣку эти фактическія отношенія, все болѣе и болѣе скрѣплявшіяся единствомъ православной вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ отклоненіемъ и отчужденіемъ отъ «схизматическаго» Запада, начали стремиться къ полученію принципіальной формулировки и литературной обработки. Особо важнымъ поводомъ къ этому послужило завоеваніе Константинополя въ 1453 году турками, повѣдшее за собою прекращеніе политическаго существованія Византійской имперіи. Литература приняла на себя задачу опредѣлить свое отношеніе къ этому выдающемуся событію и сдѣлать изъ него тѣ выводы, которые вытекали изъ прежнихъ отношеній Руси къ Византіи, ея современнаго положенія и ея правъ на будущее.

Среди относящихся сюда литературныхъ произведеній особое мѣсто занимаетъ «Повѣсть о взятіи Царяграда», возникшая первоначально отдѣльно и вошедшая потомъ въ разнаго рода сборники и лѣтописные своды [1]).

Въ болѣе полныхъ изводахъ повѣсть состоитъ изъ двухъ частей: объ основаніи Царяграда и о взятіи его турками. Объ основаніи Царяграда разсказывается, что римскій царь Константинъ Флавій, заботясь о распространеніи христіанской вѣры, задумалъ основать городъ, для чего посланные «мудрые мужи» и нашли подходящее мѣсто. Не обошлось тутъ и безъ про-

[1]) В. Яковлевъ. Сказаніе о Царѣградѣ по древнимъ рукописямъ, Спб. 1868; Никоновская Лѣтопись, подъ 1453 годомъ: П. С. Р. Л. XII, стр. 78—81, 83—97. Пересказъ «повѣсти» по разнымъ спискамъ, съ присоединеніемъ комментарія и нѣкоторыхъ справокъ съ византійскими, латинскими и восточными памятниками, сдѣланъ былъ И. И. Срезневскимъ: Ученыя Записки II Отд. А. Н., кн. I (1854), отд. III, стр. 103—133. Литературу объ этомъ памятникѣ см. въ статьѣ А. С. Орлова: Изв. II Отд. А. Н. XIII, 1908, кн. 4, стр. 347—348, пр. 2.

роческаго сна, въ которомъ царю указано было на великую будущность воздвигаемаго города; смыслъ пророчества былъ таковъ, что новый городъ сдѣлается нѣкогда ареной борьбы христіанства съ бусурманствомъ, что послѣднее сначала одолѣетъ первое, но что въ концѣ концовъ побѣда останется за христіанствомъ. Весьма вѣроятно, конечно, что этотъ разсказъ, какъ и дальнѣйшее краткое повѣствованіе объ основаніи Царяграда, о свезенныхъ въ него драгоцѣнныхъ сокровищахъ и о нѣсколькихъ годахъ напряженной работы надъ его постройкой, есть позднѣйшая вставка лица, желавшаго, такъ сказать, округлить первоначальный разсказъ лишь о паденіи Царяграда отъ руки турокъ въ 1453 году. Разсказъ же объ этомъ послѣднемъ событіи начинается съ того, какъ «безбожный Махметъ брань воздвиже противъ Константинограда, не по чину, но противу содержанія клятвы; воинство приведе зѣло много по земли и по морю и ратовати нача, и пришедъ внезапу и градъ обступи со многими силами». Затѣмъ идетъ описаніе того впечатлѣнія, которое произвело это появленіе врага на царя Константина, войско, духовенство и все городское населеніе. Стали молиться Богу и дѣлать приготовленія къ оборонѣ. Между тѣмъ турки не замедлили начать приступы на городъ, повторявшіеся нѣсколько разъ и уносившіе громадное количество жертвъ съ той и другой стороны. Царь лично объѣзжалъ разныя части города, прося войска и всѣхъ участниковъ защиты стоять твердо, и всѣ давали свое обѣщаніе положить «головы свои за православную вѣру и за святыя церкви». Но вотъ въ ночь на 24 мая осажденные были свидѣтелями слѣдующаго чуда: весь городъ освѣтился заревомъ; сначала подумали, что это пожаръ, но потомъ оказалось, что изъ оконъ храма св. Софіи поднялось огромное пламя, окружило церковный куполъ и, обратившись въ «неизреченный свѣтъ», ушло на небо. Бояре и другіе ближніе люди истолковали это видѣніе царю такъ, что это былъ ангелъ Божій, служившій къ охраненію св. Софіи: теперь онъ оставилъ церковь, и это—явное указаніе на то, что городъ будетъ преданъ врагамъ. Всѣ умоляли царя оставить городъ, но онъ рѣшился умереть и осуществилъ свое рѣшеніе въ одинъ изъ дальнѣйшихъ приступовъ турокъ, за которымъ послѣдовало взятіе непріятелемъ города: «тако—говоритъ авторъ въ заключительныхъ строкахъ повѣсти — грѣхъ ради нашихъ беззаконный Махметъ, сѣдя на престолѣ царстѣмъ благороднѣйша суща всѣхъ иже подъ солнцемъ и изобладаша владѣющихъ двѣма части вселенныя, и одолѣ одолѣвшихъ гордаго Артаксеркса, невмѣстимаго пучинами морскими и вои водя шире земля и потреби потребившихъ Трою предивную, седмидесяти четырьмя кралями обороняемую» [1]).

Весьма вѣроятно, что это—русское сочиненіе, написанное очевидцемъ событія, какъ о томъ можно заключить изъ отдѣльныхъ частей описанія и отсутствія какихъ-либо ссылокъ на посторонніе источники, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ авторъ прямо говоритъ: «отъ иныхъ же тако слышахомъ». Болѣе точному выясненію вопроса объ авторѣ «Повѣсти» послужило опубликованіе новаго ея списка, найденнаго арх. Леони-

[1]) По изд. В. Яковлева, стр. 113—114.

домъ[1]). Издатель относитъ списокъ къ началу XVI вѣка; онъ замѣчателенъ находящимся при немъ послѣсловіемъ, изъ котораго видно, что «списателемъ» Повѣсти былъ нѣкто Несторъ-Искандеръ, русскій по происхожденію и невольный потурченецъ. Изъ послѣсловія не видно, почему Несторъ вынужденъ былъ служить въ турецкихъ войскахъ, но, потурченный, онъ втайнѣ оставался христіаниномъ. Находясь среди осаждавшихъ Константинополь, онъ съ тяжелымъ сердцемъ смотрѣлъ на успѣхи турокъ и, повидимому, велъ дневникъ всей осады. Когда городъ былъ взятъ, Несторъ сблизился съ греками-христіанами, записалъ отъ очевидцевъ свѣдѣнія о положеніи осажденныхъ въ городѣ и вообще о ходѣ дѣла съ греческой стороны. Потомъ онъ привелъ свои записки въ порядокъ и, такимъ образомъ, составилъ «Повѣсть о Царьградѣ» въ «воспоминаніе своего языка»; т. е. для славянъ. Какъ перешла повѣсть въ Россію, въ послѣсловіи нѣтъ свѣдѣній. Покойный издатель этого интереснаго списка объясняетъ, почему названное послѣсловіе не имѣется при другихъ спискахъ: быть можетъ, переписчиковъ смущало то обстоятельство, что авторъ былъ потурченецъ, хотя и невольный, а это могло ослабить впечатлѣніе отъ разсказа о борьбѣ христіанъ съ «безбожными», исполненной такого многозначительнаго смысла для первыхъ. Такимъ образомъ, если принять указанія изложеннаго «послѣсловія» за достовѣрныя[2]), то мы имѣемъ дѣло съ исторической повѣстью, написанной русскимъ въ самомъ началѣ второй половины XV вѣка.

Для русскихъ читателей памятникъ этотъ былъ не однимъ лишь разсказомъ о происшедшихъ событіяхъ. Важна была не только фактическая сторона «Повѣсти», но и ея нравственный и политическій смыслъ: Царьградъ палъ «грѣхъ ради нашихъ» (по изд. Яковлева, стр. 59) или «понеже беззаконія наша превзыдоша главы наша и грѣхи наша отяготѣша сердца наша» (П. С. Р. Л. XII, стр. 88). Другіе выражались по этому вопросу еще болѣе опредѣленно: напр., извѣстный публицистъ XVI вѣка Иванъ Пересвѣтовъ, котораго «Сказаніе о царѣ турскомъ Махметѣ» помѣщено въ Никоновской Лѣтописи непосредственно за «Повѣстью» о паденіи Царьграда, прямо говоритъ, что «вельможи царевы» ради личнаго обогащенія продавали правосудіе и мѣшали царю Константину ввести въ государство необходимыя улучшенія (П. С. Р. Л. XII, стр. 103). Итакъ, Царьградъ палъ; но православное чувство русскаго человѣка не могло примириться съ мыслью, чтобы погибло и христіанство, авторитетнымъ источникомъ котораго была для него въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Византія. Къ XV вѣку политическое и общественное самосознаніе въ Россіи настолько выросло, увѣренность въ своихъ жизненныхъ силахъ настолько окрѣпла, что весьма естественнымъ былъ такой выводъ изъ факта паденія Царьграда: Царьградъ палъ, но у него есть готовый преемникъ по царской власти и по власти святительской; этотъ преемникъ—Россія, и на нее должно перенести историческія права и

[1]) Повѣсть о Царьградѣ, Нестора-Искандера, XV в. Спб. 1886 (Пам. Древн. Письм. № LXII).

[2]) Ср. Л. Майковъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. I. Спб. 1890, стр. 32.

обязанности Византіи; послѣднія облекались въ мысль о необходимости борьбы съ турками, въ конечномъ результатѣ которой предполагалась побѣда и обладаніе Константинополемъ: тутъ мы видимъ корень и программу такъ называемаго впослѣдствіи «восточнаго вопроса».

Вопросъ о преемствѣ царской власти изъ Византіи окруженъ цѣлымъ рядомъ литературныхъ памятниковъ провиденціальнаго или мистическаго характера. Подобные памятники были еще у грековъ и задолго до паденія Византіи. Отголоски такой литературы мы видѣли уже въ Повѣсти о Царьградѣ (сонъ царя Константина Флавія о будущности Царьграда). Въ греческой литературѣ распространено было не мало сказаній о будущей судьбѣ имперіи, въ видѣ загадокъ, ямбическихъ стиховъ, сновидѣній благочестивыхъ мужей: таковы, напр., предсказанія Льва Премудраго, патріарховъ Меѳодія и Геннадія, Сивиллины книги пророчествъ. Смыслъ ихъ всѣхъ былъ одинъ и тотъ же: Византія будетъ предана въ руки внѣшняго врага, но въ концѣ концовъ будетъ спасена посланнымъ свыше царемъ. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ въ исторіи Византіи предсказанія эти относительно внѣшняго врага примѣнялись то къ арабамъ, то къ славянамъ, то къ крестоносцамъ, то, наконецъ, къ туркамъ. Самыя предсказанія также мѣнялись въ своей формѣ, принимали разнообразные литературные виды. Эти памятники находили себѣ распространеніе, въ переводахъ, въ Россіи въ разнаго рода сборникахъ, вродѣ «Цвѣтника», «Лебедя», «Книги Льва царя Премудраго» [1]) и т. п., и позднѣе, въ XVI вѣкѣ, заносились даже въ офиціальные памятники, напр. въ Степенную книгу. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстная роль въ подогрѣваніи интереса къ этой литературѣ и къ соединеннымъ съ ней политическимъ мечтаніямъ и ожиданіямъ принадлежала южнымъ славянамъ. Въ XIV вѣкѣ болгарскій властитель Александръ и сербскій Душанъ мечтаютъ о завоеваніи Константинополя и даже именуютъ себя «царями»; одновременно съ этимъ, у болгаръ и у сербовъ являются свои, независимые отъ константинопольскаго, патріархи. Но осуществленіе политическихъ мечтаній относительно Византіи оказалось не по плечу южно-славянскимъ государямъ: въ концѣ концовъ имъ самимъ пришлось потерять свою политическую независимость. Тогда мысль о единственномъ правѣ на преемство византійской власти въ будущемъ переносится на Россію, и южно-славянскіе выходцы, вродѣ извѣстнаго серба Пахомія, остаются далеко не безучастными къ поддержанію этихъ тенденцій въ Россіи. Самый фактъ паденія Византіи въ половинѣ XV вѣка далъ могучій толчокъ дальнѣйшему росту названной идеи. Усиленно стали комментироваться старыя византійскія «сказанія» и «пророчества». Въ «пророчествѣ Льва» говорилось, что послѣ овладѣнія Константинополемъ невѣрными явится нѣкій «русый народъ» (ξανθὸν γένος), который освободитъ Византію и воскреситъ ея могущество: изъ этого «русаго» народа сдѣланъ былъ просто «русскій» народъ—и старая провиденціальная мечта получила новое подкрѣпленіе. Во второй половинѣ XV вѣка мысль эта, сначала лишь косвенно и въ об-

---

[1]) Ю. А. Яворскій. Византійскія сказанія о Львѣ Премудромъ въ русскихъ спискахъ XVII—XVIII вѣковъ. Спб. 1909, стр. 15—19.

щихъ чертахъ, находитъ себѣ выраженіе въ нѣкоторыхъ литературныхъ памятникахъ, посвященныхъ въ своей главной части другимъ предметамъ. Такъ, въ «Похвальномъ словѣ» инока Ѳомы тверскому князю Борису Александровичу, составленномъ около 1453 года, довольно ясно проскальзываетъ стремленіе автора возвеличить упомянутаго князя наименованіемъ его «великимъ самодержцемъ», «вторымъ Константиномъ», «воистину достойнымъ вѣнцу царскому» [1]). Въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ высказываетъ ту же мысль относительно московскаго князя неизвѣстный авторъ «Похвалы великому князю Василію Васильевичу», составляющей часть «Слова о составленіи осьмого собора латынскаго и о изверженіи Сидора Прелестнаго», написаніе котораго можетъ быть отнесено къ 1461 году [2]). Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка мысль эта получаетъ уже вполнѣ конкретныя формы. Въ послѣдней четверти XV вѣка (до 1491 года, а по другому мнѣнію—въ началѣ XVI вѣка) возникаетъ извѣстное сказаніе «о князьяхъ владимірскихъ» и цѣлый рядъ другихъ, сходныхъ съ нимъ по содержанію и основной идеѣ [3]). Здѣсь устанавливается прежде всего прямая генеалогическая связь между римскимъ «Августомъ кесаремъ» и русскимъ княземъ Владиміромъ Мономахомъ, и затѣмъ разсказывается, какъ во время побѣдоноснаго похода Владиміра на «Ѳракію» тогдашній византійскій царь Константинъ Мономахъ шлетъ къ русскому князю дары, между ними «крабицу сердоликову», которой «Августъ кесарь римскій веселяшеся», и «ожереліе, иже на плещу своею ношаше», съ золотой цѣпью «на славу и честь и вѣнчаніе». Смыслъ этого «сказанія» совершенно ясенъ: онъ заключался въ стремленіи установить преемственную законную связь относительно царской власти между римскимъ кесаремъ Августомъ, византійскимъ императоромъ и русскимъ Владиміромъ Мономахомъ, предкомъ князей Московскихъ; выводъ относительно послѣднихъ по вопросу о преемствѣ царской власти отъ Византіи также вытекалъ самъ собою. Въ 1511 году царскій дьякъ Мунехинъ привезъ изъ Москвы въ Псковъ «хронографъ», родъ всемірно-исторической компиляціи, составленной впервые въ 1442 году, какъ думаетъ Шахматовъ, упомянутымъ сербомъ Пахоміемъ [4]); этотъ хронографъ потерпѣлъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣкѣ рядъ измѣненій, а въ 1512 году получилъ новую обработку, вѣроятно подъ перомъ друга упомянутаго Мунехина, старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея [5]), одного изъ виднѣйшихъ литературныхъ выразителей византійско-русской идеи о

---

[1]) Лихачевъ. Н. П. Инока Ѳомы слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. (Пам. древней письм. и искусства, № CLXVIII). Спб. 1908, стр. LVIII—LX.

[2]) Рецензія А. С. Павлова на книгу А. Попова «Историко-литературный разборъ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. М. 1875»: Отчетъ о 19-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1878, стр. 292—294.

[3]) И. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. Спб. 1895, стр. 62—133, 588—604.

[4]) Къ вопросу о происхожденіи хронографа. Спб. 1899, стр. 78—81.

[5]) Тамъ же, стр. 111.

преемствѣ царской власти: хронографъ оканчивается разсказомъ о паденіи Царьграда въ формѣ характернаго «плача» по поводу этого событія.

Наиболѣе полное развитіе идеи о преемствѣ царской власти или о «Москвѣ-третьемъ Римѣ» находимъ мы въ другомъ трудѣ старца Филоѳея, въ его «Посланіи къ царю и великому князю Ивану Васильевичу», подъ которымъ нѣкоторые разумѣли Ивана III, а новѣйшій изслѣдователь литературной дѣятельности Филоѳея, проф. Малининъ [1] — Ивана IV. Во всякомъ случаѣ, оно [2]) является литературнымъ произведеніемъ первой половины XVI вѣка. Изложенная тутъ теорія Филоѳея можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ. Всѣми человѣческими дѣлами управляетъ Божья воля; ею цари возводятся на престолы, ею же достигается всякая правда на землѣ. Согласно съ пророческими книгами, старый Римъ, уклонившись въ ереси, палъ Божьимъ соизволеніемъ; новый Римъ, т. е. Константинополь, также погибъ, измѣнивъ православію и принявъ латинство. Софія Цареградская была попрана и досталась въ руки невѣрныхъ. Теперь остается третій Римъ — Москва, сіяющая благочестіемъ и славной соборной церковью Успенія Божіей Матери. Этотъ Римъ есть послѣдній въ исторіи человѣчества, и четвертому Риму не бывать. Поэтому, русскій царь есть единственный православный царь на землѣ, и царство русское есть послѣднее міровое царство, за которымъ послѣдуетъ царство Христа. Исходная точка теоріи Филоѳея заключалась въ извѣстномъ пророчествѣ Даніила о четырехъ монархіяхъ, изъ которыхъ послѣдней, по толкованію большинства христіанскихъ писателей, является Римская имперія: этимъ объясняется схема непосредственнаго преемства у Филоѳея отъ Рима къ Константинополю и затѣмъ Москвѣ.

Намъ нѣтъ необходимости слѣдить въ дальнѣйшемъ изложеніи ни за источниками теоріи старца Филоѳея въ прошломъ, ни за ея реальными приложеніями къ русской дѣйствительности въ настоящемъ (современномъ для теоріи) и будущемъ. Съ теоріей о «третьемъ Римѣ» намъ нужно было познакомиться лишь какъ съ однимъ изъ проявленій византійскаго вліянія на русскую жизнь и литературу; послѣдняя вспышка этого могучаго историческаго воздѣйствія относится именно къ концу XV и началу XVI вѣка и, достигнувъ своей кульминаціонной точки, падаетъ, отживаетъ свой вѣкъ, уступая во второй половинѣ XVI вѣка мѣсто новымъ теченіямъ, шедшимъ съ Запада. О другихъ сочиненіяхъ старца Филоѳея мы говорить не станемъ, но должны отмѣтить тутъ безспорно выдающуюся личность этого своеобразнаго философа-идеолога русской старины, политическая теорія котораго находилась въ извѣстномъ логическомъ соотвѣтствіи и съ другими его литературными трудами [3]). Какъ можно видѣть, теорія о «Москвѣ — третьемъ Римѣ», имѣющая столь отдаленные корни въ прошломъ, пережила рядъ столѣтій, чтобы явиться въ XIX вѣкѣ виднымъ составнымъ элементомъ по-

---

[1]) Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Историко-литературное изслѣдованіе В. Малинина. Кіевъ, 1901, стр. 374—375.

[2]) Напечатано въ «приложеніяхъ» къ сочиненію г. Малинина, стр. 57—66.

[3]) Малининъ, назв. соч., стр. 756—761.

литическаго міровоззрѣнія славянофиловъ, поскольку дѣло шло о разрѣшеніи «восточнаго вопроса» и будущей судьбѣ Константинополя.

Въ тѣсной связи съ теоріей о «третьемъ Римѣ» стоитъ и повѣсть «О новгородскомъ бѣломъ клобукѣ» [1]). Въ то время, какъ въ теоріи старца Филоѳея говорилось о преемствѣ свѣтской верховной власти, тутъ рѣчь идетъ о преемствѣ власти духовной —также изъ Рима въ Россію, но не въ Москву, а въ Новгородъ: именно, новгородскій архіепископъ является законнымъ наслѣдникомъ единой власти въ православной церкви, какъ московскій царь является наслѣдникомъ власти свѣтской, и какъ эмблемой свѣтской власти были регаліи, перешедшія отъ римскаго кесаря, черезъ византійскаго императора, къ русскому Владиміру Мономаху, какъ это изложено было въ «Сказаніи о князьяхъ владимірскихъ», такъ и эмблемой власти духовной является бѣлый клобукъ, перешедшій изъ Рима, черезъ константинопольскаго патріарха, къ новгородскому владыкѣ Василію.

Въ предисловіи къ «Повѣсти», имѣющемъ форму «Посланія Дмитрія—грека-толмача новгородцамъ архіепископа Геннадія», говорится, что эту «повѣсть» Дмитрій досталъ въ Римѣ отъ «книгохранителя римскія церкви» Іакова, списалъ ее «въ тайнѣ подлинно» и подноситъ архіепископу. Кто былъ этотъ Дмитрій—извѣстный ли Дмитрій-толмачъ, ѣздившій, въ качествѣ посла, въ Римъ при вел. кн. Василіи Ивановичѣ, или Дмитрій Траханіотъ, или Дмитрій Ларевъ—искать безполезно, потому что во всякомъ случаѣ имя это поставлено здѣсь произвольно; гораздо цѣннѣе, въ историческомъ отношеніи, упоминаніе имени Геннадія, извѣстнаго новгородскаго архіепископа (1484—1504), виднѣйшаго церковнаго дѣятеля конца XV и начала XVI вѣка и дѣятельнаго участника работъ по составленію полнаго славянскаго индекса библейскихъ книгъ. Временемъ дѣятельности Геннадія опредѣляются и хронологическія границы возникновенія «Повѣсти», составленіе которой нѣкоторые изслѣдователи, напр. проф. Малининъ (назв. соч., стр. 503), относятъ къ 1491—1492 годамъ. Во всякомъ случаѣ, это произведеніе въ общемъ современно трудамъ Филоѳея, а для опредѣленія того, предшествовало ли оно этимъ послѣднимъ, какъ думаетъ тотъ же авторъ (см. стр. 535), или, напротивъ, слѣдовало за ними, мы не имѣемъ вполнѣ надежныхъ указаній.

Содержаніе повѣсти таково. Однажды римскій царь Константинъ (тотъ самый, именемъ котораго начинается разсказъ «Повѣсти о Царьградѣ») жестоко заболѣлъ, и римскіе «волхвы» посовѣтовали ему для исцѣленія отъ болѣзни выкупаться въ крови перворожденныхъ младенцевъ; для этого приказано было доставить 3.000 такихъ дѣтей. Но въ ночь, предшествовавшую

---

[1]) Напечатана въ «Памятникахъ старинной русской литературы» Кушелева-Безбородко, вып. I (1860), стр. 287—298, и отдѣльно въ брошюрѣ: Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ и сказаніе о хранительномъ быліи, мерзкомъ зеліи, еже есть табацѣ. Изд. Д. Кожанчикова. Спб. 1861, стр. 1—46. Въ сокращенномъ и обезличенномъ видѣ эта «повѣсть» напечатана со списка XVII вѣка А. Назаревскимъ: Отчетъ о занятіяхъ въ Воронежскомъ губернскомъ музеѣ, въ «Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ», 1912, № 8, стр. 36—40.

предположенному убіенію дѣтей, царю явились въ видѣніи апостолы Петръ и Павелъ, обѣщая ему исцѣленіе, если онъ приметъ крещеніе. Царь послушался этого совѣта и, призвавъ на другой день епископа Сильвестра, принялъ отъ него крещеніе, былъ нареченъ именемъ Флавія и, дѣйствительно, выздоровѣлъ. Желая воздать Сильвестру наибольшую почесть, Константинъ предложилъ ему возложить на себя «царскій вѣнецъ», но тотъ отказался, и затѣмъ, при новомъ посредничествѣ апостоловъ Петра и Павла, рѣшено было предоставить Сильвестру ношеніе «бѣлаго клобука». По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ Константинъ, оставивъ Римъ, поселился въ основанной имъ Византіи. Послѣ смерти Сильвестра бѣлый клобукъ былъ предметомъ большого почтенія со стороны его преемниковъ по сану римскаго духовнаго владыки —вплоть до «папы Ѳармуса» (Формозы), который, уклонившись отъ апостольскаго ученія въ «ересь», возненавидѣлъ клобукъ и положилъ его въ сокровенное мѣсто. Прошло еще много лѣтъ, и новый папа, стремясь совсѣмъ избавиться отъ священнаго клобука, отправилъ его съ какимъ-то «Индрикомъ» въ море, въ «дальнія страны». Однако это предпріятіе постигла неудача: клобукъ вернулся и посланъ былъ, по приказанію ангела, въ Константинополь, гдѣ и принятъ былъ съ величайшей честью патріархомъ Филоѳеемъ. Филоѳей думалъ удержать эту святыню въ Константинополѣ, но ему явились въ видѣніи два мужа—папа Сильвестръ и царь Константинъ—и завѣщали отослать клобукъ въ Новгородъ. Тамъ былъ тогда архіепископомъ Василій, освѣдомленный въ видѣніи ангеломъ объ имѣющемъ прибыть клобукѣ; Василій принялъ его съ почестью, сопровождавшія его патріаршія грамоты прочелъ народу вслухъ, а самый клобукъ поставилъ на почетнѣйшемъ мѣстѣ въ храмѣ св. Софіи. Многіе приходили потомъ въ Новгородъ, дивились на ходящаго въ этомъ клобукѣ архіепископа, «повѣдающе о семъ во всѣхъ царствахъ и странахъ».

Включая повѣсти о Царьградѣ и о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ въ составъ оригинальныхъ русскихъ произведеній, мы должны однако же имѣть въ виду, что доказать полную ихъ свободу отъ непосредственныхъ византійскихъ литературныхъ вліяній невозможно: первая повѣсть цѣликомъ, а вторая въ первой своей половинѣ близко касаются Византіи, и весьма вѣроятно пользованіе со стороны авторовъ этихъ произведеній какими-либо византійскими источниками; русскій же авторъ или передѣлыватель той и другой повѣсти могъ въ тѣхъ или иныхъ частяхъ дополнить уже готовый разсказъ или сократить, внеся въ него, кромѣ того, свою окраску, сообразно господствовавшимъ тенденціямъ, и т. о. усвоить ихъ не только по формѣ, но и по духу русской литературѣ.

3.

Возобновленіе южно-славянскаго вліянія.—Новые пріемы въ агіографіи.—Дѣятельность митр. Кипріана, Епифанія Премудраго и Пахомія Логоѳета.

Характернымъ литературнымъ явленіемъ второй половины XIV и начала XV в. нужно считать также возобновленіе южно-славянскаго вліянія. На одну сторону этого вліянія—въ области политическихъ тенденцій—

было указано выше. Другой стороной его является литература и, въ частности, область агіографіи; приложеніе южно-славянскаго воздѣйствія къ области житійной литературы опять-таки находитъ себѣ извѣстное объясненіе въ фактахъ самой русской жизни.

Каковы бы ни были размѣры и общій характеръ вліянія татарскаго нашествія на ходъ русской жизни, о чемъ имѣются разнорѣчивыя сужденія, выступаетъ не подлежащій сомнѣнію фактъ, что на извѣстную часть народа это событіе произвело подавляющее впечатлѣніе. Созерцательные и проникнутые религіознымъ стремленіемъ умы нашли въ немъ богатую пищу для размышленій, и неоднократныя указанія лѣтописцевъ, что татарское нашествіе случилось «грѣхъ ради нашихъ», были отзвукомъ настроенія широкаго круга людей той эпохи—тѣмъ болѣе, что такая точка зрѣнія вполнѣ гармонировала и съ общими чертами тогдашняго религіозно-аскетическаго міровоззрѣнія. Усилилось стремленіе къ иноческой жизни; стали возникать въ большомъ количествѣ монастыри; особенно отмѣченъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи XIV вѣкъ, въ который возникло монастырей почти въ четыре раза болѣе, чѣмъ въ XIII вѣкѣ. Въ монастыри шли не только тѣ, кто искалъ въ нихъ мѣста для подвиговъ религіознаго благочестія, но и тѣ, кто стремился къ простой безопасности отъ тревогъ и случайностей тогдашней мірской жизни; наконецъ, тамъ могли находить себѣ удовлетвореніе запросы книжной любознательности и вообще стремленіе къ просвѣщенію. Такъ, въ эту эпоху русскаго средневѣковья, отмѣченную политическими броженіями, усиленной колонизаціей народныхъ массъ съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ, наличностью внѣшняго господства «невѣрныхъ» и хаотичностью общихъ идейныхъ стремленій, отразившейся и на литературѣ, возникаетъ рядъ монастырей, игравшихъ въ позднѣйшіе вѣка очень видную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія, напримѣръ—Троице-Сергіевскій, Кирилло-Бѣлозерскій, Волоколамскій. Знаменитый дѣятель XIV вѣка Стефанъ Пермскій основалъ нѣсколько монастырей на самыхъ сѣверныхъ окраинахъ тогдашней Россіи. Естественно, что такое тяготѣніе къ монастырской жизни, рядомъ съ наличностью чуждыхъ иноческому идеалу явленій, не могло не вызвать также и цѣлаго ряда замѣчательныхъ подвижниковъ, обращавшихъ на себя вниманіе народа еще при жизни, а чаще послѣ смерти; усиленно ходили разсказы объ ихъ благочестивой жизни, о совершаемыхъ ими или при ихъ гробѣ чудесахъ. Имена такихъ лицъ дѣлались драгоцѣннымъ достояніемъ народной памяти; ихъ слава вызывала разнообразные знаки почтенія со стороны князей, духовенства, боярства и народныхъ массъ; чувствовалась потребность закрѣпить словомъ свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ этихъ подвижниковъ, и это неминуемо должно было повлечь за собою возникновеніе мѣстной житійной литературы. Но своихъ силъ для созданія такой литературы было недостаточно, и на помощь къ нимъ пришли дѣятели изъ южнаго славянства.

Литературныя связи у русскихъ съ южнымъ славянствомъ были, какъ извѣстно, весьма давнія; особенно значительной была въ этомъ отношеніи роль Болгаріи, давшей русской письменности, при ея зарожденіи въ XI вѣкѣ, большое количество литературныхъ произведеній византійскаго происхо-

жденія, но личныя сношенія съ южными славянами въ древнюю пору не были у насъ оживленны. Въ XII—XIII вв. южно-славянское вліяніе значительно ослабѣло и возобновилось лишь во второй половинѣ XIV вѣка. Причиной этого возобновленія было съ одной стороны то, что сама русская литература, находившаяся въ XIII и перв. пол. XIV в. въ неблагопріятныхъ условіяхъ для своего развитія, была наиболѣе открыта проникновенію чужеземныхъ вліяній, а съ другой, наоборотъ, для южно-славянскихъ литературъ конецъ XIII и почти весь XIV вѣкъ были временемъ наибольшаго расцвѣта и оживленія. Въ это время, по словамъ А. И. Соболевскаго, «старые переводы съ греческаго одинъ за другимъ были подвергнуты пересмотру и исправленію, на основаніи сличенія съ оригиналами; между ними были тексты и Священнаго Писанія, и свято-отеческихъ твореній, и житій святыхъ, и хронографовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ явился рядъ новыхъ переводовъ всевозможныхъ произведеній греческой литературы: и богослужебныхъ пѣснопѣній, и сочиненій св. отцовъ, и свѣтскихъ повѣстей; наконецъ, появились кое-какіе, впрочемъ сравнительно очень немногіе, оригинальные труды южно-славянскихъ авторовъ—почти исключительно житія» [1]). Съ половины XIV вѣка усиливаются личныя сношенія русскихъ людей съ южно-славянскими дѣятелями, при чемъ мѣстомъ этихъ сношеній являются по преимуществу Константинополь и Аѳонъ, въ которыхъ сосредоточивалась главнымъ образомъ дѣятельность болгарскихъ и сербскихъ книжниковъ этой эпохи. Во второй половинѣ XIV вѣка въ Константинополѣ завелась даже небольшая колонія русскихъ монаховъ, занимавшихся перепиской и отчасти переводами книгъ. Такъ, въ 80-хъ или 90-хъ годахъ XIV вѣка жилъ въ Константинополѣ игуменъ Серпуховскаго монастыря Аѳанасій Высоцкій, ростовецъ родомъ, ученикъ преп. Сергія; слѣдомъ его книжной дѣятельности является, между прочимъ, сборникъ, переписанный, по его указанію, съ южно-славянскаго оригинала въ Константинополѣ и дошедшій до насъ въ копіи XVI вѣка вмѣстѣ съ «послѣсловіемъ», излагающимъ обстоятельства возникновенія рукописи [2]); въ 1383 году былъ изготовленъ въ Константинополѣ однимъ изъ членовъ русской колоніи списокъ Евангелія, тщательно исправленнаго по греческому тексту [3]); есть мнѣніе въ пользу того, что и знаменитый текстъ Новаго Завѣта, сохранившійся въ чудовскомъ спискѣ половины XIV вѣка и приписываемый перу митр. Алексія, сдѣланъ былъ также въ Константинополѣ [4]); имѣются указанія и на другія рукописи, писанныя въ XIV и XV вѣкахъ русскими въ Константинополѣ [5]).

Сношенія съ Аѳономъ были также довольно оживленны, хотя авторитетъ «Святой Горы» въ глазахъ русскихъ и не опирался на столь отдаленныя преданія, какъ авторитетъ Константинополя. Въ XIV—XV вѣкахъ на

[1]) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ, стр. 8.

[2]) Востоковъ, А. Описаніе Рум. Музея, стр. 516—517.

[3]) Описаніе рук. Моск. Синод. Б-ки, I, стр. 254—256.

[4]) Соболевскій, назв. соч., стр. 10, 26—31.

[5]) Тамъ же, стр. 24—26.

долю Аѳона выпала борьба съ еретическими мнѣніями Варлаама и Акиндина и съ католической пропагандой по вопросу объ уніи; въ этой борьбѣ аѳонскіе иноки показали не только стойкость своихъ религіозныхъ воззрѣній, но и выдающуюся образованность; въ ихъ средѣ оказались и простые начетчики, вродѣ Максима Кавсокаливскаго, увлекавшіе своей энергіей и темпераментомъ, и весьма ученые книжники, какъ Григорій Синаитъ, Нифонтъ, патріархи Аѳанасій, Каллистъ I и Каллистъ II, Діонисій, Григорій Палама [1]). Изъ русскихъ монаховъ, бывшихъ на Аѳонѣ во второй половинѣ XIV вѣка, можно отмѣтить игумена одного изъ новгородскихъ монастырей Иларіона, вынесшаго со Святой Горы Тактиконъ Никона Черногорца, архимандрита Печерскаго Досиѳея; въ 30-хъ годахъ XV вѣка былъ на Аѳонѣ іеромонахъ Аѳанасій Русинъ, переписавшій тамъ въ 1431 году Житіе св. Аѳанасія Аѳонскаго, копія съ котораго, сдѣланная уже въ Россіи, находится среди рукописей Троице-Сергіевой Лавры (Описаніе рук. Тр.-С. Лавры, III, стр. 141), а въ слѣдующемъ году онъ переписалъ, въ лаврѣ св. Аѳанасія, Житіе Григорія Омиритскаго, списокъ съ котораго былъ сдѣланъ позднѣе въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ [2]). Оригиналами для переписки нашимъ книжникамъ въ Константинополѣ и на Аѳонѣ являлись болгарскія и сербскія рукописи; значительное количество этихъ рукописей перешло и въ Россію, служа тутъ также предметомъ изученія и подражанія. Если мы посмотримъ теперь, имѣя въ виду эти обстоятельства, на русскія рукописи XV вѣка, то увидимъ многочисленные и яркіе слѣды подражанія русскихъ переписчиковъ южно-славянскимъ образцамъ въ особенностяхъ языка (средне-болгарскаго), правописанія, начертанія буквъ и орнамента. Это южно-славянское теченіе въ рукописной области захватывало съ одной стороны западно-русскую письменность и, черезъ ея посредничество, Псковъ, обособившійся съ начала XIV вѣка въ церковно-политическомъ и отчасти культурномъ отношеніи отъ Новгорода, а съ другой—сѣверо-восточную и московскую письменность; въ послѣднемъ районѣ южно-славянское рукописное вліяніе значительно ослабѣло уже къ половинѣ XVI вѣка, тогда какъ въ первомъ оно наблюдается еще и въ XVII вѣкѣ [3]). Южно-славянское вліяніе не ограничивалось одной внѣшностью; оно коснулось и литературныхъ вкусовъ и отразилось на самомъ содержаніи литературныхъ произведеній, возникшихъ на русской почвѣ въ XV вѣкѣ.

Выдающееся мѣсто въ этомъ процессѣ возобновившагося южно-славянскаго вліянія занимаетъ личная литературная дѣятельность южно-славянскихъ выходцевъ въ Россіи. Самыми извѣстными изъ нихъ являются трое: митрополитъ Кипріанъ, родомъ повидимому болгаринъ; затѣмъ, также болгарскій уроженецъ и родственникъ Кипріана, митрополитъ Григорій

---

[1]) (Горскій, А. В.). О сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями до XVIII вѣка. «Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцовъ», VI, кн. 1 (1848), стр. 119—144.

[2]) Соболевскій, назв. соч., стр. 31—32.

[3]) А. Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ объ языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV—XV в. Ж. М. Н. Пр. 1909, № 7, стр. 168—175.

Цамблакъ; наконецъ — сербъ Пахомій Логоѳетъ, пріобрѣтшій въ Россіи громкую литературную извѣстность. Всѣ три названные писателя были горячими любителями книжнаго дѣла, побывали на Святой Горѣ и, кромѣ того, двое первыхъ изъ нихъ обладали недюжинною по тому времени образованностью.

О Григоріи Цамблакѣ тутъ много распространяться не приходится. Его своеобразная жизненная судьба, навлекшая на него тяжелыя обвиненія и нерасположеніе съ разныхъ сторонъ въ Россіи, была одной изъ причинъ весьма малой извѣстности его произведеній на русской почвѣ; они облечены главнымъ образомъ въ форму церковныхъ поученій, но были между ними и два житія — Стефана Дечанскаго и Іоанна Новаго, изъ которыхъ послѣднее привлекло къ себѣ нѣкоторое вниманіе русскихъ книжниковъ лишь въ XVI и XVII вв. [1]).

Митрополитъ Кипріанъ. Кипріанъ какъ до своего пріѣзда въ Россію, такъ и послѣ находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ и съ Аѳономъ, хорошо былъ знакомъ съ фактами литературнаго движенія въ этихъ центрахъ и вообще былъ лицомъ прекрасно подготовленнымъ къ роли литературнаго посредника между южнымъ славянствомъ и Россіей. Поставленный константинопольскимъ патріархомъ въ митрополиты Южной Руси по ходатайству литовскаго князя, Кипріанъ прибылъ въ Кіевъ около 1377 года, а въ слѣдующемъ 1378 году, спустя четыре мѣсяца послѣ смерти митрополита Алексѣя, явился въ Москву на его мѣсто, но встрѣтилъ здѣсь довольно недружелюбный пріемъ; тогда онъ отправился для достиженія той же цѣли въ Константинополь. Однако надо было вооружиться терпѣніемъ, такъ какъ въ это время въ Москвѣ происходили замѣшательства именно по вопросу о замѣщеніи каѳедры, оставшейся вакантной послѣ Алексѣя; претенденту было недостаточно получить согласіе патріарха, надо было получить еще и одобреніе московскаго великаго князя. Въ санѣ московскаго митрополита появились на короткое время сначала Михаилъ, а затѣмъ Пименъ; однако великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской, питая нерасположеніе къ Пимену, вскорѣ вызвалъ изъ Кіева Кипріана, и тотъ явился въ Москву въ маѣ 1381 года, но пробылъ здѣсь лишь семь мѣсяцевъ — до прибытія Пимена изъ Константинополя; окончательно онъ былъ признанъ митрополитомъ московскимъ не ранѣе 1390 года, умеръ въ 1406 году. Объемъ литературной дѣятельности Кипріана съ трудомъ поддается опредѣленію. По старому мнѣнію, пущенному въ оборотъ В. Н. Татищевымъ, Кипріану усвоялось написаніе многихъ житій святыхъ, сочиненіе Степенной книги, обширныя работы въ области лѣтописей и проч., но новѣйшая критика, въ лицѣ Голубинскаго, находитъ возможнымъ считать Кипріана лишь авторомъ житія митрополита Петра, посланія къ игумену Аѳанасію и лѣтописныхъ записей, вошедшихъ въ составъ Никоновской Лѣтописи [2]). Для насъ имѣетъ интересъ въ данномъ случаѣ Житіе Петра (ум. 1326), одного

---

[1]) А. И. Яцимирскій. Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. Спб. 1904, стр. 456—465.

[2]) И. Р. Ц., II, перв. пол., стр. 347—354.

изъ предшественниковъ Кипріана по митрополичьей каѳедрѣ въ Москвѣ. До Кипріана существовало житіе митрополита Петра, усвояемое въ нѣкоторыхъ спискахъ ростовскому епископу Прохору (ум. 1328), но, написанное весьма кратко, оно уже не удовлетворяло потребностямъ новой эпохи, и Кипріанъ принялъ на себя задачу восполнить этотъ недостатокъ. Въ основу своего труда [1]), написаннаго во всякомъ случаѣ послѣ 1390 года, Кипріанъ положилъ Житіе, приписываемое Прохору, дополнилъ его нѣкоторыми указаніями фактическаго характера и облекъ въ совершенно новую литературную форму, внушенную ему полученнымъ имъ образованіемъ и знакомствомъ съ южно-славянской агіографической литературой. Въ этомъ трудѣ впервые является на русской почвѣ искусственное житійное повѣствованіе, небогатое фактами, но изложенное пространно и витіевато. Легендарные элементы, бывшіе уже въ трудѣ предшественника Кипріана, разростаются подъ перомъ послѣдняго до значительныхъ размѣровъ. Къ сообщенному тамъ преданію о видѣніи матери передъ рожденіемъ Петра, Кипріанъ прибавляетъ новое—о чудесномъ дарованіи отроку успѣха въ наукахъ. Подвижничество во монастырѣ, гдѣ постригся двѣнадцатилѣтній Петръ, настоятельство въ основанной имъ обители на Ратѣ и другія событія изъ жизни описываемаго лица переданы Кипріаномъ въ совершенно стереотипной формѣ, указанной южно-славянскими образцами; въ началѣ житія помѣщено витіеватое предисловіе, въ концѣ—краснорѣчивое похвальное слово, а самый разсказъ о жизни святителя украшенъ въ разныхъ мѣстахъ вводными разсужденіями, лишенными фактическаго содержанія и ненужными по существу. Главная задача труда—по заявленію самого автора—заключалась въ томъ, чтобы похвалить святого; этимъ опредѣляется и планъ сочиненія, и его содержаніе, и характеръ изложенія [2]).

Епифаній Премудрый. Прежде чѣмъ перейти къ Пахомію Логоѳету, литературная дѣятельность котораго въ области агіографіи относится ко второй и третьей четверти XV вѣка, мы должны, въ виду хронологической послѣдовательности, обратить вниманіе на одного замѣчательнаго русскаго агіобіографа, писавшаго въ первой четверти XV вѣка и обнаружившаго не только превосходное знакомство съ житійной южно-славянской литературой своего времени, но и выдающееся литературное дарованіе. Это былъ инокъ Троице-Сергіева монастыря Епифаній, получившій прозваніе «Премудраго» за высокое достоинство своихъ произведеній. О жизни его мы имѣемъ очень мало извѣстій. Изъ написаннаго Епифаніемъ Житія Стефана Пермскаго видно, что въ юности онъ жилъ съ этимъ святителемъ въ ростовскомъ монастырѣ Григорія Богослова, пользовался его пріязнью и часто бесѣдовалъ съ нимъ «о какомъ-нибудь событіи, о словѣ, о стихѣ писанія или о строкѣ». Отсюда можно заключить о рано развившейся въ Епифаніи любви

---

[1]) Напечатанъ въ Степенной Книгѣ, ч. I (М. 1775), стр. 410—424: «Мѣсяца декемврія въ 21 день. Житіе и подвизи и мало исповѣданіе чудесъ иже во святыхъ отца нашего Петра архіепископа Кіевскаго и всея Русіи, списано Кипріаномъ смиреннымъ мнихомъ и митрополитомъ Кіевскимъ и всеа Руси».

[2]) Ключевскій. Житія святыхъ, стр. 84—85.

къ книжнымъ занятіямъ. То же житіе даетъ основаніе предполагать, что Епифаній пришелъ въ ростовскій монастырь еще въ молодыхъ лѣтахъ, значительно позже Стефана, незадолго до его ухода на проповѣдь, т. е. до 1379 года, и вскорѣ перешелъ въ другой монастырь, Троице-Сергіевъ, гдѣ находился въ общеніи съ преп. Сергіемъ до самой смерти послѣдняго (ум. 1391). Скончался онъ, вѣроятно, между 1418—1421 годами [1]).

Епифаній написалъ житія обоихъ знаменитыхъ подвижниковъ, съ которыми судьба поставила его въ ближайшія отношенія.

Житіе Стефана Пермскаго (ум. 1396) написано Епифаніемъ вскорѣ послѣ смерти святителя [2]). Произведеніе это очень обширно. Оно состоитъ изъ пространнаго предисловія, въ которомъ авторъ высказываетъ удивленіе передъ заслугами Стефана и извиняется передъ читателемъ въ своей «грубости» и «невѣжествѣ». Затѣмъ подробно излагается жизнь святого, причемъ авторъ въ особенности останавливается на просвѣщеніи имъ зырянъ христіанской вѣрой и на составленіи пермской азбуки (авторъ сопоставляетъ Стефана съ первоучителемъ Кирилломъ). Въ концѣ, послѣ статьи «о преставленіи Стефана», помѣщены о немъ «плачи»: пермскихъ людей, пермской земли (гдѣ онъ былъ епископомъ), наконецъ «плачъ и похвала инока-списающа». Трудъ Епифанія чрезвычайно любопытенъ и по фактическимъ даннымъ, и по изложенію. Впрочемъ, фактическіе элементы житія не соотвѣтствуютъ тому обильному матеріалу, которымъ располагалъ авторъ по собственнымъ наблюденіямъ («своими очима видѣхъ») и по слуху («отъ старыхъ мужъ»). Главное вниманіе Епифанія было направлено къ тому, чтобы сдѣлать изъ своего труда похвалу святому: отсюда смѣшеніе житійныхъ и панегирическихъ элементовъ, изложенныхъ въ лирической формѣ. Внѣшняя форма сочиненія Епифанія представляется въ высшей степени искусственной, напыщенной и витіеватой, увеличивая до крайности объемъ повѣствованія и дѣлая его чтеніе затруднительнымъ даже для современниковъ. Хотя авторъ и говоритъ въ предисловіи, что онъ не былъ «въ Аѳинѣхъ отъ юности», не учился «у философовъ ихъ ни плетенія риторска, ни витійскихъ глаголъ» и не навыкъ «хитрорѣчія», однако въ дѣйствительности все его сочиненіе со стороны изложенія есть, по его собственному выраженію, чрезвычайно искусственное «плетеніе словесъ». По мѣстамъ витійство автора положительно не знаетъ границъ; но средства этого витійства въ общемъ сводятся къ амплификаціямъ, тавтологическимъ выраженіямъ и оборотамъ. Характеризуя святого, онъ набираетъ въ одномъ мѣстѣ 20, а въ другомъ даже 25 эпитетовъ. Вотъ послѣднее мѣсто (въ «плачѣ и похвалѣ инока списающа»): «Что еще тя нареку? Вожа заблужьшимъ, обрѣтателя погыбшимъ, наставника прельщенымъ, руководителя умомъ ослѣпленымъ, чистителя оскверненымъ, взыскателя расточенымъ, стража ратнымъ, утѣшителя печальнымъ, кормителя алчущимъ, подателя требующимъ, наказателя несмысленнымъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 88—92.

[2]) Напечатано въ «Пам. стар. р. лит.» Кушелева-Безбородко, вып. IV (1862), стр. 119—171; отдѣльно: Житіе Св. Стефана, епископа Пермскаго. Написано Епифаніемъ Премудрымъ. Изд. Археографической Комиссіи. Спб. 1897.

помощника обидимымъ, молитвенника тепла, ходатая вѣрна, поганымъ спасителя, бѣсомъ проклинателя, кумиромъ потребителя идоломъ попирателя, Богу служителя, мудрости рачителя, философіи любителя, цѣломудрію дѣлателя, правдѣ творителя, книгамъ сказателя, грамотѣ пермстѣй списателя?» (Пам. стар. р. лит., IV. 169). Начитанность Епифанія въ Священномъ Писаніи громадна: для подтвержденія своихъ словъ онъ выписываетъ пять, иногда до восьми текстовъ; кромѣ того, онъ знаетъ Хронографъ, Палею, Лѣствицу, Патерикъ, знакомъ съ сочиненіемъ Черноризца Храбра, со многими произведеніями прошлой и современной агіологической и церковно-ораторской литературы. Авторъ постоянно уклоняется отъ главной нити разсказа, и его изложеніе богато совершенно посторонними эпизодами; лирическій элементъ чрезвычайно обиленъ. Иногда витійство Епифанія принимаетъ стихотворную форму; такъ, волхвъ обращается къ пермскимъ людямъ со слѣдующими словами: «отеческихъ боговъ не оставливайте, а жертвъ и требъ ихъ не забывайте, а старые пошлины не покидывайте, давныя вѣры не пометывайте» (Пам. стар. р. лит., IV. 138).—Подобными же свойствами отличается и другой агіографическій трудъ Епифанія—житіе Сергія Радонежскаго, писанный, по словамъ самого автора, черезъ 26 лѣтъ послѣ смерти Сергія, т. е. въ 1417—1418 гг. [1]). Въ общемъ это произведеніе написано по тому же плану и съ тѣми же пріемами, что и житіе Стефана, отъ котораго оно, впрочемъ, отличается большимъ фактическимъ содержаніемъ; это послѣднее обстоятельство находитъ себѣ объясненіе не въ перемѣнѣ теоретическихъ взглядовъ Епифанія на искусство писательства, но въ томъ, что по отношенію къ Сергію авторъ располагалъ большимъ запасомъ наблюденій, болѣе близкимъ знакомствомъ съ описываемыми событіями. Кромѣ того, въ этомъ произведеніи сказалась еще одна черта, которую мы не встрѣчаемъ въ предшествующемъ трудѣ Епифанія: подчеркнуты нѣкоторыя тенденціи моральнаго, общественнаго и политическаго характера, очевидно явившіяся результатомъ новыхъ наблюденій Епифанія надъ современностью и особой обстановки жизни, въ которой находился описываемый имъ подвижникъ. «Въ житіи Сергія—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей этой стороны труда Епифанія [2])—отразился прежде всего культъ смиренія и снисхожденія, далѣе—принципъ иноческой нестяжательности; житіе освѣщаетъ близость Сергія и духовную его поддержку великокняжескому дому, но позволяетъ подозрѣвать въ біографѣ несочувствіе московской власти, когда она подавляла мѣстные интересы, и несочувствіе политическимъ миссіямъ Сергія, направленнымъ въ сторону, противоположную этимъ мѣстнымъ интересамъ».

---

[1]) Напечатано арх. Леонидомъ: Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Чудотворца и похвальное ему слово, написанныя ученикомъ его Епифаніемъ Премудрымъ въ XV вѣкѣ (Пам. др. письм. и искусства. № LVIII). Спб. 1885. О другихъ изданіяхъ см. у. Е. Е. Голубинскаго: Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Сергіевъ Посадъ, 1892, стр. 80.

[2]) Кадлубовскій, А. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ, стр. 178—179.

Оба агіографическіе труда Епифанія обнаруживаютъ въ немъ большое и яркое литературное дарованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ они свидѣтельствуютъ о полной еще неупорядоченности новаго житійнаго стиля на русской почвѣ. Несомнѣнно, что самъ Епифаній стремился къ подражанію южно-славянскимъ образцамъ, но его собственный стиль, вслѣдствіе большой оригинальности таланта автора, вышелъ въ высшей степени своеобразнымъ и не подъ силу для позднѣйшихъ писателей, которые хотѣли бы подражать «премудрѣйшему» Епифанію. Этимъ и слѣдуетъ объяснять сравнительно малую извѣстность его трудовъ въ древней русской письменности.

Пахомій Логоѳетъ. Третьимъ изъ южно-славянскихъ выходцевъ, трудившимся въ качествѣ русскаго писателя, былъ сербъ Пахомій Логоѳетъ. Свѣдѣнія о его жизни очень скудны, и до сихъ поръ изслѣдователи не согласны даже въ томъ, когда онъ прибылъ въ Россію и съ какого мѣста въ ней началъ свою литературную дѣятельность. Получивъ образованіе на Аѳонѣ и принявъ тамъ санъ іеромонаха, Пахомій, въ возрастѣ не моложе 30 лѣтъ, явился въ Россію, по мнѣнію И. С. Некрасова [1]), не ранѣе 1425 года, а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ В. Яблонскаго [2]) между 1429 и 1438 годами; въ то время какъ первый упомянутый авторъ, а также В. О. Ключевскій [3]) склонны были начинать пребываніе Пахомія на Руси съ Москвы, В. Яблонскій возвращается къ старой гипотезѣ, высказанной еще митр. Евгеніемъ и архіеп. Филаретомъ, что первымъ мѣстомъ дѣятельности сербскаго пришельца въ Россіи былъ Новгородъ [4]), гдѣ имъ написаны были служба и похвала Варлааму Хутынскому, служба Знаменію Богородицы и Житіе Варлаама; затѣмъ, около 1440—1443 годовъ онъ явился въ Москву и поселился въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, занимаясь тутъ составленіемъ житій Сергія, Никона, митр. Алексія и друг.; въ концѣ 1459 или началѣ 1460 года мы видимъ его снова въ Новгородѣ, потомъ въ 1461—1462 году опять въ Москвѣ, а въ 1462—1463 гг. въ Бѣлоозерѣ; дальнѣйшая судьба Пахомія совершенно неизвѣстна: можно предполагать лишь, что въ 70-хъ годахъ XV в. бывалъ онъ у Троицы и въ Новгородѣ, быть можетъ— на Устюгѣ, и умеръ не ранѣе 1484 года [5]); предположеніе Некрасова [6]), что Пахомій работалъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ еще въ 90-хъ годахъ XV в., встрѣчаетъ нѣкоторое затрудненіе въ необходимости предполагать исключительно долгую жизнь этого автора, на что мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ указаній.

Литературная дѣятельность Пахомія была весьма обширна и, какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія, шла въ двухъ направленіяхъ—въ

---

[1]) Пахомій Сербъ, писатель XV вѣка. Записки Новороссійскаго Университета. Т. VI (1871). стр. 32.

[2]) Пахомій Сербъ и его агіографическія писанія. Біографическій и библіографически-литературный очеркъ. Спб. 1908, стр. 15—16.

[3]) Назв. соч., стр. 119.

[4]) Назв. соч., стр. 13.

[5]) В. Яблонскій, стр. 16—20.

[6]) Назв. соч., стр. 58.

области лѣтописанія и агіографіи. Выше было указано (стр. 100) на мнѣніе академика Шахматова о томъ, что выполненіе идеи обще-русскаго лѣтописнаго свода въ 20-хъ годахъ XV вѣка должно быть приписано Пахомію: въ такомъ случаѣ слѣдуетъ предположить, что это былъ, вѣроятно, первый или одинъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ, совершонныхъ Пахоміемъ въ Россіи; нельзя не признать, что недостаточность нашихъ свѣдѣній о времени пріѣзда сербскаго выходца въ Россію лишаетъ это предположеніе значительной доли вѣроятности, особенно если принять во вниманіе обширность этой работы. Шахматову принадлежитъ, какъ упомянуто, и другое предположеніе — о томъ, что Пахомій составилъ въ 1442 году первоначальную редакцію русскаго Хронографа. Столь же предположительно, но весьма увѣренно приписывалъ Пахомію профессоръ А. С. Павловъ авторство упомянутаго выше историко-полемическаго «Слова о составленіи осьмого собора латынскаго и о изверженіи Сидора прелестнаго» [1]). Но мы не будемъ слѣдить за этой частью дѣятельности Пахомія не только потому, что она составляетъ пока лишь научную гипотезу, но и потому, что съ этой стороны Пахомій совершенно былъ неизвѣстенъ своимъ современникамъ и ближайшимъ поколѣніямъ въ Россіи. Напротивъ, онъ пользовался широкой и громкой извѣстностью какъ авторъ житій и похвальныхъ словъ и даже занималъ въ этомъ отношеніи въ Россіи XV вѣка какъ бы офиціальное положеніе, которое онъ создалъ себѣ своими литературными способностями, выдающимся трудолюбіемъ и легкой приспособляемостью къ условіямъ жизни.

Агіографическіе труды Пахомія могутъ быть распредѣлены на двѣ категоріи: одни написаны были имъ уже на основаніи ранѣе существовавшихъ произведеній, при чемъ Пахомій лишь сокращалъ или видоизмѣнялъ свой оригиналъ, не внося отъ себя лично ничего новаго, кромѣ стиля; другіе были составлены имъ, по устнымъ преданіямъ, болѣе или менѣе самостоятельно. Къ первымъ могутъ быть отнесены житія Сергія [2]), митр. Алексія [3]), Варлаама Хутынскаго, Новгородскаго архіепископа Моисея [4]) и сказаніе о кн. Михаилѣ Черниговскомъ; ко вторымъ—житія игумена Троице-Сергіева монастыря Никона [5]), новгородскаго архіепископа Евѳимія, Саввы Вишерскаго, Кирилла Бѣлозерскаго [6]) и, быть можетъ, другихъ. Надо имѣть въ виду, что нѣтъ возможности точно опредѣлить объемъ литературной дѣятельности Пахомія, какъ агіобіографа; ему, какъ въ свое время весьма извѣстному писателю, могло приписываться и дѣй-

---

[1]) Отчетъ о 19-мъ присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 285—288, 294.

[2]) Напечатано въ Четьихъ-Минеяхъ митр. Макарія: сентябрь, III (1883), с. 1563—1578.

[3]) Напечатано Н. В. Шляковымъ: Житіе св. Алексія, митрополита Московскаго, въ Пахоміевской редакціи. Изв. II Отд. А. Н. 1914, кн. 3, стр. 104—152.

[4]) Напечатано въ приложеніи къ труду В. Яблонскаго, стр. LXXXI—XCI.

[5]) Тамъ же, стр. LXIV—LXXXI.

[6]) Тамъ же, стр. I—LXIII.

ствительно приписывалось многое такое, на усвоеніе чего Пахомію не имѣется документальныхъ или вообще вполнѣ убѣдительныхъ доказательствъ: напр., это можно сказать о житіи архіепископа новгородскаго Іоанна. На свою авторскую задачу при составленіи житій Пахомій смотрѣлъ съ исключительно внѣшней стороны. Онъ мало дорожилъ истиной въ изложеніи прошлыхъ событій и, имѣя своей цѣлью исключительно возвеличеніе святого, въ изобиліи подбиралъ для своего разсказа подходящія черты, вовсе не считаясь со степенью ихъ исторической достовѣрности. При такомъ взглядѣ на дѣло, подъ перомъ Пахомія съ одной стороны возникали сообщенія безусловно недостовѣрныя, но нужныя для идеализаціи описываемаго подвижника, а съ другой—стирались цѣнныя для историка черты, которыя находилъ Пахомій въ своихъ письменныхъ источникахъ, но не считалъ ихъ соотвѣтствующими своей панегирической цѣли. Поэтому, житія, написанныя Пахоміемъ, въ общемъ имѣютъ характеръ литературныхъ шаблоновъ, отвѣчающихъ тому представленію о житіи, какъ пространномъ похвальномъ словѣ, какое составилось у Пахомія на основаніи его знакомства съ соотвѣтствующими образцами южно-славянской литературы. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ сравненіе его съ Епифаніемъ Премудрымъ, къ которому подаетъ поводъ житіе Сергія, написанное Пахоміемъ на основаніи труда Епифанія. Трудъ Епифанія по своимъ обширнымъ размѣрамъ и по характеру изложенія не былъ удобенъ для чтенія его въ церкви, и Пахомій взялъ на себя задачу приспособить именно къ этой цѣли свое повѣствованіе о знаменитомъ подвижникѣ. Для этого нужно было сократить оригиналъ Епифанія и затѣмъ сосредоточить главное вниманіе на посмертныхъ чудесахъ святого, представлявшихъ особую назидательность для церковнаго чтенія. Сокращая Епифанія, Пахомій, вмѣстѣ съ его риторическими отступленіями и украшеніями, выпустилъ и тѣ живыя наблюденія, которыя внесъ Епифаній по личнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ очевидцевъ, напр. касательно первыхъ шаговъ пустыннической жизни Сергія и основанной имъ обители. Какъ иностранецъ, чуждый мѣстныхъ интересовъ и не желавшій навлекать на себя чье-либо неудовольствіе въ Москвѣ, Пахомій совершенно опускаетъ объясненіе Епифанія, что переселеніе отца Сергія изъ Ростова было вызвано главнымъ образомъ московскими насиліями. Иныя умолчанія и поправки вызваны цѣлями отвлеченной идеализаціи, въ ущербъ истинѣ. Такъ, по Епифанію, Сергій, уходя въ пустыню, отдаетъ свою долю отцовскаго наслѣдства младшему брату, а у Пахомія—бѣднымъ, потому что такъ было приличнѣе сказать въ житіи; Епифаній просто говоритъ, что въ лѣсу, гдѣ поселился Сергій, было много звѣрей и гадовъ, а у Пахомія звѣри и змѣи были лишь внѣшней оболочкой бѣсовъ, нападавшихъ и искушавшихъ Сергія. По разсказу Епифанія, Сергій ушелъ изъ своего монастыря на Киржачъ вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ братіи не желали имѣть его игуменомъ, и во главѣ ихъ былъ братъ его Стефанъ, однажды изрекшій въ церкви на Сергія «многа, еже не лѣпо бѣ», но Пахомій нашелъ нужнымъ просто умолчать объ этомъ непріятномъ дѣлѣ, объяснивъ удаленіе Сергія желаніемъ отыскать мѣсто для

безмолвія, постоянно нарушавшагося приходившими богомольцами. Игнорируя любопытныя фактическія подробности въ послѣдовательномъ изложеніи Епифанія о постепенномъ ростѣ основанной Сергіемъ обители—новый агіобіографъ замѣняетъ все это общими мѣстами. Единственнымъ фактическимъ дополненіемъ со стороны Пахомія является его разсказъ объ открытіи мощей преподобнаго и о его посмертныхъ чудесахъ [1]). Житіе Сергія было, какъ полагаютъ [2]), однимъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ Пахомія по прибытіи его въ Москву. Болѣе важны въ историческомъ отношеніи тѣ труды Пахомія, которые онъ писалъ на основаніи имъ самимъ собраннаго матеріала и уже не имѣлъ возможности руководиться какимъ-либо готовымъ образцомъ; лучшими изъ ихъ числа являются житія архіепископа Евѳимія и Кирилла Бѣлозерскаго. Оба они отличаются въ литературномъ отношеніи неровностями и отсутствіемъ послѣдовательности въ разсказѣ; авторъ, повидимому, не могъ справиться съ неравномѣрностью въ разныхъ частяхъ имѣвшагося подъ руками матеріала. На этихъ работахъ съ особенной ясностью сказывается та черта Пахомія, какъ писателя, что его не интересовали ни факты, ни идеи и настроенія современной ему русской церковной жизни, которыя онъ могъ бы использовать въ своемъ трудѣ съ нравственно-назидательной цѣлью: напр., представляется весьма удивительнымъ, что въ житіи Кирилла Бѣлозерскаго онъ не высказываетъ своего взгляда на всѣхъ интересовавшій тогда вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, въ развитіи котораго мнѣнія бѣлозерскихъ иноковъ и самого основателя этой обители занимали столь выдающееся мѣсто; все это было чуждо Пахомію, потому что не соотвѣтствовало его главной цѣли—дать образъ святого подвижника въ общихъ рамкахъ церковной идеализаціи, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительнымъ условіямъ русской жизни. Житіе Евѳимія [3]) написано, вѣроятно, въ концѣ 50-хъ годовъ XV вѣка, а житіе Кирилла въ началѣ 60-хъ.—Нѣкоторые житійные труды Пахомія снабжены особыми присоединенными къ нимъ «похвальными словами», которыя, впрочемъ, писались имъ и независимо отъ житій: къ числу первыхъ принадлежатъ похвальныя слова Варлааму Хутынскому и Сергію Радонежскому, а ко вторымъ—Знаменію Б. М. въ Новгородѣ [4]) и на Покровъ. Кромѣ того, имъ написано значительное количество «службъ»—въ томъ числѣ Саввѣ Вишерскому, Евѳимію Новгородскому, Кириллу Бѣлозерскому. Популярность литературнаго имени Пахомія была причиною того, что ему приписывается въ рукописяхъ рядъ такихъ трудовъ богослужебнаго и агіографическаго характера [5]), принадлежность которыхъ этому автору ничѣмъ не можетъ быть доказана.

---

[1]) Ключевскій, назв. соч., стр. 129—132.

[2]) В. Яблонскій, назв. соч., стр. 62.

[3]) Напечатано въ Пам. стар. русской литер. IV, стр. 16—26.

[4]) Напечатано въ приложеніи къ труду В. Яблонскаго, стр. XCII—CI.

[5]) Тамъ же, стр. 198—217.

Общее впечатлѣніе отъ литературныхъ трудовъ Пахомія въ области агіографіи вѣрно выражено новѣйшимъ изслѣдователемъ: «Не внося самобытнаго идейнаго творчества въ русскую письменность, Пахомій не принесъ оригинальнаго въ сравненіи со своими учителями и въ области внѣшней обработки матеріала. То тяжелое впечатлѣніе, которое выносится изъ прочтенія писаній славнаго въ старину ритора, объясняется дѣланностью, натянутостью и искусственностью его риторическихъ украшеній. Отсутствіе искренняго чувства, живого творчества вездѣ замѣняется шаблонной книжностью. Образцы и фигуры, обычно не вытекая изъ содержанія, не вызванныя ни теченіемъ мысли, ни эстетикой чувства, вдвигаются въ разсказъ или приклеиваются къ нему просто потому, что они, вычитанные у предшественниковъ панегиристовъ, въ обиліи роились въ памяти автора, что это было такъ принято у его учителей и нравилось русскимъ читателямъ и слушателямъ, какъ новинка послѣ забытаго въ эпоху татарщины художественнаго краснорѣчія Кирилла Туровскаго» [1]). Несмотря, однако же, на скромные размѣры литературнаго таланта Пахомія, который лучше всего чувствовалъ себя въ области компиляціи и весьма охотно заполнялъ свои труды общими мѣстами, дѣятельность его имѣла въ исторіи русской агіобіографіи большое значеніе. Онъ оказался въ полномъ соотвѣтствіи съ уровнемъ литературныхъ потребностей на Руси въ XV вѣкѣ и, по недостатку другихъ литературныхъ силъ, былъ, въ качествѣ агіобіографа, желаннымъ гостемъ въ Новгородѣ и Москвѣ, куда его наперерывъ приглашали и заваливали литературной работой, щедро одаряя «искуснаго въ книжныхъ слогняхъ» писателя золотомъ, серебромъ и соболями. Онъ вездѣ, повидимому, чувствовалъ себя одинаково хорошо и свободно, чуждый мѣстныхъ интересовъ и равнодушный къ живымъ теченіямъ русской дѣйствительности. Труды его получили общее значеніе назидательныхъ сочиненій, безъ отношенія ко времени и мѣсту дѣйствія описанныхъ въ нихъ событій; ихъ охотно читали и переписывали, и литературное имя серба Пахомія сдѣлалось среди русскихъ книжниковъ гораздо болѣе извѣстнымъ, чѣмъ имя его болѣе талантливаго предшественника и отчасти современника Епифанія Премудраго.

Въ несомнѣнной связи съ литературной манерой разсмотрѣнной нами житійно-панегирической письменности XIV и XV вв. стояли и другія проявленія русской литературной жизни той эпохи, возникшія въ отдѣльныхъ ея областяхъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ недостаточно обслѣдованныхъ наукой. Въ числѣ такихъ провинціальныхъ уголковъ, питавшихъ мѣстныя литературныя тенденціи, въ средніе вѣка русской письменности занимаетъ довольно видное положеніе Тверь. Выше (стр. 98) было уже упомянуто о тверскомъ епископѣ Ѳеодорѣ, которому въ первой половинѣ XIV вѣка писалъ посланіе о «земномъ раѣ» Новгородскій архіепископъ Василій; въ началѣ XV вѣка въ Твери составляется, по волѣ епископа Арсенія, особая редакція Печерскаго Патерика; въ серединѣ того же столѣтія въ Твери возникаетъ замѣчательная редакція мѣстнаго

[1]) В. Яблонскій, назв. соч., стр. 285.

лѣтописнаго свода, съ ясными признаками политическаго самосознанія. Къ этой же порѣ относится и въ высшей степени интересное литературное произведеніе, на которое уже было указано мною вскользь нѣсколько выше (стр. 105). Это—Похвальное слово Тверского инока Ѳомы, написанное имъ въ честь Тверского великаго князя Бориса Александровича, прославленнаго также и упомянутой Тверской лѣтописью. По весьма вѣроятному предположенію издателя этого памятника, онъ составленъ около 1453 года въ Твери инокомъ Ѳомою, человѣкомъ начитаннымъ и явнымъ поклонникомъ современной ему искусственной хвалебно-житійной и повѣствовательной литературы. Обширное слово это [1]) состоитъ изъ пяти или даже шести частей, въ которыхъ, впрочемъ, А. А. Шахматовъ склоненъ видѣть шесть отдѣльныхъ произведеній того же автора и на одну и ту же тему [2]). Въ качествѣ придворнаго ритора при тверскомъ князѣ, инокъ Ѳома восхваляетъ Бориса Александровича всѣми средствами своего широкаго по тогдашнему книжнаго образованія: онъ знакомъ съ Іоанномъ Златоустомъ, Григоріемъ Богословомъ, Діонисіемъ Ареопагитомъ; онъ знаетъ Начальную Лѣтопись, ссылается на Хронографъ и особенно пользуется, изъ произведеній старой русской письменности, «Словомъ о законѣ и благодати» Кіевскаго митрополита Иларіона. Правда, Ѳома въ своемъ трудѣ не обнаруживаетъ большого самостоятельнаго литературнаго дарованія: онъ путается въ массѣ заимствованій, плохо владѣетъ усвоенной имъ риторической манерой и крайне многословенъ; однако это не мѣшаетъ ему являться виднымъ дѣятелемъ мѣстной тверской литературы XV вѣка, о которой мы такъ мало знаемъ. Догадка А. А. Шахматова, что иноку Ѳомѣ принадлежитъ и работа надъ новой редакціей упомянутаго Тверского лѣтописнаго свода [3]), представляется намъ нуждающейся въ болѣе солидныхъ доказательствахъ.

4.

Разногласія въ области религіознаго міровоззрѣнія.—Стригольники и жидовствующіе.—Заволжскіе старцы.—Литературная дѣятельность Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго; ихъ послѣдователи и продолжатели.

Одной изъ весьма характерныхъ особенностей русской жизни XV и начала XVI вѣка являются усиленныя религіозныя броженія и вызванныя ими произведенія литературы.

Выше было уже указано на появленіе въ XIV вѣкѣ въ Новгородѣ ереси «стригольниковъ»; въ началѣ семидесятыхъ годовъ XV вѣка на-

---

[1]) Въ изданіи Н. П. Лихачева: Инока Ѳомы Слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. Спб. 1908, стр. 1—55.

[2]) Отзывъ объ изданіи Н. П. Лихачева: Инока Ѳомы Слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. Спб. 1909, стр. 7—12.

[3]) Тамъ же, стр. 15—16.

шла себѣ мѣсто въ томъ же Новгородѣ и ересь жидовствующихъ». Идейная связь между этими двумя ересями не можетъ подлежать сомнѣнію. Происхожденіе ереси жидовствующихъ, по своей фактической обстановкѣ, такъ же неясно, какъ и ереси стригольниковъ, и въ то время, напримѣръ, какъ В. Ѳ. Боцяновскій ставитъ ее въ связь съ гуситскими и таборитскими идеями, пришедшими съ запада и нашедшими себѣ распространеніе въ Литвѣ и Польшѣ [1]), другой изъ новыхъ изслѣдователей этого вопроса, Ѳ. Ильинскій, выводитъ жидовствующихъ, съ ихъ ученіемъ, изъ византійско-славянскаго богомильскаго источника [2]), опираясь въ этомъ взглядѣ на ранѣе высказанное Ѳ. И. Успенскимъ мнѣніе о происхожденіи изъ богомильства же и ереси стригольниковъ. Современные ереси обличители ея, въ лицѣ Іосифа Волоцкаго, не задаваясь вопросомъ историческаго характера, приводили ее въ связь съ пріѣздомъ въ Новгородъ въ 1471 году кіевскаго князя Михаила Александровича или Олельковича, когда новгородцы искали себѣ защиты отъ московскаго князя въ союзѣ съ польскимъ королемъ. Князя сопровождала большая свита и въ ней былъ ученый еврей Схарія; этотъ-то Схарія и былъ основателемъ ереси жидовствующихъ. Въ числѣ первыхъ его послѣдователей явились новгородскіе священники Діонисій (Денисъ) и Алексѣй, изъ которыхъ послѣдній переименованъ былъ будто бы Авраамомъ, а его жена—Саррой. Послѣ десятилѣтняго существованія въ Новгородѣ, ересь перекинулась въ Москву и нашла себѣ тамъ нѣсколько послѣдователей, въ томъ числѣ и вліятельнаго главу посольскаго приказа Ѳеодора Курицына; позднѣе, въ подозрѣніи относительно принадлежности къ ереси и покровительства ей стоялъ и самъ московскій митрополитъ Зосима. Въ теченіе шестнадцати лѣтъ ересь жидовствующихъ не обращала на себя вниманія духовной и свѣтской власти, и только въ 1487 году случайно была открыта въ Новгородѣ. Тогдашній новгородскій архіепископъ Геннадій не замедлилъ возбудить офиціальное дѣло о ереси и прежде всего донесъ о своемъ открытіи великому князю и митрополиту въ Москву; получивъ отъ великаго князя наказъ «беречи, чтобъ то лихо въ земли не распростерлося», Геннадій приступилъ къ формальному обыску еретиковъ. Благодаря одному изъ уклонившихся въ ересь и затѣмъ раскаявшемуся, священнику Науму, Геннадію удалось установить главные пункты ученія жидовствующихъ и даже получить книги, по которымъ они совершали свои молитвы, но обвинить въ ереси оказалось возможнымъ пока лишь четырехъ человѣкъ; розыскъ продолжался какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ, и только 17 октября 1490 г. на соборѣ въ Москвѣ, при новомъ митрополитѣ Зосимѣ, жидовствующіе были осуждены церковной властью; сколько ихъ было въ этотъ моментъ, неизвѣстно. Послѣ церковнаго осужденія еретики должны были подвергнуться гражданской казни. Въ этой стадіи дѣло шло еще медленнѣе, и лишь въ концѣ 1504 года состоялось рѣшеніе, въ силу котораго многіе еретики—въ томъ числѣ братъ умершаго Ѳеодора Курицына, Иванъ

---

[1]) Русскіе вольнодумцы XIV—XV вѣковъ. «Новое Слово» 1896. № 12, стр. 169—173.

[2]) Русскіе богомилы XV вѣка. «Богословскій Вѣстникъ» 1905 г., № 6—7, стр. 447.

Максимовъ, и юрьевскій архимандритъ Касьянъ — были сожжены, а прочіе разосланы въ заточеніе и по монастырямъ [1]).

Сущность ученія жидовствующихъ во многомъ напоминаетъ стригольничество. Жидовствующіе стояли на той же критической и отрицательной точкѣ зрѣнія относительно православія. Они признавали одно только существо Божіе, отрицая Троицу и божественность Іисуса Христа, Котораго они считали простымъ человѣкомъ, естественно родившимся отъ Маріи; жидовствующіе не признавали, конечно, ни Іоанна Крестителя, ни святыхъ и не придавали писаніямъ послѣднихъ никакого особеннаго значенія. Они не признавали храмы за мѣста особаго присутствія Божія, не почитали крестовъ и иконъ. У нихъ были свои священники, отпавшіе отъ православнаго священства, и совершалась втайнѣ служба, но съ полнымъ пренебреженіемъ къ обрядамъ и преданіямъ православной церкви; къ церковной іерархіи и монашеству они относились, подобно стригольникамъ, совершенно отрицательно. Въ общемъ, это ученіе не представляло собою чего-либо опредѣленнаго и являлось скорѣе смѣсью раціоналистическихъ элементовъ съ протестомъ противъ церковнаго ученія и обрядности, доходившимъ до грубыхъ выходокъ безграничнаго фанатизма—если вѣрить обличеніямъ Іосифа въ его «Просвѣтителѣ». Но, съ другой стороны, среди послѣдователей ереси были, несомнѣнно, книжные люди, весьма начитанные, съ критическимъ направленіемъ ума, съ повышенными умственными интересами, съ научными по тому времени запросами, съ гуманистическими тенденціями въ области мысли и чувства и въ практикѣ самой жизни.

Въ этой атмосферѣ жидовствующими созданы были и нѣкоторыя, главнымъ образомъ въ послѣднее время сдѣлавшіяся извѣстными, явленія литературы. Такъ, еще архіепископъ новгородскій Геннадій въ посланіи къ сарскому епископу Прохору говоритъ о «попѣ Наумѣ», передавшемъ ему «тетрадь, по чему они (еретики) молились по-жидовски» и «превращены псалмы на ихъ обычаи» [2]). Подъ этими молитвами и псалмами надо разумѣть, повидимому, такъ называемую «Псалтырь жидовствующихъ», изданную въ послѣднее время проф. М. Н. Сперанскимъ (М. 1907). Съ именемъ предполагаемаго переводчика этой «псалтыри» съ еврейскаго оригинала, Ѳеодора-Жидовина, соединяется и другое литературное произведеніе—Посланіе объ истинѣ христіанской вѣры, писанное «ко всему роду іудейску» между 1448 и 1461 годами [3]). Идейная разница этихъ двухъ произведеній—изъ которыхъ одно, повидимому, болѣе раннее, беретъ подъ защиту православіе, а другое, напротивъ, служитъ интересамъ жидовствующихъ—дѣлаетъ весьма сомнительнымъ вопросъ о Ѳеодорѣ-Жидовинѣ, какъ авторѣ, хотя сама по себѣ личность его едва ли можетъ

[1]) Голубинскій. И. Р. Ц., II, перв. пол., стр. 560—582.

[2]) И. Хрущовъ. Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина. Спб. 1868, стр. XVI—XVII.

[3]) Напечатано М. И. Соколовымъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1902, кн. 3, отд. II, стр. 95—110.

подлежать сомнѣнію. Этому же Өеодору приписывалось исправленіе Пятокнижія Моисеева по еврейскому тексту и переводъ съ еврейскаго первыхъ десяти главъ книги Есөирь, внесенной уже въ Геннадіевскую Библію; но и тутъ мы стоимъ опять передъ вопросомъ, требующимъ новыхъ данныхъ для своего окончательнаго рѣшенія [1]). Болѣе несомнѣннымъ является происхожденіе отъ жидовствующихъ перевода «Логики» знаменитаго ученаго еврея XII вѣка Моисея Маймонида; этотъ переводъ, въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки XVI в., № 943, вызвалъ цѣнную замѣтку акад. А. И. Соболевскаго, который приводитъ данное произведеніе въ связь съ упоминаемой архіепископомъ Геннадіемъ «Логикой» жидовствующихъ въ его посланіи къ архіепископу Іоасафу въ началѣ 1489 года. Тотъ же изслѣдователь склоненъ считать входящей въ область литературы жидовствующихъ и книгу «Тайная тайныхъ», имѣющуюся въ спискахъ начиная съ XVI в. и представляющую переводъ весьма извѣстнаго въ средневѣковой литературѣ сочиненія, написаннаго будто бы Аристотелемъ для Александра Македонскаго [2]). При такихъ скудныхъ данныхъ пока невозможно сдѣлать какихъ-либо опредѣленныхъ заключеній о литературной дѣятельности жидовствующихъ; во всякомъ случаѣ, она едва ли была значительной [3]).

Гораздо многочисленнѣе и важнѣе по своему историческому значенію были тѣ произведенія, которыя направлены были къ обличенію ереси жидовствующихъ; во главѣ этихъ писателей стоитъ Іосифъ Волоцкій со своимъ знаменитымъ «Просвѣтителемъ». Но эти произведенія нельзя разсматривать исключительно по отношенію къ ереси, такъ какъ, съ одной стороны, они опирались на цѣлое міросозерцаніе, въ которое входили и церковные, и государственные, и нравственные вопросы, а съ другой— по своему содержанію они связаны были съ рядомъ другихъ произведеній, авторы которыхъ касались отчасти тѣхъ же вопросовъ, но разсматривали ихъ съ совершенно другой точки зрѣнія: самымъ извѣстнымъ изъ нихъ въ XV вѣкѣ былъ Нилъ Сорскій.

---

[1]) Въ столь же неопредѣленномъ отношеніи къ литературной дѣятельности жидовствующихъ стоитъ и изданный И. Е. Евсѣевымъ древній переводъ съ еврейскаго книги пророка Даніила по рукописи XVI вѣка: Чтенія Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ 1902, кн. 3, отд. II, стр. 127—164.

[2]) А. И. Соболевскій. «Логика» жидовствующихъ и «Тайная тайныхъ». Спб. 1899. Ср. Голубинскій, И. Р. Ц., II, перв. пол., стр. 604—605, 886—888. По рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря, № 1655, писанной въ 1483 году (А. Соболевскій. Переводная литература Московской Руси, стр. 406—408), «Логика» жидовствующихъ напечатана С. Л. Невѣровымъ: Кіевскія Унив. Извѣстія 1909, № 8, стр. 41—62.

[3]) Общій обзоръ ея см. въ «Замѣткахъ къ литературѣ о жидовствующихъ» Л. Бедржицкаго. Р. Ф. В. 1911, № 3—4, стр. 372—392, и въ трудѣ того же автора: «Литературная дѣятельность жидовствующихъ». Ж. М. Н. Пр. 1912, № 3, стр. 113—122. Ср. также В. Н. Перетцъ. Новые труды о «жидовствующихъ» XV в. и ихъ литературѣ. Кіевскія Университетскія Извѣстія 1908, № 10.

Іосифъ Волоцкій и его «Просвѣтитель». Іосифъ Волоцкій представляетъ замѣчательную и яркую фигуру на фонѣ событій русской жизни XV вѣка. Происходя изъ зажиточнаго рода Саниныхъ, имѣвшихъ вотчину въ Волоколамскихъ предѣлахъ, Іосифъ родился въ 1439 или 1440 году и на восьмомъ году отъ рожденія отданъ былъ учиться грамотѣ въ монастырь. Ученье отрока шло чрезвычайно успѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ росло въ душѣ Іосифа и пристрастіе къ иночеству. Въ семьѣ Саниныхъ вообще была наклонность къ монастырской жизни, а условія русской жизни во второй половинѣ XV вѣка, съ господствовавшимъ аскетическимъ настроеніемъ и съ ожиданіемъ конца седьмой тысячи лѣтъ (въ 1492 г.), способны были только усилить это настроеніе; въ юношѣ возгорѣлось желаніе принести соблазны земной жизни въ жертву будущему спасенію, и двадцати лѣтъ отъ роду онъ принялъ постриженіе отъ извѣстнаго своей строгой жизнью Пафнутія Боровскаго. Подъ руководствомъ этого подвижника, въ суровой обстановкѣ труда и лишеній, прошли первые годы собственныхъ подвиговъ Іосифа, вскорѣ доставившихъ ему—вмѣстѣ съ его умомъ и начитанностью—весьма почетное положеніе среди монастырской братіи. По смерти Пафнутія, Іосифъ сдѣлался игуменомъ и принялъ этотъ санъ въ Москвѣ, по волѣ великаго князя, отъ рукъ самого митрополита Геронтія. Однако въ Боровской обители Іосифъ игуменствовалъ недолго: строгія требованія новаго игумена были не по душѣ монастырской братіи, въ большинствѣ старшей его годами, и начался ропотъ. Тогда Іосифъ тайно покинулъ обитель, посѣтилъ монастыри Тверской области, прошелъ въ заволжскіе монастыри и черезъ годъ вернулся обратно, но пробылъ тутъ недолго: онъ задумалъ устроить новый монастырь по своей мысли и уставу. Этотъ монастырь и былъ основанъ въ 1479 году въ родной Іосифу Волоколамской области; въ это время ему не было еще и полныхъ сорока лѣтъ. Развитію и процвѣтанію монастыря содѣйствовали не только личныя качества основателя, но и покровительство свѣтской и духовной власти, особенно новгородскаго архіепископа Геннадія, который нашелъ въ Іосифѣ много близкихъ и родственныхъ себѣ чертъ. Съ той и другой стороны на новый монастырь посыпались милости въ видѣ денежныхъ вкладовъ и земельныхъ угодій; въ монастырь стали поступать знатные и богатые постриженики изъ бояръ. Самъ Іосифъ вскорѣ вовлеченъ былъ въ борьбу съ ересью жидовствующихъ, и дальнѣйшая жизнь его складывается изъ борьбы съ противуцерковными движеніями, изъ опредѣленія своихъ отношеній, путемъ литературной дѣятельности, къ разнымъ вопросамъ тогдашней жизни, къ мѣстному князю и къ великому князю московскому, наконецъ—изъ неустанныхъ трудовъ на пользу и процвѣтаніе своей обители. Среди этихъ работъ Іосифъ скончался 9 сентября 1515 года, назначивъ себѣ преемникомъ Даніила, который вскорѣ сдѣлался, впрочемъ, митрополитомъ всея Руси.

Сочиненія Іосифа Волоцкаго довольно многочисленны, но содержаніе ихъ замыкается въ два вопроса: о монастыряхъ и о ереси жидовствующихъ. Будучи самъ виднымъ дѣятелемъ и организаторомъ монастырской жизни и усматривая въ ней не только высшую форму идеальныхъ стремле-

ній человѣческаго духа, но и вѣрнѣйшее средство вѣчнаго спасенія, Іосифъ въ цѣломъ рядѣ «посланій», обращенныхъ то къ опредѣленнымъ лицамъ, то вообще «къ вельможамъ», «къ нѣкоему о Христѣ брату» и т. п., высказалъ свои взгляды на основы иноческой жизни и на основы жизни вообще, являясь строгимъ моралистомъ. Въ этихъ своихъ сочиненіяхъ Іосифъ представляется намъ типическимъ выразителемъ церковно-религіознаго идеала своего времени, послѣдовательнымъ консерваторомъ и энергичнымъ защитникомъ авторитета офиціальной церковности. Сочиненія эти еще и до сихъ поръ не всѣ опубликованы, и наиболѣе полно разсмотрѣны, преимущественно по рукописямъ, въ трудѣ И. Н. Хрущова [1]). Болѣе цѣльнымъ образомъ выразился Іосифъ, какъ авторъ, въ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ ереси жидовствующихъ: это—16 его «словъ на еретиковъ новгородскихъ», собранныхъ имъ въ особую книгу, которая получила позднѣе, въ половинѣ XVI вѣка, названіе «Просвѣтителя» [2]). Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ историческія свѣдѣнія о ереси (въ предисловіи къ сочиненію, подъ именемъ «сказаніе о новоявившейся ереси», и въ 15-мъ «словѣ») и обширное систематическое ея обличеніе, вмѣстѣ съ ожесточеннымъ памфлетомъ противъ лжеучителей, написаннымъ съ большой страстностью и увлеченіемъ. Доводы Іосифа противъ еретиковъ не представляютъ ничего новаго въ теоретическомъ смыслѣ сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ могъ располагать русскій книжникъ и болѣе отдаленнаго времени, опиравшійся на авторитетъ византійскихъ источниковъ и церковныхъ преданій. Болѣе оригинальнымъ является онъ въ своемъ непримиримомъ тонѣ относительно ереси, для искорененія которой онъ рекомендуетъ самыя суровыя мѣры, до «градской казни» включительно: въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ примыкаетъ къ мнѣнію новгородскаго архіепископа Геннадія, ссылавшагося въ одномъ изъ своихъ посланій на испанскую инквизицію, какъ на примѣръ, достойный подражанія, и устроившаго явившимся въ Новгородѣ послѣ осужденія на соборѣ 1490 года еретикамъ встрѣчу, напоминающую пріемы «шпанскаго короля». Въ разныхъ мѣстахъ своихъ писаній противъ жидовствующихъ Іосифъ ссылается на яко бы догматическое ученіе о «прехищреніи и коварствѣ Божіемъ», которое уполномочиваетъ его и для человѣка на землѣ рекомендовать принципъ «богопремудростнаго и богонаученнаго коварства». Понятно, что съ этой точки зрѣнія всѣ указанія Іосифа на полезность молитвы «со слезами и сокрушеніемъ сердца» для исправленія еретиковъ получаютъ лишь формальный характеръ: онъ не вѣритъ покаянію еретиковъ, которое считаетъ завѣдомо «лестнымъ», т.-е. обманнымъ и неискреннимъ. Онъ рекомендуетъ свѣтской власти принять на себя дѣло наказанія еретиковъ, осужденныхъ судомъ духовнымъ; это вытекаетъ у него изъ его византійскаго воззрѣнія на первенствующее главенство свѣтской власти въ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ принципъ получаетъ у Іосифа и болѣе широкое приложеніе къ условіямъ русской жизни: находясь вообще въ наилучшихъ отношеніяхъ со своимъ мѣст-

---

[1]) Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина. стр. 75—100.

[2]) Изданъ редакціей «Православнаго Собесѣдника»: Казань, 1857; 4 изд. К. 1904.

нымъ княземъ, онъ является однако же ревностнымъ сторонникомъ великокняжескаго самодержавія, становясь, т. о., въ тѣсное единеніе съ приверженцами идеи о «Москвѣ-третьемъ Римѣ» и о широкой политической миссіи Россіи на православномъ востокѣ; а когда, въ самомъ началѣ XVI вѣка, волоцкій князь Өеодоръ Борисовичъ сталъ обнаруживать притязаніе на достатки Іосифова монастыря, которое показалось игумену переходящимъ предѣлы возможнаго, то онъ не задумался передать свой монастырь покровительству великаго московскаго князя Василія Ивановича и стать въ самостоятельныя отношенія не только къ мѣстному князю, но и къ Новгородскому архіепископу Серапіону, который послалъ ему неблагословенную грамоту и въ ней, между прочимъ, писалъ: «что еси отдалъ монастырь свой въ великое государство—ино еси отступилъ отъ небеснаго, а пришелъ къ земному» (Хрущовъ, назв. соч., стр. 210). Наконецъ, Іосифъ касается въ «Просвѣтителѣ» и вопроса, имѣвшаго тогда важное практическое значеніе—о владѣніи монастырей имуществами. Іосифъ разрѣшалъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, видя въ монашествѣ идеалъ жизни вообще, а въ монастыряхъ оплотъ государства, для котораго, въ свою очередь, вытекаетъ обязанность оказывать монастырямъ самое широкое покровительство и поддержку. Эту точку зрѣнія Іосифъ не разъ высказывалъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ и на соборахъ русскихъ іерарховъ, входя тѣмъ въ полное противорѣчіе съ партіей «заволжскихъ старцевъ», которые стояли за монастырскую нестяжательность и вообще проводили строгую грань между идеалами духовной жизни и задачами свѣтской государственной власти.

По изложенію, «Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго является однимъ изъ самыхъ характерныхъ явленій древнерусской книжности средняго ея періода. Онъ испещренъ ссылками на Св. Писаніе, святоотеческія сочиненія, особенно Тактиконъ Никона Черногорца, на Іосифа Флавія, Палею, хроники и т. д. Авторъ совершенно не подвергаетъ критикѣ свои источники, и всякая подходящая по содержанію литературная ссылка представляетъ въ его глазахъ непререкаемый авторитетъ. Будучи писано въ разное время и по поводу различныхъ моментовъ борьбы съ еретиками [1]) сочиненіе это, при всемъ своемъ обширномъ объемѣ и многообразномъ содержаніи, лишено опредѣленнаго плана и многорѣчиво, изобилуетъ направленными противъ еретиковъ грубыми словами и выраженіями, вродѣ «адовъ песъ», «сосудъ сатанинъ», «блудный калъ». Тѣмъ не менѣе вполнѣ понятенъ въ высшей степени благопріятный отзывъ о «Просвѣтителѣ», какъ о литературномъ произведеніи, со стороны Е. Е. Голубинскаго, который считаетъ его «замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ нашей письменности», лучше котораго для своего времени «требовать было бы невозможно» [2]).

---

[1]) Редакторъ казанскаго изданія полагаетъ, что первоначально должны были явиться первыя 11 «словъ», а остальныя пять послѣ осужденія жидовствующихъ на соборѣ 1490 г.: 4 изд., предисловіе, стр. 15.

[2]) И. Р. Ц., II. 1, стр. 606.

Нилъ Сорскій и его писанія. Воззрѣнія Іосифа Волоцкаго и его послѣдователей, такъ наз. «іосифлянъ», нашли себѣ противовѣсъ въ лицѣ «заволжскихъ старцевъ». Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Нилъ Сорскій. О жизни его мы знаемъ очень мало. Родился онъ около 1433 года, по мнѣнію однихъ—въ крестьянской семьѣ, а по другимъ—онъ происходилъ изъ служилаго класса; какъ было его мірское имя—неизвѣстно, прозваніе было Майковъ. Повидимому, очень рано поступилъ Нилъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, славившійся строгой жизнью своихъ иноковъ и полной нестяжательностью; затѣмъ онъ отправился на Аѳонъ, откуда принесъ сочувствіе къ скитской жизни, составлявшей середину между полнымъ отшельничествомъ и общежительнымъ строемъ большинства русскихъ монастырей; на востокѣ Нилъ имѣлъ возможность пополнить и запасы своей начитанности въ духовной литературѣ, основы чему были положены имъ еще въ Кирилловой обители; но главнымъ результатомъ этого путешествія для Нила было усвоеніе имъ созерцательнаго направленія, опредѣлившаго собою весь характеръ послѣдующей его жизни и и дѣятельности. По возвращеніи на Русь, Нилъ задумалъ положить основаніе скитской жизни у себя на родинѣ, для чего и удалился (между 1473 и 1489 годами) въ заволжскіе предѣлы, въ глухое и пустынное мѣсто на берегу рѣчки Сорки. Такъ возникла Нилъ-Сорская пустынь. Здѣсь, среди немногочисленныхъ своихъ послѣдователей, Нилъ предался книжнымъ занятіямъ и религіозному созерцанію. Въ противоположность Іосифу, книжныя занятія шли не столько въ ширину, сколько въ глубину: онъ изучалъ преимущественно Евангеліе, апостольскія писанія, житія и ученія святыхъ отцовъ, при чемъ изученіе это имѣло критическій характеръ. Результатомъ созерцательности и книжныхъ занятій Нила явились его сочиненія—впрочемъ, весьма немногочисленныя. Одновременно съ этимъ онъ, по приглашенію архіепископа Геннадія, принималъ участіе въ дѣлѣ суда надъ жидовствующими, обнаруживая и тутъ полную противоположность Іосифу: будучи самъ вѣрнымъ послѣдователемъ православной догмы, онъ отстаивалъ однако же мѣры кротости и снисхожденія къ заблудшимъ и открыто высказалъ свои гуманистическія воззрѣнія на соборѣ 1490 года. Не подлежитъ сомнѣнію, что точка зрѣнія Нила и его послѣдователей, напр. Паисія Ярославова, обладала извѣстнымъ авторитетомъ и не осталась безъ вліянія на окончательную судьбу обвиняемыхъ, по скольку она рѣшена была на соборѣ 1490 года. Не менѣе противоположны Іосифу Волоцкому были воззрѣнія Нила и въ вопросѣ о монастырскихъ владѣніяхъ: стоя на той точкѣ зрѣнія, что монастыри должны быть исключительно мѣстомъ духовныхъ подвиговъ и молитвы, онъ отстаивалъ полную нестяжательность монастырей, о чемъ и высказался совершенно категорически на московскомъ соборѣ 1503 года; онъ былъ также противникомъ вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церкви. Послѣдніе годы жизни Нила прошли въ уединеніи, какъ, впрочемъ, и вся его жизнь. Онъ умеръ въ 1508 году.

Нилу Сорскому принадлежатъ или приписываются нѣсколько посланій о монастырской жизни, обращенныхъ къ разнымъ лицамъ: старцу Герману, старцу Гурію Тушину, неизвѣстному иноку, Вассіану Патри-

кѣеву и др., монастырскій уставъ и предсмертное «завѣщаніе» ученикамъ [1]). Особенный интересъ представляетъ «Монастырскій уставъ» Нила, въ которомъ онъ даетъ, въ конкретныхъ формахъ, выраженіе своего идеала иноческой жизни—свободной отъ мірской суеты, проникнутой высокимъ религіознымъ созерцаніемъ, неослабнымъ молитвеннымъ настроеніемъ и полной нравственной свободой [2]). Общій характеръ идей Нила Сорскаго можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ. Лучшій удѣлъ человѣка на землѣ—иноческій, но иночество должно быть не тѣлеснымъ, а духовнымъ; оно должно состоять не во внѣшнихъ только подвигахъ и умерщвленіи плоти, а и въ духовномъ самосовершенствованіи; да и вообще человѣку, не только иноку, приличествуетъ преобладаніе духовнаго и идеальнаго надъ внѣшнимъ и обрядовымъ. Въ связи съ этимъ духовно-идеальнымъ настроеніемъ находится и созерцательность Нила: онъ учитъ о внутренней «умной молитвѣ» и о «благодатныхъ слезахъ», приводящихъ къ высокому душевному настроенію. Нравственное самосовершенствованіе человѣка должно быть разумно-сознательнымъ: инокъ никогда не долженъ упускать изъ виду «разсмотрѣнія» и «разсужденія». Основанія жизни предуказаны въ святыхъ писаніяхъ, но къ нимъ нужно относиться также критически. Въ основѣ разсужденій Нила объ иноческой жизни лежало психологическое направленіе, желаніе обратиться къ внутреннему міру человѣка, не ограничиваясь внѣшними указаніями. Будучи созерцателемъ по натурѣ и по выработанному настроенію, Нилъ неохотно обращался къ жизни дѣйствительной, но когда обращался, то обнаруживалъ идеально-гуманистическое направленіе, какъ въ отношеніяхъ къ еретикамъ, такъ и по вопросу о монастырскихъ владѣніяхъ [3]).

Такимъ образомъ, въ Іосифѣ Волоцкомъ и Нилѣ Сорскомъ мы можемъ наблюдать выраженіе двухъ совершенно противоположныхъ теченій мысли, двухъ міросозерцаній, отчетливо разнившихся между собою въ основѣ, въ содержаніи и въ выводахъ. Въ наукѣ поднимался вопросъ о происхожденіи идей того и другого направленія. Относительно «іосифлянъ» высказывалось мнѣніе, что ихъ образъ мыслей предполагаетъ западное вліяніе, при чемъ извѣстной ссылкѣ Геннадія Новгородскаго на примѣръ «шпанскаго короля», который путемъ инквизиціи очистилъ свою землю отъ еретиковъ (Акты Археогр. Экспед. Т. I, № 380), придавалось вполнѣ реальное значеніе [4]). Но въ данномъ случаѣ дѣло, повидимому, обстояло проще. Для объясненія ревности Іосифа, его воззрѣній на свѣтскую власть и на

---

[1]) Разсмотрѣніе ихъ содержанія представлено въ трудѣ А. С. Архангельскаго: Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Ч. I. Преподобный Нилъ Сорскій. Спб. 1882, стр. 48—127.

[2]) Нила Сорскаго преданіе и уставъ. Со вступительной статьей М. С. Боровковой-Майковой. Пам. Др. Письменности. № CLXXIX. Спб. 1912.

[3]) Архангельскій, назв. соч., стр. 128—138.

[4]) И. П. Хрущовъ сравнивалъ дѣятельность Іосифа съ отношеніемъ французскаго монашества къ альбигойцамъ въ XIII вѣкѣ (назв. соч., вступленіе, стр. VII), не дѣлая, впрочемъ, изъ этого сравненія никакихъ прямыхъ заключеній.

монастырскія имущества и вообще всего его настроенія нѣтъ необходимости обращаться къ западу: всѣ эти элементы имѣлись частью въ византійскихъ преданіяхъ, частью въ основахъ самой русской жизни той эпохи; даровитая личность Іосифа живо восприняла эти книжныя и реальныя настроенія русской дѣйствительности и сдѣлала изъ нихъ практическое примѣненіе. Отдѣльные факты такого примѣненія—въ области религіозной нетерпимости—бывали и раньше[1]). Относительно «заволжскихъ старцевъ» также имѣются попытки установить ихъ преемственную связь съ иноземными вліяніями. Такъ, К. Ѳ. Радченко категорически устанавливаетъ вліяніе аѳонскихъ «исихастовъ» и южно-славянскихъ мистиковъ на воззрѣнія Нила Сорскаго и его послѣдователей [2]). Но и въ данномъ случаѣ едва ли есть необходимость выходить за предѣлы русской дѣйствительности. Гуманное и осторожное отношеніе къ заблужденіямъ, сроднымъ еретичеству, нашло себѣ отраженіе, напр., еще въ XIII вѣкѣ въ воззрѣніяхъ Серапіона Владимірскаго [3]); что же касается созерцательно-мистическаго настроенія Нила, то и въ этомъ отношеніи онъ не стоялъ совершенно одинокимъ въ тогдашней русской жизни, что въ достаточной мѣрѣ показано проф. А. П. Кадлубовскимъ въ анализѣ житійной литературы современной Нилу эпохи [4]).

Съ другой стороны, то и другое направленіе, «іосифлянъ» и «заволжскихъ старцевъ», продолжало существовать и находить себѣ сторонниковъ и въ XVI вѣкѣ —уже послѣ того, какъ оба главные представителя этихъ теченій сошли со сцены. Традиціи Іосифа продолжалъ, напр., хотя и въ болѣе мягкой формѣ, митрополитъ Даніилъ, а продолжателями Нила по духу явились Максимъ Грекъ, князь А. М. Курбскій и игуменъ Троицкаго монастыря Артемій. Причина живучести этихъ направленій обусловливалась тѣмъ, что и въ самой русской дѣйствительности были на лицо элементы, питавшіе то и другое направленіе. Противоположность этихъ направленій вела или къ открытой борьбѣ, или къ скрытому нерасположенію между ихъ сторонниками. Въ XVI вѣкѣ эта противоположность была закрѣплена весьма интереснымъ литературнымъ памятникомъ—«письмомъ о нелюбкахъ» между «іосифлянами» и «заволжскими старцами» [5]). Можно сказать, что и въ послѣдующіе вѣка русской литературной жизни оба эти направленія, имѣя подъ собою извѣстную психологическую и историческую основу, продолжали существовать, видоизмѣняясь въ формѣ, въ способахъ и въ поводахъ къ своему обнаруженію, но оставаясь въ своемъ существѣ различными нерѣдко до полной противоположности.

---

[1]) В. Жмакинъ. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881, стр. 58—60.

[2]) Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ. Кіевъ. 1898, стр. 341—342.

[3]) Ср. мое изслѣдованіе объ этомъ писателѣ, стр. 147—148.

[4]) Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ, стр. 353—369.

[5]) Опубликовано А. В. Горскимъ: Отношенія иноковъ Кириллова-Бѣлозерскаго и Іосифова-Волоколамскаго монастыря въ XVI вѣкѣ. Приб. къ Твор. Св. Отцовъ, т. X. 1851.

5.

Историческія повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ и о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ.—Сказанія о Флорентійской уніи.—Путешествіе Аѳанасія Никитина за три моря.

Кромѣ разсмотрѣнной выше (стр. 101—104) «Повѣсти о взятіи Царяграда», слѣдуетъ остановиться здѣсь еще и на другихъ произведеніяхъ этого рода въ XV вѣкѣ: группѣ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ, Повѣсти о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ и Сказаніяхъ о Флорентійской уніи.

Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Несмотря на цѣлый рядъ посвященныхъ имъ изслѣдованій [1]), произведенія эти до сихъ поръ вызываютъ немало спорныхъ вопросовъ. Онѣ представляютъ собою группу произведеній, изображающихъ и воспѣвающихъ Куликовскую битву 1380 года. По своему содержанію и по духу повѣсти эти примыкаютъ къ болѣе раннимъ произведеніямъ того же рода на тему о татарахъ, а по своей поэтической обработкѣ, по литературнымъ пріемамъ обнаруживаютъ тѣсную связь съ Словомъ о Полку Игоревѣ, являясь, т. о., косвеннымъ указаніемъ на извѣстность и поэтическій авторитетъ этого произведенія въ XV вѣкѣ. Кромѣ того, повѣсти эти находятся во внутренней между собой зависимости. Новѣйшій изслѣдователь вопроса, посвятившій ему спеціальную монографію, г. Шамбинаго считаетъ первой поэтической обработкой сюжета о Куликовской битвѣ произведеніе, которое онъ называетъ «Повѣданіемъ» и которое раньше было извѣстно въ ученой литературѣ подъ именемъ «Задонщины»—согласно древнѣйшему его списку, не нашедшему себѣ въ этомъ отношеніи позднѣйшаго подражанія. Онъ полагаетъ, что эта обработка, являющаяся точкой отправленія для всѣхъ послѣдующихъ литературныхъ произведеній той же группы на протяженіи XV—XVII столѣтій, основана на лѣтописной повѣсти о Куликовской битвѣ, составленной въ Москвѣ въ концѣ XIV вѣка вскорѣ послѣ самаго событія и внесенной въ составъ лѣтописи (Новгородскую IV, Софійскую I и Воскресенскую); временемъ возникновенія этой поэтической обработки онъ считаетъ первую четверть XV вѣка; авторъ ея точно неизвѣстенъ, но, судя по указанію разныхъ списковъ повѣсти («Софонія іерея рязанца», «Софонія рязанца», «брянскаго боярина» и т. п.), изслѣдователь полагаетъ, что имъ могъ быть какой-нибудь брянскій бояринъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи іереемъ Софоніемъ, котораго нѣкоторые списки ошибочно называютъ Софроніемъ; сочиненіе это написано было съ цѣлью прославленія главныхъ участниковъ знаменитой битвы, русскихъ князей Димитрія Ивановича и Владиміра Андреевича, при чемъ авторъ черпалъ свой матеріалъ не только изъ лѣтописной повѣсти, но и изъ устныхъ преданій; въ общемъ планѣ и въ отдѣльныхъ образахъ и выраженіяхъ онъ подражалъ Слову о Полку Игоревѣ [2]). Древнѣйшій текстъ этой обработки, по

[1]) Перечень и обозрѣніе ихъ можно найти въ первой главѣ обширной работы С. Шамбинаго: Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1906, стр. 1—47.

[2]) Назв. соч., стр. 132—134.

списку XV вѣка Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, напечатанъ арх. Варлаамомъ въ 1859 году [1]). Второй поэтической обработкой даннаго сюжета, гораздо болѣе пространной и получившей широкую извѣстность, г. Шамбинаго считаетъ ту, которая ранѣе была извѣстна въ ученой литературѣ подъ именемъ «Повѣданія и сказанія о побоищѣ вел. кн. Димитрія Донскаго», но которой онъ усвояетъ названіе просто «Сказанія». Эта обработка возникла въ видѣ подражанія «Повѣданію». Въ ней, въ свою очередь, могутъ быть отмѣчены четыре редакціи, явившіяся въ теченіе XV—XVII вв. подъ перомъ русскихъ книжниковъ, интересовавшихся столь популярнымъ сюжетомъ. Первую редакцію авторъ относитъ ко второй четверти XV вѣка, называя ее «Кипріановской», такъ какъ она подчеркиваетъ заслуги митрополита Кипріана и, можетъ быть, составлена кѣмъ-либо изъ его сторонниковъ; великій князь Димитрій изображенъ тутъ сравнительно блѣдно и лишеннымъ инициативы; исходъ битвы былъ предопредѣленъ свыше. Вторая редакція возникла во второй половинѣ XVI вѣка, слѣдовательно болѣе, чѣмъ черезъ столѣтіе послѣ первой; тутъ устранено все, касавшееся восхваленія митрополита Кипріана, и, напротивъ, выдвинута личность обоихъ князей, Димитрія и Владиміра; въ основу положена идея о Москвѣ, какъ политическомъ центрѣ и какъ центрѣ православія. Третья редакція развилась изъ второй въ XVI—XVII и даже въ XVIII вѣкѣ; тутъ подчеркнутъ престижъ царской власти московскаго государя. Наконецъ, четвертая редакція, явившаяся во второй половинѣ XVII вѣка, лишена какой бы то ни было руководящей точки зрѣнія, обнаруживая свой вполнѣ компилятивный характеръ. Имена авторовъ этихъ редакцій неизвѣстны [2]). Текстъ I редакціи «Сказанія» напечатанъ въ 1838 году И. Снегиревымъ («Русскій Историческій Сборникъ», III, кн. 1), а тексты остальныхъ, установленныхъ г. Шамбинаго, редакцій—въ приложеніяхъ къ изслѣдованію послѣдняго (стр. 3—128).

Выводы, къ которымъ приходитъ С. К. Шамбинаго, въ главныхъ своихъ частяхъ не представляютъ особенной новизны сравнительно съ тѣмъ, что уже было сдѣлано его предшественниками по разработкѣ этого сложнаго и запутаннаго вопроса; представленная имъ схема, въ основныхъ чертахъ, подтверждаетъ прежнее, болѣе или менѣе установившееся мнѣніе о трехъ главныхъ видахъ литературной обработки сюжета о Куликовской битвѣ: Лѣтописная повѣсть, «Задонщина» (у г. Ш. Повѣданіе) и Повѣданіе и сказаніе (у г. Ш. просто Сказаніе). Эту схему, въ самыхъ общихъ положеніяхъ, принимаетъ и акад. А. А. Шахматовъ, которому принадлежитъ обширный и замѣчательный трудъ по критической оцѣнкѣ работы г. Шамбинаго [3]); но за предѣлами данной схемы критикъ относится къ составу и группировкѣ фактическаго матеріала у Ш., его соображеніямъ

---

[1]) Описаніе сборника XV вѣка Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Ученыя Записки II Отд. Акад. Наукъ, кн. V (1859), стр. 57—60.

[2]) Тамъ же. стр. 180—185, 218—220, 310—312, 348—349.

[3]) Отзывъ о сочиненіи С. К. Шамбинаго «Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1906», составленный акад. А. А. Шахматовымъ. Спб. 1910.

и выводамъ совершенно отрицательно. Онъ рисуетъ такую картину исторіи литературной обработки сюжета о Куликовской битвѣ на русской почвѣ. Въ концѣ XIV в. появилась въ Москвѣ не дошедшая до насъ первоначальная редакція лѣтописной Повѣсти, центральной фигурой которой былъ в. кн. Димитрій Ивановичъ; тогда же была составлена и официальная реляція о походѣ великаго князя, и одновременно съ ней появилось Слово о Мамаевомъ побоищѣ, составленное при дворѣ князя Владиміра Андреевича; въ началѣ XV вѣка, на основаніи Слова о Мамаевомъ побоищѣ и Слова о Полку Игоревѣ, составлено было Софоніево Повѣданіе (Задонщина). Затѣмъ, въ первой половинѣ XV ст. первоначальная Повѣсть попала въ Московскую Лѣтопись и здѣсь была переработана по официальной реляціи и Слову о Мамаевомъ побоищѣ. Въ началѣ XVI в., при составленіи митрополичьяго лѣтописнаго свода, было составлено для него, на основаніи Повѣсти Московской лѣтописи, Слова о Мамаевомъ побоищѣ и Софоніева Повѣданія, новое произведеніе—Сказаніе о Донскомъ побоищѣ. Такъ появились постепенно въ XV и XVI вв. три основныя обработки популярной исторической темы: Повѣсть—Повѣданіе—Сказаніе [1]).

Другой критикъ труда г. Шамбинаго, А. В. Марковъ, не только отрицаетъ нѣкоторыя частныя утвержденія Ш. (напр., его новую терминологію въ обозначеніи разбираемыхъ памятниковъ; возникновеніе лѣтописной повѣсти въ Москвѣ—быть можетъ, она возникла въ Смоленскѣ; предположеніе относительно «брянскаго боярина», какъ автора «Повѣданія», считаетъ не состоятельнымъ; II ред. Ш. считаетъ древнѣе I и т. д.), но высказываетъ и болѣе общую мысль о томъ, что «Сказаніе», по терминологіи Ш., является болѣе первичнымъ литературнымъ произведеніемъ, нежели «Повѣданіе» [2]). Намъ представляется заслуживающей полнаго вниманія аргументація г. Маркова въ пользу того мнѣнія, что такъ называемое «Сказаніе», по терминологіи г. Ш., древнѣе «Повѣданія» и что именно II его редакція является первичной; составленіе ея критикъ относитъ къ концу XIV вѣка и во всякомъ случаѣ до 1405—1411 года (назв. ст., стр. 441—442, 444).

Что же представляетъ собою этотъ памятникъ—вѣроятнѣе всего, начала XV вѣка—который, безъ большого риска, можно считать типическимъ выраженіемъ литературно-поэтической работы надъ сюжетомъ о Куликовской битвѣ въ разсматриваемую эпоху?

Въ немъ можно выдѣлить три части: событія до битвы, самая битва и событія послѣ битвы. Въ первой части разсказывается, какъ «нѣкоторый царь отъ восточныя страны, именемъ Мамай», «идоложрецъ и иконоборецъ злый, хрестьянскій ненавистникъ и разоритель», завидуя славѣ Батыя, взявшаго нѣкогда Кіевъ и Владиміръ, отправился походомъ на русскую землю, съ цѣлью овладѣть Москвой. Услышавъ объ этомъ, Олегъ Рязанскій, у котораго «бысть скудость ума во главѣ, и сотона вложи ухищреніе въ сердце его», враждуя съ московскимъ княземъ Дмитріемъ Ива-

---

[1]) Шахматовъ, назв. соч., стр. 125—126.

[2]) Ж. М. Нар. Пр. 1908, № 4, стр. 433—446.

новичемъ, заявилъ письмомъ Мамаю о своей преданности, обѣщалъ свою помощь и къ тому же склонилъ литовскаго князя Ягайлу Ольгердовича. Услышавъ о движеніи Мамая, Дмитрій Ивановичъ сталъ готовиться къ отпору, ища совѣта у митрополита Кипріана и ратной помощи у брата, князя Владиміра Андреевича, и другихъ русскихъ князей, обѣщавшихъ ему твердо постоять за русскую землю. Когда спѣшныя приготовленія къ походу были окончены, князь Дмитрій Ивановичъ посѣтилъ въ Троицкой обители прен. Сергія, который не только благословилъ его, но и далъ ему въ помощь двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябю. По возвращеніи изъ обители въ Москву, князь, помолившись Пречистой Богородицѣ и попрощавшись съ женою, выступилъ въ походъ, отправивъ брата своего къ той же цѣли другой дорогою. Оба князя и другіе ихъ соратники, князья и воеводы, съ многочисленнымъ воинствомъ собрались у Коломны, чтобы отсюда вмѣстѣ идти на встрѣчу съ непріятелемъ. Между тѣмъ, какъ измѣнники Олегъ и Ягайло готовили свою помощь Мамаю, ища погибели московскаго князя, два другіе Ольгердовича, Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій, рѣшили стоять за Дмитрія и вскорѣ соединили свои полки съ его воинствомъ. Когда всѣ силы были собраны, князья рѣшили перейти Донъ, чтобы отрѣзать робкимъ всякіе пути отступленія. Наконецъ, въ ночь на праздникъ Рождества Богородицы 8-го сентября обѣ вражескія рати близко подошли другъ къ другу, и на другой день предстоялъ бой. Тутъ начинается вторая часть повѣсти. Битва описана очень живыми красками: отмѣчены распорядительность и храбрость Дмитрія, самоотверженіе воинства, поединокъ Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ-«печенегомъ»; къ концу дня татары уже готовы были нанести послѣдній ударъ, какъ вышелъ изъ засады со своимъ свѣжимъ войскомъ Владиміръ Андреевичъ и рѣшилъ исходъ битвы. Князь Дмитрій благодарилъ Бога и воздалъ славу князьямъ, оставшимся въ живыхъ и умершимъ въ сраженіи; затѣмъ, съ торжествомъ отправился въ Москву. Въ небольшой третьей части разсказывается о судьбѣ Мамая, на котораго напалъ другой «царь съ востока, именемъ Тахтамышъ, изъ Синія Орды»: Мамай загнанъ былъ въ Каѳу и тамъ убитъ. Повѣсть оканчивается сообщеніемъ, что, несмотря на побѣду надъ Мамаемъ, русскіе князья отпустили съ честью и съ дарами пословъ Тахтамыша, а весной каждый изъ нихъ послалъ въ Орду своихъ «киличеевъ» со многими дарами.

Повѣсть написана съ явнымъ сочувствіемъ московскому великому князю и съ негодованіемъ противъ поступка рязанскаго и литовскаго князей. Разсказъ оживленъ многими поэтическими образами, взятыми изъ области народно-поэтическаго творчества и въ то же время напоминающими нѣкоторыя мѣста изъ Слова о Полку Игоревѣ, съ которыми у автора «Сказанія» несомнѣнно имѣется извѣстная связь. Вотъ примѣры. Изъ описанія послѣднихъ приготовленій къ выступленію въ походъ: «Убо, братіе, стукъ стучитъ, а громъ гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ; стукъ стучитъ великая рать великаго князя Дмитрія Ивановича, а гремятъ русскіе удальцы злачеными шеломы и доспѣхи» (у Ш., въ прилож. стр. 11). «Князь же великій вступивъ въ златое свое стремя и сѣде на любезный свой конь, и вси

князи и бояре всѣдоша на свои кони, и воеводы поѣхаша, а солнце имъ со востока сіяетъ, а по нихъ кроткій вѣтрецъ вѣетъ. Ужъ бо тогда аки соколи рвахуся отъ златыхъ колодицъ, а то рвахутся князи Бѣлозерскія изъ камена града Москвы, выѣхали своимъ полкомъ...». «Великая же княгиня Овдотья со снохою своею и съ иными княгинями и съ воеводскими женами вниде во свой златоверхій теремъ набережный и сѣде подъ южнымъ окномъ и рече: ужъ бо на тя конечное зрю, на своего государя великаго князя. А въ слезахъ не можетъ слова прорещи, и слезы льются аки рѣчныя струя...» (стр. 15). «Тогда же возвѣяше силніи вѣтры по Березовице широце, тогда воздвигошась великія князя русскія, а по нихъ дѣти боярскіе успѣшно грядутъ, аки чаши медвяныя пити и стеблія виннаго ясти, но хотятъ чести добыти и славнаго имени въ вѣки. Возвѣявшу со востока вѣтру, а въ немъ громъ и молнія, но ни громъ, ни вѣтръ, но стукъ стучитъ и громъ гремитъ по зорѣ по ранней: возится князь Володимеръ Андреевичъ рѣку Москву на красномъ перевозѣ Брашевскомъ» (стр. 16). Передъ самой битвой: «Князь же великій поимъ брата своего князя Володимера и литовскіе князи и вси князи и воеводы и выѣхаша на мѣсто высоко и видѣвъ образъ Спасовъ воображенъ во христіанскихъ знаменіихъ, аки нѣкія свѣтилницы солнечныя, луча испущающе и всюдѣ свѣтящееся, озаряюще все христолюбивое воинство, и стязи ревутъ наволоченыя, простирающеся, аки облаци тихо трепещуще, хотятъ промолвити, а у богатырей горугови аки живи пашутся, доспѣхи жъ русскія аки вода сильная во вся вѣтры колебашеся, и шеломы на главахъ ихъ аки утренняя зоря во время солнца ведренаго свѣтящеся, еловци же шеломовъ ихъ аки поломя огняное пашетца, мысленно бо видѣти и жалостно слышати таковое русскихъ князей собраніе и удалыхъ витязей учрежденіе...» (стр. 23). «Ужъ нощь приспѣ светоноснаго праздника Рождество Святыя Богородица. Дни же одолжившуся и сіяющу, бысть же тогда теплота и тихость въ ночи той, и мрачныя росы явившася... По десной же странѣ ворони кличутъ и бысть гласъ великъ птичъ, вранове же играютъ по рецѣ той аки горы колыбашеся, по рецѣ той по Непрядвѣ гуси и лебеди непрестанно крылы плещуще, необычную грозу подаютъ» (стр. 25) и т. п. Авторъ постоянно оживляетъ свое повѣствованіе діалогической формой изложенія, вставкой многихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, послѣ которыхъ онъ снова возвращается «на предлежащее». Есть отдѣльныя лирическія мѣста, вродѣ приведеннаго только что описанія всѣхъ русскихъ князей передъ битвой, но въ общемъ преобладаетъ элементъ эпическій. Отличительной особенностью, сравнительно со Словомъ о Полку Игоревѣ, въ отношеніи литературныхъ пріемовъ является въ «Сказаніи» преобладаніе въ авторѣ христіанско-религіознаго настроенія. Въ этомъ отношеніи «Повѣданіе Софоніи» (или по прежнему—«Задонщина») гораздо ближе стоитъ къ знаменитой поэмѣ XII вѣка: тамъ авторъ вспоминаетъ въ началѣ «вѣщаго Бояна въ городѣ Кіевѣ, горазда гудца», который, «воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскимъ княземъ», а въ концѣ помѣщенъ плачъ русскихъ женъ о погибшихъ князьяхъ: «Доне, Доне, быстрый Доне! Прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси березе харалужныя, прилелѣй моего Микулу Васильевича...» и т. д. (Арх. Варлаамъ. Описаніе

Сборника XV ст., стр. 57, 60). Эта степень близости разныхъ обработокъ нашего памятника къ Слову о Полку Игоревѣ [1]) служила для прежнихъ изслѣдователей однимъ изъ важныхъ мотивовъ къ установленію ихъ сравнительной древности, но въ дѣйствительности за такой точкой зрѣнія едва ли можно признать рѣшающее значеніе, такъ какъ близостью къ Слову о Полку Игоревѣ далеко не исчерпывается ни содержаніе, ни обработка отдѣльныхъ видовъ Повѣсти о Куликовской битвѣ, не говоря уже о томъ, что установленная согласно этой точкѣ зрѣнія схема заводила многихъ изслѣдователей (Снегирева, Тимофеева и друг.) при первой попыткѣ разрѣшенія вопросовъ фактическаго характера—напр., относительно имени авторовъ этихъ произведеній, времени и мѣста ихъ сочиненія—въ дебри неясностей и противорѣчій.

Значительная популярность этого памятника, въ особенности, по терминологіи г. Шамбинаго, третьей редакціи «Сказанія» (см. выше, стр. 132), была причиной того, что въ XVII и XVIII вв. появилось немалое количество списковъ ея, снабженныхъ иллюстраціями [2]).

Повѣсть о Мутьянскомъ (Мультянскомъ) воеводѣ Дракулѣ. Этотъ памятникъ представляетъ собою произведеніе, относительно котораго также не все ясно. Содержаніе повѣсти таково. Въ Мутьянской землѣ, подъ которой надо разумѣть Молдавію, былъ воевода «греческой вѣры христіанинъ», именемъ Дракула «латынскимъ языкомъ, а нашимъ дьяволъ рускимъ». Однажды пришелъ къ этому воеводѣ отъ турецкаго султана посолъ со свитой. Поклонившись воеводѣ, люди эти не сняли шапокъ; когда же онъ спросилъ ихъ о причинѣ такого неприличія и получилъ отвѣтъ, что въ ихъ странѣ такой обычай, то велѣлъ эти шапки прибить имъ къ головамъ гвоздями, насмѣшливо прибавивъ при этомъ, что желаетъ тѣмъ лишь подтвердить ихъ обычай. Султанъ разсердился и пошелъ на Дракулу съ большимъ войскомъ; тотъ, удовольствовавшись первымъ успѣхомъ, вернулся домой и сталъ разсматривать раны своихъ оставшихся воиновъ: у кого рана спереди—того награждалъ, а у кого сзади—того садилъ на колъ. Услышавъ объ этомъ, султанъ испугался, воротился домой и вскорѣ прислалъ къ Дракулѣ пословъ съ изъявленіемъ покорности и предложеніемъ дани. Но Дракула опять употребилъ тутъ особый пріемъ; онъ сказалъ, что желаетъ самъ поступить на службу къ султану, и когда тотъ, обрадовавшись этому, велѣлъ по всей своей землѣ оказывать воеводѣ почести, Дракула, вступивъ въ турецкую землю со своимъ войскомъ, началъ опустошать села и города, избивать и садить на колья молодыхъ и старыхъ, а къ султану послалъ пословъ съ такимъ порученіемъ: «скажите царю, что̀ видѣли; сколько могъ, столько ему и послужилъ; если ему моя служба угодна, то могу и еще послужить». О Дракулѣ далѣе въ повѣсти разсказывается, что въ своей землѣ онъ дѣлалъ чрезвычайныя жестокости, руководясь, впро-

---

[1]) Вопросъ объ этой близости подробно разсмотрѣнъ у А. И. Смирнова: О Словѣ о Полку Игоревѣ. Вып. II (1879), стр. 135—180.

[2]) Имъ посвящено спеціальное изслѣдованіе: Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Съ предисловіемъ С. К. Шамбинаго. Пам. Др. Письменности. № CXXV. Спб. 1907.

чемъ, всегда добрымъ намѣреніемъ. Особенно каралъ онъ грѣхъ прелюбодѣянія. Наказывалъ онъ также и тѣхъ, кто не умѣлъ давать ему умныхъ отвѣтовъ, и награждалъ, напротивъ, тѣхъ, которые умно отвѣчали. Такъ, пришелъ къ нему однажды отъ венгерскаго короля посолъ, «ляхъ родомъ, немалъ человѣкъ». Воевода указалъ ему на золотой колъ и спросилъ, для чего, по его мнѣнію, этотъ колъ; тотъ отвѣтилъ, что этотъ колъ предназначенъ, вѣроятно, для тѣхъ, кого воевода захочетъ покарать особенно почетной смертью, и когда Дракула сказалъ, что этотъ колъ именно для него, то посолъ отвѣтилъ: «если я совершилъ что-нибудь достойное смерти, то дѣлай, что хочешь; ты праведный судья». Этотъ отвѣтъ понравился Дракулѣ, и онъ не только не покаралъ посла, но и съ большими подарками отпустилъ его домой. Однажды Дракула обѣдалъ и принималъ иностранныхъ пословъ среди кольевъ, на которыхъ сидѣли человѣческіе трупы. Одинъ изъ слугъ, не будучи въ состояніи перенести ужаснаго смрада, заткнулъ носъ и отвернулся, но Дракула, узнавъ причину этого поступка, велѣлъ слугу самого посадить на колъ, прибавивъ: «тамъ ти есть высоко, ино смрадъ тебя не дойдетъ». Другой разъ онъ объявилъ по всей землѣ, что пусть всѣ, кто боленъ, слѣпъ или хромъ, придутъ къ нему—и онъ освободитъ ихъ отъ печали. Дѣйствительно, къ нему собралось много всякаго рода больныхъ, ожидая милости. Дракула, собравъ ихъ въ большую палату и обильно угостивъ, спросилъ потомъ, не желаютъ ли они, чтобы онъ совершенно освободилъ ихъ отъ нужды и горя на этомъ свѣтѣ; получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ велѣлъ зажечь палату, и всѣ они сгорѣли. Затѣмъ Дракула совершилъ еще цѣлый рядъ новыхъ жестокостей: посадилъ на колъ пришедшаго къ нему монаха-католика за то, что тотъ не одобрилъ его поступковъ и въ жертвахъ Дракулы усмотрѣлъ невинныхъ мучениковъ и страдальцевъ; велѣлъ отсѣчь руки женѣ одного человѣка и трупъ ея посадить на колъ за то, что у мужа ея была изодрана рубашка, и т. д. Наконецъ, Дракула самъ попалъ въ руки венгерскаго короля, который посадилъ его въ темницу въ Вышгородѣ, на Дунаѣ. Но и въ темницѣ Дракула не оставилъ своихъ жестокихъ привычекъ: онъ ловилъ и покупалъ мышей и птицъ и сажалъ ихъ на колъ или отсѣкалъ имъ головы; затѣмъ Дракула былъ выпущенъ изъ темницы и поселенъ въ одномъ домѣ въ Пештѣ. Когда потомъ тогдашній мутьянскій воевода умеръ, то король снова предложилъ воеводство Дракулѣ, если тотъ пожелаетъ принять латынскую вѣру, и тотъ дѣйствительно на это согласился, «возлюби паче врѣменная безконечного, отпаде православія и отступи истины, оставивъ свѣтъ и пріявъ тьму». Король выдалъ за него свою сестру, отъ которой воевода имѣлъ двухъ сыновей. Смерть Дракулы произошла при необыкновенныхъ обстоятельствахъ: во время войны съ турками онъ былъ убитъ своими же, неузнанный и принятый за врага. Повѣсть оканчивается сообщеніемъ о назначеніи въ Мутьянскую землю новаго воеводы Влада [1]).

---

[1]) Памятники старинной русской литературы. Изд. гр. Кушелева-Безбородко, вып. I, стр. 399—402; А. Пыпинъ. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 344—349.

Прежде всего является вопросъ о происхожденіи этой повѣсти. А. Х. Востоковъ, описывая одинъ изъ рукописныхъ сборниковъ XV—XVI вѣка (Рум. Муз. № 358), заключающій это произведеніе, высказалъ предположеніе о русскомъ происхожденіи повѣсти и даже объ ея авторѣ. Именно, на основаніи словъ въ концѣ повѣсти о томъ, что король Матѳей, послѣ смерти Дракулы, взялъ свою сестру съ сыновьями въ Будинъ и что «единъ при кралеве сынѣ живетъ, а другой у бордонскаго бискупа былъ и при насъ умре, а третій старшіи Михаилъ тутъ же на Будинѣ видѣхомъ», Востоковъ заключилъ, что авторъ былъ очевидцемъ нѣкоторыхъ описанныхъ имъ событій и что такимъ лицомъ вѣроятнѣе всего считать извѣстнаго дьяка Ѳедора Курицына, котораго вел. кн. Иванъ Васильевичъ посылалъ въ 1482 году къ венгерскому королю для утвержденія мирнаго договора, или кого-либо изъ его свиты [1]). Мысль эта однако же нашла себѣ возраженіе у А. Н. Пыпина, который полагалъ [2]), что означенная прибавка личнаго характера, находящаяся не во всѣхъ спискахъ, можетъ принадлежать читателю, а не сочинителю повѣсти, причемъ онъ отмѣтилъ, что нѣкоторыя особенности языка въ Румянцовскомъ спискѣ, описанномъ Востоковымъ, «скорѣе указываютъ не на русское, а на южно-славянское начало повѣсти». Далѣе, по данному вопросу высказался въ краткой замѣткѣ Ѳ. И. Буслаевъ [3]). Встрѣтивъ въ знаменитой нѣмецкой Космографіи Себастіана Мюнстера (XVI в.) указаніе на повѣсть о Дракулѣ, авторъ выразилъ мнѣніе, что повѣсть эта возникла на западѣ, вскорѣ послѣ смерти Дракулы, случившейся въ первой половинѣ XV вѣка, и тогда же перешла къ намъ въ переводѣ; Буслаевъ однако полагалъ, что русская редакція повѣсти есть древнѣйшая и что Мюнстеръ могъ заимствовать свой разсказъ «изъ какой-нибудь венгерской хроники, куда вошла повѣсть уже въ сокращеніи»; наконецъ, онъ отмѣтилъ и особенный національный интересъ, который имѣла эта повѣсть въ Россіи, въ виду факта первоначальнаго православія Дракулы и позднѣйшаго перехода его въ католичество. Слѣдующее мнѣніе по этому вопросу принадлежитъ П. А. Сырку: въ сдѣланномъ имъ докладѣ объ источникахъ нашей повѣсти въ германо-романскомъ отдѣленіи Филологическаго Общества при Петроградскомъ Университетѣ въ 1889 году, покойный славистъ поддержалъ мысль Буслаева о западномъ происхожденіи памятника, при чемъ склоненъ былъ признавать въ переходѣ его на русскую почву посредничество польской литературы [4]). Наконецъ, въ 1896 году появилось изслѣдованіе румынскаго ученаго Ивана Богдана о Владѣ Цепешѣ, историческомъ прототипѣ нашего Дракулы, бывшемъ валашскимъ господаремъ въ 1456—1462 и 1476 годахъ; нашей повѣстью авторъ интересуется лишь какъ историческимъ источникомъ для освѣщенія личности

---

[1]) Описаніе рукописей Румянцовскаго Музея, стр. 511—512.

[2]) Очеркъ литературной исторіи, стр. 217.

[3]) Для опредѣленія иностранныхъ источниковъ повѣсти о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ. Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ. Т. V (1863), смѣсь, стр. 84—86.

[4]) Сообщеніе о рефератѣ Сырку см. въ Ж. М. Н. Пр. 1891 № 10, стр. 18—19.

Цепеша и признаетъ ея русское происхожденіе; западныя произведенія на ту же тему, и въ томъ числѣ нѣмецкое, имѣютъ, по его мнѣнію также сомнительное происхожденіе и по содержанію значительно разнятся отъ русской повѣсти; на основаніи языка русской повѣсти, авторъ полагаетъ, что она могла быть написана гдѣ-либо на западѣ Россіи, м. б. въ Псковѣ [1]). Т. о., у новаго изслѣдователя вопросъ о происхожденіи нашей повѣсти получаетъ въ общемъ то самое предположительное рѣшеніе, которое дано ему было еще Востоковымъ.

Являясь русскимъ произведеніемъ лишь предположительно, повѣсть о Дракулѣ во всякомъ случаѣ имѣетъ отношеніе къ живымъ интересамъ русской жизни. Съ одной стороны, въ ней выразительно подчеркнута измѣна Дракулы православію. Въ первую половину своей дѣятельности Дракула вѣренъ православію, и ради этого авторъ какъ бы прощаетъ ему его жестокости; описывая коварное нападеніе на турецкую землю, онъ говоритъ, что Дракула «всю ту землю пусту вчини и многъ христьянъ (т. е. православныхъ) во свою землю плѣненыхъ возврати», а печальный конецъ Дракулы приводитъ въ связь не столько съ его предшествующими жестокостями, сколько съ измѣной православію, когда тотъ оставилъ «православную вѣру христіанскую греческую» и принялъ «латынскую прелесть». Принимая въ соображеніе это обстоятельство, я считаю мало вѣроятнымъ предположеніе объ авторствѣ Ѳедора Курицына относительно нашей повѣсти: видный участникъ въ средѣ жидовствующихъ, онъ едва ли бы сталъ подчеркивать господствовавшій у насъ традиціонный вглядъ на православіе и католичество въ такой степени, какъ это мы видимъ въ повѣсти. Съ другой стороны, автору повѣсти по душѣ и самовластіе Дракулы, переходящее всякіе предѣлы жестокости. Если вспомнить успѣхъ идеи московскаго самодержавія въ XV вѣкѣ, то такое настроеніе въ повѣсти нужно признать также довольно общимъ; но эта подробность, по моему мнѣнію, скорѣе указываетъ на московское происхожденіе повѣсти, нежели на западное или въ частности псковское, гдѣ именно зарождались и находили себѣ пищу теченія съ характеромъ протеста противъ Москвы. Весьма любопытно указаніе Буслаева (назв. ст., стр. 86) на то, что «со временъ Ивана Грознаго повѣсть о Дракулѣ получила для нашихъ предковъ новый интересъ по сближенію, которое дѣлали между жестокостями обоихъ этихъ правителей; такъ, эпизодъ о пригвожденныхъ къ головамъ шапкахъ иностранныхъ пословъ приписывали Ивану Грозному». Итакъ, въ повѣсти о Дракулѣ мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, съ русскимъ произведеніемъ, написаннымъ на популярную также и на западѣ тему, при чемъ въ основѣ сюжета лежала вполнѣ реальная историческая личность; повѣсть, вѣрнѣе всего, была составлена въ Москвѣ или вообще въ ближайшихъ предѣлахъ ея культурно-политическаго вліянія, отражая на себѣ популярныя тенденціи церковно-религіознаго и политическаго

---

[1]) См. объ этой книгѣ цѣнную замѣтку А. И. Яцимирскаго: Повѣсть о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ въ изслѣдованіи румынскаго ученаго. Изв. II Отд. А. Н., II (1897), кн. 4, стр. 940—963. Здѣсь, на стр. 957—959, данъ перечень списковъ повѣсти въ русскихъ библіотекахъ.

міровоззрѣнія XV вѣка. Въ этомъ отношеніи совершенно невозможно согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ относительно этой повѣсти еще Н. М. Карамзинымъ (И. Г. Р. VII, изд. Эйнерлинга, стр. 139), который склоненъ былъ усматривать въ ней произведеніе «остроумія и воображенія», нѣчто вродѣ «романа»: едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что русскіе читатели XV вѣка видѣли въ повѣсти о Дракулѣ не вымыселъ, а дѣйствительные факты, достойные то сочувствія, то порицанія.

Сказанія о Флорентійской уніи. Событія Ферраро-Флорентійскаго собора 1438—1439 года, на которомъ провозглашена была унія между православной и католической церквами и гдѣ представителемъ отъ русской церкви былъ московскій митрополитъ Исидоръ, вызвали въ XV—XVI вв. рядъ произведеній, облеченныхъ въ разнообразную форму, начиная отъ простыхъ путевыхъ замѣтокъ и кончая попытками историко-прагматическаго изложенія [1]). Собственно-литературное значеніе ихъ не велико, уступая свое мѣсто значенію этихъ памятниковъ для русской церковной исторіи. Но общій характеръ, который получали вѣроисповѣдные вопросы въ древнюю пору, отражая собою современныя настроенія, чувства и мысли, не позволяетъ здѣсь совершенно обходить молчаніемъ означенную группу памятниковъ, органически примыкающую къ тѣмъ же теченіямъ религіозной мысли, которыя мы видѣли въ разобранныхъ уже памятникахъ русской литературы XV вѣка: общій подъемъ православнаго настроенія въ духѣ византійскихъ традицій и мысль о необходимости для Москвы выступать представительницей и хранительницей православія въ границахъ болѣе широкихъ, чѣмъ интересы собственно русской церкви, явились основой и для появленія памятниковъ названной литературной группы.

Не входя въ подробности, достаточно остановиться въ интересахъ литературной характеристики XV вѣка изъ этой—впрочемъ, небольшой—группы литературныхъ явленій на іеромонахѣ Симеонѣ. Сужденія объ этомъ авторѣ и его произведеніяхъ не представляются пока въ нашей наукѣ вполнѣ опредѣленными. Когда митрополитъ Исидоръ отправлялся на Ферраро-Флорентійскій соборъ, онъ взялъ себѣ въ спутники суздальскаго епископа Авраамія, а послѣдній назначилъ состоять при себѣ еще двухъ лицъ—свѣтскаго чиновника архіерейскаго суздальскаго двора, неизвѣстнаго намъ по имени, и другого суздальца—нашего іеромонаха Симеона: повидимому, первому поручено было описаніе пути русскихъ іерарховъ на соборъ и обратно, а второму—описаніе самаго собора и соборныхъ преній. Результатомъ литературной работы неизвѣстнаго суздальца явились его Путевыя Записки, описывающія путь отъ Москвы до Флоренціи и отъ Флоренціи до Суздаля. Въ старое время онѣ распространены были въ нѣсколькихъ спискахъ [2]) и въ неполномъ видѣ напечатаны еще

[1]) Общее обозрѣніе этихъ произведеній можно найти въ статьѣ Ѳ. Делекторскаго «Критико-библіографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о Флорентійской уніи». Ж. М. Н. Пр. 1895 № 7, стр. 131—184.

[2]) «Вѣрную копію оригинала» ихъ О. Делекторскій усматриваетъ въ рук. Московскаго Публ. Музея № 939, л. 43—58, XVII в. (назв. ст., стр. 135).

Н. И. Новиковымъ въ его «Древней Россійской Вивліоѳикѣ» [1]), вмѣстѣ съ другимъ произведеніемъ изъ нашей литературной группы—«Повѣстью объ осьмомъ (Ферраро-Флорентійскомъ) соборѣ». Іеромонаху Симеону приписываются три сочиненія: «Повѣсть како римскій папа Евгеній состави осмый соборъ съ своими единомышленники» (или иначе: «Исидоровъ соборъ и хоженіе его»), «Слово избрано еже на латыню» и Описаніе путешествія въ Италію. Однако вѣроятность принадлежности всѣхъ этихъ произведеній нашему автору далеко не одинакова. Что касается, прежде всего, «Повѣсти», то въ принадлежности ея Симеону едва ли можно сомнѣваться; въ ней онъ нѣсколько разъ называетъ себя по имени («мнѣ ту бывшу попу именемъ Симеону, то вся видѣвши и слышавши, и писавшу ми въ той часъ...»; «мнѣ же Симеону о томъ почюдившуся...» и т. п.). Повѣсть составилась изъ записокъ, которыя были ведены Симеономъ во время пребыванія на соборѣ. Отправившись на соборъ вмѣстѣ съ Исидоромъ и убѣдившись тамъ въ его неправомысліи и отступленіи отъ православія, Симеонъ оставилъ митрополита, и изъ Венеціи, вмѣстѣ съ великокняжескимъ посломъ Ѳомой, выѣхалъ въ Россію, гдѣ прежде всего нашелъ пріютъ у новгородскаго владыки Евѳимія; здѣсь онъ и написалъ свою «Повѣсть» — очевидно, не ранѣе марта 1458 года, когда умеръ Евѳимій, но и не вскорѣ послѣ возвращенія въ Россію, а, напротивъ, спустя довольно значительное время, и именно во второе посѣщеніе Евѳимія, претерпѣвъ между первымъ и вторымъ у него пребываніемъ рядъ злоключеній, явившихся результатомъ его отношенія къ отступничеству Исидора [2]). «Повѣсть» Симеона была издана нѣсколько разъ и по разнымъ спискамъ митр. Макаріемъ [3]), А. Поповымъ [4]), А. С. Павловымъ [5]). «Слово избрано еже на латыню» представляетъ собою сочиненіе сборнаго характера, направленное противъ Исидора и постановленій «осьмого» собора; элементъ повѣствовательный перемѣшанъ въ немъ съ полемическимъ, личный разсказъ автора съ документами, напр. грамотами самого Исидора; сочиненіе написано въ приподнятомъ тонѣ, слогомъ витіеватымъ и довольно многорѣчиво. Издано оно А. Поповымъ [6]), который приписывалъ его авторство «одному изъ русскихъ епископовъ» и полагалъ, что оно составлено около 1461 года, такъ какъ въ немъ говорится о поставленіи въ московскіе митрополиты Ѳеодосія, что именно въ означенномъ году имѣло мѣсто [7]). А. С. Павловъ, напротивъ, выразилъ предположеніе,

---

[1]) 1 изд. въ IV ч., стр. 293—321; 2 изд. въ VI ч., стр. 27—48.

[2]) Ѳ. Делекторскій, назв. соч., стр. 138—143.

[3]) Матеріалы для исторіи русской церкви. Ч. I. Харьковъ 1861, стр. 60—75.

[4]) Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.). М. 1875, стр. 344—359.

[5]) Рецензія на назв. соч. А. Попова: Отчетъ о 19-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1878, стр. 384—396.

[6]) Назв. соч., стр. 360—395.

[7]) Стр. 359.

что сочиненіе это есть трудъ Пахомія Логоѳета [1], а Ѳ. Делекторскій, подвергая подробному анализу доводы Павлова, считаетъ «Слово» произведеніемъ того же іеромонаха Симеона, которому принадлежитъ и «Повѣсть» [2]. Наконецъ, этотъ послѣдній авторъ полагаетъ [3]) принадлежащимъ перу Симеона также и описаніе путешествія въ Италію, изданное И. Сахаровымъ въ 1819 году [4], хотя самъ издатель считалъ лицо инока Симеона «неразгаданнымъ» и совершенно справедливо усмотрѣлъ противорѣчіе въ этомъ описаніи съ тѣмъ, что самъ же іеромонахъ Симеонъ разсказываетъ въ несомнѣнно принадлежащей ему «Повѣсти»: именно, въ Повѣсти, какъ было упомянуто, говорится о бѣгствѣ Симеона вмѣстѣ съ посломъ Ѳомой изъ Венеціи въ Россію, а въ Путешествіи авторъ говоритъ о своемъ совмѣстномъ возвращеніи послѣ собора съ Исидоромъ (стр. 79); точно также и осторожный А. Поповъ уклонился отъ положительнаго рѣшенія этого вопроса въ ту или другую сторону, за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ [5]. Мы, со своей стороны, не имѣя возможности входить здѣсь въ подробныя разсужденія, считаемъ аргументацію Ѳ. Делекторскаго относительно принадлежности іеромонаху Симеону «Слова» и описанія путешествія недостаточно обоснованной, страдающей внутренними противорѣчіями и въ то же время слишкомъ искусственной, въ особенности касательно второго произведенія [6], и полагаемъ, что внѣ сомнѣнія стоитъ лишь авторство Симеона относительно «Повѣсти» о восьмомъ соборѣ.

Что же такое представляетъ собою эта «Повѣсть»?

Изложеніе «Повѣсти» [7] обнаруживаетъ извѣстный планъ. Въ началѣ помѣщено небольшое вступленіе, въ которомъ сообщается о рѣшеніи папы Евгенія собрать во Флоренціи соборъ, о русскихъ депутатахъ на этотъ соборъ, въ числѣ спутниковъ которыхъ авторъ называетъ и себя, о прельщеніи «грековъ» на соборѣ «сребролюбіемъ и златолюбіемъ», объ измѣнѣ ихъ православію, о возвращеніи автора въ Россію и объ утвержденіи православія вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ въ Москвѣ. Далѣе, идетъ главная часть, въ которой разсказывается о событіяхъ на соборѣ. Сначала перечисляются главнѣйшіе участники собора какъ съ латинской (кардиналы и епископы), такъ и съ греческой стороны: между послѣдними особенно выдвигается личность Марка Ефесскаго, къ которому авторъ отно-

---

[1]) Рецензія, стр. 285—288.

[2]) Назв. соч., стр. 146—157.

[3]) Назв. соч., стр. 157—165.

[4]) Сказанія русскаго народа. Т. II, кн. 8, стр. 77—90. О полной произвольности пріемовъ Сахарова при этомъ изданіи и объ отношеніи послѣдняго къ болѣе раннему изданію Новикова см. у А. Д. Щербины: Литературная исторія русскихъ сказаній о Флорентійской уніи. Одесса 1902, стр. 3—16.

[5]) Обзоръ, стр. 338, прим. 1.

[6]) Ср. А. Щербина, назв. соч., стр. 17—18, 31—42.

[7]) По изданію А. С. Павлова: см. выше стр. 141. Положенный въ основу этого изданія списокъ принадлежитъ къ категоріи такихъ, въ которыхъ заключается болѣе первоначальная редакція этого памятника: Ѳ. Делекторскій, назв. ст., стр. 143.

сится съ восторженнымъ благоговѣніемъ, какъ къ самому авторитетному и энергическому противнику папскихъ замысловъ. Авторъ даетъ описаніе тѣхъ мѣръ, которыя принимали «латыняне», чтобы склонить правдами и неправдами православныхъ къ уніи, разсказываетъ о переходѣ собора изъ Феррары во Флоренцію, но отъ описанія послѣдней, при всемъ удивленіи красотѣ и богатству этого города, отказывается: «того всего не могу исписати, зане се о соборѣ пишу», т. е. не хочетъ уклоняться въ сторону отъ спеціально порученнаго ему дѣла [1]). Затѣмъ, авторъ изображаетъ окончательный успѣхъ домогательствъ папы Евгенія, завершившихся провозглашеніемъ уніи и признаніемъ общаго для обѣихъ церквей главенства папы: «папѣ сѣдшю на мѣстѣ своемъ—описываетъ авторъ послѣднюю сцену—тогда воставши митрополиты вси съ мѣстъ своихъ и пріидоша къ папѣ и приклякнуша къ папѣ по ѳрязскому праву и самому царю (Іоанну Палеологу) на колѣну припадшу, и брату деоспоту (въ др. спискѣ: диоспоръ) и всѣмъ грекомъ», причемъ, во время послѣдовавшей затѣмъ «мессы», «вси вострубиша въ свирѣли, въ органы и въ бубны и во всякую игру играша». Въ числѣ «приклякнувшихъ» былъ, конечно, и митрополитъ Исидоръ, который подъ «клятвой» папѣ «подписа ся и всю землю свою». Потомъ Симеонъ сообщаетъ о своемъ выѣздѣ изъ Флоренціи, о бѣгствѣ съ дороги, о прибытіи въ Новгородъ, о встрѣчѣ со смоленскимъ княземъ Юріемъ Семеновичемъ, о своемъ заточеніи подъ стражу и объ отъѣздѣ въ качествѣ узника въ Москву. Дальнѣйшія фактическія сообщенія посвящены разсказу о прибытіи Исидора въ Москву, о сдѣланныхъ имъ шагахъ къ признанію тамъ уніи и о той роли, которую игралъ въ этомъ дѣлѣ, какъ защитникъ православія, великій князь Василій Васильевичъ. О себѣ же Симеонъ болѣе ничего не сообщаетъ. Въ заключеніе «Повѣсти» помѣщена лирическая «похвала» князю Василію, имѣющая отчасти форму церковной службы: «Радуйся, благовѣрный великій князь Василіе...» и т. д.

Такимъ образомъ, въ общемъ сочиненіе іеромонаха Симеона представляетъ собою разсказъ о Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ съ точки зрѣнія православнаго русскаго человѣка, оставшагося вѣрнымъ своимъ церковнымъ преданіямъ въ этотъ критическій моментъ испытанія. Автобіографическій элементъ повѣствованія сосредоточивается главнымъ образомъ на душевныхъ, а затѣмъ и физическихъ страданіяхъ автора и на чувствѣ глубокаго удовлетворенія по поводу того, что дѣло православія на Руси было все-таки спасено, не смотря на «прелесть» самихъ грековъ, церковно-рели-

[1]) Описаніе достопримѣчательностей Флоренціи нашло себѣ мѣсто какъ въ упомянутыхъ выше Путевыхъ Запискахъ неизвѣстнаго суздальца и приписываемомъ г. Делекторскимъ іеромонаху Симеону описаніи путешествія въ Италію (Древняя Росс. Вивліоѳика, ч. IV по 1 изд., стр. 310—313, ч. VI по 2 изд., стр. 40—42; Сахаровъ, Сказ. р. нар., II, кн. 8, стр. 86), такъ и въ Запискахъ самого Суздальскаго епископа Авраамія, отъ которыхъ дошло до насъ нѣсколько отрывковъ, между ними одинъ съ описаніемъ сценическаго представленія Благовѣщенія Богородицы въ одной изъ флорентійскихъ церквей: А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 400—406; Описаніе Румянцовскаго Музея, стр. 338—339; Н. Тихонравовъ. Сочиненія, т. I, стр. 275—281.

ріозныи авторитетъ которыхъ уже не существуетъ въ глазахъ суздальскаго іеромонаха: тѣмъ выше является для него авторитетъ великаго князя, которому онъ усвояетъ титулъ «бѣлаго царя всея Руси». Это настроеніе очень цѣнно для историка той эпохи, когда жилъ іеромонахъ Симеонъ, и составляетъ главный историко-литературный интересъ «Повѣсти». Не смотря на приведенное выше (стр. 142, прим. 7) мнѣніе о близости разсказанной нами редакціи памятника къ оригиналу, мы однако же не можемъ судить по ней съ увѣренностью о формѣ произведенія, такъ какъ дошедшія до насъ рукописи этой редакціи относятся лишь къ XVII вѣку; едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что текстъ «Повѣсти» потерпѣлъ со времени своего возникновенія изъ-подъ пера автора извѣстныя измѣненія: напримѣръ, умолчаніе о своей собственной судьбѣ послѣ прибытія въ Москву со стороны автора, вообще говорящаго о себѣ довольно охотно, вѣроятно, является результатомъ подобныхъ измѣненій, какъ, съ другой стороны, подъ перомъ послѣдующихъ книжниковъ трудъ Симеона подвергся несомнѣннымъ видоизмѣненіямъ и дополненіямъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ другіе списки (впрочемъ, также XVII вѣка) «Повѣсти» [1]. Эта же «Повѣсть» послужила матеріаломъ для составленія упомянутаго произведенія неизвѣстнаго автора «Слово избрано еже на латыню», а также вошла въ составъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводовъ.

Подобно предшествующему времени, и въ XV вѣкѣ появлялись литературныя произведенія, облеченныя въ форму описаній путешествій въ чужія земли. Уже изъ отмѣченной выше группы сказаній о Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ можно усмотрѣть эти литературные элементы въ Путевыхъ Запискахъ неизвѣстнаго суздальца, въ описаніи путешествія въ Италію, приписываемаго нѣкоторыми, хотя и безъ достаточныхъ основаній, іеромонаху Симеону, наконецъ—въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ изъ Записокъ епископа Авраамія. Но были и другія произведенія этой категоріи. Съ одной стороны, продолжались путешествія къ святымъ мѣстамъ. Такъ, въ 1419—1422 гг. путешествовалъ въ Царьградъ, на Аѳонъ и въ Іерусалимъ іеродіаконъ Троице-Сергіева монастыря Зосима и оставилъ намъ описаніе своего паломничества [2]; въ 1456 году ходилъ въ Іерусалимъ инокъ Варсонофій [3]; въ 1465—66 годахъ совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ торговый человѣкъ гость Василій, описывавшій въ своихъ запискахъ [4], впрочемъ, также почти исключительно мѣста и предметы религіознаго поклоненія. Съ другой стороны, мы имѣемъ рѣдкій и весьма любопытный памятникъ

---

[1]) Ѳ. Делекторскій, назв. ст., стр. 165—168; А. Павловъ, назв. соч., стр. 289—291.

[2]) Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. Т. II, кн. 8, стр. 60—68. Издано Х. М. Лопаревымъ въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ, вып. 24. Спб. 1889.

[3]) Изд. С. О. Долговымъ: Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 45. М. 1896.

[4]) Изд. арх. Леонидомъ: Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 6. Спб. 1884.

этого рода въ трудѣ Аѳанасія Никитина, совершившаго путешествіе въ Индію и Персію въ 1466—72 годахъ.

На этомъ послѣднемъ мы остановимся.

Аѳанасій Никитинъ и описаніе его путешествія. Первое извѣстіе объ этомъ памятникѣ дано было Карамзинымъ въ его Исторіи. Здѣсь онъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что «честь одного изъ древнѣйшихъ описанныхъ европейскихъ путешествій въ Индію принадлежитъ Россіи Іоаннова вѣка», т. е. «тверскому жителю» Аѳанасію Никитину около 1470 года. Записки его, по словамъ Карамзина, «хотя и не показываютъ духа наблюдательнаго, ни ученыхъ свѣдѣній, однако любопытны тѣмъ болѣе, что тогдашнее состояніе Индіи намъ почти совсѣмъ неизвѣстно». Далѣе историкъ вкратцѣ передаетъ содержаніе этого памятника, которое «доказываетъ, что Россія въ XV вѣкѣ имѣла своихъ Тавернье и Шарденей, менѣе просвѣщенныхъ, но равно смѣлыхъ и предпріимчивыхъ; что Индѣйцы слышали объ ней прежде, нежели о Португаліи, Голландіи, Англіи» [1]). Въ полномъ видѣ «Хожденіе за три моря» Аѳанасія Никитина, какъ онъ самъ называетъ свое описаніе, было издано П. М. Строевымъ въ 1820 году въ «Софійскомъ Временникѣ», гдѣ оно помѣщается подъ 1475 годомъ, а затѣмъ нашло себѣ мѣсто по тому же тексту и по другимъ (Троицкому, Воскресенскому, Ундольскаго) въ VI томѣ П. С. Р. Л., съ объясненіями восточныхъ словъ, сдѣланными А. К. Казембекомъ [2]); незадолго передъ этимъ оно было подробно пересказано и отчасти комментировано, въ интересахъ «иностранныхъ географовъ», Д. Языковымъ [3]) на нѣмецкомъ языкѣ, а также издано И. Сахаровымъ въ его «Путешествіяхъ русскихъ людей» на основаніи списка Софійскаго Временника и другихъ, съ объясненіями оріенталиста акад. Френа [4]).

Передъ текстомъ «Хожденія» имѣется въ лѣтописныхъ текстахъ, подъ 1475 годомъ, слѣдующая любопытная запись: «Того же году обрѣтохъ написаніе Оѳонаса Тверитина купца, что былъ въ Индѣи 4 годы; а ходилъ, сказываетъ, съ Васильемъ съ Папинымъ; азъ же опытахъ, коли Василей ходилъ съ кречаты посломъ великаго князя, и сказаша ми: за годъ до Казанскаго похода пришелъ изъ орды, коли князь Юрьи подъ Казанью былъ, тогды его подъ Казанью застрѣлили. Се же написано не обрѣтохъ, въ кое лѣто пошелъ или въ кое лѣто пришелъ изъ Индѣя, умеръ; а сказываютъ, что де и Смоленска не дошедъ умеръ, а писаніе то своею рукою написалъ, иже его руки тетрати привезли гости къ Мамыреву Василью къ дьяку къ великаго князя на Москву» [5]). Эта небольшая замѣтка историко-изыскательнаго характера, при сопоставленіи съ другими данными и свѣдѣніями въ самомъ

---

[1]) И. Г. Р., изд. Эйнерлинга. Кн. II, т. 6, стр. 226—227. Въ соотвѣтствующемъ примѣчаніи (629) дано нѣсколько отрывковъ изъ самыхъ записокъ Аѳ. Никитина.

[2]) П. С. Р. Л. VI, стр. 330—358.

[3]) D. Jasykow. Reise nach Indien, unternommen von einem Russischen Kaufmann im 15. Jahrhundert. Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst. B. IV (1835), S. 481—502.

[4]) Сказанія русскаго народа. Т. II, кн. 8, стр. 171—182.

[5]) П. С. Р. Л. VI, стр. 330.

«Хожденія», позволяетъ спеціальному изслѣдователю этого памятника [1]) установить слѣдующіе факты. Въ 1466 году былъ въ Москвѣ у великаго князя Іоанна Васильевича посолъ владѣтеля Шемахи Ширванъ-шаха Ферухъ-Есара, именемъ Асанъ-Бегъ, вызвавшій въ Шемаху и наше отвѣтное посольство, въ лицѣ Василія Папина съ товарищами. Тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ рѣшился поѣхать съ этимъ посольствомъ въ восточныя земли, имѣя въ виду торговыя цѣли. Пробылъ онъ въ этомъ путешествіи около шести лѣтъ: выѣхавъ въ 1466 году по Волгѣ, онъ посѣтилъ Персію, Индію и черезъ турецкія земли вернулся въ 1472 году въ Россію, но, не доѣзжая родины, скончался въ Смоленскѣ. Путешествіе Никитина «за три моря» можетъ быть раздѣлено на три части: 1) черезъ Персидскія земли, отъ южныхъ береговъ Каспійскаго моря до береговъ Персидскаго залива (1467—1469), 2) по Индіи (1469—1472), 3) опять черезъ Персидскія и Турецкія земли, отъ береговъ Персидскаго залива къ Черному морю (1472).

Содержаніе «Хожденія» таково. Выѣхалъ Аѳанасій Никитинъ изъ Россіи въ сообществѣ шемаханскаго посла Асанъ-Бега и его свиты, надѣясь нагнать въ пути русскаго посла Василія Папина, который отправился нѣсколько раньше. При Никитинѣ было нѣсколько товарищей-тверичей и два судна. Не доѣзжая Астрахани, путешественники подверглись нападенію со стороны татарскихъ разбойниковъ, причемъ Никитинъ потерялъ одно судно. Другое судно потерпѣло аварію у береговъ Каспійскаго моря, и Никитину пришлось продолжать свою дорогу сухимъ путемъ, причемъ на первыхъ порахъ оказалъ имъ покровительство Ширванъ-шахъ, освободивши захваченныхъ горцами-кайтаками въ плѣнъ русскихъ, однако въ помощи возратиться домой имъ отказалъ, потому что ихъ было много. «И мы заплакавъ—говоритъ Никитинъ—да разошлися кои куды: у кого что есть на Руси, и тотъ пошелъ на Русь, а кой долженъ, тотъ пошелъ куды его очи понесли, а иные остались въ Шемахеѣ, а иные пошли работать къ Бакѣ» (П. С. Р. Л. VI. 332). Какъ видно изъ послѣдующаго, у Никитина послѣ всѣхъ злоключеній остались на рукахъ нѣкоторыя средства, деньги и товары, и онъ отправился въ Дербентъ, по направленію къ Персіи. Переходъ по персидскимъ землямъ, несмотря на свою продолжительность, оставилъ очень мало слѣдовъ въ запискахъ Никитина: упоминаніе городовъ и мѣстъ, через которыя проходилъ путешественникъ, да нѣсколько словъ о смутномъ состояніи Персіи—вотъ и все. Впрочемъ, остановившись на мѣсяцъ въ городѣ Реѣ, къ окрестностямъ котораго принадлежалъ тогда еще незначительный Тегеранъ, Никитинъ передаетъ, что здѣсь убиты были дѣти Шуасеня-Али, внучата Магомета, и за это Магометъ проклялъ тамошній край, почему погибло въ развалинахъ 70 городовъ. «Въ этомъ небольшомъ замѣчаніи—говоритъ Срезневскій—скрывается то, что Никитинъ присутствовалъ въ Реѣ на представленіи знаменитой персидской мистеріи, воспоминающей погибель Хусейна, сына Али, внука Магометова, и его семейства, отмѣченной русскимъ путешественникомъ XVII вѣка Ѳедотомъ Котовымъ и подробно

---

[1]) И. Срезневскій. Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина. Ученыя Записки II Отд. Ак. Н., кн. II, вып. 2 (1856), стр. 257—263.

описанной русскимъ путешественникомъ нашего времени И. Н. Березинымъ» [1]). Объ Индіи, куда затѣмъ отправился Никитинъ и гдѣ пробылъ почти три года, онъ сообщаетъ уже гораздо больше. Въ Чувилѣ, гдѣ онъ высадился послѣ морского переѣзда въ Индію изъ Персіи, Никитинъ получилъ первыя впечатлѣнія отъ Индійскаго народа: люди ходятъ нагіе, не покрывая ни головы, ни груди, и босые; у «князя» ихъ покрывало на головѣ и на бедрахъ, «княгиня» и «слуги боярскіе и княжіи» также носятъ нѣкоторую одежду; дѣти до семи лѣтъ остаются совершенно голыми, и всѣ черны: «язъ хожу куды, ино за мною людей много, дивятся бѣлому человѣку». Достигши города Чунера, Никитинъ остановился тутъ на два мѣсяца на зимовку. Мѣстный «ханъ» ѣздитъ на людяхъ, хотя у него есть много слоновъ и хорошихъ лошадей. Этотъ ханъ отнялъ у Никитина привезеннаго имъ съ собой жеребца и, узнавши, что обиженный имъ—русскій, сказалъ: «и жеребца отдамъ и 1.000 золотыхъ дамъ, если станешь въ нашу магометанскую вѣру, а если не станешь въ нашу вѣру, то и жеребца не отдамъ и 1.000 золотыхъ съ твоей головы возьму»; къ счастію, въ это время пріѣхалъ Махметъ Хоросанецъ и не только упросилъ хана не понуждать Никитина въ ихъ вѣру, но и жеребца выручилъ. «Ино, братья русьстіи—восклицаетъ по этому поводу нашъ путешественникъ—кто хочетъ пойти въ Индѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси; да воскликнувъ Махмета да поиди въ Гундустаньскую землю» (стр. 334). Затѣмъ, на своемъ пути Никитинъ останавливается въ городѣ Бедерѣ: здѣсь торгуютъ конями, камкой, шелкомъ и другимъ подобнымъ товаромъ, черными людьми, съѣстными вещами, овощами—для русской земли товара тутъ нѣтъ; люди тутъ все черные, все злодѣи, а жены ихъ безчестны; всюду чародѣйство, воровство, обманъ и отравы. Бедеръ—столица бусурманскаго Гундустана; городъ большой, людей много. Дворъ бедерскаго султана окруженъ стѣнами съ семью воротами; въ воротахъ сидятъ по сту сторожей, да по сту писцовъ, которые записываютъ имена всѣхъ входящихъ и выходящихъ; иностранцевъ не пускаютъ. Дворъ чудесный, все въ немъ украшено изваяніями и золотомъ, и послѣдній камень изваянъ и покрытъ золотомъ. Почью городъ стерегутъ 1000 человѣкъ: они ѣздятъ на коняхъ, въ доспѣхахъ, со свѣточами въ рукахъ. Послѣ небольшой поѣздки по торговымъ дѣламъ въ другіе города, Никитинъ воротился въ Бедеръ и оставался здѣсь четыре мѣсяца. Сблизившись со многими изъ жителей, онъ бесѣдовалъ съ ними о вѣрѣ, описывая христіанскую вѣру и разспрашивая объ ихней: они вѣруютъ въ «Адама» и «Бута» (Будда)—это Адамъ и весь родъ его. Вѣръ у нихъ 84: всѣ вѣруютъ въ Буту, но поклонники одной вѣры не сближаются съ поклонниками другой ни въ питьѣ, ни въ пищѣ, ни въ женитьбѣ. Никитинъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія о пищѣ индіанъ и о томъ, какъ ее принимаютъ. Вмѣстѣ съ индійцами Никитинъ посѣтилъ ихъ священный городъ Первотъ (Парватъ), гдѣ во время большого поста бываетъ ярмарка; тутъ наблюдательность Никитина опять обращается на вѣрованія туземцевъ и на способы ихъ богопочитанія. Возвратившись изъ Первота снова въ Бедеръ, за 15 дней до магометанскаго улу-бай-рама, Никитинъ отпраздно-

[1]) Назв. ст., стр. 266.

валъ тутъ Свѣтлый Праздникъ: это была четвертая Пасха, которую онъ проводилъ въ чужой землѣ. Трудно ему было высчитывать, будучи среди иновѣрцевъ, когда придется этотъ праздникъ: «А великаго дни Воскресенія Христова не вѣдаю... А со мною нѣтъ ничего, никоя книги, а книги есмя взяли съ собою съ Руси; ино коли мя пограбили, ини ихъ взяли, и язъ позабылъ вѣры хрестьянскія всея и праздниковъ хрестьянскихъ, ни Велика дни, ни Рожества Христова не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не знаю» (стр. 337; ср. стр. 339—340). Далѣе, въ описаніи Никитина, по мнѣнію Срезневскаго [1]), имѣется значительный пропускъ, такъ какъ мы вдругъ встрѣчаемся съ заявленіемъ путешественника: «а иду я на Русь»: безъ этого пропуска пришлось бы предположить, что по возвращеніи изъ Первота Никитинъ оставался въ Бедерѣ безвыѣздно еще цѣлый годъ. Изъ другихъ мѣстъ описанія видѣннаго Никитинымъ въ Индіи, заслуживаютъ вниманія свѣдѣнія о животныхъ этой страны: объ обезьянахъ, о змѣяхъ, о птицѣ «гукукѣ»: если эта птица, летающая обыкновенно ночью, сядетъ на чьемъ-либо домѣ, то въ немъ кто-нибудь умретъ, а если кто задумаетъ ее убить, то изо рта у нея выходитъ огонь. Объ индійской флорѣ авторъ сообщаетъ очень мало интереснаго. Наконецъ, весьма любопытно описаніе выѣзда Бедерскаго султана на прогулку во время байрама. Онъ выѣхалъ съ 20-ю визирями великими. Съ ними выѣхали 300 слоновъ, наряженныхъ въ булатные доспѣхи и въ окованные городки; на каждомъ изъ слоновъ по шести человѣкъ въ доспѣхахъ, съ пушками и пищалями, а на «великомъ слонѣ» двѣнадцать человѣкъ: на всякомъ слонѣ два большихъ знамени («прапорца»); къ клыкамъ ихъ привязаны огромные мечи вѣсомъ по кентарю, а къ рыламъ по три желѣзныхъ гири, промежду ушей посаженъ человѣкъ въ доспѣхахъ, съ большимъ желѣзнымъ крюкомъ для управленія слономъ. Кромѣ слоновъ, выѣхали съ султаномъ тысячи коней безъ всадниковъ, всѣ въ золотѣ, сто верблюдовъ съ барабанами («нагарами»), триста трубачей, триста плясуновъ, триста наложницъ. Султанъ ѣхалъ верхомъ на конѣ, убранномъ въ золотѣ, на золотомъ сѣдлѣ; на султанѣ кафтанъ весь саженъ яхонтами; на его шапкѣ шишакѣ большой алмазъ; лукъ его изъ золота съ яхонтами; три сабли его кованы золотомъ. Передъ султаномъ скакалъ пѣшій индѣецъ (кафаръ), играя «теремцемъ» (зонтикомъ), и за нимъ много пѣшихъ индѣйцевъ; тутъ и бѣшеный («благой») слонъ, весь наряженный въ камку, съ желѣзной цѣпью во рту, идетъ и «обиваетъ» коней и людей, чтобы кто не приступилъ близко къ султану. Братъ султана выѣхалъ на золотой кровати подъ шелковымъ балдахиномъ, съ золотою же маковкой; его везли четыре коня, убранные въ золото; около него множество людей, чуть не голыхъ, у которыхъ только бедра завѣшаны были платомъ, а передъ ними пѣвцы, плясуны, и всѣ съ мечами наголо, съ саблями, со щитами, сулицами, копьями, съ прямыми длинными луками, и кони всѣ въ доспѣхахъ съ сагайдаками. Тѣми же восточными красками блещетъ и описаніе обычнаго, по два раза въ недѣлю, выѣзда султана, съ тремя визирями и семьею, на «потѣху» [2]).

---

[1]) Назв. ст., стр. 279—280.

[2]) П. С. Р. Л. VI, стр. 340—343. Ср. у Срезневскаго: назв. ст., стр. 285—287.

Въ Дабилѣ, «пристанищѣ великаго моря Индѣйскаго», Никитинъ простился съ Индіей: «И ту окаянный язъ рабище Аѳанасіе Бога вышняго, Творцу небу и земли, въмыслихся по вѣрѣ по христіанской и по крещеніи Христовѣ и по говѣйнехъ Святыхъ Отецъ устроенныхъ и по заповѣдехъ апостольскихъ и устремихся умомъ поити на Русь» (стр. 343). Снова черезъ Персію и затѣмъ турецкія земли Никитинъ въ сентябрѣ 1472 года прибылъ въ Трапезундъ; дальнѣйшій переѣздъ по Черному морю привелъ его въ Крымъ, къ Балаклавѣ и Кафѣ. Здѣсь Никитинъ могъ сказать: «милостію Божіею преидохъ же три моря». Этими словами и приведенной затѣмъ мусульманской молитвой въ подлинникѣ кончаются записки Никитина. О пути его до Смоленска мы ничего не знаемъ.

Лѣтописецъ говоритъ, что Никитинъ написалъ «Хожденіе» «своей рукою, иже его руки тетради привезли гости». Быть можетъ, это надо понимать такъ, что лѣтописецъ самъ имѣлъ подъ рукою подлинникъ труда Никитина. Текстъ этихъ записокъ не отличается особенной литературной обработкой: въ немъ, какъ было указано, есть пропускъ, быть можетъ—не одинъ, есть и повторенія (напр., о постахъ и праздникахъ, какъ ихъ трудно соблюдать въ чужой землѣ). Въ серединѣ текста во многихъ мѣстахъ есть вставки на восточныхъ языкахъ, переданныя русскими буквами, а также отдѣльныя восточныя слова для обозначенія видѣнныхъ предметовъ. Эти вставки разобраны оріенталистами и обнаруживаютъ, что Никитинъ прибѣгалъ къ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда чувство благопристойности или опасеніе религіознаго соблазна побуждали его къ этому: такимъ способомъ онъ передаетъ интимныя сообщенія о женщинахъ въ Индіи и молитвы. Весьма интересно то настроеніе, которое переживалъ, въ лицѣ Никитина, простой русскій человѣкъ XV вѣка, попавшій на долгое время въ совершенно чуждый ему восточный міръ; по временамъ на него находило отчаяніе и религіозный индиферентизмъ: «а правую вѣру Богъ вѣдаетъ, а правая вѣра Бога единаго знати, имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисто» (стр. 343). Многаго насмотрѣлся онъ въ чужихъ краяхъ и описалъ это съ достаточной объективностью, но въ концѣ концовъ родина была ему милѣе всѣхъ странъ на свѣтѣ. Между его записями на разныхъ восточныхъ языкахъ есть одна такого содержанія: «Да сохранитъ Богъ землю русскую! Боже, сохрани ее! Въ семъ мірѣ нѣтъ подобной ей земли. Да устроится русская земля!» (стр. 357).

Историческое значеніе «Хожденія» Никитина опредѣляется съ точки зрѣнія того же болѣе широкаго масштаба, какъ и значеніе «Паломника» игумена Даніила. Будучи одинокъ, какъ русскій путешественникъ XV вѣка въ Индію и вообще на востокъ, Аѳанасій Никитинъ долженъ быть сравниваемъ съ западно-европейскими путешественниками той же эпохи. Разсматривая Никитина съ этой точки зрѣнія, И. И. Срезневскій дѣлаетъ такой выводъ: «По времени, когда писаны, записки его принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ своего рода: разсказы Ди Конти и отчеты Васко ди Гама одни могутъ быть поставлены вровень съ Хожденіемъ Никитина. Не ниже ихъ это Хожденіе ни по слогу, хотя и можетъ оно намъ теперь казаться слишкомъ мало литературнымъ, ни по простодушію и отрывочности замѣчаній, ни по довѣрчивости къ разсказамъ туземцевъ, заставлявшей

его иногда повторять и невѣроятное. А что умно разнообразна была наблюдательность Никитина, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. И въ этомъ отношеніи Никитинъ не ниже, если не выше его современниковъ» [1]. Выдающійся оріенталистъ И. П. Минаевъ, разсматривая трудъ Никитина въ той части, которая касается Индіи, находитъ въ немъ «не одинъ драгоцѣнный фактъ, важный для пониманія старо-индійской жизни и просмотрѣнный его современниками, заходившими въ Индію». Тотъ же ученый полагаетъ, что «сравненіе записокъ Аѳ. Никитина съ западными географическими памятниками XV и XVI вв. не окажется къ невыгодѣ русскаго путешественника: уступая имъ часто въ красотѣ изложенія и богатствѣ фактическихъ подробностей, тверичъ Никитинъ превосходитъ весьма многихъ безпристрастіемъ, наблюдательностью и толковостью; трезвость, отличающая всѣ его сообщенія, и вѣрность наблюденія даютъ право сравнивать его замѣтки съ самыми выдающимися изъ старинныхъ путешествій» [2].

В. Литературныя явленія XVI вѣка.

1.

Основныя черты литературы XVI вѣка.—Продолжающаяся борьба въ области церковно-религіозныхъ вопросовъ.—Митрополитъ Даніилъ.—Вассіанъ Патрикѣевъ.

XVI вѣкъ въ русской литературѣ имѣетъ много точекъ соприкосновенія со своимъ предшественникомъ. Говоря о литературныхъ явленіяхъ XV вѣка, намъ не разъ приходилось указывать на то, что многія изъ нихъ имѣли свое продолженіе въ слѣдующемъ столѣтіи: таковы, напр., работы въ области лѣтописи, историческая повѣсть, церковная или политическая публицистика. Особенно широкое развитіе публицистической литературы по вопросамъ церковной и гражданской жизни составляетъ характерную особенность XVI столѣтія. Основою этой литературы является сама русская жизнь, шедшая неудержимо впередъ въ своемъ государственномъ и культурномъ развитіи и выдвигавшая разнообразныя точки зрѣнія на самые важные вопросы индивидуальнаго, общественнаго, религіознаго и политическаго міросозерцанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ русской жизни этого времени наблюдается крупный переломъ и поворотъ отъ старыхъ византійскихъ преданій къ новымъ началамъ, шедшимъ съ запада; этотъ процессъ находитъ свое отраженіе и въ литературѣ—сначала пока одной своей стороною: сторонники стараго византійскаго уклада жизни собираютъ свои силы, создаютъ крупныя литературныя предпріятія въ духѣ прошлаго и стараются укрѣпить свою позицію призывомъ къ возстановленію «поисшатавшейся» старины; другая

---

[1] Назв. ст., стр. 305–306.

[2] Старая Индія. Замѣтки на «Хожденіе за три моря» Аѳанасія Никитина. Ж. М. Н. Пр. 1881, № 6, стр. 166.

сторона этого процесса—постепенное ознакомленіе и усвоеніе началъ западной жизни—достается уже на долю послѣдующаго столѣтія. Такимъ образомъ, русскіе литературные дѣятели XVI вѣка имѣли передъ собою чрезвычайно богатый матеріалъ и побужденія для своей работы. Факты этой дѣятельности весьма многочисленны, и задача историка литературы затрудняется лишь выборомъ самыхъ характерныхъ явленій этого рода. Литература по прежнему остается рукописной, и только во второй половинѣ XVI вѣка печатный станокъ начинаетъ робко обслуживать нѣкоторыя неотложныя потребности церкви и религіознаго просвѣщенія. Продолжаютъ существовать еще прежнія литературныя формы: поученія, посланія, повѣсти и сказанія, описанія путешествій, житія святыхъ и проч., но вмѣстѣ съ тѣмъ въ области литературы впервые выдѣляются колоссальныя литературныя работы, вродѣ Четьихъ-Миней или Степенной Книги, а равно и крупныя писательскія индивидуальности, напр., князь А. М. Курбскій или Максимъ Грекъ—съ рѣзко очерченнымъ литературнымъ самосознаніемъ и недюжинной образованностью, значительно увеличивающими не одну только историческую, но и собственно литературную цѣнность этихъ произведеній и авторовъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы остановимся только на самыхъ крупныхъ литературныхъ явленіяхъ XVI вѣка.

Умственныя и религіозныя броженія XV вѣка, раздѣлившія русскихъ мыслящихъ людей на два противоположныхъ лагеря, продолжаютъ существовать и въ XVI вѣкѣ подъ тѣми же видами «іосифлянъ» съ одной стороны и «заволжскихъ старцевъ»—съ другой. Борьба этихъ двухъ противоположныхъ міровоззрѣній продолжается, втягивая въ свою сферу не одни только вопросы монастырской жизни или отношеній господствующей церкви къ еретикамъ, но и важнѣйшіе вопросы внутренней политики государства: съ этой точки зрѣнія является, напр., весьма характернымъ литературнымъ явленіемъ извѣстная «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ» и ярко выраженное духовное родство князя А. М. Курбскаго съ Максимомъ Грекомъ и старцемъ Артеміемъ. Вмѣстѣ съ этимъ, продолжающійся процессъ усиленія власти московскаго великаго князя и окончательное завершеніе его въ лицѣ царя Ивана Грознаго создаютъ почву и для полемики на чисто политическія темы, выдвигая на литературную арену такихъ дѣятелей, какъ И. С. Пересвѣтовъ или самъ царь Иванъ IV.

Обратимся сначала къ борьбѣ въ области церковно-религіозной. Самыми видными фигурами въ этой борьбѣ, падающей главнымъ образомъ на вторую четверть XVI вѣка, являются митрополитъ Даніилъ, Вассіанъ Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ.

Внѣшніе факты этой борьбы, въ главныхъ чертахъ, были таковы. Вышедшій изъ школы самого Іосифа Волоцкаго и поставленный въ 1515 году въ игумены Волоколамскаго монастыря, Даніилъ, еще до вступленія на митрополію, былъ прекрасно подготовленъ къ дѣятельности въ духѣ своего учителя; онъ былъ человѣкъ книжный, строгій подвижникъ и сторонникъ консервативныхъ воззрѣній въ вопросахъ вѣры и церковной по-

литики: въ качествѣ игумена, онъ обнаружилъ въ себѣ хорошаго администратора, опытнаго и энергичнаго хозяина и вообще человѣка съ практическимъ и житейскимъ смысломъ. Эти данныя, въ связи съ положеніемъ игумена въ знаменитой обители, нерѣдко посѣщаемой великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ (1505—1533), скоро выдвинули его на видъ: въ 1522 году онъ возведенъ былъ въ санъ митрополита всея Руси, въ качествѣ преемника оставившаго свою каѳедру сторонника «заволжскихъ» идей и неугоднаго великому князю митрополита Варлаама. Условія, при которыхъ Даніилъ, главнымъ образомъ благодаря личному вмѣшательству въ это дѣло великаго князя, сдѣлался митрополитомъ, создавали ему весьма трудное положеніе; и при дворѣ великаго князя, и среди тогдашняго духовенства были лица противоположнаго ему образа мыслей, и съ ними Даніилу предстояла неизбѣжная борьба, осложняемая столь же неизбѣжнымъ вмѣшательствомъ въ политическіе или даже чисто семейные вопросы касательно великаго князя, напр., разводъ его съ прежней супругой Соломоніей и женитьба, ради цѣлей престолонаслѣдія, на Еленѣ Глинской: и въ этомъ вопросѣ Даніилъ всецѣло сталъ на сторону великаго князя. Какъ по этому, такъ и по другимъ вопросамъ однимъ изъ первыхъ противниковъ Даніила выступилъ Вассіанъ Патрикѣевъ.

Князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, по прозванію Косой, безспорно является весьма замѣтной фигурой на фонѣ русскихъ событій XVI вѣка. Происходя отъ знатнаго отца, оказавшагося въ опалѣ у Ивана III и принужденнаго постричься въ монахи, Вассіанъ (въ мірѣ Василій) рано принялъ на себя также иночество и поселился въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. При новомъ великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ, оставаясь инокомъ, онъ получилъ значительное вліяніе при дворѣ, обусловленное не только его знатнымъ происхожденіемъ, но и выдающимися личными качествами—умомъ, книжностью и твердымъ характеромъ. Авторитетъ Вассіана въ книжномъ дѣлѣ въ глазахъ московскаго придворнаго круга выразился, между прочимъ, въ порученіи ему надзора за переводной дѣятельностью Максима Грека, передъ которымъ, впрочемъ, самъ Вассіанъ безусловно преклонялся; Вассіану также принадлежитъ цѣлый рядъ собственныхъ литературныхъ трудовъ, явившихся частію поводомъ нерасположенія къ нему митрополита Даніила, частію сопровождавшихъ дальнѣйшій ростъ этихъ отношеній. Вникая въ занимавшій тогда очень многихъ вопросъ о вотчинныхъ правахъ монастырей и смотря на него съ точки зрѣнія «заволжскихъ старцевъ», Вассіанъ самъ составилъ сборникъ церковныхъ правилъ, законченный имъ въ 1517 г. Вассіану принадлежитъ и значительная доля участія въ вызовѣ въ Россію, ради книжныхъ дѣлъ, ученаго Максима Грека, явившагося въ Москву въ 1518 году и сразу ставшаго съ Вассіаномъ въ тѣсныя дружескія отношенія, а великій князь благоволилъ имъ обоимъ. Другимъ важнымъ вопросомъ, занимавшимъ Вассіана не безъ вліянія Максима Грека, было состояніе тогдашнихъ русскихъ церковныхъ книгъ: вскорѣ онъ убѣдился въ ихъ крайней неисправности и не стѣснялся выражать это въ самой рѣзкой формѣ. Близко стоялъ Вассіанъ также и къ политическимъ интересамъ своей эпохи; онъ

не сочувствовалъ абсолютизму свѣтской власти вообще и въ частности былъ противъ ея вмѣшательства въ церковные вопросы, желая видѣть въ послѣднихъ господство авторитета самой церкви; раболѣпство церковныхъ владыкъ передъ свѣтской властью было ему несимпатично. И если нельзя сомнѣваться въ глубокомъ вліяніи Максима Грека на Вассіана въ вопросахъ церковной книжности, то не менѣе вѣроятнымъ представляется и обратное вліяніе Вассіана на Максима Грека въ дѣлахъ гражданской и церковной политики. Оба друга усвоили совершенно опредѣленный образъ мыслей и настроеніе, ставившее ихъ передъ неизбѣжнымъ столкновеніемъ съ противоположной имъ точкой зрѣнія на вещи въ лицѣ «іосифлянина», консерватора въ вопросахъ вѣры и благочестія, митрополита Даніила; это столкновеніе явилось также и результатомъ перемѣны положенія «заволжцевъ» при дворѣ великаго князя, которому пришлось воспользоваться услугами Даніила въ дѣлѣ о разводѣ, вызвавшемъ крайне несочувственное отношеніе въ Максимѣ Грекѣ и Вассіанѣ. О Максимѣ рѣчь будетъ особо; что же касается Вассіана, то осужденіе его друга и единомышленника на соборѣ 1531 года какъ бы предрѣшало и его собственную судьбу. Дѣйствительно, въ томъ же году онъ былъ привлеченъ за свою «Кормчую» (упомянутый выше сборникъ церковныхъ правилъ) къ суду, на которомъ онъ не только защищалъ свое право свободнаго учительства, выраженное въ «Кормчей», но и необходимость монастырей отказаться отъ обладанія имѣніями; этотъ послѣдній вопросъ былъ разрѣшенъ Вассіаномъ въ особомъ каноническомъ трактатѣ, составляющемъ приложеніе къ его «Кормчей» (см., напр., рук. И. П. Б—ки F. II, № 74). На этомъ соборѣ имѣли мѣсто пространныя бесѣды Даніила съ Вассіаномъ по различнымъ вопросамъ церковно-религіозной жизни—о монастыряхъ и жизни иноковъ, о священныхъ и богослужебныхъ книгахъ, о церковныхъ догматахъ, о святыхъ и проч.,—при чемъ выяснилась полная противоположность воззрѣній обоихъ антагонистовъ [1]): въ результатѣ оказалось осужденіе Вассіана на заточеніе въ монастырь. Мѣстомъ заточенія для Вассіана былъ избранъ тотъ самый Волоколамскій монастырь, съ именемъ котораго въ памяти его узника связывалось представленіе о главномъ средоточіи идей, шедшихъ въ разрѣзъ со всѣми духовными идеалами Патрикѣева. Какова была дальнѣйшая судьба Вассіана, въ точности неизвѣстно; характерное сообщеніе кн. А. М. Курбскаго, будто Вассіанъ погибъ насильственнымъ образомъ отъ рукъ иноковъ враждебнаго ему монастыря, едвали достовѣрно; во всякомъ случаѣ около 1545 года Вассіана уже не было въ живыхъ.—Объемъ литературной дѣятельности Вассіана не вполнѣ выясненъ. Кромѣ «Кормчей» и неясно выразившагося участія Вассіана въ дѣлѣ перевода Максимомъ Грекомъ богослужебныхъ книгъ, Вассіану принадлежитъ нѣсколько полемическихъ сочиненій: «Предисловіе Нила и Вассіана, ученика его, на Іосифа Волоцкаго игумена» (въ духѣ скитскаго «устава» Нила Сорскаго), «Слово отвѣтно противу

---

[1]) Преніе Даніила митрополита Московскаго и всея Руси съ старцемъ Васьяномъ, 1531 года мая 11 дня: Чтенія Общ. Ист. и Др. 1847, № 9, отд. IV, стр. 1—28.

клевещущихъ истину евангельскую и о иноческомъ житіи и устроеніи церковнѣмъ» (объ иноческой жизни и владѣніи монастырей имуществами) и др. [1]). Собирая въ одно цѣлое тѣ черты, которыя даетъ намъ жизнь и литературная дѣятельность Вассіана, мы получаемъ весьма внушительный и оригинальный образъ этого князя-инока, твердо стоящаго на выработанной имъ почвѣ воззрѣній и понятій, вполнѣ искренняго и, при всемъ своемъ критицизмѣ, глубоко вѣрующаго. Этотъ критицизмъ, характерный для Вассіана, особенно цѣненъ для историка, какъ черта времени и въ частности той «заволжской» школы, къ которой онъ принадлежалъ по своимъ воззрѣніямъ. Другой такой чертой является пристрастіе Вассіана къ нравственнымъ вопросамъ и сужденіямъ, его сочувствіе низшему классу, всѣмъ несправедливо гонимымъ, въ томъ числѣ и «еретикамъ», въ ряды которыхъ пришлось стать потомъ и ему самому. Конечно, въ области книжности Вассіанъ былъ не болѣе какъ простой, талантливый начетчикъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и его собственныя сочиненія, но онъ — хотя и смутно — понималъ важность знанія, что особенно видно изъ его отношеній къ Максиму Греку.

2.

Максимъ Грекъ.— Его жизнь.— Судьба сочиненій Максима въ Россіи.—Труды по исправленію богослужебныхъ книгъ.— Переводы.— Догматико-полемическія сочиненія; ихъ теоретическій характеръ.—Назидательныя и обличительныя сочиненія: о монастырской жизни, объ идеалѣ правителя, о народныхъ суевѣріяхъ, объ апокрифахъ.—Историческое значеніе личности и дѣятельности Максима Грека въ Россіи.

Гораздо богаче фактами и литературными результатами была жизнь и судьба другого антагониста Даніила—ученаго Максима Грека. Годъ рожденія Максима въ точности неизвѣстенъ; полагаютъ, что онъ родился около 1480 года [2]). Мѣстомъ рожденія былъ городъ Арта (въ Албаніи); семья Максима была, повидимому, зажиточная и образованная. Максиму дано было хорошее образованіе, не ограничившееся предѣлами Греціи,

---

[1]) Напечатаны въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1863, III, стр. 102—112, 180—210. О предположительно приписываемыхъ Вассіану сочиненіяхъ см. статью В. Боцяновскаго въ «Критико-біографическомъ словарѣ» С. А. Венгерова, т. IV, отд. 2, стр. 188—189.

[2]) Это болѣе или менѣе общепринятое предположеніе, впервые высказанное А. В. Горскимъ (Прибавленія къ Тв. Св. Отцовъ. Ч. XVIII, 1859, стр. 144), стоитъ въ противорѣчіи съ указаніемъ позднѣйшаго «житія» Максима Грека, сочиненнаго неизвѣстнымъ авторомъ; оно опредѣляетъ время рожденія Максима 6956, т. е. 1448 годомъ, и, согласно этому (такъ какъ Максимъ умеръ въ 1556 году), въ концѣ житія дѣлается выводъ, что Максимъ «поживе... всѣхъ лѣтъ живота своего во преподобіи и правдѣ истиннѣ 108 лѣтъ и 2 мѣсяци и 13 дне» (Бѣлокуровъ, С. А. О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи, прилож., стр. XLIII. LXXXII).

которая жила въ ту пору подъ турецкимъ владычествомъ. Молодые люди изъ грековъ, желавшіе получить высшее образованіе, обыкновенно отправлялись тогда въ Италію, куда стекалось и множество грековъ, искавшихъ убѣжища отъ турецкихъ стѣсненій въ своемъ отечествѣ. Нерѣдко они приносили съ собой не только знаніе греческаго языка и литературы, но и старинныя рукописи, чтобы спасти ихъ отъ рукъ восточныхъ варваровъ; итальянскіе города соперничали между собою въ радушномъ пріемѣ и покровительствѣ греческимъ пришельцамъ, приглашали ихъ въ качествѣ учителей и открывали имъ каѳедры своихъ университетовъ. Этотъ притокъ умственныхъ силъ и книжныхъ сокровищъ древней эллинской и позднѣйшей греческой цивилизаціи чрезвычайно много способствовалъ такъ называемому итальянскому «возрожденію», создавъ изъ многихъ итальянскихъ городовъ (Флоренція, Римъ, Неаполь, Миланъ и друг.) выдающіеся умственные и образовательные центры. Максимъ Грекъ явился въ Италію въ качествѣ ученика и съ жаромъ предался научнымъ занятіямъ. Онъ побывалъ въ Венеціи, Феррарѣ, Падуѣ, Флоренціи и другихъ итальянскихъ городахъ, сводилъ личное знакомство съ знаменитѣйшими представителями итальянской образованности, приглядывался въ жизни; много читалъ не только «христіанскихъ писаній», но и «сложенныхъ внѣшними мудрецы»: въ числѣ послѣднихъ онъ самъ цитируетъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Гезіода и Гомера, Платона, Аристотеля, Ѳукидида, Плутарха и друг. Были впечатлѣнія и отъ людей другого рода; самымъ яркимъ изъ нихъ надо считать знакомство съ Іеронимомъ Савонаролой во Флоренціи, о которомъ Максимъ позднѣе самъ разсказываетъ, что онъ былъ «латинникъ и родомъ и ученіемъ, преполонъ всякія премудрости и разума богодохновенныхъ писаній и внѣшняго наказанія, сирѣчь философіи, подвижникъ презѣленъ и божественною ревностію довольно украшаемъ» (Соч. III. 158). Трагическая судьба Савонаролы, погибшаго на кострѣ 22 мая 1498 года, его твердость и нравственная высота уже тогда представлялись Максиму идеальнымъ образцомъ, достойнымъ подражанія. Есть извѣстіе, переданное мимоходомъ Курбскимъ (въ «Исторіи Флорентійскаго Собора»: Сказанія, II. 1833, стр. 247) и принимаемое нѣкоторыми новѣйшими біографами (напр., издателями «Сочиненій» Максима Грека, I, изд. 2-е, стр. 5), что Максимъ, въ поискахъ научнаго образованія, не удовольствовался Италіей, но побывалъ и въ Парижѣ, гдѣ учился у знаменитаго Яна Ласкариса; но такъ какъ Максимъ говоритъ о гальскихъ училищахъ лишь по слуху («яко же слышахъ отъ нѣкихъ»: Соч. III. 146), то можно сомнѣваться въ достовѣрности этого сообщенія. «Латинскія» науки и «внѣшнія» познанія не помѣшали Максиму сохранить свою приверженность къ греческому православію и глубокую вѣру, но пребываніе на Западѣ помогло ему выработать безпристрастный взглядъ на «неправомудренныхъ» латынянъ: онъ признаетъ у нихъ «попеченіе и прилежаніе евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей и ревность за вѣру Спаса Христа, аще и не по совершенному разуму» (Соч. III, стр. 164—165). Максимъ завершилъ свое образованіе на Аѳонѣ, куда прибылъ около 1507 года и вскорѣ пострижен былъ въ Благовѣщенскомъ Ватопедскомъ монастырѣ. Быть мо-

жетъ, на выборъ мѣста постриженія повліяли книжныя богатства этой обители. Здѣсь окончательно формировался въ Максимѣ человѣкъ, всецѣло преданный идеямъ православія, ученый и просвѣщенный; собственно научная и философская сторона итальянскаго «возрожденія» здѣсь значительно поблекла и въ послѣдующихъ трудахъ Максима оставила послѣ себя лишь мало замѣтные слѣды [1]). Пробывъ около 10 лѣтъ въ Ватопедѣ, Максимъ былъ назначенъ отъ монастыря къ отъѣзду въ Россію, въ виду просьбы великаго князя Василія Ивановича прислать ему въ Москву ученаго человѣка для книжныхъ занятій; при этомъ со стороны игумена Анфима Максимъ снабженъ былъ очень лестной рекомендаціей, какъ «свѣдущій въ божественномъ писаніи и способный къ изъясненію и переводу всякихъ книгъ»; правда, Максимъ не зналъ русскаго языка, но зналъ греческій и латинскій, и игуменъ выражалъ надежду, что Максимъ скоро научится и русскому языку [2]). Надежда эта впослѣдствіи въ полной мѣрѣ оправдалась, хотя намъ представляется болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что Максимъ отправился въ Россію уже не безъ знакомства со славянскимъ языкомъ, пріобрѣтеннаго имъ еще на родинѣ по книгамъ болгарскаго происхожденія [3]). Максимъ, вмѣстѣ съ двумя другими сопровождавшими его ватопедскими иноками, Неофитомъ и Лаврентіемъ, прибылъ въ Москву 4 марта 1518 года. Здѣсь ему и его спутникамъ былъ оказанъ весьма радушный пріемъ какъ со стороны великаго князя, такъ и митрополита Варлаама. Можно думать, что главнѣйшей цѣлью приглашенія ученаго инока со стороны великаго князя было исправленіе текста богослужебныхъ книгъ и переводы другихъ, ближайшимъ образомъ Толковой Псалтыри, необходимыхъ для русской церкви въ ея борьбѣ съ все болѣе и болѣе усиливавшимся еретическимъ броженіемъ; да и вообще, при разнообразныхъ спорахъ, возникавшихъ въ сношеніяхъ съ еретиками, нуженъ былъ книжный и знающій человѣкъ, на авторитетъ котораго можно бы было положиться. Въ ученой литературѣ о Максимѣ Грекѣ долго держалось мнѣніе, что первымъ дѣломъ Максима по пріѣздѣ въ Москву былъ разборъ обширной великокняжеской библіотеки, отъ которой Максимъ будто бы пришелъ въ восторгъ, сказавъ, что ни Греція, ни Италія не имѣютъ такихъ сокровищъ, но мы не имѣемъ никакихъ слѣдовъ существованія этой библіотеки, ни даже документальныхъ на нее указаній, не смотря на произведенныя въ 1890-хъ годахъ тщательныя разысканія. С. А. Бѣлокуровъ, которому принадлежитъ самый значительный вкладъ въ эти любопытныя разысканія, утверждаетъ, что приписываемыя Максиму слова удивленія передъ богатствомъ великокняжеской библіотеки составляютъ плодъ фантазіи позднѣйшаго книжника и что вообще такой библіотеки вел. кн. Василія

---

[1]) Н. Гудзій. Максимъ Грекъ и его отношеніе къ эпохѣ итальянскаго Возрожденія. Кіевскія Унив. Извѣстія 1911, № 7.

[2]) (А. В. Горскій). Максимъ Грекъ Святогорецъ. Приб. къ Твореніямъ Святыхъ Отцовъ. Ч. XVIII, 1859, стр. 172.

[3]) Соболевскій, А. И. Переводная литература Московской Руси, стр. 261—264.

Ивановича доселѣ не сохранилось и никогда не было [1]). Гораздо вѣроятнѣе, что прежде всего принялся Максимъ за переводъ Толковой Псалтыри. На помощь ему въ этомъ дѣлѣ, ради русскаго языка, даны были двое русскихъ, Дмитрій Герасимовъ и Власій, оба хорошо знавшіе латинскій языкъ, и кромѣ того два писца—Михаилъ Медоварцевъ и инокъ Сергіева монастыря Силуанъ. Первое время дѣло, несомнѣнно, пошло нѣсколько туго: Максиму приходилось переводить съ греческаго все-таки сначала на латинскій. и уже сотрудники его пересказывали этотъ переводъ по-русски; однако, черезъ годъ и пять мѣсяцевъ обширная и трудная работа была окончена, и переводъ Толковой Псалтыри, заключавшій въ себѣ толкованія разныхъ авторовъ, былъ представленъ Максимомъ великому князю при краснорѣчивомъ посланіи (Соч. II, стр. 296—319); въ концѣ этого посланія Максимъ просилъ наградить его русскихъ сотрудниковъ, а его самого отпустить обратно на Аѳонъ, причемъ авторъ выразилъ пожеланіе, чтобы Константинополь оказался во власти православнаго царя, каковымъ приличнѣе всего быть великому князю московскому. Однако просьба Максима объ отпускѣ домой исполнена не была; его щедро наградили, но удержали на дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ, поручивъ новые труды, между которыми на первомъ мѣстѣ стояли: переводъ своднаго толкованія на Дѣянія Апостольскія, переводъ Метафрастова Житія Богородицы и проч., а затѣмъ исправленіе текста Тріоди и другихъ богослужебныхъ книгъ—Часослова, праздничной Минеи и Апостола. Среди ученыхъ трудовъ, Максимъ Грекъ входилъ въ ближайшія сношенія съ окружавшими его при великокняжескомъ дворѣ и у митрополита русскими людьми, присматривался къ русской жизни. Мы уже видѣли, что къ нему благоволилъ митрополитъ Варлаамъ и передъ его авторитетомъ склонялся вліятельный Вассіанъ Патрикѣевъ; но со вступленіемъ на митрополичью каѳедру Даніила положеніе Максима, оказавшагося въ близкихъ сношеніяхъ съ «заволжцами», ухудшилось: это было вскорѣ послѣ совершенія перваго переводнаго труда Максима въ Россіи. Недостатка въ поводахъ къ недоразумѣніямъ, конечно, не было, и главнымъ такимъ поводомъ явились ученые труды Максима. Къ дѣлу исправленія книгъ Максимъ отнесся исключительно съ точки зрѣнія научно-критической, какъ богословъ и филологъ, не принимая въ соображеніе характера тогдашняго русскаго просвѣщенія. Совершенно естественно, что при сложной работѣ, которую приходилось производить Максиму на первыхъ порахъ съ огромными техническими затрудненіями, онъ неизбѣжно долженъ былъ впадать въ противорѣчія съ установившейся буквой старыхъ, неисправныхъ текстовъ,—и это было ему поставлено въ вину. На соборѣ 1525 года онъ подвергся формальному суду, на которомъ оглашены были строгія сужденія Максима Грека о состояніи тогдашнихъ русскихъ текстовъ богослужебныхъ книгъ: въ мнѣніи ученаго филолога усмотрѣли дерзкую хулу на догматы вѣры. Къ этому присоединились сужденія Максима по столь важному тогда вопросу, какъ вла-

[1]) О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Москва, 1898, стр. 244—245, 336.

дѣніе монастырей имѣніями (Максимъ относился къ нему отрицательно), въ связи съ распущенностью тогдашняго русскаго монашества, защита имъ интересовъ Константинопольскаго патріарха, несочувствіе его разводу вел. князя съ Соломоніей, — и въ результатѣ оказалось категорическое осужденіе Максима и заключеніе его въ Волоколамскій монастырь. Не трудно представить себѣ то настроеніе, которое переживалъ Максимъ въ своемъ заточеніи: ученый и образованный инокъ, глубоковѣрующій православный и носитель высокихъ нравственныхъ идеаловъ, онъ оказался, вдали отъ родины, въ полной власти невѣжественныхъ фанатиковъ съ ихъ церковно-придворной политикой, до которой Максиму не было никакого дѣла. Стѣсняемый физически во враждебной ему обстановкѣ монастырскаго заточенія, онъ еще болѣе страдалъ нравственно; въ это время имъ написанъ рядъ обличительныхъ «словъ» и «посланій», въ которыхъ онъ, въ чрезвычайно рѣзкомъ тонѣ, подвергалъ критикѣ русское монашество и церковную іерархію, своекорыстіе вельможъ и общую безнравственность и порочность, начиная съ верховъ и кончая простымъ, невѣжественнымъ и суевѣрнымъ, народомъ. Эта дѣятельность Максима раздражала его враговъ, которымъ вскорѣ представился поводъ нанести новый ударъ Максиму. Его обвинили въ преступныхъ политическихъ сношеніяхъ съ турецкимъ посломъ Скиндеромъ и, вскорѣ послѣ смерти послѣдняго въ Москвѣ (1530), привлекли Максима къ суду, на которомъ онъ обвиненъ былъ еще и въ томъ, что во время волоколамскаго заточенія «покаянія и исправленія не показоване и неповинна себе во всемъ глаголаше, и отреченная мудрствоваше и посланія писаше»; наконецъ, ему предъявили обвиненіе и въ томъ, что онъ допустилъ неисправности въ переводѣ Житія Богородицы и зачеркнулъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ два мѣста, а въ Троицкой вечернѣ большой отпустъ—по мнѣнію Даніила, «догматъ премудрый». Измученный Максимъ Грекъ обнаружилъ на судѣ 1531 года значительный упадокъ духа, призналъ себя виновнымъ въ «нѣкихъ малыхъ описяхъ», слагалъ нѣкоторыя вины на переписчиковъ, особенно на Медоварцева, и даже трижды повергался передъ соборомъ ницъ, прося себѣ прощенія или, по крайней мѣрѣ, снисхожденія [1]). Какъ уже было указано, Максимъ былъ на соборѣ 1531 года осужденъ и отправленъ на заточеніе въ Тверской Отрочь монастырь, съ отлученіемъ отъ причастія Св. Таинъ. Это событіе является самымъ горькимъ моментомъ во все болѣе и болѣе возраставшихъ злоключеніяхъ Максима въ Россіи, и дальнѣйшія событія были для него болѣе благопріятны; помогло этому не публичное оправданіе Максима въ обращенныхъ къ нему обвиненіяхъ, изложенное въ «Исповѣданіи вѣры» въ первые годы его тверского заточенія (Соч. I, стр. 19—32), а внѣшнія обстоятельства. Въ концѣ 1533 года умеръ вел. кн. Василій Ивановичъ, а въ 1538 г. и правительница великая княгиня Елена: это повлекло за собою и паденіе главнаго антагониста Максима, митр. Даніила. Однако облегченія своей участи Максиму пришлось ждать еще очень

---

[1]) Преніе Даніила митрополита Московскаго и всея Руси со инокомъ Максимомъ Святогорцемъ: Чтенія Общ. Ист. и Др. 1847, № 7, отд. II, стр. 1—21.

долго, и лишь въ 1551 году, по ходатайству Троицкаго игумена Артемія, Максимъ освобожденъ былъ изъ своего тверского заточенія и съ почетомъ принятъ на житье въ Троице-Сергіевъ монастырь, гдѣ онъ оставался до конца своей жизни, предаваясь молитвенному созерцанію и литературнымъ трудамъ. Въ эти годы Максимъ, уже давно разобщенный съ родиной, повидимому оставилъ мысль объ отъѣздѣ изъ Россіи. Царь Иванъ Васильевичъ не разъ оказывалъ ему знаки своего вниманія и вызывалъ на церковно-общественную работу (напр., при обличеніи ереси Матѳея Башкина въ 1554 году), но Максимъ уклонился отъ этихъ приглашеній, ссылаясь на свою старость и немощи; конечно, въ этихъ отказахъ играли извѣстную роль и горькія воспоминанія своего собственнаго прошлаго. Максимъ Грекъ скончался въ 1556 году. Такъ окончилась эта долгая жизнь на Руси ученаго пришельца, представляющая собою въ высшей степени характерную страницу русской жизни XVI вѣка. Печальная судьба Максима Грека, призваннаго въ качествѣ авторитета по церковно-богословскимъ вопросамъ и затѣмъ дважды осужденнаго за свои мнимыя «вины» средой, стоявшей гораздо ниже его въ отношеніи нравственныхъ понятій и образованности, является яркой иллюстраціей степени русскаго просвѣщенія той эпохи. Вѣрная оцѣнка Максима была еще не по плечу московскимъ людямъ XVI в., но принесенныя имъ жертвы, конечно, не были для будущихъ судебъ русскаго просвѣщенія напрасны.

Литературная дѣятельность Максима Грека довольно обширна и разнообразна [1]). Писалъ ли онъ что-нибудь до своего пріѣзда въ Россію, мы

---

[1]) Сочиненія Максима Грека изданы были Казанской Духовной Академіей, подъ ред. И. Я. Порфирьева, въ трехъ томахъ, въ 1859—1862 годахъ; первый и третій томы этого собранія вышли вторымъ изданіемъ (I. Казань 1894, II. Казань 1897). Изданіе это, снабженное краткимъ біо-библіографическимъ предисловіемъ, не можетъ быть признано ни полнымъ, ни вполнѣ критическимъ. Что касается полноты, то въ него вошли только тѣ сочиненія Максима, которыя до появленія этого изданія не были напечатаны: исключеніе сдѣлано, по словамъ редактора, лишь для «Исповѣданія Символа вѣры», тѣсная связь котораго со всѣми другими догматико-полемическими сочиненіями сдѣлала необходимымъ его перепечатку и въ этомъ собраніи. Изъ невошедшихъ въ это изданіе сочиненій нѣкоторыя напечатаны были еще въ XVII в. (напр., переводъ Бесѣдъ Іоанна Златоуста на Евангелія Матѳея: М. 1664 и Іоанна: М. 1665, и друг.), другія сдѣлались достояніемъ научнаго интереса въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка (см. предисловіе при I т., стр. 13). Съ другой стороны, нельзя безусловно ручаться за то, что всѣ произведенія, вошедшія въ казанское изданіе, непремѣнно принадлежатъ перу Максима Грека. Вопросъ объ источникахъ для собранія сочиненій Максима Грека почти не затронутъ въ нашей ученой литературѣ, хотя для этого имѣется обширный и весьма интересный матеріалъ. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ списковъ сочиненій Максима Грека датированъ 1563 годомъ, т. е. сдѣланъ лишь черезъ семь лѣтъ послѣ смерти автора (см. А. Поповъ. Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати А. И. Хлудова. М. 1872, стр. 150—158); этимъ экземпляромъ не воспользовался редакторъ казанскаго изданія. Въ концѣ XVI вѣка очень интересовался сочиненіями Максима Вологодскій архіепископъ Іона, о трудахъ котораго въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ

не знаемъ; поэтому мы можемъ судить о немъ, какъ о писателѣ, лишь по тѣмъ произведеніямъ, которыя написаны имъ въ Россіи.

На первомъ мѣстѣ, по своему историческому значенію, между этими сочиненіями могутъ быть поставлены переводныя работы и труды по исправленію текста богослужебныхъ книгъ. Толкованіе на Псалтырь и вмѣстѣ съ тѣмъ исправленіе псалтырнаго текста были, какъ уже упомянуто выше (стр. 157), первымъ литературнымъ результатомъ пребыванія Максима въ Россіи. Исторія этого труда недостаточно изучена въ подробностяхъ. Исправленія текста псалмовъ нашли себѣ мѣсто въ спискахъ и отдѣльно отъ толкованій; разные экземпляры такихъ списковъ указываютъ на неодинаковое количество поправокъ, внесенныхъ Макси-

его собственная запись на сдѣланномъ имъ въ 1592 году спискѣ Толковой Псалтыри Максима, находящемся нынѣ въ составѣ библіотеки А. И. Хлудова. Изъ этой записи явствуетъ, что Іона составилъ свой экземпляръ Толковой Псалтыри въ Вологдѣ («семъ безутѣшномъ мѣстѣ»): «а писана — прибавляетъ онъ объ этой книгѣ—не съ единаго списка, но съ различныхъ добрыхъ переводовъ» (А. Поповъ. I Прибавленіе къ Описанію рук. и каталогу книгъ церковной печати б-ки А. И. Хлудова. М. 1875, стр. 3—4). Тутъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло не съ простымъ переписчикомъ труда Максима Грека, но съ его редакторомъ. Однако этимъ не ограничились интересы Іоны относительно литературной дѣятельности Максима. Въ числѣ рукописей бывшей библіотеки И. Н. Царскаго (нынѣ входящей въ извѣстное Уваровское собраніе, въ с. Порѣчьѣ, Можайскаго уѣзда, Моск. губ.) имѣется списокъ сочиненій Максима (два тома, №№ 241 и 242) конца XVI вѣка, съ записью того же Іоны, отъ 5 ноября 1600 года, о томъ, что «книга эта писана съ добрыхъ переводовъ, а трудовъ и потовъ много положено, какъ правили сію святую книгу» (П. Строевъ. Рукописи И. Н. Царскаго. М. 1848, стр. 200). Ясно, что и тутъ мы имѣемъ передъ собою редакціонныя работы надъ сочиненіями Максима Грека, сдѣланныя подъ наблюденіемъ архіепископа Іоны. Въ какой мѣрѣ эти редакціонные труды Іоны имѣли вліяніе на текстъ сочиненій Максима Грека во многихъ ихъ спискахъ XVII—XVIII вв., судить объ этомъ безъ спеціальнаго изученія вопроса очень трудно. Интересно, наконецъ, отмѣтить, что въ одномъ изъ такихъ списковъ XVIII вѣка, въ предисловіи «читателемъ любезнѣйшимъ», сообщается о томъ, что «любомудрые настоятели» пожелали «книгу дивнаго и изящнаго въ философехъ Максима Грека... люботщательнымъ исканіемъ и многотруднымъ подвизаніемъ прилежно изслѣдити и благоусердно собрати и праведно согласивше исправити, и еже возжелѣста, сіе и сотвориста»; далѣе отмѣчено, что вообще собранія сочиненій Максима имѣются въ двухъ видахъ— «малое» въ 77 главахъ и «великое» въ 115 главахъ (см. А. Поповъ. Описаніе б-ки А. И. Хлудова, стр. 158). Любопытные, но не провѣренные критически матеріалы объ объемѣ литературной дѣятельности Максима представлены въ статьѣ (Терещенко): О трудахъ Максима Грека. Ж. М. Н. Пр., ч. III (1834), стр. 243—278, и другихъ работахъ, о которыхъ см. въ статьѣ С. А. Щегловой: Къ исторіи изученія сочиненій преподобнаго Максима Грека. Р. Ф. В. 1911 г. № 3—4, стр. 22. Имѣется и изданіе сочиненій Максима Грека въ новѣйшемъ русскомъ переводѣ: (Послушникъ Моисей). Сочиненія преподобнаго Максима Грека въ русскомъ переводѣ. Ч. I—III. Тр.-Сергіева Лавра. 1910—1911.—Какъ предшествующія, такъ и послѣдующія ссылки сдѣланы мною по казанскому изданію (I. 1894, II. 1860, III. 1897).

момъ въ псалтырный текстъ, а также на неодинаковость исправленій однихъ и тѣхъ же мѣстъ въ разныхъ спискахъ [1]). Въ концѣ своей жизни (1552) Максимъ возвратился къ этой части своего труда, какъ о томъ можно заключать изъ послѣсловія къ нѣкоторымъ спискамъ Максимовой Псалтыри, принадлежащаго ученику Максима Нилу Курлятеву; здѣсь попутно дана и характеристика Максима Грека какъ переводчика, при чемъ приведено сравненіе его въ этомъ отношеніи съ митр. Кипріаномъ: именно, что «старецъ Максимъ философъ въ русской земли жилъ многа лѣта и до конца русской языкъ и грамоту узналъ извѣстно..., а Кипріанъ митрополитъ погречески извѣстно не умѣлъ и руского языка довольно не зналъ же» [2]). О другихъ трудахъ Максима Грека въ той же области также было уже упомянуто (стр. 157). Самъ Максимъ смотрѣлъ на эти свои труды не съ одной лишь точки зрѣнія догматическаго правомыслія, но также и современныхъ ему потребностей русской церковной практики и русской жизни: «Азъ благодатью Христовою — писалъ онъ въ «Исповѣданіи вѣры» — всѣми моими списаніи и самымъ бывшимъ переводомъ и исправленіемъ божественныхъ книгъ вашихъ учю всякаго человѣка прямо мудрствовати о воплощшемся Бозѣ Словѣ... Азъ моими списаніи всякую латынскую ересь и хулу іудейскую и языческую обличаю... себѣ же и всякому благовѣрному иноку думаю жительствовати и свое житіе устроити во святыхъ божіихъ заповѣдехъ и преданіихъ и уставѣхъ» (Соч. I. 23—25). Болѣе пространное объясненіе своихъ трудовъ по исправленію книгъ Максимъ даетъ въ своихъ «Словахъ отвѣщательныхъ» по поводу взведенныхъ на него обвиненій о допущенной будто бы имъ порчѣ книгъ и разныхъ ошибкахъ, при чемъ излагаетъ свой взглядъ и вообще на положеніе этого вопроса въ тогдашней Россіи: прежніе тексты священныхъ и богослужебныхъ книгъ полны грубѣйшими ошибками, явившимися результатомъ незнакомства переводчиковъ съ греческимъ языкомъ и полнаго невѣжества переписчиковъ; Максимъ Грекъ приводитъ любопытные и весьма яркіе примѣры такихъ ошибокъ на этой почвѣ (Соч. III, стр. 66—68). «Отъ сихъ и сицевыхъ описей — заключаетъ авторъ — явлени суть старіи предводницы, не совершенно увѣдавше еллинскій языкъ, или паки ини нѣцыи малоумніи послѣ ихъ хотяще то исправити, и наиболши испортили» (Соч. III, стр. 69). Радѣя объ интересахъ русскаго церковнаго просвѣщенія и зная по опыту, какъ трудно встрѣтить въ Россіи свѣдущихъ переводчиковъ, Максимъ написалъ спеціальную статью «О пришлецахъ-философахъ» въ руководство тѣмъ лицамъ, которыя будутъ имѣть возможность влiять на

---

[1]) Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи. Ч. I. Казань 1881, стр. 12—18.

[2]) Тамъ же, I, стр. 19—20. Возраженіе на вторую часть этой характеристики см. у архим. Амфилохія: Труды IV Археол. Съѣзда. Т. II. Казань 1891, стр. 1—6. О знакомствѣ Максима съ русскимъ языкомъ, очевидно пріобрѣтенномъ имъ вслѣдствіе его даровитости и общихъ филологическихъ познаній довольно быстро, имѣются отзывы и другого ученика и сотрудника Максима—Силуана: Изслѣдованія по русскому языку. Изд. II Отд. А. Н., I. Спб. 1895, стр. 628.

выборъ переводчиковъ и исправителей церковныхъ книгъ. Подъ этими «философами» онъ разумѣетъ книжныхъ людей, которые приходили на Русь съ цѣлію приложить свои знанія по книжному дѣлу. Изъ нихъ, по словамъ Максима, лишь очень немногіе были «совершенны» въ «книжномъ искуствѣ», большею же частію знали его только «исполу» или же «и отнюдъ не вкусивше художнаго вѣдѣнія книжнаго, рекше грамотійскаго и риторскаго», а между тѣмъ желали «корыстовати» и «кормыхатися»; и вотъ— для искушенія всякаго хвалящагося» изъ этихъ людей Максимъ сочиняетъ греческіе стихи двумя размѣрами съ переводомъ на русскій языкъ, при чемъ даетъ такое наставленіе: «аще нѣкто по моемъ умертвіи будетъ пришедъ къ вамъ, иже аще возможетъ превести вамъ строкъ тѣхъ по моему переводу—имите вѣры ему, добръ есть и искусенъ; аще ли не умѣетъ совершенно превести по моему переводу, не имите вѣры ему, хоти и тмами хвалится, и первѣе всего вопросите его, коею мѣрою сложены суть строки сіи, и аще речетъ: иройскою и элегійскою мѣрою, истиненъ есть; аще рците ему: коликими ногами (т. е. стопами) обоя мѣры совершается? и аще отвѣщаетъ, глаголя, яко иройска убо шестію, а элегійска пятію, ничто же прочее сомнитеся о немъ, предобръ есть, пріимите его съ любовію и честію и, елико время у васъ жити произволяетъ, жалуйте его нещадно» (Соч. III, стр. 231—232) [1]. Въ общемъ, дѣятельность Максима Грека по части переводовъ и исправленія книгъ не была расположена по какому-либо опредѣленному плану: ни самъ Максимъ, ни кто-либо другой въ Москвѣ не руководили этимъ дѣломъ въ широкомъ смыслѣ слова; дѣлалось, повидимому, то, что представлялось возможнымъ по имѣвшемуся подъ руками книжному матеріалу, вызывалось случайными съ чьей-либо стороны требованіями и запросами или казалось болѣе неотложнымъ самому Максиму и близкимъ ему людямъ [2]). Тѣмъ не менѣе эта дѣятельность Максима имѣла большое не только фактическое, но и принципіальное значеніе: она устанавливала въ глазахъ русскихъ людей печальное положеніе вопроса о русскихъ священныхъ богослужебныхъ и вообще церковныхъ книгахъ и приготовляла почву для болѣе систематической работы по исправленію книгъ въ XVII вѣкѣ.

Другіе труды Максима Грека, если обойти здѣсь молчаніемъ его спеціальныя филологическія и грамматическія произведенія [3]), могутъ быть раздѣлены на два большихъ отдѣла: догматико-полемическихъ сочиненій съ одной стороны, и нравственно-назидательныхъ и обличительныхъ съ

---

[1]) Ср. Н. Петровскій. Къ вопросу о статьѣ Максима Грека «О пришельцахъ философахъ». Р. Ф. В. 1913, № 4.

[2]) Кромѣ упомянутыхъ уже болѣе или менѣе крупныхъ переводныхъ предпріятій, Максиму принадлежитъ и рядъ сравнительно мелкихъ переводныхъ работъ учительнаго, историческаго и житійнаго характера, особенно изъ Метафраста: Соболевскій, А. И. Переводная литература, стр. 264—279.

[3]) См. о нихъ цѣнныя изслѣдованія и матеріалы акад. И. В. Ягича: Разсужденія южнославянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ, въ «Изслѣдованіяхъ по русскому языку», т. I, стр. 582—633.

другой. Къ первому отдѣлу могутъ быть отнесены сочиненія противъ язычества («еллинской прелести»), магометанства, іудейства и жидовствующихъ, армянъ, католиковъ и лютеранъ. Несмотря на значительную популярность въ русскомъ обществѣ церковно-полемическихъ вопросовъ въ XVI вѣкѣ, эти сочиненія Максима Грека имѣютъ, по своему происхожденію, наименьшую связь съ дѣйствительностью; скорѣе можно думать, что въ нихъ отразились впечатлѣнія и настроеніе мысли того періода жизни автора, когда онъ жилъ у себя на родинѣ, учился на западѣ и подвизался на Аѳонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, говорить русскимъ людямъ XVI вѣка о религіозныхъ заблужденіяхъ древне-греческаго язычества (Соч. I, № 5) было дѣломъ совершенно теоретическимъ, но, напримѣръ, въ Италіи, при крайнемъ увлеченіи возрождавшимся классицизмомъ и религіозной миѳологіей древнихъ грековъ, обличенія Максима Грека получаютъ свое извѣстное жизненное оправданіе; въ меньшей степени, но то же можно сказать и о магометанствѣ (Соч. I, №№ 6, 7, 8), которое видѣлъ Максимъ господствующимъ у себя на родинѣ, тогда какъ о религіозной опасности со стороны татаръ въ Россіи XVI вѣка можно говорить лишь съ очень большими ограниченіями. Что касается армянъ (Соч. I, № 9), то хотя именно въ первой половинѣ XVI вѣка они получили въ Польшѣ и на западѣ Руси весьма прочное положеніе, однако ихъ дѣятельность замыкалась главнымъ образомъ торговыми интересами и мало выражалась въ религіозной пропагандѣ. Обличенія Максима противъ «латынянъ» имѣютъ подъ собою уже нѣкоторые дѣйствительные факты. Незадолго до прибытія Максима въ Россію явился туда также и одинъ пришлецъ съ католическаго запада, сдѣлавшійся извѣстнымъ, подъ именемъ Николая Нѣмчина, перепиской съ разными русскими людьми по религіознымъ вопросамъ: такъ, онъ писалъ о единствѣ православія и католичества ростовскому архіепископу Вассіану Санину, о имѣющей послѣдовать въ 1524 году кончинѣ міра дьяку Мисюрю Мунехину, который сообщилъ это посланіе извѣстному старцу Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳею, написавшему въ 1522—23 гг. на него опроверженіе [1]). Николай Нѣмчинъ писалъ также и къ Максиму по тому же вопросу о соединеніи церквей и вызвалъ со стороны послѣдняго рядъ обличительныхъ произведеній (Соч. I, №№ 11. 14. 15. 21. 25). Однако, характеръ полемики Максима по этому вопросу не носитъ въ себѣ ничего особенно оригинальнаго, равно какъ и его сочиненія противъ лютеранства (Соч. I, №№ 23. 24). То же самое приходится сказать и объ его обличительныхъ посланіяхъ противъ іудейства и жидовствующихъ (Соч. I, №№ 2. 3. 4): тутъ онъ не представляетъ почти ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже ранѣе было сказано Геннадіемъ и Іосифомъ Волоцкимъ, хотя имѣлъ передъ собою также конкретные факты, напримѣръ, въ видѣ іудейской пропаганды нѣкоего Исаака-Жидовина.

Изъ обширной группы нравственно-назидательныхъ и обличительныхъ произведеній Максима Грека видное мѣсто занимаютъ сочиненія, посвя-

---

[1]) Л. Майковъ. Послѣдніе труды. 2. Николай Нѣмчинъ, русскій писатель конца XV—нач. XVI вѣка. Изв. II Отд. А. Н. V (1900), кн. 2, с. 379. 389—391.

щенныя вопросу объ иночествѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательна, по важному автобіографическому матеріалу, «Повѣсть страшна и достопаметна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ» (Соч. I, № 26). Авторъ разсказываетъ тутъ о католическихъ монастыряхъ во Франціи и Италіи, и въ частности говоритъ о началѣ и устройствѣ Картезіанскаго монастыря, основаннаго въ XI вѣкѣ, не называя однако же его по имени (см. Опис. рук. Синод. Б-ки II. 2, стр. 555), но отзываясь съ большимъ сочувствіемъ о благочестіи, нестяжательности и смиреніи иноковъ. Онъ, между прочимъ, говоритъ: «Гдѣ у нихъ особно нѣкое желаемо брашно, или питіе, или овощь нѣкій, или ино что наслаждающее гортань? гдѣ у нихъ стяжанія злата и сребра? гдѣ у нихъ празнословіе, или сквернословіе, или смѣхъ безвремененъ и безчиненъ? піянство же и преизлишнее сладкихъ яденій ниже слышатся у нихъ, сребролюбіе же и лихоиманія и росты и лукавый правъ мерзко у нихъ и проклято слышаніе, одѣянія же ихъ власяна и вся бѣла, чистоту житія ихъ и пребыванія образующа, лжа же и ослушаніе и прекословіе исчезоша вся у нихъ въ конецъ» (I, стр. 149). Едва ли можно сомнѣваться, что въ этой нѣсколько идеализированной картинѣ отмѣчено отсутствіе такихъ именно качествъ у католическихъ монаховъ, наличность которыхъ Максимъ наблюдалъ въ Россіи; конечно, строгая обстановка аѳонской монашеской жизни не могла служить тутъ матеріаломъ для подобныхъ сравненій съ жизнью иночества на западѣ. Характерно, что въ концѣ своего разсказа, боясь упрековъ въ предосудительномъ пристрастіи, Максимъ оговаривается такъ: «Сея же пишу не яко да покажу латинскую вѣру чисту, совершенну и прямоходящу во всѣхъ—да не будетъ во мнѣ таково безуміе—но да яко покажу православнымъ, яко и не у правомудренныхъ у латынехъ есть попеченіе и прилежаніе евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей и ревность за вѣру Спаса Христа, аще и не по совершенному разуму» (I, стр. 164—165). Ближайшее отношеніе къ условіямъ жизни русскаго иночества имѣетъ «Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ» (Соч. II, № 3), затрогивающее вопросъ о владѣніи монастырей имуществами. Максимъ Грекъ стоялъ въ этомъ вопросѣ на сторонѣ «заволжскихъ старцевъ», и это ясно выражено въ данномъ произведеніи. Послѣднему дана діалогическая форма. Бесѣда идетъ между Филоктимономъ (любостяжательнымъ) и Актимономъ (нестяжательнымъ). Первый доказываетъ свою мысль такими соображеніями: монахи должны имѣть досугъ для молитвы, котораго они будутъ лишены, если окажутся въ необходимости обходить города и села для сбора подаянія; по словамъ самого Христа, всякій его послѣдователь можетъ уже въ этой жизни расчитывать получить возмездіе «сторицей», а такимъ возмездіемъ и является до извѣстной степени матеріальная обезпеченность монастырей; богатство не можетъ повредить, если оно употребляется какъ слѣдуетъ; наконецъ, во владѣніи монастырей имуществами нѣтъ личнаго грѣха ни для кого изъ монаховъ, такъ какъ это имущество общее и не принадлежитъ никому изъ нихъ въ отдѣльности (Соч. I, 89. 90. 92. 114). Эти аргументы опровергаются противной стороной какъ разсужденіями, такъ и ссылками на Св. Писаніе; между прочимъ, съ особенной силой указывается тутъ на злоупотребленія монастырей своими

средствами, на отдачу денегъ въ ростъ бѣднымъ людямъ, которые потомъ подвергаются разоренію послѣдняго имущества за невозможность выплатить вовремя монастырю долгъ съ процентами (Соч. I, 94, 98).

Въ трехъ произведеніяхъ Максимъ Грекъ касается вопросовъ внутренней политики Россіи и обязанностей лицъ, близко стоящихъ у кормила правленія. Въ «Главахъ поучительныхъ начальствующимъ правовѣрно», обращенныхъ, вѣроятно, къ вел. кн. Василію Ивановичу, авторъ старается показать, какимъ долженъ быть прежде всего самъ царь. По его словамъ, царь долженъ быть чуждъ плотскихъ дурныхъ помышленій, уклоняться отъ «студныхъ пѣсенъ и душегубительнаго глумленія смѣхотворныхъ кощунниковъ», не слушать завистливой клеветы, удерживаться отъ гнѣва и злословія, не вооружаться противъ невинныхъ, не желать пріобрѣтенія чужихъ имѣній (Соч. II, 158). Въ особенности долженъ онъ избѣгать трехъ пороковъ, свойственныхъ лицамъ высокаго сана: сластолюбія, сребролюбія и славолюбія (II, 179—180), долженъ устраивать жизнь своихъ подданныхъ «правдою и благозаконіемъ» и вообще «правду» и «умную души доброту» считать основными необходимыми свойствами монарха (II, 157, 159, 164). Царь долженъ быть источникомъ блага для своихъ поданныхъ и уподобляться солнцу, сіяющему на праведныхъ и неправедныхъ, и дождю, падающему на благихъ и лукавыхъ (II, 167). Умъ царевъ долженъ быть въ постоянномъ «трезвѣніи», постоянно обращенъ къ добру, и по этому поводу Максимъ высказываетъ даже своего рода теорію о tabula rasa относительно ума—что доброе настроеніе его воспитывается постояннымъ внѣдреніемъ въ него хорошихъ привычекъ: «Умъ всякъ человѣческій— говоритъ онъ—аще по образу и по подобію Божію созданъ глаголется, обаче ничтоже по навыканію разликуетъ воска и бумаги. Яко же бо на тѣхъ, якова же письмена хощетъ кто, начертаетъ, тѣмъ же образомъ и человѣческій умъ: въ нихъ же ни буди привыкнеши его обычаехъ и ученіихъ или благихъ или злыхъ, въ тѣхъ же до конца пребываетъ и любезно водворяется» (II, 165). Въ своемъ благочестіи и благости царь долженъ быть чуждъ всякаго лицемѣрія и не уподобляться тѣмъ, которые «всю надежду спасенія полагаютъ во единомъ лишеніи мясъ и рыбъ и елея во время священныхъ постъ, а еже обидѣти и лихоимствовати бѣдныя подручники и въ судилища влачити ихъ и враждебнѣ ихъ ратовати и озлобляти различнѣ не престаютъ» (II, 161). Наконецъ, Максимъ совѣтуетъ царю въ особенности наблюдать «страннолюбное исправленіе», т. е. умѣніе принимать иностранцевъ, заботиться о нихъ во время ихъ пребыванія въ Россіи и не удерживать ихъ насильно, когда они пожелаютъ вернуться домой: при такомъ обхожденіи съ ними, иностранцы будутъ разглашать о насъ добрую славу у себя дома, а это послужитъ, въ свою очередь, на пользу государства. Вообще Максимъ придаетъ большое значеніе сношеніямъ русскихъ съ образованными иностранцами, которые искусны во «всякихъ премудростяхъ и художествахъ словесныхъ и хитростяхъ житейскихъ» (II, 182—184). Соображая обстоятельства, не трудно видѣть, что для нарисованной имъ идеальной картины Максимъ бралъ матеріалъ изъ окружавшей дѣйствительности и своей собственной судьбы

въ Россіи. Въ другомъ произведеніи («Слово пространнѣ излагающе съ жалостію нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія»: Соч. II. № 26) Максимъ представляетъ аллегорически Россію въ видѣ жены, сидящей при пути: она наклонила голову на колѣна, стонетъ и безутѣшно плачетъ, въ черной одеждѣ, приличествующей вдовѣ. Авторъ заводитъ съ ней разговоръ, спрашиваетъ о причинѣ такого настроенія, и она, прежде всего, предостерегаетъ его предавать ея слова письму, чтобы не навлечь на себя «напасть нѣкую и ненависть». Потомъ она объявляетъ, что имя ей «Василія» (т. е. βασιλεῖα, царство), что правящіе ею люди, которые должны бы быть крѣпки и сильны, вносятъ своими дѣйствіями только пагубу и постоянное смятеніе; они—славолюбцы и властолюбцы и заботятся не о благѣ народа, а о его порабощеніи, подвергая подданныхъ нравственнымъ и матеріальнымъ пыткамъ безъ пользы для государства и лишь въ угожденіе себѣ; главная ихъ страсть—сребролюбіе и лихоимство, совершенно помрачившая ихъ души: эти люди «беззаконно и богопротивно нынѣ пируютъ, гусльми и сурнами и тимпаны и смѣхотвореніи всяческими, скверословіи же и буесловіи себя обливающе» (II, 332); они пагубно вліяютъ и на самого царя, внушая ему «неправедный гнѣвъ» и «звѣрскую ярость» (II, 327). Очевидно, что тутъ изображены временщики-бояре, какъ наблюдалъ ихъ Максимъ Грекъ въ роли приспѣшниковъ носителя верховной власти, при дворѣ московскаго великаго князя. Наконецъ, въ третьемъ произведеніи, «Посланіи къ начальствующимъ правовѣрно», Максимъ указываетъ, между прочимъ, на необходимость въ «земской державѣ» «единомыслія и друголюбія» среди воеводъ и бояръ, что обусловливаетъ государству внѣшнюю силу (II, 339).

Кромѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ русской жизни, которые—какъ мы видѣли— вызывали со стороны Максима Грека тѣ или иныя литературныя произведенія, его общее знакомство съ народной жизнью въ Россіи должно было открыть передъ нимъ множество пороковъ и заблужденій. Для умнаго, по тогдашнему европейски образованнаго и религіозно-настроеннаго, пришельца русскій народный бытъ, понятія и нравы XVI вѣка, вызывавшіе даже дома суровую критику и обличенія (въ церковныхъ поученіяхъ, посланіяхъ, постановленіяхъ Стоглаваго Собора и т. п.), являлись сплошнымъ больнымъ мѣстомъ. Литературные результаты отношенія Максима Грека къ этимъ отрицательнымъ явленіямъ русской жизни выразились двояко. Съ одной стороны, это были обличенія исконныхъ пороковъ человѣческой природы въ извѣстной стадіи ея общественнаго развитія: эти пороки составляли главное содержаніе той схемы (см. стр. 3—4), которой руководились древне-русскіе составители церковныхъ поученій и всякаго рода обличительныхъ и назидательныхъ сочиненій. Воспитанный въ значительной степени на церковно-византійской литературѣ, не остался безъ вліянія этой схемы и Максимъ Грекъ (ср. Соч. II, стр. 246), но не эти произведенія (напр., Соч. II, №№ 10. 11. 15. 16. 20) являются характерными для Максима. Гораздо ярче представляется онъ съ этой стороны какъ авторъ, обличающій нѣкоторыя спеціальныя заблужденія и суевѣрія. Таково, напр., замѣчательное «Посланіе на безумную прелесть

и богомерзкую мудрствующихъ, яко погребанія для утопленнаго и убитаго бываютъ плодотлительны стужи земныхъ прозябеній» (Соч. III, № 25). Поводомъ къ этому посланію послужило суевѣрное представленіе, что самоубійцы, утопленики и вообще погибшіе неестественной смертью, лежа въ землѣ, могутъ быть причиной неурожая и другихъ подобнаго рода общественныхъ бѣдствій. Хотя церковныя постановленія запрещали обычное погребеніе лишь самоубійцъ, но народное воззрѣніе присоединяло къ нимъ и всѣхъ другихъ умершихъ неестественной смертью, которая толковалась какъ наказаніе за грѣхи и подавала поводъ къ приравненію ихъ къ самоубійцамъ. Для такихъ отверженниковъ существовалъ особый родъ погребенія, выработанный бытовой практикой древне-русской жизни: ихъ не отпѣвали и не клали на кладбищахъ при церквахъ, но отвозили неотпѣтыми въ такъ называемые «убогіе домы», которые находились обыкновенно внѣ городской черты. Это были большія ямы, надъ которыми иногда устраивались, въ видѣ простыхъ сараевъ, «молитвенные храмы»: туда бросали тѣла и оставляли ихъ незасыпанными до седьмого четверга по Пасхѣ (семика); въ этотъ день пѣлась общая панихида, и желающими приносились кутья и свѣчи. Послѣ панихиды тѣла засыпались, и выкапывалась яма для будущихъ покойниковъ [1]). Суевѣрный народъ, считая этихъ уже такимъ образомъ погребенныхъ людей причиною разныхъ общественныхъ бѣдствій, вырывалъ ихъ изъ могилы. Что эта форма суевѣрія, намеки на которую можно встрѣтить еще у византійскихъ писателей, была даже и на Руси довольно давней, можно видѣть изъ обличенія ея въ XIII вѣкѣ Серапіономъ (см. выше, стр. 81). Максимъ Грекъ съ большой силой обличаетъ это «безумнѣйшее и богомерзкое» заблужденіе. Онъ старается внушить ту мысль, что причина бездождія, несвоевременнаго мороза и т. п. заключается н въ этихъ несчастныхъ мертвецахъ, а въ «нашемъ беззаконномъ жительствѣ». Т. о., онъ стоитъ тутъ исключительно на точкѣ зрѣнія церковнаго моралиста, не пытаясь войти въ сущность дѣла и разсѣять суевѣріе доводами разума и простого объясненія явленій природы, и дальнѣйшая аргументація Максима вполнѣ отвѣчаетъ этой точкѣ зрѣнія на дѣло этого не позволяютъ себѣ дѣлать не только непросвѣщенные христіанствомъ люди, но даже животныя, напр., дельфины. Между прочимъ, Максимъ приводитъ, въ качествѣ доказательнаго примѣра, случай изъ своихъ собственныхъ наблюденій: въ Перекопіи одинъ татаринъ, уличенный въ воровствѣ, былъ повѣшенъ на городскихъ воротахъ для назиданія всѣмъ входящимъ; на третій день царь велѣлъ его снять, и два татарина вынесли тѣло въ поле, омыли его, обвили бѣлымъ саваномъ и погребли, показавши тѣмъ подобающее уваженіе къ мертвому тѣлу завѣдомо дурного человѣка: «татарове же—съ горечью замѣчаетъ по этому поводу Максимъ Грекъ—аще и чюжи суть евангельскаго и апостольскаго законоположенія и просвѣщенія, обаче, аки человѣци словесніи и ти суще, праведно быти мнятъ милость показати всегда къ таковымъ и погребенія сподобляти; христіане же, благочестивый языкъ избранный, божіе наслѣдіе и людіе

[1]) Голубинскій, И. Р. Ц. I. 2. 2 изд., стр. 459.

божіи превозлюблени, безпрестани просвѣщаеми и учими всякими богодохновенными писаніи, оле студа моего! и дельфиновъ безсловеснѣйши и татаръ суровѣйши елико въ томъ являются» (Соч. III, 141—142). Цѣлую серію составляютъ обличенія Максима Грека противъ астрологическихъ увлеченій, имѣвшихъ большое распространеніе среди грамотнаго русскаго люда въ XV—XVI вѣкахъ [1]). «Звѣздозаконіемъ» и «звѣздозрительной прелестью» занимались въ XV вѣкѣ, напр., и жидовствующіе, а при Максимѣ Грекѣ однимъ изъ сторонниковъ астрологіи былъ тотъ самый Николай Нѣмчинъ, который, какъ мы видѣли (см. выше, стр. 163), усиленно рекомендовалъ идею о соединеніи церквей; онъ склонилъ къ астрологіи и кое-кого изъ русскихъ, напр., боярина Θедора Карпова и какого-то игумена. Максимъ пишетъ посланіе къ этому боярину (Соч. I, № 16), а также «Слово на Николая Нѣмчина, прелестника и звѣздочетца» (Соч. I, № 21); кромѣ того, имъ написанъ рядъ другихъ произведеній на ту же тему (Соч. I, №№ 17. 18. 19. 20. 22). Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ онъ не только оспариваетъ возможность предугадывать будущую судьбу по звѣздамъ, но и считаетъ астрологію занятіемъ безбожнымъ и грѣховнымъ, такъ какъ Богъ есть единственная причина всѣхъ явленій внѣшняго и внутренняго міра. Вмѣстѣ съ этимъ, Максимъ указываетъ и на то, что вѣра въ разнаго рода предзнаменованія противорѣчитъ свободѣ нашей воли и нашей нравственной отвѣтственности за доброе и за злое: «Аще ли же по обношенію звѣздному вся дѣла наша бываютъ, то по нужи творимъ все еже творимъ, а еже по нужи бываютъ, то ни добро, ни зло есть; да еще ни добра, ни зла творимъ по произволенію нашему, то ни хваламъ, ни вѣнцомъ, ни хуламъ, ни мукамъ есме достойни» (Соч. I, стр. 310).

Наконецъ, Максимъ не оставилъ безъ возраженія и еще одно убѣжище умственныхъ и религіозныхъ заблужденій русскаго общества въ XVI вѣкѣ— разнаго рода апокрифическія сказанія, составлявшія, какъ уже мы знаемъ, въ извѣстныхъ своихъ частяхъ, достояніе первыхъ вѣковъ русской письменности и получившія въ XV и XVI вв. особенно широкое распространеніе.

Изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ Максимъ обратилъ вниманіе на извѣстное сказаніе о «рукописаніи» Адама [2]). Въ своемъ возраженіи (Соч. I, № 26) Максимъ касается изъ этого обширнаго апокрифа лишь эпизода о томъ, «яко первозданный Адамъ далъ на себе прельстившему его діаволу рукописаніе вѣчныя работы». Доводы Максима, направленные къ мысли о недостовѣрности подобнаго «мудрословія», носятъ исключительно теоретическій характеръ, со ссылками на разныя мѣста Св. Писанія; выводъ изъ нихъ— наша внутренняя духовная свобода, обезпеченная искупительной жертвой Спасителя.

---

[1]) Служившія къ этому книги «О часахъ добрыхъ и злыхъ», «О дняхъ добрыхъ и злыхъ», «О лунныхъ дняхъ», «Астрологія», «Звѣздочтецъ» и др. см. въ сборникѣ Н. С. Тихонравова: Памятники отреченной русской литературы. Т. II, стр. 382—424.

[2]) Содержаніе его см. у Порфирьева: Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, стр. 90—96. 208—216, и Тихонравова: Памятники отреченной русской литературы, I, стр. 1—17.

Болѣе значительное распространеніе въ народѣ новозавѣтныхъ апокрифовъ дало поводъ Максиму посвятить имъ три статьи. Первая—«Слово обличительно, вкупѣ развращательно, лживаго писанія Афродитіана Персянина зломудреннаго» (Соч. III, № 20). Содержаніе апокрифа, котораго Максимъ не разсказываетъ, м. б. въ виду его извѣстности, таково. Въ Персидской землѣ, во время рожденія Спасителя, было особое чудо. Въ знаменитую кумирницу, наполненую золотыми и серебряными идолами, пришелъ однажды царь, чтобы узнать смыслъ видѣннаго имъ сна. Жрецъ Прупъ сказалъ ему, что въ прошедшую ночь всѣ боги ликовали и говорили, что «Ира съ этого времени наречется Ураніей (т. е. небесной), потому что ее возлюбило великое солнце, что она обѣщана за древодѣля: имя ей Марія». Царь остался въ кумирницѣ до вечера и тогда увидалъ, какъ всѣ идолы, при наступленіи ночи, начали пѣть и играть. Онъ ужаснулся и хотѣлъ тотчасъ же уйти, но жрецъ остановилъ его, сказавши, что настало время, когда Богъ явитъ великое чудо. Въ эту минуту кровля кумирницы раскрылась, въ нее вошла звѣзда и стала надъ «кумиромъ источника»; всѣ кумиры, кромѣ послѣдняго, пали ницъ, а надъ нимъ показался вѣнецъ изъ анфракса и измарагда. Персидскіе мудрецы, призванные для объясненія этого явленія, сказали, что въ Виѳлеемѣ родился царь и Спаситель міра; они посовѣтовали царю послать въ Іерусалимъ волхвовъ для поклоненія родившемуся царю. Царь немедленно отправилъ волхвовъ съ дарами. Звѣзда стояла надъ кумирницей до тѣхъ поръ, пока не отправились волхвы, съ которыми она пошла и руководила ихъ въ пути. Пришедши въ Іерусалимъ и нашедши тамъ Матерь съ Младенцемъ, волхвы сначала сдѣлали ей нѣсколько вопросовъ, чтобы убѣдиться, точно ли это она, затѣмъ поклонились ей и воздали хвалу. «Отрокъ же—разсказывали потомъ волхвы—сидѣлъ на землѣ, какъ будто ему два года, и говорилъ. Онъ былъ мало похожъ на мать, которая была высока, со смуглымъ и кругловатымъ лицомъ. Списавши портреты съ матери и сына, мы занесли ихъ въ свою страну и положили на кумирницѣ... Каждый изъ насъ подержалъ отрока на рукахъ; поклонившись и поцѣловавъ его, мы дали ему въ даръ золото, ливанъ и смирну. Отрокъ же смѣялся и хлопалъ руками, одобряя наши слова». Послѣ этого явился ангелъ и запретилъ волхвамъ идти къ Ироду, а велѣлъ отправиться въ свою страну. Въ концѣ разсказа присоединено прославленіе Бога и воззваніе ко всѣмъ христіанамъ подражать волхвамъ и принести въ даръ Спасителю правую вѣру отъ души, чистоту отъ тѣла, истину отъ языка [1]). Апокрифъ этотъ имѣлъ цѣлью объяснить, какимъ образомъ восточные волхвы, о приходѣ которыхъ родившемуся Іисусу разсказываетъ Евангеліе, узнали о рожденіи Спасителя. Существуетъ мнѣніе, требующее, впрочемъ, болѣе детальнаго пересмотра, что славянскій переводъ этого памятника съ грече-

---

[1]) Порфирьевъ, И. Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, стр. 13—15. 149—155; Тихонравовъ, Н. Памятники отреченной русской литературы, II, стр. 1—4; Кушелевъ-Безбородко. Памятники старинной русской литературы, III, подъ ред. А. Н. Пыпина стр. 73—75.

скаго подлинника впервые появился на русской почвѣ въ очень раннюю эпоху, до XIII вѣка (древнѣйшій русскій текстъ этого перевода имѣется въ рукописи XIII вѣка Имп. Публ. Б-ки., Толст., отд. I № 8, напечатанный Н. С. Тихонравовымъ и А. Н. Пыпинымъ), и затѣмъ перешелъ въ южнославянскія литературы; второй переводъ явился въ Сербіи во второй половинѣ XIV или первой половинѣ XV вѣка и, въ свою очередь, перешелъ въ Россію: повидимому, Максимъ Грекъ зналъ его въ этомъ второмъ переводѣ [1]). Своему обличенію Максимъ Грекъ предпослалъ небольшое введеніе, въ которомъ, прежде всего, указалъ на то, что подобнаго рода «отъ нѣкихъ писуемыя книги отринути и гнушатися подобаетъ», такъ какъ онѣ «хульны и скверны» и отлучаютъ насъ отъ Бога, а между тѣмъ, «списаніе Афродитіана» у «нѣкіихъ православныхъ» «честно и прелюбимо». Затѣмъ, Максимъ выставляетъ три критерія, при наличности которыхъ всякое «писаніе» можетъ быть признано «достовѣрнымъ и твердымъ»: во-первыхъ, оно должно быть написано извѣстнымъ и признаннымъ церковью авторомъ; во-вторыхъ, оно должно быть согласно съ апостольскими догматами и преданіями и, въ-третьихъ, оно не должно заключать въ себѣ внутреннихъ противорѣчій. Съ точки зрѣнія этихъ требованій Максимъ разбираетъ «списаніе» Афродитіана, чтобы прійти къ выводу, поставленному уже въ самомъ началѣ, объ его недостовѣрности. Имя Афродитіана и его «санъ» совершенно неизвѣстны церкви. Далѣе, авторъ страдаетъ недугомъ безвѣрія, и его произведеніе наполнено сужденіями и фактами, противными церковнымъ догматамъ и преданіямъ. Кумирницы съ идолами считаетъ онъ за храмы, а жрецовъ—за священнослужителей; Иру приравниваетъ къ Дѣвѣ Маріи; сообщаетъ невѣроятный и неизвѣстный изъ богодохновенныхъ писаній фактъ, что идолы радовались о зачатіи Иры и говорили какъ люди: да и откуда могли знать объ этомъ идолы, когда эта великая тайна была скрыта отъ самыхъ мудрыхъ на землѣ? Кромѣ того, изъ-за чего радовались идолы такому событію, съ которымъ необходимо связывалась ихъ конечная погибель? Близкое рожденіе Спасителя возвѣщено было архангеломъ Гавріиломъ, а не звѣздою. Передаваемые въ апокрифѣ разговоры между іудеями и персидскими волхвами, просившими указаній, не подтверждаются евангельскимъ повѣствованіемъ; точно также ничего не говорится въ евангеліяхъ о томъ, что во время посѣщенія волхвовъ Спаситель сидѣлъ на землѣ, игралъ и смѣялся. Наконецъ, въ «списаніи» Афродитіана заключаются и внутреннія противорѣчія, изъ которыхъ Максимъ Грекъ главнымъ образомъ указываетъ на одно: въ началѣ говорится, что волхвы видѣли Іисуса сидящимъ на землѣ двухлѣтнимъ младенцемъ, который радовался похваламъ, а въ концѣ упоминается о немъ какъ о младенцѣ въ ясляхъ, что совершенно несогласимо одно съ другимъ. Заключаетъ свое обличеніе Максимъ указаніемъ на то, что «словеса Афродитіанова не словеса Божія, но истуканныхъ бѣсовскихъ прелщенія въ пагубу послушающимъ я» (Соч. III, 122). Весьма вѣроятно, что именно подъ вліяніемъ обли-

---

[1]) Щеголевъ, П. Е. Очерки изъ исторіи отреченной литературы. I. Сказаніе Афродитіана. Изв. II Отд. А. Н. IV (1900), кн. 4, стр. 1323—1325.

ченія Максима Грека «списаніе Афродитіана» было внесено въ «индексъ» отреченныхъ книгъ, что, однако же, съ другой стороны, не помѣшало ему занять свое мѣсто въ Четьихъ-Минеяхъ митр. Макарія [1]). Изъ двухъ другихъ статей, направленныхъ противъ названныхъ апокрифовъ, первая («Сказаніе о Іюдѣ предатели на Аполлинарія»: Соч. III, № 21) имѣетъ въ виду сказаніе, будто Іуда, по возвращеніи полученныхъ имъ за предательство 30 сребренниковъ, не тотчасъ же удавился, но жилъ еще «лѣта довольно» и что въ это время члены его тѣла опухли. Этотъ разсказъ Максимъ «многажды» слышалъ отъ «многихъ крѣпцѣ глаголющихъ»; онъ внесенъ былъ также въ «Страсти Христовы» [2]). Въ своемъ возраженіи Максимъ Грекъ не ограничивается указаніемъ на отсутствіе этого разсказа въ подлинныхъ евангельскихъ повѣствованіяхъ, но пользуется доводами и изъ области физіологіи: «Аще утроба его (т. е. Іуды) вся изліяся (какъ передается въ Евангеліи) и бывъ ницъ разсядеся посредѣ, како можно живу быти человѣку бывшу, идѣже многажды ни едино удареніе по главѣ нанесено возмоглъ бы кто стерпѣти, но абіе мертвъ лежа зрится; предателю же не едино удареніе по головѣ стерпѣвшу, но всю утробу свою погубившу, сирѣчь печень, плючо, селезнь и вся кишки, кто, здравъ сый умомъ, речетъ оного потомъ живша хоти въ мгновеніи ока?» (Соч. III, 125). Другое опроверженіе Максима («Сказаніе къ глаголющимъ, яко во всю свѣтлую недѣлю солнце не заходя стояло, и того ради глаголютъ единъ день всю свѣтлую недѣлю»: Соч. III, № 24) направлено на извѣстный апокрифъ о «свѣтлой недѣлѣ»: когда Христосъ воскресъ, то будто отъ шестого часа взошло солнце и стояло на востокѣ два дня, потомъ на югѣ три дня и на западѣ два дня; на восьмой день солнце зашло: поэтому и говорится обо всей недѣлѣ «великъ день» [3]). Въ своемъ возраженіи Максимъ стоитъ исключительно на почвѣ сопоставленія этого разсказа съ тѣмъ, что передается въ евангеліяхъ и, конечно, относится къ нему совершенно отрицательно. Наконецъ, обличенію Максима Грека подвергся и т. наз. «Луцидаріусъ», вызвавшій его «Посланіе къ нѣкоему мужу поучительно на обѣты нѣкоего латынина мудреца» (Соч. III, № 28). Сборникъ этотъ западнаго происхожденія и ведетъ свое имя отъ схоластико-богословскаго трактака «Elucidarum sive dialogus de summa totius christianae theologiae», составленіе котораго приписывается Гонорію Отенскому, популярному латинскому писателю XI—XII вв.; на западной литературной почвѣ этотъ трактатъ, б. м. уже въ XII вѣкѣ, далъ начало нѣмецкой народной книгѣ, при чемъ богословская сторона оригинала подверглась сокращенію, а взамѣнъ ея внесены были общія свѣдѣнія о мірѣ, людяхъ, животныхъ, странахъ и другихъ предметахъ—главнымъ образомъ на основаніи другого труда того же

---

[1]) Щеголевъ, П. Е., назв. соч., стр. 1313. 1330.

[2]) И. Порфирьевъ. Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 50.

[3]) Памятники старинной русской литературы. Изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, вып. III, стр. 153.

Гонорія Отенскаго «Imago mundi» [1]). По мнѣнію Тихонравова, «Луцидаріусъ переведенъ былъ на русскій языкъ въ XVI вѣкѣ, при чемъ наличность германизмовъ заставляетъ предполагать нѣмецкій оригиналъ для перевода [2]); это мнѣніе было документально поддержано и проф. Архангельскимъ (назв. соч., стр. 78—170). Впрочемъ, въ опредѣленіи времени русскаго перевода, сдѣланномъ Тихонравовымъ, возможны сомнѣнія [3]). Въ своемъ возраженіи Максимъ обращается къ нѣкоему «киръ Георгію» (подъ которымъ Тихонравовъ склоненъ былъ разумѣть князя Георгія Ивановича Токмакова, составившаго повѣсть о Выдропужской иконѣ Божіей Матери: Соч. I, прим. стр. 92—93), но былъ ли онъ авторомъ русскаго перевода Луцидаріуса или лишь почитателемъ этого памятника—сказать трудно. Въ краткомъ предисловіи къ своему «посланію» Максимъ Грекъ предостерегаетъ Георгія отъ увлеченія Луцидаріусомъ: этой книгой латиняне «зѣло прельстишася», какъ и всегда прельщаются «еллинскими и римскими ученіи и книгами еврейскими и арабскими», тогда какъ книга эта «во множайшихъ лжетъ и сопротивно пишетъ православнымъ преданіемъ и повѣстемъ» (Соч. III. 184). Слѣдующія далѣе возраженія Максима имѣютъ цѣлію опровергнуть сужденія и сообщенія Луцидаріуса о разныхъ предметахъ, доказать ихъ нелѣпость и небогословскій характеръ. Сообразно діалогической формѣ самаго памятника, и возраженіямъ Максима приданъ діалогическій распорядокъ, но трудно сказать, принадлежитъ ли этотъ распорядокъ самому Максиму или является дѣломъ одного изъ редакторовъ его сочиненій. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ этого произведенія Максима. «Ученикъ: (первый ангелъ) коль долго бѣяше на небеси? Учитель: не бѣ болѣ токмо полчаса. Максимъ: ни того, ни которое писаніе богодохновенное не знало, ни отеческое» (Соч. III. 187). «Ученикъ: коль долго Адамъ былъ въ раи? Учитель: нѣсть токмо болѣ два часа. Максимъ: святый Иванъ Златоустый глаголетъ s҃. часовъ. Сего ради и новый Адамъ Іисусъ Христосъ на шестомъ часѣ распятъ бысть» (189). «Ученикъ: коль долго жилъ Адамъ? Учитель: ц҃л. лѣтъ,

---

[1]) Тихонравовъ, Н. С. Сочиненія. Т. I, стр. 304. Архангельскій, А. Къ исторіи древне-русскаго Луцидаріуса. Казань. 1899, стр. 178—182.

[2]) Тамъ же, стр. 302. 304—305. Изданъ Тихонравовымъ въ «Лѣтописи русской литературы и древности». Т. I (1859) и Порфирьевымъ: Апокр. сказ. о повоз. лиц. и событіяхъ, стр. 417—471.

[3]) Онъ ссылается на упоминаніе въ Луцидаріусѣ «стрѣлокъ громныхъ» и «топорковъ сѣровидныхъ» (по изд. Тихонравова, стр. 57) и, сопоставляя упоминаніе этихъ же предметовъ въ Домостроѣ, полагаетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ послѣдняго памятника изъ Луцидаріуса (Соч. I. 302). Но, во-первыхъ, изъ этого заимствованія, если бы оно составляло даже неоспоримый фактъ, еще не слѣдуетъ невозможность существованія Луцидаріуса въ русскомъ переводѣ и до XVI вѣка, а, во-вторыхъ, указанное мѣсто могло быть перенесено въ Домострой и изъ другого источника, напр. Кормчей книги, какъ это указано Ѳ. Керенскимъ: Древне-русскія отреченныя вѣрованія и календарь Брюса. Ж. М. Н. Пр. 1874, № 3, стр. 61.

тогда умре во Іерусалимѣ и погребенъ бяше въ Европѣ, тогда бѣ та яма имъ наполнена, отнюду же Богъ сотвори его. Максимъ: и то кромѣ преданія церковнаго» (190). «Ученикъ: кто первый человѣкъ, иже писаніе обрѣте? Учитель: той Енохъ. Максимъ: и въ томъ лжетъ явѣ твой не лучинаріусъ, но обтенебраріусъ, еже есть темнитель, а не просвѣтитель. Сиѳъ бо третій сынъ Адамовъ первый обрѣте писмена, яко же явѣ пишетъ Іосифъ іюдеянинъ» (191) и т. д. Ясно, что и самъ Максимъ, при всей своей учености, не былъ свободенъ отъ «апокрифическихъ» сужденій и толкованій.

Историческое значеніе Максима Грека и его литературной дѣятельности опредѣляется не только самой личностью этого человѣка, мѣстомъ и временемъ его дѣятельности, но также тѣмъ спеціальнымъ положеніемъ, которое выпало на его долю въ Россіи. Въ Максимѣ мы имѣемъ дѣло съ лицомъ, получившимъ обширное богословское и отчасти свѣтское образованіе. Своихъ такого рода людей въ Россіи XVI вѣка не было, а между тѣмъ потребность въ наукѣ и ученыхъ людяхъ, хотя смутно и лишь въ тѣсныхъ кругахъ, сознавалась. Облеченный авторитетомъ рекомендаціи съ Аѳона, Максимъ совмѣщалъ въ себѣ подлинное православіе съ основательными филологическими и богословскими познаніями, что на первыхъ порахъ должно было обезпечить ему полное довѣріе въ московскихъ административныхъ сферахъ; но когда дѣло дошло до примѣненія на практикѣ этихъ познаній, то не спасли Максима ни его ученость, ни аѳонскій авторитетъ: узкая теоретичность богословскихъ воззрѣній московскихъ книжниковъ, преданность буквѣ, невѣжество и застарѣлость понятій сдѣлали то, что, вмѣсто учителя и руководителя, Максимъ оказался еретикомъ, нуждавшимся въ наученіи и достойнымъ наказанія. Эти обстоятельства, непосредственно вытекавшія изъ условій мѣста и времени дѣятельности Максима Грека, опредѣлили собою его жизненную судьбу, придавъ ей трагическій характеръ, а также не остались безъ вліянія и на послѣдующіе результаты дѣятельности Максима въ Россіи. Положеніе его было одно изъ самыхъ трудныхъ. Однажды, въ бесѣдѣ съ опальнымъ бояриномъ И. Н. Берсенемъ-Беклемишевымъ, Максимъ Грекъ спрашивалъ: «какой отъ меня пользѣ быти?», т. е. чѣмъ собственно онъ можетъ быть полезенъ въ Москвѣ; Берсенъ отвѣчалъ: «Ты человѣкъ разумный и можешь насъ пользовати, и пригоже было намъ тебя спрашивати, какъ устроити государю землю свою, и какъ людей жаловати и какъ митрополиту жити». Такъ думали московскіе люди, расположенные къ ученому пришельцу. Конечно, удовлетворить подобныя ожиданія Максиму было невозможно—и не только по обширности и важности поставленныхъ тутъ вопросовъ, но и по крайней трудности проведенія въ жизнь тѣхъ совѣтовъ и указаній, которыя могъ и желалъ бы дать Максимъ Грекъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можно было сдѣлать Максиму, когда огромная часть московскаго общества крѣпче, чѣмъ когда-либо стояла за старину? Тотъ же Берсень говорилъ Максиму: «вѣдаешь и самъ, а и мы слыхали у разумныхъ людей: которая земля переставливаетъ обычьи свои, и та земля не долго стоитъ»; на это Максимъ отвѣтилъ: «господине, которая земля преступаетъ заповѣди, та и отъ Бога казничаетъ, а обычаи

царскіе и земскіе государи перемѣняютъ, какъ лучше государству его»; Ѳерсенъ однако съ этимъ не согласился, полагая, что «лучше старыхъ обычаевъ держатися» [1]). Берсеней въ Россіи въ ту пору было множество, и весьма умѣренная точка зрѣнія Максима Грека была для нихъ непріемлема. Тѣмъ не менѣе воззрѣнія его не остались безрезультатными. Возлѣ него образовался кружокъ лицъ, съ довѣріемъ обращавшихся къ нему со своими недоумѣніями и вопросами. Таковы были князь Иванъ Токмаковъ, Вас. Мих. Тучковъ, Ив. Дан. Сабуровъ, Юрій Тютинъ, князь Андрей Холмскій, которые «говаривали съ нимъ книгами и спиралися межъ себя о книжномъ»; ходилъ къ Максиму на бесѣды Петръ Шуйскій, бралъ у него для себя какія-то тетрадки дьякъ Ѳедоръ Жареный. Мы уже видѣли, что писалъ Максимъ, подавая совѣты по книжнымъ и инымъ вопросамъ Ѳедору Карпову и какому-то «киръ Георгію»; къ нему обращался за разрѣшеніемъ сомнѣнія касательно одного страшнаго изображенія на иконѣ сотрудникъ его по переводу Толковой Псалтыри Дмитрій Герасимовъ, который потомъ и отписалъ объ этомъ въ Псковъ извѣстному дьяку Мисюрю Мунехину. Сужденія Максима Грека не остались безъ вліянія и на постановленія Стоглаваго собора [2]). Литературныя занятія Максима Грека собрали вокругъ него нѣсколько учениковъ: Силуана, Михаила Медоварцева, Нила Курлятева; близкими по духу къ нему и не оставшимися безъ его вліянія являются извѣстный авторъ «Истины показанія» Зиновій Отенскій и князь А. М. Курбскій. Но главная доля вліянія Максима Грека выразилась въ томъ броженіи, которое производила его жизнь и литературная дѣятельность въ русской средѣ современнаго ему и отчасти послѣдующихъ поколѣній, и не подлежитъ сомнѣнію, что, въ интересахъ просвѣщенія, вліяніе это было глубоко благотворно.

3.

«Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ».—Вопросъ объ авторѣ этого произведенія; степень литературной обработки; черты содержанія и связь ихъ съ современностью.—«Ино сказаніе»; вопросъ объ его политической тенденціи.

Въ тѣсной связи съ затронутыми Вассіаномъ Патрикѣевымъ и Максимомъ Грекомъ вопросами о монастырскихъ вотчинахъ и о царской власти находится одинъ весьма любопытный памятникъ XVI вѣка, извѣстный подъ именемъ «Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ». Первый издатель этого памятника, Бодянскій [3]), находилъ возможнымъ, безъ особыхъ колебаній, приписать его Вассіану Па-

---

[1]) Акты Археографической Экспедиціи, № 172: Иконниковъ, В. С. Максимъ-Грекъ. Кіевскія Университетскія Извѣстія 1866, № 7, стр. 27. 37—38. Отмѣтимъ здѣсь кстати, что это единственное общаго характера и обширное сочиненіе, изъ посвященныхъ Максиму Греку, недавно вышло въ переработанномъ видѣ: Иконниковъ, В. Собраніе историческихъ трудовъ. Т. I. Максимъ Грекъ и его время. Кіевъ 1915.

[2]) Иконниковъ, назв. соч., стр. 28. 31—34; (Горскій, А. В.), назв. соч., въ Приб. къ Тв. Св. Отцовъ, ч. XVIII, стр. 189—192.

[3]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1859, № 3.

трикѣеву; однако это мнѣніе встрѣтило возраженія со стороны Буслаева проф. А. С. Павлова и др.; того же отрицательнаго взгляда держатся и редакторы новаго изданія «Бесѣды» [1]); они находятъ только возможнымъ видѣть въ неизвѣстномъ авторѣ мірянина и написаніе произведенія относятъ ко времени послѣ 1553—1554 годовъ. Позднѣе опять было высказано предположеніе объ авторствѣ Вассіана [2]), но вопросъ этотъ, какъ и вообще вопросъ объ этомъ памятникѣ, остается неяснымъ, продолжая привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей [3]).

Съ внѣшней стороны «Бесѣда», какъ литературный памятникъ, производитъ неблагопріятное впечатлѣніе: въ ней нѣтъ опредѣленнаго плана, изложеніе растянуто, изобилуетъ повтореніями, языкъ неправильный и по мѣстамъ неясный; но затронутые въ ней вопросы взяты изъ живой современности и обсуждаются смѣло и съ совершенно опредѣленной точки зрѣнія. Первымъ такимъ вопросомъ являются монастырскія владѣнія. Авторъ—рѣшительный врагъ обладанія монастырей имуществами, и, вѣроятно, именно эта точка зрѣнія, защищаемая инокомъ-княземъ Вассіаномъ, и была причиной приписанія ему «Бесѣды» со стороны ея перваго издателя. Авторъ полагаетъ, что «подобаетъ инокомъ пріимати годовая урочная милостыня», но «вотчинъ и волостей со христіаны отнюдь инокомъ не подобаетъ давати» (изд. 1890, стр. 3—4); богатые иноки, эти «непогребенные мертвецы», приближенные къ царю и принимающіе участіе въ мірскихъ дѣлахъ, вмѣсто исполненія своего прямого назначенія—духовныхъ подвиговъ и молитвы—обнаруживаютъ «высокоумство и величество»: они считаютъ себя «разумнѣе всѣхъ человѣкъ въ мірѣ и не скажутъ и не чаютъ въ бѣльцахъ такова разума, какова въ себѣ мняще» (стр. 7). Отсюда проистекаетъ и другой вопросъ, затронутый въ «Бесѣдѣ»: лишь «простотой» царской объясняетъ авторъ сильное вліяніе иноковъ въ «совѣтѣ царскомъ»; авторъ совѣтуетъ царю, вмѣсто иноческихъ мнѣній, «внимати» божественнымъ книгамъ и «почасту ихъ прочитати и бесѣды Іосифа Прекраснаго повѣсти дозирати»: «сего царіе не вѣдаютъ и не внимаютъ, что мнози книжници во иноцѣхъ по дьявольскому наносному умышленію изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ преподобныхъ житія выписываютъ и выкрадываютъ изъ книгъ подлинное преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе и на то же мѣсто въ тѣ же книги приписываютъ лучшая и полезная себѣ, носятъ на соборы во свидѣтельство будто подлинное святыхъ отецъ писаніе» (стр. 10. 11); все это есть «царское небреженіе и простота несказанная, а иноческая безконечная погибель» (стр. 13); болѣе естественными совѣтни-

---

[1]) В. Дружининъ и М. Дьяконовъ. Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ. Апокрифическій памятникъ XVI вѣка. Спб. 1890.

[2]) С. Аваліани. Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ, какъ историческій источникъ. Богословскій Вѣстникъ, 1909, № 3, стр. 383. Возраженія ему сдѣланы въ замѣткѣ Н. Гудзія: Къ вопросу объ авторѣ «Бесѣды преп. Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ». Р. Ф. В., 1913, № 3, стр. 151—160.

[3]) Г. Бѣльченко. Къ вопросу о составѣ и объ авторѣ «Бесѣды преп. Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ». Одесса 1914.

ками царю и исполнителями его воли являются «мірскія власти». Наконецъ, авторъ «Бесѣды» высказывается и по болѣе общему вопросу тогдашней русской жизни. Онъ строгій консерваторъ и предрекаетъ «бѣду и скорбь и погибель роду христіанскому» не только за оставленіе православной вѣры и «измѣну царю и государю своему», но и за разнаго рода внѣшнія заимствованія отъ чужеземцевъ: «позавидѣхомъ иже на невѣрныхъ ризамъ ихъ отъ главы и до ногу и ихъ обычаемъ»; «богомерзко и незаконно—говоритъ онъ объ иностранцахъ—ихъ житіе и обычай ихъ непріятенъ, занеже не дано имъ разумѣти про нашу новую благодать, и имъ наше ничтоже завидно есть; они прочатъ сесвѣтное житіе, а мы угождаемъ на будущее житіе» (стр. 14); «горе роду христіанскому—предостерегаетъ въ другомъ мѣстѣ авторъ—прельстившимся въ невѣрныхъ порты и шлыки и имущимъ ихъ на себѣ, держащимъ ихъ невѣрныхъ прелести и впущающе ихъ въ землю свою и ищущимъ отъ нихъ помощи и хранящимся ими» (стр. 22); онъ совѣтуетъ установить «царскою смиренною грозою» «брадъ и усовъ не брѣти, ни торшити и сану своего ничѣмъ не вредити, крестное знаменіе на лицѣ своемъ сполна воображати, каятися, говѣти по вся годы всякому человѣку вездѣ, исповѣдатися Господеви и отцамъ духовнымъ отъ двоюнадесяте лѣтъ мужеска полу и женска» (стр. 24). Сужденія эти, являясь живымъ отголоскомъ времени, свидѣтельствуютъ о глубокомъ переломѣ въ народной жизни и о начинавшемся знакомствѣ съ Западомъ, которые наполняли тревогою умы и сердца болѣе впечатлительныхъ современниковъ: къ числу послѣднихъ несомнѣнно принадлежалъ и авторъ «Бесѣды».

Въ нѣкоторыхъ спискахъ «Бесѣды» къ ней присоединена особая небольшая статья («Ино сказаніе»: по изд. 1890, стр. 29—31), написанная, по всей вѣроятности, другимъ авторомъ, но современная «Бесѣдѣ» и заключающая въ себѣ одно очень интересное мѣсто. Авторъ обращается къ «царемъ» и «великимъ княземъ» русской земли съ совѣтомъ—«избранные воеводы своя и войско свое скрѣпити и царство во благоденство соединити и распространити отъ Москвы сѣмо и овамо, сюду и туду», «не своею царскою храбростію, ниже своимъ подвигомъ, но славнымъ воинскимъ валитовымъ разумомъ и царскою премудрою мудростію», а для этого находитъ нужнымъ, чтобы духовенство благословило «царей и великихъ князей русскихъ московскихъ» на «единомысленный вселенскій совѣтъ». Нѣкоторые историки (напр., проф. Ключевскій и новѣйшіе издатели «Бесѣды») склонны видѣть въ этомъ «вселенскомъ совѣтѣ» указаніе на «земскій соборъ», выраженное въ столь отдаленную эпоху, но, судя по дальнѣйшему теченію мыслей автора «Иного сказанія» («вѣдомо да будетъ царю самому про все всегда самодержства его, и можетъ скрѣпити отъ грѣха власти и воеводы своя и приказные люди...»; «царю самому крѣпко и крѣпко печися паствы своея о спасеніи міра, о всегодномъ посту всегодными прямыми постными людьми во благоденство міру всего»: стр. 30—31), едва ли можно усматривать здѣсь намекъ на выраженіе подобнаго политическаго идеала: въ этомъ отношеніи мнѣніе А. Н. Пыпина ближе къ истинѣ [1]).

---

[1]) Исторія русской литературы. Т. II, изд. 2, стр. 128—129.

4.

Старецъ Артемій; его жизнь.—Приписываемыя ему посланія; связь съ А. М. Курбскимъ; идейный характеръ дѣятельности Артемія.

Въ числѣ литературныхъ дѣятелей XVI вѣка, примыкающихъ къ «заволжскому» направленію, долженъ быть упомянутъ и старецъ Артемій, хотя его авторство относительно приписываемыхъ ему 14 посланій [1]) является лишь весьма вѣроятнымъ предположеніемъ. Жизнь Артемія сложилась не совсѣмъ обыкновенно, о чемъ можно судить даже и на основаніи имѣющагося весьма скуднаго біографическаго матеріала. Мы не знаемъ точно ни года, ни мѣста рожденія Артемія, ни той среды, изъ которой онъ вышелъ. Новѣйшій біографъ [2]) дѣлаетъ однако же предположеніе, что родился онъ въ началѣ XVI вѣка въ Псковѣ или прилегающей къ нему мѣстности. Первоначально онъ проживалъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ [3]) и здѣсь началъ усердно читать разныя книги духовнаго содержанія, переводныя и оригинальныя: интересъ къ религіознымъ вопросамъ побуждалъ его ходить въ близъ лежащій лифляндскій городокъ Нейгаузъ, чтобы познакомиться съ проникавшимъ тогда въ Ливонію протестантизмомъ. Около 1545 года Артемій удалился въ одну изъ заволжскихъ пустынь и основательно познакомился здѣсь съ направленіемъ Нила Сорскаго въ теоріи и въ практикѣ монастырской жизни. Около 1548 года онъ сдѣлался уже настолько извѣстенъ, что получилъ приглашеніе въ настоятели Корниліева монастыря, однако отъ этого отказался, а въ 1551 году, по волѣ царя Ивана Васильевича IV, пользовавшагося его совѣтами по организаціи Стоглаваго собора, былъ назначенъ игуменомъ Троице-Сергіева монастыря. На это мѣсто Артемій шелъ неохотно, предвидя борьбу съ братіей, стяжательныхъ стремленій которой онъ не раздѣлялъ, будучи противникомъ монастырскаго землевладѣнія. Принимая игуменство, Артемій испросилъ у царя согласіе на освобожденіе Максима Грека изъ тверского заточенія и на переселеніе его въ Троицкій монастырь, вѣроятно ища въ немъ себѣ нравственную поддержку. Однако опасенія Артемія вскорѣ не замедлили оправдаться, и онъ почувствовалъ себя у Троицы настолько не на мѣстѣ, что черезъ полгода покинулъ игуменство и удалился въ одинъ изъ заволжскихъ скитовъ, въ Порфиріеву пустынь. Но этого врагамъ Артемія было мало; они желали болѣе очевиднаго его паденія. Когда въ 1553 году собранъ былъ соборъ противъ ереси Башкина, то на него приглашенъ былъ и Артемій,

---

[1]) Напечатаны, по единственному списку В. М. Ундольскаго, XVI вѣка, въ IV томѣ «Русской Исторической Библіотеки», изд. Археографической Комиссіей, подъ наблюденіемъ П. А. Гильдебрандта: Спб. 1878.

[2]) Вилинскій, С. Г. Посланія старца Артемія (XVI вѣка). Одесса 1906, стр. 38.

[3]) Объ этомъ монастырѣ см. статью мою: О нѣкоторыхъ историческихъ и литературныхъ фактахъ, связанныхъ съ именемъ Успенскаго Псково-Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв. Труды X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ. Т. I. М. 1899.

подъ предлогомъ содѣйствовать разъясненію истины, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы самого Артемія запутать въ опасное дѣло. Артемій понялъ это и отказался явиться; тогда его привезли въ Москву на соборъ уже въ качествѣ обвиняемаго. Къ нему предъявленъ былъ рядъ обвиненій: въ неправильномъ толкованіи догматовъ, сочувствіи новгородскимъ еретикамъ и «латынамъ», несоблюденіи поста, хожденіи въ нѣмецкую землю для бесѣдъ о вѣрѣ и проч. Артемій былъ сурово осужденъ и въ 1554 году отправленъ на заточеніе въ Соловецкій монастырь. Не имѣя надежды на улучшеніе своего положенія въ близкомъ будущемъ, онъ бѣжалъ отсюда въ слѣдующемъ 1555 году въ Литву, черезъ Витебскъ. Здѣсь онъ нашелъ пріютъ у князя Юрія въ Слуцкѣ и пользовался расположеніемъ многихъ видныхъ дѣятелей въ краѣ, напр. Евстафія Воловича, кн. А. М. Курбскаго и др. Здѣсь получила главное развитіе и его литературная дѣятельность, направленная главнымъ образомъ на защиту православія противъ протестантовъ; въ этомъ дѣлѣ у него оказались не только помощники, но и ученики, напр. Маркъ Сарыгозинъ, которому писалъ кн. Курбскій. Умеръ Артемій, повидимому, въ 70-хъ годахъ XVI вѣка [1]).

Такова личность старца Артемія, типичная для извѣстнаго круга дѣятелей XVI вѣка по своей идейности. Литературная его дѣятельность [2]), если исключить изъ нея два посланія къ царю Ивану IV, писанныя въ 1551 - 1552 годахъ, относится ко времени пребыванія Артемія въ Литвѣ; она облечена въ форму посланій къ разнымъ лицамъ (Симону Будному, Ивану Зарѣцкому, Евстафію Воловичу, къ «брату отступившему» и др.) и посвящена разъясненію вопросовъ православнаго вѣроученія и обрядности въ условіяхъ церковно-религіозной жизни и просвѣщенія въ Западной Руси XVI вѣка. Это была та самая атмосфера и то религіозное настроеніе, въ которомъ одновременно съ Артеміемъ дѣйствовалъ и князь А. М. Курбскій. Послѣдній былъ глубокимъ почитателемъ старца Артемія, и въ упомянутомъ письмѣ къ ученику его Марку Сарыгозину писалъ объ одной своей бесѣдѣ «о книжныхъ дѣлехъ» съ «преподобнымъ исповѣдникомъ Артеміемъ»: она касалась перевода сочиненій Василія Великаго на славянскій языкъ, причемъ Артемій, просившій Курбскаго отыскать подходящее для такого дѣла лицо, съ увлеченіемъ говорилъ: «азъ съ потщаніемъ во старости моей, аще бо и пѣшему случило ми ся, препоясався, пойду съ Луцка тамъ, гдѣ ми кажешь, и буду пособляти въ переводѣ, склоняючи на словенскій» [3]). Будучи въ пору исканій религіозно-нравственнаго идеала сначала раціоналистомъ, потомъ мистикомъ въ духѣ Нила Сорскаго, Артемій въ пору своей жизни на Литвѣ удержалъ отъ этихъ увлеченій прошлаго лишь гуманистическій характеръ «заволжскихъ» воззрѣній, широкую терпимость и духъ свободы въ обсужденіи вопросовъ вѣры: поэтому, оставаясь въ своихъ произведеніяхъ на почвѣ защиты православія не только въ

---

[1]) Вилинскій, назв. соч., стр. 121.

[2]) Соображенія о ея подлинности относительно Артемія см. въ назв. соч. С. Г. Вилинскаго, стр. 282—296.

[3]) Сказанія князя Курбскаго. Ч. II. 1833, стр. 163—164.

догматахъ, но и въ церковныхъ обрядахъ, онъ вездѣ держится примирительнаго тона по отношенію къ своимъ противникамъ, пишетъ не столько обличенія—какъ это мы видимъ у большинства церковныхъ полемистовъ его эпохи—сколько увѣщанія и разъясненія; бытовыхъ данныхъ онъ касается очень мало. Въ теоретическихъ вопросахъ вѣры Артемій былъ самоучкой, и единственнымъ источникомъ его свѣдѣній является его начитанность въ греческихъ писаніяхъ отцовъ церкви, какъ Василій Великій, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Златоустъ, Діонисій Ареопагитъ, Іоаннъ Дамаскинъ и друг.; изъ русскихъ авторовъ онъ всего болѣе опирается на Нила Сорскаго. Такимъ образомъ, подобно другимъ дѣятелямъ «заволжской» школы, Артемій представляетъ намъ сочетаніе старыхъ элементовъ византійскаго преданія и книжности съ однимъ изъ новыхъ теченій русской жизни; особенности его личнаго характера внесли въ его произведенія ту мягкость, которой не было, напр., у его единомышленниковъ по многимъ вопросамъ, Вассіана Патрикѣева и Максима Грека. Изложеніе содержанія посланій Артемія (касающихся вопросовъ о священномъ преданіи и священномъ писаніи, о троичности и оправданіи вѣрою, о почитаніи креста и иконъ, о постѣ, иночествѣ и другихъ видахъ христіанскаго благочестія) не представляется здѣсь необходимостью [1]), такъ какъ главный интересъ ихъ въ этомъ отношеніи входитъ скорѣе въ область исторіи русской церкви, нежели исторіи литературы.

5.

Митрополитъ Даніилъ и его посланія.

Выше (стр. 150—152. 167—169) было указано на то участіе, которое принималъ митрополитъ Даніилъ въ борьбѣ съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ и Максимомъ Грекомъ. Онъ дѣйствовалъ въ качествѣ сторонника и даже руководителя партіи «іосифлянъ», пользуясь въ то же время сочувствіемъ и расположеніемъ великаго князя Василія Ивановича. По смерти послѣдняго (1533) и особенно послѣ смерти правительницы Елены (1538) положеніе Даніила сдѣлалось труднѣе, и въ послѣдовавшей затѣмъ борьбѣ боярскихъ партій онъ принужденъ былъ поступиться и своими воззрѣніями, и своимъ авторитетомъ; приставъ къ партіи Ивана Бѣльскаго, онъ вооружилъ противъ себя Шуйскихъ, и когда послѣдніе восторжествовали, то съ арены борьбы долженъ былъ сойти и Даніилъ: дѣйствительно, 2 февраля 1539 года Даніилъ былъ «сведенъ» съ митрополіи и сосланъ въ тотъ самый Волоколамскій монастырь, который раньше, по его назначенію, не разъ служилъ мѣстомъ заточенія его политическимъ противникамъ; тамъ онъ и оставался до самаго конца своей жизни 22 мая 1547 года. Будучи человѣкомъ книжнымъ, онъ оставилъ послѣ себя цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, написанныхъ въ формѣ «словъ» и «посланій». Дошедшія до насъ 16 «словъ» Даніила составляютъ въ совокупности его «Соборникъ»; они касаются главнымъ образомъ вопросовъ вѣроученія и религіоз-

[1]) См. объ этомъ у г. Вилинскаго, стр. 155—281.

ной морали. Затѣмъ, ему принадлежатъ 14 написанныхъ на подобныя же темы («о наказаніи», «о цѣломудріи и чистотѣ», «о духовномъ вниманіи и трезвеніи и бреженіи» и т. п.) «посланій», также объединенныхъ въ особый сборникъ. Кромѣ того, Даніиломъ написаны еще четыре посланія: «о смиреніи, о съединеніи, и о согласіи и о любви», къ старцу Діонисію Звенигородскому, къ князю Юрію Дмитровскому и къ неизвѣстному лицу. Этимъ не исчерпываются книжные труды Даніила[1]), но они не могутъ занимать въ настоящемъ обозрѣніи сколько-нибудь значительнаго мѣста, имѣя лишь біографическое или узко-церковное значеніе. Даніилъ былъ по преимуществу церковный моралистъ и мало давалъ мѣста въ своихъ сочиненіяхъ живой дѣйствительности: даже «іосифлянскія» его симпатіи и идеалы нашли сравнительно весьма блѣдное отраженіе въ его литературной дѣятельности. Но, съ другой стороны, этотъ именно характеръ церковности, въ связи съ общей литературной манерой Даніила и его близостью къ старой византійско-русской письменности, обезпечилъ сочиненіямъ Даніила значеніе, въ глазахъ многихъ книжныхъ людей XVI и даже XVII вѣка, своего рода «церковной энциклопедіи», изъ которой можно было черпать богатый матеріалъ для сужденій по разнымъ церковно-богословскимъ и нравственно-религіознымъ вопросамъ; «исконный» характеръ этихъ сочиненій и вѣрность ихъ основнымъ преданіямъ церковной старины пріобрѣли имъ симпатіи въ средѣ раскольниковъ, такъ что еще въ началѣ XVIII в. авторы извѣстныхъ «Поморскихъ отвѣтовъ» ссылались на сочиненія митрополита Даніила, какъ на авторитетъ неоспоримаго значенія[2]).

6.

Князь А. М. Курбскій.—Его жизнь.—Общія условія его литературной дѣятельности.— Посланія къ Ивану многоученому и Вассіану Муромцеву, къ разнымъ лицамъ въ Литвѣ.— Переписка съ Іоанномъ Грознымъ; ея литературный и историческій интересъ.—Переводы Курбскаго.

Въ ряду литературныхъ дѣятелей на Руси въ XVI вѣкѣ мы должны остановиться еще на двухъ лицахъ—князѣ А. М. Курбскомъ и И. С. Пересвѣтовѣ, объединяемыхъ между собою, въ отличіе отъ ранѣе разсмотрѣнныхъ писателей, своимъ недуховнымъ происхожденіемъ и интересомъ къ нѣкоторымъ политическимъ вопросамъ эпохи, но въ остальномъ совершенно противоположныхъ другъ другу, начиная съ воспитанія и общественнаго положенія и кончая основными чертами міровоззрѣнія и общественно-политическихъ идеаловъ.

Князь Андрей Михайловичъ Курбскій принадлежалъ къ родовитому русскому боярству и считалъ себя потомкомъ Владиміра Мономаха. Въ XV вѣкѣ Курбскіе являются на службу къ московскому государю, и въ 1500 году дѣдъ нашего писателя былъ первымъ казанскимъ воеводой. На-

[1]) Жмакинъ. В. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія, стр. 274—281.

[2]) Тамъ же, стр. 756. 759—761.

званіе Курбскихъ связано съ именемъ села Курбы, въ нынѣшней Ярославской губерніи и уѣздѣ, и сами Курбскіе носили титулъ князей Ярославскихъ, получивъ эту вотчину по женской линіи еще въ очень давнее время. Князь А. М. родился въ 1528 году и, по примѣру своихъ предковъ, рано успѣлъ отличиться воинскими успѣхами: на 21 году онъ сопровождалъ Іоанна IV въ походѣ на Казань, а въ слѣдующемъ затѣмъ 1550 году назначенъ былъ воеводой въ Пронскъ, гдѣ ожидалось нападеніе крымскихъ татаръ. Въ 1552 году мы уже видимъ его участникомъ окончательнаго похода подъ Казань, гдѣ онъ обнаружилъ выдающуюся личную храбрость и высокія качества военачальника. Во время тревожныхъ дворцовыхъ событій въ мартѣ 1553 года, когда царь былъ тяжко боленъ и въ окружившей его боярской и придворной средѣ образовалось два противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу теченія, Курбскій велъ себя, повидимому, очень осторожно и удержалъ расположеніе царя, пріобрѣтенное имъ до болѣзни: въ 1553—1554 годахъ онъ принимаетъ участіе въ умиротвореніи Казанской области, а въ 1558 году, въ качествѣ виднаго военачальника, отправляется въ Ливонскій походъ; здѣсь былъ возложенъ на него цѣлый рядъ важныхъ порученій—вплоть до главнаго начальства надъ всѣми московскими войсками въ 1560 году. Но въ маѣ 1564 года мы видимъ его бѣжавшимъ изъ Дерпта въ Вольмаръ, подъ начальство и въ распоряженіе польскаго короля Сигизмунда-Августа, въ сопровожденіи 12 «боярскихъ дѣтей»; схваченный при побѣгѣ слуга Курбскаго, Василій Шибановъ, былъ казненъ въ Москвѣ. Причиной этого столь рѣшительнаго и опаснаго шага со стороны Курбскаго нужно считать, вѣроятно, опасеніе сдѣлаться жертвой царя Іоанна, возникшее не на почвѣ служебныхъ обязанностей Курбскаго (служилъ онъ вѣрно и пользовался въ трудной Ливонской войнѣ сравнительной удачей: «никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чюжимъ обратихъ», писалъ онъ царю въ своемъ письмѣ: Сказанія кн. Курбскаго, подъ ред. Н. Устрялова, 3 изд., стр. 133), а, надо думать, въ силу усвоенныхъ имъ общихъ политическихъ воззрѣній, неблагопріятныхъ идеѣ царскаго единодержавія въ томъ видѣ, въ какомъ она нашла себѣ выраженіе въ Грозномъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XVI вѣка, и его извѣстнаго царю сочувствія партіи Адашева и Сильвестра. Въ Литвѣ Курбскій былъ принятъ съ почетомъ и надѣленъ однимъ изъ самыхъ большихъ королевскихъ имѣній—Ковельскимъ. Дальнѣйшая жизнь Курбскаго протекла на чужбинѣ—въ военныхъ услугахъ польскому королю, въ спорахъ съ магнатами, въ хозяйственныхъ и семейныхъ заботахъ, а затѣмъ въ работахъ на пользу русскаго просвѣщенія и литературы и на защиту православія отъ иновѣрцевъ. Скончался А. М. Курбскій въ Ковлѣ, въ маѣ 1583 года.

Литературная дѣятельность кн. А. М. Курбскаго протекла главнымъ образомъ, если не исключительно, въ періодъ его литовской жизни, но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что интересъ къ литературному труду, широкое умственное развитіе и извѣстное образованіе вынесены были имъ съ родины; надо думать, что среди тревогъ своей военной и административной дѣятельности онъ находилъ время и охоту для книжныхъ занятій, и выдающуюся роль въ этомъ отношеніи для Курбскаго долженъ былъ сыграть

Максимъ Грекъ, хотя личныя ихъ отношенія, вслѣдствіе подвижной жизни Курбскаго и главнаго его пребыванія не въ Москвѣ, а въ Ярославлѣ, не могли быть особенно продолжительны и непрерывны. О Максимѣ Курбскій не разъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, отдавая дань его мудрости, учености и высокимъ нравственнымъ качествамъ (напр., Сказанія, стр. 35), указываетъ на свои бесѣды съ нимъ и называетъ его своимъ «превозлюбленнымъ учителемъ». Есть предположеніе [1]), что это сближеніе Курбскаго съ Максимомъ могло имѣть мѣсто при посредствѣ семейства Тучковыхъ, изъ котораго происходила мать Курбскаго и къ которому принадлежалъ В. М. Тучковъ, находившійся, какъ упомянуто выше (стр. 171), въ дружескихъ отношеніяхъ къ Максиму Греку; это весьма возможно, но личность послѣдняго въ Москвѣ была настолько извѣстной, что сближеніе могло произойти и независимо отъ какихъ-либо родственныхъ связей и отношеній. Для насъ важно тутъ главнымъ образомъ то, что Курбскій усвоилъ отъ Максима его критическое воззрѣніе на окружающее и гармонировалъ съ цѣльностью его православныхъ воззрѣній, съ гуманистическими симпатіями въ области нравственно-религіозныхъ вопросовъ въ духѣ ученія «заволжскихъ старцевъ».

Главные литературные труды кн. Курбскаго относятся къ области гражданской и церковной исторіи Россіи: таковы «Исторія князя великаго московскаго» и «Исторія Флорентійскаго собора». Историко-литературный интересъ имѣютъ главнымъ образомъ посланія Курбскаго къ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и входящія въ его переписку съ Иваномъ Грознымъ, а также переводные труды.

Мы имѣемъ очень мало данныхъ для хронологическаго распредѣленія сочиненій Курбскаго и для пріуроченія ихъ къ опредѣленнымъ годамъ его жизни. Въ такомъ положеніи, напр., находится вопросъ о «посланіи» Курбскаго къ нѣкоему «Ивану многоученому» [2]). Кто этотъ Иванъ, мы также не знаемъ и не видимъ основаній усматривать въ немъ какого-то русина, принявшаго лютеранство, о которомъ говоритъ Курбскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Острожскому, какъ это допускаетъ издатель посланія [3]). Содержаніемъ посланія служитъ разъясненіе догматическаго вопроса о происхожденіи Св. Духа, причемъ возраженія автора направлены какъ противъ лютеранства, такъ и противъ католичества. Въ другомъ родѣ посланіе Курбскаго къ старцу Псково-Печерскаго монастыря Вассіану, очень цѣнное въ автобіографическомъ отношеніи [4]). Это тотъ самый Вассіанъ Муромцевъ, о которомъ Курбскій пишетъ въ своей «Исторіи»: «мужъ ученый и искусный и во священныхъ писаніяхъ послѣдователь», убитый Іоанномъ (Сказ., стр. 108). Интереснѣе въ литературномъ смыслѣ два посланія къ

---

[1]) Ясинскій. А. Сочиненія князя Курбскаго какъ историческій матеріалъ. Кіевъ, 1889, стр. 85—86.

[2]) Издано въ «Православномъ Собесѣдникѣ», 1863, II, стр. 343—348, 451—462.

[3]) Тамъ же, стр. 156.

[4]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 253—255.

нѣкоему «старцу» [1]), подъ которымъ, вѣроятно [2]), надо разумѣть того же Вассіана Муромцева. Два послѣднія посланія писаны, повидимому, одно вскорѣ послѣ другого, и если принять во вниманіе слова автора, въ концѣ второго посланія, о книгахъ «Скорины Полоцкаго», что онѣ «преведены не въ давнихъ лѣтахъ, аки лѣтъ 50 или мало къ симъ» (переводъ Скорины изданъ въ 1517—19 годахъ), то время написанія обоихъ посланій опредѣляется около 1570 года. Въ томъ и другомъ посланіи рѣчь идетъ главнымъ образомъ о книгахъ. Въ первомъ Курбскій благодаритъ за присылку ему книги «Райской» (т. е. подъ заглавіемъ «Рай»), а другую посланную ему книгу осуждаетъ: это—извѣстное апокрифическое «Никодимово Евангеліе» [3]), въ которомъ передаются вещи «отъ пророкъ умолчанна, отъ апостолъ не слышано, евангелистомъ супротивно, отъ учитель вселенскихъ во свидѣтельство не пріемлемо» (стр. 550—551). Въ концѣ авторъ проситъ «помолитися обо мнѣ окаянномъ, понеже паки напасти и бѣды отъ Вавилона на насъ кипѣти многи начинаютъ» (стр. 553). Второе посланіе гораздо обширнѣе. Въ началѣ Курбскій благодаритъ за присылку книгъ «Герасимово житіе» и «Счетъ лѣтомъ», но потомъ опять возвращается къ Никодимову Евангелію, очевидно вызванный на то Вассіаномъ, который въ особой «памятцѣ», приложенной къ «писаньецу» Курбскому, защищалъ эту книгу, ссылаясь на авторитетъ Григорія Богослова. Въ отвѣтѣ своемъ Курбскій вооружается противъ тѣхъ «лжесловесниковъ», которые пишутъ противныя Евангелію «повѣсти» и выставляютъ на нихъ самовольно святыя имена, вродѣ Никодима, «да удобно ихъ писаніе пріимется простыми и ненаученными», и далѣе вообще обращается къ критикѣ современнаго положенія вещей въ Россіи. Пастыри церкви, на обязанности которыхъ лежитъ знать истину и разъяснять недоумѣнія, «оставя твердыя и священныя словеса, бабскими баснями и растлѣнными словесы услаждаются», а «апостольская и пророческая словеса и святыхъ преподобныхъ великихъ учителей точію кожами красными и златомъ со драгоцѣннымъ каменіемъ и бисеры украсивъ и въ казнахъ за твердыми заклепы положи и тщеславующеся ими и цѣны слагающе толики и толики сказуютъ приходящимъ»; если же и случится кому прочесть эти книги, то «мы смѣющеся межю себя, а не глаголю ругающеся, глаголемъ: Ефремовы, рече, словеса подобны горестію хрѣну обрѣтаются» (стр. 558—559). «Державные призванны есть и на власть Бога поставленны, да судомъ праведнымъ подвластныхъ разсудятъ и въ кротости, и въ милости державу управятъ, и грѣхъ ради нашихъ, вмѣсто кротости, свирѣпѣе звѣрей кровоядцевъ обрѣтаются... О нераздѣленіи же державы и кривинѣ суда и о несытствѣ, грабленіи чюжихъ имѣній не изрещи риторскими языки сеядненшія бѣды возможно» (стр. 564). О священникахъ авторъ

---

[1]) Изданы въ «Православномъ Собесѣдникѣ», 1863, II, стр. 550—571. Ср. Строевъ; П. Рукописи И. Н. Царскаго, стр. 577: №461, л. 309 об.

[2]) М. П-скій. Князь А. М. Курбскій. Историко-библіографическія замѣтки по поводу послѣдняго изданія его «Сказаній». Казань 1873, стр. 38.

[3]) Напечатано у Порфирьева: Апокрифическія сказанія о новоз. лицахъ и событіяхъ, стр. 164—190.

говоритъ, что они «начало и образъ всякому законопреступленію собою полагаютъ; не глаголютъ предъ цари, не стыдяся о свидѣніи Господни, по наче потаковники бываютъ; не вдовицъ и сиротъ заступаютъ, ни напаствованныхъ и бѣдныхъ избавляютъ, ни плѣнниковъ отъ плѣненія искупуютъ, но села себѣ устрояютъ, и великія храмы поставляютъ, и богатствы многими кипятъ и корыстьми, яко благочестіемъ, украшаются» (стр. 564). А иноки? «(Дьяволъ увѣщеваетъ ихъ) забывъ обѣты своя многими богатествы подавлятися и безмѣрныхъ имѣній и многихъ селъ властелемъ быти, и отъ тѣхъ себѣ великіе богатства собирати и въ твердыхъ хранилищахъ ихъ затворяти... Многіе же мятежи и крови, отъ тѣхъ имѣній бываемая, и межюусобныя брани и клятвамъ преступленіе хто можетъ изглаголати? Росты же и мшелоимства іюдейскіе и презрѣніе убогихъ братей, гладомъ и мразомъ и нуждами всяческими мучащихся, кто можетъ сказати? И иная же злая и неисповѣдимая дѣла, ихже и писанію предати невозможно: совѣсть ихъ да вѣдаетъ» (стр. 566). Мрачными красками охарактеризовано далѣе положеніе «воинскаго» и «купецкаго чина»: «бѣдно видѣніе и умиленъ позоръ!» восклицаетъ авторъ (стр. 567). А между тѣмъ ему дорога русская земля и простой народъ, вѣрный своей православной вѣрѣ: «вся земля наша русская отъ края и до края, яко пшеница чистая, вѣрою Божіей обрѣтается; храмы Божіи на лицѣ ея подобни частостію звѣздъ небесныхъ водруженны; множество монастырей создани, имже числа не вѣмь хто вѣсть...» (стр. 562—563). Такова эта замѣчательная филиппика публициста XVI в., выраженная въ частномъ «посланіи».

Въ особую группу могутъ быть выдѣлены письма Курбскаго къ разнымъ лицамъ въ Литвѣ: князю К. К. Острожскому, Марку Сарыгозину, Козьмѣ Мамоничу, Ѳедору Бокею, княгинѣ Чарторижской и др. [1]). Главнымъ содержаніемъ этихъ писемъ являются вопросы вѣры, просвѣщенія и книжности; многія изъ нихъ составляютъ отвѣты на полученныя Курбскимъ письма и запросы. Въ этихъ письмахъ Курбскій является прежде всего вѣрующимъ православнымъ человѣкомъ, не только крѣпко стоящимъ на почвѣ греко-восточной церковной догматики, но и готовымъ вступить въ споръ по каждому такому вопросу съ иновѣрцемъ; конечно, главнымъ образомъ онъ имѣетъ въ виду католиковъ и лютеранъ, обличая ихъ неправомысліе и хитрую пропаганду; затѣмъ, очень много говорится въ письмахъ о книгахъ, получаемыхъ Курбскимъ или разсылаемыхъ имъ своимъ корреспондентамъ—опять съ той же цѣлью религіознаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви; немало отведено мѣста въ письмахъ указаніямъ на необходимость переводовъ выдающихся сочиненій греческихъ церковныхъ учителей, чтобы дать православнымъ въ руки вѣрное и неотразимое орудіе въ борьбѣ съ иновѣрцами и еретиками; къ одному изъ писемъ прилагается даже отрывокъ, въ видѣ цитаты (изъ Діонисія Ареопагита), для доказательства выраженной въ письмѣ мысли. Въ нѣкоторыхъ письмахъ, наконецъ, Курбскій сообщаетъ цѣнныя въ біографическомъ отношеніи данныя о себѣ и о своей дѣятельности на пользу книжнаго просвѣщенія.

[1]) Сказанія князя Курбскаго, стр. 221—252. 255—258.

Отдѣльно должны быть поставлены письма Курбскаго къ Ивану Грозному, входящія въ составъ этой знаменитой и въ своемъ родѣ единственной по содержанію и по положенію корреспондентовъ переписки. У Устрялова [1]) отмѣчено изъ шести писемъ, составляющихъ переписку, четыре отдѣльныхъ письма, принадлежащихъ Курбскому: первое, открывающее переписку, 1563 года изъ Вольмара (на которое послѣдовала обширная отповѣдь царя Ивана отъ 1564 года); затѣмъ—второе письмо Курбскаго, писанное, вѣроятно, вскорѣ послѣ полученія отвѣта Грознаго, что видно изъ позднѣйшихъ словъ самого Курбскаго («азъ давно уже на широковѣщательный листъ твой отписахъ ти, да не возмогохъ послати непохвальнаго ради обыкновенія земель тѣхъ, иже затворилъ еси царство русское»: Сказанія, стр. 204) Это—первая половина переписки, которая возобновляется, уже по почину царя, въ 1578 году изъ Вольмара; въ отвѣтъ на царскую «грамоту» Курбскій пишетъ третье свое письмо царю, въ сентябрѣ 1579 года изъ Полоцка, за которымъ слѣдуетъ т. наз. четвертое письмо Курбскаго, помѣченное тѣмъ же годомъ и мѣсяцемъ, но въ сущности составляющее продолженіе предшествующаго, своего рода post scriptum, какъ уже на это не разъ было указано [2]). Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ этой перепискѣ со стороны Курбскаго три письма и со стороны Грознаго два.

Въ своихъ письмахъ къ царю Курбскій является обвинителемъ Грознаго, сосредоточивая эти обвиненія главнымъ образомъ на отношеніяхъ царя къ служилому боярству: доблестныхъ и вѣрныхъ слугъ, вродѣ Курбскаго, онъ преслѣдуетъ жестокими средствами до смертной казни включительно, а своекорыстнымъ и случайнымъ любимцамъ потакаетъ; отъ этого царство терпитъ внутри и извнѣ: съ одной стороны—бѣдствія народа, пожары и голодъ, а съ другой—позорныя военныя неудачи. Рядомъ съ этимъ, много мѣста удѣляетъ Курбскій объясненіямъ и по своему личному дѣлу: онъ съ негодованіемъ отклоняетъ обвиненіе въ измѣнѣ, въ придворныхъ интригахъ и, напротивъ, выставляетъ свои заслуги передъ царемъ и отечествомъ, которыя не только не были оцѣнены, но поставили его въ необходимость покинуть Россію. Во второй половинѣ своего послѣдняго письма Курбскій, оставляя въ сторонѣ самого себя, становится на болѣе общую точку зрѣнія; властнымъ тономъ независимаго обличителя говоритъ онъ о бѣдствіяхъ Россіи и рисуетъ печальную картину разложенія, безнравственности и варварства, объясняя это смѣной прежняго благотворнаго вліянія Сильвестра на царя теперешнимъ угодничествомъ царю разныхъ шутовъ, тунеядцевъ и развратниковъ. Письма царя являются своего рода исповѣдью и объясненіемъ, но съ другой стороны—и суровымъ, безпощаднымъ обвиненіемъ Курбскаго въ измѣнѣ. Царь входитъ въ большія подробности, говоря о своей несчастной юности, о боярскихъ интригахъ, подробно разсказываетъ исторію своихъ отношеній къ Сильвестру и Адашеву; онъ негодуетъ на вое-

---

[1]) Сказанія князя Курбскаго, стр. 131—217.

[2]) Строевъ. П. Рукописи И. Н. Царскаго, стр. 191, № 224, л. 140; М. П-скій, назв. соч., прим. на стр. 11.

водъ, и въ томъ числѣ на Курбскаго, за ихъ лѣность, нерадѣніе и желаніе постоянно играть видную роль въ ущербъ царской законной власти и праву. Царь съ гордостью указываетъ Курбскому, во второмъ письмѣ, на свои побѣды, усматривая въ нихъ Божію помощь своему правому дѣлу. Оба корреспондента стоятъ на совершенно противоположныхъ точкахъ зрѣнія, какъ принципіально, такъ и по личнымъ отношеніямъ; письма съ той и другой стороны имѣютъ характеръ открытой, рѣзкой, по мѣстамъ желчной полемики, съ преобладаніемъ у царя горячаго, страстнаго темперамента, надъ которымъ смѣется Курбскій, выставляя свое образованіе и сдержанность. Отправляясь отъ личнаго дѣла, оба автора переходятъ къ общимъ положеніямъ, выставляя каждый свой идеалъ поведенія и гражданскихъ обязанностей. Съ внѣшней стороны, письма царя гораздо обширнѣе: его два письма превосходятъ своимъ объемомъ болѣе чѣмъ вдвое три письма Курбскаго. Это является результатомъ не только того, что царь считалъ нужнымъ высказать больше, чѣмъ Курбскій, но отчасти и своеобразныхъ литературныхъ пріемовъ перваго, обширныхъ цитатъ и вообще хаотичности изложенія, на что насмѣшливо указываетъ Курбскій, считая этотъ слогъ «варварскимъ» и напоминая, что не хорошо такъ писать «въ чужую землю, идѣже нѣкоторые человѣцы обрѣтаются не токмо въ граматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные» (Сказ., стр. 191). Историческое значеніе переписки Курбскаго и Грознаго очень велико, но здѣсь нѣтъ необходимости входить въ оцѣнку этого значенія, равно какъ нѣтъ нужды въ разрѣшеніи вопроса и о томъ, кто изъ этихъ двухъ антагонистовъ заслуживаетъ большаго сочувствія, на чьей сторонѣ правда. По этому послѣднему вопросу существуютъ очень давнія разногласія: Карамзинъ, напр., всецѣло сталъ на сторону Курбскаго, а Арцыбашевъ оправдываетъ Ивана IV. Въ позднѣйшее время этотъ вопросъ породилъ цѣлыя спеціальныя сочиненія, написанныя противъ Курбскаго или въ его защиту: таковъ, съ одной стороны, трудъ С. Горскаго (Жизнь и историческое значеніе князя А. М. Курбскаго. Казань, 1858), а съ другой — З. Оппокова (Князь А. М. Курбскій. Кіевск. Унив. Извѣстія 1872, №№ 6—8). Такой интересъ къ этой сторонѣ вопроса уже самъ по себѣ является вѣскимъ доказательствомъ ея выдающейся важности, независимо отъ того, имѣла ли эта переписка при самомъ своемъ происхожденіи характеръ государственности или носила лишь исключительно личный характеръ [1]). Здѣсь должно отмѣтить лишь, что въ данной перепискѣ рядомъ съ Курбскимъ выдѣляется и другая, выдающаяся и яркая, литературная индивидуальность, въ лицѣ Ивана IV, которому принадлежитъ также рядъ другихъ писаній, тщательно обслѣдованныхъ покойнымъ И. Н. Ждановымъ [2]).

---

[1]) Ср. объ этомъ у М. П-скаго, назв. соч., стр. 6—24.

[2]) Сочиненія царя Ивана Васильевича: Сочиненія И. Н. Жданова. Т. I. Спб. 1904, стр. 81—170. Въ послѣднее время появилось начало обширной работы Г. З. Кунцевича надъ сочиненіями Курбскаго: Сочиненія князя Курбскаго. Томъ первый. Сочиненія оригинальныя (Русская Историческая Библіотека, издав. Импер. Археографическою Комиссіею. Т. 31). Спб. 1914.

Очень много трудовъ положилъ Курбскій на переводы, но результаты этой дѣятельности имѣли отрывочный характеръ и потому не получили въ свое время того значенія, на которое разсчитывалъ переводчикъ. Къ переводческой дѣятельности Курбскій подготовленъ былъ очень мало: онъ совсѣмъ не зналъ по-гречески и за латинскій языкъ взялся уже очень поздно. Переводческая дѣятельность Курбскаго исключительно относится къ литовскому періоду его жизни, но интересъ къ этому дѣлу возникъ у него раньше и, надо думать, главнѣйшимъ образомъ подъ вліяніемъ Максима Грека. Самъ Курбскій, въ предисловіи къ «Новому Маргариту», вспоминаетъ одну свою бесѣду съ Максимомъ. Курбскій спрашивалъ его, переведены ли книги великихъ восточныхъ отцовъ греческой церкви на славянскій языкъ—если не у русскихъ, то по крайней мѣрѣ у другихъ славянскихъ народовъ; Максимъ отвѣтилъ, что не переведены, но что когда Константинополь былъ взятъ Турками, то царь отпустилъ царицу на корабляхъ съ казной и съ книгами въ Венецію, гдѣ итальянцы съ жадностью набросились на книжныя сокровища и стали переводить ихъ на латинскій языкъ. Тяжело было Курбскому услышать такой разсказъ и примириться съ мыслью, что «нашихъ (т. е. греческихъ) учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ духовнымъ таемъ на свои зряще». И вотъ онъ рѣшается, уже живя въ Литвѣ и будучи въ лѣтахъ, засѣсть за изученіе латинскаго языка, чтобы приняться за переводы этихъ книгъ съ латинскаго на славянскій. Когда онъ пріобрѣлъ достаточную подготовку, то пригласилъ къ себѣ въ руководители и товарищи нѣкоего «юношу, именемъ Амброжія, отъ родителей христіанскихъ рожденна, зѣло въ писаніяхъ искусна суща и верхъ философіи внѣшнія достигша» [1]). Другую подобную же бесѣду «о книжныхъ дѣлехъ» велъ Курбскій со старцемъ Артеміемъ, о чемъ сообщаетъ въ письмѣ къ ученику этого послѣдняго, Марку Сарыгозину; здѣсь онъ также разсказываетъ о своемъ рѣшеніи «уже въ сѣдинахъ» учиться латинскому языку и о томъ, что, кромѣ Амброжія, былъ у него и одинъ русскій сотрудникъ—князь Михаилъ Оболенскій, котораго онъ «умолилъ», чтобы тотъ, «въ младомъ еще будучи вѣцѣ, навыкъ вышнихъ наукъ въ языцѣ римскомъ», и тотъ дѣйствительно, «оставя домъ, жену и дѣтки», поѣхалъ въ Краковъ и въ Италію и вернулся «въ прадтеческомъ благочестіи цѣлъ, яко корабль преполонъ дражайшихъ корыстей» (Сказ., стр. 224—225).

Хронологія переводныхъ трудовъ Курбскаго не установлена; кромѣ того, многое изъ переводческой дѣятельности его до сихъ поръ еще находится въ рукописяхъ и мало изучено. Поэтому, касательно данной стороны литературныхъ трудовъ нашего автора приходится ограничиться лишь отрывочными замѣчаніями.

На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены работы Курбскаго надъ сочиненіями Іоанна Златоуста. Было уже указано на составленіе имъ сборника изъ сочиненій этого учителя церкви, подъ именемъ «Новаго Маргарита», названнаго такъ въ отличіе отъ существовавшаго въ старой русской письмен-

---

[1]) Иванишевъ, Н. Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Т. II. Кіевъ 1849, стр. 310—311.

ности однороднаго сборника подъ названіемъ «Маргаритъ» (напр., рук. Рум. Музея, пис. въ 1530 году, № 195). Содержаніе составленнаго Курбскимъ сборника весьма разнообразно: тутъ имѣются толкованія Іоанна Златоуста на Евангелія отъ Матоея и Іоанна, толкованія его на апостольскія посланія, епистоліи Іоанна къ разныхъ лицамъ, бесѣды на церковные праздники и по разнымъ общимъ вопросамъ и т. п. Въ выборѣ матеріала для перевода изъ обширнаго круга литературныхъ произведеній великаго учителя церкви Курбскому помогалъ упомянутый «юноша Амброжій», но самый переводъ, повидимому, сдѣланъ былъ Курбскимъ самимъ. Занятіе этимъ было трудно Курбскому и по существу дѣла, и по его новизнѣ для переводчика; особенно стѣсняли его, по его собственному признанію, разныя грамматическія затрудненія. Главной заботой переводчика было «не растлѣть разума», т. е. не извратить смысла подлинника; въ несовершенствѣ же своего переводнаго стиля онъ охотно признается, прося болѣе искусныхъ исправить его. Въ особой, присоединенной къ упомянутому «предисловію», главѣ «о знакахъ книжныхъ» переводчикъ подробно объясняетъ употребленные имъ въ своей книгѣ знаки препинанія (Иванишевъ, назв. соч., II, стр. 314—315). Языкъ перевода западно-русскій, въ общемъ тотъ самый, какимъ написаны и посланія Курбскаго къ разнымъ лицамъ. Курбскій, желая прійти на помощь читателямъ своего сборника, снабдилъ отдѣльныя мѣста своего перевода интересными примѣчаніями филологическаго и реальнаго характера [1]). Въ предисловіи къ «Новому Маргариту», изобилующемъ любопытными указаніями историческаго и автобіографическаго характера (Иванишевъ, назв соч., II, стр. 306), есть, кромѣ того, и сообщеніе его о томъ, что Курбскій имѣлъ въ виду перевести цѣликомъ толкованія Златоуста на Павловы посланія и искалъ для содѣйствія этому дѣлу опытныхъ людей, но не могъ найти: «мниси отрекошася, уничижающеся непохвальне, не глаголю лицемѣрне або лѣностне, отъ того достохвальнаго дѣла; мірскіе не восхотѣша, объяты будучи суетными міра сего и подавляюще сѣмя благовѣрія терніемъ и осотомъ» (Иванишевъ, назв. соч., II, стр. 311). Объ этомъ же намѣреніи относительно Златоустовыхъ толкованій на посланія ап. Павла говоритъ Курбскій и въ одномъ посланіи къ Марку Сарыгозину (Сказанія, стр. 225), и результатомъ его явился переводъ 9-й бесѣды Іоанна Златоуста, какъ это видно изъ посланія Курбскаго къ Семену Сѣдларю въ 1580 году (Сказанія, стр. 251. 365). Кромѣ того, въ письмѣ къ князю К. К. Острожскому Курбскій сообщаетъ о посылкѣ ему своего перевода «Бесѣды о вѣрѣ и любви и о надеждѣ, еже толковалъ Хризостомъ апостоломъ Павломъ глаголемыя словеса» (Сказанія, стр. 222). «Новый Маргаритъ» Курбскаго до сихъ поръ не напечатанъ [2]). Наконецъ, б. м., слѣдомъ

---

[1]) Примѣры см. у А. С. Архангельскаго: Къ изученію древне-русской письменности. Спб. 1888, стр. 73—75. 77—80.

[2]) Рукописные его списки: одинъ въ Вольфенбюттельской библіотекѣ (въ герц. Брауншвейгскомъ), другой въ Рум. Музеѣ, изъ собранія В. М. Ундольскаго № 187. Описаніе послѣдней рукописи и извлеченія изъ нея см. у А. С. Архангельскаго: Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1888, I, прил. стр. 1—87.

интереса Курбскаго къ Іоанну Златоусту является и сдѣланный имъ переводъ части Бесѣдъ этого учителя церкви на Евангеліе отъ Іоанна (именно бесѣды съ половины 22 до половины 23, затѣмъ 44—47), хотя достовѣрность совершенія этого труда Курбскимъ еще оспаривается: во всякомъ случаѣ, въ дальнѣйшемъ онъ подвергся важнымъ редакціоннымъ измѣненіямъ; остальная часть была переведена Максимомъ Грекомъ, и, какъ уже упомянуто (прим. на стр. 159), переводъ этотъ былъ напечатанъ въ 1665 году [1]). Есть мнѣніе, приписывающее Курбскому же переводъ одного «Слова на Пятидесятницу о св. Духѣ», принадлежащаго Іоанну Златоусту [2]).

Немало вниманія удѣлено было Курбскимъ сочиненіямъ Іоанна Дамаскина. Въ рукописи Рум. Музея XVII в. № 193 находятся творенія этого отца церкви, догматическаго и иного содержанія. Весьма вѣроятно, что переводъ этотъ сдѣланъ Курбскимъ: хотя онъ и не носитъ имени переводчика, но на него указываетъ характерный для Курбскаго языкъ перевода и объяснительныя примѣчанія. Напр., послѣ Іоанна Дамаскина о ересяхъ переводчикъ прибавляетъ: «У насъ ани ни десятыя части книгъ учителей нашихъ старыхъ не переведено лѣности ради и нерадѣнія властелей нашихъ, бо нынѣшняго вѣку мнящіеся учители грѣхъ ради нашихъ больше въ болгарскіе басни або паче въ бабскіе бредни] упражняются, прочитаютъ и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителей разумехъ наслаждаются». Затѣмъ, въ другомъ примѣчаніи, по поводу названія книгъ св. Писанія «апостольскими», переводчикъ говоритъ, что нѣкоторые не вѣрятъ этой подлинности, подозрѣвая подлогъ: «Сію бо ересь на Москвѣ слышахъ отъ нѣкоторыхъ кирилловскихъ мниховъ, понеже между нѣкоторыхъ мнихъ таковая секта крыется, яко и межи іосифлянскихъ мниховъ небытная ересь. Того бо ради люты, безчеловѣчны и лукави зѣло и властей и имѣній желатели, иже не надѣются за всѣ прегрѣшенія отвѣта дати на судѣ. Въ томъ то ихъ монастыри преподобномученикъ Вассіянъ вѣнецъ мученія пріялъ, иже былъ отъ поколѣнія великихъ княжатъ литовскихъ, и Максимъ философъ заключеніе темничное и оковы много лѣтъ претерпѣлъ отъ нихъ, и иные мнози святые и преподобные мужи отъ нихъ различне пострадали, бо готови суть со тщаніемъ по зависти правовѣрныхъ оклеветати» [3]). Въ другой рукописи Рум. Музея XVII в., № 376, находится любопытное предисловіе Курбскаго къ переводу книги Іоанна Дамаскина «Небеса». Тутъ, между прочимъ, авторъ повторяетъ свою старую мысль о недостаткѣ въ его время русскихъ переводовъ святоотеческихъ твореній, и далѣе прибавляетъ совершенно въ духѣ старца Артемія: «Бога ради не потакаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мнящимся быти учительми, паче же прелестникомъ, яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будучи въ оной русской земли подъ державой

---

[1]) См. рукопись Рум. Музея № 196 XVI вѣка: Описаніе, стр. 251; М. П-скій, назв. соч., стр. 32—33.

[2]) Горскій и Невоструевъ. Опис. рук. Синод. б-ки, II, 2, стр. 569.

[3]) Описаніе Рум. Музея, стр. 242—243. Ср. А. Поповъ. Описаніе рукописей библіотеки А. И. Хлудова, стр. 99—119; Архангельскій, А. Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв., прилож., стр. 88—154.

московскаго царя; глаголють бо они, прельщающи юношъ тщаливыхъ въ наукѣ, хотящихъ навыкати писанія, понеже во оной земли еще многіе обрѣтаются некущеся о своемъ спасеніи и съ прещеніемъ заповѣдывают имъ, глаголюще: «не читайте книгъ многихъ», и указують на тѣхъ, кто ума изступилъ: «и онъ сища во книгахъ заполся, и онъ сища во ересь впалъ». О бѣда! Отъ чего бѣси бѣгають и изчезают и чимъ еретици обличаются, а нѣкоторые исправляются, сіе они оружіе отъемлють и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарицають» [1]). Есть нѣкоторыя указанія на то, что работы Курбскаго надъ Іоанномъ Дамаскинымъ совершены были между 1575 и 1579 годами [2]).

Имѣются также указанія и на другія переводныя работы Курбскаго—изъ Григорія Богослова и Василія Великаго (въ письмѣ къ Марку Сарыгозину: Сказанія, стр. 225), Діонисія Ареопагита (письма къ кн. К. К. Острожскому и Козьмѣ Мамоньчу: Сказанія, стр. 223. 229); кромѣ того, есть предположенія о переводѣ имъ съ «еллино-римскаго» языка повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ [3]), «Діалога» патріарха Константинопольскаго Геннадія [4]), повѣсти Энея Сильвія о взятіи Царьграда [5]) и сочиненія Іоганна Спангенберга «Trivii erotemata» [6]).

7.

И. С. Пересвѣтовъ.—Вопросъ о его личности; факты его жизни, придворное и общественное положеніе.—Сочиненія Пересвѣтова; его политическіе идеалы.—Историческое значеніе П. и его связь съ современными ему теченіями русской мысли.

О жизни Ивана Семеновича Пересвѣтова, замѣчательнаго русскаго публициста времени Ивана Грознаго, мы знаемъ очень мало, и даже самый фактъ дѣйствительнаго существованія этого лица долгое время подвергался сомнѣнію; имя его считалось вымышленнымъ псевдонимомъ, а политическія сочиненія написанными какъ бы post factum и, т. е., лишенными реальнаго, историческаго значенія. Такъ думали, напр., Карамзинъ, первый обратившій вниманіе на Пересвѣтова, Соловьевъ [7]), отчасти А. Н. Пыпинъ. Однако въ настоящее время едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что «Иванко Пересвѣтовъ», какъ онъ называлъ себя въ обѣихъ челобитныхъ къ царю Ивану IV, дѣйствительно существовалъ и написалъ рядъ публи-

---

[1]) Описаніе Рум. Музея, стр. 557. Ср. М. П-с к і й, назв. соч., стр. 33—35.

[2]) Архангельскій, А. Очерки, стр. 109—124. Есть еще предположеніе о принадлежности Курбскому изъ І. Дамаскина перевода «Прѣнія христіанина съ Сарациномъ»: Горскій и Невоструевъ, Опис. рук. Синод. б-ки, II, 2, стр. 567.

[3]) Рукописи В. М. Ундольскаго, стр. 166.

[4]) Горскій и Невоструевъ, II, 2, стр. 567.

[5]) Соболевскій, А. И. Эней Сильвій и Курбскій, стр. 13—15.

[6]) Харламповичъ, К. Новая библіографическая находка. Переводная статья князя А. М. Курбскаго «Отъ другие діалектики Иоана Спанинъбергера, о силогизме вытолковано». Кіевъ 1900.

[7]) П. Добротворскій. Памятники русской и славянской письменности и литературы. Изв. и Уч. Записки Каз. У-та. 1865, I, стр. 30.

цистическихъ трудовъ, не оставшихся безъ вліянія на ходъ внѣшней и внутренней политики Ивана Грознаго [1]). Для опредѣленія происхожденія Пересвѣтова, мѣста и времени его рожденія нѣтъ данныхъ, хотя отрывочныя упоминанія о родѣ Пересвѣтовыхъ имѣются отъ XVII и даже отъ XVI вѣка [2]). Въ Россію явился онъ въ качествѣ выходца изъ Литвы, а до того служилъ у трехъ королей—венгерскаго, чешскаго и польскаго, былъ нѣкоторое время и въ Молдавіи; въ Москву прибылъ Пересвѣтовъ около 1538 года и порученъ былъ боярину Мих. Юрьев. Захарьину, который, однако, вскорѣ умеръ; Пересвѣтовъ предложилъ московскому правительству дѣлать щиты для войска, и такъ какъ представленная имъ модель понравилась, то онъ получилъ заказъ и былъ награжденъ помѣстьемъ. Когда началась его литературная дѣятельность, съ точностью установить невозможно; можно лишь полагать, что она имѣла мѣсто главнымъ образомъ во второй половинѣ 40-хъ годовъ XVI вѣка, а двѣ его челобитныя къ царю написаны въ 1548—49 годахъ [3]). Когда умеръ Пересвѣтовъ, мы также не знаемъ. Кромѣ двухъ челобитныхъ царю Ивану IV, Пересвѣтовъ написалъ еще нѣсколько литературныхъ произведеній: Сказаніе о царѣ Константинѣ, Сказаніе о Магметѣ-султанѣ, Предсказанія философовъ и докторовъ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ, «Сказаніе о царѣ турскомъ Магметѣ, какое хотѣ сожещи книги греческія» и передѣлку отрывка изъ повѣсти о Царьградѣ [4]). Всѣ эти сочиненія, не исключая и челобитныхъ (особенно первой), имѣютъ публицистическій характеръ и заключаютъ въ себѣ съ одной стороны осужденіе существующихъ въ Россіи порядковъ, а съ другой—указываютъ на средства къ ихъ исправленію.

Пересвѣтовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей при дворѣ Ивана Грознаго, которые обратили на себя вниманіе своими личными качествами, а не знатностью рода или протекціей; онъ, кромѣ того, былъ человѣкъ пріѣзжій, а «пріѣзжихъ людей не любятъ», какъ онъ самъ говоритъ во второй своей челобитной (Соч., стр. 80). Естественно, что онъ является врагомъ родовитаго боярства, и, пользуясь опытомъ своей прошлой жизни, книжной начитанностью и личными московскими наблюденіями, Пересвѣтовъ дѣлаетъ вопросъ объ отношеніяхъ царя и боярства однимъ изъ самыхъ главныхъ въ своихъ публицистическихъ сочиненіяхъ. Пересвѣтовъ сначала беретъ этотъ вопросъ въ его общей постановкѣ и замаскировываетъ свое обличеніе въ отвлеченную форму. Въ «Сказаніи о царѣ Константинѣ», подъ которымъ Пересвѣтовъ, допуская очевидные анахронизмы, явно разумѣетъ Ивана Грознаго, онъ говоритъ, что «вель-

---

[1]) Этому вопросу о подлинности личности Пересвѣтова и его сочиненій посвящена брошюра Ю. А. Яворскаго: Къ вопросу объ Ивашкѣ Пересвѣтовѣ, публицистѣ XVI вѣка. К. 1908.

[2]) Ржига, В. Ѳ. И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка. Съ приложеніемъ сборника его сочиненій. М. 1908, стр. 23—24.

[3]) Ржига, назв. соч., стр. 12—19.

[4]) Всѣ изданы г. Ржигой въ назв. соч., стр. 59—84; на стр. 3 указаны и прежнія изданія нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній.

можи его до возрасту царева царствомъ его обладали и измытарили и неправдами исцѣнили и своими неправедными суды, и особную брань въ царствѣ томъ учинили»; результатомъ влiянiя вельможъ на царя Константина было то, что «царство его искудѣло», а самъ онъ сталъ мыслить о смиренiи и о кротости, между тѣмъ какъ только тогда «царство ширѣетъ» и имя царя славно по всѣмъ землямъ», когда онъ «на царствѣ грозенъ и мудръ», а не «кротокъ и смиренъ»: не удивительно поэтому, что дѣло кончилось взятiемъ Царьграда турками (стр. 70—71). Въ другомъ сочиненiи (первой челобитной) авторъ переходитъ къ прямому обличенiю русскихъ вельможъ, облекая свое сужденiе въ форму совѣтовъ «Петра, волошскаго воеводы»: «вельможи русскаго царя сами богатѣютъ и лѣнивѣютъ, а царство его оскужаютъ, и тѣмъ они слуги ему называются, что цвѣтно и конно и людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру христiанскую не стоятъ и люто противъ недруга смертною игрою не играютъ, тѣмъ Богу лжутъ и государю», и далѣе приводитъ отвѣтъ нѣкоего «Васьки Мерцалова» на вопросъ волошскаго воеводы, есть ли въ московскомъ царствѣ правда: «вѣра, государь, христiанская добра, всѣмъ сполна, и красота церковная велика, а правды нѣтъ» (стр. 62—64). Авторъ дѣлаетъ тутъ уже вполнѣ конкретное сопоставленiе греческаго царства съ московскимъ и, совершенно въ духѣ теорiи старца Филоѳея (см. выше, стр. 106), устанавливаетъ необходимость преемственной связи погибшей Византiи съ процвѣтающей политически Москвой: въ виду этого, устами все того же «волошскаго воеводы», онъ выражаетъ опасенiе, чтобы, подобно греческому царю, и «русскаго царя благовѣрнаго и великаго князя» вельможи его «не уловили бы враждою отъ ереси своей и лукавствомъ своимъ, великаго богатства лѣнивствомъ своимъ, да не укротили бы его отъ воинства, боящися смерти, яко бы богатымъ и не умирати» (стр. 64—65). Если греческое царство является въ глазахъ Пересвѣтова поучительнымъ примѣромъ того, чего нужно избѣжать, то, напротивъ, турецкое царство, въ лицѣ Магмета-султана, рисуется передъ нимъ чертами, заслуживающими подражанiя, несмотря на религiозное «нечестiе» турокъ. Магметъ-султанъ, подъ которымъ разумѣется историческiй Магометъ II, завоеватель Царьграда, изображенъ у нашего писателя образцомъ правителя, который, какъ указано въ «Сказанiи о Магметѣ-султанѣ», и самъ по себѣ былъ «философъ мудрый по своимъ книгамъ по турецкимъ», но сдѣлался еще мудрѣе, прочитавши «книги греческiя» (стр. 71). Понявъ ошибки своего соперника, греческаго царя Константина, онъ ввелъ въ своемъ царствѣ существенныя преобразованiя по части администрацiи и главнымъ образомъ суда; онъ отмѣнилъ намѣстничества съ кормленiями и велѣлъ собирать со всего царства доходы въ общую казну, вельможамъ же назначилъ опредѣленное жалованье; установилъ строгiй и праведный судъ, устранилъ суровыми мѣрами возможность судей «искушаться» посулами; опредѣлилъ, въ интересахъ правосудiя, условiя «божьяго суда» и «поля» (стр. 72—73). Магметъ-султанъ обратилъ вниманiе также на рабство и отмѣнилъ его въ общегосударственныхъ интересахъ: «въ которомъ царствѣ люди порабощенны — полагалъ онъ — и въ томъ царствѣ люди не

храбры и къ бою противъ недруга несмѣлы, порабощенный бо человѣкъ срама не боится, а чести себѣ не добываетъ», а какъ далъ имъ волю, то эти самые люди «стали у царя храбры», «всякій сталъ противъ недруга стояти и полки недруговъ разрывати, смертною игрою играти и чести себѣ добывати» (стр. 75). Хорошее, сильное войско Пересвѣтовъ считалъ главной опорой государства, и на эту сторону дѣла настойчиво указывалъ царю Ивану IV: «воинниками царь силенъ и славенъ» (стр. 65); о воинахъ нужно постоянно заботиться, сердца имъ веселити и жалованья изъ казны своей государевы прибавляти»; онъ совѣтуетъ царю держать 20,000 «юнаковъ храбрыхъ со огненою стрѣльбою» противъ крымскаго хана: они будутъ лучше 100,000 обыкновеннаго войска (стр. 62—63). Онъ даетъ царю и другіе столь же конкретные совѣты: отправить на Казань сильное войско, «да велѣти ихъ (улусы казанскіе) жечи и людей сѣчи и плѣнити» (стр. 67—68), царскую столицу перенести въ Нижній-Новгородъ, а Москву оставить «великому княжеству» (стр. 78). Такимъ образомъ, изъ сочиненій Пересвѣтова вырисовывается довольно опредѣленный политическій идеалъ: сильная самодержавная власть, ограниченіе боярскаго вліянія на управленіе государствомъ, приближеніе къ себѣ на службу низшаго сословія вмѣстѣ съ дарованіемъ ему свободы, реформы въ финансахъ, администраціи и судѣ, организація войска, перенесеніе царской столицы на востокъ.

Общественно-политическія воззрѣнія Пересвѣтова имѣютъ большое историческое значеніе особенно потому, что они тѣсно связаны съ современностью. Время второй половины 40-хъ и начала 50-хъ годовъ XVI вѣка было отмѣчено особымъ подъемомъ нравственныхъ исканій и политической мысли въ Россіи. Вступившій на престолъ молодой царь былъ воодушевленъ искреннимъ желаніемъ произвести самыя широкія государственныя улучшенія, и настроеніе это не ограничилось одними пожеланіями; были приняты мѣры къ урегулированію системы «кормленій»; внесены исправленія въ организацію управленія и суда; сдѣланъ былъ пересмотръ Судебника Іоанна III; сдѣланы шаги къ устройству сословія «воиновъ». Всѣ эти вопросы, надо полагать, были предметомъ обсужденія на первомъ земскомъ соборѣ, созванномъ Иваномъ IV въ 1550 году; въ тѣсной связи съ этимъ была и дѣятельность царя на церковномъ соборѣ 1551 года [1]). Трудно, конечно, утверждать, безъ наличности положительныхъ данныхъ, о прямомъ вліяніи совѣтовъ Пересвѣтова на политическую программу Грознаго и ея осуществленіе, хотя хронологическія совпаденія и дѣлаютъ такую догадку весьма правдоподобной [2]). Осторожнѣе будетъ признать лишь то, что идеи Пересвѣтова, изложенныя имъ въ весьма талантливой и яркой формѣ, были вообще достояніемъ круга лицъ, имѣвшихъ на царя дѣйствительное вліяніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ основныхъ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ Пересвѣтовъ не былъ совершенно одинокимъ среди своихъ современниковъ: у него были какъ единомышлен-

---

[1]) Ржига, назв. соч., стр. 46—48.

[2]) Тамъ же, стр. 53.

ники, такъ и антагонисты. Весьма близокъ, напримѣръ, къ нашему публицисту Максимъ Грекъ своими обличеніями русскаго боярства, и даже указаніе Пересвѣтова на Турецкаго Магмета-султана, какъ на образецъ правителя, находитъ себѣ извѣстную параллель въ указаніи Максима на персидскаго царя Кира (Соч. II, стр. 354); обращеніе къ царю за «правдой» и «истиной» находимъ мы и въ такъ называемомъ Сильвестровскомъ посланіи къ царю Ивану Грозному [1]); совѣты объ устройствѣ воинской части высказываетъ неизвѣстный авторъ «Иного сказанія», составляющаго приложеніе къ «Бесѣдѣ валаамскихъ чудотворцевъ» (см. выше, стр. 176); наконецъ, въ вопросѣ о царскомъ единодержавіи согласно съ Пересвѣтовымъ высказывается и самъ царь въ своей перепискѣ съ Курбскимъ, а совпаденіе мыслей царя со взглядами Пересвѣтова на вельможъ и бояръ можно найти въ рѣчахъ Грознаго на соборѣ 1550 и 1551 годовъ [2]). Съ другой стороны, нѣкоторые вопросы, затронутые Пересвѣтовымъ, находятъ себѣ совершенно обратное освѣщеніе у другихъ писателей-публицистовъ XVI вѣка: кромѣ князя Курбскаго, съ которымъ Пересвѣтовъ радикально расходится въ пониманіи границъ царской власти, онъ въ своемъ взглядѣ на боярство держится совершенно иной точки зрѣнія, нежели та, которую мы видѣли, напр., у неизвѣстнаго автора «Бесѣды».

Эти точки соприкосновенія Пересвѣтова какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ съ разнаго рода вопросами и идеями своей эпохи, устанавливая тѣсную связь съ послѣдней у нашего автора, не устраняютъ однако же вопроса объ иноземныхъ вліяніяхъ на Пересвѣтова, которыя могли итти прежде всего отъ общаго знакомства его съ западной жизнью вообще и польской въ частности [3]). Съ другой стороны, оттуда же могли идти и чисто-литературныя воздѣйствія на Пересвѣтова, смѣшиваясь потомъ съ плодами начитанности его на русской, переводной или оригинальной, почвѣ: такова, напр., польская хроника серба по рожденію К. Константиновича изъ Островицы; такова извѣстная повѣсть объ основаніи и взятіи Царьграда, бывшая, повидимому, однимъ изъ любимыхъ литературныхъ произведеній нашего автора и давшая матеріалъ для широкаго сопоставленія греческаго и московскаго царства; затѣмъ, сочиненія старца Филоѳея, повѣсть о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, наконецъ—нѣкоторыя произведенія апокрифической литературы [4]).

При всемъ этомъ И. С. Пересвѣтовъ выступаетъ передъ нами какъ писатель въ высокой степени оригинальный, съ совершенно опредѣленно выраженной индивидуальностью. На фонѣ русскихъ событій и русской публицистической литературы XVI вѣка особенно любопытнымъ пред-

---

[1]) Д. П. Голохвастовъ и арх. Леонидъ. Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія. М. 1874, стр. 69—72.

[2]) Ржига, назв. соч., стр. 48—49.

[3]) В. Ржига. И. С. Пересвѣтовъ и западная культурно-историческая среда. Изв. II Отд. А. Н. XVI (1911), кн. 3, стр. 169—177.

[4]) В. Ржига. Тамъ же, стр. 177—179; И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка, стр. 49—51.

ставляется тотъ фактъ, что этотъ выходецъ съ запада, хотя и русскій по своему происхожденію, является къ царю не только съ предложеніемъ своихъ техническихъ познаній въ области военнаго дѣла, но и съ совѣтами общаго характера, обнаруживая такія политическія тенденціи, усиленіе которыхъ, въ лицѣ московскаго царя, побуждало, напротивъ, нѣсколько позднѣе мѣстныхъ людей, вродѣ Курбскаго, устремляться на западъ; въ этихъ именно историческихъ условіяхъ и должна быть дана настоящая оцѣнка своеобразному политическому консерватизму Пересвѣтова.

8.

Старыя и новыя теченія русской жизни; отраженіе ихъ въ литературѣ.—Труды митр. Макарія.—Стоглавъ; общіе вопросы объ этомъ памятникѣ; его редакціи.—Составъ Стоглава.—Внѣшняя исторія собора 1551 года.—Содержаніе Стоглава; вопросы церковнаго просвѣщенія и общественнаго быта; отраженія современнаго настроенія мысли.—Историко-литературное значеніе памятника.

Предшествующее изложеніе литературныхъ явленій XVI вѣка имѣло цѣлію представить главнѣйшія черты той стороны литературной жизни Россіи въ указанную эпоху, которая отразила собою различныя направленія мысли по вопросамъ религіи, нравственности, просвѣщенія, общественности и политики. Мы видѣли, что произведенія эти, принадлежавшія авторамъ разнообразнаго общественнаго положенія, образованія и литературной подготовки, съ одной стороны обнаруживаютъ тѣсную связь съ теченіями русской мысли въ XV вѣкѣ, а съ другой—стремятся къ разработкѣ вопросовъ, выдвигаемыхъ русской жизнью въ новыхъ условіяхъ ея культурнаго и политическаго развитія. Если принять во вниманіе, что именно въ XVI вѣкѣ закончилось политическое объединеніе московскаго государства, назрѣли многіе вопросы гражданской и церковной политики, стала выясняться потребность болѣе широкаго просвѣщенія, усилились запросы нравственнаго сознанія и болѣе свободное отношеніе къ религіознымъ вѣрованіямъ и идеаламъ, то станетъ понятнымъ и значительное обиліе публицистическихъ произведеній, авторы которыхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ разнообразной литературной формѣ стремились къ разрѣшенію этихъ вопросовъ въ общемъ и въ частностяхъ. Но рядомъ съ этой стороной литературы, служившей, такъ сказать, текущимъ—хотя иногда и вполнѣ принципіальнымъ—вопросамъ современности, существовала и другая, вызванная не менѣе глубокими мотивами религіознаго и общественнаго сознанія. Въ русскомъ обществѣ той эпохи чувствовался переходъ отъ старой жизни къ новой; мыслящіе умы ясно усматривали связь этого стараго съ давними традиціями изъ Византіи, а новаго—съ теченіями Запада. Эта неизбѣжная борьба двухъ теченій, изъ которыхъ одно шло на смѣну другому, должна была найти себѣ и извѣстное отраженіе въ литературѣ. Частичное и косвенное проявленіе этихъ тенденцій можно наблюдать въ дѣятельности Максима Грека, Курбскаго, Артемія, Пересвѣтова; они отчетливо выдѣляютъ въ различныхъ

явленіяхъ русской жизни элементы стараго и новаго и даютъ имъ ту или иную, общественную или индивидуальную, оцѣнку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ средѣ сторонниковъ прежнихъ началъ возникаютъ литературныя попытки удержать «поисшатавшуюся» старину, собирая ея идеальныя черты и внося въ нее необходимыя исправленія съ точки зрѣнія критики, предпринятой однако же на основѣ стародавнихъ воззрѣній. Во главѣ этихъ работъ сталъ митрополитъ Макарій (1542—1563), благодаря личнымъ трудамъ, матеріальнымъ жертвамъ и организаторскому таланту котораго возникла такъ называемая Никоновская Лѣтопись, грандіозныя Четьи-Минеи, Степенная книга. Если первая изъ нихъ [1]) представляетъ собою лѣтописный сводъ, опиравшійся на цѣлый рядъ трудовъ этого рода, начиная съ очень давняго времени, то послѣднія два предпріятія представляютъ нѣчто новое. Четьи-Минеи митр. Макарія заключаютъ въ себѣ, можно сказать, энциклопедію значительной части русской письменности, оказавшейся въ наличности къ половинѣ XVI вѣка: тутъ нашли себѣ мѣсто, въ 12 огромныхъ фоліантахъ, расположенныхъ по днямъ каждаго мѣсяца, многочисленныя «слова», житія, сказанія и другія произведенія, оригинальныя и переводныя, какія можно было разыскать по библіотекамъ и которыя признаны были достойными внесенія въ эту сокровищницу литературныхъ цѣнностей той эпохи. Исполненіе этого труда потребовало двадцатилѣтнихъ усилій цѣлаго ряда работниковъ и закончено не ранѣе 1552 г. [2]). Степенная книга представляетъ собою обширный сборникъ статей агіографическаго и агіобіографическаго содержанія; по своему характеру и цѣлямъ составленія она является «торжественной книгой», прославлявшей представителей и представительницъ царской династіи; иниціатива этого труда принадлежала Макарію, а исполненіе царскому духовнику Андрею-Аѳанасію, впослѣдствіи московскому митрополиту; окончательная обработка относится къ декабрю 1563 года [3]). Сюда относится также великолѣпная, снабженная богатыми иллюстраціями, историческая энциклопедія XVI вѣка, остатки которой сдѣлались извѣстны наукѣ лишь въ очень недавнее время [4]). Къ этой же категоріи литературныхъ явленій XVI вѣка принадлежатъ и тѣ два памятника, на которыхъ намъ въ настоящее время слѣдуетъ остановиться: это—Стоглавъ и Домострой.

---

[1]) Голубинскій, И. Р. Ц., II, 1, стр. 853—854.

[2]) Голубинскій, И. Р. Ц., II, 1, стр. 852. Описаніе Макарьевскихъ Четьихъ-Миней см. въ трудѣ архим. Іосифа: Подробное оглавленіе Великихъ Четьихъ-Миней всероссійскаго митрополита Макарія, хранящихся въ Московской Патріаршей Библіотекѣ. М. 1892. Изданіе ихъ начато Археографической Коммиссіей; до сихъ поръ вышло 12 вып., за мѣсяцы сентябрь—декабрь: Спб. 1868—1907.

[3]) П. Г. Васенко. Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности. Ч. I. Спб. 1904. «Степенная книга» издана была акад. Г. Миллеромъ: Ч. I—II. М. 1775.

[4]) В. Н. Щепкинъ. Лицевой сборникъ Имп. Росс. Истор. Музея. Извѣстія II Отд. А. Н. 1899, кн. 4, стр. 1345—1385; А. Е. Прѣсняковъ. Московская историческая энциклопедія XVI вѣка. Тамъ же, 1900, кн. 3, стр. 824—876.

Главнѣйшее значеніе Стоглава сосредоточивается въ области исторіи русской церкви и, въ частности, церковнаго законодательства, но и для исторіи литературы памятникъ этотъ даетъ нѣсколько весьма цѣнныхъ чертъ общаго и частнаго характера. Существуетъ мнѣніе, поддерживаемое цѣлымъ рядомъ изслѣдователей (митр. Платонъ, Ждановъ, Субботинъ, Добротворскій), въ силу котораго Стоглавъ не есть памятникъ ни каноническій, ни подлинный, ни официальный, а лишь частное извлеченіе изъ опредѣленій московскаго собора 1551 года, и въ такомъ случаѣ его интересъ именно опредѣляется областью исторіи русской жизни, ея бытовыхъ отношеній, понятій и настроеній. Съ другой стороны, каноничность, официальность и подлинность Стоглава признаются такими учеными, какъ митр. Макарій, Павловъ и Голубинскій [1]). Какъ бы ни разрѣшался этотъ вопросъ по существу, интересъ Стоглава для исторіи русской литературы и просвѣщенія не можетъ подлежать сомнѣнію.

Какъ памятникъ русской письменности XVI вѣка, Стоглавъ сравнительно поздно обратилъ на себя вниманіе изслѣдователей. Причина этого заключалась, между прочимъ, и въ условіяхъ духовной цензуры, въ силу которыхъ первое изданіе Стоглава могло появиться лишь въ Лондонѣ въ 1860 году: уважаемый старообрядцами и заключающій въ себѣ церковныя наставленія о двуперстномъ сложеніи и «сугубой аллилуіи», онъ возбуждалъ опасенія соблазна среди православныхъ. Затѣмъ послѣдовали изданія: Казанское (1862), Кожанчикова (Спб. 1863) и Субботина (М. 1890). Научная цѣнность ихъ не одинакова. Лондонское изданіе сдѣлано небрежно и по неисправному списку «съ экземпляра, находящагося у Н. А. Полевого»; Кожанчиковское выполнено также не научно и представляетъ краткую редакцію Стоглава, отношеніе которой къ полной редакціи не опредѣлено издателемъ. Болѣе цѣнными являются Казанское и Субботинское изданія: первое исполнено (И. М. Добротворскимъ) весьма тщательно по нѣсколькимъ спискамъ, однако лишь на основаніи рукописей XVII—XIX вв.; второе же сдѣлано по списку XVI вѣка (такъ называемому Болотовскому), съ подведеніемъ варьянтовъ по двумъ другимъ спискамъ XVI вѣка, и имѣло въ виду не столько интересы науки, сколько практическія соображенія—дать матеріалъ для собесѣдованій со старообрядцами. Кромѣ двухъ названныхъ редакцій Стоглава, полной (въ Лондонскомъ, Казанскомъ и Субботинскомъ изданіяхъ) и сокращенной (въ изданіи Кожанчикова), есть еще третья, т. наз. краткая, редакція, сохранившаяся въ немногихъ спискахъ и напечатанная Н. В. Калачовымъ въ «Архивѣ истор. и практ. свѣд., относ. до Россіи», кн. V (1863). Вопросъ о взаимномъ отношеніи этихъ трехъ редакцій—наиболѣе полной, сокращенной и краткой [2])—затрудняется тѣмъ, что мы не только не имѣемъ

[1]) Научная литература о Стоглавѣ подробно разсмотрѣна въ сочиненіи Д. Стефановича: О Стоглавѣ. Его происхожденіе, редакціи и составъ. Къ исторіи памятниковъ древне-русскаго церковнаго права. Спб. 1909, стр. 11—26.

[2]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ открытъ новый списокъ Стоглава, сдѣланный въ 1596 году въ Псково-Печерскомъ монастырѣ и находящійся въ числѣ рукописей библіо-

подлинныхъ постановленій Стоглаваго собора, но и какого-либо косвеннаго вполнѣ надежнаго указанія на то, чѣмъ они были во всей ихъ совокупности: поэтому, всего естественнѣе отправляться отъ наиболѣе полной редакціи и класть ее въ основаніе историческаго изученія памятника [1]). Въ послѣднее время высказано весьма вѣроятное мнѣніе, что эта полная редакція и есть единственная основная редакція нашего памятника, тогда какъ двѣ другія являются лишь производными и самостоятельнаго значенія въ изученіи его имѣть не могутъ [2]).

Стоглавъ есть, безъ сомнѣнія, самый обширный и важный письменный источникъ нашихъ свѣдѣній о знаменитомъ соборѣ 1551 года. Въ настоящее время, особенно послѣ изслѣдованій И. Н. Жданова [3]), совершенно ясно, что московскій соборъ 1551 года имѣлъ въ виду не только церковныя, но и земскія общегосударственныя нужды Россіи той эпохи; однако, несмотря на широкое участіе царя въ организаціи собора и самомъ ходѣ его занятій, преимущественно духовный составъ собора, при участіи князей и бояръ, сосредоточилъ свое главнѣйшее вниманіе на нуждахъ церкви, предоставивъ свѣтскимъ задачамъ весьма скромное мѣсто, и послѣднія нашли въ Стоглавѣ лишь малозамѣтный отголосокъ. Поэтому, хотя самъ по себѣ фактъ обращенія царя къ народному разуму въ той или иной формѣ для обсужденія «земскаго нестроенія» представляетъ для XVI вѣка значительный историческій интересъ, и слѣдомъ такого обращенія къ собору 1551 года являются, между прочимъ, не вошедшіе въ Стоглавъ и отысканные Ждановымъ [4]), царскіе «вопросы» по весьма важнымъ частямъ государственнаго быта (устройство служилаго сословія, распредѣленіе вотчинъ и помѣстій и проч.), однако эта сторона дѣла, не вошедшая въ Стоглавъ въ сколько-нибудь полномъ видѣ, должна остаться за предѣлами нашего разсмотрѣнія.

Стоглавъ получилъ свое названіе отъ ста главъ, въ которыя заключено его содержаніе. Названіе это весьма древнее, и имъ обозначены самые старые списки нашего памятника, хотя есть и другое названіе, напр., въ Болотовскомъ спискѣ, напечатанномъ Субботинымъ: «Царскіе вопросы и соборные отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинехъ». Количество ста главъ представляется искусственнымъ и, весьма вѣроятно, есть под-

---

теки Братства св. Софіи въ Новгородѣ: въ немъ съ одной стороны нѣкоторыя главы отсутствуютъ (40 гл. « о стриженіи брадъ»), а съ другой—есть главы, которыя въ другихъ спискахъ изложены иначе, напр. къ 13 главѣ присоединенъ «чинъ, како пріимати приходящихъ отъ иновѣрныхъ, отъ жидовъ или отъ срачинъ». Л. И. Новооткрытый рукописный Стоглавъ XVI вѣка, его особенности и значеніе. «Богословскій Вѣстникъ» 1899, № 9—10.

[1]) Оцѣнку изданій Стоглава см. у Д. Стефановича: назв. соч.. стр. 27—40.

[2]) Д. Стефановичъ, назв. соч., стр. 146.

[3]) «Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора» въ Ж. М. Н. Пр. 1876, №№ 7—8 и «Церковно-земскій соборъ 1551 года» въ Истор. Вѣстн. 1880, № 2; обѣ статьи перепечатаны въ «Сочиненіяхъ» И. Н. Жданова: Т. I. 1904.

[4]) Ждановъ, И. Н. Сочиненія I, стр. 175—186.

ражаніе Іоаннову Судебнику, изложенному въ 100 главахъ и переработанному въ 1550 году. Не будучи ни протоколомъ занятій московскаго церковно-земскаго собора, начавшагося 23 февраля и окончившагося въ маѣ 1551 года, ни точно формулированнымъ текстомъ его постановленій, Стоглавъ носитъ на себѣ слѣды редакціонной обработки матеріала, который въ подлинникѣ до насъ не дошелъ; въ какой степени полноты вошелъ сюда этотъ матеріалъ, мы съ точностью опредѣлить не можемъ; что же касается литературной стороны этой редакторской работы, то слѣдуетъ признать, что она выполнена не вполнѣ удачно, обнаруживая черты безсистемности и даже хаотичности. Иногда объ одномъ и томъ же предметѣ говорится въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а иногда въ одной главѣ соединено нѣсколько разнородныхъ по содержанію указаній; въ самомъ изложеніи есть мѣста, указывающія на слѣды неловкой сшивки текстовъ разныхъ отдѣльныхъ памятниковъ или документовъ [1]). Впрочемъ, это зависѣло отчасти и отъ разнообразія входящаго въ Стоглавъ матеріала и отъ хронологической послѣдовательности сужденій на соборѣ, которыя не были подчинены строгому логическому плану и, въ видѣ недошедшихъ до насъ протоколовъ засѣданій, несомнѣнно, оставили свой слѣдъ и на работѣ редактора памятника. Въ названныхъ ста главахъ размѣщенъ слѣдующій матеріалъ: главы I и II заключаютъ историческія свѣдѣнія о возникновеніи собора, о присутствовавшихъ на немъ іерархахъ и объ общемъ содержаніи вопросовъ, которые на немъ обсуждались; въ III и IV главахъ помѣщены рѣчи царя къ собору; въ V главѣ содержится 37 т. наз. «первыхъ» вопросовъ царя къ собору, отвѣты на которые членовъ собора занимаютъ главы VI—XL: здѣсь находятся постановленія о поповскихъ старостахъ и о различныхъ обязанностяхъ приходскаго духовенства; затѣмъ, XLI и XLII главы содержатъ 32 т. наз. «вторыхъ» царскихъ вопроса, и слѣдующія затѣмъ главы XLIII—XCVIII представляютъ на нихъ отвѣты, въ которыхъ находятся постановленія касательно церковныхъ властей—епископовъ, монастырскихъ настоятелей—и самого царя; послѣднія двѣ главы XCIX и C являются дополнительными: въ нихъ разсказывается объ отсылкѣ постановленій собора бывшему митрополиту Іоасафу и о томъ, какія замѣчанія послѣдовали отъ него по поводу тѣхъ или иныхъ пунктовъ. Наконецъ, во многихъ спискахъ Стоглава есть еще CI-ая прибавочная глава, очевидно не относящаяся къ органическому составу памятника, хотя и трактующая о монастырскихъ вотчинахъ—предметѣ близкомъ интересамъ собора; она изложена въ видѣ постановленія собора 11 мая 1551 года. Уже изъ этого общаго перечня видно, что редакторъ Стоглава имѣлъ передъ собою крайне разнородный матеріалъ: рѣчи царя, два ряда его вопросовъ, постановленія собора въ видѣ отвѣтовъ на эти вопросы, отзывъ Іоасафа, кромѣ того, историческій матеріалъ, т. ск., протокольнаго происхожденія или характера и, наконецъ, огромную массу отдѣльныхъ выписокъ изъ книгъ св. Писанія, разнаго рода законодательныхъ актовъ греческой и русской

[1] Ждановъ, И. Н. Соч. I, стр. 243—249.

церкви, святоотеческихъ и другихъ назидательныхъ сочиненій, на которыя ссылались члены собора въ своихъ рѣшеніяхъ или мотивировали ими послѣднія. Такъ, мы имѣемъ тутъ отрывки изъ Іоанна Милостиваго, Никифора Константинопольскаго, Никиты Ираклійскаго, посланія русскихъ митрополитовъ: Петра, Кипріана, Фотія, затѣмъ Іосифа Волоколамскаго и друг. Важнѣйшей по объему и по содержанію частью памятника являются, конечно, царскіе вопросы и соборные на нихъ отвѣты, но между тѣми и другими нѣтъ полнаго соотвѣтствія, такъ что извѣстная послѣдовательность вопросовъ не предрѣшаетъ такую же послѣдовательность и отвѣтовъ, и потому отыскать послѣдніе иногда довольно трудно; кромѣ того, на нѣкоторые вопросы царя нѣтъ отвѣтовъ, равно какъ имѣются постановленія и по такимъ предметамъ, на которые совсѣмъ нѣтъ указанія въ царскихъ вопросахъ. Знакомясь съ этимъ памятникомъ сплошь, читатель имѣетъ передъ собой массу матеріала, расположеннаго въ такомъ видѣ, что, напр., постановленія и разсужденія о церковномъ богослуженіи, школахъ и книгахъ перемѣшиваются съ разборомъ церковно-юридическихъ отношеній, съ народными суевѣріями и пороками. Съ точки зрѣнія офиціальной, какъ памятникъ законодательный, Стоглавъ представляется еще менѣе совершеннымъ, чѣмъ со стороны литературной: въ немъ трудно что-нибудь быстро отыскать, на что-нибудь сослаться— даже независимо отъ разницы редакцій; кромѣ того, для практическихъ цѣлей онъ слишкомъ многословенъ и отягощенъ не относящимся къ существу дѣла постороннимъ литературнымъ матеріаломъ. Кому принадлежала эта редакціонная работа надъ наиболѣе полной и, повидимому, первоначальной редакціей Стоглава, сказать очень трудно. Было высказано мнѣніе, что трудъ этотъ совершилъ знаменитый Благовѣщенскій іерей Сильвестръ, но оно ни на чемъ не обосновано; съ другой стороны, существуетъ предположеніе, что этотъ трудъ выполненъ былъ самимъ предсѣдателемъ собора митрополитомъ Макаріемъ; это предположеніе основывается не только на томъ, что нѣкоторыя изъ постановленій собора согласуются съ его собственными мнѣніями, выраженными въ другомъ мѣстѣ (напр., о монастырскихъ вотчинахъ), но главнымъ образомъ на томъ, что изъ участниковъ собора 1551 года онъ былъ человѣкъ самый образованный и опытный въ дѣлахъ церковной администраціи [1]). Однако очевидно, что этихъ данныхъ совершенно недостаточно для подобнаго утвержденія: не говоря уже о томъ, что другія постановленія собора (о перстосложеніи, о сугубой аллилуіи) противорѣчатъ воззрѣніямъ митр. Макарія, можно было бы ожидать, что опытность и литературность этого іерарха, если бы онъ дѣйствительно былъ единоличнымъ редакторомъ Стоглава, должны бы содѣйствовать тому, чтобы редакціонная работа надъ этимъ памятникомъ была совершена съ большей тщательностью и съ меньшими недостатками. Болѣе вѣроятнымъ представляется намъ

---

[1]) Макарій. Исторія русской церкви. Т. VI (1870), стр. 236—237. Того же мнѣнія о роли митр. Макарія держится и Голубинскій: И. Р. Ц. II, 1, стр. 779.

мнѣніе, что первоначальная редакція отдѣльныхъ частей Стоглава принадлежала нѣсколькимъ лицамъ: царскихъ вопросовъ—м. б. Сильвестру и разнымъ лицамъ изъ епархіальнаго, высшаго и низшаго, духовенства, отвѣтовъ на нихъ—ряду комиссій изъ представителей бѣлаго духовенства, а также святительскихъ бояръ и дьяковъ; общая же сводка всего матеріала могла принадлежать кому-либо изъ выдающихся митрополичьихъ дьяковъ, подъ общимъ руководствомъ самого митрополита Макарія [1]).

Стоглавъ даетъ намъ любопытныя указанія на внѣшнюю и на внутреннюю исторію собора 1551 года, необходимыя для пониманія этого памятника въ литературномъ отношеніи. Какъ уже упомянуто, на соборъ созваны были какъ церковные іерархи, игумены, протопопы, попы, духовные старцы, такъ и свѣтскіе люди разныхъ классовъ; изъ первыхъ названо по имени нѣсколько представителей высшей церковной власти (архіепископъ Новгородскій и Псковскій Ѳеодосій, епископъ Рязанскій и Муромскій Кассіанъ, епископъ Тверской и Кашинскій Акакій и друг.), о свѣтскихъ же участникахъ собора мы ничего не знаемъ; предсѣдательствовалъ на соборѣ митрополитъ Макарій. Соборъ открытъ былъ рѣчью самого царя, въ которой указаны были въ общихъ чертахъ предметы обсужденія на соборѣ, и всѣ участники призывались къ единодушію и дружной работѣ. Вслѣдъ за этой рѣчью помѣщена вторая царская рѣчь, составленная въ торжественномъ тонѣ: въ ней царь не только подробно излагаетъ побужденія для созыва собора, но и свое собственное душевное настроеніе; тутъ очень много цѣнныхъ историческихъ и біографическихъ указаній (по Казанскому изд., стр. 31—37). Къ рѣчамъ царя примыкаютъ двѣ серіи его «вопросовъ» собору. Составленіе ихъ, конечно, не было дѣломъ одного царя; ему помогалъ кружокъ лицъ, среди которыхъ самыми выдающимися были митрополитъ Макарій, Благовѣщенскій протоіерей Сильвестръ, Максимъ Грекъ и игуменъ Троицкаго монастыря Артемій; есть основаніе предполагать, что, независимо отъ этого кружка, надъ тѣмъ же дѣломъ работалъ и епископъ Кассіанъ. Конечно, въ число «царскихъ» вопросовъ вошли и такіе, которые возбуждены были на самомъ соборѣ нѣкоторыми изъ его участниковъ, не входившими въ составъ царской «избранной рады»: изъ нихъ-то и составились главнымъ образомъ такъ называемые вторые царскіе вопросы. При этомъ должны были обнаружиться на соборѣ два противоположныхъ теченія: «іосифлянъ», на сторонѣ которыхъ стоялъ самъ митрополитъ Макарій, и ихъ противниковъ, въ духѣ «заволжскихъ старцевъ», къ которымъ принадлежалъ, напр., рязанскій и муромскій епископъ Кассіанъ и которымъ сочувствовалъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ—о монастырскихъ владѣніяхъ—самъ царь; «отвѣты» на вопросы, т. е. самыя постановленія Стоглава, съ очевидностью показываютъ преобладаніе на соборѣ первой партіи надъ второй, хотя и партія «нестяжателей» сумѣла провести на соборѣ нѣкоторыя свои воззрѣнія (напр., по части ограниченія правъ архіереевъ и монастырей надъ принадлежащими имъ селами): въ этомъ могло сказаться какъ вліяніе са-

---

[1]) Д. Стефановичъ, назв. соч., стр. 54. 63—65. 71—74.

мого царя, такъ и мягкая уступчивость митрополита Макарія. Занятія собора окончились не позднѣе 17 мая 1551 года. Хотя мы не имѣемъ офиціальныхъ указаній на утвержденіе постановленій собора и ихъ обнародованіе, но изъ послѣдовавшихъ затѣмъ отдѣльныхъ церковно-административныхъ актовъ (напр., такъ называемыхъ «наказныхъ списковъ» Соборнаго Уложенія 1551 года отъ 10 ноября 1551 года во Владимірѣ и др.), а также и вообще изъ дальнѣйшей судьбы постановленій собора вплоть до знаменитаго московскаго собора 1667 года надо предполагать то и другое съ большою вѣроятностью [1]).

Какъ уже было указано, содержаніе Стоглава весьма обширно. Наибольшій интересъ въ историко-литературномъ отношеніи имѣютъ тѣ его части, въ которыхъ затронуты вопросы церковнаго просвѣщенія и общественнаго быта. Общеизвѣстно слѣдующее мѣсто изъ гл. XXV «о дьяцѣхъ, хотящихъ въ дьяконы и въ попы ставитися»: «О ставленикахъ, хотящихъ во дьяконы и попы ставитися, а грамотѣ мало умѣютъ и святителемъ ихъ поставити—ино сопротивно священнымъ правиломъ, а не поставити—ино святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православные крестіяне учнутъ безъ покаянія умирати. И святителемъ избирати по священнымъ правиломъ въ попы ставити 30 лѣтъ и въ діаконы 25 лѣтъ, а грамотѣ бы умѣли, чтобы могли церковь Божію содержати и дѣтей своихъ духовныхъ православныхъ хрестіянъ управити могли по священнымъ правиломъ. Да о томъ ихъ святители истязуютъ съ великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣтъ чинятъ: мы-де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ намъ учитися негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, по тому и насъ учатъ. А отцы ихъ и мастеры ихъ и сами потому жъ мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учитися имъ негдѣ» (стр. 120—121). Дѣйствительно, былъ большой недостатокъ въ училищахъ, вѣрнѣе—въ настоящемъ смыслѣ этого слова ихъ вовсе не было, и, въ отвѣтъ на указаніе царскаго (6-го) вопроса, что «ученики учатся грамотѣ небрегомо», отцы собора, въ XXVI главѣ, постановили слѣдующую совершенно недостаточную мѣру: «Избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцы страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользовати, и грамотѣ бы и чести и писати горазди; и у тѣхъ священниковъ и у дьяконовъ и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священники и дьяконы и всѣ православные хрестьяне въ коемждо градѣ предавали имъ своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ и на ученіе книжнаго письма и церковнаго пѣтія псалтырнаго и чтенія налойнаго, и тѣ бы священники и дьяконы и дьяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ и писати и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ показаніемъ, наипаче же всего учениковъ бы своихъ брегли и хранили во всякой чистотѣ», и далѣе прибавлено, чтобы эти учителя учили своихъ учениковъ «сколько сами они умѣютъ, ничтоже скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе, а и здѣ отъ ихъ родителей дары и почести

---

[1]) В. Бочкаревъ. Стоглавъ и исторія собора 1551 г. Юхновъ 1906, с. 125—148.

пріемлюще по ихъ достоинству» (стр. 121—123). Понятно, что при такой организаціи дѣла обученія, послѣднее не могло ничего выиграть въ будущемъ. Далѣе, въ одномъ изъ вопросовъ царя (5-мъ) указанъ фактъ, находившійся въ самой тѣсной связи съ недостаткомъ просвѣщенія: «божественныя книги писцы пишутъ съ неправленыхъ переводовъ, а, написавъ, не правятъ же, опись къ описи прибываетъ». Отцы собора высказали по поводу этого заявленія слѣдующія пожеланія, въ гл. XXVII и XXVIII: «А которые будутъ святыя книги евангеліе и апостолъ и псалтыри и прочая книги въ коейждо церкви обрящете неправлены и описливы, и вы бы всѣ тѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ справливали соборне... Которые писцы по городамъ книги пишутъ, и вы бы имъ велѣли писати съ добрыхъ переводовъ, да, написавъ правила, потомъ же бы и продавали, а не правивъ бы книгъ не продавали; а который писецъ написавъ книгу продаетъ не справивъ, и вы бы тѣмъ возбраняли съ великимъ запрещеніемъ, а кто у него неисправлену книгу купитъ, и вы бы тѣмъ потому же возбраняли съ великимъ запрещеніемъ, чтобы впредь тако не творили» (стр. 124—126). Такимъ образомъ, подобно тому, какъ въ вопросѣ объ училищахъ соборъ, не думая о подготовкѣ учителей, объ ихъ обезпеченіи и вообще о правильномъ устройствѣ школы, ограничился только одними словами, такъ и въ дѣлѣ книжнаго исправленія онъ не обратилъ вниманія на то, откуда могутъ явиться на всѣхъ нужныхъ мѣстахъ люди, способные найти въ книгахъ неправильности и ихъ исправить. То же самое постановилъ соборъ и объ иконописномъ искусствѣ, рекомендуя «писати живописцемъ иконы съ древнихъ образцовъ, какъ греческіе живописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіи пресловущіи живописцы» (гл. XLI), и далѣе даются обширныя наставленія по этому вопросу, сводящіяся къ указанію на старину и на необходимость воспитанія молодыхъ иконописныхъ мастеровъ въ духѣ кротости и благочестія (гл. XLIII, стр. 204—208, 209—210).—Въ числѣ постановленій касательно общественнаго быта видное мѣсто занимаютъ обличенія бѣлаго духовенства и монашества. Въ виду преобладанія на соборѣ партіи, сочувствовавшей монастырскому землевладѣнію, этотъ больной вопросъ тогдашней русской жизни, со всѣми вытекавшими изъ него отрицательными послѣдствіями, былъ отцами собора обойденъ, а отмѣчены лишь болѣе общіе недостатки монастырскаго быта: многіе постригаются въ монастырь изъ любви къ праздности и «покоя ради тѣлеснаго»; при бездѣйствіи и попустительствѣ игуменовъ, монахи, по собственному произволу, ходятъ по городамъ и селамъ, собирая деньги яко бы на сооруженіе храмовъ, а на самомъ дѣлѣ ради корыстолюбія, пьянства и разныхъ излишествъ въ жизни; многіе изъ монашества, одержимые тщеславіемъ, стремятся легкомысленно къ основанію новыхъ пустынь; архимандриты и игумены добываютъ себѣ мѣста мздою или заискиваніемъ у сильныхъ міра, а потомъ совершенно небрегутъ о своихъ монастыряхъ, предаваясь праздности или суетнымъ удовольствіямъ со своими любимцами (стр. 54—55, 63, 227—228 и др.). Священники и дьяконы мало радѣютъ о богослуженіи и о надлежащемъ исполненіи требъ, обнаруживая формализмъ,

небрежность, чрезмѣрную слабость къ денежной мздѣ. Общимъ для монашествующаго и бѣлаго духовенства порокомъ является пьянство; объ этомъ порокѣ говорится въ разныхъ мѣстахъ Стоглава, и, кромѣ того, ему посвящена особая глава (LII) «о пьянственномъ питіи» (стр. 251—254). Нѣкоторые изъ пороковъ монашества и духовенства раздѣляются и мірянами: по свидѣтельству отцовъ собора, многіе міряне «тщеславія ради и женъ своихъ» созидаютъ церкви по легкомысленно и спѣшно даннымъ обѣтамъ, а потомъ не въ состояніи этихъ церквей содержать и удовлетворить священнослужителями, книгами и иконами, такъ что церкви скоро запустѣваютъ. Подобно священнослужителямъ и монахамъ, міряне иногда обнаруживаютъ своимъ поведеніемъ недостаточное уваженіе къ храму (стр. 65—66), причемъ Стоглавъ въ особой главѣ (XXXIX: «О таѳьяхъ безбожнаго Махмета») отмѣчаетъ обычай, въ силу котораго «цари и князи и бояре и прочіе вельможи и всѣ православные хрестіяне» приходятъ иногда въ храмъ въ шапкахъ: отцы собора справедливо видятъ въ этомъ «безбожнаго Махмета преданіе» (стр. 159), т. е. вліяніе магометанства, шедшее отъ татаръ. Затѣмъ, въ Стоглавѣ дается цѣлая энциклопедія народныхъ обрядовъ и суевѣрій, отчасти связанныхъ съ остатками язычества. Когда дѣти родятся въ сорочкахъ, то эти сорочки приносятъ къ попамъ и велятъ держать ихъ до шести недѣль на престолѣ; на освященіе церкви міряне приносятъ мыло и также велятъ держать его на престолѣ до шести недѣль; при свадьбахъ «глумотворцы и арганники и смѣхотворцы и гусельники» поютъ «бѣсовскія пѣсни» даже передъ священникомъ, когда онъ ѣдетъ въ церковь; скоморохи ватагами до 100 человѣкъ ходятъ по деревнямъ, грабятъ крестьянъ, отнимая у нихъ «животину», и разбойничаютъ по дорогамъ; многіе изъ мірянъ преданы чародѣйству и волхвованію: «кудесы бьютъ и въ аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ и по звѣздамъ и по планитамъ глядаютъ»; многіе «дѣти боярскіе» и разные «бражники» часто «зернью играютъ», пропиваются, теряютъ службу и промыселъ. Въ народѣ держится множество «ересей»: «рафли, шестокрылъ, воронограй, остромій, зодѣй, алманахъ, звѣздочетьи» и проч. Въ Троицкую субботу по селамъ и погостамъ сходятся мужи и жены, плачутъ на могилахъ «съ великимъ кричаніемъ», а затѣмъ, по приходѣ «гудцовъ и скомороховъ», начинаютъ плясать и пѣть сатанинскія пѣсни; наканунѣ Иванова дня, Рождества и Крещенія мужи, жены и дѣвицы сходятся «на нощное плещеніе» и «на богомерзкія дѣла», проводя такъ всю ночь, а къ утру бѣгутъ къ рѣкѣ и умываются водой, потомъ возвращаются въ свои дома и падаютъ, какъ мертвые, «отъ великаго клопотанія»; утромъ въ великій четвергъ палятъ солому и кличутъ мертвыхъ; въ Псковѣ мужи и жены, чернецы и черницы вмѣстѣ моются въ баняхъ и т. д. (гл. XLI, XCI—XCIII и друг.). Нельзя отрицать, что въ приведенныхъ указаніяхъ кроются извѣстныя черты быта, результатъ дѣйствительнаго наблюденія надъ народной жизнью, но отношеніе къ нимъ собора было совершенно книжное и отвлеченное: противъ всѣхъ этихъ «еллинскихъ» заблужденій рекомендовался лишь страхъ передъ правилами того или другого вселенскаго собора, передъ наказаніемъ въ будущей

жизни—и только; отцы собора нисколько не связывали этихъ пороковъ жизни съ народной темнотой и невѣжествомъ.

Бытовыя черты, въ изобиліи разсѣянныя въ Стоглавѣ, могутъ дать богатый матеріалъ для историка русской жизни XVI вѣка, но, какъ литературное произведеніе, онъ еще болѣе важенъ по тому настроенію, которое проявили отцы собора въ отношеніи къ разнымъ отрицательнымъ сторонамъ русской дѣйствительности. Это настроеніе было строго консервативное, и на соборѣ оно оказалось преобладающимъ. Голосъ большинства представителей церковной іерархіи, бывшей вмѣстѣ съ тѣмъ и духовной руководительницей русской жизни въ ту эпоху, рѣшительно высказался на соборѣ за старину, въ которой одной только находилъ онъ исцѣленіе замѣченныхъ «нестроеній»; конечно, на соборѣ высказывались мнѣнія и въ другомъ духѣ, но они оказались внѣ возможности повліять на соборныя рѣшенія. Въ половинѣ XVI вѣка уже просачивались въ жизнь довольно явственно и западныя вліянія въ области религіозныхъ мнѣній, въ литературѣ, въ извѣстныхъ сторонахъ быта; на одну изъ послѣднихъ— бритье бороды и усовъ и иноземный покрой платья—обратили вниманіе и члены собора, но высказали мысль, что «таковыя не есть православныхъ, но латынская и еритическая преданія» (гл. XL). На болѣе важныя проявленія этихъ новыхъ вліяній отцы собора совсѣмъ не обратили вниманія. Общій характеръ постановленій собора 1551 года указываетъ намъ на сильное стремленіе въ высшей духовной средѣ укрѣпить въ русской жизни «поисшатавшуюся» византійскую «старину», но жизнь шла помимо и вопреки этимъ тенденціямъ.

9.

Домострой.—Его открытіе и исторія изученія.—Дѣленіе памятника на части и главнѣйшія черты ихъ содержанія; положительныя и отрицательныя указанія Домостроя.— Степень оригинальности; вопросъ о литературныхъ вліяніяхъ на Домострой; его послѣдующая литературная судьба.

Подобно Стоглаву, Домострой также является памятникомъ, относительно котораго далеко не все представляется безспорнымъ; въ особенности по важнѣйшимъ вопросамъ о происхожденіи и первоначальномъ составѣ Домостроя въ ученой литературѣ держатся почти совершенно противоположныя другъ другу мнѣнія; въ связи съ этимъ является спорнымъ вопросъ и объ авторѣ этого произведенія, историческое значеніе котораго ставитъ его на одно изъ первыхъ мѣстъ среди литературныхъ явленій XVI вѣка.

Прослѣдимъ въ краткихъ чертахъ главнѣйшіе моменты ученой разработки этого памятника. Впервые сдѣлался извѣстенъ Домострой въ 1849 году, будучи напечатанъ, за подписью Д. П. Голохвастова, въ I книжкѣ «Временника» Московскаго Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ и затѣмъ отдѣльно (М. 1849) подъ заглавіемъ «Домострой Благовѣщенскаго попа Сильвестра». Первый издатель получилъ указаніе на этотъ памятникъ отъ директора училищъ Тверской губерніи Н. М. Коншина, который прислалъ Голохвастову въ маѣ 1848 года рукописный сборникъ XVI вѣка,

содержавшій между прочимъ и Домострой. Положивъ въ основу своего изданія этотъ Коншинскій списокъ, Голохвастовъ употребилъ для подведенія варьянтовъ еще четыре списка—Погодина, Царскаго, Архивскій и Большакова—всѣ XVII вѣка; впрочемъ, главный трудъ по этому изданію принадлежалъ Коншину, работавшему по порученію и подъ наблюденіемъ Голохвастова. Для послѣдняго не было никакого сомнѣнія въ томъ, что Домострой написанъ былъ извѣстнымъ современникомъ царя Ивана IV Сильвестромъ, и совершенно не существовало вопроса о первоначальномъ видѣ Домостроя, который усматривался именно въ спискѣ, послужившемъ основою для перваго изданія. Интересно отмѣтить, что почти одновременно съ этимъ, въ томъ же 1849 году, И. П. Сахаровъ напечаталъ отрывки изъ Домостроя во II томѣ своихъ «Сказаній русскаго народа», однако мы не имѣемъ никакихъ указаній на взаимную освѣдомленность Коншина, Голохвастова и Сахарова о работахъ другъ друга по поводу столь важной литературной находки. Въ 1850 году И. Е. Забѣлинъ въ VI кн. того же «Временника» напечаталъ двѣ дополнительныя главы къ Домострою, причемъ принадлежность Домостроя Сильвестру подтвердилъ указаніемъ на свидѣтельство одного новаго списка, первая глава котораго начинается такъ: «Благословляю я, грѣшный Сильвестръ, и поучаю и наказую и вразумляю единочадаго сына своего Анѳима, его жену Пелагею и ихъ домочадцовъ...» Дальнѣйшіе авторы—Ѳ. И. Буслаевъ, А. Н. Аѳанасьевъ, К. С. Аксаковъ, И. И. Срезневскій, И. Я. Порфирьевъ—касавшіеся Домостроя мимоходомъ или (напр. послѣдній, въ «Правосл. Собес». 1860, ч. III) посвящавшіе ему спеціальное вниманіе, не высказывались противъ авторства Сильвестра или считали этотъ вопросъ несущественнымъ; другіе спорные вопросы относительно этого памятника также не затрагивались. Въ 1867 году появилось въ Петербургѣ, подъ редакціей В. А. Яковлева, новое изданіе Домостроя, не внесшее почти ничего существеннаго въ его историко-литературное изученіе. Такъ обстояло дѣло до 1872 года, когда въ III книгѣ «Чтеній» Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ (и отд. М. 1873) было напечатано обширное сочиненіе И. С. Некрасова «Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя». Здѣсь впервые вопросъ о Домостроѣ сталъ на болѣе широкую почву; памятникъ этотъ поставленъ въ связь съ нѣкоторыми однородными явленіями иноземныхъ литературъ, и въ частности—подвергнутъ былъ критическому разсмотрѣнію вопросъ о составѣ и происхожденіи Домостроя. Общая историко-литературная оцѣнка памятника осталась почти въ сторонѣ отъ вниманія этого изслѣдователя. Центръ тяжести въ сочиненіи Некрасова лежитъ въ использованіи имъ новаго списка Домостроя, принадлежащаго Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ и относящагося къ XVI вѣку. Этотъ списокъ изданъ былъ лишь десять лѣтъ спустя И. Е. Забѣлинымъ въ I кн. «Чтеній» за 1882 годъ (и отд. М. 1882) подъ заглавіемъ «Домострой по списку Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ»; Некрасовъ изучалъ его по рукописи. Признавъ этотъ «драгоцѣнный» и «самый важный» списокъ Домостроя вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ древнимъ, «по письму старше и лучше

Коншинскаго» и относящимся «если не къ первой четверти, то къ первой половинѣ XVI вѣка» (стр. 55. 73), новый изслѣдователь, сопоставляя списокъ Общества съ изданіемъ Голохвастова, нашелъ возможнымъ установить двѣ редакціи Домостроя—полную и сокращенную, изъ которыхъ первую видѣлъ въ спискѣ Общества, а вторую въ напечатанномъ спискѣ Коншина. Ко времени изученія Некрасовымъ Домостроя, отчасти благодаря его собственнымъ наблюденіямъ, было извѣстно уже до двухъ десятковъ списковъ этого памятника, XVI—XVIII вв., которые и могли быть распредѣлены между двумя установленными редакціями Домостроя. Установленіе этихъ двухъ редакцій дало возможность Некрасову поставить и разрѣшить въ довольно категорической формѣ и вопросъ объ его происхожденіи; главнѣйшіе выводы были формулированы слѣдующимъ образомъ. По содержанію Домострой, въ первой редакціи, можетъ быть раздѣленъ на три части: I «о духовномъ строеніи» (гл. 1—15), II «о мірскомъ строеніи» (гл. 16—29) и III «о домовномъ строеніи» (гл. 30—63); во второй редакціи въ общемъ могутъ быть усмотрѣны тѣ же отдѣлы, хотя распредѣленіе главъ въ нихъ нѣсколько иное. Части эти произошли не одновременно и не принадлежатъ одному автору. Древнѣйшей частью надо считать послѣднюю—о домовномъ строеніи; она составлена была уже въ XV вѣкѣ въ Новгородѣ. Въ XV же вѣкѣ составлена была и вторая часть—о мірскомъ строеніи—тоже въ Новгородѣ, для какого-нибудь богатаго боярина. Авторы этихъ произведеній неизвѣстны. Позднѣе другихъ, но все-таки не позже конца XV или начала XVI вѣка, была составлена первая часть—о духовномъ строеніи—также въ Новгородѣ или въ Московской Руси опять новымъ лицомъ, которому принадлежитъ и полный изводъ цѣлаго Домостроя въ томъ видѣ, какой представляетъ намъ его первая редакція. Въ половинѣ XVI вѣка, въ Москвѣ, за переработку этого сочиненія взялся Сильвестръ, и она именно составляетъ вторую редакцію Домостроя. Новый редакторъ старался отуземить новгородскій Домострой, приспособляя его къ Москвѣ, внося нѣкоторыя несущественныя измѣненія и выпуская то, что шло только къ Новгороду, такъ что въ общемъ Домострой былъ сокращенъ. Кромѣ того, Сильвестръ устранилъ краткое предисловіе первой редакціи, а въ концѣ прибавилъ довольно обширное наставленіе къ своему сыну Анфиму, въ которомъ сдѣлалъ сводку всего содержанія Домостроя и внесъ нѣкоторыя автобіографическія черты (ср. стр. 184). Эти выводы Некрасова получили довольно прочное положеніе въ наукѣ: ихъ ввели въ свои общія обозрѣнія Порфирьевъ, Пыпинъ и др. Между тѣмъ, въ научной разработкѣ вопроса о Домостроѣ имѣется другая точка зрѣнія, позволяющая смотрѣть на происхожденіе и первоначальную судьбу этого памятника совершенно иначе; она принадлежитъ А. В. Михайлову и выражена имъ въ сочиненіи «Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи» (Журн. М. Н. Пр. 1889 №№ 2 и 3 и отд. Спб. 1889). Сочиненіе это—критическаго характера и представляетъ подробный разборъ выводовъ Некрасова относительно Домостроя; въ результатѣ—авторъ находитъ совершенно несостоятельной гипотезу Некрасова и самъ приходитъ къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Прежде всего, Михайловъ оспариваетъ главное положеніе Некрасова о редакціяхъ. Допуская, хотя и

не безъ оговорокъ, бо́льшую древность списка Общества сравнительно съ утеряннымъ спискомъ Коншина, Михайловъ полагаетъ однако же, что древность списка не совпадаетъ въ данномъ случаѣ съ древностью редакціи самого памятника, и основную ошибку Некрасова видитъ въ томъ, что лишь на основаніи внѣшнихъ признаковъ онъ принялъ древность списка за древность редакціи; другимъ принципіальнымъ заблужденіемъ Некрасова онъ считаетъ то, что тотъ придалъ слишкомъ большое значеніе «предисловію» списка Общества, говорящему о трехъ частяхъ Домостроя. Со своей стороны Михайловъ полагаетъ, что бо́льшая древность редакціи Домостроя должна быть признана за Коншинскимъ спискомъ и другими, представляющими, по Некрасову, вторую редакцію, менѣе подробную и обладающую наставленіемъ автора къ сыну Анфиму; редакцію же, представленную спискомъ Общества и сходными съ нимъ, онъ считаетъ распространеніемъ первой и обезличеніемъ ея путемъ устраненія наставленія къ сыну Анфиму; краткое «предисловіе» списка Общества онъ считаетъ позднѣйшей прибавкой. Критикъ отвергаетъ предположеніе Некрасова, основанное главнымъ образомъ на позднѣйшемъ предисловіи, будто всѣ три части Домостроя писаны въ разное время и разными авторами: не усматривая въ нихъ противорѣчій и видя, напротивъ, извѣстное единство плана, Михайловъ полагаетъ, что всѣ онѣ могутъ быть приписаны одному автору и что Домострой, слѣдовательно, есть памятникъ не коллективнаго, а единоличнаго творчества, возникшій притомъ не въ Новгородѣ, а въ Москвѣ, въ половинѣ XVI вѣка. Вторая, болѣе распространенная, редакція возникла вскорѣ послѣ первой. Именно, какому-нибудь грамотѣю, поборнику власти московскаго царя, что видно изъ особыхъ намековъ на это во второй редакціи, и женоненавистнику (главу предшествующей редакціи «похвала женамъ» онъ видоизмѣняетъ въ «похвалу мужемъ») попался подъ руки Домострой, писанный отцомъ для своего «единочадаго сына» Анфима; памятникъ этотъ былъ прочитанъ, понравился, и грамотѣй, задумавъ пустить его во всеобщее употребленіе, стираетъ по возможности всѣ личныя черты, переставляетъ—иногда довольно неумѣло—нѣкоторыя главы и вноситъ кое-какія дополненія. Такая переработка памятника для болѣе широкаго круга читателей повлекла за собою, съ одной стороны, устраненіе личнаго наставленія сыну, а съ другой—прибавленіе своего «предисловія», въ которомъ новый редакторъ въ общемъ передаетъ все содержаніе памятника, раздѣляя его на три части. Наконецъ, что касается автора Домостроя въ его первоначальномъ видѣ, то Михайловъ полагаетъ, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ въ самомъ памятникѣ, онъ долженъ быть лицо духовное, притомъ не монахъ, и что нѣтъ особыхъ основаній отрицать, что авторомъ былъ дѣйствительно Благовѣщенскій попъ Сильвестръ, какъ предполагалъ первый издатель этого памятника [1]). Таковы окончательные выводы обоихъ изслѣдователей; послѣдовавшая полемика между ними [2]) не прибавила ничего новаго къ основнымъ положеніямъ той и другой стороны

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1889 № 2, стр. 323—324; № 3, стр. 150—151. 159. 168—170. 171—173.

[2]) И. С. Некрасовъ. Къ вопросу о Домостроѣ. Ж. М. Н. Пр. 1889 № 6; А. В Михайловъ. Еще къ вопросу о Домостроѣ. Ж. М. Н. Пр. 1890 № 8.

и лишь укрѣпила, по нашему мнѣнію, позицію, принятую Михайловымъ. Не отрицая большой заслуги Некрасова въ широкой постановкѣ вопроса о Домостроѣ и въ разъясненіи нѣкоторыхъ частностей, мы склонны однако же отдать преимущество аргументаціи Михайлова, убѣдительность которой заключается главнымъ образомъ въ обращеніи автора къ внутреннему анализу памятника, тогда какъ для Некрасова исходной точкой является болѣе всего предполагаемая древность одного списка, который онъ считаетъ родоначальникомъ первой редакціи Домостроя. Вопросъ объ авторствѣ Сильвестра остался у Михайлова на той же точкѣ, какъ и у Голохвастова въ 1849 году; однако какъ тогда, такъ и теперь онъ является весьма спорнымъ [1]). Въ послѣднее время Домострой по Коншинскому списку (который долгое время считался утеряннымъ, но затѣмъ былъ найденъ среди рукописей Императорской Публичной Библіотеки) вновь изданъ А. С. Орловымъ во II кн. «Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1908 годъ. Новый издатель отнесся съ величайшимъ вниманіемъ къ тексту знаменитаго памятника, воспроизведя его съ большой точностью по списку Н. М. Коншина, какъ самому древнему изъ извѣстныхъ доселѣ одиннадцати списковъ этой редакціи Домостроя; на основаніи палеографическихъ соображеній г. Орловъ относитъ этотъ списокъ къ концу XVI—началу XVII вѣка и считаетъ его «наиболѣе удобнымъ для основы изданія, старшимъ по формѣ словъ, пожалуй самымъ исправнымъ» (первая половина, стр. 39. 80). Для подведенія разночтеній г. Орловъ воспользовался пятью списками той же редакціи (изъ Древлехранилища Погодина, Импер. Публичной Библіотеки и собранія П. И. Щукина, XVII—XVIII вв.). Историко-литературныхъ вопросовъ по существу относительно Домостроя новый издатель совсѣмъ не затрогиваетъ.

Для сужденія о содержаніи Домостроя слѣдуетъ отправляться отъ его древнѣйшей редакціи, поскольку мы ее знаемъ изъ Коншинскаго списка и другихъ списковъ, къ нему примыкающихъ. Конечно, мы не имѣемъ никакого ручательства за то, что эта редакція вполнѣ совпадаетъ съ оригиналомъ памятника, какъ онъ вышелъ изъ-подъ пера его автора; напротивъ, нѣкоторая логическая непослѣдовательность въ размѣщеніи главъ въ разныхъ частяхъ памятника свидѣтельствуетъ о томъ, что уже и въ этой древнѣйшей изъ извѣстныхъ намъ редакцій памятникъ могъ подвергнуться нѣкоторымъ ре-

---

[1]) Изъ послѣдующей литературы о Домостроѣ, органически примыкающей къ вопросамъ, поднятымъ Некрасовымъ и Михайловымъ, здѣсь можно указать еще на замѣтку А. И. Яцимирскаго «Вновь найденный списокъ Домостроя», въ «Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ» 1897 № 9 (отд. М. 1897). Авторъ сообщаетъ о новомъ спискѣ нашего памятника, находящемся въ собраніи П. И. Щукина въ Москвѣ. Онъ относится къ типу Коншинскаго списка, слѣд. къ первоначальной редакціи Домостроя. Въ записи къ этому экземпляру сообщается, что «писаніе сіе составлено на Москвѣ нѣкоимъ мудрецомъ Нестеромъ Селиверстовымъ новгородцемъ въ 1552 году». За хронологической датой въ вопросѣ о времени происхожденія Домостроя должно быть признано немаловажное значеніе; что же касается имени автора, то запись вноситъ въ этотъ вопросъ неясные, но интересные намеки, не дающіе впрочемъ ничего положительнаго (см. отд. отт., стр. 6),

дакціоннымъ, а б. м. и инымъ, измѣненіямъ сравнительно со своимъ первоначальнымъ видомъ. Всего естественнѣе дѣлить Домострой не на три части, какъ это сдѣлалъ его передѣлыватель въ XVI вѣкѣ («предисловіе» въ спискѣ Общества) и какъ дѣлаютъ позднѣйшіе изслѣдователи, съ И. С. Некрасовомъ во главѣ, а на двѣ, что правильно указано А. В. Михайловымъ: въ первой части (главы I—XXV) имѣются религіозно-нравственныя наставленія, а во второй (главы XXVI—LXIII) совѣты практическаго, житейскаго характера, причемъ первой части будутъ соотвѣтствовать приблизительно первая и вторая часть другого дѣленія (о духовномъ строеніи и о мірскомъ строеніи), тогда какъ вторая часть совпадаетъ въ общемъ съ третьей частью другого дѣленія (о домовномъ строеніи).

I глава первой части имѣетъ характеръ введенія («наказаніе отъ отца къ сыну»), въ которомъ указывается на важность преподанныхъ далѣе наставленій и на необходимость ихъ выполненія ради достиженія идеала «христіанскаго жительства». Въ трехъ послѣдующихъ главахъ (II—IV) даются краткія наставленія догматическаго и религіозно-обрядоваго свойства о томъ, какъ вѣровать въ св. Троицу, кресту Христову, св. мощамъ, какъ причащаться и пр., причемъ и тутъ авторъ даетъ чисто практическіе совѣты, вродѣ того, какъ при причастіи «губами не сверкати», просфиру ѣсть «со опасеніемъ», губами и ртомъ «не чавкати» (по изд. Голохвастова стр. 3—4, Орлова стр. 5—6). Главы V—XV посвящены опредѣленію отношеній мірского человѣка къ его семьѣ, къ церкви, къ духовному и монашескому чину, къ обрядовой сторонѣ христіанскаго благочестія, включая сюда и религіозное воспитаніе дѣтей; въ тѣсную связь съ этимъ поставлено (въ гл. VII) и почитаніе царя и князя. Среди этихъ наставленій, не представляющихъ чего-либо оригинальнаго, есть и совѣты другого рода, напримѣръ, въ главѣ X: «Егда званъ будеши кимъ на бракъ, не сѣди на преднемъ мѣстѣ: егда кто честнѣе тебе будетъ званныхъ имъ, и пришедъ иже тебѣ звавый онаго речетъ: ты даждь сему мѣсто, и тогда начнеши со студомъ послѣднее мѣсто держати; но егда званъ будеши, шедъ сяди на послѣднемъ мѣстѣ, да егда пріидетъ звавый тя и речетъ ти: друже, посяди выше, тогда будетъ ти слава предъ возлежащими съ тобой, яко возносяйся смирится, а смиряйся вознесется» (Голохв. стр. 11—12, Орловъ стр. 9). Извѣстное отступленіе отъ общаго характера этой части представляетъ и вся XI глава, посвященная вопросу о томъ, «како кормити приходящихъ въ дому съ благодареніемъ»; тутъ дается немало мѣста предостереженію отъ пьянства, и картинно изображены происходящія на пирахъ «скаредныя рѣчи и блудные, срамословіе и смѣхотвореніе и всякое глумленіе, и гусли и плесаніе, и плесканіе и скоканіе, и всякіе игры и пѣсни бѣсовскіе», когда участники пира «зернью и шахматы тѣшатся», «ѣству и питіе и всякіе овощи въ поруганіе помещутъ и проливаютъ, другъ друга шибаютъ и обливаютъ» (Голохв. стр. 13, Орловъ стр. 10). Въ главахъ XVI—XXIII предлагаются разнаго рода наставленія о семейной жизни, о взаимныхъ отношеніяхъ жены и мужа, о воспитаніи дѣтей, о слугахъ; сюда же по содержанію относятся и нѣкоторыя главы второй части памятника, напримѣръ XXIX («поучати мужу жена своя»), XXXIV («по вся дни женѣ съ мужемъ о всемъ спрашиватися»), XXXVI

(«женамъ наказъ о пьянствѣ»), отчасти XXXVIII («какъ избная порядня устроити хорошо и чисто»). Тутъ есть мѣста, получившія большую извѣстность, напримѣръ, касательно воспитанія дѣтей и отношеній мужа къ женѣ: «Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравіе будетъ... Дщерь ли имаши, положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ, да не посрамиши лица своего, да въ послушаніи ходитъ» (Голохв. стр. 24, Орловъ стр. 14—15). «И увидитъ мужъ что непорядливо у жены и у слугъ или не по тому о всемъ, что въ сей памяти писано—ино бы умѣлъ свою жену наказывати всякимъ разсуженіемъ и учити... Аще жена по тому наученію и наказанію не живетъ и такъ того всего не творитъ и сама того не знаетъ и слугъ не учитъ—ино достоитъ мужу жена своя наказывати и пользовати страхомъ наединѣ, и понаказавъ и пожаловати и примолвити... А только жены или сына или дщери слово или наказаніе не иметъ, не слушаетъ и не внимаетъ и не боится и не творитъ того, какъ мужъ или отецъ или мати учитъ—ино плетью постегать, по винѣ смотря, а побить не передъ людьми, наединѣ, поучити да примолвити и пожаловати..., а плетью съ наказаніемъ бережно бити: и разумно и больно, и страшно и здорово. А только великая вина и кручиновато дѣло и за великое и страшное ослушаніе и небреженіе—ино соймя рубашка плеткою вѣжливенько побить за руки держа, по винѣ смотря; да поучивъ примовити, а гнѣвъ бы не былъ, а люди бы того не вѣдали и не слыхали» (Голохв. стр. 67—68, Орловъ стр. 37—38). На рубежѣ между первой и второй частью помѣщены двѣ главы (XXIV и XXV), въ сущности составляющія одно цѣлое: «о неправедномъ житіи» и «о праведномъ житіи»; тутъ какъ бы подводится итогъ цѣнности преподанныхъ наставленій, которыя не должны оставаться мертвой буквой, а служить дѣйствительнымъ руководствомъ жизни: «А кто не по Бозѣ живетъ, не по христіанскому жительству, и страху Божія не имѣетъ, и отеческаго преданія не хранитъ, и къ церкви Божіей не ходитъ...» и т. д., что указано въ предшествующихъ главахъ, «прямо всѣ вкупѣ будутъ въ адѣ, а здѣ прокляти», и наоборотъ: «еще кто по Бозѣ живетъ и по заповѣдемъ Господнимъ и по отеческому преданію и по христіанскому закону»—того «молитву Богъ услышитъ и отъ грѣховъ свободитъ и жизнь вѣчную даруетъ» (Голохв. стр. 45—48, Орловъ стр. 24—25). Вторая часть заключаетъ въ себѣ подробныя наставленія о томъ, какъ надо устраивать свой домъ, вести хозяйство, управлять слугами, заготовлять своевременно провизію, устраивать пріемъ гостей, соразмѣрять расходы съ доходами, уплачивать пошлины, обходиться съ нужными людьми и т. д.—цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ практическихъ указаній, среди которыхъ то тамъ, то тутъ вставлены и болѣе общія наставленія касательно домашней жизни. Мало интересная, въ противоположность первой части, въ собственно литературномъ отношеніи, вторая часть имѣетъ первостепенный интересъ для историка стариннаго русскаго быта.

Совершенно самостоятельное значеніе имѣетъ послѣдняя (LXIV) глава Домостроя, отсутствующая въ спискахъ позднѣйшей редакціи. Это—«посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну», являющееся личнымъ обращеніемъ попа Сильвестра къ своему сыну Анфиму. Въ произведеніи этомъ можно усмо-

рѣть двѣ стороны — общую и специальную: въ общей авторъ какъ бы резюмируетъ содержаніе первой части Домостроя, посвященной вопросамъ религіи, нравственности и общихъ правилъ христіанской жизни, а въ специальной — говоритъ о себѣ, о своей семьѣ и въ частности о сынѣ Анфимѣ. Тутъ мы находимъ цѣнныя черты для характеристики самого Сильвестра, конечно не лишенныя идеализаціи въ цѣляхъ т. ск. педагогическихъ: «Видѣлъ еси, чадо, како въ житіи семъ жихомъ, во всякомъ благоговѣніи и страхѣ Божіи, и въ простотѣ сердца, и церковномъ прилежаніи со страхомъ, и божественнымъ писаніемъ пользуючися всегда: и како были, Божіею милостію, отъ всѣхъ почитаемъ и всѣми любимъ, и всякому и въ потребныхъ угоровилъ — и рукодѣліемъ и службою и покореніемъ, а не гордынею, ни прекословіемъ; не осужахъ никого, не просмѣвалъ, ни укаривалъ никого, ни бранивался ни съ кѣмъ; и пришла отъ кого обида, и мы Бога ради терпѣли и на себя вину полагали, и тѣмъ враги други быша... Видѣлъ еси, чадо мое: многихъ пустошныхъ сиротъ и работныхъ и убогихъ, мужеска полу и женска, и въ Новгородѣ и здѣ на Москвѣ вскормихъ и вспоихъ до совершенна возраста; изучихъ, кто чево достоинъ: многихъ грамотѣ и писати и пѣти, иныхъ иконнаго письма, иныхъ книжного рукодѣлія, овѣхъ серебреново мастерства и иныхъ всякихъ многихъ рукодѣлей, а иныхъ всякими многими торговли изучихъ торговать. А мати твоя многіе дѣвицы и вдовы пустошные и убогіе воспитала въ добрѣ наказаніи, изучила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу и, надѣливъ, замужъ выдала; а мужескій полъ поженили у добрыхъ людей...» (Голохв. стр. 108—109, Орловъ стр. 65—66). Въ концѣ своего «посланія» авторъ даетъ Анфиму, бывшему тогда на службѣ «въ царской казнѣ, у таможенныхъ дѣлъ», совѣты касательно его служебныхъ обязанностей — служить «вѣрой да правдой», блюсти интересъ государя, быть справедливымъ, не мстить: «къ казначеемъ буди послушенъ, а съ товарищами совѣтенъ, а къ подъячимъ и мастеромъ и къ сторожемъ грозенъ и любовенъ, и ко всякимъ людемъ привѣтенъ» (Голохв. стр. 113—114, Орловъ стр. 70). «Посланіе» Сильвестра къ сыну Анфиму называется «малымъ» Домостроемъ, въ отличіе отъ «большого» Домостроя, резюмирующимъ дополненіемъ котораго оно является.

Совершенно естественно, что памятникъ такого характера, какъ Домострой, имѣвшій въ виду захватить разнообразныя стороны человѣческой жизни и дать по возможности всеобъемлющія нравственно-религіозныя и житейскія наставленія служилому человѣку, купцу, промышленнику, горожанину или сельскому жителю, не могъ быть произведеніемъ вполнѣ оригинальнымъ и независимымъ отъ литературныхъ образцовъ и вліяній. Что касается формы обращенія «отъ отца къ сыну», которая усвоена не одной только заключительной главѣ, но и всему сочиненію, то въ этомъ отношеніи Домострой примыкаетъ къ цѣлому ряду подобныхъ произведеній, самый ранній образчикъ которыхъ въ русской литературѣ находимъ мы въ Поученіи Владиміра Мономаха (см. выше, стр. 13). Въ отношеніи же содержанія Домостроя, указаніе на факты заимствованія является болѣе затруднительнымъ. Проф. Некрасовъ въ первой главѣ своего изслѣдованія[1])

[1]) Опытъ, стр. 19—54.

представилъ нѣсколько интересныхъ данныхъ о существованіи подобныхъ же произведеній до Домостроя во французской, итальянской, нѣмецкой, чешской и польской литературахъ, но они не даютъ повода къ сколько-нибудь положительнымъ заключеніямъ объ опредѣленныхъ заимствованіяхъ или вліяніяхъ на нашъ памятникъ; точно также ничего не даетъ и указаніе проф. Шестакова на памятникъ византійской литературы XI вѣка «Стратигикъ», принадлежащій перу автора изъ армянской фамиліи Кекавменовъ, наличность котораго даетъ названному ученому лишь возможность высказать общее предположеніе о томъ, что нашъ Домострой могъ подвергнуться вліянію какого-либо подобнаго византійскаго литературнаго образца черезъ посредство южно-славянской письменности [1]). Мы полагаемъ, напротивъ, что Домострою въ его цѣломъ видѣ трудно будетъ подыскать какой-либо образецъ изъ литературъ иноземныхъ: онъ является очевиднымъ продуктомъ самой русской жизни, складывавшейся вѣками. Другое дѣло— частности литературнаго изложенія. Въ самомъ памятникѣ, кромѣ книгъ Св. Писанія, есть ссылки на Василія Кессарійскаго, на правила вселенскихъ соборовъ, на сборникъ «Старчество», Прологъ и т. д.; кромѣ того, въ немъ имѣются заимствованія изъ «Стоглава» Геннадія, Измарагда, Златой Цѣпи, Златоуста, б. м. поученій Серапіона Владимірскаго, монастырскихъ «обиходниковъ» и т. п. [2]); въ несомнѣнной связи съ содержаніемъ Домостроя стоятъ и многочисленныя «слова отъ отца къ сыну», разсѣянныя въ рукописныхъ сборникахъ XIV—XVI вѣковъ и заключающія въ себѣ разнообразныя наставленія преимущественно религіозно-нравственнаго содержанія. Во всякомъ случаѣ можно сказать съ увѣренностью, что первая часть Домостроя, содержащая въ себѣ назиданія въ области морали и религіознаго благочестія, гораздо менѣе оригинальна, чѣмъ вторая: въ то время какъ первая слагалась подъ вліяніемъ византійскихъ традицій и литературныхъ памятниковъ, служившихъ имъ выраженіемъ, вторая включила въ себя въ значительной степени опытъ самой русской жизни, въ матеріальныхъ чертахъ несравненно болѣе самобытной въ XVI вѣкѣ, чѣмъ тогдашнее господствующее русское міросозерцаніе и общій складъ религіозно-нравственныхъ представленій.

Литературная судьба Домостроя въ послѣдующія столѣтія представляется вопросомъ, еще нуждающимся въ спеціальной научной разработкѣ. Въ XVI—XVIII вв. онъ продолжалъ жить и умножался въ рукописныхъ экземплярахъ, число которыхъ однако же, поскольку это до сихъ поръ извѣстно, не превосходитъ трехъ десятковъ. Конечно, можно съ увѣренностью предполагать, что въ старину ихъ было гораздо больше и кое-какіе изъ нихъ, б. м., сдѣлаются извѣстны впослѣдствіи; однако, въ общемъ, имѣющіяся теперь данныя не позволяютъ предполагать очень значительнаго распространенія этого памятника въ средѣ читателей. Одной изъ причинъ этого явленія былъ, безъ сомнѣнія, сравнительно большой объемъ До-

[1]) С. Шестаковъ. Византійскій типъ Домостроя и черты сходства его съ Домостроемъ Сильвестра. Византійскій Временникъ. Т. VIII (1901), стр. 63.

[2]) Некрасовъ, назв. соч., стр. 103—130.

мостроя, затруднявшій его переписку; другой могло быть самое содержаніе этого произведенія, стремившагося закрѣпить въ XVI вѣкѣ «старину», но силою вещей отстававшаго въ разныхъ своихъ частяхъ отъ впередъ двигавшейся жизни; въ XVIII же вѣкѣ, послѣ эпохи преобразованій, Домострой могъ оказаться въ глазахъ многихъ даже вредной книгой, какъ идеалъ отжившаго прошлаго. Что касается списковъ Домостроя въ XVI и XVII вв., то мы уже видѣли, что вскорѣ по возникновеніи этого памятника, въ серединѣ XVI вѣка, появляется его распространенная передѣлка, представителемъ которой является списокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, изданный И. Е. Забѣлинымъ. Отличія этого списка отъ первоначальной редакціи (но при другомъ общемъ взглядѣ на дѣло) прослѣжены проф. Некрасовымъ [1]), и на характерныя черты этой передѣлки было уже указано (см. выше, стр. 206—207). Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что въ предѣлахъ этихъ двухъ установленныхъ редакцій въ теченіе XVI и XVII столѣтій Домострой подвергался измѣненіямъ лишь въ перестановкѣ отдѣльныхъ главъ, въ выпускѣ однѣхъ и помѣщеніи другихъ; есть, напр., списки съ совершеннымъ пропускомъ главъ, относящихся до хозяйства; есть другіе—съ прибавленіемъ главы о двуперстіи, что особенно было цѣнно для старообрядцевъ, и т. п.; внутри же главъ измѣненія дѣлались очень незначительныя, что и совершенно понятно, такъ какъ памятникъ заключалъ въ себѣ указанія на вполнѣ сложившійся бытъ (въ идеальныхъ его чертахъ), который можно было принять или отвергнуть, но въ который трудно было вводить тѣ или иныя частичныя измѣненія и поправки.

Историческое значеніе Домостроя въ русской литературѣ лежитъ въ той же области общаго стремленія руководителей русской жизни XVI вѣка укрѣпить старину, какъ это имѣло мѣсто и въ постановленіяхъ Стоглаваго собора. Разница главнѣйшимъ образомъ заключается въ томъ, что авторъ Домостроя, желая дать положительные совѣты жизни, рисуетъ идеалъ, къ которому надо стремиться, а отцы собора 1551 года обратили свое вниманіе преимущественно на недостатки, которыхъ нужно избѣгать. Впрочемъ, и Домострой, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, не свободенъ отъ указаній на печальную дѣйствительность, что увеличиваетъ его значеніе не только какъ идеальной картины нравственно-религіозной и бытовой старины, но отчасти и какъ невольной сатиры самой дѣйствительности: въ качествѣ примѣра этого, кромѣ указаннаго раньше (см. стр. 210), можно привести XXIII главу («како врачеватися христіяномъ отъ болѣзни и отъ всякихъ скорбей»), гдѣ авторъ перечисляетъ цѣлый рядъ частностей изъ области осуждаемыхъ имъ «злыхъ нравовъ и обычаевъ и всякихъ неподобныхъ дѣлъ» (по изд. Голохвастова стр. 38—40, Орлова стр. 22—23). Въ основѣ же своей Домострой, по справедливому замѣчанію одного изслѣдователя [2]), является лучшимъ и полнѣйшимъ выраженіемъ русскаго «стародумства» XVI вѣка.

---

[1]) Опытъ, стр. 56—73.

[2]) И. Н. Ждановъ. Сочиненія. Т. I, стр. 230.

10.

Русскіе путешественники XVI вѣка въ чужія земли.—Василій Позняковъ и Трифонъ Коробейниковъ; вопросъ объ ихъ литературномъ взаимоотношеніи.—Основныя черты «Хожденія» Коробейникова со стороны содержанія и формы; причины его успѣха среди читателей.

Наконецъ, въ обозрѣніи литературныхъ памятниковъ XVI вѣка нельзя оставить безъ вниманія и описанія путешествій въ чужія земли. Какъ и во второй половинѣ XV вѣка, Царьградъ, находившійся во власти турокъ, не привлекаетъ русскихъ путешественниковъ въ качествѣ спеціальнаго мѣста паломничества, хотя дорога въ Святую Землю лежитъ черезъ него по прежнему. Изъ путешествій на востокъ, въ нѣкоторую параллель къ Аѳанасію Никитину, можно отмѣтить въ XVI вѣкѣ не лишенныя интереса записки казацкихъ атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, совершившихъ въ 1567 году путешествіе въ Китай, по порученію царя Ивана IV, «за Сибирь государство провѣдывать»[1]); впрочемъ, это описаніе, по своей сухости и нѣсколько офиціальному тону, не можетъ быть поставлено въ уровень съ трудомъ знаменитаго тверитянина XV вѣка. Главнымъ мѣстомъ путешествій оставалась и въ XVI вѣкѣ Палестина съ прилежащими восточными странами, православнымъ іерархамъ которыхъ русскіе цари стали посылать въ это время богатую милостыню. Среди литературныхъ памятниковъ этихъ сношеній видное мѣсто занимаютъ труды, носящіе на себя имена Василія Познякова и Трифона Коробейникова.

Судьба этихъ сочиненій въ прошломъ весьма своеобразна и до сихъ поръ недостаточно выяснена, вызывая совершенно разнорѣчивыя мнѣнія ученыхъ изслѣдователей. «Хожденіе» купца Василія Познякова на Синай и въ Іерусалимъ, въ качествѣ спутника іеродіакона Новгородской Софійской церкви Геннадія, совершено было въ 1558—1561 годахъ, причемъ по дорогѣ, въ Царьградѣ, Геннадій скончался, и дальнѣйшее путешествіе Познякову, съ небольшой свитой, пришлось выполнить самостоятельно. Путешествіе имѣло характеръ посольства отъ царя Ивана IV, въ отвѣтъ на обращенную къ царю просьбу александрійскаго патріарха Іоакима о милостынѣ для поправленія обветшавшей Синайской обители; царь не только удовлетворилъ просьбу Іоакима, но вмѣстѣ съ тѣмъ пожелалъ отправить со своими посланцами милостыню и другимъ восточнымъ патріархамъ, руководясь при этомъ не одними религіозными побужденіями, но едва ли не въ большей степени и тѣмъ положеніемъ, которое, съ точки зрѣнія новыхъ политическихъ условій русской жизни, долженъ былъ занимать въ глазахъ православнаго востока московскій царь. Литературнымъ послѣдствіемъ этого путешествія явился трудъ, съ именемъ купца Василія Познякова, сохранившійся до насъ всего въ трехъ, не особенно исправныхъ,

---

[1]) Изданы И. Сахаровымъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа» II (1849) и А. Н. Поповымъ въ «Изборникѣ» (1869), стр. 430—437.

спискахъ XVII вѣка. Извѣстное еще Карамзину (который, впрочемъ, считалъ авторомъ его повидимому іеродіакона Геннадія), сочиненіе это было издано однако же лишь въ 1884 году И. Е. Забѣлинымъ въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс.» кн. I. и, затѣмъ, второй разъ Х. М. Лопаревымъ въ 18 вып. «Православнаго Палестинскаго Сборника» въ 1887 году. Текстъ этого памятника предваренъ посланіемъ царя Ивана IV къ патріарху Іоакиму, встрѣчающимся, въ отдѣльномъ видѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ рукописяхъ XVII вѣка. Купецъ Трифонъ Коробейниковъ путешествовалъ нѣсколько позднѣе—и не одинъ разъ: въ 1582—83 годахъ онъ участвовалъ, вмѣстѣ въ Юріемъ Грекомъ, въ посольствѣ купца Мишенина, посланнаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Царьградъ и на Аѳонскую гору съ милостыней объ упокоеніи души царевича Ивана, убитаго отцомъ незадолго передъ этимъ; второй разъ Коробейниковъ, пожалованный уже въ дворцовые дьяки, ѣздилъ на востокъ—въ Царьградъ, Антіохію, Іерусалимъ, Египетъ и на Синайскую гору—въ 1593 и 94 годахъ, вмѣстѣ съ дьякомъ Огарковымъ, на этотъ разъ по порученію новаго царя Ѳеодора Ивановича, съ заздравной милостыней по случаю рожденія царевны Ѳеодосіи Ѳеодоровны (род. 1592). Результатомъ этихъ путешествій явились три произведенія, связанныя съ именемъ Трифона Коробейникова: описаніе путешествія 1582 года, описаніе путешествія 1593 года и отчетъ о раздачѣ милостинныхъ денегъ, относящійся къ 1594 году. Оставляя въ сторонѣ послѣднее произведеніе, какъ лишенное литературнаго интереса, слѣдуетъ отмѣтить, что второе произведеніе заключаетъ въ себѣ лишь описаніе пути отъ Москвы до Царьграда, первое же посвящено Іерусалиму и Синайской горѣ. Это послѣднее сочиненіе издавна пріобрѣло въ читающей публикѣ громадную популярность и имѣло очень большое распространеніе какъ въ рукописяхъ (которыхъ, начиная съ XVI вѣка, насчитывается болѣе 200), такъ и въ печатномъ видѣ (впервые издано В. Г. Рубаномъ въ 1783 году). Литературную судьбу его такъ изображаетъ послѣдній издатель этого поистинѣ знаменитаго памятника, Х. М. Лопаревъ: «Безошибочно можно сказать, что изъ всѣхъ сочиненій русскихъ паломниковъ ни одно не пользовалось такою громкою извѣстностью и такимъ широкимъ распространеніемъ, какъ т. наз. Хожденіе Трифона Коробейникова. Начиная съ XVI вѣка и кончая настоящимъ временемъ, это путешествіе до того сдѣлалось народнымъ, что рѣшительно заслонило собою всѣ другія книги того же содержанія. О степени его распространенія можно заключить изъ громаднаго числа списковъ, въ которыхъ оно дошло до насъ, причемъ переписываніе его продолжалось даже и тогда, когда стали появляться уже печатныя его изданія, а эти послѣднія продолжаютъ выходить чуть не ежегодно и по настоящее время... Какъ высоко Хожденіе цѣнилось въ старину, видно изъ того, что оно помѣщалось иногда цѣликомъ въ хронографахъ—честь, которой удостоивались лишь очень немногіе любимцы древне-русской грамотной публики. Наконецъ, въ глазахъ нашихъ предковъ Хожденіе Коробейникова получило чуть не священный авторитетъ, помѣщаясь въ сборникахъ иногда между житіями святыхъ, поученіями Златоустаго, цер-

ковными пѣснями и другими статьями религіознаго содержанія» [1]). Однако въ наукѣ Трифону Коробейникову посчастливилось гораздо меньше. И. Е. Забѣлинъ, при изданіи въ 1884 году «Хожденія» Познякова, впервые высказалъ категорическое мнѣніе, что Коробейникова, какъ автора, почти не существуетъ, потому что приписываемое ему «Хожденіе» представляетъ собою простую передѣлку труда Познякова, причемъ новый редакторъ приноровилъ къ своимъ цѣлямъ это послѣднее сочиненіе, выбросилъ изъ него все то, что по времени и обстоятельствамъ не подходило къ дѣлу, и прибавилъ весьма немногое отъ себя. Этотъ взглядъ, въ еще болѣе опредѣленной формѣ, былъ развитъ Х. М. Лопаревымъ: «Коробейниковъ и никто изъ его товарищей не владѣлъ даромъ писательства; вернувшись въ Москву и, можетъ быть, желая все-таки дать отчетъ о своемъ хожденіи, они воспользовались забытымъ трудомъ Познякова и составили свои записки цѣликомъ по его сказанію. Поэтому самостоятельнаго разсказа о путешествіи Трифона вовсе нѣтъ; подъ именемъ его Хожденія скрывается литературное издѣліе, приноровившее къ своимъ цѣлямъ книгу Познякова» [2]). Впрочемъ, взглядъ этотъ, получившій широкое признаніе (его придерживается и Пыпинъ: И. Р. Л. I, стр. 203—208), вызвалъ, въ свою очередь, серьезный отпоръ со стороны М. В. Рубцова [3]), который, путемъ сравнительнаго анализа сочиненій, приписываемыхъ Познякову и Коробейникову, приходитъ къ мнѣнію, обратному выводамъ Лопарева и Забѣлина: именно, что оба «хожденія», т. е. Познякова и Коробейникова, литературную связь которыхъ невозможно отрицать, находятся между собою въ такомъ взаимоотношеніи, что подлиннымъ долженъ былъ признанъ трудъ Коробейникова, а компиляціей на основаніи его— сочиненіе Познякова, который принялся за свою работу позже Коробейникова, не смотря на то, что совершилъ свое путешествіе почти на четверть столѣтія раньше. Нѣкоторымъ частнымъ доводамъ и соображеніямъ г. Рубцова нельзя отказать въ извѣстной долѣ убѣдительности и въ остроуміи, но въ общемъ вопросъ объ оригинальномъ авторствѣ Познякова и Коробейникова относительно ихъ «Хожденій» остается открытымъ и спорнымъ, тѣмъ болѣе, что за произведеніями обоихъ этихъ авторовъ можно предполагать общій имъ обоимъ образецъ греческой паломнической литературы «Поклоненіе св. града Іерусалима», возникшій въ оригиналѣ въ первой половинѣ XVI в. и переведенный затѣмъ въ 1531 году на русскій языкъ [4]).

Въ данномъ случаѣ, намъ нѣтъ необходимости во что бы то ни стало стирать одно литературное имя въ пользу другого, и въ самыхъ отличіяхъ обоихъ «хожденій» есть достаточно данныхъ для признанія авторства

---

[1]) Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 27. Спб. 1888, стр. I—II.

[2]) Тамъ же, стр. XVII.

[3]) Въ статьѣ «Къ вопросу о хожденіи Трифона Коробейникова въ св. Землю въ 1582 году»: Ж. М. Н. Пр. 1901 № 4.

[4]) М. Голубцова. Къ вопросу объ источникахъ древне-русскихъ хожденій во Св. Землю. Чт. Общ. Ист. и Др. 1911, кн. 4, стр. 11—50.

какъ Позднякова, такъ и Коробейникова. Но если, при несомнѣнномъ заимствованіи одного изъ другого, надо выдвинуть кого-либо изъ нихъ въ общую картину литературныхъ явленій XVI вѣка, то, въ виду настоящаго положенія этого вопроса, правильнѣе сдѣлать это въ пользу Коробейникова, признаніе котораго въ народной читающей средѣ освящено рядомъ столѣтій, основано на извѣстномъ преданіи, и сохранившіеся списки сочиненія котораго ведутъ свое начало уже со второй половины XVI вѣка, тогда какъ и болѣе позднее происхожденіе имѣющихся списковъ сочиненія Позднякова, и скудное ихъ число, безъ сомнѣнія, говорятъ до извѣстной степени противъ послѣдняго въ этомъ отношеніи.

«Хожденіе» Трифона Коробейникова, описывающее часть его путешествія въ 1593—94 годахъ, отъ Москвы до Царьграда [1]), не можетъ, конечно, по своему объему, содержанію и историческому значенію стать въ уровень съ «Хожденіемъ» 1582 года, описывающимъ путешествіе въ Палестину, Египетъ и на Синай [2]). Путь Коробейникова и его спутниковъ шелъ черезъ Смоленскъ и Литву. Авторъ описываетъ попадавшіяся по дорогѣ города и села, отмѣчая между ними разстоянія, указывая на рѣки и пруды и давая попутно разныя другія свѣдѣнія. «Отъ городка отъ Полонъ—говоритъ онъ, напр., въ одномъ мѣстѣ—до городка до Костянтинова полъ 40 верстъ. Городъ Костянтиновъ деревянной, съ Вязму, подъ нимъ река, словетъ Случь, съ Москву реку. А озеро въ длину города, панской дворъ, а около двора ограда каменная—городовое дѣло, а на дворѣ церковь каменная да полаты; а на посадѣ середи торгу ратуша. Полата велика, каменная, подъ нею подклеты и погребы надворья, въ ней лавки, а вверху светлицы. А поставилъ тое полату, живетъ въ ней костянтиновской жилецъ, судья, по-литовски вой, именемъ Скряга» (стр. 76). Въ такомъ же духѣ сдѣлано Коробейниковымъ и описаніе пути по Валахіи, Болгаріи и Турціи (интересно описаніе жизни мусульманскихъ дервишей: стр. 82) вплоть до «Едрина поля» (Адріанополя). Описаніе путешествія Коробейникова 1582 года въ нѣкоторыхъ спискахъ предваряется краткимъ перечнемъ пути отъ Москвы до Царьграда, но этотъ путь былъ не тотъ, который взятъ Коробейниковымъ позднѣе и описанъ въ только что указанномъ трудѣ нашего путешественника: онъ шелъ черезъ Тулу, Донъ, Азовъ, Керчь и Черное море. Дальнѣйшій морской путь до Палестины, а затѣмъ и путь въ Іерусалимъ, описанъ у Коробейникова также довольно кратко (стр. 2—7). Главнѣйшую часть «Хожденія» составляетъ описаніе святынь Іерусалима и другихъ ближайшихъ къ нему мѣстъ, освященныхъ библейскими воспоминаніями (стр. 7—47). Русскіе путешественники пробыли въ Іерусалимѣ семь недѣль. Описаніе видѣнныхъ достопримѣчательностей сдѣлано въ обычномъ стилѣ древнерусскихъ паломническихъ «хожденій», съ краткими то историческими, то топографическими, то бытовыми указаніями; между первыми немало легендарнаго и апокрифическаго элемента. Вотъ два-три примѣра. «Домъ Давыда царя возлѣ грацкую стѣну, а кругъ дому ровъ копанъ какъ града и

[1]) По изд. Лопарева, стр. 72—83.

[2]) По изд. Лопарева, стр. 1—71.

вымурованъ, а черезъ ровъ мостъ каменъ веденъ, а на мостъ изъ дому врата великие какъ градные; а въ тѣхъ вратахъ пушки лежатъ и сторожа, а християнъ въ тотъ домъ не пущаютъ; стоятъ у того двора турки яныченя; а величествомъ домъ отъ лука стрѣлы верженіемъ 2-жъ поперегъ; а хоромъ въ немъ нѣтъ, развее одна полата, изъ нея жъ видѣ Давыдъ Вирсавию въ винограде мыющеся, а тотъ виноградъ отъ лукы стрѣлы верженіемъ отъ дому Давыдова и доныне стоитъ цѣлъ и недвижимъ. У полаты сдѣланы два окна, а въ ней одно окно, а другое въ предѣлѣ полаты. И насъ сподобилъ Богъ грѣшныхъ быти въ дому томъ и въ полатѣ» (стр. 29—30). «Река Иерданъ быстра и глубока добрѣ, а вода въ ней бѣла и мутна, а широта ея дважды каменемъ вергнути поперегъ. А противу того мѣста, гдѣ Христосъ крестился во Иердани, стоитъ гора Ермонъ: съ тое горы Ермона Духъ Господень свидѣтельствовавше о Исусе во образе голубинѣ: сей есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоизволихъ. Съ тое же горы Ермона взятъ бысть Илья пророкъ на огненей колесницѣ на небо» (стр. 43). «Изъ тое пещеры (гдѣ Христосъ родился, въ Виѳлеемѣ), блиско дверей въ другую пещеру, и въ той пещерѣ, сказываютъ, Иродъ царь избивалъ младенцы съ матерьми за Христа, и отъ матерьнихъ сосецъ млеко течаше на землю, а земля въ той пещерѣ бѣла и мягка» (стр. 45). Въ этой же части «хожденія» описаны и безчинства «еретиковъ» (аріане, армяне, копты) при гробѣ Господнемъ (стр. 22—23), даны свѣдѣнія о монастыряхъ въ Іерусалимѣ (стр. 32—34) и т. д. Болѣе новизны для читателей представлялъ разсказъ о посѣщеніи путешественниками Египта и, въ частности, александрійскаго патріарха Сильвестра, въ уста которому вложенъ извѣстный разсказъ объ испытаніи вѣръ христіанской и «жидовской» (стр. 48—54). Немало интересныхъ и новыхъ для благочестивыхъ читателей XVI вѣка свѣдѣній сообщается въ «Хожденіи» о горѣ Синаѣ съ ея монастырями и другими достопримѣчательностями и о Раиѳѣ (стр. 57—71), чѣмъ и заканчивается «Хожденіе». Обратный путь въ немъ не описанъ. Огромная популярность сочиненія, приписываемаго Трифону Коробейникову, довольно понятна. Его «Хожденіе» обнимало собою кругъ интереснѣйшихъ для читателей той эпохи предметовъ и въ литературномъ отношеніи изложено было весьма удачно, безъ излишнихъ длиннотъ и отступленій, а равно свободно было и отъ сухой схематичности, которая, не давая пищи воображенію читателя, могла сдѣлать сочиненіе скучнымъ и неинтереснымъ. Немало должна была содѣйствовать успѣху этого сочиненія и благочестивая настроенность автора, и его простодушіе, являющееся не искусственнымъ литературнымъ пріемомъ, а лишь результатомъ искренности и непосредственнаго отношенія къ своей задачѣ. Можно сказать, что «Хожденіе» Трифона Коробейникова, не выдаваясь какими-либо оригинальными и рѣдкими чертами, является типичнымъ образцомъ извѣстнаго литературнаго «рода», весьма популярнаго въ древней русской письменности, и въ этой именно типичности, въ этой приспособленности къ среднему уровню читательскихъ требованій и кроется главная причина его успѣха.

Говоря на предшествующихъ страницахъ о разнообразныхъ проявленіяхъ русской литературной мысли въ XV и XVI вв., я не счелъ нужнымъ выдвинуть спеціально церковной проповѣди за это время, какъ то сдѣлано было по отношенію къ древнѣйшей эпохѣ (Лука Жидята, Иларіонъ, Өеодосій Печерскій, Кириллъ Туровскій) или сѣверо-восточной литературѣ XIII—XIV вв. (Серапіонъ). При этомъ я руководился главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что съ усложненіемъ литературной жизни на Руси въ послѣдующія столѣтія какъ на сѣверо-востокѣ, такъ особенно въ Москвѣ, церковная проповѣдь все болѣе и болѣе получаетъ спеціальный характеръ и назначеніе, утрачивая свою общелитературную цѣнность. На фонѣ этихъ двухъ столѣтій русской литературы церковная проповѣдь, по своему назидательному содержанію, переплетается съ рядомъ многочисленныхъ посланій, агіографическихъ трудовъ и публицистическихъ трактатовъ, имена авторовъ которыхъ отчасти были названы нами, напр. Іосифа Волоцкаго, Кипріана, митр. Даніила или Максима Грека, и къ которымъ можно бы присоединить еще, напр., имена митрополитовъ Фотія и Макарія. Съ этой болѣе широкой точки зрѣнія, при которой почти упущено было понятіе о литературной формѣ, а принято было во вниманіе лишь нравственно-назидательное или богословско-полемическое содержаніе, русская «проповѣдь» XV и XVI ст. была подвергнута въ свое время подробному, хотя и не вполнѣ критическому, разбору въ трудѣ свящ. П. Ө. Николаевскаго [1]) и, несомнѣнно, даетъ въ руки изслѣдователя русскаго быта, понятій и русской жизни вообще очень цѣнный матеріалъ. «Нельзя сказать того—говоритъ авторъ, подводя итоги своимъ впечатлѣніямъ отъ разсмотрѣнной имъ массы литературныхъ произведеній,—чтобы русская проповѣдь XV и XVI вѣковъ находилась въ цвѣтущемъ состояніи; напротивъ, по временамъ она испытывала самыя трудныя положенія и съ различныхъ сторонъ. Многіе русскіе митрополиты XV и XVI вв. должны были молчать, не проповѣдывать по приказу самихъ царей, иначе имъ грозило низверженіе съ митрополичьяго престола; русское бѣлое приходское духовенство жило въ нищетѣ и бѣдности; необразованное и подверженное многимъ недостаткамъ, оно не могло проповѣдывать народу; только монастыри поставлены были въ благопріятное отношеніе къ дѣлу проповѣди; отъ того и были проповѣдниками большею частію монашествующія лица. Западно-русская проповѣдь страдала отъ преслѣдованій католичества, великорусская отъ постоянныхъ моровыхъ повѣтрій, уничтожавшихъ цѣлыя области, такъ что по мѣстамъ не оставалось народа, которому можно было бы проповѣдывать. Не смотря на такія неблагопріятныя обстоятельства, русская проповѣдь не только не замолкла совершенно вдругъ и во всѣхъ концахъ Россіи, но по мѣстамъ и временамъ являлись проповѣдники, имена которыхъ навсегда останутся замѣчательными въ исторіи русской церкви, и которые въ извѣстномъ отношеніи ничѣмъ не уступаютъ русскимъ проповѣдникамъ предшествующаго и послѣдующаго времени» [2]).

---

[1]) Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ. Ж. М. Н. Пр. 1868 №№ 2. 4.

[2]) Назв. ст., № 2. стр. 388.

III. Переходное время (XVII—нач. XVIII в.).

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть тотъ періодъ въ развитіи русской литературы, который является переходомъ отъ окончательно сложившихся въ XVI вѣкѣ древне-русскихъ понятій и литературныхъ формъ къ новой эпохѣ въ ходѣ русской культурной и литературной жизни—въ XVIII вѣкѣ; хронологически онъ обнимаетъ собою весь XVII вѣкъ и первыя десятилѣтія слѣдующаго за нимъ столѣтія до появленія М. В. Ломоносова. Сравнительная продолжительность этого періода, литературнымъ силамъ котораго выпали на долю переработка и внесеніе въ общественное сознаніе весьма сложнаго культурнаго и психологическаго матеріала, объясняется столько же исторической важностью этого перехода отъ старыхъ византійскихъ традицій къ новымъ требованіямъ западно-европейской жизни и просвѣщенія, сколько и тѣми условіями самой русской дѣйствительности, въ которыхъ протекалъ этотъ переходный историческій процессъ: онъ былъ усвоеніемъ не однихъ только литературныхъ формъ, пріемовъ и внѣшняго содержанія литературы, но также и цѣлаго міровоззрѣнія, слагавшагося, въ свою очередь, черезъ посредство личныхъ общеній съ западомъ, организацію образовательныхъ и просвѣтительныхъ средствъ и неизбѣжную при этомъ внутреннюю борьбу стараго съ новымъ.

Въ теченіе всего XVII вѣка главнѣйшимъ центромъ литературныхъ событій является попрежнему Москва, но съ XVIII вѣка она постепенно передаетъ свою историческую роль Петербургу. Однако, чтобы понять явленія не только петербургской, но и московской литературной жизни названнаго періода, необходимо обращаться къ западу: для Петербурга—къ западу европейскому, для Москвы—къ болѣе близкому западу южно-русскому и отчасти польскому: оттуда шли литературныя настроенія и возбужденія, сюжеты и отчасти сами литературные дѣятели или, по крайней мѣрѣ, ихъ подготовка къ литературной роли въ центральной Россіи. Что касается ближайшимъ образомъ московской литературы XVII вѣка, то прежде, чѣмъ перейти къ ея разсмотрѣнію, необходимо остановиться на обозрѣніи хотя бы самыхъ главныхъ чертъ въ развитіи просвѣщенія и литературы во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкахъ на юго-западѣ Россіи, такъ какъ

происходившія тамъ событія имѣли весьма значительное вліяніе на ходъ московской литературы и просвѣщенія въ XVII вѣкѣ, давъ Москвѣ рядъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей и обусловивъ появленіе тамъ произведеній въ духѣ новыхъ потребностей или, по крайней мѣрѣ, новыхъ литературныхъ пріемовъ.

А. Просвѣщеніе и литература въ Юго-Западной Руси XVI—XVII вв.

1.

Юго-западная Русь подъ воздѣйствіемъ на нее польско-католическихъ и иныхъ культурныхъ и политическихъ вліяній.—Пробужденіе религіознаго и національнаго сознанія въ средѣ русскаго населенія края.—Возникновеніе церковныхъ братствъ; основаніе школъ и типографій.—Общій характеръ литературы и главнѣйшіе ея отдѣлы.

Прежде, чѣмъ стать въ положеніе, вліяющее на ходъ московской литературы, юго-западная литература прошла извѣстный періодъ своего развитія, о которомъ считаю необходимымъ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній.

Юго-западная литература, въ основѣ своей, примыкаетъ къ той самой «кіевской» литературѣ XI—XII в., которая является начальнымъ пунктомъ всего русскаго литературнаго развитія. Когда историческія событія—во главѣ которыхъ было татарское нашествіе—двинули въ первой четверти XIII вѣка ходъ политической и культурной жизни древней Руси на сѣверо-востокъ, и Кіевъ на долгое время опустѣлъ, потерявъ свое преобладающее и центральное положеніе, то значительная часть духовныхъ силъ южно-русскаго народа (этнографическое отношеніе котораго къ создателямъ сѣверо-восточной и потомъ московской государственности до сихъ поръ составляетъ предметъ спора и разногласій въ наукѣ) сосредоточилась въ предѣлахъ Червонной Руси. Имѣя уже въ XIII в. такихъ выдающихся политическихъ вождей, какъ галицкіе князья Романъ и Даніилъ, Червонная Русь однако же не могла удержаться въ неравной борьбѣ съ Польшей и въ концѣ XIV вѣка потеряла свою самостоятельность; еще нѣсколько ранѣе, въ началѣ XIV вѣка, восточная часть Червонной Руси и Русь Сѣверо-западная (Бѣлоруссія) сложились въ особое государство, подъ властью князей литовскихъ, подпавшихъ также подъ сильнѣйшее воздѣйствіе Польши. Вполнѣ естественно, что при этихъ условіяхъ литературное развитіе не могло происходить вполнѣ соотвѣтственно національнымъ потребностямъ народной среды, лишенной необходимаго образованія. Сначала еще чувствовалась связь съ «кіевской» эпохой обще-русской литературы, ушедшей для дальнѣйшаго развитія на сѣверо-востокъ и въ Москву, и, напр., такія произведенія, какъ Начальная Лѣтопись, проповѣди Кирилла Туровскаго, Слово о Полку Игоревѣ или Хожденіе игумена Даніила, продолжали

свою извѣстность и отчасти свое развитіе также и въ Галицкой Руси. Однако, за недостаткомъ культурныхъ средствъ, скудости просвѣщенія и, главнымъ образомъ, политическими невзгодами, эта кіевская литературная традиція находила себѣ здѣсь лишь весьма слабое развитіе въ дальнѣйшемъ: поэтическая Волынская Лѣтопись XIII—XIV в., Луцкое Евангеліе XIV вѣка, Поученія Ефрема Сирина въ спискѣ XIV вѣка и т. п. памятники являются лишь рѣдкими исключеніями, свидѣтельствующими о литературныхъ трудахъ и наклонностяхъ отдѣльныхъ лицъ; въ XV и XVI вѣкахъ появляются въ предѣлахъ Юго-западной Руси замѣчательные памятники, вродѣ «Судебника» вел. кн. Казиміра, «Литовскаго Статута» или «Литовской Метрики», но они представляютъ для историка литературы интересъ лишь со стороны языка; затѣмъ, съ конца XV вѣка начинается и книгопечатная дѣятельность въ лицѣ, главнымъ образомъ, Швайпольта Фіоля и Франциска Скорины, но они печатали свои изданія преимущественно въ Краковѣ и Прагѣ. Главныя усилія русскихъ дѣятелей въ Юго-западной Руси, между которыми бывали, какъ мы видѣли на кн. А. М. Курбскомъ, и выходцы изъ Москвы, уходили на борьбу съ надвигавшимся все болѣе и болѣе польскимъ вліяніемъ, стремившимся подчинить себѣ Юго-западную Русь въ политическомъ, религіозномъ и общекультурномъ отношеніяхъ.

Центромъ событій, шедшихъ съ необыкновенной по тому времени быстротой, была Литва, населенная племенемъ чисто-русскаго корня. Благодаря энергической дѣятельности цѣлаго ряда поколѣній литовскихъ князей въ теченіе XIV—XVI столѣтій и благопріятному стеченію другихъ обстоятельствъ, мы видимъ къ началу второй четверти XVI вѣка въ Литвѣ весьма крупную политическую единицу, въ составъ которой входятъ области и города, игравшіе видную роль въ прошлой исторіи исконнаго русскаго племени: Кіевъ, Туровъ, Смоленскъ, Полоцкъ и др. Этнографическій составъ населенія великаго княжества Литовскаго былъ по преимуществу русскій, и большинство населенія издавна исповѣдывало православную вѣру; общекультурное, гражданское и церковное, вліяніе восточныхъ областей русскихъ, какъ въ удѣльный періодъ, такъ и позднѣе вплоть до московскаго объединенія въ XV—XVI вв. было въ Литвѣ весьма замѣтно. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, край этотъ находился въ соприкосновеніи и съ другой областью политическихъ и культурныхъ явленій—въ лицѣ Польши, съ ея католическимъ населеніемъ и близостью къ западно-европейской жизни. Въ XVI вѣкѣ эта близость получила чрезвычайно опредѣленныя формы: именно, въ 1569 году была провозглашена въ Люблинѣ политическая унія, соединившая въ одно государственное цѣлое, подъ властью польскихъ королей, Литву и Польшу, а въ 1596 году послѣдовала и церковная унія въ Брестѣ, какъ результатъ успѣшности религіозной пропаганды католическаго духовенства, сумѣвшаго подчинить исконно-православное населеніе Юго-западной Руси верховному авторитету папы. Значеніе того и другого акта въ культурной исторіи западно-русскаго края было весьма велико, усиливъ до чрезвычайныхъ размѣровъ польско-католическое вліяніе не только въ отношеніяхъ соціально-правового порядка, но и въ бытѣ, нравахъ, понятіяхъ, литературѣ. Между тѣмъ, въ то же время въ средѣ православнаго

населенія Юго-западной Руси жило національно-религіозное чувство и сознаніе своихъ правъ на самостоятельное существованіе; на этой почвѣ получилъ въ XVI—XVII вв. свое начало и затѣмъ дальнѣйшее значительное развитіе протестъ противъ могущественныхъ польско-католическихъ воздѣйствій, выразившійся въ рядѣ просвѣтительныхъ начинаній и въ многочисленныхъ фактахъ литературы. Такъ какъ то и другое не осталось безъ вліянія на судьбы московской литературы XVII вѣка, то мы должны остановиться хотя бы на самыхъ важныхъ явленіяхъ въ этой области.

Едва ли какая-нибудь другая часть русской территоріи подвергалась въ древнюю пору столь разнообразнымъ культурнымъ вліяніямъ, какъ Юго-западная Русь подъ властью князей литовскихъ, а затѣмъ королей польскихъ. Польско-католическое теченіе было лишь преобладающимъ, но не единственнымъ; одновременно съ нимъ шли вліянія со стороны протестантовъ, грековъ и даже Москвы. Греческое вліяніе тутъ было очень давнимъ, когда еще эти области находились въ совершенно другихъ условіяхъ политической жизни; не касаясь этой древнѣйшей эпохи, должно замѣтить, что и послѣ паденія Константинополя и ослабленія зависимости юго-западной митрополіи отъ константинопольскаго патріарха, въ срединѣ XV вѣка, греки не переставали оказывать свое духовное воздѣйствіе на Юго-западную Русь. Въ разныхъ западно-русскихъ городахъ живало греческое населеніе, среди котораго попадались и образованные люди; со своей стороны, и западно-русская молодежь ѣздила учиться въ греческія училища, среди которыхъ большую извѣстность получила константинопольская патріаршая школа, поднятая на значительную высоту при патріархѣ Іосифѣ II и Іереміи II во второй половинѣ XVI вѣка; около того же времени патріархи антіохійскій Іоакимъ и александрійскій Мелетій Пигасъ принимали самое живое участіе въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ Юго-западной Руси, поддерживая разными способами заведеніе школъ и типографій. Культурное вліяніе Московской Руси, не обладавшей до XVII вѣка самостоятельными источниками просвѣщенія, могло быть на западно-русскія области только случайнымъ, но за то оно представлено было людьми, безусловно выдающимися по своимъ духовнымъ стремленіямъ и запросамъ: таковы были, напр., князь А. М. Курбскій, старецъ Артемій и другіе, менѣе извѣстные (вродѣ князя Михаила Оболенскаго или Марка Сарыгозина), радѣвшіе объ интересахъ православно-русскаго просвѣщенія въ краѣ. Гораздо значительнѣе были вліянія съ запада—протестантовъ и католиковъ. Уже въ первой половинѣ XVI вѣка протестантская пропаганда въ Юго-западной Руси была явленіемъ очень замѣтнымъ, и противодѣйствіе ей было для православныхъ тѣмъ болѣе трудно, что послѣдніе не владѣли необходимыми средствами просвѣщенія и книжности, которыя составляли главное преимущество протестантовъ, такъ что послѣдовавшія вскорѣ затѣмъ жалобы Артемія и Курбскаго на дѣятельность «кальвинскихъ и лютеранскихъ» схизматиковъ являлись лишь свидѣтельствомъ полнаго безсилія православныхъ въ неравной борьбѣ за свои вѣрованія и убѣжденія. Однако и это вліяніе, по силѣ и историческому значенію, не можетъ быть сравниваемо съ польско-католическимъ. Протестанты въ большинствѣ случаевъ не имѣли въ виду пропа-

ганды національнаго характера, и даже религіозное ихъ вліяніе замыкалось въ тѣсныя формы теоретико-богословскихъ умствованій, мало касаясь быта и нравовъ, и совершенно игнорируя обрядовую сторону въ дѣлахъ вѣры. Будучи противниками католицизма, протестанты иногда вступали даже въ союзныя отношенія съ православными противъ общаго врага въ лицѣ Рима: къ такой совмѣстной дѣятельности противъ католиковъ приглашалъ, напр., протестантовъ въ 1595 году знаменитый ревнитель православія кн. К. К. Острожскій; на виленской конфедераціи 1599 года возникъ, не получившій, впрочемъ, осуществленія, проектъ общихъ православно-протестантскихъ школъ; даже представители высшаго православнаго духовенства, вродѣ Петра Могилы или митрополита Іова Борецкаго, поддерживали добрыя отношенія съ протестантами, видя въ нихъ ту силу, которая могла быть имъ полезна въ борьбѣ съ католичествомъ. Вліяніе этого послѣдняго на западно-русское населеніе было чрезвычайно обширно и глубоко; кромѣ того, оно осложнялось элементомъ національнаго воздѣйствія, исходившаго отъ родственной славянской народности, пропитанной религіозно-политическими стремленіями совершенно иного порядка; наконецъ, могучимъ орудіемъ этого вліянія являлась и административная зависимость южно-руссовъ отъ папы и польскихъ королей въ силу упомянутыхъ уній 1569 и 1596 годовъ въ Люблинѣ и Брестѣ. Особенно много содѣйствовало успѣху польско-католической пропаганды въ западно-русскомъ краѣ появленіе въ 60-хъ годахъ XVI вѣка въ его предѣлахъ іезуитовъ. Средства этой пропаганды были весьма различны, начиная съ насильственнаго совращенія въ католичество путемъ запугиванія и обѣщанія земныхъ выгодъ и кончая заведеніемъ школъ, типографій, устройствомъ диспутовъ на богословскія темы, религіозныхъ процессій и т. п. Результаты этой дѣятельности не замедлили обнаружиться довольно скоро. Уступая безспорному культурному перевѣсу Польши, западно-русское дворянство желало во всемъ походить на дворянство польское, воспринимая его языкъ, нравы, формы общежитія, усваивая складъ польскихъ умственныхъ интересовъ и нравственныхъ понятій. Многіе изъ представителей высшихъ классовъ перешли въ католичество, а за ними, подражая имъ или подчиняясь внѣшнимъ воздѣйствіямъ, слѣдовали и менѣе вліятельные члены западно-русскаго общества, даже простой народъ; этому успѣху собственно вѣроисповѣдной пропаганды въ духѣ католичества немало содѣйствовали своимъ бездѣйствіемъ и сами представители православнаго духовенства, назначавшіеся въ свои приходы, монастыри и даже на епископскія каѳедры путемъ стороннихъ вліяній— благодаря принадлежавшему польскимъ королямъ такъ называемому праву патронатства надъ различными учрежденіями западно-русской церкви и вытекавшимъ изъ него разнаго рода воздѣйствіямъ на православно-церковныя дѣла польскихъ или опольщенныхъ и окатоличенныхъ магнатовъ. Все это вмѣстѣ создавало такую атмосферу западно-русской жизни, среди которой не могли спокойно ужиться люди, не потерявшіе связи съ прошлымъ своей родины, чувствовавшіе и понимавшіе крайне невыгодное и унизительное положеніе русской народности и православной вѣры и не могшіе оставаться совершенно равнодушными къ ихъ будущимъ судьбамъ въ своемъ отечествѣ;

конечно, на первомъ мѣстѣ стояли интересы вѣры, и уже за ними, большею частью безсознательно, выступали національныя стремленія. Трудно было бы перечислить огромное количество тѣхъ жалобъ, которыя исходили отъ этихъ людей на положеніе и въ защиту православія на юго-западѣ Руси въ XVI вѣкѣ.

Вотъ, напр., какъ обращались галицко-русскіе дворяне къ митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ, отъ 11 февраля 1585 года. Упомянувъ о глубокомъ насиліи, совершенномъ латинянами надъ православными по поводу новаго календаря и о запечатаніи ихъ церквей, дворяне продолжаютъ: «А что сказать о поруганіи св. крестовъ, объ отобраніи колоколовъ въ замокъ и отдачѣ ихъ жидамъ? И ты еще самъ даешь открытые листы на помощь жидамъ противъ церкви Божіей, къ потѣхѣ ихъ, а къ большему поруганію нашего святого закона и къ нашему сожалѣнію. Какія при этомъ совершаются опустошенія церквей! Изъ церквей дѣлаютъ іезуитскіе костелы, и имѣнія, что бывали наданы на церкви Божіи, привернуты къ костеламъ. Въ честныхъ монастыряхъ, вмѣсто игуменовъ и братіи, живутъ игумены съ женами и дѣтьми, и владѣютъ и правятъ церквами Божіими; изъ большихъ крестовъ дѣлаютъ малые и изъ того, что подано въ честь и хвалу Богу, совершаютъ святокрадство и устрояютъ себѣ пояса, ложки, злочестивые сосуды для своихъ похотей; изъ ризъ дѣлаютъ саяны (юбки), изъ епитрахилей бармы. Но что еще прискорбнѣе—ваша милость, самъ одинъ поставляешь епископовъ, безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи своей, чего и правила вамъ не дозволяютъ. И при такомъ незаконномъ поставленіи возводятся въ великій епископскій санъ люди негодные, которые, къ поруганію св. закона, на епископскомъ сѣдалищѣ живутъ, безъ всякаго стыда, съ женами и рождаютъ дѣтей. И множество иныхъ и иныхъ великихъ бѣдъ и нестроеній, о чемъ мы, къ сожалѣнію, теперь писать не можемъ» [1]). Семь лѣтъ спустя, 7 сентября 1592 года, братчики львовскаго братства такъ писали константинопольскому патріарху Іереміи: «Прежде всего да вѣдаетъ твоя святыня, что у насъ такъ называемые святители, а поистинѣ сквернители, обѣщавшись иночествовать, живутъ невозбранно съ женами; нѣкоторые, многобрачные, святительствуютъ, другіе прижили дѣтей съ блудницами. Если таковы святители, то какимъ же быть священникамъ? Когда митрополитъ обличалъ ихъ на соборѣ передъ всѣми и требовалъ, чтобы они перестали священствовать, они отвѣчали: «пусть прежде святители перестанутъ святительствовать, послушаютъ закона, тогда и мы послушаемъ». Горе міру отъ соблазновъ! Епископы похитили себѣ архимандритства и игуменства, ввели въ монастыри своихъ родственниковъ и мірскихъ урядниковъ, истощили всѣ церковныя имѣнія и испразднили иночество, такъ что въ монастыряхъ не обрѣтается иноковъ и священниковъ, но по временамъ совершаютъ службы мірскіе священники. Церковь наша православная оказывается исполненною всякаго зловѣрія, и люди смущаются недоумѣніемъ, не настоитъ ли время погибели. Многіе утвердили совѣтъ предаться римскому единоначальному архіерейству и пребывать подъ папою римскимъ, совершая въ церкви невозбранно

---

[1]) Макарій. Исторія русской церкви. Т. IX. Изд. 2 (1900), стр. 476—477.

все свое по закону греческой вѣры. А папа римскій прислалъ своего іерея и велѣлъ во всѣхъ здѣшнихъ костелахъ совершать службу на квасномъ хлѣбѣ и такимъ общеніемъ соединяться съ церквами нашими» [1]). Въ этомъ же родѣ сѣтованія на положеніе вещей и на упадокъ православія исходили и отъ другихъ лицъ и организацій [2]).

Какъ жалобы эти исходили почти исключительно со стороны свѣтской, а не духовной, такъ оттуда же появилась и организованная помощь для борьбы съ существующимъ зломъ; эту помощь оказали прежде всего церковныя братства, при которыхъ стали основываться школы и типографіи, имѣвшія въ виду цѣли просвѣщенія и защиту православной вѣры и народности. Первоначальная исторія юго-западныхъ братствъ не вполнѣ выяснена; слѣды ихъ существованія имѣются еще въ XV вѣкѣ. Во второй половинѣ XVI вѣка братства являются уже во многихъ городахъ Юго-западной Руси: въ 1585 году въ Львовѣ, въ 1588 — въ Вильнѣ, въ 1589 — въ Могилевѣ, затѣмъ въ Брестѣ, Минскѣ, Кричевѣ, Перемышлѣ и т. д. Весьма важной стороной дѣятельности этихъ братствъ были школы. Хотя на состояніе просвѣщенія въ Юго-западной Руси имѣются въ нашей исторической литературѣ до крайности противоположныя воззрѣнія [3]), однако, по всѣмъ имѣющимся фактическимъ даннымъ, вопросъ этотъ едва ли можетъ получить какое-либо иное рѣшеніе, чѣмъ однородный съ нимъ вопросъ о древне-русскомъ просвѣщеніи вообще: это просвѣщеніе, безъ сомнѣнія, было невелико, а главное—случайно, неорганизовано и не проникало въ массы. Настоящихъ школъ было мало, и явились онѣ не ранѣе второй половины XVI вѣка—въ Красноставѣ (1550), Заблудовѣ (1567), Туровѣ (1572) и др.; въ 1576—80 годахъ была основана знаменитая Острожская школа и при ней типографія. Съ возникновеніемъ братствъ, стали открываться при нихъ школы систематически: въ 1586 г. въ Львовѣ, въ 1588—въ Вильнѣ, въ 1591—въ Брестѣ, въ 1592—въ Минскѣ и Перемышлѣ, въ 1594—въ Бѣльскѣ, затѣмъ въ XVII вѣкѣ въ Кіевѣ, Луцкѣ, Пинскѣ, Оршанскѣ и т. д. [4]). Каково было внутреннее устройство этихъ школъ, составъ и объемъ преподаваемыхъ предметовъ и вообще ихъ учебно-воспитательный уровень и характеръ—на этихъ вопросахъ мы останавливаться не станемъ [5]) и считаемъ нужнымъ здѣсь отмѣтить только, что школы эти въ основѣ своей были греко-славянскія, но латинскій языкъ занималъ въ ихъ учебныхъ планахъ также довольно видное мѣсто, вмѣстѣ съ языкомъ польскимъ, которые оба служили необходимыми орудіями литературной борьбы съ польско-католической пропаган-

---

[1]) Тамъ же, IX, стр. 525.

[2]) Архангельскій, А. Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вѣковъ. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при М. У. 1888. I, стр. 15—17.

[3]) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуга ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань 1898, стр. 187—188.

[4]) Архангельскій, назв. соч., стр. 33—38.

[5]) См. объ этомъ у Харламповича, назв. соч., стр. 409—476.

дой и средствомъ пріобрѣтенія нужныхъ къ тому пріемовъ и познаній; школы эти не были исключительно духовными, такъ какъ въ нихъ преподавались и свѣтскіе предметы — главнымъ образомъ, изъ области семи «свободныхъ искусствъ». Отличительная особенность этихъ школъ, примыкавшихъ, по общепринятому представленію о состояніи тогдашняго просвѣщенія, скорѣе къ типу среднихъ, чѣмъ низшихъ или высшихъ, заключалась, между прочимъ, въ ихъ демократическомъ характерѣ и доступности для всѣхъ общественныхъ классовъ. Изъ всѣхъ этихъ школъ самую замѣчательную судьбу и наибольшее вліяніе на ходъ русской образованности и литературы имѣла Кіевская братская школа, основанная въ 1615 году и затѣмъ преобразованная въ 1631 году Петромъ Могилой въ «коллегіумъ», со всѣми особенностями западныхъ и латино-польскихъ школъ высшаго типа. Тутъ уже преподавались не только общіе предметы духовнаго и свѣтскаго характера, какъ въ братскихъ школахъ (языки, катехизисъ, ариѳметика, пѣніе и пр.), но и весь объемъ такъ называемаго «тривіума» и «квадривіума», начиная съ грамматики и кончая самыми трудными отдѣлами философіи и богословія. Характеръ обученія въ этой школѣ былъ не только теоретическій, но и практическій: устраивались разнаго рода ученые диспуты, драматическія представленія и другія публичныя выступленія учениковъ съ цѣлью выработать изъ нихъ людей широкаго образованія и способныхъ отдаться борьбѣ съ католичествомъ и другими иновѣрными исповѣданіями. Будущее вполнѣ оправдало надежды, возлагавшіяся на кіевскую школу ея устроителями; изъ ея стѣнъ вышло много дѣятелей, впослѣдствіи прославившихъ свои имена служебной или учено-литературной дѣятельностью въ XVII—XVIII столѣтіяхъ: Иннокентій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Голятовскій, Антоній Радивиловскій, Гавріилъ Домецкій, Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Димитрій Ростовскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій и многіе другіе.

Одновременно со школами возникали въ предѣлахъ Юго-западной Руси также и типографіи. Славянское книгопечатаніе началось въ концѣ XV вѣка заграницей, и первымъ дѣятелемъ въ этой области былъ Швайпольтъ Фіоль, напечатавшій въ Краковѣ въ 1490—91 годахъ славянскія книги: Осмогласникъ, Часословецъ, Слѣдованную Псалтырь, Тріодь Постную и Тріодь Цвѣтную. Затѣмъ это дѣло развивалось въ Венеціи, Цетиньѣ, Угровлахіи, Прагѣ и, наконецъ, Францискомъ Скориной было перенесено въ Вильну; послѣ этого начинаютъ возникать мѣстныя западнорусскія типографіи въ Несвижѣ (нын. Минской губ.), Заблудовѣ (нын. Гродненской губ.), далѣе—частію при братствахъ, частію самостоятельно—въ Львовѣ (1573), Вильнѣ (1575), Острогѣ (1580), Кіевѣ, Могилевѣ, Луцкѣ и т. д. [1])

Такъ создавалась въ Юго-западной Руси, въ городахъ и мѣстечкахъ, путемъ школъ, типографій, церковныхъ братствъ и разнаго рода другихъ церковно-просвѣтительныхъ организацій и учрежденій, особая духовная атмосфера, вызванная необходимостью борьбы съ польско-католическимъ

---

[1]) Архангельскій, назв. соч., стр. 43—44.

религіознымъ и культурнымъ вліяніемъ. Увлеченіе этой борьбой было почти всеобщимъ, и лучшіе люди той эпохи изъ православнаго западно-русскаго общества не могли оставаться въ сторонѣ отъ этого патріотическаго и религіознаго движенія. Наилучшимъ выразителемъ этого движенія явилась литература, захватившая въ свою область не одни только религіозные, но и общекультурные интересы времени.

Литературныя явленія въ Юго-западной Руси XVI—XVII вв. могутъ быть размѣщены по четыремъ категоріямъ: 1. церковная полемика, 2. проповѣдь, 3. труды въ научной области и 4. стихотворныя произведенія—главнымъ образомъ лирика и драма. Первые два отдѣла служили прежде всего религіозно-практическимъ интересамъ времени, а вторые два явились выраженіемъ потребностей свѣтскаго характера, при чемъ многія произведенія изъ всѣхъ этихъ категорій были не чужды публицистическаго элемента, безспорно увеличивающаго ихъ историко-литературный интересъ и значеніе. Кромѣ того, по формѣ литература эта носитъ на себѣ очевидные слѣды схоластическихъ пріемовъ, являющихся результатомъ вліянія западно-европейской школы—частью непосредственно, но болѣе всего черезъ посредство польской школьной жизни, науки и литературы. Эти первые начатки схоластики, явившіеся въ русской литературѣ новостью и шедшіе на смѣну стародавнимъ пріемамъ византійской книжности, проникаютъ вскорѣ въ Москву и продолжаютъ жить до самаго конца переходнаго періода, чтобы войти какъ бы составной частью на нѣкоторое время въ новое литературное теченіе западно-европейскаго происхожденія, получившее названіе ложноклассицизма.

2.

Церковная полемика.—«Апокрисисъ» Христофора Филалета.—Мелетій Смотрицкій и его учено-полемическіе труды.—«Палинодія» Захаріи Копыстенскаго.—Общія черты полемической литературы со стороны православныхъ.

Религіозная полемика первыхъ вѣковъ нашей письменности, вплоть до конца XV вѣка [1]), имѣя спеціальный характеръ, представляетъ очень мало интереса для исторіи литературы; въ частности, полемическихъ сочиненій, составленныхъ въ предѣлахъ Юго-западной Руси, оказывается весьма немного, и лишь во второй половинѣ XVI вѣка, въ силу новыхъ условій общественной и религіозной жизни, мы наблюдаемъ возникновеніе въ этой области трудовъ, не безынтересныхъ—независимо отъ своего содержанія—еще и по своимъ пріемамъ и по проникающему ихъ общему настроенію. Главнымъ центромъ составленія этихъ сочиненій былъ знаменитый Супрасльскій монастырь (въ нын. Гродненской губ.), отъ котораго дошло до насъ два сборника: одинъ изъ нихъ составленъ

[1]) См. о ней важный трудъ А. Попова: Обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ XI—XV вв. М. 1875.

въ 1578—1580 годахъ, а другой также въ послѣдней четверти XVI вѣка [1]). Авторы этихъ трудовъ держатся еще старыхъ пріемовъ традиціонной полемики противъ латинянъ, евреевъ, магометанъ, выступая также и въ опроверженіе протестантовъ, но въ нихъ уже видны зачатки поворота въ новомъ направленіи. Съ конца XVI вѣка это направленіе выразилось въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ полемическихъ сочиненій, изъ которыхъ мы укажемъ тутъ лишь на самыя главныя.

Въ концѣ 1596 года знаменитый ученый іезуитъ Петръ Скарга издалъ свое сочиненіе «Соборъ Брестскій и оборона Брестскаго собора» [2]), въ которомъ старался оправдать дѣйствія этого собора съ католической точки зрѣнія. Въ первой части этого труда кратко излагаются событія, происходившія въ Брестѣ 6—10 октября 1596 года, а во второй эти событія истолковываются и оправдываются въ выгодномъ для уніатовъ смыслѣ. Опроверженію этой книги со стороны православныхъ было посвящено сочиненіе, вышедшее почти одновременно въ 1597 году по-польски и по-русски въ Вильнѣ и въ Острогѣ: это былъ «Апокрисисъ, албо отповѣдь на книжкы о соборѣ Берестейскомъ». Авторомъ названъ Христофоръ Филалетъ—имя, очевидно, вымышленное, но кто скрылся подъ этимъ псевдонимомъ, сказать трудно. По нѣкоторымъ даннымъ, разсѣяннымъ въ Апокрисисѣ, можно полагать, что это было лицо свѣтское, жившее на Волыни и, вѣроятно, близкое къ луцкому епископу Кириллу Терлецкому. О личности этой имѣются разныя предположенія: грекъ Аркудій, Ипатій Поцѣй, Мелетій Смотрицкій, наконецъ—вѣроятнѣе всего—Христофоръ Бронскій, о которомъ, впрочемъ, почти ничего не извѣстно, кромѣ развѣ его близости къ знаменитому дѣятелю западно-русскаго просвѣщенія князю Константину Острожскому. Содержаніе сочиненія [3]) распредѣлено на четыре части: въ I-ой въ опроверженіе описанія дѣйствій Брестскаго собора, сдѣланнаго Скаргой, приводится посланіе группы православныхъ, съ протестомъ ихъ противъ уніатовъ, и затѣмъ разъясненіе этого посланія; во II-ой части описываются и оцѣниваются дѣйствія на соборѣ приверженцевъ православной вѣры, въ III-ей говорится о «церковномъ единовластительствѣ римскихъ папъ», и IV-ая часть посвящена разбору высказанныхъ Скаргой порицаній царьградской патріархіи и похвалъ по адресу уніи; въ концѣ «Апокрисиса» помѣщено обращеніе къ

---

[1]) Оба разсмотрѣны въ трудахъ А. Попова: Обличительныя списанія противъ жидовъ и латинянъ, по рукописи Имп. Публ. Библіотеки, въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1879, кн. I, и Н. И. Петрова: Западно-русскія полемическія сочиненія XVI в., въ «Труд. Кіевской Духовной Акад.» 1894, №№ 2—4.

[2]) Перепечатано въ «Памятникахъ полемической литературы въ Западной Руси», кн. II. Спб. 1882 (Русская Историческая Библіотека, т. VII), стр. 939—1002, и кн. III. Спб. 1903 (Р. И. Б., т. XIX), стр. 183—328.

[3]) Оба текста, западно-русскій и польскій, перепечатаны въ «Памятникахъ полемической литературы въ Западной Руси», кн. II (Р. И. Б., т. VII), стр. 1003—1820. Переводъ этого сочиненія на современный русскій языкъ сдѣланъ при Кіевской Духовной Академіи: Кіевъ. 1870.

обывателямъ Польши и Литвы, съ указаніемъ на опасность отъ уніи для шляхетскихъ вольностей и государства. Въ литературномъ отношеніи «Апокрисисъ» отличается многими достоинствами. Изложеніе обнаруживаетъ строго выдержанную систему; авторъ выдѣляетъ главныя мысли Скарги въ особыя группы по предметамъ и сначала противопоставляетъ имъ, какъ ложнымъ, правильное ученіе православной церкви, а затѣмъ разбираетъ порознь тѣ доводы, на которыхъ основываетъ свои мнѣнія Скарга. Филалетъ идетъ, впрочемъ, и далѣе опроверженій противника: онъ предлагаетъ ему множество самостоятельныхъ возраженій по существу противъ римско-католическаго ученія. Авторъ владѣетъ весьма богатыми по тому времени для русскаго писателя средствами учености: онъ прекрасно знаетъ не только св. Писаніе и отцовъ церкви, но и многихъ свѣтскихъ авторовъ—какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Полемическая манера Филалета—спокойная, сдержанная, чуждая искусственности [1]). Сочиненіе Христофора Филалета вызвало, въ свою очередь, возраженіе, появившееся въ 1599—1600 годахъ на польскомъ и западно-русскомъ языкахъ подъ именемъ «Апокрисиса» или «Отписа» [2]); авторъ его также въ точности неизвѣстенъ.

Болѣе разнообразнымъ представляется въ своихъ полемическихъ трудахъ Мелетій Смотрицкій, одна изъ самыхъ характерныхъ фигуръ на фонѣ западно-русскихъ событій и литературы XVI—XVII в., для изученія которыхъ жизнь и дѣятельность этого человѣка представляетъ немалый интересъ. Одаренный блестящими способностями отъ природы и происходя изъ православной и образованной семьи (отецъ Мелетія былъ небезызвѣстный полемистъ и стихотворецъ), Мелетій (род. 1577) получилъ образованіе въ Виленской іезуитской коллегіи, куда, за недостаткомъ хорошихъ православныхъ школъ, поступало немало православныхъ юношей въ поискахъ «внѣшняго знанія». Вскорѣ затѣмъ, въ начальные годы XVII вѣка, сопровождая дѣтей одного литовскаго вельможи, Мелетій имѣлъ возможность совершить путешествіе заграницу и слушать науку въ нѣмецкихъ университетахъ. Вернувшись на родину, онъ принялъ монашество и былъ нѣкоторое время учителемъ въ школѣ въ Евю (или Евье, нын. Виленской губ.). Около того же времени началась и его литературная дѣятельность, направленная первоначально на защиту православія. Послѣ нѣсколькихъ небольшихъ литературныхъ опытовъ, имъ издано было въ 1610 году въ Вильнѣ на польскомъ языкѣ, подъ именемъ Ѳеофила Орѳолога, крупное сочиненіе «Ѳриносъ», т. е. «Плачъ единой святой апостольской восточной церкви, съ изъясненіемъ догматовъ вѣры». Этотъ трудъ вызвалъ противъ себя два возраженія: Петра Скарги «Предостереженіе Руси греческой вѣры противъ Плача Ѳеофила Орѳолога» (1610) и ученаго уніата Ильи Мороховскаго «Утѣшеніе или утоленіе

[1]) Скабалановичъ, Н. Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета. Спб. 1873, стр. 34—35.

[2]) Перепечатано въ «Памятникахъ полемической литературы въ Западной Руси», кн. III (Р. И. Б., т. XIX), стр. 477—985.

плача восточной церкви, Ѳеофила Ороолога» (1612). Вмѣстѣ съ тѣмъ сочиненіе Смотрицкаго обратило на него вниманіе, какъ на даровитаго и усерднаго ревнителя православія, такъ что онъ былъ сдѣланъ епископомъ Полоцкимъ и Могилевскимъ, и на этомъ посту продолжалъ свою литературно-полемическую дѣятельность. Такъ, когда іезуиты и уніатскій епископъ Рутскій воздвигли гоненіе на православныхъ епископовъ, посвященныхъ патріархомъ, то Мелетій издалъ въ 1620 году, на польскомъ языкѣ, сочиненіе «Оправданіе невинности и опроверженіе мнѣній, унижающихъ русскій народъ», въ которомъ отстаивалъ свободу давняго въ западномъ русскомъ краѣ православія. Этотъ трудъ вызвалъ противъ себя возраженіе Рутскаго «Двойная вина», противъ котораго Мелетій издалъ въ 1621 году новую книгу—«Оборона оправданію»; тогда со стороны Рутскаго явилась «Критика обороны», вызвавшая въ свою очередь цѣлыхъ два отвѣтныхъ сочиненія Смотрицкаго, вышедшихъ въ 1622 г.: «Прибавленіе къ Оборонѣ оправданію» и «Обличеніе ѣдкихъ сочиненій». Вскорѣ однако произошло событіе, оказавшее значительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Мелетія Смотрицкаго. Въ 1623 году раздраженными православными убитъ былъ уніатскій епископъ въ Витебскѣ Іосафатъ Кунцевичъ; убійцы, по волѣ короля, были преданы казни, но нѣкоторая тѣнь въ этомъ дѣлѣ пала и на Мелетія, котораго уніаты подозрѣвали въ подстрекательствѣ противъ убитаго. Это такъ напугало Смотрицкаго, что онъ не замедлилъ удалиться на востокъ (въ Грецію и Палестину), откуда вернулся въ отечество лишь черезъ три года, но уже уніатомъ, получивъ на возвратномъ пути отъ папы номинальный титулъ архіепископа Іерапольскаго, и поселился затѣмъ, въ 1627 году, въ Дерманскомъ монастырѣ, на Волыни. Вскорѣ, въ 1628 году, вышло на польскомъ языкѣ во Львовѣ его сочиненіе «Апологія путешествія по восточнымъ землямъ», въ которомъ авторъ высказалъ не только свои уніатскія симпатіи, но и съ осужденіемъ упоминалъ о своихъ прежнихъ трудахъ въ защиту православія. Въ виду такой измѣны, Мелетій былъ позванъ въ томъ же 1628 году въ Кіевъ на судъ православныхъ епископовъ, гдѣ покаялся лишь видимымъ образомъ, а въ душѣ остался уніатомъ. «Апологія» Смотрицкаго вызвала вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько возраженій (напр., «Антидотъ» Андрея Мужиловскаго и др.), на которыя Мелетій отвѣчалъ новыми сочиненіями: «Расправа между Апологіею и Антидотумомъ» (1628), «Письма къ отцу Борецкому и другимъ» (1628) и т. п., гдѣ съ совершенной опредѣленностью высказывалъ свои уніатскія убѣжденія. Умеръ Смотрицкій въ 1633 году, оставивъ по себѣ память талантливаго полемиста и писателя, но человѣка увлекающагося, безпокойнаго, непостояннаго въ своихъ воззрѣніяхъ и даже двуличнаго, своекорыстнаго и гордаго, какимъ изображаетъ Мелетія одинъ изъ его антагонистовъ, протоіерей Андрей Мужиловскій. Литературныя пріемы Смотрицкаго обнаруживаютъ въ немъ типическія черты той эпохи—многорѣчіе и страстность, переходящую иногда въ грубую брань по адресу своихъ противниковъ [1]).

---

[1]) Филаретъ, арх. Черниговскій. Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3-е, стр. 184—186.

Выдающееся положеніе среди западно-русскихъ полемистовъ первой половины XVII вѣка занимаетъ Захарія Копыстенскій, особенно благодаря своей «Палинодіи», направленной противъ «Обороны уніи», изданной въ 1617 году виленскимъ уніатскимъ архимандритомъ Львомъ Кревзой. Жизнь Захаріи Копыстенскаго намъ мало извѣстна. Онъ происходилъ изъ перемышльскихъ дворянъ, но гдѣ и въ которомъ году родился—неизвѣстно; своимъ воспитаніемъ онъ обязанъ, вѣроятно, Львовской школѣ, одной изъ лучшихъ братскихъ школъ въ Западной Руси той эпохи, и затѣмъ расширилъ полученное тамъ образованіе и начитанность самостоятельными книжными занятіями и путешествіями съ ученою цѣлью въ Валахію и, быть можетъ, другія сосѣднія земли. Въ 1616 году мы видимъ Копыстенскаго членомъ кіевскаго церковнаго братства, а со слѣдующаго 1617 года начинается уже его учено-литературная дѣятельность; въ этомъ году изданъ былъ въ Кіевѣ Часословъ, и одно изъ двухъ предисловій къ нему подписано «архидіакономъ» Захаріей Копыстенскимъ. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ ученыхъ работъ: «Книга о вѣрѣ» (1619), направленная главнымъ образомъ противъ протестантовъ, «Бесѣды І. Златоуста на Дѣянія св. апостолъ» (1624) и друг. Въ 1625 году Копыстенскій сдѣлался Кіево-печерскимъ архимандритомъ и скончался по однимъ свѣдѣніямъ въ 1626 году, а по другимъ — въ 1627 [1]). Однако важнѣйшимъ сочиненіемъ Захаріи Копыстенскаго является его «Палинодія», написанная въ 1621—1622 годахъ, но оставшаяся въ свое время ненапечатанной и опубликованная гораздо позднѣе, какъ историческій матеріалъ [2]). Написанная въ защиту православія противъ уніатовъ, «Палинодія», какъ сочиненіе прежде всего богословское, не можетъ подлежать здѣсь подробному разсмотрѣнію, но историческое значеніе ея въ научномъ и литературномъ отношеніи весьма велико. По отзыву спеціальнаго изслѣдователя, сочиненіе это, будучи несамостоятельно по своему плану, вызванному соотвѣтствіемъ книгѣ Кревзы, является по своему содержанію «капитальнымъ трудомъ, въ значительной степени удовлетворяющимъ научнымъ требованіямъ даже съ современной точки зрѣнія»; эта книга является «завершительнымъ звеномъ въ современной ей православной полемической литературѣ въ историческій періодъ ея развитія» и, подобно сочиненію Кревзы, въ которомъ выражена попытка латиноуніатовъ отыскать въ исторіи прочную основу для Брестской уніи, въ этомъ трудѣ Копыстенскаго исчерпаны всѣ средства освѣтить тотъ же вопросъ, но съ противоположной, православной точки зрѣнія; послѣ него, богословская мысль въ этой области обращается уже къ «разработкѣ теоретической стороны въ системѣ православнаго богословія». Ученая эрудиція Копыстенскаго, по мнѣнію того же изслѣдователя, по своей обширности и разнообразію, не имѣетъ себѣ «ничего равнаго въ предшествующей по-

---

[1]) Завитневичъ, В. З. Палинодія Захаріи Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI и XVII вв. Варшава 1883, стр. 252—305.

[2]) Памятники полемической литературы въ Западной Руси. Кн. І. Спб. 1878 (Р. И. Б., т. IV), с. 313—1200.

лемической литературѣ», а по своему научному методу «Палинодія» «не уступаетъ ни одному изъ предшествующихъ ей православныхъ полемическихъ сочиненій и можетъ быть поставлена наравнѣ съ Апокрисисомъ Филалета и сочиненіями М. Смотрицкаго» [1]).

На другихъ, менѣе видныхъ и значительныхъ въ историческомъ отношеніи, сочиненіяхъ церковно-полемической литературы XVI—XVII вв. мы останавливаться не станемъ, имѣя въ виду, что для историка литературы они цѣнны не своимъ содержаніемъ, а пріемами и методами работы, подборомъ источниковъ, степенью критическаго къ нимъ отношенія, вообще своимъ научнымъ элементомъ, затѣмъ — общимъ настроеніемъ и тѣмъ или инымъ направленіемъ мысли. Съ этой точки зрѣнія указанный матеріалъ достаточенъ для того, чтобы видѣть, что среди западно-русскихъ дѣятелей въ области церковной полемики разсматриваемой эпохи, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, оказались лица, могшія по своей научной подготовкѣ и способностямъ стать въ уровень со своими противниками изъ польско-католическаго и уніатскаго лагеря.

3.

Проповѣдь.—Юго-западная проповѣдь въ прошломъ; два періода ея развитія въ XVI—XVII вв.—Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій.—Іоанникій Голятовскій.—Лазарь Барановичъ.—Антоній Радивиловскій.—Общій характеръ юго-западной проповѣди переходнаго времени; ея свѣтскіе элементы и общественно-просвѣтительная роль.

Церковная проповѣдь въ Юго-западной Руси XVI—XVII вв. также играла немаловажную роль: являясь проводникомъ религіозно-нравственныхъ понятій, она служила обычнымъ потребностямъ христіанскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ временной нуждѣ религіозной борьбы съ иновѣрцами. Условія развитія церковной проповѣди на юго-западѣ до XVI вѣка не представляютъ чего-либо особеннаго—ни по содержанію, ни по своему историко-литературному значенію — сравнительно съ тѣмъ, что мы уже знаемъ о кіевской, сѣверо-восточной или московской литературѣ того же времени [2]); оригинальныхъ проповѣдническихъ талантовъ тутъ не было, и даже труды въ этой области митрополита Григорія Цамблака въ первой четверти XV вѣка [3]) не составляютъ исключенія. Въ отношеніи содержанія проповѣдей господствовала та же византійская схема, стѣснявшая проповѣдника и отдалявшая его отъ соприкосновенія съ жизнью, а слабость литературнаго сознанія смѣшивала въ одну массу чужой, взятый изъ греческаго источника, матеріалъ съ слабыми опытами собственной компиляціи на традиціонныя темы; среди любителей проповѣдническаго и вообще назидательнаго чтенія обращались тѣ же «Златоусты», «Измарагды», «Златыя цѣпи» и т. п. сборники съ значительной долей церковно-учительнаго и проповѣдническаго матеріала.

---

[1]) Завитневичъ, назв. соч., стр. 252. 398—400.

[2]) Ср. выше, стр. 220.

[3]) Яцимирскій, А. И. Григорій Цамблакъ, стр. 208—209. 212.

Поворотъ въ исторіи южно-русской проповѣди наступаетъ въ концѣ XVI вѣка подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни; чрезвычайно важную роль въ этомъ поворотѣ сыграла школа, наложившая и на проповѣдь тотъ особый отпечатокъ, который присущъ всей юго-западной литературѣ даннаго времени. «Исторія этой школьной проповѣди — говоритъ одинъ изслѣдователь [1])—подобно вообще юго-западной образованности и въ частности литературѣ, можетъ быть раздѣлена на два періода, отличныхъ въ однихъ отношеніяхъ другъ отъ друга, но въ другихъ представляющихъ и точки соприкосновенія. Первый періодъ, соотвѣтственно южнорусской образованности, продолжался до 30-хъ годовъ XVII вѣка и можетъ быть названъ греко-славянскимъ, второй начался съ 30-хъ годовъ XVII вѣка и можетъ быть названъ латинскимъ. Конечно, такая грань является лишь приблизительной, такъ какъ проповѣдническіе труды обоихъ періодовъ, при извѣстной разницѣ, имѣютъ между собою и много общаго какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Основными чертами перваго періода являются: связь съ проповѣдническими традиціями прежняго времени, замкнутое въ границы церковности содержаніе и простота славянорусскаго языка. Самымъ характернымъ памятникомъ этого періода является «Учительное Евангеліе» Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго (ум. въ 1646 году въ Черниговѣ); эта книга была напечатана въ Рохмановѣ (въ нын. Волынской губ.) въ 1619 году. «Учительное Евангеліе» представляетъ собою сборникъ поученій на воскресные и праздничные дни. Содержаніемъ поученій служатъ толкованія православно-христіанскихъ догматовъ и разныхъ мѣстъ св. Писанія съ цѣлію религіозно-нравственнаго назиданія читателей или слушателей; поученія эти лишены оригинальности и являются подражаніемъ греческимъ или древнеславянскимъ проповѣдническимъ пріемамъ; языкъ ихъ славяно-русскій, среди котораго лишь по мѣстамъ замѣтна народная малороссійская стихія. Всѣхъ поученій въ сборникѣ 109. Разные экземпляры книги были посвящены авторомъ то князю Чарторыжскому, то княгинѣ Иринѣ Вишневецкой, то князю Корецкому—съ особыми предисловіями, въ которыхъ авторъ указываетъ на источники своего труда, на цѣли его составленія и на тяжелыя условія, среди которыхъ эта книга возникла [2]). Въ 1696 году Учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона было напечатано въ Уневскомъ монастырѣ вторымъ изданіемъ. Изъ другихъ проповѣдниковъ перваго періода могутъ быть здѣсь отмѣчены Стефанъ-Зизаній Тустановскій, Леонтій Карповичъ (ум. 1620), Мелетій Смотрицкій и Захарія Копыстенскій [3]).

Типичнѣйшимъ представителемъ второго періода въ южно-русской проповѣди является Іоанникій Голятовскій. Подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, онъ оставляетъ насъ почти въ полной неизвѣстности от-

---

[1]) М. Марковскій. Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII вѣка. Кіевъ, 1894, стр. 49—50.

[2]) Архангельскій, А. С., назв. соч., стр. 128—131

[3]) Тамъ же, стр. 126—127.

носительно мѣста и времени своего рожденія, а также и первоначальнаго воспитанія. Высшее образованіе получилъ онъ въ Кіево-могилянскомъ коллегіумѣ, по окончаніи курса въ которомъ отправился на Волынь, гдѣ и принялъ монашество. Въ 1657 году, благодаря ходатайству своего наставника и покровителя, Лазаря Барановича, сдѣлавшагося Черниговскимъ архіепископомъ, Голятовскій получилъ назначеніе ректоромъ родной ему кіевской академіи и въ 1688 году умеръ въ санѣ архимандрита Черниговскаго Елецкаго монастыря. Іоанникію Голятовскому принадлежитъ замѣчательный сборникъ проповѣдей, подъ именемъ «Ключъ разумѣнія», имѣвшій три изданія: 1659, къ которому въ слѣдующемъ 1660 году вышло дополненіе, подъ именемъ «Казаня приданыя»—оба въ Кіевѣ; второе изданіе этихъ двухъ книгъ вмѣстѣ выпущено было въ 1663 году въ Львовѣ, гдѣ напечатано было также, въ 1665 году, и третье изданіе, значительно переработанное [1]). Къ этому сборнику приложена была и статья «Наука албо способъ о сложеніи сказаній», въ которой была изложена теорія проповѣдничества съ точки зрѣнія современной школьной науки. Появленіе «Науки» Голятовскаго, какъ самостоятельнаго руководства для составленія церковныхъ поученій, было явленіемъ совершенно новымъ и весьма полезнымъ для тогдашнихъ проповѣдниковъ, желавшихъ идти въ этомъ дѣлѣ по новому пути. Путь этотъ былъ схоластическій, а источникомъ его—школа и примѣры западныхъ и польскихъ церковныхъ ораторовъ. Авторъ указываетъ, изъ какихъ частей должна состоять проповѣдь (приступъ, предложеніе, изложеніе и заключеніе) и какого рода матеріалъ долженъ входить въ каждую изъ этихъ основныхъ частей. Источниками содержанія проповѣдей должны являться не только св. Писаніе и отцы церкви, но и разныя свѣтскія науки, напр. исторія и естествознаніе; кромѣ того, полезно читать составителю церковнаго поученія и современныхъ проповѣдниковъ, у которыхъ можно найти матеріалъ для полемики; наконецъ, авторъ даетъ и нѣкоторые практическіе совѣты касательно составленія проповѣди и наполненія ея разнаго рода украшеніями, способными увеличить интересъ проповѣди въ глазахъ слушателей. Теоретическія указанія «Науки» осложнялись при каждомъ дальнѣйшемъ изданіи «Ключа разумѣнія» все новыми и новыми схоластическими совѣтами [2]). Иллюстраціей этихъ наставленій должны были явиться собственныя проповѣди Голятовскаго, составляющія содержаніе его сборника, и слѣдуетъ признать, что эта частная задача авторомъ вполнѣ достигнута: проповѣди Голятовскаго являются превосходнымъ образцомъ новыхъ проповѣдническихъ вкусовъ, характеризующихъ собою второй періодъ въ развитіи южно-русской проповѣди XVII вѣка: онѣ носятъ въ значительной степени свѣтскій и школьный характеръ [3]).

---

[1]) Подробный библіографическій обзоръ этихъ изданій см. въ статьѣ Ив. Огіенко: Изданія Ключа Разумѣнія Іоанникія Голятовскаго. Р. Ф. В. 1910 № 2.

[2]) М. Марковскій, назв. соч., стр. 53.

[3]) Н. Сумцовъ. Іоанникій Голятовскій. Кіевъ 1884, стр. 21—37.

Изъ другихъ дѣятелей южно-русской проповѣди второго періода въ XVII вѣкѣ достаточно упомянуть тутъ два имени: Лазаря Барановича (1620—1693) и Антонія Радивиловскаго (ум. 1688). Первому принадлежатъ два объемистыхъ сборника проповѣдей: «Мечъ духовный» (Кіевъ 1666, 2-е изд. 1686) и «Трубы словесъ проповѣдныхъ» (Кіевъ 1674, 2-е изд. 1679); второй также оставилъ послѣ себя два проповѣдническихъ сборника: «Огородокъ Маріи Богородицы» (Кіевъ 1676) и «Вѣнецъ Христовъ, изъ проповѣдей недѣльныхъ аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ [розовыхъ] сплетенный» (Кіевъ 1688). Оба проповѣдника являются въ своихъ произведеніяхъ послѣдователями тѣхъ самыхъ схоластическихъ пріемовъ, которые установилъ Голятовскій—съ тою лишь разницей, что въ то время, какъ у Барановича за этой схоластикой трудно найти слѣды живого отношенія къ окружавшей его дѣйствительности [1]), у Радивиловскаго, напротивъ, такіе слѣды могутъ быть усмотрѣны, напр. рознь между казацкимъ старшиной и простымъ народомъ, отсутствіе правосудія, грубыя насилія надъ слабыми, нравственная распущенность и т. п. Языкъ его тоже носитъ на себѣ явственныя черты живой малорусской рѣчи. Все это приводитъ спеціальнаго изслѣдователя сочиненій Радивиловскаго къ мысли, что этотъ авторъ «является самымъ полнымъ, самымъ рельефнымъ представителемъ южно-русской схоластической проповѣди, сохраняя въ то же время наиболѣе связей съ первымъ періодомъ южно-русской проповѣди» [2]).

Въ лицѣ церковной полемики и проповѣди въ Юго-западной Руси XVI—XVII вв. мы имѣемъ передъ собою еще старыя литературныя формы, унаслѣдованныя отъ прошлаго. Содержаніе относящихся сюда произведеній въ старое время не могло обезпечить за ними особенно большого литературнаго значенія въ виду ихъ спеціальнаго назначенія для потребностей церкви. Для даннаго времени положеніе вещей нѣсколько мѣняется—въ сторону бо́льшаго литературнаго интереса указанныхъ произведеній. Правда, и въ полемическихъ произведеніяхъ, и въ проповѣдяхъ мы встрѣчаемся съ тѣми же основными чертами содержанія и съ тѣмъ же господствомъ греко-славянскаго преданія; но уже тутъ имѣются нѣкоторыя и новыя черты: уніатство, лютеранство, польско-католическое вліяніе на жизнь и нравы южно-русскаго общества и т. п. Главное же значеніе той и другой категоріи литературныхъ явленій заключается во внѣшнихъ пріемахъ ихъ обработки, въ источникахъ литературнаго образованія. Школа, устроенная по западно-европейскимъ и польскимъ образцамъ, внесла въ эти литературныя произведенія сильнѣйшій элементъ схоластики, т. е. наукообразнаго, формальнаго отношенія къ знанію какъ духовному, такъ и свѣтскому. Полемисты и проповѣдники расширяли со-

---

[1]) Н. Сумцовъ. Къ исторіи южно-русской литературы XVII столѣтія. I. Лазарь Барановичъ. Харьковъ 1885, стр. 58—60.

[2]) М. Марковскій, назв. соч., стр. 78—82, 92, 119.

держаніе своихъ произведеній и аргументировали данными изъ области исторіи, филологіи, естествознанія, хотя и понимали ихъ крайне условно, давая своимъ толкованіямъ весьма своеобразный, нерѣдко совершенно неожиданный для слушателя или читателя смыслъ. И тѣмъ не менѣе, этимъ путемъ шла популяризація свѣтскихъ элементовъ знанія, которыхъ такъ чуждалась наша старая письменность до конца XVI вѣка; кое-гдѣ проскальзывалъ даже интересъ къ народности. Все это создавало новые пріемы и вкусы какъ у составителей литературныхъ произведеній, такъ и въ средѣ читателей; литература, какъ и прежде, являлась своего рода подвижной школой, но теперь, при помощи книгопечатанія, ея дѣйствіе было гораздо сильнѣе. Однако было бы большой ошибкой особенно преувеличивать дѣйствіе этой литературы на народныя массы: за отсутствіемъ достаточнаго количества школъ и вообще доступныхъ способовъ образованія, народныя массы на юго-западѣ, какъ и въ Московской Руси, коснѣли еще въ глубокомъ невѣжествѣ, и пріобрѣтенія схоластической учености, поражающей иногда своимъ изобиліемъ въ литературныхъ произведеніяхъ XVI—XVII вв., были удѣломъ сравнительно небольшого круга лицъ, прошедшихъ новую школу у себя на родинѣ или заграницей.

Болѣе новыми въ процессѣ русскаго литературнаго развитія являются двѣ другія формы литературной производительности въ Юго-западной Руси данной эпохи, наука и поэзія—конечно, въ условномъ, формальномъ ихъ пониманіи.

4.

Произведенія научной литературы.—Хроника Ѳеодосія Сафоновича.—Синопсисъ Иннокентія Гизеля.—Грамматика Мелетія Смотрицкаго.—Лексиконъ Памвы Берынды.

Это была, конечно, не настоящая наука, основанная на тщательномъ собираніи и критическомъ изученіи матеріала: начатки такой науки мы видимъ только въ XVIII вѣкѣ; въ данномъ случаѣ имѣлась лишь форма науки, продуктъ школьныхъ занятій, любознательности и трудолюбія, но лишенный критики и объективнаго изслѣдованія. Область, въ которой выразились эти условныя научныя стремленія, эта наклонность къ компиляціи и чисто-формальнымъ построеніямъ, была старая, господствовавшая за много вѣковъ въ Византіи, имѣвшая затѣмъ распространеніе на западѣ и въ Польшѣ: исторія и филологія. Другое пока нашимъ книжникамъ было недоступно, такъ какъ не выдвигалось жизнью и не культивировалось въ школѣ.

Изъ области исторіи заслуживаютъ быть отмѣченными труды игумена Кіево-Михайловскаго монастыря Ѳеодосія Сафоновича, печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля и эконома Печерскаго монастыря Пантелеймона Кохановскаго.

Сафоновичу принадлежитъ историческая компиляція начальныхъ событій русской исторіи до 1289 года включительно, составленная по кіевской и волынской лѣтописямъ, къ которымъ прибавлены разсказы о нѣкоторыхъ событіяхъ въ Москвѣ, Литвѣ, Польшѣ и Малороссіи. Кромѣ лѣто-

писей, матеріаломъ для разсказа у Сафоновича служили нѣкоторые отдѣльные документы (напр., грамоты и письма) и сочиненіе польскаго историка Стрыйковскаго (1582) [1]). Кохановскій, работавшій лѣтъ восемь спустя послѣ Сафоновича, составилъ въ 1680—82 годахъ свой обширный «Синопсисъ русскій»; это сочиненіе имѣло своей цѣлью охватить болѣе подробно, чѣмъ у Сафоновича, событія начальныхъ вѣковъ русской исторіи, но литературная обработка его стоитъ ниже таковой у Сафоновича; многіе источники у обоихъ авторовъ были общіе.

Труды Кохановскаго и Сафоновича не были напечатаны и, оставаясь въ рукописяхъ, не получили ни большого распространенія, ни особеннаго вліянія на другія работы того же рода. Гораздо болѣе выдвинулся и сдѣлался извѣстнымъ «Синопсисъ или краткое описаніе о началѣ славенскаго народа и о первыхъ кіевскихъ князьяхъ до государя царя Ѳеодора Алексіевича» Иннокентія Гизеля. Судьба этого человѣка имѣла нѣкоторыя характерныя черты, заслуживающія быть отмѣченными. Онъ родился въ Пруссіи, въ реформатской семьѣ, и тамъ же получилъ первоначальное образованіе. Въ молодые годы, въ первой половинѣ XVII вѣка, Гизель явился въ Кіевъ, принялъ здѣсь православіе, а потомъ вступилъ въ монашество и сталъ учиться къ Кіевскомъ коллегіумѣ; здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе Петра Могилы, ѣздилъ для продолженія образованія заграницу и по возвращеніи оттуда былъ назначенъ сначала учителемъ, потомъ профессоромъ и, наконецъ, ректоромъ коллегіума; въ послѣдней должности онъ состоялъ въ 1648—1650 годахъ. Въ 1656 году Гизель получилъ санъ кіево-печерскаго архимандрита, въ которомъ и пробылъ 27 лѣтъ, вплоть до своей кончины въ 1683 году. Изъ литературныхъ трудовъ Гизеля самую большую извѣстность получилъ его упомянутый «Синопсисъ», въ первый разъ напечатанный въ Кіевѣ въ 1674 году (2 изд. 1678, 3 изд. 1680—при жизни автора) и затѣмъ перепечатывавшійся множество разъ въ XVII—XIX вѣкахъ (послѣднее изданіе: 1861). Впрочемъ, принадлежность этого сочиненія Иннокентію Гизелю не можетъ быть вполнѣ доказана и держится лишь силою преданія. По издавна установившемуся мнѣнію, въ основу Синопсиса Гизеля легла хроника Сафоновича, но въ настоящее время этотъ взглядъ находитъ себѣ существенныя возраженія: подобно своимъ современникамъ, Сафоновичу и Кохановскому, онъ пользовался общими съ ними источниками—въ трудахъ старыхъ лѣтописцевъ и польскихъ историковъ; Иннокентій Гизель доводитъ свой разсказъ до временъ царя Ѳеодора Алексѣевича, причемъ изложеніе событій отличается неравномѣрностью; событія малорусской исторіи гораздо обширнѣе и полнѣе, чѣмъ событія Сѣверо-восточной и Московской Руси: напр., ничего почти не говорится о княженіи Ивана III, о правленіи Ивана IV, о покореніи Новгорода, объ исправленіи при патріархѣ Никонѣ богослужебныхъ книгъ и т. п. Синопсисъ совершенно лишенъ критическаго отношенія автора къ излагаемымъ въ немъ событіямъ; онъ составляетъ по существу такую же компиляцію, какъ хро-

---

[1]) А. Старчевскій. Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина. Спб. 1845, стр. 73—85.

ника Сафоновича и трудъ Кохановскаго, и наполненъ массой фантастическихъ сообщеній. За историческіе факты выдаются разнаго рода сказки, вродѣ полученія славянами въ 310 году до Р. Х. грамоты на «вольность» за услуги, оказанныя ими Филиппу Македонскому и его сыну Александру, взятія славянороссійскимъ княземъ Одонацеромъ Рима и т. п. Происхожденіе собственныхъ именъ толкуется въ духѣ тогдашней историографіи совершенно произвольно; славяне—отъ «славы», Москва—отъ сына Іоафетова Мосоха, россіяне—отъ «разсѣянія», казаки—отъ полководца Козака и т. п. Несмотря на все это, Синопсисъ, благодаря своей внѣшней, хотя и далеко не равномѣрной, полнотѣ, вошелъ у насъ на долгое время учебникомъ русской исторіи въ школы и былъ вытѣсненъ оттуда лишь «Краткимъ лѣтописцемъ» Ломоносова (1760), продолжая однако же расходиться въ дальнѣйшихъ изданіяхъ среди читающей публики [1]).

Филологическіе интересы нашли себѣ выраженіе главнымъ образомъ въ Грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго и Лексиконѣ Памвы Берынды.

Еще до Мелетія Смотрицкаго было нѣсколько попытокъ привести въ извѣстный порядокъ грамматическій матеріалъ церковно-славянскаго языка. До конца XVI вѣка, т. е. до появленія школьной науки въ Юго-западной Руси, русскіе книжники располагали въ этомъ отношеніи лишь незаконченными трудами Максима Грека, имѣвшими въ виду главнымъ образомъ практическія цѣли перевода съ греческаго на славянскій языкъ. Затѣмъ, въ интересахъ школьнаго обученія, появилась въ печати въ 1586 году, въ Вильнѣ, первая славянская грамматика, а за ней въ 1591 году, въ Львовѣ, вторая подъ заглавіемъ «Грамматика доброглаголиваго еллинославенскаго языка»; но, собственно говоря, оба эти труда были посвящены греческой грамматикѣ, лишь со случайными указаніями славянскихъ аналогій грамматическимъ категоріямъ или отдѣльнымъ моментамъ языка греческаго. Нѣсколько ближе подходитъ къ рѣшенію задачи о грамматической систематизаціи данныхъ славянскаго языка Грамматика Лаврентія Зизанія (Вильна, 1596), но авторъ ея былъ мало подготовленъ къ своему дѣлу, и первымъ дѣйствительно крупнымъ шагомъ въ этомъ направленіи является «Грамматики словенскія правильное синтагма» Мелетія Смотрицкаго, напечатанная въ Евю (близъ Вильны) въ 1619 году. Составляя свой трудъ, авторъ имѣлъ двѣ цѣли: съ одной стороны—дать возможность учащемуся юношеству имѣть наилучшее средство къ пріобрѣтенію славянской грамотности, а съ другой—чтобы поднять «занедбаный, а церкви нашей природной словенскій языкъ». Источникомъ знакомства самого Мелетія съ славянскимъ языкомъ были преимущественно славянскія рукописи XV и XVI вв., и, составляя свою грамматику на основаніи этого матеріала, Мелетій хотѣлъ получить «чистый» славянскій языкъ—точка зрѣнія теоретическая, а не историческая, которая въ данномъ случаѣ единственно была умѣстна; но такой взглядъ

---

[1]) П. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. 2 изд. М. 1898, стр. 7—16; Н. Сумцовъ. Иннокентій Гизель. К. 1884, стр. 37—41 А. Рогозинскій. «Кройника» Ѳеодосія Сафоновича и ея отношеніе къ «Кіевскому Синопсису» Иннокентія Гизеля. Изв. II Отд. А. Н. 1910, кн. 4, стр. 270—286.

былъ усвоенъ лишь гораздо позднѣе, въ началѣ XIX вѣка, Іосифомъ Добровскимъ. Результатомъ искусственно поставленной Мелетіемъ цѣли и установленной имъ неправильной точки зрѣнія на выборъ необходимаго матеріала явились многія неточности и ошибки, внесенныя имъ въ свою Грамматику [1]). Но нельзя забывать и о весьма важныхъ положительныхъ сторонахъ труда Мелетія Смотрицкаго: грамматическій матеріалъ церковно-славянскаго языка, находившійся до того времени въ совершенно хаотическомъ состояніи, былъ приведенъ имъ въ извѣстную систему, и, т. о., получались точки отправленія для дальнѣйшихъ наблюденій; установленныя Мелетіемъ Смотрицкимъ нормы имѣли существенное вліяніе на образованіе и характеръ литературнаго языка въ XVII и даже XVIII вв.; онъ положилъ конецъ крайней пестротѣ въ пріемахъ правописанія и произволу въ удареніяхъ. Отъ Мелетія Смотрицкаго не ускользнули и нѣкоторые историческіе и діалектологическіе элементы русскаго языка, и, не умѣя ихъ объяснить принятыми имъ грамматическими категоріями, видя въ нихъ «обыкъ» или «навыкъ» живой рѣчи, онъ однако же старался сблизить церковно-славянскій языкъ съ основными свойствами русскихъ нарѣчій; даже въ словарномъ отношеніи онъ старался отдѣлить русскій элементъ отъ славянскаго, хотя и не всегда удачно. Въ силу этихъ особенностей, Грамматика Мелетія Смотрицкаго сохранила свой авторитетъ вплоть до половины XVIII в.; она служила учебникомъ для самого Ломоносова и была замѣнена лишь грамматическимъ трудомъ этого послѣдняго, напечатаннымъ въ 1755 году.

Словарный трудъ Памвы Берынды не можетъ конкурировать съ Грамматикой Смотрицкаго въ отношеніи своего историческаго значенія. Берында былъ ученый архитипографъ Кіево-Печерской Лавры; до полученія этого довольно вліятельнаго положенія въ книжномъ дѣлѣ онъ работалъ надъ переводомъ и изданіемъ книгъ въ Львовѣ, проживая въ домѣ пана Θеодора Болобана; умеръ онъ въ 1632 году. Въ качествѣ главнаго наблюдателя за печатаніемъ книгъ въ типографіи Львовской и при Кіево-Печерской Лаврѣ, онъ, при пестротѣ тогдашняго литературнаго языка, долженъ былъ постоянно наталкиваться на такія слова въ книгахъ различнаго содержанія, которыя для обыкновеннаго читателя требовали объясненія. Быть можетъ, изъ ряда лексикальныхъ замѣтокъ, составившихся при печатаніи книгъ въ Юго-западной Руси, и вышелъ его «Лексиконъ словено-россійскій, именъ толкованіе», изданный сначала въ Кіевѣ въ 1627 году и потомъ, послѣ смерти автора, перепечатанный въ Кутеинскомъ монастырѣ въ 1653 г. [2]). Если вспомнить, что Лексиконъ Берынды былъ изданъ лишь черезъ восемь лѣтъ послѣ Грамматики Смотрицкаго, то нѣтъ основанія удивляться слабости этого труда въ грамматическомъ отношеніи. Для пользующагося словаремъ Бе-

---

[1]) Подробнѣе см. объ этомъ въ сочиненіи Н и к. З а с а д к е в и ч а: Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса 1883, стр. 88—99; очень цѣнны замѣчанія у П. Ж и т е ц к а г о: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв. Ч. I. К. 1889, стр. 19—26.

[2]) Позднѣйшая перепечатка у С а х а р о в а въ «Сказаніяхъ русскаго народа» (II, 1849) сдѣлана въ сокращеніи и очень неточно.

рынды авторъ не даетъ въ руки никакой системы; одинъ и тотъ же глаголъ помѣщается въ разныхъ формахъ; существительныя, прилагательныя и мѣстоименія приводятся въ косвенныхъ падежахъ и т. п.; очевидно, что авторъ часто объяснялъ не слова вообще, а лишь значеніе ихъ въ извѣстныхъ мѣстахъ тѣхъ или иныхъ книгъ; подобныя слова могли первоначально заноситься имъ на поляхъ книгъ и потомъ механически были сведены въ словарѣ, будучи распредѣлены лишь въ порядкѣ алфавита. Что касается до объясненія славянскихъ словъ, то для этой цѣли Берында рядомъ съ ними ставитъ слова «росскія». Эти русскія слова—четырехъ категорій: 1. общія славянскому языку и всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ (горе: бѣда, гряду: иду и т. п.); 2. слова, имѣющіяся только въ русскихъ нарѣчіяхъ и потому являющіяся дѣйствительнымъ объясненіемъ славянскихъ словъ (іже: который, днесь: сегодня); 3. польскія слова, долженствующія служить объясненіемъ общепонятныхъ какъ въ славянскомъ, такъ и въ русскомъ языкахъ словъ (вѣра: набоженство, релѣя; сила: моцъ, цнота); эта послѣдняя категорія особенно интересна, указывая на огромное вліяніе польскаго языка на тогдашній русскій; наконецъ, 4. категорію составляютъ слова малорусскія [1]).

5.

Стихотворство; ранніе образцы школьнаго стихотворства во второй половинѣ XVI вѣка.—«Псальмы» и «канты».—Эпиграмма.—Школьная драма; интермедіи.

Едва ли не самымъ характернымъ явленіемъ юго-западной литературы XVI—XVII вѣковъ было стихотворство. Конечно, оно прежде всего было формой, и въ эту форму влагалось лишь подобіе того или иного, впрочемъ разноообразнаго, содержанія. Поэзіи въ собственномъ смыслѣ тутъ не было, а было только приспособленіе къ ея внѣшнему виду тѣхъ или иныхъ литературныхъ сюжетовъ и отчасти явленій дѣйствительной жизни. Стихотворство, какъ теорія, было однимъ изъ важныхъ предметовъ школьнаго преподаванія, въ видѣ такъ называемой «піитики», которая вела свое начало всецѣло изъ латино-польскихъ образцовъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, входившихъ въ область піитики, было ученіе о стихотворствѣ. По этому вопросу среди дѣятелей юго-западной литературы происходили большія разногласія: въ то время, какъ одни хотѣли установить подобіе метрическаго стихосложенія путемъ приспособленія его къ особенностямъ церковно-славянскаго языка и введенія риѳмы, другіе склонялись къ силлабическому стихосложенію, уже разработанному въ Польшѣ; послѣднее направленіе получило вскорѣ преобладаніе какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ [2]). Стихотворными упражненіями занимались преимущественно ученики духовныхъ школъ, основанныхъ братствами, ихъ наставники и другія лица, прошедшія школьную науку и вызываемыя на то практическими потребностями времени. Самыми ранними образцами искусственной

[1]) П. Житецкій, назв. соч., стр. 37—51.

[2]) Перетцъ, В. Н. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Спб. 1900, стр. 7—24.

лирики въ Юго-западной Россіи являются, сколько извѣстно, вирши на гербъ князя Острожскаго и «предисловіе къ читателю» въ Острожской Библіи 1581 года, принадлежащія перу Герасима Смотрицкаго (отца знаменитаго Мелетія), а также вышедшая изъ Острожской типографіи, 5 мая 1581 года, «Хронологія», представляющая собою, въ формѣ двустишій, свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ каждаго мѣсяца изъ библейской исторіи; авторомъ ея является Андрей Рымша. Если въ названномъ стихотвореніи Рымши, какъ и у Герасима Смотрицкаго, строгій размѣръ стиха отсутствуетъ и лишь риѳма выдаетъ стихотворческія намѣренія автора, то другія произведенія Рымши (въ видѣ похвальныхъ одъ), написанныя не столь чистымъ церковно-славянскимъ, а скорѣе обычнымъ западно-русскимъ языкомъ дѣловыхъ бумагъ и актовъ, приближаются по своему строенію къ образцамъ польскаго силлабическаго стиха [1]).

Эпическая поэзія, хотя и считалась главнымъ поэтическимъ родомъ, однако въ западно-русскихъ школахъ не получила значительнаго развитія, такъ какъ менѣе другихъ родовъ могла быть приспособлена къ практическимъ цѣлямъ. Болѣе процвѣтала поэзія лирическая и эпиграмматическая. Лирика являлась преимущественно въ видѣ панегирической оды, элегіи, въ стихотворныхъ переложеніяхъ церковныхъ пѣснопѣній, молитвъ и пр. Тутъ всего яснѣе сказалась любовь представителей тогдашней школьной мудрости къ виршамъ. На Рождество и на Пасху школьники западно-русскихъ училищъ сочиняли обыкновенно духовные стихи («псальмы» и «канты»), распѣвали ихъ передъ начальствомъ, подносили важнымъ покровителямъ, выступали съ ними даже въ народъ, откуда гораздо позднѣе многіе изъ нихъ перешли въ записи ученыхъ собирателей народной поэзіи, напр., въ извѣстный сборникъ П. Безсонова «Калики перехожіе» (М. 1861—64). Личныя обращенія въ этихъ произведеніяхъ отличались чрезмѣрной лестью и самоуничиженіемъ автора, крайней искусственностью въ выраженіи чувства и полнымъ отсутствіемъ простоты [2]). Нѣкоторые изъ этихъ духовныхъ стиховъ являлись не только подражаніемъ польскимъ, но и прямымъ переводомъ послѣднихъ [3]).

Весьма значительное развитіе получила поэзія эпиграмматическая. Болѣе раннимъ видомъ ея была эпиграмма искусственная, или «курьезная», назначеніе которой исчерпывалось почти исключительно ея внѣшней формой: это—разнаго рода «симфоническіе», «ракообразные», «кубическіе» стихи или произведенія стихотворнаго искусства въ формѣ яйца, бокала, пирамиды, сѣкиры, отличавшіяся нерѣдко большой замысловатостью и бывавшія предметомъ загадокъ. Рядомъ съ этой «курьезной» эпиграммой существовала и получила потомъ преобладающее развитіе эпиграмма внутренняго содержанія, съ элементомъ юмора и сатиры; ея достоинства со-

[1]) Тамъ же, стр. 65—77.

[2]) Н. Петровъ. О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1867. I, стр. 85—94.

[3]) В. Перетцъ, назв. соч., стр. 85—92.

стояли въ краткости, ясности и остроуміи, и въ этомъ смыслѣ такая эпиграмма является родоначальницей литературно-сатирической эпиграммы XVIII и XIX вв. съ яркимъ жизненнымъ содержаніемъ. Конечно, въ школьной эпиграммѣ XVII вѣка элементъ мысли и въ частности сатиры весьма ничтоженъ; однако и тутъ уже есть попытки касаться нѣкоторыхъ вопросовъ морали или дѣйствительной жизни [1]). Значительное развитіе получила также и драма. Не примыкая непосредственно къ духовной драмѣ, или «мистеріи», школьная драма юго-западныхъ училищъ XVII вѣка находилась въ такой же близкой зависимости отъ латино-польскихъ литературныхъ образцовъ, іезуитскаго или народнаго происхожденія, какъ и другіе виды схоластической «поэзіи»; авторами пьесъ были обыкновенно учителя піитики въ кіевской высшей школѣ, а исполнителями—ученики послѣдней изъ дворянскихъ фамилій. Сюжеты этой драмы были главнымъ образомъ церковные или библейскіе: событія изъ жизни Спасителя, прародителей, святыхъ мужей и т. д. Таковы: «Дѣйствіе на страсти Христовы списанное» [2]), «Алексѣй, Божій человѣкъ» [3]), «Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ» [4]), «Іосифъ» [5]) и, вѣроятно, другія произведенія [6]). Въ настоящее время трудно съ желаемой хронологической точностью обозначить репертуаръ школьной драмы XVII вѣка; основными своими чертами она заходитъ и въ первыя десятилѣтія XVIII в., встрѣчаясь тамъ уже съ иными культурными и литературными условіями въ развитіи русскаго театра, съ придворными театральными представленіями свѣтскаго характера и начатками публичныхъ зрѣлищъ этого рода [7]).

Несмотря на подавляющее господство школы, стремленіе къ жизненнымъ элементамъ въ школьной драмѣ проявилось очень рано: оно нашло себѣ осуществленіе въ т. н. «интермедіяхъ» или «междувброшен-

---

[1]) Нѣкоторые примѣры такого рода эпиграммы см. у Н. Петрова, назв. соч., Тр. К. Д. А. 1867, I. 114—115.

[2]) Напечатано у Н. Тихонравова: Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. Т. I, 507—562.

[3]) Тамъ же, I, 3—75.

[4]) Тамъ же, I, 243—269.

[5]) Тамъ же, I, 270—295.

[6]) Н. Петровъ. Кіевская искусственная литература XVII и XVIII вѣковъ, преимущественно драматическая. Тр. К. Д. А. 1909, № 7—8, стр. 340—371.

[7]) Новѣйшія изслѣдованія въ этой области даютъ работы В. Н. Рѣзанова: Изъ исторіи русской драмы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ. М. 1910; Изъ исторіи русской драмы. Экскурсъ въ область театра іезуитовъ. Нѣжинъ 1910; Памятники русской драматической литературы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. Приложеніе къ изслѣдованію «Изъ исторіи русской драмы». Нѣжинъ, 1907; Еще одна кіевская драма. Изв. II Отд. Ак. Н. Т. XIII. 1908, кн. 3; также—В. Н. Перетца: Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра. Изв. II Отд. Ак. Н. Т. X. 1905. кн. 1. 2, XII. 1907, кн. 4. XIV. 1909. кн. 1; Изъ начальнаго періода жизни русскаго театра, тамъ же: XII. 1907, кн. 3; Н. И. Петрова, упом. соч. Тр. К. Д. Ак. 1909—1910.

ныхъ игралищахъ», которыя разыгрывались между отдѣльными дѣйствіями пьесъ указаннаго серьезнаго содержанія. Эти незамысловатыя произведенія народнаго юмора, также написанныя виршами, представляли собою сценки изъ народнаго быта, въ которыхъ главными дѣйствующими лицами являлись содержатели шинковъ, мужики, цыгане и т. п. людъ; они вели между собою на сценѣ разговоры, гдѣ забавный элементъ перемѣшивался съ примитивной грубостью или крайне непосредственнымъ отношеніемъ къ жизни. Примѣромъ такого рода пьесъ могутъ служить двѣ интермедіи Якова Гаваттовича, учителя свободныхъ наукъ и философіи въ Львовѣ, помѣщенныя имъ въ пьесѣ «Трагедія или образъ смерти пресвятого Іоанна Крестителя, посланника Божія», представленной въ 1619 году въ Каменкѣ, на ярмаркѣ [1]). Интермедіи писались съ тѣми же пріемами школьной искусственной поэзіи, какъ и пьесы серьезнаго содержанія; сюжеты ихъ, благодаря наличности простонароднаго элемента, находились въ тѣсной связи съ содержаніемъ кукольнаго театра и лубочныхъ картинокъ XVII и XVIII вѣковъ.

Исключая эти интермедіи, касавшіяся живой дѣйствительности, общее содержаніе школьной драмы въ Кіевѣ XVII вѣка отличалось значительной отрѣшенностью отъ жизни, господствомъ заимствованнаго изъ чужихъ литературныхъ образцовъ матеріала и совершенно формальной, часто въ высшей степени неуклюжей, его обработкой [2]). Только въ немногихъ произведеніяхъ конца XVII и начала XVIII вѣка можно усмотрѣть соприкосновеніе искусственной литературы съ народной или исторической жизнью Южной Руси, имѣющее не столько общерусскій, сколько мѣстный малорусскій интересъ и значеніе [3]). Все это однако же нисколько не лишаетъ указанныя литературныя произведенія, облеченныя въ драматическую форму, равно какъ и сродныя имъ произведенія школьной лирики и эпоса, значительной доли ихъ исторической цѣнности. Наблюдая ихъ, мы присутствуемъ не только при усвоеніи школьныхъ пріемовъ въ литературной области на юго-западѣ Россіи, но получаемъ матеріалъ также для пониманія и оцѣнки явленій московской литературы во второй половинѣ XVII вѣка.

6.

Іоаннъ Вишенскій.—Его жизнь и сочиненія.

До сихъ поръ шла у насъ рѣчь о такихъ явленіяхъ литературы въ Юго-западной Руси, которыя своей органической связью съ Польшей и западомъ вносятъ новыя черты въ исторію литературнаго развитія рус-

---

[1]) Напечатаны М. П. Драгомановымъ въ «Кіевской Старинѣ» 1883, № 12, стр. 656—664; ср. о нихъ П. Кузьмичевскаго «Старѣйшія русскія драматическія сцены»: Кіевская Старина 1885, № 11.

[2]) Морозовъ, П. О. Исторія русскаго театра до половины XVIII столѣтія. Спб. 1889, стр. 95—113; Рѣзановъ, В. Изъ исторіи русской драмы, стр. 54—55 182—204. 260—268.

[3]) Примѣры у Н. Петрова: Тр. К. Д. А. 1909, № 6, стр. 261—282.

ской народности и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ матеріалъ для объясненія многихъ явленій литературной жизни Московской Руси XVII вѣка. Эта литература возникала въ обстановкѣ школы, пользовалась школьной мудростью, какъ способомъ своего распространенія и вліянія на современниковъ. Однако, рядомъ съ этой, существовала и другая литература, не только сохранившая старую связь съ исконными устоями русской религіозной жизни, но и непосредственно близкая къ народной средѣ, чуждая новой школѣ, проникнутая демократическими воззрѣніями и идеалами. Къ числу такихъ писателей принадлежитъ Іоаннъ Вишенскій, даровитый самоучка, пламенный обличитель современныхъ ему церковно-религіозныхъ и общественныхъ неурядицъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ южно-русскихъ писателей конца XVI и начала XVII вѣка.

Жизнь Іоанна Вишенскаго, или—какъ онъ самъ себя называетъ—«мниха изъ Вишни», намъ мало извѣстна. Родился онъ приблизительно въ половинѣ XVI вѣка, вѣроятно—въ небольшомъ городкѣ Судовѣ Вишнѣ, около Львова, въ Галиціи. Онъ самъ свидѣтельствуетъ о недостаткахъ своего школьнаго образованія, относясь къ нему насмѣшливо («граматично дробязку не изучихъ, риторично игрушки не вѣдахъ, философскаго высокомечтательнаго не слышахъ»), но онъ былъ весьма начитанъ въ св. Писаніи; отчасти знакомъ былъ и съ польскимъ языкомъ. Это была натура живая, оригинальная и рано бросившаяся за поисками духовной правды. Въ молодости онъ долго бродилъ по монастырямъ своей родины, знакомъ былъ съ Кирилломъ Терлецкимъ, побывалъ въ разныхъ мѣстахъ Галицкой, Волынской и Подольской Руси. Вскорѣ Іоаннъ ушелъ въ монашество и жилъ нѣкоторое время въ Уневскомъ монастырѣ, а затѣмъ, незадолго до Брестскаго собора 1596 года, удалился на Аѳонъ, служившій въ ту пору убѣжищемъ многихъ выходцевъ какъ изъ Восточной, такъ и Юго-западной Руси. На Аѳонѣ провелъ Вишенскій всю вторую половину своей жизни, и тамъ написана была большая часть его сочиненій. Въ началѣ XVII вѣка Іоаннъ побывалъ на родинѣ (вѣроятно, въ 1605—1607 годахъ), куда приходилъ съ Аѳона, б. м. съ цѣлью устройства монастырской жизни на родинѣ, совмѣстно со своимъ другомъ Іовомъ Княгининскимъ, извѣстнымъ подвижникомъ и организаторомъ монастырской жизни въ Южной Руси XVI—XVII в. Удалившись однако же снова на Аѳонъ, Іоаннъ продолжалъ оттуда свою обличительно-публицистическую литературную дѣятельность. Подробностей о дальнѣйшей жизни его мы не имѣемъ; умеръ онъ не ранѣе 20-хъ годовъ XVII вѣка [1]).

Въ настоящее время насчитывается до 15 сочиненій Вишенскаго, предположительно распредѣляемыхъ на три періода: къ 1588—1596 (Посланіе старицѣ Доминикіи, О заблужденіяхъ римской вѣры, Посланіе ко всѣмъ православнымъ жителямъ), къ 1597—1600 (Посланіе князю Острожскому, Посланіе къ митрополиту и епископамъ, Краткословный отвѣтъ Ѳеодула и др.) и, наконецъ, къ 1607—1614 годамъ (Зачапка мудраго латынника.

---

[1]) Игн. Житецкій. Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго. Кіевъ 1890, стр. 1—10.

Посланіе братству Львовскому, Письмо Іову Княгининскому, Позорище мысленное); кромѣ того, четыре сочиненія остаются извѣстными только по имени [1]).

Главное вниманіе свое Іоаннъ Вишенскій обратилъ въ своихъ произведеніяхъ, конечно, на обличеніе католическихъ и уніатскихъ заблужденій и на предостереженіе православныхъ отъ соблазна со стороны латино-польской пропаганды, но литературные пріемы, которыми располагаетъ авторъ, оказываются совсѣмъ не тѣми, какіе можно наблюдать у названныхъ раньше писателей схоластическаго образованія: источники его ограничиваются книгами св. Писанія, аргументація отличается простотой, стиль—неупорядоченностью и своеобразной силой.

Іоаннъ является открытымъ противникомъ школьной науки: «премудрость міра сего» въ глазахъ его—«буйство у Бога» и «глупство передъ Богомъ»; источникомъ всякаго ученія онъ считаетъ священныя книги, а идеаломъ жизни—иночество. Равнодушіе и даже враждебное отношеніе къ школьной наукѣ исходятъ у него изъ того же источника, откуда идетъ и все его міровоззрѣніе—изъ глубокой преданности православію и недовѣрія къ латинству, владѣющему всѣми средствами школьнаго знанія. «Мы, глупая Русь — говоритъ онъ, обращаясь къ католикамъ — вашего костела разума и хитрости не хочемъ, а на ваше жродло поганскихъ наукъ, которое славу свѣта сего гонитъ, не лакомимося и единитися отъ благочестивыя вѣры въ прелестную хотя бы по своей волѣ и хотѣли, але отъ зазрѣнія совѣсти и отъ возбраненія святаго апостола Павла учителя нашего не можемъ... Будьте себѣ, мудрыи латинниче, за своею вѣрою и мудростію кромѣ насъ; мы жъ съ своею вѣрою и апостольскимъ глупствомъ кромѣ васъ» [2]). Или въ посланіи къ кн. Острожскому онъ восклицаетъ, такимъ образомъ обращаясь къ православнымъ: «Чи не лѣпше тобѣ изучити часословецъ, псалтыръ, охтоихъ, апостолъ и евангеліе, съ иншими церкви свойственными, и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати, и въ геену отъити? Разсуди! Милъ ся видитъ—лѣпше есть ани аза знати, только бы до Христа ся дотиснути, которій блаженную простоту любитъ и въ ней обитель собѣ чинитъ и тамъ ся упокоеваетъ. Тако да знаете, яко словенскій языкъ предъ Богомъ честнѣйшій есть и отъ еллинскаго и латинскаго—се же не басни суть, но нынѣ о томъ доводъ широкій чинити мѣста не маю» [3]).

---

[1]) И. Житецкій, назв. соч., стр. 11. Напечатаны они въ «Актахъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи», т. II (Спб. 1865), стр. 205—270; въ «Архивѣ Юго-западной Россіи», ч. I, т. VII (Кіевъ 1887), стр. 19—48; въ соч. С. Голубева: Кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Т. I. К. 1883, прил., стр. 67—145; въ соч. г. Мирона (Ив. Франка) объ Іоаннѣ Вишенскомъ (Кіевская Старина 1889, № 4) и въ приложеніи къ сочиненію самого И. Житецкаго (стр. 43—50).

[2]) Зачапка: С. Голубевъ. Петръ Могила, I, прил., стр. 79.

[3]) Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, II, стр. 210.

Общественныя воззрѣнія Вишенскаго проникнуты демократизмомъ, глубокимъ сочувствіемъ къ простому народу и критическимъ отношеніемъ къ «панамъ» и высшимъ представителямъ духовенства: наслаждаясь достаткомъ и предаваясь всевозможнымъ излишествамъ, они нерѣдко являются измѣнниками вѣрѣ и народности. «Да прокляти будутъ владыки—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій—архимандрити и игумени, которіе монастырѣ позапустѣвали и фолварки себѣ зъ мѣстъ святыхъ починили, и сами только съ слуговинами и пріятельми ся въ нихъ тѣлесне и скотски нерехowываютъ; на мѣстахъ святыхъ лежачи, гроши сбираютъ; съ тыхъ доходовъ, на богомольцы Христовы наданыхъ, дѣвкамъ своимъ вѣно готуютъ, сыны одѣваютъ, жоны украшаютъ, слуги умножаютъ, барвы справуютъ, пріятелѣ обогачуютъ, карити зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ, роскошь свою погански исполняютъ. А въ монастырѣ рѣкъ и потоковъ, въ молитвѣ къ небесному кругу текущихъ, иноческаго чина по закону церковному видѣти нѣсть, и мѣсто бдѣнія, пѣсни и молитвы и торжества духовнаго—псы выютъ, гласятъ и ликуютъ!.. Владыки безбожные, вмѣсто правила и книжнаго чтенія и поученія въ законѣ Господни день и нощь надъ статутами и лжею увесь вѣкъ свой упражняютъ и погубляютъ и, вмѣсто богословія и внимапія настоящаго житія, прелести, хитрости человѣческія, лжи щекарства и прокурацій діавольскаго праздпословія и угожденія ся учатъ!» [1]). Еще болѣе страстный характеръ принимаютъ обличенія Іоанна, когда онъ сравниваетъ эти высшіе классы съ простымъ народомъ. «Не ваши ли милости—восклицаетъ онъ въ другомъ посланіи—алчныхъ оголоднѣсте и жадными чините бѣдныхъ подданныхъ, той же образъ Божій, што и вы, посячихъ, на сироты церковные и прекормленіе ихъ отъ благочестивыхъ христіанъ наданныхъ лупите и зъ гумна стоги и обороги волочите; сами и зъ своими слуговинами ся прекормлюете оныхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и сѣдячи, смѣючися и граючи, пожираете, горѣлки препущаные курите, пиво троякое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете; сами и съ гостьми своими пресыщаете, а сироты церковные алчутъ и жаждутъ, а подданные бѣдные въ своей неволи рочнего обходу удовлѣти не могутъ, зъ дѣтьми ся стискаютъ, оброку собѣ уймуютъ, боячися, да имъ хлѣба до пришлого урожаю дотягнетъ!.. Не ваши милости ли сами обнажаете изъ оборы конѣ, волы, овцы, у бѣдныхъ подданныхъ волочите дани пѣняжные, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете, отъ нихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните, а сами яко идоли на одномъ мѣстцю присѣдитѣ..., а бѣдные подданные и день и ночь на васъ ся трудятъ и мучатъ; которыхъ кровь, силы и праци и подвиги высcавши и нагыхъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалондышами, утръ-финами и каразіями одѣваете, да краспоглядствомъ тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдници под-

---

[1]) Посланіе ко всѣмъ православнымъ жителямъ Юго-западной Руси: Акты, II, стр. 225—226.

данные и простой сермяжки доброй, чимъ бы наготу покрыти могли, не маютъ...» [1]). Горячій темпераментъ обличителя и чрезвычайное богатство его безыскуственнаго языка находятъ себѣ выраженіе и во многихъ мѣстахъ другихъ произведеній Іоанна. Вотъ еще два примѣра. «Что бо за чинъ въ нашей церквѣ нынѣ на принятье стану духовнаго?—спрашиваетъ онъ въ «Посланіи къ старицѣ Домникіи»—не тотъ ли, присмотрися и признай, если правду глаголю: днесь катъ, а завтра священникъ; днесь мучитель, а завтра учитель; днесь корчмаръ и танцоводецъ, а завтра богословъ и народоводецъ; днесь убійца, а завтра святитель и епископъ; доднесь жертвовалъ сатанѣ все время вѣка сего, а нынѣ предъ олтаремъ предостоитъ и непостижимому Божеству таинствуетъ и жертву приноситъ» [2]). Наконецъ, вотъ какъ обращается онъ къ обличителю иночества: «Еще еси на войну не выправся, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пирогоѣдъ; еще еси периноспалъ, мяхкоспалъ, подушкоспалъ; еще еси тѣлу угодникъ, еще еси тѣлолюбитель, еще еси кровопрагнитель, еще еси перцолюбецъ, шафранолюбецъ, имберолюбецъ, гвоздиколюбецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и другихъ брѣдень горко- и сладколюбецъ; еще еси конфактолюбецъ, еще еси чревобѣсникъ, еще еси гортановстекъ, еще еси гортаногратель, еще еси гортаномудрецъ, еще еси дѣтина, еще еси младенецъ, еще еси млекопій. Яко же ты хочешь бѣду военника, бьючогося и борючогося, у цицки матернее дома сидячи, розознати, розсудити?» [3]).

Міровоззрѣніе Іоанна Вишенскаго отличается замѣчательной цѣльностью. Будучи глубоковѣрующимъ православнымъ христіаниномъ и убѣжденнымъ сторонникомъ иноческой жизни, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ до мозга костей пропитанъ любовью къ простому русскому народу и жалостью къ его несчастной судьбѣ, когда ему грозила не только потеря исконной вѣры, но и національности, подъ натискомъ католической пропаганды и польскихъ культурныхъ вліяній [4]).

---

[1]) Посланіе къ митрополиту и епископамъ Юго-западной Руси: Акты, II, стр. 229—230.

[2]) Архивъ Юго-западной Россіи, ч. I, т. VII, стр. 30—31.

[3]) Посланіе къ князю Острожскому: Акты, II, стр. 220.

[4]) Наиболѣе обширная монографія объ I. Вишенскомъ написана извѣстнымъ зарубежнымъ малорусскимъ писателемъ, д-ромъ Ив. Франко: Іван Вишенский і его твори. Львів. 1895.

Б. Вопросы просвѣщенія и литературныя явленія Московской Руси въ XVII вѣкѣ.

I.

Нужда въ просвѣщеніи.—Призывъ иностранцевъ съ запада.—Обращеніе къ кіевскимъ ученымъ по дѣламъ вѣры и школы.—Катехизисъ Лаврентія Зизанія.—Два направленія среди представителей южно-русской учености и борьба между ними: въ области религіозной и просвѣтительной.— Участіе восточныхъ іерарховъ въ поднятіи московскаго просвѣщенія.—Греческое и латинское направленія въ школьномъ вопросѣ; устройство въ Москвѣ высшаго училища.

Въ то время какъ Юго-западная Русь, подъ воздѣйствіемъ Польши и западнаго просвѣщенія, переживала со второй половины XVI вѣка существенныя перемѣны въ своей внутренней жизни, Московская Русь также не могла оставаться вполнѣ отчужденной отъ жизненныхъ и культурныхъ интересовъ запада. Сначала это вліяніе касалось лишь внѣшней стороны жизни, интересовъ государственныхъ, промышленности и торговли; оно выражалось преимущественно въ призывѣ иностранцевъ. Сношенія съ западомъ, подобно связямъ съ греками, не были въ кіевскую эпоху явленіемъ особенно исключительнымъ, но послѣ татарскаго нашествія они почти совсѣмъ прекратились; Сѣверо-восточная Русь оставалась ему совершенно чуждой и, вырабатывая условія своей политической и гражданской жизни, дошла къ половинѣ XVI вѣка до самыхъ крайнихъ формъ культурной обособленности; въ конечномъ результатѣ такого положенія вещей получалось то своеобразное московское міровоззрѣніе XV—XVI вв., въ силу котораго все дальнѣйшее процвѣтаніе русской жизни усматривалось въ полномъ отчужденіи не только отъ латинскаго запада, но и отъ греческаго востока, и послѣдній годенъ былъ лишь на то, чтобы передать свои культурныя полномочія Москвѣ—сильной не только своей государственностью, но и своимъ неповрежденнымъ благочестіемъ. Однако, силою вещей, такое настроеніе не могло отвѣчать всѣмъ потребностямъ двигавшейся впередъ жизни. Возобновленіе призыва иностранцевъ начинается еще съ конца XV вѣка, когда прибытіе невѣсты великаго князя, греческой царевны Софьи, изъ Рима открыло доступъ въ Москву иностраннымъ ученымъ людямъ, художникамъ и мастерамъ; среди нихъ былъ и знаменитый строитель Успенскаго собора Аристотель Фіоравенти. Самъ Иванъ III, путемъ посольствъ къ римскому императору, венгерскому королю, въ Венецію и другія земли, содѣйствовалъ появленію въ Россіи разнаго рода «хитрыхъ» людей изъ итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ, грековъ и проч.; въ 1490 году выписанъ былъ даже «арганный игрецъ». Въ первой четверти XVI вѣка количество этихъ иностранцевъ, состоявшихъ на службѣ у московскаго правительства и занимавшихся торговлей, разнаго рода промыслами и мастерствомъ, было столь значительно, что, по свидѣтельству Герберштейна, они составляли въ Москвѣ особую «нѣмецкую» сло-

боду, являвшую собою наглядное доказательство глубокой отчужденности русскихъ людей отъ этихъ «еретиковъ»-иноземцевъ. При Иванѣ IV приливъ иностранцевъ еще болѣе усилился: по его порученію, въ 1547 году саксонецъ Шлитте набиралъ за границей разныхъ нужныхъ людей въ количествѣ 123 человѣкъ, но, по проискамъ Ливоніи, былъ задержанъ въ Любекѣ; въ 1556 году царь особой грамотой запретилъ новгородцамъ продавать нѣмецкихъ плѣнниковъ на родину или въ Литву, такъ какъ они нужны были въ московскіе города. Борисъ Годуновъ обнаруживалъ къ иностранцамъ съ запада еще бо́льшій интересъ и, убѣжденный въ ихъ культурномъ превосходствѣ, мечталъ о заведеніи при ихъ помощи правильныхъ школъ и даже университета, вызывая этимъ неудовольствіе москвичей, въ тревогѣ жаловавшихся на образъ мыслей царя патріарху Іову.

Вскорѣ обнаружилась на Москвѣ потребность въ пришлыхъ людяхъ также по дѣламъ вѣры и религіознаго просвѣщенія; нужны были люди, способные бороться съ католической и протестантской пропагандой, противъ которой однѣ внѣшнія мѣры предохраненія не были достаточны; нужны были и школы, на отсутствіе которыхъ, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ нравственно-религіознаго упадка, указывали сами отцы Стоглаваго собора въ серединѣ XVI вѣка. Наконецъ, просвѣщенія требовала и сама жизнь, передъ которой открывались болѣе широкіе горизонты мысли, чувства и практической дѣятельности. При такихъ обстоятельствахъ, обращеніе къ помощи извнѣ представлялось совершенно неизбѣжнымъ. Ближайшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ источникомъ для удовлетворенія этой потребности въ просвѣщеніи была Юго-западная Русь, связанная съ Москвой этнографическимъ единствомъ, языкомъ и православной вѣрой. Впрочемъ, въ послѣднемъ отношеніи московскіе люди на первыхъ порахъ обнаружили большую осторожность и недовѣріе къ юго-западнымъ пришельцамъ и ихъ книгамъ, опасаясь проникновенія въ московскую среду «латинской ереси»: къ этому въ ихъ глазахъ подавала поводъ западно-русская школьная наука, шедшая изъ Польши, и сами русскіе ученые дѣятели, вращавшіеся въ иновѣрной средѣ и подвергавшіеся соблазну измѣны православной вѣрѣ. Характерной иллюстраціей такихъ отношеній московскихъ книжныхъ людей къ южно-русскимъ является эпизодъ съ Катехизисомъ Лаврентія Зизанія въ 1627 году. Извѣстный западно-русскій писатель и проповѣдникъ, участникъ въ изданіи Бесѣдъ Іоанна Златоуста на Посланія ап. Павла (1623) и составитель славянской грамматики (1596), Лаврентій Зизаній явился также авторомъ Катехизиса. Книга эта была напечатана въ Москвѣ въ 1627 году, но изданіе не было закончено: въ немногихъ сохранившихся экземплярахъ этой книги (К а р а т а е в ъ. Описаніе славяно-русскихъ книгъ. Т. I, стр. 388) нѣтъ ни выходного листа, ни предисловія, ни оглавленія; вслѣдствіе этого, несмотря на категорическое свидѣтельство «Оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ» (№ 113), фактъ напечатанія этой книги, до отысканія ея печатныхъ экземпляровъ, долгое время находился подъ сомнѣніемъ, и извѣстныя раскольничьи изданія Катехизиса (въ Гроднѣ: 1783. 1787. 1788) считались сдѣланными не съ печатнаго изда-

нія, а съ рукописи [1]). Однако, будучи напечатаннымъ, изданіе это не было выпущено въ обращеніе. Причиной этого последняго обстоятельства являются именно тѣ сомнѣнія, которыя возникли въ Москвѣ по поводу отдѣльныхъ мѣстъ этой книги; для разсмотрѣнія ихъ назначена была комиссія въ составѣ Богоявленскаго игумена «что на Москвѣ, изъ ветошнаго ряду» Иліи и справщика Григорія Онисимова. Эти лица должны были говорить съ самимъ авторомъ книги Лаврентіемъ Зизаніемъ, «корецкимъ протопопомъ изъ Литвы», о тѣхъ «статьяхъ», которыя въ ней «несходны съ русскими и греческими переводы о божествѣ и о воплощеніи и о страсти господни и о всякомъ дѣйствѣ христіанскаго закона», при чемъ «велено говорити любовнымъ обычаемъ и смиреніемъ права»; мѣстомъ этого диспута назначена была нижняя палата на казенномъ дворѣ; бесѣда велась въ присутствіи боярина князя Ивана Борисовича Черкасскаго и думнаго дьяка Өедора Лихачева. До насъ дошелъ протоколъ этой въ высокой степени интересной бесѣды, изъ которой съ полной ясностью можно усмотрѣть не только разницу въ воззрѣніяхъ московскихъ и западно-русскихъ людей по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ церковнаго вѣроученія, но и сквозящее въ этой бесѣдѣ общее недовѣріе въ Москвѣ къ юго-западнымъ пришельцамъ и наклонность къ отысканію въ ихъ сужденіяхъ слѣдовъ увлеченія «латинской мудростью». Вотъ два характерныхъ мѣста изъ этой бесѣды [2]):

О душахъ умершихъ во адѣ: «Да тутъ же у Лаврентія въ книге написанъ вопросъ, въ вопросѣ же написано, вси ли убо во аде во единомъ мѣстѣ пребываютъ крещеніи и некрещеніи. И глаголет отвѣтъ Лаврентіевъ: православныхъ христіянъ души которіи съ покаяніемъ умершіи въ первомъ адѣ суть, а под ними в другомъ мѣстѣ некрещеныхъ души, и мы той отвѣтъ перемѣнили, для того что православнымъ христіяномъ то и надежда вся, что послѣднимъ покаяніемъ отъ ада и всѣхъ вѣчныхъ мукъ свободу получаютъ. И написали отъ святыхъ и божественныхъ писаній, како намъ государь святѣйшій киръ Филаретъ патріархъ московскій и всея Русіи велѣлъ, что православныхъ христіянъ покаявшихся души во адъ не бываютъ сведены. Игуменъ Илія спросилъ Лаврентія: неправо проповѣдуеши, и Лаврентій рече: что азъ ино проповѣдую? Мы же паки рехомъ къ нему: о отшедшихъ душахъ православныхъ христіянъ съ покаяніемъ во адъ сходити проповѣдуеши. Лаврентій рече: вы что речете о отшедшихъ душахъ, иже во всякомъ небреженіи препроводиша житіе свое? Мы же рѣхомъ ему: мы глаголемъ о отшедшихъ душахъ съ чистымъ покаяніемъ, отшедшіи отъ насъ души не сходятъ во адъ, а во адѣ сошедшимъ душамъ безъ покаянія нѣсть исповѣданія, по пророческому реченію: во адѣ же кто исповѣсть ти ся, Господи? Лаврентій рече прямо: у насъ

---

[1]) Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1876—1878. М. 1879, стр. 68—69.

[2]) По изданію О. Л. Др. П. № XVII: Засѣданіе въ книжной палатѣ 18 февраля 1627 года по поводу исправленій Катехизиса Лаврентія Зизанія. Спб. 1878. Ранѣе этотъ документъ былъ напечатанъ Н. С. Тихонравовымъ въ «Лѣт. русск. лит. и древности» кн. IV (1862), отд. 2, стр. 80—100.

въ Литвѣ про васъ говоритъ князь, увидиши де Лаврентій какъ московскіе люди о душахъ своихъ мудрствуютъ, а и не вѣдятъ что о нихъ истина. И князь Іоанъ Борисовичъ спросилъ протопопа Лаврентія: кой князь то говоритъ? И Лаврентій имя сказалъ, только мы въ то время того имени не вняли. Мы же рѣхомъ ему: что намъ разумѣти умыслы своими? Писано о томъ до насъ, Іоаннъ Златоустый и Аѳанасій Александрійскій и Дамаскинскій Іоаннъ и прочіи святіи отцы вси, что съ чистымъ покаяніемъ преставльшихся души православныхъ христіанъ отходятъ въ мѣста свѣтла, въ руцѣ Божіи, идѣже самъ Богъ вѣсть» (стр. 9—11). И далѣе, въ концѣ этого разговора, отмѣчено: «Лаврентій немало о томъ помысливъ рече: а то нынѣ дошелъ ты мене, а потомъ и я тебе доиду. Мы же къ нему рѣхомъ: доходи, а отъ тебе не бежимъ, гонити хотимъ, а которое слово правдою само себе изъяснитъ, тому паче и вѣровати подобаетъ» (стр. 15). — О греческихъ книгахъ: «Мы же рѣхомъ: у насъ въ греческихъ переводехъ нѣтъ въ Никифоровыхъ правилѣхъ [1]); нѣчто будетъ у васъ есть нов'ведено, и мы тѣхъ новыхъ вводовъ не пріемлемъ. Лаврентій рече: у васъ греческихъ правилъ нѣтъ. Мы рѣхомъ: да откуда у насъ правила есть, аще не отъ грекъ? Лаврентій рече: гдѣ у васъ взялися греческія правила? Мы же паки рѣхомъ: Кипріянъ митрополитъ кіевскій и всея Русіи егда пріиде ис Константина града на русскую митрополію, и тогда съ собой привез правильныя книги христіянскаго закона греческаго языка и превел на словенскій языкъ; Божіею милостію пребываютъ и до нынѣ безъ всякихъ смутковъ и прикладовъ новыхъ вводовъ, да и многіе книги греческаго языка есть у насъ старыхъ переводовъ; а нынѣ къ намъ которые книги выходятъ печатные греческаго же языка и будетъ сойдутся с'старыми переводы, и мы ихъ пріемлемъ и любимъ, а будетъ въ нихъ приложено новое, и мы тѣхъ не пріемлемъ, хотя они и греческимъ языкомъ тиснути, потому что греки живутъ нынѣ въ великихъ теснотахъ въ невѣрныхъ странахъ и печатати имъ по своему обычаю невозможно» (стр. 44—45).

Несмотря на это недовѣріе и на дѣйствительную разность мнѣній между московскими и западно-русскими людьми по вопросамъ вѣры, общеніе той и другой стороны являлось исторической необходимостью: западно-русскіе люди нужны были въ Москвѣ благодаря своимъ книжнымъ знаніямъ, для исправленія церковныхъ книгъ, для участія въ школьныхъ дѣлахъ, наконецъ—вообще какъ носители и представители образованія, важность котораго ясно сознавалась лучшими людьми московскаго общества. Не могло не содѣйствовать этому сближенію и политическое присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ въ 1654 году. Еще въ 1649 году появляется въ Москвѣ изъ Кіева Епифаній Славинецкій, вмѣстѣ съ кіевляниномъ Арсеніемъ Сатановскимъ: въ 1664 году является въ Москву и Симеонъ Полоцкій. Несмотря на крайнюю разницу въ характерѣ этихъ двухъ лицъ—съ одной стороны ловкій и свѣтскій, несомнѣнно увлеченный латинствомъ Симеонъ, а съ дру-

---

[1]) Ранѣе шла рѣчь, м. пр., о церковныхъ правилахъ Константинопольскаго патріарха Никифора.

той книжный труженикъ и строго православный аскетъ Епифаній [1]),—оба они нашли въ Москвѣ приложеніе своимъ силамъ единственно благодаря образованію и способностямъ, получившимъ обработку въ западно-русскихъ и заграничныхъ школахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, оба эти лица являются самыми видными представителями двухъ направленій мысли, латинскаго и греческаго, которыя обусловили въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка наличность борьбы, съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, по вопросамъ вѣры и просвѣщенія. Здѣсь, конечно, не можетъ имѣть мѣста полное изложеніе исторіи этой борьбы, имѣющей однако же глубокій историческій интересъ и превосходно характеризующей то переходное состояніе, которое переживала Московская Русь наканунѣ крупныхъ перемѣнъ въ своей общественной и умственной жизни. Нѣкоторые моменты этой борьбы нашли себѣ и литературное выраженіе, на которомъ вкратцѣ приходится остановиться.

Въ извѣстномъ памятникѣ религіозно-полемической литературы XVII вѣка, книгѣ «Остенъ», составленной ученикомъ Епифанія Славинецкаго инокомъ Евѳиміемъ, о Симеонѣ и Епифаніи говорится: «Всегда и вездѣ бываше егда они купно случахуся, вопрошати оному Симеону мудрѣйшаго Епифанія о многихъ неудоборазумѣваемыхъ вещехъ» [2]). Однимъ изъ примѣровъ такого общенія этихъ двухъ лицъ на почвѣ интереса къ религіознымъ вопросамъ, чрезвычайно популярнымъ въ ту пору [3]), является «разглагольствованіе» Симеона съ Епифаніемъ по вопросу о времени пресуществленія Св. Даровъ, описанное въ «Остенѣ». Оно происходило при патріархѣ Питиримѣ, въ московской крестовой палатѣ, въ 1673 году. Инициатива вопроса принадлежала, по обыкновенію, Симеону Полоцкому, который имѣлъ на него взглядъ, согласный съ ученіемъ католической церкви (именно— что временемъ пресуществленія должно признаваться произнесеніе словъ Спасителя на литургіи: «пріимите, ядите...» и т. д.), между тѣмъ какъ отвѣчавшій ему Епифаній Славинецкій держался православной точки зрѣнія (при произнесеніи молитвы священнослужителя: «сотвори убо хлѣбъ сей...» и т. д.). Оба участника собесѣдованія [4]) остались, конечно, каждый при своемъ мнѣніи по поставленному вопросу, но въ дальнѣйшемъ, въ теченіе XVII и даже начала XVIII вѣка, этотъ вопросъ породилъ обширную литературу, въ которой приняли дѣятельное участіе сторонники и ученики какъ Симеона, такъ и Епифанія: Сильвестръ Медвѣдевъ, Гавріилъ Домец-

---

[1]) Прекрасную характеристику ихъ обоихъ можно найти въ статьѣ С. Любимова: Борьба между представителями великорусскаго и малорусскаго направленія въ Великороссіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ. Ж. М. Н. Пр. 1875 № 8, стр. 124—132.

[2]) Остенъ. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Казань 1865, стр. 71.

[3]) Патріархъ Іоакимъ замѣчаетъ о своихъ современникахъ, что «вездѣ съ другъ другомъ въ схожденіяхъ, собесѣдованіяхъ, на пиршествахъ, на торжищахъ» «временно и безвременно у мужей и женъ то и слово о таинствахъ и о дѣйствѣ и совершеніи ихъ», «свары и распри»: Остенъ, стр. 115—116.

[4]) Остенъ, стр. 70—74.

кій, инокъ Евѳимій, іеродіаконъ Дамаскинъ, братья Лихуды и др. [1]), причемъ въ отдѣльные моменты этой борьбы полемика между двумя сторонами чрезвычайно расширялась въ сторону болѣе общихъ вопросовъ о разницѣ католичества и православія, о латинскомъ и греческомъ направленіи въ области вопросовъ вѣры и просвѣщенія.

Гораздо болѣе оригинальныхъ чертъ въ историческомъ и литературномъ отношеніяхъ представляетъ борьба по школьному вопросу, которая также, въ свою очередь, не была свободна отъ осложненія вопросами религіозными. Школьный вопросъ на Руси въ сколько-нибудь реальномъ смыслѣ поднятъ былъ сравнительно очень поздно: только въ XVI вѣкѣ, въ лицѣ Максима Грека, кн. А. М. Курбскаго, отцовъ Стоглаваго собора и др., мы слышимъ сознательные голоса противъ невѣжества и убѣжденіе въ необходимости организованной школы. Однако, въ дѣйствительности ничего въ пользу этой мысли сдѣлано не было вплоть до второй половины XVII вѣка. Причина этого лежала, главнымъ образомъ, въ томъ, что создать свое, національное просвѣщеніе московское правительство было не въ состояніи, не обладая необходимыми для этого учителями и книгами, а прибѣгать къ иноземному источнику въ этомъ дѣлѣ не хотѣло, такъ какъ иноземцы, не исключая грековъ, были подозрительны по вѣрѣ; поэтому, напримѣръ, ни увѣщанія восточныхъ патріарховъ, и въ частности александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса въ 1593 году, ни предложенія руководимаго іезуитами польскаго короля Сигизмунда III въ 1600 г. завести въ главнѣйшихъ городахъ тогдашней Руси училища для русскихъ не имѣли успѣха. А между тѣмъ потребность въ просвѣщеніи въ Московской Руси росла и давала себя чувствовать не только въ силу естественнаго въ народѣ стремленія къ сближенію съ другими народами, но и въ виду необходимости защитить стародавніе устои своего религіознаго быта и міросозерцанія, для чего нужна была школьная наука и ученые люди. Ближе другихъ были все-таки греки, и въ теченіе 30—60-хъ годовъ XVII в. мы видимъ рядъ попытокъ со стороны московскаго правительства и греческихъ іерарховъ къ основанію школъ. Такъ, въ 1632 году царь и патріархъ Филаретъ просили, черезъ посредство греческаго архимандрита Амфилохія, Константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса о присылкѣ въ Москву православнаго учителя. Просьба эта не была исполнена, однако вскорѣ въ Москву явился протосинкелъ Александрійскаго патріарха Іосифъ и, по просьбѣ московскаго правительства, рѣшился остаться въ Москвѣ, чтобы «переводити ему греческія книги на славянскій языкъ и учити на учительскомъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ». Впрочемъ, Іосифъ вскорѣ умеръ, и дѣло его не имѣло продолженія. Въ 1646 году, съ согласія царя и патріарха, былъ присланъ въ Москву Константинопольскимъ патріархомъ ученый архимандритъ Венедиктъ, рекомендованный въ качествѣ «великаго учителя», но по своимъ нравственнымъ качествамъ это лицо ока-

---

[1]) Факты литературной борьбы по вопросу о времени пресуществленія Св. Даровъ изложены въ статьѣ И. А. Шляпкина: Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII вѣка. Ж. М. Н. Пр. 1885, № 10, стр. 210—252.

залось для предназначенной ему роли неподходящимъ. Далѣе, являются въ Москву съ той же цѣлью учительства другіе посланцы съ греческаго востока, Арсеній Грекъ (1649), Гавріилъ Власій (1653) и др., однако о результатахъ ихъ дѣятельности въ этомъ направленіи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній [1]). Наконецъ, въ 1666 году, при взрывѣ раскола, восточные патріархи съ особой настоятельностью еще разъ выступили съ предложеніями своихъ услугъ и съ доказательствами необходимости для русскихъ позаботиться о заведеніи училищъ. Такъ, Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, въ своемъ разборѣ челобитной извѣстнаго расколоучителя попа Никиты, энергически доказываетъ, что расколъ произошелъ «отъ лишенія и неимѣнія народныхъ училищъ, такожде отъ скудости и недостаточества святыя книгохранительницы»; онъ совѣтуетъ царю Алексѣю Михайловичу подражать Ѳеодосіямъ и Юстиніанамъ и заводить «училища ради остроумныхъ младенецъ, ко изученію тріехъ языкъ коренныхъ, наипаче греческаго, латинскаго и словенскаго», полагая, что безъ училищъ «самое гражданство падаетъ», а отъ училищъ «аки отъ источниковъ, благополучіе народное не инако, аки отъ звѣздныхъ натеченій, тайное искапаетъ»; наряду съ училищами Паисій совѣтовалъ и устройство библіотекъ, ибо «поистинѣ въ книгохранительницахъ бесѣдуютъ усопшихъ души безсмертныя, и никая книга толико зла неищевательна есть, во еже бы отъ нѣкоея части не имѣла читателя пользовати». Подобныя мысли о необходимости просвѣщенія и заведенія училищъ высказаны были и отъ лица патріарховъ Александрійскаго Паисія и Антіохійскаго Макарія, въ особомъ словѣ на Рождество Христово въ томъ же 1666 году, въ Москвѣ, Рязанскимъ архіепископомъ Иларіономъ [2]). Однако, всѣ эти пожеланія и попытки оставались безрезультатны не только по указанному уже подозрительному отношенію къ грекамъ, но и потому, что греки имѣли въ виду главнымъ образомъ заведеніе греческихъ училищъ; да и пригодныхъ людей для этого дѣла, за отдаленностью связей съ греками, было недостаточно.

Болѣе успѣха имѣли обращенія за просвѣщеніемъ къ Юго-западной Руси. Съ одной стороны, обращается туда московское правительство, а съ другой—частныя лица; кромѣ того, въ Москву являются съ предложеніями своихъ услугъ и сами представители южно-русской учености. Въ 1640 году кіевскій митрополитъ Петръ Могила просилъ царя Михаила Ѳеодоровича устроить въ Москвѣ монастырь, въ которомъ бы кіевскіе ученые старцы могли «дѣтей боярскихъ и простого чину грамотѣ греческой и славянской учити», при чемъ обѣщалъ прислать, если понадобится, изъ Кіева такихъ «старцевъ со учительми»; просьба эта не получила осуществленія. Около этого же времени бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ основалъ при Андреевскомъ монастырѣ въ Москвѣ ученое братство изъ кіевлянъ «ради въ ономъ монастырѣ россійскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудро-

---

[1]) Каптеревъ, Н. Ѳ. Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку. М. 1885, стр. 482—495.

[2]) Н. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола. Т. IX, стр. 232—246. 280—284.

стей ученія». Въ 1649 году, по просьбѣ царя Алексѣя Михайловича къ кіевскому митрополиту Сильвестру Коссову прислать ученыхъ старцевъ «для переводу Библѣи греческіе на словенскую рѣчь» и «ради наученія славенороссійскаго народа дѣтей еллинскому наказанію», въ Москву прибыли изъ Кіева Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій, а въ слѣдующемъ 1650 году Дамаскинъ Птицкій, при чемъ Епифанію приписывается основаніе греческой школы въ Чудовомъ монастырѣ и даже указывается на воспитанника этой школы, извѣстнаго книжнаго справщика Евѳимія. Въ 1664 году въ Москву является Симеонъ Полоцкій, который считается основателемъ латинской школы въ Спасскомъ монастырѣ. Хотя дѣйствительное существованіе школъ Андреевской, Чудовской и Спасской, какъ вполнѣ организованныхъ учрежденій, отвергается [1]), однако не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ фактами тѣснаго соприкосновенія московскихъ людей съ кіевскими учеными на почвѣ школьнаго ученья: если упомянутые дѣятели и не могли, по разнымъ обстоятельствамъ, устроить вполнѣ оборудованныя и снабженныя достаточнымъ количествомъ учителей и учениковъ школы, однако сами по себѣ единичныя попытки этого рода служатъ доказательствомъ не только нужды московскихъ людей въ просвѣщеніи, но и обращенія къ Юго-западной Руси, въ частности къ Кіеву, какъ самому естественному и ближайшему источнику этого просвѣщенія. Отношеніе московскихъ людей къ кіевскимъ ученымъ пришельцамъ было, какъ мы знаемъ уже, вообще сдержанное и недовѣрчивое, но если бы кіевскіе дѣятели представляли въ своей средѣ достаточное единообразіе религіозныхъ воззрѣній, то, вѣроятно, принятіе ихъ московскимъ обществомъ прошло бы безъ особыхъ осложненій, такъ какъ результатъ споровъ и несогласій той и другой стороны на книжной почвѣ въ концѣ концовъ легко было бы предвидѣть: московскіе люди, въ силу необходимости, должны были кое въ чемъ уступить. Однако, въ средѣ самихъ кіевлянъ образовалось два противоположныхъ другъ другу теченія, греческое и латинское, во главѣ которыхъ стали съ одной стороны Епифаній Славинецкій, а съ другой—Симеонъ Полоцкій. Помимо религіозныхъ вопросовъ, напримѣръ—о времени пресуществленія Св. Даровъ, борьба этихъ направленій сказалась и въ вопросѣ школьномъ. Поводомъ къ ней послужила мысль московскаго правительства объ открытіи въ Москвѣ высшаго училища. Пользуясь своимъ вліяніемъ при дворѣ, Симеонъ Полоцкій взялъ это дѣло въ свои руки, и незадолго до своей смерти, въ 1680 году, составилъ проектъ устава предполагаемой Академіи, принявъ за образецъ высшія западныя школы и Кіевскій коллегіумъ; вопросъ о томъ, кто именно былъ авторомъ проекта—самъ ли Полоцкій, какъ кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, или ученикъ его Сильвестръ Медвѣдевъ [2])—въ данномъ случаѣ не представляется важнымъ;

---

[1]) Н. Каптеревъ. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ до открытія Славяно-греко-латинской Академіи. Годичный Актъ въ М. Д. А. 1 октября 1889 (М. 1889), стр. 20—32.

[2]) М. Сменцовскій. Братья Лихуды. Опытъ изслѣдованія изъ исторіи церковнаго просвѣщенія и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вѣковъ. Спб. 1899, стр. 26—27.

гораздо важнѣе тотъ фактъ, что починъ этого дѣла вышелъ изъ среды представителей латинскаго направленія. Самый уставъ, или «привилегія» Академіи, въ первоначальномъ проектѣ до насъ не дошелъ, и мы знаемъ его уже въ переработанномъ видѣ [1]): сторонниками греческаго направленія были внесены въ проектъ Полоцкаго существенныя видоизмѣненія, согласно которымъ будущая высшая школа въ Москвѣ должна была явиться хранительницей чистоты греческой вѣры и источникомъ школьной науки, свободной отъ «еретическихъ» заблужденій. Однако проектъ этотъ, поднесенный въ началѣ 1682 года царю Өеодору Алексѣевичу Сильвестромъ Медвѣдевымъ, не получилъ утвержденія, по причинамъ недостаточно яснымъ, а вмѣсто этого послѣдовалъ 15 января 1682 года указъ «построить въ Спасскомъ монастырѣ двѣ келіи для ученія»: это была школа Сильвестра Медвѣдева, просуществовавшая, повидимому, до конца 1687 года. Одновременно съ этимъ, сторонники греческаго направленія весною 1681 года открыли въ Москвѣ Типографическое училище, дѣятельность котораго также не была продолжительна. Оба эти училища имѣли вполнѣ элементарный характеръ [2]) и нисколько не рѣшали вопроса объ Академіи, который продолжалъ занимать вниманіе московскаго правительства и волновать сторонниковъ какъ греческаго, такъ и латинскаго направленія. Вопросъ о томъ, какому именно изъ этихъ двухъ направленій должно быть отдано предпочтеніе при учрежденіи Академіи, породилъ особую литературу. По крайней мѣрѣ, со стороны представителей греческаго направленія дошло до насъ два трактата неизвѣстныхъ авторовъ, въ которыхъ доказывается преимущество для русскихъ греческаго ученія въ противовѣсъ латинскому: это—«Доводъ вкратцѣ, яко ученіе и языкъ еллиногреческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученія, и чѣмъ пользуетъ славенскому народу» [3]) и другое сочиненіе, подъ длиннымъ заглавіемъ: «Учитися ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и өеологіи, и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественныя писанія, или, не учася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати, и что лучше россійскимъ людемъ учитися греческаго языка, а не латинскаго» [4]). Въ обоихъ трактатахъ, путемъ ссылокъ на историческіе факты, филологическими справками и теоретическими доводами, проводится мысль о необходимости поставить въ основу будущей высшей школы именно греческій языкъ. Отъ представителей латинскаго направленія до насъ не дошло подобныхъ трактатовъ или они еще не отысканы, но несомнѣнно, что и у нихъ не было недостатка въ доказательствахъ своей мысли [5]). Въ концѣ концовъ, греческое напра-

---

[1]) Древняя Россійская Вивліоөика. Ч. VI, изд. 2, стр. 397—420; Исторія Россійской Іерархіи. Ч. I (1807), стр. 515—543.

[2]) М. Сменцовскій. Братья Лихуды, стр. 37—44.

[3]) Напечатано у Н. Каптерева: О греко-латинскихъ школахъ, стр. 89—96.

[4]) М. Сменцовскій. Братья Лихуды, въ «приложеніяхъ» стр. VI—XXVI. Содержаніе изложено у Каптерева, назв. соч., стр. 55—63.

[5]) Н. Каптеревъ, назв. соч., стр. 64—65.

вленіе въ вопросѣ о высшей школѣ одержало верхъ: толчокъ къ его рѣшенію данъ былъ прибытіемъ въ Москву въ 1685 году изъ Греціи, по рекомендаціи Константинопольскаго патріарха Досиѳея, ученыхъ братьевъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ, при ближайшемъ содѣйствіи которыхъ, въ качествѣ преподавателей, славяно-греко-латинская академія въ Москвѣ начала свою дѣятельность осенью 1687 года. Такъ разрѣшенъ былъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ московской жизни во второй половинѣ XVII вѣка [1]).

2.

Симеонъ Полоцкій.—Его жизнь до появленія въ Москвѣ.—Придворная роль П.—Литературная дѣятельность: труды противъ раскола; проповѣди; стихотворство; драматическія пьесы.

Выше (стр. 253) было уже указано, что выдающимися дѣятелями въ Московской Руси, принадлежавшими по своему образованію къ юго-западной, въ частности кіевской, школѣ, были Симеонъ Полоцкій и Епифаній Славинецкій, различные между собою по своему умственному и нравственному складу, міровоззрѣнію и характеру. Главнѣйшимъ орудіемъ ихъ дѣятельности и вліянія была литература, и мы должны теперь обратиться къ обозрѣнію литературныхъ трудовъ этихъ писателей. Впослѣдствіи къ нимъ придется присоединить и еще одного замѣчательнаго питомца кіевской школы, дѣйствовавшаго въ предѣлахъ Московской Руси не только въ качествѣ писателя, но и на поприщѣ административно-іерархическомъ: это—св. Димитрій Ростовскій; его жизнь и дѣятельность протекала приблизительно на четверть вѣка позднѣе жизни Симеона и Епифанія и заходитъ уже въ эпоху Петра Великаго: поэтому, на его дѣятельности лежатъ нѣсколько иныя черты переходнаго времени; по основнымъ особенностямъ своего міровоззрѣнія, онъ можетъ быть поставленъ какъ бы посрединѣ между Симеономъ и Епифаніемъ, примиряя ихъ крайности, но склоняясь все-таки въ сторону послѣдняго.

Симеонъ Петровскій-Ситніановичъ, прозванный въ Москвѣ Полоцкимъ и удержавшій потомъ это прозваніе въ исторической литературѣ, родился въ 1629 году въ Бѣлоруссіи, вѣроятно въ Полоцкѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Полоцкой области. Намъ неизвѣстно, ни изъ какой среды онъ вышелъ, ни гдѣ началъ учиться. Изъ позднѣйшихъ его собственныхъ сообщеній мы узнаемъ, что онъ рано былъ засаженъ, по обычаю, за букварь, потомъ за Часословъ и Псалтырь, и что ученіе это продолжалось до 1650 года. Неизвѣстно и то, гдѣ онъ получилъ высшее образованіе, но изъ свидѣтельства Лазаря Барановича, называвшаго Симеона своимъ ученикомъ, можно заключить, что онъ обучался въ Кіево-Могилянской Коллегіи, гдѣ въ 40-хъ

---

[1]) Исчерпывающій трудъ по вопросу о церковно-просвѣтительномъ вліяніи южноруссовъ на Москву въ XVI—XVII вв. имѣетъ въ виду представить книга К. В. Харламповича: Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань 1914.

годахъ XVII ст. Барановичъ былъ наставникомъ и префектомъ. Весьма вѣроятно, что нѣкоторое время послѣ этого Симеонъ посѣщалъ и польскія училища. Господствовавшая въ Кіевской Коллегіи схоластическая система образованія и практическое его назначеніе опредѣлили собою общій характеръ духовнаго развитія Симеона и, въ связи съ природными чертамъ его характера, дали особое направленіе его дѣяельности. Кромѣ фактическихъ свѣдѣній, научныхъ пріемовъ и извѣстнаго взгляда на вещи, Симеонъ вынесъ изъ Кіевской Коллегіи и первыя свои общественныя связи: кромѣ Лазаря Барановича, здѣсь онъ могъ познакомиться съ Иннокентіемъ Гизелемъ и Іоанникіемъ Голятовскимъ. Оставивши по окончаніи ученья Кіевъ, Симеонъ, 27 лѣтъ отъ роду, принялъ монашество въ Полоцкомъ Богоявленскомъ Братскомъ монастырѣ и сдѣлался учителемъ въ тамошнемъ братскомъ училищѣ. Въ Полоцкѣ, между прочимъ, Симеону представился случай лично увидѣть и обратить на себя вниманіе царя Алексѣя Михайловича, который, отправляясь въ походъ и затѣмъ возвращаясь обратно, оба раза провелъ въ Полоцкѣ по нѣскольку дней, и въ одно изъ этихъ посѣщеній Симеонъ поднесъ царю своего сочиненія привѣтственные «метры». Взятіе царемъ изъ Полоцка чудотворной иконы Божіей Матери и затѣмъ возвращеніе ея въ 1659 году обратно, въ богатомъ украшеніи, подало Симеону поводъ сочинить новые вирши, произнесенные при торжественной встрѣчѣ иконы учениками Богоявленской школы. Т. о., еще въ первомъ мѣстѣ своего служенія Симеонъ выступилъ публично со стихами, которымъ впослѣдствіи посвятилъ такъ много досуга въ своей жизни. Въ 1660 году Полоцкій впервые побывалъ въ Москвѣ, въ свитѣ архимандрита Полоцкаго Богоявленскаго монастыря Игнатія Іевлевича, вызваннаго царемъ на соборъ по дѣлу патріарха Никона: и тутъ Симеонъ не упустилъ случая привѣтствовать царя панегирическими стихами. Хотя еще въ 1661 году Полоцкъ былъ занятъ поляками и положеніе русскихъ жителей, оставшихся вѣрными московскому правительству, сдѣлалось очень тяжелымъ, однако окончательное переселеніе Симеона въ Москву послѣдовало лишь въ 1663 году. Здѣсь онъ, благодаря своему образованію и счастливому характеру, сразу сдѣлался человѣкомъ рѣдкимъ и нужнымъ; къ тому же онъ явился сюда съ хорошими рекомендаціями отъ Лазаря Барановича къ Газскому митрополиту Паисію Лигариду, находившемуся тогда въ Москвѣ и пользовавшемуся огромнымъ довѣріемъ царя. Симеонъ прибылъ въ Москву въ очень горячее время: враждебныя отношенія царя и патріарха достигли крайняго напряженія; надъ послѣднимъ готовился новый соборъ, и Симеонъ, какъ человѣкъ знающій, вскорѣ былъ употребленъ въ дѣло; между его бумагами найдена одна замѣтка, изъ которой видно, что въ критическіе дни внезапнаго возвращенія Никона на патріаршій престолъ Симеонъ былъ призываемъ для какого-то дѣла во дворецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Симеонъ пользовался и своимъ стихотворческимъ искусствомъ, написавъ въ началѣ 1665 года привѣтствіе въ стихахъ царю по случаю рожденія царевича Симеона. «Такимъ образомъ—говоритъ по поводу этого факта Л. Н. Майковъ—впервые явился въ стѣнахъ царскаго дворца придворный стихотворецъ, и самая новость этого знаменательнаго и пріятнаго явленія не могла

не располагать въ его пользу» [1]). Въ то же время Симеонъ подвизался и на педагогическомъ поприщѣ, собравъ вокругъ себя, въ Спасскомъ монастырѣ, нѣсколькихъ учениковъ, среди которыхъ находился и весьма видный впослѣдствіи общественный дѣятель Симеонъ (позднѣе въ монашествѣ Сильвестръ) Медвѣдевъ; и къ этимъ трудамъ Симеона правительство относилось весьма сочувственно, всячески ихъ поддерживая.

Вскорѣ затѣмъ познанія и литературныя способности Симеона пригодились въ борьбѣ съ возникавшимъ расколомъ. На московскомъ соборѣ русскихъ іерарховъ 1666 года было рѣшено, кромѣ полнаго осужденія раскольничьихъ мнѣній, составить письменное и подробное опроверженіе челобитныхъ двухъ виднѣйшихъ расколоучителей, Никиты и Лазаря, въ которыхъ съ особенной обстоятельностью были выражены ихъ религіозно-обрядовыя заблужденія. Дѣло это было возложено на Паисія Лигарида, но такъ какъ онъ не владѣлъ славянскимъ языкомъ, то переводъ (безъ сомнѣнія, съ латинскаго, такъ какъ Симеонъ не зналъ по-гречески) на этотъ языкъ былъ совершенъ Симеономъ; этотъ трудъ остался ненапечатаннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Симеону поручено было составить и особое опроверженіе раскольничьихъ мнѣній: это былъ «Жезлъ правленія», написанный Полоцкимъ въ 1666 году и напечатанный, вѣроятно, въ 1667 или началѣ 1668 года. Около этого же времени Симеонъ употребленъ былъ и для устнаго собесѣдованія и вразумленія ревностнаго руководителя первоначальнаго раскола, протопопа Аввакума, впрочемъ—безуспѣшно. Такимъ образомъ, Симеонъ стоялъ въ самомъ центрѣ важнѣйшихъ внутреннихъ событій тогдашней московской жизни.

«Жезлъ правленія» былъ первымъ большимъ трудомъ Симеона. Онъ заключаетъ въ себѣ общее предисловіе и, затѣмъ, частныя опроверженія челобитныхъ Никиты и Лазаря. Съ внѣшней стороны, «Жезлъ» представляетъ собою ученое сочиненіе, написанное съ большой эрудиціей; авторъ ссылается не только на отцовъ церкви, но и на нѣкоторыя произведенія русской литературы, напр. сочиненія Максима Грека, Зиновія Отенскаго, житіе Евфросина Псковскаго, написанное клирикомъ Василіемъ; ему знакомы постановленія Стоглаваго собора; наконецъ, онъ ссылается на «харатейныя» рукописи Патріаршей библіотеки богослужебнаго содержанія, которыя онъ цѣнилъ по правильности ихъ текста. Способъ его аргументаціи совершенно иной, чѣмъ у Никиты и Лазаря—схоластическій, съ большой дозой риторическаго элемента. Есть случаи невѣрнаго толкованія или неправильнаго обобщенія указаній и соображеній противниковъ. Въ отношеніи содержанія, «Жезлъ правленія» заключаетъ въ себѣ самое суровое осужденіе расколоучителей: Никита—по его словамъ—свинья, попирающая бисеръ, гнусный вепрь въ церковномъ вертоградѣ, а Лазарь, со своимъ богомерзкимъ полчищемъ, стремится уязвить церковь, невѣсту жениха небеснаго, клеветами, какъ стрѣлами, напоенными аспидовымъ ядомъ. Все сочиненіе проникнуто тономъ не столько возражающаго противника, сколько властнаго и авторитетнаго обличителя, что вполнѣ объясняется данными Симеону официаль-

---

[1]) Л. Майковъ. Симеонъ Полоцкій, въ сборникѣ: Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій (Спб. 1889), стр. 17.

ными полномочіями. Весьма естественно, что при такихъ качествахъ книга Симеона заслужила полное одобреніе русскихъ іерарховъ, признавшихъ ее «изъ чистаго серебра слова Божія и отъ священныхъ писаній и правильныхъ виносословій сложенной» [1]).

Извѣстность и значеніе Симеона послѣ этого успѣха еще болѣе усилились; онъ вскорѣ получилъ ближайшій доступъ въ царскую семью, въ качествѣ учителя старшаго царевича Алексѣя Алексѣевича; когда затѣмъ въ 1669 году царевичъ скончался, то Симеонъ сдѣлался наставникомъ его брата Θеодора; онъ же наблюдалъ за обученіемъ царевны Софіи и царевича Петра. Кромѣ того, онъ часто выступалъ при дворѣ какъ проповѣдникъ и стихотворецъ; многія его поученія были произнесены въ присутствіи царя, иныя въ дни, памятныя для царской семьи, иныя по желанію близкихъ ко двору лицъ; многія его стихотворенія также связаны были съ событіями придворной жизни. Вся послѣдующая жизнь Полоцкаго была посвящена энергическому служенію на пользу просвѣщенія и литературы.

Литературная дѣятельность его была обширна и разнообразна. Можно сказать, что въ лицѣ Симеона впервые явился въ Москвѣ писатель съ пріемами новаго школьнаго образованія, талантливый, дѣятельный и вполнѣ преданный своему призванію. Изъ литературныхъ трудовъ мы остановимся лишь на его проповѣдяхъ и стихотворствѣ.

Проповѣдническіе труды Симеона Полоцкаго начинаются съ 1666 года и продолжаются почти до самой его смерти. Главная масса ихъ была собрана къ 1676 году въ два большіе сборника, «Обѣдъ Душевный» и «Вечеря Душевная», и отпечатана въ 1682—83 годахъ, т. е. уже послѣ смерти автора, при дѣятельной помощи Сильвестра Медвѣдева. Проповѣди Симеона не изобилуютъ указаніями на живую современность. Правда, мы встрѣчаемъ тамъ обличеніе пьянства, несоблюденія постовъ, непосѣщенія церковной службы, указаніе на наличность въ народѣ языческихъ обычаевъ и суевѣрій, ворожбы и колдовства и т. п., но всѣ подобныя обличенія могли быть почерпнуты изъ литературныхъ источниковъ, изъ прошлыхъ фактовъ переводной или оригинальной русской проповѣди, безъ непосредственнаго наблюденія самой жизни; всѣ они такъ или иначе входили въ извѣстную обязательную для древне-русскаго проповѣдника схему, за предѣлы которой не было принято переступать. Впрочемъ, есть у Симеона и немногіе слѣды живой дѣйствительности: напр., онъ указываетъ на то, что многіе необразованные люди берутся толковать Св. Писаніе, разсуждаютъ вкривь и вкось о предметахъ религіи и тѣмъ порождаютъ расколы. Нравственные вопросы, въ ихъ общежитейской обстановкѣ, мало привлекали къ себѣ вниманіе нашего проповѣдника, и онъ смотрѣлъ на нихъ исключительно съ аскетической точки зрѣнія. Семейной жизни онъ также касался очень мало и почти исключительно со стороны вопроса объ отношеніи родителей и дѣтей. Главнымъ несчастіемъ современнаго ему общества Симеонъ считалъ недостатокъ просвѣщенія: въ этомъ сказался человѣкъ новой эпохи и носитель новыхъ идеаловъ. Въ общемъ же проповѣди Симеона отличались

---

[1]) Л. Майковъ, назв. соч., стр. 27—39.

преимущественно теоретическимъ и формальнымъ характеромъ и, конечно, не могли производить большого впечатлѣнія на современниковъ. Причину этого характера проповѣднической дѣятельности Симеона слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ указанной схемѣ, воспринятой также въ извѣстной степени и теоріей схоластической проповѣди, а съ другой —въ томъ, что Симеонъ встрѣчалъ внѣшнія препятствія въ своей проповѣднической свободѣ. На это послѣднее обстоятельство онъ самъ намекаетъ въ предисловіи къ «Обѣду Душевному», гдѣ указываетъ, что проповѣдникъ, какъ «врачъ искусный и добрый», долженъ дѣйствовать «не въ угоду больному, а какъ полезно его здравію»: «такъ и я—говоритъ онъ—обличаю не отъ дерзости, наставляю не въ укоръ... не въ досаду, но потому, что долгъ мой есть глаголати» [1]). Справедливость требуетъ однако же сказать, что въ этихъ словахъ Симеона скорѣе можно усмотрѣть чрезмѣрную его осторожность въ роли проповѣдника, нежели дѣйствительное указаніе на рѣзкія или слишкомъ смѣлыя мѣста его поученій: ихъ вообще не было [2]).

Очень много труда посвятилъ въ своей жизни Симеонъ Полоцкій стихотворству. Это было его любимое занятіе, интересъ къ которому внушенъ былъ Симеону въ школѣ. Какъ уже было сказано, стихотворствомъ Симеонъ началъ свою литературную дѣятельность, написавъ привѣтственные вирши царю Алексѣю Михайловичу въ Полоцкѣ; стихотворствомъ же ее и кончаетъ: за два дня передъ смертью имъ написано стихотвореніе «Философія» [3]).

По вопросу о первомъ появленіи стихотворства въ Московской Руси имѣются различныя мнѣнія. Въ то время какъ, напр., А. И. Соболевскій полагалъ [4]), что московская литература всецѣло обязана этимъ появленію въ Москвѣ южно-русскихъ ученыхъ, Л. Н. Майковъ, наоборотъ, былъ того мнѣнія, что первые опыты рифмованныхъ стиховъ явились въ Москвѣ ранѣе прихода туда дѣятелей изъ Юго-западной Руси и что, напр., пробовали свои силы въ стихотворствѣ до этого времени такіе чисто великорусскіе люди, какъ Шаховской, Катыревъ и Насѣдка [5]); къ этимъ именамъ въ настоящее время можно прибавить и имя князя И. А. Хворостинина [6]). Имѣя въ виду эти фактическія данныя—вмѣстѣ съ указываемыми и Соболевскимъ, въ видѣ исключенія, анонимными стихотвореніями, вродѣ «Повѣсти о разореніи Московскаго Государства» или «Посланія къ нѣкоему»—нужно признать, что до появленія южно-руссовъ въ Москвѣ, и въ частности Симеона Полоцкаго, эти попытки въ стихотворствѣ были лишь случайными и единственными явленіями, лишенными особой исторической цѣнности, и что дѣйствительнымъ родоначальникомъ стихотворства въ Московской Руси былъ именно

---

[1]) Л. Майковъ, назв. соч., стр. 92.

[2]) Подробнѣе о проповѣдяхъ Симеона трактуетъ трудъ В. Попова: Симеонъ Полоцкій какъ проповѣдникъ. М. 1886.

[3]) Историческая Христоматія, Ѳ. Буслаева (М. 1861), с. 1196—1197.

[4]) Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. «Библіографъ» 1891 № 3—4.

[5]) О началѣ русскихъ виршъ. Ж. М. Н. Пр. 1891 № 6.

[6]) Вновь открытыя полемическія сочиненія XVII вѣка противъ еретиковъ. Спб. 1907, стр. 40—80.

Симеонъ Полоцкій: только съ него этотъ родъ литературныхъ занятій получилъ общественный характеръ и значеніе.

Подобно проповѣдническимъ трудамъ Симеона въ послѣдніе годы его жизни, были собраны, при ближайшемъ участіи Сильвестра Медвѣдева, и стихотворныя сочиненія Полоцкаго, въ видѣ двухъ обширныхъ сборниковъ, доселѣ не изданныхъ и хранящихся среди рукописей Московской Синодальной библіотеки: «Риѳмологіонъ» и «Вертоградъ Многоцвѣтный», составленіе которыхъ относится къ 1678—79 годамъ [1]). Въ первомъ сборникѣ помѣщены стихотворенія, писанныя на разные случаи и по поводу различныхъ событій жизни царской семьи и приближенныхъ ко двору лицъ. Гораздо интереснѣе въ литературномъ отношеніи «Вертоградъ Многоцвѣтный», заключающій въ себѣ множество стихотвореній самаго разнообразнаго содержанія: образы, подобія, присловья, толкованія, эпитафіи, повѣсти, лѣтописныя сказанія, молитвы, увѣщанія и т. п. Источниками Симеону служили при этомъ, съ одной стороны, литературныя произведенія: Прологъ, житія святыхъ, Великое Зерцало, Римскія Дѣянія и др., а съ другой—случаи и наблюденія изъ дѣйствительной жизни, ходячіе разсказы и народныя легенды. Цѣль сборника—назидательная. Для удобства пользованія имъ всѣ статьи расположены въ порядкѣ алфавита. Въ предисловіи къ «читателю благочестивому», помѣщенномъ въ началѣ этого сборника, собиратель объясняетъ мотивы своего труда. Онъ вспоминаетъ съ благодарностью о своемъ посѣщеніи нѣкогда иностранныхъ школъ, гдѣ онъ пользовался ихъ «душеполезными цвѣтами»; ему хочется хоть часть этого драгоцѣннаго достоянія перенести «въ домашній языкъ словенскій» и послужить укорененію на Руси «риѳмотворнаго писанія», которое, по его словамъ, «во инѣхъ языкахъ велію честь имать и ублаженіе и творцемъ его достойнаго не лишаетъ отъ Бога и отъ человѣкъ возмездія и славы»; онъ полагаетъ, что стихотворная форма его мыслей и наблюденій, сосредоточенныхъ въ «Вертоградѣ», будетъ самой удобной и самой привлекательной для читателей, и ее легче удержать въ памяти.

Наиболѣе цѣнными являются тѣ стихотворенія «Вертограда», которыя явились у автора результатомъ наблюденія имъ живой дѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, касаются этой послѣдней въ томъ или иномъ видѣ.

Вотъ, напр., краткое стихотвореніе «Жидъ», воспроизводящее впечатлѣнія Симеона, какъ уроженца Юго-западной Россіи:

Яже полза въ садъ дробныхъ рыбъ щуку пущати,
Та между христіаны жида водворяти:
Щука малыя рыбы несытно глощаетъ,
Жидъ люди убогія лихвами снѣдаетъ [2]).

---

[1]) Изъ состава перваго сборника, по замѣчательному списку Академіи Наукъ, напечатано недавно Н. А. Смирновымъ панегирическое сочиненіе Симеона Полоцкаго «Орелъ Россійскій», поднесенное авторомъ царю Алексѣю Михайловичу 1 сентября 1667 года: Памятники Древней Письменности. № CXXXIII. Петр. 1915.

[2]) Л. Майковъ, назв. соч., стр. 101.

Съ такимъ же обличительнымъ характеромъ имѣется у Симеона и рядъ стихотвореній, въ которыхъ онъ касается семейной жизни, напр. «Женитва» или «Вдовство». Въ первомъ авторъ относится вообще отрицательно къ супружеской жизни; особенно человѣку ученому—говоритъ онъ—не слѣдуетъ жениться:

Ибо не будетъ мощно съ книгами сѣдѣти:
Удалитъ отъ нихъ жена, удалятъ и дѣти...

Женатый человѣкъ подвергается всякаго рода женскимъ прихотямъ, которыя «оженивыйся совершенно знаетъ». Требованіямъ жены нѣтъ предѣла:

...утружденну мужу не даетъ обнощь спати,
Въ ложи обыче ему о нуждахъ стужати;
Ту жалостнѣ глаголетъ, мужа укоряетъ,
Аки о ней недобрѣ въ нуждахъ помышляетъ;
Иныхъ мужей во образъ супруги приводитъ:
«Се она краснѣй мене одѣянна ходитъ,
«Ову же вси людіе зѣло почитаютъ,
«А мене, за тобою сущія, не знаютъ».
Къ симъ ревнивая жена обыче стужати:
«Что ты на жену ону любиши смотряти,
«И что съ рабынею ты глаголалъ еси?
«Гдѣ ты былъ еси въ гостинѣ, то ми да повѣси».
Изъ торжища грядуща гнѣвно вопрошаетъ:
«Что принеслъ еси?» Аще ни, то лютѣ лаетъ.
Въ гости аще пустиши, то обыкнетъ пити,
Аще же не пустиши, то не хощетъ и жити:
«Увы ми» возопіетъ «коль есмь неблаженна
«За злымъ мужемъ, отъ добрыхъ другинь отлученна»...

И въ дальнѣйшемъ авторъ касается вопроса о вліяніи матеріальнаго благосостоянія на счастіе супружеской жизни, находя, что женатому на бесприданницѣ приходится жить очень трудно, а женитьба на богатой влечетъ за собою подчиненіе ея власти [1].

Въ стихотвореніи «Вдовство» мы имѣемъ передъ собою не менѣе рельефную картинку жизни: очертивъ сочувственными чертами образъ «правой вдовы», хранящей свое вдовство «въ цѣлости», авторъ описываетъ затѣмъ другую вдову, не могущую примириться со своимъ положеніемъ:

Вредно есть вдовѣ много рабъ имѣти,
Часто на тыя весело смотрѣти,
Наипаче иже красно устроени,
Брадъ не имуще, власы утрефлени.
Лица ихъ стрѣлы въ сердце пущаютъ,
Неопасну вдову уязвляютъ.

---

[1]) Л. Майковъ, назв. соч., с. 103—104.

И дѣвы красны, иже живутъ съ нею,
Духъ красотою льстять ея своею;
Елма бо оны жениховъ желаютъ,
Между собою дерзостно играютъ—
О тѣхъ ихъ пѣсни, о тѣхъ всяко слово,
А вдовы сердце любити готово...

И въ результатѣ получается то, что такая вдова

Славится токмо, да во чести будетъ,
Но сей цвѣтъ славы не долго пребудетъ:
Егда бо женихъ лѣпый проявится,
Абіе ему въ область поручится,
Повержетъ вдовство, волитъ быти мати,
Неже едина въ ложи почивати [1]).

Въ «Вертоградѣ» есть нѣсколько стихотвореній, затрагивающихъ тѣ или иныя житейскія и общественныя отношенія, напр. «Начальникъ» и «Милость господская». Въ первомъ стихотвореніи авторъ даетъ наставленіе властъ имущимъ людямъ, какъ слѣдуетъ относиться къ подчиненнымъ: не отказывать имъ въ своемъ законномъ покровительствѣ и не отговариваться ни трудностью заботы о другихъ, ни неумѣньемъ; каждый начальникъ долженъ быть примѣромъ для своихъ подчиненныхъ, и это есть лучшая форма его вліянія и наученія: такой способъ одинаково пригоденъ для епископа по отношенію къ своей паствѣ, богатаго—къ рабамъ, мужа—къ женѣ, судьи—къ подсудимымъ, царя—къ подданнымъ. Въ стихотвореніи «Милость господская» дается наставленіе о томъ, съ какой осторожностью надо относиться къ покровительству знатныхъ и сильныхъ:

Аще у мужъ велможныхъ есть благодать тебѣ,
Употребляти ея всеопасно требѣ.
Яко со огнемъ, съ ними есть полезно жити,
Ниже ся удаляти, ни вельми близъ быти:
Огня удаляяйся озноблень бываетъ,
А близъ зѣло сущія самъ огнь опаляетъ.
Тако иже о Господѣ себе удаляютъ,
Презрѣнни и безчестни у онѣхъ бываютъ.
Иже паки дерзаютъ ближитися зѣло,
Мало за дерзость свою до конца суть цѣло.
Средство убо въ житіи семъ хранити требѣ,
Иже хощетъ безбѣдства и дружбы ихъ себѣ [2]).

Въ духѣ положительнаго назиданія написано также стихотвореніе «Пиръ», въ которомъ дается наставленіе, какъ должны устраивать у себя пиры настоящіе христіане [3]). Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить рядъ стихотвореній, посвященныхъ обличенію пороковъ отдѣльныхъ сословій: таковы особенно стихотворенія «Купецтво» и «Монахъ», въ которыхъ съ замѣча-

---

[1]) Л. Майковъ, назв. соч., стр. 105—106.

[2]) Л. Майковъ, назв. соч., стр. 108—109.

[3]) Стр. 113—114.

тельной рельефностью выставлены авторомъ отрицательныя черты торговыхъ людей и чернецовъ, игравшихъ такую видную роль въ матеріальной и духовной жизни русскаго народа того времени [1]).

Въ «Риѳмологіонѣ» есть два произведенія, написанныя въ драматической формѣ и отмѣчающія собою заслугу Симеона—внесенія въ кругъ московской придворной публики театральныхъ представленій: это—«Комедія о Навуходоносорѣ царѣ» и «Комедія о блудномъ сынѣ».

«Комедія о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ въ пещи не сожженныхъ» [2]), по своему содержанію, представляетъ передачу извѣстнаго библейскаго разсказа о трехъ отрокахъ, вверженныхъ въ огненную пещь, и о царѣ Навуходоносорѣ. Задолго до Симеона сюжетъ этотъ былъ предметомъ для духовной драмы подъ именемъ «Пещного дѣйства». Литературный элементъ этой мистеріи, существовавшей еще въ Византіи [3]), былъ весьма несложенъ (Др. Росс. Вивл., 2 изд., VI, 363—390). Дѣйствующія лица въ ней ограничивались тремя отроками и двумя «халдеями», которые должны были растапливать пещь и сажать туда отроковъ; мистерія исполнялась во время заутрени, въ субботу недѣли, предшествующей празднику Рождества, и сопровождалась пѣніемъ священныхъ пѣсенъ. Симеонъ Полоцкій, рѣшивъ перенести это представленіе изъ церкви въ обстановку придворной русской сцены, обратился къ западно-европейскимъ, вѣроятно іезуитскимъ, обработкамъ даннаго сюжета, въ которыя уже введена была личность Навуходоносора, какъ главная причина всего происходящаго въ пьесѣ. Впрочемъ, имѣя въ виду простоту обработки Полоцкаго, В. Н. Рѣзановъ предполагаетъ, что онъ составилъ свою пьесу «по образцу того типа практиковавшихся въ іезуитскихъ учебныхъ заведеніяхъ представленій, на обработку которыхъ вліяла не теорія драматической поэзіи, а установившееся употребленіе въ классахъ діалоговъ, декламацій и небольшихъ пьесокъ, разыгрываніе которыхъ подготовляло учениковъ къ выступленію на большихъ спектакляхъ» [4]), а Н. П. Петровъ, опираясь на отсутствіе въ пьесѣ отвлеченности и символизма, совсѣмъ отрицаетъ пользованіе Полоцкаго іезуитскими источниками [5]). Содержаніе «комедіи» у Полоцкаго представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Пьеса открывается «предисловцемъ», заключающимъ въ себѣ хвалебное и привѣтственное обращеніе къ царю. Тутъ изображается его сила, душевная доброта, благочестіе. Для оттѣненія послѣдняго качества съ нимъ сопоставляется Навуходоносоръ, жестокій поступокъ котораго съ тремя еврейскими отроками долженъ явиться предметомъ послѣдующаго представленія:

---

[1]) Стр. 114—117.

[2]) Напечатана въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ», 2 изд., VIII, стр. 158—169, и у Н. С. Тихонравова: Русскія драматическія произведенія, I, стр. 324—336.

[3]) А. Дмитріевскій. Чинъ пещного дѣйства. Историко-археологическій этюдъ. Византійскій Временникъ. Т. I, вып. 3—4 (1894), стр. 553—600.

[4]) Изъ исторіи русской драмы, стр. 298.

[5]) Тр. К. Д. А. 1909, № 10, стр. 249—250.

То комидійно мы хощемъ явити
И аки само дѣло представити
Свѣтлости твоей и всѣмъ предстоящимъ,
Княземъ, боляромъ, вѣрно ти служащимъ,
Во утѣху сердецъ; здрави убо зрите,
А насъ въ милости своей сохраните—

такъ оканчивается предисловіе. Затѣмъ выходитъ Навуходоносоръ съ боярами, слугами, вооруженными воинами и садится на приготовленномъ для него мѣстѣ. Онъ приказываетъ «казначею» приготовить свой «образъ» для испытанія вѣрности подданныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развести огонь и сожигать въ пещи того, кто не пожелаетъ этому образу поклониться какъ Богу. Образъ поставленъ, музыка торжественно играетъ; народъ кланяется образу, за исключеніемъ трехъ отроковъ, которыхъ тотчасъ же и схватываютъ. Приведенные для отвѣта передъ царемъ, отроки смѣло исповѣдуютъ передъ нимъ своего Бога, и разгнѣванный царь приказываетъ ихъ бросить въ пещь:

Азъ и двѣ кожи готовъ есмь издрати
Съ единаго хребта, а самъ не страдати—

говоритъ одинъ изъ воиновъ, бросаясь исполнять приказаніе царя.

Мнѣ евреина столь сладко убити,
Яко же меда сладку чашу пити—

говоритъ другой.

Въ это время спускается къ отрокамъ въ пещь ангелъ, ободряетъ ихъ, и они, невредимые, поютъ хвалебную пѣснь Богу, а между тѣмъ огонь жестоко пожигаетъ стоящихъ вблизи «халдеевъ». Бояре и Навуходоносоръ, при видѣ этого, приходятъ въ изумленіе, и послѣдній тутъ же раскаивается:

Увы мнѣ, увы! азъ грѣшный прельстихся:
На рабы Бога живаго ярихся!
Они суть святи, азъ грѣшенъ зѣло,
Невинныхъ и огнь сохранилъ есть цѣло.
Что убо имамъ азъ, бѣдный, творити,
О прощеніи хощу ихъ молити—

и затѣмъ высказываетъ желаніе послужить ихъ Богу. Отроки выражаютъ радость, и одинъ за другимъ привѣтствуютъ обращеніе царя. Затѣмъ слѣдуетъ заканчивающій пьесу эпилогъ, въ которомъ авторъ и актеры благодарятъ присутствующаго на представленіи царя за вниманіе и извиняются въ своемъ неискусствѣ.

Болѣе обширной и сложной по содержанію является другая пьеса Полоцкаго, «Комедія о блудномъ сынѣ» [1]). Она состоитъ изъ шести «частей»,

[1]) Напечатана была вскорѣ послѣ смерти автора, въ 1685 году, съ иллюстраціями (воспроизведено у Д. А. Ровинскаго: Русскія народныя картинки, III, стр. 838),

предваряемыхъ «прологомъ» съ обращеніемъ къ зрителямъ о пользѣ театральныхъ представленій, и затѣмъ испрашивается благосклонное вниманіе къ пьесѣ, которая будетъ представлена. Въ I части представлена бесѣда отца съ двумя сыновьями, которымъ онъ даетъ разнаго рода совѣты относительно жизни. Тяготясь уже лѣтами и чувствуя приближеніе смерти, онъ предоставляетъ дѣтямъ въ самостоятельное владѣніе ихъ доли и право воспользоваться ими по собственному желанію. Старшій сынъ выражаетъ полную покорность отцу и желаетъ по прежнему остаться при немъ; но младшій жаждетъ увидѣть свѣтъ: его тянетъ куда-то вдаль, на свободную жизнь:

Богъ волю далъ есть; се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ вольно пребываютъ.
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати,
Разумну сущу, весь міръ посѣщати.

Отецъ, конечно, отговариваетъ его, но безуспѣшно, и младшій сынъ покидаетъ домъ. Во II части мы видимъ не лишенное живости изображеніе роскошной жизни блуднаго сына. Онъ предается сладкому ощущенію полученной свободы: нанимаетъ себѣ великое множество слугъ, пируетъ съ ними, пьетъ, играетъ въ зернь; они его обыгрываютъ, и онъ уходитъ. Въ III части блудный сынъ выходитъ на сцену съ ощущеніемъ тяжелаго похмѣлья, которое ему еще не привычно.

Чуждуюся зѣло, вскую болитъ глава,
Постель бѣ мягка, не твердая лава.
Къ тому не помню, како положихся,
Негли та вина, яко утрудихся,
Вчера играя, а крѣпко стужаетъ
Болѣзнь, даже міръ весь ся обращаетъ.

Слуга совѣтуетъ ему полѣчиться новой «скляницей» вина. Но вскорѣ оказывается, что деньги всѣ истрачены, слуги одинъ за другимъ покидаютъ блуднаго сына, онъ повергается въ уныніе и плачетъ. Въ IV части онъ, продавъ свою послѣднюю одежду и надѣвъ рубище, томимый голодомъ, ищетъ работы; встрѣчный «купчикъ» рекомендуетъ его одному господину въ слуги; тотъ посылаетъ его пасти свиней, но блудный сынъ съѣдаетъ назначенную имъ пищу и за это подвергается побоямъ. Тутъ ему приходитъ на мысль вернуться домой. V часть изображаетъ его встрѣчу съ отцомъ и пиръ по случаю его возвращенія, а въ VI части блудный сынъ, въ длинномъ монологѣ, выражаетъ свое раскаяніе. Пьеса оканчивается эпилогомъ, въ которомъ высказывается слѣдующая мораль:

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати.
Старымъ—да юныхъ добрѣ наставляютъ,
Ничто на волю младыхъ не спущаютъ.

затѣмъ въ «Др. Росс. Вивл.», 2 изд., VIII, стр. 34—60, и у Н. С. Тихонравова: Русскія драм. произв., I, стр. 296—326.

Притча «о блудномъ сынѣ» была весьма популярнымъ литературнымъ сюжетомъ на западѣ и, между прочимъ, въ XVI вѣкѣ получила латинскую обработку въ комедіи Вильгельма Фуллонія «Acolastus, hoc est de filio prodigo comoedia»; но установить отношеніе труда Полоцкаго къ какому-либо опредѣленному литературному источнику не менѣе трудно, чѣмъ и относительно его первой пьесы. Въ отношеніи плана, эта вторая пьеса отличается еще большей простотой, чѣмъ комедія о Навуходоносорѣ: въ противоположность школьнымъ требованіямъ, здѣсь соблюдено единство дѣйствія, которое группируется вокругъ одного лица; подобно первой пьесѣ, тутъ также нѣтъ ни одной аллегорической фигуры, что было въ большой модѣ въ школьной драмѣ. Въ «Комедіи о блудномъ сынѣ» намѣчено было авторомъ пять интермедій, которыя, впрочемъ, до насъ не дошли въ составѣ самаго текста пьесы Полоцкаго. Общественный смыслъ этой «комедіи» заключается въ сопоставленіи двухъ поколѣній, стараго и новаго, изъ которыхъ второе стремится куда-то вдаль, а первое является въ роли сдерживающей мудрости; характеръ морали Симеона совершенно ясенъ изъ самаго сюжета: авторъ стоитъ на сторонѣ стараго поколѣнія. Можно догадываться, что и эта пьеса Полоцкаго была представлена на сценѣ, подобно первой, но положительныхъ указаній на это мы не имѣемъ [1]).

Страсть Полоцкаго къ стихотворству нашла себѣ выраженіе и еще въ одномъ произведеніи—переводѣ или переложеніи Псалтыри, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1680 году. Враги Симеона находили, что въ этомъ своемъ трудѣ авторъ-стихотворецъ допустилъ «многи прилоги и отъятія» противъ древняго славянскаго текста (Остенъ, стр. 137); однако, это мнѣніе, которое въ общемъ нельзя оспаривать, не помѣшало Симеоновой Псалтыри сдѣлаться не только въ XVII, но и въ первой половинѣ XVIII вѣка очень популярной книгой. Псалмы его были положены на музыку еще въ XVII вѣкѣ государевымъ дьякомъ Василіемъ Титовымъ и вообще усердно пѣлись [2]); книга эта была также одною изъ первыхъ, прочитанныхъ Ломоносовымъ. Полоцкій былъ усерднымъ сторонникомъ науки, которую онъ понималъ, конечно, въ смыслѣ схоластическомъ и распространенія которой всемѣрно добивался среди московскихъ и вообще русскихъ людей XVII вѣка. Онъ былъ дѣятельнымъ писателемъ-педагогомъ, и среди его педагогическихъ произведеній особенно заслуживаетъ упоминанія «Книжица вопросомъ и отвѣтомъ, иже во юности сущимъ зѣло по-

---

[1]) Вѣроятно, популярностью литературнаго имени Симеона Полоцкаго надо объяснить то, что ему приписываются въ малодостовѣрной «Хроникѣ русскаго театра» Носова еще и другія пьесы: «Царь Ассуръ», «Навуходоносоръ, или Какъ царица Юдифь царю Алаферну голову отсѣкла», «Артаксерксъ или Повѣшенный Аманъ» и «Рождество Христово». Хроника русскаго театра, Носова. Съ предисловіемъ и новыми разысканіями о первой эпохѣ русскаго театра Е. Барсова. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1882, кн. 2. стр. 9—24.

[2]) В. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. 1, стр. 202—204.

требни суть» [1]), гдѣ онъ не только провозглашаетъ необходимость и пользу науки для своего времени, но и выясняетъ мысль о томъ, что наука вовсе не можетъ вредить вѣрѣ: тутъ онъ предупреждаетъ до извѣстной степени аналогичныя идеи Татищева и Ломоносова, высказанныя лишь въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Полоцкій скончался въ Москвѣ 25 августа 1680 года.

Такимъ образомъ, литературная дѣятельность Полоцкаго выражалась въ формахъ догматико-полемической, проповѣднической и стихотворной, въ частности драматической. Каждая изъ нихъ была въ своемъ родѣ отвѣтомъ на живые запросы времени, но особенное развитіе получило стихотворство. Какъ писатель, Симеонъ, несмотря на свой монашескій санъ, былъ очень чутокъ къ текущимъ вопросамъ жизни, къ потребностямъ времени; онъ весь жилъ въ своемъ настоящемъ, чѣмъ и объясняется, между прочимъ, почти полное отсутствіе въ его сочиненіяхъ историческаго элемента.

3.

Епифаній Славинецкій.—Его жизнь.—Роль С. въ дѣлѣ исправленія книгъ.—Литературные труды; ихъ общій характеръ.

Другимъ важнѣйшимъ дѣятелемъ въ Московской Руси второй половины XVII вѣка является Епифаній Славинецкій.

Свѣдѣнія о жизни Епифанія до появленія его въ Москвѣ весьма скудны. Уроженецъ, по всей вѣроятности, Юго-западной Руси (быть можетъ, города Пинска), Епифаній принадлежалъ къ зажиточной семьѣ; время его рожденія съ точностью неизвѣстно, равно какъ нѣтъ свѣдѣній о первоначальномъ воспитаніи и обученіи Епифанія и о его домашней обстановкѣ. Дальнѣйшее свое образованіе онъ получилъ въ Кіевской братской школѣ до преобразованія ея Петромъ Могилой, когда тамъ преобладало еще греко-славянское направленіе, и общій характеръ преподаванія былъ въ значительной степени свободенъ отъ увлеченій латино-польской схоластикой; благодаря этому обстоятельству, Епифаній вынесъ изъ Кіевской школы не только знакомство съ разными отраслями тогдашней науки, но и превосходное знаніе греческаго и славянскаго языковъ. Вѣроятно, Епифаній оставилъ братскую школу до 1631 года, или вообще около этого времени, и отправился для продолженія образованія за границу, но какіе посѣтилъ онъ города и школы—мы опять съ достовѣрностью сказать не можемъ, ограничиваясь лишь предположеніемъ, что это были школы латинскія и католическія. Возвратившись на родину, Епифаній принялъ монашество въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и около 1642 года перешелъ въ Братскій монастырь, въ школѣ котораго учительствовалъ до 1649 года. Къ этому промежутку времени, именно къ 1643 году, относится и первый ученый трудъ Епифанія—передѣлка имъ, въ интересахъ славянскаго языка, зна-

---

[1]) Отчасти напечатано въ Русскомъ Вѣстникѣ 1809, №№ 11—12 и 1810 №№ 2—4; содержаніе подробно разсказано въ статьѣ Н. А. Смирнова «Къ вопросу о педагогикѣ въ Московской Руси въ XVII в.», Р. Ф. В. 1898 № 1—2, стр. 11—35.

менитаго словаря Амвросія Калепина, изданнаго въ Базелѣ въ 1577 году. Появленіе Епифанія въ Москвѣ, по вызову московскаго правительства, относится къ іюлю 1649 года, куда онъ прибылъ вмѣстѣ съ Арсеніемъ Сатановскимъ и старцемъ Ѳеодосіемъ. Такъ какъ цѣлью приглашенія въ Москву Епифанія Славинецкаго было желаніе воспользоваться его ученостью и такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ по своей натурѣ не обнаруживалъ склонности къ какому-либо иному роду дѣятельности, то вполнѣ естественно, что вся послѣдующая жизнь Епифанія на Москвѣ представляетъ собою лишь рядъ книжныхъ трудовъ, вызванныхъ тогдашнимъ состояніемъ русскаго просвѣщенія.

Работы Епифанія начались переводомъ на славянскій языкъ греческаго текста литургіи Іоанна Златоустаго; переводъ былъ оконченъ уже въ августѣ 1649 года. Животрепещущимъ вопросомъ той эпохи въ Москвѣ было отношеніе къ грекамъ и греческимъ книгамъ, и во вліятельныхъ слояхъ московскаго общества окончательно установился высказанный еще по поводу Катехизиса Лаврентія Зизанія (см. выше, стр. 251—252) взглядъ, что прежнее традиціонное довѣріе къ грекамъ и ихъ книгамъ должно быть оставлено—въ виду того, что греки, будучи подъ властью турокъ, потеряли прежнюю чистоту вѣру. Въ этомъ, почти безотчетномъ, движеніи, построенномъ главнымъ образомъ на вѣроисповѣдно-націоналистическихъ основахъ, очень мало принимались въ соображеніе фактическія данныя, незнакомыя или мало знакомыя большей части московскихъ богословствующихъ людей. Помощи въ этомъ дѣлѣ можно было ожидать лишь отъ людей ученыхъ, и въ качествѣ такого человѣка Славинецкій, при своемъ прекрасномъ знаніи греческаго языка, былъ въ Москвѣ какъ нельзя болѣе кстати. На его долю выпало разъяснить, что недовѣріе къ греческимъ книгамъ было неосновательно, и такимъ образомъ содѣйствовать ослабленію тѣхъ тенденцій, которыя, стоя за старину въ области книжной, чуждались возможности полезныхъ исправленій и приводили къ расколу. Однимъ изъ лицъ, проникшихся ранѣе другихъ просвѣщенной точкой зрѣнія Славинецкаго, былъ, повидимому, царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, принимавшій участіе въ исправленіи богослужебныхъ книгъ въ Москвѣ еще до появленія тамъ Никона. Самому Епифанію Славинецкому принадлежитъ въ этомъ важномъ общественномъ дѣлѣ тогдашняго времени весьма выдающаяся роль. Офиціальное положеніе Епифанія при московскомъ печатномъ дворѣ не совсѣмъ ясно; очень вѣроятнымъ представляется мнѣніе, что онъ не былъ простымъ корректоромъ или даже справщикомъ, какъ говорятъ объ этомъ современныя извѣстія, но, въ качествѣ ученаго знатока дѣла, былъ однимъ изъ высшихъ наблюдателей за печатаніемъ и въ особенности сличеніемъ печатаемыхъ книгъ съ греческими подлинниками, занимая въ этомъ отношеніи такое же положеніе, какое въ 60-хъ годахъ XVII вѣка разновременно занимали тобольскій архіепископъ Симеонъ и митрополитъ сарскій и подонскій Павелъ [1]).

---

[1]) Ив. Ротаръ. Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII вѣка. Кіевская Старина 1900 № 10, стр. 35—37.

Значеніе Епифанія еще болѣе усилилось со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона (1652), и новый патріархъ, недостаточно знавшій греческій языкъ, нашелъ въ кіевскомъ ученомъ инокѣ чрезвычайно полезнаго себѣ помощника. Одна любопытная современная запись, разсказывающая вкратцѣ о предпринятомъ Никономъ исправленіи священныхъ и богослужебныхъ книгъ, характеризуетъ Епифанія какъ «мужа многоученаго», «не токмо грамматики и риторики, но и философіи и самыя ѳеологіи испытателя и искуснѣйшаго разсудителя и опаснаго претолковника еллинскаго, словенскаго и польскаго діалектовъ», при чемъ объ участіи его въ дѣлѣ исправленія книгъ прямо говоритъ, что «святѣйшій Никонъ патріархъ нача съ греческихъ правити книги словенскія по тогожде мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія разсмотрѣнію и возвѣщанію, яко книга Литургіарій (т. е. Служебникъ) премного не согласоваше въ самомъ священнодѣйствіи къ греческимъ святыя литургіи»; вмѣстѣ съ этимъ, запись свидѣтельствуетъ, что «словеса Епифанія» о томъ, что «въ словенской Библіи премногая суть погрѣшенія въ реченіихъ и разумѣніи, не отъ хитрости, но отъ простоты и невѣдѣнія», «доидоша во слухи» самого царя [1]). Нѣтъ основанія не довѣрять этому свидѣтельству о выдающейся роли Епифанія въ рѣшеніи на Москвѣ приняться систематически за великое дѣло книжнаго исправленія, хотя въ извѣстномъ предисловіи къ Служебнику 1655 года на первое мѣсто выдвинута была личность самого Никона [2]).

Въ послѣдующіе годы жизни Епифанія въ Москвѣ имъ или при его ближайшемъ участіи былъ совершенъ рядъ литературныхъ работъ большой важности. Въ 1663 году была напечатана Библія, и хотя отмѣны, произведенныя въ текстѣ этого изданія, не были особенно велики сравнительно съ предшествовавшими острожскимъ (1581) и московскимъ (1653) изданіями этой книги, тѣмъ не менѣе въ общемъ это была весьма значительная работа, произведенная Епифаніемъ. Недостатки ея и причины допущенія ихъ были объяснены самимъ Епифаніемъ въ одномъ изъ предисловій: неимѣніе подъ руками древнихъ греческихъ текстовъ, недостатокъ знающихъ греческій языкъ помощниковъ, тяжелыя внѣшнія обстоятельства («неудобоносимое время, сіе есть настоятельство браней»), мѣшавшія болѣе широкой постановкѣ всего этого дѣла, наконецъ—господствующій предразсудокъ, что греческое благочестіе повреждено и что правильный текстъ заключается въ старыхъ славянскихъ переводахъ; несмотря на все это, нужда въ печатныхъ экземплярахъ Библіи была такъ велика, что болѣе основательная работа отложена была на «прочее время», и изданіе выпущено было спѣшно («вскорѣ») съ готоваго уже Осторожскаго изданія 1581 года [3]). Дѣйствительно, болѣе благопріятное время для подобнаго труда наступило, повидимому, въ 1674 году, когда по во-

---

[1]) Митр. Евгеній. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. Т. I (1827), стр. 178—179.

[2]) Ив. Ротаръ, назв. соч., Кіевская Старина 1900, № 11, стр. 191—199.

[3]) Тамъ же, стр. 208—212.

просу о новомъ переводѣ Библіи былъ созванъ въ Москвѣ соборъ, и на немъ было поручено, какъ говоритъ уже упомянутая современная запись, „преводити Библію всю вновь, Ветхій и Новый Завѣтъ, іеромонаху Епифанію Славинецкому съ книгъ греческихъ самыхъ седмдесятыхъ преведенія, въ Франкфортѣ печатныхъ въ десть лѣта 1597, и съ другихъ въ Лондиніи печатанныхъ лѣта 1600 и иныя изданія лѣта 1587». Однако, это дѣло не было доведено до конца, вслѣдствіе послѣдовавшей черезъ полтора года смерти Епифанія: Ветхій Завѣтъ не былъ и начатъ, а Новый хотя и переведенъ, но начисто не прочтеся и не исправися» [1]). Изъ другихъ работъ Епифанія можно указать здѣсь: «Скрижаль» (1655)—переводный сборникъ, въ самостоятельныхъ приложеніяхъ къ которому Епифаній, путемъ ученыхъ историко-богословскихъ разсужденій, защищалъ предпринятое Никономъ дѣло исправленія книгъ [2]); затѣмъ—творенія Григорія Богослова, Аѳанасія Александрійскаго, Василія Великаго и Іоанна Дамаскина, работа надъ переводомъ которыхъ была начата Епифаніемъ еще въ 1656 году, а въ печати вышла она, въ одной книгѣ, въ 1665 [3]); кромѣ того, подъ его просмотромъ изданы были многія богослужебныя книги, напр. Минея (1660), Канонникъ (1662) и др.

Помимо своихъ книжныхъ занятій, имѣвшихъ по тому времени большое общественное значеніе, Епифаній выступилъ также и въ роли школьнаго наставника—именно въ т. наз. Чудовской школѣ, хотя самое существованіе этой школы, въ настоящемъ смыслѣ слова, и отрицается, напр., проф. Н. Ѳ. Каптеревымъ [4]). Наконецъ, общественныя стремленія Славинецкаго выразились и въ его проповѣднической дѣятельности. Къ сожалѣнію, размѣры этой стороны дѣятельности кіевскаго ученаго инока до сихъ поръ недостаточно разслѣдованы ученой критикой, и напр. „Слово о милости», усвоенное Епифанію, какъ одно изъ лучшихъ проявленій его проповѣднической мысли, по новизнѣ идей, наблюдательности автора и его глубокому интересу къ общественнымъ вопросамъ [5]), оспаривается относительно авторства Епифанія и приписывается ученику его, иноку Евѳимію [6]). Впрочемъ, проповѣдническіе труды Епифанія въ цѣломъ носятъ на себѣ отвлеченный характеръ и, будучи изложены съ большой эрудиціей, слѣдуютъ традиціонной византійской проповѣднической схемѣ; проповѣдника занимаютъ главнымъ образомъ общіе вопросы вѣры и нравственности, а дѣйствительная жизнь московскаго люда XVII вѣка почти не находитъ въ ней себѣ отраженія; въ этомъ отношеніи Епифаній

---

[1]) Словарь историческій, I, стр. 180, 182.

[2]) Ив. Ротаръ, назв. соч., Кіевская Старина 1900, № 11, стр. 199—206.

[3]) Тамъ же, стр. 213—216.

[4]) Ср. у Ив. Ротара, назв. соч., Кіевская Старина 1900, № 12, стр. 383—387.

[5]) В. Пѣвницкій. Епифаній Славинецкій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей русской духовной литературы въ XVII вѣкѣ. Труды Кіевской Духовной Академіи 1861. № 10, стр. 163—171.

[6]) С. Н. Брайловскій. Слово чудовскаго инока Евѳимія о милости (П. Др. П. № CI). Спб. 1894.

сходится со своимъ антагонистомъ Симеономъ Полоцкимъ, съ которымъ онъ также дѣлилъ и борьбу противъ современнаго ему раскола [1]). Умеръ Славинецкій 19 ноября 1675 года.

Общее историческое значеніе Епифанія Славинецкаго заключается въ томъ, что онъ явился въ Москву какъ носитель и, безспорно, выдающійся представитель кіевской учености. Будучи знатокомъ греческаго языка и литературы и сторонникомъ греческаго направленія въ вопросахъ вѣры и просвѣщенія, Епифаній много содѣйствовалъ въ Москвѣ своими трудами и личностью тому, чтобы ничѣмъ неоправдываемое недовѣріе къ грекамъ было разсѣяно по крайней мѣрѣ въ тѣхъ кругахъ московскаго общества, отъ которыхъ зависѣла судьба дальнѣйшаго русскаго просвѣщенія. Направленіе трудовъ Епифанія было по преимуществу филологическое и историко-богословское. Истиннаго научнаго критицизма въ его работахъ, конечно, было немного, но онъ и не былъ еще тогда въ Россіи въ духѣ времени; ученость Епифанія была лишь на уровнѣ той школьной мудрости, которую онъ могъ почерпнуть въ Кіевѣ и за границей, въ кругу интересовъ по преимуществу духовныхъ, среди книгъ почти исключительно богословскаго и филологическаго содержанія.

4.

Димитрій, митрополитъ Ростовскій.—Его жизнь.—Проповѣди.—Четьи-Минеи.—Розыскъ о брынской вѣрѣ.—Драмы.

Димитрій, будущій Ростовскій митрополитъ, родился въ семьѣ казака Саввы Григорьевича Туптала, въ мѣстечкѣ Макаровѣ, верстахъ въ 40 отъ Кіева по Житомірской дорогѣ, въ декабрѣ 1651 года [2]). Окрещенъ онъ былъ Даніиломъ; о дѣтскихъ его годахъ почти ничего не извѣстно. Вскорѣ послѣ рожденія сына, отецъ Даніила переселился съ семействомъ въ Кіевъ; въ это время онъ уже носилъ званіе сотника. Первоначальное обученіе мальчика было домашнее, въ религіозномъ духѣ; потомъ его отдали въ Кіевскую братскую школу, которая въ эту пору много страдала отъ политическихъ перемѣнъ въ судьбѣ самаго Кіева, переходившаго то подъ русскую, то подъ польскую державу. Въ 1665 году училище было даже совершенно разрушено и возобновилось лишь черезъ четыре года, такъ что Даніилъ не могъ окончить въ немъ полнаго курса, дошедши лишь до риторическаго класса. Въ 1668 году Даніилъ, съ раннихъ лѣтъ чув-

---

[1]) В. Пѣвницкій, назв. соч., Тр. К. Д. А. 1861, № 10, стр. 135—154. 154—163. Проповѣди Епифанія доселѣ не напечатаны въ цѣломъ ихъ объемѣ; одна изъ нихъ помѣщена въ соч. С. Н. Брайловскаго: Одинъ изъ пестрыхъ XVII столѣтія. Спб. 1902, стр. 410—414.

[2]) Этотъ годъ своего рожденія называетъ самъ Димитрій въ своемъ «Діаріи»; однако новѣйшій изслѣдователь жизни Д. Ростовскаго склоненъ усматривать тутъ неточность и считаетъ годомъ рожденія Димитрія—1650: М. С. Поповъ. Святитель Димитрій Ростовскій и его труды. Спб. 1910, стр. 4. 13.

ствовавшій наклонность къ созерцательной жизни и ученымъ занятіямъ, поступилъ въ иноки Кіево-Кирилловскаго монастыря и въ томъ же году, 9 іюля, принялъ монашеское постриженіе съ именемъ Димитрія, не имѣя еще и полныхъ 17-ти лѣтъ отъ роду. Въ слѣдующемъ 1669 году онъ получилъ посвященіе въ іеродьяконы, и затѣмъ вплоть до 1775 года мы о его жизни ничего не знаемъ. Въ названномъ году мы видимъ его въ Густынскомъ монастырѣ, близъ города Прилукъ, гдѣ 23 мая онъ посвященъ былъ Черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ въ іеромонахи. Выдающіяся умственныя дарованія Димитрія не могли не получить высокой оцѣнки со стороны Барановича; онъ взялъ его въ Черниговъ въ качествѣ архіепископскаго проповѣдника, и здѣсь Димитрій оставался два года слишкомъ, до 31 іюля 1677 года; къ этому же времени относится и первое его литературное произведеніе, «Руно орошенное», представляющее собою описаніе чудесъ отъ образа Богородицы въ Черниговскомъ Троицко-Ильинскомъ монастырѣ; оно напечатано было въ 1683 году; указаніе Сопикова на изданіе 1680 года до сихъ поръ не нашло себѣ фактическаго подтвержденія [1]). Съ этого времени слава Димитрія, какъ проповѣдника, стала быстро расти; онъ пользуется обращаемыми къ нему съ разныхъ сторонъ приглашеніями проповѣдничества и игуменства; живетъ въ Вильнѣ, Слуцкѣ, Батуринѣ, оставаясь вездѣ недолго. Въ 1684 году, вызванный новымъ (послѣ Иннокентія Гизеля) намѣстникомъ Кіево-Печерской лавры Варлаамомъ Ясинскимъ, Димитрій переселился въ Кіево-Печерскую Лавру. Сюда влекла его въ особенности возможность отдаться ученымъ трудамъ, и здѣсь онъ полагаетъ основаніе своимъ Четьимъ-Минеямъ, первоначальная мысль о которыхъ принадлежала еще Петру Могилѣ, занимала потомъ Гизеля и, наконецъ, Ясинскаго, которому и посчастливилось найти въ лицѣ Димитрія вполнѣ подходящую для этой цѣли силу. Онъ принялся за работу въ самый же годъ переселенія своего въ лавру и повелъ дѣло настолько энергично, что уже въ 1689 году лавра могла приступить къ печатанію первой четверти этого колоссальнаго труда (за сентябрь—ноябрь). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ въ лаврѣ официальнымъ проповѣдникомъ, и въ томъ же 1689 году самъ намѣстникъ отдаетъ ему въ этомъ отношеніи полную честь. Работая надъ второй четвертью Четьихъ-Миней, Димитрій получилъ приглашеніе отъ новаго Черниговскаго архіепископа Өеодосія Углицкаго управлять монастыремъ Петра и Павла, на что онъ и согласился, но вскорѣ затѣмъ, въ 1697 году, избранъ былъ игуменомъ Кіево-Кирилловскаго монастыря, мѣста своего постриженія, откуда переведенъ былъ архимандритомъ сначала Елецкаго и далѣе Спаскаго Новгородъ-Сѣверскаго монастыря. Всѣ эти перемѣны однако же не отрывали Димитрія ни отъ его проповѣдничества, ни отъ труда надъ Минеями. Начало новаго столѣтія совпало съ важнымъ поворотомъ въ жизни Димитрія, не оставлявшаго до сихъ поръ своего родного юга и знакомой обстановки: въ мартѣ 1701 года онъ былъ назначенъ Сибирскимъ

---

[1]) И. А. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). Спб. 1891, стр. 19.

митрополитомъ и первоначально отправился въ Москву, но тутъ захворалъ и, боясь вреднаго вліянія суроваго сибирскаго климата на свое слабое здоровье, не поѣхалъ на мѣсто назначенія; въ 1702 году онъ былъ сдѣланъ митрополитомъ Ростовскимъ и прибылъ въ Ростовъ 1 марта этого года. Ростовское служеніе было послѣднимъ этапомъ въ жизни Димитрія и вмѣстѣ съ тѣмъ поприщемъ чрезвычайно усиленной и разносторонней его дѣятельности, какъ проповѣдника, писателя и администратора. По церковнымъ дѣламъ своей епархіи Димитрію не разъ приходилось бывать въ Москвѣ, и эти поѣздки, приводившія его въ соприкосновеніе съ старомосковской политической партіей, недовольной Петромъ, немало содѣйствовали опредѣленію и собственныхъ политическихъ симпатій Димитрія въ консервативномъ духѣ; затѣмъ, много времени посвятилъ Димитрій ознакомленію и борьбѣ съ расколомъ, получившимъ въ Ростовской землѣ значительное распространеніе. Глубоко преданный идеѣ просвѣщенія, Димитрій ревностно содѣйствовалъ въ Ростовѣ заведенію училищъ, проповѣдывалъ и занимался учеными трудами. Здѣсь онъ и скончался 28 октября 1709 года, 58 лѣтъ отъ роду.

Литературная дѣятельность Димитрія Ростовскаго была весьма разнообразна; она выразилась въ проповѣдничествѣ, историческихъ трудахъ, церковной полемикѣ и въ области собственно-литературной.

На проповѣдничество самъ Димитрій смотрѣлъ какъ на свою главную обязанность. Въ письмѣ къ Ѳ. Поликарпову, отъ 8 ноября 1708 г., онъ писалъ: «моему сану надлежитъ слово Божіе проповѣдати не только языкомъ, но и пишущею рукою: то мое званіе, то моя должность» [1]); и въ болѣе ранніе годы онъ съ большимъ усердіемъ занимался проповѣдничествомъ. Самой ранней изъ дошедшихъ до насъ проповѣдей Димитрія является слово, произнесенное 24 февраля 1685 года въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ годичную память погребенія Иннокентія Гизеля; оно цѣликомъ построено по схоластическому образцу, въ духѣ проповѣдническихъ трудовъ Голятовскаго и Радивиловскаго [2]). И въ дальнѣйшіе годы своей жизни, на югѣ, Димитрій держался той же проповѣднической манеры. Мало касаясь реальныхъ вопросовъ жизни, онъ развивалъ въ своихъ ученыхъ проповѣдяхъ главнымъ образомъ общее наставленіе—стремиться къ осуществленію въ возможной полнотѣ христіанскаго идеала, который онъ понималъ хотя и отвлеченно, но далеко не аскетически; мысль о покаяніи является излюбленной проповѣднической идеей Димитрія. Съ переселеніемъ на сѣверо-востокъ, Димитрій поддается ближайшему воздѣйствію внѣшней жизни, и эта перемѣна получаетъ немедленно свое выраженіе въ его проповѣдяхъ, сказанныхъ въ Москвѣ и въ Ростовѣ, хотя и тутъ указанія на дѣйствительность облечены большею частью въ общую форму. Во время Шведской войны, въ 1701 году, онъ произноситъ, будучи въ Москвѣ, рядъ проповѣдей, въ которыхъ указываетъ на необходимость испытаній, трудовъ и на силу молитвы; военныя неудачи приписываетъ грѣхамъ

---

[1]) Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. М. 1849, стр. 63.

[2]) Шляпкинъ, назв. соч., стр. 43—45.

народнымъ и рекомендуетъ царю высоту въ смиреніи и обладаніе своими страстями. Въ послѣдніе годы жизни святителя его критическое отношеніе къ царю растетъ: въ одной изъ проповѣдей, говоря о царѣ вообще, онъ очевидно, имѣя въ виду Петра—указываетъ на гнѣвъ и любострастіе, какъ главные его пороки; въ другой весьма прозрачно жалуется на опасность пострадать отъ него всякому, кто пожелалъ бы говорить «праведную истину и истинную правду»; въ третьей проповѣдникъ, съ явнымъ намекомъ на современность и по поводу разрѣшенія въ войскахъ отъ поста (1708), изображаетъ пиръ царя Ирода, на которомъ первыя мѣста занимаютъ Венусъ, Бахусъ и Арей, т. е. «прелюбодѣйство, пьянство и безчеловѣчіе или человѣкоубійство» [1]). Кромѣ царя, обличеніямъ проповѣдника подвергнуты боярская гордость и немилосердіе къ низшимъ, обманы среди купцовъ, небреженіе къ своимъ обязанностямъ духовенства и разнаго рода грубые обычаи среди простого народа: кулачные бои, святочныя игрища, хороводы и болтовня. Нельзя сказать, чтобы въ цѣломъ проповѣди Димитрія, обильно снабженныя схоластическимъ багажомъ, отличались доступною для всѣхъ простотою. Это сознавалъ и самъ проповѣдникъ, и въ послѣдніе годы своей дѣятельности нерѣдко вспоминалъ о необходимости сдѣлать ихъ болѣе близкими пониманію народной массы. Такъ, въ словѣ о Богородицѣ (5 апрѣля 1701) онъ говоритъ: «Кончу убо слово мое. Мню же, яко не всякъ памятствовати будетъ реченнаго мною, развѣ кто книжный: простые же и безкнижные человѣцы безъ пользы отъидутъ. Скажу убо и тѣмъ нѣчто памяти достойное...», и далѣе дѣйствительно говоритъ болѣе простыми словами, резюмируя уже сказанное ранѣе; то же самое можно видѣть и въ проповѣди 19 августа 1701 года, произнесенной въ Донскомъ монастырѣ [2]). Какъ на цѣльный примѣръ, сравнительно рѣдкой впрочемъ, безыскуственности Димитрія въ области проповѣди, можно указать на его поученіе въ память великомученика Евстаѳія Плакиды. Здѣсь проповѣдникъ выясняетъ евангельскую притчу о «царствіи небесномъ» и изображаетъ, какимъ образомъ «сокровище» этого царствія, побывавъ въ разныхъ слояхъ жизни, остановилось въ концѣ концовъ «на селѣ» [3]): передъ слушателемъ проходятъ тутъ яркія картины современнаго проповѣднику русскаго быта.

Къ области церковной полемики долженъ быть причисленъ знаменитый трактатъ Димитрія «Розыскъ о раскольничьей брынской вѣрѣ», написанный въ 1708—1709 годахъ, но напечатанный лишь гораздо позднѣе (М. 1745), а до того времени обращавшійся среди читателей въ рукописныхъ спискахъ. Сочиненіе это направлено противъ раскольниковъ, и содержаніе его видно изъ самаго заглавія: «Розыскъ о раскольничьей брынской вѣрѣ, о ученіи ихъ, о дѣлахъ ихъ и изъявленіе, яко вѣра ихъ неправа, ученіе ихъ душевредно и дѣла ихъ не богоугодна». Источниками автору служили многія произведенія переводной и оригинальной древнерусской литературы: раскольничьи сочиненія (напр., прот. Аввакума и

[1]) Шляпкинъ, назв. соч., стр. 284—289. 393—394.

[2]) Тамъ же, стр. 290—291.

[3]) Сочиненія Димитрія Ростовскаго. Ч. IV. М. 1786, л. 31 об.—33.

его ученика Ерофея), обличенія ихъ со стороны православныхъ (Юрія Крижанича, сибирскаго митрополита Игнатія и др.), сочиненія Максима Грека, Требникъ, Служебникъ, Книга о вѣрѣ (М. 1648), Стоглавъ и т. п., наконецъ—устныя донесенія и собственныя наблюденія Димитрія. «Розыскъ» очень богатъ фактическимъ матеріаломъ о раскольникахъ и въ этомъ отношеніи далеко оставляетъ за собою какъ «Жезлъ правленія» Симеона Полоцкаго (М. 1668), такъ и «Увѣтъ Духовный» патріарха Іоакима (М. 1682); тутъ впервые ясно разграничены разнообразныя раскольничьи секты, поповщинскія и безпоповщинскія. Авторъ смотритъ на расколъ исключительно какъ на плодъ невѣжества, не усматривая въ немъ никакихъ психологическихъ или соціальныхъ элементовъ. Какъ видно изъ обращенія «къ благоразумному читателю» въ началѣ книги, она предназначалась авторомъ для широкаго круга читателей, «самыхъ препростыхъ людей, силы писанія святаго не вѣдущихъ, имъже и простая бесѣда едва внятна бываетъ». Сообразно съ этимъ, изложеніе отличается значительной простотой. Напр., въ характерной статьѣ «Разсмотрѣніе, въ небрадобритіи есть ли спасеніе» (Ч. II, гл. 19) авторъ въ такихъ выраженіяхъ вооружается противъ этого обычая раскольниковъ, возведеннаго ими тогда почти въ догматъ: «Душу потеряти беззаконіемъ ничто же есть, браду же потеряти грѣхъ великъ есть. Браду многими рублями окупити, душу же за денежку во адъ продати готовы, и тако стала у нихъ борода выше души». Затѣмъ, онъ продолжаетъ иронизировать такимъ образомъ: «Поистинѣ таковымъ подобаетъ нарицатися бородіане паче, неже христіане. Ни душа бо, ни Христосъ у нихъ въ толикомъ почитаніи, во еликомъ брада ихъ. Идетъ воръ на воровство, на татбу, на разбой, забывъ Христа, забывъ и душу свою, и не радитъ о томъ, а о брадѣ ему радѣніе велико... Та спасетъ, та въ царство небесное введетъ, та предъ Богомъ оправдитъ, а безъ нея невозможно спастися. О, крайняго безумія безумныхъ!» Въ общемъ книга отличается спокойнымъ тономъ и даже значительнымъ безпристрастіемъ въ сужденіяхъ о раскольникахъ (см., напр., 1 гл. III части).

Самымъ обширнымъ изъ литературныхъ трудовъ Димитрія являются его Четьи-Минеи. Онъ посвятилъ имъ болѣе 20 лѣтъ своей жизни. Какъ уже упомянуто (стр. 276), начало работъ надъ Четьи-Минеями относится къ 1684 году, а въ 1689 году была напечатана въ Кіевѣ первая ихъ четверть; вторая четверть (декабрь—февраль) вышла въ 1695, третья (мартъ—май) въ 1700 и четвертая (іюнь—августъ) въ 1705. Многія послѣдовавшія затѣмъ изданія этого труда въ XVIII и XIX вв. указываютъ на то, что сочиненіе это было отвѣтомъ на дѣйствительную потребность читателей и въ значительной степени ей удовлетворяло. Содержаніе Четьихъ-Миней Димитрія составляютъ расположенныя по порядку мѣсяцеслова житія святыхъ, къ которымъ присоединены соотвѣтственныя поучительныя слова и отдѣльныя историческія разсужденія при началѣ и концѣ каждой четверти года (напр., на тему «о календарѣ эллино-римскомъ древнѣйшемъ»). При составленіи своего труда Димитрій пользовался многими церковно-историческими сочиненіями на греческомъ и латинскомъ языкахъ, имѣлъ въ рукахъ «Vitae Sanctorum» Сурія (Surius), а съ 1693 года и «Acta Sanctorum» болландистовъ; главнѣй-

шее же значеніе имѣли для него Четьи-Минеи митр. Макарія, пользованіе которыми сопряжено было для Димитрія съ большими затрудненіями: ихъ приходилось доставать изъ Москвы, причемъ московскій патріархъ Іоакимъ, въ силу общаго нерасположенія московской духовной власти къ малороссамъ, чинилъ въ этомъ дѣлѣ Димитрію существенныя препятствія [1]). Переѣзды съ мѣста на мѣсто, административныя обязанности и другіе труды Димитрія также создавали по временамъ неблагопріятную обстановку для совершенія этого труда, окончаніе котораго потребовало со стороны автора особенной настойчивости и энергіи. Неудивительно поэтому, что, съ радостью окончивъ свой трудъ, Димитрій отмѣтилъ это молитвой Симеона-Богопріимца: «нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко...» [2]). На значеніе этого труда для современниковъ Димитрія указываетъ, между прочимъ, то, что свѣдѣнія объ его выходѣ въ свѣтъ заносились въ лѣтопись, напр., Величкп [3]). Желая еще далѣе пойти на встрѣчу народной потребности, вызвавшей Четьи-Минеи, Димитрій предпринялъ сокращенное изложеніе того же матеріала. Это былъ «Мартирологъ или мученикословіе, житія святыхъ по мѣсяцехъ и числахъ вкратцѣ собранныя въ себѣ содержащее». Какъ объясняетъ авторъ, онъ хотѣлъ этимъ трудомъ прійти на помощь тѣмъ людямъ, которые, нуждаясь въ благочестивомъ и назидательномъ чтеніи, не могутъ пріобрѣсти дорогое изданіе пространныхъ Четьихъ-Миней или не имѣютъ времени, по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, читать подробныя жизнеописанія, или, наконецъ, желаютъ имѣть возможность хотя бы краткаго молитвеннаго обращенія ко всѣмъ святымъ, чего нѣтъ въ обширныхъ Четьихъ-Минеяхъ. Однако трудъ этотъ, начатый Димитріемъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ въ 1700 году, вѣроятно по недостатку времени, не былъ имъ доведенъ до конца.

Наконецъ, Димитрію Ростовскому приписывается и сочиненіе нѣсколькихъ драматическихъ произведеній. Вопросъ этотъ и до настоящаго времени не поддается точному разрѣшенію. Еще Н. И. Новиковъ въ въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря» (1772) отмѣтилъ четыре «комедіи стихами», принадлежащія перу Димитрія: «Рождество Христово», «Грѣшникъ кающійся», «Успенская» и «Дмитріевская» [4]). Затѣмъ, митр. Евгеній въ «Словарѣ историческомъ духовныхъ писателей» называетъ шесть такихъ «драмъ въ стихахъ»: «Грѣшникъ кающійся», «Успенская драма», «Дмитріевская драма», «Есѳирь и Агасферъ», «Рождество Христово» и «Воскреніе Христово», при чемъ прибавляетъ, что драмы эти писаны Димитріемъ «еще въ Малороссіи, гдѣ драматическія представленія въ его время были въ частомъ употребленіи и въ уваженіи какъ у духовныхъ, такъ и у свѣтскихъ; но потомъ онѣ играны бывали у него и въ Ростовѣ» [5]).

---

[1]) Шляпкинъ, назв. соч., стр. 180—182.

[2]) Тамъ же, стр. 374.

[3]) Тамъ же, стр. 265.

[4]) П. А. Ефремовъ. Матеріалы для исторіи русской литературы. Спб. 1867, стр. 32.

[5]) Т. I, изд. 2, стр. 133—134.

Н. С. Тихонравовъ въ перечнѣ театральнаго репертуара 1672—1725 годовъ внесъ, подъ рубрикой «конца XVII вѣка», названія всѣхъ шести пьесъ съ именемъ Димитрія, согласно указанію митр. Евгенія, отнесшись съ недовѣріемъ лишь къ одной изъ нихъ—«Есѳирь и Агасферъ» [1]). Долгое время не было извѣстно текста ни одной изъ названныхъ пьесъ, и лишь въ 1862 году впервые Тихонравовъ напечаталъ въ IV т. «Лѣтописей русской литературы и древности» «Рождественскую драму» (перепечатано потомъ въ «Русскихъ драматическихъ произведеніяхъ» I, 339—399); затѣмъ, въ самое послѣднее время М. Н. Сперанскій опубликовалъ текстъ «Успенской драмы» въ «Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей Росс. при М. У-тѣ» 1907, кн. 3, отд. 2. Остальныя пьесы и до сихъ поръ извѣстны лишь по названію. Что касается «Рождественской драмы», то П. О. Морозовъ въ своей «Исторіи русскаго театра» [2]) не отвергаетъ связи ея съ именемъ Димитрія, но весьма рѣшительно ограничиваетъ въ этомъ случаѣ его авторскую самостоятельность: онъ считаетъ эту пьесу передѣлкой или, быть можетъ, переводомъ польскаго школьнаго дѣйства, текстъ котораго намъ неизвѣстенъ, при чемъ полагаетъ весьма вѣроятнымъ, что она обработана была Димитріемъ въ Ростовѣ и назначалась для представленія въ школѣ, устроенной святителемъ при мѣстномъ архіерейскомъ домѣ, наконецъ—что пьеса была представлена въ присутствіи самого автора. Другой изслѣдователь, И. А. Шляпкинъ [3]), совершенно отвергаетъ авторство Димитрія относительно этого произведенія, ссылаясь на заключительныя слова пролога, въ которыхъ дѣйствующія лица призываютъ на себя благословеніе «архіерея», т. е. самого Димитрія. Конечно, этотъ доводъ, хотя его принимаетъ и Н. И. Петровъ [4]), самъ по себѣ не имѣетъ большой убѣдительной силы, и вопросъ о принадлежности, въ томъ или другомъ видѣ, «Рождественской драмы» перу Димитрія остается открытымъ, за недостаткомъ положительныхъ указаній въ текстѣ и другихъ свидѣтельствъ. То же самое въ сущности приходится сказать и объ «Успенской драмѣ», хотя проф. Сперанскій и считаетъ принадлежность ея Димитрію Ростовскому несомнѣнной и даже полагаетъ возможнымъ допустить, что найденный имъ, единственный доселѣ извѣстный, списокъ этой драмы представляетъ собою автографъ Димитрія [5]).

Вотъ содержаніе этихъ пьесъ, связь которыхъ съ именемъ Димитрія Ростовскаго во всякомъ случаѣ не лишена извѣстной доли вѣроятности.

«Рождественская драма» состоитъ изъ 18 «явленій», которымъ предшествуетъ антипрологъ, затѣмъ прологъ, а за послѣднимъ явленіемъ—эпилогъ. Въ «антипрологѣ» выводится на сцену «Натура людская», мрачно настроенная. Ее утѣшаютъ своими рѣчами другія аллегорическія фигуры—«Омыльная надежда», «Вѣкъ златый», «Покой», «Любовь», «Кротость», «Не-

[1]) Русская драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. Т. I, стр. XLIV.

[2]) Т. I, стр. 94—95.

[3]) Назв. соч., стр. 343.

[4]) Тр. К. Д. А. 1909, № 10, стр. 265—266.

[5]) Назв. соч., стр. III—VI.

злобіе» и др., слова которыхъ отчасти достигаютъ своей цѣли; но затѣмъ на сцену являются «Разсужденіе», «Желѣзный вѣкъ», «Брань», «Ненависть», «Ярость», «Злоба», и своими рѣчами приводятъ «Натуру» въ прежнее пессимистическое состояніе. Далѣе начинается самое дѣйствіе. Въ 1 явл. бесѣдуютъ между собою Земля и Небо, при чемъ опять первая жалуется на свое мрачное существованіе, а второе ее утѣшаетъ. Въ 2 явл. представлена ночь передъ Рождествомъ и пастухи въ полѣ. Это едва ли не самая живая сцена во всей пьесѣ:

Пастырь Борисъ. Государи мои свѣты! Здорово ли живете?
Вы на семъ мѣстѣ собраны подавно сѣдѣте.
Не видѣли моихъ товарищъ, идущихъ
Въ городъ или зъ города кошели несущихъ?
Одинъ уже и пристаръ, маленько горбатый,
Кривъ на глазъ, имя ему Аврамъ сторожатый;
Другой молодъ, именемъ Аѳоня названный,
Въ старомъ шубіонку, что намъ въ подпасочки данный.
Пошли въ городъ для хлѣба на ужину купити,
А мене оставили овечекъ хранити.
Замѣшкали; а уже нощь темна приходитъ,
А на мене одного страхъ великъ находитъ.
Я, бросивъ и овечки, пошелъ ихъ искати.
Въ городъ далеко, страшно; здѣ ихъ буду ждати.
Ой, Аврамъ, Аврамъ! То же зайшолъ на кружало!
Когда ему какое тамъ лихо не стало.

Пастырь Аврамъ. Борисе, чего ты здѣсь, а овцы покинулъ?

Борисъ. А ты для чего, въ городъ пошедши, загинулъ?
Пришелъ вечеръ, я овцы загналъ во ограду,
А самъ уже пошелъ былъ васъ искать ко граду.
Кое васъ тамъ такъ долго лихо удержало?

Аврамъ. Не покручинься, братецъ: зайшолъ на кружало,
За алтынецъ винишка и съ парнишкомъ испивъ.

Борисъ. Отъ вѣдь я догадался! А мнѣ то не купивъ?

Аврамъ. Никакъ, купилъ и тебѣ: какъ вѣдь не купить?
Малецъ, вынь ми съ кошеля. Не зволишь ли испить?

Борисъ. Нутко сядьте жъ и сами, по разу напьемся.
Хлѣба купилъ ли?

Аѳоня. Есть.

Борисъ. Гораздо подкрѣпимся.

Аѳоня. Вотъ тебѣ хлѣбъ, вотъ тебѣ соль, вотъ и калачи!
Кушай, старичокъ, здоровъ, а на насъ не ворчи.

Аврамъ. Да кушаймо же поскоряя, пока идти къ стаду.
Чтобъ иногда какой волкъ не влѣзъ во ограду.

Въ это время слышится пѣніе ангеловъ:

Аврамъ. Што, братъ? Гдѣ же такъ етакъ поютъ хорошонько?
Еще я такъ не слыхалъ. Ты слышишь, Аѳонько?

Аѳоня. Я вже слышу и вижу, ей, птичка высоко.
Смотрите. Едбакъ ваше не досмотритъ око:
Ты старъ, ты на глазъ хромъ. Вотъ, въ гору смотрите!
Борисъ и Аврамъ. Е! е! е! видимъ, видимъ.
Аѳоня. А что, правда птичка?
Аврамъ. Братъ! кажется, робятка стоятъ не величка?
Аѳоня. Сударп, и кто видалъ ребята съ крылами?
Птицы то залетѣли межи облаками:
Етакъ бы хорошонько робята не пѣли.
Смотри, смотри: не видно, вотъ и полетѣли.
Борисъ. Летѣте же здоровеньки, а мы поседѣмо;
Маленько покушавши, къ овечкамъ идѣмо.
Аврамъ. Когда̀ бъ же такъ надъ стадомъ нашимъ всю нощь пѣли.
То бы мы, ихъ слушаючи, спати не хотѣли.
Аѳоня! ты учися на дудки играти,
Чтобы мы не хотѣли да и ты дремати.

Въ 3 и 4 явл. изображается поклоненіе пастуховъ родившемуся Спасителю, при чемъ каждый изъ нихъ говоритъ привѣтственную рѣчь. Въ 5 явл. представлено «любопытство звѣздочетское», удивляющееся появленію новой звѣзды. Слѣдующія явленія, съ 6 по 16, передаютъ исторію отношенія царя Ирода къ новорожденному Христу, его безпокойство, избіеніе младенцевъ, плачъ Рахили, страшную болѣзнь Ирода и его мучительную смерть. Въ двухъ послѣднихъ явленіяхъ, 17 и 18, выведены аллегорическія фигуры «смерти», «жизни», «натуры» и «божіей крѣпости», завершающія своими діалогами религіозно-моральную тенденцію драмы объ окончательномъ преобладаніи жизни надъ смертью [1]).

«Успенская драма» состоитъ изъ двухъ «дѣйствъ», каждое изъ которыхъ заключаетъ въ себѣ по пяти «явленій». Въ первомъ дѣйствіи читатель, или зритель, узнаетъ о смерти Богородицы изъ разсказовъ множества лицъ, между которыми много аллегорическихъ, вродѣ «вѣсти», «плача», «утѣшенія» и т. п.; во второмъ дѣйствіи разработанъ сюжетъ о «грѣшномъ человѣкѣ», раскаявшемся и, благодаря заступничеству Богородицы передъ своимъ Сыномъ, спасенномъ для вѣчной жизни. Весьма вѣроятно, что это второе дѣйствіе «Успенской драмы» и есть та предполагаемая, но до сихъ поръ не отысканная особая пьеса «Грѣшникъ кающійся», которая ставится въ число драматическихъ произведеній Димитрія и содержаніе которой

---

[1]) В. И. Рѣзановъ, разсматривая эту драму въ связи съ подобными же явленіями западно-европейской и польской литературы, приходитъ къ тому выводу, что произведеніе Димитрія Ростовскаго, вполнѣ примыкая къ существовавшей уже традиціи, отступаетъ отъ нея «только въ частностяхъ обработки матеріала» и является отраженіемъ двухъ западно-европейскихъ литературныхъ теченій—средневѣковой рождественской мистеріи и театра іезуитовъ: Изъ исторіи русской драмы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ. М. 1910, стр. 99. 114.

передано было кн. А. А. Шаховскимъ[1]). Если «Рождественская драма», несмотря на обиліе аллегорическихъ фигуръ, заключаетъ въ себѣ все-таки извѣстное конкретное содержаніе, то въ «Успенской драмѣ» послѣдняго чрезвычайно мало: причиной этого былъ самый сюжетъ, представлявшій исключительныя трудности для драматическаго изображенія; немногія историческія лица (Іакова, апостола Ѳомы) не могли дать достаточно матеріала для большого произведенія, и авторъ поневолѣ долженъ былъ прибѣгать главнѣйшимъ образомъ къ аллегоріи и отвлеченностямъ: вотъ почему это произведеніе должно быть въ литературномъ отношеніи поставлено ниже перваго; по своей внѣшней обработкѣ, оба они являются весьма типическими продуктами тогдашней школьной драматической теоріи. Дѣйствительность, конечно, не могла найти себѣ мѣста въ этихъ произведеніяхъ пера Димитрія, но все же и тутъ замѣтно его общее гуманистическое настроеніе, милосердіе къ кающемуся грѣшнику и сочувственное отношеніе къ простому люду [2]).

5.

Порча священныхъ и богослужебныхъ книгъ и обрядовъ.—Первыя попытки ихъ исправленія.—Дѣятельность патріарха Никона.—Возникновеніе раскола.

Литературная и общественная дѣятельность представителей юго-западнаго просвѣщенія была лишь одной стороной того сложнаго историческаго процесса, который переживала московская Русь въ XVII вѣкѣ. Мы уже видѣли, съ какимъ трудомъ проникали въ Москву отдѣльныя проявленія западно-русской науки и просвѣщенія, вродѣ Катехизиса Лаврентія Зизанія, и съ какой подозрительностью встрѣчались вообще эти дѣятели относительно ихъ религіозныхъ воззрѣній; не случайнымъ является и тотъ фактъ, что значительная часть литературной дѣятельности Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго и Димитрія Ростовскаго была посвящена прямой или косвенной борьбѣ съ расколомъ, выросшимъ на той самой почвѣ закоренѣлаго невѣжества и религіозной нетерпимости, которая порождала недовѣріе и вражду къ кіевскимъ пришельцамъ. Намъ уже не разъ приходилось упоминать объ отдѣльныхъ фактахъ изъ области этого то скрытаго, то явнаго противодѣйствія просвѣтительнымъ теченіямъ съ запада, и теперь мы должны обратить свое вниманіе на это теченіе, какъ на самостоятельный факторъ культурной и литературной исторіи Московской Руси, и собрать воедино главнѣйшія относящіяся сюда явленія.

При той исключительной роли, которую играло въ древнее время на Руси религіозное благочестіе и общее церковно-религіозное направленіе жизни, было совершенно естественно, что богослужебныя книги и церковный обрядъ издавна явились важнѣйшей хранительницей самыхъ существенныхъ основъ жизни. Неизмѣнность того и другого представлялась

---

[1]) Лѣтопись русскаго театра, въ «Репертуарѣ русскаго театра», изд. **Песоцкаго**, I (1840), стр. 1: ср. у М. Н. **Сперанскаго**, назв. соч., стр. VII.

[2]) Тр. К. Д. А. 1909 № 10, стр. 268—269.

единственнымъ надежнымъ ручательствомъ ихъ вѣрности. Такъ какъ книги и обряды, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, были взяты изъ Греціи и отъ южныхъ славянъ, то первоначальная охрана ихъ была дѣломъ и обязанностью первыхъ представителей духовенства на Руси изъ грековъ и южнаго славянства. Постепенно однако же то и другое неизбѣжно должно было подвергаться измѣненіямъ и отклоненіямъ отъ первоначальныхъ образцовъ. Книги съ теченіемъ времени ветшали, а новыя возникали лишь путемъ снятія рукописныхъ копій; при отсутствіи школьнаго образованія и невѣжествѣ переписчиковъ, несмотря на всю ихъ тщательность при своей работѣ, въ богослужебныя книги проникло при перепискѣ много неисправностей и ошибокъ, порождавшихъ, въ свою очередь, новые поводы къ порчѣ книжнаго текста. Первыя попытки исправленія богослужебныхъ книгъ были сдѣланы въ XIV вѣкѣ трудами митрополитовъ Алексѣя (1354—1378) и Кипріана (1378—1406). Однако въ XV вѣкѣ это дѣло не имѣло продолженія, и, напротивъ, явились на лицо два обстоятельства, обезцѣнившія въ глазахъ русскихъ людей самый источникъ подобныхъ справокъ и исправленій—греческія книги: это были Ферраро-Флорентійскій соборъ (1438—1439) и паденіе Царьграда (1453); то и другое приведено было въ связь съ потерей греками исконной чистоты ихъ православной вѣры. Съ этого времени единственной хранительницей православія является для русскихъ Москва и вообще восточная Русь; такая точка зрѣнія находила себѣ поддержку и въ общемъ подъемѣ духа на почвѣ политическихъ успѣховъ Москвы къ половинѣ XVI вѣка. Въ виду этого, попытка исправленія богослужебныхъ книгъ, предпринятая, по приглашенію московскаго правительства, Максимомъ Грекомъ въ первой половинѣ XVI вѣка, не имѣла успѣха и навлекла на него рядъ незаслуженныхъ гоненій. Можно сказать, что трагическая судьба этого ученаго человѣка, явившагося на Русь въ качествѣ борца за интересы просвѣщенія, является наилучшей иллюстраціей того невозможнаго положенія вещей, къ которому пришла Московская Русь въ XVI вѣкѣ, потерявшая единственный источникъ просвѣщенія въ лицѣ грековъ, отвернувшаяся въ то же время отъ другого источника на западѣ и замкнувшаяся въ кругу собственнаго невѣжества, самомнѣнія и національной исключительности. Но сила вещей дѣлала свое дѣло; при всемъ своемъ консерватизмѣ, лучшіе люди сознавали необходимость просвѣщенія и въ частности исправленія богослужебныхъ книгъ. Во второй половинѣ XVI вѣка, вскорѣ послѣ осужденія, произнесеннаго надъ древне-русскими церковными порядками Стоглавымъ соборомъ 1551 года, въ Москвѣ была основана типографія, имѣвшая прежде всего цѣлію пріостановить дальнѣйшую порчу богослужебно-книжныхъ текстовъ. Однако на первыхъ порахъ это дѣло потерпѣло неудачу: едва успѣвъ выпустить нѣсколько книгъ, типографія вызвала противъ себя вражду невѣжественныхъ людей и была уничтожена путемъ поджога; немногіе дѣятели этого важнаго предпріятія должны были спасаться изъ Москвы бѣгствомъ. Неудивительно поэтому, что, возобновивъ вскорѣ свою дѣятельность, московская типографія работала въ послѣдующіе годы очень нерѣшительно, не имѣя при себѣ людей, достаточно образованныхъ и способныхъ подвинуть впередъ дѣло книжнаго исправленія.

печатники изъ фамиліи Невѣжиныхъ, въ теченіе сорока лѣтъ заправлявшіе типографіей (1568—1609), выпускали изъ типографіи книги безъ всякихъ исправленій и даже съ новыми ошибками и измѣненіями сомнительнаго характера, вслѣдствіе полнаго отсутствія критическаго отношенія къ текстамъ, служившимъ оригиналами для печати.

Первый опытъ систематическаго исправленія книгъ, обставленный болѣе или менѣе тщательно, относится ко второму десятилѣтію XVII вѣка, послѣ Смутнаго времени, когда по смерти патріарха Гермогена (1612) ему еще не было выбрано преемника. Въ Москвѣ задумали напечатать въ исправленномъ видѣ Требникъ, книгу весьма важную въ церковно-богослужебномъ отношеніи. Дѣло это поручено было архимандриту Троице-Сергіева монастыря Діонисію, въ сотрудники которому даны были старцы Арсеній Глухой, Антоній Крыловъ и священникъ Иванъ Наѣдка. Лица эти выбраны были весьма удачно: они имѣли подъ руками прекрасную монастырскую библіотеку, знали свое дѣло и—главное—очень хорошо понимали необходимость исправленій; однако, считаясь съ установившимся мнѣніемъ объ уклоненіи грековъ отъ истиннаго православія, они опирались почти исключительно на славянскіе тексты, древность которыхъ восходила на «полтораста лѣтъ и больше». Кромѣ Требника, справщики пересмотрѣли Общую и Мѣсячную Минеи, Тріодь, Октоихъ, Псалтырь и Канонникъ. Главнѣйшія ихъ измѣненія касались текста нѣкоторыхъ молитвъ; при этомъ, особенную судьбу имѣло устраненіе ими въ молитвѣ Требника на водосвятіе въ день Богоявленія прибавленныхъ произвольно къ выраженію «Духомъ Твоимъ Святымъ» словъ: «и огнемъ». Когда въ 1618 году созванный для разсмотрѣнія этихъ трудовъ соборъ въ Москвѣ увидѣлъ внесенныя въ исправленныя книги измѣненія, то не только не одобрилъ просвѣщенной дѣятельности троицкихъ справщиковъ, но осудилъ ихъ какъ еретиковъ—между прочимъ и за то, что они «Духа святого не исповѣдуютъ, яко огнь есть». Особеннымъ униженіямъ подвергся глава этого дѣла архимандритъ Діонисій, котораго съ «позоромъ» и побоями приводили на патріаршій дворъ для допросовъ, подвергали пыткѣ и, наконецъ, сослали въ Новоспасскій монастырь для дальнѣйшихъ испытаній: грубая чернь имѣла полную свободу ругаться надъ нимъ и кидать въ него грязью, въ то время какъ Діонисій клалъ подъ открытымъ небомъ на патріаршемъ дворѣ вынужденные земные поклоны. Дѣло это такъ волновало общество, что, по выраженію современника, въ Москвѣ «возста зельная буря, возгорѣлся великъ пламень», и только съ пріѣздомъ въ Москву, въ апрѣлѣ 1619 года, іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, дѣло Діонисія и его сотрудниковъ было пересмотрѣно, и справщики были оправданы. Впрочемъ, злополучная прибавка «и огнемъ» по прежнему держалась въ печатномъ Требникѣ, пока въ 1625 году не послѣдовалъ со стороны патріарха Филарета указъ объ ея уничтоженіи, согласно грамотамъ объ этомъ со стороны восточныхъ патріарховъ. При Филаретѣ были приняты нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы имѣть при печатаніи богослужебныхъ книгъ образованныхъ справщиковъ и особыхъ наблюдателей за этимъ дѣломъ изъ среды столичнаго духовенства: въ числѣ первыхъ были нѣкоторое время оправ-

данные отъ взведенныхъ на нихъ обвиненій Арсеній Глухой и Антоній Крыловъ, а изъ вторыхъ мы знаемъ игумена Богоявленскаго монастыря Илью и Ивана Насѣдку. При послѣдующихъ патріархахъ Іоасафѣ I (1634—1640) и Іосифѣ (1642—1652) дѣло исправленія книгъ велось съ большими колебаніями и, не имѣя подъ собою настоящей научной почвы, продолжало снабжать русскую церковную практику книгами, подвергавшимися лишь частичнымъ и случайнымъ исправленіямъ. Коренную реформу въ это дѣло суждено было внести патріарху Никону (1652—1666).

Рядомъ съ порчей книгъ шло и искаженіе церковныхъ обрядовъ, имѣвшее подъ собою ту же почву невѣжества и вѣры въ формальную святость преданія, которое въ дѣйствительности вытекало лишь изъ вѣками наслоившихся случаевъ непониманія истиннаго смысла церковной обрядности. Церковные обряды, полученные изъ Греціи, съ теченіемъ времени такъ видоизмѣнились, что ко второй половинѣ XVI вѣка, когда они занесены были въ церковно-богослужебныя книги московской печати, на нихъ также обращено было вниманіе въ смыслѣ ихъ уклоненія отъ древнихъ обрядовъ греческой церкви. Такъ получилось хожденіе въ церковныхъ кругохожденіяхъ по солнцу, или такъ называемое «посолоніе», тогда какъ первоначальный обычай указывалъ на хожденіе противъ солнца: въ Требникѣ 1602 года этотъ обрядъ хожденія «посолонь» былъ закрѣпленъ относительно чина вѣнчанія, а въ изданіи той же книги 1623 года относительно чина освященія церкви; затѣмъ—«сугубая аллилуія», т. е. двоеніе этого возгласа вмѣсто древняго греческаго троенія, «двоеперстіе», т. е. обычай творить крестное знаменіе поднятіемъ двухъ перстовъ вверхъ, тогда какъ древнее преданіе указывало на три, и т. п. Особенное значеніе получило это послѣднее отклоненіе, сдѣлавшееся важнѣйшимъ символомъ раскольниковъ въ ихъ фанатической борьбѣ за церковно-обрядовую старину; всей остротой своей этотъ вопросъ также всталъ при патріархѣ Никонѣ.

Никонъ (род. 1605), представляющій собою одну изъ самыхъ крупныхъ фигуръ на фонѣ московской жизни и просвѣщенія въ XVII вѣкѣ, еще до своего патріаршества успѣлъ пріобрѣсти у самого царя и среди московскаго боярства и духовенства значительное вліяніе. Онъ былъ однимъ изъ членовъ кружка, во главѣ котораго стоялъ царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ и который имѣлъ цѣлію внести въ запутанные церковные вопросы того времени извѣстный порядокъ путемъ работы надъ исправленіемъ книгъ и обрядовъ; однако добрыя намѣренія кружка нашли осуществленіе лишь въ дѣятельности одного Никона; другіе же дѣятели этого сообщества или отошли въ сторону отъ предпринятой реформы или даже перешли въ лагерь противниковъ, какъ, напр., знаменитый протопопъ Аввакумъ и Иванъ Нероновъ. Непосредственнымъ толчкомъ дѣлу реформы въ области церковныхъ книгъ и обрядовъ послужилъ пріѣздъ въ началѣ 1649 года въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія, который много бесѣдовалъ съ Никономъ, бывшимъ тогда архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, и «зазиралъ» ему о московскихъ непорядкахъ. Никонъ не только не пошелъ по обычному тогда у московскихъ людей пути недовѣрія къ грекамъ, но заинтересовалъ въ этихъ бесѣдахъ царя и близкихъ къ нему лицъ. Такъ какъ главнѣйшимъ

источникомъ сомнѣній были книги и обряды греческой церкви, то нужно было окончательно удостовѣриться, что представляли собою греки въ этомъ отношеніи, и для этого посланъ былъ въ іюнѣ 1649 года на востокъ Арсеній Сухановъ, который потомъ не одинъ разъ посѣщалъ восточныя земли, бесѣдовалъ съ греками о вѣрѣ («Проскинитарій») и вывезъ значительно количество греческихъ и славянскихъ книгъ, послужившихъ матеріаломъ для книжнаго исправленія; въ то же время, какъ уже было указано, являются въ Москву, съ Епифаніемъ Славинецкимъ во главѣ, кіевскіе ученые, сближеніе съ которыми, при всемъ къ нимъ недовѣріи въ Москвѣ на первое время, несомнѣнно содѣйствовало ревнителямъ церковной реформы въ намѣченной ими цѣли. Избраніе и посвященіе Никона, послѣ кратковременнаго его пребыванія въ санѣ Новгородскаго митрополита, въ патріархи (въ іюлѣ 1652 года) было послѣднимъ звеномъ въ цѣпи подготовительныхъ шаговъ къ дѣлу церковнаго устроенія. Никонъ, опираясь на сочувствіе царя и близкихъ ему лицъ и руководясь непоколебимой увѣренностью въ правильности намѣченной имъ цѣли, сталъ дѣйствовать весьма энергично. Уже въ Псалтыри, оконченной печатаніемъ въ московской типографіи въ февралѣ 1653 г., были выпущены статьи о двоеперстіи и о поклонахъ, при чемъ въ томъ же году патріархъ разослалъ по московскимъ церквамъ «память», въ которой требовалъ, чтобы число поклоновъ при чтеніи молитвы Ефрема Сирина было сокращено, съ замѣною земныхъ поясными, и чтобы крестились тремя перстами вмѣсто двухъ. Это распоряженіе вызвало взрывъ противодѣйствія, и въ рядахъ противниковъ новшествъ Никона выступили прежде другихъ протопопы Иванъ Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логгинъ, коломенскій епископъ Павелъ и нѣкоторые другіе. Такъ началась открытая борьба двухъ теченій, стараго съ новымъ. Факты этой борьбы, составляющіе достояніе исторіи русской церкви, не могутъ найти мѣста въ нашемъ изложеніи. Достаточно здѣсь лишь припомнить, что личная неудача Никона и вынужденное оставленіе имъ патріаршаго престола, вслѣдствіе несогласія съ царемъ, нисколько не повліяли на исходъ предпринятой имъ церковной реформы: въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ при Никонѣ и затѣмъ послѣ него печатный дворъ усердно работалъ въ никоновскомъ направленіи, стремясь внести необходимыя исправленія въ церковныя книги, согласно указаніямъ греческихъ и древнихъ славянскихъ рукописныхъ текстовъ; то же самое касалось и церковныхъ обрядовъ; московскіе соборы 1666—1667 годовъ не только одобрили въ общемъ нововведенія патріарха Никона, но и произнесли свой строгій судъ надъ его противниками, первыми расколоучителями и защитниками явно несостоятельной старины [1]).

Однако протестъ расколоучителей, дѣйствовавшихъ со всей искренностью увлеченія, имѣетъ также свой глубокій историческій интересъ: являясь отраженіемъ цѣлаго міровоззрѣнія, вытекавшаго изъ вѣковыхъ

---

[1]) П. С. Смирновъ. Исторія русскаго раскола старообрядства. Изд. 2. Спб. 1895, стр. 20—73. Вопросъ о церковной реформѣ при патріархѣ Никонѣ и его исторической роли подробно разработанъ въ новѣйшемъ трудѣ проф. Н. Ѳ. Каптерева: Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. I—II. Сергіевъ Посадъ, 1909—1912.

устоевъ и условій русской жизни, этотъ протестъ, въ ходѣ борьбы, съ почвы церковной обрядности переходитъ въ область вопросовъ нравственныхъ и общественныхъ. Конечно, такое расширеніе круга интересовъ въ данной борьбѣ не было со стороны расколоучителей дѣломъ сознательнымъ и намѣреннымъ, но отъ этого самая борьба нисколько не утрачиваетъ въ своемъ историческомъ значеніи. Порожденная ею «раскольничья литература» не ограничилась только хронологическими рамками среднихъ десятилѣтій XVII вѣка; она имѣла очень длинное продолженіе почти вплоть до нашего времени, но въ то время, какъ памятники этой литературы въ XVIII и XIX вв. представляютъ лишь весьма ограниченный интересъ упорнаго отстаиванія явныхъ заблужденій въ церковно-обрядовой области или отзвука сторонних политическихъ теченій, дѣятельность первыхъ расколоучителей, поскольку она выразилась въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ, является органической частью въ сложномъ процессѣ русской жизни переходной эпохи; съ невѣжествомъ и фанатизмомъ противниковъ Никона уходила въ историческое прошлое наша старина, характерныя особенности которой дошли до апогея своего развитія еще въ XVI вѣкѣ и затѣмъ, встрѣтившись въ слѣдующемъ столѣтіи съ новымъ теченіемъ жизни, вступили съ нимъ въ безнадежный бой и, конечно, должны были отступить.

6.

Литературная дѣятельность первыхъ расколоучителей.—Протопопъ Аввакумъ.—Никита Пустосвятъ; попъ Лазарь; Ѳедоръ Ивановъ.—Легендарныя сказанія о патріархѣ Никонѣ.

Въ лицѣ юрьевецкаго протопопа Аввакума расколъ, въ самой начальной стадіи своего существованія, выдвинулъ одну изъ характернѣйшихъ фигуръ русской жизни XVII вѣка—этого «Петра Великаго, только въ обратную сторону», какъ говоритъ о немъ Тихонравовъ, или «священномученика» по признанію раскольниковъ, во всякомъ же случаѣ человѣка огромныхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, выдающейся энергіи воли.

Жизнь Аввакума сложилась далеко не обычно. Родился онъ въ 1620 или 1621 году въ селѣ Григоровѣ (нынѣшней Нижегородской губерніи), гдѣ отецъ его Петръ былъ священникомъ; мать отличалась большой религіозностью. Аввакумъ рано лишился отца, о которомъ сообщаетъ въ своемъ «Житіи» [1]), что онъ «прилежаше питія хмельнаго». Женившись 19 лѣтъ отъ роду на обѣднѣвшей купеческой дочери Анастасіи, которая играла въ последующей трудной жизни Аввакума очень видную роль, являясь для него великой нравственной поддержкой, онъ вскорѣ посвященъ былъ въ дьяконы,

[1]) Это «Житіе», являющееся самымъ важнымъ источникомъ для біографіи Аввакума, напечатано нѣсколько разъ: Н. С. Тихонравовымъ въ «Лѣт. русск. лит. и др.». Т. III (1861), отд. 2, стр. 117—173: Н. Н. Субботинымъ въ «Матеріалахъ для исторіи раскола». Т. V (М. 1879), стр. 1—113; А. К. Бороздинымъ въ книгѣ «Протопопъ Аввакумъ», изд. 2 (1900), прилож. стр. 71—116.

а черезъ два года и въ священники села Лопатицъ той же Нижегородской области; это было въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ XVII вѣка. Уже здѣсь обнаружились главнѣйшія черты суровой натуры и непреклоннаго характера будущаго борца и страдальца. У какой-то вдовы «начальникъ» отнялъ дочь; Аввакумъ заступился и велѣлъ возвратить дочь матери, за что навлекъ на себя ненависть этого сильнаго человѣка: по наущенію дьявола, начальникъ пришелъ въ церковь, «билъ и волочилъ» Аввакума «за ноги по землѣ въ ризахъ»; другой «начальникъ», разсвирѣпѣвъ на Аввакума, отгрызъ у него «у руки персты, яко песъ зубами», и «егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустилъ изъ зубовъ своихъ и, покиня меня, пошелъ въ домъ свой», но потомъ, въ тотъ же день, снова наскочилъ на него, «съ двѣми малыми пищальми», желая застрѣлить Аввакума, однако «пищаль не стрѣлила»; въ концѣ концовъ, этотъ начальникъ отнялъ у Аввакума дворъ и «выбилъ» его «всего ограбя и на дорогу хлѣба не далъ». Такихъ столкновеній было у Аввакума, повидимому, не мало: объ одномъ изъ нихъ, съ воеводой В. П. Шереметевымъ, онъ сообщаетъ характерную подробность, что Аввакумъ не хотѣлъ благословить сына воеводы, «бритобрадца», за что бояринъ, «гораздо осердясь», велѣлъ его бросить въ Волгу, однако Аввакумъ былъ спасенъ. Изъ Лопатицъ Аввакумъ былъ назначенъ протопопомъ въ Юрьевецъ-Поволжскій, но и тамъ его непомѣрная строгость вызвала къ нему вражду паствы въ такой степени, что уже черезъ восемь недѣль попы, мужики и бабы напали на протопопа и «среди улицы били батожьемъ и топтали» его, наконецъ «замертво убили и бросили подъ избной уголъ».

Послѣ этихъ приключеній Аввакуму пришлось бѣжать въ Москву, куда онъ уже не разъ спасался и изъ Лопатицъ. Это было въ 1651—52 году. Здѣсь Аввакумъ вошелъ въ кружокъ царскаго духовника Стефана Вонифатьева, принималъ участіе въ «книжномъ исправленіи» при патріархѣ Іосифѣ, но со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона былъ отъ этого дѣла отстраненъ. Каковы бы ни были причины этого отстраненія, достовѣрно одно, что Аввакумъ сталъ немедленно въ первые ряды враговъ реформаторской дѣятельности новаго патріарха и фанатическихъ защитниковъ старины; заодно съ Аввакумомъ стали противъ Никона Иванъ Нероновъ, Логгинъ, костромской протопопъ Даніилъ. Начались пытки; о себѣ Аввакумъ говоритъ: «посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря, и тутъ на чѣпи кинули въ темную полатку—ушла въ землю: и сидѣлъ три дни, ни ѣлъ, ни пилъ, во тьмѣ сидя, кланяяся на чѣпи, не знаю на востокъ, не знаю—на западъ»; на утро, говоритъ онъ, «журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ Писанія его браню да лаю». Не было недостатка и въ чудесахъ. Къ Аввакуму въ темницѣ являлся нѣкто «не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человѣкъ»; далъ ему «хлѣбца немножко и штецъ похлебать». Съ другими были дѣла еще удивительнѣе: «Логгинъ разжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и чрезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ; распоясался, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ; и чудно: растопоряся рубашка, и покрыла на престолѣ дискосъ, быдто воздухъ». На-

конецъ, Аввакума сослали въ Сибирь съ женою и дѣтьми. Первоначально изгнанникъ поселился въ Тобольскѣ и пользовался сначала расположеніемъ архіепископа, но вскорѣ и тутъ онъ обнаружилъ свой дикій нравъ и фанатическую суровость: нѣкоего дьяка Ивана Струну онъ «постегалъ ремнемъ нарочито», а тѣло боярскаго сына Бекетова, обругавшаго его и архіепископа, велѣлъ «среди улицы собакамъ бросить». Въ Тобольскѣ Аввакумъ оставался недолго; пришелъ указъ ѣхать ему на Лену, а по дорогѣ, въ Енисейскѣ, велѣно было ему отправиться въ Даурію, подъ начальствомъ воеводы Афанасія Пашкова, которому было поручено завладѣть этимъ дикимъ краемъ. Тутъ начались новыя мученія Аввакума—то отъ лишеній среди суровой природы и походнаго быта, то лично отъ Пашкова, который былъ, по отзыву самого Аввакума, «суровъ человѣкъ» и которому будто «съ Москвы отъ Никона приказано было» мучить Аввакума. Трудно было бы перечислить всѣ приключенія Аввакума въ этомъ походѣ, въ которомъ вмѣстѣ съ нимъ терпѣла невѣроятныя, по теперешнимъ понятіямъ, лишенія и его семья; конечно, многое разукрасила тутъ и фантазія экзальтированнаго протопопа. Жизнь съ Пашковымъ продолжалась шесть лѣтъ; «онъ меня мучилъ или я его, не знаю — говоритъ Аввакумъ — Богъ разберетъ въ день вѣка». Аввакуму велѣно было вернуться въ Москву, куда онъ и пріѣхалъ въ 1663 году.

Здѣсь повидимому, настало для Аввакума счастливое время: Никонъ былъ у царя въ немилости, и тайные противники его нововведеній всячески ласкали страдальца за старину; самъ царь выказывалъ къ нему расположеніе. «Яко ангела Божія пріяша мя—разсказываетъ объ этомъ времени самъ Аввакумъ:—Государь и бояра всѣ мнѣ рады. Къ Θеодору Ртищеву зашелъ, онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ мене, и учали говорить съ нимъ много; три дни и три нощи домой меня не отпустилъ и потомъ государю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: здорово ли де, протопопъ, живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ. И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: живъ Господь, жива душа моя, царь-государь, а впередъ—что изволитъ Богъ. Онъ же, миленькой, вздохнулъ да и пошелъ куды надобѣ ему. И иное кое-что было, да что много говорить?» (Матеріалы, V. 59). Однако Аввакумъ сразу же могъ увидѣть, что въ этой ласкавшей его вліятельной средѣ нѣтъ настоящаго сочувствія его воззрѣніямъ; напротивъ, его самого стремились склонить къ принятію «никоніанскихъ новшествъ» и соблазняли даже сдѣлать царскимъ духовникомъ или «посадить на печатномъ дворѣ книги править»; однако протопопъ не пошелъ на это, и въ немъ вновь загорѣлся огонь ревности по старинѣ. Сначала онъ молчалъ, но потомъ «паки заворчалъ, написалъ царю многонько таки, чтобы онъ старое благочестье взыскалъ»; царю это не понравилось, и Аввакума снова отправили въ ссылку на Мезень. Здѣсь протопопъ пробылъ полтора года и въ 1666 году снова былъ привезенъ въ Москву, гдѣ собранъ былъ соборъ для разбора и обличенія раскольничьихъ заблужденій. На обращенныя къ нему увѣщанія отъ «никоніанъ» Аввакумъ «отрицался что отъ бѣсовъ» и «написалъ имъ сказку съ бранью большою»; дѣло кончилось тѣмъ, что Аввакума разстригли и отвезли въ Пафнутьевъ монастырь, гдѣ, «заперши

въ темную палатку, скованна держали годъ безъ мала»; послѣ новыхъ безполезныхъ увѣщаній, въ которыхъ со стороны церковныхъ властей принимали участіе и прибывшіе въ Москву вселенскіе патріархи, и при которыхъ Аввакумъ велъ себя съ обычной рѣзкостью, его отправили, вмѣстѣ съ сообщниками его, попомъ Лазаремъ и дьякомъ Ѳедоромъ, въ 1667 году въ Пустозерскій острогъ на Печорѣ. Здѣсь Лазарю и Ѳедору вырѣзали языки и искалѣчили руки, относительно же Аввакума ограничились заточеніемъ въ земляномъ «срубѣ» на хлѣбъ и на воду. Тутъ пробылъ Аввакумъ цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ, продолжая, сколько это было возможно, уговаривать всѣхъ окружающихъ стоять за старину, а въ 1681 году написалъ письмо царю Ѳедору Алексѣевичу, въ которомъ, между прочимъ, писалъ о «никоніанахъ»: «А что, царь-государь, какъ бы ты мнѣ волю далъ, я бы ихъ, что Илья пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но освятилъ, чаю...» и далѣе поносилъ память царя Алексѣя Михайловича, указывая на бывшее ему, Аввакуму, видѣніе: «въ мукахъ онъ (царь) сидитъ... слышалъ я отъ Спаса: то ему за свою правду». Далѣе правительство уже не сочло нужнымъ терпѣть, и 1 апрѣля 1681 года Аввакумъ былъ сожженъ въ Пустозерскѣ на кострѣ, вмѣстѣ со своими сподвижниками Лазаремъ, Епифаніемъ и Никифоромъ [1]). Такова была жизнь и судьба этого человѣка, вызывающая неподдѣльное удивленіе грубой стойкости его характера и сожалѣніе о томъ, что такая огромная сила духа пошла на защиту темнаго невѣжества и на фанатическую злобу.

Какъ писатель, Аввакумъ является въ ряду первыхъ расколоучителей, безспорно, самымъ замѣчательнымъ. Ему принадлежитъ болѣе сорока сочиненій [2]). Важнѣйшимъ изъ нихъ слѣдуетъ признать его «Житіе»; остальныя сочиненія облечены въ форму посланій къ разнымъ лицамъ и челобитныхъ, богословско-полемическихъ и истолковательныхъ трактатовъ. Что касается «Житія», то, помимо своего высокаго біографическаго значенія, оно имѣетъ большой интересъ и какъ памятникъ литературный; можно сказать даже болѣе: безъ выдѣленія собственно литературнаго элемента невозможно дать правильную оцѣнку этому произведенію и въ смыслѣ біографическаго матеріала, и было бы большой неосторожностью считать фактически достовѣрными всѣ сообщенія Аввакума о немъ самомъ и другихъ лицахъ и событіяхъ.

Самъ Аввакумъ въ началѣ своего «житія» сообщаетъ, что рѣшился написать его по «понужденію» своего духовнаго отца, инока Епифанія, чтобы «дѣло божіе», т. е. борьба за старину въ вопросахъ вѣры, не была предана забвенію. Написанное въ поздніе годы жизни Аввакума, «житіе» представляетъ собою разсказъ о всей этой жизни, кромѣ послѣднихъ событій въ Пустозерскѣ, повлекшихъ за собою казнь Аввакума и его товарищей. Съ внѣшней стороны «житіе» представляетъ произведеніе, законченность котораго признавалъ самъ авторъ: оно имѣетъ довольно пространное введеніе, со ссылками на сочиненія разныхъ отцовъ церкви и

---

[1]) А. К. Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ, стр. 317—318.

[2]) Объ изданіяхъ ихъ см. у Бороздина, стр. VIII—IX, и у С. А. Венгерова: Критико-біограф. словарь, т. I, стр. 32—33.

Св. Писаніе, и оканчивается краткимъ заключеніемъ, въ которомъ высказано пожеланіе, чтобы читатели извлекли себѣ изъ этого труда Аввакума душевную пользу. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Аввакумъ смотрѣлъ на свое сочиненіе именно какъ на «житіе» невиннаго страдальца за вѣру, и эта точка зрѣнія обусловила сходство его произведенія съ житіями святыхъ предшествующаго времени русской письменности не только по формѣ, но и по содержанію. Въ «житіи» Аввакума немало фантастическаго элемента: истинность изображаемаго имъ «дѣла божія» подкрѣпляется многочисленными видѣніями и чудесами, которыя во всякомъ случаѣ способны поставить читателя въ сомнѣніе относительно правдивости сообщаемыхъ тутъ фактовъ. Къ Аввакуму не разъ является въ трудныя минуты на помощь ангелъ; въ него не стрѣляетъ пищаль; за нападеніе на него виновный наказывается внезапной болѣзнью; онъ исцѣляетъ отъ недуговъ, изгоняетъ бѣсовъ; по его молитвѣ разступается покрытое льдомъ озеро. Владѣя, подобно другимъ святымъ подвижникамъ, великой духовной силой, Аввакумъ въ то же время подверженъ и явнымъ искушеніямъ дьявола: однажды на исповѣди, видя передъ собой блудницу, онъ самъ почувствовалъ соблазнъ, «внутрь жегомъ огнемъ блуднымъ», и тогда Аввакумъ возложилъ свою руку на пламя трехъ свѣчей, держа ее въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока «угасло злое разженіе». Полная искренность разсказа Аввакума не можетъ вызывать никакихъ подозрѣній, и остается предполагать, что экзальтированный авторъ самъ вѣрилъ въ дѣйствительность сообщаемыхъ имъ чудесныхъ фактовъ, которые на самомъ дѣлѣ могли быть плодомъ его пылкой фантазіи, нервнаго подъема и вѣры въ свою исключительную миссію. Въ самомъ дѣлѣ, Аввакумъ представленъ въ «житіи» властнымъ пропагаторомъ безусловной истины, которой все должно быть принесено въ жертву; онъ не знаетъ никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью или съ условіями дѣйствительной жизни, его нельзя убѣдить или запугать. Этимъ настроеніемъ опредѣляется и все поведеніе Аввакума въ разныхъ случаяхъ жизни: онъ—защитникъ угнетенныхъ и слабыхъ противъ несправедливости и жестокости сильныхъ (возвращаетъ отнятую начальникомъ у вдовы дочь; заступается за старухъ, которыхъ самодурствующій воевода хочетъ выдать замужъ; стоитъ на сторонѣ казаковъ, терпящихъ въ походѣ нужду, и т. п.), но онъ же обнаруживаетъ евангельскую кротость и снисхожденіе, вызывая этимъ своихъ гонителей на раскаяніе, и даже самъ Пашковъ говорилъ ему: «спаси Богъ! отечески творишь, нашего зла не помнишь»; съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ поступкахъ своихъ Аввакумъ дѣйствуетъ сурово и даже жестоко: онъ бьетъ преданную ему жену и домочадицу, отказываетъ въ помощи ребенку снохи Пашкова, ломаетъ домры у скомороховъ и прогоняетъ ихъ. Главная же энергія Аввакума уходитъ на его борьбу съ «никоніанствомъ», для обличенія котораго онъ не находитъ достаточно сильныхъ выраженій.

Таковымъ представляется намъ Аввакумъ въ его «житіи» по своему міровоззрѣнію, по цѣли и по основному характеру его дѣятельности. Но, кромѣ личности автора, въ этомъ произведеніи выступаетъ и цѣлый рядъ другихъ лицъ и вообще картина русской жизни въ моментъ ожесточенной борьбы стараго порядка съ новымъ въ вопросахъ вѣры и церковнаго про-

свѣдѣнія: передъ нами проходитъ и царь Алексѣй Михайловичъ, и бояринъ Ртищевъ, и воевода Пашковъ, много дѣятелей изъ духовенства, страдальцы-расколоучители, боярыни Морозова, Урусова и Данилова и цѣлый рядъ другихъ лицъ то враждебныхъ Аввакуму, то ему дружественныхъ. Все это изображено чертами живыми и яркими, выражено необыкновенно сильнымъ и образнымъ языкомъ. По мѣстамъ повѣствованіе Аввакума прерывается полемическими или иными отступленіями въ сторону, въ не меньшей степени обрисовывающими передъ читателемъ выдающуюся оригинальность и непосредственность его авторскаго дарованія [1]).

Другія сочиненія Аввакума [2]) представляютъ собою важныя дополнительныя черты для характеристики міровоззрѣнія этого расколоучителя и его сужденій по разнымъ вопросамъ вѣры и благочестія. Во всѣхъ ихъ рѣчь идетъ о преимуществахъ «старой вѣры» надъ новшествами Никона и его послѣдователей, при чемъ по разнымъ поводамъ разсмотрѣно множество крупныхъ и мелкихъ вопросовъ догматическаго и обрядоваго свойства, объ организаціи новообразовавшейся раскольничьей общины и ея отношеній къ церковной и гражданской власти. Изъ отдѣльныхъ теоретическихъ вопросовъ наиболѣе опредѣленно выражено Аввакумомъ ученіе объ «антихристѣ»,—въ томъ смыслѣ, что онъ еще не явился на землю, но есть его предтечи, и одного изъ таковыхъ онъ прямо видѣлъ въ лицѣ патріарха Никона; изъ области практическихъ наставленій ему принадлежатъ важныя указанія касательно безпоповства: самосожженіе Аввакумъ одобрялъ, но лишь въ качествѣ единственнаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ способа избѣжать рукъ противниковъ. Преобладающій характеръ всѣхъ вообще сочиненій Аввакума—полемическій, наиболѣе соотвѣтствовавшій его боевой и агитаторской натурѣ. Аввакуму нельзя отказать въ широкомъ знакомствѣ съ переводной и оригинальной русской богословской литературой, но во многихъ случаяхъ онъ пользуется ею крайне неосторожно, безъ всякой критики и съ явными натяжками. Приводя тексты своихъ источниковъ (Маргаритъ, Палея, Хронографъ, Толковая Псалтырь, Азбуковникъ и т. п.), онъ цитируетъ ихъ большею частію на память и въ такомъ случаѣ передѣлываетъ цитируемый текстъ по своему, сокращая его или пополняя реальными подробностями изъ своихъ личныхъ домысловъ и наблюденій; отсутствіе критическаго отношенія Аввакума къ своимъ литературнымъ источникамъ было причиною и того, что среди нихъ имѣются нѣкоторыя произведенія явно апокрифическаго характера, напримѣръ—«о крестномъ древѣ». Въ исторіи развитія раскольничьяго вѣроученія сочиненія Аввакума представляютъ весьма важную отправную точку: какъ личность этого расколоучителя, такъ и его сочиненія пользовались въ раскольничьей средѣ большой популярностью не только у современниковъ, но и въ послѣдующее время конца XVII и начала XVIII вѣка. Самъ Аввакумъ придавалъ своимъ литературнымъ трудамъ немалое зна-

---

[1]) А. К. Бороздинъ, назв. соч., стр. 300—309.

[2]) См. о нихъ у Бороздина, назв. соч., стр. 108—113. 121—126. 128—1 . 133—134. 147—155. 158—163. 175—188. 196—294. 310—317.

ченіе; многіе изъ нихъ подверглись его собственной переработкѣ; ко многимъ мыслямъ онъ возвращался въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, и, между прочимъ, въ «Житіи» разбросано, въ окончательномъ видѣ, немало указаній, которыя до этого находили себѣ мѣсто въ другихъ его трудахъ. Иныя изъ сочиненій Аввакума, получившія особенную извѣстность, подверглись передѣлкѣ его послѣдователей. Значительная доля силы и вліянія сочиненій Аввакума на читателей объясняется ихъ въ высшей степени оригинальнымъ стилемъ, образностью языка, необыкновенной, иногда очень грубой, энергіей выраженія [1].

Что сочиненія протопопа Аввакума не были лишь выраженіемъ его богатой индивидуальности, а отражали собою общій характеръ событій и настроеній, созданныхъ появленіемъ раскола, это можно легко усмотрѣть изъ сочиненій другихъ расколоучителей второй половины XVII вѣка, дѣйствовавшихъ одновременно и заодно съ Аввакумомъ. Мы ограничимся тутъ лишь краткими замѣчаніями и выдержками въ виду того, что сочиненія эти довольно однородны не только по содержанію и духу, но и по формѣ. Это—большею частію—«челобитныя» и «росписи»: первыя обращены къ царю и заключаютъ въ себѣ обличеніе Никона и призывъ къ болѣе тщательному разбору всего его дѣла, а вторыя представляютъ перечни «грѣховныхъ» нововведеній Никона и его послѣдователей. Суздальскій соборный попъ Никита Добрынинъ, прозванный Пустосвятомъ, написалъ обширную челобитную, въ которой обличалъ изданную по повелѣнію патріарха Никона книгу «Скрижаль» (1656). Начатая вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ этой книги, челобитная писалась довольно долго и только въ 1665 году получила свой, впрочемъ, не вполнѣ законченный, видъ; въ 1666 году эта челобитная, вмѣстѣ съ относящимися къ ней черновыми матеріалами, была отобрана у Никиты въ Суздалѣ и представлена въ Москву ко властямъ. О книгѣ «Скрижаль» Никита говоритъ, что она не согласуется ни съ апостольскими правилами, ни съ постановленіями вселенскихъ соборовъ, что въ ней напечатаны «многіе еретическіе и богохульные слова» и что, будучи разослана по церквамъ и монастырямъ, она произвела повсюду «расколъ и смятеніе»: «Во всемъ, великій государь—пишетъ Никита—въ христоименитой вѣрѣ благочестиваго твоего государства расколъ и непостоянство. И отъ того, великій государь, много христіанскихъ душъ, простой чади, малодушныхъ людей погибаетъ, еже во отчаяніе впали и къ церквамъ божіимъ пооскуду учали ходить, а иніи и не ходятъ и отцовъ духовныхъ не учали имѣть...» Авторъ челобитной, становясь на точку зрѣнія преемственности власти московскаго царя отъ Рима и Византіи, указываетъ ему на тѣ надежды, которыя возлагаются на него православными людьми относительно защиты вѣры: «И вѣдомо тебѣ, великому государю, яко ветхій Римъ падеся

[1]) А. К. Бороздинъ, назв. соч., стр. 294. 318—319. Кромѣ «Житія», ср. выразительныя мѣста въ «Книгѣ всѣмъ горемыкамъ миленькимъ»: Н. Субботинъ, Матеріалы. Т. V, стр. 231—239, и въ «Посланіи къ игумену Сергію»: тамъ же, Т. VIII, стр. 107—112.

Аполлинаріевою ересью, вторый же Римъ, еже есть Константинополь, агарянскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ; твое же государство, россійское великое царство, третій Римъ, и отвсюду все христіанское благочестіе въ него едино собрася и отъ тебе, благочестиваго царя, превеликій Господь господствующихъ и Царь царствующихъ Христосъ Богъ нашъ свой талантъ съ прикупомъ вземлетъ». Авторъ вообще очень охотно прибѣгаетъ къ историческимъ воспоминаніямъ и, совѣтуя царю принять суровыя мѣры противъ Никона, приводитъ рядъ примѣровъ изъ византійской исторіи, когда цари въ извѣстныхъ случаяхъ рѣшительно дѣйствовали, ради спасенія вѣры, противъ самыхъ высокихъ носителей церковной власти [1]). Челобитная Никиты, представлявшая собою весьма полное выраженіе раскольничьихъ мнѣній о церковныхъ дѣлахъ того времени, обратила на себя особое вниманіе правительства. Разсмотрѣніе и опровержепіе ея, какъ и челобитной попа Лазаря, было поручено Паисію Лигариду и Симеону Полоцкому; первая часть труда послѣдняго «Жезлъ правленія» была именно посвящена челобитной Никиты Пустосвята (см. выше, стр. 261); отвѣтъ Паисія остался въ рукописи [2]).

Челобитная упомянутаго романо-борисоглѣбскаго попа Лазаря, обличенію которой посвящена вторая часть труда Симеона Полоцкаго, также представляется небезынтереснымъ явленіемъ раскольничьей литературы. Въ седьмой главѣ своего труда Лазарь даетъ слѣдующую характерную «роспись вкратцѣ» новшествъ, внесенныхъ «никоніанами» въ богослужебные обряды и церковный бытъ: «первое—святый престолъ, второе—антиминсы, третіе—амбонъ, четвертое—посохъ, пятое—крестъ на просвирахъ, шестое—шапку..., седьмое—камилавку, осмое—клобукъ, девятое—попагію другую накладываютъ, десятое—благославляютъ обѣма рукама, первоенадесять—у мантей сдѣланы колокольцы; у святыхъ отецъ отначала и до днесь колокольцовъ не бывало, были таковы жъ колокольцы у плясовыхъ кобылокъ да у сучекъ, а не въ церквѣ...; второенадесять—попы скуоей не носятъ и подьяки и пѣвчіе власовъ не постригаютъ, и се нечестиво есть». Однимъ изъ средствъ разрѣшить трудность положенія, въ которое встала русская церковь вслѣдствіе новшествъ Никона, Лазарь рекомендуетъ обѣимъ сторонамъ выйти «на общую правду, на божію судьбу», т. е. «на огонь»—«во извѣщеніе истины, и да явлено будетъ благочестіе отецъ твоихъ и отымется всяко сомнѣніе отъ душъ благочестивыхъ» [3]).

Наконецъ, изъ первыхъ расколоучителей заслуживаетъ упоминанія, какъ писатель, также и дьяконъ Благовѣщенскаго собора Өеодоръ Ивановъ. Ему принадлежитъ немало сочиненій: «Письмо собору россійскихъ архипастырей» (на допросѣ 11 мая 1666 года), «Челобитная царю» (1666), «Сказаніе объ Аввакумѣ, Лазарѣ и Епифаніи», «Посланіе

---

[1]) Н. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола, т. IV (М. 1886), стр. 2. 157. 159. 162.

[2]) Н. Субботинъ. Матеріалы, т. IV, предисл., стр. XIII—XIV.

[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 233—236.

ко всѣмъ православнымъ о антихристѣ» и друг. Характерной чертой этого расколоучителя является нѣкоторое критическое отношеніе къ тому букводѣдству, которому въ толкованіи разныхъ вопросовъ вѣры были подвержены даже самые даровитые изъ раскольниковъ той эпохи, «много приплетавшіе» къ истинѣ «по неразумію ложное мудрованіе»: съ этой точки зрѣнія Ивановъ выражаетъ свое несогласіе даже съ Аввакумомъ, которому онъ «зазиралъ много» въ его «неправоразсудіи». Также въ противоположность Аввакуму, Ивановъ стоитъ за болѣе мирные способы разрѣшенія возникшаго спора между сторонниками новизны и старины [1]). Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Ивановъ сообщаетъ легендарный разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни царя Алексѣя Михайловича: во время похода противъ Соловецкаго монастыря царь вдругъ началъ молиться соловецкимъ преподобно-мученикамъ и на вопросы окружающихъ отвѣтилъ: «приходятъ ко мнѣ старцы соловецкаго монастыря и растираютъ вся кости моя и составы тѣла моего пилами намелко, и не быти мнѣ живу отъ нихъ»; по ихъ требованію онъ послалъ гонца прекратить осаду, но было уже поздно, и царскій посланный встрѣтился на пути съ вѣстникомъ конечнаго разоренія обители: «царь потомъ скоро скончался недобрѣ; и по смерти его той же часъ гной злосмрадный изыде изъ него всѣми тѣлесными чувствы, и затыкающе хлопчатою бумагою, и едва возмогоша погребсти его въ землю» [2]).

Раскольничья литература далеко не ограничивается указанными и другими однородными съ ними проявленіями авторства болѣе или менѣе извѣстныхъ дѣятелей и участниковъ борьбы съ нововведеніями патріарха Никона. Рядомъ съ ними возникаютъ, на той же почвѣ вражды къ Никону и религіознаго недомыслія, разнаго рода фантастическіе разсказы о самомъ Никонѣ, имѣющіе цѣлію представить его какъ служителя дьявола и предтечу самого антихриста. Таковы, напр., разсказы, помѣщенные въ извѣстномъ «Житіи» инока Корнилія и въ раскольничьей «Повѣсти о рожденіи и воспитаніи и о житіи и кончинѣ Никона, бывшаго патріарха Московскаго и всея Россіи»; имъ придана форма достовѣрныхъ сообщеній разныхъ старцевъ и иноковъ, имѣвшихъ возможность близко наблюдать Никона. Такъ, старецъ Елеазаръ Анзерскій, въ скиту котораго нѣкогда жилъ Никонъ, разсказывалъ братіи, что онъ видѣлъ около шеи Никона, совершавшаго литургію, «змѣя черна и зѣло велика оплетшася»; другой старецъ, Чудова монастыря, по имени Симеонъ, видѣлъ однажды ночью пестраго и страшнаго змія, который, «обогнувся около Грановитыя палаты, яже въ Кремлѣ, и ужасную свою лютымъ ядомъ дышущую главу и грозно пригибающійся ошибъ вложивъ на краѣ твоя палаты, лежаше»: потомъ оказалось, что именно въ это время въ Грановитой палатѣ Никонъ, еще будучи митрополитомъ, бесѣдовалъ съ царемъ, а «о чемъ разглагольство ихъ было, о томъ молчаніемъ покрыся» [3]). Въ

---

[1]) Тамъ же, т. VI (М. 1881), стр. 127—128. 131.

[2]) Тамъ же, т. VI, стр. 219—220.

[3]) **Бороздинъ**, назв. соч., стр. 104—105.

одной статьѣ послѣдовательно передаются, одинъ за другимъ, три разсказа (нѣкоего «христіанина Дмитрія, жительствомъ съ Волги», келаря старца Кирика и старца Андреяна) о томъ, какъ авторы ихъ то видѣли Никона «отъ множества бѣсовъ почитаема и любезно лобзаема», то нашли въ бархатныхъ туфляхъ патріарха вышитый или вылитый изъ тонкаго серебра образъ Богородицы и «крестъ тричастный», которые этотъ «врагъ Божій», «волкъ, хищникъ и богоотметникъ», «змій лукавый на патріаршествѣ», «предотеча антихристовъ» топталъ своей ногою [1]); въ другой подобной статьѣ разсказывается о томъ, какъ душа Никона послѣ его смерти бесѣдовала съ сатаной, который называлъ Никона сыномъ своимъ возлюбленнымъ [2]).

7.

Историческія сказанія о смутномъ времени.—Труды Ѳедора Грибоѣдова.

Особое мѣсто въ кругу литературныхъ явленій XVII вѣка занимаютъ многочисленныя сказанія о событіяхъ смутнаго времени. Хотя главный интересъ этихъ произведеній заключается въ оцѣнкѣ ихъ какъ историческаго источника, однако и въ собственно литературномъ отношеніи они не должны быть оставлены безъ вниманія по личностямъ авторовъ, по литературнымъ пріемамъ и по общему настроенію, проникающему эти опыты историческаго повѣствованія переходной эпохи. Заслуга обстоятельнаго изслѣдованія этихъ памятниковъ съ историографической точки зрѣнія и самаго опубликованія многихъ изъ нихъ, до того времени находившихся въ рукописяхъ, принадлежитъ проф. С. Ѳ. Платонову [3]). Сочиненія эти, написанныя то во время самой смуты, закончившейся восшествіемъ на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, то по живымъ слѣдамъ этихъ событій, то, наконецъ, въ значительномъ отдаленіи отъ нихъ, относятся главнымъ образомъ къ первой и лишь отчасти ко второй половинѣ XVII вѣка. Изъ первой категоріи, выдающееся положеніе занимаютъ: т. наз. «Иное сказаніе», начатое въ 1606 году и затѣмъ подвергавшееся переработкѣ и дополненіямъ вплоть до половины XVII в.; написанная патріархомъ Іовомъ «Повѣсть о честнѣмъ житіи царя Ѳеодора Ивановича»; «Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ», составленная какимъ-то москвичомъ около 1610—1611 годовъ; «Плачъ о плѣненіи и конечномъ разореніи превысокаго и пресвѣтлѣйшаго москов-

[1]) Перетцъ, В. Н. Изъ исторіи старинной русской повѣсти. Кіевскія Университетскія Извѣстія 1908 № 8, прибавл., стр. 2—7. Ср. того же автора: Слухи и толки о патріархѣ Никонѣ въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII вв. Изв. II Отд. Ак. Н. 1900 № 1, стр. 123—190.

[2]) Отчеты о засѣданіяхъ Имп. Общ. Люб. Др. Письм. въ 1898—99 году. Спб. 1900, стр. 21—22.

[3]) Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Спб. 1888.—Памятники древней русской письменности, относящіеся къ смутному времени. (Русская Историческая Библіотека, издаваемая Археографическою Коммиссіей. Т. XIII). Спб. 1891.

скаго государства» (1612); два сказанія о чудесныхъ видѣніяхъ 1611 года' нижегородскомъ и владимірскомъ. Къ нѣсколько болѣе позднимъ произведеніямъ относятся: Временникъ дьяка Ивана Тимофеева (1616—1617); Сказаніе келаря Авраамія Палицына, оконченное имъ въ 1620 году; труды князей И. А. Хворостинина, И. М. Катырева-Ростовскаго и С. И. Шаховского, написанные въ 20-хъ годахъ XVII вѣка; такъ называемая «Рукопись патріарха Филарета», составленная въ 1626—1633 годахъ, и друг. Наконецъ, къ третьей категоріи принадлежатъ многочисленныя произведенія то въ формѣ біографій, то компилятивные разсказы на основаніи болѣе раннихъ сочиненій, вродѣ «Исторіи о первомъ Іовѣ, патріархѣ Московскомъ» (не ранѣе 1652) или извѣстной «Повѣсти о разореніи Московскаго государства и всея Россійскія земли» (1654).

Въ качествѣ историческаго источника для изученія смутнаго времени названный изслѣдователь ставитъ эти произведенія очень невысоко. «Изъ произведеній раннихъ ни одно не можетъ быть названо трудомъ историческимъ или лѣтописнымъ; ни въ одномъ современная наука не можетъ найти безхитростнаго изображенія фактовъ на память грядущимъ поколѣніямъ; если же и находится въ какомъ-нибудь памятникѣ подобное изображеніе, то оно далеко не всегда построено на личныхъ наблюденіяхъ автора». Удовлетворительнѣе въ смыслѣ объективнаго изложенія событій болѣе позднія произведенія, но и въ нихъ «объективность изложенія не всегда можетъ быть ручательствомъ точности и искренности ихъ показаній»: мѣсто «публицистическихъ выходокъ» заняло тутъ стремленіе авторовъ «придать своимъ трудамъ форму цѣльнаго повѣствованія, со всѣми условностями литературныхъ пріемовъ своего времени» [1]). Тѣмъ болѣе интересными представляются эти произведенія въ историко-литературномъ отношеніи. Основнымъ стремленіемъ большинства авторовъ этихъ произведеній была красота изложенія, понимавшаяся ими въ смыслѣ витіеватости и риторизма, «добрословія» и «плетенія словесъ» агіографической литературы XIV—XV вѣковъ. Подъ перомъ этихъ авторовъ безслѣдно исчезали живыя черты интереснѣйшей современности и замѣнялись тщательно отдѣланными общими фразами, изъ которыхъ извлечь почти ничего нельзя, кромѣ знакомства съ литературными навыками самихъ писателей. «Преобладаніе литературныхъ требованій надъ собственно историческими задачами объясняетъ странную на первый взглядъ привычку писателей-очевидцевъ смуты опираться въ своихъ трудахъ не на личную память, а на источники», хотя пользованіе этими «источниками» обыкновенно сводилось лишь на буквальную ихъ передачу, не только безъ всякой критики, но и безъ какихъ-либо фактическихъ дополненій [2]). Рядомъ съ этимъ собственно литературнымъ элементомъ, въ названныхъ произведеніяхъ наблюдаются и агіографическія тенденціи: о царевичѣ Димитріи, о патріархѣ Іовѣ пишется въ формѣ житійной; даже преданіе о подвигѣ Минина записано Симеономъ Азарьинымъ въ его «Книгѣ о чудесахъ пре-

[1]) С. Платоновъ. Древнерусскія сказанія и повѣсти, стр. 345—346.

[2]) Тамъ же, стр. 346—347.

подобнаго Сергія среди именно чудесъ этого святого подвижника. Однако можно думать, что въ извѣстныхъ случаяхъ эти агіографическіе пріемы могутъ быть сведены на тѣ же чисто литературныя стремленія. Наконецъ, въ высокой степени интереснымъ для историка литературы является присутствіе въ этихъ произведеніяхъ элементовъ народно-поэтическаго творчества. Именно къ XVII в. относится поворотъ народно-поэтическихъ интересовъ отъ миоа къ исторіи, предметомъ народнаго пѣснотворчества являются современныя событія: какъ разъ къ эпохѣ смутнаго времени относятся записи народныхъ пѣсенъ, сдѣланныя въ 1618—1620 годахъ въ Москвѣ англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ. Особенно характернымъ въ этомъ отношеніи представляется «Сказаніе о рожденіи князя М. В. Скопина», насквозь проникнутое народно-поэтическими элементами: оно состоитъ въ сущности изъ записанной авторомъ народной былины о смерти Скопина и присоединеннаго къ ней собственнаго разсказа объ его погребеніи. Явные слѣды вліянія народно-поэтическаго творчества носитъ на себѣ и «Повѣсть» князя И. М. Катырева-Ростовскаго, составленная въ 1626 году: на это указываютъ «внѣшній строй изложенія съ обиліемъ эпитетовъ, съ повтореніемъ излюбленныхъ фразъ и съ наклонностью къ риомѣ; картины природы, къ которымъ авторъ такъ же внимателенъ, какъ и къ былевымъ подробностямъ; длинныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ; чисто эпическая объективность отношенія и къ друзьямъ, и къ врагамъ» [1]). Эти же самыя тенденціи литературнаго, агіографическаго и народно-поэтическаго происхожденія оказали свое вліяніе не только на фактическое содержаніе произведеній, посвященныхъ смутѣ, но и на выраженное въ нихъ общее настроеніе и взгляды; смута вообще объяснялась исключительно съ религіозной точки зрѣнія: «ее считали наказаніемъ русскихъ людей за грѣхи, а въ счастливомъ ея исходѣ видѣли Божью милость, бывшую наградой за раскаяніе и обращеніе къ Богу и правдѣ» [2]).

Указанныя особенности сказаній о смутномъ времени XVII вѣка дѣлаютъ очевиднымъ то обстоятельство, что авторы ихъ въ своихъ литературныхъ пріемахъ чужды были какихъ-либо вліяній юго-западной схоластической школы, хотя болѣе позднія изъ этихъ произведеній, судя по времени ихъ возникновенія, имѣли уже возможность испытать на себѣ такое вліяніе; напротивъ, въ нихъ ясна связь съ преданіями литературы XV—XVI столѣтій, что дѣлаетъ особенно цѣнными эти произведенія, какъ свидѣтельство совершенно самостоятельной струи въ ходѣ московской письменности XVII вѣка, рядомъ съ другимъ теченіемъ, шедшимъ, какъ мы уже видѣли, изъ Кіева. На нѣкоторыхъ повѣстяхъ смутнаго времени можно наблюдать даже ясные слѣды вліянія извѣстныхъ литературныхъ образцовъ XV—XVI вв., напр. Повѣсти о Царьградѣ, Казанской Исторіи, лѣтописей [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 347—348.

[2]) Тамъ же, стр. 350.

[3]) А. С. Орловъ. О нѣкоторыхъ особенностяхъ стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII в. Изв. II Отд. Ак. Н., XIII. 1908, кн. 4, стр. 368—375.

Для характеристики литературныхъ пріемовъ этихъ произведеній можно указать, въ качествѣ примѣровъ, на витіеватое начало «Плача о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства»: «Откуду начнемъ плакати, увы, толикаго паденія преславныя ясносіяющія превеликія Россіи? которымъ началомъ воздвигнемъ пучину слезъ рыданія нашего и стонанія? О, коликихъ бѣдъ и горестей сподобилося видѣти око наше!...» и т. д. [1]). Въ томъ же смыслѣ представляетъ интересъ и обширное вступленіе къ «Временнику» дьяка Ивана Тимофеева [2]). Очень многія детали интересны въ «Повѣсти» князя И. М. Катырева-Ростовскаго: «укоры и поносы» самозванцу, вмѣстѣ съ похвалой царевнѣ Ксеніи, затѣмъ укоры царю Борису Годунову [3]); портреты царей Ивана Грознаго, Өеодора, Бориса Годунова, его сына Өеодора и дочери Ксеніи, Самозванца и Василія Шуйскаго [4]); описаніе природы и пробуждающейся весны передъ приходомъ самозванца [5]); наконецъ—стихи, которыми заканчивается повѣствованіе: «Начало виршемъ, мятежнымъ вещемъ, ихъ же разумно прочитаемъ и слагателя книги сей потомъ уразумѣваемъ. Изложенна бысть сія лѣтописная книга о похожденіи Чудовскаго мниха...» и т. д. [6]).

Ко второй половинѣ XVII вѣка относится и «Исторія о царяхъ и великихъ князьяхъ земли русской», составленная московскимъ дьякомъ Өедоромъ Грибоѣдовымъ. Трудъ этотъ извѣстенъ по многимъ спискамъ XVII и XVIII вв., но изданъ былъ лишь въ недавнее время [7]). Грибоѣдовъ написалъ свое произведеніе въ концѣ 60-хъ годовъ XVII вѣка и уже въ февралѣ 1669 года получилъ за свой трудъ награду отъ царя Алексѣя Михайловича. «Исторія» представляетъ собою краткое изложеніе событій русской исторіи, начиная съ Рюрика, причемъ главное вниманіе автора было сосредоточено на историко-генеалогическихъ данныхъ: это была преимущественно исторія государей въ ихъ династическомъ преемствѣ вплоть до царя Өеодора Алексѣевича, что, очевидно, уже было прибавлено однимъ изъ редакторовъ труда Грибоѣдова, послѣ смерти послѣдняго, случившейся лѣтомъ 1673 года. Независимо отъ этого чисто хронологическаго дополненія, первоначальная редакція «Исторіи», вышедшая изъ-подъ пера автора, была пополнена и въ другихъ отношеніяхъ: получилъ большее развитіе разсказъ о происхожденіи Рюриковой династіи отъ Августа; рядомъ съ именами старшихъ и великихъ князей введены имена младшихъ и удѣльныхъ; распространенъ разсказъ о смутномъ вре-

---

[1]) Памятники, стр. 219—221.

[2]) Тамъ же, стр. 261—266.

[3]) Тамъ же, стр. 579—580.

[4]) Тамъ же, стр. 619—622.

[5]) Тамъ же, стр. 588—589.

[6]) Тамъ же, стр. 622—624.

[7]) Өедора Грибоѣдова Исторія о царяхъ и великихъ князьяхъ земли русской. По списку С.-Петербургской Духовной Академіи, № 306. Сообщеніе С. Ө. Платонова и В. В. Майкова. (Пам. Др. Письм. CXXI). Спб. 1896.

мени и о возникновеніи новой династіи. Разсказъ «Исторіи» Грибоѣдова отличается краткостью. Источниками его были Степенная Книга, Хронографъ такъ называемой второй редакціи, Сказаніе Авраамія Палицына о смутномъ времени и нѣкоторые официальные документы, напр. «Соборное изложеніе» патріарха Ѳеофана, найденное авторомъ въ Кормчей 1653 г. Отъ себя Грибоѣдовъ почти ничего не вноситъ, предпочитая оставаться компиляторомъ избранныхъ имъ пособій. По мнѣнію проф. Платонова, запасъ историческихъ свѣдѣній въ «Исторіи» Грибоѣдова, по своей незначительности, «не могъ выдерживать сравненія не только съ лѣтописями, но и съ краткими «лѣтописцами», пошедшими въ ходъ въ XVII вѣкѣ», «для историческаго чтенія и справокъ трудъ Грибоѣдова не годился и могъ служить лишь для первоначальнаго, элементарнаго, ознакомленія съ судьбами великаго княженія Русскаго и царства Московскаго»; это обстоятельство заставляетъ названнаго изслѣдователя предположить, что «Исторія» Грибоѣдова была составлена «для руководства государевыхъ дѣтей въ ихъ первомъ знакомствѣ съ исторіей родины и ихъ царской семьи»[1]). Для исторіи литературы трудъ Грибоѣдова интересенъ не столько своимъ фактическимъ содержаніемъ, сколько общимъ отношеніемъ автора къ своей задачѣ. «Живя во второй половинѣ XVII вѣка, авторъ смотритъ на дѣйствительность съ высоты тѣхъ фикцій, которыя еще въ XVII вѣкѣ образовали теорію о «третьемъ Римѣ» и ко времени Грибоѣдова уже успѣли значительно обветшать послѣ вѣкового употребленія. И однако за ними еще остается официальная позиція: накапунѣ своего паденія эти фикціи объ Августѣ и Прусѣ, о царскихъ утваряхъ и царскомъ вѣнчаніи Мономаха ложатся въ основу книжки Грибоѣдова, составленной для государя и взятой во дворецъ для назиданія государевыхъ дѣтей»[2]). Въ трудѣ Ѳедора Грибоѣдова мы видимъ опять фактъ независимаго теченія въ московской литературѣ XVII вѣка, продолжающаго традиціи старой эпохи въ выборѣ источниковъ, въ пользованіи ими и въ основной политической тенденціи, получившей свое окончательное развитіе еще въ первой половинѣ XVI вѣка. Но эти тенденціи уже доживали свой вѣкъ; на другой годъ послѣ смерти Грибоѣдова вышелъ изъ печати (К. 1674) «Синопсисъ» Иннокентія Гизеля, составленный въ духѣ новыхъ требованій, шедшихъ съ юго-запада, и, какъ уже было указано (стр. 210), именно этой книгѣ суждено было получить самое широкое распространеніе среди русскихъ читателей вплоть до самаго конца переходнаго періода нашей литературы.

8.

Г. К. Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ.

Особое положеніе среди литературныхъ явленій XVII вѣка занимаетъ знаменитый трудъ Котошихина. Это сочиненіе, посвященное описанію Московскаго государства и быта въ половинѣ XVII вѣка, скорѣе

---

[1]) Предисловіе къ назв. изд., стр. XI.

[2]) Тамъ же, стр. XV.

всего можетъ быть отнесено къ области мемуаровъ, съ преобладаніемъ въ нихъ описательнаго характера надъ повѣствовательнымъ. Небольшіе экскурсы Котошихина въ недалекое прошлое, изложенные главнымъ образомъ на начальныхъ страницахъ его труда, дали поводъ спеціальному изслѣдователю [1]) признать въ немъ «плохого историка»; однако тотъ же критикъ очень высоко ставитъ его какъ мемуариста, котораго «показанія о современности представляютъ огромную историческую цѣнность» [2]).

Впрочемъ, значеніе труда Котошихина, какъ историческаго источника, уже давно оцѣнено по достоинству; но онъ является далеко не безынтереснымъ и въ собственно литературномъ отношеніи, принадлежа такому писателю коренного московскаго происхожденія второй половины XVII в., который, не примыкая къ западнымъ теченіямъ русской литературы своей эпохи, усвоилъ однако же на современную ему московскую дѣйствительность довольно отрицательный взглядъ и выразилъ этотъ взглядъ въ своемъ сочиненіи. Судьба самого Котошихина, какъ и его сочиненія, были довольно необычны.

Григорій Карповичъ Котошихинъ родился около 1630 года, въ семьѣ незначительнаго служилаго человѣка. Съ юныхъ лѣтъ онъ отданъ былъ на службу въ Посольскій приказъ, сначала будучи писцомъ, а потомъ повышенный въ подъячіе. Служба эта была вмѣстѣ съ тѣмъ и единственной школой даровитаго отъ природы мальчика, получившаго дома лишь весьма скудные запасы грамотности. Около 1658 года опытность Котошихина, какъ подъячаго, настолько оцѣнена была московскимъ правительствомъ, что онъ назначенъ былъ состоять при русскомъ посольствѣ во время переговоровъ о мирѣ послѣ оконченной со шведами войны: онъ присутствовалъ при переговорахъ со шведскими уполномоченными въ деревнѣ Валлисари (близъ Нарвы), гдѣ заключено было 20-го декабря 1658 года перемиріе, и затѣмъ участвовалъ въ дальнѣйшихъ переговорахъ о «вѣчномъ мирѣ», вплоть до заключенія между Швеціей и Россіей Кардисскаго мира 21 іюня 1661 года. Послѣ этого Котошихинъ вернулся въ Москву. Въ сентябрѣ 1661 года Котошихинъ ѣздилъ, по дипломатическому порученію, связанному съ ратификаціей мира, въ Стокгольмъ, гдѣ встрѣтилъ очень хорошій пріемъ и могъ ознакомиться со шведскими порядками и жизнью, которыхъ впослѣдствіи онъ былъ большимъ поклонникомъ. Къ 1663 году относится позорный для Котошихина фактъ его измѣны родинѣ: за хорошее денежное вознагражденіе онъ, оставаясь на службѣ въ приказѣ, согласился быть шведскимъ шпіономъ и имѣлъ тѣсныя сношенія съ шведскимъ агентомъ Эберсомъ при переговорахъ о денежныхъ претензіяхъ между обоими государствами послѣ заключенія мира. Дѣло это было сдѣлано столь незамѣтно, что Котошихинъ не только могъ оставаться на службѣ, но и получалъ новыя и важныя порученія отъ московскаго правительства, напр. для переговоровъ подъ

---

[1]) Маркевичъ, А. И. Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка. Одесса, 1895, стр. 102.

[2]) Тамъ же, стр. 104.

Смоленскомъ во время военныхъ дѣйствій съ Польшей. Изъ этой посылки Котошихинъ уже болѣе не вернулся въ Москву, а убѣжалъ въ Польшу и затѣмъ въ Пруссію. Прошеніе къ шведскому королю о покровительствѣ было лишь естественнымъ послѣдствіемъ этихъ сдѣланныхъ Котошихинымъ опасныхъ шаговъ; просьба была уважена, и Котошихинъ, въ сопровожденіи шведскаго курьера, былъ доставленъ въ Стокгольмъ 5 февраля 1666 года. Однако въ Швеціи ему пришлось жить недолго. Первое время онъ посвятилъ на составленіе своего труда о московскомъ государствѣ, задуманнаго, вѣроятно, еще въ Россіи и если не заказаннаго шведскимъ правительствомъ, какъ это предполагаетъ А. И. Маркевичъ [1]), то во всякомъ случаѣ предназначеннаго именно для шведскихъ читателей. Поселившись въ домѣ нѣкоего Даніила Анастасіуса, служившаго въ шведскомъ государственномъ архивѣ, Котошихинъ 25 августа 1667 года, во время происшедшей ссоры, смертельно ранилъ своего хозяина; наказаніемъ Котошихину была смертная казнь, приведенная въ исполненіе въ Стокгольмѣ въ ноябрѣ того же 1667 года. Незадолго передъ смертью, уже сидя въ тюрьмѣ, Котошихинъ принялъ лютеранскую вѣру.

Сочиненіе свое написалъ Котошихинъ въ 1666—1667 годахъ и вскорѣ же, въ 1669 году, съ него сдѣланъ былъ въ Стокгольмѣ шведскій переводъ, переданный въ стокгольмскій государственный архивъ. Подлинникъ труда Котошихина попалъ въ частныя руки и оказался затѣмъ у извѣстнаго шведскаго ученаго конца XVII вѣка Спарвенфельдта, послѣ котораго эта рукопись, со всѣми другими книгами и рукописями этого ученаго, перешла въ библіотеку Упсальскаго университета, гдѣ она находится и въ настоящее время. Первое время послѣ написанія, трудъ Котошихина пользовался въ шведскихъ ученыхъ кругахъ нѣкоторой извѣстностью: о немъ, напр., упоминается въ сочиненіи Николая Бергіуса «De statu ecclesiae et religionis moscoviticae» (Stokh. 1704), но затѣмъ о Котошихинѣ и его сочиненіи въ Швеціи забыли, и лишь болѣе чѣмъ чрезъ сто лѣтъ память его была воскрешена научными интересами, шедшими изъ Россіи. Незадолго до 1837 года А. И. Тургеневъ видѣлъ въ Упсалѣ подлинную рукопись Котошихина; въ 1838 году профессоръ Гельсингфорсскаго университета С. В. Соловьевъ, командированный въ Швецію для обозрѣнія библіотекъ и архивовъ, сообщилъ Археографической Коммиссіи въ Петербургѣ о находящемся въ Стокгольмѣ шведскомъ переводѣ труда Котошихина (или, какъ онъ иначе назывался, Александра Селицкаго, принявъ этотъ псевдонимъ во время своихъ странствій по оставленіи родины), а вскорѣ затѣмъ и объ отысканной имъ въ Упсалѣ подлинной рукописи Котошихина. На эту важную находку немедленно обращено было должное вниманіе, и уже въ 1840 году вышло первое изданіе труда Котошихина (впрочемъ, съ неправильно прочитанной Соловьевымъ его фамиліей: Кошихинъ), подъ редакціей Я. Бередникова, который и придумалъ для него заглавіе: «О Россіи въ царствованіе Але-

[1]) Назв. соч., стр. 39.

ксѣя Михайловича». Въ послѣдующіе годы вышло въ свѣтъ три новыхъ изданія этого труда (1859, 1884, 1906), а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и научная литература о Котошихинѣ и его сочиненіи [1]).

Трудъ Котошихина не лишенъ извѣстнаго плана и изложенъ въ тринадцати главахъ: въ I гл. говорится о царской семьѣ, при чемъ авторъ отчасти оглядывается и на прошлое, говоря объ Иванѣ Грозномъ, Ѳеодорѣ Ивановичѣ, Борисѣ Годуновѣ, самозванцахъ и о царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; II гл. посвящена служилому сословію разныхъ степеней; затѣмъ слѣдующія три главы (III, IV и V) имѣютъ въ виду дипломатическія отношенія Россіи (дипломатическіе акты и посольства къ иностраннымъ государямъ и отъ нихъ къ московскому царю); дальнѣйшія три главы (VI, VII и VIII) даютъ свѣдѣнія о московскомъ управленіи—дворцовомъ, центральномъ и областномъ; еще три главы (IX, X и XI) говорятъ о разныхъ классахъ населенія, кромѣ служилаго: военномъ, торговомъ и крестьянскомъ; небольшая XII глава, какъ бы нарушая принятый порядокъ, даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о торговлѣ, и, наконецъ, въ XIII-ой мы находимъ обширныя данныя о московскомъ бытѣ и нравахъ.

Здѣсь нѣтъ необходимости говорить о цѣнности труда Котошихина какъ историческаго источника; критическая разработка этого вопроса не вполнѣ закончена [2]). Литературное же значеніе этого сочиненія основывается главнымъ образомъ на тѣхъ его чертахъ, въ которыхъ авторъ даетъ очеркъ быта царской семьи въ частности и московскаго люда вообще, т. е. въ I и XIII главахъ [3]). Однако и тутъ Котошихинъ является передъ нами лишь простымъ наблюдателемъ, далекимъ отъ какихъ-либо обобщеній. Сдѣлать эти обобщенія онъ предоставляетъ читателю и даетъ для нихъ вполнѣ достаточный матеріалъ, способный раскрыть господствующее настроеніе Котошихина и его общій взглядъ на государственную и бытовую стороны московской жизни. Это настроеніе, проникающее сочиненіе Котошихина и составляющее его основную идею, явно неблагопріятно для окружавшей его московской обстановки. Въ разныхъ мѣстахъ сочиненія Котошихина не трудно найти этому доказательства. Онъ упоминаетъ, что «московскихъ людей натура не богобоязливая» [4]); «Россійскаго государства люди породою своею спѣсивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спѣсивства и безстыдства и ненависти и неправды; и ненаученіемъ своимъ говорятъ многіе рѣчи къ противности, или скоростію своею къ подвижности, а потомъ въ тѣхъ своихъ словахъ времянемъ запрутся и превращаютъ на иныя мысли»; къ этому авторъ прибавляетъ, что московскіе люди «для науки и обычая въ иные государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи и вольность благую, начали бъ

---

[1]) См. о ней въ трудѣ А. И Маркевича, стр. 65—69.

[2]) Тамъ же, стр. 181.

[3]) По 4 изд. (1906), стр. 8—22. 147—158.

[4]) Стр. 21.

свою вѣру отмѣнять, а приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домомъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили»[1]). Цѣнность этихъ замѣчаній немало теряетъ, конечно, отъ того, что самъ авторъ ихъ не обнаружилъ достаточной привязанности ни къ своей родинѣ, ни къ отцовской вѣрѣ. О женщинахъ говорится у него такъ: «Московскаго государства женской полъ грамотѣ неучены, и не обычай тому есть, а природнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры не смышлены и стыдливы, понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и, опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ и они людей видѣти не могутъ—и потому мочно дознаться, отъ чего бы имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ»[2]). Извѣстный разсказъ о свадебныхъ московскихъ обычаяхъ, въ которомъ отмѣчено много отрицательнаго и заслуживающаго порицанія, авторъ оканчиваетъ такимъ обращеніемъ къ «благоразумному читателю»: «Не удивляйся сему; истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такова на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ»[3]). Нельзя не согласиться съ высказаннымъ уже мнѣніемъ, что «всѣ подобныя мѣста не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Котошихинъ писалъ свое сочиненіе проникнутый убѣжденіемъ въ превосходствѣ западно-европейской культуры предъ московской»[4]).

Языкъ, которымъ написано сочиненіе Котошихина, сравнительно правильный и чистый, безъ большого количества иностранныхъ словъ; его стиль можетъ быть признанъ типическимъ образцомъ офиціальнаго стиля XVII вѣка, господствовавшаго въ московскихъ приказахъ и разнаго рода дѣловыхъ сочиненіяхъ той эпохи: онъ отличается своеобразной выразительностью и точностью.

9.

Литературныя теченія съ запада.—Посредничество Сербіи и Далмаціи.—Роль Чехіи и Польши.—Польское литературное вліяніе и его характеръ.

Политическія невзгоды и религіозная борьба не поглотили собою ни всей писательской энергіи русскихъ XVII вѣка, ни любознательности читателей. При всѣхъ несовершенствахъ школьнаго дѣла, число грамотныхъ людей возрастало, потребность въ чтеніи увеличивалась. Между тѣмъ литературныя произведенія прежняго времени, не исключая и колоссальныхъ предпріятій въ этой области въ XVI вѣкѣ, не могли удовлетворить этимъ запросамъ въ полной мѣрѣ. Сношенія съ западомъ—то черезъ Южную Русь, то отчасти и непосредственно—росли и укрѣплялись; ихъ сопровождали и новые литературные факты западнаго происхожденія. Мы уже видѣли, что при Симеонѣ Полоцкомъ въ царскій дворецъ въ Москвѣ проникаетъ школьная драма; от-

---

[1]) Стр. 52—53.

[2]) Стр. 57.

[3]) Стр. 157.

[4]) Маркевичъ, назв. соч., стр. 85—86.

части до него, но главнымъ образомъ при немъ и его усиліями въ московскихъ кругахъ распространяется мода на стихи въ видѣ лирическихъ, эпиграмматическихъ и разнаго рода другихъ подобныхъ произведеній, писанныхъ «виршами» того же школьнаго происхожденія. Для значительной части русскихъ читателей такія произведенія, лишенныя назидательности и занимательнаго содержанія, были, конечно, мало доступны и неинтересны; чувствовалась нужда въ такихъ произведеніяхъ, которыя бы могли удовлетворить привычнымъ потребностямъ средняго читателя въ назидательномъ чтеніи и въ то же время давали бы нѣчто новое, шедшее по преимуществу съ запада. Такія литературныя произведенія не замедлили появиться: это были разнаго рода повѣсти и разсказы, большею частію въ видѣ сборниковъ, соединявшіе въ себѣ нравственно-религіозную назидательность съ занимательностью повѣствовательной формы, давно уже привычной и самой доступной для невысокаго литературнаго уровня тогдашнихъ читателей. Весьма естественно, что литература эта была сначала лишь переводной. Въ настоящее время научными изслѣдованіями намѣчено два основныхъ источника, изъ которыхъ переходила въ Московскую Русь повѣствовательная литература запада. Одинъ путь, обнаруживающійся еще въ XVI вѣкѣ—«сербскія книги», вѣроятно изъ Босніи и съ Далматинскаго побережья, черпавшія свой литературный матеріалъ изъ Италіи: на это указываетъ извѣстный сборникъ повѣстей Познанской Библіотеки, писанный бѣлорусскимъ языкомъ въ XVI вѣкѣ и обратившій на себя вниманіе акад. А. Н. Веселовскаго; онъ заключаетъ въ себѣ повѣсти о Тристанѣ и о Бовѣ; къ нимъ присоединена тутъ же и переведенная съ польскаго повѣсть объ Аттилѣ. Указаніе на «сербскія книги», сдѣланное въ самомъ сборникѣ, до сихъ поръ не нашло себѣ фактическаго подтвержденія, и сербскихъ пересказовъ названныхъ повѣстей еще не найдено, но сомнѣваться въ достовѣрности такого указанія нѣтъ основаній: быть можетъ, сербскіе пѣвцы героическихъ пѣсенъ, заходившіе въ Польшу въ XVI—XVII вв., приносили съ собою и подобныя познанскому сборнику книги, съ которыхъ въ предѣлахъ Юго-западной Руси могли дѣлаться копіи. Полонизмы двухъ первыхъ повѣстей сборника должны быть объяснены литературной и общественной средой, въ которой жилъ переводчикъ. Несмотря на глубокій интересъ познанской рукописи, указывающей на фактъ столь ранняго заимствованія русской литературой романтико-повѣствовательныхъ элементовъ съ запада, мы не можемъ обобщать этотъ фактъ слишкомъ широко: помѣщенная въ этой рукописи повѣсть о Тристанѣ не имѣла въ русской литературной средѣ другихъ отраженій и, вѣроятно, осталась одинокой, а повѣсть о Бовѣ, хотя и имѣется во многихъ спискахъ восточно-русскаго происхожденія, однако совсѣмъ въ другой редакціи, чѣмъ бѣлорусская, представляемая познанскимъ сборникомъ, и потому для нея надо предполагать другой переводъ, болѣе поздній[1]). Т. о., бѣлорусскія повѣсти познанскаго сборника, будучи явленіемъ единичнымъ, лишь ставятъ крайне интересный вопросъ о раннихъ литературныхъ воздѣйствіяхъ на русскую

---

[1]) **Веселовскій**, А. Н. Изъ исторіи романа и повѣсти. Вып. II. Славяно-романскій отдѣлъ. Спб. 1888, стр. 126—129.

письменность далекаго славянскаго запада и примыкаютъ къ сдѣланнымъ выше (стр. 96) указаніямъ на предполагаемое еще болѣе раннее вліяніе этого литературнаго источника на сѣверо-восточную русскую письменность въ XIII—XIV вв.

Гораздо большее историческое значеніе имѣетъ другое указаніе того же познанскаго сборника: въ немъ помѣщена повѣсть объ Атиллѣ, переведенная на русскій языкъ съ польскаго. Польская литература была именно тѣмъ вторымъ путемъ, которымъ въ переходную эпоху русской письменности шли къ намъ литературныя произведенія запада; по своему значительному вліянію на ходъ русской литературы въ XVII в. и по большому количеству переданныхъ на Русь западно-европейскихъ литературныхъ фактовъ, это польское посредничество было несравненно могущественнѣе сербскаго. Однако, говоря о польскомъ вліяніи, не слѣдуетъ упускать изъ виду и еще одного литературнаго осложненія, имѣвшаго мѣсто въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно вліянія чешскаго. Въ этомъ отношеніи, особенный интересъ имѣютъ двѣ повѣсти: «О Василіи Златовласомъ, королевичѣ Чешской земли» и «О славномъ королѣ Брунцвикѣ» . Въ первой [1]) разсказывается о томъ, какъ чешскій королевичъ Василій Златовласый посватался за французскую королевну Полиместру и сначала получилъ отказъ по причинѣ своей незнатности, однако потомъ сумѣлъ достичь намѣченной цѣли благодаря отвагѣ и хитрости. Повѣсть имѣетъ несомнѣнную связь съ извѣстнымъ сказочнымъ сюжетомъ о «разборчивой невѣстѣ». Предполагаемый на основаніи сюжета чешскій оригиналъ этой повѣсти до сихъ поръ не найденъ, а русскій текстъ не даетъ достаточно опредѣленныхъ указаній относительно источника перевода; поэтому приходится довольствоваться предположеніемъ, высказаннымъ акад. А. Н. Веселовскимъ [2]), о томъ, что тутъ, вѣроятно, имѣло мѣсто литературное посредничество Польши. Указаніемъ на значительную популярность этой повѣсти въ русской письменности является то, что въ первой половинѣ XVIII вѣка возникла ея передѣлка, съ опущеніемъ собственныхъ именъ, подъ названіемъ «Исторія о французскомъ сынѣ», изд. С. Елеонскимъ [3]). Повѣсть о королѣ Брунцвикѣ [4]) обнаруживаетъ чешскій источникъ съ гораздо большей вѣроятностью. Разсказъ представляетъ исторію необычайныхъ приключеній чешскаго королевича Брунцвика, который странствовалъ по разнымъ землямъ, сражался съ чудовищами и благополучно вернулся на родину; повѣсть имѣла цѣлію объяснить, между прочимъ, происхожденіе чешскаго герба, въ которомъ имѣется левъ, будто бы приведенный Брунцвикомъ съ мѣста своихъ приключеній въ отечество. Хотя на происхожденіе русскаго перевода этой повѣсти и нѣтъ совершенно опредѣленныхъ указаній, однако съ одной стороны наличность чешскаго текста (онъ былъ напечатанъ въ 1565 году) и отсутствіе текста польскаго, а съ другой слѣды чешскаго языка

---

[1]) Издана И. А. Шляпкинымъ въ «Пам. Др. Письменности и Искусства»: Спб. 1882.

[2]) Замѣтки по литературѣ и народной словесности. Спб. 1883, стр. 62.

[3]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс., 1915, кн. 3. Смѣсь, стр. 13—39.

[4]) Изд. М. Петровскимъ въ «Памятникахъ Древней Письменности» (№ LXXV): Спб. 1888.

въ текстѣ русскаго перевода въ достаточной степени оправдываютъ мысль о непосредственной связи русскаго перевода именно съ чешскимъ подлинникомъ [1]). Чешскій же оригиналъ предполагалъ Н. С. Тихонравовъ и для одного изъ переводовъ извѣстной повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ [2]).

Что касается польскаго вліянія на русскую литературу XVII вѣка, то мы должны прежде всего имѣть въ виду лишь посредническій характеръ этого вліянія, такъ какъ собственно польскихъ литературныхъ произведеній въ русскихъ переводахъ мы знаемъ очень мало. Въ этомъ смыслѣ польское вліяніе имѣетъ большое сходство съ южно-славянскимъ вліяніемъ первыхъ вѣковъ нашей письменности. Какъ тогда, черезъ посредство южно-славянской письменности, переходили къ намъ очень многія явленія литературы византійской, такъ теперь польская литература является посредницей въ переходѣ на русскую литературную почву произведеній литературы западно-европейской, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ корни послѣдней приходится искать въ литературѣ древне-классической и даже на востокѣ. Однако разница въ отношеніяхъ русской литературы къ византійской и западно-европейской была весьма значительна. Съ Византіей древняя Русь связана была узами вѣроисповѣднаго единства, и этотъ авторитетъ Византіи освящалъ свободный и широкій переходъ множества греческихъ произведеній литературнаго характера въ видѣ памятниковъ не только духовной, но и свѣтской письменности: повѣстей и сказаній, историческихъ сочиненій, трудовъ изъ области естествознанія, законодательства и т. п.; южно-славянское посредничество, будучи православнымъ, также не внушало никакихъ опасеній и находило вполнѣ свободный доступъ въ русскую литературную среду. Съ западнымъ вліяніемъ дѣло обстояло совсѣмъ иначе. Будучи латинскимъ по господствовавшему языку образованія и католическимъ по вѣрѣ, западъ въ глазахъ русскаго читателя былъ еретическимъ. Посредничество Польши также представлялось не менѣе опаснымъ, чѣмъ и самый источникъ, который къ тому же далеко не всѣмъ былъ виденъ, вслѣдствіе крайняго недостатка образованія въ Московской Руси и большею частію случайныхъ условій возникновенія того или иного литературнаго предпріятія. Что касается характера литературныхъ произведеній, переходившихъ съ запада черезъ посредство Польши, то это были не тѣ произведенія западно-европейскихъ литературъ XVI—XVII вв., которыми ознаменованы были новыя духовныя стремленія западнаго общества и пробужденіе интереса къ національнымъ задачамъ и къ вопросамъ науки, а тѣ, уже въ достаточной степени устарѣлыя на западѣ средневѣковыя произведенія народно-повѣствовательной литературы, которыя могли подойти къ уровню понятій и потребностей русскаго общества второй половины XVII вѣка. Эти произведенія имѣли характеръ прежде всего назидательнаго или легкаго чтенія; затѣмъ, было переведено нѣсколько сочиненій по географіи, исторіи, медицинѣ и разнымъ практическимъ и научнымъ вопросамъ; въ польскую литературу они попадали изъ французскихъ, голландскихъ, нѣмецкихъ или латинскихъ источниковъ. Почему именно

---

[1]) Предисловіе къ изд. Петровскаго, стр. 24.

[2]) Соч. I, стр. 322.

Польша явилась проводникомъ западно-европейскихъ литературныхъ произведенiй, это вполнѣ понятно. Указанныя выше (стр. 222—226) условiя религiозно-политической и культурной зависимости Юго-западной Руси отъ Польши и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсныя связи Московской Руси съ Южной Россiей дѣлали этотъ путь литературныхъ заимствованiй самымъ естественнымъ; знанiе польскаго языка распространялось благодаря школѣ и личнымъ общенiямъ; еще въ XVI вѣкѣ были люди, вродѣ князя А. М. Курбскаго и его сотрудниковъ, которые хорошо знали по-польски, но пока пользовались этимъ знанiемъ для литературныхъ и общественныхъ цѣлей другого характера. Многiя произведенiя, имѣвшiяся въ польскихъ текстахъ или обработкахъ, переводились сначала гдѣ-нибудь въ Южной Руси на западно-русскiй литературный языкъ, и потомъ этотъ переводъ, съ большою легкостью, путемъ незначительныхъ поправокъ и сглаживанiй, усваивался въ Москвѣ или вообще на востокѣ; бывали, конечно, и случаи прямого перевода съ польскаго. Въ большинствѣ случаевъ переводчики не оставили намъ своихъ именъ, но это могли быть или чиновники Посольскаго приказа, гдѣ знанiе польскаго языка было дѣломъ обыкновеннымъ, или выходцы изъ Южной Руси, являвшiеся или приглашаемые въ Москву для просвѣтительныхъ и книжныхъ цѣлей, или, наконецъ, случайные дѣятели въ области литературныхъ занятiй и интересовъ, выдвигаемые съ разныхъ сторонъ потребностями времени. Качество этихъ переводовъ было очень невысоко, языкъ крайне неупорядоченный и пестрый, съ явными слѣдами польскаго влiянiя въ грамматикѣ и словарѣ [1]).

Переходя къ литературнымъ фактамъ этой переводной литературы, отмѣтимъ лишь наиболѣе существенныя явленiя въ этой области, имѣвшiя то или иное влiянiе на оригинальную русскую литературу XVII и первыхъ десятилѣтiй XVIII вѣка.

10.

Повѣсти духовнаго содержанiя.—Великое Зерцало; латинскiй оригиналъ этого памятника; русскiй переводъ.—Составъ Великаго Зерцала.

Первое мѣсто среди заимствованiй изъ польскаго источника занимаютъ повѣсти духовнаго содержанiя. Это было вполнѣ естественно, потому что такiя произведенiя наиболѣе отвѣчали общему характеру литературныхъ вкусовъ читателей и главному направленiю уже существовавшей литературы. Стремленiе къ нравственно-религiозному назиданiю находило себѣ наилучшее выраженiе въ повѣстяхъ, такъ какъ именно повѣствовательный характеръ изложенiя былъ не только самой любимой, но и наиболѣе доступной формой литературныхъ произведенiй въ тогдашней русской читающей средѣ. Самымъ выдающимся сборникомъ этого рода является во второй половинѣ XVII в. «Великое Зерцало». Книга эта ведетъ свое начало отъ средневѣковаго латинскаго сборника, печатный прототипъ котораго усматри-

---

[1]) Цѣнныя фактическiя указанiя по этому вопросу имѣются у А. И. Соболевскаго: Переводная литература Московской Руси, стр. 42—51.

вается въ «Speculum exemplorum ex diversis libris in unum laboriose collectum» (1481). Обходя невыясненный вопросъ объ имени составителя этого сборника, здѣсь достаточно указать, что сборникъ явился въ эпоху переходную для западно-европейскаго просвѣщенія; мѣсто его появленія—Нидерланды, одинъ изъ центровъ гуманизма и занятій классическими литературами. Не смотря на такую обстановку, Speculum exemplorum, по своему содержанію, примыкаетъ однако къ старому средневѣковому направленію: это видно не только изъ источниковъ, на основаніи которыхъ онъ составленъ, но и изъ самаго его назначенія—служить для проповѣдниковъ сборникомъ «примѣровъ», составлявшихъ необходимую принадлежность средневѣковой схоластической проповѣди. «Примѣры» эти представлены тутъ въ видѣ разсказовъ, число которыхъ доходитъ въ сборникѣ до 1266. «Speculum exemplorum» имѣлъ громадное распространеніе въ многочисленныхъ печатныхъ изданіяхъ XV и XVI вв., пока не былъ смѣненъ новымъ сборникомъ «Speculum Magnum», первое изданіе котораго относится къ 1605 году. Какъ видно изъ пространнаго заглавія этого сборника [1]), онъ составленъ былъ «per quendam patrem e Societate Jesu», а изъ позднѣйшихъ изданій мы узнаемъ, что это былъ нѣкто Johannes Major. Т. о., эта новая работа вышла изъ іезуитской среды; она составляетъ лишь передѣлку «Speculum exemplorum», который былъ дополненъ 160-ю новыми разсказами, при чемъ содержаніе всего сборника было расположено по рубрикамъ религіозно-нравственныхъ понятій, указаны источники «примѣровъ» и присоединены примѣчанія. Не только возникновеніе, но и дальнѣйшее распространеніе этого сборника обязано іезуитамъ, при чемъ на содержаніи нѣкоторыхъ разсказовъ отразился острый антагонизмъ католичества къ протестантамъ. Характеръ источниковъ «Speculum Magnum» очень разнообразенъ: сюда вошли многочисленныя житія святыхъ и чудеса какъ западнаго, такъ и византійскаго происхожденія, разнаго рода повѣсти и разсказы и огромная масса народно-легендарнаго матеріала, перешедшая въ эту книгу главнымъ образомъ черезъ посредство средневѣковыхъ сборниковъ и энциклопедій, вродѣ «Legenda aurea» Якова де-Ворагине, «Dialogus miraculorum» Цезарія Гейстербахскаго и т. п. Латинское «Speculum Magnum» вскорѣ послѣ своего появленія было переведено и на польскій языкъ—повидимому въ 1621 году, а въ 1633 году появилось уже третье польское изданіе «Великаго Зерцала», въ которомъ число «примѣровъ» доходитъ до 2309. Это послѣднее изданіе и послужило оригиналомъ для русскаго перевода, сдѣланнаго, какъ видно изъ заглавія рукописнаго экземпляра этого памятника въ Московской Синодальной Библіотекѣ № 100, «тщаніемъ» самого царя Алексѣя Михайловича, въ 1677 году. Кто трудился въ качествѣ переводчика надъ этимъ произведеніемъ, въ точности неизвѣстно, но едва ли можно допустить, чтобы эти обширныя работы были выполнены безъ участія Симеона Полоцкаго, которымъ были переведены въ 1679 году съ латинскаго «Книга Петра Альфонса» и, вѣроятно, около того же времени «Сказаніе о Махометѣ и о его беззаконномъ законѣ, взятое изъ книги име-

---

[1]) Владиміровъ, П. В. Великое Зерцало. Изъ исторіи русской переводной литературы XVII вѣка. Москва 1884, стр. 6.

нуемыя Зерцало Историческое Викентія Бургундія» [1]). Переводъ «Великаго Зерцала» московскаго происхожденія; южно-русскаго перевода, повидимому, не существовало, хотя у южно-русскихъ писателей XVII в., напр. Голятовскаго и Радивиловскаго, и можно найти слѣды знакомства съ этимъ сборникомъ въ польскомъ переводѣ. Научнаго изданія русскаго перевода «Великаго Зерцала» до сихъ поръ не имѣется; многочисленные его списки не одинаковы по своему составу, и остается еще открытымъ вопросъ о томъ, ограничилась ли московская письменность только однимъ указаннымъ переводомъ 1677 года и его дальнѣйшей передѣлкой или былъ сдѣланъ также и другой переводъ этого обширнаго сборника.

При переходѣ на русскую почву польскій текстъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Прежде всего, онъ былъ значительно сокращенъ; нѣкоторыя статьи были совершенно опущены, какъ опущенъ былъ и ученый аппаратъ, составлявшій отличительную особенность латинскаго оригинала и польскаго перевода; отдѣльныя статьи также въ нѣкоторыхъ случаяхъ были сокращены, опущены указанія на лица и мѣста дѣйствія разсказанныхъ событій. Съ другой стороны, нѣкоторыя повѣсти сличены русскимъ переводчикомъ съ Прологомъ и другими подобными произведеніями древней русской литературы, при чемъ результаты этого сличенія внесены то въ текстъ перевода, то въ отмѣтки на поляхъ. Нѣкоторыя измѣненія въ текстѣ явились результатомъ вѣроисповѣдной точки зрѣнія на «Великое Зерцало», что было совершенно естественно въ виду католическаго и даже іезуитскаго происхожденія этого сборника: такъ, вмѣсто «Reverentia erga Romanum Pontificem — Biscupowi Rzymskiemu» стоитъ «о чести Вселенскому Патріарху»; въ наставленіи быть послушнымъ «Romanae ecclesiae — Kościolowi Rzymskiemu» поставлено вмѣсто этого «святѣй соборнѣй восточной и апостольской церкви»; есть даже цѣлый прибавочный разсказъ «Церковь Восточная», въ которомъ воздается послѣдней прочувствованная похвала. Языкъ перевода — обычный церковно-славянскій языкъ XVII вѣка, съ большимъ количествомъ латинскихъ и польскихъ слѣдовъ въ словарѣ; впрочемъ, нѣкоторые списки заключаютъ въ языкѣ элементы болѣе народнаго происхожденія [2]).

Приспособляя до извѣстной степени свой трудъ къ интересамъ русскихъ читателей, переводчикъ «Великаго Зерцала» имѣлъ въ виду, конечно, прежде всего назидательный характеръ этого памятника; именно въ этомъ отношеніи «Великое Зерцало» примыкало ко многимъ другимъ памятникамъ древней русской литературы, возникшимъ на основѣ византійскихъ литературныхъ преданій, какъ Прологи, Минеи, Патерики; сходствомъ нѣкоторыхъ разсказовъ «Великаго Зерцала» съ упомянутыми памятниками и слѣдуетъ объяснять соотвѣтствующія отмѣтки на поляхъ, сдѣланныя переводчикомъ и, б. м., читателями. Можно отмѣтить нѣсколько такихъ сюжетовъ, которые, будучи свойственны древней русской литературѣ, нашли себѣ выраженіе также и въ «Великомъ Зерцалѣ». Такъ, въ немъ господствуетъ аскетическій

---

[1]) Владиміровъ, П. В. Къ изслѣдованію о Великомъ Зерцалѣ. Ученыя Записки Казанскаго Университета по историко-филологическому факультету. К. 1884, стр. 352.

[2]) Владиміровъ. Великое Зерцало, стр. 66.

взглядъ на женщину, которая осуждается преимущественно за четыре грѣха: невѣрность своимъ мужьямъ, слабость къ внѣшнимъ украшеніямъ, склонность къ суевѣрной ворожбѣ и неисповѣданіе своихъ грѣховъ «стыда ради»; въ соотвѣтствующихъ разсказахъ дьяволъ является въ роли исполнителя наказанія, посылаемаго за эти грѣхи женщинамъ. Но есть и такіе разсказы, въ которыхъ изображаются женскія добродѣтели: напр., въ одномъ «примѣрѣ» передается, какъ во время нашествія готовъ на Римъ одинъ изъ воиновъ хотѣлъ осквернить замужнюю женщину, но она готова была перенести раны и даже смерть, лишь бы сохранить свое цѣломудріе; нанесши ей нѣсколько ранъ въ шею, готвинъ отпустилъ ее къ мужу. Въ другомъ разсказѣ мы читаемъ о томъ, какъ жены вынесли на плечахъ изъ города своихъ мужей, когда осаждавшій его императоръ предложилъ женщинамъ выйти изъ города, взявъ свои драгоцѣнности [1]). Затѣмъ, въ «Великомъ Зерцалѣ» есть немало разсказовъ, въ которыхъ выражено осужденіе народныхъ увеселеній, пѣсенъ, игръ, плясокъ, охоты и пьянства. Такъ, въ одномъ «примѣрѣ» разсказывается, какъ во время Рудольфа I въ одномъ городѣ юноши и дѣвицы танцовали на каменномъ мосту; въ это время по мосту проходилъ священникъ со Св. Дарами, и никто изъ танцующихъ не воздалъ чести св. чашѣ, но только что священникъ прошелъ мостъ, какъ мостъ обрушился и двѣсти человѣкъ погибло. Въ другомъ разсказѣ передается «видѣніе» богобоязненнаго мужа, который видѣлъ своего знакомаго, также весьма благочестиваго человѣка, въ мукахъ адскихъ за излишнюю страсть къ охотѣ: на рукѣ мучившагося сидѣли птицы и терзали его тѣло, а песъ, прибѣгая къ нему, грызъ его; мучившійся просилъ помолиться за него и предостеречь другихъ [2]). Далѣе, въ «Великомъ Зерцалѣ» есть группа разсказовъ, посвященныхъ темѣ о загробной жизни въ связи съ необходимостью поминовенія усопшихъ; таковъ, напр., разсказъ о священникѣ, который мучился въ аду за небреженіе о своихъ умершихъ духовныхъ дѣтяхъ [3]), и т. п.; эти разсказы находятъ себѣ соотвѣтствіе съ общимъ характеромъ популярной народной книги XVII вѣка, Синодика, для котораго «Великое Зерцало» послужило однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ. Кромѣ разсказовъ духовнаго содержанія, въ «Великомъ Зерцалѣ» имѣются и свѣтскіе. Напр., на тему о тщетѣ всего земного и о всемогуществѣ смерти разсказывается о Саладинѣ, царѣ Египетскомъ, покорившемъ себѣ востокъ, западъ и всю Азію, что когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, то велѣлъ положить на копье свой хитонъ, приготовленный для погребенія, и, нося его по городу, возглашать: «Саладинъ, бичъ востока, обладатель Азіи, страхъ всѣхъ народовъ, послѣ всѣхъ своихъ побѣдъ, наконецъ, самъ побѣжденъ смертью; онъ ничего съ собою не беретъ въ могилу кромѣ этого хитона» [4]). Въ «Великомъ Зерцалѣ» есть, наконецъ, разсказы прямо шутливаго характера, перенесенные сюда изъ особаго рода сборни-

[1]) Владиміровъ. Великое Зерцало, стр. 73

[2]) Тамъ же, стр. 74.

[3]) Тамъ же, стр. 90.

[4]) Тамъ же, стр. 97.

ковъ, вродѣ фацецій и т. п. Таковъ, напр., получившій большое распространеніе разсказъ о томъ, какъ однажды мужъ шелъ съ женою черезъ поле и замѣтилъ ей, что оно хорошо покошено; жена на это отвѣтила, что поле не покошено, а пострижено; мужъ съ этимъ не согласился, и возникъ споръ, въ результатѣ котораго мужъ сбросилъ свою жену въ воду, но, утопая, жена продолжала настаивать на своемъ, дѣлая надъ водою знакъ руками на подобіе ножницъ [1]). Популярность «Великаго Зерцала» въ средѣ русскихъ читателей не ограничивалась значительнымъ распространеніемъ этого сборника и вліяніемъ на другія явленія русской письменности, вродѣ Синодиковъ; она получила выраженіе и въ формѣ вліянія его на народную словесность— духовные стихи, сказки и легенды [2]).

II.

Свѣтскія повѣсти.—Римскія Дѣянія.—Исторія о семи мудрецахъ.—Апофегматы и фацеціи.—Шемякинъ Судъ.

Римскія Дѣянія. На ряду съ «Великимъ Зерцаломъ», въ которомъ, среди массы разсказовъ духовнаго происхожденія, встрѣчаются и свѣтскіе, удовлетворенію потребности въ чтеніи этого послѣдняго характера служили, кромѣ того, и другіе сборники. Выдающееся мѣсто между ними занимаютъ «Римскія Дѣянія», въ которыхъ свѣтскій элементъ уже весьма значительно преобладаетъ надъ духовнымъ. Эта книга, извѣстная на западѣ подъ именемъ Gesta Romanorum, издавна пріобрѣла тамъ характеръ народной книги; она представляетъ собою сборникъ назидательныхъ разсказовъ самаго разнообразнаго происхожденія. Присутствіе имени римлянъ въ заглавіи книги должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что сюжеты разсказовъ первоначально взяты были изъ римской исторіи и вообще изъ древняго міра, хотя въ дальнѣйшемъ, постепенно осложнившемся составѣ сборника такой выборъ и не былъ выдержанъ; имя римлянъ, какъ знаменитаго народа, удерживавшаго для средневѣковаго западно-европейца все свое обаяніе исторической близости, было принято, вѣроятно, первымъ редакторомъ этого сборника съ тою цѣлью, чтобы дать ему этимъ ходъ и заинтересовать читателей. Первоначально этотъ сборникъ составленъ былъ на латинскомъ языкѣ. Опредѣлить время и мѣсто происхожденія Gesta Romanorum, а тѣмъ болѣе личность перваго составителя этого сборника, не представляется возможнымъ съ достаточной точностью. Новѣйшій изслѣдователь этого вопроса, основываясь на указаніи одного изъ латинскихъ изводовъ даннаго памятника XV вѣка, полагаетъ, что «окончательная кодификація» одной изъ распространеннѣйшихъ редакцій сборника относится къ 1261 году. Первоначальной

---

[1]) Пыпинъ, А. Н. Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 202. О другихъ свѣтскихъ и шутливыхъ разсказахъ въ «Великомъ Зерцалѣ» см. Владимірова: Къ изслѣдованію о Великомъ Зерцалѣ, стр. 339—344.

[2]) Владиміровъ. Великое Зерцало, стр. 98—104.

основой для него могъ служить трудъ испанскаго монаха Петра Альфонса (1062—1110) Disciplina clericalis, который, въ свою очередь, явился наслѣдіемъ арабской образованности подъ очевиднымъ вліяніемъ христіанской культуры. Въ этомъ сочиненіи имѣется 15 разсказовъ, почти цѣликомъ вошедшихъ въ Gesta Romanorum, а затѣмъ къ нему присоединялись разсказы изъ многихъ другихъ источниковъ и путемъ накопленія вокругъ первоначальнаго зерна образовали «тотъ безыменный трудъ, въ которомъ нельзя отыскать, кто его натолкнулъ, ни того, кто направилъ его по извѣстному пути, ни того, кто содѣйствовалъ его дальнѣйшему и окончательному образованію» [1]). Отъ латинскихъ редакцій, которыхъ имѣется нѣсколько и самая обширная изъ которыхъ, распространившаяся въ печатныхъ изданіяхъ съ 1473 года, заключаетъ въ себѣ до 181 разсказа, произошли многія редакціи на различныхъ западно-европейскихъ языкахъ; около половины XVI вѣка появился польскій переводъ «Римскихъ Дѣяній» (Dzieje Rymskie), извѣстный до сихъ поръ, однако, лишь въ печатныхъ изданіяхъ XVI—XVIII вв. Польскій переводъ заключаетъ лишь около 40 разсказовъ, сходясь въ этомъ съ одной изъ древнѣйшихъ англійскихъ редакцій. Русскіе списки «Римскихъ Дѣяній», относящіеся къ XVII—XVIII вв., несмотря на свое разнообразіе въ частностяхъ [2]), восходятъ, повидимому, къ одной редакціи; она является результатомъ перевода съ польскаго изданія, до сихъ поръ еще не розысканнаго библіографами [3]). Русскій переводъ сдѣланъ во второй половинѣ XVII вѣка; въ немъ имѣется около 40 разсказовъ. Несмотря на существованіе изданія «Римскихъ Дѣяній» Обществомъ Любителей Древней Письменности (два выпуска: №№ V и XXXIII. Спб. 1877—1878), мы не имѣемъ до сихъ поръ такого труда въ этомъ отношеніи, который бы вполнѣ удовлетворялъ научнымъ требованіямъ. Хотя «Римскія Дѣянія» усердно читались въ старину, однако какихъ-либо слѣдовъ примѣненія этого сборника къ условіямъ русской жизни незамѣтно, хотя нѣкоторые отдѣльные разсказы изъ этого сборника извѣстны были въ русской письменности еще ранѣе его появленія въ цѣломъ видѣ, будучи заимствованы изъ византійскихъ источниковъ, напр. житій Евстафія Плакиды или Алексѣя Божія человѣка.

Вотъ, для примѣра, одинъ разсказъ изъ «Римскихъ Дѣяній». Прикладъ о правдѣ и о любви, яко правда избавляетъ отъ смерти [4]). Содержаніе этого разсказа таково. Былъ одинъ «цесарь», а у него въ государствѣ два рыцаря, изъ которыхъ одинъ жилъ въ Египтѣ, другой въ Багдадѣ. Между этими рыцарями была большая дружба и частыя сношенія черезъ пословъ, но лично они другъ друга не видали.

---

[1]) Пташицкій, С. Л. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ. I. Исторіи изъ Римскихъ Дѣяній. Спб. 1897, стр. 5—7.

[2]) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 183—185; Пташицкій, назв. соч., стр. 41—46. 93—97.

[3]) Пташицкій, стр. 98.

[4]) Римскія Дѣянія (Gesta Romanorum). Изд. О. Л. Д. П. Спб. 1877—1878, стр. 193—203.

Однажды багдадскій рыцарь рѣшилъ навѣстить своего египетскаго друга, нанялъ себѣ корабль и отправился въ Египетъ. Принятый своимъ другомъ весьма радушно, онъ увидалъ въ его домѣ одну дѣвушку чрезвычайной красоты и, влюбившись въ нее, сталъ грустить. На вопросъ друга о причинѣ этой грусти, пріѣзжій откровенно сознался, и такъ какъ онъ не зналъ имени покорившей его сердце особы, то хозяинъ показалъ ему всѣхъ дѣвушекъ своего дома, за исключеніемъ однако же одной—и именно той самой, о которой думалъ багдадскій рыцарь. Затѣмъ пришлось показать и самую эту дѣвушку, о которой египетскій рыцарь сообщилъ своему другу, что она была «отъ младыхъ лѣтъ» предназначена ему въ жены, съ огромнымъ богатствомъ, но такъ какъ багдадскій гость сказалъ ему, что безъ обладанія этой дѣвушкой онъ не можетъ жить, то великодушный другъ не задумался отдать ему и дѣвушку въ жены, и ея богатство. Багдадскій рыцарь уѣхалъ. Оставшись одинъ, египетскій рыцарь вскорѣ обѣднѣлъ и, не имѣя чѣмъ жить, рѣшилъ отправиться къ своему другу, жившему въ Багдадѣ. Пріѣхалъ онъ туда вечеромъ и, стыдясь пойти въ домъ друга въ своемъ нищенскомъ платьѣ, почелъ за лучшее ночевать въ церкви. Случилось, что какъ разъ въ эту ночь въ Багдадѣ одинъ человѣкъ совершилъ убійство и, спасаясь отъ правосудія, вбѣжалъ и потомъ выбѣжалъ изъ церкви, гдѣ почивалъ египетскій путникъ. Люди, преслѣдовавшіе убійцу, нашли въ церкви пріѣзжаго рыцаря, и, считая его за совершившаго преступленіе, взяли, посадили въ темницу и утромъ повели къ судьѣ. Судья присудилъ мнимаго убійцу къ повѣшенію, и, когда его уже вели къ мѣсту казни, багдадскій другъ несчастнаго увидѣлъ его на улицѣ и, помня оказанное ему благодѣяніе, заявилъ, что именно онъ убійца, желая, такимъ образомъ, умереть за друга. Его также повели для совершенія казни. Тогда все это увидалъ настоящій виновникъ убійства и, раскаявшись въ своей душѣ, просилъ освободить обоихъ невиновныхъ людей, а его предать смерти. Всѣ три человѣка стали передъ судьей, и каждый объяснилъ причину своего признанія въ убійствѣ: пріѣзжій—вслѣдствіе нищеты («лучше ми есть умрети, нежели живу быти»), его другъ—изъ благодарности, наконецъ третій—не желая, чтобы за его вину страдали невинные люди и чтобы ему не быть за это «въ вѣчномъ мученіи во адѣ». Судья, понявъ дѣло, отпустилъ не только двухъ рыцарей, но и истиннаго убійцу на свободу ради его чистосердечнаго признанія. Толкованіе этого «приклада» таково: цесарь—самъ Богъ, а два рыцаря—Іисусъ Христосъ и Адамъ, первый въ Египетѣ, второй въ Багдадѣ. Пріѣздъ рыцаря изъ Багдада въ Египетъ означаетъ перенесеніе Адама въ «пресвѣтлый рай», а прекрасная дѣвица—это душа, которую Господь вложилъ ему въ тѣло. Убожество египетскаго рыцаря есть земное убожество Іисуса Христа; его вступленіе въ церковь въ Багдадѣ означаетъ вступленіе во чрево Маріи, готовность умереть за убійцу есть желаніе принести себя въ жертву за весь родъ человѣческій, а желаніе второго рыцаря умереть за перваго знаменуетъ дѣятельность апостоловъ; третій же человѣкъ, сознавшійся въ своемъ преступленіи, есть вообще «грѣшный человѣкъ». Рѣшеніе «праведнаго судьи» есть прообразъ буду-

щаго всеобщаго суда, въ силу котораго всѣ мы должны наслѣдовать «животъ вѣчный».—Какъ можно видѣть изъ пересказа этого «толкованія», оно представляется чрезвычайно искусственнымъ и какъ бы уже потомъ приспособленнымъ къ разсказу.

Исторія о семи мудрецахъ. Книгой чисто свѣтскаго содержанія является «Исторія о семи мудрецахъ». Въ числѣ такъ называемыхъ странствующихъ сказаній книга эта является одной изъ самыхъ извѣстныхъ; сдѣлавшись въ полномъ смыслѣ народной, она пріобрѣла міровую славу среди милліоновъ читателей въ различныхъ литературахъ востока и запада. Первоначальное происхожденіе этой повѣсти слѣдуетъ искать, повидимому, въ индійской литературѣ, въ «притчахъ» мудреца Синдабаба, но объ индійскомъ подлинникѣ заключаютъ лишь по арабскому и персидскому переводамъ. Названіе, подъ которымъ это произведеніе сдѣлалось знаменитымъ, впервые было ему усвоено въ латинской обработкѣ «Historia septem sapientum Romae», время возникновенія которой, подобно восточнымъ редакціямъ этой повѣсти, съ точностью опредѣлить невозможно. Ближайшей обработкой латинскаго перевода было французское стихотвореніе «Les sept sages de Rome» Геберса или Гербертса, относящееся къ XIII вѣку, за которымъ въ послѣдующіе вѣка появились многочисленныя обработки того же сюжета на другихъ западно-европейскихъ языкахъ. Въ началѣ XVI вѣка появился въ печати и польскій переводъ, сдѣланный, вѣроятно, съ латинскаго и послужившій оригиналомъ для русскаго [1]). Предполагаютъ, что русскій переводъ возникъ въ XVI вѣкѣ на югѣ Россіи и, быть можетъ, черезъ Новгородъ перешелъ въ Москву и вообще въ восточную Русь, гдѣ нашелъ чрезвычайно широкое распространеніе; объ этомъ свидѣтельствуютъ до 40 найденныхъ до сихъ поръ списковъ повѣсти, относящихся главнымъ образомъ къ XVII и отчасти къ XVIII вв. Какъ ни разнообразны эти рукописные тексты, однако въ нихъ можно усмотрѣть единство перевода: списки повторяютъ два испорченныхъ мѣста, явившіяся результатомъ того, что переводчикъ не понялъ польскаго оригинала; несмотря на такую зависимость отъ польскаго источника, засвидѣтельствованную, кромѣ того, многими полонизмами въ языкѣ, русскій переводчикъ и его послѣдующіе продолжатели-редакторы внесли въ свои обработки повѣсти нѣкоторыя національныя черты какъ въ отношеніи языка, такъ и содержанія памятника [2]). Содержаніе повѣсти таково [3]). Царь Еліозаръ имѣлъ сына Діоклетіана, котораго онъ отдалъ на обученіе семи мудрецамъ. Мудрецы отвели мальчика въ свою страну, а отецъ, между тѣмъ, по совѣту приближенныхъ, женился на другой, молодой женѣ. Новая царица, боясь, чтобы пасынокъ не помѣшалъ ея дѣтямъ въ дѣлѣ престолонаслѣдія, рѣшилась погубить царевича и просила царя вызвать его

[1]) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 252—254.

[2]) M. Murko. Die Geschichte von den sieben Weisen bei den Slawen. Wien 1890, стр. 87—138.

[3]) По изданію О. Л. Д. П.: Исторія семи мудрецовъ. Текстъ съ введеніемъ Ѳ. Булгакова (№№ XXIX и XXXV), два выпуска. Спб. 1878—1880.

ко двору подъ предлогомъ материнской къ нему нѣжности. Мудрецы, получивъ повелѣніе царя, отправились съ юношей въ путь, причемъ, благодаря астрологическимъ наблюденіямъ, узнали, что королевичъ въ продолженіе первыхъ семи дней по прибытіи къ отцу будетъ нѣмъ, и отъ этого ему угрожаетъ большая опасность. Когда юноша прибылъ къ царю, тотъ принялъ его съ величайшей радостью, но крайне опечалился, что сынъ ничего не отвѣчалъ на его привѣтствія. Между тѣмъ мачеха прельстилась красотой пасынка и предложила ему свою любовь, отъ которой юноша съ негодованіемъ отказался; тогда она, чтобы отомстить ему, оклеветала его передъ царемъ въ томъ самомъ помышленіи, въ которомъ была сама виновата. Разгнѣванный царь отдалъ приказаніе повѣсить сына на другой день, а пока запереть въ тюрьмѣ. Тогда начинаютъ дѣйствовать мудрецы: одинъ за другимъ, въ теченіе семи дней, каждый изъ нихъ разсказываетъ царю повѣсть, смыслъ которой неизмѣнно заключается въ томъ, что не слѣдуетъ полагаться на совѣты женщины, какъ существа коварнаго, эгоистичнаго и злого; за каждымъ изъ этихъ разсказовъ слѣдуетъ и разсказъ мачехи-царицы, наводящій мужа на мысль о необходимости скорѣе покончить съ царевичемъ, который злоумышляетъ противъ отца. Колеблясь между этими двумя вліяніями и выслушивая ежедневно по одному разсказу съ той и другой стороны, царь такимъ образомъ проводитъ семь дней, щадя жизнь царевича. Наконецъ, послѣдній получаетъ даръ слова, очаровываетъ отца своимъ умомъ и разсказываетъ ему сущность своихъ отношеній къ мачехѣ. Тогда царь отдаетъ приказаніе казнить царицу, а самъ черезъ нѣкоторое время умираетъ; сынъ наслѣдуетъ его царство и пріобрѣтаетъ своимъ умомъ великую славу.

Вотъ, для примѣра, двѣ «повѣсти» съ той и другой стороны. Повѣсть перваго мудреца Велцеуса о цысаревѣ псѣ и соколѣ его [1]). Первый мудрецъ разсказалъ цесарю слѣдующую исторію. Жилъ въ одномъ мѣстѣ храбрый рыцарь и имѣлъ сына, еще младенца, къ которому приставилъ трехъ мамокъ: одна его кормитъ, другая обмываетъ, а третья въ колыбели качаетъ. У рыцаря былъ вѣрный песъ и соколъ, которыхъ онъ очень любилъ; песъ не уступалъ никакому звѣрю, а соколъ—никакой птицѣ. Однажды рыцарь съ женой своею отправился на пиръ, а три мамки, укачавши младенца въ колыбели, также его оставили; только песъ и соколъ были на своихъ мѣстахъ въ этой же комнатѣ. И вотъ изъ-подъ лавки выползла змѣя («ужъ») и начала приближаться къ младенцу, чтобы его ужалить; тогда соколъ сталъ трепетать крыльями, чтобы разбудить пса, а песъ бросился на змѣю и вступилъ съ ней въ бой; въ концѣ концовъ онъ загрызъ змѣю, причемъ во время борьбы колыбель сорвалась съ гвоздя и упала на землю, прикрывъ собою спящаго и невредимаго младенца. Черезъ нѣкоторое время прибѣжали мамки и, увидавъ комнату залитой кровью и пса лежащимъ у опрокинутой колыбели, рѣшили, что песъ заѣлъ младенца; тогда онѣ побѣжали къ своей госпожѣ, а та тотчасъ передала объ ихъ догадкѣ своему

---

[1]) Исторія семи мудрецовъ. Изд. О. Л. Д. П. Спб. 1878—1880, стр. 25—29.

мужу. Рыцарь, въ страшномъ волненіи, отправился домой и, увидавъ ту же картину, что и мамки, и выскочившаго къ нему навстрѣчу съ радостью пса, разсѣкъ его надвое мечомъ: и только потомъ увидалъ онъ спящаго подъ колыбелью младенца, мертвую змѣю возлѣ и понялъ, что песъ былъ спасителемъ его сына. И онъ началъ плакать и неутѣшно жалѣлъ объ убитомъ псѣ. Мораль этого разсказа перваго мудреца была та, что не слѣдуетъ полагаться на слова женщины. Подъ вліяніемъ этого разсказа цесарь отмѣнилъ казнь сына.—Но затѣмъ послѣдовала Повѣсть вторая цысаревы къ цысарю о дикомъ вепрѣ и о пастухѣ [1]). Былъ одинъ король, имѣвшій въ своемъ государствѣ огромный лѣсъ, и въ этомъ лѣсу жилъ дикій вепрь, причинявшій много вреда людямъ. Много рыцарей выходило на этого звѣря, по повелѣнію короля, но всѣ они гибли, и, будучи «въ недоумѣніи», король объявилъ по всему своему царству, что онъ выдастъ свою единственную дочь за того, кто убьетъ вепря. Тогда, черезъ нѣкоторое время, одинъ пастухъ, имѣвшій у себя за поясомъ лишь сѣкиру, заманилъ вепря къ дереву съ «виноградными» ягодами, самъ взлѣзъ на это дерево и сталъ кидать ягоды внизъ, а вепрь началъ ихъ поѣдать. Наѣвшись, вепрь легъ спать подъ деревомъ; тогда пастухъ, спустившись на землю, сталъ чесать звѣря и, усыпивъ его окончательно, взялъ сѣкиру и зарубилъ его на смерть. Королю пришлось отдать за пастуха свою дочь, а послѣ смерти ея отца пастухъ сдѣлался королемъ. Жена цесаря присоединила къ этому разсказу такое толкованіе: мудрецы, подобно этому догадливому пастуху, обольстятъ его своими «лживыми словами» и затѣмъ, вмѣстѣ съ сыномъ, убьютъ его. Этотъ новый разсказъ поколебалъ прежнее рѣшеніе цесаря, и онъ снова отдалъ приказаніе о немедленной казни своего сына.

Значительной популярности «Исторіи о семи мудрецахъ» на русской почвѣ немало содѣйствовало то, что главной ея основой является мысль о женскомъ коварствѣ, нашедшая себѣ выраженіе въ многочисленныхъ произведеніяхъ древней русской письменности переводнаго и оригинальнаго происхожденія.

Апофегматы и фацеціи. На дальнѣйшемъ пути преобладанія свѣтскихъ элементовъ въ повѣствовательной литературѣ XVII вѣка мы встрѣчаемъ такого рода сборники, въ которыхъ назидательность еще болѣе уступаетъ мѣсто забавѣ, шуткѣ и остроумію. Такого рода сборники имѣлись еще въ классической древности, а въ средніе вѣка они связаны съ популярными именами Боккачіо (De casibus virorum illustrorum, De mulieribus claris) и Петрарки (Rerum memorandarum libri IV); въ нихъ уже нѣтъ нравоучительныхъ выводовъ, и на мѣсто дидактическаго интереса является простое историческое любопытство. Въ XVI и XVII вѣкахъ появляются такія произведенія и въ польской литературѣ, напр. «Апофегмата» Рея изъ Нагловицъ, сборникъ подъ тѣмъ же именемъ Витковскаго и друг. У насъ въ XVII вѣкѣ также появляются, въ переводѣ съ польскаго, рукописные сборники подъ названіемъ «Апоѳегмата», расположенныя въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 29—31.

четырехъ книгахъ, изъ которыхъ первая сообщаетъ изреченія знаменитыхъ философовъ, вторая «словеса царей, королей, князей, воеводъ, синклитикъ и иныхъ старѣйшинъ», третья изреченія Лакедемонянъ и четвертая «гадательства честныхъ женъ и благородныхъ дѣвъ непростыхъ»; одинъ изъ такихъ сборниковъ, составленный польскимъ писателемъ Бѣняшемъ Будинымъ, въ 1711 году былъ даже напечатанъ и затѣмъ много разъ перепечатывался въ теченіе XVIII вѣка [1]). Вотъ, для примѣра, нѣсколько подобныхъ разсказовъ, въ передачѣ теперешнимъ языкомъ. Сократъ. Шелъ дорогой одинъ дуракъ и ударилъ Сократа ногой. Когда друзья мудреца стали высказывать удивленіе, что онъ стерпѣлъ такую обиду, то Сократъ спросилъ, что же онъ долженъ сдѣлать, и, получивъ отвѣтъ, что дурака нужно было позвать къ судьѣ, возразилъ: «Хорошо; но если бы меня ударилъ оселъ, неужели и его я долженъ привлечь къ суду?» Философъ хотѣлъ этимъ сказать—прибавляется далѣе—что безумный мало чѣмъ разнится отъ скота, ибо какъ безсловесному животному, когда оно напираетъ, такъ и скудоумному человѣку не слѣдуетъ оказывать сопротивленія.—Александръ. Когда ему принесли ящикъ, драгоцѣннѣе котораго ничего не было найдено въ сокровищахъ царя Дарія, и спросили, на какое употребленіе велитъ онъ его обратить, то Александръ отвѣтилъ: «По моему мнѣнію, всего приличнѣе хранить въ немъ Гомеровы книги», желая этимъ показать, что ученіе и писанія мудрыхъ людей должны быть въ великой почести.—Юдвига. Когда Ягелло Ольгердовичъ, князь Литовскій, вѣнчался съ дочерью польскаго короля Юдвигою (Ядвигою) на польское королевство и сталъ требовать у поляковъ подарковъ, а непослушныхъ грабить, то они съ плачемъ просили у королевы заступленія и освобожденія отъ такого ига. Ядвига объяснила это мужу, и тотъ велѣлъ возвратить подарки, но Ядвига замѣтила, что хотя подарки и возвратятся, однако нельзя возвратить обиженнымъ пролитыя ими слезы, которыя дороже всякаго вознагражденія [2]).

Въ тѣсной связи съ этими книгами находятся сборники анекдотовъ, въ которыхъ назидательный элементъ уже окончательно отходитъ на задній планъ, и выступаетъ, напротивъ, остроуміе и шутка, доходящая нерѣдко до совершенно неприличныхъ по теперешнимъ понятіямъ откровенностей. Въ европейскихъ литературахъ подобные сборники извѣстны были подъ именемъ «фацецій» (Facetiae), надъ составленіемъ которыхъ трудились даже такіе ученые люди, какъ знаменитый дѣятель итальянскаго возрожденія Поджіо Брачіолини, котораго Facetiarum liber была издана въ 1470 году въ Венеціи и Римѣ и затѣмъ выдержала нѣсколько изданій въ XV и XVI вѣкахъ. У него было немало послѣдователей, изъ которыхъ особенную извѣстность получили Гейнрихъ Бебель, Фришлинъ, Меландеръ; къ той же категоріи относятся разсказы Іогана Паули Schimpf und Ernst, французскія fabliaux. Перенесенные въ польскую литературу

---

[1]) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 261—262.

[2]) По рукописи Моск. Синод. Библіотеки XVII в., № 362. Историческая Хрестоматія, Ѳ. Буслаева. М. 1861, стр. 1387—1390.

подъ именемъ «жартовъ», эти разсказы перешли и на русскую почву подъ именемъ «смѣхотворныхъ повѣстей»: таковъ одинъ сборникъ въ числѣ рукописей Импер. Публ. Библіотеки, переведенный съ польскаго въ 1680 году, и друг. [1]). Другой подобный сборникъ XVII вѣка имѣется въ числѣ рукописей Общества Любителей Древней Письменности; въ немъ находится обширный отдѣлъ, подъ заглавіемъ «Фацецы или жарты полскіи, повѣсти, бесѣдки, утѣшки московскіи, отъ пяти различныхъ трактатовъ преложены и во единственъ порядокъ споряжены» [2]). Однимъ изъ самыхъ популярныхъ между ними является такъ называемый «Совѣстдралъ», имѣющій родоначальникомъ польскій Sowizdrzal—то и другое, въ испорченномъ видѣ, отъ нѣмецкаго Eulenspiegel'я.

Главную роль въ этихъ разсказахъ играли шуты, хвастуны, лѣкаря, недогадливые поселяне и особенно женщины, злой нравъ которыхъ находилъ себѣ обильную пищу для остроумія, насмѣшекъ и даже обличенія; элементъ сатиры также находилъ себѣ мѣсто въ этихъ сборникахъ, но преимущественно въ шутливой и непритязательной, иногда весьма фривольной формѣ. Вотъ примѣры. Одинъ странникъ былъ приглашенъ къ обѣду и когда хозяева предложили ему разрѣзать лежавшую на столѣ курицу, то голову ея онъ отдалъ хозяину, шейку хозяйкѣ, крылья дочерямъ, ноги сыновьямъ, а себѣ взялъ все остальное.—Одинъ отецъ жестоко проучилъ своего сына, который, воротившись изъ школы, утверждалъ, что знаетъ по-латыни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ умѣлъ лишь прибавлять къ каждому слову «us».—Во время бури на морѣ плаватели рѣшились выбросить за бортъ свой грузъ для облегченія корабля; при этомъ одинъ изъ нихъ выбросилъ свою жену, говоря, что тяжелѣе этого груза у него ничего не было ни дома, ни на кораблѣ.—Когда утонула одна женщина, то мужъ отправился искать ея тѣло вверхъ по рѣкѣ, а не внизъ, думая, что и въ данномъ случаѣ она не оставила привычки идти во всемъ наперекоръ [3]).

Шемякинъ Судъ. Къ числу сатирическихъ разсказовъ изъ той же области анекдотовъ и «смѣхотворныхъ повѣстей» принадлежитъ и весьма извѣстный «Шемякинъ Судъ», имѣвшій у насъ большое распространеніе въ XVII и XVIII вв. какъ въ рукописныхъ копіяхъ, такъ въ лубочныхъ изданіяхъ и устныхъ пересказахъ.

Содержаніе его [4]) таково. Жили нѣкогда богатый и убогій. Убогій постоянно пользовался одолженіями богатаго; наконецъ, богатому стало

---

[1]) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 265; Владиміровъ. Къ изслѣдованію о Великомъ Зерцалѣ, стр. 328—329.

[2]) Издано О. Булгаковымъ: Памятники Древней Письменности. I. 1878—79, стр. 94—152.

[3]) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 267. 269. О. Булгаковъ. Сборникъ повѣстей скорописи XVII вѣка. Пам. Др. Письменности. I. 1878—79, стр. 108—109. 109—110. 129—130.

[4]) Издано О. Л. Д. П., подъ редакціей О. Булгакова (№ XXXVIII). Спб. 1879; ср. М. Сухомлиновъ. Повѣсть о Судѣ Шемяки. Сборникъ II Отд. Ак. Н. Т. X (1873), № 6, стр. 8—12.

это надоѣдать, и когда затѣмъ убогій попросилъ у него лошадь, чтобы съѣздить въ лѣсъ за дровами, то богатый далъ ему только лошадь, а хомута не далъ. Тогда убогій привязалъ сани къ хвосту лошади и, нагрузивши возъ дровами, пріѣхалъ домой; забывъ снять подворотню, онъ ударилъ передъ дворомъ лошадь, та изо всей мочи рванулась и оторвала свой хвостъ. Когда убогій затѣмъ привелъ лошадь обратно къ богатому, тотъ не хотѣлъ ее взять безъ хвоста и отправился бить челомъ судьѣ. Убогій пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. По дорогѣ въ городъ, они пришли въ одно село и остановились у священника ночевать; богатый сѣлъ съ хозяиномъ ужинать за столъ, а убогій лежалъ на полатяхъ и только смотрѣлъ, но, засмотрѣвшись, нечаянно упалъ и задавилъ лежавшаго въ люлькѣ младенца. Тогда и священникъ отправился, вмѣстѣ съ богатымъ, бить челомъ къ судьѣ на убогаго. На дальнѣйшемъ пути въ городъ съ убогимъ случилось новое несчастіе: проходя по мосту, онъ упалъ внизъ, въ ровъ, и задавилъ до смерти старика, котораго сынъ везъ въ баню. Сынъ убитаго присоединился къ двумъ первымъ челобитчикамъ. Убогій, не видя себѣ спасенья, взялъ въ платокъ камень, чтобы убить судью, когда тотъ произнесетъ невыгодный для него приговоръ. Сначала сталъ передъ судьей первый челобитчикъ; выслушавъ исторію съ лошадью, судья обратился къ подсудимому съ вопросомъ, что онъ на это скажетъ; тотъ вынулъ платокъ съ камнемъ и показалъ его судьѣ въ видѣ угрозы, но судья принялъ это за денежный посулъ и разсудилъ такъ: оставить лошадь у убогаго до тѣхъ поръ, пока у нея не выростетъ хвостъ. Затѣмъ выступилъ священникъ, и судья, руководясь той же надеждой, присудилъ отдать попадью убогому до тѣхъ поръ, пока у нея не родится новое дитя. Наконецъ, по третьему дѣлу судья рѣшилъ, чтобы убогій сталъ подъ мостомъ, а сынъ убитаго старика скакнулъ на него сверху. Когда затѣмъ убогій сталъ требовать, согласно судейскому приговору, лошадь, то богатый предпочелъ отъ него откупиться 200 рублей, чтобы удержать у себя лошадь; священникъ также откупился, давъ убогому вмѣсто попадьи 50 рублей, разнаго скота и хлѣба 40 четвертей; третій истецъ примирился съ убогимъ, давъ ему 30 рублей да лошадь съ коровой. Что же касается судьи, то тотъ, узнавъ, какая ему грозила опасность въ случаѣ иного приговора, былъ очень радъ такому исходу. Убогій также вернулся домой, «радуяся и хваля Бога».

Основа этого разсказа имѣетъ весьма отдаленное происхожденіе: ее слѣдуетъ искать на востокѣ; затѣмъ разсказъ имѣлъ большое распространеніе въ западно-европейскихъ литературахъ. Однако какъ на востокѣ, такъ и на западѣ разсказъ этотъ имѣлъ въ виду «праведнаго судью», и въ немъ не было даже тѣни сатиры. Весьма вѣроятно, что въ Россіи онъ былъ усвоенъ черезъ посредство «польскихъ книгъ», причемъ уже въ польской передачѣ имѣлся на лицо сатирическій элементъ: рѣчь шла о судьѣ неправедномъ [1]). На русской почвѣ, разсказъ о судьѣ получилъ

---

[1]) Сочиненія Н. С. Тихонравова. Т. I, стр. 310—312.

оттѣнокъ шутливой сатиры, примкнувъ къ историческому имени Дмитрія Шемяки, варварски ослѣпившаго Василія Темнаго и вызвавшаго своими дѣйствіями у современниковъ и потомства крайне невыгодное мнѣніе о своей личности.

12.

Рыцарскіе романы.—Бова королевичъ.—Исторія о Мелюзинѣ.—Повѣсть о римскомъ кесарѣ Оттонѣ.

Одновременно съ духовными и свѣтскими повѣстями, третьимъ видомъ переводной литературы нашей въ XVII вѣкѣ былъ рыцарскій романъ. Являясь въ западныхъ литературахъ характернѣйшимъ выраженіемъ особаго склада жизни, въ которой средневѣковое рыцарство было однимъ изъ органическихъ и виднѣйшихъ ея элементовъ, у насъ рыцарскій романъ не могъ возбуждать такого интереса, какъ указанныя ранѣе повѣсти назидательнаго или просто занимательнаго содержанія. Этого рода произведенія, въ которыхъ разсказывались похожденія рыцарей и ихъ любовныя исторіи, были довольно чужды потребностямъ русскихъ читателей. Наполняющій ихъ средневѣковый культъ обожанія и любви къ женщинѣ не могъ примириться съ господствовавшимъ у насъ еще въ ту пору традиціоннымъ взглядомъ на женщину, какъ на олицетвореніе хитрости, злобы, обмана и соблазна; съ другой стороны, своеобразныя черты рыцарскаго обхожденія и ихъ удивительные подвиги на войнѣ и въ мирѣ могли нравиться русскимъ читателямъ XVII вѣка лишь въ той своей части, которая выставляла на видъ ихъ физическую силу, ловкость и храбрость или страсть къ опаснымъ приключеніямъ, т. е. черты, свойственныя, хотя и въ иной бытовой обстановкѣ, дѣйствующимъ лицамъ народнаго русскаго эпоса. И тѣмъ не менѣе русской переводной литературой было усвоено немалое количество произведеній изъ области рыцарскаго романа, хотя распространеніе этихъ переводовъ въ народной средѣ было невелико, во всякомъ случаѣ значительно уступало разнаго рода духовнымъ и свѣтскимъ разсказамъ; эта популярность пришла для нихъ нѣсколько позднѣе, въ XVIII вѣкѣ, когда проводникомъ ихъ явилась лубочная литература, спустившая переводный матеріалъ XVII вѣка въ массу простого грамотнаго люда, когда высшіе и даже средніе классы перешли уже къ иного рода литературѣ, явившейся результатомъ новыхъ литературныхъ воздѣйствій съ запада. Въ XVII же вѣкѣ переводныя произведенія, и въ томъ числѣ рыцарскіе романы, читались преимущественно въ образованномъ, по тогдашнимъ понятіямъ, кругу, попадая то, въ качествѣ «потѣшныхъ книгъ», во дворецъ, то, въ роли назидательныхъ произведеній, въ келью ученаго монаха. Въ частности, рыцарскіе романы, бытовое и моральное содержаніе которыхъ усваивалось лишь совершенно внѣшнимъ образомъ и весьма часто оставалось совершенно непонятнымъ [1]), имѣли однако же ту пользу, что, развивая вкусъ къ легкому

---

[1]) Веселовскій, А. Изъ исторіи романа и повѣсти, II, стр. 3—24.

чтенію, поддерживали литературные интересы вообще и, такимъ образомъ, содѣйствовали въ дальнѣйшемъ успѣху болѣе серьезныхъ литературныхъ начинаній.

Бова-королевичъ. Однимъ изъ популярнѣйшихъ произведеній въ области переводнаго рыцарскаго романа былъ знаменитый «Бова-королевичъ», перешедшій впослѣдствіи, въ видѣ народной сказки, въ лубочную литературу. Появленіе этого итальянскаго романа или поэмы (Buovo d'Antona) въ русскомъ переводѣ-передѣлкѣ относится, какъ уже сказано было (стр. 307), къ XVII вѣку и помѣщено въ разобранной А. Н. Веселовскимъ рукописи Познанской Библіотеки, ведущей свое происхожденіе отъ «сербскихъ книгъ»; однако, популярность этого произведенія связана не съ этимъ, а съ другимъ, болѣе позднимъ, переводомъ: какимъ, съ какого языка— сказать трудно. Припомнимъ содержаніе этого романа. Въ городѣ Антонѣ царствовалъ герцогъ Гвидонъ, имѣвшій молодую супругу, которая въ русской лубочно-сказочной передачѣ называется Милитрисой Кирбитьевной. У нея родился сынъ Бова. Однако, черезъ три года она послала вѣрнаго слугу Личарду къ прежнему своему возлюбленному, королю Додону, помогла ему погубить Гвидона и вышла за него замужъ. Бова, котораго мать хотѣла отравить, спасся на кораблѣ въ Армейское царство, гдѣ дочь короля Зензевея, Дружевна, вскорѣ плѣнилась его красотой. Однако, на руку королевны претендовали король Маркабрукъ и рыцарь Лукаперъ, сынъ Салтана. Въ происшедшемъ сраженіи Лукаперъ побилъ войска Зензевея и Маркабрука, но затѣмъ самъ былъ побитъ и даже убитъ Бовой, который тогда освободилъ изъ плѣна Маркабрука и Зензевея. Далѣе начинаются для Бовы большія опасности. Дворецкій короля Зензевея, принявъ на себя видъ своего повелителя, посылаетъ Бову съ письмомъ къ Салтану, который хотѣлъ было сначала повѣсить убійцу своего сына, но отъ этого отговорила его дочь, королевна Мильчигрія, пожелавшая выйти за Бову замужъ. Не давшись въ руки красавицы, Бова, благодаря своей силѣ и ловкости, убѣжалъ отъ Салтана въ Маркабруково царство, гдѣ находилась и Дружевна. При ея помощи, они оба бѣжали, но Маркабрукъ послалъ имъ вдогонку своего богатыря Полкана, который настигъ Бову, и они начали драться; Бова одержалъ побѣду. Между тѣмъ Дружевна родила ему вскорѣ двухъ сыновей. Затѣмъ отъ Додона пошла на Бову сильная рать; оставивъ Дружевну на попеченіе Полкана, съ которымъ побратался, Бова вышелъ на битву съ Додономъ и, благодаря своей хитрости, отрубилъ ему голову, которую и принесъ на блюдѣ къ своей матери. Въ это время Дружевна убѣжала, послѣ нападенія на нее двухъ львовъ, въ царство Мильчигріи, и, считая ее погибшей, Бова послалъ просить руки Мильчигріи. Та, конечно, съ радостью согласилась, но на свадебномъ пиру Бова узналъ, что Дружевна жива; Бова сталъ жить съ ней попрежнему [1]). Лице-

---

[1]) Д. Ровинскій. Русскія народныя картинки. V, стр. 110—112. По рукописи XVII в. напечатано О. Булгаковымъ въ «Пам. Др. Письм.» 1878—1879. I, стр. 45—79.

вой списокъ романа о Бовѣ упоминается въ числѣ дѣтскихъ книгъ царевича Алексѣя Петровича въ 1693 году [1]).

Въ 1677 году были переведены съ польскаго два рыцарскихъ романа— о Мелюзинѣ и о кесарѣ Оттонѣ.

Исторія о Мелюзинѣ. Исторія о Мелюзинѣ, на совершенно опредѣленную дату русскаго перевода которой «съ польского» указываетъ одна рукопись XVII вѣка [2]), относится по своему содержанію къ циклу сказаній о Карлѣ Великомъ. Содержаніе ея [3]) таково. Мелюзина была дочь волшебницы Персины, сама обладавшая сверхъестественными знаніями и могуществомъ. За непочтеніе къ отцу Мелюзина была наказана тѣмъ, что каждую субботу должна была обращаться въ змѣю, или въ получеловѣка-полузмѣю; только нашедши себѣ супруга, который бы согласился примириться съ этимъ ея недостаткомъ, она могла избавиться отъ подобныхъ превращеній. Такой человѣкъ нашелся: это былъ графъ Раймундъ изъ Пуату. Онъ былъ согласенъ не видѣть Мелюзины каждую субботу, когда она должна была совершать свои таинственныя омовенія, и бракъ былъ заключенъ. Они жили счастливо; у Раймунда было уже нѣсколько сыновей, будущихъ рыцарей; при помощи волшебства Мелюзины, у него явились крѣпкіе, неприступные замки; онъ сдѣлался очень богатымъ. Но братъ Раймунда поселилъ въ немъ подозрѣнія относительно Мелюзины, и тотъ нарушилъ свое обѣщаніе не видѣть жену по субботамъ: какъ только Мелюзина замѣтила появленіе мужа въ неурочный часъ, она исчезла съ крикомъ печали и унесла съ собою всѣ удачи Раймунда. И впослѣдствіи, когда графамъ Лузиньянъ, потомкамъ Раймунда, грозила какая-либо опасность, Мелюзина каждый разъ являлась за три дня на башнѣ замка въ Пуату, построеннаго ея супругомъ [4]). Романъ этотъ, въ основѣ котораго лежитъ извѣстный легендарный мотивъ о связи героя съ женщиной, обращающейся въ чудовище, имѣлъ на западѣ длинную литературную исторію, начиная, повидимому, съ XIV вѣка; въ 1478 году романъ, въ переводѣ съ латинскаго, былъ напечатанъ по-французски и затѣмъ прошелъ рядъ западно-европейскихъ разноязычныхъ редакцій вплоть до чешской (1555) и польской (1569), приписываемой Мартину Сѣннику, тому самому, который имѣлъ въ 1577 году дѣло съ московскимъ первопечатникомъ Иваномъ Ѳедоровымъ [5]); вѣроятно, одно изъ первыхъ польскихъ изданій было 1671 года, съ котораго, повидимому, и сдѣланъ былъ русскій переводъ нѣ-

---

[1]) И. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей прежняго времени. Отеч. Зап. 1854 № 12, отд. II, стр. 117.

[2]) Импер. Публ. Б-ки. XVII. Q. 8, изъ собранія гр. Толстого: А. Пыпинъ. Очеркъ, стр. 232—233.

[3]) Издано О. Л. Д. П.: Исторія о Мелюзинѣ. Два выпуска (№№ XLII. LX). Спб. 1882.

[4]) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 230—231.

[5]) Пташицкій, С. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ. II, стр. 29—30.

кіимъ Иваномъ Руданскимъ [1]); переводъ этотъ отличается полонизмами въ языкѣ.

Повѣсть о кесарѣ Оттонѣ. Повѣсть о «преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ» также имѣетъ свою довольно длинную исторію. Начиная съ предполагаемой, но доселѣ не отысканной, латинской редакціи, повѣсть является въ XVI вѣкѣ во французской, англійской и нѣмецкой переработкахъ, за которыми слѣдуютъ датская, шведская и нидерландская; есть указаніе и на существованіе польскаго изданія 1591 года [2]); свѣдѣніе о переводѣ повѣсти съ польскаго на русскій языкъ въ 1677 году имѣется въ рукописи XVII вѣка Имп. Публ. Б-ки изъ собр. Погодина № 1771, принадлежавшей въ 1692 году монаху Чудова монастыря Марку Щербакову; о повѣсти упоминается въ 1688 году въ описи имущества князя В. В. Голицына [3]). Содержаніе повѣсти представляется въ слѣдующемъ видѣ. Кесарь Оттонъ (или Октавіанъ) удалилъ отъ себя и оставилъ на произволъ судьбы свою супругу Олунду, которую клевета обвиняла въ невѣрности. Несчастная мать, съ двумя малолѣтними дѣтьми-близнецами, должна была идти куда глаза глядятъ и, заснувши въ лѣсу отъ усталости, потеряла сперва одного сына, похищеннаго обезьяной, а потомъ и другого, унесеннаго львицей. Однако ни тотъ, ни другой не погибъ: первый, Флоренсъ, былъ спасенъ однимъ воиномъ, воспитанъ имъ и впослѣдствіи, отличившись при нападеніи Египетскаго султана на Францію, былъ торжественно посвященъ въ рыцари. Что касается второго сына, Ліона, то когда львица унесла его, огромный грифъ схватилъ ее вмѣстѣ съ младенцемъ и опустилъ на далекомъ островѣ, гдѣ мать снова нашла своего сына, когда ей случилось плыть мимо этого острова. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ вмѣстѣ съ матерью. Во время нашествія египетскаго султана Ліонъ успѣлъ освободить Флоренса и Оттона, захваченныхъ непріятелемъ, а затѣмъ взялъ въ плѣнъ и самого султана. Далѣе слѣдуетъ общее свиданіе: Оттонъ узнаетъ дѣтей и мирится съ ихъ матерью. Наконецъ, Ліонъ женится на дочери испанскаго короля и дѣлается его наслѣдникомъ, а Флоренсъ соединяется со своей возлюбленной Маркебиллой, дочерью египетскаго султана, принявшей вмѣстѣ съ отцомъ христіанскую вѣру, и дѣлается королемъ англійскимъ [4]).

Изъ другихъ весьма популярныхъ рыцарскихъ романовъ, переведенныхъ на русскій языкъ во второй половинѣ XVII вѣка, можно тутъ назвать: «Исторію о храбромъ князѣ Петрѣ-Златыхъ Ключахъ и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ Неаполитанской» [5]), «Повѣсть о княгинѣ Альт-

---

[1]) Соболевскій, А. Переводная литература Московской Руси, стр. 42.

[2]) Пташицкій, назв. соч., II, стр. 35.

[3]) Соловьевъ, С. Исторія Россіи, изд. «Общ. Пользы», кн. Ш. 1052; Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ, IV. 33.

[4]) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 237.

[5]) О польскомъ оригиналѣ этой повѣсти см. замѣтку В. И. Рѣзанова: Непосредственный источникъ романа о Петрѣ-Златыхъ Ключахъ. Изв. II Отд. А. Н. XVI, 1911, кн. 4, стр. 143—150.

дорфской» [1]). Первая изъ нихъ такъ же, какъ и «Бова-королевичъ», находилась въ числѣ «потѣшныхъ» книгъ у царевича Алексѣя Петровича въ 1693 году и попала потомъ въ лубочную литературу [2]).

13.

Самостоятельные опыты назидательно-повѣствовательной литературы.—Синодикъ, какъ народная книга.—Разсказы о «женской злобѣ», хмелѣ и табакѣ; шуточные разсказы.

Начавшееся литературное движеніе въ новомъ вкусѣ не могло ограничиться одними переводами. Уже въ самыхъ переводахъ допускались нерѣдко передѣлки и измѣненія оригинала, т. е. главнымъ образомъ польскаго текста, въ духѣ русскихъ бытовыхъ и литературныхъ понятій, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго. За переводами должны были послѣдовать и болѣе или менѣе самостоятельные опыты—какъ въ области духовнаго, такъ и свѣтскаго повѣствованія, въ видѣ сборниковъ краткихъ произведеній на извѣстныя темы или отдѣльныхъ болѣе обширныхъ повѣстей и разсказовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній дѣлались особенно любимыми, нерѣдко украшались иллюстраціями и, въ качествѣ народной книги, попадали въ XVIII в. въ лубочную литературу.

Синодикъ, какъ народная книга. Одно изъ первыхъ мѣстъ среди такихъ народныхъ книгъ въ XVII вѣкѣ, безспорно, принадлежитъ Синодику. Эта книга, имѣвшая чрезвычайное распространеніе въ рукописныхъ копіяхъ въ XVII в. и въ лубочныхъ изданіяхъ начала XVIII вѣка, возникшая на основѣ одной изъ самыхъ дорогихъ религіозныхъ идей православнаго человѣка, въ составѣ старыхъ литературныхъ византійскихъ преданій и новыхъ элементовъ западнаго происхожденія, представляетъ собою характернѣйшее явленіе русской литературы переходнаго ея періода.

Синодикъ, какъ памятникъ литературный, есть сборникъ разсужденій и разсказовъ на тему о необходимости поминовенія усопшихъ и о состояніи души послѣ разлученія ея съ тѣломъ. Разсказы и разсужденія явились первоначально какъ прибавленія къ Синодику въ смыслѣ «помянника», т. е. книги чисто практическаго назначенія, заключавшей въ себѣ имена умершихъ для поминанія ихъ «вѣчной памяти» въ церковномъ богослуженіи; позднѣе указанныя литературныя прибавленія расширились въ текстѣ, обогатились иллюстраціями и обособились отъ первоначальнаго синодичнаго текста настолько, что образовали совершенно самостоятельную книгу, независимую отъ «помянника». Изучая эту книгу [3]) по многимъ спискамъ, преимущественно XVII и отчасти начала XVIII вѣка, разсѣяннымъ въ разныхъ книгохранилищахъ, мы можемъ прежде всего усмотрѣть три основныхъ редакціи нашего памятника, отличающіяся одна

---

[1]) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 233—237. 241—242.

[2]) Д. Ровинскій. Русскія народныя картинки, V, стр. 113—114.

[3]) Пѣтуховъ, Е. Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Изд. О. Л. Др. П. № CVIII. Спб. 1895.

отъ другой какъ степенью распространенности, т. е. количествомъ списковъ, такъ и нѣкоторыми чертами содержанія. Не останавливаясь на этомъ вопросѣ и обращаясь къ разсмотрѣнію содержанія Синодика безъ отношенія къ его редакціямъ, существовавшимъ одновременно, мы можемъ распредѣлить входящій въ эту книгу литературный матеріалъ на нѣсколько группъ. Во-первыхъ—статьи историческаго характера на тему о необходимости поминовенія усопшихъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ разсказами о дѣятельности VII Вселенскаго Собора и нѣкоторыми другими статьями, историческая цѣнность которыхъ весьма незначительна по ихъ спутанности, фактической недостовѣрности и полному отсутствію критики. Во-вторыхъ, теоретическія статьи, имѣющія цѣлью объяснить, почему установлено церковью поминовеніе усопшихъ вообще и въ частности—въ опредѣленные дни послѣ смерти (третій, девятый и сороковой), и вмѣстѣ съ тѣмъ побудить читателя обратиться къ дѣламъ покаянія для своего спасенія и къ молитвѣ за усопшихъ. Третьимъ элементомъ Синодика является повѣствовательный, который слѣдуетъ признать самой выдающейся и важной частью этой книги какъ по вліянію на современныхъ читателей, такъ и по своему историко-литературному интересу; основная мысль его та же, что и двухъ первыхъ синодичныхъ элементовъ, т. е. о необходимости поминовенія усопшихъ, хотя, увлекаемая легкой и популярной литературной формой, эта часть Синодика сильно расширяется въ своихъ предѣлахъ и касается такихъ вопросовъ, которые не всегда имѣли прямое отношеніе къ главной темѣ. Можно указать болѣе сотни разсказовъ изъ этой части Синодика [1]). Источники этихъ разсказовъ были весьма разнообразны: Прологъ, Собесѣдованія Григорія Двоеслова, Великое Зерцало, «Небо Новое» Іоанникія Голятовскаго (изд. 1665. 1677. 1699), сборникъ западно-русскаго происхожденія «Звѣзда Пресвѣтлая», «Скитскій Патерикъ» и друг.

Въ качествѣ четвертаго элемента Синодика могутъ быть выдѣлены разнаго рода мелкія статьи, выдержки и изреченія, большею частію не самостоятельныя каждая въ отдѣльности, но въ общемъ не лишенныя литературнаго интереса и характерныя по своему подбору. Въ нихъ развивается та же назидательная мысль о необходимости поминовенія усопшихъ, то же убѣжденіе въ суетности земной жизни и тотъ же призывъ къ своевременному покаянію, какъ и въ другихъ частяхъ разсматриваемой нами народной книги, и если другіе элементы Синодика дѣйствовали главнымъ образомъ на мысль читателя, то эти статьи, уклоняясь въ область болѣе общихъ религіозно-нравственныхъ тенденцій, должны были дѣйствовать на его чувство; многія изъ нихъ не лишены извѣстной аскетической мрачности. Таковы, напр., статьи, взятыя изъ Требника и посвященныя «чину погребенія», разнаго рода вирши на тему о смерти и тщетѣ земной жизни, «видѣнія» инока Ѳеоктиста изъ области будущей жизни, отрывки о Страшномъ Судѣ и другія подобныя статьи, обильно снабженныя

[1]) См. въ нашемъ сочиненіи №№ 1. 6. 12. 15. 34. 49. 90. 97. 105, какъ наиболѣе характерные и интересные: стр. 137—193.

соотвѣтствующими иллюстраціями. Наконецъ, изъ состава Синодика могутъ быть выдѣлены и болѣе обширныя статьи, имѣвшія нерѣдко общій характеръ и лишь весьма отдаленное отношеніе къ темѣ о покаяніи, о будущей жизни и т. п. предметахъ и попавшія въ Синодикъ, по всей вѣроятности, уже послѣ того, какъ онъ сдѣлался народной книгой съ весьма широкимъ кругомъ входившихъ въ него интересовъ. Таковы, напр., извѣстное «Прѣніе живота и смерти», «Вопросы» Антіоха съ отвѣтами св. Аѳанасія Александрійскаго, «Луцидаріусъ», отрывки изъ Хронографа, Стословецъ константинопольскаго патріарха Геннадія, разныя статьи календарнаго характера, полемическія и публицистическія статьи, вродѣ сочиненія князя И. А. Хворостинина «О царствіи небесномъ и воспитаніи чадъ» [1]), и т. п.

Многія изъ входящихъ въ Синодикъ статей всѣхъ перечисленныхъ категорій снабжены въ разныхъ экземплярахъ большимъ количествомъ иллюстрацій, отношеніе которыхъ къ тексту то является лишь служебнымъ, то, напротивъ, выростаетъ до полнаго преобладанія надъ этимъ текстомъ, который въ такомъ случаѣ является для иллюстраціи лишь простой подписью къ картинкѣ.

Единство идеи и цѣльность Синодика, какъ народной книги, въ этомъ отношеніи очевидны. Эта идея выросла на религіозной основѣ православно-христіанскаго міросозерцанія, для котораго мысль о загробномъ существованіи имѣла самый живой интересъ и значеніе; въ такомъ случаѣ молитвы за умершія души получали практическій характеръ.

Начало возникновенія Синодика, какъ народной книги, должно быть отнесено ко времени не ранѣе второй половины XVI вѣка; главное же свое развитіе получилъ онъ въ XVII вѣкѣ, а въ началѣ XVIII вошелъ, извѣстными своими частями, путемъ печати въ лубочную литературу; но въ эту послѣдующую пору своего существованія онъ, при другомъ характерѣ и потребностяхъ литературы, уже не игралъ той своеобразной и видной роли, какъ во второй половинѣ XVII вѣка. Мѣстомъ возникновенія Синодика слѣдуетъ считать Московскую Русь, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и главнѣйшей ареной его распространенія: это можно усмотрѣть изъ того любопытнаго обстоятельства, что почти всѣ рукописные экземпляры Синодика отводятъ насъ именно къ средней и отчасти сѣверной полосѣ Россіи, оставляя Южную Русь въ сторонѣ. Народность Синодика и органическій характеръ его происхожденія среди литературныхъ условій Московской Руси XVII вѣка находятъ себѣ объясненіе и подтвержденіе и въ томъ, что основная идея этого памятника засвидѣтельствована однородными мотивами народной лирики и историческими свѣдѣніями о бытѣ русскихъ въ XVI и XVII вв., когда поминовеніе усопшихъ было дѣломъ особой религіозной ревности и нерѣдко соединялось съ богатыми дарами церквамъ и монастырямъ въ видѣ денежныхъ вкладовъ или земельныхъ

[1]) Издано мною въ Пам. Др. Письм. № XCIII. Спб. 1893. Ср. В. И. Савва: Сочиненія князя И. А. Хворостинина, въ сборникѣ «Вновь открытыя полемическія сочиненія XVII в. противъ еретиковъ». Спб. 1907.

угодій. Быть можетъ, не безъ вліянія на развитіе Синодика остались и тѣ раціоналистическія мнѣнія, которыя бродили въ русскихъ умахъ преимущественно въ XVI и XVII вв. и наталкивали особенно горячихъ сторонниковъ православія на мысль о необходимости съ особой силой утвердить идею о поминовеніи усопшихъ, ослабѣвавшую въ нѣкоторыхъ умахъ подъ дѣйствіемъ иновѣрной, протестантской, пропаганды и индиферентизма и скептицизма въ вопросахъ вѣры.

Разсказы о женской злобѣ, хмелѣ и табакѣ; шуточные разсказы. Если по своему общему характеру и назначенію Синодикъ можетъ быть поставленъ, среди произведеній нашей полуоригинальной литературы XVII в., въ соотвѣтствіе съ переводными повѣстями духовнаго содержанія, вродѣ «Великаго Зерцала», то и свѣтскія переводныя произведенія назидательнаго, просто повѣствовательнаго или шутливаго характера имѣли въ этой полуоригинальной литературѣ свою параллель въ видѣ разсказовъ о злобѣ и коварствѣ женщинъ, о происхожденіи вина и табака, о продѣлкахъ и приключеніяхъ глупыхъ людей и т. п. Не станемъ останавливаться на этихъ произведеніяхъ подробно. Тема о женщинахъ была, какъ извѣстно, одной изъ любимыхъ въ нашей старой письменности и еще въ отдаленную пору была очень удачно использована такъ называемымъ Даніиломъ Заточникомъ; аскетическій взглядъ на женщину обратился въ позднѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ на эту тему, вплоть до XVII и даже XVIII в., въ своеобразную смѣсь порицанія женщины и шутливой насмѣшки надъ нею, часто переходившей далеко за предѣлы элементарной скромности. Таковы, напримѣръ, «Бесѣда отца съ сыномъ о женской злобѣ», «Притча о старомъ мужѣ и о молодой дѣвицѣ», «Сказаніе о молодцѣ и дѣвицѣ» и др. [1]). Сказанія о «хмелѣ», смѣнившемъ въ представленіяхъ позднѣйшихъ книжниковъ старинную виноградную лозу византійскихъ преданій, также были весьма многочисленны, облекаясь въ форму то «повѣсти о высокоумномъ хмелѣ», то «повѣсти о пьянствѣ», то «притчи о хмелѣ», то «сказанія о винѣ и его неистовствѣ», въ которыхъ излагается происхожденіе этого зелья отъ дьявола или картинно рисуются гибельныя послѣдствія пьянства; при этомъ иногда вводится въ оборотъ стихотворная форма [2]). Обличительныя повѣсти о табакѣ обязаны своимъ распространеніемъ главнымъ образомъ расколу: таково, напримѣръ, «Сказаніе отъ книги, глаголемыя Пандокъ, о хранительномъ быліи, мерзкомъ

---

[1]) А. Пыпинъ. Очеркъ, стр. 270—275; Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевымъ-Безбородко. Т. II, стр. 453—454. 461—470; Лопаревъ. Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ (Пам. Др. П. № XCIX). Спб. 1894; Ѳ. Булгаковъ. Сборникъ повѣстей скорописи XVII вѣка: Пам. Др. Письменности. 1878—1879, «Жарты на жены и на ихъ хитрости», стр. 127—152.

[2]) А. Пыпинъ. Очеркъ, стр. 204—206; Е. Пѣтуховъ. Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ, стр. 22—27. Его же. Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. Вып. II, стр. 24—30; Пам. стар. русской лит., II, стр. 447—449; Ѳ. Булгаковъ. Сборникъ повѣстей скорописи XVII вѣка: назв. изд., стр. 88—92.

зеліи, еже есть травѣ табацѣ, откуду бысть и како зачася и разсѣяся по вселеннѣй и всюду бысть» [1]). Къ шутливымъ разсказамъ, иногда съ оттѣнкомъ сатиры, могутъ быть отнесены «Судное дѣло у леща съ ершомъ», «Повѣсть о двухъ братьяхъ Ѳомѣ и Еремѣ», разнаго рода народные анекдоты и т. п. [2]).

14.

Начатки русской оригинальной повѣсти.—Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ.—Повѣсть о горѣ-злосчастіи.—Повѣсть о Фролѣ Скобеевѣ.

Наконецъ, къ числу полуоригинальныхъ произведеній русской повѣствовательной литературы XVII вѣка относятся и нѣсколько такихъ, въ которыхъ можно усматривать зарожденіе свѣтской русской повѣсти, получившей свое окончательное развитіе уже въ послѣдующее время. Нѣкоторыя черты оригинальности этихъ произведеній заключаются въ фабулѣ, пріурочиваемой къ извѣстнымъ русскимъ событіямъ, иногда съ обозначеніемъ опредѣленной даты, и въ бытовыхъ подробностяхъ описательнаго характера; но идейная сторона имѣетъ тѣсную связь съ уже существовавшими явленіями литературы, нерѣдко имѣвшими весьма отдаленное происхожденіе и длинную исторію на самой русской почвѣ. Въ старой русской письменности видное мѣсто занимали демонологическія представленія, отводя бѣсу выдающуюся роль въ разныхъ произведеніяхъ легендарно-повѣствовательнаго и поучительнаго характера [3]); не менѣе видное мѣсто занимали въ той же старой письменности и «злыя жены», тема о которыхъ нашла себѣ широкое примѣненіе и въ переводной повѣствовательной литературѣ XVII вѣка; обѣ эти темы—объ участіи дьявола и о порочной женщинѣ, влекущихъ человѣка къ погибели—были использованы въ «Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ». Тотъ же сюжетъ о бѣсѣ, въ соединеніи съ темой о гибельныхъ послѣдствіяхъ пьянства и о непослушаніи родительской волѣ, даетъ основу для знаменитой полународной, изложенной въ стихотворной формѣ, «Повѣсти о горѣ и злосчастіи». Внѣ круга демонологическихъ представленій, но въ нѣкоторомъ соприкосновеніи съ темой о несовершенныхъ судахъ, также нашедшей себѣ отраженіе въ шутливо-повѣствовательныхъ и сатирическихъ произведеніяхъ XVII в., стоитъ уже совершенно свѣтская «Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобеевѣ», въ которой выводится на сцену особый типъ «плута», живущаго «ябедой» и устраивающаго свою судьбу благодаря ловкости и безразличному отношенію къ нравственнымъ требованіямъ. Оставляя въ сторонѣ другія подобныя произведенія, время происхожденія кото-

---

[1]) Пам. стар. русск. лит., II, стр. 427—434.

[2]) А. Пыпинъ. Очеркъ, стр. 299—300. 301; Н. Аристовъ. Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ. Древн. и Нов. Россія 1876, I, стр. 359—368; И. Шляпкинъ. Сказка о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ. Ж. М. Н. Пр. 1904, № 8, стр. 380—400.

[3]) Нѣкоторыя изъ нихъ собраны Н. И. Костомаровымъ: Пам. стар. русск. лит. I, стр. 201—210.

рыхъ въ XVII вѣкѣ представляется пока еще не доказаннымъ—напримѣръ, «Сказаніе о боярынѣ Өеодосіи Прокопьевнѣ Морозовой» [1]) или отрывокъ стихотворной повѣсти о несчастной судьбѣ одной дѣвушки [2]),—остановимся лишь на трехъ названныхъ, какъ на главнѣйшихъ проявленіяхъ стремленія у русскихъ книжниковъ XVII вѣка сочетать внѣшніе элементы русской дѣйствительности съ знакомыми уже издавна литературными преданіями прошлаго.

Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ. Въ «Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ» [3]) разсказывается слѣдующее. Дѣйствіе происходитъ въ смутную эпоху, въ 1606 году. Въ городѣ Великомъ Устюгѣ жилъ купецъ Өома Грудцынъ, временно переселившійся, въ виду тяжелыхъ событій времени, въ Казань, гдѣ еще «злочестивой Литвы» не было. Былъ у Өомы сынъ Савва, котораго отецъ смолоду пріучалъ къ торговымъ дѣламъ, беря съ собою то въ Астрахань, то за Каспійское море въ «Шахову область». Уѣзжая однажды въ Персію, Өома отправилъ сына въ самостоятельную поѣздку въ Соликамскъ. По дорогѣ Өома, который былъ въ это время еще очень юнъ, остановился въ городѣ Орловѣ, гдѣ встрѣтилъ стараго пріятеля своего отца, Бажена, женатаго третьимъ бракомъ на молодой женѣ. По дружбѣ къ Өомѣ Грудцыну, Баженъ пригласилъ Савву жить у него въ домѣ, куда тотъ немедленно и переѣхалъ изъ гостинницы. Но тутъ его ждали искушенія дьявола. Средствомъ для достиженія своей цѣли погубить юношу дьяволъ избралъ молодую Баженову жену; Савва не устоялъ отъ «лести», и вступилъ съ молодой женщиной въ грѣховную связь. Однако, вернувшись однажды съ Баженомъ изъ церкви, наканунѣ Вознесенія, Савва сталъ сожалѣть въ душѣ о своемъ поведеніи и нашелъ въ себѣ силу устоять отъ дальнѣйшаго соблазна. Это привело Баженову жену въ негодованіе, и она подала Саввѣ «отравнаго зелья», чтобы снова приворожить къ себѣ юношу, въ чемъ и успѣла, а между тѣмъ сама всячески отъ него уклонялась и даже уговорила мужа выгнать Савву изъ дому; тотъ опять поселился въ гостинницѣ. Съ этого времени Савва началъ страдать и готовъ былъ на всякую жертву, лишь бы вернуть себѣ расположеніе жены Бажена. Гуляя однажды за городомъ онъ встрѣтилъ какого-то человѣка, который ласково съ нимъ заговорилъ, предложилъ ему «названое братство» и помощь въ любовныхъ дѣлахъ, подъ условіемъ, если Савва дастъ ему «рукописаніе» на свою душу. Савва далъ такое рукописаніе, и они разстались. Помощь неизвѣстнаго человѣка оказалась дѣйствительной: Савва снова поселился въ домѣ Бажена и возобновилъ прежнія отношенія съ его женой. Между тѣмъ мать Саввы,

---

[1]) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 281.

[2]) Пыпинъ, А. Для любителей книжной старины. М. 1888, стр. 72—74; Сиповскій, В. Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Спб. 1905, стр. 45—58.

[3]) Напечатана нѣсколько разъ: Н. Тихонравовъ. Лѣтописи русской литер. и древности. Т. II (1859), отд. 2, стр. 61—80; Н. Костомаровъ. Пам. стар. русск. литер., изд. Кушелевымъ-Безбородко, I, стр. 169—190; С. Писаревъ. Пам. древней письменности. 1880, вып. 3, стр. 47—66; В. Сиповскій. Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., стр. 22—38.

живя въ Казани и узнавъ отъ людей о «непорядочномъ житіи» сына, написала ему письмо съ приказаніемъ вернуться домой. Савва оставилъ это письмо безъ отвѣта и безъ исполненія. Въ это время его «названый братъ» открылъ ему, что онъ сынъ нѣкоего царя, и даже показалъ ему на пустомъ холмѣ дворецъ своего отца, великолѣпно украшенный и наполненный множествомъ слугъ. Савва, однако, не догадался, что имѣетъ дѣло съ бѣсомъ. Между тѣмъ вернулся въ Казань и отецъ Саввы и такъ же тщетно звалъ сына домой. «Названый братъ», видя опасность, уговорилъ юношу переселиться въ городъ Козьмодемьянскъ, а оттуда въ село Павловъ-Перевозъ. Хотя здѣсь Савва получилъ отъ одного благочестиваго старца опредѣленное разъясненіе о своемъ «братѣ», однако не могъ уже его оставить, и они отправились въ городъ Шую. Здѣсь въ это время происходилъ наборъ и обученіе солдатъ для военныхъ дѣйствій противъ Поляковъ. Савва, вмѣстѣ со своимъ «названымъ братомъ», записался въ солдаты къ стольнику Тимофею Воробцову, и вскорѣ они были отправлены въ Москву, «въ наученіе нѣкоему нѣмецкому полковнику». Отсюда бѣсъ увлекаетъ Савву въ Смоленскъ, куда они прибываютъ чудеснымъ образомъ «объ едину нощь», при чемъ передъ Днѣпромъ «разступишася имъ вода, и преидоша воду». Вскорѣ начались подъ Смоленскомъ военныя дѣйствія; русскимъ войскомъ командовалъ бояринъ Шеинъ. Савва обнаружилъ чудеса храбрости и силы, одолѣвъ въ единоборствѣ трехъ польскихъ богатырей помощью своего «брата». Вскорѣ затѣмъ бѣсъ увлекаетъ Савву снова въ Москву, гдѣ тотъ и останавливается въ домѣ сотника Якова Шилова. Здѣсь Савва сильно заболѣлъ; сотникъ и его жена уговаривали его исповѣдаться и причаститься, но Савва не соглашался. Тѣмъ не менѣе священникъ былъ приглашенъ и когда приступилъ къ исповѣди Саввы, то его «названный братъ», уже въ настоящемъ дьявольскомъ образѣ, сталъ въ углу и вынулъ «рукописаніе», чтобы напомнить Саввѣ нѣкогда данное имъ обѣщаніе о своей душѣ. По уходѣ священника, бѣсъ началъ жестоко мучить Савву и душить его; объ этомъ случаѣ было доведено до свѣдѣнія царя. Наконецъ, 1 іюля къ больному явилась сама Богородица и обѣщала ему свое заступничество, назначивъ для этого день Казанской Божіей Матери, 8 іюля. Въ этотъ день Савву принесли въ церковь, и, послѣ молитвы его о прощеніи передъ образомъ Богородицы, нѣкогда данное имъ «рукописаніе» свалилось сверху: душа Саввы была освобождена. Самъ же Савва черезъ нѣкоторое время постригся въ Чудовомъ монастырѣ и, поживъ нѣсколько лѣтъ, тамъ скончался.

Какъ можно видѣть изъ содержанія этой повѣсти, главной пружиной дѣйствія въ ней является бѣсъ, побѣждаемый въ концѣ концовъ раскаяніемъ Саввы и заступничествомъ божественной силы. Мотивъ этотъ—стараго происхожденія и имѣлъ въ древней русской письменности весьма широкое распространеніе [1]). Въ примѣръ можно указать на повѣсти о Евладіи и о бѣсноватой женѣ Соломоніи. Въ то время какъ первая [2]) раз-

---

[1]) Ѳ. Буслаевъ. Мои досуги, II (М. 1886), стр. 7—13.

[2]) Пам. стар. русск. литер. I, стр. 191—192.

сказываетъ о событіи, бывшемъ въ Кесаріи, гдѣ одинъ богатый юноша Евладій, желая добиться расположенія прекрасной и добродѣтельной дѣвушки Керасіи, продаетъ свою душу дьяволу, но затѣмъ, путемъ раскаянія, мученій и заступничества св. Василія Великаго, получаетъ обратно свое «рукописаніе», во второй [1]) дѣйствіе происходитъ уже въ русскихъ предѣлахъ, въ 1661 году: дочь попа Димитрія изъ Устюжской области (гдѣ жилъ и отецъ Саввы Грудцына) Соломонія вышла замужъ за крестьянина Матѳея, но затѣмъ вступила въ связь съ демонами, имѣла отъ нихъ «темнозрачныхъ» дѣтей, претерпѣла рядъ величайшихъ мученій и, наконецъ, была спасена заступничествомъ Богородицы и устюжскихъ угодниковъ Прокопія и Іоанна. Въ частности, эпизодъ съ рукописаніемъ пользовался въ старой письменности очень большою популярностью и находился уже въ весьма извѣстномъ апокрифическомъ «словѣ» объ Адамѣ, гдѣ разсказывается о томъ, какъ Адамъ далъ дьяволу «рукописаніе» на вѣчное рабство и работу, но затѣмъ былъ спасенъ актомъ воплощенія, страданіями и земной смертью Сына Божія.

Впрочемъ, этими указаніями еще не рѣшается вопросъ о ближайшемъ литературномъ источникѣ Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ. По этому поводу высказано было мнѣніе [2]), что въ нѣкоторой идейной связи съ нашей повѣстью стоитъ переведенное чудовскимъ монахомъ Дамаскинымъ во второй половинѣ XVII вѣка греческое сочиненіе «Грѣшныхъ спасеніе», оригиналъ котораго былъ изданъ въ Венеціи въ 1641 году; основная тенденція этого сборника, третья часть котораго перечисляетъ многочисленныя «чудеса» Богородицы, заключается въ культѣ Дѣвы Маріи, имѣвшемъ, какъ извѣстно, широкое распространеніе на католическомъ западѣ и перешедшемъ къ намъ въ эпоху усиленія западно-русскихъ и польскихъ культурныхъ и литературныхъ вліяній. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этой мысли о происхожденіи Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ является и то, что мѣсто дѣйствія заключительнаго событія ея пріурочивается къ Чудову монастырю. Однако сдѣлать тутъ какіе-либо опредѣленные выводы пока не представляется возможнымъ.

По своимъ собственно литературнымъ особенностямъ, повѣсть представляетъ собою смѣсь элементовъ духовно-книжныхъ съ народно-поэтическими. Первые нашли себѣ выраженіе не только въ основной тенденціи и приведенныхъ частностяхъ содержанія, но и въ самомъ заглавіи повѣсти, указывающемъ на ея религіозно-назидательный смыслъ. Въ разныхъ спискахъ она называется то «зѣло предчюдна и удивленію достойна, иже бысть грѣхъ ради нашихъ» (по изданію Тихонравова), то «страха и ужаса исполнена и неизреченнаго удивленія достойна, како человѣколюбивый Богъ долготерпѣливъ сый, ожидаяй нашего обращенія и неизреченными своими судьбами всякаго человѣка приводитъ ко спасенію, еже бысть во дни сія, и являетъ человѣколюбіе свое надъ родомъ христіанскимъ» (по изданію Костомарова). Слѣды народной поэзіи можно усмотрѣть

---

[1]) Тамъ же, I, стр. 153—161.

[2]) В. Розовъ. Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ. Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1905, № 3.

въ той части повѣсти, гдѣ описываются богатырскіе подвиги Саввы противъ польскихъ силачей подъ Смоленскомъ. Повѣсть имѣла въ XVII и отчасти XVIII вѣкѣ много читателей, на что указываетъ значительное число сохранившихся ея списковъ [1]).

На той же демонологической основѣ построена и «Повѣсть о горѣ и злосчастіи, како горе-злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ» [2]); только бѣсъ тутъ является въ качествѣ соблазнителя на пьянство и какъ бы сливается съ образомъ «горя-злосчастія», своего рода судьбы, преслѣдующей человѣка до какого-либо опредѣленнаго конца. Содержаніе повѣсти начинается издалека, буквально отъ Адама:

Сотворилъ Богъ Адама и Еву,
Повелѣлъ имъ жити во святомъ раю,
Далъ имъ заповѣдь божественну:
Не повелѣлъ кушати плода винограднаго,
Отъ едемскаго дерева великаго.

Однако прародители согрѣшили и дали начало «злому племени человѣческому», которое «пошло непокорливо» и «ко отцову ученію зазорчиво», «прямое смиреніе отринуло»: за это Богъ навелъ на людей скорби и напасти великія, «наказуя насъ» и «приводя насъ на спасенный путь».

Иллюстраціей этого общаго введенія и является слѣдующій далѣе разсказъ. Былъ одинъ «молодецъ», котораго родители учили всему доброму: не пить много вина, не прельщаться женской красотою, не знаться съ «костарями» (игроками въ кости) и корчемниками. Но молодецъ этихъ совѣтовъ не послушался и пожелалъ жить «какъ ему любо»: «наживалъ пятьдесятъ рублевъ и находилъ пятьдесятъ друговъ». Среди такихъ друзей нашелся одинъ «названый братъ», который свелъ молодца въ «избу кабацкую», поднесъ ему чару «зелена вина» и кружку «пива пьянаго» и сталъ давать наставленія, какъ жить:

Гдѣ пилъ, тутъ и спать ложись;
Надѣйся, надѣйся на меня, брата названаго,
Я сяду стеречь и досматривать.

Началось безпросыпное пьяное житье, а за нимъ нищета: «драгіе порты», «рубашка» и «чулочки» скоро оказались «слуплены» и «ограблены», «кирпичекъ положенъ подъ буйную голову», да и самого «мила-друга» названаго брата не стало. Стыдно стало молодцу; къ отцу и матери идти онъ не рѣшился, а пошелъ «на чужу страну дальну-незнаему», попалъ здѣсь на «честенъ пиръ», и посадили его въ «мѣсто среднее». Когда люди замѣтили,

---

[1]) Назв. соч. В. Розова, стр. 1. Народный малорусскій пересказъ этой повѣсти см. у В. П. Горленка: Южно-русскіе очерки и портреты. Кіевъ 1898, стр. 126—127.

[2]) Открытая А. Н. Пыпинымъ, повѣсть эта была первоначально опубликована Н. И. Костомаровымъ въ «Современникѣ» 1856 № 3. О другихъ ея изданіяхъ см. у П. К. Симони: Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій. Вып. VII. 1. Повѣсть о горѣ и злосчастіи. Спб. 1907, стр. 2—12.

что молодецъ не пьетъ, не ѣстъ и ничѣмъ не хвалится, то стали спрашивать о причинѣ скорби; въ отвѣтъ молодецъ разсказалъ имъ, какъ ослушался отца-матери и что изъ этого вышло; въ концѣ онъ просилъ совѣта: «какъ мнѣ жить на чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ и какъ залѣзти мнѣ милыхъ друговъ?» Добрые люди говорили ему:

Не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ,
Покорися ты другу и недругу,
Поклонися ты стару и молоду;
А чужихъ ты дѣлъ не объявливай,
А что ты слышишь или видишь—не сказывай!
Не льсти ты межъ други недруги,
Не имѣй ты упадки вилавыя,
Не вѣйся змѣею лукавою,
Смиренiе ко всѣмъ имѣй,
И ты кротостiю держися истины съ правдою!

Запасшись этими совѣтами, молодецъ снова пошелъ на «чужую сторону», нажилъ богатство и присмотрѣлъ себѣ невѣсту, да на честномъ пиру «по Божiю попущенiю, а по дѣйству дьяволю» расхвастался. Подслушало это хвастанье «горе-злосчастiе» и привязалось къ молодцу, какъ прежнiй «названый братъ»; оно убѣдило молодца отказаться отъ невѣсты и снова пуститься въ пьянство, такъ что пришлось опять надѣть на плечи «гунку кабацкую». Въ дальнѣйшихъ странствованiяхъ какъ ни старался отдѣлаться молодецъ отъ своего спутника—ничего не помогало:

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А горе за нимъ бѣлымъ кречатомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А горе за нимъ съ борзыми выжлецы;
Молодецъ сталъ въ поле ковыль-трава,
А горе пришло съ косою вострою.

Не видя спасенiя, молодецъ пошелъ въ монахи:

А горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впредь не привяжется.

«Повѣсть о горѣ и злосчастiи» чрезвычайно цѣнна оригинальнымъ сочетанiемъ книжнаго демонологическаго мотива съ народнымъ представленiемъ о лихой долѣ; это —книжное произведенiе XVII вѣка, отразившее на себѣ поэтическiе образы подлинно-народной фантазiи и мiросозерцанiя. Изображенный тутъ «молодецъ» не носитъ на себѣ опредѣленныхъ чертъ какой-либо эпохи, мѣстности или сословiя [1]). Онъ—просто русскiй человѣкъ,

[1]) Ѳ. Буслаевъ. Историческiе очерки русской народной словесности и искусства. Т. I (1861), стр. 553—554.

не лишенный ума, способностей и хорошихъ нравственныхъ стремленій, но слабый волей, готовый подчиниться чужому вліянію и преслѣдуемый злой долей; онъ инстинктивно ищетъ спасенія и находитъ его тамъ, куда и должна была только привести его благочестивая мысль древне-русскаго человѣка,—въ монастырѣ. Спасеніе это достигается имъ безъ помощи божественной силы: молодецъ самъ «спамятуетъ спасенный путь»; бѣсовская сила третируется насмѣшливо, и при такихъ условіяхъ побѣда монашескаго идеала наилучшимъ образомъ свидѣтельствуетъ о переходной эпохѣ, въ которую возникло это замѣчательное проявленіе ея творческихъ литературныхъ силъ.

Третья повѣсть, «Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобеевѣ» [1]), представляетъ собою выходъ изъ круга демонологическихъ представленій и серьезнаго назиданія въ область легкаго разсказа объ удачныхъ продѣлкахъ «ябедника», бывшаго новгородскаго дворянина Фрола Скобеева. Въ повѣсти, дѣйствіе которой относится къ 1680 году, разсказывается о томъ, что Фролъ Скобеевъ, не смотря на свою должность, пожелалъ «возымѣть любленіе» съ дочерью богатаго стольника, жившаго въ томъ же «Новгородскомъ уѣздѣ», Нардина-Нащокина. Въ одинъ изъ святочныхъ дней въ домѣ стольника была устроена вечеринка для «веселости» его дочери Аннушки; приглашено было много дѣвицъ. Замысливъ овладѣть Аннушкой, Фролъ подкупилъ за пять рублей ея «мамку», которая не только пригласила на вечеринку сестру Скобеева, но пропустила туда и его самого переодѣтымъ въ «дѣвическій уборъ». Стараніемъ той же мамки между дѣвицами были устроены игры, такъ что, согласно порядку одной изъ нихъ, Фролу удалось остаться на продолжительное время одному съ Аннушкой. Такъ какъ, благодаря смѣлости Фрола и неопытности Аннушки, дѣло зашло у нихъ слишкомъ далеко, то Аннушкѣ оставалось лишь стать на сторону своего побѣдителя и, для избѣжанія позора, желать съ нимъ законнаго брака.

Между тѣмъ, отецъ Аннушки, будучи въ Москвѣ, вызываетъ туда письмомъ и свою дочь. Вслѣдъ за ней отправился въ Москву и Скобеевъ, сказавши на прощаньи своей сестрѣ: «отъ Аннушки я не отстану—или буду полковникъ, или покойникъ». Здѣсь онъ, поселившись недалеко отъ двора Нардина-Нащокина, поддерживалъ сношенія со своей возлюбленной, которая, черезъ свою мамку, послала ему даже 20 рублей. У стольника имѣлась сестра, монахиня, которая просила брата прислать къ ней когда-нибудь племянницу погостить. Этимъ воспользовался Скобеевъ, и однажды, когда стольника съ женою не было дома, Фролъ выпросилъ у стольника Ловчикова карету съ лошадьми и, подпоивъ кучера, увезъ Аннушку и женился на ней, при чемъ былъ сдѣланъ видъ, что Аннушка поѣхала къ своей теткѣ-монахинѣ въ монастырь. Ничего не подозрѣвая, Нардинъ-Нащокинъ въ одномъ изъ разговоровъ съ сестрой, при свиданіи, спросилъ о дочери и только тутъ узналъ объ ея исчезновеніи. Фролъ, между тѣмъ, не бездѣйствовалъ: онъ упросилъ стольника Ловчикова быть за него пред-

---

[1]) Первоначально издана была, съ пропусками, И. Купріяновымъ въ «Москвитянинѣ» 1853, кн. 1, а затѣмъ вполнѣ В. В. Сиповскимъ: Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., стр. 59—70.

стателемъ передъ Нардинымъ-Нащокинымъ, который уже извѣстилъ о пропажѣ своей дочери царя. Невольному тестю пришлось однако же примириться со своимъ неожиданнымъ зятемъ изъ жалости и любви къ дочери; молодая чета получила не только прощеніе отъ гордаго стольника, но и изрядное имущество въ прибавку. Въ концѣ концовъ состоялось полное примиреніе, и «ябедникъ» Фролъ Скобеевъ получилъ для пропитанія себя и жены симбирскую вотчину стольника, триста рублей денегъ, а впослѣдствіи сдѣлался наслѣдникомъ всего имѣнія Нардина-Нащокина и сталъ жить въ «великой славѣ».

Такимъ образомъ, если въ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ главныя дѣйствующія лица принадлежатъ къ купеческому сословію, то въ исторіи о Фролѣ Скобеевѣ мы видимъ передъ собой боярство, на бытовомъ фонѣ котораго протекаетъ разсказъ о продѣлкахъ бѣднаго дворянина, плута и по профессіи «ябедника». Приключенія Скобеева представляютъ собою одновременно любовную исторію и рядъ неблаговидныхъ поступковъ, направленныхъ къ пріобрѣтенію матеріальныхъ выгодъ; интересъ къ послѣднимъ преобладаетъ у автора надъ интересомъ къ первой, потому что и у самого героя «исторіи» любовная интрига со стольничьей дочерью подчинена соображеніямъ и цѣлямъ совсѣмъ другого порядка. Отношеніе автора къ продѣлкамъ «ябедника» самое благодушное и не заключаетъ въ себѣ никакой назидательности; онъ совершенно далекъ отъ того, чтобы возмущаться поступками своего героя и внушить подобное чувство читателямъ; послѣдніе скорѣе могли вынести изъ чтенія «исторіи» желаніе подражать такому ловкому счастливцу, какимъ изображенъ въ ней Фролъ Скобеевъ. Оба стольника остаются передъ нимъ какъ бы въ дуракахъ и вынуждены, въ концѣ концовъ, примириться съ тѣмъ положеніемъ, въ которое ихъ ставитъ умный и изворотливый «ябедникъ», пользующійся явной симпатіей автора.

Въ «исторію» введено громкое историческое имя: едва ли подлежитъ сомнѣнію, что подъ стольникомъ Нардинымъ-Нащокинымъ слѣдуетъ разумѣть извѣстнаго Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина (умершаго въ 1680 г.), ближняго боярина царя Алексѣя Михайловича и одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ русскихъ людей XVII вѣка, горячо сочувствовавшаго лучшимъ стремленіямъ своей эпохи. Однако историчность въ разсказѣ о Фролѣ Скобеевѣ ограничивается лишь однимъ именемъ: въ изображеніи Нардина-Нащокина нѣтъ даже и намека на государственную дѣятельность и воззрѣнія А. Л. Ордина-Нащокина, кромѣ развѣ указанія на его близость къ государю, которому онъ сообщаетъ объ исчезновеніи своей дочери; но подобный же случай мы видѣли и въ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ, гдѣ о несчастіи съ героемъ сообщаетъ царю простой сотникъ Яковъ Шиловъ. Съ другой стороны, въ дѣйствительной жизни историческаго Ордина-Нащокина [1]) неизвѣстны такія событія, которыя бы имѣли какое-

---

[1]) См. о немъ статью В. С. Иконникова: Ближній бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, одинъ изъ предшественниковъ Петровской реформы. Русская Старина, 1883, №№ 10—11.

либо соотвѣтствіе съ эпизодомъ въ «Исторіи о Фролѣ Скобеевѣ»; быть можетъ, послѣдняя построена на разсказѣ изъ семейной жизни названнаго боярина, но подтвердить или отвергнуть достовѣрность этого разсказа мы не имѣемъ достаточно данныхъ [1]).

Интересъ къ повѣсти о Фролѣ Скобеевѣ продолжался и въ XVIII вѣкѣ, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ одномъ изъ списковъ герой получилъ имя «Фрола Скомрахова» [2]); вмѣстѣ съ тѣмъ, во второй половинѣ XVIII вѣка исторія о Фролѣ Скобеевѣ послужила матеріаломъ для передѣлки Ив. Новикова: «Похожденія Ивана Гостинаго сына и другія повѣсти. Двѣ части. Спб. 1785—1786» (I. 112—152: Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ, съигранной въ Москвѣ свадебнымъ) [3]).

Таковы попытки, сдѣланныя неизвѣстными русскими авторами XVII вѣка къ созданію оригинальной повѣсти. Наибольшей независимостью отъ старыхъ литературныхъ преданій и новизной отличается «Исторія о Фролѣ Скобеевѣ». Конечно, въ собственно-литературномъ отношеніи эти попытки еще очень скромны: тутъ еще нѣтъ никакого художественнаго обобщенія, и поэтическіе элементы «Горя-злосчастія» всецѣло принадлежатъ области пріемовъ стараго народнаго пѣснотворчества; вообще, слѣдовъ сознательнаго авторства въ этихъ повѣстяхъ не видно. Если оставить въ сторонѣ «Повѣсть о горѣ и злосчастіи», то два другія произведенія представляютъ собою передачу единичныхъ фактовъ, какъ они казались авторамъ на основаніи слышаннаго или вычитаннаго матеріала. Историческое значеніе этихъ произведеній также немаловажно: въ нихъ изображаются бытъ, нравы и понятія переходной эпохи.

Изложенными фактами заканчивается, въ основныхъ чертахъ, первая половина того періода въ развитіи русской литературы, который мы назвали переходнымъ. Передъ нами стоитъ теперь вторая его половина— собственно Петровская эпоха и дальнѣйшія полтора десятилѣтія XVIII вѣка, до появленія на литературной аренѣ Ломоносова. Обѣ эти половины, представляя собою въ совокупности чрезвычайно важный моментъ въ ходѣ русской литературной жизни, подготовившій наступленіе ея «новаго» періода, обнаруживаютъ между собою немаловажное различіе. Основной особенностью первой половины, укладывающейся въ послѣднія двѣ четверти XVII вѣка, является сближеніе съ западомъ; усвоена была московской литературой огромная масса литературныхъ произведеній западнаго происхожденія, преимущественно въ области повѣствовательной; особенной новостью было силлабическое стихотворство и театръ. Но это западное вліяніе сопряжено было съ глубокими движеніями народнаго духа. Западъ и его посредница Польша были для русскаго человѣка XVII вѣка носителями не только иной культуры, но и иной вѣры—преимущественно като-

[1]) А. Пыпинъ. Очеркъ, стр. 282—283.

[2]) А. Пыпинъ. Для любителей книжной старины, стр. 74.

[3]) В. Сиповскій. Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., стр. 73—89.

лической: отсюда явилась борьба сначала въ Юго-западной Руси, а потомъ и въ Московской, возникавшая по поводу разныхъ вѣроисповѣдныхъ и богословскихъ вопросовъ, но имѣвшая гораздо болѣе широкій общественный характеръ; это была борьба двухъ началъ, западнаго и восточнаго, поступательнаго и консервативнаго; изъ нихъ которое-нибудь одно должно было получить преобладаніе. Въ этомъ характерѣ борьбы заключается и весь смыслъ раскола, поскольку онъ долженъ занимать свое мѣсто въ изложеніи фактовъ литературы XVII вѣка [1]). Побѣда, какъ извѣстно, осталась за западнымъ теченіемъ; восточное принуждено было отступить, но, уходя въ прошлое, оно дѣлало это съ большимъ напряженіемъ боевыхъ силъ, чрезвычайно осложнявшимъ болѣзненный переходъ отъ стараго къ новому. И это новое явилось прежде всего въ лицѣ Петра Великаго, олицетворившаго собою и характеромъ своей дѣятельности вторую половину переходной эпохи. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже съ болѣе непосредственнымъ прикосновеніемъ къ западу и его литературнымъ источникамъ. Это время, подобно XVII вѣку, также характеризуется идейной борьбой, принимающей нерѣдко весьма острый характеръ, но въ общемъ преобладаютъ уже факты положительныхъ пріобрѣтеній русской литературы; являются писатели не только съ яркою индивидуальностью, но и съ наличностью духовнаго или свѣтскаго образованія, съ научнымъ и философскимъ складомъ ума, съ извѣстнымъ литературнымъ навыкомъ въ новомъ духѣ, владѣющіе отчасти новыми формами литературнаго выраженія: словомъ, мы встрѣчаемся тутъ съ продуктами той работы и съ результатами тѣхъ культурныхъ и общественныхъ усилій въ области литературы, для которыхъ въ XVII вѣкѣ лишь расчищался путь, подготовлялась почва и настроеніе.

В. Литературныя явленія Петровской эпохи.

I.

Петровская эпоха въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.—Петръ Великій, какъ историческая личность; характеръ его преобразовательной дѣятельности; отношеніе къ нему современниковъ и потомства.—Отношеніе Петра къ литературѣ и просвѣщенію.—Заботы о переводѣ книгъ; личное участіе его въ этомъ дѣлѣ.—Начало періодической печати въ Россіи.

Хотя, какъ было уже сказано, культурно-историческое и литературное содержаніе эпохи Петра Великаго, замыкающейся въ хронологическія рамки послѣднихъ годовъ XVII и первой четверти XVIII вѣка, находится въ самой тѣсной связи со второй половиной XVII вѣка, тѣмъ не менѣе невозможно отрицать извѣстнаго впечатлѣнія новизны многихъ

---

[1]) Развитію этой мысли посвящено замѣчательное изслѣдованіе В. О. Ключевскаго: Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка. Историко-психологическій очеркъ. Вопросы философіи и психологіи, кн. 36. 38. 39 (1897).

явленій этого царствованія. Такое впечатлѣніе создаетъ прежде всего сама личность Петра Великаго—безспорно колоссальной исторической фигуры, имѣвшей огромное личное вліяніе на ходъ событій русской исторіи; тутъ мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительно великимъ человѣкомъ въ рамкахъ не одной только нашей, но и всемірной исторіи.

Для личности и дѣятельности Петра Великаго уже вполнѣ наступила возможность спокойнаго историческаго освѣщенія, но освѣщеніе это до сихъ поръ носитъ характеръ двойственности, положительнаго или отрицательнаго къ нему отношенія. Петръ Великій принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ лицъ нашего историческаго прошлаго, противъ которыхъ безсильно время: онъ не старѣетъ и остается совершенно живымъ лицомъ, жизненное значеніе котораго вытекаетъ не только изъ исключительной его индивидуальности, но также изъ характера и объема его дѣятельности, изъ важности историческаго момента ея проявленія, изъ многочисленности и значительности ея результатовъ для русской жизни. Противоположность взглядовъ на Петра и его творческую работу нашла себѣ яркое выраженіе еще при его жизни (въ этомъ отношеніи достаточно извѣстны заявленія Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича, Посошкова и др.), и исторія этихъ взглядовъ въ теченіе почти цѣлыхъ двухъ столѣтій [1]) съ несомнѣнностью указываетъ на то, что въ вопросѣ о Петрѣ совмѣщался вопросъ русской жизни не только въ ея современности относительно великаго преобразователя, но также въ ея прошломъ и даже будущемъ. Это и понятно, если принять во вниманіе, что созидательныя стремленія Петра вытекали изъ безповоротно рѣшеннаго имъ вопроса объ источникѣ дальнѣйшаго русскаго просвѣщенія, который онъ усмотрѣлъ на западѣ. Хотя такое рѣшеніе даннаго вопроса, какъ и самая его постановка, не были новы и унаслѣдованы Петромъ отъ самой русской жизни XVII вѣка, однако ему первому выпало на долю фактически осуществить это рѣшеніе, вывести его изъ области идей и робкихъ попытокъ въ кругъ явленій дѣйствительной жизни. Уже изъ современниковъ Петра одни примкнули къ его мысли о западѣ, какъ источникѣ истиннаго просвѣщенія, а другіе видѣли этотъ источникъ въ прошломъ самой русской дѣйствительности, забывая при этомъ, что идеалы послѣдней даже въ самомъ отдаленномъ прошломъ не обладали ни безусловной цѣльностью, ни свободой отъ чужеземныхъ вліяній; но таковъ былъ глубоко жизненный характеръ этого вопроса, что черезъ полтора столѣтія И. В. Кирѣевскій (въ 1852 году) писалъ: «Мало вопросовъ, которые въ настоящее время были бы важнѣе вопроса объ отношеніи русскаго просвѣщенія къ западному. Отъ того, какъ онъ разрѣшается въ умахъ нашихъ, зависитъ не только господствующее направленіе нашей литературы, но, быть можетъ, и направленіе всей нашей умственной дѣятельности, и смыслъ нашей частной жизни, и характеръ общежительныхъ

---

[1]) Е. Ф. Шмурло. Петръ Великій въ русской литературѣ. Ж. М. Н. Пр. 1889, №№ 7—8 и отд. Спб. 1889. Переработка этого сочиненія напечатана, подъ заглавіемъ «Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства», въ Ж. М. Н. Пр. 1911—1912 и отд., вып. I. XVIII вѣкъ: Спб. 1912.

отношеній» (Соч. II, стр. 229). Въ настоящее время вопросъ этотъ потерялъ, конечно, практическую остроту, но онъ удерживаетъ за собою все свое первостепенное историческое значеніе.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на выраженіяхъ того одобренія и восторга, которыя обращены были какъ къ самому Петру, такъ и къ его дѣятельности; это настроеніе сторонниковъ великаго преобразователя явилось подкладкой многихъ литературныхъ произведеній XVIII вѣка. Менѣе громки были голоса противниковъ Петра Великаго: большею частію они оставались въ пору своего возникновенія подъ спудомъ, и лишь въ XIX вѣкѣ, когда оказалось возможнымъ историческое отношеніе къ эпохѣ, стали болѣе свободно формулироваться тѣ обвиненія противъ Петра, которыя уже давно накапливались въ отрывочныхъ заявленіяхъ и сужденіяхъ частнаго характера. Къ какимъ же основнымъ положеніямъ могутъ быть сведены въ настоящее время эти обвиненія противъ Петра, какъ носителя западнаго идеала? Во 1-хъ, Петръ недостаточно высоко оцѣнилъ явленія древне-русской жизни и ошибочно рѣшилъ замѣнить старые порядки новыми, взятыми съ запада; во 2-хъ, на многихъ его дѣлахъ лежитъ печать поспѣшности и насилія; въ 3-хъ, преобразованія его были чисто внѣшнія, не могли затронуть глубины старой жизни и дали ей лишь ненужный, смѣшной лоскъ европеизма. Такимъ образомъ, Петръ неправильно избралъ путь обновленія русской жизни, примѣнилъ дурные способы его прохожденія, и результаты его работы были отрицательные. По поводу этихъ обвиненій можно сказать, оставаясь на исторической точкѣ зрѣнія, слѣдующее. Ва самомъ дѣлѣ, нельзя отрицать, что, увлекаемый преобразовательными идеями, Петръ иногда безъ разбору ломалъ очень многое, въ томъ числѣ и хорошее, въ старой русской жизни; но объясненіемъ этого служитъ необычайно стремительный характеръ всей его реформаторской дѣятельности, поставленной въ необыкновенныя условія совокупностью сложившихся обстоятельствъ; не смотря на извѣстную подготовку нѣкоторой части русскихъ умовъ къ преобразованіямъ, проведеніе послѣднихъ было все-таки одной изъ самыхъ бурныхъ революцій, произведенныхъ сверху. Въ основѣ многихъ разрушительныхъ дѣйствій Петра лежала великая идея созиданія, и потому съ ними мирились даже такіе исконно-русскіе люди, какъ Посошковъ: «не токмо—говорилъ онъ—суда весьма застарѣлаго, не разсыпавъ его и подробну не разсмотря, не исправить, но и хоромины ветхія, не разсыпавъ всея и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити» (Соч. I, стр. 96). Выборъ источника просвѣщенія на западѣ вовсе не былъ личнымъ дѣломъ Петра: онъ былъ съ достаточной ясностью указанъ его предками и самой силою вещей, потому что другого живого источника не было; старыя византійскія преданія уже значительно потеряли свой авторитетъ даже въ глазахъ консервативной части русскаго общества, а послѣднее, какъ сравнительно молодой государственно-общественный организмъ, нуждалось въ живомъ матеріалѣ для дальнѣйшаго поступательнаго движенія, искало новыхъ идей и надежнаго пути для своего развитія; все это было только на западѣ, и соприкосновеніе послѣдняго съ Русью было неизбѣжной исто-

рической необходимостью. Такимъ образомъ, Петръ не могъ тутъ дѣлать никакого выбора. Но замѣчательно, что, заимствуя европейское просвѣщеніе, Петръ всегда имѣлъ въ виду національныя выгоды Россіи; онъ вездѣ, гдѣ это было возможно, выдвигалъ русскихъ людей на службу родинѣ: въ президенты коллегій онъ всегда назначалъ природныхъ русскихъ, а иностранцы могли быть лишь вице-президентами; чинъ 1 класса не былъ также доступенъ иностранцамъ и т. д.; вообще, онъ смотрѣлъ на призывъ въ Россію иностранцевъ лишь какъ на временную, но необходимую мѣру; въ природныя способности русскаго народа онъ вѣрилъ безгранично: иначе его дѣятельность, расчитанная по широкому плану, не имѣла бы для него самого внутренней опоры. Далѣе, Петру ставятъ въ вину поспѣшность и насиліе. Но поспѣшность вытекала у него изъ страстной преданности его идеѣ предпринятаго имъ преобразованія Россіи: разъ онъ увѣровалъ въ необходимость этого дѣла, поспѣшность являлась уже дѣломъ его кипучаго темперамента, его стремленія сдѣлать какъ можно больше и скорѣе. Онъ весь былъ охваченъ своимъ планомъ обновленія Россіи; онъ боялся, что его жизни не хватитъ на это дѣло, и, весьма естественно, желалъ видѣть уже плоды своей дѣятельности; надо помнить, кромѣ того, что онъ былъ окруженъ антагонистами своего дѣла дома, не имѣлъ прямыхъ преемниковъ себѣ по духу и, предвидя если не разрушеніе, то равнодушіе къ начатому имъ дѣлу, онъ спѣшилъ сдѣлать по возможности все самолично. Отсюда проистекали и нерѣдкіе случаи принужденія, принимавшіе иногда дѣйствительно рѣзкія формы. Но не надо забывать, что, съ одной стороны, Петръ, при всей исключительности его натуры, былъ все-таки человѣкомъ своего времени, не отличавшагося особенной мягкостью и выдержкой въ дѣлѣ общественныхъ мѣропріятій, а съ другой стороны—преобразованія Петра вызывали въ массѣ русскаго народа постоянное и упорное несочувствіе, которое слагалось въ могущественную партію, стоящую за старину. Тутъ опять умѣстно вспомнить извѣстное сужденіе Посошкова: «онъ (Петръ) на гору аще и самъ-десятъ тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то какъ дѣло его споро будетъ?» (Соч. I, стр. 95). Добиться согласія этихъ милліоновъ путемъ убѣжденія не было возможности; надо было или отказаться отъ самаго дѣла, или идти, какъ говорится, напроломъ; представленіе объ абсолютной волѣ монарха и глубокая вѣра въ необходимость преобразованій рѣшили вопросъ въ пользу принужденій. Самъ Петръ, имѣя въ виду это еще при его жизни предъявлявшееся ему обвиненіе, пытался на него отвѣтить. Въ указѣ о введеніи китоваго промысла онъ говорилъ: «когда въ томъ старомъ и заобыкломъ государствѣ (т. е. Голландіи) принужденіе чинится, то кольми паче у насъ надобно принужденіе въ томъ, яко у новыхъ людей во всемъ»; по другому поводу, въ указѣ объ умноженіи мануфактуръ въ Россіи, мы читаемъ: «нашъ народъ, яко дѣти неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ». Нако-

ненъ, что касается обвиненія Петра въ поверхностномъ характерѣ его преобразованій, то оно, прежде всего, становится въ противорѣчіе съ тѣмъ мнѣніемъ, будто старые устои русской жизни были замѣнены безъ достаточнаго основанія новыми: если преобразованія были только внѣшними, то нельзя говорить о фактическомъ поворотѣ русской жизни на новый путь, потому что при поверхностномъ воздѣйствіи старыя основы жизни пострадать не могли. Но, конечно, такое указаніе прямо невѣрно: напротивъ, глубина захвата русской жизни преобразованіями Петра была изумительна, и многое изъ начатаго Петромъ пришлось додѣлывать цѣлому ряду его преемниковъ, особенно Екатеринѣ II. Если же преобразованія Петра и породили дѣйствительно нѣкоторыя уродливыя проявленія въ русской жизни, обличающія недостаточное воспріятіе культурныхъ даровъ реформы, то это является обычнымъ послѣдствіемъ подобнаго рода процессовъ; для большей глубины воспріятія нужно было время, не говоря уже о томъ, что самъ преобразователь не можетъ быть всецѣло отвѣтственъ за послѣдствія своихъ начинаній, расчитанныхъ на многія поколѣнія русскаго общества, которое само должно было переработать и осуществить брошенныя въ него идеи и зачатки новой культурной жизни.

Этими возраженіями противъ Петра Великаго и приведенными отвѣтными соображеніями, конечно, далеко не исчерпываются всѣ спорные пункты вопроса о немъ, поднятые въ научной и публицистической литературѣ [1]). Какъ антагонисты, такъ и защитники Петра сходны однако же въ томъ, что это былъ одинъ изъ самыхъ геніальныхъ умовъ своей эпохи, одаренный неутолимой жаждой къ просвѣщенію и безгранично настойчивый въ усвоеніи плодовъ этого просвѣщенія Россіи въ концѣ XVII и первой четверти XVIII вѣка. Въ этихъ широкихъ просвѣтительныхъ замыслахъ и огромной работѣ ихъ проведенія въ дѣйствительную жизнь и заключается основная сущность исторической роли Петра Великаго.

Вліяніе Петра въ собственно литературной области было весьма значительно. Петръ очень хорошо понималъ и высоко ставилъ силу печатнаго слова и, желая пересадить на русскую почву какъ можно больше необходимыхъ знаній, энергично заботился о составленіи и изданіи въ свѣтъ многихъ переводныхъ книгъ. Приказанія Петра о переводахъ начинаются очень рано, почти съ дѣтскаго возраста; напр., извѣстна рукопись «Художества огненная и разныя воинскія орудія, ко всякимъ городовымъ приступамъ и ко оборонѣ приличныя, издателемъ Іосифомъ Бойлотомъ Лангрини изобрѣтенныя»; изъ надписи на этой рукописи видно, что она была переведена «съ французскаго и нѣмецкаго на русскій языкъ», по указу «великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича», въ 1685 году [2]). Особенно частыми являются приказанія Петра о переводѣ книгъ съ 1708 года, когда введенъ былъ, по личному почину царя, выработанный при его дѣя-

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ рѣчи акад. Я. Грота: Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи. Спб. 1872, стр. 13—25.

[2]) Пекарскій, П. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, стр. 220.

тельномъ участіи гражданскій шрифтъ. Правой рукой Петра въ дѣлѣ переводовъ былъ начальникъ монастырскаго приказа Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, переписка котораго съ царемъ по книжнымъ дѣламъ представляетъ любопытнѣйшій документъ своего времени. Такъ, въ октябрѣ 1708 года Петръ приказываетъ Мусину-Пушкину, а тотъ сообщаетъ директору московской типографіи Ѳ. Поликарпову, чтобы найти нѣмецкій календарь и перевести его какъ можно скорѣе, а также чтобы исправить переводъ Исторіи Курція объ Александрѣ; въ 1713 году государь передаетъ Мусину-Пушкину Исторію о Кромвелѣ на латинскомъ языкѣ для отсылки въ Москву и перевода; въ 1715 году Мусинъ-Пушкинъ передаетъ Поликарпову приказаніе царя, «дабы трудились нелѣпостно въ переводѣ книгъ съ латинскаго ректоръ (Московской Славяно-греко-латинской Академіи) Лопатинскій и директоръ Поликарповъ». 21 сентября 1718 года Мусинъ-Пушкинъ пишетъ Поликарпову о своемъ разговорѣ съ царемъ на свадьбѣ у князя Голицына: «Да для чего, придалъ государь, по сю пору не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній—книга не большая, а такъ мѣшкаете? Отпиши о семъ Лопатинскому». Въ другомъ письмѣ: «Отцу Лопатинскому скажи, чтобъ перевелъ книги, которыя къ нему посланы. А великій Государь часто изволитъ напоминать, для чего долго не присылаются, и что бы не навелъ гнѣву...» Въ третьемъ письмѣ: «Писалъ я къ тебѣ многажды о переводѣ книгъ и чтобы говорилъ ты отцу Лопатинскому, дабы скорѣе переводилъ, а нынѣ великій государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ лексикона и прочихъ, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведутъ» [1]). Порученія о переводахъ книгъ занимали вниманіе Петра до послѣднихъ лѣтъ его жизни, причемъ не было мѣста и обстоятельствъ, которыя бы могли ограничить эти его книжныя заботы. Въ 1722 году, по возвращеніи изъ персидскаго похода, царь на одномъ праздникѣ заводитъ рѣчь о языческой религіи и, узнавъ, что объ этомъ имѣется сочиненіе Аполлодора, поручаетъ Синоду перевести его на русскій языкъ: это было исполнено типографскимъ справщикомъ А. Барсовымъ, и книга напечатана въ 1725 году. Въ 1723 году царь поручилъ новгородскому архіепископу Ѳеодосію распорядиться о переводѣ съ нѣмецкаго сельско-хозяйственнаго сочиненія В. Г. Гохберга, вышедшаго въ подлинникѣ въ Нюренбергѣ въ 1716 году, въ трехъ томахъ. За это дѣло принялся извѣстный тогдашній знатокъ нѣмецкаго языка между духовными русскими Ѳеофилъ Кроликъ, въ сотрудничествѣ съ переводчиками Синода Розенблутомъ и Василіемъ Козловскимъ. Когда въ 1724 году царю представлена была часть перевода, то онъ самъ занялся его просмотромъ и исправленіемъ, и возвратилъ рукопись переводчикамъ со слѣдующимъ замѣчательнымъ и характернымъ наставленіемъ, писаннымъ его собственной рукой: «Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего, кромѣ самого дѣла и краткаго передъ всякой вещью разговора, переводить не надлежитъ; но и вышереченный разговоръ, чтобы не праздной ради красоты и для вразумленія и наставленія

---

[1]) Пекарскій, I, стр. 210—211.

о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ». Переводъ этотъ оконченъ былъ лишь въ 1730 году и остался не напечатаннымъ [1]). Петръ былъ врагъ всякой растянутости и многословія въ рѣчи, поэтому требовалъ отъ переводовъ прежде всего ясности и удобопонятности, хотя бы при этомъ приходилось жертвовать точностью передачи подлинника: «надлежитъ—писалъ онъ Ив. Зотову—въ той книжкѣ, которую нынѣ переводите, остерегаться въ томъ, дабы внятнѣе перевесть, и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіи выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе» [2]). Еще менѣе былъ равнодушенъ Петръ къ содержанію переводовъ. Въ этомъ отношеніи довольно привести одинъ, весьма любопытный, примѣръ. Префектъ училищъ Гавріилъ Бужинскій сдѣлалъ, по порученію Петра, переводъ знаменитаго сочиненія Самуила Пуффендорфа «Введеніе въ исторію европейскую». Такъ какъ въ одной главѣ этого сочиненія, посвященной «Московіи», оказались мѣста, которыя могли бы быть оскорбительны русскому читателю по рѣзкимъ и невыгоднымъ отзывамъ въ нихъ о русскихъ, то переводчикъ опустилъ эти мѣста и въ такомъ видѣ представилъ свой переводъ государю; но послѣдній прежде всего обратилъ вниманіе именно на эти мѣста и, не найдя ихъ въ переводѣ, жестоко разбранилъ переводчика, приказавъ при этомъ перевести книгу совершенно точно и согласно съ подлинникомъ [3]); въ этомъ видѣ она и была напечатана въ 1718 году.

Петръ искалъ и находилъ переводчиковъ вездѣ, гдѣ это было по обстоятельствамъ возможно. Главнымъ центромъ, въ которомъ совершались переводы по заказамъ царя, была Московская Академія. Когда былъ учрежденъ Синодъ, Петръ дѣлалъ очень часто черезъ него порученія о переводахъ: напр., будучи въ засѣданіи Синода 19 ноября 1721 года, онъ приказалъ тамъ перевести «на словенскій діалектъ» трудъ Пуффендорфа De officiis hominis et civis; переводъ былъ исполненъ въ 1724 году справщикомъ Іосифомъ Кречетовскимъ и просмотрѣнъ упомянутымъ Гавріиломъ Бужинскимъ, но напечатанъ былъ уже послѣ смерти Петра. Весьма важнымъ центромъ переводческой дѣятельности былъ Посольскій приказъ, пріемы котораго, въ отношеніи простоты языка, встрѣчали особенное сочувствіе Петра; такъ, Мусинъ-Пушкинъ, руководясь наставленіями государя, писалъ, при возвращеніи Поликарпову переведенной имъ «Географіи», что эта книга «переведена гораздо плохо»: «того ради исправь хорошенько, не высокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ, такожъ и лексиконы. Со всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ словенскихъ класть не надобеть, но посольскаго приказу употреби слова» [4]). Нѣкоторые переводы

---

[1]) Пекарскій, I, стр. 213—214.

[2]) Пекарскій, I, стр. 227.

[3]) Пекарскій, I, стр. 326.

[4]) Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи, изд. «Общ. Пользы», кн. IV. 242.

совершены были, по порученію царя, также въ Кіевѣ и Новгородѣ, даже заграницей, гдѣ переводами занимались проживавшіе тамъ русскіе, напр. кн. Долгорукій и Петръ Толстой въ Венеціи [1]). Наконецъ, переводчиковъ искалъ Петръ и среди иностранцевъ-славянъ, особенно чеховъ. Такъ, въ 1715 году онъ писалъ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, чтобы тотъ отыскалъ «Лексиконъ универсалисъ» нѣмецкаго и англійскаго изданій, а также «книгу юриспруденцію»: «И какъ ихъ сыщешь, тогда надобно тебѣ съѣздить въ Прагу и тамъ въ езувицкихъ школахъ учителемъ говорить, чтобъ они помянутыя книги перевели на словенскій языкъ, и о томъ съ ними договоритесь, почемъ они возмутъ за работу отъ книги, и о томъ намъ пишите жъ. И понежѣ нѣкоторыя рѣчи ихъ не сходны съ нашимъ словенскимъ языкомъ, и для того можемъ къ нимъ прислать русскихъ нѣсколько человѣкъ, которые знаютъ по латини и лучше могутъ несходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить. Въ семъ гораздо постарайся, понеже намъ сіе гораздо нужно» [2]). Придавая весьма важное значеніе вопросу о переводчикахъ, Петръ въ послѣдній годъ своего царствованія издалъ даже о нихъ особый указъ: «Для переводу книгъ—говорится тамъ—зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ, понеже никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводитъ, перевесть то не можетъ. Того ради заранѣе сіе надобно дѣлать такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ, и чтобъ всѣ изъ русскихъ или иноземцевъ, кои или здѣсь родились, или зѣло малы пріѣхали и нашъ языкъ какъ природный знаютъ, понеже на свой языкъ всегда легче переводить, нежели съ своего на чужой» [3]).

Языками, съ которыхъ дѣлались при Петрѣ русскіе переводы, были не только латинскій и отчасти польскій, употребительные для этой цѣли въ XVII вѣкѣ, но также нѣмецкій, французскій, голландскій, итальянскій. Въ то время, какъ прежде переводы возникали на Руси совершенно случайно, при Петрѣ они велись систематически, въ соображеніи съ потребностями практической жизни; при этомъ однако же было бы несправедливо утверждать, что этотъ практицизмъ имѣлъ исключительно узкій характеръ; государственныя и общественныя потребности своей эпохи по книжной части Петръ понималъ очень широко: при немъ и по его порученію появилось много переводовъ не только по военному и морскому дѣлу, математикѣ и разнаго рода техническимъ вопросамъ, но и по исторіи, географіи, политикѣ, юриспруденціи, богословію, искусству, миѳологіи, изъ нихъ немалое количество сочиненій энциклопедическихъ и вообще съ широкимъ содержаніемъ [4]). Въ вопросахъ книжныхъ великій преобразователь отнюдь не былъ сторонникомъ однихъ узко-утилитарныхъ воззрѣній; ему близки

[1]) Пекарскій, I, стр. 214. 216. 220.

[2]) Пекарскій, I, стр. 231.

[3]) П. С. З., VII № 4438: Пекарскій, I, стр. 243.

[4]) Весь объемъ книжной дѣятельности при Петрѣ Великомъ представленъ у Пекарскаго: Наука и литература, II, стр. 1—632.

были интересы историческіе, философскіе и вообще гуманитарные, за которыми онъ, со свойственной ему проницательностью, также усматривалъ великую пользу для русскаго народа, расчитанную на обширный масштабъ дѣйствія и продолжительное время въ будущемъ.

Петръ любилъ и цѣнилъ книгу не только по ея содержанію, но и по внѣшности; онъ неравнодушенъ былъ къ шрифту и переплету. Первой напечатанной гражданскимъ шрифтомъ книгой была «Геометрія»; она была отпечатана въ Москвѣ (1708) голландскими мастерами, вызванными изъ Амстердама, по рукописи, правленной самимъ царемъ и присланной имъ въ 1707 году «изъ военнаго похода» [1]). Въ 1709 году Петръ такъ писалъ Мусину-Пушкину о новонечатанныхъ гражданскимъ шрифтомъ книгахъ: «Печать во оныхъ книгахъ зѣло предъ прежней худа, нечиста и толста, въ чемъ вамъ надлежитъ посмотрѣть гораздо, чтобы такъ хорошо печатали, какъ прежнія, а именно противъ кумплементальной и слюзной [2]); тако жъ и переплетъ противъ оныхъ же, ибо нынѣшней присылки переплетъ очень дуренъ отъ того, что въ коренѣ гораздо узко вяжетъ, отчего книги таращатся, и надлежитъ гораздо слабко и просторно въ коренѣ дѣлать... Азбуку вели одну новоисправленную прислать...; литеру буки, также и покой вели переправить—зѣло дурно сдѣланы, почеркомъ также толсты, и, напечатавъ новою съ азбукою что малое, паки къ намъ пришли; а штемпели вырѣзать вели отвѣдать саксонцу, который на денежномъ дворѣ у адмирала рѣжетъ штемпели для монетъ» [3]).

Но всего очевиднѣе проявилось личное участіе Петра Великаго въ литературномъ движеніи своего времени въ изданіи «Вѣдомостей». Первая русская газета есть всецѣло его созданіе. Высоко цѣня значеніе періодической печати заграницей и понимая, какое содѣйствіе она могла бы оказать его начинаніямъ въ Россіи, Петръ издалъ 16 декабря 1702 года указъ о печатаніи «вѣдомостей», въ которыхъ должны были сообщаться свѣдѣнія «о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя подлежатъ для объявленія Московскаго и окрестнаго государства людямъ». Первый номеръ «Вѣдомостей» вышелъ 2 января 1703 года, въ Москвѣ. Петръ самъ былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ и вкладчикомъ въ это дорогое для него литературное предпріятіе. Многіе номера прокорректированы имъ собственноручно; немало извѣстій о побѣдахъ надъ непріятелемъ и о другихъ вещахъ и событіяхъ были посланы имъ для напечатанія въ газетѣ; тамъ помѣщено также нѣсколько собственноручныхъ его писемъ, напр. въ № 6 за 1708 годъ цѣлыхъ три. Успѣхъ «Вѣдомостей» въ Россіи не вполнѣ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Петра, и были годы, напр. 1717—1718, когда газета почти совсѣмъ замирала, но Петръ неоднократно подталкивалъ ее своимъ могучимъ

---

[1]) Пекарскій, II, стр. 179.

[2]) Имѣются въ виду книги «Приклады, како пишутся комплементы» и «О способахъ, творящихъ восхожденіе рѣкъ свободное», напечатанныя въ 1708 году (Пекарскій, II, стр. 180. 182).

[3]) Пекарскій, II, стр. 648—649.

вліяніемъ и личной помощью; было даже время, когда Петръ, отчаявшись въ возможности правильной постановки періодическаго изданія въ Россіи, хотѣлъ издавать русскую газету заграницей, о чемъ и писалъ въ декабрѣ 1713 года князю Куракину [1]).

2.

Старыя литературныя формы съ новымъ содержаніемъ.—Путешествія русскихъ людей въ чужія земли при Петрѣ Великомъ; описанія этихъ путешествій.—Дневникъ П. А. Толстого.—Записная книжка неизвѣстной особы.—Записки гр. А. А. Матвѣева.—Общее значеніе и характеръ этихъ произведеній.

При всей новизнѣ своего содержанія, самостоятельныя литературныя произведенія эпохи Петра Великаго остаются еще при старыхъ литературныхъ формахъ: тутъ мы видимъ описанія путешествій въ чужія земли, проповѣдь, повѣсти, публицистическіе и ученые трактаты, драму. Произведенія эти, съ одной стороны, не привязаны или весьма слабо привязаны къ тѣмъ или инымъ авторскимъ именамъ и являются почти исключительно выраженіемъ общихъ вкусовъ и настроеній: таковы—повѣсти, описанія путешествій, драма; съ другой же стороны, проповѣдь и публицистика тѣсно связаны съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ отдѣльныхъ авторовъ, вродѣ Яворскаго, Посошкова, Ѳеофана Прокоповича или Татищева. Это обстоятельство, немаловажное въ оцѣнкѣ литературныхъ явленій разсматриваемой эпохи, побуждаетъ насъ разсмотрѣть сначала произведенія съ слабой наличностью литературнаго сознанія, а потомъ уже обратиться къ болѣе виднымъ литературнымъ индивидуальностямъ, при чемъ относительно послѣднихъ придется, считаясь не только съ литературной, но и съ біографической стороной дѣла, нѣсколько раздвинуть впередъ хронологическія рамки изложенія.

Описанія путешествій въ чужія земли, какъ и самыя путешествія, имѣли мѣсто, какъ извѣстно, и въ старую эпоху нашей литературы и жизни. Но тогда путешествовали почти исключительно въ святыя земли, съ цѣлію поклоненія святынямъ Іерусалима и Царьграда; естественно, что и описанія такихъ путешествій получали по преимуществу церковно-религіозный характеръ. Такого рода путешествія продолжались еще и при Петрѣ Великомъ [2]), но главнымъ образомъ стали теперь ѣздить уже на западъ, по цар-

---

[1]) Пекарскій, II, стр. 313. См. Балицкій, Г. В. Зарожденіе періодической печати въ Россіи. Ж. М. Н. Пр. 1908 № 9, стр. 7. 12. 27. Позднѣйшія изданія перваго русскаго періодическаго органа: Первыя русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году. Новое тисненіе по двумъ экземплярамъ, хранящимся въ Имп. Публичной Библіотекѣ. Спб. 1855; Вѣдомости времени Петра Великаго. Въ память двухсотлѣтія первой русской газеты. Вып. 1. 1703—1707. Изд. Московской Синодальной Типографіи (съ пред. В. Погорѣлова). М. 1903. Вып. II. 1708—1719 (по статьей А. Покровскаго: Къ исторіи газеты въ Россіи). М. 1906.

[2]) Паломники-писатели петровскаго и послѣ-петровскаго времени, или путники во св. градъ Іерусалимъ. Съ объяснительными примѣчаніями арх. Леонида. Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс. 1873, кн. 3 и отд. М. 1874.

скому приказу и съ цѣлію учиться; путешествія получили государственно-просвѣтительный характеръ.

Поѣздки русскихъ людей на западъ до Петра Великаго были явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ и случайнымъ. Тутъ можно вспомнить въ особенности о молодыхъ людяхъ, посланныхъ въ 1602 году Борисомъ Годуновымъ въ Англію «для науки разныхъ языковъ и грамотъ»; это были дворяне Микифоръ Олферьевъ сынъ Григорьевъ, Сафонъ Михайловъ сынъ Кожуховъ, Казаринъ Давыдовъ и Оедька Костомаровъ, которые, однако же, по разнымъ и не вполнѣ выясненнымъ причинамъ, не вернулись потомъ въ свое отечество, не смотря на старанія о томъ русскаго правительства [1]). Ѣздили заграницу и офиціальныя лица, съ дипломатическими порученіями отъ правительства; нѣкоторые изъ нихъ въ своихъ «статейныхъ спискахъ», давая отчетъ о своихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ, иногда выходили изъ рамокъ сухой формальности и сообщали свѣдѣнія о бытѣ, нравахъ и разныхъ достопримѣчательностяхъ западной жизни, цѣнныя для историка. Таковъ, напр., статейный списокъ Василія Лихачева, ѣздившаго во Флоренцію въ 1659 году, примыкающій извѣстными частями своего содержанія къ аналогичнымъ произведеніямъ Петровской эпохи [2]). Но особенно усилились эти путешествія въ эпоху Петра Великаго. Петръ Великій, убѣжденный въ необходимости личнаго общенія русскихъ людей съ западомъ въ интересахъ просвѣщенія, далъ этому дѣлу опредѣленную организацію. На первый разъ было послано царемъ въ началѣ 1697 года 50 человѣкъ для обученія морскому дѣлу: изъ нихъ 28 въ Италію и 22 въ Англію и Голландію. Лица эти были выбраны изъ царскихъ стольниковъ и спальниковъ и состояли какъ изъ молодыхъ, такъ и пожилыхъ уже людей—большею частію знатныхъ фамилій: тутъ были Куракинъ, Долгорукій, Голицыны, Толстой, Хилковъ, Лопухинъ, Владиміръ и Василій Шереметевы, Трубецкой, Оболенскій, Шаховской и др. Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ источникахъ сохранились до насъ кое-какія, впрочемъ весьма скудныя, извѣстія о жизни этихъ первыхъ учениковъ «навигацкой науки» заграницей. Иные изъ нихъ, по непривычкѣ къ тяжелой работѣ на верфяхъ, жаловались на боль въ рукахъ, но потомъ привыкли; другіе принуждены были, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, раньше опредѣленнаго срока вернуться домой; иные, напротивъ, очень хорошо приспособлялись къ новой обстановкѣ и чувствовали себя прекрасно [3]). Болѣе извѣстій сохранилось о послѣдующихъ посылкахъ рус-

---

[1]) Арсеньевъ, А. В. Исторія посылки первыхъ русскихъ студентовъ заграницу при Борисѣ Годуновѣ. Спб. 1887. Болѣе подробныя свѣдѣнія о посылкѣ русскихъ молодыхъ людей заграницу при Борисѣ Годуновѣ и о приглашеніи въ Москву, съ просвѣтительными цѣлями, иностранцевъ см. въ соч. кн. Н. В. Голицына «Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII вѣка»: Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. У-тѣ. 1898, № 4.

[2]) Л. Ильинскій. Русскій на Западѣ въ 1659 году. Сборникъ статей въ честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913, стр. 211—228.

[3]) Пекарскій, I, стр. 140—141. Нѣкоторыя новыя данныя по этому вопросу представлены въ послѣднее время Е. Ф. Шмурло: Россія и Италія. Сборникъ исто-

скихъ «навигаторовъ» за границу. Такъ, въ 1711 году князь Михаилъ Голицынъ писалъ на родину: «О житіѣ моемъ возвѣщаю—житіе мнѣ пришло самое бѣдственное и трудное. Первое—что нищета, паче же разлученіе. Наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того—незнамо учиться языка, незнамо науки. Видимъ то, которые наши братья пріѣхали для обученія къ той наукѣ и ни единаго не было, чтобы безъ латинскаго языка, да и тѣ въ три годы ни единъ человѣкъ ни половины окончить не можетъ. А про меня вы сами можете знать, что кромѣ природнаго языка никакого не могу знать, да и лѣта уже мои ушли отъ науки, а паче всего въ томъ моя тягость, что на морѣ никоторыми мѣрами мнѣ быть невозможно, того ради что весьма боленъ..., а въ пунктахъ или статьяхъ написано г. комиссару князю Львову о всей компаніи: которые опредѣлены въ навигацкую науку, т. е. мореходства, чтобъ были на сухомъ пути, обучалися чертежамъ зимніе четыре мѣсяца, а восемь мѣсяцевъ всегда бы были непрестанно на кораблѣ; а ежели кто сего дѣла не обучитъ, и за то будетъ безъ всякія пощады превеликое бѣдство, отъ чего Боже сохрани! и тотъ престрашный гнѣвъ въ тѣхъ пунктахъ написанъ рукою самого монарха, и про тотъ гнѣвъ подъ великимъ запрещеніемъ г. комиссару не велѣно никому сказывать, однако же мнѣ по любви своей открылъ. И я, видя ту ярость, въ себѣ весьма вижу, что сего положеннаго дѣла не управить, паче же натура моя не можетъ снести мореходства, и отъ того пришелъ въ великую печаль и сомнѣніе и не знаю, како быть». Бывали случаи, что иные русскіе предавались заграницей—то съ отчаянія, то по старой привычкѣ—пьянству и неумѣренному мотовству. Упомянутый комиссаръ князь Львовъ, жившій въ Голландіи для надзора за учившимися тамъ русскими «навигаторами», просилъ въ томъ же году не посылать ихъ далѣе въ Англію, «для того что и старые тамъ научились больше пить и деньги тратить; не могу ихъ оплатить, а нынѣ пишутъ, что хотятъ въ тюрьмы сажать за долги»; далѣе онъ доноситъ: «изсушили навигаторы не только кровь, но уже все сердце мое; я бы радъ, чтобы они тамъ меня убили до смерти, нежели бы мнѣ такое злостраданіе имѣть и несносныя тягости». Неблагопріятный отзывъ о голландскихъ «навигаторахъ» даетъ и князь Б. И. Куракинъ, какъ о людяхъ «бездѣльныхъ и пьяныхъ», которыми трудно «управить» [1]). Русскій посолъ въ Англіи гр. Литта, въ свою очередь, писалъ: «тщался я ублажить одного англичанина, которому одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ, но онъ 500 фунтовъ запросилъ». Василій Головинъ, посланный вмѣстѣ съ другими молодыми дворянами въ 1712 году въ Голландію, писалъ въ своей «Запискѣ бѣдной и суетной жизни человѣческой»: «И я грѣшникъ въ первое несчастіе опредѣленъ... Въ Сардамѣ и во Ротердамѣ учился языку голландскому и ариѳметикѣ и навигаціи»; «нави-

---

рическихъ матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся сношеній Россіи съ Италіей. Т. III, в. 1. Спб. 1911, стр. 27—40; ср. докладъ гр. П. С. Шереметева въ О. Л. Д. П. Отчеты о засѣданіяхъ Имп. О. Л. Д. П. за 1907—1910. Спб. 1911, стр. 36.

[1]) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, III. 1892, стр. 333.

гацкой наукѣ и солдатскому артикулу» продолжалъ онъ учиться и по возвращеніи въ Россію, хотя уже былъ тогда женатъ [1]).

Въ ряду этихъ поѣздокъ русскихъ людей заграницу должно быть отмѣчено и такъ называемое «великое посольство» 1697—1698 годовъ, предпринятое согласно царскому указу отъ 6 декабря 1696 года. Во главѣ его стояли генералъ-адмиралъ Ф. Я. Лефортъ, генералъ-комиссаръ Ѳ. А. Головинъ и думный дьякъ П. Б. Возницынъ; при этихъ лицахъ состояла свита изъ 26 человѣкъ московскихъ дворянъ, 35 солдатъ Преображенскаго полка въ качествѣ волонтеровъ, для обученія военному дѣлу, 62 солдатъ для караула подъ начальствомъ маіора Смита, священника, дьякона, лѣкаря, переводчиковъ, приказныхъ подъячихъ и разнаго рода прислуги—всего около 200 человѣкъ. Посольство имѣло вполнѣ офиціальный, дипломатическій характеръ, для посѣщенія Вѣны, Англіи, Даніи, Голландіи, Бранденбурга, Рима и Венеціи. Цѣлію его было установить новыя и укрѣпить старыя дружественныя отношенія Московскаго государства съ названными странами. Въ числѣ членовъ этого посольства принималъ участіе и самъ Петръ Великій, подъ именемъ «десятника Петра Михайлова», находя такое incognito самымъ удобнымъ для себя средствомъ наилучшимъ образомъ воспользоваться реальными выгодами пребыванія заграницей для блага отечества [2]).

Нѣкоторые изъ участниковъ этихъ поѣздокъ заграницу оставили намъ описанія своихъ путешествій, представляющія немалый литературный интересъ.

Дневникъ П. А. Толстого. Одно изъ видныхъ мѣстъ среди нихъ занимаетъ Путевой дневникъ Петра Андреевича Толстого, участвовавшаго въ отправкѣ русскихъ людей заграницу для «навигацкой науки» въ 1697 году. Отправившись изъ Москвы 26 февраля 1697 года, Толстой проѣхалъ польскія и бѣлорусскія земли, Силезію, Австрію, Италію, славянское Адріатическое побережье, Сицилію и черезъ Вѣну вернулся въ Москву 27 января 1699 года. П. А. Толстой (впослѣдствіи графъ), знаменитый дипломатъ своего времени, принимавшій извѣстное участіе въ судьбѣ царевича Алексѣя Петровича, отправился заграницу уже въ немолодые годы, въ возрастѣ 52 лѣтъ, обнаруживъ тѣмъ значительную силу воли и глубокую вѣру въ сущность предпринятыхъ Петромъ преобразованій. Описаніе его путешествія [3]) носитъ на себѣ однако же всѣ черты свѣжей непосредственности и изобилуетъ многими подробностями, интересными и по своему фактическому

---

[1]) Пекарскій, I, стр. 141—143.

[2]) Офиціальныя данныя объ этомъ посольствѣ нашли себѣ мѣсто въ статейныхъ спискахъ Посольскаго приказа, напечатанныхъ въ VIII и IX томахъ «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными» (Спб. 1867—1868) См. также сочиненіе М. А. Веневитинова: Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697—1698. М. 1897.

[3]) Первоначально было опубликовано въ отрывкахъ П. А. Поповымъ въ «Атенеѣ» 1859 № 7 и 8, а потомъ въ цѣломъ видѣ графомъ Д. А. Толстымъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1888, №№ 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8.

содержанію, и въ особенности по настроенію и міровоззрѣнію самого автора-путешественника.

Толстой пріѣхалъ въ Польшу въ любопытное время избранія новаго короля, но политическими событіями особенно не заинтересовался, а лишь отмѣтилъ: «Есть (въ Варшавѣ) одна палата великая, которую поляки называютъ изба сенаторская; въ той палатѣ бываетъ у поляковъ сеймъ, у которой палаты окна великія; окончины были стекольчатыя, всѣ повыломаны, и окна разбиты отъ нестройнаго совѣта и отъ несогласія во всѣхъ дѣлахъ пьяныхъ поляковъ... Для елекціи черезъ рѣку Вислу сдѣланъ былъ мостъ на судахъ, и по тому мосту стоялъ караулъ, потому что во время елекціи между поляковъ бываютъ многія ссоры..., а больше на мосту дерутся за ссоры и за пьянство, и всегда у нихъ между собою мало бываетъ согласія, въ чемъ они много государства своего растеряли». Больше всего привлекли его вниманіе въ Польшѣ церкви и монастыри съ ихъ «законниками», монахами разныхъ орденовъ. Изъ польской жизни онъ отмѣтилъ, кромѣ того: «въ лавкахъ за всякими товарами сидятъ мѣщане и жены и дочери-дѣвицы въ богатыхъ уборахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ; по городу и въ маетности ѣздятъ сенаторы и жены ихъ дочери-дѣвицы въ каретахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ» [1]).

Въ Моравіи путешественника поразилъ городъ Ольмюнцъ, «великій, каменный и зѣло изрядной крѣпостью построенъ», съ его монастырями, церквами и домами «изряднаго строенія». Особенно обратили на себя его вниманіе часы на «воротахъ» ратуши: «Тѣ часы бьютъ перечасье мусикійскимъ согласіемъ, и какъ тѣ часы станутъ бить перечасье, въ то время видимо, что люди, вырѣзанные изъ дерева, бьютъ въ колокола руками; ниже того сдѣланы два человѣка рѣзные изъ дерева и учнутъ въ то же время трубить на трубахъ; и съ одной стороны у тѣхъ часовъ выходятъ люди пѣшіе разные же изъ дерева, и съ другой стороны тѣхъ же часовъ выѣзжаютъ на лошадяхъ люди, вырѣзанные изъ дерева такъ же, что и вышепомянннные пѣшіе изъ-за стѣны; сдѣланы всѣ тѣ люди изрядною работою». Въ монастырѣ этого города путешественникъ отмѣтилъ «академіи изрядныхъ высокихъ наукъ» и «студентовъ зѣло много, которые учатся разнымъ наукамъ» [2]).

Затѣмъ онъ прибылъ въ Вѣну и здѣсь увидѣлъ много замѣчательныхъ вещей: высокіе дома, сады, церкви, монастыри, госпиталь. Въ церкви св. Стефана онъ видѣлъ церковную процессію, съ участіемъ самого цесаря и его сыновей, причемъ обратилъ вниманіе на то, что «подъ руки цесаря никто не велъ»; церковная музыка ему не понравилась и показалась слишкомъ шумной; отмѣтилъ существованіе на улицахъ фонарей: «и отъ тѣхъ фонарей въ Вѣнѣ по вся ночи бываетъ по улицамъ и переулкамъ великая свѣтлость». Наконецъ, черезъ 15 недѣль пути онъ доѣхалъ до Венеціи. Тутъ для него все было поразительно: водяныя улицы, отсутствіе каретъ и телѣгъ, великолѣпные дворцы, особенно дворецъ дожей. О венеціан-

---

[1]) Р. А. 1888, № 2, стр. 191—193.

[2]) Р. А. 1888, № 3, стр. 321.

ской жизни онъ дѣлаетъ такія замѣчанія: «Венеціане люди умные, политичные, и ученыхъ людей зѣло много; однако жъ нравы имѣютъ видомъ неласковые, а къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло пріемны; между собою не любятъ веселиться, и въ домы другъ къ другу на обѣды и на вечера не съѣзжаются, и народъ самый трезвый; никакого человѣка нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь... Народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ, и строенъ и политиченъ, тонокъ и во всемъ изряденъ, а къ ручному дѣлу не очень охочь, больше заживаютъ въ прохладахъ, всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ... Все время карнавала ходятъ всѣ въ машкарахъ, мущины и жены и дѣвицы, и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ хочетъ, и никто никого не знаетъ. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и никогда не хотятъ быть безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много. И когда сойдутся въ машкарахъ на площадь къ соборному костелу св. Марка, тогда многія дѣвицы въ машкарахъ берутъ за руки иноземцевъ пріѣзжихъ и гуляютъ съ ними и забавляются безъ стыда. Также въ то время по многимъ мѣстамъ на площадяхъ бываетъ музыка и танцуютъ по-итальянски, а танцы итальянскіе не зѣло стройны: станутъ одинъ противъ другого вокругъ, а за руки не берутъ другъ друга. Также многіе забавляются, травятъ меделянскими собаками великихъ быковъ и иныя всякія потѣхи чинятъ и по морю ѣздятъ въ гондолахъ и баркахъ съ музыкою, и всегда веселятся и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ, и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ, всякій дѣлаетъ по своей волѣ, кто что хочетъ: та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ. И живутъ венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей». Воздухъ въ Венеціи показался путешественнику «тягостенъ»: «бываетъ духъ зѣло грубый отъ морской воды» [1]).

Другіе города Италіи также произвели на путешественника немалое впечатлѣніе своими достопримѣчательностями: Падуя, Верона, Миланъ. О соборѣ въ послѣднемъ городѣ онъ говоритъ, что «такого костела во всемъ свѣтѣ нѣтъ, кромѣ римскаго соборнаго, а богатства въ немъ пречуднаго неудобь сказаемо множество». Принявшись за изученіе мореходства, Толстой плавалъ по Адріатическому морю, выходя то на итальянскій берегъ, то на далматинскій. Видѣлъ городъ Зару и Дубровникъ, встрѣчалъ много сербовъ, которые смотрѣли на него не только какъ на знатнаго иностранца-путешественника, но и какъ на славянина, принадлежащаго къ родственной имъ русской народности: «Села Ризы (гдѣ жили сербы «греческаго закона») жители приняли меня съ любовію и съ великимъ почтеніемъ и, какъ изъ того села поѣхалъ, проводили меня до моей лодки великимъ многолюдствомъ. Въ той помяненной греческой церкви имѣютъ нѣкоторыя церковныя книги и московской печати, также есть и святыя иконы московскихъ писемъ штилистовыхъ, а завозятъ туда иконы и книги съ Москвы греки». Около Катарро живутъ черногорцы: «тѣ люди суть вѣры христіанской, языка славянскаго, и есть ихъ немалое число, никому не служатъ, временемъ войну точатъ съ турками, а временемъ воюются съ венетами».

---

[1]) Р. А. 1888, № 3, стр. 340—344; № 4, стр. 547—548.

Подробно описаны также Неаполь, Флоренція, Римъ и о. Мальта. Вернулся Толстой въ Москву, «въ домъ свой въ добромъ здоровьи, за что благодарилъ Всемилостивѣйшаго Господа Бога и Пресвятую Богородицу и угодниковъ Божіихъ, что изъ такъ далекихъ краевъ и изъ нужнаго странствія волею божескою возвратился во отечество» [1]).

Записная книжка неизвѣстной особы. Весьма интереснымъ является также Дневникъ путешествія неизвѣстнаго лица, бывшаго въ Голландіи, Германіи и Италіи въ 1697—1698 годахъ. Онъ былъ напечатанъ еще въ XVIII в. подъ именемъ «Записной книжки любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 и 98 годахъ» (Спб. 1788). Изъ приведеннаго заглавія видно, что дневникъ приписывается самому Петру, который дѣйствительно принималъ участіе въ «великомъ посольствѣ», какъ объ этомъ упомянуто выше (стр. 352). Однако, это предположеніе ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Маршрутъ неизвѣстнаго путешественника былъ нѣсколько иной, чѣмъ у «великаго посольства»: въ то время какъ посольство, отправившееся изъ Москвы 9 марта 1697 г., ѣхало черезъ Ригу, Митаву, Берлинъ и Гамбургъ до Голландіи, неизвѣстный выѣхалъ изъ Москвы 11 мая 1697 г. черезъ Клинъ, Торжокъ, Новгородъ и Нарву, откуда моремъ отправился въ Любекъ, Гамбургъ, Амстердамъ; въ Гаагѣ онъ встрѣтился въ сентябрѣ съ посольствомъ и участвовалъ въ его торжественномъ въѣздѣ въ этотъ городъ, а затѣмъ вернулся въ Амстердамъ, гдѣ 28 октября 1697 г. видѣлъ торжество объявленія Рейсвикскаго мира; въ Англіи неизѣстный путешественникъ не былъ, и еще 1 апрѣля 1698 г., гораздо ранѣе возвращенія Петра изъ Англіи, выѣхалъ изъ Роттердама, черезъ Кельнъ и Тироль, въ Венецію; посѣтивъ многіе итальянскіе города (Феррару, Болонью, Флоренцію, Римъ, Геную, Миланъ и др.), онъ снова вернулся въ Венецію и затѣмъ, 18 октября 1698 г., предпринялъ оттуда обратный путь въ Россію; пріѣхалъ черезъ Кенигсбергъ и Ригу въ Москву 27 февраля 1699 года. Позднѣе дѣлались предположенія о принадлежности этого дневника графу Б. П. Шереметеву [2]) или князю Б. И. Куракину [3]), но первому изъ нихъ принадлежитъ особое описаніе путешествія, совершеннаго въ тѣ же годы, напечатанное еще въ 1773 году, а Куракинъ ѣздилъ за границу нѣсколько позднѣе, въ 1705—1708 годахъ, и сдѣланное имъ описаніе своего путешествія также составляетъ особое, вполнѣ самостоятельное произведеніе [4]). Кромѣ этого, самое изложеніе дневника мало напоминаетъ собою своеобразный и энергичный стиль Петра Великаго, извѣстный изъ его писемъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣ-

---

[1]) Р. А. 1888, № 8, стр. 400.

[2]) Отечественныя Записки 1846 № 8.

[3]) Русская Старина 1879, № 5, въ новомъ изданіи этого путешествія, сдѣланномъ И. Ѳ. Горбуновымъ. Ср. С. Кедровъ. Посольство князя Б. И. Куракина въ Голландію въ 1711 году. Русскій Архивъ 1912, № 5, стр. 15—16.

[4]) Напечатано въ «Архивѣ князя Ѳ. А. Куракина». I. Спб. 1890, стр. 101—240.

ленія даже предположительно автора этого произведенія, весьма любопытнаго по своему содержанію.

Подобно «дневнику» Толстого, это сочиненіе имѣетъ также форму дневныхъ записокъ о видѣнномъ за границей; но въ то время, какъ у Толстого можно замѣтить нѣкоторый внутренній распорядокъ, стремленіе группировать полученныя впечатлѣнія, сопровождать ихъ тѣми или иными объясненіями, и вообще видна извѣстная литературная обработка первоначальныхъ путевыхъ записей, у неизвѣстнаго автора мы видимъ, напротивъ, полное отсутствіе такой обработки; въ его произведеніи мы, вѣроятно, имѣемъ передъ собою черновой матеріалъ подлинныхъ дорожныхъ дневниковъ; на это указываетъ въ особенности неупорядоченность фактическаго содержанія, когда авторъ говоритъ о самыхъ различныхъ вещахъ на одной и той же страницѣ, располагая свой разсказъ въ механическомъ и случайномъ порядкѣ видѣннаго; отъ этого разсказъ много теряетъ въ литературномъ отношеніи, но удерживаетъ всю занимательность непосредственныхъ наблюденій любознательнаго автора. Вотъ нѣсколько примѣровъ. «Въ Амстердамѣ видѣлъ въ домѣ собраны золотыя и серебряныя и всякія руды; и какъ родятся алмазы, изумруды и каральки и всякіе каменья; золото течетъ изъ земли отъ великаго жару, и всякія морскія вещи видѣлъ. Младенца видѣлъ женскаго пола, полутора году, мохната всего сплошь и толста гораздо, лице поперегъ полторы четверти, привезена была на ярмонку. Видѣлъ тутъ же слона великаго, который игралъ миноветы, трубилъ по-турецки, по-черкаски, стрѣлялъ изъ мушкатанта и многія дѣлалъ забавы... На ярмонкѣ видѣлъ метальника, который, чрезъ трехъ человѣкъ перескоча, на лету обернется головою внизъ и станетъ на ногахъ. Видѣлъ у доктора анатомію: кости, жилы, мозгъ человѣческой, тѣлеса младенческія и како зачнется во чревѣ и родится. Видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ родится камень; и вся нутренная розпета разно, и жила, на которой печень живетъ, подобно какъ тряпица старая; жилы тѣ, которыя въ мозгу живутъ, какъ нитки. Видѣлъ 50 тѣлесъ младенческихъ въ спиртахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны... Видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще бараньей кожи, которая на мозгу у человѣка живетъ: вся въ жилахъ, косточки маленькія, будто молоточки, которые въ ушахъ живутъ» [1]. «Въ Остродамѣ (Amsterdam) былъ, гдѣ собираются дважды въ недѣлю ученые люди и допытываются промежъ собою о разныхъ вещахъ богословскихъ и философскихъ. Видѣлъ въ Остродамѣ рыбу, у которой пила на носу, величиною съ бѣлугу; видѣлъ рыбку, которая корабль останавливаетъ, маленькая: прилипаютъ ко дну множество, оттого останавливается. Рыбу видѣлъ живую предивную, называютъ морскимъ теленкомъ, гораздо темна да коротка, губы превеликія висятъ» [2]. Этимъ же своеобразнымъ стилемъ описываетъ путешественникъ произведенія искусства и нравы чужеземной жизни. Вотъ какъ описанъ фонтанъ въ Генуѣ, знаменитое произведеніе Буонаротти:

---

[1]) Русская Старина, 1879, № 5, стр. 107.

[2] Тамъ же, стр. 113.

«Тутъ же былъ въ саду у князя при домѣ, что построенъ у моря; смотрѣлъ фонтаны; три лошади есть превеликія, на нихъ мужикъ стоитъ; у той, что на середкѣ, лошади изъ языка, а у крайнихъ коней изъ ноздрей вода течетъ. Кругомъ тѣхъ лошадей ребята изъ мрамора сидятъ, воду пьютъ; пониже ихъ двѣнадцать орловъ каменные, въ ногахъ у нихъ птицы и животныя; изъ нихъ вода течетъ» [1]). О венеціанской жизни: «Въ Венеціи сенаторы и жены ихъ ѣздятъ въ гундалахъ, покрыты сукномъ чернымъ, стекла хрустальныя въ окончинахъ, т. е. на лодкахъ; а гребутъ стоя нарядны гребцы, въ бархатныхъ кафтанахъ; а у пословъ и посланниковъ разныхъ государствъ гундалы разныя вызолоченныя накрасно бархатомъ, а гребцы въ золотыхъ кафтанахъ... И смотрѣлъ я въ Венеціи, какъ играютъ сенаторы мячемъ кожанымъ; надутъ духомъ, гораздо бьютъ руками, а на рукахъ у ихъ, кто играетъ въ то время, инструментъ точеной, деревянной, будто лукошко... Іюля 24 числа въ Венеціи поставили одного человѣка изъ простыхъ въ шляхту, взяли въ казну съ него 100,000 дукатовъ. Въ тотъ день природные шляхти надѣваютъ женское платье да хари (maschera), а жены мужское и харю. Воля такая: какое хочютъ платье надѣваютъ и приходятъ къ тому, кто чинъ получилъ, во весь день танцуютъ, и туда всѣмъ вольно приходить въ тотъ домъ, и я въ дому томъ былъ. Похочешь чинъ принять, повиненъ дать то жъ деньги и, поставя въ тотъ чинъ, приводятъ ко кресту; и есть чинъ по 50, по 30 и по 20 тысячъ дукатовъ... Въ Венеціи наказаніе было одному человѣку: руки заверня назадъ, поднимали вверхъ и опустятъ внизъ трижды, до земли недостаетъ съ поларшина, а вверхъ три сажени» [2]). Немало поразили русскаго путешественника и музыкальныя дарованія итальянцевъ [3]). Возвращаясь на родину и проѣзжая черезъ Берлинъ, путешественникъ дѣлаетъ такую замѣтку о пребываніи своемъ въ этомъ городѣ: «Сей городъ великъ, столица курфирста Бранденбургскаго. Былъ въ домѣ у его: ходилъ во всѣхъ палатахъ и жену видѣлъ. И въ спальныхъ палатахъ его былъ и дочь видѣлъ дѣвицу, а сыну его 9 лѣтъ; говоритъ латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ. Палаты убраны хорошо; двѣ шпалерами, третья червленымъ бархатомъ съ кружевами золотыми; много яшмы, золота, алмазовъ и прочихъ каменьевъ довольно. Посла его палаты убраны письмомъ изряднымъ. Еще палата есть, въ которой стоятъ поставцы: одинъ съ хрустальными сосудами, другой со стеклянными, третій съ яшмовыми, 4 золотыхъ, многіе съ алмазами. Еще палата есть, въ которой стоитъ персона изъ воска, сдѣлана въ мѣру его, такъ жива, что не подобно повѣрить, чтобы человѣкъ работалъ; сидитъ въ креслахъ; что ближе смотришь, то больше кажетъ живъ. Посуда серебряная, стулья серебряные, паникадила серебряные; звѣрей много, зубра видѣлъ, великъ, на человѣка кидается» [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 127.

[2]) Тамъ же, стр. 120. 129. 130.

[3]) Тамъ же, стр. 118. 129.

[4]) Тамъ же, стр. 131.

Записки гр. А. А. Матвѣева. Болѣе серьезнымъ характеромъ отличаются записки графа А. А. Матвѣева, человѣка весьма образованнаго [1]), ѣздившаго для заключенія коммерческаго договора съ Людовикомъ XIV въ 1705 году. Авторъ обнаружилъ большую наблюдательность и умѣнье выдѣлить изъ состава своихъ наблюденій преимущественно то, что касалось науки, политики и внутренней культурности западно-европейской жизни. Въ Антверпенѣ, въ монастырѣ, его вниманіе обратили на себя двѣ библіотеки и работы болландистовъ надъ изданіемъ Житій Святыхъ. Во Франціи Матвѣевъ присматривался очень внимательно къ состоянію «поселянства» и «шляхетства», при чемъ сочувственно отмѣтилъ среди послѣдняго обычай майората. О королѣ, вельможахъ и управленіи онъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: «Въ томъ государствѣ лучшее всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть; къ тому же король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины, ни способа не имѣетъ даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какова озлобленія или нанесть обиду. Всякой изъ вельможъ смотрѣть себя долженъ и свою отправлять должность, не вступая до того, въ чемъ надлежитъ державѣ королевской. Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилованій не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ, свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи или описи пожитки его подлежать будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имѣютъ, и въ народныя дѣла не вмѣшиваются, и оттого никакую тѣсноту собою чинить николи никому не могутъ». Особенно поразили Матвѣева культурныя формы французскаго общежитія и стремленіе къ образованію. Ему очень понравились предупредительность и тонкость въ обращеніи со стороны французскихъ женщинъ «со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ пріемствомъ»; онъ съ одобреніемъ отмѣтилъ, что французскіе юноши и дѣвушки состоятельныхъ фамилій обучаются «всѣ безъ изъятія» разнымъ наукамъ, при чемъ въ обращеніи съ дѣтьми «нѣтъ ни малѣйшей косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей», и что дѣти «отъ наказанія словеснаго паче, нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются» [2]).

Не входя въ дальнѣйшія подробности названныхъ описаній путешествій и не касаясь другихъ подобныхъ же литературныхъ произведеній Петровской эпохи, можно изъ приведеннаго достаточно видѣть ихъ не-

---

[1]) Опись его библіотеки, обширной и очень разнообразной, помѣщена въ «Лѣтописяхъ русск. литер. и древности» Н. С. Тихонравова. V (1863), III, смѣсь, стр. 57—79.

[2]) Первоначально изложено было Пекарскимъ въ «Современникѣ» 1856, отд. 2, стр. 39—66: см. его «Наука и литература». I, стр. 154—155. Цѣнный матеріалъ, могущій освѣтить приведенныя мнѣнія гр. А. А. Матвѣева, имѣется въ «Архивѣ князя Ѳ. А. Куракина», II—V. Спб. 1891—1894.

маловажный интересъ и историческое значенiе. На первомъ мѣстѣ въ нихъ стоятъ, конечно, внѣшнiе факты и обстановка заграничной жизни, поражавшая русскихъ людей своимъ разнообразiемъ и необычностью сравнительно съ тѣмъ, что имѣлось дома; наши путешественники впервые познакомились со сложной городской жизнью, богатствомъ и благоустроенностью частныхъ и общественныхъ зданiй, улицъ, школъ, монастырей, библiотекъ, музеевъ, госпиталей; наблюдали новыя для нихъ формы общежитiя, воспитанiя, государственнаго устройства, политическихъ отношенiй; видѣли множество разнообразныхъ развлеченiй, насмотрѣлись всякихъ диковинокъ и произведенiй искусства въ области зодчества, живописи, скульптуры; наконецъ, ихъ глазамъ представилась пышная красота природы, которая, впрочемъ, вызвала сравнительно очень мало отмѣтокъ въ дневникахъ русскихъ путешественниковъ. Все это было для московскихъ людей конца XVII и начала XVIII в. совершенной новостью, производило глубокое впечатлѣнiе и неизбѣжно наталкивало на сравненiе видѣннаго со своимъ, чужеземнаго съ русскимъ. Нѣкоторыя указанiя въ особенности подчеркиваютъ за границей существованiе того, чего у насъ не было, обнаруживая не только отрицательныя особенности русской дѣйствительности, но и самое отношенiе къ этому русскихъ наблюдателей. Это внутреннее настроенiе авторовъ путевыхъ записокъ и ихъ сужденiя о видѣнномъ составляютъ также очень важную сторону данныхъ литературныхъ произведенiй. Въ общемъ, отношенiе русскихъ путешественниковъ къ заграничной жизни сложилось рѣшительно въ пользу послѣдней. Застарѣлый антагонизмъ между востокомъ и западомъ долженъ былъ подвергнуться въ умахъ русскихъ путешественниковъ глубокому испытанiю, и даже въ самой чувствительной области—религiозной—неизбѣжно должно было происходить смягченiе: этому содѣйствовали не только многiе акты христiанскаго милосердiя на западѣ, напримѣръ—монастырскiя больницы и богадѣльни, но и огромное количество католическихъ святынь, отчасти близкихъ и православному человѣку, какъ мощи Николая Чудотворца въ Барахъ или многiя реликвiи въ Римѣ изъ прошлыхъ вѣковъ христiанства. Не подлежитъ сомнѣнiю, что подобныя впечатлѣнiя дѣйствовали на психологiю русскихъ путешественниковъ на смыслѣ, выгодномъ для запада; удивленiе передъ новизной нерѣдко приводило къ признанiю и уваженiю, и много нѣкогда принятыхъ на вѣру понятiй должно было поколебаться или видоизмѣниться. Въ этомъ смыслѣ путешествiя имѣли не одинъ только практически-дѣловой, но и общiй культурный характеръ и значенiе. Точно опредѣлить размѣры этого культурнаго влiянiя очень трудно, но нѣкоторые частные случаи несомнѣнно указываютъ на глубину этого влiянiя: напримѣръ, князь Б. И. Куракинъ самъ свидѣтельствуетъ, что, насмотрѣвшись иноземныхъ обычаевъ, онъ засадилъ своихъ дѣтей съ малыхъ лѣтъ учиться языкамъ и танцамъ. Конечно, были при этомъ и очень многiе случаи лишь чисто внѣшняго воспрiятiя чужеземнаго порядка жизни, находившiе себѣ комическое выраженiе на русской почвѣ. Такъ, упомянутый уже Василiй Головинъ разсказываетъ, какъ онъ устроилъ свою жизнь въ деревнѣ послѣ путешествiя за границу. У Головина было заведено, чтобы

ежедневно являлись съ докладомъ всѣ деревенскія власти, которыхъ по особой командѣ впускала и выпускала горничная. Каждый разъ эта горничная приходившимъ властямъ произносила такую рѣчь: «Входите—смотрите—тихо, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и приказами къ барину нашему государю; клапяйтесь низко его боярской милости и помните же—смотрите—накрѣпко». Затѣмъ начинались поочередно донесенія. Вотъ, напримѣръ, докладъ выборнаго: «Во всю ночь, государь нашъ, вокругъ вашего боярскаго дому ходили, въ колотушки стучали, въ трещотки трещали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли; въ рожокъ, сударь, по очереди трубили и всѣ четверо между собою громко говорили. Полщныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замазки не клевали, на крышѣ не садились и на чердакѣ не возились». Староста такъ оканчивалъ свой рапортъ: «Во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостью Божіею, все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся, на землѣ трясенія не слыхали и небеснаго явленія не видали» [1]).

Изложеніе этихъ описаній также весьма интересно по своеобразной смѣси самыхъ разнородныхъ предметовъ; конечно, отчасти это объясняется самой формой путевыхъ записокъ, но въ извѣстной степени является также результатомъ безпорядочнаго наблюденія и непосредственно-наивнаго отношенія къ видѣнному. Столь же неупорядоченнымъ является и самый языкъ описаній—смѣсь элементовъ славянскихъ и русскихъ, съ большимъ количествомъ иностранныхъ словъ, съ синтаксисомъ самымъ оригинальнымъ. Въ этомъ сказался тотъ же переломъ, тотъ же процессъ перехода отъ стараго къ новому, какъ и въ самыхъ понятіяхъ авторовъ.

3.

Повѣсти.—Связь повѣстей Петровскаго времени съ повѣствовательными произведеніями XVII вѣка.—Исторія о россійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ и о королевнѣ Ираклін.—Исторія объ Александрѣ, дворянинѣ россійскомъ.—Исторія о россійскомъ купцѣ Іоаннѣ и о прекрасной дѣвицѣ Элеонорѣ.—Степень и признаки самостоятельности этихъ повѣстей на русской почвѣ.—Черты русскихъ понятій и жизни, отразившіяся въ повѣстяхъ.—Форма изложенія и языкъ.

Повѣсти Петровскаго времени находятся въ самой тѣсной связи съ повѣствовательной литературой XVII вѣка. Подобно послѣдней, онѣ являются главнымъ образомъ переводными и только въ самой незначительной степени обнаруживаютъ признаки русскаго происхожденія—однако же съ явными слѣдами подражанія иноземнымъ образцамъ. А. Н. Пыпинъ, которому принадлежитъ главная заслуга въ изученіи этой доселѣ мало изслѣдованной области, имѣя въ виду всю первую половину XVIII вѣка,

---

[1]) Пекарскій, I, стр. 142—143.

насчитываетъ болѣе ста названій отдѣльныхъ повѣстей, переводныхъ и оригинальныхъ [1]). Содержаніе этихъ произведеній весьма разнообразно. Оставляя въ сторонѣ немногіе самостоятельные опыты, о которыхъ рѣчь будетъ особо, мы видимъ, что въ главной массѣ переводныхъ произведеній господствуютъ мотивы рыцарскаго романа: кромѣ извѣстныхъ ранѣе «Бовы-королевича», «Брунцвика», «Петра-Златыхъ Ключей» и пр., тутъ является множество другихъ, какъ «Евдонъ и Берѳа», «Альфонсъ Рамиръ», «Францель Венціанъ», «Египетскій царевичъ Полиціонъ» и т. п., заключающія въ себѣ разсказы о западно-европейскихъ или восточныхъ рыцаряхъ, кавалерахъ и принцахъ. Рядомъ съ этимъ появляются произведенія съ преимущественно романическими или сантиментально-правоучительными сюжетами: «Азіатская Баниза», «Калеандръ», «Алкменесъ», «Гисторія Жанетты», «Карлъ Орлеанскій». Наконецъ, тутъ же мы видѣли и переводы нѣкоторыхъ знаменитыхъ произведеній европейской литературы, вродѣ «Телемака» (переведеннаго въ 1724 году), сочиненій Мильтона, Эразма Роттердамскаго, Попа [2]). Выдѣлить изъ этихъ произведеній такія, которыхъ русскій переводъ можно было бы съ извѣстной увѣренностью отнести къ собственно Петровской эпохѣ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, очень трудно по отсутствію на этотъ счетъ прямыхъ указаній. Съ одной стороны, при Петрѣ продолжаютъ жить въ извѣстной средѣ невзыскательныхъ читателей литературные вкусы XVII вѣка, поддерживая интересъ къ популярной письменности разнаго рода повѣстей и сказаній, правоучительныхъ или смѣхотворныхъ; съ другой стороны, многія печатныя произведенія второй половины XVIII вѣка отводятъ насъ своимъ сюжетомъ къ переводнымъ повѣстямъ и романамъ первой четверти этого столѣтія: такимъ образомъ, получается длинная, проходящая почти черезъ все столѣтіе цѣпь литературной преемственности, въ отдѣльныхъ звеньяхъ которой повторяются одни и тѣ же литературныя явленія то въ рукописной копіи, то въ печатномъ изданіи. Положеніе наблюдателя этой литературы затрудняется еще и тѣмъ, что многія произведенія, попавшія въ печать въ 1760—80-ые годы, продолжали въ то же время расходиться въ спискахъ, обличая старыя наклонности любителей рукописной книги, унаслѣдованныя отъ XVII столѣтія. Конечно, въ болѣе образованныхъ слояхъ читателей, успѣвшихъ образовать свой вкусъ на ложноклассическихъ литературныхъ образцахъ второй половины XVIII вѣка, старыя произведенія разсматриваемой нами теперь переходной эпохи вызывали отпоръ, критическое отношеніе или насмѣшку. Въ журналѣ 1769 года «И то и сіо» издатель юмористически подшучиваетъ надъ «весьма славными» сочиненіями, «подъ которыми господа авторы для вѣчной и безсмертной славы не ставили своихъ имянъ», и приводитъ въ примѣръ «По-

---

[1]) Для любителей книжной старины. Библіографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и проч., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка. М. 1888, стр. III.

[2]) Пыпинъ, назв. соч., стр. V.

вѣсть о Фролѣ Скобеевѣ» и «Азіатскую Банизу»; тутъ же разсказывается исторія одного господина, «который по прекращеніи приказной службы кормитъ голову свою переписываніемъ разныхъ исторій», продаваемыхъ потомъ на рынкѣ, какъ-то Бовы-королевича, о Францылѣ Венеціанинѣ, о Евдонѣ и Берочѣ и т. п. О «Бовѣ» и «Петрѣ-Златыхъ Ключахъ» презрительно упоминаетъ и Сумароковъ въ своей «Епистолѣ о русскомъ языкѣ».

Произведенія эти переводились съ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, итальянскаго, польскаго; но указанія на подлинникъ вообще весьма рѣдки, напр. «Декоръ и Шехарисъ» переведена съ нѣмецкаго языка, «Гендрикъ и Меленда»—съ польскаго [1]). Въ послѣднее время списокъ этихъ переводныхъ произведеній пополненъ новой находкой: это—«Исторія о Парижѣ и Вѣнѣ», характерный образчикъ переводной поэмы Петровской эпохи съ любовной интригой [2]); поэма переведена стихами; есть мнѣніе, что она составляетъ переводъ съ итальянскаго [3]). Судя по надписямъ на рукописяхъ, повѣсти вращались въ самой разнообразной средѣ: гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ, чиновниковъ, купцовъ, посадскихъ людей, даже крестьянъ. Любопытнѣйшій матеріалъ для наблюденій даетъ языкъ переводовъ, свидѣтельствующій, по мнѣнію Пыпина [4]), что «многіе изъ этихъ переводовъ должны относиться къ Петровской эпохѣ»; особенно бросается въ глаза словарный элементъ, представляющій собою множество иностранныхъ словъ, только что вошедшихъ въ употребленіе, напр. «ассамблея», «банкетъ», «волунтеръ», «драбантъ», «кавалеръ», «куранты», «презентъ», «сикурсъ» и т. п. Будучи несамостоятельной, эта переводная повѣствовательная литература имѣла однако же большое культурное значеніе: она воспитывала вкусы, создавала настроенія и подготовляла русскаго читателя первой половины XVIII вѣка къ воспріятію болѣе утонченныхъ литературныхъ явленій въ трудахъ первыхъ представителей русскаго ложноклассицизма.

Изъ опытовъ русской повѣсти, относящихся предположительно къ Петровской эпохѣ, здѣсь слѣдуетъ остановиться на трехъ. Ихъ русское происхожденіе можетъ усматриваться главнымъ образомъ изъ того, что дѣйствующими лицами въ нихъ являются русскіе люди, хотя мѣсто дѣйствія происходитъ почти исключительно за границей.

Первая повѣсть—«Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли» [5]). Содер-

---

[1]) Пыпинъ, стр. 13. 16.

[2]) Исторія о Парижѣ и Вѣнѣ, переводная повѣсть въ стихахъ Петровскаго времени. Приготовилъ къ изданію П. Н. Виноградовъ. Спб. 1913.

[3]) Рецензія на это изданіе П. А. Шляпкина: Ж. М. Н. Пр. 1915, № 5, стр. 232.

[4]) Стр. VII.

[5]) Первоначально напечатана Л. Н. Майковымъ въ Ж. М. Н. Пр. 1880 № 10 и въ книгѣ: «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій», стр. 165—190; потомъ В. В. Сиповскимъ: Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., стр. 108—128.

жаніе ея таково. Жилъ въ «Россійскихъ Европіяхъ» дворянинъ Іоаннъ Каріотской, имѣвшій сына Василія. Когда средства отца оскудѣли, Василій пожелалъ поступить на службу и записался въ матросы. Вскорѣ вышелъ указъ «маршировать за моря въ Галандію для наукъ арихметическихъ и разныхъ языковъ»; въ числѣ отправленныхъ изъ Кронштадта матросовъ оказался и Василій. Въ Голландіи онъ поселился у одного богатаго и знатнаго «гостя», отъ котораго въ короткое время пріобрѣлъ неограниченное довѣріе, благодаря своей честности и остротѣ ума. Ѣздилъ онъ съ товарами своего хозяина въ Англію и Францію, каждый разъ возвращаясь съ «великимъ прибыткомъ», но затѣмъ онъ пожелалъ съѣздить, для свиданія съ отцомъ, въ Россію; голландскій купецъ неохотно отпустилъ его, далъ ему однако же три корабля товаровъ и большую сумму денегъ. По дорогѣ корабли потерпѣли крушеніе, и изъ людей спасся только одинъ Василій, съ тысячью червонцевъ, зашитыхъ предусмотрительно въ полу кафтана. Его прибило на обломкѣ корабля къ какому-то невѣдомому острову, на которомъ, какъ оказалось, жили разбойники. Ради спасенія жизни, пришлось къ нимъ присоединиться и взять на себя также разбойничью роль. Путемъ хитрости, выходя будто бы одинъ на разбой, а на самомъ дѣлѣ добывая деньги изъ числа зашитыхъ въ платье червонцевъ, Василій быстро пріобрѣлъ такое довѣріе разбойниковъ, что избранъ былъ въ атаманы. Располагая въ этой роли полной свободой дѣйствій, онъ остался однажды одинъ въ своемъ разбойничьемъ станѣ и, вошедъ въ потайной «чуланъ», увидалъ тамъ необыкновенную красавицу, оказавшуюся дочерью Флоренскаго короля Иракліей, похищенной разбойниками. Василій рѣшился бѣжать съ королевной, задумавъ спасти себя и ее; бѣглецамъ послужили въ помощь рыбаки и почтовые «буера». Вскорѣ они прибыли моремъ въ «Цесарію»; Василій нанялъ тамъ «нѣкоторой министерской домъ зѣло украшенъ» и поселился въ немъ съ Иракліей. Любовь ихъ была нѣжная, но платоническая; на пути къ окончательному соединенію передъ ними лежали еще многія опасности, которыя надо было преодолѣть. Въ Цесарію пріѣхалъ на корабляхъ флоренскій адмиралъ, которому было поручено отыскать Ираклію, и за это обѣщана ея рука. Узнавъ отъ цесаря, съ которымъ прибывшіе бѣглецы вошли въ самыя дружескія отношенія, о пребываніи Иракліи въ его столицѣ, адмиралъ хитростью заманилъ на свои корабли королевну и Василія, велѣлъ бросить послѣдняго въ море, а съ Иракліей отправился во Флоренцію, чтобы предъявить тамъ ея отцу свои права на обѣщанную руку королевны и почести. Но судьба, охранявшая Василія, дала ему возможность спастить отъ почти неминуемой гибели и прибыть во Флоренцію даже ранѣе адмирала и Иракліи. Когда уже свадебный поѣздъ его возлюбленной съ обманщикомъ-адмираломъ двигался къ церкви, Василій заигралъ на арфѣ и запѣлъ «арію», благодаря чему далъ возможность Иракліи узнать о его присутствіи. Затѣмъ слѣдуетъ нѣжное свиданіе, обличеніе и казнь адмирала, свадьба Василія съ королевной, а въ дальнѣйшемъ—счастливая жизнь и королевская корона, увѣнчивающая умнаго и доблестнаго русскаго матроса.

Вторая повѣсть—«Исторія объ Александрѣ, россійскомъ дворянинѣ (или въ другихъ спискахъ: кавалерѣ) [1]. Жилъ въ Москвѣ одинъ дворянинъ, именемъ Димитрій, имѣвшій прекраснаго наружностью сына Александра. Мальчикъ одаренъ былъ большими способностями и еще «въ маломъ возрастѣ» достигъ познанія «философіи и протчихъ наукъ», а когда ему пошелъ двѣнадцатый годъ, то онъ явился къ своему отцу со слѣдующей просьбой: «Любезнѣйшій и дражайшій отче! Желаніе мое нестерпимо мучитъ мя, еже бы отъ васъ милости испросити, и конечно безсовѣстная моя была бы дерзость, ежели бы не образцы многіе тому свидѣтельствовались. Понеже во всемъ свѣтѣ до единаго обычай имѣютъ чадъ своихъ обучати и потомъ въ чуждыя государства для обрѣтенія вящей чести и славы отпускаютъ, того ради и я, вашъ рабъ, взялъ намѣреніе вначалѣ благословеніе и къ путешествованію позволеніе у васъ испросити. Знаю, государи, что горячность и отеческая любовь ваша къ разлукѣ конечно совѣтовать не будетъ, однако азъ покорнѣйше прошу—учините мя равно съ подобными мнѣ, ибо чрезъ удержаніе свое можете мнѣ вѣчное поношеніе учинити, и како могу назватися и чѣмъ похвалюся? не токмо похвалитися, но и дворяниномъ назватися не буду достоинъ. Сотворите милость, не допустите до вѣчнаго позору!» Получивъ согласіе родителей, Ал. беретъ съ собой раба Евпла и отправляется въ путь. Они пріѣзжаютъ въ Парижъ, а потомъ въ Лилль, гдѣ Ал., пораженный красотой города, пожелалъ остаться надолго. Жители Лилля также заинтересовались Александромъ и оказывали ему всевозможное вниманіе; но, несмотря на это, его скоро стала мучить тоска, подъ вліяніемъ которой онъ однажды вечеромъ сталъ играть на флейтѣ и разбудилъ своей игрой сосѣдку, дочь пастора Элеонору. Элеонора послала свою служанку Акиллію узнать, кто играетъ, а сама сѣла у окна и слушала «со умиленіемъ». Узнавъ о цѣли посольства, Ал. самъ пошелъ посмотрѣть на сосѣдку и вернулся влюбленнымъ. Посредствомъ значительнаго подарка онъ нашелъ себѣ въ Акилліи усердную помощницу, которая посовѣтовала ему написать Элеонорѣ слѣдующее письмо: «Дражайшая Элеонора, моя государыня! Коль велію печаль и безпокойство вчерашній вашъ вопросъ во мнѣ умножилъ, и дивлюсь, какъ возмогла такое великое пламя горячности съ высоты во утробу мою вложить, которая меня столько палитъ, что уже терпѣти не возмогу! Того ради покорно прошу, буди врачъ болѣзни моея, ибо никоимъ дохтуромъ отятой быти не можетъ. Аще же съ помощію не ускоришь, страшуся, да не буди мнѣ убійца. Паки молю, не облѣнись съ помощію здѣ предстати, и ежели учинишь, припишу корысти на сердцѣ моемъ, и вѣрность моя до гроба не оскудѣетъ, въ которой и днесь пребываю склоннѣйшій слуга Александръ». Элеонора возвратила письмо со слѣдующей надписью: «надежду вручаю, просьбы ожидаю; желанное получишь, а здравіе погубишь». Но этотъ повидимому благопріятный, отчасти

[1]) Пересказъ содержанія, съ приведеніемъ нѣкоторыхъ выдержекъ, сдѣланъ былъ первоначально М. И. Сухомлиновымъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1858, № 12, а въ цѣломъ видѣ повѣсть напечатана у В. В. Сиповскаго: Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., стр. 129—179.

таинственный отвѣтъ повергъ Александра въ великую грусть; онъ пошелъ за городъ, легъ на полянѣ лицомъ къ городу, прослезился и запѣлъ такую арію:

Дивну красоту твою, граде Лилль, я нынѣ зрю.
Врата имашь позлащенны,
А внутри копіе изощренны,
Почто чинишь со мною прю?
Стѣнами крѣпчайшими отовсюду окруженъ,
Зданіе предивно имашь... и т. д.

Отъ горя Ал. заболѣлъ, но ему своевременно явилась на помощь Элеонора со своею служанкою. Оправившись отъ болѣзни, онъ вспомнилъ, что проводилъ время праздно, «ради негодной любви женской», и хотѣлъ было приняться за дѣло службы своему «монарху», но эта мысль подавлена болѣе сильнымъ желаніемъ продолжать любовныя затѣи. Онъ уговорилъ одного купца устроить ассамблею и пригласить туда Элеонору; здѣсь они за особымъ столомъ «забавлялись въ карты» и напѣвали другъ другу любовныя аріи. Въ концѣ концовъ Элеонора подарила Александра своимъ расположеніемъ, а онъ прислалъ ей одно изъ своихъ завѣтныхъ колецъ, полученныхъ отъ родителей при отправленіи въ путь. Съ этого времени Александръ вполнѣ отдался Элеонорѣ; но черезъ три года любовный плѣнъ, въ которомъ держала его Элеонора, ему надоѣлъ, и онъ выручена былъ изъ него новымъ знакомствомъ. Именно, въ него влюбилась дочь генерала, Гедвигъ Доротея, и написала ему весьма рѣшительное письмо, за которымъ послѣдовали и другія, не менѣе рѣшительныя, дѣйствія, склонившія къ ней Александра, хотя и не надолго. Онъ вскорѣ раскаялся въ своей измѣнѣ Элеонорѣ, а между тѣмъ отношенія Доротеи къ Александру глубоко огорчили Элеонору и свели ее въ могилу; Александръ рѣшилъ остаться вѣрнымъ ей и послѣ ея смерти. Впрочемъ, этотъ порывъ продолжался недолго. Александръ вскорѣ переѣхалъ въ Парижъ и здѣсь, при помощи своего земляка, «дворянскаго сына» Владиміра, нашелъ себѣ новый предметъ нѣжной привязанности въ дочери королевскаго гофмаршала Тирѣ. Тира, послѣ настойчивыхъ просьбъ Александра и разнаго рода испытаній, подарила его своей взаимностью, но съ непремѣннымъ условіемъ остаться въ предѣлахъ платоническихъ отношеній. Александръ видался съ дочерью гофмаршала въ саду, переодѣваясь въ женское платье; однако это не могло укрыться отъ чужихъ взоровъ, и Александръ, преслѣдуемый своими французскими соперниками, которые негодовали, что «пріѣзжіе кавалеры насъ превосходятъ» и «съ французскими дамами въ женскихъ уборахъ по ночамъ гуляютъ», удаляется вмѣстѣ съ Тирой изъ Парижа. Путешествіе ихъ было рядомъ несчастій; они явились участниками множества необыкновенныхъ приключеній, побывали во многихъ странахъ и городахъ: Англіи, Египтѣ, Амстердамѣ, Флоридѣ, Китаѣ, Индіи и т. п. Потерявши на время Тиру, Александръ, послѣ долгихъ странствованій, ее находитъ, и они отправляются въ Россію, но на дорогѣ буря занесла ихъ корабль въ невѣдомую страну; Тиру продали въ Китай, а Александра во Флориду. Однако Александръ успѣлъ похитить Тиру, и они, въ сопровожденіи Владиміра, снова направляются въ Россію, но при купаньи въ морѣ Александръ утонулъ, и только

на третій день его трупъ былъ выброшенъ на берегъ. Тира въ отчаяніи поражаетъ себя мечомъ, Владиміръ хоронитъ ихъ обоихъ у моря на горѣ. Но тутъ является Доротея, плачетъ на могилѣ Александра; въ порывѣ отчаянія, она вытаскиваетъ за волосы трупъ своей соперницы изъ гроба, но при этомъ сама ушибается до смерти. Владиміръ похоронилъ, вмѣстѣ съ Тирой и Александромъ, также и Доротею, а самъ отправился въ дальнѣйшій путь и через Амстердамъ вернулся въ Россію. Здѣсь онъ разсказалъ родителямъ Александра о погибели ихъ сына; они не пережили этой потери, и скоро умерли съ горя, оставивъ послѣ себя наслѣдникомъ Владиміра. Этимъ оканчивается повѣсть, прерываемая двумя длинными эпизодами: разсказомъ Владиміра о своихъ любовныхъ похожденіяхъ и разговоромъ трехъ рыцарей о женщинахъ. Похожденія Владиміра отличаются не только многочисленностью приключеній, но и его циническимъ отношеніемъ къ женщинѣ. Разговоръ рыцарей также вставленъ въ разсказъ Владиміра; въ немъ принимаютъ участіе «русскій баронъ» Старкъ, датскій баронъ фонъ-Гердъ и саксонскій дворянинъ Сильберстернъ; въ то время какъ Сильберстернъ придерживается выгоднаго мнѣнія о женщинахъ, признавая въ нихъ много хорошихъ качествъ, два другіе собесѣдника, и особенно датскій баронъ, смотрятъ на женщину какъ на источникъ зла, разврата и опаснѣйшаго соблазна: «нѣсть конца непостоянству и злости злыхъ женъ, но всѣхъ злоститъ, злостію превосходитъ; срамъ, стыдъ, поношеніе, злорѣчіе ни во что вмѣняютъ, едиными амурами веселятся».

Третья повѣсть, представляющая повидимому сокращенное заимствованіе изъ второй, носитъ названіе «Исторія о россійскомъ купцѣ Іоаннѣ и о прекрасной дѣвицѣ Элеонорѣ» [1]). Содержаніе ея заключается въ слѣдующемъ. «Въ Новгородскомъ уѣздѣ Россійскаго государства, во градѣ Старой Русѣ жилъ купецъ Иванъ Евдокимовъ, ведшій торговыя дѣла съ Петербургомъ, куда потомъ и самъ переселился. Былъ у этого купца сынъ Іоаннъ; когда мальчику исполнилось семь лѣтъ, отецъ отдалъ его въ ученье «россійской грамотѣ читать и писать» нѣкоему безногому мужу; Іоаннъ учился прилежно, не принимая участія въ отроческихъ играхъ своихъ сверстниковъ. Когда мальчикъ научился чтенію и письму, а также «части математики», то отецъ сталъ употреблять его себѣ на помощь «для записокъ проданныхъ товаровъ», а затѣмъ, когда тому исполнилось 15 лѣтъ, отправилъ его въ Парижъ и помѣстилъ у одного купца, именемъ «Анисъ Мальтикъ». Увидавъ способности Іоанна, Мальтикъ назначилъ его у себя въ конторѣ приказчикомъ. У этого купца было двѣ дочери и еще одна жившая въ его домѣ дѣвушка, дочь испанскаго купца Элеонора. Вскорѣ красота Элеоноры «пробила сердце» Іоанна «яко острою стрѣлою», и онъ подумалъ: «счастливъ бы былъ тотъ человѣкъ, съ которымъ бы имѣла Элеонора амура». При помощи ея «камердинера» Селибраха, Іоанну удалось возбудить интересъ къ себѣ со стороны красавицы. Имѣя въ домѣ Мальтика комнаты недалеко другъ отъ друга, молодые люди слушали сначала чувствительныя «аріи», распѣваемыя обоими, а потомъ вступили въ переписку. Въ отвѣтъ на любовное письмо Іоанна, въ которомъ

---

[1]) Напечатана у В. В. Сиповскаго: Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., стр. 242—253.

тотъ просилъ принять его «къ себѣ въ любовь» и обѣщалъ со своей стороны «всякія вѣрныя и рабскія услуги», Элеонора написала ему слѣдующее письмо: «Господинъ Іоаннъ! Дивлюся я такой твоей смѣлости, что изволишь меня утруждать. Вѣдаешь и самъ, что не безъ великаго труда мнѣ съ тобой любовь содержать! Хотя ты желаніе въ скоромъ времени и получишь, только мню, что въ томъ здоровье свое нѣсколько погубишь». Затѣмъ она запѣла арію «Колико нынѣ во злѣйшей годинѣ...», а Іоаннъ, прочитавъ письмо, пѣлъ другую: «Эй, престань крушиться, можешь веселиться...». Но счастью Элеоноры позавидовала одна изъ дочерей Мальтика, Марія, и рѣшила его разрушить. Она написала къ Іоанну, предлагая ему свою любовь. Іоаннъ извѣстилъ объ этомъ Элеонору и просилъ ее прійти къ нему; здѣсь произошла между ними нѣжная встрѣча и окончательное сближеніе. Между тѣмъ Марія, при помощи своей сестры Нервы, хитростью выманила у Элеоноры написанное ею письмо къ Іоанну и передала отцу. Мальтикъ выгналъ изъ своего дома Іоанна, а Элеонору противъ ея воли выдалъ замужъ за унтеръ-офицера. Іоаннъ же отправился въ Россію и здѣсь «нача жити во благополучіи», вѣчно помня свою возлюбленную Элеонору.

Какъ уже было указано, важнѣйшимъ основаніемъ видѣть въ этихъ произведеніяхъ опыты самостоятельной русской повѣсти является русское происхожденіе ихъ главныхъ героевъ—Василія, Александра и Іоанна. Мѣсто дѣйствія повѣстей исключительно заграницей, и герои прибываютъ въ Россію, чтобы умереть или продолжать жить обыкновенной, неинтересной жизнью, о которой авторы повѣстей не считаютъ нужнымъ распространяться; сложныя, главнымъ образомъ любовныя, приключенія русскихъ «кавалеровъ» заграницей обставлены событіями изъ жизни иностранцевъ—купцовъ, дворянъ, высокихъ чиновниковъ, даже коронованныхъ лицъ, женщинъ, слугъ и т. п., и только одинъ товарищъ Александра, Владиміръ, во второй разсказанной повѣсти, составляетъ исключеніе своимъ русскимъ происхожденіемъ. Характеръ этихъ приключеній также всецѣло напоминаетъ заграничную, а не русскую область литературныхъ понятій и интересовъ; главнѣйшимъ мотивомъ вездѣ является любовь, волокитство русскихъ героевъ за иноземными женщинами, ихъ неизмѣнный успѣхъ въ этомъ и вытекающія отсюда сплетенія то печальныхъ, то радостныхъ подробностей и обстоятельствъ. Въ виду этого слѣдуетъ предполагать, что ни въ одной изъ трехъ названныхъ повѣстей мы не имѣемъ дѣло съ дѣйствительно русскимъ произведеніемъ; русскими ихъ можно назвать лишь условно, въ смыслѣ слабыхъ попытокъ пріурочить содержаніе иноземныхъ повѣстей къ русскимъ именамъ дѣйствующихъ въ нихъ главныхъ героевъ; дальше въ усвоеніи этихъ произведеній къ обстоятельствамъ русской жизни авторы-подражатели не пошли. Для первой повѣсти, о матросѣ Василіи Каріотскомъ, уже отысканъ А. Н. Пыпинымъ иноземный прототипъ въ «Гисторіи о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ» [1]), хотя нельзя не признать и справедливости нѣкоторыхъ сдѣ-

---

[1]) А. Пыпинъ. Изъ исторіи народной Повѣсти. Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ, какъ вѣроятный источникъ повѣсти о россійскомъ матросѣ Василіи. (Пам. Др. Письм. № LXIV). Спб. 1887.

ланныхъ по поводу этой находки замѣчаній Л. Н. Майкова, издателя повѣсти о матросѣ Василіи: въ описаніи пребыванія Василія на разбойничьемъ островѣ онъ видитъ характерныя бытовыя черты русскихъ гулящихъ людей, бродившихъ по разнымъ мѣстностямъ Россіи и скрывавшихся отъ наборовъ, ревизій, паспортной системы и преслѣдованія старой вѣры въ Петровскую эпоху; онъ находитъ въ этомъ описаніи многія совпаденія съ изображеніемъ разбойничьяго быта въ такъ называемыхъ «разбойничьихъ пѣсняхъ»; въ службѣ Василія во флотѣ и поѣздкѣ его въ Голландію онъ усматриваетъ характерныя явленія русской жизни въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка [1]); другое его замѣчаніе, что авторъ повѣсти, изображая любовныя отношенія героя и героини, придалъ имъ «нѣкоторый оттѣнокъ сантиментальности, какой является знаменательнымъ признакомъ времени» (т. е. русской переходной эпохи) [2]), уже менѣе состоятельно, такъ какъ этотъ элементъ сантиментальности именно шелъ отъ иностранныхъ образцовъ, и любопытной чертой времени является лишь удержаніе его въ русской передѣлкѣ. Еще менѣе чертъ русской дѣйствительности въ двухъ другихъ повѣстяхъ, примѣненіе явно иноземнаго сюжета которыхъ, до сихъ поръ пока не отысканнаго, ограничивается лишь русскими именами главныхъ героевъ и ихъ чисто внѣшнимъ отношеніемъ къ своему отечеству.

Признавая, т. о., данныя произведенія лишь весьма слабыми опытами русской повѣсти XVIII в., въ которыхъ оригинальныя русскія черты являются даже менѣе яркими, чѣмъ въ однородныхъ произведеніяхъ повѣствовательной литературы XVII в., вродѣ Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ или о Фролѣ Скобеевѣ, мы не можемъ однако же не признать ихъ значительный историческій интересъ. Принадлежность ихъ именно къ Петровской эпохѣ весьма трудно доказать съ совершенной опредѣленностью; объ этомъ можно лишь догадываться на основаніи установившихся частыхъ поѣздокъ къ Западную Европу русскихъ людей въ первую четверть XVIII вѣка, болѣе тѣснаго ихъ сближенія съ заграничной жизнью и воспріятія тамъ новыхъ своеобразныхъ жизненныхъ впечатлѣній; болѣе или менѣе фактическимъ указаніемъ можетъ служить лишь, относительно повѣсти о матросѣ Василіи, отправленіе его вмѣстѣ съ другими въ Голландію и иныя земли для обученія наукамъ и морскому дѣлу, что имѣло мѣсто исключительно при Петрѣ Великомъ. Нѣкоторымъ указаніемъ на эту эпоху является и языкъ повѣстей, представляющій неупорядоченную смѣсь иноземныхъ и русскихъ элементовъ, но на этотъ признакъ, лишенный опредѣленности, можно опираться лишь съ очень большой осторожностью. Во всякомъ случаѣ, даже самое заимствованіе указанныхъ литературныхъ сюжетовъ и хотя бы внѣшнее примѣненіе ихъ къ русскимъ литературнымъ потребностямъ первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка указываетъ на видоизмѣненіе этихъ послѣднихъ въ новомъ направленіи. Сравнительно съ повѣстью XVII вѣка, здѣсь уже нѣтъ ни демонологіи, ни аскетическихъ идеаловъ, ни преобладающихъ религіозныхъ мотивовъ; на смѣну имъ явля-

---

[1]) Л. Майковъ. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст., стр. 196—197. 192—193.

[2]) Тамъ же, стр. 228.

ются русскіе люди съ нѣкоторой образованностью и съ уваженіемъ къ просвѣщенію; не довольствуясь домашнимъ благополучіемъ, они ѣдутъ заграницу, преимущественно во Францію, и ведутъ тамъ то дѣловую, мало изображенную въ повѣстяхъ, то веселую жизнь, наполненную любовными приключеніями, составляющими главный интересъ этихъ повѣствованій. Русскіе герои ни въ чемъ не уступаютъ своимъ иноземнымъ соперникамъ въ любви и очаровываютъ своихъ возлюбленныхъ красотой, смѣлостью, обхожденіемъ, силой страсти. Отношеніе ихъ къ своимъ оставшимся на далекой родинѣ родителямъ отмѣчено въ повѣстяхъ почтительностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніемъ своихъ неоспоримыхъ правъ на новую жизнь, на открывающіеся передъ ними невиданные жизненные горизонты; родители не препятствуютъ имъ въ ихъ желаніи оставить родину за поисками счастья и вообще держатся по отношенію къ дѣтямъ уступчиво-примирительной точки зрѣнія. Русская женщина въ этихъ повѣстяхъ совсѣмъ не показывается: она еще не созрѣла для той роли, которая предназначена въ повѣстяхъ русскимъ героямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, западная женщина изображена тутъ исключительно со стороны любовной: всѣ ея помыслы и силы уходятъ лишь на любовь и на борьбу съ препятствіями, которыя судьба ставитъ ей въ достиженіи этихъ цѣлей. Старый взглядъ на женщину въ глазахъ русскихъ людей, подъ вліяніемъ эпохи, какъ бы раздвоился: съ одной стороны, Василій, Александръ и Іоаннъ являются галантными поклонниками дамъ заграницей, хотя и неизмѣнно стремятся привести свои похожденія къ конечному прозаическому результату, съ другой— «русскій баронъ» Старкъ смотритъ на женщину какъ на существо коварное и соблазнительное. Какъ бы то ни было, но важный бытовой вопросъ объ отношеніи двухъ половъ между собою получилъ въ означенныхъ повѣстяхъ свое интересное освѣщеніе, и читатели этихъ произведеній должны были испытывать значительное вліяніе на образъ своихъ мыслей по данному вопросу въ направленіи, указанномъ самой жизнью. «Въ разныхъ мемуарахъ, относящихся къ исходу Петровскаго царствованія и къ ближайшему затѣмъ времени—говоритъ Л. Н. Майковъ—можно встрѣтить иногда отдѣльныя черты и даже цѣлые разсказы о томъ, какъ, по крайней мѣрѣ среди высшаго общества, слагались въ дѣйствительности новыя отношенія между полами; появилась извѣстная утонченность, галантность въ обращеніи, какъ внѣшнее выраженіе сердечнаго влеченія, и хотя на первыхъ порахъ она была, конечно, очень ограничена въ своихъ проявленіяхъ, но при всемъ томъ представляла нѣкоторый шагъ впередъ въ дѣлѣ смягченія нравовъ и способствовала въ нѣкоторой степени развитію въ женщинѣ личныхъ вкусовъ, влеченій и понятій, словомъ—того, что въ совокупности мы называемъ нравственной личностью» [1]). Эти проявленія самой жизни можно прослѣдить въ указаніяхъ какъ иностранцевъ (Вебера или Берхгольца), такъ и самихъ русскихъ, напр. князя Щербатова [2]).

Форма изложенія этихъ повѣстей также представляетъ немало любопытныхъ чертъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видна попытка уложить обыкновен-

---

[1]) Очерки, стр. 210.

[2]) Тамъ же. стр. 202—203. 210—211.

ное повѣствованіе въ подобіе стиха или просто риѳмованную прозу. Уже въ «Повѣсти о матросѣ Василіи», подвергшейся наиболѣе основательной переработкѣ на русской почвѣ, есть «арія», которую поетъ Василій, сопровождая ее игрой на арфѣ:

Ахъ, дражайшая, всего свѣта милѣйшая, какъ ты пребываешь,
А своего милѣйшаго друга въ свѣтѣ жива зрѣти не чаешь... [1]).

Въ двухъ другихъ повѣстяхъ стихотворная манера захватываетъ не однѣ «аріи» и «пѣсни» (иногда съ прибавкой указанія на музыкальный мотивъ: «пѣсня на миновета») [2]), но и «рѣчи» и «письма», которыми въ изобиліи обмѣниваются участники любовныхъ приключеній, напр. въ нѣсколько рискованной и весьма реальной сценѣ между Элеонорой и Іоанномъ въ «Повѣсти о россійскомъ купцѣ Іоаннѣ» [3]), или въ перепискѣ Александра и Элеоноры въ «Повѣсти о кавалерѣ Александрѣ» и въ ихъ же бесѣдѣ между собою [4]). Иногда эти «рѣчи» имѣютъ характеръ монологовъ, особенно въ трагическихъ мѣстахъ разсказа: таковъ длинный монологъ Тиры во второй повѣсти, въ которомъ она изливаетъ свои чувства въ виду смерти своего возлюбленнаго Александра, «извлекше мечъ, противу сердца своего поставя»:

Увы мнѣ бѣдной, несчастнѣйшей въ свѣтѣ,
Коликія бѣды буду терпѣти въ семъ лѣтѣ!
Драгоцѣннѣйшій бриліантъ, ахъ, погубила,
Александра любезна въ морѣ утопила!... [5]).

Иногда и самый разсказъ автора повѣсти снабжается періодически повторяющейся риѳмой:

Элеонорѣ Іоаннъ многія рѣчи говорилъ
И присланное отъ Анны-Маріи письмо объявилъ;
Элеонора оное письмо прочитала
И, по прочтеніи заплакавъ, слѣдующую рѣчь сказала...[6]).

Въ этихъ рѣчахъ, діалогахъ, аріяхъ и пѣсняхъ сосредоточены лирическія и драматическія тенденціи повѣствователей; въ остальномъ же разсказъ ведется эпически спокойно и весьма рѣдко нарушается мимоходомъ брошенными замѣчаніями о душевномъ состояніи героевъ въ тѣ или иные моменты ихъ жизни. Приспособленіе иноземнаго повѣствовательнаго матеріала къ русской жизни, какъ уже сказано, выполнено очень слабо, особенно въ двухъ послѣднихъ разсказанныхъ повѣстяхъ, принадлежащихъ, очевидно, гораздо менѣе даровитому передѣлывателю, чѣмъ это можно предполагать относительно

---

[1]) По изд. Сиповскаго, стр. 126—127.
[2]) Стр. 148.
[3]) Стр. 249.
[4]) Стр. 140. 141.
[5]) Стр. 177—178.
[6]) Стр. 250.

«Повѣсти о матросѣ Василіи». Напр., во второй повѣсти удержана безконечная цѣпь приключеній Александра, со всѣми мало понятными русскому читателю символическими наименованіями рыцарей («кавалеръ сѣтованія», «кавалеръ смиренія», «кавалеръ надежды», «кавалеръ гнѣва и побѣды» и пр.), со всей наивностью географической номенклатуры («графство ческое», «графство ориляпское» и т. п.), не говоря уже о несообразныхъ историческихъ и географическихъ представленіяхъ, отмѣченныхъ Л. Н. Майковымъ относительно «Повѣсти о матросѣ Василіи»: авторъ полагалъ, что Флоренція и столица цесаря—города приморскіе, что между Франціей, Цесаріей и Флоренской землей лежитъ какой-то обитаемый разбойниками островъ, что Флорентскій государь имѣетъ титулъ короля [1]). Въ общемъ, характеръ изложенныхъ литературныхъ передѣлокъ свидѣтельствуетъ о той трудной борьбѣ, которую приходилось вести ихъ авторамъ какъ съ непонятными имъ во многомъ реальными элементами содержанія своихъ иноземныхъ образцовъ, такъ и съ полной неупорядоченностью языка, не имѣвшаго еще необходимыхъ средствъ для выраженія многихъ новыхъ понятій.

4.

Театръ при Петрѣ Великомъ и его связь съ театральными затѣями предшествующаго времени.—Миссія фанъ-Стадена.—Дѣятельность пастора І. Г. Грегори.—Московскій театральный репертуаръ XVII вѣка: «англійскія комедіи» въ нѣмецкой обработкѣ и русскихъ переводахъ.—Личный интересъ Петра Великаго къ театру.—Приглашеніе І. Х. Кунста и его дѣятельность.—Отто Фирстъ.—Репертуаръ русскаго театра въ первой четверти XVIII вѣка.—Магистръ І. Фельтенъ.—Школьныя драматическія представленія.—Дѣятельность въ области театра царевны Наталіи Алексѣевны.—Свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ русскаго театра до половины XVIII вѣка.

Въ предшествующемъ изложеніи мнѣ уже пришлось коснуться начатковъ южно-русской школьной драмы XVII вѣка и слѣдовъ перенесенія ея на сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи въ трудахъ Симеона Полоцкаго и Димитрія Ростовскаго (стр. 241—245. 267—270. 280—284). Слѣды эти были лишь единичными попытками внести въ русскую литературную жизнь переходной эпохи новый элементъ, который имѣлъ въ виду пока лишь цѣли школы или развлеченія «тишайшаго» государя, интересовавшагося западными новинками. При Петрѣ Великомъ театръ въ Россіи сдѣлалъ уже значительный шагъ впередъ, выйдя изъ тѣсныхъ предѣловъ придворной и школьной жизни на площадь, и началъ служить, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ, болѣе широкимъ интересамъ общественнаго и политическаго характера. Однако начало этихъ театральныхъ занятій, исполнительная роль въ которыхъ принадлежала главнымъ образомъ иностранцамъ, относится еще ко времени Алексѣя Михайловича, и потому мы должны оглянуться нѣсколько назадъ, чтобы успѣхи Петра Великаго въ этомъ дѣлѣ явились болѣе понятными.

Одновременно съ дѣятельностью при московскомъ дворѣ Симеона Полоцкаго и, вѣроятно, еще до представленія его обѣихъ пьесъ, упомянутыхъ

[1]) Очерки, стр. 195.

нами раньше [1]), царь Алексѣй Михайловичъ, не смотря на изданныя имъ самимъ въ 1648 и 1657 годахъ всенародныя запрещенія мірского веселья, очень заинтересовался театральными представленіями; онъ слышалъ о нихъ отъ бывшихъ заграницей русскихъ пословъ и приближенныхъ бояръ, вродѣ Ртищева, Ордина-Нащокина или Артемона Матвѣева, поддерживавшихъ тѣсныя связи съ жившими въ Москвѣ иностранцами. Въ нѣмецкой слободѣ устраивались иногда театральныя представленія, и объ одномъ изъ нихъ, относящемся къ 1664 году, сообщаетъ бывшій нѣсколько разъ въ Россіи англійскій посолъ графъ Карлейль. Желая имѣть у себя при дворѣ эту крайне заинтересовавшую его нѣмецкую потѣху, царь 15 мая 1672 года, т. е. за двѣ недѣли до рожденія Петра Великаго, передалъ, черезъ Матвѣева, полковнику Николаю фанъ-Стадену приказаніе отправиться въ Курляндію и поискать тамъ на русскую службу «рудознатныхъ всякихъ самыхъ добрыхъ мастеровъ» и вмѣстѣ съ ними «трубачей самыхъ добрыхъ и ученыхъ, да которые бы умѣли всякія комедіи строить»; но эта миссія фанъ-Стадена, не смотря на первоначальные успѣшные шаги, не удалась: согласившіяся сначала подходящія лица, во главѣ съ весьма извѣстнымъ тогда сценическимъ дѣятелемъ Іоганомъ Фельтеномъ, отказались потомъ отъ поѣздки въ Россію; и фанъ-Стадену, вернувшемуся въ Москву въ концѣ того же 1672 года, пришлось удовольствоваться лишь однимъ трубачомъ и четырьмя музыкантами, не побоявшимися отправиться на службу въ Россію. Между тѣмъ царь, нетерпѣливо желавшій достиженія намѣченной цѣли, еще до окончательнаго выясненія результатовъ миссіи фанъ-Стадена, завелъ, при посредствѣ того же Матвѣева, сношенія съ нѣмецкой слободой, въ которой и дѣйствительно нашелся подходящій человѣкъ для театральнаго дѣла: это былъ пасторъ московской лютеранской церкви Іоганъ-Готфридъ Грегори. 4 іюня 1672 года ему поручено было «учинити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Есѳирь», для чего приказано было отъ царя построить особую «хоромину» въ лѣтней резиденціи царской, селѣ Преображенскомъ, и снабдить ее всѣмъ необходимымъ для театральной забавы. Самое представленіе «Есѳири», извѣстной также подъ именемъ «Артаксерксова дѣйства», состоялось 17 октября 1672 года, въ присутствіи самого царя. Текстъ этой пьесы въ томъ видѣ, какъ она представлена была труппою Грегори въ селѣ Преображенскомъ, до насъ не сохранился, но, безъ сомнѣнія, это была обработка извѣстнаго библейскаго разсказа объ Артаксерксѣ, Есѳири, Аманѣ и Мордохеѣ. Трудно сказать съ совершенной точностью, на какомъ языкѣ состоялось представленіе этой пьесы въ Преображенскомъ—понѣмецки, б. м. съ переводомъ для царя нѣкоторыхъ мѣстъ порусски, или цѣликомъ на русскомъ языкѣ: въ послѣднемъ случаѣ весьма вѣроятно, что непосредственной основой для переводчика послужилъ текстъ этой комедіи, уже существовавшій въ Германіи въ числѣ такъ называемыхъ «англійскихъ» комедій нѣмецкаго драматическаго репертуара [2]). Есть предпо-

---

[1]) Ихъ постановку Н. С. Тихонравовъ относитъ къ 1673—1678 годамъ: Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ, I, стр. XLIV.

[2]) П. Морозовъ. Исторія русскаго театра, I, стр. 151—153.

ложеніе, что выборъ «Артаксерксова дѣйства» для представленія на московской придворной сценѣ не былъ случайнымъ, такъ какъ въ исторіи объ Есѳири могли отыскаться намеки на тогдашнія обстоятельства семейной жизни царя Алексѣя, причемъ роль Есѳири напоминала роль царицы Наталіи во время избранія ея въ царскія невѣсты, а въ роли Мордохея можно было усмотрѣть сходство съ поведеніемъ ея родственника и воспитателя, Матвѣева; но вѣроятнѣе, что это было лишь случайнымъ совпаденіемъ, такъ какъ у самого царя и приближенныхъ къ нему лицъ едва ли можно предположить такое знакомство съ иноземнымъ драматическимъ репертуаромъ, которое дѣлало бы возможнымъ свободный выборъ, а Грегори не имѣлъ, повидимому, ни желанія, ни поводовъ вмѣшиваться въ обсужденіе домашнихъ дѣлъ царя и предложилъ комедію объ Есѳири, какъ одну изъ самыхъ популярныхъ тогда въ его отечествѣ.

Такъ положено было начало русскому театру, лишенному пока сколько-нибудь серьезнаго вліянія, не имѣвшему своего репертуара и руководителей и явившемуся лишь въ качествѣ крайне занимательной новинки въ кругу однообразной, шедшей по старинѣ, жизни московскаго двора. Но уже самая рѣшимость царя принять эту новую забаву, при дѣятельномъ участіи иноземцевъ, была явленіемъ весьма замѣчательнымъ и открывавшимъ возможность дальнѣйшаго развитія начатаго дѣла. Дѣйствительно, въ послѣдовавшіе годы царствованія царя Алексѣя Михайловича театральныя представленія при дворѣ—не только въ Преображенскомъ, но и въ кремлевскихъ палатахъ—продолжались: были поставлены комедіи *Объ Алексіѣ божіемъ человѣкѣ, Товія Младшій, *Юдиѳь, *Объ Адамѣ и Евѣ, *Іосифъ, *О Баязетѣ и Тамерланѣ [1]). Однако это оказалось не долговременнымъ: въ іюнѣ 1675 года скончался главный руководитель театральными представленіями, Грегори; по рекомендаціи князя Голицына бояриму Матвѣеву, онъ былъ замѣненъ бывшимъ учителемъ Кіевской Братской школы Степаномъ Чижинскимъ, который и успѣлъ поставить комедію о Давидѣ и Голіаѳѣ; въ январѣ слѣдующаго 1676 года театральное дѣло постигъ новый ударъ: не стало и самого его покровителя, царя Алексѣя. Новый царь Ѳедоръ Алексѣевичъ издалъ 15 декабря 1676 года указъ «палаты, которыя заняты были на комедію, очистить»; образовавшаяся стараніями Грегори театральная школа для приготовленія актеровъ изъ русскихъ была закрыта. Впрочемъ, въ этомъ неблагопріятномъ поворотѣ судьбы для русскаго театра главную роль игралъ, повидимому, не самъ царь, а приближенныя къ нему лица, составлявшія по своему настроенію противоположность сторонникамъ западныхъ новшествъ прежняго царствованія: таковы были, напр., князь Н. И. Одоевскій и Б. М. Хитрово. Царь Ѳедоръ, хотя и не былъ противникомъ нововведеній, но, какъ ученикъ Симеона Полоцкаго, прилежалъ главнымъ образомъ къ польскому языку и польскимъ книгамъ; къ театру онъ былъ довольно равнодушенъ, но воспоминанія объ этой затѣѣ не могли скоро изгладиться безслѣдно, и весьма вѣ-

---

[1]) Большая часть изъ нихъ, отмѣченная у насъ звѣздочкой, напечатана Н. С. Тихонравовымъ: Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ, I, стр. 1—295.

роятно, что именно къ первымъ годамъ новаго царствованія и относится представленіе двухъ пьесъ Симеона Полоцкаго, б. м. разыгранныхъ учениками Спасской школы и явившихся какъ бы на смѣну трудамъ пастора Грегори и Степана Чижинскаго. Конечно, эта попытка не могла обѣщать прочнаго успѣха: школьная драма, ограниченная въ своихъ средствахъ, не была въ состояніи соперничать съ богатыми результатами нѣмецкой обработки «англійскихъ комедій» въ Германіи, отчасти уже пересаженными въ Россію; кромѣ того, и тревожныя политическія событія, наступившія послѣ кратковременнаго царствованія Ѳедора Алексѣевича (1676—1682), не могли способствовать театру при московскомъ дворѣ. Въ силу этихъ обстоятельствъ, дальнѣйшее развитіе русскаго театральнаго дѣла прекратилось вплоть до первыхъ годовъ XVIII столѣтія.

Въ собственно литературномъ отношеніи, репертуаръ московскаго театра XVII вѣка отразилъ собою самое модное теченіе на тогдашней европейской сценѣ. Оно вело свое происхожденіе изъ Англіи, гдѣ еще въ XVI вѣкѣ театръ получилъ блестящее развитіе и оказалъ затѣмъ могущественное вліяніе на ходъ драматической литературы во Франціи и Германіи. Впрочемъ, широкое воздѣйствіе англійскаго театра на европейскую сцену XVI—XVII вв. шло не отъ Шекспира, геніальное своеобразіе и глубокая психологія котораго не были доступны широкимъ народнымъ массамъ, а отъ той весьма значительной по объему, полународной и полукнижной, драматической литературы, которую разносили многочисленныя англійскія труппы актеровъ на континентѣ и которая хорошо извѣстна была въ Германіи подъ именемъ «англійскихъ комедій»; уже въ 20-хъ годахъ XVII в. эти произведенія являются въ печатныхъ нѣмецкихъ изданіяхъ. По содержанію онѣ представляли собою прозаическую обработку въ драматической формѣ различныхъ библейскихъ и историческихъ сюжетовъ, съ примѣсью большой дозы комическаго элемента и съ непремѣннымъ присутствіемъ шутовской фигуры Пикельгеринга; языкъ этихъ «комедій» отличался грубостью, въ шутовскихъ сценахъ переходившей въ голый цинизмъ. Внутренней связи въ піесахъ было очень мало; психологическая вѣрность была также въ полномъ пренебреженіи; дѣйствіе развивалось почти исключительно эпически, по извѣстной схемѣ, указываемой самимъ сюжетомъ; кромѣ того, въ исполненіе этихъ піесъ на сценѣ вводилась музыка и хоры, имѣвшіе въ виду не столько литературное назначеніе, сколько выгоды сценическаго эффекта. Всѣ эти особенности «англійскихъ комедій» нѣмецкой обработки перешли и на ихъ русскіе переводы, служившіе для московскихъ представленій въ 70-хъ годахъ XVII вѣка; они написаны чрезвычайно тяжелымъ языкомъ, несовершенства котораго въ простомъ чтеніи едва ли были подъ силу даже и для современниковъ этихъ литературныхъ произведеній. Особенно чувствительны отрицательныя стороны этихъ русскихъ драматическихъ обработокъ въ комическихъ элементахъ содержанія, но надо думать, что непосредственный юморъ дѣйствовавшихъ на сценѣ актеровъ и снисходительность публики уравновѣшивали недостатки первыхъ опытовъ нашихъ переводчиковъ, которые должны были выдерживать трудную борьбу съ новизной содержанія и съ полной необработанностью литературнаго языка.

Надо было пройти цѣлой четверти вѣка, чтобы возникшая въ 70-хъ годахъ XVII в. кратковременная театральная затѣя нашла себѣ продолженіе. Вернувшись изъ своего перваго путешествія заграницу (1697—1698), Петръ Великій, среди другихъ плановъ обновленія русской жизни, привезъ съ собою и мысль о русскомъ театрѣ. Отъ дѣятельности Грегори и Чижинскаго остались лишь одни воспоминанія немногихъ людей изъ придворнаго круга, но не было въ наличности ни «комидійной палаты», ни ея принадлежностей, ни актеровъ, ни основанной нѣкогда театральной школы. Въ нѣмецкой слободѣ подходящихъ силъ для организаціи театральнаго дѣла, какъ это было при царѣ Алексѣѣ, не оказалось, и Петръ рѣшилъ обратиться къ тому же источнику, къ которому съ самаго начала неудачно обращался и его отецъ: нѣкто Янъ Сплавскій, родомъ изъ Венгріи, былъ командированъ Петромъ заграницу для набора актеровъ. Въ Данцигѣ онъ договорилъ принципала одной изъ нѣмецкихъ странствующихъ труппъ Іоанна-Христіана Кунста поступить на царскую службу въ Москву, для чего Сплавскому, въ виду колебаній Кунста, пришлось предпринять даже вторичное путешествіе въ Данцигъ, взявъ съ собою, для большей внушительности дѣла, одного изъ подъячихъ, Сергѣя Ляпунова. 12 апрѣля 1702 года былъ заключенъ Сплавскимъ и Кунстомъ контрактъ, въ силу котораго послѣдній обязался за ежегодное жалованье въ 6000 ефимковъ «яко вѣрному рабу надлежитъ, его царскаго величества всѣми вымыслами и потѣхами увеселять, и для того всегда бодръ, трезвъ и готовъ быти». Однако Петръ съ самаго же начала взглянулъ на театръ не какъ на личную или придворную забаву, а какъ на дѣло общественное. Бояринъ Ѳ. А. Головинъ, по порученію царя, приказалъ построить «комидійную хоромину» на Красной площади, у самаго Кремля, при чемъ весьма характерно то, что приказанія эти встрѣтили отпоръ со стороны дьяковъ посольскаго приказа, находившихъ эту затѣю весьма сомнительной; однако въ декабрѣ хоромина была готова, и уже на святкахъ 1702—1703 года начались, вѣроятно, въ ней представленія. Вмѣстѣ съ «комедіей» была вызвана къ жизни и театральная школа, главное назначеніе которой, какъ и во времена Грегори, заключалось въ томъ, чтобы приготовить русскихъ актеровъ, такъ какъ труппа Кунста могла исполнять свои представленія лишь по-нѣмецки; кромѣ того, труппа была пополнена съ разныхъ сторонъ музыкантами и хоромъ, при чемъ иностранцы занимались обученіемъ пѣнію и музыкѣ своихъ русскихъ учениковъ. Въ общемъ, русское правительство обнаружило большую щедрость и предупредительность къ Кунсту въ его работѣ по устройству театральнаго дѣла, но въ концѣ 1703 года Кунстъ умеръ, и въ мартѣ 1704 года во главѣ труппы и театральной школы сталъ Отто Фирстъ, по спеціальности не актеръ, но золотыхъ дѣлъ мастеръ. Новый руководитель оказался въ весьма трудномъ положеніи; его труппа состояла изъ немногихъ остатковъ труппы Кунста и русскихъ учениковъ послѣдняго, нуждавшихся въ постоянномъ руководствѣ; кромѣ того, и самъ Фирстъ не имѣлъ среди своихъ сотрудниковъ того авторитета, которымъ пользовался его предшественникъ; представленія хотя и продолжались, по-нѣмецки и по-русски, но дѣло въ общемъ не развивалось, и въ 1707 году московскій театръ, послѣ переѣзда двора въ Петербургъ, прекратилъ свое существованіе. Однако самое

дѣло не заглохло. Все «уборство» театра было передано въ домашній театръ царевны Натальи Алексѣевны, принявшей особое участіе въ театральномъ дѣлѣ и устроившей у себя въ Преображенскомъ домашніе спектакли; когда же и царевна переѣхала въ Петербургъ, то домашній театръ былъ устроенъ у царицы Прасковьи Ѳеодоровны, въ селѣ Измайловѣ. Въ самой Москвѣ театральныя представленія опять, какъ при Симеонѣ Полоцкомъ, ограничились стѣнами школы: съ одной стороны, ученики Славяно-греко-латинской академіи, по старому кіевскому обычаю, устраивали у себя въ праздничные дни театральныя представленія, иногда пользуясь для этого какимъ-нибудь сараемъ, при самой скудной обстановкѣ, а съ другой — бывали представленія и въ Хирургическомъ госпиталѣ, основанномъ, по указу Петра, 25 мая 1706 года за Яузою, противъ нѣмецкой слободы; во главѣ этого учрежденія, предназначеннаго не только для лѣченія больныхъ, но и для преподаванія медицины, стоялъ образованный и ученый голландецъ Николай Бидлоо, привлекавшій къ себѣ воспитанниковъ изъ духовной академіи. Одна изъ піесъ, разыгранная учениками московскаго госпиталя въ 1724 году по случаю коронаціи императрицы Екатерины I, сохранилась подъ именемъ «Славы россійской» [1]).

Такимъ образомъ, переставъ существовать, какъ учрежденіе публичное, театръ въ Москвѣ, по прошествіи четырехъ-пяти лѣтъ, снова вошелъ въ тѣ предѣлы, которые были ему доступны по общимъ условіямъ тогдашней русской жизни—въ сферу двора и школы, какъ это было и четверть столѣтія тому назадъ. Несмотря на то, что нѣкоторыя представленія собирали до 400 человѣкъ «смотрѣльщиковъ», театръ еще не имѣлъ въ московскомъ обществѣ прочнаго положенія и не могъ расчитывать на успѣхъ безъ поддержки и поощренія правительства. Съ переходомъ царской резиденціи изъ Москвы въ Петербургъ, благопріятныя условія для существованія театра также перекочевали въ новую столицу [2]).

Толчкомъ для новыхъ заботъ Петра о театрѣ въ Петербургѣ послужило, повидимому, путешествіе его заграницу въ 1716—1717 годахъ, когда, насмотрѣвшись шутовскихъ арлекинадъ въ Германіи, онъ захотѣлъ завести у себя театръ, доступный самому широкому кругу зрителей. Для осуществленія этой мысли царю снова пришлось обратиться заграницу, при чемъ онъ особенно разсчитывалъ на чеховъ, могшихъ очень скоро научиться по-русски; однако дѣло это окончилось неудачей: иностранцы поставили такія условія, на которыя съ русской стороны, представленной Ягужинскимъ и кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ, не могло послѣдовать согласія; это было въ 1721 году. Кромѣ того, еще раньше царевна Наталья Алексѣевна, будучи страстной любительницей театра, послѣ опы-

---

[1]) Издана М. И. Соколовымъ. Москва 1892.

[2]) Богатый документальный матеріалъ для изученія внѣшней и отчасти внутренней исторіи русскаго театра во второй половинѣ XVII и въ начальные годы XVIII вѣка данъ въ изданномъ въ послѣднее время С. К. Богоявленскимъ сборникѣ «Московскій театръ при царяхъ Алексѣѣ и Петрѣ»: Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. Универ. 1914, кн. 2.

товъ въ Преображенскомъ, устроила театральныя представленія въ Петербургѣ; труппа ея, состоявшая изъ десяти человѣкъ актеровъ, была исключительно русская, и, быть можетъ, кое-кто изъ нихъ прежде учился театральному искусству у Кунста или Фирста; театръ этотъ былъ общедоступный и безплатный. Наконецъ, извѣстно, что въ 1723 году, подъ покровительствомъ самой императрицы Екатерины, дѣйствовала въ Петербургѣ нѣмецкая труппа Манна, дававшая представленія по-нѣмецки въ какомъ-то зданіи на Мойкѣ. Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, внѣшняя исторія театральныхъ предпріятій при Петрѣ Великомъ [1]).

Репертуаръ русскаго театра эпохи Петра Великаго былъ, конечно, въ большей своей части, несамостоятельный и проистекалъ изъ двухъ источниковъ: съ одной стороны, онъ примыкалъ къ современному и весьма своеобразному теченію въ тогдашней драматической литературѣ въ Германіи, а съ другой—къ традиціямъ школьной драмы, лишеннымъ условій для самостоятельнаго развитія и движенія впередъ.

Нѣмецкая драма въ XVII вѣкѣ переживала весьма сложный, полный борьбы и противорѣчій, періодъ своего развитія. Тридцатилѣтняя война, принесшая съ собою ослабленіе народныхъ массъ въ культурномъ и экономическомъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе элементовъ феодализма и реакціи, оказала существенное вліяніе и на ходъ литературы. Блестящее развитіе народнаго духа и непосредственно-національныхъ стремленій, получившее свое выраженіе въ дѣятельности Ганса Сакса въ XVI вѣкѣ, было заслонено подражательностью французскому классицизму; явилось ученое стихотворство и драма, со своимъ строго отвлеченнымъ содержаніемъ и съ полной отрѣшенностью отъ дѣйствительной жизни. Главнѣйшими представителями въ области драматической литературы явились поэты такъ называемой первой и второй силезской школы Опицъ, Грифіусъ и въ особенности Лоэнштейнъ (1635—1689), сочинявшіе свои пьесы на самые отдаленные отъ современной жизни сюжеты изъ восточной, византійской или англійской исторіи, изъ области международныхъ новеллъ и сказаній и нагромождавшіе на плечи своихъ исключительныхъ героевъ едва выносимую тяжесть самыхъ необузданныхъ страстей, невѣроятныхъ пороковъ и добродѣтелей, при чемъ все это излагалось изысканнымъ, отвлеченнымъ, ученымъ языкомъ, мало доступнымъ простому читателю и невозможнымъ для дѣйствительнаго представленія на сценѣ. Такое одностороннее развитіе литературы въ учено-придворномъ направленіи вообще и драмы въ особенности неизбѣжно должно было вызвать противодѣйствіе. Здоровое чувство представителей среднихъ слоевъ общества, не лишенныхъ образованія и не чуждыхъ живыхъ національныхъ стремленій, желало выхода литературы на болѣе естественный путь и не могло, конечно, въ области театра удовольствоваться той смѣсью грубаго шаржа, карикатуры и шутовства, которая выходила изъ глубины народныхъ массъ на сцену и лишена была всякаго сколько-нибудь занимательнаго содержанія. Такой выходъ былъ найденъ въ комбинаціи остатковъ старой

---

[1]) П. Морозовъ. Исторія русскаго театра, I, стр. 198—212.

«англійской комедіи» и массы новыхъ сюжетовъ какъ нѣмецкаго, такъ и иностраннаго, историческаго и бытового, происхожденія. Главнѣйшее участіе въ созданіи этой новой драмы приняли странствующія по разнымъ частямъ Германіи актерскія труппы, на подобіе того, какъ это было въ Англіи сто лѣтъ тому назадъ. Наиболѣе талантливые организаторы такихъ труппъ, въ которыхъ не послѣднее мѣсто занимали отбитые отъ университетовъ войною студенты, сами сочиняли театральныя пьесы, и текстъ послѣднихъ не всегда былъ закрѣпленъ не только въ печати, но и перомъ, предоставляя свободу импровизаціи исполнителямъ. Едва ли не первое мѣсто среди такихъ театральныхъ принципаловъ занималъ въ Германіи даровитый и образованный, въ высшей степени преданный театру магистръ Іоганъ Фельтенъ, дѣятельность котораго падаетъ на время отъ 60-хъ до 90-хъ годовъ XVII вѣка и котораго судьба едва не занесла въ Россію, какъ это было упомянуто (стр. 372), при первыхъ попыткахъ царя Алексѣя Михайловича завести въ Москвѣ театральныя представленія. Репертуаръ Фельтена былъ весьма разнообразенъ, включая въ себя обрывки классическихъ трагедій и комедій, подвиги баснословныхъ царей и героевъ, похожденія влюбленныхъ принцессъ и принцевъ, сны и привидѣнія, небо и адъ, всевозможныя аллегоріи, итальянскія аріи и французскіе балеты, фейерверки и иллюминаціи, наконецъ огромную дозу грубоватой, въ національномъ духѣ, веселости въ лицѣ шута Гансвурста, смѣнившаго на новой сценѣ прежняго Пикельгеринга. Въ результатѣ этой работы фантазіи и юмора, историческихъ и литературныхъ воспоминаній, искусныхъ сценическихъ пріемовъ и знакомства съ народной психологіей получались такъ называемыя главныя дѣйства (Hauptactionen); рядомъ съ ними показывались зрителямъ мелкія піески и интермедіи, которыми, по обычаю стараго времени, заключалось всякое серьезное театральное представленіе [1]).

Это новое теченіе, нашедшее себѣ превосходное воплощеніе въ дѣятельности Фельтена, въ судьбахъ нѣмецкой литературы не было, конечно, такимъ разрѣшеніемъ вопроса, которое могло бы вполнѣ удовлетворить идеальныя требованія органическаго національно-литературнаго развитія театра; но оно было все-таки важнымъ моментомъ въ этомъ процессѣ, выступая съ громкимъ протестомъ противъ уродливостей ложноклассицизма и подкапывая его основанія. Наиболѣе живые и воспріимчивые дѣятели въ области литературы и театра сочувствовали этому литературному повороту, а за ними шли и обыкновенные средніе люди, подчиняясь модѣ и духу времени. Среди послѣднихъ были Кунстъ и Фирстъ, принявшіе на себя руководительство русскимъ театромъ въ начальные годы XVIII вѣка. Во всякомъ случаѣ, при отсутствіи самостоятельной драматической литературы, репертуаръ этихъ послѣдователей Фельтена гораздо болѣе соотвѣтствовалъ русскимъ понятіямъ и потребностямъ, чѣмъ недоступная массѣ и отвлеченная ложноклассическая трагедія, уже отживавшая свой вѣкъ на Западѣ.

---

[1]) Тихонравовъ, Н. С. Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг., I, стр. XXVII—XXX; Морозовъ, П. О. Исторія русскаго театра, I, стр. 221—222.

Репертуаръ Фельтена былъ перенесенъ Кунстомъ и Фирстомъ въ Россію, но тутъ имъ пришлось поступиться однимъ обычаемъ, господствовавшимъ среди странствующихъ труппъ въ Германіи: такъ какъ представленія требовались на русскомъ языкѣ, то явилась необходимость въ переводахъ, для совершенія которыхъ принципалы должны были выдать въ посольскій приказъ тексты своихъ пьесъ, тщательно охранявшіеся обыкновенно отъ постороннихъ глазъ: «не долженъ есмь — писалъ по этому поводу Кунстъ дьякамъ посольскаго приказа — комедіи свои отдавать и переводить, наипаче русскихъ научать; вѣжества же ради не отказываю» [1]). Впрочемъ, не всѣ пьесы выдавались въ полныхъ текстахъ, нѣкоторыя только въ видѣ программъ или перечней, отчего онѣ и назывались «перечневыми». Мы не можемъ въ настоящее время съ точностью установить объемъ этого репертуара, но до насъ дошли опубликованныя Пекарскимъ [2]) «описаніе комедіямъ, что какихъ есть въ государственномъ посольскомъ приказѣ мая по 30 число 1709 года» и другая «опись» количества имѣющихся въ приказѣ экземпляровъ переводныхъ пьесъ этого рода; изъ нихъ мы почерпаемъ указаніе на слѣдующія 15 пьесъ: О королѣ Эпирскомъ, *Честный измѣнникъ, *Донъ Педро и Донъ Янъ, Прельщенный любящій, *О принцѣ Пикель-Герингѣ, Александръ Македонскій, *Сципіонъ Африканскій, О графинѣ Геновевѣ, Юлій Цесарь, Постоянный Папиньянусъ, *Порода Геркулесова, *О Баязетѣ и Тамерланѣ, Докторъ принужденный, О Тенерѣ-Лизеттинѣ отцѣ, О Тонвуртинѣ-старомъ шляхтичѣ. Изъ перечисленныхъ тутъ пьесъ до настоящаго времени найдены и опубликованы лишь нѣкоторыя; мы отмѣчаемъ ихъ звѣздочкой.

«Честный измѣнникъ или Фредерико фонъ-Поплей и Алоизія, супруга его» [3]) есть переводъ нѣмецкой передѣлки «трагической оперы» Чиконьини, флорентинскаго поэта XVII вѣка. Въ ней разсказана семейная исторія герцога Фредерико, супруга котораго Алоизія не устояла противъ ухаживаній маркиза Альфонзо; все содержаніе пьесы наполнено изображеніемъ мести обиженнаго герцога обоимъ любовникамъ, падающимъ отъ его руки при самой жестокой обстановкѣ. Отъ «Комедіи о Донъ-Янѣ и Донъ-Педрѣ» дошелъ до насъ только отрывокъ въ видѣ послѣдняго, пятаго, дѣйствія [4]). Этотъ отрывокъ обличаетъ переводъ нѣмецкой передѣлки трагикомедіи де-Вилльe, французскаго актера и писателя, напечатавшаго свою драматическую обработку популярнаго сюжета о Донъ-Жуанѣ въ Амстердамѣ въ 1660 году. «Принцъ Пикель-Герингъ или Жоделетъ, самый свой тюрьмовый заключникъ» [5]) является одной изъ самыхъ типичныхъ пьесъ репертуара Фельтена, выводя въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица шута, стараго любимца «англійскихъ комедій». Текстъ этой пьесы дошелъ до насъ въ самомъ неисправномъ видѣ, чрез-

[1]) Тихонравовъ, назв. изд., I, стр. XXXIV.

[2]) Наука и литература, I, стр. 428—429.

[3]) Тихонравовъ. Русскія драматическія произведенія, II, стр. 196—239.

[4]) Тамъ же, II, стр. 240—249.

[5]) Тамъ же, II, стр. 105—195.

вычайно затрудняющемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пониманіе ея содержанія. Непосредственнымъ источникомъ нѣмецкаго оригинала русскаго перевода была, повидимому, пьеса французскаго писателя Томаса Корнеля, заимствовавшаго, въ свою очередь, содержаніе ея въ 1655 году отъ Кальдерона. Въ основѣ сюжета лежитъ разсказъ о сицилійскомъ принцѣ Фредерико, который убилъ на турнирѣ въ Неаполѣ королевскаго племянника и долженъ былъ бѣжать; чтобы скрыть свою личность, онъ переодѣлся въ лѣсу въ крестьянское платье и нашелъ въ такомъ видѣ пріютъ у принцессы Елены, оказавшейся сестрой убитаго; между тѣмъ крестьянинъ Бенито, веселый и глуповатый, нашелъ платье Фредерико и былъ пойманъ, какъ подозрѣваемый убійца; его охрана поручена была самому Фредерико, который, такимъ образомъ, явился «стражемъ самого себя»; въ концѣ концовъ Фредерико спасенъ заступничествомъ своей возлюбленной, инфанты Маргариты, передъ королемъ. Въ русскомъ переводѣ, а, быть можетъ, и въ нѣмецкомъ его оригиналѣ, допущены были въ этомъ сюжетѣ многочисленныя отступленія; дѣйствующія лица отчасти выступаютъ съ новыми или перепиначенными именами (вм. Фредерико—Фридерихъ, Елена превратилась въ Изабеллу, Маргарита въ Лауру и т. п.), но главная перемѣна заключается въ предоставленіи первой роли шуту Жоделету, ставшему на мѣсто Бенито и, въ качествѣ настоящаго носителя нѣмецкой «гансвурстіады», наполняющему пьесу потокомъ грубостей, пошлости и цинизма; передъ этими шутовскими выходками совершенно исчезли и стушевались прежнія романтическія очертанія пьесъ испанскаго и французскаго авторовъ и наполнили пьесу такимъ содержаніемъ, которое побудило даже дьяковъ посольскаго приказа признать въ ней «мало пристоинства». Насколько личность шута въ репертуарѣ Фельтена считалась неизбѣжной, особенно ясно видно изъ комедіи «Сципіо Африканъ, вождь римскій, и погубленіе Софонизбы, королевы Нумидійскія» [1]). Нѣмецкій оригиналъ этой пьесы представлялъ собою своеобразную передѣлку «Софонизбы» Лоэнштейна (1666), одного изъ виднѣйшихъ представителей той «ученой» поэзіи въ Германіи, противъ которой именно и направлены были усилія дѣятелей въ духѣ Фельтена. У Лоэнштейна изображена исторія царя Масиниссы, влюбившагося въ нумидійскую царицу Софонизбу, противъ которой ему, въ римскихъ интересахъ, приходится вести войну; Софонизба однако же, несмотря на насильственный бракъ съ врагомъ своего отечества, остается въ душѣ вѣрной своей родинѣ и семьѣ; участіе Сципіона Африканскаго является въ пьесѣ лишь косвеннымъ, и самая личность его введена только въ двухъ послѣднихъ дѣйствіяхъ пьесы. Въ нашей комедіи содержаніе пьесы Лоэнштейна значительно сокращено, при чемъ первое дѣйствіе разбито на цѣлыхъ три, а остальныя четыре умѣщены въ два послѣднихъ; характеръ рѣчи дѣйствующихъ лицъ значительно упрощенъ; устранены или замѣнены иными оборотами многочисленныя метафоры и сравненія нѣмецкаго оригинала; вмѣсто изысканной напыщенности поставлена обычная тривіальность и даже грубость.

---

[1]) Тихонравовъ. Русскія драматическія произведенія, II. стр. 34—104.

Но самое главное отличіе заключается въ личности шута, или «издѣвочнаго слуги», Эрсила, котораго совсѣмъ не было и не могло быть въ серьезной и строгой пьесѣ Лоэнштейна; здѣсь онъ является на протяженіи почти всей пьесы и своими, довольно, впрочемъ, скромными, выходками и замѣчаніями о женскомъ непостоянствѣ и т. п. мѣшаетъ только ходу пьесы: очевидно, что лицо это введено въ пьесу единственно лишь въ силу моды, требовавшей на сценѣ шута даже при самой неподходящей для этого обстановкѣ [1]).

Изъ двухъ другихъ пьесъ, названныхъ въ упомянутомъ «описаніи» посольскаго приказа и имѣющихся въ опубликованныхъ до сихъ поръ текстахъ, одна, о Баязетѣ и Тамерланѣ [2]), представляетъ собою то самое произведеніе, которое было уже названо выше (стр. 373), когда шла рѣчь о репертуарѣ театра Грегори; трудно сказать съ точностью, была ли эта пьеса играна труппою Кунста и Фирста или попала въ посольскій приказный списокъ лишь по старымъ воспоминаніямъ. Другая пьеса, «Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитера», есть переводъ комедіи Мольера «Амфитріонъ» [3]): комедія переведена съ французскаго подлинника, а не съ нѣмецкаго перевода, на что указываетъ не только близость текстовъ, но и большое количество встрѣчающихся въ русскомъ текстѣ галлицизмовъ; это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что въ началѣ XVIII в. существовали и нѣмецкія передѣлки «Амфитріона», съ обычнымъ шутовскимъ характеромъ, далекимъ отъ французскаго оригинала; поэтому, весьма вѣроятно предположеніе г. Морозова [4]) о томъ, что эта пьеса, быть можетъ, подобно «Баязету и Тамерлану», также не входила въ репертуаръ Кунста и Фирста, будучи переведенной внѣ стѣнъ посольскаго приказа. О другихъ пьесахъ репертуара Кунста и Фирста, тексты которыхъ до насъ не дошли или еще не отысканы, мы можемъ судить лишь по предполагаемому отношенію ихъ содержанія къ аналогичнымъ сюжетамъ западно-европейской повѣствовательной или драматической литературы: таковы—«Постоянный Папиньянусъ», «Александръ Македонскій», «О графинѣ Геновевѣ», «Юлій Цесарь», «Докторъ принужденный», отводящія насъ къ Грифіусу, Мольеру и т. п. [5]).

Другимъ источникомъ драматическаго репертуара при Петрѣ Великомъ была, какъ уже упомянуто, школа, въ лицѣ московской славяно-

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ пьесахъ и ихъ литературной судьбѣ можно найти въ трудахъ Н. С. Тихонравова: Русскія драматическія произведенія, I, стр. XXXV—XL, и П. О. Морозова: Исторія русскаго театра, I, стр. 229—258.

[2]) Тихонравовъ. Русскія драматическія произведенія, I, стр. 204—242.

[3]) Тамъ же, I, стр. 424—506.

[4]) Назв. соч., стр. 263—266.

[5]) П. Морозовъ, назв. соч., стр. 237—238. 258—260. Повидимому, къ этому времени относятся и интермедіи, напечатанныя въ сборникѣ: Одиннадцать интермедій XVIII вѣка. Памятники Древней Письменности и Искусства. № CLXXXVII. 1915.

греко-латинской академіи. Основанная по образцу высшей духовной школы въ Кіевѣ, московская академія усвоила и обычай школьныхъ «дѣйствъ», широко практиковавшійся на югѣ. Въ Москвѣ задачи этихъ театральныхъ представленій, исполняемыхъ учениками, осложнились: удерживая свою библейско-религіозную основу, представленія эти, согласно желанію царя и созданному обстоятельствами духу времени, должны были служить иногда не однѣмъ цѣлямъ школьнаго развлеченія, но и политическимъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія о слѣдующихъ пьесахъ, представленныхъ учениками академіи въ праздничные дни первыхъ годовъ XVIII вѣка. На масляницѣ 1701 года была представлена «дѣйствіемъ благородныхъ великороссійскихъ младенцевъ, въ новосіяющихъ словено-латинскихъ Аѳинахъ» комедія «Ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ» [1]. Это, насколько извѣстно [2], первое школьное дѣйство новаго учрежденія; оно пока еще чуждо отношенія къ современности, имѣетъ въ виду моральную цѣль общаго характера и во всемъ представляетъ собою подобіе южно-русскихъ произведеній того же рода; судя по языку, можно даже предполагать его прямое южно-русское происхожденіе; состоя изъ антипролога, пролога, двѣнадцати явленій и эпилога, комедія эта представляетъ драматическую обработку евангельской притчи о богатомъ и Лазарѣ, давая въ руки составителя обильный правоучительный матеріалъ на тему о тщетѣ человѣческой жизни, силѣ смерти и конечномъ равенствѣ всѣхъ людей передъ Богомъ, независимо отъ положенія и образа жизни на землѣ; тема эта породила собою въ XVII и началѣ XVIII в. рядъ произведеній народно-книжной литературы и нашла себѣ мѣсто, между прочимъ, въ синодикахъ. Будучи представлена на школьной сценѣ, пьеса сопровождалась интермедіями, которыя до насъ не дошли, но на которыя имѣются указанія послѣ третьяго и седьмого явленій. По наблюденіямъ В. Н. Рѣзанова [3], нѣкоторыя ея части имѣютъ сходство съ приписываемой Димитрію Ростовскому «Рождественской драмой», а въ общемъ она носитъ на себѣ сильное вліяніе театра іезуитовъ. 4 февраля слѣдующаго 1702 года учениками академіи была разыграна другая пьеса, «Страшное изображеніе второго пришествія Господня на землю», дошедшая до насъ лишь въ видѣ краткой программы [4], напечатанной, по указанію Сопикова (Р. Б. № 403), въ томъ же году отдѣльнымъ изданіемъ. Эта пьеса представляетъ собою, повидимому, обработку въ драматической формѣ совершавшагося, во время патріаршества, въ Москвѣ и отчасти другихъ городахъ, въ мясопустную недѣлю, обряда, который состоялъ въ пѣніи стихиръ о Страшномъ Судѣ, чтеніи паремій изъ пророковъ, Евангелія и Апостола,

---

[1]) Напечатана И. А. Шляпкинымъ: Спб. 1882, а программа ея еще ранѣе помѣщена у Тихонравова, назв. изд., II, стр. 1—6.

[2]) С. Смирновъ. Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи. М. 1855, стр. 189.

[3]) Изъ исторіи русской драмы, стр. 283—284.

[4]) Тихонравовъ. Русскія драматическія произведенія. II, стр. 7—11.

водосвятіи и омовеніи губкою стоявшей на аналоѣ иконы Страшнаго Суда; въ академической пьесѣ, среди аллегорическихъ фигуръ чисто библейскаго и религіознаго происхожденія, неожиданно вставлено въ шестомъ и седьмомъ явленіяхъ «самоволіе съ гордынею» въ польскомъ сенатѣ, возбуждающее людей къ непослушанію королю своему, несмотря на уговоры «польскаго геніуша»: подъ этой аллегоріей скрывается намекъ на непріятное Петру противодѣйствіе многихъ членовъ польскаго сейма желанію польскаго короля Августа объявить Швеціи войну, къ которой именно побуждалъ короля Петръ Великій. Въ томъ же 1702 году, къ 29 іюня, дню именинъ царя, была приготовлена въ академіи пьеса «Царство міра, идолослуженіемъ прежде разоренное и проповѣдію верховнаго апостола Петра, ангела пресвѣтлѣйшаго и великодержавнѣйшаго государя нашего Петра Алексѣевича, паки возставленное», также напечатанная, по свидѣтельству Сопикова (Р. Б. № 1590), въ 1702 году отдѣльно, въ видѣ программы [1]). Содержаніе пьесы опять взято было изъ Евангелія и Дѣяній Апостольскихъ, но въ концѣ ея есть указаніе на «тезоименитый камень», т. е. самого царя Петра «яко единаго между монархи благочестія и православія поборника». Впрочемъ, въ назначенный день представленіе «Царства міра» не состоялось, вѣроятно вслѣдствіе отсутствія царя, занятаго въ это время войною въ Ингерманландіи и вернувшагося въ Москву лишь въ декабрѣ этого года; въ день новаго 1703 года академическими «великороссійскими отроками» была представлена другая пьеса, «Торжество міра православнаго» [2]), представляющая собою переработку предшествующей пьесы, съ особеннымъ развитіемъ въ концѣ панегирическаго элемента: здѣсь является уже въ полномъ торжествѣ «Россійскій Марсъ», увѣнчанный Фортуной [3]). Въ такомъ же родѣ является и рядъ другихъ академическихъ представленій въ 1704—1710 годахъ: «Ревность православія», «Свобожденіе Ливоніи и Ингерманландіи», «Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе» [4]), аллегорическіе образы которыхъ часто совпадаютъ съ панегирическими элементами современной церковной проповѣди. И эти пьесы дошли до насъ лишь въ программахъ. Характерной ихъ особенностью является введеніе въ кругъ лицъ изъ Библіи и христіанскихъ символовъ—фигуръ изъ области античной миѳологіи: Беллоны, Вулкана, Марса и проч.; подобныя сочетанія, явившіяся въ ту пору результатомъ знакомства сочинителей школьныхъ комедій съ манерой польско-іезуитскихъ проповѣдниковъ и схоластиковъ-драматурговъ, были въ русской литературѣ новостью и вызывали протестъ такихъ людей, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Подобно кіевскимъ, московскія школьныя представленія также сопровождались интермедіями, мало отличавшимися,

---

[1]) Тихонравовъ. Русскія драматическія произведенія, II, стр. 12—17.

[2]) Тамъ же, II, стр. 18—24.

[3]) Морозовъ, назв. соч., стр. 297—318.

[4]) Н. Тихонравовъ. Русскія драматическія произведенія, II, стр. 25—33, 345—355. 428—439.

впрочемъ, отъ интермедій южно-русскаго происхожденія по своему содержанію и характеру [1]).

Двумя указанными источниками—репертуаромъ Кунста и Фирста и школьной драмой—не исчерпывается однако же весь запасъ нашихъ свѣдѣній о драматической литературѣ Петровской эпохи. Кромѣ придворныхъ актеровъ и академическихъ учениковъ, умножавшаяся любовь къ театру дала толчокъ къ возникновенію и другихъ кружковъ, бравшихся за театральныя представленія и вызывавшихъ появленіе новыхъ произведеній. Объ одномъ такомъ кружкѣ, въ Московскомъ хирургическомъ госпиталѣ, пополнявшемся главнымъ образомъ воспитанниками духовной школы, было уже упомянуто (стр. 376). Въ составѣ другого кружка, примыкавшаго ко двору, дѣйствовала царевна Наталья Алексѣевна, младшая и любимая сестра Петра Великаго. Объ ея театральной дѣятельности сохранились до насъ цѣнныя свѣдѣнія двухъ иностранцевъ, наблюдавшихъ русскій дворъ въ эту эпоху, Вебера и графа Бассевича. Первый, подъ 1716 годомъ, пишетъ: «Царевна Наталья, еще до отъѣзда царя (вѣроятно, въ Данцигъ, 24 янв. 1716 г.), устроила представленіе одной трагедіи, на которое дозволялось приходить всякому. Для этой цѣли она приказала приготовить большой домъ и раздѣлить его на ложи и партеръ. Десять актеровъ и актрисъ были всѣ природные русскіе, никогда не бывавшіе заграницей, и потому легко представить, каково было ихъ искусство. Сама царевна сочиняла трагедіи и комедіи на русскомъ языкѣ и брала содержаніе ихъ частію изъ Библіи, частію изъ свѣтскихъ происшествій... Какъ увѣряли меня, во всемъ этомъ драматическомъ представленіи, подъ скрытыми именами, представлялось одно изъ послѣднихъ возмущеній въ Россіи. Шестнадцать музыкантовъ при этомъ зрѣлищѣ, всѣ чисто русскіе, играли, какъ и всѣ другіе артисты, безъ всякаго искусства». Графъ Бассевичъ (1713—1725) говоритъ: «Принцесса Наталія, меньшая сестра императора, очень имъ любимая, сочинила, говорятъ, при концѣ своей жизни двѣ-три пьесы, довольно хорошо обдуманныя и не лишенныя нѣкоторыхъ красотъ въ подробностяхъ; но за недостаткомъ актеровъ онѣ не были поставлены на сцену» [2]). Затѣмъ, на основаніи свѣдѣній, добытыхъ Пекарскимъ [3]), оказывается, что послѣ смерти царевны Натальи (ум. 18 іюня 1716 г.) всѣ ея «книги комедіантскія» были отосланы въ петербургскую типографію и, вмѣстѣ съ изданіями послѣдней, сложены въ амбарѣ на Петербургской сторонѣ, около крѣпости; отъ воды при наводненіяхъ и отъ сосѣдства конопляннаго масла книги эти сильно пострадали, и при разборкѣ ихъ въ 1723 году осталось весьма немногое, напр. дѣйствіе о Георгіѣ и Плакидѣ, о Ксенофонтѣ и Маріи, Крисанѳѣ и Даріи и т. п. Но эти драгоцѣнные остатки въ свое время

---

[1]) Н. Петровъ. Кіевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая. Тр. К. Д. А. 1909, № 11, стр. 487—491.

[2]) Шляпкинъ, И. А. Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. Спб. 1898, стр. XV—XVII.

[3]) Наука и литература, I, стр. 429—430.

не были подобраны и погибли; только въ недавнее время, благодаря счастливой находкѣ (1892) И. А. Шляпкина среди рукописей Великоустюжскаго Успенскаго собора, оказалось возможнымъ судить не по догадкамъ, а фактически о репертуарѣ театра царевны Натальи Алексѣевны. Оказывается, что этотъ репертуаръ распадался на двѣ группы: съ одной стороны—пьесы духовнаго содержанія и съ другой—передѣланныя изъ переводныхъ польскихъ романовъ конца XVII вѣка. Къ первымъ принадлежатъ: отрывокъ изъ «Юдиѳи» репертуара Грегори, отрывки изъ пяти комедій неизвѣстныхъ авторовъ (о пророкѣ Даніилѣ, Богородицѣ, Рождествѣ Христовомъ, ап. Андреѣ, Варлаамѣ и Іоасафѣ) и отрывки трехъ комедій, принадлежащихъ, вѣроятно, перу самой царевны Натальи—о св. Екатеринѣ, о Хрисанѳѣ и Даріи и о св. Евдокіи; ко вторымъ должны быть отнесены пьесы: Петръ-Златые Ключи, Гризельда, Олунда и Мелюзина, сохранившіяся также лишь въ незначительныхъ отрывкахъ [1]). Недостаточность свѣдѣній о самой Натальѣ Алексѣевнѣ не позволяетъ судить съ достаточной опредѣленностью объ ея авторствѣ, а скудость сохранившагося отрывочнаго матеріала дѣлаетъ затруднительнымъ какіе-либо выводы о репертуарѣ ея театра; однако можно видѣть, что драматическая обработка сюжетовъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ уже изъ прошлаго русской литературы, оказывается въ этихъ отрывкахъ весьма несовершенной: она сводится лишь къ переложенію эпическаго повѣствованія въ діалогическую форму безъ какой-либо попытки къ установленію характеровъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ драматическихъ положеній; комедіи эти носили, повидимому, лишь обстановочный характеръ и, такимъ образомъ, походили на тѣ пьесы, которыя дошли до насъ въ достаточномъ количествѣ изъ репертуаровъ придворныхъ нѣмецкихъ труппъ и школы.

Впрочемъ, есть одна—и весьма важная—черта, сближающая пьесы репертуара царевны Натальи съ другими любительскими предпріятіями этого рода, въ томъ числѣ и школьными, и отличающая ихъ отъ пьесъ репертуара Кунста и Фирста: она заключается въ томъ, что пьесы эти, въ отличіе отъ игранныхъ нѣмецкими труппами, не были переводными; надъ составленіемъ ихъ трудились русскіе авторы, имѣя передъ собою тотъ или иной повѣствовательный матеріалъ—въ видѣ житій, свѣтскихъ повѣстей или романовъ, который, при почти полномъ незнакомствѣ съ настоящими требованіями сцены, при совершенномъ невниманіи къ основнымъ принципамъ драматическаго творчества, большею частію механически и вполнѣ наивно, эти первые дѣятели въ области нашей драматической литературы перелагали въ форму, сколько-нибудь возможную для пред-

[1]) Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени, стр. LI—LIV. Другая переработка одного изъ этихъ сюжетовъ, именно «дѣйствіе» о князѣ Петрѣ-Златыхъ Ключахъ, относящееся къ той же Петровской эпохѣ, напечатана Г. П. Георгіевскимъ: двѣ драмы Петровскаго времени. Изв. II Отд. Ак. Н. X (1905), кн. 1, стр. 215—255; ср. В. И. Рѣзановъ: Изъ исторіи русской драмы. Дѣйствіе о князѣ Петрѣ-Златыхъ Ключахъ. Изв. II Отд. Ак. Н. XI (1906), кн. 4, стр. 165—244.

ставленія на сценѣ. Кромѣ упомянутыхъ уже такого рода сценическихъ произведеній въ кружкѣ царевны Натальи, въ московской академіи и госпиталѣ, можно еще указать здѣсь на переложенные неизвѣстными авторами въ драматическую форму повѣствовательные сюжеты: Евдонъ и Бероа, Индрикъ и Меленда, царь Киръ и скиѳская царица Тамира, «Актъ о Калеандрѣ и Неонильдѣ»; текстъ первой пьесы, разыгранной учениками академіи, до насъ не дошелъ [1]), а остальныя пьесы сохранились и напечатаны [2]).

Представленный фактическій матеріалъ показываетъ намъ, что русскій театръ времени Петра Великаго, связанный съ театральными забавами царя Алексѣя Михайловича лишь самыми отдаленными и мало замѣтными нитями исторической преемственности, занималъ въ литературной жизни переходной эпохи довольно видное мѣсто. Какъ явленіе общественное, онъ былъ однимъ изъ яркихъ проявленій иноземнаго вліянія на русскую жизнь конца XVII и начала XVIII вѣка, давая возможность извѣстной части русскаго общества расширить кругъ своихъ понятій и впечатлѣній такими элементами, культурное воздѣйствіе которыхъ на русскую жизнь стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Впрочемъ, это вліяніе ослаблялось однимъ важнымъ обстоятельствомъ— неравномѣрностью между внѣшними условіями жизни театра, щедро поддерживаемаго правительствомъ, и его репертуаромъ; послѣдній значительно отстаетъ отъ первыхъ, и въ этомъ кроется одна изъ причинъ того, почему театръ Петровской эпохи мало вліялъ именно на внутренній складъ русской жизни и не проникалъ въ глубину народнаго сознанія; но причины недостаточнаго развитія драматической литературы лежали въ общихъ условіяхъ тогдашней русской литературной жизни. Нѣмецкіе актеры, во главѣ съ Кунстомъ и Фирстомъ, могли предоставить русскимъ зрителямъ лишь собственный репертуарный матеріалъ, вполнѣ чуждый, по своему содержанію, русской жизни той эпохи; сама по себѣ драматическая форма этихъ иностранныхъ комедій своей полной новизной чрезвычайно затрудняла нашихъ переводчиковъ изъ посольскаго приказа, и въ результатѣ получались переводныя драматическія произведенія такого рода, что, безъ сомнѣнія, многіе изъ тогдашнихъ зрителей могли понимать ихъ едва на половину, отводя душу лишь на интермедіяхъ—этихъ элементарныхъ картинкахъ быта, шаблонныхъ по содержанію и однообразныхъ по формѣ. Репертуаръ школьнаго театра представлялъ нѣсколько больше самостоятельности въ выборѣ сюжетовъ, чѣмъ придворный, являясь иногда драматизацией общественныхъ и политическихъ событій; но по своему офиціально-панегирическому характеру и онъ также не былъ продуктомъ свободнаго отношенія къ современной дѣйствительности, а въ смыслѣ со-

---

[1]) П. Морозовъ. Исторія русскаго театра, I, стр. 273—274.

[2]) П. Морозовъ, назв. соч., приложенія, стр. I—XXIX; Перетцъ, В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Спб. 1903, стр. 1—387. Ср. о послѣдней пьесѣ статью В. И. Рѣзанова: Изъ исторіи русской драмы. Актъ о Калеандрѣ и Неонильдѣ. Изв. II Отд. Ак. Н. X (1905), кн. 1, стр. 335—398.

державія стоялъ, конечно, далеко ниже нѣмецкаго репертуара, опираясь на библейскій или историческій матеріалъ, уже давно извѣстный. Чтобы оказалось возможнымъ создаться новому театральному репертуару, менѣе зависимому отъ двора и школы и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяющему въ извѣстной степени потребностямъ общества, нуженъ былъ болѣе значительный подъемъ литературнаго развитія, который явился къ 40-мъ годамъ XVIII в. и былъ результатомъ многихъ условій русской дѣйствительности; онъ связанъ съ именемъ А. П. Сумарокова. До появленія на литературной аренѣ этого выразителя ложноклассическихъ идей въ области драмы, русскій театральный репертуаръ во вторую половину 20-хъ и въ 30-е годы продолжалъ жить почти въ тѣхъ же условіяхъ, что и въ эпоху Петра Великаго: съ одной стороны, особенно при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, большой любительницѣ театральныхъ представленій, господствовало итальянское и французское вліяніе, хотя и нѣмецкіе спектакли не были еще совсѣмъ заброшены, а съ другой—продолжалась и театральная дѣятельность духовной школы. Въ 1728 году вышли изъ стѣнъ московской академіи драма «Объ Езекіи, царѣ Израильскомъ» Исаакія Хмарнаго, а изъ кіевской «Милость Божія» О. Трофимовича—обѣ панегирико-политическаго характера; къ 1736—37 годамъ относятся пьесы на Рождество и на Пасху М. Довгалевскаго, примыкающія по своему содержанію къ старому типу кіевскихъ произведеній этого рода, съ наличностью кое-какихъ бытовыхъ сценокъ и намековъ; обѣ онѣ сопровождены интермедіями, написанными тѣмъ же авторомъ [1]). Въ 30-хъ годахъ XVIII в. начинается и дѣятельность вновь основанной Академіи Наукъ по части переводовъ того торжественно-панегирическаго матеріала, который, по обстоятельствамъ времени, требовался условіями придворной и общественно-политической жизни: придворные спектакли при Аннѣ Іоанновнѣ, исключительно иностранные и состоявшіе изъ веселыхъ комедій, фарсовъ и оперъ итальянскаго происхожденія [2]), разыгрывались главнымъ образомъ актерами-итальянцами, при чемъ переводы либретто оперъ и комедій на нѣмецкій или русскій языкъ возлагались на членовъ Академіи Наукъ Я. Штелина и Тредьяковскаго [3]). Приближенные царевны Елизаветы Петровны устраивали иногда представленія при дворѣ и на русскомъ языкѣ, но императрица Анна относилась къ нимъ подозрительно, и успѣха они не имѣли [4]). Съ восшествіемъ самой Елизаветы Петровны на престолъ, итальянское вліяніе въ области театральныхъ зрѣлищъ при дворѣ смѣняется французскимъ [5]), а русская струя находитъ себѣ выраженіе

---

[1]) Н. Петровъ. Кіевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая. Тр. К. Д. А. 1910 № 3, стр. 317—331; № 5, стр. 34—63.

[2]) В. Сиповскій. Итальянскій театръ въ С.-Петербургѣ при Аннѣ Іоанновнѣ (1733—1735). Русская Старина 1900 № 6, стр. 593—611.

[3]) П. Пекарскій. Исторія Императорской Академіи Наукъ, II, стр. 34. 59. 323—324.

[4]) П. Морозовъ, стр. 347—348.

[5]) П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра. Спб. 1861, стр. 41—45.

преимущественно въ продолжающейся, но постоянно затихающей театральной дѣятельности духовной школы. Характеръ этихъ школьныхъ представленій былъ попрежнему панегирическій, съ участіемъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, политическихъ тенденцій и намековъ: такова, напр., пьеса «Стефанотокосъ», изображающая посредствомъ множества аллегорическихъ фигуръ (Вѣрности, Надежды, Зависти, Злобы и т. п.) судьбу самой Елизаветы; императрицѣ воздана тутъ торжественная и прочувствованная похвала, проникнутая вполнѣ опредѣленнымъ политическимъ настроеніемъ. Издатель этого замѣчательнаго памятника [1]) дѣлаетъ предположеніе, что пьеса была сочинена и исполнена въ 1742 году въ Новгородской духовной семинаріи, въ присутствіи самой Елизаветы Петровны; авторомъ ея онъ считаетъ префекта этой семинаріи, іеромонаха Иннокентія Одровонсъ-Мигалевича [2]). Чествованію и прославленію императрицы Елизаветы посвящена была и пьеса іеромонаха Михаила Козачинскаго «Благоутробіе Марка Аврелія», представленная въ кіевской академіи въ 1744 году, во время посѣщенія императрицей Кіева [3]).

5.

Стихотворство при Петрѣ Великомъ; его панегирическіе и духовные сюжеты.—Любовное стихотворство; его связь съ новыми запросами жизни.—Главнѣйшіе элементы любовной лирики Петровской эпохи; ея литературная форма.

Продолжало также существовать и стихотворство, начало которому было положено въ обстановкѣ юго-западной школьной жизни въ концѣ XVI в., а во второй половинѣ XVII в. оно уже имѣло въ Москвѣ такого выдающагося и въ высшей степени дѣятельнаго представителя, какъ Симеонъ Полоцкій. При Петрѣ Великомъ стихотворство служило прежде всего испытаннымъ уже цѣлямъ панегиризма и являлось украшеніемъ разнаго рода торжествъ, празднествъ и побѣдныхъ тріумфовъ: таковы привѣтственныя оды по поводу Полтавской побѣды (1709), встрѣчи невѣсты царевича Алексѣя, Софіи-Шарлотты Бланкенбургской (1713), возвращенія Петра изъ второго заграничнаго путешествія (1717), заключенія мира со шведами (1721). Авторами такихъ стихотвореній являлись то свѣтскія, то духовныя лица—докторъ Бидлоо, магистръ І. В. Паусъ, Софроній Лихудъ и др. [4]). Рядомъ съ этимъ, въ той же силлабической формѣ, развивалось и стихотворство съ духовными сюжетами, усвоенными еще во второй половинѣ XVII вѣка—молитвой, жалобами на тщету человѣческой жизни и сатирическими обличеніями разныхъ сторонъ дѣйствительности. Но особенно характернымъ является интересъ къ лирикѣ съ любовнымъ содержаніемъ. Примѣры

---

[1]) В. Рѣзановъ. Памятники русской драматической литературы, стр. 233—304.

[2]) Изъ исторіи русской драмы, стр. 334.

[3]) Тамъ же, стр. 335.

[4]) Пекарскій. Наука и литература, I, стр. 365—372; В. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. III, ч. 1. Спб. 1902, стр. 212—213. 215—218, 219—221; ч. 2, стр. 127—132. 144—147.

любовныхъ стихотвореній имѣются еще и въ XVII вѣкѣ: таково опубликованное Л. Н. Майковымъ [1]) посланіе, возбудившее въ маѣ 1698 года цѣлое дѣло. Посланіе писано было отъ имени нѣкоего Ѳедора Цѣя къ его невѣстѣ Еленѣ Рыдеръ; сдѣлавъ выборъ по влеченію своего сердца, Цѣй, повидимому, встрѣтилъ препятствіе къ заключенію брака въ своихъ родителяхъ и, боясь потерять любимую дѣвушку, пишетъ ей нѣжное посланіе, въ которомъ проситъ остаться вѣрной данному ему обѣщанію:

Очей моихъ преславному свѣту
И нелестному нашему совѣту!
Здрава буди, душа моя, многія лѣта
И не забывай праведнаго твоего обѣта,
Какъ мы съ тобою предъ Богомъ обѣщалися,
Въ которое время перстнями помѣнялися...—

такъ начинается посланіе. Авторомъ его, какъ оказалось изъ разслѣдованія «дѣла», былъ не самъ Ѳедоръ Цѣй, а какое-то другое лицо, слуга, вѣрнѣе—учитель или дядька, человѣкъ книжный и пожелавшій своими литературными способностями прійти другому на помощь. Все это происходило въ нѣмецкой слободѣ, и Ѳедоръ Цѣй былъ сынъ полковника-иностранца. Съ Петровской реформой, въ силу измѣнившихся общественныхъ отношеній, интересъ къ любовнымъ сюжетамъ въ литературѣ значительно возросъ, при чемъ на женщину сталъ устанавливаться уже взглядъ не какъ на «сосудъ дьявола» и «гостиницу бѣсовскую», а какъ на украшеніе общества и предметъ галантнаго обхожденія. Мы видѣли уже, что въ повѣстяхъ Петровской эпохи имѣется немало лирическихъ мѣстъ и «арій», выраженныхъ подобіемъ стихотворной формы (стр. 370). Изъ этого же источника новаго общественнаго настроенія проистекаетъ въ началѣ XVII вѣка рядъ стихотвореній, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ вліянію польской и малорусской поэзіи конца XVII вѣка [2]). Къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка относится рядъ стихотвореній на любовные сюжеты, принадлежащихъ перу цесаревны Елизаветы Петровны, камергера В. Н. Монса и его секретаря Е. М. Столѣтова, упомянутаго І. В. Пауса [3]); въ этомъ же духѣ писали стихотворенія князь А. Д. Кантемиръ и В. К. Тредьяковскій, изданіе переводнаго труда котораго «Ѣзда на островъ любви» (1730) возникло въ той же атмосферѣ общественной и литературной психологіи эпохи, къ которой относится и извѣстное свидѣтельство А. Т. Болотова о «нѣжныхъ и любовныхъ, въ порядочныхъ стихахъ сочиненныхъ пѣсенкахъ» [4]).

---

[1]) Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій, стр. 230.

[2]) В. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I, ч. 1. Спб. 1900, стр. 225—237.

[3]) Л. Майковъ, назв. соч., стр. 211—217; В. Перетцъ, назв. соч., III, ч. 2, стр. 137—139; М. Семевскій. Царица Катерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ. Изд. 2 (1884), стр. 95—98. 283—284. 307—308.

[4]) Записки, I, 179.

Что же представляло собою это, довольно по тому времени обильное, стихотворство на любовныя темы? Какъ бы ни велика была его зависимость отъ малорусскаго влиянія, оно имѣло во всякомъ случаѣ своей задачей отвѣтить на новые запросы жизни. Но въ этой послѣдней роли новое стихотворство должно было считаться уже съ существовавшей народной пѣсней, жившей въ устахъ народа и еще почти не закрѣпленной письмомъ. Народная лирическая пѣсня также заключала въ себѣ въ большомъ количествѣ любовные мотивы, и встрѣча съ ними слагателей новыхъ любовныхъ виршъ не могла остаться на послѣднія безъ извѣстнаго воздѣйствія. Любовная вирша не богата содержаніемъ и гораздо бѣднѣе въ этомъ отношеніи народной пѣсни, поскольку мы можемъ судить о народной пѣснѣ начала XVIII в. по записямъ болѣе поздняго времени. По ней трудно очертить типическіе характеры обоихъ участниковъ любовныхъ отношеній; обычные элементы народной повѣсти— разлука, свиданіе, невѣрность и пр.— какъ бы стушевываются, и на мѣсто ихъ выступаетъ изображеніе любовныхъ страданій пораженнаго страстью сердца. На первомъ мѣстѣ является по прежнему женщина. Физическая красота ея, занимающая такое видное мѣсто въ народной пѣснѣ, уступаетъ тутъ мѣсто попыткамъ обрисовать ея умственный обликъ, дать нравственную оцѣнку и указать на «учливость», т. е. умѣнье себя держать; вмѣстѣ съ этимъ, отмѣчается равноцѣнность женщины съ мужчиной въ дѣлѣ любовной страсти, зачатки галантнаго къ ней отношенія со стороны послѣдняго. Въ то же время нѣсколько мѣняется и роль мужчины, на котораго, при несчастной любви, выпадаетъ болѣе страданій, нежели въ народной пѣснѣ, гдѣ страдающей является главнымъ образомъ женщина. Самая любовь изображается внѣ фабулы, которую любитъ народная пѣсня, и вниманіе сочинителя болѣе всего обращено на характеристику этого чувства—со стороны его «горячести», «забавъ и привѣтовъ», «роскошныхъ нравовъ»; непреоборимый рокъ народной пѣсни, накладывающій печать безнадежности на жалобы несчастныхъ любовниковъ, въ искусственной виршѣ смѣняется болѣе снисходительной «фортуной», открывающей возможность бороться. Внѣшнія средства этого любовнаго стихотворства очень не богаты и отличаются отвлеченнымъ характеромъ искусственной метафоры: страсть является тутъ въ видѣ «лукавца Купида», поражающаго сердце любовными «стрѣлами» и причиняющаго «сердечныя раны»; любовь чаще всего уподобляется огню; обращенія къ природѣ встрѣчаются рѣже. Въ изобиліи встрѣчаются въ этихъ пѣсняхъ и слѣды школьнаго классицизма, которые мы отчасти видѣли и въ драмѣ: тутъ упоминаются, кромѣ Венеры и ея неизмѣннаго спутника Купидо, еще Аполлонъ, Вулканъ, Персефона, Паллада, муза и т. п. предвѣстники будущаго ложноклассическаго литературнаго арсенала [1]). Акад. В. Н. Перетцъ въ своихъ цѣнныхъ «Очеркахъ по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи» начала XVIII вѣка говоритъ: «Характерными признаками стихотвореній, явившихся въ означенную эпоху, можно безъ особой натяжки считать: силлабическій размѣръ, иногда въ нѣкоторой степени

[1]) А. А. Весселовскій. Любовная лирика XVIII вѣка. Спб. 1909, стр. 74—92.

тонизированный, достаточно частое употребленіе польской и малорусской любовной и поэтической фразеологіи, такъ какъ своя еще не успѣла выработаться, а на ряду съ этими полонизмами и малоруссизмами—въ тѣхъ же стихотвореніяхъ довольно обильные случаи церковно-славянизмовъ и тяжелыхъ вычурныхъ книжныхъ выраженій и словъ, безъ которыхъ трудно было обойтись первымъ авторамъ пѣсенокъ, пытавшимся совмѣстить новыя мысли и чувства со старой литературной формой. Добавимъ сюда случаи употребленія характерныхъ для петровской эпохи русской литературы и языка иностранныхъ словъ безъ крайней необходимости и отзвуковъ школьнаго классицизма,—и мы получимъ довольно вѣрную картину языка первыхъ русскихъ опытовъ легкой поэзіи» [1]). Характернымъ въ этой небогатой содержаніемъ лирикѣ является участіе иноземныхъ вліяній: малорусско-польскаго съ одной стороны и нѣмецкаго—съ другой; совмѣщеніе этихъ вліяній наглядвымъ образомъ указываетъ на переходный характеръ эпохи, литература которой отражала собою требованія жизни. Конечно, отмѣченныя черты искусственной лирики начала XVIII вѣка не могутъ быть съ совершенной точностью пріурочены именно къ хронологическимъ рамкамъ Петровской эпохи: если имена Пауса, Монса, Столѣтова и другихъ авторовъ стихотвореній въ значительной степени помогаютъ опредѣленной датировкѣ этихъ послѣднихъ, за то многія другія стихотворенія, безъ имени авторовъ, относятся по своимъ записямъ лишь къ половинѣ XVIII в. (напр., матеріалы, опубликованные В. Н. Перетцомъ въ приложеніяхъ къ I т. его выше цитованнаго труда: Спб. 1900), хотя происхожденіе ихъ съ большой вѣроятностію можетъ быть отнесено къ болѣе раннему времени. Нѣкоторые характерные элементы искусственной пѣсни начала XVIII столѣтія переходятъ затѣмъ и во вторую его половину, когда руководящая роль въ области лирики оказалась уже въ рукахъ сторонниковъ новаго ложноклассическаго направленія въ литературѣ.

6.

Церковная проповѣдь при Петрѣ Великомъ.—Стефанъ Яворскій; его жизнь и черты характера; отношенія къ царю.—Яворскій, какъ теоретикъ проповѣди; содержаніе его проповѣдей; нападки на Петра и его дѣятельность.—«Камень вѣры» и судьба этой книги.—Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Юные годы и служба въ Кіевской академіи до вызова въ Петербургъ; теоретическія воззрѣнія въ области поэзіи; трагедокомедія «Владиміръ», ея основная идея и сатирическіе элементы; «Реторика» Ѳеофана; его проповѣдническіе труды и первая встрѣча съ Петромъ Великимъ.—Вызовъ Ѳеофана въ Петербургъ; расцвѣтъ его проповѣднической дѣятельностти и вліянія; «Духовный Регламентъ» и его литературные элементы.—Жизнь и дѣятельность Прокоповича послѣ смерти Петра; борьба съ врагами; отношенія къ А. Д. Кантемиру и В. Н. Татищеву.—Черты сходства и разницы между Стефаномъ Яворскимъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ.

Имѣя по формѣ самую тѣсную связь съ схоластической проповѣдью XVII вѣка и будучи представлена исключительно такими дѣятелями, которые получили свое образованіе въ Южной Руси и на католическомъ

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1905 № 10, стр. 374—375.

западѣ, церковная проповѣдь эпохи Петра Великаго обладаетъ однако же и новыми чертами, которыя ставятъ ее на весьма видное мѣсто среди литературныхъ явленій этого времени. Она въ значительной степени расширила и видоизмѣнила свое содержаніе. Въ связи съ общимъ наклономъ преобладанія авторитета свѣтской власти надъ духовной, начавшимся въ Московской Руси гораздо раньше и получившимъ при Петрѣ свое завершеніе, церковная проповѣдь, захваченная общимъ потокомъ событій, стала служить теперь интересамъ политики: сторонники реформы пользовались проповѣдью для оправданія и разъясненія Петровыхъ преобразованій, а болѣе смѣлые изъ ея противниковъ выражали съ церковной каѳедры свое отрицательное отношеніе къ текущимъ событіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, общій назидательный элементъ въ проповѣди отступаетъ какъ бы на задній планъ. При такомъ положеніи дѣла не всегда было возможно удержаться въ формальныхъ предѣлахъ схоластической теоріи, и наиболѣе даровитые изъ проповѣдниковъ не только переходили эти предѣлы на практикѣ, внося въ проповѣдь самостоятельность мысли и чувства, простоту и естественность выраженія, но облекали эти стремленія и въ теоретическую форму: таковъ былъ въ особенности Ѳеофанъ Прокоповичъ. Рядомъ съ литературнымъ, возрастаетъ и историческій интересъ церковной проповѣди въ эту эпоху: она является отображеніемъ многихъ вопросовъ современной дѣйствительности, того или иного ихъ пониманія и оцѣнки. Проповѣдь касается такихъ вопросовъ, которые одновременно находятъ себѣ выраженіе въ историческихъ сочиненіяхъ и публицистическихъ трактатахъ, и потому она служитъ немаловажнымъ источникомъ для уразумѣнія настроеній и взглядовъ выдающихся людей эпохи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, церковная проповѣдь во время Петра Великаго переживаетъ какъ бы апогей своего вліянія и развитія: въ дальнѣйшемъ теченіи русской литературы она является уже въ роли болѣе спеціальной, уступая свое мѣсто другимъ факторамъ литературнаго развитія, и постепенно исчезаетъ съ поля зрѣнія историка литературы, какъ самостоятельный родъ литературныхъ произведеній.

Мы остановимся на литературной дѣятельности двухъ самыхъ видныхъ проповѣдниковъ разсматриваемой эпохи—Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича; но такъ какъ оба эти лица представляютъ собою ярко выраженныя индивидуальности своего времени, то, для удобства разсмотрѣнія ихъ съ точки зрѣнія общей исторической роли этихъ дѣятелей, мы коснемся тутъ также и другихъ сторонъ ихъ литературной дѣятельности.

Стефанъ Яворскій—родомъ шляхтичъ (род. 1658), изъ польскаго мѣстечка Яворова, носилъ до принятія монашества имя Симеона. Еще въ малолѣтствѣ онъ переселился со своими родителями на Украйну, близъ Нѣжина, и получилъ образованіе сначала въ Кіевской коллегіи, а потомъ въ іезуитскихъ заграничныхъ школахъ—Львовѣ, Люблинѣ, Вильнѣ и Познани—гдѣ даже принялъ временно католичество, съ именемъ Станислава. Вернувшись въ Россію, Яворскій принялъ монашество, подъ именемъ Стефана, и сдѣлался учителемъ, а потомъ и префектомъ родной ему коллегіи въ Кіевѣ; наконецъ, ему предоставлено было игуменство въ Пустынно-Никольскомъ монастырѣ. Поворотнымъ пунктомъ въ судьбѣ Стефана является его поѣздка

въ началѣ 1700 года въ Москву, когда ему было около 42 лѣтъ. 3 февраля тамъ должны были происходить похороны знатнаго боярина и сподвижника Петра, А. С. Шеина; царь желалъ, чтобы погребеніе сопровождалось приличной проповѣдью, для чего ему указано было на пріѣзжаго кіевскаго игумена, уже извѣстнаго тогда своимъ проповѣдническимъ талантомъ. Стефанъ былъ приглашенъ и сказалъ проповѣдь, чрезвычайно понравившуюся царю своимъ содержаніемъ, живостью рѣчи, прекрасной дикціей и пріятнымъ голосомъ проповѣдника, хотя по своему построенію проповѣдь Стефана отличалась всѣми чертами схоластической гомилетики кіевской школы [1]). Очевидно, причиной внечатлѣнія, произведеннаго на царя, былъ природный талантъ проповѣдника, котораго значеніе Петръ быстро оцѣнилъ и рѣшилъ имъ воспользоваться, какъ орудіемъ для своихъ политическихъ цѣлей. Стефану немедленно предложена была архіерейская каѳедра, «гдѣ прилично, не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы». Однако Яворскій обнаружилъ на первое время немалую сдержанность. Вотъ что писалъ патріархъ царю отъ 17 марта 1700: «Мы велѣли игумену Стефану сказати, что по твоему великаго государя указу и по нашея мѣстности архипастырскому благословенію имать онъ быти митрополитъ рязанскій. И онъ намъ много скуча челобитьемъ своимъ, чтобы его нынѣ отпустити въ Кіевъ токмо побывать ради нуждъ его, и весною хотѣ, управився тамо, пріѣхати. Отречше же мы его таковое прошеніе, сего марта въ 15 день сказахомъ ему, чтобы онъ на утро готовъ былъ въ ту рязанскую митрополію къ нареченію, яко же обычай есть церкве, и въ то время посланному сказа, что въ томъ воли Божіей повинуется и въ послушаніи готовъ будетъ. Во утріе же въ 16 день, егда архіерее и священнаго причта на нарицаніе въ крестовую нашу палату, по обычаю чина, собрашася и абіе по него на подворье малороссійское послахомъ, и посланніи его на подворіи не обрѣтоша и сказаша, яко онъ, игуменъ, уѣде въ Донской монастырь. И по него туда послахомъ дважды, и благовѣсту бысть часа съ два, и велѣхомъ его взяти; и онъ, игуменъ, всякимъ образомъ архіерейства отрекался, и изъ монастыря въ соборъ не поѣхалъ къ намъ, преслушавъ насъ, и введе насъ во оскорбленіе неповиновеніемъ своимъ» [2]). Была ли это ловкая уклончивость человѣка, знавшаго себѣ цѣну, простая скромность или что-либо иное, сказать трудно; самъ Стефанъ впослѣдствіи объяснялъ, въ письмѣ къ царю, свое уклоненіе тѣмъ, что когда-то, находясь въ тяжкой болѣзни, далъ обѣщаніе принять схиму, и теперь ему трудно было нарушить обѣтъ. Какъ бы то ни было, но царь настоялъ на своемъ желаніи, и Стефанъ въ томъ же 1700 году не только сдѣлался митрополитомъ въ Рязани, но и исполнилъ довольно затруднительное порученіе Петра, въ качествѣ церковнаго іерарха. Ему было велѣно «увѣщевать» одного фанатика, Григорія Талицкаго, распространявшаго въ Москвѣ какія-то ругательныя тетрадки, въ которыхъ онъ называлъ сто-

---

[1]) Отрывки изъ этой проповѣди имѣются въ статьѣ И. А. Чистовича: Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго. Христіанское Чтеніе 1867 № 7, стр. 137—139.

[2]) Ф. Терновскій. Очерки изъ исторіи русской іерархіи въ XVIII вѣкѣ. Стефанъ Яворскій. Древняя и Новая Россія 1879 № 8, стр. 307.

лицу Вавилономъ, а царя антихристомъ. Талицкій, очевидно желая пострадать, не думалъ склоняться на аргументы Стефана и называлъ его «пророкомъ Вааловымъ»; результатомъ этого увѣщанія была съ одной стороны казнь Талицкаго медленнымъ огнемъ, а съ другой—книжка Стефана «Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка», напечатанная въ 1703 году (Пек., II, № 67). Необычайно быстрые успѣхи Яворскаго получили, по волѣ царя, все въ томъ же знаменательномъ для Стефана 1700 году, окончательное завершеніе. Когда 15 октября 1700 скончался московскій патріархъ Адріанъ, то Петръ, имѣя въ виду передать церковную власть въ руки коллегіальнаго собранія, счелъ нужнымъ назначить пока временнаго мѣстоблюстителя патріаршаго престола, и въ выборѣ подходящаго лица на этотъ важный постъ опять-таки остановился на Стефанѣ, отстранивъ другихъ кандидатовъ, самымъ достойнымъ изъ которыхъ, по мнѣнію многихъ, былъ холмогорскій архіепископъ Аѳанасій. Легко себѣ представить, что, поднявшись на самую высоту іерархической лѣстницы, кіевскій пришелецъ возбудилъ противъ себя нерасположеніе въ Москвѣ съ разныхъ сторонъ, въ особенности же среди духовенства, и очень хорошо понималъ, что вся его надежда была на Петра, по отношенію къ которому онъ сталъ однако же въ весьма трудное положеніе: искренняго и глубокаго сочувствія у Стефана къ реформамъ Петра, не исключая и области церкви, не было, а было лишь увлеченіе самой личностью великаго преобразователя; къ этому присоединилось и честолюбіе человѣка, внезапно возведеннаго на головокружительную высоту. Исходъ своему сложному душевному настроенію, не лишенному иногда горечи и, быть можетъ, раскаянія въ дѣлаемыхъ самому себѣ уступкахъ, Стефанъ нашелъ въ проповѣдяхъ: здѣсь онъ сначала очень высоко ставилъ Петра, всячески стараясь быть ему пріятнымъ, но потомъ перемѣнилъ позицію, поскольку это позволяли внѣшнія обстоятельства, собственный житейскій тактъ и свойства характера.

Какъ теоретикъ въ области проповѣди, Яворскій выразилъ свои воззрѣнія въ учебникѣ риторики, написанномъ имъ на латинскомъ языкѣ и переведенномъ на русскій языкъ Ѳедоромъ Поликарповымъ подъ заглавіемъ: «Рука риторическая, пятію частьми или пятію персты укрѣпленная» (изд. О. Л. Д. П. № XX. 1878); сочиненіе это—совершенно въ духѣ южно-русской схоластики польскаго и западно-католическаго происхожденія и, поскольку касается церковнаго краснорѣчія, вполнѣ однородно съ указаннымъ уже выше (стр. 235—236) трудомъ Іоанникія Голятовскаго. Самыя проповѣди Яворскаго [1]), съ внѣшней и формальной стороны, въ полной мѣрѣ отвѣчаютъ его теоретическимъ понятіямъ. Въ сильной степени въ нихъ присутствуетъ анекдотическій элементъ, разсказы изъ области животнаго царства, исторіи и миѳологіи. Проповѣдникъ любитъ сравненія, которыя иногда бываютъ въ высшей степени искусственны

---

[1]) Часть ихъ издана, въ трехъ томахъ, въ М. 1804—1805; гораздо большая часть хранится до сихъ поръ въ рукописяхъ, о которыхъ даетъ понятіе статья И. А. Чистовича «Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго», въ Христіанскомъ Чтеніи 1867, №№ 2. 3. 5. 7.

и замысловаты: напр., онъ сравниваетъ Духъ Святой съ зонтикомъ, людей съ рыбами, шведскаго короля со львомъ, самихъ шведовъ съ птицей «кожаномъ» (Проп., I. 168—169. 201—213; III. 256). Стремленіе къ изысканности рѣчи нерѣдко сказывается у Яворскаго въ игрѣ словами. Таково, напр., извѣстное мѣсто изъ проповѣди по поводу взятія Шлиссельбурга, называвшагося раньше Нотеборгомъ, по-русски Орѣшкомъ: «О, орѣшекъ претвердый! добрые то зубы были, которые сокрушили тотъ твердый орѣшекъ. Бываетъ часто такъ твердый орѣхъ, яко нужда есть на сокрушеніе его каменя. Твердый былъ и сей орѣхъ, фортеца прекрѣпка, не только стѣнами, воинами, пушками и всякой стрѣльбою и бронями вооружена, но наипаче самымъ естествомъ, положеніемъ, самымъ неприступнымъ островомъ, самыми быстрыми водами отвсюду окружаема. Зубовъ сей орѣшекъ и прекрѣпкихъ не боялся, зубы первѣе надобѣ было сокрушити, нежели орѣшекъ, и невредимъ бы пребывалъ доселѣ, аще бы сицевую твердость твердѣйшій не поразилъ камень. А камень не иный только, о немъ же глаголетъ истина Христосъ: Петре, ты еси камень! Нынѣ же Снейтембургъ нарицается Слисембургъ, т. е. ключъ-градъ, а кому же сей ключъ достался? Петрови Христосъ обѣщалъ ключи дати. Зрите убо нынѣ, коль преславно исполняется обѣщаніе Христово» (Проп., III. 169—170). Въ такомъ же духѣ начало проповѣди на новый 1704 годъ, гдѣ авторъ пользуется славянской буквой алфавита «добро», стоящей въ концѣ численнаго обозначенія привѣтствуемаго года, или на слѣдующій 1705 годъ, гдѣ проповѣднику для «изобрѣтенія» мыслей служитъ буква «есть»; не менѣе искусственнымъ является и подсчетъ буквъ въ именахъ «Іисуса» и «Маріи», дающій проповѣднику матеріалъ для благопріятныхъ предсказаній, и т. п. Къ числу внѣшнихъ украшеній рѣчи, несомнѣнно, относятся и бѣглые экскурсы проповѣдника въ область исторіи, естествознанія, миѳологіи и разныхъ легендарныхъ разсказовъ. Такъ, мы встрѣчаемъ у него разсказы о Помпеѣ, Неронѣ, Діонисіи Сиракузскомъ; о мыши, грызущей пилу, о слонѣ и верблюдѣ, о питающихся росой рыбахъ, о причинѣ разнаго цвѣта волосъ у людей; имѣется такой отвѣтъ на вопросъ, почему у животныхъ не болитъ голова, а у человѣка болитъ: «звѣри долу преклонну имутъ главу: того ради пары, отъ желудка происходящіе, не входятъ до ихъ главы, ниже ей могутъ вредити; а у человѣка глава не къ землѣ преклонна, но горѣ вознесенна: того ради пары внутренніе вредные, отъ желудка происходящіе, восходятъ до главы въ гору и оную повреждаютъ» (Проп., II. 84).

Что касается содержанія проповѣдей Яворскаго, то на первомъ планѣ стоитъ въ нихъ личность самого Петра и восхваленіе его дѣяній. Проповѣдникъ сравниваетъ его съ Христомъ (III. 164) и называетъ «нашимъ херувимомъ» (III. 174). Воодушевленными чертами изображаетъ онъ полную трудовъ и опасностей жизнь царя, его неутомимые подвиги на морѣ и на сушѣ, въ военное и мирное время, его любознательность, широкое образованіе и опытность, его личное дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ государственнаго управленія. Проповѣдникъ восхищается простотой обхожденія царя. «Удивляемся не только мы видящіи, но и вся вселенная, слышащи толикому толикаго лица преклонству, толикому смиренію и снисходитель-

ству: съ нами ястъ, піетъ, спитъ, сѣдитъ, любовнѣ бесѣдуетъ съ нами; аки отъ сосѣдъ и друговъ нашихъ премирно сожительствуетъ и, забывъ себе быти царя и монарха, егоже подсолнечная трепещетъ, всякому есть приступенъ, жилища наши посѣщаетъ, обѣдомъ, вечеріо и охотою нашею не гнушается; съ нами, аки отецъ съ чадами, больше реку: аки братъ съ братіею, житіе свое преводитъ» (III. 178). Особый восторгъ проповѣдника вызываетъ среди военныхъ успѣховъ царя веденіе «корабельной войны», а изъ мирныхъ предпріятій—основаніе Петербурга. Россія представляется проповѣднику благоденствующей, и невольное воспоминаніе «лютой зимы», «скорбнаго безведрія», «свирѣпыхъ вѣтровъ» и «темнаго облака» всецѣло покрывается въ его воображеніи, въ словѣ о побѣдѣ подъ Полтавой (1709), «цвѣтами радостей» и плодами «нивы» державной (Проп., III. 241).

Конечно, въ этихъ преувеличеніяхъ панегиризма нельзя отрицать и извѣстной доли искренняго увлеченія отдѣльными подвигами великаго преобразователя и нѣкоторыми чертами его личности; но въ общемъ Стефанъ Яворскій заодно съ Петромъ идти не могъ и не хотѣлъ. Несмотря на явно выраженную точку зрѣнія царя касательно характера высшаго церковнаго управленія, Стефанъ желалъ продолженія патріаршества и ждалъ своего перемѣщенія изъ «мѣстоблюстителя» въ патріархи. Царь оставался непреклоненъ, и это раздражало Стефана. Еще въ 1706 году онъ побывалъ въ Кіевѣ, откуда его едва упросили вернуться въ Москву; въ слѣдующемъ году онъ просилъ перемѣстить его на открывшуюся послѣ Варлаама Ясинскаго кіевскую каѳедру, но не имѣлъ успѣха; въ 1710 году, по болѣзни и отчасти подъ вліяніемъ раздраженія, Стефанъ уѣхалъ въ Рязань и воротился въ Москву лишь послѣ самыхъ настоятельныхъ требованій. Подъ вліяніемъ раздраженія противъ Петра, Яворскій начинаетъ мѣнять свой взглядъ на личность и дѣятельность великаго преобразователя, дѣлаясь изъ восторженнаго поклонника его противникомъ. Установить съ точностью время этой перемѣны невозможно, такъ какъ она совершалась постепенно. Уже въ новогодней проповѣди на 1704 годъ, изображая, подъ видомъ четырехъ колесъ Іезекіилевой колесницы, четыре сословія государства—духовенство, бояръ, военныхъ и простой народъ—проповѣдникъ такъ говоритъ, между прочимъ, объ этомъ послѣднемъ колесѣ: «Правда то есть, нѣтъ чего хвалити, аще и бремя такое кладутъ на колесо, что бѣдное не только скрипитъ, но и ломится... Како бо колесу бѣдному не скрипѣти, аще будетъ обремененно тяжелымъ неудобь носимымъ. И сего ради отцы святіи научаютъ и совѣтуютъ тѣ скрипливыя колеса, дабы не скрипѣли, мастити»; припоминая, по этому поводу, евангельскую притчу о милосердомъ самарянинѣ, проповѣдникъ рекомендуетъ, вмѣсто вина и масла, «мягкость» и «жестокость съ милосердіемъ»: «о, коль изрядная масть на скрипячіе колеса!» (Проп., III. 215—216). Въ дальнѣйшихъ проповѣдяхъ Стефанъ начинаетъ пользоваться уже разнаго рода намеками и иносказаніями лично противъ Петра. Такъ, въ проповѣди на день Іоанна Златоуста (13 ноября 1708) царь и вельможи изображены на пирѣ Валтасаровомъ пьющими изъ церковныхъ сосудовъ, въ чемъ нельзя не видѣть намека на отобраніе въ казну, по волѣ Петра, церковныхъ иму-

ществъ; впрочемъ, именно это мѣсто проповѣдникомъ не было сказано при произнесеніи проповѣди, а осталось лишь на письмѣ. Но вотъ, 17 марта 1712 года Стефанъ выступилъ со своей знаменитой проповѣдью «О храненіи заповѣдей Господнихъ». Здѣсь проповѣдникъ рѣзко выражаетъ свое осужденіе новому закону о «фискалахъ», имѣвшему цѣлью установить контроль свѣтской власти надъ церковными судами. Вмѣстѣ съ этимъ, въ противоположность прежнему оптимизму, Стефанъ дѣлаетъ очень печальныя наблюденія надъ современнымъ положеніемъ Россіи: «Того ради не удивляйтеся, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтесь, что по толикихъ смятеніяхъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира. Миръ есть сокровище неоцѣненное; но тіи только симъ сокровищемъ богатятся, которые любятъ Господень законъ, а кто законъ Божій разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ. Гдѣ правда, тамъ и миръ... Море, свирѣпое море—человѣче законопреступный! почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берегъ есть законъ Божій, берегъ есть во еже не прелюбы сотвори, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть во еже хранити благочестіе, а наипаче четыредесятницу; берегъ есть почитати иконы...» Въ концѣ проповѣди, проповѣдникъ обращается съ особой молитвой къ св. Алексѣю: «Не забуди и тезоименника твоего, а особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя. Ты оставилъ еси домъ свой, онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился еси родителей, онъ такожде; ты лишенъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ, онъ такожде... Молимъ убо, святче Божій, покрый своего тезоименника, нашу едину надежду, покрый его въ кровѣ крылъ твоихъ... Дай намъ видѣти его вскорѣ, всякимъ благополучіемъ изобилующа, и егоже нынѣ тѣшимся воспоминовеніемъ, дай возрадоватися счастливымъ и превожделѣннымъ присутствіемъ!» [1]). Въ этомъ отрывкѣ нельзя было не замѣтить прямыхъ и явныхъ намековъ на неблагочестіе Петра, на его прелюбодѣйныя увлеченія, на отношенія къ первой женѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ явное сочувствіе опальному царевичу Алексѣю. При произнесеніи этой проповѣди царь не присутствовалъ, но ее слышали нѣкоторыя изъ приближенныхъ къ Петру лицъ, по доносу которыхъ текстъ проповѣди былъ потребованъ царемъ, и послѣдній на немъ сдѣлалъ, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, отмѣтки: «о фискалѣхъ», «объ Алексѣѣ», «первѣе одному, потомъ же со свидѣтели» (о законопреступномъ мужѣ: т. е. что Стефанъ долженъ былъ сначала обличить наединѣ, а потомъ уже при свидѣтеляхъ). Случай съ этой проповѣдью положилъ конецъ расположенію Петра къ Стефану: въ то время какъ прежде онъ высоко ставилъ «зѣло изрядныя предики господина Яворскаго» и, по собственному свидѣтельству послѣдняго, щедро награждалъ ихъ [2]), теперь онъ запретилъ Стефану на нѣкоторое время проповѣдывать; это запрещеніе продолжалось

---

[1]) Морозовъ, П. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб. 1880, стр. 91—92. Проповѣдь напечатана у Н. Устрялова. Исторія царствованія Петра Великаго, VI, стр. 29—32.

[2]) А. Никодимъ. Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго. Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцовъ. XXII. 1863, стр. 253.

около трехъ лѣтъ, и затѣмъ уже Стефанъ сталъ въ своихъ проповѣдяхъ крайне остороженъ. Вмѣстѣ съ этимъ, Стефанъ былъ вызванъ въ Сенатъ для объясненій по поводу злополучной проповѣди, и, конечно, эти объясненія кончились крайне непріятно для Яворскаго. Униженный и оскорбленный, въ полномъ душевномъ смятеніи и, вѣроятно, искреннемъ сожалѣніи о недостаткѣ самообладанія относительно царя, онъ просилъ уволить его отъ всѣхъ дѣлъ на покой, въ письмѣ къ Петру отъ 21 марта 1712 года [1]). Но царь не склонился на выполненіе этой просьбы: онъ успокоилъ Стефана; тотъ остался при всѣхъ занимаемыхъ должностяхъ, и дѣло предано было какъ будто бы забвенію; но въ дѣйствительности съ этого времени добрыя взаимныя отношенія Петра и Яворскаго кончились безвозвратно.

Подобно другимъ проповѣдникамъ Петровской эпохи, Яворскій не далъ въ своихъ проповѣдяхъ особаго развитія общеназидательнымъ элементамъ. Впрочемъ, одна изъ проповѣдей представляетъ тотъ спеціальный интересъ, что касается вопроса о требованіяхъ, предъявляемыхъ слушателями къ проповѣднику: это—«Слово въ недѣлю 21 по Св. Духѣ», отразившее на себѣ черты времени, интересныя для историка тогдашней русской жизни. Проповѣдникъ раздѣляетъ тутъ всѣхъ вообще людей на равнодушныхъ къ слову проповѣдника—которыхъ большинство—и на такихъ, которые цѣнятъ его и къ нему стремятся; но и послѣдніе любятъ только такую проповѣдь, которая обличаетъ чужіе пороки, а не ихъ собственные: «Весело и любо духовному чину, егда слышатъ наказаніе на мірскихъ людей, егда мірскихъ людей обличаютъ немилосердіе, егда обличаютъ, что не почитаютъ духовныхъ. Весело мірскимъ особамъ, егда духовныхъ о небреженіи ихъ наказуютъ, яко съ небреженіемъ ввѣренное себѣ пасутъ стадо, яко злый образецъ подаютъ стаду... Весело мужемъ, едва женскіе грѣхи обличаются, что паче прилежатъ своимъ украшеніямъ, нежели домоправительству, устроеніе и украшенія своя смотрятъ, а не смотрятъ, что въ дому дѣлается. Сія егда проповѣдникъ глаголетъ, весело сіе мужемъ; обаче имъ же самимъ не любо, егда ихъ раны коснется, егда начнетъ глаголати, коль веліе зло добра свои всегдашними пирушками терять! коль веліе зло проигрывать въ карты вотчины и здравіе пропивать! Не мило сіе мужемъ, а женъ, егда сіе глаголетъ, будто сахаромъ услаждаетъ. Ради начальники, егда церковь повелѣваетъ, дабы подданніи послушни были имъ; веселятся подданніи, егда мучительство и жестокость господскую, излишнее податей собраніе наказуютъ» (Проп., II. 130—131). Очевидно, на проповѣдь слагался такой взглядъ, который въ глазахъ слушателей роднилъ ее съ сатирой. Это неясное требованіе сатирическаго обличенія было результатомъ извѣстныхъ процессовъ духовнаго роста русскаго общества, и, по мѣрѣ расширенія и усложненія его жизни, указанное пожеланіе должно было найти себѣ удовлетвореніе въ другой литературной формѣ—сатирѣ, первый представитель которой былъ прямымъ питомцемъ общественныхъ условій и настроеній Петровской эпохи. Передавъ свою обличительную роль сатирѣ, проповѣдь съ этого вре-

[1]) И. Чистовичъ. Өеофанъ Прокоповичъ и его время. Спб. 1869, стр. 61—63.

мени перешла уже въ болѣе ограниченные предѣлы своего воздѣйствія на общественное сознаніе.

Будучи схоластикомъ въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ на проповѣдь, Яворскій, какъ проповѣдникъ, благодаря своему природному таланту, пользовался однако же большимъ и заслуженнымъ успѣхомъ. Въ этомъ отношеніи очень цѣнно свидѣтельство одного изъ противниковъ Стефана, автора «Молотка» на его «Камень вѣры», который, при всемъ своемъ нерасположеніи къ Стефану, говоритъ: «Что до витійства касается, правда, что (Яворскій) имѣлъ удивительный даръ, и едва подобные ему во учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли; ибо мнѣ довольно случалось видѣть въ церкви, что онъ могъ во ученіи слушателей привесть плакать или смѣяться, къ которому движеніе его тѣла и рукъ помаваніе, очей и лица премѣненіе весьма помоществовало, которое ему природа дала» [1]). Кромѣ этихъ качествъ темперамента, дѣйствіе котораго было доступно лишь современникамъ Стефана, въ его проповѣдяхъ имѣются многочисленные слѣды его глубокаго по тому времени образованія, большой начитанности, остроумія, яркости и живости выраженія.

Изъ другихъ сочиненій Яворскаго заслуживаетъ здѣсь упоминанія его обширный богословско-полемическій трактатъ «Камень вѣры», имѣвшій, подобно проповѣдямъ, тѣсную связь съ нѣкоторыми обстоятельствами его жизни. По справедливому замѣчанію Н. С. Тихонравова, которому принадлежитъ подробное изложеніе обстоятельствъ, вызвавшихъ «Камень вѣры», въ этомъ сочиненіи Яворскій «выразилъ свой протестъ духу и направленію преобразовательной дѣятельности Петра Великаго», и вмѣстѣ съ тѣмъ оно было «завершеніемъ цѣлаго ряда дѣйствій Яворскаго, которыя произвели окончательный разладъ между царемъ и блюстителемъ патріаршаго престола» [2]). Еще съ 90-хъ годовъ XVII вѣка проживалъ въ Москвѣ нѣкій Дмитрій Тверитиновъ, занимаясь вмѣстѣ со своими братьями брадобрейнымъ ремесломъ и служа въ аптекахъ; по своимъ занятіямъ, онъ имѣлъ тѣсныя связи съ Нѣмецкой слободой, заинтересовался лютеранскимъ ученіемъ и сталъ «богословствовать». Невѣжество и горячій темпераментъ Тверитинова привели его къ большимъ крайностямъ въ образѣ мыслей и къ религіозной пропагандѣ въ кальвинскомъ духѣ среди московскихъ людей. Между увлеченными Тверитиновымъ нашлись такіе (Максимовъ, Ѳома Ивановъ и друг.), выходки которыхъ противъ православія встревожили духовное начальство, и въ 1714 году Стефанъ Яворскій созвалъ противъ нихъ церковный соборъ, который осудилъ ученіе еретиковъ, а одного изъ нихъ предалъ гражданской казни. Этотъ оборотъ дѣла встревожилъ иностранцевъ и возбудилъ неудовольствіе покровительствовавшаго имъ самого Петра. Дѣло Тверитинова и его товарищей рѣшено было пересмотрѣть въ Сенатѣ, для чего самъ Стефанъ вызванъ былъ въ Петербургъ и давалъ тамъ объясненія 21 и 22 марта

[1]) И. Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 390.

[2]) Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій: Соч. Н. С. Тихонравова, II, стр. 156—157.

1715 года. Сколько можно судить по имѣющимся даннымъ, новый судъ оправдалъ московскихъ еретиковъ, въ чемъ Стефанъ не могъ не усмотрѣть униженія авторитета церковнаго суда и своей власти. Однако обстоятельства были таковы, что онъ долженъ былъ смириться и даже писать царю по этому поводу длинное объясненіе, въ которомъ просилъ его снисхожденія за сдѣланныя ошибки; разсерженный царь, повидимому, не отвѣчалъ, и Яворскій въ новомъ письмѣ, отъ 11 іюля 1715 года, опять просилъ царя о прощеніи, переживая тяжелыя минуты упадка духа. Въ этой тяжелой атмосферѣ неравной борьбы не только за религіозные догматы, но и за весь строй старой церковно-общественной жизни, Стефанъ принялся за совершеніе обширнаго литературнаго труда, въ которомъ хотѣлъ съ возможной полнотой и свободой высказать свою точку зрѣнія на дѣло. «Камень вѣры» не является сочиненіемъ вполнѣ оригинальнымъ: онъ основанъ на сочиненіяхъ западныхъ католическихъ богослововъ, у которыхъ для борьбы съ лютеранствомъ существовала уже огромная спеціальная литература. При тогдашнемъ слабомъ развитіи богословской мысли въ Россіи, такое обращеніе къ чужимъ образцамъ было для Яворскаго совершенной необходимостью, и онъ могъ внести отъ себя лишь систему и изложеніе. Лишь по мѣстамъ въ его книгѣ встрѣчаются облеченные въ весьма осторожную форму намеки на живую современность, но даже и тогда ихъ трудно было вскрыть подъ грудой чисто богословскаго, отвлеченно-догматическаго матеріала. При жизни автора «Камень вѣры» не былъ напечатанъ, хотя самъ Петръ и не былъ рѣшительно противъ опубликованія этой книги; гораздо болѣе оказали въ этомъ дѣлѣ вліяніе церковно-политическіе противники Стефана; книга напечатана была лишь послѣ смерти автора и уже при иныхъ политическихъ обстоятельствахъ, въ 1728 году, въ Москвѣ, съ разрѣшенія Верховнаго Тайнаго Совѣта, по засвидѣтельствованіи и подъ наблюденіемъ Өеофилакта Лопатинскаго, единомышленника и сторонника Яворскаго. Хорошо извѣстная въ соотвѣтствующихъ кругахъ читателей по рукописнымъ копіямъ, книга Яворскаго немедленно по своемъ появленіи въ печати вызвала противъ себя полемику какъ заграницей (въ Лейпцигскихъ «Acta eruditorum» 1729, май, стр. 226—228), такъ и въ Россіи—между прочимъ, «Молотокъ на Камень вѣры», появившійся въ рукописныхъ тетрадяхъ около 1731 года и принадлежавшій неизвѣстному автору; онъ вызвалъ, въ свою очередь, защиту Стефана Яворскаго въ особомъ сочиненіи «Возраженіе на Молотокъ», написанномъ уже въ царствованіе Елизаветы Петровны и принадлежащемъ перу одного изъ почитателей памяти Яворскаго, Арсенія Мацѣевича [1]). Все это указываетъ на то, что сочиненіе Стефана Яворскаго, при всей спеціальности своего основного содержанія, носило общій характеръ и заключало въ себѣ широкую общественно-политическую идею, съ которой нужно было считаться, какъ и съ самой личностью и даже памятью Стефана Яворскаго, его положеніемъ и авторитетомъ. Въ послѣдующіе годы «Камень вѣры» былъ нѣсколько

---

[1]) И. Чистовичъ. Өеофанъ Прокоповичъ, стр. 366—367. 387—407.

разъ перепечатываемъ (въ Кіевѣ 1730, въ Москвѣ 1749); съ другой стороны, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, книга эта, по настоянію Бирона, подверглась временному запрещенію [1]).

Тяжело и мрачно прошли послѣдніе годы жизни Стефана (ум. 24 ноября 1722 года въ Москвѣ). Ему пришлось принимать участіе въ дѣлѣ цесаревича Алексѣя, на котораго онъ нѣкогда возлагалъ свою «единую надежду»: поскольку возможно, онъ стоялъ за царевича; далъ о немъ благопріятный отзывъ, когда Петръ ради формы обратился за этимъ къ мнѣнію духовенства, отпѣвалъ и собственноручно несъ его къ мѣсту послѣдняго успокоенія. Въ томъ же 1718 году Стефанъ, по желанію царя, переселился изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ все ему было чуждо и непріятно. Наконецъ, съ учрежденіемъ въ 1721 году синодальнаго управленія, онъ былъ назначенъ президентомъ Синода. Это была надъ нимъ послѣдняя насмѣшка судьбы: поставленный противъ собственнаго желанія и лишь по волѣ Петра во главѣ учрежденія, которому Стефанъ совершенно не сочувствовалъ, онъ долженъ былъ скрѣплять своей подписью такія рѣшенія, съ которыми по совѣсти никакъ не могъ примириться. Въ удержаніи Стефана на высотѣ общественныхъ почестей и формальной власти сказался, между прочимъ, проницательный умъ Петра, который не хотѣлъ давать своему противнику выгодъ мученика и страдальца и въ то же время пользовался его авторитетомъ между приверженцами старины для достиженія своихъ цѣлей; въ Синодѣ онъ окружилъ его сторонниками своихъ воззрѣній, непріятными Стефану и совершенно связывавшими ему руки: между ними былъ такой умный и стойкій человѣкъ, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, быстрое возвышеніе котораго шло не только помимо, но и противъ воли Стефана. Все это привело къ тому, что упавшій духомъ Стефанъ 27 іюля 1722 года, т. е. за четыре мѣсяца до смерти, обратился къ царю съ замѣчательнымъ письмомъ, въ которомъ послѣдній разъ дѣлалъ попытку вернуть къ себѣ расположеніе царя. Указавъ съ сожалѣніемъ на невозможность получить аудіенцію у царя и лично «отъ глубины сердца отозватися», онъ говоритъ такъ о себѣ: «Се толико лѣтъ работаю тебѣ и николи же заповѣдь твою преступихъ и не дослужихся козляте. Шестьнадесять лѣтъ уже, отнѣли же понужденъ есмь отъ вашея царскія, Богомъ данныя, власти въ приставникахъ быти Дому Божія. Сіе послушаніе аще и не по силѣ моей, но я, надѣяся на милость Божію и на милость вашего царскаго величества, воспріяхъ и толикія тяжести по нуждѣ не отрекохся. Служба же моя и трудишка на семъ послушаніи единому Богу совершенно вѣдомы суть, а отчасти и вашему царскому величеству мню быти не тайны, на которыхъ силу, здравіе, бодрость, а близко того и житіе погубилъ». Далѣе Стефанъ старается отыскать причину нерасположенія къ себѣ царя (проповѣди, участіе въ церковно-судебныхъ дѣлахъ) и заключаетъ: «Но что много о семъ писати? Противу рѣчному стремленію нельзя плавати. Буди тако, яко же о мнѣ глаголется. Вино-

[1]) Ю. Самаринъ. Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Соч., V, стр. 57—58.

вать семь въ неопаствѣ и дерзновеніи моемъ, за которую вину, падши къ стопамъ вашего царскаго величества, прошу милостиваго прощенія» [1]. Но все было напрасно.

Тревожимый и раздражаемый неудачами, Стефанъ въ послѣднее время охотнѣе смотрѣлъ уже въ будущее, чѣмъ въ непріятное для него настоящее, и употреблялъ свои нравственныя и матеріальныя усилія на созданіе такого учрежденія, которое могло бы, помимо всѣхъ преходящихъ условій жизни, закрѣпить о немъ благодарную память въ потомствѣ. Это былъ такъ называемый «Богородичный Назаретъ», монастырь въ память Благовѣщенія, въ Нѣжинѣ, гдѣ Яворскій хотѣлъ видѣть не только обычное мѣстожительство монаховъ, но въ нѣкоторомъ родѣ коллегію ученыхъ и разсадникъ русскихъ проповѣдниковъ. Въ этотъ монастырь онъ завѣщалъ всю свою библіотеку и деньги, при чемъ отдачу своихъ книгъ монастырю сопроводилъ элегіей въ стихахъ [2]). Однако завѣщаніе Стефана не было исполнено ни въ одномъ пунктѣ: деньги были удержаны въ казнѣ и отданы Нѣжинскому монастырю лишь при имп. Елизаветѣ для возобновленія его послѣ пожара, библіотека же отослана въ Харьковскій коллегіумъ и досталась потомъ Харьковской Духовной семинаріи [3]). Иноки основаннаго Стефаномъ монастыря, въ свою очередь, нисколько не заботились о томъ, чтобы выработать изъ себя проповѣдниковъ и, напротивъ, еще при жизни Стефана, пользуясь дарованными имъ средствами, употребляли ихъ совсѣмъ на другое; объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Яворскій въ письмѣ къ настоятелю Саввѣ Шпаковскому: «Я бѣдный отъ довольства своего уемлю, а вы, безбожные марнотратцы, то на свои избытки, пированія и прочее тратите. Лучше ли во иный монастырь послати, либо на убогихъ роздати, нежели вамъ въ руки хищничи отдати» [4]). Погребенъ Яворскій, согласно завѣщанію, въ Рязани, въ церкви Богородицы; на его могилѣ имѣется надпись, сочиненная неизвѣстнымъ лицомъ, но отъ имени самого покойнаго, въ 1723 году стихами [5]).

Өеофанъ Прокоповичъ — является другимъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ и писателемъ Петровской эпохи, но съ направленіемъ, совершенно противоположнымъ Яворскому: онъ всецѣло стоитъ на сторонѣ Петра, преклоняясь не только передъ его великой личностью, но и защищая всѣми силами своего ума и характера его преобразовательныя мѣропріятія; изъ современниковъ Петра Великаго Прокоповичъ представляется самымъ полнымъ выразителемъ новыхъ стремленій и новаго духа времени, проникнутымъ глубокой и непоколебимой вѣрой въ дѣло ре-

---

[1]) И. Чистовичъ. ӨеофанъПрокоповичъ, стр. 108—111.

[2]) Напечатана въ журналѣ «Трудолюбивый Муравей» 1771, стр. 54—55, и въ собраніи Проповѣдей Яворскаго, III, 138.

[3]) Каталогъ этой библіотеки Яворскаго напечатанъ въ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1865 № 2. Ср. С. И. Масловъ. Библіотека Стефана Яворскаго. Чтенія въ Обществѣ Нестора-Лѣтописца. Кн. XXIV, в. 2 и отдѣльно: Кіевъ, 1914.

[4]) Др. и Нов. Россія 1879, № 8, стр. 320.

[5]) Проповѣди, I, стр. XII.

формы, идею которой онъ долгое время продолжалъ отстаивать и послѣ смерти великаго преобразователя.

Во внѣшней судьбѣ Өеофана есть немало общаго съ судьбой Яворскаго, что и не удивительно: въ ту рѣзко очерченную эпоху способы возвышенія людей не изъ аристократіи, обязанныхъ всѣмъ лишь собственнымъ дарованіямъ и выдержкѣ, складывались болѣе или менѣе одинаково, такъ какъ пути къ внѣшнимъ успѣхамъ были одни и тѣ же—школьное обученіе, личное расположеніе царя и борьба за выдвигаемыя жизнью идеи на служебно-административномъ и литературномъ поприщѣ.

Будучи значительно моложе Стефана Яворскаго, Прокоповичъ (род. 8 іюня 1681 года въ Кіевѣ) происходилъ изъ купеческой семьи и при крещеніи названъ былъ Елеазаромъ. Рано оставшись безъ родителей, онъ оказался на попеченіи своего дяди, намѣстника Кіевскаго Братскаго монастыря и ректора коллегіи Өеофана Прокоповича, имя котораго впослѣдствіи и принялъ вмѣстѣ съ монашествомъ. Прослушавши курсъ наукъ въ Кіевской коллегіи, Прокоповичъ, по тогдашнему обычаю, отправился для продолженія образованія въ польскія школы и временно принялъ уніатство, съ постриженіемъ въ монашество въ Литовскомъ Базиліанскомъ монастырѣ. Затѣмъ мы видимъ его ученикомъ знаменитой миссіонерской коллегіи св. Аөанасія въ Римѣ, гдѣ онъ съ чрезвычайнымъ рвеніемъ предается изученію богословія, поэзіи, философіи, краснорѣчія, исторіи; совершивъ послѣ того путешествіе по Италіи, Швейцаріи и Австріи, Прокоповичъ возвратился въ Кіевъ, съ внушительнымъ запасомъ западной учености и съ вполнѣ отрицательнымъ отношеніемъ къ католичеству; здѣсь онъ вторично постригся, уже по православному обряду. Первымъ поприщемъ общественной дѣятельности Өеофана на родинѣ была, конечно, Кіевская коллегія, гдѣ онъ занялъ въ 1704 году мѣсто учителя поэзіи, а потомъ реторики, далѣе философіи, съ званіемъ префекта, и, наконецъ, богословія въ должности ректора.

Время служенія Өеофана въ Кіевской коллегіи до вызова его въ Петербургъ (1704—1715) можетъ быть названо первымъ періодомъ его литературно-общественной дѣятельности. Главныя его работы сосредоточиваются на преподаваніи и на учено-литературныхъ произведеніяхъ, примыкающихъ къ преподавательскимъ обязанностямъ автора.

Въ качествѣ учителя поэзіи, Прокоповичъ составилъ курсъ піитики, изданный впослѣдствіи Григоріемъ Конисскимъ въ Могилевѣ, въ 1786 году, подъ заглавіемъ: De arte poetica libri tres, ad usum et institutionem studiosae juventutis Roxolanae dictati Kioviae in orthodoxa Academia Mohyleana anno Domini 1705. Въ этомъ сочиненіи авторъ слѣдовалъ уже по ранѣе проложеннымъ путямъ, не стремясь къ новаторству: его главнымъ авторитетомъ былъ съ одной стороны Юлій Скалигеръ, а съ другой—іезуитскія руководства и во главѣ ихъ «Poeticarum Institutionum libri tres» Якова Понтана (1594); но и въ этихъ предѣлахъ Өеофанъ обнаруживаетъ реалистическія наклонности своего ума, настойчиво рекомендуя своимъ ученикамъ непосредственно знакомиться съ поэтическими произведеніями классической древности въ лицѣ Сенеки, Теренція и Плавта, цитируя Аристотеля

и Горація и возставая противъ злоупотребленіи разнаго рода символами и аллегоріями; насколько это было возможно при тогдашнемъ всеобщемъ господствѣ схоластическихъ вкусовъ въ области поэзіи, онъ стремится въ своемъ курсѣ отрѣшиться отъ излишнихъ теоретическихъ опредѣленій и внести начала естественности и здраваго смысла. Интересны нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія автора. Истинное «подражаніе» образцамъ—тогдашнюю основу всякаго поэтическаго творчества—онъ видитъ не въ томъ, чтобы обработывать «что-либо или совершенно подобнымъ Виргилію образомъ, или переносить на наши предметы его разсказы, вымыслы, реченія или что-нибудь другое: это значило бы или пародировать его, или, если довести это до крайности, обкрадывать»; допускается только, чтобы «мы упражнялись въ подражаніи и посредствомъ подобнаго рода упражненія усвоивали стиль того, кому подражаемъ». Онъ осуждаетъ у христіанскихъ писателей обращеніе къ языческимъ божествамъ и музамъ: «Христіанскій поэтъ не долженъ вводить языческихъ боговъ ради какого-нибудь дѣла Бога нашего или для обозначенія добродѣтелей героевъ; онъ не долженъ вмѣсто мудрости говорить—Паллада, вмѣсто водъ—Нептунъ, вмѣсто цѣломудрія—Діана, вмѣсто огня—Вулканъ; имена ихъ онъ можетъ употреблять только метонимически. Но онъ можетъ вводить истинныя лица Бога, ангеловъ, святыхъ, демоновъ, приписывая имъ дѣйствія правдоподобныя». Въ частности, онъ осуждаетъ современныхъ драматическихъ писателей въ пренебреженіи къ правдоподобію, говоря, что у нихъ «цари на сценѣ мелютъ вздоръ, отдавая повелѣнія, и говорятъ пустяки на совѣщаніяхъ, плачутъ какъ женщины, сердятся какъ дѣти, бѣснуются какъ пьяницы, чванно выступаютъ какъ женихи, бесѣду ведутъ какъ мастеровые на фабрикахъ или мужики въ харчевняхъ» [1]). Въ этихъ замѣчаніяхъ нельзя не видѣть нѣкотораго инстинктивнаго стремленія къ естественности и простотѣ въ поэзіи; такое впечатлѣніе отъ теоретическихъ воззрѣній Прокоповича мало ослабляется тѣмъ наблюденіемъ, въ силу котораго онъ является не вполнѣ самостоятельнымъ въ своихъ теоретическихъ взглядахъ на драму [2]). Небезынтересно отмѣтить, что Ѳеофанъ былъ знакомъ и съ нѣкоторыми произведеніями французскаго ложноклассицизма, напр. съ Корнелевымъ «Сидомъ».

Практическимъ примѣненіемъ этихъ воззрѣній явилась у Ѳеофана сочиненная имъ «трагедокомедія» подъ заглавіемъ: «Владиміръ, славяно-россійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангелическій приведенній Духомъ Святымъ». Произведеніе это написано Прокоповичемъ въ качествѣ преподавателя піитики въ 1705 году, согласно давнему академическому обычаю, въ силу котораго названный преподаватель обязанъ былъ ежегодно къ лѣтнимъ рекреаціямъ сочинять драматическія «дѣйства», подобно тому, какъ учитель риторики долженъ былъ изготовлять высокимъ особамъ привѣтствія и похвальныя слова; пьеса была представлена въ академіи 3 іюля 1705 года. Содержаніе «тра-

---

[1]) Тихонравовъ, Н. С. Соч. II, стр. 126—128.

[2]) В. И. Рѣзановъ. Изъ исторіи русской драмы, стр. 26—33.

гедокомедіи» Θеофана [1]) взято изъ начальныхъ лѣтъ русской исторіи и изображаетъ борьбу князя Владиміра съ язычествомъ, окончившуюся принятіемъ христіанства. Авторъ выводитъ на сцену языческихъ жрецовъ Жеривола, Курояда и Піара, которые всячески противодѣйствуютъ намѣреніямъ Владиміра и ведутъ шумную, но безплодную борьбу съ греческимъ философомъ, явившимся въ качествѣ вѣстника христіанства. На сцену выведена и тѣнь Ярополка, нѣкогда убитаго Владиміромъ, и аллегорическія фигуры «гордыхъ помысловъ», «плоти» и т. п., предназначенныя изобразить душевную борьбу Владиміра, и, наконецъ, Мечиславъ, вѣрный вождь Владимірова войска, наносящій собственными руками сокрушительные удары языческимъ идоламъ. Пьеса снабжена предисловіемъ, состоитъ изъ пяти актовъ и заканчивается хоромъ апостола Андрея съ ангелами, прославляющимъ великое дѣло князя Владиміра. Во второй, заключительной, своей половинѣ этотъ хоръ обращается въ панегирикъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ находилось тогда управленіе кіевской и всероссійской паствой (намеки на «премудрыхъ и учительныхъ мужей» Варлаама Ясинскаго и Стефана Яворскаго), и «ктитору» академіи, гетману Мазепѣ. Пьеса Прокоповича замѣчательна въ разныхъ отношеніяхъ. Уже самый выборъ сюжета обнаруживаетъ самостоятельность мысли автора, не соблазнившагося готовыми «діолегіями» Кіевской и Московской школъ второй половины XVII вѣка: вмѣсто какого-нибудь отвлеченнаго сюжета изъ Библіи, Прокоповичъ обращается къ родной старинѣ и героемъ пьесы выбираетъ такое лицо, которое олицетворяло собою борьбу стараго съ новымъ. Въ этомъ взглядѣ на Владиміра заключается глубокая идея, проникающая пьесу и сближавшая ее съ живой современностью, когда въ лицѣ Петра, этого новаго Владиміра, шла тоже непримиримая и рѣшительная борьба съ закоренѣлыми предразсудками, невѣжествомъ и духовнымъ мракомъ отживающей старины. Характеръ обработки сюжета не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, на чьей сторонѣ сочувствіе автора: онъ всецѣло стоитъ за изображеннаго имъ главнаго героя пьесы, и проникающій послѣднюю комическій элементъ, обличительная насмѣшка надъ врагами Владиміра обнаруживаютъ въ авторѣ «трагедокомедіи» талантливаго публициста, понимавшаго смыслъ современныхъ событій и весьма искусно облекавшаго ихъ истолкованіе въ традиціонную форму школьнаго драматическаго «дѣйства». Въ самомъ дѣлѣ, личности жрецовъ носятъ на себѣ всѣ черты сатирическаго обличенія современной дѣйствительности. Подъ именемъ «Жеривола» нашли себѣ изображеніе нѣкоторыя черты современнаго Θеофану высшаго духовенства, косно относившагося къ преобразованіямъ: заносчивость, лицемѣріе, невѣжество, угожденіе плоти; и дѣйствительно, позднѣе одинъ изъ противниковъ Θеофана, Маркеллъ Родышевскій, бывшій одновременно съ Прокоповичемъ учителемъ

---

[1]) Напечатана Н. С. Тихонравовымъ: Русскія драматическія произведенія, II, стр. 280—344. Содержаніе подробно изложено у Пекарскаго: Наука и литература, I, стр. 417—421, и у Тихонравова: Ж. М. Н. Пр. 1879, № 5, а также въ Соч. II, стр. 120—155.

въ Кіевской коллегіи, въ своемъ доносѣ на послѣдняго прямо указывалъ на то, что Ѳеофанъ «архіереевъ, іереевъ православныхъ жрецами и фарисеями называетъ; священниковъ россійскихъ называетъ жеривелами, лицемѣрами, идольскими жрецами»: очевидно, мысль Ѳеофана была понята довольно правильно; подъ именами двухъ другихъ жрецовъ, Куроида и Піара, обличено низшее духовенство, характерными чертами котораго отмѣчены жадность, лакомство, пьянство. Впослѣдствіи, въ Духовномъ Регламентѣ Ѳеофанъ возвратился къ той же темѣ и, въ другихъ выраженіяхъ, подтвердилъ лишь свою точку зрѣнія, выраженную въ юные годы въ пьесѣ «Владиміръ». Небезынтересно отмѣтить, что приблизительно тѣ же общія мысли о высокой просвѣтительной роли князя Владиміра, какія мы видимъ въ пьесѣ Прокоповича, онъ развилъ и въ одной изъ своихъ кіевскихъ проповѣдей на день св. Владиміра, сказанной, какъ надо полагать, въ годы, близкіе ко времени сочиненія «трагедокомедіи», для которой эта проповѣдь можетъ служить весьма интереснымъ комментаріемъ: именно, изъ сопоставленія этихъ двухъ произведеній выясняется, помимо указанной свѣтско-обличительной, еще и другая, нравственно-религіозная идея автора—необходимость внутренней борьбы человѣка съ мірскими искушеніями, во имя высокаго религіознаго идеала, стремленіемъ къ которому Прокоповичъ надѣляетъ въ томъ и другомъ сочиненіи личность Владиміра, какъ перваго великаго русскаго реформатора [1]).

Принявши на себя преподаваніе риторики (1706), Ѳеофанъ составилъ по этому предмету, на латинскомъ языкѣ, весьма замѣчательный учебникъ [2]). Главное вниманіе въ немъ отведено, конечно, церковному краснорѣчію, т. е. теоріи проповѣди. Ѳеофанъ обнаруживаетъ въ этомъ вопросѣ большую самостоятельность и презрительно-критическое отношеніе къ господствовавшимъ тогда въ Россіи польско-іезуитскимъ проповѣдническимъ пріемамъ, которые, какъ мы видѣли (стр. 394), составили духъ и содержаніе учебника Стефана Яворскаго. Ѳеофанъ очень низко цѣнитъ ученость іезуитовъ, называя ихъ докторскій берретъ «ослинымъ украшеніемъ», а самихъ ихъ «свиньями стада Эпикурова». Вотъ съ какимъ сарказмомъ изображаетъ онъ іезуитовъ: «Посмотрите на тѣлодвиженіе, поступь, положеніе лица и тѣла ихъ: что, спрашиваю, увидите искренняго, неподдѣльнаго, неизысканнаго? Одни представляются намъ сокровищницами кротости и любезности, другихъ увидишь облеченными суровостію болѣе, чѣмъ катоновскою. Первые изъ нихъ, большею частію

---

[1]) Тихонравовъ, Н. С. Соч., II, стр. 135—154. При наличности этихъ данныхъ невозможно согласиться съ мнѣніемъ проф. Н. И. Петрова, который готовъ совершенно отрицать намеки Ѳеофана на современное русское духовенство, равно какъ не видитъ въ пьесѣ и «положительныхъ идеаловъ просвѣщенія и науки» и вообще считаетъ «Владиміра» произведеніемъ «чисто школьнымъ, академическимъ»: Тр. К. Д. А. 1910, № 1, стр. 88—90.

[2]) Извлеченія изъ него имѣются у Н. И. Петрова: «Выдержки изъ рукописной риторики О. Прокоповича», Труды Кіевской Духовной Академіи 1865, № 4 и «Изъ исторіи гомилетики въ старой Кіевской Академіи», тамъ же, 1866, № 1.

совершенно напрасно называющіе себя друзьями Іисуса, показываютъ видъ, будто они пребываютъ въ любви Божіей; они всецѣло созданы для пріобрѣтенія благосклонности, являются въ обществѣ въ черной, но изящной одеждѣ, отличаются бѣлизною кожи и съ головы до ногъ красавчики; тихо принимаютъ веселый видъ, придаютъ лицу пріятное выраженіе, складываютъ губы по-женски, поднимаютъ и опускаютъ брови, пріятно и часто улыбаются, говорятъ ломанымъ голосомъ. Во время же разговора какое помаргиваніе носомъ, какое скорое движеніе пальцевъ, какое поворачиваніе въ обѣ стороны нѣжненькой шеи! А сколько мастерства въ томъ, что они имѣютъ обыкновеніе, какъ нѣкоторые протеи, почти въ одно и то же время измѣнять свое лицо для выраженія самыхъ противоположныхъ душевныхъ движеній! Сейчасъ ты слышишь его веселаго и забавнаго, но если попадается въ рѣчи одно словечко сколько-нибудь печальнаго содержанія, вотъ ты увидишь, что онъ уже и вздыхаетъ, и стенаетъ, и слезки капаютъ, и все это дѣлается съ такой нѣжностью, какую можно видѣть въ молоденькихъ дѣвушкахъ»... [1]). Проповѣдническіе пріемы іезуитовъ нашли себѣ у Ѳеофана полное осужденіе; для характеристики этого «историческаго краснорѣчія» онъ останавливается на проповѣдяхъ одного изъ самыхъ популярныхъ въ то время польскихъ проповѣдниковъ, Ѳомы Млодзяновскаго, и, осуждая его, онъ осуждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самую систему, которой многіе слѣдовали. «Самый обыкновенный недугъ нашего времени — говоритъ въ этой главѣ своей Риторики Прокоповичъ — есть тотъ, который мы не безъ основанія назовемъ курьезнымъ слогомъ, потому что въ числѣ другихъ средствъ для пріобрѣтенія научной знаменитости ученые хвастуны особенно усвоили себѣ манеру говорить что-нибудь удивительное, необыкновенное и неожиданное. Поэтому они выдумываютъ курьезныя, но совершенно вялыя и смѣшныя умствованія и спрашиваютъ, почему въ имени Святѣйшей Дѣвы или Іисуса Христа находится пять буквъ, почему Богъ черезъ пророка сказалъ такъ, а не иначе?.. Задержавши бѣдныхъ слушателей нѣсколько времени безсмысленною проволочкой, ораторы, наконецъ, выпрямляются, приходятъ въ восторгъ, одушевляются и, поддерживаемые вниманіемъ невѣжественной толпы, съ натянутой важностью и обвислыми щеками начинаютъ изрекать свое въ высшей степени нелѣпое прорицаніе», и далѣе идутъ примѣры, вродѣ толкованія того, почему во время всемірнаго потопа уцѣлѣли рыбы и проч. Не менѣе рѣзко осмѣиваетъ Прокоповичъ и стремленіе католическихъ проповѣдниковъ вводить въ проповѣдь шутки: «Такъ, напр., проповѣдникъ спрашиваетъ: есть ли на небѣ библіотека? или говоритъ, что въ мірѣ только двое часовъ, что въ мірѣ нѣтъ ни мяса, ни хлѣба, ни салата, ни тысячи другихъ пустяковъ. Что же, ради безсмертнаго Бога, за новое неслыханное краснорѣчіе! Къ чему проповѣдникъ хочетъ быть такъ безтолково остроумнымъ?» [2]). Коренной причиной этихъ уродливыхъ заблужденій католическихъ про-

[1]) Тр. К. Д. А. 1865, № 4, стр. 617—618.

[2]) Тамъ же, стр. 627—628. 631.

повѣдниковъ Прокоповичъ считаетъ ихъ недостаточное знакомство со Св. Писаніемъ и съ твореніями отцовъ церкви, особенно Іоанномъ Златоустомъ; кромѣ того, авторъ совѣтуетъ церковному оратору не забывать и славныхъ дѣяній прошлаго въ своемъ отечествѣ, способныхъ возбудить вниманіе слушателей и преподать имъ благородные примѣры для подражанія.

Иллюстраціей этихъ теоретическихъ воззрѣній являются собственныя проповѣди Ѳеофана Прокоповича, говоренныя имъ въ Кіевѣ. Между ними особый интересъ представляютъ двѣ, сказанныя въ присутствіи Петра Великаго. Первая была произнесена 5 іюля 1706 года, въ Софійскомъ соборѣ, когда царь посѣтилъ Кіевъ. Это «привѣтствительное слово» рѣзко отличалось отъ господствовавшихъ тогда образцовъ съ ихъ риторической болтовней и рутинными сравненіями восхваляемаго героя съ библейскими или историческими лицами; слово это было кратко и просто, но ораторъ сумѣлъ въ немъ сказать Петру много пріятнаго, вспомнивъ о дѣятельности его предковъ въ Кіевѣ на пользу православія и коснувшись современной Россіи, въ особенности правосудія и военной славы [1]). Въ другой разъ Ѳеофанъ явился передъ лицомъ Петра, въ качествѣ проповѣдника, 10 іюля 1709 года, въ томъ же Софійскомъ соборѣ, когда Петръ возвращался на сѣверъ, черезъ Кіевъ, послѣ Полтавской побѣды. На этотъ разъ имъ было произнесено сравнительно длинное «похвальное слово», главное содержаніе котораго было посвящено, конечно, недавнему великому военному тріумфу; тутъ дается характеристика и шведскаго короля, и измѣнника Мазепы, но въ центрѣ стоитъ одушевленное описаніе Полтавскаго боя и личнаго участія въ немъ самого Петра [2]). Въ декабрѣ того же 1709 года Прокоповичъ сказалъ въ церкви Кіево-братскаго монастыря похвальное слово князю Меньшикову, прося у него покровительства для академіи, въ которой Ѳеофанъ тогда состоялъ префектомъ [3]). Хотя обѣ прослушанныя царемъ рѣчи Ѳеофана понравились Петру, но встрѣча эта на судьбѣ оратора ничѣмъ не отразилась. Правда, въ 1711 году, во время турецкаго похода, царь вспомнилъ о Прокоповичѣ и вызвалъ его къ себѣ въ лагерь, гдѣ тотъ, слѣдуя за царемъ, говорилъ 27 іюня въ Яссахъ проповѣдь съ воспоминаніемъ Полтавской побѣды, однако и послѣ этого Прокоповичъ вернулся въ Кіевъ, будучи назначенъ по желанію Петра, въ 1712 году ректоромъ академіи и игуменомъ Кіевобратскаго монастыря. Эти годы, до вызова Ѳеофана въ Петербургъ, прошли главнымъ образомъ въ проповѣдническихъ, административныхъ и ученыхъ трудахъ, среди которыхъ выдающееся положеніе занимаетъ составленный Ѳеофаномъ обширный курсъ богословія; въ этомъ сочиненіи онъ вводитъ новый учено-историческій методъ и старается освободиться отъ схоластическихъ отвлеченностей польско-католической богословской науки; болѣе вліянія на его изложеніе оказали протестантскіе

---

[1]) Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича. Ч. I. Спб. 1760, стр. 3—5. 7—9.

[2]) Тамъ же, стр. 22—24. 30—31. 35—37.

[3]) Тамъ же, стр. 51—73.

богословы Квенштедтъ и Гергардъ, гораздо болѣе гармонировавшіе съ общимъ характеромъ настроенія и научной мысли Прокоповича [1]).

Наконецъ, въ 1715 году послѣдовалъ вызовъ Прокоповича въ Петербургъ, куда однако же, удержанный болѣзнью, явился онъ не ранѣе осени 1716 года.

Съ пріѣздомъ Прокоповича въ Петербургъ начался второй періодъ его жизни, окончившійся со смертью Петра Великаго (1716—1725).

Сознававшій свои силы и не лишенный честолюбивыхъ стремленій, Ѳеофанъ, конечно, ждалъ возможности выйти на болѣе широкую арену дѣятельности, нежели та, которая представлялась ему въ Кіевѣ. Но когда насталъ этотъ рѣшительный моментъ, его посѣтило раздумье. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ своему другу Я. А. Марковичу онъ писалъ 9 августа 1716 года: «Можетъ быть, ты слышалъ, что меня вызываютъ для епископства. Эта почесть меня такъ же привлекаетъ и прельщаетъ, какъ если бы меня приговорили бросить на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Я завидую на добрыхъ людяхъ митрамъ, саккосамъ, посохамъ, свѣщамъ и другимъ украшеніямъ этого рода; прибавьте къ этому еще большихъ и вкусныхъ рыбъ; но если я интересуюсь этимъ, если ищу этого, пусть Богъ покараетъ меня чѣмъ-нибудь еще худшимъ. Я люблю дѣло епископства и хотѣлъ бы быть епископомъ, если бы, вмѣсто того, не пришлось разыгрывать комедій; ибо таково это испорченнѣйшее состояніе, если не исправитъ его божественная премудрость. Со своей стороны, я употреблю всѣ усилія, чтобы отклонить отъ себя эту честь и поскорѣй возвратиться къ вамъ; а вы помолитесь Всевышнему Богу, чтобы такъ случилось» [2]). Мы не имѣемъ основаній заподозривать въ данномъ случаѣ искренность Ѳеофана, душевное раздвоеніе котораго напоминаетъ подобное же состояніе Яворскаго въ 1700 году. Во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ ждали его непріятности: достаточно извѣстный уже по своимъ воззрѣніямъ, Прокоповичъ долженъ былъ въ Петербургѣ сразу войти въ соприкосновеніе съ кругомъ враждебныхъ ему лицъ, во главѣ которыхъ стоялъ Стефанъ Яворскій. Но мѣстоблюститель патріаршаго престола потерялъ уже къ тому времени расположеніе царя, и Прокоповичу открывалась возможность занять при царѣ его мѣсто, какъ перваго совѣтника и опору государя въ церковно-административныхъ дѣлахъ. Неизбѣжность такого оборота дѣла была ясна для Прокоповича, и, подобно Яворскому въ свое время, онъ возложилъ свою надежду въ предстоящей борьбѣ на царя. Ѳеофанъ пріѣхалъ въ Петербургъ 14 октября 1716 года, когда царь еще былъ заграницей, откуда онъ прибылъ лишь почти черезъ годъ, 10 октября 1717 года. Въ этотъ промежутокъ времени Прокоповичъ занимался составленіемъ родословной таблицы русскихъ

[1]) Курсъ этотъ изданъ былъ, на латинскомъ языкѣ, Матвѣемъ Байцуровымъ и Семеномъ Денисьевымъ, въ трехъ томахъ, въ Кенигсбергѣ и Москвѣ, 1773—1776; четвертый томъ составляетъ особый трактатъ Ѳеофана «De processione Spiritus Sancti», изданный Дамаскинымъ Семеновымъ-Рудневымъ въ Готѣ, 1772. См. объ этомъ трудѣ у П. Морозова, назв. соч., стр. 123—148.

[2]) И. Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 24—25.

государей, которая въ началѣ 1717 года и была напечатана, а также произнесеніемъ проповѣдей. Въ одной изъ нихъ (на день рожденія царевича Петра Петровича, 28 октября 1716 года), сказанной чрезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ, Прокоповичъ выступилъ какъ свѣтскій ораторъ и публицистъ; уже тутъ онъ обозначилъ тѣ двѣ идеи, развитію и проведенію въ жизнь которыхъ онъ посвятилъ впослѣдствіи много усилій: во-первыхъ, преимущество монархической системы и необходимость подчиненія царской власти не только въ области свѣтскихъ, но и церковныхъ вопросовъ русской жизни, и, во-вторыхъ, свое рѣшительное сочувствіе реформамъ и вражду къ ихъ противникамъ. Вотъ замѣчательное мѣсто изъ этой проповѣди, гдѣ ораторъ рисуетъ перемѣну, происшедшую въ послѣднее время во взглядѣ на Россію со стороны другихъ народовъ: «Да помыслитъ всякъ, коликую обрѣте Россія во всемъ мірѣ славу себѣ. Не буди бо въ срамоту помянути, еже истинно есть, въ коемъ мнѣніи, въ коей цѣнѣ бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ; бѣхомъ у политическихъ мнимiи варвары, у гордыхъ и величавыхъ презрѣнніи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желательная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поруганы. Аще же и лживое было таковое многихъ мнѣніе, обаче мнѣніе было таковое, и изобличила было то неоднократно Россія своимъ оружіемъ, но недовольно и несовершенно, наипаче яко оружіемъ страхъ точію содѣвается въ народѣхъ, честь и любовь тѣмъ не купуется. Нынѣ же что храбростію, любомудріемъ, правдолюбіемъ, исправленіемъ и обученіемъ отечества не себѣ точію, но и всему россійскому народу содѣла пресвѣтлый нашъ Монархъ? То, что который насъ гнушалися, яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего; которыи безчестили, славятъ; которыи грозили, боятся и трепещутъ; которыи презирали, служити намъ не стыдятся; многіи въ Европѣ коронованныи главы не точію въ союзъ съ Петромъ, монархомъ нашимъ, идутъ доброхотно, но и десная Его Величеству давати не имѣютъ за безчестіе: отмѣнили мнѣнія, отмѣнили прежнія своя о насъ повѣсти, затерли исторійки своя древнія, инако и глаголати и писати начали. Понесла главу Россія свѣтлая, красная, сильная, другомъ любимая, врагомъ страшная» [1]). Къ пріѣзду Петра изъ за границы Феофанъ приготовилъ три привѣтственныя рѣчи: одну—отъ лица двухлѣтняго царевича Петра Петровича, другую—отъ лица царевенъ Анны и Елизаветы и третью отъ народа; послѣдняя, произнесенная самимъ Феофаномъ, была исполнена самыхъ восторженныхъ похвалъ царю [2]). Вскорѣ затѣмъ, 24 ноября 1717 года, въ день Екатерины, Феофанъ произнесъ проповѣдь на текстъ: «Крѣпка яко смерть любы»; здѣсь онъ распространился о любви притворной и искренней, при чемъ въ примѣръ послѣдней привелъ св. мученицу Екатерину и русскую императрицу Екатерину Алексѣевну, коснувшись, такимъ образомъ, въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ интимной стороны жизни Петра Великаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, проповѣдникъ.

---

[1]) Слова и рѣчи, I, 114—115. Проповѣдь эта напечатана была въ 1717 году, въ Петербургѣ, отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Надежда добрыхъ и долгихъ лѣтъ россійской монархіи» (Пек., II, № 329).

[2]) Слова и рѣчи, I, 179—180.

говоря о любви лицемѣрной, сдѣлалъ прозрачные намеки на окружавшихъ царя людей, несочувствовавшихъ главнѣйшему дѣлу его жизни— преобразованію Россіи; возможно даже, что Ѳеофанъ имѣлъ при этомъ въ виду опредѣленныхъ лицъ, Ѳеофилакта Лопатинскаго и Гедеона Вишневскаго, которые, пользуясь поддержкой самого Яворскаго, уже готовились нанести ударъ успѣхамъ Ѳеофана [1]). Но Ѳеофанъ неуклонно шелъ по пути, имъ намѣченному: 6 апрѣля 1718 года онъ произнесъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ проповѣдей «О власти и чести царской», въ которой сталъ лицомъ къ лицу со своими противниками и открыто выразилъ свою политическую точку зрѣнія. Вотъ что онъ говоритъ тутъ о противникахъ реформы: «Суть нѣцыи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіи), или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаеми, которыи таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что имъ все грѣшно и скверно мнится быти—что-либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно и правильно и не богопротивно: напримѣръ, лучше любятъ день ненастливый, нежели ведро, лучше радуются вѣдомостьми скорбными, нежели добрыми; самаго счастія не любятъ, и не вѣмъ, какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ... И сіи наипаче славы безчестити не трепещутъ, и всяку власть мірскую не точію не за дѣло Божіе имѣютъ, но и въ мерзость вмѣняютъ, не вѣдуще бо, что есть смиреніе истинное, что есть нищета духовная; но по внѣшнему виду тое разсуждающе, все, еже велико и славно есть, презираютъ и въ грѣхъ ставятъ; и тако о державѣ верховной ниже помыслити хотятъ, быти ю праведну и отъ Бога узаконенну» [2]). Обѣ эти послѣднія проповѣди Ѳеофана, по затронутымъ въ нихъ вопросамъ и по вложенному въ нихъ настроенію, могутъ быть поставлены въ параллель съ указанной выше (стр. 397) проповѣдью Стефана Яворскаго «О храненіи заповѣдей Господнихъ» (1712): и тамъ и тутъ оба оратора высказались съ совершенной ясностью, стоя однако же на противоположныхъ точкахъ зрѣнія; Стефанъ при этомъ, идя противъ царя, терялъ его расположеніе, а Ѳеофанъ, защищая Петра, шелъ къ ожидавшему его почету и вліянію. Въ самомъ дѣлѣ, между произнесеніемъ этихъ двухъ проповѣдей, еще въ началѣ 1718 года Петръ назначилъ Ѳеофана, хотя это и не было объявлено офиціально, на псковскую каѳедру, оказавшуюся свободной послѣ смерти митрополита Іосифа. Хотя противъ этого намѣренія царя и возражалъ Стефанъ Яворскій, указывая на то, что «пречестный отецъ іеромонахъ Ѳ. Прокоповичъ имать препятіе, еже самъ на себя наложилъ, къ святому великому архіерейскому сану: зараженъ ересью кальвинскою», однако воля царя рѣшила торжество Ѳеофана: 2 іюня 1718 года онъ былъ посвященъ въ санъ псковскаго епископа. Съ этого момента, равнозначительнаго въ жизни Стефана съ назначеніемъ его на рязанскую митрополію,

---

[1]) Тамъ же, I, 215—217. 221—222.

[2]) Слова и рѣчи, I, 241—243.

начинаются годы широкой дѣятельности и вліянія Θеофана Прокоповича, какъ сотрудника Петра Великаго.

На псковской каѳедрѣ Θеофанъ оставался до конца жизни царя Петра, занимая въ то же время должность второго вице-президента Синода, но, при указанныхъ уже отношеніяхъ царя и президента Стефана Яворскаго, онъ былъ въ сущности главой синодальнаго управленія, такъ какъ первый вице-президентъ, Θеодосій Яновскій, архіепископъ Новгородскій, не имѣлъ достаточныхъ данныхъ, чтобы удержаться на своемъ высокомъ посту, и вскорѣ (1724) кончилъ весьма печально. Черезъ руки Прокоповича проходили всѣ важнѣйшія церковно-административныя мѣропріятія, включая сюда и учрежденіе Синода, для котораго Θеофаномъ Прокоповичемъ написанъ былъ въ 1720 году «Духовный Регламентъ». Литературная дѣятельность Θеофана въ эту пору поражаетъ своимъ объемомъ и разнообразіемъ: онъ писалъ и о соединеніи церквей, и предисловіе къ морскому уставу, и сочиненія противъ раскольниковъ, и книгу о русскомъ престолонаслѣдіи («Правда воли монаршей», 1722), и сочиненія педагогическія («Первое ученіе отрокомъ», 1720). Вмѣстѣ съ тѣмъ, энергично продолжалась и его дѣятельность въ качествѣ проповѣдника, при чемъ особенную извѣстность среди проповѣдей Θеофана этого времени получило сравнительно краткое, но сильное слово при погребеніи Петра Великаго, съ которымъ Θеофанъ опускалъ въ могилу не только славу Россіи, но всѣ свои лучшія надежды [1]).

Особаго вниманія среди этихъ произведеній, по своему историческому значенію, заслуживаетъ «Духовный Регламентъ», сопровождавшій собою учрежденіе коллегіальнаго церковнаго управленія: самое открытіе Синода состоялось 14 февраля 1721 года, а «Регламентъ», оконченный Прокоповичемъ въ началѣ 1720 года, былъ напечатанъ 16 сентября 1721 года. По своему прямому назначенію, это произведеніе является законодательнымъ памятникомъ, важнымъ главнымъ образомъ для исторіи русскихъ церковно-юридическихъ отношеній, но, подобно другимъ оффиціальнымъ актамъ Петровской эпохи, оно вмѣщаетъ въ себѣ такое содержаніе и облечено въ такія формы, которыя дѣлаютъ его интереснымъ и для историка литературы. Въ «Регламентѣ» Θеофанъ съ особой силою выразилъ свое политическое міросозерцаніе, свои общіе взгляды на разные общественные вопросы, свое обличительно-публицистическое настроеніе. Изъ области старой литературы, по своему положенію среди другихъ литературныхъ явленій, до нѣкоторой степени напоминаетъ это произведеніе «Стоглавъ», но огромная разница между ними заключается не только въ томъ, что «Регламентъ» имѣлъ большое вліяніе на ходъ послѣдующихъ событій русской жизни, но и потому, что онъ, какъ произведеніе единоличное, носитъ на себѣ печать цѣльности и единства въ литературномъ смыслѣ.

Самимъ составителемъ «Духовный Регламентъ» раздѣленъ на три части: 1) «описаніе и важныя вины таковаго правленія», т. е. мотивы, по которымъ прежнее патріаршество замѣнено Синодомъ, выясненіе самой сущности

---

[1]) Слова и рѣчи, I, 127—133.

коллегіальнаго управленія дѣлами церкви; 2) «дѣла управленію сему подлежащія» и 3) «самыхъ управителей должность, дѣйство и сила». Наиболѣе интересными въ историко-литературномъ отношеніи являются вторая и третья части. Проникнутый стремленіемъ внести въ народъ истинное просвѣщеніе, «Регламентъ» нападаетъ на народныя суевѣрія, связанныя съ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ и потому доступныя просвѣтительному воздѣйствію духовенства: «Слышится, что въ Малой Россіи, въ полку Стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую подъ имянемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ) и при церкви честь оной отдаетъ народъ, съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы. Тако жъ на иномъ мѣстѣ, попы съ народомъ молебствуютъ подъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба попъ народу роздаетъ на благословеніе... Вельми срамное и сіе обрѣталося (какъ сказуютъ)—молитвы людемъ, далече отстоящимъ, чрезъ посланниковъ ихъ въ шапку давать» (Изд. 1721, стр. 8). Къ суевѣріямъ, какъ одному изъ показателей духовной темноты русскаго народа, «Регламентъ» возвращается и позднѣе, когда говоритъ объ обязанностяхъ епископовъ: «Спроситъ же епископъ священства и протчихъ человѣкъ, не дѣлаются ли гдѣ суевѣрія? не обрѣтаются ли кликуши? не проявляетъ ли кто для сквернoприбытства ложныхъ чудесъ при кладезяхъ, источникахъ? и протчая. И таковыя бездѣлія запретить съ угроженіемъ клятвы на противящихся упрямцовъ» (стр. 20).

Главное средство, указываемое «Регламентомъ» для уврачеванія этого недуга русской жизни, конечно, не ново: это—просвѣщеніе. Однимъ изъ проводниковъ его должна быть церковная проповѣдь, но такъ какъ хорошихъ проповѣдниковъ было въ то время мало, то «Регламентъ» полагаетъ необходимымъ составить «нѣкія краткія и простымъ человѣкомъ уразумительныя и ясныя книжицы», въ которыхъ бы каждый желающій изъ паствы могъ находить для себя нужныя наставленія. Эту идею нравственно-назидательной популярной литературы «Регламентъ» выдвигаетъ не менѣе, чѣмъ и школьное просвѣщеніе силами духовнаго сословія. Что касается, въ частности, проповѣдниковъ, то о нихъ интересны такого рода критическія замѣчанія: «Обычай нѣкимъ проповѣдникамъ есть, аще кто его въ чемъ прогнѣвитъ, на проповѣди своей мстить оному, хотя не имянно терзая славу его, обаче такъ говоря, что можно слышателемъ знать, о комъ рѣчь есть. И таковые проповѣдники самые бездѣльники суть, и оныхъ бы жестокому наказанію подвергать... Безумно творятъ проповѣдници, которые брови своя поднимаютъ и движеніе раменъ являютъ гордое и въ словѣ нѣчто такое проговариваютъ, отъ чего можно познать, что они сами себѣ удивляются. Но благоразумный учитель, елико мощно, да тщится и словомъ и всего тѣла дѣйствіемъ таковаго себе показовать, что онъ ниже помышляетъ о своемъ остроуміи или краснорѣчіи... Не надобно проповѣднику шататься вельми, будто въ суднѣ весломъ гребетъ; не надобно руками сплескивать, въ бока упиратися, подскакивать, смѣятися, да не надобѣ и рыдать. Но хотя бы и возмутился духъ, надобѣ елико мощно унимать слезы, вся бо сія лишняя и неблагообразна суть и слышателей возмущаютъ» (стр. 33—34). Современники усматривали въ этомъ сатирическомъ изображеніи

самого Стефана Яворскаго. «Регламентъ» подробно касается и другого, еще болѣе важнаго орудія просвѣщенія—школъ или «домовъ училищныхъ», при чемъ находитъ нужнымъ высказать и общее сужденіе о необходимости просвѣщенія: «Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновно есть ересей... Ученіе доброе и основательное есть всякой пользы какъ отечества, такъ и церкве аки корень и сѣмя и основаніе» (стр. 22). Послѣдующимъ сторонникамъ просвѣщенія не разъ приходилось повторять эту мысль, возражая лицамъ, стоявшимъ за старину противъ новаго порядка вещей. Внося въ русскую жизнь принципъ ограниченія единоличной власти въ дѣлахъ церковныхъ, «Регламентъ» дѣлаетъ такое замѣчаніе объ епископахъ: «Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея и не высоко бы объ ней мыслилъ... Се того же ради предлагается: чтобъ укротити оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобы оныхъ подъ руки (донеле же здравы суть) не вожено, и въ землю бы онымъ подручная братія не кланялись. И оныя поклонницы самохотно и нахально стелются на землю, да лукаво чтобъ степень исходатайствовать себѣ недостойный, чтобъ такъ неистовство и воровство свое покрыть» (стр. 14). «Регламентъ» высказывается неодобрительно объ увлеченіи монашествомъ, а также касается и другихъ недостатковъ русской жизни, ослабляющихъ ее нравственно и экономически. Таково, напр., разсужденіе о тунеядцахъ, прикрывающихъ себя видомъ убогихъ и увѣчныхъ: «Многіе бездѣльники, при совершенномъ здравіи, за лѣность свою пускаются на прошеніе милостыни и по міру ходятъ безстудно и иныя же въ богадѣльни вселяются посулами у старость, что есть богопротивное и всему отечеству вредное. Повелѣваетъ намъ Богъ отъ пота лица нашего, сіесть отъ промысловъ праведныхъ и различныхъ трудовъ, ясти хлѣбъ... И потому здравіи и лѣнивіи прошаки Богу противніи суть. И аще кто снабдѣваетъ оныхъ, и той есть яко помощникъ, тако и участникъ оныхъ же грѣха... Изъ таковой дурной милости еще и отечеству великій вредъ дѣется: отъ сего бо, въ первыхъ, скудость и дорогъ бываетъ хлѣбъ. Разсуди всякъ благоразумный, сколько тысящъ въ Россіи обрѣтается лѣнивыхъ таковыхъ прошаковъ, толико жъ тысящъ не дѣлаютъ хлѣба, а потому нѣтъ отъ нихъ приходу хлѣбнаго; а обаче нахальствомъ и лукавымъ смиреніемъ чуждые труды поѣдаютъ, и потому великій хлѣба расходъ вотще... Сверхъ того еще лѣнивые оные нахальники сочиняютъ нѣкая безумная и душевредная пѣнія, и оная съ притворнымъ стенаніемъ предъ народомъ поютъ и простыхъ невѣждъ еще вящше обезумливаютъ, пріемля за то награжденіе себѣ... И что еще вѣру превосходитъ безсовѣстіе и безчеловѣчіе оныхъ— младенцемъ своимъ очи ослѣпляютъ, руки скорчиваютъ и иные члены развращаютъ, чтобъ были прямые нищіе и милосердія достойные. Воистину нѣтъ беззаконнѣйшаго чина людей!» (стр. 42—43).

Приведенные отрывки имѣютъ цѣлію указать лишь на нѣкоторыя отдѣльныя черты этого памятника политической и законодательной мысли Ѳеофана. «Регламентъ» представляетъ собою обширное произведеніе, предназначенное обнять многія стороны русской жизни. Изложеніе не отличается строго выдержанной системой, содержаніе не представляется новостью. Памятникъ однако же проникнутъ единствомъ настроенія и основ-

ной мысли законодателя—отрицаніемъ стараго порядка русской церковной жизни и стремленіемъ построить новую жизнь на принципѣ критическаго отношенія къ прежнему застою и невѣжеству. Въ этомъ критицизмѣ, составляющемъ вообще основную черту духовной личности Прокоповича, и заключается главная историко-литературная цѣнность «Регламента». Въ тѣсной связи съ нимъ, въ смыслѣ дополненій и разъясненій затронутыхъ тамъ вопросовъ, находятся нѣкоторыя изъ сочиненій Прокоповича, написанныя около того же времени, напр. «Прибавленіе» къ Регламенту, «Розыскъ историческій» и др. [1]). Впрочемъ, какъ произведеніе мало соображенное съ дѣйствительностью и вмѣстѣ съ тѣмъ расчитанное на быстрое и широкое проведеніе въ жизнь, «Регламентъ» имѣетъ и большіе недостатки, указанные ему самой жизнью [2]).

Послѣ смерти Петра Великаго начинается третій періодъ жизненнаго поприща Ѳеофана (ум. 8 сентября 1736 года). Въ самомъ началѣ этого періода, Прокоповичъ въ 1725 году, по указу императрицы Екатерины I, былъ перемѣщенъ въ Новгородъ и сдѣланъ архіепископомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ перваго вице-президента Синода, онъ фактически стоялъ во главѣ Синода. Въ послѣдующіе годы, при перемѣнѣ царствованій и борьбѣ придворныхъ партій, Ѳеофану стоило много труда, чтобы удерживаться на своемъ высокомъ посту и не терять вліянія въ кругу церковныхъ дѣлъ. Но дѣятельность его въ эти годы теряетъ уже свой активный характеръ, и ему приходится лишь въ той или иной формѣ отстаивать сдѣланное нѣкогда волею Петра Великаго. Литературныя занятія Ѳеофана въ это время также ослабѣваютъ, сосредоточиваясь главнымъ образомъ на проповѣдяхъ, но и тутъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, онъ ограничивается лишь общими или самыми безобидными темами. Нельзя сказать даже, чтобы въ эти годы своей жизни Ѳеофанъ сохранилъ полную неприкосновенность своихъ прежнихъ воззрѣній и своего нравственнаго достоинства, какъ дѣятель общественный: онъ спускался даже до лести, напр. императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ проповѣди на воспоминаніе о коронаціи и въ «Словѣ о взятіи города Гданска», произнесенныхъ въ 1734 году; съ другой стороны, въ проповѣди 23 марта 1730 года онъ даетъ злую и насмѣшливую характеристику сосланнаго тогда въ Сибирь Меньшикова, котораго благорасположеніемъ нѣкогда пользовался и которому возносилъ похвалы [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, біографу Ѳеофана приходится пожалѣть, что такая огромная умственная сила тратилась въ этотъ періодъ большею частію безплодно: уже одинъ бѣглый обзоръ множества отписокъ, оправданій и разъясненій Ѳеофана, послѣ которыхъ онъ самъ переходилъ въ наступленіе противъ своихъ враговъ и нерѣдко добивался торжества надъ ними, обнаруживаетъ неистощимую изворотливость ума этого человѣка, бездну энергіи и изумительное трудолюбіе. Немногіе ученые труды его въ это

---

[1]) П. Морозовъ, назв. соч., стр. 244—261.

[2]) Тамъ же, стр. 267—271.

[3]) Тамъ же, стр. 364—370.

время, большею частію неоконченные [1]), положительно теряются въ массѣ такой работы Ѳеофана Прокоповича, которая ничего не прибавляетъ къ дѣйствительной славѣ его имени. Въ это же время Ѳеофанъ иногда обращался и къ стихотворству, по-русски и по-латыни; но эти литературные труды его ограничились лишь переложеніемъ псалмовъ и немногими стихотвореніями на разные случаи жизни [2]).

Какъ человѣкъ преданный просвѣщенію, Ѳеофанъ охотно поддерживалъ дружескія отношенія съ лучшими дѣятелями науки и литературы въ тогдашней Россіи. Обладая обширной, въ своемъ родѣ единственной тогда частной библіотекой по всѣмъ отраслямъ знанія, Ѳеофанъ находился въ тѣсномъ общеніи со многими иностранцами, состоявшими членами только что основанной тогда Академіи Наукъ въ Петербургѣ, особенно съ оріенталистомъ Готлибомъ-Зигфридомъ Байеромъ, который посвятилъ Прокоповичу свой «Museum Sinicum» (1730) и которому, повидимому, принадлежитъ одинъ изъ самыхъ раннихъ біографическихъ трудовъ о Ѳеофанѣ—такъ называемая «Шерерова біографія», напечатанная въ «Nordische Nebenstunden», Th. I. 1776. Изъ русскихъ писателей-современниковъ Прокоповичъ ближе всего стоялъ къ князю А. Д. Кантемиру и В. Н. Татищеву, съ которыми соединяла его не одна любовь къ просвѣщенію и литературѣ, но и сходство общественно-политическихъ воззрѣній. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что оба писателя находились подъ извѣстнымъ вліяніемъ Прокоповича, стоявшаго впереди ихъ по своему возрасту, вліянію и общественнымъ заслугамъ.

Въ сатирахъ Кантемира можно усмотрѣть тѣ же мысли о просвѣщеніи, которыя не разъ высказывалъ и Прокоповичъ. Въ I сатирѣ выводится, между прочимъ, епископъ, презрительно отзывающійся о наукѣ, и въ примѣчаніи къ этому мѣсту говорится, что означенный епископъ имѣетъ много сходства съ Д*, въ помѣщенной тутъ характеристикѣ котораго не трудно узнать врага Ѳеофана, Георгія Дашкова; другія лица этой сатиры, Сильванъ и Критонъ, также высказываютъ мысли, не разъ обличенныя Ѳеофаномъ; наконецъ, общій тонъ этой сатиры, съ жалобами на незавидное положеніе, занимаемое просвѣщеніемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ обычному настроенію Ѳеофана. Послѣдній въ одномъ изъ своихъ посланій писалъ сатирику:

Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно—
Все ненастье;
Нѣтъ и надежды, о многобидно
Мое счастье!..

На это Кантемиръ отвѣчалъ Прокоповичу въ утѣшительномъ смыслѣ, высказывая надежду на скорую и благопріятную перемѣну. Въ свою очередь, Прокоповичъ, въ отвѣтъ на первую сатиру Кантемира, прислалъ

[1]) Н. Чистовичъ, стр. 588—591.

[2]) Тамъ же, стр. 598—602.

ему похвальные стихи, въ которыхъ, побуждая его идти избраннымъ путемъ, говорилъ:

Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый—
Ты и безъ счастья довольно счастливый!

III сатира Кантемира, въ которой изображенія льстеца Трофима и ханжи Варлама напоминаютъ многія мѣста изъ проповѣдей Прокоповича, прямо посвящена авторомъ Ѳеофану. Тутъ мы находимъ слѣдующую характеристику Прокоповича:

Пастырь прилежный, своемъ о стадѣ радѣетъ
Недремно, спасенія сѣмя часто сѣетъ
И растить примѣромъ онъ, такъ какъ словомъ, тщится;
Главный и церкви всея правитель, садится
Не напрасно предъ царемъ; церковныя славы
Пристойный защитникъ онъ, испуренны нравы
Исправляетъ пастырей и хвальный чинъ вводитъ;
Воля намъ Всевышняго ясна ужъ нисходитъ
Изъ его устъ и ведетъ въ истинну дорогу;
Неусыпно черпаетъ въ источникахъ многу
Чистыхъ мудрость; потекутъ оттуду приличны
Намъ струи; труды его безъ конца различны [1]).

Памятникомъ сношеній Прокоповича съ В. Н. Татищевымъ являются со стороны перваго апологія «Пѣсни пѣсней» (сочиненная авторомъ въ 1730 году, но напечатанная гораздо позднѣе: М. 1774), а со стороны второго—его извѣстный «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ», о которомъ онъ говоритъ въ своей «Духовной», что писалъ эту работу отчасти подъ вліяніемъ разговоровъ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и княземъ А. М. Черкасскимъ (между 1733 и 1736 годами).

Мы разсмотрѣли, въ краткихъ чертахъ, литературную и отчасти общественную дѣятельность двухъ выдающихся сподвижниковъ Петра въ дѣлѣ государственнаго и культурнаго строительства Россіи.

Оба эти лица невольно напрашиваются на сравненіе.

И Стефанъ и Ѳеофанъ были учениками одной и той же школы—схоластической: оба сдѣлались въ началѣ искренними, убѣжденными сторонниками реформы, оба обязаны этому своимъ первоначальнымъ возвышеніемъ; наконецъ, оба играли долгое время значительную роль въ дѣлахъ русской церкви и государства. Но на этомъ сходство кончается. И въ умственномъ складѣ, и въ характерѣ, и въ судьбѣ этихъ двухъ лицъ была

[1]) Объ этихъ отношеніяхъ подробнѣе см. у П. Морозова, назв. соч., стр. 376—382.

глубокая разница. Өеофанъ былъ натурой болѣе подвижной, болѣе наклонной къ свѣтскому просвѣщенію. Онъ нападалъ на іезуитскихъ проповѣдниковъ, но въ немъ самомъ была немалая доля ихъ живости, житейской ловкости, смѣлости, настойчивости, даже жестокости,—только качества эти прилагались имъ къ другому полю дѣятельности. Стефанъ былъ, напротивъ, по характеру менѣе подвиженъ, тѣснѣе связанный со стариной. Его сочувствіе Петру вначалѣ было дѣломъ увлеченія самой личностью монарха и честолюбія, тогда какъ у Өеофана это сочувствіе проникало все дѣло преобразованія: вотъ почему онъ оставался вѣрнымъ навсегда разъ принятому направленію.

Отношенія обоихъ этихъ лицъ къ свѣтской наукѣ были глубоко различны. Въ то время, какъ Стефанъ Яворскій смѣялся надъ тѣмъ, что «нѣкоему астроному Копернику приснилося, будто солнце, луна, звѣзды стоятъ, а земля оброчается противо священнымъ писаніямъ», Өеофанъ Прокоповичъ, напротивъ, относился съ уваженіемъ къ открытію Коперника и находилъ, что если ученики Коперника и другіе ученые, защищающіе движеніе земли, могутъ привести въ доказательство своего мнѣнія достовѣрные физическіе и математическіе доводы, то тексты Св. Писанія, въ которыхъ говорится о движеніи солнца, не могутъ служить для нихъ препятствіемъ, ибо эти тексты слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а въ аллегорическомъ смыслѣ; онъ высказалъ также свое высокое уваженіе къ Галилею. Вообще Өеофанъ не любилъ схоластики, вѣрилъ въ новую богословскую науку, шедшую отъ лютеранскихъ богослововъ; цѣнилъ выгоды свѣтскаго просвѣщенія. Стефанъ былъ чуждъ этому настроенію и считалъ ересью уклоненіе отъ старыхъ путей, будучи самъ по убѣжденіямъ на половину православнымъ, на половину католикомъ. У Стефана преобладала догматика, у Өеофана—критика; первый былъ болѣе консерваторъ, второй искалъ, напротивъ, вездѣ новыхъ путей. Въ то время какъ Стефанъ, согласно старымъ традиціямъ, замыкалъ богословскіе вопросы въ тѣсный кругъ спеціальнаго о нихъ вѣдѣнія, Өеофанъ стремился дать имъ свободный ходъ въ народной средѣ: для этого онъ сочинялъ популярно изложенные «Разговоры», гдѣ, въ доступной для простого читателя формѣ, разсматривались вопросы православнаго вѣроученія и церковно-религіознаго просвѣщенія.

Не впадая въ преувеличеніе, можно сказать, что въ литературной сферѣ Өеофанъ Прокоповичъ напоминаетъ Петра Великаго въ сферѣ государственной: та же многосторонность, разнообразіе, неисчерпаемая энергія, непреклонность воззрѣній, стремленіе къ ломкѣ стараго и къ построенію на его развалинахъ новаго, величайшая умственная и вообще духовная подвижность. Только, разумѣется, Өеофанъ не обладалъ геніальностью Петра; будучи очень даровитымъ пособникомъ преобразователя, онъ былъ въ значительной степени его созданіемъ.

Въ этой глубокой разницѣ между Стефаномъ и Өеофаномъ, какъ дѣятелями-современниками въ эпоху Петра Великаго, какъ бы наглядно обозначалось старое и новое русской жизни, столкновеніе этихъ элементовъ въ борьбѣ за будущее и судьба этого будущаго, поскольку она выразилась въ личной судьбѣ обоихъ антагонистовъ.

7.

Публицистика Петровской эпохи.—И. Т. Посошковъ; его жизнь и характеристика личности.—Литературная дѣятельность Посошкова и судьба его сочиненій.—«Завѣщаніе отеческое».—«Книга о скудости и богатствѣ».—В. Н. Татищевъ; свѣдѣнія о его жизни.—«Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ».—«Духовная».—Воззрѣнія Т. на современный ему русскій языкъ.—Точки соприкосновенія Татищева съ Посошковымъ.

Публицистическія стремленія литературы Петровскаго времени далеко не ограничивались отдѣльными проявленіями въ дѣятельности Стефана Яворскаго и Өеофана Прокоповича, указанными выше переводами, зачатками періодической прессы или намеками и тенденціями въ области драмы: они захватывали въ свой кругъ и такихъ дѣятелей этой эпохи, которые въ своихъ литературныхъ трудахъ посвящали себя главнымъ образомъ разработкѣ вопросовъ современной общественности. Въ значительной степени новой чертой ихъ дѣятельности, сравнительно съ прежнимъ временемъ (XVI и XVII вв.), является то, что, рядомъ съ интересами религіозными, политическими и моральными, ими выдвигаются и другіе—экономическое устройство русской жизни и свѣтское просвѣщеніе наряду съ духовнымъ. Самыми характерными фигурами изъ среды этихъ писателей являются И. Т. Посошковъ и В. Н. Татищевъ, хотя литературные труды послѣдняго, всецѣло будучи подготовлены условіями эпохи Петра Великаго, относятся уже къ двумъ послѣдовавшимъ за ней десятилѣтіямъ.

И. Т. Посошковъ—происходилъ изъ простой крестьянской среды и былъ оброчнымъ крестьяниномъ села Покровскаго, составляющаго въ настоящее время часть Москвы; родился, по наиболѣе вѣроятному предположенію, въ 1652 или 1653 году. Село Покровское, бывшее мѣстомъ рожденія Посошкова, служило при Михаилѣ Өеодоровичѣ мѣстомъ лѣтняго пребыванія царской семьи; тутъ былъ построенъ загородный дворецъ, велось обширное хозяйсcво и садъ, поддерживаемые и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, который любилъ во время своихъ поѣздокъ на соколиную охоту располагать здѣсь «охотничій станъ» и иногда слушать въ мѣстной церкви Покрова всенощныя и обѣдни. Изъ этого видно, что дѣтскіе годы будущаго сочинителя «Книги о скудости и богатствѣ» проходили не въ глухой и безлюдной обстановкѣ, а напротивъ—при возможности видѣть многихъ людей разныхъ положеній, между прочимъ рабочихъ и ремесленниковъ Государева двора, набиравшихся изъ села Покровскаго, которое, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ 1680—1681 годовъ, было «вѣдомо въ Мастерской палатѣ». Мы ничего не знаемъ положительнаго о годахъ ученья Посошкова; можно навѣрное сказать что систематическаго ученья и не было. Благочестіе семьи, нѣкоторые члены которой придерживались даже «старой вѣры», случайное знакомство съ церковными книгами и Грамматикой Мелетія Смотрицкаго, но главнымъ образомъ природная любознательность—вотъ тѣ начала, изъ которыхъ сложилась потомъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, обширная начитанность Посошкова. Самъ онъ позднѣе, въ своихъ сочиненіяхъ, не разъ говоритъ о себѣ, что «ученію школьному не искусенъ», но это не помѣшало ему занять

одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди русскихъ «самоучекъ», прославившихъ потомъ свое имя въ литературѣ. Дѣйствительной школой для Посошкова была сама жизнь и обширный житейскій, нерѣдко горькій, опытъ, который онъ съ удивительной послѣдовательностью обращалъ себѣ на пользу. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ недюжинныя по тому времени свѣдѣнія въ исторіи, географіи, математикѣ. Имѣя смолоду способность къ разнаго рода механическимъ занятіямъ, Посошковъ могъ примѣнять и развивать ее въ той ремесленно-рабочей атмосферѣ, въ которой жили покровскіе крестьяне, призываемые для работъ на Государевъ дворъ; весьма вѣроятно, что ходилъ туда и отецъ Посошкова или кто-нибудь изъ ихъ семьи, а за ними бѣгалъ и самъ онъ, будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Позднѣе и тутъ Посошковъ значительно расширилъ свои познанія, пріобрѣтши теоретическія свѣдѣнія и навыкъ въ рисованіи, гравированіи, столярномъ ремеслѣ, оружейномъ дѣлѣ, распознаваніи лѣкарственныхъ травъ, монетномъ и винокуренномъ производствѣ. Всѣ эти какъ общія, такъ и спеціальныя познанія послужили потомъ ему матеріаломъ къ нѣкоторымъ его сочиненіямъ и поводомъ къ разнымъ обстоятельствамъ жизни. Основной чертой Посошкова была его замѣчательная практичность, помогавшая ему, при скудныхъ средствахъ, путемъ настойчивости, вдумчивости и неустаннаго трудолюбія, добиваться значительныхъ результатовъ; ни одной стороны своихъ природныхъ дарованій онъ не оставилъ безъ полезнаго употребленія въ литературномъ или практическомъ смыслѣ. Къ юнымъ годамъ жизни Посошкова относится и усвоеніе имъ того нравственно-религіознаго настроенія, въ силу котораго онъ впослѣдствіи не только «передъ Богомъ трепетенъ былъ», но и внесъ это настроеніе въ свои литературные труды. Въ совокупности этихъ условій, Посошковъ уже въ юные годы представляется намъ примѣромъ замѣчательной духовной цѣльности, явившейся продуктомъ старыхъ условій жизни и вмѣстѣ той гибкости, которая дала ему возможность стать на уровнѣ требованій новой эпохи.

Нельзя съ точностью опредѣлить, когда вступилъ Посошковъ въ самостоятельную жизнь, но можно полагать, что еще до 1692 года онъ принималъ на себя поставку вина на казенные кружечные дворы. Поиски прибыльнаго дѣла вовлекли его въ немалые разъѣзды по Россіи: побывалъ онъ въ степяхъ и на Волгѣ, посѣтилъ нѣкоторые города, напр. Пензу, Мценскъ, а главное—приглядывался къ разнымъ сторонамъ русской жизни и природы, совершенно неизвѣстной тогда со стороны ея экономическихъ богатствъ. Между полезными «вымыслами» Посошкова, явившимися результатомъ какъ этихъ, такъ и позднѣйшихъ наблюденій и поѣздокъ, была находка сѣры, чрезвычайно нужной тогда для военныхъ цѣлей и покупаемой за дорогую цѣну у иностранцевъ; Посошковъ передалъ черезъ князя Б. А. Голицына найденный имъ источникъ этого вещества въ пользу государства: «аще я за таковое дѣло великое—писалъ онъ впослѣдствіи—и ничѣмъ не взысканъ, обаче слава Богу, что военное дѣло управилось». Въ 1692—1709 г.г. Посошковъ является постояннымъ жителемъ Москвы и отчасти с. Покровскаго. Въ это время онъ состоялъ на казенной службѣ—то на монетномъ дворѣ, то на аптекарскомъ, то на винокуренномъ заводѣ. Затѣялъ онъ было и свое дѣло—фабрикацію игральныхъ картъ,

такъ какъ прежнія фигуры на картахъ казались ему поруганіемъ надъ святыней, но оно не пошло и вскорѣ было оставлено. Бралъ онъ на себя также и частные заказы, и одинъ изъ нихъ вовлекъ его въ весьма непріятное дѣло. Строитель Московскаго Андреевскаго монастыря Авраамій предложилъ Посошкову сдѣлать модель станка для чеканки денегъ, въ подносъ царю; у Авраамія собирались «друзья-хлѣбоядцы» и толковали о разныхъ предметахъ, доходя до осужденія царскихъ военныхъ «потѣхъ»; не довольствуясь этимъ, Авраамій изложилъ разговоры въ «тетради» и въ концѣ 1696 года подалъ ихъ царю; началось дѣло, къ которому привлечены были и бывавшіе у Авраамія братья Романъ и Иванъ Посошковы, но вскорѣ ихъ невиновность была обнаружена, Авраамій же вмѣстѣ съ другими былъ довольно сурово наказанъ. Въ началѣ 1697 года Посошковъ имѣлъ случай представиться Петру Великому, передъ отъѣздомъ послѣдняго заграницу, и бесѣдовалъ съ нимъ о нѣкоторыхъ техническихъ приспособленіяхъ по военному дѣлу: ясно, что къ этому времени онъ уже былъ личностью довольно извѣстной. Въ 1701 году Посошковъ выступилъ и въ качествѣ писателя, представивъ боярину Ѳ. А. Головину проектъ «о ратномъ поведеніи»[1]); здѣсь особенно возставалъ онъ противъ обычной тогда въ военной практикѣ стрѣльбы залпами и настаивалъ на необходимости обучать каждаго солдата мѣткой стрѣльбѣ въ цѣль; но проектъ этотъ не имѣлъ успѣха и нашелъ себѣ оцѣнку лишь гораздо позднѣе, какъ идея весьма замѣчательная и оригинальная. Вскорѣ затѣмъ, въ 1704—1707 годахъ Посошковъ представилъ Стефану Яворскому три проекта [2]), касавшіеся вопросовъ духовнаго просвѣщенія Россіи (изданіе катехизическихъ книжекъ съ общедоступнымъ изложеніемъ правилъ вѣры и нравственности; основаніе школъ и академіи въ Москвѣ [3]); необходимость принять мѣры противъ распространенія раскола). Въ тѣсной связи съ третьимъ изъ этихъ проектовъ шла у Посошкова работа надъ большимъ сочиненіемъ «Зеркало Очевидное» [4]), въ видѣ полемическаго трактата противъ раскольниковъ и лютеранства. Въ это сочиненіе Посошковъ вложилъ большой запасъ своей богословской начитанности и результаты личнаго ознакомленія съ доводами раскольниковъ путемъ непосредственныхъ съ ними сношеній. «Зеркало Очевидное» написано было въ 1708 году и вскорѣ же обратило на себя вниманіе Димитрія Ростовскаго, который только что

---

[1]) Напечатанъ первоначально отдѣльно Ѳ. Розановымъ: М. 1793; потомъ М. П. Погодинымъ въ «Сочиненіяхъ Ивана Посошкова», I (М. 1842), стр. 261—292, и С. А. Бѣлокуровымъ: Матеріалы для русской исторіи. М. 1888, стр. 522—530.

[2]) Всѣ три напечатаны В. И. Срезневскимъ въ Изв. II Отд. А. Н. Т. IV. 1899, кн. 4, стр. 1411—1457.

[3]) Ср. А. Куникъ. Извѣстіе о неизданныхъ сочиненіяхъ Ивана Посошкова. Записки Импер. Академіи Наукъ. V, кн. 1. Спб. 1864, стр. 63—64.

[4]) Имѣется въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ сокращенная напечатана у Погодина: Соч. И. Посошкова, II (М. 1863), стр. 1—273, а изъ полной опубликованы лишь первыя 14 главъ (изъ 23) проф. А. Царевскимъ: Зеркало Очевидное. И. Т. Посошкова. Редакція полная, по рукописному списку, хранящемуся въ Библіотекѣ Казанской Духовной Академіи. В. I. Казань 1895 (на внѣшней обложкѣ: 1898).

передъ тѣмъ закончилъ свой знаменитый «Розыскъ о раскольничьей брынской вѣрѣ». Есть не лишенное вѣроятности предположеніе [1]), что Димитрій, желая дать распространеніе труду Посошкова, сократилъ его въ первой части, кое-что измѣнивши, и выпустилъ совсѣмъ вторую, касающуюся лютеранства, и такимъ образомъ получилась вторая редакція, опубликованная Погодинымъ, тогда какъ первая, полная, до сихъ поръ цѣликомъ не напечатана [2]). Отношеніе свое къ «Зеркалу» Посошкова авторъ «Розыска» выразилъ еще и посвященными ему похвальными стихами и сочувственнымъ письмомъ къ автору, когда узналъ спачала неизвѣстное ему имя автора этого произведенія. Съ 1710 года наступаетъ новый періодъ въ жизни Посошкова, когда онъ покидаетъ Москву и переселяется въ Новгородъ, въ должности «водочнаго мастера изъ жалованья» отъ казны; вмѣстѣ съ этимъ онъ ведетъ торговлю и разныя дѣла, посѣщая для этого нерѣдко Петербургъ.

Матеріальное благосостояніе его въ эти годы поднялось настолько, что онъ могъ купить въ Петербургѣ домъ, три деревни въ Новгородскомъ краѣ и два двора въ самомъ Новгородѣ. Въ этомъ городѣ онъ былъ человѣкомъ весьма замѣтнымъ, находился въ сношеніяхъ со многими извѣстными лицами и, между прочимъ, съ Новгородскимъ митрополитомъ Іоной, которому и поднесъ нѣкоторыя свои сочиненія (Записки Стефану Яворскому и «Зеркало Очевидное») и который, въ свою очередь, не разъ писалъ о немъ къ вліятельнымъ лицамъ въ Петербургѣ, напр. вице-губернатору Я. Н. Корсакову и князю Я. Ѳ. Долгорукову. Среди этихъ занятій Посошковъ нашелъ въ Новгородѣ время и возможность написать два главныхъ своихъ труда: въ 1712—1718 годахъ имъ было составлено «Завѣщеніе Отеческое», а въ февралѣ 1724 года онъ окончилъ свой знаменитый трактатъ «О скудости и богатствѣ»; оба эти сочиненія и составляютъ главное право Посошкова занимать видное мѣсто среди писателей времени Петра Великаго. Послѣдній годъ жизни Посошкова былъ омраченъ чрезвычайно неблагопріятнымъ поворотомъ его судьбы, надломившимъ его физическія силы и, безъ сомнѣнія, приблизившимъ его къ могилѣ. Лѣтомъ 1725 года Посошковъ, замышляя основать въ Новгородѣ полотняную фабрику, ѣздилъ хлопотать объ этомъ въ Петербургъ. Въ это время ему было уже слишкомъ семьдесятъ лѣтъ; были у него друзья, но было также немало враговъ и завистниковъ. «Любители неправды» изъ числа послѣднихъ воспользовались книгой Посошкова «О скудости и богатствѣ», въ представленіи которой къ царю авторъ не даромъ просилъ, чтобъ имя его «сокровенно отъ сильныхъ лицъ было»: во всякомъ случаѣ, во время своей побывки въ Петербургѣ, Посошковъ 26 августа 1725 года былъ взятъ подъ караулъ въ Канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, и въ домѣ у него произведенъ строгій обыскъ, «понеже—говоритъ современный документъ—онъ явился въ важной криминальной винѣ». Вина эта, насколько извѣстно, не

[1]) Е. М. Прилежаевъ. Завѣщаніе Отеческое, сочиненіе И. Т. Посошкова. Спб. 1893, стр. LXXXVIII—XC.

[2]) Характеристика этой редакціи имѣется у А. Царевскаго: Посошковъ и его сочиненія. М. 1883, стр. 123—141. 159—186.

была точно формулирована, и надо полагать, что поводомъ къ ея признанію послужили нѣкоторыя критическія сужденія Посошкова въ названномъ его политико-экономическомъ трактатѣ. Посаженный въ тюрьму, Посошковъ томился тамъ болѣе пяти мѣсяцевъ и, не дождавшись суда, скончался узникомъ 1 февраля 1726 года; погребенъ былъ близъ церкви св. Симеона Богопріимца, что на Выборгской сторонѣ, гдѣ Тайная Канцелярія хоронила и другихъ своихъ «колодниковъ».

Ни одно изъ сочиненій Посошкова не было напечатано при жизни автора, хотя, напр., относительно «Зеркала Очевиднаго» Димитрій Ростовскій въ одномъ частномъ письмѣ (къ о. Өеологу) и высказывался, что «книжица та достойна въ свѣтъ произвестися»; но для появленія такихъ сочиненій въ печати, если они не были написаны по спеціальному заказу духовной или свѣтской власти, очередь въ ту пору доходила не скоро, и даже «Розыскъ» самого Димитрія былъ напечатанъ гораздо позднѣе. Литературные же труды Посошкова отличаются тѣмъ, что носятъ на себя печать личной инициативы автора, смолоду усвоившаго себѣ ту «презѣльную горячесть» къ добру и правдѣ, въ силу которой ему казалось «лучше какую-либо пакость понести-нежели, видя что не полезно, умолчати». Большая часть сочиненій Посош. кова имѣетъ характеръ проектовъ разныхъ преобразованій, и, будучи представлены властямъ, сочиненія эти далеко не всегда встрѣчали должное вниманіе; скорѣе они могли вызывать зависть и нерасположеніе. Печальная судьба Посошкова, съ репутаціей политическаго преступника, не могла содѣйствовать популярности его авторскаго имени и въ первыя десятилѣтія послѣ его смерти. И тѣмъ не менѣе, уже въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка нѣкоторыя сочиненія Посошкова (Книга о скудости и богатствѣ, Записки Стефану Яворскому) переписываются для Академіи Наукъ по заказу ея членовъ; позднѣе они ходили по рукамъ въ рукописи, и проф. А. Г. Брикнеръ предполагалъ даже, что они имѣли нѣкоторое вліяніе на современниковъ императрицы Елизаветы и Екатерины II. Въ печать сочиненія Посошкова стали проникать весьма поздно, когда самая личность автора и судьба его были совсѣмъ забыты, и отношеніе къ его трудамъ получило историческій характеръ: въ 1793 году напечатана была его записка «о ратномъ поведеніи», въ 1815 году— одна изъ записокъ къ Стефану Яворскому, а въ 1842—1863 годахъ положено было М. П. Погодинымъ солидное начало историческому изученію Посошкова изданіемъ и переизданіемъ нѣкоторыхъ его сочиненій, между прочимъ и «Книги о скудости и богатствѣ». Съ того времени работы по изданію въ свѣтъ и изученію старыхъ и новыхъ произведеній Посошкова продолжались весьма энергично, все болѣе и болѣе выясняя жизнь и дѣятельность этого замѣчательнаго литературнаго дѣятеля эпохи преобразованій [1]).

Остановимся на двухъ сочиненіяхъ Посошкова—«Завѣщаніи Отеческомъ» и «Книгѣ о скудости и богатствѣ».

---

[1]) Все важнѣйшее изъ литературы о Посошковѣ указано въ трудѣ Е. М. Прилежаева, стр. LXIV—XCVII; къ сказанному тутъ можно присоединить еще упомянутое изданіе В. И. Срезневскаго «Сборникъ писемъ И. Т. Посошкова», вышедшее и отдѣльно: Спб. 1900.

«Завѣщаніе Отеческое» впервые сдѣлалось извѣстнымъ въ печати въ 1873 году въ изданіи А. П. Попова[1]), но лишь въ объемѣ первыхъ шести главъ; остальныя же три главы, съ нѣкоторыми дополненіями ко всему сочиненію, были найдены двадцать лѣтъ позднѣе и напечатаны, вмѣстѣ съ шестью первыми, Е. М. Прилежаевымъ[2]). Ближайшимъ поводомъ къ сочиненію «Завѣщанія», какъ это видно изъ приложеннаго въ концѣ «предисловія читателемъ», было желаніе 67-лѣтняго автора дать наставленіе своему семилѣтнему сыну, какъ ему «жить въ законѣ Божіи» и «во гражданствѣ пребывати»; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первой главѣ «Книги о скудости и богатствѣ» Посошковъ указываетъ и на болѣе широкую роль «Завѣщанія»: своими подробными наставленіями объ иночествѣ и духовенствѣ оно должно много послужить «ко исправленію священническаго бытія»; отсюда же видно, что Посошковъ кому-то представилъ свое «Завѣщаніе» на просмотръ, съ цѣлью его напечатанія, но результатъ этого просмотра неизвѣстенъ, и книга въ свое время не была напечатана. «Завѣщаніе Отеческое» примыкаетъ къ числу тѣхъ сочиненій, о которыхъ уже приходилось упоминать по поводу Поученія Владиміра Мономаха и Домостроя: оно заключаетъ въ себѣ результатъ житейскаго опыта, наблюденій и размышленій автора, изложенный въ извѣстной системѣ. Планъ сочиненія очень обширенъ и имѣетъ въ виду охватить всѣ мыслимыя тогда (въ началѣ XVIII в.) формы жизни домашней и общественной. Послѣ «предрѣчія», въ которомъ авторъ указываетъ на необходимость твердо стоять въ православной вѣрѣ, идетъ изложеніе девяти главъ. Первыя двѣ (1. О отроческомъ житіи, 2. О брачномъ житіи) посвящены какъ бы подготовленію къ жизни; послѣдующія четыре разсматриваютъ мірскую жизнь, при чемъ двѣ главы (3. О началѣ мірского житія, 4. О мірскомъ житіи и молитвѣ) имѣютъ въ виду личныя наставленія, и другія двѣ (5. О гражданскомъ житіи, 6. О приказныхъ порядкахъ) касаются общественныхъ отношеній; наконецъ, послѣднія три главы (7. О житіи церковнаго причта, 8. О иноческомъ житіи, 9. О архіерействѣ) посвящены разсмотрѣнію жизни духовнаго сословія. Къ «Завѣщанію» приложенъ родъ «ключа» къ библейскимъ книгамъ, съ нравоучительными цитатами; къ послѣднимъ прибавлены и нѣкоторыя собственныя поясненія и указанія автора.

Имѣя прежде всего въ виду наставленіе своему малолѣтнему сыну, Посошковъ даетъ совѣты, какъ вести себя отроку и юношѣ: тутъ на первомъ планѣ «книжное наученіе» и цѣломудріе, затѣмъ—христіанская кротость, миролюбіе, услужливость, сдержанность въ словахъ и поступкахъ. Много вниманія удѣляется выбору невѣсты и браку: невѣста не должна быть выбрана лишь ради ея знатности или богатства; не слѣдуетъ устраивать унизительныя для нея «смотрины», прибѣгать къ «волхвамъ, шептунамъ и другимъ дьявольскимъ чаровникамъ», а нужно уповать лишь на Бога. Брач-

[1]) Завѣщаніе Отеческое къ сыну. Сочиненіе Ивана Посошкова. Открыто и издано Андреемъ Поповымъ. М. 1873.

[2]) Завѣщаніе Отеческое. Сочиненіе И. Т. Посошкова. Новое изданіе, дополненное вновь открытою второю половиною завѣщанія. Спб. 1893.

ная жизнь—не «лакомство блудное»; она должна быть основана на взаимномъ уваженіи и цѣломудріи, имѣя главной цѣлью рожденіе здоровыхъ дѣтей. Когда дѣти появятся и подрастутъ, то имъ надо внушать прежде всего «страхъ Божій» и повиновеніе родителямъ, при чемъ должны быть устранены всякаго рода излишнія лакомства, наряды и праздность, а вмѣсто ихъ—внушаемы ребенку простота, терпѣніе и трудъ; въ случаѣ необходимости, рекомендуются и тѣлесныя наказанія. Говоря объ устройствѣ домашней жизни, Посошковъ предостерегаетъ отъ «питія пьянственнаго» и неумѣренности въ ѣдѣ. Много мѣста отдано выясненію отношеній къ духовному отцу, необходимости сознательной религіозной жизни и самоуглубленія, чуждаго какъ «самоумничества», такъ и нравственной безпечности; давая подробныя наставленія о молитвѣ дома и въ храмѣ, авторъ настаиваетъ на томъ, чтобы эти дѣйствія не были пустой обрядностью, но «дабы и духъ совокупно съ умомъ и языкомъ молился». Дорожа православными обычаями старины, Посошковъ предостерегаетъ въ особенности отъ иноземческихъ религіозныхъ заблужденій, отъ «лютерскихъ» мнѣній и умствованій. Въ правилахъ о «гражданскомъ житіи» Посошковъ считаетъ необходимой обязанностью человѣка соблюдать уваженіе къ чужой личности и собственности, добросовѣстное и ревностное исполненіе гражданскихъ обязанностей, правдивость и серьезность. Авторъ чрезвычайно подробно останавливается на томъ, какъ долженъ жить его сынъ, если ему придется быть чернорабочимъ, ремесленникомъ, купцомъ, солдатомъ, крестьяниномъ и даже нищимъ; особо разсмотрѣны обязанности старшаго и младшаго подъячаго въ приказѣ и судей; при этомъ попутно разбираются самыя разнообразныя отношенія этихъ сословій къ другимъ, и можно сказать, что нигдѣ житейскій практицизмъ Посошкова не достигъ болѣе осязательнаго выраженія, какъ именно въ этихъ подробнѣйшихъ наставленіяхъ [1]).

Весьма видное мѣсто въ «Завѣщаніи» занимаютъ наставленія, посвященныя духовенству и монашеству. Въ дьячкахъ, помимо собственно церковныхъ ихъ обязанностей, Посошковъ усматриваетъ самыхъ подходящихъ учителей первоначальной грамоты, что можетъ увеличить и скудный служебный доходъ ихъ. Отъ вступающаго въ пресвитеры онъ требуетъ истиннаго призванія трудиться «ради прибытка Божія» и не ограничивать свои обязанности священнослуженіемъ и проповѣдью, а простирать ихъ и на усердное «пастырское назиданіе» прихожанъ. Что касается въ частности проповѣди, то Посошковъ совѣтуетъ избѣгать современныхъ хитросплетенныхъ проповѣдей съ «ѳемами да съ нарраціями», а говорить лишь «по естественному разуму», просто и доступно для слушателей. Въ иночествѣ, куда естественно перейти вдовому священнику, Посошковъ считаетъ необходимымъ исполненіе самыхъ строгихъ правилъ общежитія, а игуменамъ и архимандритамъ ставитъ въ примѣръ подражанія Ѳеодосія Печерскаго и Сергія Радонежскаго; но вмѣстѣ съ этимъ онъ не оставляетъ безъ вниманія и экономическихъ нуждъ монастырей, давая подроб-

---

[1]) По изд. Е. Прилежаева, стр. 145—206.

ныя наставленія объ устройствѣ, въ хозяйственномъ отношеніи, монастырскихъ селъ и деревень. Главнѣйшую обязанность архіерея Посошковъ усматриваетъ въ надзорѣ за всестороннимъ просвѣщеніемъ духовенства порученной епархіи и въ заботахъ за общимъ «насажденіемъ добрыхъ нравовъ»; онъ указываетъ на необходимость устройства особыхъ школъ для подготовки хорошихъ пресвитеровъ-проповѣдниковъ и вообще пастырей церкви; онъ рекомендуетъ также епископу стоять за права и честь приходскаго духовенства, защищая его отъ несправедливостей и произвола приказнаго архіерейскаго суда. Особое вниманіе архіерея должно быть обращено на розыскъ тайныхъ раскольниковъ, при чемъ принесшіе покаяніе должны быть отданы на руки приходскимъ священникамъ, а упорные въ своемъ заблужденіи— гражданской власти для безпощаднаго наказанія. Наконецъ, Посошковъ указываетъ епископу и еще одно поле дѣятельности—распространеніе православной вѣры среди русскихъ инородцевъ, при чемъ пользуется своимъ знаніемъ Россіи въ этнографическомъ отношеніи и возбуждаетъ новый въ ту пору вопросъ о переводѣ на инородческіе языки необходимыхъ для миссіонерства книгъ. Касаясь общаго поведенія епископа, Посошковъ совѣтуетъ ему быть «смиреннымъ» не только на письмѣ, но и во всей своей жизни и поступкахъ. Въ эти части наставленій Посошкова, посвященныя духовенству, вошли, иногда въ буквальномъ повтореніи, нѣкоторыя изъ тѣхъ мыслей, которыя уже высказаны имъ были въ запискахъ Стефану Яворскому, напр. о заботахъ священника касательно своихъ духовныхъ дѣтей, объ учрежденіи епархіальныхъ школъ для пресвитеровъ, о дѣйствіяхъ противъ раскольниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыя разсужденія по этому послѣднему вопросу напоминаютъ «Зеркало Очевидное». Съ другой стороны, кое-какія изъ указаній «Завѣщанія Отеческаго» были повторены и развиты потомъ авторомъ въ его «Книгѣ о скудости и богатствѣ», напр. объ учительской дѣятельности церковныхъ дьячковъ, о роскошной жизни монашества, объ испытаніяхъ архіереями кандидатовъ на пресвитерскія должности и т. п. [1]). Интересно отмѣтить здѣсь, что нѣкоторыя мысли и указанія Посошкова (напримѣръ, о небрежномъ совершеніи церковной службы, о монашествѣ, объ архіереяхъ) весьма сходны по содержанію съ отдѣльными мѣстами «Духовнаго Регламента», возникшаго двумя годами позже Посошковскаго «Завѣщанія»; въ этомъ можно видѣть ясное доказательство того, что авторъ послѣдняго вполнѣ стоялъ въ курсѣ вопросовъ, о которыхъ говорилъ, относительно духовенства и иночества и раздѣлялъ на нихъ точку зрѣнія сторонниковъ реформы.

Таково содержаніе «Завѣщанія». Какъ можно видѣть изъ краткаго его обозрѣнія, сочиненіе это въ своей основѣ является осуществленіемъ мысли автора начертать образецъ поведенія русскаго человѣка его времени во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ жизни. Но, рядомъ съ этимъ, Посошковъ, какъ человѣкъ хорошо знавшій жизнь, иногда пользуется для той же цѣли и изображеніемъ отрицательныхъ явленій дѣйствительности. Въ виду

---

[1]) Прилежаевъ, назв. изд., стр. XIX—XXV.

этого, литературное значенiе «Завѣщанiя» расширяется: оно даетъ намъ возможность судить не только о томъ, что люди мiровоззрѣнiя Посошкова считали желательнымъ, но отчасти и о томъ, что препятствовало осуществленiю этихъ пожеланiй. Въ совокупности этихъ данныхъ «Завѣщанiе»—по словамъ одного изслѣдователя—«представляется рѣдкостнымъ и въ высшей степени дорогимъ памятникомъ, въ которомъ мы знакомимся съ этой умѣренною, среднею партiею петровскаго общества, съ людьми, воспитавшимися на Домостроѣ, но разумно, сознательно отнесшимися и къ новымъ условiямъ и требованiямъ, знакомимся съ воззрѣнiями и идеалами здравомыслящаго древне-русскаго человѣка-простолюдина въ высоко интересный моментъ его исторической жизни» [1]).

«Книга о скудости и богатствѣ», являясь послѣднимъ литературнымъ трудомъ Посошкова, представляетъ собою результатъ не только значительной литературной опытности автора, но и его богатой наблюдательности и вдумчивости въ явленiя жизни. Содержанiе ея всецѣло вращается въ области вопросовъ государственныхъ и общественныхъ и, такимъ образомъ, дополняетъ «Завѣщанiе Отеческое», имѣвшее цѣлью дать прежде всего совѣты съ точки зрѣнiя интересовъ отдѣльной личности. Сообразно съ этимъ характеромъ своего содержанiя, «Книга о скудости и богатствѣ» имѣла цѣлью содѣйствовать разрѣшенiю важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики государства, для чего и была представлена царю; она является проектомъ всесторонняго преобразованiя Россiи. Планъ книги нѣсколько напоминаетъ «Завѣщанiе»: тутъ также имѣется вступленiе, девять главъ и заключительная часть въ видѣ обращенiя къ царю Петру. Во вступленiи авторъ выражаетъ прежде всего ту мысль, что обязанность каждаго гражданина—заботиться о «всенародномъ обогащенiи», а послѣднее заключается не въ лежащихъ въ казнѣ деньгахъ или въ «златотканныхъ одеждахъ» царскаго синклита, а въ томъ, чтобы «весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы». Главной основой такого богатства государства онъ считаетъ господствующую въ немъ «истинную правду», подъ которой онъ разумѣетъ не одно лишь правосудiе, но и болѣе общiя основанiя жизни—и прежде всего религiю и нравственную крѣпость каждаго отдѣльнаго лица и всего общества. Излагая далѣе свой взглядъ на разныя стороны общественной и государственной жизни, авторъ указываетъ сначала на фактическое положенiе дѣла, высказываетъ свое мнѣнiе о причинахъ отмѣченныхъ недостатковъ и затѣмъ предлагаетъ проектъ ихъ исправленiя.

Первая глава посвящена духовенству [2]). Печальная характеристика городского и свѣтскаго духовнаго сословiя, данная авторомъ въ «Завѣщанiи Отеческомъ», получила здѣсь новое развитiе: невѣжество, пьянство, полная матерiальная необезпеченность и потому—отсутствiе всякой возможности влiять на паству. Средствами поднять духовенство на надлежащую

---

[1]) А. Царевскiй. Посошковъ и его сочиненiя, стр. 209.

[2]) По изданiю М. Погодина: Сочиненiя Ивана Посошкова. I. М. 1842, стр. 9—31.

высоту авторъ считаетъ устройство епархіальныхъ школъ для подготовки пресвитеровъ, обезпеченіе ихъ десятой долей «какъ изъ хлѣба, такъ изъ мяса и изъ винъ (въ другомъ спискѣ: изъ яицъ) и съ прочаго харчу»: только тогда можно будетъ требовать отъ нихъ быть истинными служителями олтаря и наставниками паствы. Вторая глава разсуждаетъ «О воинскихъ дѣлахъ» (стр. 32—44). Считая воинство «стѣной и твердымъ забраломъ царства», авторъ указываетъ на многіе недостатки въ его устройствѣ: матеріальная скудость, распущенность, необученность въ своемъ дѣлѣ. Солдату иногда живется такъ худо, что «не желаетъ непріятеля убить, но самъ убіенъ быти, дабы ему вмѣсто здѣшнія нужды тамо каковое-либо упокоеніе за принятіе смерти своея пріяти». Тутъ Посошковъ повторяетъ выраженную имъ еще въ 1701 году мысль о необходимости обучать солдатъ мѣткой стрѣльбѣ въ цѣль; кромѣ того, онъ совѣтуетъ обезпечить солдатъ, «дабы они пищею и одеждою были не скудны», и позаботиться объ устройствѣ такого суда, который былъ бы одинаково доступенъ солдату и генералу «безъ понаровки». Вопросу объ общемъ судѣ цѣликомъ посвящена третья глава (стр. 45—111). Авторъ рисуетъ печальную картину русскаго правосудія, въ которомъ господствуютъ волокита, произволъ, пристрастіе и подкупъ; отсутствіе праваго суда обезсиливаетъ народную жизнь. Думая о мѣрахъ къ устройству правосудія, Посошковъ прямо говоритъ: «мой умъ не постигаетъ сего, какъ бы прямое правосудіе устроити»; однако въ дальнѣйшемъ изложеніи предлагаетъ судьямъ совѣты, какъ избѣгать неправды: говоритъ о порядкѣ допросовъ, объ установленіи срока рѣшенія дѣлъ, о наблюденіи надъ колодниками и прочее. Независимо отъ этого, Посошковъ высказываетъ мысль о пересмотрѣ старыхъ законовъ и сочиненіи новаго уложенія, при чемъ въ этомъ дѣлѣ долженъ принять участіе «весь народъ», высказавъ свое мнѣніе «самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ изложеніи какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣльцамъ обиды и утѣсненія отъ недознанія коегождо ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было».

Въ четвертой главѣ рѣчь идетъ о купечествѣ и о торговлѣ (стр. 112—139). Посошковъ очень высоко ставитъ роль купеческаго сословія въ государствѣ: «безъ купечества никаковое не томко великое, но и малое царство стоять не можетъ»; поэтому, онъ требуетъ отъ правительства «неоскуднаго попеченія» о купечествѣ, предлагаетъ выдѣлить его въ особую группу, подобно воинству, дворянству, духовенству и т. д., и упорядочить его дѣятельность извѣстными законодательными нормами. Такъ какъ въ тогдашней русской торговлѣ большую роль играли иностранцы, то Посошковъ много вниманія посвящаетъ и ихъ дѣятельности; отдавая должное ихъ предпріимчивости, онъ отмѣчаетъ ихъ жадность къ наживѣ, упрямство и презрительное отношеніе къ русскимъ; онъ совѣтуетъ принять мѣры къ поднятію собственной торговли и къ увеличенію вывоза, къ ограниченію покупки ненужныхъ заморскихъ товаровъ и вообще рекомендуетъ благоразумную умѣренность въ жизни: «намъ надобно не парчами себя украшать, но надлежитъ добрымъ нравомъ и школьнымъ ученіемъ, и христіанской правдою

и между себя истинною любовію и непоколебимымъ постоянствомъ»; «тѣ токмо надлежитъ товары покупать, безъ которыхъ намъ пробыть не мочно, а иныя нѣмецкія затейки и прихоти ихъ мочно и пріоставить, дабы напрасно изъ Руси богатства не тащили; на ихъ мягкія лестныя басни и на всякія ихъ хвасти намъ смотрѣть не для чего; намъ надлежитъ свой умъ держать». Въ тѣсной связи съ этой главой находится пятая (стр. 140—153), разсуждающая «о художествѣ», то есть о ремеслахъ. Посошковъ отмѣчаетъ низкій уровень всякаго мастерства въ Россіи, недостатокъ правильнаго обученія и отсутствіе какой бы то ни было организаціи въ производствѣ и сбытѣ продуктовъ ремесленнаго труда. И тутъ онъ признаетъ высокое преимущество иноземцевъ передъ русскими, считая однако же необходимымъ установить правильныя отношенія иноземныхъ учителей къ русскимъ ученикамъ. Посошковъ особенно указываетъ на необходимость завести въ Россіи пеньковую и льняную мануфактуру, увеличить производство хлѣба. Въ шестой главѣ (стр. 154—170) говорится о разбойникахъ. Авторъ въ яркихъ краскахъ рисуетъ картину этого зла тогдашней русской жизни: вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и общаго народнаго оскудѣнія, разбои и грабежи сдѣлались явленіемъ самымъ обыкновеннымъ; разбойники стали собираться въ организованныя «артели», и въ разбойныхъ дѣлахъ нерѣдко участвовали помѣщики и князья—не по нуждѣ, но ради озорства и молодечества. Посошковъ совѣтуетъ усилить по закону наказуемость воровскихъ и разбойныхъ дѣяній и не давать имъ на судѣ никакой пощады. Седьмая и восьмая главы трактата (стр. 171—190. 191—208) посвящены крестьянству. Посошковъ придавалъ устройству крестьянскаго сословія въ государствѣ чрезвычайно важное значеніе. Главнѣйшимъ бѣдствіемъ крестьянства онъ считаетъ «скудное житье» и причины этого видитъ въ глубокомъ невѣжествѣ названнаго сословія, его безправіи, въ господствѣ грабежей и разбоевъ, наконецъ—въ отношеніяхъ къ крестьянамъ со стороны помѣщиковъ: послѣдніе стремятся взять съ крестьянина какъ можно больше, нисколько не заботясь объ общемъ его благосостояніи. Предлагаемыя Посошковымъ мѣры къ поднятію крестьянства ограничиваются совѣтами упорядочить ихъ земельные надѣлы, научить ихъ вести правильное хозяйство, поощрять ихъ къ грамотности («не худо бъ крестьянъ и приневолить, чтобъ они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученіе грамоты, и науча грамотѣ и учили бы ихъ писать»), оградить отъ произвола помѣщиковъ правымъ судомъ; но до мысли о раскрѣпощеніи крестьянъ Посошковъ не доходитъ: онъ даже склоненъ объяснить недостатокъ заботы помѣщиковъ о крестьянахъ именно тѣмъ, что «крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы», а владѣютъ ими «временно». Въ послѣдней главѣ (стр. 209—258) собраны мнѣнія автора «о царскомъ интересѣ», т. е. объ организаціи государственныхъ доходовъ: о сборахъ въ казну съ торговли и промышленности, о питейномъ сборѣ, о деньгахъ, о разумной бережливости при тратахъ на государственныя нужды. Эта глава имѣетъ исключительно политико-экономическій интересъ.

Намъ нѣтъ необходимости входить здѣсь въ разсмотрѣніе и оцѣнку практическихъ совѣтовъ Посошкова по разнымъ вопросамъ государствен-

ной и общественной жизни, выраженныхъ въ «Книгѣ о скудости и богатствѣ»; спеціалисты (напр., А. Г. Брикнеръ: Иванъ Посошковъ. Ч. I. Посошковъ, какъ экономистъ. Спб. 1876; Мнѣнія Посошкова. М. 1879) указываютъ на ихъ высокое историческое значеніе и на то, что, несмотря на свой диллетантизмъ въ политико-экономическихъ вопросахъ, Посошковъ оказывается въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ изъ этой области даже впереди геніальнаго Петра. Мы должны тутъ отмѣтить лишь основную черту воззрѣній Посошкова, характерную для дѣятеля этой эпохи—его глубокую вѣру въ необходимость просвѣщенія, находящуюся въ полномъ согласіи съ религіозностью автора въ духѣ старыхъ основъ древне-русской жизни. Разсужденія Посошкова, разсѣянныя въ «Книгѣ о скудости и богатствѣ», не были результатомъ теоретическаго образованія или вообще книжной начитанности; они были созданы его здоровой наблюдательностью, сочувствіемъ лучшимъ идеямъ своего времени и вдумчивостью въ явленія жизни. Несправедливо полагать, будто Посошковъ является въ своихъ проектахъ какимъ-то необыкновенно оригинальнымъ мыслителемъ: Петровская эпоха создала немало прожектеровъ по разнымъ вопросамъ государственнаго характера и значенія, мнѣнія которыхъ совпадаютъ съ мнѣніями автора «Книги о скудости и богатствѣ» [1]). Трудно опредѣлить съ точностью взаимныя отношенія и зависимость этихъ проектовъ одинъ отъ другого, тѣмъ болѣе, что всѣ они остались въ свое время не опубликованными въ печати, и естественнѣе видѣть въ нихъ выраженіе тѣхъ воззрѣній, которыя были болѣе или менѣе общими у сторонниковъ и друзей реформы. Не подлежитъ сомнѣнію, что къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ и Посошковъ, какъ особый типъ умѣреннаго «прогрессиста» московскаго типа, стоявшій рѣшительно выше другихъ своимъ замѣчательнымъ литературнымъ дарованіемъ. Интересно отмѣтить, что хотя «Книга о скудости и богатствѣ» является до извѣстной степени завершеніемъ наблюденій и размышленій автора надъ русскою жизнью и средствами ея всесторонняго исправленія, однако самая мысль о подобномъ литературномъ трудѣ явилась у него гораздо раньше, какъ это видно изъ опубликованнаго Н. П. Павловымъ - Сильванскимъ краткаго «Доношенія о исправленіи всѣхъ неисправъ», написаннаго Посошковымъ еще до 1704 года [2]).

В. Н. Татищевъ. Не менѣе Посошкова воодушевленъ былъ идеями общественности и В. Н. Татищевъ, но онъ отличался отъ нашего перваго экономиста научнымъ складомъ ума и образованностью въ европейскомъ смыслѣ.

Василій Никитичъ Татищевъ происходилъ изъ стариннаго боярскаго рода, родившись 19 апрѣля 1686 года. О его ранней молодости почти ни-

---

[1]) Н. Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Спб. 1897, стр. 28. 88—92.

[2]) Новыя извѣстія о Посошковѣ. Изв. II Отд. А. Н. IX (1904), кн. 3, стр. 118—119, 124—126.

чего не извѣстно. Учился онъ въ московской инженерной и артиллерійской школахъ; вступилъ на военную службу въ 1704 году, и первымъ дѣломъ, въ которомъ онъ участвовалъ, было взятіе Нарвы (1705); затѣмъ, онъ принималъ участіе въ Полтавской битвѣ и въ Прутскомъ походѣ, а въ 1713—1714 годахъ былъ заграницей, въ Берлинѣ, Бреславлѣ и Дрезденѣ—повидимому, для усовершенствованія въ наукахъ. Въ 1717 году Татищевъ снова былъ заграницей, въ Данцигѣ, куда Петръ посылалъ его хлопотать о включеніи въ контрибуцію стариннаго образа, будто бы писаннаго св. Меѳодіемъ, первоучителемъ славянскимъ; однако хлопоты эти не увѣнчались успѣхомъ, а Татищевъ доказалъ Петру невѣрность преданія. Далѣе, Татищевъ состоялъ при графѣ Брюсѣ, президентѣ бергъ- и мануфактуръ-коллегіи, а потомъ посланъ на самостоятельную службу по управленію горными заводами въ Оренбургѣ и Екатеринбургѣ. Эта служба окончилась для него неудачно, вслѣдствіе доноса, что Татищевъ беретъ взятки. Вызванный въ Петербургъ, Татищевъ сознался, что бралъ взятки, но лишь по окончаніи дѣла, слѣдовательно не какъ подкупъ, а какъ благодарность за особый трудъ, предпринимаемый имъ для ускоренія дѣла. Это сознаніе ослабило гнѣвъ царя на Татищева, но отъ службы на заводахъ онъ былъ отставленъ и отправленъ въ Швецію—также по горнымъ дѣламъ, и въ Россію возвратился уже послѣ смерти Петра, въ апрѣлѣ 1726 года. При восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, Татищевъ принималъ участіе въ составленіи извѣстной записки о формѣ правленія; въ 1734 году былъ назначенъ главнымъ начальникомъ горныхъ заводовъ въ Перми и Сибири; въ послѣдующее время, до 1746 года, былъ астраханскимъ губернаторомъ. Умеръ онъ 15 іюля 1750 года, проживъ послѣдніе годы своей жизни въ своемъ подмосковномъ имѣніи «Болдинѣ».

Главнѣйшіе учено-литературные труды Татищева принадлежатъ къ области исторіи и географіи Россіи, которыми заинтересовался онъ въ очень раннюю пору своей жизни. Его «Исторія Россійская», изданная уже послѣ смерти автора (I—IV книги въ 1768—1784 годахъ, V кн. въ 1848), представляла собою первую попытку въ нашей исторіографіи собрать въ извѣстную систему огромное количество историко-географическаго и этнографическаго матеріала касательно прошлаго русской жизни до начала XVII вѣка. Авторъ не ограничился лишь послѣдовательнымъ изложеніемъ событій, какъ лѣтописецъ, но присоединилъ къ нему свои богатыя примѣчанія, въ которыхъ нашли себѣ мѣсто критическія воззрѣнія Т. какъ на общія задачи историка, такъ и на разныя частности изложеннаго имъ матеріала. Начитанность Т. поражаетъ своими размѣрами и разнообразіемъ, включая въ себя русскіе и иностранные источники и обнаруживая въ авторѣ замѣчательнаго любителя книжныхъ занятій. На страницахъ «Исторіи» отразились также политическіе и философскіе взгляды Т., обнаруживая живую связь автора съ эпохой, въ которой онъ жилъ. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ Петровыхъ преобразованій, искреннимъ почитателемъ свѣтской науки и врагомъ преобладанія церковности въ прошлыхъ и современныхъ ему судьбахъ русской жизни и просвѣщенія; по образу своихъ мыслей, Т. былъ трезвымъ

реалистомъ, врагомъ всего таинственнаго и непонятнаго для простого здраваго смысла. Преимущественно этими общими чертами, характеризующими просвѣщенную личность Т., его историческій трудъ и интересенъ для историка литературы. Географическіе интересы Т., кромѣ многихъ страницъ его «Исторіи», нашли себѣ выраженіе въ двухъ спеціально-географическихъ трудахъ: «Введеніе къ историческому и географическому описанію Велико-россійской Имперіи» и «Россіа или какъ нынѣ зовутъ Россія»; послѣднее сочиненіе напечатано въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» 1839, № 6. Гораздо ближе къ собственно литературной области стоятъ два другіе труда Татищева: «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ» и «Духовная».

О времени сочиненія «Разговора» Т. сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ своей «Духовной»: «для твоего о тебѣ самомъ—обращается онъ къ сыну—и что тебѣ нужно къ разумѣнію слѣдующимъ разговоромъ награждаю, который я прошлаго 1733 года, будучи здѣсь (т. е. въ Москвѣ), по случаю разговора съ князь Сергіемъ Долгоруковымъ, началъ; потомъ чрезъ разговоры жъ съ архіепископомъ новгородскимъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и съ князь Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, яко же съ нѣкоторыми профессоры академіи, разсуждая продолжилъ и тебѣ для памяти оставилъ» [1]). Изъ этого видно, что «Разговоръ» былъ начатъ авторомъ въ 1733 году и потомъ былъ продолжаемъ; когда онъ былъ оконченъ—точно неизвѣстно, но едва ли ранѣе 1736 года, потому что Т. передаетъ въ немъ свою бесѣду съ Петромъ объ академіи въ 1724 году и затѣмъ прибавляетъ: «по сему отъ того времени, черезъ 12 лѣтъ, подлинно по губерніямъ и епархіямъ надлежало многимъ школамъ и обученнымъ хотя въ языкахъ довольству быть» [2]). На извѣстныхъ до сихъ поръ рукописяхъ «Разговора» нѣтъ имени Татищева, какъ автора, хотя несомнѣнность этого авторства вытекаетъ не только изъ упоминанія о «Разговорѣ» въ «Духовной», но и изъ близкаго сходства политическихъ, историческихъ и философскихъ взглядовъ, выраженныхъ въ этомъ произведеніи, съ другими трудами Татищева, напр. «Исторіей Россійской» или его «Географическимъ, историческимъ, политическимъ и гражданскимъ лексикономъ»; самъ авторъ «Разговора» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. 57 и 62 вопросы) ссылается на другіе свои труды, которыми именно являются упомянутыя сочиненія Татищева. Въ 70-хъ годахъ XVIII в. была даже мысль опубликовать «Разговоръ» Т., какъ это видно изъ приложенной къ Новиковской «Древней Россійской Идрографіи» (1773) «росписи печатающихся книгъ»: среди нихъ отмѣчена и «Духовная г. Татищева, съ пріобщеніемъ разговора о пользѣ наукъ и училищъ». Дѣйствительно, въ 1773 году появилось изданіе «Духовной», но «Разговора» при ней не оказалось, и онъ увидѣлъ свѣтъ лишь болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ, въ изданіи Н. А. Попова (1887). Текстъ этого произведенія Т. не является одинаковымъ во всѣхъ его спискахъ: въ нѣкоторыхъ онъ

---

[1]) Духовная В. Н. Татищева. Изд. А. Островскаго. Казань, 1885, стр. 21.

[2]) Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ, съ предисловіемъ Нила Попова, въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1887, I, стр. 110—111.

сокращенъ пропускомъ трехъ вопросовъ съ отвѣтами на нихъ (45, 57, 67 и отчасти 66) и болѣе краткимъ изложеніемъ отвѣтовъ на иные вопросы (13, 14 и 26); сличеніе этихъ различій приводитъ издателя «Разговора» къ заключенію, что авторъ самъ, въ дальнѣйшей литературной обработкѣ своего труда, сократилъ и видоизмѣнилъ указанныя мѣста въ цѣляхъ большей ясности и сжатости своего изложенія, основное же содержаніе осталось неизмѣненнымъ.

Въ полномъ видѣ «Разговоръ» состоитъ изъ 120 вопросовъ съ соотвѣтствующими имъ отвѣтами. Цѣльное по мысли, это сочиненіе Т. написано было авторомъ по опредѣленному плану. Въ немъ можно усмотрѣть три части: первая (вопросы 1—48) имѣетъ вводный характеръ и трактуетъ о наукахъ вообще; вторая (вв. 49—89) разбираетъ науки въ болѣе конкретномъ смыслѣ и говоритъ о состояніи и потребностяхъ русскаго просвѣщенія; третья (вв 90—119) касается примѣненія научныхъ знаній къ внутренней политикѣ и законодательству въ Россіи и предлагаетъ проектъ преобразованія существующихъ въ Россіи училищъ, вмѣстѣ съ учрежденіемъ нѣсколькихъ новыхъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ мысляхъ Татищева. Онъ выражаетъ убѣжденіе, что науки прежде всего необходимы человѣку для познанія самого себя, но такъ какъ человѣкъ является одновременно существомъ духовнымъ и физическимъ, то и науки, приводящія къ познанію той и другой стороны, должны быть признаны одинаково необходимыми. Авторъ слегка касается ученія о человѣческомъ организмѣ и о свойствахъ его души подъ которыми разумѣетъ умъ и волю. Довольно подробно излагаются у него свойства ума и воли, анализъ которыхъ приводитъ его къ мысли о необходимости обученія и воспитанія: «человѣку—говоритъ онъ—нужно вѣкъ жить, вѣкъ и учиться», и все-таки его никогда нельзя назвать совершеннымъ. Возрасты личной человѣческой жизни—младенчество, юность, мужество и старость—даютъ Т. поводъ заговорить и о возрастахъ жизни цѣлаго человѣчества, которыхъ онъ также отмѣчаетъ четыре: первый—времена древнія, до изобрѣтенія письма, второй—отъ изобрѣтенія письма до Р. Х., третій—отъ Р. Х. до книгопечатанія и четвертый—отъ книгопечатанія до послѣднихъ временъ. Вопросъ о распространеніи наукъ въ исторіи человѣчества увлекаетъ автора къ посторонней, но пользовавшейся большой популярностью въ XVIII в. темѣ объ отношеніи религіи и науки: онъ рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что наука сама по себѣ никоимъ образомъ не можетъ вредить вѣрѣ и порождать ереси, и не раздѣляетъ того мнѣнія, будто государство можетъ существовать только при условіи одного господствующаго вѣроисповѣданія; вообще же онъ стоитъ за вѣротерпимость и полную свободу религіозныхъ убѣжденій. Переходя къ болѣе конкретному обсужденію вопроса о наукахъ, Т. раздѣляетъ ихъ на пять отдѣловъ: 1) нужныя, 2) полезныя, 3) щегольскія или увеселяющія, 4) любопытныя или тщетныя, 5) вредительныя. Къ первому отдѣлу онъ относитъ слѣдующія «науки»: «реченіе», т. е. способность рѣчи въ элементарномъ смыслѣ; экономія, «чѣмъ бы плоть свою и свой родъ содержать и сохранить»; гигіена, «дабы мы могли здравіе или жизнь продолжить»; нра-

воученіе; логика; богословіе. Ко второму отдѣлу: грамматика, реторика, иностранные языки, математика, исторія, географія, медицина, естественныя науки. Къ третьему отдѣлу: «стихотворство или поэзія»; «музыка, русски скоморошество»; «танцованіе или плясаніе»; «волтежированіе или на лошадь садиться»; «знаменованіе и живопись». Къ четвертому отдѣлу: «астрологія, физіогномія или лицезнаніе, хиромантія, алхимія». Наконецъ, къ пятому отдѣлу: «некромантія, чрезъ мертвыхъ провѣщаніе»; «аеромантія, воздуховѣщаніе»; «пиромантія, огневѣщаніе» и т. п., о которыхъ авторъ говоритъ, что «хотя сіи науки зломудрія ничего совершеннаго въ себѣ не имѣютъ и по разсужденію многихъ философовъ смертію ихъ (т. е. занимающихся ими), яко умоизступленныхъ, казнить не безгрѣшно, но за то, что, оставя полезное, въ безпутствѣ время тратятъ и другихъ обманываютъ, тѣлесное наказаніе неизбѣжно понести должны». Изъ приведенной классификаціи «наукъ» видно, что Т. понималъ подъ этимъ названіемъ всякаго рода познанія теоретическаго и практическаго характера, и степень необходимости или значенія этихъ «наукъ» для каждаго отдѣльнаго лица ставилъ въ связь съ родомъ его занятій. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ ближе держится спеціальныхъ интересовъ Россіи и высказываетъ рядъ интересныхъ мыслей: о существованіи въ Россіи книгъ прежде Кирилловыхъ («токмо какія, оное надлежитъ искать отъ оставшихъ прежнихъ книгохранилищъ, а паче мню готическія или руническія, потому что мы съ варягами или шведами и финнами тогда близкое сообщеніе имѣли»), о происхожденіи языковъ, ихъ различіи и порчѣ, въ томъ числѣ порчѣ языка русскаго, о достойномъ сожалѣнія пренебреженіи русскихъ въ старое время къ изученію латинскаго языка наравнѣ съ греческимъ и т. д. Между прочимъ, Т. высказываетъ замѣчательную мысль о томъ, что, въ видахъ государственной пользы, русскимъ слѣдовало бы изучать не одни только западно-европейскіе, но и восточные языки. Различными доводами старается онъ доказать пользу посылки русскихъ молодыхъ людей за границу для обученія языкамъ и наукамъ, указывая на крайнюю трудность найти хорошихъ учителей въ Россіи, гдѣ многіе, ради обученія своихъ дѣтей, «нанимаютъ поваровъ, лакеевъ или весьма мало умѣющихъ грамотѣ за учителей языка французскаго или нѣмецкаго и какихъ-либо непотребныхъ волочагъ для наученія благонравія и политики»; при такихъ обстоятельствахъ, дворянскія дѣти, когда отцы заняты обязанностями службы, остаются лишь подъ надзоромъ матерей и слугъ, «обхожденіе дѣтей въ домѣ съ бабами, дѣвками и рабскими дѣтьми есть весьма вредно, потому что [дитя] научится токмо нѣгѣ, спеси, лѣности и свирѣпству, а учтивости и почтенія къ равнымъ, меньшимъ себе, какъ то между всѣмъ шляхетствомъ нужно, до возраста знать не будетъ». Т. подвергаетъ критикѣ существующія учебныя заведенія въ Россіи и всѣ ихъ находитъ неудовлетворительными для потребностей русскаго образованія: въ Академіи Наукъ—учатъ иностранцы, не знающіе русскаго языка, да и нѣтъ среднихъ школъ, которыя могли бы подготовлять къ слушанію преподаваемаго тамъ высшаго ученья; въ Шляхетскомъ корпусѣ—плохо преподаютъ Законъ Божій, нѣтъ учителей для преподаванія естественнаго

и гражданскаго права, въ математическихъ наукахъ «токмо начала показываютъ»; школы Адмиралтейская, Артиллерійская и Инженерная обладаютъ слишкомъ ограниченной программой и тоже страдаютъ недостаткомъ въ хорошихъ преподавателяхъ; наконецъ, обѣ высшія духовныя школы, въ Кіевѣ и Москвѣ, очень далеки отъ совершенства по слабой постановкѣ большинства преподаваемыхъ тамъ предметовъ: латинскаго языка, реторики, философіи, исторіи, географіи и т. п. При такихъ условіяхъ, остается отправлять молодыхъ людей за границу, держась однако же опредѣленнаго плана и точно установивъ спеціальныя потребности каждаго посылаемаго: въ доказательство своей мысли Т. даетъ обзоръ цвѣтущаго состоянія наукъ въ разныхъ странахъ Западной Европы, особенно Англіи и Франціи, при чемъ отсталость въ этомъ отношеніи Польши и Испаніи онъ объясняетъ вреднымъ вліяніемъ іезуитовъ. Въ концѣ своего труда Т. предлагаетъ планъ преобразованія существующихъ въ Россіи училищъ и учрежденія нѣкоторыхъ новыхъ: тогда и не будетъ такой необходимости отправлять русскихъ молодыхъ людей для обученія за границу. Въ отвѣтъ на послѣдній (120) вопросъ авторъ выражаетъ надежду, что изложенныя въ «Разговорѣ» мысли окажутся полезными многимъ и могутъ «къ наученію дѣтей родителямъ охоту подать».

Хотя въ концѣ «Разговора» Т. и отмѣчаетъ, что «многіе, бывшіе при сей бесѣдѣ, со вниманіемъ слушали» ее, однако едва ли можно думать, что это сочиненіе Т. есть точное воспроизведеніе дѣйствительно бывшаго разговора. Діалогическая форма этого произведенія является, конечно, лишь литературной оболочкой тѣхъ мнѣній, которыя выработалъ себѣ Т. на современные вопросы и потребности русскаго просвѣщенія, хотя дѣйствительныя бесѣды его съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, княземъ А. М. Черкасскимъ и нѣкоторыми членами тогдашней молодой Академіи Наукъ въ Петербургѣ, напр. Гроссомъ и Байеромъ, также не могли, конечно, остаться безъ вліянія на образъ мыслей Татищева и его сужденія по изложеннымъ въ «Разговорѣ» вопросамъ. Въ самомъ же изложеніи, Т. находился подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ литературныхъ источниковъ, между которыми первое мѣсто должно быть отведено «Философскому Лексикону» І. Г. Вальха, Ioh. Georg Walch's «Philosophisches Lexicon», въ первый разъ вышедшему въ Лейпцигѣ въ 1726 году. Изъ этого характернаго и въ свое время весьма популярнаго продукта философскаго раціонализма XVIII в. Т. заимствовалъ, переводя или пересказывая содержаніе, многія сужденія общаго характера по части богословія, философіи, морали, политики, права: такъ, отсюда взято Татищевымъ разсужденіе о волѣ человѣка и ея склонностяхъ, о возрастахъ человѣка и пр., при чемъ Т. устраняетъ изъ своего источника признаки богатой эрудиціи его автора, и, борясь съ несовершенствами тогдашняго русскаго отвлеченнаго языка, старается передать въ своемъ изложеніи сущность усвоенныхъ имъ передовыхъ идей своего времени. Т. гармонируетъ съ Вальхомъ въ поклоненіи раціоналистическому критицизму Декарта, будучи самостоятельно знакомъ не только съ сочиненіями этого философа, но также съ трудами Вольфа, Пуффендорфа, Гуго Гроція и другихъ философовъ-писа-

телей XVII—XVIII вѣковъ [1]). Обширная начитанность Т. была весьма разносторонняя, простираясь, между прочимъ, на многія книги Св. Писанія и творенія отцовъ церкви, ссылками на которыя изобилуетъ текстъ «Разговора». Эти ссылки даютъ возможность видѣть въ Т. глубоко вѣрующаго человѣка, и взведенные на него нѣкоторыми изъ современниковъ упреки въ вольнодумствѣ не могутъ относиться къ области его религіозныхъ воззрѣній. Поводъ къ такимъ обвиненіямъ могла подать та свобода, съ которой Т. говорилъ о вопросахъ вѣры; но эта свобода, обычная для того времени, была вызвана обширными преобразованіями Петра Великаго въ области церковной жизни и вытекала изъ самаго характера скрещивающихся теченій религіозной и философской мысли въ XVII и XVIII вв. на западѣ и отчасти у насъ въ Россіи.

«Духовная» Татищева имѣетъ тѣсную связь съ «Разговоромъ»: въ ней онъ также касается вопросовъ просвѣщенія, религіи, нравственности и общественныхъ обязанностей человѣка, но даетъ этому содержанію форму личнаго обращенія къ сыну, къ «разумѣнію» котораго по существу былъ предназначенъ и самый «Разговоръ»; поэтому, «Духовная» примыкаетъ къ той категоріи сочиненій, которая существовала у насъ издавна и ближайшимъ къ Т. представителемъ имѣла «Отеческое Завѣщаніе» Посошкова. «Духовная» Т. гораздо короче его «Разговора», лишена теоретическаго элемента и не носитъ на себѣ слѣдовъ книжной начитанности автора; вся она, напротивъ, представляетъ собою продуктъ житейской опытности автора и отражаетъ на себѣ его живую, безыскусственно являющуюся передъ читателемъ личность. Какъ видно изъ приведеннаго мѣста Духовной (см. выше, стр. 432), она составлена въ 1734 г., когда автору минуло уже 48 лѣтъ, и именно—надо полагать—въ тотъ промежутокъ времени, въ который онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, по дорогѣ въ Петербургъ, отправляясь на службу въ Сибирь и Пермь [2]). «Духовная» Т. была издана С. Друковцевымъ, какъ уже упомянуто, въ 1773 году и послужила для издателя предметомъ подражанія и литературнаго заимствованія («Духовная въ наставленіе своимъ дѣтямъ обоего пола. Спб. 1780»).

Несмотря на личный характеръ обращенія въ «Духовной», она, подобно «Разговору», имѣетъ болѣе широкій характеръ и назначеніе, относясь, по справедливому опредѣленію Н. Попова, къ сочиненіямъ, посвященнымъ общественной морали. Въ предварительныхъ замѣчаніяхъ къ «Духовной» авторъ указываетъ на побужденія его къ написанію этого труда. Несмотря на то, что ему минуло лишь 48 лѣтъ, Т. чувствуетъ приближеніе старости, которую слѣдуетъ понимать не по числу лѣтъ, но по тяжелымъ воздѣйствіямъ жизни на физическую и духовную природу че-

---

[1]) См. объ этомъ у Нила Попова, въ его предисловіи къ изданію «Разговора», стр. XII—XVII, и въ рѣчи «Ученые и литературные труды В. Н. Татищева»: Торжественное собраніе Имп. Академіи Наукъ 19 апрѣля 1886 года въ память двухсотлѣтней годовщины дня рожденія В. Н. Татищева. Спб. 1887, стр. 21—24. Эта рѣчь напечатана также въ Ж. М. Н. Пр. 1886, № 6.

[2]) Н. Поповъ. В. Н. Татищевъ и его время. М. 1861, стр. 139—142.

ловѣка: «въ болѣзнехъ, скорбехъ, печалехъ и гоненіи неповинномъ и отъ злодѣевъ сильныхъ исчезе плоть моя, и вся крѣпость моя изсше, яко скудель». Мысль о подошедшей старости напоминаетъ ему о двухъ обязанностяхъ—личномъ покаяніи и любви къ ближнему. По поводу покаянія, Т. высказываетъ характерную для того времени мысль о необходимости своевременнаго, прижизненнаго раскаянія въ своихъ грѣхахъ и совершенно не вѣритъ въ возможность получить прощеніе по молитвамъ и милостынѣ другихъ лицъ на память объ умершемъ: онъ утверждаетъ и старается доказать, что «по смерти нѣсть покаянія», расходясь въ этомъ вопросѣ съ традиціоннымъ церковно-православнымъ ученіемъ и широкой практикой цѣлаго ряда поколѣній. Мысль о любви къ ближнимъ, подъ которыми онъ прежде всего разумѣетъ жену и дѣтей, диктуетъ ему рѣшимость завѣщать имъ результаты дѣятельности мысли и своего житейскаго опыта, для чего наилучшей формой и считаетъ «духовную».

Наставленія Т., въ порядкѣ его собственнаго изложенія, могутъ быть раздѣлены на четыре отдѣла: религіозныя знанія, свѣтскія знанія, отношенія къ родителямъ и женѣ, служебныя отношенія.

Для пріобрѣтенія религіозныхъ познаній, совершенствованіе въ которыхъ Т. считаетъ весьма важнымъ для человѣка дѣломъ, онъ совѣтуетъ читать Библію и Катехизисъ, сочиненія І. Златоуста, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Аѳанасія Великаго и Ѳеофилакта Болгарскаго, затѣмъ—Истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ и Юности честное зерцало. Чтеніе Прологовъ и Четьихъ-Миней онъ считаетъ также полезнымъ, хотя и признаетъ, что эти книги заключаютъ въ себѣ исторіи, сомнительныя въ фактическомъ отношеніи и могущія подать поводъ къ соблазну въ области религіозной мысли. Послѣ пріобрѣтенія твердыхъ познаній въ своей вѣрѣ, Т. совѣтуетъ сыну читать и иновѣрныя книги, «люторскія, кальвинскія и папежскія», чтобы имѣть извѣстное понятіе и о другихъ вѣрахъ—тѣмъ болѣе, что въ жизни постоянно приходится съ людьми этихъ вѣроисповѣданій имѣть дѣло: при этомъ Т. особенно предостерегаетъ сына отъ католиковъ («папистовъ»), которыхъ вѣра по внѣшнему виду очень походитъ на православную, а по существу они отъ православныхъ «такъ далеко, что едва можемъ ли ихъ за христіанъ почитать». Т. того мнѣнія, что надо крѣпко держаться своей вѣры, даже замѣтивъ въ ней нѣкоторыя погрѣшности; онъ не совѣтуетъ сыну вступать съ православными въ пренія о вѣрѣ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ легко навлечь на себя опасныя и неосновательныя подозрѣнія, напр. прослыть безбожникомъ, не будучи таковымъ на самомъ дѣлѣ: «тебѣ совѣтую со всевозможнымъ прилежаніемъ отъ того охраняться, и сіе есть главное въ твоей жизни»—такъ заключаетъ Т. эту часть своихъ наставленій сыну.

Свѣтскія науки, по мнѣнію Т., также составляютъ необходимый предметъ занятій юноши. Изъ нихъ онъ называетъ «право и складно писать, ариѳметику, геометрію и хотя малую часть инженерства», затѣмъ исторію и географію; необходимо также знаніе гражданскихъ и воинскихъ законовъ. Наставленія Т. о свѣтскихъ наукахъ очень кратки и занимаютъ въ «Духовной» лишь нѣсколько строкъ—безъ сомнѣнія потому, что въ «Раз-

говорѣ» вопросъ этотъ получилъ специальное и весьма подробное разсмотрѣніе.

Почтеніе къ родителямъ Т. считаетъ одной изъ первыхъ обязанностей человѣка, при чемъ по поводу того обстоятельства, что онъ самъ разошелся съ женой, матерью своего сына (Описаніе докум. и дѣлъ Св. Синода, VIII, 268—272), Т. дѣлаетъ здѣсь такую оговорку: «хотя я съ матерью твоею нѣкоторымъ приключеніемъ разлучился, чрезъ что наше обѣщаніе брачное нарушено, но тебѣ нѣтъ въ томъ ни мало причины къ нарушенію твоей должности». Т. подробно говоритъ о женитьбѣ. Онъ совѣтуетъ думать о бракѣ не ранѣе 24 лѣтъ и время до 30 лѣтъ считаетъ наилучшимъ для женитьбы, не одобряя такихъ родителей, которые настаиваютъ на слишкомъ ранней женитьбѣ своихъ сыновей, желая поскорѣе ввести ихъ въ границы благоразумной жизни и предупредить опасныя заблужденія молодости: въ такихъ случаяхъ немалымъ препятствіемъ къ сохраненію супружеской любви и вѣрности является отлученіе мужа, иногда на нѣсколько лѣтъ, изъ дому по дѣламъ службы. Что касается выбора жены, то Т. совѣтуетъ сыну не полагаться въ этомъ дѣлѣ на одного себя, но совѣтоваться съ людьми опытными, особенно съ родственниками. Главными качествами, необходимыми въ женѣ, онъ считаетъ: «лѣпота лица, возрастъ и веселость въ бесѣдѣ», т. е. чтобы была миловидна, соотвѣтственныхъ лѣтъ и веселаго нрава. Т. предостерегаетъ сына не прельщаться особой красотой, потому что «извѣстно, что въ краснѣйшемъ яблокѣ наиболѣе черви, а при лѣпотѣ женщинъ продерзости находятся, и для того оное бываетъ небезопасно»: по его мнѣнію, «посредственная красота» есть «лучшее». Также не совѣтуетъ онъ прельщаться и богатствомъ. Онъ предостерегаетъ сына брать жену изъ слишкомъ высокаго или слишкомъ низкаго рода: первыя «иногда гордостью надменны и супругамъ уничтожительны являются», а вторыя «хотя бываютъ довольно милы и честнаго житія, но ихъ родственники за подлость непріятны и зазрѣніе или поношеніе наносятъ». Наконецъ, жена должна быть непремѣнно разумна и хорошаго здоровья. Касаясь отношеній сына къ будущей своей женѣ, Т. совѣтуетъ ему прилежно смотрѣть за ней, но въ то же время остерегаться «ревности и безпутной жестокости»; онъ совѣтуетъ поступать съ женой мягко, избѣгать всякой запальчивости, быть съ ней совершенно искреннимъ и помнить, что она мужу не раба, но товарищъ и помощникъ во всемъ.

Всего болѣе мѣста въ «Духовной» отведено разсужденіямъ о службѣ. Т. ставитъ важнѣйшимъ правиломъ службы—ни отъ какой услуги не отказываться и ни на какую самому не напрашиваться: «родитель мой—говоритъ Т.—въ 1704 году, отпуская меня съ братомъ на службу, сіе намъ накрѣпко наставлялъ, чтобы мы ни отъ чего положеннагó на насъ не отрицались и ни на что сами не назывались, и когда я оное сохранилъ совершенно—и въ тягчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ, а когда чего прилежно искалъ или отрекся—всегда о томъ сожалѣлъ, равно же и надъ другими то видѣлъ». Находящемуся въ службѣ Т. совѣтуетъ, кромѣ ревности въ исполненіи служебныхъ обязанностей, еще нелицемѣрную вѣрность государю: «вѣрность храни и о пользѣ всеобщей неусыпно прилежи, власть и

честь государя до послѣдней капли крови защищай, а съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуй, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ». Чтобы остаться въ этомъ отношеніи всегда безупречнымъ и избавить себя отъ всякой возможности попасть въ неловкое положеніе, Т. совѣтуетъ сыну не вступать ни съ кѣмъ въ разговоры о политическихъ дѣлахъ и въ особенности остерегаться женщинъ и хитрыхъ льстецовъ.

Т. различаетъ четыре рода службы: духовную, военную, гражданскую и придворную, но, полагая, что первая не можетъ быть пригодна для дворянина, говоритъ только о трехъ послѣднихъ. Военная служба самая подходящая для дворянскаго званія, и лучшимъ временемъ для вступленія въ нее Т. считаетъ время отъ 18 до 25 лѣтъ. Тутъ онъ предостерегаетъ сына какъ отъ излишней, безразсудной запальчивости, такъ и отъ робости, рекомендуетъ почтеніе и послушаніе начальникамъ, ласковое и благоразумное обращеніе съ подчиненными. Гражданскую службу Т. считаетъ главной въ государствѣ и полагаетъ, что для нея нужно «гораздо болѣе памяти, смысла и разсужденія, нежели въ воинствѣ». Такъ какъ для дворянина въ извѣстные годы гражданская служба является естественной смѣной его военной карьеры, то Т. совѣтуетъ сыну заблаговременно изучать законы, чтобы потомъ, когда призовутъ къ службѣ, быть готову и «знать, какъ и о чемъ разсуждать». Правосудіе считаетъ онъ въ этой службѣ главнѣйшей обязанностью; предостерегаетъ отъ взятокъ, хотя и не считаетъ противозаконнымъ брать добровольныя приношенія, въ видѣ благодарности за особое усердіе къ своимъ обязанностямъ сверхъ положеннаго по закону, и при этомъ разсказываетъ собственное дѣло о взяткахъ, случившееся съ нимъ въ 1722 году по доносу Никиты Демидова. Т. совѣтуетъ сыну дѣлать все, касающееся службы, по возможности самому, не полагаясь на подчиненныхъ, быть доступнымъ для всякаго просителя, при чемъ указываетъ на свой собственный примѣръ: «у меня никогда, хотя бы на постели лежалъ, двери не затворялись, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ о себѣ докладчикъ былъ, и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся, ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь подать и великій вредъ отвратить». Онъ совѣтуетъ также быть вообще независимымъ отъ подчиненныхъ и для этого не имѣть съ ними особой дружбы, ничего черезъ нихъ не дѣлать и ни о чемъ ихъ не просить. Къ товарищамъ, равнымъ по службѣ, онъ рекомендуетъ быть терпимымъ, не вступать съ ними во вражду по ничтожному поводу, соблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ правила правосудія и обязанность ревностной службы. Къ придворной службѣ Т. относится отрицательно: онъ съ сожалѣніемъ указываетъ на то, что въ то время, какъ Петръ Великій, полагавшій величіе дѣлъ не въ придворномъ блескѣ, мало уважалъ придворный чинъ и низвелъ его на довольно скромную степень, теперь (въ 30-е годы XVIII вѣка) придворныхъ снова возвышаютъ и награждаютъ разными преимуществами. Онъ совѣтуетъ сыну не искать этой службы, «понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть едва

не всѣмъ ли добродѣтелямъ предходятъ, а нѣкоторые уншичествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти».

«Духовная» оканчивается приведеннымъ уже нами указаніемъ на «Разговоръ» и увѣщаніемъ слѣдовать ея наставленіямъ, хотя бы и нашлись противъ нихъ возражатели.

«Духовная» Татищева какъ бы сама собою напрашивается на сравненіе съ близкимъ ей по времени «Завѣщаніемъ Отческимъ» Посошкова. Это сравненіе подробно сдѣлано въ статьѣ К. Н. Бестужева-Рюмина [1]), и въ результатѣ получается совершенно ясное впечатлѣніе того, «какая разница между человѣкомъ стараго русскаго образованія, хотя и сочувствующимъ реформѣ, и человѣкомъ образованнымъ уже по-европейски, хотя отъ того не перестававшимъ быть русскимъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, это сравненіе нагляднымъ образомъ изображаетъ и характеръ переходной эпохи русской жизни, совмѣщавшей въ себѣ почти одновременную энергичную дѣятельность на общественную пользу людей съ міровоззрѣніемъ, расходящимся до противоположности въ нѣкоторыхъ вопросахъ религіи и житейской практики. Подобно сочиненію Посошкова, и «Духовная» Т. не получила въ свое время достаточной извѣстности, даже и послѣ опубликованія ея въ печати въ 1773 году; послѣднее (второго изданія, указываемаго Сопиковымъ въ О. Р. Б. № 3504, до сихъ поръ никто не видалъ) было забыто такъ основательно, что въ 50-хъ годахъ XIX в. «Духовная» Т. была перепечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» какъ произведеніе неизвѣстнаго дворянина [2]). Здѣсь интересно отмѣтить, что на ряду съ «Духовной», имѣющей преимущественно литературный характеръ, извѣстно подлинное будто бы «Предсмертное увѣщаніе Татищева сыну», напечатанное А. А. Дмитріевымъ [3]). Оно лишено литературныхъ достоинствъ, по объему короче «Духовной», но по выраженнымъ въ немъ мыслямъ вообще не противорѣчитъ послѣдней; однако Н. Поповъ скептически отнесся къ этому произведенію, заподозривъ его подлинность [4]), на что послѣдовало со стороны издателя основательное возраженіе [5]). Впрочемъ, рѣшеніе этого вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ ничего не можетъ измѣнить въ вопросѣ о литературной дѣятельности Т. или даже собственно о его «Духовной», съ которой «Предсмертное увѣщаніе» не находилось, повидимому, ни въ какой прямой связи.

Языкъ Т. представляетъ собою ту своеобразную смѣсь церковно-славянскаго и русскаго элементовъ, которая свойственна была Петровской эпохѣ и всего болѣе приближалась къ рекомендованному самимъ царемъ языку посольскаго приказа. Т. былъ высокаго мнѣнія о природныхъ свойствахъ русскаго языка, считая его вполнѣ способнымъ къ выраженію

---

[1]) Василій Никитичъ Татищевъ. Администраторъ и историкъ начала XVIII вѣка, въ сборникѣ: Біографіи и характеристики. Спб. 1882, стр. 73—90.

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, назв. соч., прим. 1 на стр. 71.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1886, № 4.

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1886, № 6, прим. на стр. 247—248.

[5]) Историческій Вѣстникъ 1886 № 12, стр. 668—670.

всѣхъ научныхъ и философскихъ понятій; впрочемъ, попытки къ подобной передачѣ, сдѣланныя самимъ Т. въ его «Разговорѣ», не всѣ были одинаково удачны. Въ этомъ произведеніи Т. высказалъ свой взглядъ на распространенную въ обществѣ неумѣстность употреблять иностранныя слова и обороты, когда можно обойтись при помощи однихъ русскихъ: «примѣшиваніе иноязычныхъ словъ въ свой языкъ вредительно, какъ то видимъ многихъ наибольшею частію неразумныхъ и неученыхъ отъ хвастовства и неразсудности: не токмо въ разговорахъ, но въ письмахъ весьма нужныхъ странныя слова употребляютъ, да къ тому жъ не въ той силѣ и разумѣ или неправильно, а для чего—того сами сказать не умѣютъ» (стр. 80). Вопроса о русскомъ языкѣ Т. спеціально коснулся въ пространномъ письмѣ къ Тредьяковскому, отъ 18 февраля 1736 года, изъ Екатеринбурга, по поводу академической рѣчи послѣдняго, посвященной въ 1735 году отчасти тому же предмету. Въ этомъ письмѣ [1]) Т. приводитъ примѣры смѣшного или вреднаго употребленія иностранныхъ словъ и полагаетъ, что этотъ недостатокъ «исправить удобно въ канцеляріяхъ указомъ, а во употребленіи народномъ общимъ представленіемъ и пристойными сатиры или сложенными комедіями и вымышленными разговоры». Далѣе онъ касается вопроса о русскомъ языкѣ съ исторической точки зрѣнія, разбираетъ переводы и исправленія библейскаго текста въ старыя времена, вплоть до возникновенія раскола; наконецъ, онъ высказываетъ свой взглядъ и на русское правописаніе, не одобряя современныхъ ему отступленій отъ этимологіи въ пользу фонетики.

Точки соприкосновенія Т. съ Посошковымъ не ограничиваются общностью сюжета «Духовной» и «Завѣщанія Отеческаго»; онѣ видны въ общемъ имъ обоимъ стремленіи къ обсужденію вопросовъ общественныхъ, въ горячемъ сочувствіи идеѣ просвѣщенія и преобразованія русской жизни, сущность и принципы котораго однако же они понимали различно; наконецъ, сочиненія обоихъ ихъ очень мало было извѣстны при жизни авторовъ, не получивъ своевременнаго распространенія путемъ печати, и потому правильная оцѣнка ихъ литературной дѣятельности должна была выпасть на долю уже болѣе отдаленнаго потомства.

8.

Сатира.—Князь А. Д. Кантемиръ: происхожденіе, семейная обстановка, ученье, наклонность къ литературнымъ занятіямъ.—Первыя пять сатиръ.—Попытки въ области поэмы, оды и басни.—Жизнь и дѣятельность К. въ Лондонѣ и Парижѣ.—Работа надъ новыми сатирами и передѣлка старыхъ; усовершенствованіе силлабическаго стиха.—Другіе литературные труды К.—Общій характеръ писательской индивидуальности К. и историческое значеніе его произведеній.

Наконецъ, одной изъ новыхъ литературныхъ формъ Петровской эпохи, вызванныхъ переходнымъ характеромъ времени, является сатира. Самъ по себѣ элементъ обличенія не былъ чуждъ и старымъ вѣкамъ нашей ли-

[1]) Оно напечатано, но не въ цѣломъ видѣ, у Пекарскаго: Исторія Академіи Наукъ, II, 51—54.

тературы; онъ проявлялся, напримѣръ, въ проповѣдяхъ и публицистическихъ трактатахъ, но его содержаніемъ служили по преимуществу религіозно-нравственныя уклоненія отъ установленной нормы. Рѣзко обозначившееся столкновеніе при Петрѣ противоположныхъ теченій русской жизни, ея стремленій и идеаловъ чрезвычайно расширило эту область серьезнаго, подчасъ негодующаго обличенія, введя въ русло русской литературы новую самостоятельную струю—сатиру. Сатирическія черты обильно разсѣяны въ трудахъ Яворскаго и Прокоповича, въ слабыхъ опытахъ повѣсти и драмы; съ другой стороны, къ этой же порѣ относится знаменитый продуктъ чисто народной сатиры на самого Петра—въ лубочныхъ картинахъ «Какъ мыши кота погребаютъ», гдѣ выразилось крайнее неудовольствіе нѣкоторыхъ слоевъ народной массы по поводу общаго направленія преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. На этой же почвѣ борьбы двухъ міровоззрѣній возникла и сатира князя А. Д. Кантемира, съ именемъ котораго—въ качествѣ сторонника западныхъ идеаловъ русской жизни—намъ уже приходилось встрѣчаться при изложеніи литературной дѣятельности Ѳеофана Прокоповича. Несмотря на это, Кантемиръ, какъ цѣльная литературная фигура, какъ авторъ сатиръ въ ихъ содержаніи и формѣ, представляется явленіемъ совершенно новымъ. Впервые перенеся къ намъ западно-европейскую, преимущественно французскую, сатиру, Кантемиръ вложилъ въ нее запасъ своихъ наблюденій надъ живой русской дѣйствительностью, и хотя силлабическій стихъ, которымъ онъ воспользовался, отчасти существовалъ въ русской литературѣ и раньше, но онъ далъ ему, опять-таки по французскому образцу, руководясь прежде всего Буало, такую обработку, которая сдѣлала его сатиры у насъ и въ этомъ отношеніи привлекательной новостью. Наконецъ, онъ внесъ въ свои сатиры, преимущественно основанныя на изученіи русской жизни, то невиданное у насъ спокойное и уравновѣшенное настроеніе сознающаго свою силу обличителя, которое обезпечило первымъ его сатирамъ выдающійся успѣхъ въ Россіи еще до ихъ появленія въ печати. Сила обличенія Кантемира, глубоко и отчетливо почувствованная его первыми читателями, была, вѣроятно, главной причиной также и того, что на русскомъ языкѣ его сатиры могли появиться лишь спустя почти два десятка лѣтъ послѣ смерти автора.

Кратковременная жизнь Антіоха Дмитріевича Кантемира протекла не совсѣмъ обыкновенно. Онъ былъ иностранецъ по происхожденію и, по сообщенію его перваго біографа [1]), родился 10 сентября 1709 [2]) года,

---

[1]) Аббата Гваско, издавшаго анонимно, на французскомъ языкѣ, книгу: Satyres de Monsieur le Prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie. A Londres. Chez Jean Nourse. MDCCXLIX: см. стр. 15. Старое мнѣніе, принимавшееся нѣкоторыми біографами, напр. В. Я. Стоюнинымъ и И. И. Шимко, что авторомъ этой книги былъ аббатъ Венути, въ настоящее время должно быть оставлено: В. Александренко. Къ біографіи князя Кантемира. Варшавскія Унив. Изв. 1896, II, стр. 10—13.

[2]) Въ сочиненіи Байера (см. ниже, стр. 443, прим. 1) взята дата 10 сент. 1708 г., безъ указанія основаній. Недовѣріе къ этой перемѣнѣ тѣмъ болѣе естественно, что тутъ же

въ Константинополѣ. Отецъ будущаго русскаго сатирика, князь Дмитрій Кантемиръ, будучи знатнаго татарскаго происхожденія, имѣлъ своими ближайшими предками молдавскихъ господарей и самъ былъ властителемъ Молдавіи въ начальные годы XVIII вѣка; мать Антіоха, княгиня Кассандра, рожд. Кантакузенъ, происходила отъ потомковъ византійскихъ императоровъ; Антіохъ былъ четвертымъ сыномъ этой замѣчательной по своему уму и образованію четы и, кромѣ того, имѣлъ двухъ сестръ, Марію и Смарагду. Дмитрій Кантемиръ самъ былъ, для своего времени и положенія, выдающимся писателемъ, оставивъ послѣ себя рядъ трудовъ историческаго и философскаго содержанія, которымъ отдавался въ немногіе часы досуга своей полной волненій и превратностей жизни [1]). Будучи однимъ изъ немногихъ сторонниковъ Петра Великаго въ его походѣ противъ турокъ, князь Дмитрій Кантемиръ, послѣ несчастнаго исхода этого предпріятія, переселился въ 1711 году въ Россію; за нимъ послѣдовало все его семейство и 4.000 молдаванъ обоего пола; въ награду за свою преданность онъ получилъ отъ Петра значительныя помѣстья въ разныхъ областяхъ Россіи; впослѣдствіи эти земельныя владѣнія послужили предметомъ большихъ несогласій между дѣтьми Дмитрія Кантемира, женившагося въ 1717 году (послѣ смерти первой своей супруги) вторично на дочери фельдмаршала князя И. Ю. Трубецкого, Анастасіи, отъ которой онъ имѣлъ дочь Смарагду. Жизнь князя Дмитрія въ Россіи—то въ своихъ малороссійскихъ помѣстьяхъ, то въ Москвѣ и Петербургѣ—проходила въ ближайшемъ сотрудничествѣ своему державному покровителю, съ которымъ онъ участвовалъ въ разныхъ походахъ; послѣднимъ изъ нихъ былъ походъ въ Персію въ 1722 году, во время котораго Кантемиръ заболѣлъ и вскорѣ затѣмъ скончался 21 августа 1723 года. Дмитрій Кантемиръ оставилъ послѣ себя завѣщаніе, въ которомъ предоставлялъ императорской власти назначить наслѣдникомъ своихъ имуществъ одного изъ трехъ сыновей—Константина, Сербана или Антіоха (четвертый, Матѳей, при этомъ исключался), при чемъ меньшого, Антіоха, характеризовалъ «отъ всѣхъ лучшимъ» «въ умѣ и наукахъ»; вмѣстѣ съ этимъ, онъ завѣщалъ особую сумму, по 3.000 рублей въ годъ, для обученія дѣтей наукамъ и просилъ государя, чтобы «послалъ ихъ въ иныя страны, гдѣ Его Величество заблагоразсудитъ; а пока не апробованы будутъ въ наукахъ и въ другихъ инструкціяхъ, которыя суть надобны императору и государству, въ наслѣдники не опредѣлять» [2]).

(въ прим. на стр. 330) авторъ допускаетъ неточность, датируя первое русское изданіе сатиръ Кантемира 1768 годомъ, вмѣсто 1762, а позднѣе (стр. 337) самъ себѣ противорѣчитъ, говоря, что «князь Антіохъ, не будучи еще двадцати трехъ лѣтъ, отправился изъ Москвы 1 генваря 1732 года», т. е., очевидно, принимаетъ за годъ рожденія К. 1709.

[1]) Перечень этихъ трудовъ помѣщенъ въ книгѣ акад. Г. З. Байера (Беера), посвященной одному изъ предковъ князя Антіоха Кантемира: Исторія о жизни и дѣлахъ молдавскаго господаря князя Константина Кантемира. М. 1783, стр. 313—314. Объ этой книгѣ ср. П. Пекарскій: Исторія Императорской Академіи Наукъ, I, стр. 193—194.

[2]) Байѳръ, назв. соч., стр. 306—307.

Антіохъ Кантемиръ первоначальное образованіе получилъ въ домѣ отца— сначала въ Харьковѣ, потомъ въ Москвѣ и Петербургѣ; въ качествѣ наставника дѣтей князя состоялъ греческій священникъ Анастасій Кондоиди, обучавшій Антіоха языкамъ греческому, латинскому и итальянскому. Свидѣтельствомъ занятій Кантемира въ дѣтствѣ греческимъ языкомъ, бывшимъ въ ихъ семьѣ обиходнымъ, является «Слово панегирическое» великомученику Димитрію Ѳессалоникійскому, сочиненное, очевидно, наставникомъ мальчика, но произнесенное, по желанію самого царя, десятилѣтнимъ Антіохомъ въ церкви Заиконоспасскаго училищнаго монастыря 26 октября 1719 года [1]). Въ Петербургѣ Кантемиръ пользовался уроками окончившаго курсъ въ Московской Духовной Академіи Ивана Ильинскаго, преимущественно по русскому языку и вообще словеснымъ наукамъ. Этотъ Ильинскій, бывшій впослѣдствіи переводчикомъ при вновь основанной Академіи Наукъ, оставилъ намъ любопытныя «Повсядневныя записки» (1721—1730), изъ которыхъ видно его близкое отношеніе къ семьѣ Кантемировъ, гдѣ онъ исполнялъ, между прочимъ, и обязанности домашняго секретаря стараго князя [2]). Ильинскій не былъ чуждъ и литературной дѣятельности (напр., составилъ «Симфонію». М. 1733; перевелъ сочиненіе князя Дмитрія Кантемира «Система или состояніе Мухамеданской религіи». Спб. 1722), и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, въ качествѣ природнаго русскаго, игралъ извѣстную роль въ сближеніи будущаго сатирика не только съ русской рѣчью, но и съ русской народностью вообще. Ильинскій до конца своей жизни (ум. 20 марта 1737) поддерживалъ сношенія съ бывшимъ своимъ ученикомъ, и тотъ охотно писалъ ему, находя для этого время среди дипломатическихъ заботъ и обязанностей своего высокаго положенія заграницей: въ послѣднемъ письмѣ Кантемира къ Ильинскому, отъ 15 марта 1737 года, изъ Лондона, посвященномъ книжнымъ дѣламъ и уже не дошедшемъ, очевидно, до рукъ адресата, князь къ латинскому тексту письма (этотъ языкъ въ перепискѣ употреблялъ онъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ) дѣлаетъ русскую приписку, въ которой оговаривается, что преимущество въ письмѣ отдаетъ все-таки русскому языку [3]). Конечно, домашнія средства образованія для даровитаго и любознательнаго мальчика были недостаточны, тѣмъ болѣе, что и въ ихъ пользованіи встрѣчались иногда препятствія: въ концѣ 1720 года Кондоиди былъ взятъ на государственную службу, въ Духовную Коллегію, и дѣтямъ князя Дмитрія Кантемира пришлось обращаться, въ февралѣ 1721 года, къ царю съ просьбой отдать имъ въ качествѣ учителя «на пароль» греческаго іерея Либерія Колети, замѣшаннаго

---

[1]) Напечатано А. Поповымъ: Замѣтка о первыхъ литературныхъ упражненіяхъ кн. А. Д. Кантемира, въ «Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1878, кн. 4, стр. 3—11.

[2]) Онѣ опубликованы въ изданіи Л. Н. Майкова: Матеріалы для біографіи кн. А. Д. Кантемира. Съ введеніемъ и примѣчаніями проф. В. Н. Александренко. Спб. 1903, стр. 295—313.

[3]) Л. Майковъ. Матеріалы, стр. 76—77.

въ дѣлѣ о побѣгѣ царевича Алексѣя заграницу и сосланнаго въ Соловецкій монастырь [1]). Результатъ этой просьбы неизвѣстенъ, хотя просители и писали: «мы чрезъ четыре уже мѣсяца безъ всякаго ученія пребываемъ»; отказъ можно предполагать изъ того, что въ сентябрѣ того же 1721 года уже самъ Дмитрій Кантемиръ въ пространномъ прошеніи царю, между прочимъ, писалъ: «Учитель, котораго я со мною привезъ изъ Молдавіи для ученія дѣтей моихъ греческаго, латинскаго и итальянскаго языка, нынѣ по указу величества вашего взятъ въ духовную коллегію. И понеже иного въ сихъ языкахъ искуснаго обрѣсти невозможно, ниже я силу имѣю послать дѣтей моихъ въ европскія страны, они съ немалою моею и своею утратою время погубляютъ» [2]). Оставшись послѣ смерти отца 14 лѣтъ отъ роду, Антіохъ уже самъ долженъ былъ заботиться о средствахъ для своего образованія, и 25 мая 1724 года обратился къ царю съ просьбой, въ которой, указавъ на свое «крайнее желаніе учиться» и «склонность чрезъ латинскій языкъ снискати науки», просилъ царя отпустить его для обученія въ «окрестныя государства» и оказать ему для этой цѣли хотя нѣкоторую матеріальную помощь [3]). Однако удовлетвореніе этой просьбы не лежало въ государственныхъ интересахъ преобразователя, такъ какъ имѣлось въ виду скорое открытіе въ Петербургѣ такого учрежденія, въ которомъ русскіе молодые люди могли бы получать образованіе у себя дома; дѣйствительно, уже въ 1725 году, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Петра, начала свою дѣятельность Академія Наукъ, и юный Кантемиръ съ жаромъ сталъ заниматься у нѣкоторыхъ изъ пріѣхавшихъ профессоровъ-иностранцевъ: Бернулли—по математикѣ, Бильфингера—физикѣ, Байера—исторіи и Гросса—философіи. Плодомъ этой поры его ученья были: сдѣланный имъ въ 1725 году переводъ съ латинскаго текста греческой хроники Константина Манассіи [4]), переводъ съ французскаго текста «нѣкоего италиянскаго письма, содержащаго утѣшное критическое описаніе Парижа и французовъ» (1726) [5]), наконецъ «Симфонія на Псалтырь»—первое печатное произведеніе Кантемира, составленное въ 1726 году и вышедшее въ свѣтъ въ слѣдующемъ 1727 году, согласно повелѣнію императрицы Екатерины I [6]). Около этого же времени, вѣроятно, Кантемиръ упражнялся и въ составленіи тѣхъ «любовныхъ пѣсенъ», о которыхъ упоминаетъ въ своей IV сатирѣ: «Довольно моихъ поютъ пѣсней и дѣвицы чистыя, и отроки, коихъ отъ денницы до другой невидимо колетъ любви жало» (ст. 157—159), но которыя, очевидно, навсегда исчезли для исторіи литературы, потому что о нихъ уже не зналъ ни фран-

---

[1]) П. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, стр. 572.

[2]) Тамъ же, I, стр. 573—574.

[3]) Тамъ же, I, стр. 578.

[4]) А. Поповъ, назв. ст., стр. 11—14.

[5]) Сочиненія, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира. Ред. П. А. Ефремова. Т. II (1868), стр. 359—383.

[6]) Тамъ же, II. стр. 337—340.

цузскiй бiографъ нашего писателя [1]), ни повторившiй его во многомъ составитель русской бiографiи при первомъ изданiи сатиръ въ 1762 году.

Между тѣмъ А. Д. Кантемиръ долженъ былъ опредѣлить такъ или иначе свое общественное положенiе. Формально онъ находился на службѣ уже съ дѣтскихъ лѣтъ, будучи записанъ отцомъ въ солдаты Преображенскаго полка; ко дню коронованiя императора Петра II, 25 февраля 1728 года, онъ былъ пожалованъ въ подпоручики, а 12 iюля того же года въ поручики, однако безъ предоставленiя ему пока какой-либо видной служебной роли. Знатное происхожденiе и образованность, рѣдкая въ ту пору въ Россiи, не могли, конечно, оставить въ тѣни молодого Кантемира. Какъ извѣстно, послѣ смерти Петра Великаго борьба двухъ партiй—сочувствовавшей ему и несочувствовавшей—получила особенно яркое выраженiе, осложнившись вскорѣ условiями династическаго характера. Одной изъ виднѣйшихъ фигуръ на фонѣ этой борьбы былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, стоявшiй за сохраненiе «наслѣдiя Петрова» въ широкомъ смыслѣ этого слова; мы знаемъ уже сочувствiе къ нему Кантемира; естественно, что въ числѣ антипатичныхъ послѣднему лицъ оказались и враги Ѳеофана—Ѳеофилактъ Лопатинскiй, Георгiй Дашковъ, Маркелъ Родышевскiй, Михаилъ Аврамовъ; съ другой стороны, въ числѣ сочувственныхъ ему былъ Ѳеофилъ Кроликъ. Впрочемъ, несмотря на свою молодость, Кантемиръ, питая самое искреннее и глубокое сочувствiе дѣлу обновленiя Россiи въ духѣ Петра Великаго, былъ совершенно независимъ въ опредѣленiи своего мѣста среди этого круга лицъ, боровшихся между собою не всегда только по идейнымъ, но иногда и по личнымъ побужденiямъ. Ту же самостоятельность и то же вполнѣ опредѣленное направленiе удержалъ онъ за собою и въ трудные дни господства «верховниковъ» и вступленiя на престолъ Анны Iоанновны. Въ это время весьма неблагопрiятно опредѣлилось матерiальное положенiе Кантемира: вопросъ о наслѣдствѣ, предоставленный Дмитрiемъ Кантемиромъ императорской власти, былъ разрѣшенъ при Петрѣ II въ пользу брата Антiоха, Константина, причемъ немалую роль въ этомъ дѣлѣ игралъ князь Д. М. Голицынъ, тесть Константина Кантемира и влiятельный членъ верховнаго тайнаго совѣта, дѣйствовавшiй, конечно, въ пользу своего зятя. Быть можетъ, не безъ влiянiя этого вельможи возникъ въ 1729 году планъ удалить Антiоха Кантемира изъ Россiи путемъ назначенiя его на дипломатическiй постъ во Францiю, однако дѣло это пока не состоялось, и Кантемиру пришлось принять весьма дѣятельное участiе въ послѣдовавшихъ затѣмъ событiяхъ придворно-политической жизни: вмѣстѣ съ княземъ А. М. Черкасскимъ и княземъ Н. Ю. Трубецкимъ, онъ содѣйствовалъ уничтоженiю ограничительныхъ условiй, предъявленныхъ императрицѣ Аннѣ при ея вступленiи на престолъ, при чемъ составленiе адреса императрицѣ отъ имени противниковъ «верховниковъ» было пору-

---

[1]) «Il composa aussi dans sa jeunesse quelques chansons qu'on chante encore en Russie. Je ne les connois que par le regret qu'il marque dans une de ses Satyres, de les avoir faites». Satyres de M. le prince Cantemir, стр. 139—140.

чено именно Кантемиру. За эти услуги онъ получилъ отъ Анны Іоанновны 1030 крестьянскихъ дворовъ въ Нижегородскомъ и Брянскомъ уѣздахъ, что до извѣстной степени поправило его незавидное матеріальное состояніе. Наконецъ, въ концѣ 1731 года умъ и таланты Кантемира были оцѣнены назначеніемъ его (указомъ 24 декабря названнаго года) на постъ резидента въ Лондонъ, куда онъ и отправился изъ Москвы 1 января 1732 года, не имѣя и полныхъ 23-хъ лѣтъ отъ роду.

Участіе въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ своей эпохи далеко не поглощало всѣхъ силъ Кантемира; имѣя въ виду природныя его склонности, можно даже предполагать, что такая роль была для него случайной, явившись результатомъ принадлежности его къ тѣсному кругу придворной аристократіи и пріобрѣтенной имъ образованности, выдѣлявшей Кантемира въ извѣстные моменты на особенно видное мѣсто. По своимъ личнымъ симпатіямъ Кантемиръ былъ скорѣе всего человѣкомъ кабинетнаго труда и литературныхъ занятій; продолжая учиться изъ книгъ и сношеній съ выдающимися людьми, русскими и особенно иностранцами, въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ въ то же время все болѣе и болѣе сознательно и глубоко вглядывался въ русскую жизнь съ точки зрѣнія независимаго наблюдателя и философа и облекалъ свои наблюденія, мысли и чувства въ литературную форму; образцами послѣдней служили ему древніе классики, особенно Горацій, и современная французская ложноклассическая литература, во главѣ съ ея теоретикомъ-руководителемъ Буало. Идя въ своемъ литературномъ развитіи непрерывно впередъ, Кантемиръ въ послѣдніе два года до отъѣзда заграницу обнаружилъ весьма значительное напряженіе своей писательской энергіи и успѣлъ создать главнѣйшія изъ тѣхъ произведеній, которыя составляютъ его право на вниманіе потомства.

Говоря о Прокоповичѣ, мы уже имѣли случай (стр. 416—417) указывать на стихотворную переписку между нимъ и Кантемиромъ: со стороны Кантемира она проникнута не столько грустнымъ чувствомъ по поводу наблюдаемой дѣйствительности (политическаго «ненастья»), сколько бодростью и желаніемъ бороться съ врагами просвѣщенія [1]). Блестящимъ фактическимъ выраженіемъ этого настроенія явились первыя пять сатиръ Кантемира, написанныя имъ въ теченіе времени съ конца 1729 по конецъ 1731 года; заново переработанныя потомъ заграницей, онѣ въ данномъ случаѣ интересны для насъ въ такъ называемой первоначальной редакціи, будучи уже и въ этомъ видѣ снабжены подробными примѣчаніями и поясненіями. Первая сатира, озаглавленная «На хулящихъ ученіе. Къ уму своему», сочинена авторомъ въ концѣ 1729 года и—по его собственнымъ словамъ—«есть первая изъ трудовъ авторовыхъ (т. е. въ области сатиры), который имя свое утаилъ, по обычаю всѣхъ почти сатириковъ»; далѣе онъ прибавляетъ, что «сатира сія ни съ чего не имитована, но есть выдумка нашего автора, понеже изъ всѣхъ сатириковъ никто особ-

---

[1]) Сочиненія А. Д. Кантемира, I (1867), стр. 22. 283—288.

ливую сатиру на хулящихъ ученіе не дѣлалъ» [1]). Въ особомъ «предисловіи къ читателю» сатиры авторъ объясняетъ, что побужденіемъ его при написаніи этого произведенія была «ни зависть, ни злобная хулить охота», но «излишество времени почти побудило къ тому»; мы, конечно не можемъ довѣрять такому признанію: оно объясняется желаніемъ отклонить подозрѣніе въ литературной «злобѣ», въ сатирѣ «на лица»; впрочемъ — прибавляетъ авторъ — «кто меня за нихъ (сатиры) хулить станетъ, тотъ помнилъ бы, что дурной лицомъ николи зеркала не любитъ» [2]). Всѣ эти оговорки были въ русской литературѣ совершенной новостью и интересны со стороны литературныхъ пріемовъ эпохи; не можетъ подлежать сомнѣнію, что на самомъ дѣлѣ Кантемиръ при написаніи какъ этой, такъ и послѣдующихъ сатиръ руководился совершенно сознательными мотивами общественнаго служенія. Содержаніе сатиры вполнѣ опредѣляется первой половиной ея заглавія: въ ней выведены разные типы, нападающіе, каждый со своей точки зрѣнія, на ученье (невѣжественный церковникъ, щеголь, скупецъ, гуляка и проч.); кромѣ того, авторъ и отъ собственнаго лица съ грустью свидѣтельствуетъ о жалкомъ состояніи науки:

> Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
> Изъ всѣхъ знатнѣйшихъ домовъ съ ругательствомъ сбита
> И въ самой богадельнѣ мѣста не находитъ...

Хотя, по собственному признанію автора сатиры, онъ «не много себѣ ею льстилъ», однако показалъ ее «одному пріятелю», черезъ котораго сатира сдѣлалась извѣстна въ публикѣ и вызвала стихотворныя обращенія къ нему не только со стороны Ѳеофана Прокоповича, какъ уже было упомянуто, но и Новоспасскаго архимандрита Ѳеофила Кролика, на латинскомъ языкѣ [3]). Сочувствіе это было тѣмъ болѣе цѣнно, что въ первой сатирѣ своей Кантемиръ не выступилъ сторонникомъ какой-либо опредѣленной партіи и явился лишь защитникомъ просвѣщенія, устанавливая его необходимость для Россіи въ тѣсную связь съ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго; въ одномъ изъ примѣчаній къ сатирѣ онъ съ чувствомъ удовлетворенія указывалъ на то, что и юный императоръ Петръ II «собою показалъ образъ почитанія наукъ», хотя, можетъ быть, въ этомъ случаѣ указаніе сатирика соотвѣтствовало не столько дѣйствительности, сколько его пожеланіямъ.

Ободренный успѣхомъ I сатиры въ тѣсномъ кругу просвѣщенныхъ цѣнителей, Кантемиръ черезъ два мѣсяца, т. е. въ началѣ 1730 года, написалъ вторую сатиру, озаглавивъ ее: «На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ». Въ примѣчаніяхъ къ этому произведенію авторъ указы-

---

[1]) Соч. I, 195. Впрочемъ, въ примѣчаніяхъ къ сатирѣ самъ авторъ указываетъ на нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ онъ «имитовалъ» Овидія: I, стр. 201—202.

[2]) Соч. I, стр. 188—189.

[3]) Соч. I, стр. 23—24.

ваетъ на то, что содержаніе его онъ отчасти («весьма мало») заимствовалъ изъ Ювенала (сат. VIII) и Буало (сат. V), а діалогическую его форму взялъ «съ образца третьей сатиры Боаловой, въ которой онъ смѣшной пиръ описываетъ» [1]). Несмотря на эти указанія, проистекавшія прежде всего изъ литературной добросовѣстности Кантемира и его особой любви къ разнымъ примѣчаніямъ и ссылкамъ, и эта II сатира была по существу вполнѣ оригинальной новостью для русскихъ читателей, хотя, при рукописномъ лишь распространеніи сатиры, кругъ ихъ былъ столь же тѣсенъ, какъ и относительно I-ой сатиры. Содержаніе II-ой сатиры имѣло тѣсную связь съ содержаніемъ I-ой: въ ней были подвергнуты осмѣянію тѣ «злонравные» дворяне, которые завидовали возвышенію до видныхъ мѣстъ въ государствѣ простыхъ по происхожденію людей, въ силу изданной Петромъ Великимъ «табели о рангахъ», и стремились получить всѣ служебныя преимущества исключительно по праву своего рожденія. Боясь и тутъ упрека читателей, которые могутъ обвинять автора въ нападкахъ на дворянство и въ неуваженіи къ этому важному сословію въ государствѣ, Кантемиръ въ «предисловіи къ читателю» этой сатиры выясняетъ свое намѣреніе: «я не благородіе хулить намѣряюся, но устремляюся противъ гордости и зависти дворянъ злонравныхъ, чѣмъ самимъ всякое благонравіе защищаю», т. е. опять-таки, какъ и относительно первой сатиры, считаетъ нужнымъ указывать не на личный, а на общественный характеръ своего обличенія; «все, что я пишу — прибавляетъ онъ далѣе — пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ» [2]). Сатира имѣетъ форму бесѣды между любителемъ добродѣтели (Аретофилосъ) и дворяниномъ. II эта сатира вызвала сочувственное обращеніе къ автору со стороны Ѳеофила Кролика въ латинскихъ стихахъ. Въ собственно-литературномъ отношеніи II сатира должна быть признана слабѣе I-ой: она отличается нѣкоторой растянутостью, потому что, будучи посвящена болѣе узкому вопросу, почти вдвое длиннѣе первой.

III сатира Кантемира еще обширнѣе по объему, чѣмъ II-ая; она написана, вѣроятно, въ 1730 году [3]) и, не нося особаго заглавія, посвящена авторомъ Ѳеофану Прокоповичу. Цѣлью при написаніи этого произведенія было, по объясненію автора, отблагодарить Прокоповича за его сочувствіе двумъ первымъ сатирамъ: въ началѣ сатиры воздается похвала этому «мудрому первосвященнику», а затѣмъ изображается рядъ типическихъ носителей разныхъ пороковъ (скупецъ, расточитель, болтунъ, ханжа, славолюбецъ и проч.), и сатира заканчивается новой похвалой Прокоповичу. Одинъ изъ біографовъ Кантемира, В. Я. Стоюнинъ, утверждаетъ, что при писаніи этой сатиры авторъ, изображая пороки, имѣлъ въ виду опредѣленныя личности и даже въ первой изъ изображенныхъ

---

[1]) Соч. I, стр. 214.

[2]) Соч., стр. 204.

[3]) Самъ авторъ въ примѣчаніяхъ къ первоначальной редакціи этой сатиры опредѣляетъ 1731 годъ, а въ позднѣйшей ихъ обработкѣ 1730: Соч. I, стр. 76. 237.

фигуръ, жадномъ до наживы Тиціи, склоненъ прямо видѣть портретъ графа Рагузинскаго [1]); доказать это, конечно, трудно, но въ самомъ предположеніи относительно портретности выведенныхъ сатирикомъ лицъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: въ одномъ изъ примѣчаній къ I сатирѣ самъ авторъ указываетъ на сходство выведеннаго тамъ епископа съ нѣкіимъ Д*, подъ которымъ біографы справедливо предполагаютъ Георгія Дашкова. Въ качествѣ литературныхъ образцовъ для III сатиры авторъ указываетъ на Өеофраста и Лабрюера, которые «оба показали себя въ ясномъ изображеніи различныхъ человѣческихъ нравовъ». IV сатира написана въ 1731 году и озаглавлена «Къ музѣ моей»; она отличается сравнительной краткостью и посвящена авторомъ чисто субъективному вопросу—о характерѣ своего писательскаго призванія. Намеки на трудность своего положенія, какъ сатирика, Кантемиръ дѣлалъ и въ прежнихъ сатирахъ, указывая преимущественно на то, что русское общество въ общемъ не доросло еще до пониманія сущности и истинныхъ цѣлей этого литературнаго рода; въ IV-ой сатирѣ онъ посвящаетъ этому вопросу спеціальное вниманіе и, желая раскрыть свое истинное настроеніе, какъ сатирика, между прочимъ говоритъ:

> Стихи, что чтецовъ всѣхъ на смѣхъ побуждаютъ,
> Часто слезъ издателю причина бываютъ.
> Знаю, что правду пишу и именъ не значу,
> Смѣюся въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу...

Однако мысль сатирика оставить, ради своего спокойствія, сатиру и обратиться къ хвалебной одѣ встрѣчаетъ противодѣйствіе въ его собственныхъ природныхъ склонностяхъ:

> Риѳмы не могу прибрать, какъ хвалить желаю.
> Сколько ногти ни грызу и тру лобъ вспотѣлый,
> Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы.

и въ концѣ еще рѣшительнѣе прежняго склоняется къ сатирическому обличенію:

> Въ сатирахъ хочу состарѣти,
> А не писать мнѣ нельзя...

Самъ Кантемиръ отмѣчаетъ, что многое заимствовалъ въ этой сатирѣ изъ VII-ой сатиры Буало и отчасти изъ I-ой Ювенала. Наконецъ, тѣмъ же подражательнымъ характеромъ отличается и V сатира Кантемира—послѣдняя изъ написанныхъ имъ въ Россіи. Она озаглавлена «На человѣка»; авторъ писалъ ее передъ самымъ отъѣздомъ заграницу, слѣдовательно въ концѣ 1731 года. Будучи подражаніемъ VIII сатирѣ Буало, произведеніе это, по собственному объясненію автора, «тщится показать, что не

---

[1]) Князь Антіохъ Кантемиръ, при I т. «Сочиненій А. Д. Кантемира», стр. LVIII—LX.

только онъ (человѣкъ) глупѣе всѣхъ скотовъ, но еще злѣе всѣхъ звѣрей и дичѣе всякаго урода, котораго бы умъ вымыслить могъ». Чтобы доказать эту крайне пессимистическую мысль, нашъ сатирикъ въ рядѣ отдѣльныхъ картинъ выводитъ передъ читателемъ образцы человѣческаго непостоянства, глупости и злости.

Въ результатѣ этого анализа онъ дѣлаетъ такое заключенiе:

Человѣкъ одинъ, ума одаренный свѣтомъ,
Въ темнотѣ ходитъ вѣкъ свой, не въ время прилеженъ,
Въ чемъ не нужно трудится, а въ потребномъ леженъ,
Все что онъ ни дѣлаетъ—безъ смысла, не кстати,
Все нравно и ненравно, и обыклъ бывати
Безъ причины радостенъ, безъ причины скорбенъ;
На удачу онъ любитъ, гонитъ, смиренъ, злобенъ,
Дѣлаетъ, портитъ, множитъ, малитъ, возвышаетъ,
Низитъ, ищетъ съ жадностью или обѣгаетъ.

Въ литературномъ отношенiи эта сатира должна быть признана, въ ея цѣломъ, самой слабой изъ всѣхъ первыхъ пяти сатиръ Кантемира; причиной этого являются главнымъ образомъ ея размѣры: она—самая длинная изъ всѣхъ вообще сатиръ нашего автора, включая сюда и написанныя имъ заграницей: В. Я. Стоюнинъ и П. А. Ефремовъ высказали [1]) предположенiе, что до отъѣзда заграницу написана Кантемиромъ и еще одна сатира (называемая обыкновенно IX-ю, подъ заглавiемъ «Къ солнцу»), но это предположенiе, основанное лишь на внѣшнихъ признакахъ, опровергается позднѣйшей находкой С. Н. Брайловскаго [2]), изъ которой ясно, что сатира эта писана была позднѣе, именно въ iюлѣ 1738 года.

Сатиры составляли главный предметъ литературныхъ интересовъ Кантемира, но рядомъ съ ними онъ обращался и къ другимъ литературнымъ формамъ, затрагивалъ совсѣмъ другiя темы. Послѣ написанiя III сатиры, онъ сдѣлалъ опытъ въ серьезномъ эпическомъ родѣ, на тему о Петрѣ Великомъ, подъ заглавiемъ «Петрида или описанiе стихотворное смерти Петра Великаго»; однако этотъ планъ въ полномъ видѣ не осуществился: Кантемиръ написалъ лишь первую «книгу» задуманной поэмы и далъ въ ней довольно слабую, хотя и пространную, характеристику личности и государственныхъ заслугъ великаго преобразователя, а затѣмъ, чувствуя несоотвѣтствiе своего таланта «высокому» эпическому стихотворству, снова перешелъ къ сатирѣ (IV); хотя послѣ этого Кантемиръ все-таки мечталъ о продолженiи «Петриды»—очевидно, побуждаемый къ этому скорѣе желанiемъ воздать дань уваженiя памяти Петра Великаго, чѣмъ свободнымъ творческимъ движенiемъ—но, въ виду предстоявшаго

[1]) Назв. соч., стр. LXXIX—LXXX; Соч. К-ра, I. 188, прим. 1.

[2]) Девятая сатира Кантемира по вновь найденному списку: Ж. М. Н. Пр. 1892, № 7, стр. 73.

отъѣзда заграницу, «уразумѣвъ чрезъ искусъ, что оно немалаго требуетъ прилежанія, также лишаяся къ тому потребныхъ извѣстій, отложилъ то до другого времени, когда и способы къ тому лучшіе будутъ и мысли его (автора), различными нуждами нынѣ смущаемыя, спокоятся» [1]. Однако къ продолженію поэмы Кантемиръ никогда болѣе не возвращался. Столь же мало удачнымъ вышло и стихотвореніе «Рѣчь» къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ—родъ хвалебной оды, писанной въ іюнѣ 1731 года. Лучше чувствовалъ себя Кантемиръ въ области морализующаго стихотворства, куда должны быть включены его переложенія псалмовъ XXXVI и LXXII, написанныя, вѣроятно, въ 1730 году, а также въ сферѣ эпиграммы и басни. Къ 1730 году относится рядъ эпиграмъ «На самолюбца», «О прихотливомъ женихѣ», «Къ читателямъ сатиръ» и пр. [2], а въ 1731 году были написаны имъ четыре басни: «Огонь и восковой болванъ», «Верблюдъ и лисица», «Ястребъ, павлинъ и сова» и «Пчелиная матка и змія» [3]. Басни имѣютъ подъ собою вполнѣ реальную подкладку, изображая политическихъ враговъ Кантемира или заключая въ себѣ взгляды и настроенія автора по поводу происходившихъ вокругъ его событій [4]. Наконецъ, къ этой же порѣ до-заграничной жизни Кантемира относится и два переводныхъ его труда: «Таблица Кевика-философа или изображеніе житія человѣческаго» (1729) и «Разговоры о множествѣ міровъ» Фонтенеля (1730). Если первый трудъ [5], написанный въ оригиналѣ по-гречески, но переведенный Кантемиромъ съ французскаго, интересенъ для характеристики житейскихъ воззрѣній нашего сатирика-моралиста, его осторожной умѣренности и склонности подчинять свои страсти голосу разсудка, то второе сочиненіе, снабженное Кантемиромъ, при переводѣ, объяснительными примѣчаніями [6], свидѣтельствуетъ объ его высокихъ умственныхъ интересахъ въ научно-философской области: «Entretiens sur la pluralité des mondes» (1686) знаменитаго французскаго писателя были такимъ сочиненіемъ, въ которомъ впервые, въ чрезвычайно ясной формѣ, представлено преобладаніе выработаннаго наукой взгляда на міроздание и

---

[1]) Соч. I. 268.

[2]) Соч. I. 335—337.

[3]) Соч. I. 326—330.

[4]) Объясненіе ихъ см. у В. Я. Стоюнина, назв. ст., стр. LXX—LXXIV. В. Г. Дружининъ, въ статьѣ «Три неизвѣстныя произведенія князя Антіоха Кантемира», приписываетъ ему два стихотворенія: «Стихи на желающихъ чести при дворѣ» и другое, безъ заглавія, начинающееся словами «Державнѣйшій монархъ...», извлеченныя имъ изъ рукописнаго сборника Рум. Музея № 2655 (Ж. М. Н. Пр. 1887 № 12, стр. 199—204); однако мы не находимъ никакихъ основаній для подобнаго заключенія и полагаемъ, что названныя стихотворенія пока должны быть оставлены въ сторонѣ отъ подлиннаго объема авторской дѣятельности нашего сатирика: ср. Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1879—1882 (М. 1884), стр. 28.

[5]) Соч. II. 384—390.

[6]) Соч. II. 390—429. Переводъ Кантемира былъ напечатанъ въ Петербургѣ, въ 1740 году, при Академіи Наукъ. О перепискѣ его по поводу этой книги см. В. Стоюнинъ, Князь Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ. В. Евр. 1867, № 6. стр. 105—108.

вселенную надъ темными гаданіями, унаслѣдованными отъ прошлаго; этотъ свой переводъ Кантемиръ посвятилъ Петербургской Академіи Наукъ «въ знакъ своего благодарства за полученное отъ ея мудрыхъ членовъ воспитаніе и наставленіе».

Біографами обыкновенно высказывается мнѣніе [1], что передъ отъѣздомъ изъ Россіи Кантемиръ собралъ пять своихъ сатиръ въ одинъ сборникъ, съ цѣлью напечатать, и въ началѣ этого сборника помѣстилъ упомянутую оду къ императрицѣ Аннѣ. Возникновеніе этого мнѣнія объясняется тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ имѣется значительное количество рукописныхъ копій середины XVIII в., содержащихъ въ себѣ оду съ пятью сатирами, къ которымъ въ нѣкоторыхъ спискахъ присоединена т. наз. IX-ая сатира Кантемира, а также другія стихотворенія, принадлежность которыхъ этому автору не можетъ быть доказана [2]. Намъ думается, что предположеніе это не можетъ быть принято за достовѣрное. Кантемиръ вообще нигдѣ не говоритъ до своего отъѣзда заграницу о намѣреніи напечатать первыя пять сатиръ; судя по тому, какія онѣ вызывали нападки на автора при рукописномъ ихъ распространеніи, напечатаніе сатиръ не могло доставить автору ничего, кромѣ непріятностей, да едва ли и можно было разсчитывать на разрѣшеніе печатать произведенія съ такимъ боевымъ содержаніемъ; наконецъ, къ моменту выѣзда заграницу, написанныя Кантемиромъ пять сатиръ не были въ такой степени литературно обработаны, чтобы удовлетворить съ этой стороны ихъ автора, судя по его послѣдующей работѣ надъ ними заграницей. Намъ кажется, поэтому, болѣе естественнымъ объяснить возникновеніе упомянутыхъ сборниковъ не намѣреніемъ Кантемира выступить со своими сатирами въ печати, а скорѣе ихъ популярностью въ тогдашней читающей средѣ: въ началѣ 30-хъ годовъ XVIII в. ихъ читалъ вслухъ въ средѣ духовныхъ лицъ Тредьяковскій, а въ 40-хъ годахъ Ломоносовъ офиціально свидѣтельствовалъ, что «въ россійскомъ народѣ сатиры князя А. Д. Кантемира съ общей аппробаціею приняты, хотя въ нихъ всѣ страсти всякаго чина людей самымъ острымъ сатирическимъ жаломъ проницаются» [3].

Въ 1731 году, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ перерыва дипломатическихъ сношеній съ Англіей, русское правительство рѣшило назначить въ Лондонъ своего офиціальнаго представителя въ званіи резидента, и на этотъ постъ избранъ былъ князь Кантемиръ. Онъ отправился изъ Москвы 1-го января 1732 года, заѣзжалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ и затѣмъ, черезъ Данцигъ, Берлинъ и Гагу, прибылъ въ Лондонъ 30-го марта 1732 года. Въ Лондонѣ, бывшемъ тогда центромъ европейской учености, Кантемиръ пробылъ немного болѣе шести лѣтъ, посвящая свое время главнымъ образомъ выполненію служебныхъ обязанностей, въ которомъ проявилъ много

---

[1]) Напр., у В. Я. Стоюнина, назв. ст., стр. LXXIX.

[2]) Перечень этихъ рукописныхъ сборниковъ—къ сожалѣнію, безъ подробнаго ихъ описанія—имѣется въ статьѣ Т. Глаголевой: Матеріалы для полнаго собранія сочиненій кн. А. Д. Кантемира. Изв. II Отд. А. Н. Т. XI (1906), кн. 1, стр. 179—181.

[3]) П. Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ. Т. I, стр. 37—38. 133.

инціативы, проницательности и настойчивости; памятникомъ этой стороны его дѣятельности являются образцовыя во всѣхъ отношеніяхъ дипломатическія «реляціи» Кантемира (отчасти изданныя проф. В. Н. Александренко: Т. I—II. М. 1892—1903). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кантемира глубоко интересовала и внутренняя жизнь Англіи; только, въ противоположность другимъ выдающимся наблюдателямъ этой страны того времени, напр. Вольтеру и Монтескье, удивлявшимся всего болѣе политическому строю Англіи, Кантемиръ интересовался главнымъ образомъ развитіемъ англійскаго научнаго и философскаго генія; онъ принялся за изученіе англійской литературы, слѣдилъ за развитіемъ въ этой странѣ математическихъ познаній. Кромѣ того, сблизившись съ кружкомъ образованныхъ итальянцевъ въ Лондонѣ (Пуччи, Замбони, Озоріо), онъ изучалъ вмѣстѣ съ ними итальянскихъ и древнихъ классиковъ. Такимъ образомъ, Кантемиръ осуществилъ въ Лондонѣ свою давнишнюю мечту поучиться заграницей и расширить рамки своего несистематически полученнаго образованія; кабинетныя наклонности К. и предоставленная имъ себѣ свобода отъ слишкомъ близкаго участія въ свѣтской жизни англійскаго общества давали къ тому полную возможность. Въ апрѣлѣ 1738 года Кантемиръ былъ назначенъ, въ званіи полномочнаго министра, къ французскому двору и прибылъ въ Парижъ 19-го сентября 1738 года. Оффиціальное положеніе Кантемира здѣсь было гораздо труднѣе, чѣмъ въ Лондонѣ, такъ какъ, слѣдуя указаніямъ своего правительства, онъ долженъ былъ поддерживать такую политику Россіи (относительно Швеціи, Польши, Турціи и Австріи), которая находилась въ полномъ противорѣчіи съ внѣшней политикой Франціи; въ виду этого, при дворѣ встрѣчалъ онъ холодность, а со стороны французскихъ министровъ—недовѣріе и подозрѣніе въ англоманствѣ. Однако осторожность и тактъ Кантемира обезпечивали ему спокойное выполненіе своей роли; переходъ къ новому режиму въ Россіи, при вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы, лишь упрочилъ оффиціальное положеніе его въ Парижѣ. Оставаясь вѣрнымъ своимъ привычкамъ, Кантемиръ и здѣсь отдавалъ все свое свободное время дружескимъ сношеніямъ съ представителями французской литературы и науки (Вольтеръ, Мопертюи и др.) и занятіямъ вопросами философіи, этики и религіи. Продолжая интересоваться учеными людьми изъ итальянцевъ, Кантемиръ сблизился въ Парижѣ, между прочимъ, съ аббатомъ Гваско, который, въ свою очередь, настолько заинтересовался личностью и литературной дѣятельностью нашего сатирика, что первый свой трудъ на французскомъ языкѣ посвятилъ описанію его жизни и французскому переводу его сатиръ; это сочиненіе (см. выше, стр. 412), предпринятое не безъ содѣйствія французскихъ друзей Кантемира, герцогини Эгійонъ и Монтескье, напечатано было, черезъ пять лѣтъ послѣ смерти Кантемира, въ Лондонѣ двумя изданіями—1749 и 1750 [1]). Въ культурной

---

[1]) Интересную картину изъ частной жизни Кантемира въ Парижѣ, представляющую именно его отношенія къ французскимъ писателямъ и своему будущему біографу, но страдающую нѣкоторыми условностями въ собственно историческомъ смыслѣ, далъ

обстановкѣ европейской жизни, занимаясь своими литературными трудами въ часы, досужіе отъ дипломатической службы, Кантемиръ чувствовалъ себя и въ Парижѣ, какъ въ Лондонѣ, очень хорошо; въ Россію онъ не стремился вернуться, хотя сестра Марія нетерпѣливо желала этого возвращенія, мечтая о женитьбѣ брата на княжнѣ В. А. Черкасской и объ ожидавшей его вліятельной роли при петербургскомъ дворѣ; въ октябрѣ 1741 года онъ писалъ сестрѣ: «мнѣ живется хорошо и спокойно; если мнѣ кое-кто завидуетъ, то я никому не завидую и весьма доволенъ своею судьбой; нисколько не стремлюсь я выше, ближе къ солнцу, гдѣ восковыя перья таютъ, и откуда какъ разъ полетишь головою внизъ на дно морское» [1]). Между тѣмъ, силы Кантемира подтачивала серьезная внутренняя болѣзнь, въ желудкѣ и почкахъ. Первоначально, въ 1741 и 1743 годахъ, онъ искалъ отъ нея спасенія въ пользованіи Ахенскими и Пломбьерскими источниками, но, не видя существеннаго улучшенія, обратился съ прошеніемъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о разрѣшеніи ему ѣхать въ Италію для лѣченія; отвѣтный рескриптъ (отъ 14-го февраля 1744 года) пришелъ уже въ то время, когда упадавшія силы больного не позволили ему двинуться въ путь, и 31-го марта (по старому стилю) 1744 года онъ скончался, успѣвъ заблаговременно устроить свои домашнія дѣла и написать подробное завѣщаніе [2]). Согласно выраженному желанію покойнаго, тѣло его было отправлено, черезъ Голландію, въ Россію и погребено въ семейной усыпальницѣ князей Кантемировъ, въ нижней церкви Греческаго монастыря, на Никольской улицѣ, въ Москвѣ [3]).

Несмотря на сложность и нерѣдко трудность своихъ дипломатическихъ обязанностей, Кантемиръ и заграницей находилъ досугъ и охоту къ литературнымъ занятіямъ; особенно это слѣдуетъ сказать о времени его жизни въ Парижѣ. Большое значеніе самъ Кантемиръ придавалъ своимъ переводамъ нѣкоторыхъ произведеній классической литературы. Такъ, еще въ Россіи, въ 1729 году, начатъ былъ имъ переводъ съ латинскаго на русскій языкъ Юстиновой Исторіи, т. е. извѣстнаго сочиненія «Justini Historiae Philippicae et totius mundi origines et terrae situs, ex Trogo Pompejo»; переводчикъ продолжалъ свой трудъ въ Лондонѣ и Парижѣ, закончивъ его въ 1743 году [4]); въ 1736 году законченъ былъ переводъ, съ греческаго, пѣсенъ Анакреона, снабженный, по обыкновенію Кантемира, подробными примѣчаніями. Оба перевода Кантемиръ,

---

К. Н. Батюшковъ въ своемъ извѣстномъ очеркѣ «Вечеръ у Кантемира»: Соч., подъ ред. Л. Майкова, II, стр. 218—236.

[1]) И. Шимко. Новыя данныя къ біографіи кн. А. Д. Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ. Ж. М. Н. Пр. 1891 № 6, стр. 296.

[2]) Оно напечатано въ книгѣ Байера, стр. 346—355, и въ Соч. II, стр. 350—356.

[3]) В. Александренко. Къ біографіи князя Кантемира. Варш. Унив. Изв. 1896, II, стр. 1—7.

[4]) Предисловіе къ этому переводу, считавшемуся нѣкоторое время утраченнымъ (Соч. II, стр. 453), и біографическая замѣтка переводчика объ Юстинѣ напечатаны В. Дружининымъ: назв. ст., стр. 197—199.

приготовивъ къ печати, отправилъ графу М. Л. Воронцову изъ Парижа, въ мартѣ 1743 года, прося ихъ, вмѣстѣ съ сатирами, поднести императрицѣ, при чемъ относительно переводовъ выразился, что «Іустинъ и Анакреонъ подлинно печати достойны»; впрочемъ, это желаніе переводчика не осуществилось: гораздо позднѣе напечатанъ лишь Анакреонъ [1]). Въ 1742 году, въ Парижѣ, Кантемиръ приготовилъ къ печати переводъ, съ латинскаго, «Писемъ» Горація и отправилъ ихъ въ Петербургъ, гдѣ они, въ качествѣ первыхъ десяти I книги, были напечатаны, подъ наблюденіемъ Тредьяковскаго, при Академіи Наукъ въ годъ смерти переводчика (1744), съ присоединеніемъ его же «Письма Харитона Макентина къ пріятелю о сложеніи стиховъ русскихъ» [2]). Рукопись «письма» была представлена въ Академію княземъ Н. Ю. Трубецкимъ, при чемъ имя Кантемира на вышедшей книгѣ не было упомянуто: онъ названъ лишь «знатнымъ нѣкоторымъ охотникомъ до стихотворства» [3]); псевдонимъ же «Харитона Макентина» произвольно составленъ имъ самимъ изъ буквъ, содержащихся въ его имени и фамиліи. Письмо это представляетъ собою довольно обширный трактатъ, въ пяти главахъ, посвященный вопросу о русскомъ стихосложеніи; по существу онъ является возраженіемъ на вышедшій въ 1735 году трудъ Тредьяковскаго «Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ», на что указываетъ въ самомъ началѣ и самъ авторъ. Кантемиръ, въ своемъ сочиненіи, высказывается противъ рекомендуемаго Тредьяковскимъ для русскаго языка тоническаго стихосложенія, отстаивая со своей стороны тринадцатисложный силлабическій стихъ; впрочемъ, «письмо» совершенно лишено характера полемики, не имѣло въ свое время никакого вліянія на развитіе вопроса о характерѣ русскаго стихотворства и интересно лишь какъ теоретическое оправданіе собственной стихотворной практики Кантемира въ его сатирахъ.

Въ смыслѣ историческаго значенія, главнымъ литературнымъ трудомъ Кантемира и въ заграничный періодъ его жизни были, конечно, сатиры; этотъ трудъ распадается съ одной стороны—на написаніе четырехъ новыхъ сатиръ, а съ другой—на передѣлку пяти старыхъ, написанныхъ въ Россіи. По словамъ самого автора, четыре новыя сатиры были написаны въ 1738—39 годахъ, а общая работа надъ сатирами была кончена въ исходѣ 1742 года. VI сатира была написана въ началѣ 1738 года, вѣроятно въ Лондонѣ; она носитъ заглавіе «О истинномъ блаженствѣ» и представляетъ собою развитіе любимыхъ мыслей автора, входившихъ въ кругъ его житейской и нравственной философіи: блаженъ только тотъ, кто «малымъ доволенъ», даетъ лишь «нужное умѣренной волѣ», не стремится къ почестямъ, умѣетъ находить удовлетвореніе въ добродѣтели и можетъ «отъ

---

[1]) Соч. II, стр. 341—383.

[2]) То и другое перепечатано, съ добавленіемъ не напечатаннаго раньше изъ Горація (съ 11 письма I книги и до конца), въ Соч. I, стр. 384—559; II, стр. 1—20. Ср. объ этомъ трудѣ Кантемира замѣтку А. А. Веселовскаго: Кантемиръ—переводчикъ Горація. Изв. II Отд. А. Н. 1914, кн. 1, стр. 242—254.

[3]) П. Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ. II, стр. 91—94.

шуму отдаленъ, прочее все время провожать межъ мертвыми греки и латины, изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины». Эту мысль авторъ развиваетъ путемъ примѣровъ, рисуя передъ читателемъ тщеславнаго, завистливаго и жаднаго человѣка:

Добродѣтель лучшая есть наша украса;
Тишина ума подъ ней и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе. Кому богатствъ доля
Пала и славы, тѣхъ трехъ благъ можетъ лишиться—

вотъ къ чему сводитъ сатирикъ свои наблюденія надъ жизнью и свой идеалъ счастья. Въ іюлѣ того же 1738 года, т.е. уже по переѣздѣ въ Парижъ, была сочинена Кантемиромъ и такъ называемая IX сатира «Къ солнцу (на состояніе свѣта сего)», не внесенная авторомъ въ число восьми сатиръ, предназначенныхъ къ печати. По мнѣнію Н. С. Тихонравова, впервые напечатавшаго ее въ 1858 году въ «Библіографическихъ Запискахъ», изъ всѣхъ сатиръ Кантемира «ни одна, можетъ быть, не проникнута такимъ скорбнымъ негодованіемъ, какъ это неудостоившееся печати произведеніе»: негодованіе сатирика обращено противъ цѣлаго «свѣта», а въ сущности—противъ современной ему русской дѣйствительности, весьма туго поддававшейся культурному воздѣйствію реформы; невѣжество, суевѣріе, грубость нравовъ, безчестность и всевозможные пороки—вотъ обстановка этой жизни, отъ которой «глаза потемнѣютъ, голова вкругъ ходитъ».

Двѣ остальныя сатиры—седьмая и восьмая—написаны въ Парижѣ, въ 1739 году. VII-ая касается вопроса о воспитаніи и посвящена авторомъ своему другу Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, который, какъ мы видѣли, принималъ участіе въ изданіи перевода Горація и статьи Кантемира о стихосложеніи; ему же посвятилъ Кантемиръ и одно стихотворное «письмо», написанное въ слѣдующемъ 1740 году по поводу пожалованія Трубецкого въ должность генералъ-прокурора [1]). Къ вопросу о воспитаніи сатирикъ подходитъ съ чисто практической стороны; вспоминая сдѣланное Петромъ Великимъ для образованія народнаго, онъ усматриваетъ въ современной ему жизни русскаго общества отсутствіе или полную недостаточность ожидавшихся результатовъ; средство наставленія дѣтей въ разныхъ добродѣтеляхъ словами онъ считаетъ не достигающимъ своей цѣли и требуетъ личнаго примѣра, какъ главной основы дѣйствительнаго воспитанія:

Часто дѣти были бы честнѣе,
Если бъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собою владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали...
Полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю,
Въ сластяхъ всякихъ по уши себя погружаю;

---

[1]) Соч. I, стр. 321—322.

Однихъ счастливыми я зову лишь обильныхъ
И сотью то въ часъ твержу; завидую сильныхъ
Своевольству я людей и дружбу ихъ тщуся
Всячески достать себѣ, убогимъ смѣюся:
А однако жъ требую, чтобы сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ,
Зналъ обуздать похоти и съ одними знался
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался.

Онъ высказываетъ также мысль, что воспитательное вліяніе исходитъ не отъ однихъ только родителей или наставниковъ, но и отъ всей окружающей среды:

Не одни тѣ ростятъ насъ, коимъ наше дѣтство
Ввѣрено; со всѣхъ сторонъ находитъ посредство
Подскользнуться въ сердцѣ нравъ: все, что окружаетъ
Младенца, произвести въ немъ нравъ помогаетъ.

Вся сатира исполнена глубокаго воодушевленія, усиливаемаго личнымъ обращеніемъ автора къ своему другу, которому посвящено произведеніе; въ литературномъ отношеніи, она—одна изъ самыхъ удачныхъ, отражая въ себѣ лучшіе элементы европейской образованности автора, въ частности знакомство съ педагогическими идеями Локка, и его глубокую заинтересованность въ судьбахъ культурнаго преуспѣянія Россіи. Наконецъ, въ VIII сатирѣ, озаглавленной «На безстыдную нахальчивость», рекомендуется скромность, умѣренность и деликатность въ обращеніи съ людьми. Въ сатирѣ имѣется немалый элементъ и чисто личныхъ признаній автора, какъ сатирика:

Меня рокъ мой осудилъ писать осторожно,

говоритъ онъ о себѣ въ началѣ сатиры, а конецъ ея довольно неожиданно для читателя посвященъ похвалѣ императрицѣ Аннѣ; сатира принадлежитъ къ числу наименѣе удачныхъ.

Съ внѣшней стороны, сатиры VI, VII и VIII отличаются отъ первыхъ пяти сатиръ тѣми преимуществами стиха, которыя явились у автора столько же результатомъ его литературной практики, сколько и теоретическихъ занятій и размышленій надъ сущностью и художественными условіями силлабическаго стихотворства; свой тринадцатисложный стихъ онъ усовершенствовалъ въ томъ смыслѣ, что, при раздѣленіи его на два полустишія, строго наблюдалъ за правильностью удареній въ первомъ (на седьмомъ или пятомъ слогѣ) и во второмъ (на предпослѣднемъ) полустишіи (§§ 25—29 «Письма къ пріятелю о сложеніи стиховъ русскихъ»). Рѣшивъ соединить старыя сатиры съ новыми въ одинъ сборникъ, Кантемиръ обратился къ передѣлкѣ первыхъ, согласно новымъ своимъ воззрѣніямъ на правила стихосложенія, причемъ значительной обработкѣ подверглось и самое содержаніе сатиръ: въ большинствѣ случаевъ онѣ сокращены (особенно II сатира),

но кое-что добавлено, иное измѣнено. Когда эта работа была исполнена, Кантемиръ составилъ изъ восьми сатиръ (почему не вошла туда и девятая сатира, сказать трудно), съ примѣчаніями къ нимъ, особый сборникъ; къ нему присоединено было въ началѣ посвященіе императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, незадолго передъ тѣмъ восшедшей на престолъ, и, кромѣ того, особо приложено «Письмо стихотворца къ пріятелю», въ которомъ авторъ объясняетъ вкратцѣ ходъ и характеръ своихъ послѣднихъ работъ надъ сатирами. Этотъ сборникъ Кантемиръ отослалъ, въ мартѣ 1743 года, съ графомъ Ефимовскимъ, однимъ изъ двоюродныхъ братьевъ императрицы, въ Россію къ графу М. Л. Воронцову, вмѣстѣ съ переводами Юстина и Анакреона. «Всѣ тѣ книжки—писалъ онъ 3—14 марта 1743 г. Воронцову—я смѣлость принялъ посвятить Ея И. Величеству и ваше пре—во покорнѣйше прошу оныя Ея Величеству поднести. Іустинъ и Анакреонъ подлинно печати достойны; что же принадлежитъ до моихъ сатиръ и приложенныхъ при семъ стиховъ, Ея И. В. изволитъ сама судити, должно ли ихъ въ люди показати или нѣтъ. Я ихъ сочинилъ въ одномъ томъ намѣреніи, чтобъ, охуляя злонравіе, подать охоту злонравнымъ исправляться» [1]). Къ письму были приложены листокъ съ наставленіями наборщику и даже двѣ «доски рѣзныя» на случай печатанія: изъ этого ясно видно, что Кантемиръ желалъ въ это время напечатанія своихъ сатиръ, и неправъ французскій біографъ Кантемира, будто онъ никогда не хотѣлъ печатать эти произведенія [2]). О напечатаніи сатиръ Кантемиръ упоминаетъ и въ послѣдующихъ своихъ письмахъ къ графу Воронцову [3]); въ одномъ изъ нихъ онъ проситъ Воронцова, въ случаѣ если сатиры не будутъ немедленно напечатаны, дозволить князю Н. Ю. Трубецкому снять съ нихъ копію и, кромѣ того, выражаетъ желаніе, чтобы «по меньшей мѣрѣ всѣ тѣ три рукописныя книги (т. е. сатиры, Юстинъ и Анакреонъ) отданы были для сохраненія въ Императорскую библіотеку», потому что — говоритъ онъ—«у меня столь исправной копіи уже не осталося» [4]). Однако, по неизвѣстнымъ причинамъ, желаніе Кантемира видѣть свои сатиры въ печати не получило выполненія, и эти выдающіяся произведенія тогдашней русской литературы сначала увидѣли свѣтъ въ иностранныхъ переводахъ. Въ 1749 году онѣ изданы были, при біографіи Кантемира, аббатомъ Гваско, которымъ сатиры первоначально переведены были, съ помощію самого автора, по-итальянски и затѣмъ напечатаны по-французски въ не разъ уже цитованномъ изданіи: Satyres de Monsieur le prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie, traduites en francois. A Londres. MDCCXLIX; изданіе это предпринято съ одобренія самого Монтескье и, съ незначительными отмѣнами, повторено въ слѣдующемъ 1750 году. Въ 1752 году, въ Берлинѣ, вышло и нѣмецкое изданіе сатиръ, составляющее переводъ названнаго французскаго изданія Гваско, подъ именемъ: «Heinrich Eberhards Freyherrn von Spilker, Kö-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова. Книга I. М. 1870, стр. 357—358.

[2]) Satyres de M. le prince Cantemir, стр. 68.

[3]) Архивъ князя Воронцова, I, стр. 360—361. 363. 373.

[4]) Тамъ же, стр. 359.

nigl. preuss. Flügeladjutants etc. Freye Uebersetzung der Satyren des Prinzen Kantemir nebst einigen andern poëtischen Uebersetzungen und einiger Gedichten, mit einer Abhandlung von dem Ursprunge, Nutzen und Fortgang der Satyren und der Lebensbeschreibung des Prinzen Cantemir, herausgegeben und mit einer Vorrede begleitet von C. Mylius». Только въ 1761 году извѣстный по своей дѣятельности въ Академіи I. К. Тауберть вздумалъ издать на свой счетъ сатиры Кантемира по-русски; изданіе это вышло въ Петербургѣ въ 1762 году подъ заглавіемъ «Сатиры и другія стихотворческія сочиненія князя Антіоха Кантемира, съ историческими примѣчаніями и съ краткимъ описаніемъ его жизни». Оригиналомъ для этого изданія послужилъ, безъ сомнѣнія, тотъ текстъ, который 19 лѣтъ тому назадъ посланъ былъ самимъ авторомъ изъ Парижа; въ него вошли не только сатиры, но и нѣкоторыя пѣсни, письма, басни и эпиграммы Кантемира; однако подлинный текстъ потерпѣлъ немаловажныя измѣненія подъ перомъ редактора, которымъ былъ, повидимому, извѣстный И. Барковъ; приложенное къ изданію «житіе» Кантемира представляетъ собою сокращеніе французской біографіи аббата Гваско. Болѣе близкій къ оригиналу видъ сочиненія Кантемира получили лишь въ изданіи подъ ред. П. А. Ефремова, въ двухъ томахъ, въ 1867—1868 годахъ.

Изъ другихъ произведеній Кантемира, писанныхъ заграницей и нашедшихъ себѣ мѣсто въ изданіи 1762 года, заслуживаютъ вниманія: письмо «къ стихамъ своимъ», басни и «пѣсни». Письмо «къ стихамъ своимъ» написано было авторомъ въ 1743 году въ подражаніе 20 письму I книги Горація, какъ на это указываетъ самъ авторъ; но сравненіе стихотворенія Кантемира съ переведеннымъ имъ же самимъ письмомъ Горація (Соч. I. 513—515) показываетъ, что въ содержаніи своего произведенія авторъ нашъ былъ совершенно самостоятеленъ; онъ повторилъ въ немъ лишній разъ свою мысль, что писанныя имъ сатиры «должно отличать отъ злословія, понеже тѣхъ намѣреніе клонится къ обличенію злонравія, а не злонравнаго, и слѣдовательно если пользу не принесутъ, вредить никому не могутъ» [1]). Изъ басенъ Кантемиромъ написаны заграницей двѣ: «Городская и полевая мышь» и «Чижъ и снигирь» [2]); содержаніе ихъ заимствовано изъ Эзопа. В. Я. Стоюнинъ высказалъ предположеніе [3]), что и эти басни, подобно четыремъ прежнимъ, написаннымъ въ Россіи, мѣтятъ на политическія явленія русской жизни, однако подтвердить это опредѣленными указаніями трудно: въ первой баснѣ выражена излюбленная мысль Кантемира о скромности требованій отъ жизни, какъ единственномъ источникѣ счастья, а во второй— о пользѣ прислушиваться къ умнымъ совѣтамъ. «Пѣсни» Кантемира, которыя онъ самъ не прочь отожествить съ тѣмъ, что у древнихъ называется одой, отчасти повторяютъ сюжеты, обработанные въ сатирахъ, напр. «въ похвалу наукъ», «на злобнаго человѣка», отчасти же затрагиваютъ рели

[1]) Соч. I, 324.

[2]) Соч. I, 330—333.

[3]) Назв. ст., при I т. Соч. К—ра, стр. LXXXVI.

гіозно-нравственныя темы: «противу безбожныхъ», «о надеждѣ на Бога» [1]) Наконецъ, въ послѣдніе годы жизни Кантемиромъ написанъ обширный трактатъ, въ формѣ одиннадцати «Писемъ о природѣ и человѣкѣ» [2]), представляющій собою изложеніе взглядовъ автора на разные вопросы индивидуальной и общественной жизни. Д. Бантышъ-Каменскій [3]) выразилъ мнѣніе, что эти «письма» писаны Кантемиромъ «къ одной французской госпожѣ», подъ которой проф. Александренко [4]) склоненъ былъ разумѣть упомянутую уже герцогиню Эгійонъ; однако положительныхъ данныхъ къ разрѣшенію этого вопроса мы не имѣемъ.

Таковы, въ общихъ чертахъ, рамки довольно обширной литературной дѣятельности Кантемира [5]).

Литературная дѣятельность Кантемира, въ собственномъ смыслѣ, продолжалась не болѣе пятнадцати лѣтъ; однако въ этотъ сравнительно краткій промежутокъ времени имъ написано значительное количество произведеній въ стихахъ и прозѣ; добрая половина этого литературнаго труда падаетъ на переводы, оригинальная же дѣятельность сосредоточивается главнымъ образомъ на сатирахъ. Въ собственно литературномъ отношеніи Кантемиръ представляетъ собою выдающееся явленіе; въ любви къ литературному труду онъ врядъ ли уступалъ кому-либо изъ современныхъ ему русскихъ писателей. Хорошо зная древніе и нѣкоторые изъ новыхъ иностранныхъ (романскіе) языковъ, Кантемиръ имѣлъ возможность перенести впервые на русскую почву въ достаточно полномъ видѣ такихъ писателей, какъ Горацій и Анакреонъ—хотя переводъ послѣдняго и не былъ въ свое время опубликованъ; ему также вполнѣ доступна была и новоклассическая литература современной Франціи, элементы которой явились въ первый разъ русскимъ читателямъ именно въ его сатирахъ. Несмотря на то, что оригинальныя произведенія Кантемира при жизни автора не были напечатаны, они пользовались весьма значительной извѣстностью въ рукописныхъ копіяхъ, и это служитъ лучшимъ доказательствомъ живого интереса къ нимъ русскихъ читателей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сатирикъ, Кантемиръ явился въ Россіи совершенной новостью, и хотя самъ онъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ произведеній указываетъ на подражаніе Горацію, Ювеналу или Буало, однако же это касается главнымъ образомъ формы; содержаніе же сатиръ большею частію вполнѣ оригинально и взято авторомъ изъ живыхъ и горькихъ наблюденій его надъ русской дѣйствительностью. Поэтому, Кантемиръ является истиннымъ родоначальникомъ нашей обличительной литературы, занимающей, какъ извѣстно, въ послѣдующемъ ходѣ русскаго литературнаго развитія весьма видное мѣсто. Хотя Кантемиръ кое-гдѣ и ссылается на Ювенала,

[1]) Соч. I, 308—314.

[2]) Соч. II, 21—96.

[3]) Словарь достопамятныхъ людей, III, 33.

[4]) Введеніе къ изд. Л. Майкова: Матеріалы, стр. XII, прим. 2.

[5]) Новѣйшія предположенія г-жи Т. Глаголевой стремятся ихъ еще болѣе расширить: Изв. II Отд. А. Н. Т. XI (1906), кн. 1, стр. 212—214; кн. 2, стр. 106—142.

какъ свой литературный источникъ, и даже вся VII сатира, о воспитаніи, является подражаніемъ XIV-ой сатирѣ этого писателя, однако обличительное настроеніе Кантемира, какъ автора-моралиста, съ его любовью къ «золотой серединѣ» и крайней осторожностью въ литературныхъ пріемахъ, гораздо ближе къ Горацію, на котораго Кантемиръ всего чаще и самъ ссылается. Какъ писательская индивидуальность, Кантемиръ представляется намъ изящнымъ носителемъ современнаго ему литературнаго образованія, трезвымъ философомъ-моралистомъ, стремящимся къ единенію религіи и науки, кабинетнымъ труженикомъ, но—не поэтомъ: у него отсутствуютъ настоящія поэтическія представленія, нарисованные имъ типы изъ русской дѣйствительности страдаютъ отвлеченностью. Языкъ Кантемира, несмотря на всю тщательность обработки его силлабическаго стиха, является искусственнымъ и тяжеловатымъ, хотя не лишенъ по мѣстамъ живости, яркости и своеобразной силы отдѣльныхъ выраженій. Кантемиръ не имѣлъ сознательнаго стремленія къ реформѣ русскаго языка и литературы, какъ это можно наблюдать у Ломоносова, Сумарокова и даже Тредьяковскаго, и по характеру своей дѣятельности онъ долженъ быть всецѣло отнесенъ еще къ старому періоду нашего литературнаго развитія. Живя и работая въ эпоху перехода къ новому, Кантемиръ, съ другой стороны, носитъ на себѣ и черты этого переходнаго момента: онъ—самый искреннiй и горячій поклонникъ начинаній Петра Великаго, ревностный защитникъ его «наслѣдія»; онъ стоитъ въ томъ же кругу сторонниковъ новаго порядка вещей, какъ Прокоповичъ и Татищевъ, и выгодно отличается отъ нихъ тѣмъ, что является писателемъ въ европейскомъ смыслѣ по преимуществу. Историческое значеніе сатиръ Кантемира заключается не только въ томъ, что онѣ представляютъ намъ черты современной ему русской жизни, но главнымъ образомъ—въ отразившемся въ нихъ настроеніи сатирика, въ его неисчерпаемой любви къ просвѣщенію, вѣрѣ въ его могущество и непоколебимой рѣшимости служить ему на пользу Россіи своимъ писательскимъ дарованіемъ.

УКАЗАТЕЛИ.

1. Личныя имена.

2. Литературныя ссылки.

Содержаніе.

